

Л. Н. ТОЛСТОЙ

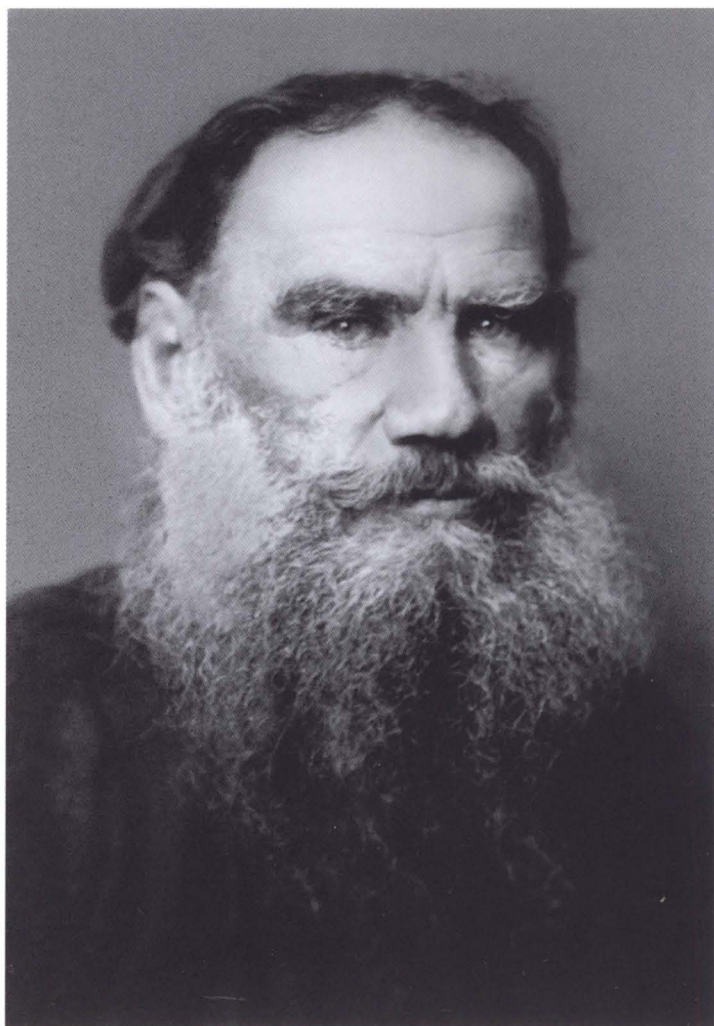

9

9

Лев Толстой

Л.Н. ТОЛСТОЙ
Москва. Фотография М.М. Панова.
1878–1879 гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

им. А. М. ГОРЬКОГО

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В СТА ТОМАХ

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
НАУКА
2014

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Том девятый

1863—1884

МОСКВА
НАУКА
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
Т53

Редакционная коллегия:

Г.Я. ГАЛАГАН, Л.В. ГЛАДКОВА (ответственный секретарь),
А.В. ГУЛИН (главный редактор), А.А. ДОНСКОВ, Ф.Ф. КУЗНЕЦОВ,
П.В. ПАЛИЕВСКИЙ, С.М. ТОЛСТАЯ, В.И. ТОЛСТОЙ,
М.И. ЩЕРБАКОВА (зам. главного редактора)

Тексты и комментарии подготовили:

Н.И. АЗАРОВА, **И.П. ВИДУЭЦКАЯ**,
А.В. ГУЛИН, Г.Н. КОВАЛЕВА, М.А. МОЖАРОВА, И.Б. ПАВЛОВА,
Ю.В. ПРОКОПЧУК, Н.И. РОМАНОВА, И.И. СИЗОВА,
М.И. ЩЕРБАКОВА

Редактор тома
П.В. ПАЛИЕВСКИЙ

Издание выходит с 2000 г.

Подписное

ISBN 978-5-02-011823-0

ISBN 978-5-02-038136-0 (т. 9)

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, составление, подготовка текстов, комментарии, 2014
- © Российская академия наук и издательство «Наука», Полное (академическое) собрание сочинений Л.Н. Толстого в 100 томах, оформление, 2000 (год начала выпуска), 2014
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2014

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1863–1884

ОАЗИС

– Вы ее знали до замужества? – спросила я у дяди, когда измучавшая нас в лучшее время лета своим 10-часовым посещением Анна Васильевна Корчагина с своими молчаливыми дочерьми и несносным крикуном мужем наконец уехала. Я ходила провожать их на крыльцо и, вернувшись на террасу к дяде, заметила, что он, отставив руку с потухнувшей сигарой, особенно задумчиво и нежно смотрел не видя на темную в тени зелень липовой аллеи с ее обсыпанными цветом ветвями.

Любовно-нежное и тихое выражение его глаз теперь и улыбка, морщившая под седыми усами его губы, в то время как он вспоминал с Анной Васильевной какое-то давнишнее его посещение их какой-то казанской деревни, заставляло меня думать, что что-то было особенное между ними. Но так странно было думать, чтобы между дядей, занятым только политикой, картами и службой, и Анной Васильевной, такого дурного и неприятного тона дамой с напмаженным пустым местом пробора волос и занятой только тем, чтобы быть *comme il faut*¹, могла быть когда-нибудь любовь, что я не верила себе.

– А что? – сказал он, когда я спросила его, и опять чуть заметно радостно улыбнулся.

– Ничего, я так.

– Ты думаешь, что она всегда такая была? Она была прелестна, и едва ли я кого-нибудь так не то что сильно, но так хорошо любил, как ее.

– Что вы говорите? Не может быть, – вскрикнула я с таким удивлением, что он почти засмеялся.

– Ты думаешь, что вам одним позволено любить?

– Нет, серьезно?

---

¹ приличный, соответствующий правилам светского поведения (*фр.*).

– Еще как серьезно! В жизни у всех нас, а особенно у меня в моей пустыне Сахаре жизни, были оазисы, и это едва ли не лучший! Наверно лучший.

Тон его победил меня. Я уже не удивлялась, но всей душой почувствовала ему и хотела и не могла понять, как это могло быть.

Он долго посмотрел на меня.

– Дядя, расскажите мне.

– Вот когда ты так смотришь... Ну хорошо, я расскажу. Только постой. Ты видела у брата мой портрет?

10 – Ну да, про который я проиграла...

– Пари, что это не я. Да, но ты помни, что этот сертук был тогда новомодный. Ну да вот дай свой пояс.

– Мне широк, – сказала я, снимая.

Он отмерил три четверти с двумя пальцами, прикинул себе за спину, концы пояса чуть показались по краям его живота.

Ну вот, это была моя талия. И этого ничего не было, – сказал он, своей красивой загорелой рукой поднимая длинные белые бакенбарды.

20 – Ну, одним словом, вы были кто-то такой, но не дядя, а в тысячу раз хуже.

– Пожалуй, что хуже. Но я был такой. Ну вот... Я был еще в университете.

– Нет, да вы хорошенько все, все расскажите, чтоб я поняла. Я не могу представить себе, чтобы вы тоже соблазнились.

– Ну хорошо.

30 Мне было 16 лет. Я только что поступил в университет и после напряженного, столь чуждого 16-ти летнему, здоровому, полному жизни малому труду приготовления к экзамену приехал к дяде в деревню.

Ходя в грохоте мостовой по раскаленным майским солнцем пыльным городским улицам, по бульварам с запыленными липками, я думал о деревне, настоящей деревне, в которой я вырос, и в деревне большим, студентом, с правом, когда хочу, ехать верхом, купаться, идти на охоту, лежать с книжкой в саду и ничего не делать, кроме того, что мне хочется, и это счастье казалось мне столь великим, что я не верил в его возможность и отгонял мысль о нем, чтобы не потерять последней силы работать к экзамену.

40 Но экзамены прошли с своими страшными тогда и тотчас же забытыми перипетиями, с сомнительным баллом из латыни; я надел мундир и снял его и, распростившись с профессором, у которого жил, в первый раз один поехал на почтовых и приехал к дяде

и скоро заметил, что я ожидал слишком многого, что было все то, чего я ожидал, но что в этом положении, в деревне, ожидал еще большего, и еще больше была несоответственность того, что я имел, с тем, чего желал, чем она была, когда я держал экзамены.

Дядя, бывший лейб-гусар, воспитанный у езуитов, утонченный, остроумный старик (как мне тогда казалось, ему было под 50), принял меня ласково и отвел мне комнатку во флигеле. Дядя ценил в людях больше всего внешность, чистоплотность, элегантность одежды, речи и манер. С свойственной молодости способностью подделываться под чужие взгляды я тотчас же усвоил себе то, что ему нравилось, и он был мною вполне доволен. Я сходился с ним и с теткой за обедом и ужином, иногда *сидел* и, чувствуя себя польщенным его вниманием как к большому, слушал его рассказы, слушал его музыку и речи о музыке и сам рассказывал ему. Иногда он заходил ко мне в мой флигель и радовался на чистоту и аккуратность, в которой я держал свое помещение. 10

Меня внешнее устройство моей жизни тоже радовало. Это было в первый раз, что я сам по-своему устроился и один жил. По утрам я пил кофе у себя. Я вставал рано, купался, надевал чистое белье. Человек пока чисто-чисто (я очень взыскателен был тогда на чистоту) убирал мою комнату. Я приходил, аккуратно и изящно расставлял свои вещицы у окна и садился с книгой за кофе. Я читал философские книги. И первые дни это радовало меня; но скоро я отрывался от книги, смотрел в окно на елку и группу берез, между которыми у дяди жил прежде медведь, и красота этих березок, этой елки, травы курчавой, света и тени, мух, собаки, свернувшейся кольцом, так начинали волновать меня, что я признавался себе, что эта аккуратность, чистота, свобода и философия – не то, что что-то другое, такое, которое удовлетворит мои желания, нужно мне. Я представлял себе, как дядя жил в старину, когда был молод, как я буду жить после, и в душе поднималась тревога, и я придумывал, что бы мне делать, чтобы не пропустить время и наслаждаться как должно. 20 30

«Медведь? Охота. Да, надо охотиться». Я заводил дружбу с Семеном садовником, и мы вставали до зари и шли на охоту. Все это было прекрасно: раннее утро, роса, мочившая ноги, глушь леса, жажда к утру и купанье в озере, – но не столько потому, что время было не охотничье и мы ничего не убили, сколько опять потому же, что эти охотничьи прогулки вызывали (во) мне еще более сильные и неудовлетворенные желания. Купер, Патфайндер¹, американские девственные леса, возможная величественная 40

¹ В автографе: Потфейндер.

деятельность в этих лесах представлялись мне. И все то, что было теперь, было не то и только раздражало меня и приводило в уныние. То же было с рыбной ловлей, с верховой ездой, с музыкой, которой я начал опять учиться, с посещениями соседей, к которым меня возил дядя. Я начинал с восторгом и убеждался тотчас же, что это не то, и бросал. Я был свободен, молод, здоров, я был счастлив, должно бы это называться счастьем, но в душе моей жила тоска, поэтическая юная тоска праздности и тщетного ожидания великого счастья, которое не приходило.

10 – Что это Алена Силовна нынче ужасно любезничала, – сказал дядя жене, когда мы возвращались из церкви в Троицын день. – Она назвалась приехать с дочерью.

– Ты видел дочь? – спросил он у меня. – Она из Смольного. Elle est gentille¹. Не правда ли?

Я покраснел, как всегда краснел, когда говорили о женщинах. Я о женщинах знал только, что они опасны, и боялся их.

– Да, кажется, – отвечал я искренно, потому что во время обедни я чувствовал несколько раз, что я задыхаюсь от быстроты биения моего сердца. И всякий раз, оглянувшись, я встречался с
20 взглядом дочери Алены Силовны. Хороша или дурна она была, я не мог знать, потому что лицо ее представлялось мне всякий раз в сиянии недоступного мне блаженства. Я не верил, что она смотрела на меня. Я был, вероятно, на дороге ее взгляда. Я помнил только что(-то) тонкое, воздушное и взгляд нежный и ласкающий полузакрытых глаз. И помню, что было там, около этого взгляда: блеск, волоса и белизна шеи.

– Да, очень, – отвечал я.

– Это, кажется, на твой счет она так любезничала. Faites-lui la
30 cour, mon cher². Вот тебе и занятие.

– Ах, Владимир Иванович, она невеста, – сказала тетка.

– Ну да он не отобьет ее. Да за кого выдают?

– За сына Иван Федоровича.

– Путьца? Ну отбей, я разрешаю.

Тем разговор кончился. Но мне он не понравился. Как мог дядя так смеяться о том, что для меня так важно. Важно для меня было то, я знал, что все мужчины, даже молодые, бывают влюблены и бывают любимы, но про себя я не смел думать, чтобы я когда-нибудь мог быть любимым. Когда я влюбился первый раз в Зину Кобелеву, она только посмеялась надо мной, и потому я уже давно
40 решил, что я никогда не буду влюбляться, чтобы не испытать такого же мученья, и постараюсь жить без этого. Дядя же так легко,

¹ Она мила (фр.).

² Поухаживай за ней, мой милый (фр.).

шутя растревлял мою эту рану. И про кого же он говорил это? Про это небесное видение, бывшее мне в церкви. Разве я смел думать об этом? А он заставляет думать, и мне больно. «Нарочно, если они придут, я уйду с ружьем. И лучше все-таки она догадается, что я ушел от нее нарочно, и, может быть, пожалеет».

Но я не успел исполнить своего намерения, после обеда я пошел ходить с Трезором и лег на траве, завязывая узелки на травах и думая о том, как я так буду играть на фортепиано, что (так как я не буду играть ни для кого) будут тайно подкупать моего лакея, чтобы слушать по ночам мои фантазии. Я слышал даже эти фантазии и отбивал бас левой рукой, как Трезор пришел и лизнул меня в нос. Я взял его за лапы и стал играть его лапами фантазии, как вдруг из-за роши выехала коляска, и, несомненно, она засмеялась и указала на меня. Я приподнялся и поднял шляпу. Они проехали, и она улыбнулась. Я всего прекрасного ожидал от нее, но не этой прелестной, нежной, ласковой, братской и шельмовской улыбки. «Нет, я не пойду на охоту, а если пришлют за мной, надену новый сертук и пойду в дом. Я скажу, что собаки гораздо умнее, чем мы думаем»... Я шел, думал и все улыбался все той же улыбкой, как она улыбнулась. Кучер их стоял и смотрел на меня. Какой милый был кучер! Какая коляска, старая, починенная, но милая, нежная коляска. Какие были лошади с заплетенными гривками. Правая гнедая с согнутыми передними ногами обмахивалась головой от мух. Только у нее могли быть такие лошади. Я никогда не видал больше таких лошадей, лошадей совершенно особенных, новых и таких, которые в своем виде выражали счастье, радость, обещание блаженства. В запахе пота от лошадей было тоже новое и блаженное выражение.

Лакей Павел пришел, улыбаясь, передать слова дяди: «Приказали прийти помогать барышень занимать».

Я понимал, что можно было занимать Алену Силовну и другую, которая сидела наперед. Кажется, это была воспитанница и крестница Алены Силовны, но ее, Пашеньку, ее звали так, никто не мог занимать. Она могла сидеть, вечно улыбаться, и больше ничего не нужно было, и все будут счастливы.

Трудно мне было войти в комнату, где они сидели (в диванной у фортепиано), трудно и совестно, как совестно оборванцу нищему внести свои лохмотья в освещенную ярким светом пышную залу бала. Мне стыдно и больно было выставить свое ничтожество на ярком свете, которым она освещала все вокруг себя. Но я вошел. Все сияло, и стоило мне подойти к ней и пожать ее руку, как робость моя уже прошла. Все сияли: тетка, Алена Силовна, воспитанница и в особенности дядя, любивший хороших, он видимо ухаживал уже за ней.

ЗАРАЖЕННОЕ СЕМЕЙСТВО

Комедия в 5-ти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действующие лица

- Иван Михайлович Прибышев, помещик, 50 лет.
Мария Васильевна, жена его, 48 лет.
Любовь Ивановна, дочь их, барышня, 18 лет.
Катерина Матвеевна Дудкина, племянница их, девица
26-ти лет.
10 Петр Иванович, их сын, гимназист 15-ти лет.
Марья Исаевна, бывшая няня, теперь экономка, друг дома,
из дворовых, 45 лет.
Алексей Павлович Твердынский, молодой человек,
живущий на кондичии у Прибышевых, из духовного звания,
22-х лет.
Анатолий Дмитриевич Венеровский, акцизный чи-
новник, 35 лет.
Приказчик.
Староста.
20 Лакей.
Мужики.

Действие происходит в имение Прибышевых.
Утро. Гостиная деревенского помещичьего дома.
Перед диваном круглый стол. На столе утренний чай и кофе.

Явление I

Няня вяжет чулок, разливает чай стоя; Марья Васильевна сидит у стола, пьет чай.

Няня. Давайте чашку-то, налью. А то что, право, пить не пьете, только балуетесь. *(Берет чашку.)*

Марья Васильевна (*обиженно*). Постой, няня, я не допила еще. И что кричишь, точно с ребенком, право. Вот теперь налей. (*Подает чашку.*)

Няня. Стоишь, стоишь, стоишь, стоишь. Одиннадцатый час небось, а еще половину господ не перепоила. Вы откушаете – тут старый барин, тут студент с Петрушей придут.

Марья Васильевна. Какой студент? Студент говорится.

Няня. Не люблю я его, неаккуратный человек, за то он у меня студент. Пустой человек.

Марья Васильевна. А мне он жалок, няня.

10

Няня. Есть чего жалеть. Сказал ли он доброе слово кому, вот второй месяц в доме – только зубы скалит (*передразнивая*). Всех, кажется, пересмеял. Нечесанный, а туда же липнет. Я уж Дуняшу научила: как он к тебе станет приставать, ты его по лицу, чтоб с сияком к обеду пришел. Пускай спросят – отчего? Да опять – что ж это? Одевать мы его взялись что ли? Все постельное белье наше.

Марья Васильевна. Ах, няня, какая ты! Ты подумай – ведь он один, молодой человек, бедный. Я удивляюсь, право, отчего он худой такой?

Няня. Отъестся небось! Придут теперь с Петрушей, напьются; тут Катерина Матвеевна, золото-то наше, с книжкой придет... Отпоишь, ну, слава Богу. Только снимешь, опять: «кофею!» Завтракать. Тонконогой приедет!

20

Марья Васильевна. Какие ты всё прозванья даешь, няня! Это кто ж тонконогой?

Няня. А Анатолий Дмитрич, жених-то Любочкин...

Марья Васильевна. Как ты глупо говоришь. Отчего ж жених? Так ездит молодой человек в дом.

Няня. Так вы и думаете, что глупее Марьи, няни, нет никого на свете. Кажется, тридцать лет вверху жимши, пора понимать. Что ж он вашего кофею не видал – что из города-то за семнадцать верст каждый Божий день ездит. Нет-с, матушка, Любочкино-то приданое все сосчитал небось, так и ездит.

30

Марья Васильевна. Вот как ты судишь. Первое дело, он не жених, а второе – уж вот кто на деньги не польстится. Анатолий Дмитриевич совсем не такой человек.

Няня. Без денег, матушка, в нынешнем веке никто не возьмет, какая красавица ни будь. Только в женихе корысти немного. Так, какой-то немудрененький, по винной части служит, не Бог знает что. Да и у людей спрашивала, не хвалят. Первое дело – 40 скуп, другое – бахвал.

Марья Васильевна. Это еще какое слово? Как ты сказала?

Няня. Бахвал, матушка. Это по-нашему значит: я, мол, всех прекрасней, всех умней и, окромя меня, все дураки.

Марья Васильевна. Вот и неправда. Он ученый, писатель. Да что ты понимаешь!

Няня. Только Любочку мне жалко, совсем-то ей голову вскружили.

Марья Васильевна. Может быть, он вовсе не за Любочкой, а за Катенькой ухаживает. Вот как ты.

Няня. Как же, дуру нашли, так я и поверила. С Катериной-то Матвевной побаловаться – это так. Еще она как в Петербурге в гувернерках жила, так к нему бегала, а жениться-то небось он знает, за кем деньги дадут, а за кем ничего.

10

Марья Васильевна. Катенька знакома была с ним в Петербурге. Ты во всем дурное видишь.

Няня. Да уж так, матушка, как в гувернерки пойдут, так и догувернеруются. Это верно. Так-то и Катерина Матвевна.

Марья Васильевна (*смеется и махает руками*). Полно, глупости.

Няня. И то мы замечаем, что во всем доме другие порядки пошли.

Марья Васильевна. Что ж, и я другая стала? Вот глупа!

Няня. Вы что, вы так по доброте своей... А вот на барина, так часто дивлюсь... (*Молчит, качает головой и разводит руками.*) Что сделалось? Совсем другой человек. Как вспомнишь прежнее-то: был ли день, чтоб Сашка, камердин, без битья одел. Был ли староста, чтобы в стан не свозили...

20

Марья Васильевна. Ну, уж ты расскажешь... Разве очень хорошо было? Совсем не очень хорошо.

Няня. Да и не хвалю и не корю. Господа были, уж без этого нельзя. А то удивительно – как можно в пятьдесят лет свой характер переменить... Как эта самая царская бумага... ну там, что на первой неделе-то вышла...

30

Марья Васильевна. Ну да, манифест, как ты смешна.

Няня (*озлобленно*). Ну да, та самая, чтоб дворовых за службу под мост со двора согнать, как вам не знать. Ну, да Бог с ними! Что бишь я говорила. С той поры и перемена пошла. Пуще всего как при Анатолии Дмитриевиче, – послушала я наемни – даже мерзко. Уж вы извините меня, матушка, я правду всегда скажу. В пятьдесят лет характер нельзя переменить. А только важности своей потеряли. Ведь только показать себя хочет, а характер все тот же. Наемни – кого ж – Кирюшку Деева, мужика, стал при Анатолии Дмитриевиче ублажать: «вы», говорит – это Кирюшке-то, – «хотите работать, так приходите». Послушала я: что такое? Точно принцу какому-нибудь. Плюнула даже.

40

Явление II

Те же и Катерина Матвеевна.

Няня. Вишь, красавица, как убралась!

Катерина Матвеевна (*стриженная, в очках, в коротком платье, с книжкой журнала под мышкой. Не кланяясь садится за стол, облакачивается, вынимает папироску и начинает читать. С особенной учтивостью к няне*). Позвольте вас попросить чаю, Марья Исаевна.

Няня подает ей чай в стакане.

Няня. Сейчас, сударыня, сейчас-с. (*В сторону.*) Уж вподлин-
10 но всех удивила. Нет и того, чтоб тетке «бонжур» сказать. Всё от ума большого.

Марья Васильевна. А мы с няней говорили об Анатолии Дмитриевиче. Она говорит, он за Любочкой ухаживает, а я говорю – за тобой, Катенька. Comment croyez-vous?¹ Как ты думаешь? Она уж его женихом называет.

Катерина Матвеевна (*поднимает глаза с книги. Строго и жестом дополняя слова*). Венеровский по своему развитию и воззрениям на жизнь стоит до такой степени вразрез с пошлостью нашей жизни, что нам трудно судить о нем.

20 Марья Васильевна. Ты думаешь, он не женится!

Катерина Матвеевна. Позвольте. Этот господин женится только в том случае, ежели найдет женщину, вполне понявшую свое назначение, свободную в жизни и в мысли.

Марья Васильевна. Non, mais dites². Да ты скажи, в ком он ищет, в тебе или в Любочке? Вот я с няней говорила, она такая дура, я так смеялась...

Катерина Матвеевна. Нянюшка Марья Исаевна старше вас и говорит вам «вы», а вы говорите ей «ты» с присовокуплением «дура». Я считаю это оскорблением достоинства и свободы
30 человека и в силу этого убеждения нахожу нужным выразить вам свою мысль. Я знаю, что вы вправе иметь свои убеждения, но меня это коробит и возмущает.

Няня (*насмешливо*). Вот спасибо, что заступились. (*Обращаясь к Марье Васильевне.*) А то ведь вы рады из живого жилы вытянуть. Злодейка известная...

Марья Васильевна. Нет, что, Катенька, je plaisante³, я ее люблю. Нет, ты скажи, как по-твоему – в ком он ищет? А? В тебе или в Любочке? Je voudrais savoir votre opinion⁴.

¹ Как ты думаешь? (*фр.*).

² Нет, однако скажи (*фр.*).

³ я шучу (*фр.*).

⁴ Я хотела бы знать твое мнение (*фр.*).

Катерина Матвеевна. Как вам сказать мое мнение? (*Откидывает волосы и закуривает папироску.*) Во мне он – как вы, так сказать, фигурно выражаетесь – не может *и-и-искать*. Я поставила себя на ту ногу свободной женщины, что я к нему, как и ко всякому существу без различия пола и звания, отношусь просто. Я нахожу его умным и современным человеком, и он, естественно, вставляет в свои отношения ко мне ту долю уважения и сочувствия, которые, так сказать... словом сказать, мы с ним в простых и хороших отношениях взаимного уважения, и он находит отдых со мной после всего ничтожества женской 10 губернской аристократической черни, среди которой он должен возвращаться. Но почему вы думаете, как вы фигурно выражаетесь, что он ищет в Любовь Ивановне, – я не могу себе отдать отчета. Любовь – женщина слишком недоразвитая, даже просто совсем не развитая девочка, с которой такая личность, как Венеровский, не может иметь ничего общего. Я с ним ровня, а Люба – дитя.

Марья Васильевна. Вот видишь, няня, как Катенька судит!

Няня. А что ж, матушка, Катерина Матвеевна, мы глупы, вы растолкуйте, что ж он так все и будет ездить?

Катерина Матвеевна. Отчего ж ему перестать ездить? 20

Няня. А оттого, что за это ихнего брата школят. По-старому так было. Коли в дом едешь, где две барышни невесты, так открой, какую сватаешь, а нет, так на это клупы есть, чтоб ездить. Сколько хочешь и езд.

Катерина Матвеевна. Вы меня не можете понять, Марья Исаевна. Я вам сказала, что он ездит ко мне; мы испытываем друг друга и ежели найдем...

Няня. А по моему глупому суждению, Катерина Матвеевна, матушка, он испытывать ничего не станет. Любовь Ивановна – барышня молоденькая, хорошенькая, да за ней пятьсот душ. А вы 30 всё и постарше, и на тридцать душ он не польстится... Студент – вот это так.

Катерина Матвеевна (*горячо*). Позвольте, позвольте. Студент молод и недоразвит для меня. Позвольте: другая женщина на моем месте могла бы оскорбиться, но я выше этого. Любовь Ивановна ему не по плечу с своими детскими требованиями от жизни; это он сознает и сам мне высказывал неоднократно. Это одно. А другое то, что вы смотрите на дело с ложной точки зрения. Вы меня не поймете, но я все-таки выскажусь и постараюсь говорить проще. Для людей нашего закала средства 40 к жизни допускаются только те, которые приобретены личным и честным трудом; и поверьте, люди нашего времени смотрят на все эти именья как только на ложную связь с устарелыми форма-

ми жизни. Для Венеровского все равно, будет ли у меня миллион или ничего, ежели только взгляды наши на жизнь тождественны. Ежели они тождественны, то мы можем смело вступить в борьбу.

Няня. Да вот не станет за вас, а за Любовь Ивановну посвящается. Вот как пятьсот душ, так ему тождественно очень, а тридцать душ, так не тождественно совсем.

10 Катерина Матвеевна (*озлобленно*). Позвольте, позвольте, очень хорошо. Вы говорите, что у меня тридцать душ. Позвольте вам сказать, что благодаря просвещению ни у кого уже теперь душ нет, а у меня никогда не было. Я отреклась от своих прав в тот же час, как стала совершеннолетняя, и на мне не лежит позорное клеймо крепостного права.

Няня. А все вас не возьмет и Любочку сватать будет, потому...

Марья Васильевна (*испуганно*). Полно, няня, какая ты. Ведь ты хоть кого из себя выведешь.

20 Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, очень хорошо. Вам кажется все это трудным и запутанным, у вас в понятиях суженые и власть Божия, и тому подобное, а жизнь людей, ставших выше общественной паутины предрассудков, — очень проста. Я выскажу ему свои воззрения и потребую той искренности, которая лежит в основании всех побуждений честной личности...

Няня. Эх, Катерина Матвеевна, матушка! У Любовь Ивановны пятьсот душ, да еще и влюбится.

Катерина Матвеевна (*совсем растерянная*). Отчего же он в неразвитую, ничтожную девочку влюбится, а в меня не влюбится?

Няня. Отчего-с? А вот отчего, матушка, — от козла.

30 Катерина Матвеевна (*опоминаясь и откидывая волосы*). Нет, да что я? Любовь, как вы понимаете ее, есть плотское влечение, и вы слишком неразвиты и животны, чтобы понимать меня. Пожалуйста, я вас прошу, оставьте меня. (*Облокачивается и читает.*)

Марья Васильевна. Поди, поди, няня, уж я сама залью чай, коли кто придет.

Няня (*уходя*). Всех осрамила. Все животные. Тридцать лет служу, никто животным не называл...

40 Катерина Матвеевна (*поднимает голову от книги*). Позвольте, любовь есть честное побуждение только тогда, когда обе стороны равноправны, но вы не понимаете этого. (*Молчание. Поднимая голову.*) Марья Васильевна, я не уважаю эту женщину. (*Опять читает.*)

Явление III

Входит Иван Михайлович.

Иван Михайлович. Что это, кого ты не уважаешь?

Марья Васильевна. Няня всё глупости говорит.

Иван Михайлович. О, это яд такой! А баба хорошая. (*Садится к столу.*) Ну, Марья Васильевна, давай чаю. С пяти часов в поле, двух лошадей заездил. Ну, да зато наладил. Вот те и толкуй, что нельзя с вольными работниками. Все можно, как сам везде, да себя не жалеешь. Вчера еще половина поля не пахана, покосы не кошены и нет ни одного работника. Как взялся. Своих уговорил, вольных нанял, работникам ведро обещал. Посмотрел нынче — кипит... Василий приказчиком так хорош, такой-этакой распорядительный, славный, славный. 10

Катерина Матвеевна. Вольный труд не может быть убыточен, это противно всем основным законам политической экономии.

Иван Михайлович. Все это так, да не так. Вот я бы вас с Анатолием-то Дмитриевичем запрёг бы в эту работу. Вы бы не то заговорили. 20

Марья Васильевна. Dites-moi, mon cher Jean¹, как же ты говоришь все, что от вольной лучше стало? Как же лучше, когда они все ушли?

Иван Михайлович. Э! Да это дворовые.

Марья Васильевна. Дворовые, я знаю, это само собой, да и мужики теперь после грамоты уже не работают. Что же тут хорошего, я не пойму.

Иван Михайлович. Сто не сто, а раз пятьдесят я тебе уже толковал, что по уставной грамоте они положенные дни работают, а не все. В этом-то и сила. 30

Марья Васильевна. Как же говорили, что совсем перестали работать? Намедни все говорили, что их послали, а они не пошли. Я этого не пойму, Jean.

Иван Михайлович. Если бы вовсе не работали, так нам бы есть давно нечего было. Меньше работают. Ну, да зато всё в формах законности, а не произвола. Ну, да не поймешь.

Марья Васильевна. Так что же хорошего, что меньше работают. Это не хорошо, значит, сделано. Да ты не сердись, ne vous fâchez pas², уж я не пойму.

¹ Скажи мне, дорогой Жан (*фр.*).

² не сердись (*фр.*).

Иван Михайлович. Что же мне сердиться, ведь это уж, видно, такая моя судьба, что ты ничего не понимаешь. (*Берет чай и задумывается.*) А Люба где?

Марья Васильевна. Она рано за грибами ушла с девочками.

Иван Михайлович. А Анатолий Дмитрич еще не приезжал и не присылал?

Марья Васильевна. Нет еще. Что, Jean, я тебе хотела сказать. Я слышала, что Анатолий Дмитриевич *veut faire la proposition* à Люба¹, хочет Любочке свататься... как это называется.

Иван Михайлович. От кого ты слышала?

Марья Васильевна. *On dit*². Да говорят.

Иван Михайлович. Кто говорит? В четырех стенах сидишь, кто может говорить. Ну что ж, что говорят.

Марья Васильевна. Я знаю, ты меня ни во что считаешь. Только я слышала, что он нехороший человек. Какая же это служба, по винной части. Да и главное – бахвал; я тебя прошу, Jean, ты об этом подумай.

Иван Михайлович. Ведь что в эту голову не втемяшится! И откуда слов таких набралась. Нет, ты уж, матушка, эти глупости оставь. Что за бахвал – и откуда ты это дурацкое слово взяла.

Марья Васильевна. Да так все говорят.

Иван Михайлович. Чего не взбредет в эту башку! Это кто тебе наврал? Эх, матушка, не нам с тобой судить про этого человека. Я не знаю отца, который бы за честь себе не почел родство с таким человеком. Да и терпеть не могу загадывать и сватать. Какой бы он ни был. Власть Божия, а нам толковать нечего. Человек замечательный, писатель. И уж верно не на деньгах женится. Это верно.

Марья Васильевна. Никто не говорил. *J'ai mon opinion*³, у меня свое мнение.

Иван Михайлович. Ну, слушай же: первое дело, Анатолий Дмитриевич человек современный, передовой, огромного ума, образования, писатель, человек, которого вся Россия знает, может быть. Это, матушка, в нынешнее время лучше генеральских чинов. Потом служба у него прекрасная, честная. По новому акцизному управлению две тысячи жалованья. А захоти он только – такому человеку все открыто. Другое дело

¹ хочет сделать предложение Любе (*фр.*).

² Говорят (*фр.*).

³ У меня свое мнение (*фр.*).

то, что в нем и странности, и всё не светский он человек, но уж знаешь, по крайней мере, что бескорыстнейший человек. Этот человек женится, так не на деньгах. С ним всякая девушка будет счастлива, хоть бы у ней ничего не было.

Марья Васильевна. А говорят, что он скуп.

Иван Михайлович. Ну, понесла! Я тебе говорю, бескорыстнейший человек. Уж это доказано.

Марья Васильевна. А говорят, он все и приданое сосчитал.

Иван Михайлович. Катенька, хоть ты бы объяснила ей, что Анатолий Дмитриевич не такой человек.

10

Катерина Матвеевна. Марья Васильевна с Марьей Исаевной имеют свои убеждения. Для меня странно только то, на каком основании можно обвинять в гнуснейших замыслах человека, не давшего на то никакого права. Этот господин всей жизнью своей доказывает, что цель его есть только общее дело. Ежели бы этот господин вздумал соединиться с женщиной, то он первым условием поставил бы независимость как личную, так и имущественную.

Иван Михайлович (*задумывается. Молчание*). Да, хоть и трудно нашему брату, старику, переменить старинные привычки, и увлечения много, легкомыслия в молодежи, а нельзя не отдать справедливости новому поколению. Да.

Катерина Матвеевна (*отрываясь от книги*). Из всего, что вы сказали, в этом одном я разделяю ваше убеждение. Прогресс неудержимо вносит свет в самые закоснелые условия жизни.

Иван Михайлович (*помолчав немного*). Да, вольный труд идет, идет. Трудно с работниками. Ну, да ничего, наладится... Вот дай выкуп сделаю, разделаюсь совсем с мужиками, останутся одни землевладельческие отношения. И право, хорошо, да.

Марья Васильевна. Что же это выкуп лучше будет, Jean? Это бы уж лучше.

30

Иван Михайлович. Лучше не лучше, а надо. Вон Катенька с Анатолием Дмитричем считают меня и консерватором и ретроградом, а я сочувствую всему. Прорвется старое – нельзя, а сочувствую. Вон молодое поколение-то наше растет. И Любочка замуж выйдет за этого ли, за другого, а не за нашего брата, а за нового, современного человека, и Петруша уже растет не в тех понятиях. Что же мне, не врагом же быть своих детей! Где он, Петя-то? С учителем, верно?

Марья Васильевна. На озеро пошли, какие-то тра- вы ловить хотели. Я не поняла. Я уж боюсь, как бы не утонули. *Vraiment, je crains¹.*

40

¹ В самом деле, я боюсь (*фр.*).

Иван Михайлович. Какие травы ловить?

Катерина Матвеевна. Алексей Павлыч говорил, что они хотели делать исследования над организациями волокон водорослей.

Иван Михайлович. Ну вот, век-то! Разве я мальчишкой имел понятие об этом, а нынче вон мальчишка, а уж естественные науки... и всё. Нет, этот студент удался славный. Спасибо Анатолию Дмитричу, рекомендовал. Славный студент, этакой спок... мил... славный, славный. Эй, Сашка! трубку!

10 (К Катерине Матвеевне.) По привычке (1 нрзб) Ну, Александр Василич.

Входит С а ш к а с трубкой.

Марья Васильевна (вдруг сердится). Да тебе все хорошие, только жена нехороша. А что ж белья у него ничего нет? Няня все постельное белье приезжее отдала, а придет кто, и нечего постелить. Что ж это в одном сертучке – ничего нет. Я своих простынь не отдам. Вот ты как судишь.

Иван Михайлович. Ну, понесла. Полно, пожалуйста, скажи няне, она устроит, я человеку рад, что дельный малый.

20 Марья Васильевна. Что ж дельный, я-то в чем виновата, приехал без ничего и всего требует. Выдумал теперь молоко пить, и Дуняша жаловалась. Ты должен смотреть. Что ж он за учитель, коли у него белья нет.

Иван Михайлович. Ну, зарядила... Должна Бога благодарить, что он послал нам такого человека, а ежели нет у него белья и он беден, так ему надо дать.

30 Марья Васильевна. Вот ты меня никогда не понимаешь, а все напротив. Я говорю, что ты все непорядок делаешь, а мне его жалко больше тебя; как он первый раз за столом есть стал, так мне его жалко стало. Я ему и рубашек ночных послала, и карпеток связать велела. Я хоть и глупа, а все понимаю, что если он нашего сына учитель, так он в доме первый человек. Я ему ничего не жалею. Я говорю только, ты устрой все порядком. Вот сколько раз я просила столяра у стола ножку починить...

Иван Михайлович. Ну, полно, матушка, перестань ты, ради самого Христа!

Явление IV

Те же и студент.

40 Студент (входя, коротко кланяется). Позвольте-ка чаю. (Садится подле Катерины Матвеевны.)

Марья Васильевна. Чего вам, Алексей Павлович? чаю или кофею, с белым хлебом и с маслом, чего хотите. *(Придвигает все к нему.)*

Студент. Все равно. Ну, хоть чаю давайте.

Иван Михайлович. А Петруша где?

Студент. Шествует. Он брюки меняет, измок.

Иван Михайлович. Что ж это вы делали?

Студент. Хотели заняться ботаникой, да *(не)* вытанцовалось. А рыболовство учиняли.

Иван Михайлович. А Катенька говорила, что вы хотели что-то исследовать из естественных наук...

Студент. Хотели, да не вытанцовалось, микроскопа не имелось.

Марья Васильевна. С белым хлебом хотите, кушайте.

Студент *(к Катерине Матвеевне)*. Вы какое такое душеуладительное чтение производите? *(Берет у нее книгу.)* А, физиологию – статья добрая, только слишком конспектная. Вот Льюса поизучайте. Да еще превращение ячейки – забыл чье, невредная статейка.

Марья Васильевна. Что это ячейки, так и называется? Вы лейте больше сливок, еще принесут. Катенька, ты тоже знаешь ячейки?

Катерина Матвеевна. Все органическое существует только в силу развития ячеек.

Студент *(к Катерине Матвеевне)*. Что вы вотще учиняете толкования, ведь для этого надо хотя элементарные познания иметь.

Иван Михайлович. Я читал про ячейки. Только скажите, Алексей Павлович, вот в хлебе можно видеть их?

Студент. Коли бы не видели, и не говорили бы и не изучали бы. В микроскоп видно.

Иван Михайлович. А дорого стоит микроскоп?

Студент. Дрянный дешево приобрести можно. У Анатолия Дмитриевича есть, стоит триста шестьдесят франков, а в университете пятнадцать тысяч.

Иван Михайлович. Да, купить надо. *(Садится с женой с одной стороны, а студент с Катериной Матвеевной с другой стороны. Иван Михайлович молча курит.)*

Катерина Матвеевна. Немного вы опоздали, здесь была опять возмутительная сцена, истинно плантаторская.

Студент. Что ж, надо им потешаться над себе подобными. Больше ведь ничего не умеют. А мне, доложу вам, наскучило здесь, хочу уехать, на кандидата держать.

Катерина Матвеевна. А мое воззрение другое, я нахожу, что чем грубее та среда, в которой приводится работать, тем

больше нужно энергии. Потому что в силу чего могут измениться эти уродливые отношения, как не в силу тех идей и заложений, которые мы внесем в них. Я сознаю свое влияние над этими людьми и посилено употребляю его. И вы призваны облагородить еще свежую личность Петра. Он с своей стороны тоже вносит идеи в эту мертвящую среду. Вот Анатолий Дмитриевич так же судит.

10 Студент. Ну их к Богу! В грязи сам замаешься. Зуботыковы пускай сами по себе услаждаются, и мы сами по себе. На каждом шагу ведь не станешь протестовать, а только чувствуешь, что слабеет негодование. Мужики вон пашут с четырех часов, а тут до двенадцати чай пьют. Ведь как же с этим помириться?

Катерина Матвеевна. Конечно, но всё надо делать уступки. Посмотрите на Венеровского, как он, вращаясь в самом отсталом кругу по своей службе, в сущности ничего не уступает и всё проводит идеи.

Студент. Что Венеровский? Я не могу уважать человека, который служит. Акцизные либералишки!

20 Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте. В этом мы с вами никогда не дотолкуемся до единства мысли. Венеровский – замечательная личность. Посмотрите, вся его деятельность – школы, публичные лекции.

Студент. Что ж, я могу и наложить печать молчанья на уста.

Катерина Матвеевна. А мне смешно вспомнить, как нынче с старухами мы говорили о нем. Как эти люди-то понимают людей нашего закала! Можете вообразить, что в их понятии он ездит сюда только для того, чтоб жениться на Любови Ивановне или на ее приданом, как они это объясняют.

30 Студент. А что ж, от сего достопочтенного синьора всякая мерзость произойти может.

Катерина Матвеевна. Твердынский, не говорите так, иначе мы разойдемся... Венеровскому жениться! и на ком же!

Студент. Что ж, я вам выскажусь. Любовь Ивановна девица невредная. В ней есть задаточки. И попадись она человеку свежему, чистому и с энергией, из ее натурки вышла бы почтенная особа. Только ей нужен молодой, честный руководитель.

Катерина Матвеевна. Только как недоразвита!

Студент. Ну да что ж, доразвилась бы.

40 Катерина Матвеевна (*подумавши*). Да, пожалуй, я схожусь в этом воззрении с вами. Вы именно тот господин, который бы мог успешно воздействовать *(на)* ее личность.

Студент. Не будь она в этой подлой среде, из нее бы можно сделать почтенную девицу.

Явление V

Входит Петруша, мальчик лет 15, в гимназическом вицмундире.

Марья Васильевна. Ну, вот и Петенька. Чего хочешь, чаю, кофею?

Петруша. Здравствуй, мать. Не хочу. Я уж молоко пил. Мать, вели дать завтракать. Здравствуй, отец.

Иван Михайлович. Что ты это все ломаешься, будь, пожалуйста, попроще...

Петруша. Напрасно ты думаешь, что я ломаюсь. Здравствуй, отец, я говорю.

Иван Михайлович. Что ты, с ума сошел? Что новое выдумываешь. Как здорововался, так и здорововайся, разве ты думаешь, в этом образованье? Поди поцелуй руку у матери.

Петруша. С какую целью?

Иван Михайлович (*строго*). Я тебе говорю.

Петруша. На какой конец? Разве что-нибудь произойдет оттого, что я буду прикладывать оконечности моих губ к внешней части кисти матери?

Иван Михайлович. Я тебе говорю: будет, целуй руку.

Петруша. Это противно моим убеждениям.

Иван Михайлович. Что?!

Петруша. Мы говорили об этом с Алексеем Павловичем, и мне очень стало ясно, что это только глупый предрассудок.

Иван Михайлович. Смотри, брат!

Петруша. Да это ничего, отец, я ведь от этого не изменю свой взгляд на тебя и на мать. Буду или не буду я целовать ваши руки, я буду иметь к вам обоим настолько-то уважения, насколько вы его заслуживаете.

Иван Михайлович. Послушай наконец. Все это хорошо, и новые убеждения, и все. Да надобно честь знать, и первое правило спокон века было уважать старших. Поди поцелуй руку. (*Привстает.*) Ну!

Студент. Тут, кажется, учинится скандал почтенный!

Петруша (*робея*). Разумеется, принудить вы можете. Но свободные отношения человека...

Иван Михайлович. Ну! Ну!

Петруша (*целует руку. Тихо*). Достоинство человека...

Марья Васильевна. А ты, Петя, слушайся. Что ж тебе яичницу или ливерок сделать? Я велю. Няня, Пете завтракать.

Иван Михайлович. Алексей Павлович, гм... гм... хоть и... вы меня извините, но... позвольте вам сказать, что я просил вас заниматься с моим сыном науками, а никак не учить его обращению с родителями. У нас есть свои – может быть, странные,

несовременные привычки. Но я бы вас просил не вмешиваться в это.

Студент. Гм... хе, хе. Ну-с...

Иван Михайлович. Ну-с, и больше ничего. Что ячееккам – учите, а в обращение сына с нами прошу не вмешиваться и не внушать.

Студент. Мне довольно странно слышать замечания. Что вы хотите сказать?

10 Иван Михайлович. А то хочу сказать, чтоб сын не говорил мне этот вздор, вот и все.

Студент. Что же, можно его посечь-с.

Иван Михайлович. Послушайте, не выводите меня из себя.

Студент (*робея*). Я очень понимаю... но поверьте, что я не поставлю себя... однако вы желали, чтоб я развивал вашего сына. Я, я... очень... Не могу же я скрывать от него своих воззрений.

Катерина Матвеевна. Довольно странно Алексею Павловичу умалчивать или игнорировать, так сказать, выводы науки.

Петруша. Я могу иметь сам свои убеждения.

20 Студент. Тем более, что жизнь имеет свои права, и предрас-судки не выдерживают критики разума и науки.

Катерина Матвеевна. Особенно при том громадном шаге, который сделали естественные науки, отсталые воззрения не могут иметь места.

Иван Михайлович. Ну хорошо, хорошо, не будем говорить. Я прошу сына делать как я хочу, вот и все. (*Помолчав немно-го, к студенту.*) Я вас не оскорбил? Алексей Павлович?

30 Студент. Я слишком ценю свое достоинство, чтоб считать себя оскорбленным. Нам пора заниматься. Прибышев младший, шествуемте.

Петруша. Нет, я есть хочу.

Входит Сашка с блюдом.

Студент. Ну, посидим, и попитаться можно. (*Придвигается к завтраку.*)

Явление VI

Иван Михайлович, Марья Васильевна, Катерина Матвеевна. (*Петруша, студент.*) Любочка в подобранном платье, в соломенной шляпке, с корзиной грибов вбегает, и за нею две девочки.

Любочка. Мамаша, душенька, ведь я не одна пришла!

40 Марья Васильевна. Кто же с тобою?

Иван Михайлович. С кем же?

Любочка. А вот угадайте! С Анатолием Дмитриевичем. Я иду с девочками, и он едет, и пошел со мной. Какие мы два белых гриба нашли – знаете, под дворовыми, в канавке. Чудо, какие прелести! А Анатолий Дмитриевич ничего не видит, только один мухомор нашел. Посмотрите, какие душики! Катенька, посмотри. Машка, у тебя, дай сюда. *(Берет корзинку у девочки и достает грибы.)* А березовиков-то, Сашка, посмотри сколько. А ты говорил – нет в березовой аллее. Папаша, видел?

Иван Михайлович. Да где же Анатолий Дмитриевич? 10

Любочка. Он отчищается, упал на коленки, запачкался. У него белые. Папаша, какие у нас с ним разговоры были, ужас! Ну да после я тебе одному скажу.

Иван Михайлович. Что ж такое? Что?

Любочка. Очень важное, да теперь никак нельзя сказать – до меня касается...

Иван Михайлович. Однако ты не совсем хорошо делаешь, что этак ходишь по лесам одна с молодым человеком... положим... но все-таки.

Любочка. Вот отсталое воззрение! Катенька, правда? 20

Иван Михайлович. Ну и ты туда ж! Ну-ка, поди сюда, расскажи. Какие такие важные разговоры были?

Любочка. Теперь никак нельзя. Погоди, узнаешь. Нет, ты посмотри, мамаша, что за душики. *(Подпирается и петушится, представляя гриб.)* Точно наш учитель, помнишь, Карл Карлыч, маленький, толстенький. Ах, как мне нынче весело! Сашка, завтра пойдем с тобой ра-а-ано.

Марья Васильевна. Что ж, хочешь чаю, кофею с белым хлебом?

Любочка. Ну, ты удивисься, папа, об чем мы говорили. 30 И ты тоже, Катенька, и ты... и вы удивитесь, Алексей Павлович. Петруша, дай мне, что ты ешь? *(Выдергивает у него вилку и кладет кусок в рот.)*

Петруша усердно ест.

Катерина Матвеевна *(к студенту)*. И это ровня Анатолию Дмитриевичу? Что за неразвитость.

Студент. А все по наружности и физиогномии девица почтенная и не зловредная.

Любочка. Мамаша, можно им дать по куску? *(Указывает на девочек и дает им по куску белого хлеба и сахара.)* А завтра приходите 40 опять ра-а-но.

Марья Васильевна *(подает ей чай)*. На, кушай, со сливками.

Любочка. Мне и есть не хочется, я у Машки взяла корочку-загибочку, такая вкусная, чудо! (*Садится за стол и тотчас же встает.*) Я и забыла тебя поцеловать, папа. (*Целует.*) Гриб ты мой белый! О чем вы спорили, как я вошла?

Иван Михайлович. А вот брат твой выдумал, что целовать отца не надо, надо сказать: здравствуй, отец! здравствуй, мать!

Петруша (*пережевывая*). Я не выдумал, а пришел к этому убеждению.

10 Любочка. Ха, ха, ха. Вот глупости! Они всё по-новому выдумывают.

Иван Михайлович. А ты по-новому с молодыми людьми гулять одной.

Любочка. Цыц! На меня не нападать. Я нарочно пойду с молодым человеком. Алексей Павлович, пойдете-ка за грибами завтра.

Студент. Что же, это учинить можно.

Любочка. Да нет, мне нельзя будет.

Марья Васильевна (*к студенту*). Вы яичницы не хотите ли?

20 Студент. Нет, не хочу, сыт-с. Ну-с, Прибышев младший, упитались? Шествуйте.

Студент и Петруша уходят.

Явление VII

Те же и приказчик.

Иван Михайлович. Гм... Еще что?

Приказчик. На Каменном не косят.

Иван Михайлович. Как так? А вольные?

30 Приказчик. Наши мужики согнали; у них там драка вышла. Маторина всего в кровь избил. Он пришел, в конторе дожидается.

Любочка. Я и забыла сказать. Страшный такой, точно разбойник. Мамаша, я так испугалась.

Иван Михайлович. За что драка?

40 Приказчик. Вышли косцы, только стали, прибежал Дёмкин с сволами, они тут пахали. Как вы, говорит, смеете в нашего барина угодьях косить. Он нас нанял, говорят. То-то, говорит, вы больно ловки, нам цены сбивать. Вишь, выискались по одному рублю серебром за десятину косить, он бы нам два дал, как нужда бы пришла, а то бы так лошадьми стравили. И начал лущить. Тут с поля мужики прибежали. Избили в кровь.

Любочка. Вся голова вот так – по сих пор в крови. Такой ужасный!

Иван Михайлович. Что ж вы смотрели? Ведь это ваше дело. Что ж староста?

Приказчик. К старшине уехал.

Иван Михайлович. Хорошо, очень хорошо.

Приказчик. Да что, Иван Михайлович, с этим народцем служить никак невозможно-с. Нынче опять ночью две веревки украли. Шинные колеса было утащили, спасибо, углядел. Сколько раз приказывал запирать – не слушают. А ведь за все я отвечать-то должен. Я, кажется, старался, своей, кажись, крови не жалел. Уж сделайте такую милость – меня увольте. 10

Иван Михайлович. Что ж ты, братец, однако.

Приказчик. Нет, уж сделайте такую милость, я не могу.

Иван Михайлович. Что вы, шутите, верно? Как же это возможно, в самую рабочую пору?

Приказчик. Воля ваша-с, Иван Михайлович, а я вам не слуга. Старался я, сколько мог. Только грех один с этим народцем. Увольте.

Иван Михайлович. Вот и хозяйничай! *(Ходит в волнении. Останавливается перед приказчиком.)* Свинья ты! Как же вы полагаете, что можно напутать, нагадить да в самую рабочую пору уйти. 20

Приказчик. Что ж делать.

Иван Михайлович. Вон! Только рук марать не хочется. Нет, это разбой. Это черт знает что такое! *(Ходит.)*

Марья Васильевна. Ведь я говорила, что они теперь все уйдут.

Любочка. А ты бы, папаша, вольным трудом. Анатолий Дмитриевич говорит, что это лучше.

Иван Михайлович. Ну вас к Богу! Мелют, не знают что. Завязать глаза да бежать. Все раскрыто, развалено, тащат, крадут, никто ничего не работает. Мальчишки старших учат. Все перебежались. Вот те и прогресс! 30

Катерина Матвеевна. Тут есть, по-моему, причины, глубже коренящиеся в отношении строя народной жизни.

Иван Михайлович. Отстаньте вы, ради Христа! *«(К приказчику.)»* Что ж, вы останетесь? Я вас прошу остаться. Пойми, что я не могу приискать теперь вдруг другого.

Приказчик. Никак не могу-с, у меня и место есть.

Иван Михайлович *(сердится)*. Хорошо, так ты думаешь, что ты так сам со мной разделаешься? Разбойник! Хорошо. А в стан! 40

Приказчик. Не смеете-с, нынче уж это прошло время.

Иван Михайлович. А, не смею? *(Схватывает его за шиворот.)*

Марья Васильевна (*вскакивает*). Жан! Иван Михайлович, что ты! Меня пожалей!

Иван Михайлович. Нет, я с тобой разделаюсь по-своему. Пойдем, каналья! (*Ведет к двери.*)

Явление VIII

Входит Венеровский.

Венеровский. Вот и я явился к вам.

Иван Михайлович. Что делать?

Венеровский. А у вас что? Житейское? Что ж, хорошее
10 дело. Хе, хе, хе.

Иван Михайлович. Нет никаких средств, вот человек, облагодетельствованный мною, отпущен на волю до манифеста, землю подарил. Управлял именем и теперь вдруг, без всякой причины...

Венеровский. Не хочет продолжать служения, хе, хе. Что ж, дело известное. Хотелось бы его побить, помучать, пожечь на тихом огне, да нельзя, что ж делать. Это дурная сторона вольного труда.

Иван Михайлович. Ну, да черт с ним совсем! *((К приказчику.))* Ступайте, сдайте старосте. Я сам приду.

20 *(Приказчик уходит.)*

Венеровский. Ей Богу, вот на вас любуешься, Иван Михайлович. Как вы себя ломаете. Это сила! Да, сила. А еще называют вас ретроградом, хе, хе.

Марья Васильевна. Чаю или кофею хотите со сливками? вот белый хлеб, масло.

Венеровский. Мерси. Ну, а вообще, как вольный труд? Я подъезжал, видел, кипит работа, хе, хе. Идет?

Иван Михайлович. Ах, не спрашивайте! Идет, да вот такие неприятности. Вы как?

30 Венеровский. Да мы что — ничего, работаем понемножку. Все эта грязь губернская давит, душит. Кое-как боремся.

Иван Михайлович. Ну да, да.

Венеровский. Всё подвигаемся, всё понемногу; вот вчера школу открыли для детей золотых дел мастеровых. Выхлопотали помещенье, всё; кое-как собрали деньжонок по купцам на книги. Идет ничего. Вы приезжайте как-нибудь с Любовью Ивановной посмотреть. Интересно.

Иван Михайлович. Вот ваша деятельность благодарная. Ну, а что, когда ваша другая лекция?

40 Венеровский. Да все некогда, все служба. Мошенничают очень заводчики. Третьего дня одного поймал. В три тысячи взят-

ку предлагал, хе, хе. Смешные люди, даже и оскорбляться нельзя. Ведь что ж делать. Все равно как по-китайски говорят, хе, хе. Вы приезжайте на днях с Любовью Ивановной школу посмотреть. Да, знаете, работаешь, работаешь, оглянешься – все-таки чувствуешь, что хоть сколько-нибудь облагораживается этот губернский круг. Хоть ненавидят, хе, хе, да мне что. Я люблю, как ненавидят. Признак силы, хе, хе, а я так не ненавижу, а презираю.

Иван Михайлович. Да что это в клубе у вас что-то было?

Венеровский. Да там мошенника одного поймали – старшина было хотел стащить деньжонки клубные, но поймали, уличили. Да ведь всё больше плуты, хе, хе. Ну вот и радуешься, как замечаешь, что хоть немного начинают сквозь эти крепкие лбы проходить идеи прогресса, сознание чести и человеческое чувство, хотя немножко. Да, как хотите, а и одна честная личность и то как много может сделать. Вот на себя посмотрю, что ж мне скромничать, хе, хе.

Иван Михайлович. Ведь как же и винить, какое было воспитанье.

Венеровский. А у меня к вам свое личное дельце есть. 20
(Отводит в сторону.) Ведь сколько об общественном деле ни думай, иногда приходится и об себе подумать, все-таки эгоистическое чувство еще(?) остается во всяком человеке. Редко это со мной бывает, а вот теперь вышел такой казус... Как сказать, и не знаю. Так отвык, право, заботиться о своих интересах. (Усмехается.) Смешно, право...

Иван Михайлович. Да что ж это, уж не денег ли вам нужно? Я всегда готов. По средствам моим...

Венеровский. Нет. Ведь я знаю, вы меня не любите, да что делать. Ведь в нас сила, с нами надо посчитаться. 30

Иван Михайлович. Да что ж наконец, я, кажется, догадываюсь... но это такое дело, в котором...

Венеровский. Ну, а догадываетесь, так дочь дайте мне свою, вот что. Только как можно, пожалуйста, попроще.

Иван Михайлович (торжественно). Предложение ваше, Анатолий Дмитриевич, мне приятно. Я был об вас всегда самого лучшего мнения. И теперешний поступок ваш подтверждает все хорошее. Вы поступили, как истинно честный человек. Вы ездили в дом не без цели, не компрометировали девушку; и потом вы, как истинно благородный человек, не позволили себе смущать де- 40
вушку, а обратились прежде к отцу. Это высокоблагородная черта.

Венеровский. Ну, по нашим убеждениям это иначе немножко, хе, хе. Я уж говорил с Любовью Ивановной. Она, хе, хе, хочет.

Иван Михайлович. Да... вы знаете... ну да, я согласен...

Венеровский. Согласие Марьи Васильевны, я полагаю... хе, хе, ну да. Одно только. Вы знаете, я чудак по-вашему, хе, хе. Мне бы неприятны были все эти поздравленья, сплетни. Как бы поменьше людей видеть, которых я презираю; поэтому оставьте все это втайне до времени, все эти церемонии ведь глупы.

Иван Михайлович. Хоро... хорошо, я понимаю. Теперь, будущий мой зятюшка...

Венеровский. Иван Михайлович, я все Анатолий Дмитриевич, а вы – Иван Михайлович, а то что за зять и тесть. Это ни к чему не ведет и мне неприятно, и, главное, глупо. 10

Иван Михайлович. Оно так, да... Ну, теперь еще я считаю нужным объяснить вам о состоянии Любочки. Мы небогаты, но...

Венеровский. Вот уж удружили... Что мне в состоянии? Ее состояние – ее состояние; есть у нее, тем лучше. Кажется, кто хоть немножко понимает людей, может видеть мою деятельность и по ней судить обо мне. Я вам скажу, что мне нужно. Моя цель одна. Девушка эта – хорошая натура, в ней есть задатки хорошие. Я не влюблен в нее. Я этих глупостей не знаю. В ней есть задатки, но она не развита, очень неразвита. Я желаю одного – поднять ее уровень до нашего, и тогда я скажу: я еще сделал дело. И желал бы, чтобы никто мне в этом не мешал. Это я вперед вам говорю. Вам может это казаться странным, но мы люди новые, и что вам странно и трудно, нам просто. Так не говорить никому до первого августа, и дело обделается прекрасно. (Жмет руку.) 20

Иван Михайлович крепко и долго жмет руку.

Иван Михайлович. Я все понимаю, все понимаю. Позвольте вас обнять. 30

Венеровский. Нет уж, пожалуйста, оставьте. Мне будет неприятно. Прощайте.

Венеровский уходит.

Иван Михайлович. Благороднейший человек, это так. Вот он, новый-то век! Но все-таки странно как-то, пока не привык. Но слава Богу, слава Богу!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 1

Действующие в 1-й сцене

Иван Михайлович Прибышев.

Катерина Матвеевна Дудкина.

Анатолий Дмитриевич Венеровский.

(Сергей Петрович) Беклешов, товарищ Венеровского по университету.

Лакей.

10

Явление I

Театр представляет холостую, беспорядочную комнату на квартире Венеровского.

Венеровский (*один, с своим портретом в руках*). Жениться! Страшно, глупо связать себя навеки с неразвитой и развращенной по среде женщиной. Страшно утратить собственную чистоту и силу в постоянных столкновениях с ничтожеством и грязью, а приятно. Многое приятно. Обеспеченность жизни, потом сама как женщина... не вредна. Службу можно бросить. Литературный труд. Да главное – очень приятна. Великолепно это все. Великолепная женщина!.. И, однако, она поцеловала меня не без удовольствия. Даже с увлечением огромным. И я испытал такое ощущение, как будто я не ожидал. Да я и не ожидал. Отчего ж не ожидал? Странно, в каком заблуждении я был насчет себя. До какой степени, однако, я не понимал самого себя. (*Смотрит в зеркало.*) Да, хорошее лицо, замечательная наружность. Очень, очень даже хорошее. Да, то, что называют приятный мужчина; очень привлекательный и замечательной наружности человек. Как сам-то не знаешь себя. И смешно вспомнить, с каким страхом я приступал к ней. Было чего бояться, хе, хе. Я думал прежде, что наружность моя не очень привлекательна, и старался утешить себя. Ну, думаю себе, я не так привлекателен, как другие, но зато умен, потому что кого ж я знаю умнее себя? Кто ж так тонко, легко и глубоко понимает вещи? Ну, думаю себе, я не хорош, не могу равняться с этими красавцами, вот что по улицам на рысаках скачут, но зато, думаю себе, ум огромный, сила характера, чистота либерального характера, честность... Все это за глаза вознаграждает. Это все я утешал себя. Думаю себе: я не умею обходиться в гостиных, не умею болтать по-французски, как другие, и завидно мне бывало салонным господам. Ну, да думаю, зато я образован, как никто... да я

и не знаю никого с этим всесторонним и глубоким образованием. Есть ли наука, в которой я не чувствовал бы в себе силы сделать открытия, – филология, история, а естественные науки? Все мне знакомо. А дарованья... И думаю себе: вот разделяет судьба – одним, как мне, ум, талант, образование, силу; другим – пошлые дары: красоту, ловкость, любезность. И вдруг что же оказывается? Оказывается, природа не разделила, а совокупила всё, да всё в одном человеке. И все оттого, что в Петербурге я и не имел случая испытать свою силу над женщинами... этого разбора. А вот оно здесь. В самом лучшем дворянском кругу, и в самом пошлом, где видят только внешность. Потому что не могла же Люба понять сущность моих достоинств. В этом кругу две женщины в меня влюбля-ют-ся. Да, влюбляются. (*Самодовольно.*) Да, должно быть, я очень нехорош и неловок. Как не знаешь-то себя. Смешно вспомнить. (*Смотрится в зеркало.*) Да, очень хорошо... А в соединении с этой нравственной высотой, которая все-таки ими чувствуется, как они ни низко стоят, оказывается, что таких людей мало. Может быть, и нет совсем. (*Хмурится. Смотрит в зеркало.*) Какое глубокое, спокойное, пронизательное выражение. Да, трудно устоять. Я понимаю это. Что значит, однако, сильная натура. Всегда ценишь себя ниже стоимости, не так, как всякая дрянь, воображающая себя Бог знает чем. А выходит, что нет человека более счастливо одаренного и вместе с тем менее ценящего свои достоинства. Да... Это ясно. 10 20

Явление II

Венеровский; входит Беклешов, товарищ Венеровского по университету, чиновник по мировым учреждениям.

Беклешов. Ну, брат, нынче охота отличная была. Ха, ха. Я только из присутствия.

Венеровский. Это похвально, что ты в трудах жизни обретаешься. Что ж Бог дал? 30

Беклешов. Затравили, брат, помещиков пару, одну помещицу, да чиновника-взяточника притянули. Всё в одно заседание. Была игра, могу сказать.

Венеровский. Это хорошо. И им полезно, и мне приятно слышать, и ты удовольствие испытываешь.

Беклешов. Несказанное, братец, удовольствие. Как же, вся жизнь на том стоит. Моя страсть и специальность. Ваша братья, идеалисты, только умозаключает, а мы, практики, действуем. Ведь отчего я принимаю участие в твоей женитьбе? Вовсе не по- 40

тому, что я тебе товарищ и приятель и что я вижу тут вопрос о твоём счастье. Вовсе нет. Я вижу только в этом млекопитающего Прибышева, который тебя намерен надуть и которого надо затравить, и я затравлю. Ну что, как дела? Едем нынче к Прибышевым? Ведь нынче формальное объявление. Я готов и во всеоружии.

Венеровский. Да что, хорошего мало. Хе, хе, хе. Нынче обручение. Штука весьма глупая, и необходимо обойти ее сколь возможно.

10 Беклешов. Это все ничего. Денежные-то отношения как? Было объяснение?

Венеровский. Вот практический-то склад сказывается.

Беклешов. А то как же? Это главное обстоятельство.

Венеровский. Я почтенному родителю изъяснил в первый же день, что ее состояние – ее состояние и чтоб он мне этого вздора не пел, да. Хе, хе, и родитель значительно был порадован таким моим воззрением – ну да...

Беклешов. Ох, идеалисты! Да ведь ты сам дал ему оружие. Он по свойствам своей телячьей натуры возмечтает, что твоей
20 ничего не надо давать, а взять на себя содержание женщины, не получив новых средств, безумно. Кажется, нечего доказывать.

Венеровский. Это так. Но я все-таки приму меры, чтоб не быть в дураках. Цель моя одна – вырвать эту девушку, хорошую девушку, из одуряющих и безнравственных условий, в которых она жила. И потому очевидно, что эта личность не должна ничего потерять вследствие того, что она избрала меня, не должна быть лишена тех простых, наконец, удобств жизни. Я приму меры для ограждения ее интересов.

Беклешов. Только не попадись. Ваша братья, идеалисты,
30 на это молодцы. Делают планы, а практично не обсудят. Ну, какие же ты меры примешь?

Венеровский. Вот видишь ли. В последнее наше свиданье Прибышев опять начал разговор о деньгах при ней; я сказал, что об этом предмете я нахожу удобнее переговорить с глаза на глаз, чем парадировать перед публикой.

Беклешов. Да в том, брат, и штука, что ты будешь деликатничать, а они тебя надуют.

Венеровский. Вот видишь ли, я назначил нынешний день для этих переговоров. Я намерен сказать, что желаю, чтобы от
40 ношения эти уяснились. За это я поручусь.

Беклешов. Он тебя надует, это я тебе говорю. *(Задумывается.)* Помни одно. Для них, для этого народа, обряд важнее всего. На этом-то их надо ловить. Помни одно: не иди в церковь до тех

пор, пока не получишь в руки формальные акты, утверждающие за ней известное имущество.

Венеровский. Ты так ставишь вопрос, как будто для меня все дело в ее состоянии. Мне неприятно это даже. Ты уж слишком практичен.

Беклешов. Ну, я ведь говорю – идеалист. Да ты забываешь, с кем имеешь дело. Ведь это подлец на подлеце. Грабили пятьсот лет крепостных, пили кровь народа, а ты с ними хочешь идеальничать. Ты имеешь цель честную – спасти ее – ну да. Ну, что ж тебе в средствах. Ведь это мальчишество, студентство!

10

Венеровский. Мне, брат, дело нужно прежде всего.

Беклешов. Хорошо, хорошо. Идеалист! Я говорю, коли я не возьму тебя в руки, ты попадешься как кур во щи. Ну, да с этой точки зрения мы затравим.¹ [Ну, расскажи. Сама особа какова?]

Венеровский. Как тебе сказать, девочка по наружности весьма приятная, добрая, ласковая и натура еще не вполне испорченная. Задатки есть очень хорошего. В эти последние две недели я много давал ей читать, много говорил с ней. Она начинает понимать вещи в настоящем виде. Например, чувствует уже всю гнусность среды, желает из нее вырваться и понимает ничтожество своих почтенных родственников. Натура весьма честная и хорошая. И, раз вырвав ее из этого подлого гнезда всякой мерзости и разорвав, разумеется, все связи с почтенными родственниками, я надеюсь, она доразовьется вполне. Вот увидишь нынче.

Беклешов. Гм, гм. Это хорошо. Ну, а что это за особа племянница?

Венеровский. Племянница эта, видишь ли, эманципированная девица, неглупая и развитая натурка, но непривлекательной наружности.

Беклешов. А вот как хочешь, не дается женщинам вместе с милovidностью и развитие. Эти глупенькие, розовенькие все-таки приятнее.

Венеровский. Хе, хе, да, конечно. Так эта особа для меня весьма неудобна. Вот видишь ли, в прежнее время между мною и этой девицею были кой-какие отношения. Она была единственное мыслящее существо во всей семье, ну и невольно я сблизился с нею. Ну а теперь эта особа как бы заявляет свои притязания. Ну и глупо выходит, и может выйти еще хуже, когда моя женитьба ей станет известна.

Беклешов. Это скверно.

40

---

¹ На полях фраза со знаком вставки: Расскажи другое обстоятельство: что это за племянница, которая тебя стесняет?

Венеровский (*гордо*). Нет, почтенный Сергей Петрович, упрекнуть меня никто не может. Я поступил, как должен поступить каждый честный человек, понимающий свободу женщины. Я тогда сказал ей, что не беру на себя никаких обязательств, что отдаюсь только на время этим отношениям.

10 Беклешов. Ха, ха, ха. Ведь я вижу, что тебя смущает: ты думаешь, уж не дурно ли ты поступил в отношении ее? Вот идеализм-то! Да ты подумай, с кем ты имеешь дело. Помни ты, что эти люди считают дурным и хорошим. Ведь все нравственные понятия извращены в той среде, где они живут. С этими людьми ежели считаться, всегда будешь в дураках. Первое правило: знай, что то, что для нас нечестно – для них честно, и наоборот. С этим и соображайся. Но, положим, ты находил удовольствие с ней – на безрыбье и рак рыба – что ж из этого следует?

Венеровский. Это так, но девица эта навязчива, считает за собой права и может повредить мне. И вообще я бы желал устранить ее.

Беклешов. Надо посмотреть.

Явление III

20 Те же, входит грязный сторож, старик, служащий вместо лакея, а потом Катерина Матвеевна и Иван Михайлович.

Сторож. Анатолий Дмитрич, ента барышня опять вас спрашивают, да и с барином.

Венеровский. Какая барышня?

Сторож. А ента, что прежде *бывала*, стриженная.

Венеровский. Это Прибышев с племянницей. Пусти.

(Сторож уходит.)

Беклешов. Вот на ловца и зверь бежит. Затравлю обоих.

Входят Иван Михайлович и Катерина Матвеевна.

30 Иван Михайлович. Ну, были в вашей школе с Катенькой. Любочка хотела тоже ехать, да боялась. Она простудилась вчера. Вот и заехали к вам. Ну, я вам скажу, Анатолий Дмитриевич, что за прелесть эти дети, что за такое-этакое! Да, вот истинно славно, славно!

Венеровский. Что ж, хорошо сделали, что заехали. Могу вас познакомить: Беклешов, мой товарищ – господин умный и хороший. Катерина Матвеевна, и вас знакомлю.

40 Катерина Матвеевна (*крепко жмет Беклешову руку, так что он морщится от боли; Беклешову*). Меня всегда поражало то явление, что между мужчинами связи товарищества имеют устой-

чивость, тогда как между женщинами явление это не... воспроизводится, так сказать. Не коренится ли причина этого в низшей степени образования, даваемого женщине? Не так ли?

Беклешов. Конечно, связь упрочивается единством воззрений, а не...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте. Я полагаю, вы близки преимущественно с Анатолием Дмитриевичем не в силу того, что вы товарищи, а в силу того, что вы разделяете одинаковые убеждения.

Беклешов. Конечно, мы-с разделяем одни убеждения. Вы в 10 школе были?

Катерина Матвеевна. Да. Скажите, как вы думаете, мне пришла мысль, не может ли быть вредно развитие рефлексии у мальчиков? Согласитесь, ведь имеешь дело с слишком цельными личностями...

Беклешов. То есть я не знаю, как вы на это смотрите. Рефлексия есть только признак развития.

Продолжают говорить и отходят.

Иван Михайлович (*Венеровскому*). Я и давно хотел посмотреть эту школу – так интересно, а вместе с тем, думаю, нам 20 надо переговорить нынче о делах, помните, о состоянии Любочки, вот я привез с собою (*показывает на портфель*). Здесь нам и удобнее будет. Потолкуем, а потом я вас повезу к нам. Что ж, Катеньке можно сказать, так как нынче все узнают. Она нам не помешает, а еще напротив – совет даст, – она хоть и с странностями, но человек умный. Катенька!

Венеровский. Теперь неловко, знаете, этот господин...

Иван Михайлович. Ну, можно и после. Только уж нынче я вас не отпущу. Ведь надо же вам знать.

Беклешов и Катерина Матвеевна подходят.

30

Ну, как я вам благодарен, Анатолий Дмитриевич, за позволение посетить школу. Что за прелесть эти детенышки, я не могу опомниться. Как веселы, любознательны, какие успехи, и как это... что-то такое... Это, вам надо отдать справедливость, дивно устроено! Славно. Вот именно-то доброе дело... славно, славно.

Венеровский. Да, всё работаем понемножку. Хоть и мешают, да ломим.

Иван Михайлович (*Беклешову*). Я нахожу, что для нашего народа нет прогресса без истинного образования, я разумею нравственное образование.

40

Беклешов. Да, как кто понимает нравственное образование. А конечно, полезно.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте... Скажите, Анатолий Дмитриевич, отчего вы не ввели звуковую методику? Она доступнее и рациональнее, гораздо рациональнее.

Венеровский. Что ж, не все рационально делается. Я предпочел Золотова упрощенную методику.

Катерина Матвеевна. А еще мне хочется вам прямо высказаться. Вот мы говорили с Беклешовым. Я полагаю, что не рационально развивать рефлексию в низко стоящих личностях.

Иван Михайлович. Извините, мне только нужно зайти в присутствие, а потом поедемте, переговорим.

Венеровский *(Катерине Матвеевне)*. Сейчас посудим-с, хе, хе, хе. *(Ивану Михайловичу)*. Что ж, заезжайте, вот и Беклешов с нами поедет. Есть где сесть в вашем тарантасе что ль?

Иван Михайлович. Сядем, сядем. *(К Беклешову)*. Очень, очень рад. Нынче у нас приятный день. И приятель Анатолия Дмитриевича для нас дорогой гость.

20

Говорят тихо.

Катерина Матвеевна *(к Венеровскому)*. Ежели я останусь здесь, я возьму на себя часть преподавания в этой школе. Я вам докажу на опыте, что рефлексия вредна.

Венеровский. Что ж, это можно.

Иван Михайлович *(уходя)*. Так до свиданья, я в пять минут готов.

Венеровский *(Ивану Михайловичу)*. Что ж, приходите, приходите. *(К Катерине Матвеевне)*. Почему же вы так нападаете на развитие рефлексии в детях? Я полагаю, что то, что есть благо для нас, будет благо для каждого.

Катерина Матвеевна *(к Венеровскому)*. Нет, позвольте, позвольте. Во мне столько возникло идей по случаю посещения этой школы. Является вопрос: что вы хотите сделать из этих личностей? Признаете ли вы развитие каждого индивидуума за несомненное благо, или развитие единиц без общественной инициативы может повредить этим единицам в силу существующего ненормального порядка?

Венеровский. Я признаю-с развитие всегда за благо, в каких бы формах оно ни проявлялось бы, но...

Катерина Матвеевна. Да, по пути прогресса, прибавьте.

Венеровский. Само собой подразумевается. Но ведь надо принять в соображение препятствия окружающей среды.

Катерина Матвеевна. Это так, но что хотите говорить, я уже сказала вам, что я чутьем сознаю, что вам не по плечу вся эта убивающая обстановка, затхлая атмосфера, которою мы дышим...

Венеровский (*хочет что-то сказать приятелю*). Ты...

Катерина Матвеевна. Нет, позвольте, позвольте, дайте мне высказаться... Вы задались мыслью в этом застое прокладывать свет, но вас задавит среда, вам нужна более широкая арена. (*К Беклешову.*) Не так ли?

Беклешов (*тихо Венеровскому*). Ну, брат – девица! Вот и выскажись. 10

Катерина Матвеевна (*подумавши*). Да, это посещение породило во мне такую вереницу идей. Я еще больше стала уважать вас. (*Жмет руку Венеровскому и говорит ему тихо.*) Нынче срок, который я назначила вам; я выскажусь нынче. Я желаю говорить с вами одна. (*Громко, к Беклешову.*) Беклешов, я выше общественных предрассудков, я имею личное дело к Венеровскому и потому прошу вас уйти. Вы тоже выше?..

Беклешов. Конечно... я посижу в той комнате. (*Уходя, к Венеровскому.*) Тем лучше. Да, развитая, а неприятная, могу сказать. 20
(Уходит.)

Явление IV

Те же без Беклешова.

Катерина Матвеевна молчит, Венеровский посмеивается и тоже молчит.

Катерина Матвеевна (*приходит в замешательство*). Да, нынче тот срок... и так сказать... да, внутренняя работа совершилась... но вы честная личность... женщина уже вышла из-под общественного гнета, в котором душили ее... она равноправна мужчине, и я... да, я пришла честно и прямо сказать вам... я глубоко сознала самое себя... да, я... да скажите же что-нибудь!.. 30

Венеровский. Я послушаю. Разговор, кажется, должен быть интересен.

Катерина Матвеевна. Да, но так сказать... да, погодите...

Венеровский. Я подожду. Вы обещали сообщить мне ваши чувства, но вас что-то затрудняет. Вы свободная женщина – вы превозможите себя. Для ясности отношений нужна ясность выражений, слова. А определенность в наших отношениях мне весьма желательна. Я выскажусь прямо, и вы высказывайтесь, не стесняясь староверческим взглядом на отношения мужчины и женщины. Вы не затрудняйтесь, это старый Адам, как говаривали 40 мистики блаженной памяти, смущает вас... Ну-с...

Катерина Матвеевна (*решительно*). Да, это так, это старый Адам. Я выше этого. (*Протягивает руку.*) Венеровский! Я исследовала глубину своего сознания и убедилась, что мы должны соединиться! да... В каких формах должно произойти это соединение – я предоставляю вам. Найдете ли вы нужным в виду толпы и неразвитых как ваших, так и моих родственников, проделать церемонии бракосочетанья, я – как ни противно это моим убеждениям – вперед даю свое согласие и делаю эту уступку. Но я желаю одного. Среда, как я уже сказала, душит вас и подавляет меня. Мы
10 должны уехать отсюда. Мы должны поселиться в Петербурге, где найдем более сочувствия нашим убеждениям, и там должны начать новую жизнь, на новых принципах и основах. Вопрос же об обладании мною уже решен между нами.

Венеровский. Вот-с это честно и ясно. По крайности-с и я могу высказаться так же категорично, и постараюсь.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, я не все сказала. Жизнь, которая ожидает нас, будет иметь значение не только для нас, но и для целого общества. Мы будем первообраз
20 новых отношений мужчины и женщины, мы будем осуществлением идеи века, мы будем...

Венеровский. Позвольте и мне сказать словечка два.

Катерина Матвеевна. Венеровский! Я уважаю вас, вы знаете меня. Я женщина свободная и равноправная мужчине. Я горжусь тем, что первая сказала: я хочу соединиться с вами, и жду честного, сознательного ответа. Все это очень просто. (*Откидывает волоса и ходит в волнении.*)

Венеровский. Вот и оказывается всегда, что простое и честное отношение к жизни удобнее и целесообразнее. Вы говорите, что желаете соединиться со мной. Это весьма понятно,
30 но, по крайней мере, и знаешь, что отвечать. Ваш самый выбор и способ его выражения, все доказывает ту высокую степень развития, на которой вы стоите. Я не знаю другой девицы, которая бы могла поступить так сознательно. Я прямо отвечаю, что это соединение мне неудобно, и потому не могу принять его. Что же касается до наших прежних отношений, то именно то нравственное чувство правды, которым вы обладаете в такой силе, должно ручаться за вашу скромность в этом отношении.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте... Вы от
40 казываете мне? (*Останавливается и откидывает волосы.*)

Венеровский. Катерина Матвеевна, нет современного человека, который бы не считал наградой за свои труды ваше предложение, но я сделал другой выбор, и потому...

Катерина Матвеевна. А! Хорошо. Очень хорошо... Позвольте. Я уважаю вас. (*Ходит в волнении.*)

Явление V

Те же и Иван Михайлович.

Катерина Матвеевна. А, Иван Михайлович! Мы переговорили, положение разъяснилось. Да, я очень рада этой определенности. Мы всё уяснили.

Иван Михайлович. Разве что-нибудь было неясно между вами?

Венеровский. Более отвлеченные вопросы.

10

Катерина Матвеевна. Позвольте, не вполне отвлеченные... ну, да все равно, я очень рада, поедemте домой.

Иван Михайлович. Нет, уж извини. Нынче я обещал переговорить с Анатолием Дмитриевичем о делах, нарочно сюда приехал и вот бумаги привез... Теперь, Катенька, тебе можно сказать. Поздравь меня и Анатолия Дмитриевича. Он сделал лестное для нас предложение Любе и женится первого августа.

Катерина Матвеевна (*Венеровскому*). Есть три рода любви: любовь Астарты, любовь Афродиты и любовь равноправности... Венеровский, вы не встали еще выше любви Астарты. Я считала вас выше... но я все еще уважаю вас. Иван Михайлович, вы долго будете говорить?

20

Иван Михайлович. Да с четверть часа пробудем и поедem.

Катерина Матвеевна. Венеровский, дайте мне последнюю «Полярную звезду», я почитаю.

Венеровский (*подает ей книгу*). Вот она, обратите внимание на эту статью. Очень он хорошо разбирает... Да не хотите ли в ту комнату, чтоб мы вам не мешали?

Катерина Матвеевна. Нет.

30

Венеровский. Право, вам лучше.

Катерина Матвеевна. Нет.

Катерина Матвеевна садится к столу в стороне, облакачивается и начинает читать, изредка взглядывая на Венеровского и сомнительно качая головой.

Венеровский (*в сторону*). Опять невозможно объяснение.

Иван Михайлович садится к столу, раскрывает портфель, разбирает бумаги.

Венеровский садится против него.

Иван Михайлович. Ну вот, любезный и дорогой Анатолий Дмитриевич...

Венеровский. В чем дело-с? Говорите.

40

Иван Михайлович. Вы были так благородны в первый день, когда я стал говорить о Любочкином состоянии, что отклонили от себя этот разговор. Я это очень ценю, поверьте. Но согласитесь, что мне, как отцу, приятно, так сказать, дать отчет в управлении состоянием дочери, дать отчет перед будущим ее мужем...

Венеровский. Что ж, я слушаю-с. Говорите.

Иван Михайлович. Ведь я откровенно скажу. Можно бы другому совеститься, как бы не сочли за корыстолюбие, но уж вам-то, Анатолий Дмитриевич, кажется, можно быть покойным на этот
10 счет. Уж верно никто не скажет, чтобы вы женились на деньгах.

Венеровский (*оглядываясь на Катерину Матвеевну*). Конечно, так. Но все это не ведет нас к делу.

Иван Михайлович (*разбирает бумаги, берет одну*). Видите ли, у меня состояние небольшое, оно перейдет сыну. У Любочки состояние матери. Мать желает удержать себе некоторую малую часть – остальное, мы решили, что все перейдет вам...

Катерина Матвеевна (*встает, откидывает волосы*). Позвольте, позвольте, Анатолий Дмитриевич, уважение, которое я имела к вашей личности, начинает колебаться в глубине моего
20 сознания. Вы две недели тому назад высказали убеждение, что не уважаете Любочку. Это было в порядке вещей.

Иван Михайлович. Катенька, не мешай, что ты приплетаешь.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте. Венеровский, вы высказали мне убеждение, что не уважаете ее как женщину, а теперь вы женитесь. Это непоследовательно.

Венеровский. Я не понимаю, с какой целью вы говорите это.

Катерина Матвеевна. Позвольте, я сказала: вы непоследовательно поступили. Я высказала только это. Теперь вы
30 трактуете с Иваном Михайловичем о денежных делах вашей невесты – так, кажется, это называется. Я вижу в этом факте низкий торг человеческой личностью и потому прошу вас не оскорблять меня, не оскорблять друг друга, не оскорблять достоинство человека, продолжая этот разговор. Я все сказала.

Иван Михайлович. Однако, Катенька, это становится скучно и глупо.

Венеровский. Весьма странно – все, что я могу сказать. (*Тихо к Ивану Михайловичу.*) Оно, действительно, скучный разговор, и ежели вам желательно передать что-нибудь, передайте Беклешову, а мне, право, и некогда, а я ему скажу.
40

Иван Михайлович. Что ж, Анатолий Дмитриевич, поедемте ко мне. Зовите его. Поедемте.

Катерина Матвеевна. Я не допущу этого унижения.
Иван Михайлович. В самом деле это скучно, едемте.
Венеровский. Я вслед за вами.

Иван Михайлович и Катерина Матвеевна уходят.

Явление VI

Беклешов (*выходит из другой комнаты*). Ну, брат, могу сказать, девица азартная. Ее надо устранить. Необходимо надо устранить.

Венеровский. Но как?

Беклешов. Я боюсь одного, что вся эта сцена была сыграна 10 и что рьяная девица Дудкина подучена Зуботыковым.

Венеровский. Нет, девица действовала в простоте глупой души.

Беклешов. Я тебе говорю, что нет мерзости, на которую эти господа бы не были способны. Но дело в том, что ты мне поручаешь переговорить с отцом о состоянии – скажи ему это дорогой – и от меня он не отвертится. Насчет девицы же я знаю одно – она снедаема потребностью любить. На нее надо напустить какого-нибудь юношу, тогда только она от тебя отстанет. Едем. Я затравлю их обоих. 20

Венеровский. Практичный муж, да. Хе, хе.

Занавес опускается.

Конец 1-й сцены 2-го действия.

СЦЕНА 2

Театр представляет деревенский сад в имение Прибышевых.

Действующие лица во 2-й сцене 2-го действия

Иван Михайлович Прибышев.

Марья Васильевна.

Любовь Ивановна.

Катерина Матвеевна.

Петр Иванович.

Твердынский.

10 Венеровский.

Беклешов.

Няня.

1-й Гость.

2-й Гость.¹

Явление I

Марья Васильевна и няня.

Няня. Вот и вышло по-моему, матушка Марья Васильевна, все, что я говорила. Жених, жених и есть. И на картах сколько ни выкладывала, все бубновый король и свадебная карта. Так все и
20 ложилось.

Марья Васильевна. Да, няня, не легко с дочерью расставаться. Как Иван Михайлович мне нынче сказал, так как ударило меня что-то в это место. *(Показывает на затылок.)* Так дурно голове. Вот прошла, а ничего не легче. Ведь приданое, свадьба, всё это хлопоты какие!

Няня. Что вам хлопотать? Все готово, все есть.

Марья Васильевна. Одно, как же быть? Жених гостей не любит. А ведь нельзя же родных не позвать. Хоть нынче к обеду я Семену Петровичу, Марье Петровне, всем послала...

30 Няня. Нельзя же, матушка. Как будто украдучи дочь отдаете. Ведь не нами началось, не нами и окончится. Свадьба – дело нешуточное. Небось не хуже его ваши-то родные. Что нос-то уж он больно дерет. Что он, князь что ли какой? Не Бог знает какого лица.

Марья Васильевна. Ты все, няня, его бранишь, нехорошо. Ты вспомни, ведь Любочкин муж будет. Вот всего неделя осталась. Да и Любочка как влюблена, так влюблена. Я даже

---

¹ В явлении VI Толстой исправил: 1-й Гость на Гость, 2-й Гость на Гостья.

удивляюсь. Любочка, Любочка, а гляди, у ней через год у самой Любочка будет. И как это все сделалось? Нет, ты, няня, про него дурно не говори. Точно ведь, человек он очень значительный; так все про него судят, все знает, везде бывал, писатель. А про кого худо не говорят?

Няня. Я, матушка, при Любочке – при Любовь Ивановне – не скажу, а кому же вам сказать, как не мне. Нехорошо, совсем не пристала фанаберия эта. Что вы, однодворцы что ли какие, что ему перед вашими родными-то чваниться. Что он за границей бывал, так нынче, матушка, нет той лядащей помещицы, чтоб за границей-то не бывала. За границей был – вот я какой! И все ездят. Не так, как в старину. Или – я писатель! Эх удивил, невидаль какая! Уж на что Катерина Матвеевна. Ведь мы с малства видели. Уж как непонятлива была, и этого чтоб ловкости или приятности, нет ничего, а тоже наемни сказывали, что-то такое напечатывали. Да на что отца дьякона сын меньшей, из семинарии выгнали, а тоже печатывает. По-нынешнему этим не удивишь. Опять ни богатства, ни родни. Сказывают, отец какой-то пьяный, что и сын к себе не пускает. Ни обращения... Так, что-то такое. Нет этого входа благородного. Вот что-то все хочет по-новому, что-то особенное. А нет ничего, и пошутит другой раз – не пристало как-то.

Марья Васильевна. Ах, няня, не говори лучше. Уж, видно, такая судьба.

Няня. Это ваша правда. Словами не поможешь. Одно – ручки ваши, ножки расцелую, послушайте вы скверную, гадкую няньку Марью, послушайте вы мой совет. Богом вас прошу. Не давайте вы ему ничего до времени из денег или из имения. Ведь все ваше, и никто не может вам заказать. Дайте все приданое; платье, постели, брильянты, дайте всё в лучшем виде, а деньги погодите давать. Все человек неизвестный. Погодите, посмотрите, что от него отродится. Дать успеете. Ведь уж я знаю, вы себе ничего не оставите.

Марья Васильевна. Как ты глупо судишь, няня. Ну как же это можно?

Няня. Уж послушайте раз дуру. Попомните. Вот вас Богом прошу. Ведь ничего худого не будет. Поживет с ним месяца два, полгода; будет почтителен к теще, с нею хорош – тогда дайте.

Марья Васильевна. Ах, как ты глупа.

Няня. А то что ж, лучше будет, как он денежки заберет, да и вам почтенья не окажет, и ей-то горе мыкать придется. Он и теперь что про вас говорит. Все равно вас считает как вот этот чулок. Раз в жизни послушайте Машку, дуру, а не послушаете – плакать будете. И близко локоть – да не укусишь.

Марья Васильевна. Какая ты глупая, няня. Я поговорю с Иваном Михайловичем, непременно поговорю... Вот и Любочка идет.

Явление II

Те же, входят Любочка и студент.

Студент. Это мы совершили с вами небезудовольственную экскурсию.

Любочка. Мамаша! Что ж они не приезжают? Я ходила к ним навстречу. Все нет. Алексей Павлович все со мной ходил и
10 все врет.

Студент. Смехотворство учиняли по случаю пейзажных встреч. И беседа текла небесприятная.

Любочка. Что вы ломаетесь, надоели, говорите проще.

Студент. Ежели мой способ изъяснения вам кажется непри-
ятственным, пойдемте на качели, Любовь Ивановна. Я качатель-
ное движение произведу.

Марья Васильевна. Вы, Алексей Павлович, не хотите ли позавтракать?

Студент. Можно попытаться – это ничего. Любовь Иванов-
20 на, пойдемте, право, а то скучно.

Любочка. Ну и скучайте одни, а мне надо дело делать.

Студент. Вот как-с. И важные упражнения-с?

Любочка. Мне надо статью прочесть, мне Анатолий Дмит-
риевич дал.

Студент. Вотще-с.

Любочка. Что вы ко мне пристааете – право, надоели.

Няня. И как нескладно все что-то.

Студент. И вы мне надоели-с. Но я, уважая ваш пол...

Любочка. Что за обращенье!

30 Марья Васильевна. Алексей Павлыч, теперь надо с Лю-
бой иначе уж обращаться.

Студент. Обращению я обучался по премудрой книжице, изданной в шестьдесят третьем году, сочинителя Белова в типо-
графии Серкина под заглавием: «Обращение с особами прекрас-
ного пола, или Искусство быть для оных привлекательным».

Любочка. Мамаша, прогони его. Что он ко мне пристал. Пора вам заниматься с Петрушей. Петруша!

Петруша (*кричит в окно*). Что?

40 Любочка. Зови Алексея Павловича к себе заниматься. Иди-
те, право скука, с самого утра не могу отделаться от вас.

Студент (*обиженно*). Вы изменили вдруг со мной обраще-
ние, и я не знаю, на каких данных.

Любочка. Никаких данных, идите вон, и всё.

Студент. Прежде вы были много общительнее.

Няня. Эх, сударь! Была бы я мать, уж вы бы так при мне с моей дочерью не говорили. Уж я бы вам такую распатрушила!

Марья Васильевна. Что ты, няня, полно, с ума сошла. (Студенту.) И что вы в самом деле пристаёте, Алексей Павлыч, подите к Петруше, я вам завтракать пришлю, а мне нужно поговорить с Любой.

Студент (в сторону). Сей млекопитающий субъект одержим гневом. (К Марье Васильевне.) Что ж, это не вредно-с позавтракать, 10 пришлите. (Уходит.)

Голос Петруши: «Мать, пришли балыка и вина».

Марья Васильевна. Хорошо.

Явление III

Няня, Марья Васильевна и Любочка.

Любочка (слезливо). Мамаша, что ж мне делать? Куда я ни пойду, он везде за мной, и пристаёт... как горькая редька... не вели ему, право... Я теперь совсем другая стала.

Марья Васильевна. Ну, да вот нынче жених приедет, и всем объявят. 20

Няня. А вот вы бы, моя сударушка, сначала с ним бы не шутили. Этому народцу столько дай (показывает на мизинец) – он всю руку тянет. Не кокетничали бы. А то вам что ни поп – то батька. Вот и дококетничались.

Любочка. Няня, да я совсем не кокетничала; так, прежде играли вместе с Петрушей, и он такой противный; а теперь я слова с ним не говорю, все учусь, книжки читаю, что мне Анатолий Дмитриевич принес, а он покоя не даёт.

Няня. Построже держать надо себя. Да что, вы так по доброте. Я бы, коли б моя воля, я бы эту дрянь в дом не пускала. Да 30 дайте срок, я ему напою. Ведь он во всем доме меня одну боится. Пускай его...

Любочка. Мамаша, Катенька еще не знает, что я невеста?

Марья Васильевна. Нет, душенька, только отец да няня, а больше никто. Ведь так вы хотели. Нынче всем объявят.

Любочка. Что ж они не едут? Право, страшно. Мамаша, ведь он недурен собой. Правда, няня?

Марья Васильевна. Да, значительное лицо.

Любочка. А какой умный! Коли бы вы слышали, как он мне все толкует. И как Катенька будет злиться. Ну, да поделом 40

ей. Она все говорит, что я недоразвита. А я теперь и разовьюсь. Он говорит, что в две недели очень развилась. Няня! Ты знаешь, она влюблена в него. Она не говорит, а уж я знаю. Вот они, вот они. Мамаша, ты не будешь плакать? Няня, не плачь, пожалуйста. Он этого не любит, да и глупо. Это все старое, а у нас все будет по-новому. Ты и не понимаешь даже как, няня. Я так рада. Он такой умный. Да?

Марья Васильевна. Что ж, дай Бог, дай Бог.

Няня. Что ж, дурного нет ничего.

10 Любочка. Как дурного? Он отличный. Да?

Явление IV

Те же, входят Иван Михайлович, Венеровский, Беклешов и Катерина Матвеевна, (Твердынский).

Иван Михайлович (*представляя Беклешова*). Друг Анатолия Дмитриевича, Беклешов, Сергей Петрович.

Марья Васильевна. Милости просим, очень рада. (*К Венеровскому.*) Как ваше здоровье? Comment va votre santé?

Марья Васильевна и Иван Михайлович входят в дом.

20 Катерина Матвеевна. Где Алексей Павлыч? Мне нужно сообщить вам кое-что.

Студент (*выходит из дома*). А мы так кормились с Петром Иваннычем.

Беклешов (*к Катерине Матвеевне*). Познакомьте меня, пожалуйста, с вашим студентом.

Катерина Матвеевна. Я понимаю, он один живая личность.

Беклешов. Очень, очень приятно. (*Жмет руку.*) Не пройдемтесь ли? (*Уходят.*)

30 Любочка. ((*К Венеровскому.*)) Что вы так долго не ехали? Мне так скучно было. А я обе статьи ваши прочла. Я усвоила уж.

Венеровский. Это хорошо. А я размышлял кой о чем касательно вас.

Любочка. Что ж вы думали? Я знаю?

Венеровский. Не думаю, Любовь Ивановна. Я вот думал нынче, даже кое-что набросал и на бумагу. (*Подает статью.*)

Любочка. Нет, пожалуйста, говорите со мной. Я так люблю.

40 Венеровский. Вот извольте видеть: думал я о нашем последнем разговоре. О женщине думал я, что одно из главных призываний нашего века – это освобождение женщины из варварского рабства, в котором она подавляется.

Любочка. Да отчего нельзя в другой раз замуж выйти? Я часто это думала. Ну, вдруг наскучит мне один муж, я разлюблю его совсем...

Венеровский. Да-с, вот так-то в устах толпы и компрометируется великая доктрина эманципации женщин. Она не в том, совсем не в том. Свобода женщины в том, чтобы быть равноправной мужчине и не быть вечно на помочах отца, а потом мужа. Женщина должна твердо стоять в обществе на своих ногах и быть в силах прямо смотреть в лицо этому обществу.

Любочка. Отчего Катя все говорит, что я недоразвита? 10 Я все новые идеи так понимаю, так всё понимаю.

Венеровский. Да-с, вам трудно выяснить мою мысль. Но я постараюсь выразить ее конкретнее.

Любочка. Как вы сказали? Конкретнее? А еще я знаю гносеологический путь. А еще эфику знаю... Ну, говорите, что вы хотели.

Венеровский. Да, я хочу примером вам сказать, в чем состоит истинная свобода женщины. Будь я один из тех отсталых господ, которые царствуют в нашем обществе, или из верхоглядволибералов, я бы, женившись на вас, полагал бы, что я приобретаю 20 право на вашу личность. Вы бы зависели от меня, я бы зависел от вас. Мы бы не могли двинуться, не оскорбляя один другого. Я, например, болен, вам противно видеть больную фигуру – вы обязаны быть тут; у меня или у вас желчный пузырь не выливает свое содержание в желудок – мы должны быть вместе и страдать, ссориться. Или я хочу деньги свои употребить на покупку книг, а вы, положим, на покупку...

Любочка. Ну, на покупку швейной машины или инструментов каких-нибудь. Я все буду такое покупать, а бархатного черного платья я уж не куплю. А мне очень хотелось. Ко мне идут 30 тяжелые материи. Ну, так что вы говорили? Я так люблю вас слушать.

Венеровский. Ну, так и видите, главное в супружестве свобода и независимость обеих сторон.

Любочка. Ах, я это понимаю. Ну какво мне вдруг знать, что вы мной будете командовать. Мне и гувернантки надоели. У нас была Сарра Карловна, вы ее не застали. Ах, какая скучная! Я бы ни за что не пошла за вас замуж, коли бы знала, что вы мной будете командовать. Потому мне и весело, что мы будем совсем как не то что чужие, а равноправные будем. Анеточка Зайцова – 40 вы ее видели у нас, – мы с ней подруги, но она очень вот уж точно недоразвита, всё романы читает. Так она говорит, что замуж надо идти, когда любишь. Разве можно полюбить, когда захочешь?

А ведь хуже притворяться. А вот когда равноправные, так очень легко. Они всё мечтают. Как же можно влюбляться так, по заказу!

Венеровский. Да, Любовь Ивановна. Любовь для таких девиц, как ваша подруга, – это слово только. А мы устроим нашу жизнь так, чтоб мы не могли стесняться, я – вашу, а вы – мою свободу. Ежели мы хотим, мы можем соединиться, а наскучило нам, мы можем разойтись, не стесняя один другого. Потом жизнь наша не должна быть омрачена никакими предрассудками. Ежели бы вы вдруг нашли или я бы нашел, что нам тяжело жить вместе, мы должны иметь право разойтись без упреков, без жёлчи. Все это ново, но это просто.

Любочка. И прекрасно. Чудесно. Я все это понимаю. Нет, вы думали, что я глупа? Катенька мне все говорила. Я и сама думала. А теперь я вижу, что я умна. Я так все скоро поняла. Как вы начнете говорить, так я вперед знаю, что вы скажете. Право.

Венеровский. Истина проста, тем-то она и отличается от обмана. И у вас натура хорошая, вы быстро усвоите.

Любочка. Мне так смешно стало все наше старое житье. У нас с вами все будет особенное, с новыми идеями. Я вас за это и люблю.

Венеровский. Ничем, Любовь Ивановна, вы не могли так наградить меня, как тем, что вы сейчас сказали. Вам уж смешна становится вся ваша обстановка, скоро она гадка сделается вам, и тогда это будет хорошо. Вы понимаете, что главная преграда для развития индивидуальности вообще – это семья, в особенности для вас. В вас все задатки хорошие, но окружающие вас ниже самого низкого уровня. Одна человеческая личность – это Катерина Матвеевна, да и та теперь по известным вам причинам всем недоброжелательствует. Остальное вас окружающее – грязь, которая марает вас...

Любочка. Ну отчего ж, папаша умный и сочувствует, ну, мамаша немножко... Ну, да она такая добрая, она так меня любит. А папаша вас любит очень...

Венеровский. От них-то вам и надо удалиться, да-с. Что они вас любят, это понятно. Всякому дурному, как бы он дурен ни был, хочется быть поближе к хорошему. А нам-то за что любить затхлое и дрянное? Вам надо подальше, подальше.

Любочка (*капризно*). Не говорите так. Не люблю, не люблю, не люблю.

Венеровский. Вы посмотрите на них просто, как на посторонних людей, не можете же вы находить их привлекательными.

Любочка. Не люблю, когда вы так говорите, не люблю. Ежели вы еще мне это скажете, я совсем разлюблю новые идеи и, как выйду за вас, так стану жить по-моему, а не по-вашему. Вот вам и будет.

Венеровский. Ну, как же по вашему-то-с?

Любочка. Вот как: поедем в Москву, найдем дом самый хороший. Я сделаю себе одно черное бархатное платье, одно белое пу-де-суа¹. Утром мы поедем кататься, потом поедем обедать к тетеньке, потом я надену черное бархатное платье и поедем в театр, в бенеуар. Потом я надену другое платье и поедем на бал к крестному отцу, а потом приедем домой, и я вам все буду рассказывать, и ни одной книги не буду читать. А буду вас любить. Очень буду любить и не буду давать никакой свободы. Потому что ежели я уж полюблю, так уж так полюблю, что все забуду, кроме вас. И мамаша такая была, и я на нее очень похожа. И посмотрите, как будет хорошо! Вот вы увидите.

Венеровский. Да ведь это вы только сделаете, ежели я буду говорить?

Любочка. Нет, просто сделаю. Я уж рассердилась. 20

Венеровский. И вы полюбите меня таким образом?

Любочка. Коли вы будете милый – полюблю. Я никого еще не любила, только одного, немножко, да это не считается.

Венеровский (*улыбается, берет ее за руку и в нерешительности, поцеловать ли*). Да, и так пожить... но... для этого нужно: первое – средства, второе – забыть принципы...

Любочка. Не говорите глупые слова. (*Подносит ему руку к губам и жмет его за лицо.*) Это всё пустяки!

Венеровский. Миленькая... (*Хочет обнять.*)

Любочка. Не говорите «миленькая», это так нехорошо, противно... такое слово глупое... 30

Венеровский. Отчего же вам неприятно? ну, прелестненькая...

Любочка. Не умею растолковать... нехорошо, неловко. Миленькая!.. Гадко отчего-то. Вы не умеете ласкать. (*Улыбается.*) Ну, да я вас выучу. Неловко как-то, я не умею сказать.

Венеровский. О, как обворожительна! Вот эстетическое наслаждение!.. Что я вру... вот глупо... ну да... Так я вам нравлюсь, Любенька?

Любочка. Да. Только отчего вы ходите, точно у вас ноги 40 большие?

¹ От rou-de-soie (фр.) – плотная шелковая материя, вроде чесучи.

Венеровский. Что я глупости говорю. (*Встает.*) Нет, Любовь Ивановна, надо на жизнь смотреть серьезнее. Пройдемтесь по саду...

Любочка. Пойдемте.

Уходят и встречаются с Беклешовым.

Беклешов (*тихо Венеровскому*). Ну, брат, готово. Девуцу Дудкину так натравил *⟨на⟩* студента, что не растащишь.

Явление V

Выходят *⟨из дома⟩* Марья Васильевна и Иван Михайлович.

10 Иван Михайлович (*Беклешову*). Я рад, что Анатолий Дмитриевич вам поручил переговорить о денежных делах. Я передам вам, а вы передайте ему. Я очень понимаю Анатолия Дмитриевича. Он так высокоблагороден, так деликатен, что...

Беклешов. Без сомнения. Я вам скажу, я практический человек, но понимаю в этом отношении отвращение Венеровского от этого разговора. Ведь всегда найдутся добрые люди, перетолковывающие все навыворот...

20 Иван Михайлович. Ну да, ну да. Мы сейчас можем этим заняться. А то придут гости. Вот извольте видеть... Любино состояние – состояние матери.

Марья Васильевна. Надеюсь, Jean, что ты ничего не решил без меня. *J'espère, Jean, que vous ne déciderez rien sans moi*¹. Я мать, и состояние мое.

Иван Михайлович (*удивленно*). Что ты? Что ты, Марья Васильевна? (*Тихо.*) Что ты, нездорова? Ведь мы уж, кажется, переговорили с тобой.

30 Марья Васильевна (*вдруг сердито*). Кажется, я мать, и прежде чем решать дела с посторонними, нужно, чтоб они со мной говорили. И так говорят, что меня никто в грош не ставит. Почитают меньше чулка. Состояние мое, и я ничего не дам, пока не захочу. Захочу – так дам. Кажется, прежде меня надо спросить. И приличия того требуют. Хоть у них спроси. *Rien que les convenances l'exigent, – demandez à monsieur*².

Иван Михайлович. Вот не ожидал. Да что с тобой? Опомнись, приди в себя. Подумай, что ты говоришь при чужих людях.

¹ Надеюсь, Жан, что ты ничего не будешь решать без меня (*фр.*).

² Уж одни приличия того требуют, – спросите хоть у этого господина (*фр.*).

Марья Васильевна. Ты не знаешь, может быть, что говоришь, а я очень знаю. Все говорят, что жених человек неизвестный.

Иван Михайлович. Неизвестный человек! Пожалуйста, не говори глупостей!

Беклешов. Все это довольно странно, ежели не сказать больше.

Марья Васильевна. Нет, довольно я терпела. Все говорят, что я последнее лицо в доме. Я всю свадьбу расстрою.

Иван Михайлович. Да что ты? Отчего? Что тебе надо? 10

Марья Васильевна. А то, что я его не знаю. Я ничего дурного не говорю, je n'ai pas de dent contre lui¹, а только не хочу до свадьбы ничего давать из состояния. Волоколамское мое. После свадьбы, ежели он будет почтительный зять, я посмотрю и дам, а то всякий писатель будет...

Иван Михайлович (*строго берет ее за руку*). Будет. Пойдем, там переговорим.

Марья Васильевна (*робея*). Я ничего, Jean, некуда мне идти, laissez-moi en repos, au nom du ciel². Оставь меня, ради Бога. Я больше ничего не буду говорить. 20

Иван Михайлович (*Беклешову*). Ну, вот видите, это странный каприз, но вы понимаете, что это не имеет никакого значения. И я бы вас просил умолчать об этом перед Анатолием Дмитриевичем.

Беклешов (*глубокомысленно*). Я очень хорошо понимаю, боюсь, что слишком хорошо понимаю.

Явление VI

Входят гость и гостья, вслед за ними Любочка и Венеровский.

Гость. Мы только узнали. Вот неожиданно-то, душевно поздравляю. 30

Гостья. Вот радость-то вам, Марья Васильевна.

Иван Михайлович. Очень, очень благодарен.

Марья Васильевна. Да, так неожиданно. Вот и жених с невестой, рекомендую.

Венеровский (*мрачно смотрит на гостей и останавливается*). Да, Любовь Ивановна, надо очень любить то дело, за которое взялся, надо сильно желать вырвать вас из этого омута и спасти, для того чтобы подчиниться всей этой отвратительной и возмути-

¹ Я ничего не имею против него (*фр.*).

² Оставь меня в покое, ради Бога (*фр.*).

тельной пошлости. Посмотрите, что это? И с этими людьми надо входить в отношения.

Люб о ч к а. Ну, что вам стоит.

И в а н М и х а й л о в и ч. Вот он. (*К Венеровскому.*) Это П.С., дядя жены, это мой двоюродный, прошу познакомиться.

Г о с т ь. Позвольте рекомендоваться, как будущему родному, душевно поздравляю. (*Протягивает руку.*)

Г о с т ь я. Очень, очень рада познакомиться, так много о вас слышала. Люба, поздравляю!

10 Венеровский кланяется, кладет руку за спину, отворачивается и отходит к Беклешову.

Г о с т ь. Однако, невежа!

Г о с т ь я. Какое странное обращение с родными!

В е н е р о в с к и й (*Беклешову*). Тоже лезут с рукопожатиями. Их надо осаживать... Они это очень понимают.

Говорят тихо.

И в а н М и х а й л о в и ч. Милости просим в гостиную, да и обедать пора, вот благословим жениха с невестой.

Г о с т ь. Ну что, нашли управляющего, Иван Михайлович?

20 И в а н М и х а й л о в и ч. И не говорите, так мучаюсь...

Любочка, Марья Васильевна, Иван Михайлович и гости уходят в дом.

Явление VII

Беклешов и Венеровский.

30 Беклешов. С девицей Дудкиной уладилось дело великолепно – немного подкадил ей и студенту, открылся за него в любви и сцепил так, что не растащишь. Эту затравил. А насчет денежных отношений скверно дело совсем. Родительница хочет тебя держать на уздечке и высматривать почтительность зятка. Манера известная. Ну, да и родитель хорош, могу сказать...

В е н е р о в с к и й. Родитель подличает. За одно это и можно прощать ему многое.

Б е к л е ш о в. Хорошо бы, коли бы абсолютно подличал, а на мой практический взгляд, вся эта сцена опять подыграна, и родительница только напоказ дура. Это тот партнер, которого никто не видит и который жесток и во всем мешает доброму партнеру. Ну, да мы и не таких травили.

В е н е р о в с к и й. Однако неприятно, сейчас должно проделать дурацкие церемонии, тогда как дело так неопределительно.

Беклешов. Что ж, разве эти церемонии к чему-нибудь обязывают? Идеалист! я говорю. Ты все думаешь, как бы тебе не поступить дурно. Выкинь, братец, из головы, для них нет ни честного, ни бесчестного. Иначе всегда будешь в дураках с этим народом. Смотри на вещи просто. Ежели бы тебе нужно было спасти друга из вертепа разбойников, разве ты бы стал бояться обмануть разбойников? Ну, то же отношение для них. Дело все в самом факте бракосочетания, и ежели не раньше, то в сей достопамятный день старец сей будет затравлен твоим покорнейшим слугою. И тебе заботиться не о чем. Все будет произведено в лучшем виде. Вот тебе мое слово. 10
Ну, пойдем же.

Уходят в дом.

Явление VIII

Студент и Катерина Матвеевна.

Студент. Что это суетня? Или скандалец какой совершается?

Катерина Матвеевна. Проповедник свободы женщин женится на девчонке, да, на ничтожной и неразвитой девчонке. Вот слабость основ-то сказалась.

Студент. Это сюрпризец, однако-с. 20

Катерина Матвеевна (*смотрит в окно*). Смотрите, смотрите, благословляют и на коленки становятся. Мне это слишком гадко видеть, слишком унижительно для достоинства человека.

Студент (*смотрит*). Синьор дрянный, я вам высказывал это мнение, а вы не разделяли.

Катерина Матвеевна. Нет, послушайте, это отвратительно, не так ли?

Студент. Да-с. Вот что значит полуразвитие, акцизный либералишка. 30

Катерина Матвеевна (*смотрит*). Целуются – какие животные отношения. Да, глядя на такое унижение, легко утратить веру в прогресс. Вот вам урок, Алексей Павлович. Но я выше этого! Да, Алексей Павлович, вы еще одна честная и чистая личность из всего этого сброда. Я уважаю вас.

Студент. Да, кабы побольше таких женщин, как вы. Однако учинили-таки торжество почтенное-с!

Занавес опускается.

Конец 2-й сцены 2-го действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА 1

Квартира Прибышева в губернском городе. Накрывают парадный ужин.

Явление I

Иван Михайлович, Марья Васильевна, няня и толстый помещик – предводитель, с усами, родственник Николаев.

Иван Михайлович (*проходит*). Что, одевается невеста? То-то, пора, пора, седьмой час.

10 Николаев. Нет, брат Иван, коли бы я тебя не любил с детства, я бы ни за что не согласился быть на этой свадьбе. Только для тебя. Не люблю я этого барина. И что за манера? Два раза ждали, ждали – носу не показал. Что это? Жених – и не приехал с родными невесты познакомиться. Что он, пренебрегает нами что ль?

Иван Михайлович. Ах, какой ты! Ну, да как же ты хочешь? Ведь у него родных нет – некому научить, да и опять хлопоты, ведь не шутка – всем обзавестись надо, все устроить – не успел как-нибудь. Ты ведь всегда обижаешься. Ты хороший человек, но ты мнителен.

20 Николаев. Нет, брат, не извиняй, добро бы раз, а то вчера обедать ждали, ждали до шести часов. Так говорил бы, что я, мол, такой важный барин, что с вами знакомиться не хочу, так бы и знали, сели бы за стол в четыре, по крайней мере не ели бы подогретое. Нет, я, брат, ждать никого не люблю.

Иван Михайлович. Ну вот ты все так объясняешь. Ничего он доказывать не хотел, он замечательный человек, умный, образованный. Вот ты его узнаешь, другое заговоришь. И я так-то говорил, пока его не знал. Просто там задержало что-нибудь. Ну, да и надо принять, братец, в соображение, что теперь другой век, 30 не так, как в наше время, – другие условия, обряды многие уж устарели.

Николаев. Вот попомни ты мое слово, что будет у вас нынче же какая-нибудь неприятность. Ну что ты толкуешь. А нынче к блинам – то же самое: ждали до трех, не приехал же, опять кислые блины ели. Попомни мое слово. Уж я думаю, брат, (*отводит в сторону*) ты насчет приданого что-нибудь не обидел ли его. Ты скажи мне всю правду. Дал ты что или нет еще?

Иван Михайлович. Да что, братец, я тебе по правде скажу. Он ничего у меня не просил. Сначала я ему начал было, он

отказался, другой раз тоже. Мне, говорит, ничего не нужно, ну а потом моя старуха заломалась, я и решил подождать. Думаю: он знает, что у меня дочь одна – я ей назначил Волоколамское имение, – посмотрю, каков будет к ней, так и дам в день ли свадьбы или завтра. Насчет приданого – уж это все отлично, могу сказать.

Николаев. Это, брат, что – тряпки! Нынешние-то молодчики на деньги еще хуже нас падки, особенно чистоганчик любят. Это нехорошо. Посмотри ж, что он отмочит какую-нибудь штуку.

Иван Михайлович. Ну вот пустяки! Нет, брат, а какой я 10 вас мадерой двадцатилетней угошу, так мое почтение.

Николаев. Да постой ты, расскажи, как будет обряд, всё по порядку, ну вот мы повезем невесту к венцу, потом что?

Иван Михайлович. Потом приедете вы к нему. Отец с матерью, как водится, не поедут. У него, должно быть, чай будет; так, знаешь, конфеты там, фрукты для барышень, ну, бульончик в чашечках, рыба, что-нибудь на холостую ногу. Разумеется, шампанского там выпьете. Потом ко мне ужинать и провожать. От меня уедут. Поужинаем, выпьем за здоровье молодых – уж какая мадера, венгерское, еще отец из кампании привез – сорок пять (?) 20 лет – подвезут карету, уложат приданое, благословим, и поедут с Богом за границу.

Николаев. Вот дурацкая выдумка, а еще английская – то англичане умно выдумывают, а это совсем глупо. Ну как после венца уезжать. Ну добро у вас – все-таки богато: и карета, и девушка, и всё, – а каково небогатым в повозочке-то да без девки, да и то, чем дать опомниться молодой, а тут: «Эй ты, пошел, тряпись» – глупо.

Иван Михайлович. Что делать, брат, по-новому, а во многом тоже хорошо. 30

Входит лакей с плетушкой, серебром и посудой.

(К лакею.) Что? ((К Николаеву.)) Это я посылал к жениху с посудой, с серебром, у холостого, знаешь, может быть, нет чего. ((К лакею.)) Ну что?

Лакей. Сказали, ничего не надо.

Иван Михайлович. Кто сказал?

Лакей. Сами вышли и говорят: не надо, неси назад.

Иван Михайлович. Ну вот видишь, у него все есть. Всем ведь надо запастись. Как тут не хлопотаться молодому человеку. 40

Девушка проходит.

Ну что, скоро ли невеста?

Девушка. Головку убирают. (*Проходит.*)

Лакей (*входит с запиской*). От жениха к барышне.

Иван Михайлович. Что такое? Косынка песцовая. (*Читает.*) «Милейшая, прелестнейшая! Чтобы вы не простудили свое драгоценное горлышко, посылаю вам косыночку и прошу надеть ее». Что-то странно.¹

Николаев. Что он, подарил что-нибудь? Ну там брильянт, шаль, знаешь, как водится...

10 Иван Михайлович. Ну кто теперь дарит. Да и что дарить? Дорог не подарок – дорога любовь. Подарил ножницы, кажется.

Николаев. Ну вот наплюй ты мне в рожу, коли не выйдет какая-нибудь гадость.

Лакей. Куда прикажете?

Иван Михайлович. Неси барышне.

Николаев. Какая же тут мода, ведь не каждый день жентяся – тебе не весело, так девочку повесели. Ведь ей это какая радость, а то в двугривенный ножницы прислал. Что такое? Ничего смыслу нет. Пойти к дамам... Да вот и шафер.

20 Приезжает шафер.

〈Явление II〉

〈Те же и шафер.〉

Иван Михайлович. Ну, что жених, скоро? Мы готовы. Любочка, ты скоро?

〈Голос Любочки:〉 «Сейчас».

Шафер. Он в сертуке.

〈Иван Михайлович.〉 Как это? что?

Николаев. Я говорю, будет скандал...

30 Иван Михайлович. Как же это? Надо сказать, что Любочка в белом свадебном. Поезжайте скорее, скажите...

〈Явление III〉

〈Входят〉 Любочка, барышни, Марья Васильевна, няня.

Любочка. Что, я хороша, папа?

1-я барышня. Как тебе идет fleur d'orange, ты мне дай, пожалуйста, от гирлянды.

---

¹ Текст: Лакей (*входит с запиской*). ~ Что-то странно. – зачеркнут и восстановлен.

Любочка. Всем дам.

2-я барышня. Что ж, косынку жениху наденешь?

3-я барышня. Как же можно цветное к свадебному.

4-я барышня. Да что ж, коли он в сертуке.

1-я *(барышня)*. Не может быть!

Любочка. Я попробую. Он просил, надо надеть. *(Вертится перед зеркалом.)* Нет, нельзя, ну я в карман положу.

Шафер. Поедьте. Благословляйте.

Николаев *(целует в лоб)*. Ну, дай Бог вам!

1-я *(барышня)*. Как хороша!

10

(Любочка) целуется со всеми.

(Явление IV)

Студент и Катерина Матвеевна входят и молча стоят. *(Петруша.)*

Марья Васильевна. Только чтоб он не опоздал, как к обеду.

Иван Михайлович. Ну, дай Бог тебе, полно, няня, глупо.

Няня *(плачет)*. Не видать мне тебя больше, мою кралечку!

Любочка *(шаферу)*. Вы, пожалуйста, на голову не кладите. Петруша, а ты ему надень.

Марья Васильевна. Смотри, первая ступи на ковер, свечи взяли ли? Няня, на вот деньги, под ноги брось.

20

Няня. Уж все сделаю.

Николаев. По всему вижу, что скандал будет.

Иван Михайлович. Ну, слава Богу, теперь надо приготовить все. Ведь не прощаемся еще...

Явление (V)

Катерина Матвеевна и студент, которые стояли всю предыдущую сцену молча, глядя на невесту и гостей.

Катерина Матвеевна. Дда. Много еще есть субъектов, в сознании которых новые воззрения еще, так сказать, только намечены, а не проникли еще в плоть и кровь. Да, я жестоко ошиблась в этом господине.

30

Студент. А вы не верьте лжи и не будешь ввержен в обман, как говорил у нас профессор психологии. Дрянь натурка, вот в чем сила-с.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, но как вы объясняете себе это явление? Всякому мыслящему человеку должно быть очевидно, что влечение к миловидности есть только низшее проявление человеческой природы. Как могла такая личность, как этот господин, не видеть всю гнусность этого

увлечения, всю высоту своего падения. Как не понимать, что, раз вступив в эту среду и подчинившись всем этим суеверным и мертвящим условиям, – возврата нет. А он понимал свободу женщины, я имею данные...

10 Студент. По задаткам натуры – ничтожный синьор, вот и все. Я как взглянул на эту личность, убедился, что в нем все фальшь. Как хотите – индивидуум, служащий по акцизному правлению, имеющий лошадку, и квартиру, и две тысячи жалованья, – уж никак не новый человек, а ловкий синьор, вот и все. Как же, он при мне раз сказал, что студенты – ребята. Вот понятие этих господ. Дрянь-с, почтенная дрянь вся эта компания честная. Нет-с, наскучило мне все это. Надо в Москву ехать.

Катерина Матвеевна. Да, вы глубже проникли своим непосредственным чувством в его натуру. Я вспоминаю теперь, он мне сказал, что рефлексия вредна. Да! Ничтожный господин. Как унижить себя до пошлейшего брака со всеми атрибутами ничтожества, и с кем же, с ничтожнейшею личностью...

20 Студент. Ну-с, девица-то была невредная. Она бы могла развиться еще. В ней были заложения... Да среда ее подрезала. Поеду в Москву, скучно. Послушаю лекции, буду работать.

Катерина Матвеевна. Позвольте, ведь в Москве слушать некого. Всё неразвитой народ профессора. Я бы сама поехала в Москву или Петербург позаняться физиологией. Да, я разделяю это убеждение. Кого ж слушать? И в Петербурге нет никого.

Студент. Ну всё товарищи, хоть живые личности, не такие затхлые субъекты, как здесь.

30 Катерина Матвеевна. Да, вы счастливее, а нам, женщинам, как устроить свою жизнь? Я сама думала ехать в университет, но ежели бы знать положительно те новые условия, в которые встанешь; а то трудно нам, людям передовым, найти путь в жизни, на котором бы не давили нас ретроградство, застой и закоснелость. Здесь я не могу более оставаться, я чувствую, что все те честные и либеральные заложения моей натуры, которые составляют мою силу, глохнут здесь, и я – страшно сказать – я скоро стану не похожа, а близка ко всем этим женщинам... Что делать? Алексей Павлович, вы широкая, свежая и неиспорченная натура, вы яснее видите. Спасите меня. Спасите погибающую свободную – может быть, единственную вполне свободную женщину. 40 Да, я чувствую, что я гибну, гаснет этот свет свободы от суеверия, которым я жила. Этот человек нанес мне страшный удар. Он поколебал во мне веру в прогресс. Спасите меня, Алексей Павлович, вы чистый человек, вполне человек!

Студент (*тронут*). Какая вы честная личность...

Катерина Матвеевна. Нет, позвольте. Я гибну, и они все будут торжествовать. Они все скажут: вот она хотела быть свободной, и она такая же, как мы все. Им радость будет... Научите меня, что делать. Я глубоко уважаю вас одних из всей толпы, окружающей меня.

Студент (*жмет ей руку*). Я могу сказать, что не знал вас до сей минуты. Мне казалось – я буду откровенен вполне, – что вы не до конца проникнуты нашими убеждениями. Я теперь только вполне вижу всю высоту и искренность ваших воззрений.

10

Катерина Матвеевна (*жмет руку до боли*). Да, я много передумала и пережила. Для меня нет возврата, я ненавижу отсталость, я вся принадлежу новым идеям. Нет ничего, что бы могло остановить меня. И я уважаю вас, глубоко уважаю. Научите меня, куда бежать, где мне будет легче дышать. Здесь душит меня все окружающее. Я послушаю одного вашего совета. Я жду.

Студент (*задумывается*). Да, я знаю кружок людей, в котором бы вы могли занять то место в жизни, к которому вы призваны. Да, но я боюсь, что все-таки вы увлекаетесь, что вы побоитесь...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, чем вы это докажете?

20

Студент. Вот видите ли. Для меня самого жизнь в Москве наскучила: бедность, отсутствие труда, постоянно вознаграждаемого. По аудиториям шляться прискучило, слушать болтовню профессоров – всё пустые башки, а упитанных барчонков учить – еще глупее. У меня в виду была другая жизнь. В Петербурге, извольте видеть, есть кружок людей, которые затеяли некоторое хорошее дело. Они устроили коммуны. Вот к этим людям я и хотел присоединиться.

Катерина Матвеевна (*хватает его за руку*). Алексей Павлович, высказывайтесь, я чувствую, что эта коммуна составлена именно из тех личностей, которых я ищу... Алексей Павлович, я дрожу от волнения... Спасите меня!

30

Студент. Вот извольте видеть: живут в Петербурге эти господа. Один из них мне приятель. Он из семинарии (как всем известно, что в наше время быть из семинарии есть почти чин, так как лучшие головы и таланты все из семинарии). Он известен даже в литературном мире своей критикой на повесть «Чижи». Вы читали, может быть, замечательная статья – «Чижа не уничижай». Он тут проводит мысль о прогрессе идей в наших семинариях великолепно. Великолепная статья!

40

Катерина Матвеевна. Статья замечательная, я читала.

〈Явление VI〉

Петруша входит и слушает незамеченный.

Студент. Ну-с, вот этот господин писал мне, что они устроили в Петербурге эту коммуну. Их трое (было) сначала. Один медик, вот он и студент. Весьма важное предприятие. Дело в том, что они соединились для общей жизни. Квартира, стол, расходы и доходы – у них все общее. Они занимают порядочную квартиру, две женщины живут с ними. Каждый работает по своему выбору, у каждого своя комната и потом общая комната. Женщины, живущие с ними, не связаны никакими обязательствами. Они свободны, работают, (занимаются) кто хозяйством мужчин, кто литературными трудами. Супружество не существует, а совершенно свободные отношения. Началось с малого, а теперь у них уже, мне говорили, до восемнадцати членов коммуны и все прибавляется. Вы понимаете, какое это громадное должно иметь значение. Кроме того, товарищ писал мне, что были маленькие неудовольствия, которые скоро, однако, были устранены, но что дух этой коммуны невообразимый. Члены ее, пишет, совсем становятся другими людьми, как только поступают в нее.

30 Катерина Матвеевна. И женщина свободна?

Студент. Вполне. Одна опасность угрожает от правительства, потому что понятно, какое громадное значение должно получить такое учреждение. Так вот какое дело-с затеялось и вот как я бы мог жить, вместо того чтобы обучать откормленного барчонка. Были бы только малейшие средства. Так вот-с. Про это дело я никогда не говорил никому, потому что это слишком задушевное дело. Но теперь сказал вам, потому что вижу, что у вас не увлеченье, а убеждение сильное...

30 Катерина Матвеевна (*ударяет себя по голове, с азартом*). Это великолепно! Коммуна! Это великая идея. Это удивительно. Да, я вижу зарю истинного прогресса в России. Да, Твердынский. Я ваша!

Студент. Вот как видна честная натура, но подумайте – оно, несомненно, дело весьма хорошее, но...

40 Катерина Матвеевна. Я член коммуны. Пишите вашему другу, что два члена, вы и я, вступаем в коммуны. Я же беру те деньги, которые у меня есть, еду с вами в Петербург и пишу Ивану Михайловичу, чтоб он продал мою землю и прислал деньги в коммуны. Я буду работать над своим сочинением о значении женского умственного труда. Твердынский! Я один раз уже жестоко обманулась. Вы не измените нашим основам?

Студент. Я б не уважал себя, ежели бы я мог изменить. Мы едем, и чем скорее, тем лучше.

Катерина Матвеевна. Прощайте, я иду писать письмо Ивану Михайловичу. Я не хочу видеть его, я письменно выражу ему все.

Студент. Есть одно скверное обстоятельство. Я взял тридцать рублей денег вперед.

Катерина Матвеевна. У меня нет тридцати рублей, но я напишу, что предоставляю ему вычесть из продажи моих земель.

Студент. Без сомненья, дело, которое мы затеваем, так важно, что эти соображения могут быть отстранены. Наша цель 10 оправдывает средства.

Петруша слушал половину разговора.

Петруша. Позвольте вам сказать, я не упитанный барчонек, а человек, постигающий призвание свое, так же как и вы. Вы очень напрасно так думаете.

Студент. Я говорил вообще, не относя лично к вам.

Петруша. Это неблагородно, даже скверно. А я пришел сказать вам, что я сам не хочу более оставаться в этом доме. Я вдумался в свое положение и убедился, что семья есть главная преграда для развития индивидуальности. Отец посылает меня опять 20 в гимназию, а я убедился, что стою выше всех преподавателей по своему развитию. Я сейчас читал Бокля. Он это самое говорит. Я поеду в Москву.

Студент. Вы учините скандал, больше ничего. Вас не пустят.

Петруша. Я не ребенок уже. Я говорил с отцом, он требует, чтоб я оставался в гимназии, а я не хочу и поеду один в Москву.

Студент. Петр Иванович, вы произведете только великую таницу и более никакого... Вас нельзя взять.

Петруша. Я слышал ваш разговор. Я хочу ехать с вами в 30 коммуну и буду заниматься естественными науками. Мне невыносим гнет отцовской власти.

Студент. Вы несознательно говорите. Еще вы слишком молоды.

Катерина Матвеевна. Твердынский! вы забываете свое призвание! Мы не имеем права подавлять молодое чувство, просящее свободы и размаха. Петр Прибышев, я предложу вас в члены коммуны.

Петруша. Катерина, я уважаю тебя. Когда вы едете? Нынче, так я соберу свои вещи. Я заеду только к Венеровскому. Я желаю 40 видеть всю эту гнусную церемонию, чтоб сильнее негодовать.

Студент (*Катерине Матвеевне тихо*). Напрасно вы присовокупили его. Он мальчишка.

Катерина Матвеевна. Твердынский! Все люди равны, все люди свободны. Пойдемте, надо нам собираться и писать письма. Петр Иванович, изложи отцу свои убеждения.

Петруша. Я обдумываю содержание... Семья – преграда...

Уходят. Сцена переменяется.

СЦЕНА 2

Плохая холостая квартира жениха. Никаких приготовлений.
Раскиданы бумаги. Чемоданы.

Явление I

10 Беклешов, родственник жениха – чиновник с крестом, старичок,
и лакей укладывается.

Родственник. Как же так это, Сергей Петрович? Так и уедут без ничего. Это что-то не по порядку.

Беклешов. Так и уедут-с. Так надобно. Вот приедут сейчас из церкви, наденут шинель да и поедут. А я вам говорил, что Анатолий Дмитриевич вовсе не рад будет вам, вот и увидите. Ведь ежели бы церемонная свадьба была, ну тогда так, а то как можно тише всё хотят сделать.

Родственник. Да что ж, ведь я, пожалуй, уйду. Да сообщу, что я уронить племянника не могу, хоть бы в глазах невестинной родни. Ну ежели бы братец его Никита – безобразный человек, или бы хоть и мой сватушка – ну а я все коллежский советник и все известен. Я его не уроню.

Беклешов. Да не в том дело, батюшка. Не купеческая это свадьба, – и уж на то так придумано, что из-под венца в экипаж, и едут за границу. *(К лакею.)* Что, заложены что ль? Да смотри, ключ в передок положи. А сало? Вот не подумай за них. Да вот чемодан бери. *(На родственника.)* Ах, вы только мешаетесь тут, и к чему белый галстук надели, крест – все это смешно. Видите:
30 я в сертуке, и жених в сертуке.

Родственник. Уйду, уйду. Скажите только, что ж, много ли взял Толя-то?

Беклешов. Какой Толя тут! Человеку тридцать пять лет. Ничего не взял. Обманули его.

Родственник. Нет, вы шутите, может. Ведь у вас родство не считается, а мы, старые люди, всё думаем... Вы мне правду скажите. Как же так ничего, ведь Иван Михайлович не бедный человек.

Беклешов (*останавливается против него, в сторону*). Пускай разболтает по городу. (*Громко.*) А вот как обманули. Посватался он два месяца, ему стали говорить про приданое, он поделикатничал, сказал, что ничего не надо. Уж эти идеалисты. *(1 нрзб)*

Родственник. Глупость-то какая!

Беклешов. Ну-с, вот мы и ждали с часу на час, давали чувствовать. Ничего. Он совестится. Говорит: я свою репутацию потеряю, она мне дороже приданого. Я хотел объясниться прямо, он говорит: погоди, погоди; а этот дурак, должно быть, и в самом деле подумал, что в новом веке денег не нужно, — ничего и не дал до сих пор. Вот и доидеальничались! Иван Михайлович, хорошо... Ну да погоди ж только...

Явление II

Входят молодые, гости. Поздравления. Невеста садится.

Венеровский (*уходит*¹). Ну что, готово все? (*К родственнику.*) И что вы пристаёте с своими поздравленьями, ей Богу. Ведь вас не просили.

Родственник. Что ж, Толя, я от души, (*тихо*) вот только слышал, что не совсем благополучно насчет приданого...

Венеровский. Что вы слышали? Какой вздор, я и брал без приданого. (*Отходит.*) Черт их возьми, еще эта дурацкая компания.

〈Явление III〉

Входит Петруша.

Петруша. Анатолий Дмитриевич, вы мне брат, но я считаю вас просто человеком.

Венеровский. Сделайте милость, оставьте эти глупости. Что вам?

Петруша. Отец сказал, чтоб вы ехали поскорее ужинать; он благословить хочет вас перед отъездом. Надеюсь, вы не поедете. Все это глупо. Я не разделяю. Я сам оставляю дом отца².

Венеровский. Хорошо. (*Отходит с Беклешовым к стороне.*)

Беклешов. Ну что, брат? Я говорил. Вот вы, идеалисты, нашего брата, практика, не слушаете. Ну что? Жена есть, а денег нет.

Венеровский. Свиньи!

¹ Так в автографе.

² Слова: оставляю дом отца — приводятся по копии: край листа автографа срезан.

Беклешов. Еще партия не проиграна. Я поеду объяснюсь. Можешь выбирать теперь два пути: или ехать к нему и увиваться, ластиться, ждать, или ехать и прижать ее. Вот выбирай.

Венеровский. Ты, ей Богу, принимаешь меня Бог знает за кого. Ни того, ни другого. Я поеду, скорей только. Что, ты все устроил?

Беклешов. Все, веревки, сало – обо всем мы подумаем. Что ж в тарантасе и поедешь? А ты хотел карету...

10 Венеровский. Где мне карету! Мы бедные люди. Кого же нам удивлять, только бы бедно, да честно.

⟨1-й гость⟩. (В толпе.) Что это молодой-то как не в духе.

2-й ⟨гость⟩. Однако что же это, надо поздравить.

3-й ⟨гость⟩. Да поди-ка, сунься, как оборвет.

4-й ⟨гость⟩. Я пойду спрошу у него шампанского.

Венеровский закуривает папироску и ходит.

Николаев. Хорошо, очень хорошо. (Подходит к невесте, берет за голову.) Ну, еще раз поздравляю тебя... поеду к твоему отцу. Вы приезжайте. (В сторону.) Вот жалкая бабочка.

Любочка. Погодите. Толя, что ж, мы поедем к папаше?

20 Венеровский. Пожалуйста, не называйте меня Толей – это глупо как-то.

Любочка. Что ты не в духе как будто? И мне что-то скучно, я совсем не того ожидала.

Венеровский (притворно улыбаясь). Нет, ничего. (Садится к ней.) Только хлопот много, собраться надо сейчас, а эти глупые гости! что им надо?

30 Любочка. Ну, как ты хочешь, Anatole, ведь всё родные, друзья только самые близкие, и то мы стольких обидели. Так что ж, поедем к папа, а оттуда уж прямо. Как подумаю, через двенадцать дней за границей. Как славно!

Венеровский. Мне невозможно ехать, и мы не поедем к ним, я вас прошу не огорчаться. Что нам там делать? Все эти церемонии меня замучили. Как я мог перенести все это? Тоска.

Любочка. А я!

Венеровский. Ну еще бы.

Подходит шафер.

⟨Шафер⟩. Анатолий Дмитриевич, гости желают поздравить.

Венеровский. Пускай поздравляют, мне что?

40 Шафер. Да ведь шампанского надо.

Венеровский. Беклешов, дай им вина. Есть? Да вот оно. (Берет бутылку, ставит на стол.) Пейте, кто хочет. Люба, переоденьтесь, нам пора.

Любочка. Ну хорошо. Где же? И Дуняши моей тут нет.

Венеровский. Зачем вам? Я вам помогу, а то кухарка тут есть. Пожалуйста, поскорее!

Любочка уходит.

Шафер. За здоровье молодых!

Венеровский. Пейте за чье хотите, только поскорее (?).

Гимназист (пьет). За здоровье свободы женщины! 10

Венеровский. Пора ехать.

Гимназист (пьет). Еще за здоровье науки и свободы! Где же молодая?

Гости разъезжаются понемногу.

Гимназист (пьет). Прощайте, господа, я еду. За здоровье молодых!

Венеровский надевает пальто и шляпу.

Любочка (выходит). Прощайте, господа. Кланяйтесь папаше. Прощай, Петя. Мы увидимся. Я хочу свободы. Вот удивятся-то. Про(щайте). 20

Николаев. Я говорил, будет вздор. Свинья! думает, что новое. Свинья!

Гимназист. Я выпью на дорогу, сколько мыслей!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ¹

Комната в доме Прибышева 1-й сцены². Гости сидят группами. Марья Васильевна наряженная, Иван Михайлович ходит по комнате с посредником.

〈Явление I〉

Марья Васильевна. Что это как долго? (Смотрит на часы.) Пора бы. 30

¹ В автографе и в копии: III Сцена III Действия. Действие IV – заголовок краткого конспекта (см. т. 9 второй серии) содержания следующих ниже двух явлений.

² Имеется в виду 1-я сцена третьего действия.

Г о с т ь я. Верно, задержались, выпили за здоровье. Ваше дело как? *(Посреднику.)*

П о с р е д н и к. Так вы, Иван Михайлович, решаетесь насчет выкупа, значит, окончательно?

И в а н М и х а й л о в и ч. Совсем отдаю. Грецовскую пустошь даром и дополнительный платеж прощаю. Ну-с, я думаю, согласятся.

П о с р е д н и к. Как же не согласиться, Иван Михайлович. Это моя бы вина была, коли бы они отказались. Ведь это не то что в 10 участке, а и думаю, в губернии у нас примера другого нет такой щедрости.

Подходит гость.

〈Г о с т ь.〉 Вы и в такой день всё об делах?

П о с р е д н и к. Нельзя, невольню о чем ни заговори, а сойдет на временнообязанных. Вот вам-с пример, как дела-то делают. Иван Михайлович даром отдает мужикам семнадцать десятин и прощает платеж.

Г о с т ь. Да-с.

И в а н М и х а й л о в и ч *(улыбаясь)*. Что ж делать, надо кончать.

П о с р е д н и к. Вот время-то что делает. Как вспомнишь, что 20 вы сначала-то говорили, Иван Михайлович. Мы было с вами поссорились тогда, помните? Из-за этой старухи, что жаловаться приходила.

И в а н М и х а й л о в и ч. Нельзя, внове было, и погорячишься. Однако, что они не едут? Одиннадцатый час.

П о с р е д н и к. И как мужики вас хвалят, так и колют глаза другим помещикам прибышевским барином.

И в а н М и х а й л о в и ч. Да, это награда, по крайней мере.

П о с р е д н и к. И поверьте, выгоднее вам будет, Иван Михай- 30 лович.

И в а н М и х а й л о в и ч. Ну, выгоднее не выгоднее, а все надо идти за веком.

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Он все говорит, что выгоднее, говорил, что от грамот лучше стало, а сам потом сердится, что мужики не работают. Что же, вы скажите, лучше стало от грамот?

И в а н М и х а й л о в и ч. Разумеется, лучше. *(Подходит к мам.)* Об чем это вы говорите?

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Да вот вспоминали, как кто замуж 40 выходил. Я рассказывала, как я тебя боялась, помнишь, как ты мне брильянтовое кольцо привез. Я брать не хотела. И потом на бале он со мной мазурку танцевал, и я все не знала, кого мне выбирать. Как молодо-глупо было. А весело. Матушка любила это

пышно сделать. У нас вся Москва на свадьбе была. Весь вход красным сукном был устлан, и цветы в два ряда, в два ряда.

2-я гостья. Да, совсем не то бывало в старину.

Марья Васильевна. Что вот у нас? Мещанская свадьба. Разве так бы отдавали одну дочь?

Посредник. Нет, что ж, у вас очень не то что парадно, а *comme il faut*¹. Ведь уж так делается нынче – от венца да в карету. Я нахожу, что очень хорошо.

Марья Васильевна. Однако, долго нет.

Иван Михайлович. И я думаю, пора бы. Ну, господа, 10 прошу пить моего вина. Уж отвечаю, что такого не пили.

Марья Васильевна. Жан, ты мне растолкуй, как же их встречать. Где и кто будет? Я ведь забыла уже все.

2-я гостья. Как приедут, Марья Васильевна, посаженный отец и мать должны ввести, а тут их встречают с хлебом-солью. Сначала вы.

1-й гость. Нет, по порядку шафер объявляет, а тут входят посаженные, и потом уж отец и мать...

Иван Михайлович. Сколько этих обрядов!

Посредник. А я люблю эту старину. Так хорошо, по-русски. 20

Марья Васильевна. Ты, Жан, их уж, пожалуйста, долго не держи за столом. Мне бы с Любочкой хоть поговорить еще наедине.

Гостья. И радость-то, и хлопоты – всё это вместе. Да-с, памятное время...

Иван Михайлович. Стойте. Кто-то подъехал. Уж не они ли. Ну, вставай, Марья Васильевна, бери хлеб-соль. Вот эту.

Гость. Золотых положите в солонку, богато жить.

Марья Васильевна. Иван Михайлович, дай мне золотых. 30

Иван Михайлович. Сейчас, я положил уж.

Из дверей высовываются горничные и няня, музыканты строят.

(Музыкантам.) Смотрите, туш, как взойдут. (Лакею.) А ты иди с шампанским, да чтоб подавать сейчас же рыбу и... идут! (Берет хлеб, оправляется и выходит на середину.)

Одна гостья. Однако какая это торжественная минута!

2-я гостья. Для отца-то, для матери каково?

Иван Михайлович (целует, прослезившись, Марью Васильевну). Ну, милая, поздравляю, дожили-таки мы с тобой до радости. 40

¹ как следует (фр.).

Марья Васильевна. Ах, Жан, как мне и страшно, и радость, и я сама не знаю, ты мне скажи когда, а то я спутаюсь. Идут! Здесь мне стоять?

Слышны шаги, родители в позе, родные.

Явление II

(Входит) Николаев.

Иван Михайлович. Что ж вы не с посаженной? *(Дает знак музыкантам.)*

Николаев *(растрепанный)*. *(На музыкантов.)* Шш... болваны! Нет, такого свинства я в жизнь свою не видал! *(Бросает шляпу оземь.)* Я тебе говорил, старому дураку! Нет, брат, я над собой смеяться никому не позволю. Я тебе не брат, не друг и знать тебя не хочу, вот что. *(К жене.)* С*(офья)* А*(ндреевна)*, поедем.

Иван Михайлович. Что он? Что с ним?

Марья Васильевна. Молодые-то где? Жан, я спутаюсь.

Николаев. Да ступай, целуйся с ним – догоняй!

Иван Михайлович. Да что ж это наконец? Не мучай. Что с тобой? за что?

Николаев. Уехали. Вот что! Всем в рожу наплевали и уехали. *(Садится в кресло, гости окружают его.)*

Няня. Что же это – без благословенья?

1-й гость. Не может быть!

2-й гость. Это неслыханно!

Марья Васильевна. Ах! *(Падает в кресло, няня бросается к ней.)*

Иван Михайлович *(все еще с хлебом)*. Николаев, этим шутить нельзя. Где они? Я тебе говорю. *(К лакею.)* Где молодые? У тебя спрашиваю.

Лакей. Изволили уехать.

Иван Михайлович. Что вы все взбесились что ль? Ты сам видел?

Лакей. Как же-с. Мы с Федором в повозку сажали.

Иван Михайлович. В повозку? В какую повозку? Я тебя до смерти убью, каналья! *(Подступает к нему, бросает хлеб. Лакей бежит.)*

Марья Васильевна. Жан, что ты, ради Бога!

Иван Михайлович останавливается и задумывается.

Николаев. Да, брат, это по-новому, совсем по-новому. И жалок ты мне и смешон. Ты делай глупости, да других в дураки не

ставь. Кабы ты мне не был жалок, я бы тебя бросил и слова говорить не стал.

Гости. Да что ж было? Как же это без благословенья?

Посредник. Да как же в повозке? Не может быть...

Николаев. Я видел, что будет гадость какая-нибудь, я так и ждал. Он уверял меня. Я поверил, поехал в церковь. В церковь невежа этот приехал в сертуке и в синих штанах... Ну, хорошо. Я хотел везти ее, как следует по обряду. Он не дослушал молебна, подхватил, посадил ее в свою карету. Ну, думаю... Я уж вовсе не хотел ехать. Анастасия Дмитриевна пристала: «Поедемте, что ж, за что Любу обидеть, ведь он не знает обряда...». Ну, думаю, поеду, и Любу жалко.

Иван Михайлович. Николаев, ты шутишь?.. Где они?.. ради Бога, пожалей меня... ведь я отец...

Николаев. Что шутить, брат. И сам бы рад... в Лаишеве небось, на станции...

Иван Михайлович. Ну говори, говори.

Николаев. Думаю, для старого друга нельзя не сделать. А уж знал, что будет гадость... Да, думаю, что же, меня какой-нибудь писака-мальчишка не может же оскорбить, – поехал... 20 Хорошо – разлетелись мы с Анастасией Дмитриевной, никого нет, один шафер... Квартира – свиной хлев чище – веревки на полу валяются, и какой-то его друг, такой же невежа, как он, чуть не в халате, да его родня – протоколист какой-то... Что вы думаете? Повернулся спиной, ушел, надел шляпу и поехали.

Иван Михайлович. В чем поехали?

Марья Васильевна. Как же без девушки? Дуняша здесь. О Боже мой!

Иван Михайлович. В чем поехали? Режь меня, на, пей мою кровь! 30

Николаев. В повозке в рогожной. Я сам видел...

Иван Михайлович. Николаев!.. смотри!

Николаев. Что мне смотреть? Тебе смотреть надо было, за кого дочь отдаешь.

Иван Михайлович. Петруша там был?

⟨1-й⟩ гость. Что же это?

2-й гость. Должно быть, обидели его чем-нибудь.

3-й гость. Нет, говорят, всё дали до свадьбы.

1-й гость. Сумасшедший, верно. Поверьте, что сумасшедший.

2-й гость. Одно удивительно, как она-то согласилась. 40

3-й гость. В руки забрал.

1-й гость. Это урок хороший Ивану Михайловичу! Все гордость.

Иван Михайлович (*злбно*). Петруша там был? Эй! Сашка!
Марья Васильевна. Жап, ради Бога!..
Иван Михайлович. Убирайся!

Входит лакей.

〈Лакей.〉 Чего изволите?

Иван Михайлович. Где Петр Иванович?

Лакей. Не могу знать.

Иван Михайлович. Я тебя выучу знать! Чтоб был мне
Петр Иванович сию минуту. Слышишь, разбойник? (*Вдруг озлоб-*
10 *ляется.*) Я те посмеюсь надо мной!

Лакей бежит. Входит другой лакей.

〈Лакей.〉 Петр Иванович уехали с Катериной Матвеевной и
с студентом, приказали подать прямо вам.

Иван Михайлович. Что? (*Берет письма.*) Куда уехали?
Когда уехали?

Лакей. Не могу знать-с. Сказывали, что в Петербург.

1 - й гость. Вот удивительно-то.

2 - й гость. Да, беда одна не ходит.

Николаев. Вот тебе и новые идеи, доюродствовался.

20 Иван Михайлович (*распечатывает письмо*). Господа, мне
слишком тяжело. Пожалейте меня. Я знаю, что я виноват. Скры-
вать нечего. Я не могу читать. Читайте хоть вы (*пробегаем письмо*
и передает шаферу). Читайте. Постойте. Эй! (*Лакею.*) Четверню
серых в коляску. Да скажи Фильке-кучеру, что коли через десять
минут не будет подана, я у него ни одного зуба во рту не оставлю.
Все выбью, вот при народе говорю, а там суди меня Бог и великий
государь. Нет, прошло ваше время!¹ Ну, читайте.

Шафер (*читает письмо*). «Господин Прибышев!»

Иван Михайлович. Это от кого?

30 Шафер. 〈От〉 Катерины Дудкиной.

Иван Михайлович. Хорошо, и с этой дуришей разочтем-
ся. Читайте.

Шафер (*читает*). «Хотя невызревшие социальные тенден-
ции, проявлявшиеся рельефнее в последнее время в вашей лич-
ности, и давали нам чувствовать, что вы начинали колебать покой
тупого самодовольства ультраконсервативной и, скажу больше,
ультраретроградной среды, в которой вы вращались, и давали
нам надежды на резкий поворот ваших тенденций к новому учению;
но торжество мысли еще не есть торжество дела. Скажу

¹ Слова: ваше время! – приводятся по копии: автограф поврежден.

просто. Неизмеримая высота, отделяющая нас от вашей семьи, давала себя субъективно чувствовать с адской силой. Последние события в вашей среде выкинули наружу весь устой невежества, порчи и закоснелости, таившейся в ней. Мы были насильственно сгруппированы и потому не могли слиться. Мы все стояли особняком. Я решила вернуться в Петербург, под то знамя, которое ближе моим задушевным убеждениям, под знамя нового учения о женщине. Так как в сознании вашем был замечен поворот на честную дорогу, я предполагаю, что вам интересно знать успехи нашей деятельности на пользу общего дела, имеющего характер 10 вполне реалистический. Некоторые передовые личности и честные характеры делают опыт свободного сожительства мужчин и женщин на новых своеобразных основах. Учреждение это получило название коммуны. Я делаюсь членом ее».

Николаев. Ну, брат, учреждение это давно известно и называется просто (*говорит на ухо*).

Иван Михайлович. Читайте. Много еще?

Шафер. Нет, вот сейчас. *(Читает.)* «Живя в коммуне среди сочувствующей мне среды, я буду принимать участие в литературных органах и посильно проводить идеи века как 20 теоретически, так и в конкрете. Я буду свободна и независима. Прощайте, Прибышев. Я ни в чем не упрекаю вас. Я знаю, что грязь среды должна была отразиться и на вас, о Марье Васильевне я не говорю. Вы должны были быть тем, что вы есть. Но помните одно: есть светлые личности, не подчиняющиеся ударам века, и на них-то вы должны, ежели хотите не утратить достоинство человека, — на эти личности вы должны взирать с умилением и уважением. Я буду искренна — я не уважаю вас, но не отвергаю абсолютно в вас человеческих тенденций. Я выше упреков!» 30

Иван Михайлович. Всё? Погоди ж!

Шафер. Нет. Post Scriptum: «Прошу продать мою землю, я полагаю, что не дешевле пятидесяти рублей за десятину, надеюсь на вашу честность, и в самом скором времени прислать мне две тысячи триста рублей серебром. Из доходов же прошу прислать мне сто пятьдесят рублей с следующей почтой».

Иван Михайлович. Отлично! Забрала уже двести, а со всего имения получается сто пятьдесят. Уж проберу ж я тебя, ма-тушка! Ну, другое. От студента, верно. Читайте.

Николаев. Она бешеная! Ее на цепь надо. А ты все уче- 40 ность ее хвалил.

Шафер. «Иван Михайлович! Я у вас забрал вперед тридцать два рубля. Я их не могу отдать теперь. Но ежели вы не бесчестный

господин, то не будете иметь подлость обвинять меня. Я вам пришлю деньги, как скоро собьюсь. У богатых людей всегда привычка презирать бедных. В вашем доме это производилось слишком нагло. Я еду с Катериной Матвеевной. Вы об ней думайте, как хотите, а я считаю ее за высокую личность. Впрочем, мое почтение».

Иван Михайлович. Вот коротко и ясно. Готовы ли лошади? Всю четверню задушу, а догоню и потешусь, по крайней мере.

10 Марья Васильевна. Что ты, Иван Михайлович! Ты его пожалей, ведь бедный, один.

Гость. Есть чего жалеть.

Иван Михайлович. Ну, еще последнее, добивайте...

Шафер (*читает*). «Отец! Я весьма много размышлял об философии нашего века. И все выходит, что людям нового века скверно жить, оттого что их угнетают ретрограды. Все уже согласны, что семейство препятствует развитию индивидуальности. Я уже приобрел очень большое развитие. А у вас ультраконсерваторство и маменька дура, ты сам это высказывал, значит, все это сознают. За что же мне утратить широкий размах и погрязнуть в застое? В гимназии еще недоразвиты преподаватели и – я этого не выношу – в карцер сажают. Обломовщина уже прошла, уже начались новые начала для прогрессивных людей. Я буду следить за наукой в университете в Петербурге, ежели профессора хороши, а дурны, то сам буду работать. И ежели ты не Кирсанов и не самодур, так пришли мне средства к жизни в Петербурге. Потому что я уже решил. А я еще убедился, что и Венеровский ретроград. Он не признает свободы женщин. Прощай, отец. Может быть, увидимся в новых и нормальных отношениях, как человек к человеку. Я сказал все, что у меня накипело в моей душе. Петр Прибышев».

30 Иван Михайлович. Боже мой! Боже мой! Что это такое!

Николаев. Жалко, жалко мне тебя, брат Иван, а делать нечего, сам виноват. Вот те и новое. Какое новое – все старое, самое старое. С сотворения мира – гордость, гордость и гордость! Молодые хотят старых учить.

Гости. Это так!

2-й гость. До чего, однако, доходят.

1-й гость. Глупо и смешно.

Иван Михайлович. Ну, Марья Васильевна, глупа ты, а я глупее тебя в тысячу раз. Эй, готово что ль?

40 Лакей. Подают-с.

Иван Михайлович. Вели Дуняше собраться ехать со мной. Да постой, где она, дарственная запись? Ну-с, господа, простите, я еду. (*Прощается с гостями.*)

Посредник. Так как же, Иван Михайлович, насчет нашего дела?

Иван Михайлович. А вот как-с. Пока мне не велят с ножом к горлу, ни одного клочка не отдам даром, ни одной копейки, ни одного дня не прощу, ни одного штрафа не прощу. Будет удивлять-то-с! Нет-с, уж я нынче выучен.

Лакей. Готовы-с.

〈Иван Михайлович.〉 Ну, шинель, собачий сын! Что ты думаешь по-старому – правда твоя, Марья Васильевна. Все хуже стало. И уставные грамоты хуже, и школы, и студенты – 10
все это яд, все это погибель. Прощайте. Только бы догнать их, хоть на дороге. Уж отведу душу. Петрушку розгами высеку, да!

Марья Васильевна. Иван Михайлович, пожалей ты меня, не кричи очень на Алексея Павловича. Право, такой худой, жалкий. Что ж, он по молодости...

Николаев. Сына-то воротись, а дочь не развенчаешь!

Иван Михайлович. Не говори лучше. *(Подходит к столу и выпивает стакан вина.)* Да, да, высеку, розгами высеку. Прощайте. Смейтесь, кричите, злитесь, а высеку, высеку! И сам спасибо скажет, да!

20

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Действующие лица

Прибышев.

Венеровский.

Любовь Ивановна.

Катерина Матвеевна.

Петр Иванович.

Твердынский, студент.

Смотритель.

Староста.

Дуняша, горничная.

30

Театр представляет комнату для проезжающих на почтовой станции.

Явление I

Входят смотритель и староста.

Смотритель. Ну, гон. С Макарья такого не было. Чей ряд?

Староста. Акимкин; еще не оборачивался. Должно быть, задержали в Лаишеве. Спасибо, еще курьер не бежит.

Смотритель. Вот в седьмом часу опять почта, что станешь делать? Надоест проезжающий теперь.

Староста. Вот так-то бывало в старину, при Тихон Мосеиче: как нет лошадей, он в сенник и спрячется. Я тоже; старостой 10 ходил. Ехали с Капказа двое пьяных, так что наделали. Вся станция разбежалась, всех перебили. Тихона Мосеича нашего за ноги выволокли. «Я чиновник – не смеете». Как принялись холить. Верите ли, по двору волокут. То-то смеху было.

Смотритель. Да наскочил бы на меня такой-то. Я бы ему задал.

Староста. Нет, нынче много посмирнел проезжающий. А то к чему, ваше благородие, я хотел спросить. Нынче всё «вы» 15 проезжающие стали нам, мужикам, говорить.

Смотритель. Образование, значит, прогресс. Да ты что, 20 дурак.

Староста. Только мы с ребятами примечали, как ежели кто «вы» называет – уж на водку не жди. А что больше галдит, да на руку дерзок, уж этот даст. Так и жди, либо четвертак, либо трех- 25 гривенный.

Смотритель (*смеется*). Тоже замечают... Будет лясы-то точить. Вишь, свинство наделали. Подмести вели, да хоть бы со 30 стола-то стер. Ведь вот нет того проезжающего, чтоб не скучал. Нечисто все им. А ведь кто ж гадит – всё они. Так и норовят всё загадить и уехать. И все ему нечисто.

30

Староста убирает.

Пойти соснуть. Никак опять! Ну, посидят, уж не прогневайся.

Староста. Пушай двойные дадут, наши сvezут.

Слышен колокольчик.

Явление II

Те же, входят Венеровский и Любочка, очень бледная, тихая и грустная.

Венеровский. Господин смотритель, я требую лошадей. Староста, велите скорее закладывать. (*К Любочке.*) Ну-с, вот мы и одни, великолепно. Теперь только чувствую себя человеком,

вырвавшись из всей этой безобразной чепухи. Вы рады, моя миленькая?

Любочка. Да... я рада... я устала.

Смотритель. Лошади в разгоне.

Венеровский. Я вам говорю: вот подорожная, вот деньги, запрягайте лошадей.

Смотритель. Когда выкормятся, запрягут.

Венеровский. Извольте запрягать или подайте мне книгу, я буду жаловаться.

Смотритель. Книга вот, жалуйтесь. Много вас. 10

Венеровский. А, хорошо, очень хорошо! Нет, еще долго честность будет достоянием одних нас, а эти дрянные людишки... (*Садится за стол, разбирает книгу и пишет.*)

Смотритель (*подходя, сердито*). Вы прежде извольте посмотреть книгу. Вот изволите видеть: почта восемь лошадей в пять часов двадцать три минуты, теперь всего девять, не воротились. Полковник с женой – шесть лошадей в шесть часов семнадцать минут. Извольте смотреть: комплект – тридцать шесть лошадей. Так вот-с, милостивейший государь, прежде посмотреть надо-с, а потом дрянными людьми называть тех, кто, может, получше вас. 20
Так-то-с.

Венеровский. Оставьте меня. Я не намерен с вами препираться.

Смотритель (*отходя*). А вы будьте осторожны вперед, и генерал, и шестерней в карете пускай едет – и тому не позволяем... а не то что всякой сволочи... (*Уходит.*)

Явление III

Те же без смотрителя.

Венеровский. Староста, принесите, пожалуйста, самовар. (*К Любочке.*) Вы будете пить чай, миленькая? И чаю и сахару. 30

Староста. Самовар двадцать копеек, а за чай, за сахар с хозяйкой сочтется.

Венеровский. Подайте все. Вы будете?

Любочка. Да... нет...

Венеровский. Вы бы сняли мантилью.

Любочка. Ничего не надо.

Венеровский (*садится к ней*). Вот видишь ли, мой друг, какая разительная черта отделяет нас от прежних твоих родных. Мы будем смотреть на жизнь просто. Этот господин в силу своих убеждений, своей среды считает нужным притеснять людей и 40
ругать. Это в порядке вещей, так же как твои родные считают

неизбежным процедуру тех глупостей, от которых мы уехали. Что ж, не переделывать же нам их? А нам, как умным людям, следует сказать: вы, господа, гадки и дрянны, но это при вас, оставьте только нас быть честными, человечными! Когда ты усвоишь себе это воззрение, моя миленькая...

Люб о ч к а. Не говорите «миленькая», так нехорошо.

Венеровский. Ну все равно, вы заметьте только, как во всех этих столкновениях люди дрянные бывают унижены. Я не ненавижу их, я презираю их, им следует быть униженными, и они это сами знают, как поразмыслят. Поверьте, ваши родные теперь чувствуют, что они глупы. Это-то и нужно.

Люб о ч к а. Что тебе сделали мои родные? Положим, они неразвитые, да все-таки они ничего. Бывают хуже.

Венеровский. Вы очень умны, миленькая. Это так. Бывают хуже, но раз мы сознали, что убеждения наши различны, что почва, на которой стою я и они, не одна и та же, надо стать одним одесную, а другим ошую. Ведь все очень просто. Я не уважаю людей глупых и без образования, кроме того нечестных, апатичных и врагов всего нового. А ваши родные таковы, стало быть ни вы, ни я не можем их уважать. Ведь вы согласны с этим? Другой бы стал политизировать, скрывать свое убеждение, но я полагаю, что честность и истина всегда выгодны.

Люб о ч к а. Отчего ж? Отец не враг всего нового, напротив...

Венеровский. Ну разве вы не видите, что он только боялся меня и ипокритствовал¹. Ну-с, и глупую женщину, которая, кроме еды и спанья, ничего не понимает, нельзя уважать.

Люб о ч к а. Я все-таки любила их...

Венеровский. Любите всё честное, свободное и разумное. Любите те личности, которые соединяют в себе эти качества, и вы будете гуманны, а любить женщину за то, что она произвела вас на свет, — не имеет никакого смысла. Да, великолепнейший друг! Ежели вы и меня любите, то не за то, что я хорош или умен, а только за то, что во мне соединяются те качества, про которые я говорил. Да-с, это так.

Приносят самовар.

Будете заливать?

Люб о ч к а. Нет, я не хочу, все это грязно и гадко... посмотрите, какие чашки, я не хочу.

Венеровский. Да-с, Любовь Ивановна, моя женка миленькая. Другим знание всего того, что я вам сообщил, дается трудом

¹ От hypocrite (*фр.*) — лицемерил, притворялся.

и борьбой и глубоким изучением, и то редкие сильные характеры усваивают себе это учение так полно и ясно, как я его понимаю, а вам, моя миленькая счастливица, все это дается легко. Только слушать, воспринимать, и вы сразу станете на ту высоту, на которой должен стоять человек нового времени. Да бросимте словопрения. Мы теперь одни и свободны. (*Садится ближе.*) Что ж вы не пьете, моя касатынька?

Любочка (*морщится*). Какие чашки! Гадость! Тут все пили, больные, может быть. Я не хочу.

Венеровский. Могу я тебя поцеловать, миленькая? Мне 10 хочется.

Любочка. Нет... оставьте...

Венеровский. Вы не оживлены нынче. Неужели вам неприятно, моя милая, что мы едем?

Любочка. Мне все равно, я устала. Отчего вы Дуняшу не взяли?

Венеровский. Вот опять! Я не считаю себя вправе тревожить вас вопросами. Вы так же свободны, как и я, и впредь и всегда будет (так). Другой бы мужчина считал бы, что имеет права на вас, а я признаю полную вашу свободу. Да, прелестненькая, 20 жизнь ваша устроится так, что вы скажете себе скоро: да, я вышла из тюрьмы на свет Божий.

Любочка. Зачем вы не взяли Дуняшу?

Венеровский. То было бы барство, дрянность, она бы стеснила нас. (*Придвигается ближе.*) Теперь можно поцеловать вас?

Любочка. Оставьте. Да вы вымойте чашки, грязь какая.

Венеровский (*улыбаясь*). Это ничего. (*Заливает чай и пьет.*) Что же, можно поцеловать? Вы скажите, когда можно будет. Не хотите ли отдохнуть? Я уйду. Я никогда не стесню вашей сво- 30 боды.

Любочка. Нет... да... нет... Мне ничего не надо. Мне скучно.

Венеровский. Вы думаете, может быть, что я не предвидел этой случайности. Напротив. Не на то мы люди передовые, чтоб нам только фразы говорить. Есть и такие. Нет-с, мы люди дела. Мы не увлекаемся. Я знал, что вам будет скучно. Хотите, я вам скажу отчего. Вы не удивляйтесь, что я угадал; тут нет ничего удивительного. Вы выросли в обстановке дрянной. В вас хорошая натура, но в жизни вашей вы усвоили многое из той апатичной 40 и затхлой атмосферы. Оно незаметно впиталось в вас. Вы не замечали этого прежде, как не заметна грязь в навозном хлеву, но при прикосновении с чистотой и силой грязь вам самим стала за-

метна и свет вам глаза режет. Вы, глядя на меня, чувствуете свои пятна... (*Ходит в волнении взад и вперед.*)

Любочка (*тихо*). Ах, только о себе!..

Венеровский. Что?

Любочка. Ничего. Говорите.

Венеровский. Вы этим не пугайтесь, моя миленькая, это преходящее ощущение. Выходящие из мрака думают в первые минуты, что свет неприятен, он режет. Но это ощущение, присутствующее всякой резкой перемене. Вы не пугайтесь, а, напротив, с корнем вырвите эту слабость. Отчего вам скучно? Вам и в тарантасе кажется непокойно, и девушки у вас нет, и чашки вот вам кажутся нечисты. Это все апатия помещичья. А подумайте о том, что перед вами вся жизнь свободы, перед вами человек, который для вас сделал все уступки пошлости, какие мог, который...

Любочка. Вы только себя хвалите...

Венеровский. Я хвалю то, что заслуживает похвалы, порицаю то, что заслуживает порицания, а во мне или в вас хорошее или дурное, это мне все равно. Так называемая скромность есть одно из тех суеверий, которые держатся невежеством и глупостью; вот ваша родительница говорит про себя: я глупа. Ну, ей это хорошо, хе, хе.

Любочка. Оставьте меня, мне скучно.

Венеровский. Ну, я помолчу, почитаю. У вас пройдет. Может быть, это жёлчный пузырь не выпустил свою жидкость. Это пройдет, на это есть физические средства. Вот я никогда не буду сердиться на вас. Что бы вы ни совершили, я только буду искать, — найду причину и постараюсь устранить ее. Я помолчу, а вы выпейте водицы. (*Ложится на диван, берет книгу из сумки и читает.*)

Любочка (*встает и подходит к двери, спрашивает в дверь*).
30 Есть у вас кто-нибудь женщина? можно войти?

Голос из-за двери: «Милости просим».

Любочка уходит. Слышен колокольчик, голоса.

Явление IV

Венеровский, Катерина Матвеевна, Твердынский,
Петр Иванович, потом смотритель, староста.

Голос старосты за сценой: «Нету лошадей, сказывают».

Катерина Матвеевна (*за сценой*). Позвольте, позвольте, вы говорите, что нет лошадей. Так почему же место это называется почтовая станция? Ведь станция для лошадей, так или нет?

Все входят. Петруша икает.

Староста. Сказывают, все в разгоне, вот уже сидят двое, ждут.

Венеровский, заметив пришедших, уходит незамеченный.

Катерина Матвеевна. Позвольте, вы не отвечаете на мой вопрос? В силу чего вы отказываете людям, которые имеют одинаковые права с каждым генералом?

Петруша. Иг... Поймите, иг!.. что мы в Петербург едем. Иг... Ведь мы не дальние... Иг... Прибышка наша. Иг... Вы дайте лошадей, а то... иг.. очень скверно с вашей стороны... Иг... 10

Староста. Вот я смотрителя пошлю. (*Хочет уйти.*)

Твердынский (*удерживает его*). Почтенный поселянин! как я могу заключить из ваших речей, вы желаете произвести коммерческую операцию, но мы не желаем поспешествовать оной.

Староста. Будет баловаться-то, барин, ну вас к Богу...

Входит смотритель.

Катерина Матвеевна. Позвольте попросить лошадей для нас. Мы имеем полное право и одинаковое с каждой чиновной особой. Уж нынче прошло то время, когда уважали только генералов, а презирали ученое сословие, студентов. 20

Смотритель. Третий час нет ни одной лошади. Извольте книгу посмотреть, а для нас все равны. И я нынешний век так же понимаю, как и всякий.

(Петруша.) (*К Катерине Матвеевне.*) Нет, позвольте мне, иг! Я убежу... я умею... (*К смотрителю.*) Вы посудите... иг!.. когда же мы в Петербург приедем?.. Иг!.. коли на каждой станции.... иг!.. Ведь нам очень нужно... иг!.. очень, вы дайте... вы сочтите, сколько станет!

Твердынский (*старосте*). Автомедону, иначе извозчику, велите принести чемоданчик и белый хлеб. Вы сочтите, сколько... бутылочка там есть... 30

Катерина Матвеевна. Позвольте, я вам докажу.

Смотритель. Да вот не угодно ли вам книгу?

Петруша. (*К Катерине Матвеевне.*) Не мешай... Иг!.. Я ему докажу... Иг!.. Ведь мы в ко... иг!.. муну...

Смотритель. Да куда угодно, для меня это совершенно все равно...

Твердынский (*берет книгу*). В сей книжице изображено, якобы поручик Степанов был огорчен задержкою, так как он поспешал по делу. 40

Катерина Матвеевна. Я буду жаловаться.

Смотритель. Да извольте, сударыня. Нет лошадей, вот и все.

Катерина Матвеевна. Какое еще, однако, непонимание обязанностей и негуманность.

Твердынский. Позвольте я изображу в сей книжице всю горечь нашего душевного состояния и изложу человекоубийственность нравов смотрителей почтовых станций.

Петруша. Нет, дайте я, и у меня мысль пришла... иг!..

Смотритель (*отнимает книгу*). Что вы, господа, в самом деле, пересмеиваете-то. Не хуже вас. Писать, так пишете, только надо в своем виде быть.

Твердынский. Итак, Катерина Матвеевна, презренная преграда затормозила наше течение к светилу прогресса. Гражданин сей в гневе, оставим его.

Петруша. Иг!.. иг!.. иг!..

Твердынский над ним смеется.

〈Твердынский〉 Я говорил, что вы много отведали целебной венгерской влаги.

Петруша. Что-с?.. Иг!.. нет ничего смешного, иг!.. Напротив... Я вам не позволю смеяться... Иг!..

Твердынский. Что за мальчишество обижаться всем.

Петруша. Вы сами мальчишка. Иг!.. Я свободный.. иг!.. человек, иг!.. Я сам сказал... Я, иг!.. еду в коммуну...

Твердынский. Спите, Прибышев младший, это будет лучше.

Петруша. Я выразил убеждение, что вы мальчишка. Иг!.. а не я. Вы не признаете... иг!.. свободы личности, иг!.. вот вам... Я глупо сделал только, что выпил это вино... иг!.. и от него мне дурно... иг!.. а то бы я вам высказал... иг!.. иг!.. такие убеждения, что вы бы удивились очень, иг!.. Я спать хочу. (*Садится и засыпает.*) (*Сквозь сон.*) Преграда... иг... инди... ви... ду... иг!.. иг!..

Явление V

Катерина Матвеевна, Твердынский, Петр Иванович спящий.

Твердынский. Ну что ж, подождем. Можно и чаепитие совершить. А то скучно. Вон кто-то пил. Поселянин, староста, господин староста, нельзя ли получить инструмент, в просторечии самоваром называемый?

Катерина Матвеевна. (*Садится к столу, закуривает папирску и откидывает волоса.*) Я люблю в вас, Твердынский, это игривое отношение к жизни. Как ни значительны совершающие-

ся в вашей судьбе события, вы в тайнике души скрываете всю глубину вашего сознания и наружно все шутите. Многие могут считать вас легкомысленным, а я это-то и люблю. Я уважаю вас за это. Да, вот мы и ступили первый шаг в новой жизни.

Твердынский. Что ж все риторствовать. Знаешь, что дело хорошее, что свободен и разумен, чего же еще? Я не люблю готовиться. Наступит дело – я труженик и боец, а до того времени... можно и усладиться легким смехотворством.

Катерина Матвеевна. Скажите мне одно: я всю дорогу думала. Почему учредителем коммуны мужчина, а не женщина? 10 Не просвечивает ли и здесь идея зависимости женщины?

Твердынский. Нет, это случайность.

Приносят самовар.

Что ж, чаеизготовление кто будет производить?

Катерина Матвеевна. Позвольте, я полагаю, что столько же основания есть мне разливать, сколько и вам. Вот что, мы можем кинуть жребий.

Твердынский. Итак, поверим разрешение сего вопроса слепорожденной Фортуне. (*Берет папироску, прячет за спину.*)

Катерина Матвеевна берет ложечку и делает то же.

20

Катерина Матвеевна. Нет, вы угадывайте.

Твердынский (*хватает ее за руку, оглядывается быстро и перебирает ее за руку*). Однако у вас в ручке, так сказать, пухлость невредная. В этой.

Катерина Матвеевна (*улыбаясь*). Твердынский, не будьте глупы. Вы угадали. Я буду разливать.

Твердынский. Как дорога, однако, сближает. Такое ощущение странное в близости женщины. (*Садится ближе.*) И как отлично, что вы не носите кринолин. И как у вас тут складочка, совсем античная. (*Указывает на спину.*) 30

Катерина Матвеевна. Твердынский, вы знаете стихи Гюго? Гюго – отсталый человек, но он поэтическим чутьем проникал многое из будущего. N'insultez pas...¹

Твердынский. Такая складочка, что первый сорт. Позвольте мне ее пригладить, не то что погладить, а только пригладить. (*Дотрогивается до нее.*)

Катерина Матвеевна (*бьет его по руке*). Твердынский, когда я ближе узнаю вас, я расскажу вам свою судьбу. Судьба жен-

¹ Не оскорбляйте... (*фр.*)

щины – это странная аномальность в нашем неразвитом обществе. *(Сторонится.)* Твердынский, ежели бы я меньше уважала вас, я бы могла усумниться в искренности ваших убеждений. Что делает ваша рука?

Твердынский. Ведь вот какие странные бывают казусы. Жили мы с вами, жили три месяца, и всё говорили только о предметах, вызывающих размышления, и теперь мгновенно мое воззрение на вас совсем переменялось. Отчего ж вы не хотите, чтоб я положил так руку? *(Кладет руку на спинку кресла, на котором сидит Катерина Матвеевна.)* Я ни до чего не коснусь без разрешения. Ни до чего.

Катерина Матвеевна *(сияющая)*. Вглядитесь в глубину своего сознания, и тогда я честно выслушаю ваше признание. Я не хочу увлечений, мы должны стоять выше их. Вы не трогайте меня.

Твердынский. Я не касаюсь, ведь ни до чего не касаюсь. А у вас есть во взгляде что-то пожирающее, выше женского. У одного моего товарища была друг женщина, она была гувернантка. Вавочка, мы все так ее звали. Вы схожи с ней, очень схожи. Но славная какая складочка. *(Схватывает ее и прижимает к себе.)*

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, подумайте хорошенько и внимательно. Вникните в себя. Тот путь, на который... Скажите, какую любовью вы любите меня? *(Вырывается от него и встает.)*

Твердынский *(идет за ней)*. Вы фимиам сердца моего, вы кальян надежды небес, вы пар от подошв кумиров моих, вся нежность и свет фирламента мироздания. Я люблю вас и желаю учинить с вами экспликацию.

Катерина Матвеевна. Не говорите глупостей, вы оскорбляете меня не как женщину, а как честного человека. Я не различаю. Вы говорите, что чувствуете влечение ко мне, я считаю вас хорошим господином, исследуйте характер вашего влечения и скажите мне. Старайтесь объективно смотреть на вещи. Конкрет может спутать вас. Я все сказала.

Твердынский *(подходя ближе и хватая за руку)*. Божественная, но свободная женщина! Судьба покровительствует нам. Сей юный питомец Минервы *(указывая на спящего Петю)* опочил в объятиях Морфея, мы одни, и я снедаем любовью. *(Хватает ее и хочет ее поцеловать.)* Будущее в руках судьбы, настоящее наше. *(Обнимает ее.)* Да полно же, милейшая.

Катерина Матвеевна *(испуганно отбивается)*. Вы оскорбляете меня, я ошиблась и в вас. Я закричу, пустите!

Петруша (*сквозь сон*). Семья... иг!.. преграда... ин... ди... виду... иг!.. альности.

Твердынский (*оставляет ее, сердито*). Вот уж недостойно истинно свободной женщины — так грязно понимать все...

Катерина Матвеевна. Боже мой, до чего я дошла... Боже мой!.. Но я выше... нет... Я ниже всего на свете. (*Катерина Матвеевна, убитая, садится поодаль и глубоко задумывается.*)

Явление VI

Те же, Венеровский и Любочка.

Любочка (*выходит вся в слезах*). Какая же это свобода женщины, коли вы меня мучаете... Мне скучно, правду мамаша гово... Катенька! Алексей Павлович! Батюшки мои, и Петруша! Что случилось? 10

Твердынский. Сурпризец не вредный! Я вот... едем в Петербург.

Катерина Матвеевна. Любовь! Ты была права! Но оставьте меня... мне многое надо обдумать. (*Облокачивается и думает.*)

Петруша (*вдруг просыпается и встает*). Пойдите, я все лучше расскажу. Ты сама должна знать, что семья... иг!.. развитию индивиду... иг... альности. Я и поехал один, а Алексей Павлович открыл, что тоже есть коммуна... а коммуна... удивительное убежд... учреждение, ну, все равно... Мне очень спать хочется. Вы меня разбудите... (*Садится.*) 20

Любочка. Что с ним?

Венеровский. Ничего особенного. Все это понятно. Мальчишка напился пьян, и выходит мерзость неестественная.

Петруша (*привстает*). Сами вы мерзость неестественная. Это уж все знают, что вы ретроград, мне Алексей Павлович и Катенька дорогой сказали, что вы из-за денег женились. Это очень подло по нашим воззре... (*Засыпает.*) 30

Твердынский. Точно, что мальчишка-с. Поверьте, Анатолий Дмитриевич, что я этого не говорил и не думаю, потому что ваши убеждения...

Венеровский. Да-с, сделать гадость, да и на попятный. Это на вас похоже-с. А вот с вами-с, сударыня, позвольте дотолковаться до дела. (*К Катерине Матвеевне.*) Когда я объяснялся с вами-с, хе, хе, хе, у себя на квартире-с, я вас попросил молчать о моей особе. Вы должны были мне обещать это, однако вам, как видно, не угодно держать слова. Теперь я заставляю вас, хе, хе, хе, да-с. Мы, действительные умные люди и люди дела, тем-то 40

и отличаемся от болтушек, как... многие ваши знакомые, — тем отличаемся-с, что не позволяем себя забирать в руки, а сами забираем в руки, как я вас забрал-с, — хе, хе, да-с. (*Тихо ей.*) Вы хвастаетесь свободой от предрассудков, а кое-что вам не хотелось бы опубликовать. Так знайте же...

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте...

Венеровский. Извольте-с...

Катерина Матвеевна. Нет, ничего. Вы правы, только оставьте меня додуматься. (*Садится в прежнюю позу.*) Пожалуйста, оставьте меня. Я после скажу.

Венеровский (*к Любочке*). Теперь с этой госпожой покончено. Перестаньте и вы, миленькая. Я снисходителен всегда к людям с слабыми силами и умственными способностями, и это очень естественно, потому что я насквозь вижу все их *стремленьца*. Но когда идут мне наперекор, то я имею привычку сломать то, что мне мешает. Вам хочется показать, что вы имеете волю. Это похвально и человечно, но надо, чтобы цель была разумна.

Любочка (*горячо*). Вы всегда думаете, что вы только раз-умны. Катенька, ты меня не любишь, но скажи, пожалуйста, по правде, заступись за меня. Мне так дурно, так скучно. И зачем я от них уехала? Хоть бы Дуняша была со мной. Катенька, что с тобой?

Катерина Матвеевна не отвечает.

Катерина Матвеевна. Любовь, не мешай мне додуматься. Во мне совершается великий переворот. Я чувствую это.

Любочка. Алексей Павлович, скажите хоть вы, стали бы вы мучать женщину, которую вы любите. Он бранит моих родных, он не любит меня.

Твердынский. Я, Любовь Ивановна, так сказать, в любви неофит и даже атеист оной.

Любочка. Вы всё шутите, а мне, право, не до шуток. Боже мой, зачем я уехала.

Венеровский. Какая фразистость у вас неприятная! Но довольно-с, я последний раз говорю, попробуйте дать себе отчет в ваших желаниях и выразить их. Это очень просто. Я выражаюсь ясно и разумно, попытайтесь и вы сделать то же.

Любочка. Катенька всегда так говорит. Разве можно сказать все, что чувствуешь? Как мне сказать все... Вы только о себе говорите. Вы меня не любите. Вы не подумали обо мне ни одной минуточки... Зачем вы еще пристаёте ко мне? Мне скучно! Вы только себя хвалите... Папаша бы меня понял.

Венеровский. Я вам сказал, что я выше этих фраз, и вам не заставит меня вступить на ту арену пошлых препирательств, на которую вы меня вызываете... Староста!

Входит староста.

елите закладывать вольных, я заплачу двойные прогоны.

Катерина Матвеевна (*встает и встряхивает волосами*). озвольте, я додумалась. Теперь я все скажу вам... Наши отношения...

За сценой слышен шум, крик.

Голос Ивана Михайловича: «Четверню в коляску!»

10

Голос зрителя: «Нету-с...»

Голос Ивана Михайловича: «Зуба ни одного не оставлю. Разбойник! Нет, брат, уж я не тот. В острог посадят, а зубы все выколочу. Слышишь?» (*Входит.*)

Явление VII

Те же и Иван Михайлович.

Иван Михайлович. А...а...а! Любезные! Вот они молодки! Всех разом накрыл!..

Твердынский. Могу сказать, скандалец предвидится неовредный!

20

Венеровский (*садится на стул против Ивана Михайловича и резко смотрит ему в глаза*). Вот господин, которого надо будет це пощелкать по носу.

Катерина Матвеевна (*останавливается в своей позе*). ван Михайлович, я рада вас видеть.

Любочка (*подбегая к отцу*). Папа, милый!..

Петруша (*поднимается с места и глядит бессмысленно на тца*). Теперь уж... иг... все сознали... иг...

Иван Михайлович (*отводя Любочку рукой*). Ну-с, (*обращая к Твердынскому*) государь мой, пожалуйста-ка вы сюда.

30

Твердынский. Неужели вы думаете, что за ваши двадцать бблей в месяц я обязан похоронить себя?.. Кажется, вы сами можете сознавать...

Иван Михайлович. Нет, дружок... Эта песня уж кончилось. Взялись вы учить моего сына?

Твердынский. Вы не думаете ли напугать меня... только *обез*) кулачное право... не современно.

Иван Михайлович. «Современно!» Это слышали. А кто взьмется за дело, да без причины не исполнит его, да еще при-

том мальчишку собьет с толку и увезет из родительского дома, как того человека звать, государь мой? Не знаете? Обманщик...

Твердынский. Вы дерзки, и я никому не позволю...

Иван Михайлович. Что-о? (*Наступает.*) Коли бы вы были постарше, а то вы мне жалки, государь мой...

Твердынский. Конечно, это все, что можно ожидать от невед и зуботыковых. (*Отступает.*)

Иван Михайлович (*наступает еще решительнее*). Вон!

10 Твердынский (*торопливо захватывая узелок, уходит и кричит в дверях*). Презренный ретроград!

Явление VIII

Те же без Твердынского.

Иван Михайлович (*не обращая внимания на Твердынского*). Ну-с, теперь соколик! (*Подходя к Петруше.*) Сашка!

Входит лакей.

Розги взял?

Лакей. В козлах-с.

Петруша. Индивидуальность, ин... ди...

20 Иван Михайлович (*лакею*). Поди сюда. Возьми ты этого молодца, вылей ему на голову ведро воды – слышишь? И посади в коляску...

Петруша. Деспотизм... и... родительской власти... индиви...

Иван Михайлович (*перевортывает Петрушу и дает подзатыльник*). Ну, разговаривать! Марш! Сашка! сведи ты его к колодцу, облей водой и держи его в коляске.

Петруша. Это... зачем же? Я сам...

Иван Михайлович. Ну!..

Лакей. Что ж, пожалуйста, Петр Иванович...

30 Лакей и Петруша уходят.

Явление IX

Те же без Петруши.

Иван Михайлович (*к Катерине Матвеевне*). Ну, стриженная иманципация, позвольте вас спросить, что у вашего дяди распутный дом что ли? А?

Катерина Матвеевна. Иван Михайлыч! Я разделяю ваши убеждения.

Иван Михайлович. Нет, матушка. Слова-то эти оставь. Был дурак, да больше не буду. Что, я из своей прихоти твоей Ло-

пуховкой управлял? Что, я обокрал тебя что ли? Что, мне платили за твое содержание? Ты с своей деревни сто рублей в год получа- ла, а ты мне... да что, и говорить скверно.

Катерина Матвеевна. Вы совершенно правы, Иван Михайлович, поступок мой неконсеквентен.

Иван Михайлович. Что мы с Марьей Васильевной ви- дели от тебя, кроме презрения? И увенчано все чем? Побегом? И этим письмом. *(Вынимает письмо.)* Я вам не родня, не дядя. Из- вольте ехать куда вам угодно с этим щелкопером.

Катерина Матвеевна. Да, голубчик, да, вы высказываете истину. Да, голубчик, я сознаю свое заблуждение. Я прошу заб- вения. Я несчастная женщина, голубчик.

Иван Михайлович. Довольно меня обманывала, матуш- ка *(глядит на Венеровского)*, довольно...

Венеровский. Что вы на меня смотрите? Я вам не скрою, Иван Михайлович, что вы мне прискучили своим криком. Поез- жайте домой, право, покойнее будет. Детей больше здесь нет, и пугать некого.

Иван Михайлович. Поеду, государь мой, когда выскажу все.

Венеровский. А что вам это сказать нужно, нельзя ли узнать? Я послушаю, хотя знаю все, что вы скажете, и знаю, что ничего ни нового, ни остроумного.

Иван Михайлович. Много мне вам сказать нужно, да не стану говорить при вашей жене, сударь, и при моей дочери. Вы считаете честным восстанавлять дочь против отца, а я старого века, да знаю, что коли жена отца не уважает, так ей грош цена, а коли муж не уважает, еще того хуже.

Венеровский *(к Катерине Матвеевне)*. Этот господин, ка- жется, хочет учить меня честности, это довольно комично...

Катерина Матвеевна. Он прав, он совершенно прав, не говорите со мной... *(Отворачивается.)*

Венеровский *(пожимает плечами)*. Староста, велите да- вать лошадей. А вы, Иван Михайлович, для меня забавны, только забавны.

Иван Михайлович *(кричит)*. Я вам сказал доволь- но, оставимте это. Поезжайте с Богом. Я тебе привез Дуняшу, Люба, возьми ее. Грустно нам было, очень грустно... ну да Бог с тобой. У тебя будут дети, тогда ты поймешь. *(Обнимает ее, она плачет.)*

Венеровский. Комедия разыгрывается недурно, но и на- скучить может. Поедемте, Любенька. Пойдемте посидим в той комнате.

Люб о ч к а. Я не хочу, папа, побудь со мной. *((К Венеровскому.))*
Оставьте меня.

Венеровский *(берет Любочку за руку)*. Люба, пойдемте, родитель может один поломаться, и с Катериной Матвеевной.

Люб о ч к а. Папаша, что я сделала, я боюсь его, я ненавижу его. *(Любочка прячет лицо на грудь отцу.)*

Иван Михайлович. Ты с ума сошла. Что ты говоришь, Люба. Это нельзя.

Катерина Матвеевна *(выступает вперед, торжественно откидывает волоса)*. Теперь я все скажу, что я думаю. Слушайте меня, Иван Михайлович, слушайте меня, Венеровский. Любовь должна оставить этого человека. Этот человек – дрянный и низкий индивидуум.

Венеровский *(старается перекричать ее)*. Вы глупая, неразвитая и развратная женщина, молчите или я...

Катерина Матвеевна. Нет, Венеровский, вы меня не испугаете. Я свободная натура, вы меня не перекричите, я сама все намерена высказать. Венеровский, вы подлец, и это говорит вам не женщина, а свободный человек... Он погубит Любу, ежели она останется с ним, так же как он погубил меня и оттолкнул. Полчаса тому назад я считала себя выше всех в мире, а теперь я несчастное, жалкое и презренное существо.

Венеровский. Вы глупы и больше ничего. И ваш поступок несколько не удивляет меня. Это прямо вытекает из вашей тупости. Любовь Ивановна, я предлагаю вам ехать со мной.

Люб о ч к а. Я ни за что не поеду. Я умру лучше.

Иван Михайлович. Бедная моя девочка. Что я с тобой наделал. Поедемте. Прощайте, сударь. Теперь я могу все сказать вам. Вы хотели жениться на состоянии. Любочку вы не любили и не уважали, вам нужно было одни деньги, вы их и взяли. И за то, что вам всё дали и дали притом существо, которого вы ногтя не стоите, вы сделали ее несчастье и наплевали в лицо людям, которые ничего, кроме добра, вам не желали. Ничтожество и гордость. Я во всем виноват.

Венеровский *(стараясь перекричать и хватая за руку Любочку)*. Мне жалко было Любу, которая погибала в вашем гнусном семействе, я спас ее от вашего разврата. Люба, поедem. Я никому не дам смеяться над собой. Я посмеюсь над вами. Поедемте! *(Дергает за руку.)*

Люб о ч к а. Вы мне больно делаете, я не поеду, я не хочу быть вашей женой, я ненавижу вас...

Катерина Матвеевна. И это адепт нового ученья! *(1 нрзб)*.

Иван Михайлович (*наступает*). Оставить ее! Ну, я говорю. (*Становится перед Любочкой.*)

Венеровский хочет двинуться вперед.

Еще шаг – вдребезги расшибу!

Венеровский. Хе, хе! (*Отступая и копотливо доставая револьвер из кармана.*) Вы думали, что я не предвидел этого. Я предвидел все, имея дело с такими людьми, как вы. Предвидел-с и оскорбления и драки. Только мы – люди дела и не даем над собой смеяться, хе, хе! Попробуйте оскорбить меня! (*Уставляет пистолет.*)

10

Иван Михайлович (*останавливается перед ним и качает головой*). Дурак! В кого стрелять! Ну, стреляйте! Пойдем, Люба! (*Уходят.*)

Венеровский (*один*). Что, посмеялись надо мной?.. хе, хе! Нет, мы не Твердынские... чтоб гонять их вон. Правду говорил Беклешов, что для дела с этими людьми надо отречься от всех принципов. Я слишком был честен с ними. Но, впрочем, женщина свободна, и я не признаю никаких прав на нее. Да, вот еще дарственная запись на ее именье.

Входит лакей за шалью.

20

Подите сюда, отнесите эту бумагу вашему барину. Им непонятно, что я возвратил эту бумагу, х-хе. Да, еще слишком дики и грубы отношения в этой закоснелой среде, или *(мы)* слишком далеко ушли, родились лет *(на)* сто слишком рано для того, чтобы возможны были между нами какие-нибудь компромиссы.

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

〈НИГИЛИСТ〉

Действующие лица

Глафира Федоровна, старая барыня.

Фиона Андреевна, ее приживалка.

Семен Иванович, сын Глафиры Федоровны, помещик лет 40.

Марья Дмитриевна, его молодая жена.

Люба, ее сестра.

Наталья Павловна, подруга Любы.

10 Николенька, гимназист, племянник Семена Ивановича.

Хрисанф Васильевич, студент, нигилист, учитель Николеньки.

Действие происходит в деревне Семена Ивановича.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление I

Глафира Федоровна, Фиона Андреевна, Семен Иванович
за чайным столом.

Глафира Федоровна. Сеня, ты вот назвал гостей, а я и ума не приложу. Добро бы были люди путные, а то Бог знает кто.
20 Вчера в кладовую забрались, все перерыли, затеи там какие-то. С прислугой нынче и так беда. Ох, уж эта мне молодежь.

Фиона Андреевна. И-и, батюшка, по нынешним временам уже не гостей звать. У Животовских, в Золотухине, изволили слышать, кучер в окошко влез.

Семен Иванович. Не в кучере дело, Глафира Федоровна. Отчего же, маменька, молодежи не повеселиться? Одно удивительно, куда они все делись?

Глафира Федоровна. Да, мой друг, ты вот думаешь об их удовольствии, а они всякое уважение к старикам потеряли.
30 Твои именины, а никто до сих пор и не поздравил тебя.

Фиона Андреевна. Всё, матушка, новые порядки, генелисты завелись. А всех напоить, накормить надо.

Семен Иванович. Да много ль же их. И из чего вы, маменька, делаете такое затруднение! Племянника на вакации нельзя было не взять, ну с ним учитель, студент...

Глафира Федоровна. Ах, мой батюшка, нельзя же...

Фиона Андреевна. Матушки светы!

Семен Иванович. Потом свояченицу из института отпустили, а с ней подруга, очень милая девушка.

Глафира Федоровна. Уж эти подруги, зададут они тебе. 10

Фиона Андреевна. Зададут, матушка, зададут.

Семен Иванович. Что?

Глафира Федоровна. Ничего.

Фиона Андреевна. Ничего, батюшка, сахарку пожалуйста.

Явление II

Те же, и входит Марья Дмитриевна.

Семен Иванович. А, вот и она.

Марья Дмитриевна (*в дверях*). Смотрите ж, не забудьте. (*Подходит ко всем по очереди и целует мужа.*) Здравствуй, мой друг, поздравляю тебя. Здравствуйте, татап, поздравляю вас с 20 именинником. Фиона Андреевна, мое почтение.

Глафира Федоровна. Нынче, кажется, та chère¹, для нас радостный день.

Марья Дмитриевна. Знаю, слишком хорошо знаю. (*Целует мужа.*)

Семен Иванович. Ты не видала, где все, где Люба и вся молодежь?

Марья Дмитриевна. Видела... ах нет, не видала.

Глафира Федоровна. То ли дело в наше время; бывало, как покойный мой Иван Захарыч именинник, чем свет встанешь, 30 все осмотришь, приготовишь сюрпризы там разные, букеты. Кто стихи выучит, сестра раз куплет на клавикордах разучила...

Фиона Андреевна. А помните, матушка, как комедию играли, — струну?

Глафира Федоровна. Какую струну?

Фиона Андреевна. Так заглавие было.

Глафира Федоровна. Войдет мой голубчик, пойдут поздравления, даже со стороны трогательно смотреть.

¹ моя милая (*фр.*).

Коп. Влад. Да вы видите как, я думаю не могу
 решить. Вы же сами не знаете? (Григорий)
 предумыслил не могу. Ночью в оном задане (Григорий)

Действие II.

(Сценарий Уварова сцен, авторы Нам. Кабул)

А. У. (Видеет сцену) Ночью в оном задане
 карьера призвала меня в... (Григорий)
 неужели там... (Григорий)
 откуда, что она была... (Григорий)
 да вы же сами не знаете? (Григорий)
 предумыслил не могу. Ночью в оном задане (Григорий)
 да вы же сами не знаете? (Григорий)
 предумыслил не могу. Ночью в оном задане (Григорий)
 да вы же сами не знаете? (Григорий)
 предумыслил не могу. Ночью в оном задане (Григорий)
 да вы же сами не знаете? (Григорий)
 предумыслил не могу. Ночью в оном задане (Григорий)

(Актриса Нам. Кабул)
 Нам. Кабул. Мне ли, сценарий Уварова сцен, авторы Нам. Кабул
 Григорий
 Нам. Кабул. Мне ли, сценарий Уварова сцен, авторы Нам. Кабул

«КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ». (НИГИЛИСТ)
Фрагмент рукописи

Фиона Андреевна. Без слез вспомнить не могу. Вот именины так именины, не то что в нынешнее время... На их любовь-то гляючи, наплачешься. (*Плачет.*)

Марья Дмитриевна. Так вот как бывало, тапан, а теперь хуже?

Глафира Федоровна. Да, мой друг, хуже.

Явление III

Те же; вбегает Наталья Павловна, Люба и студент.

Люба. Здравствуйте, Глафира Федоровна, честь имею поздравить с именинами. Здравствуйте, Семен Иванович, и вас по- 10 здравляю.

Наталья Павловна (*жеманно, приседает*). Bonjour, madame, je vous félicite, et vous aussi, monsieur¹.

Люба (*весело*). О чем это вы плачете, Фиона Андреевна? (*Отходит в сторону.*)

Хрисанф Васильевич (*к Маше тихо*). Посмотрите, достал.

Марья Дмитриевна (*тоже тихо*). Хорошо, очень хорошо.

Семен Иванович. Что?

Сцена общего молчания.

Хрисанф Васильевич (*к Семену Ивановичу*). Так как суще- 20 ствует обычай поздравлять, то и я вас поздравляю.

Семен Иванович (*к Марье Дмитриевне*). Что, ты не видалась с Хрисанфом Васильевичем?

Марья Дмитриевна (*с замешательством*). Нет... да... нет, мы не видались, здравствуйте.

Хрисанф Васильевич (*кланяясь*). Нет, мы уже виделись с вами. (*К приживалке.*) Что это вы, Фиона Андреевна, так разрюмились? В нынешние времена прогресса доказано, что слезы есть только отправление организма.

Фиона Андреевна. Ну вас с руганизмом, я те сама так 30 обругаю, и почище вас видала. (*Отворачивается.*)

Глафира Федоровна. Очень рада, mes chers amis², что приехали навестить моего сына, боюсь только, не соскучились бы с нами, стариками. Теперь время уже не то. Et vous, ma chère, avez vous terminé vos études?³ (*Обращается к Наталье.*)

Наталья Павловна. Non, madame, pas encore⁴.

Люба дергает ее сзади за платье.

Нельзя, узнают.

¹ Здравствуйте, сударыня, я вас поздравляю и вас также, сударь (*фр.*).

² милые друзья (*фр.*).

³ А вы, моя милая, кончили свои занятия? (*фр.*).

⁴ Нет еще, сударыня (*фр.*).

Марья Дмитриевна. Ах, как тут жарко. (*Идет к молодежи.*) Ради Бога, осторожнее, чтоб он не видал.

Молчание.

Глафира Федоровна. Как, однако, твоя жена скоро сошлась с этими господами.

Семен Иваныч. Что?

Фиона Андреевна. Очень обходительна.

Явление IV

Те же и Николенька.

10 Николенька (*вбегают*). Поздравляю вас с именинами, Глафира Федоровна, и вас, дяденька. (*Кланяется комично Фионе Андреевне; отходит к молодежи; перешептываются и все убегают.*)

Семен Иваныч (*им вслед*). Маша, а Маша!

Явление V

Глафира Федоровна, Фиона Андреевна и Семен Иваныч.

Глафира Федоровна. Да, мой друг, молодость нынче по-своему смотрит на эти вещи. Не скажу, чтоб была большая разница в ваших годах, все-таки могла бы оказать больше внимания. Грустно, очень грустно.

20 Фиона Андреевна. Точно все на пожар побежали.

Семен Иваныч (*с сердцем*). Уж вы-то молчите!

Фиона Андреевна встает с испугом.

Глафира Федоровна. Ах, мой друг, как ты кричишь! Жена твоя убежала с этим студентом, вместо того чтоб с мужем посидеть, а она-то чем виновата, что ты приревновал ее к этому мальчишке.

30 Семен Иваныч (*вставая*). Ах, тапап, что вы только говорите! С какой стати; неужели я унижусь до такой степени, чтоб ревновать. И слово-то это мне мерзко. (*С сердцем стучает кулаком по столу.*) А позвольте мне сказать, что ежели вы хотите меня посорить с моей женой...

Глафира Федоровна. Ах, батюшка, Христос с тобой, на меня-то не кричи. Назвал Бог знает кого, а я виновата. Пойдемте, Фиона Андреевна, я вижу, что мы лишние.

Фиона Андреевна. Лишние, матушка, лишние.

Уходят.

Явление VI

Семен Иванович (*один*). Ревновать – не ревновать, это глупости. Но странно, действительно странно. Что за перемигиванье, перешептыванье, – убежала... И все они, эти девчонки, обрадовались этому костлявому Хрисанфу какому-то. Девчонки кокетничают, и она тоже. Но то девчонки! Непонятно; однако что это за таинственные улыбки, перемигиванье? Ах, как досадно. Нет, не досадно, а страшно, да, страшно... Ах, женщины, женщины! (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ II

Явление I

10

Марья Дмитриевна, Люба, Наталья Павловна, Николенька рассматривают транспарант. В комнате беспорядок, бумага, крахмал, костюмы.

Марья Дмитриевна. Отлично, отлично устроил Хрисанф, нам Бог послал этого Хрисанфа.

Наталья Павловна (*смеется*). Ах, Марья Дмитриевна, как он мне надоел, вообразите, вздумал за мной ухаживать, говорит о какой-то разумной любви, такой противный!

Люба. Неправда, Маша, она очень рада. Сама с ним кокетничает.

Наталья Павловна. Я? Вот еще вздор! Нет, Марья Дмитриевна, это она с ним кокетничала. Все об эмансипации говорила. 20

Люба. Нет ты.

Наталья Павловна (*обиженно*). Уж извините, совсем не я.

Люба. Нет ты.

Наталья Павловна (*тем же тоном*). Сделайте милость, не я.

Люба. Нет ты.

Марья Дмитриевна. Будет, будет вам спорить. Пора за дело приниматься. У нас еще и S¹ не кончен.

Люба. Нет, Маша, я не умею, надо Хрисанфа Васильевича позвать. 30

Наталья Павловна. Nicolas, бегите за ним скорей.

Николенька убегает.

Явление II

Те же, без Николеньки.

Наталья Павловна (*с живостью подходит к Маше*). Марья Дмитриевна, когда он работает, он снимает сюртук. Вы уж ему позвольте. Посмотрите, какая у него рубашка ситцевая.

¹ S – начальная буква имени Simon.

Явление III

Те же, входит студент с Николенькой.

Марья Дмитриевна. Стихи готовы?

Люба. Мажьте сажей transparent, а то я руки замараю.

Наталья Павловна. Что ж фонари?

Хрисанф Васильевич (*останавливается в дверях*). Вот она, равноправность женщин. Вездесущим может быть только один Бог, а я всюду не поспею. Нет, я говорил вам, Наталья Павловна, что далеко еще нашим женщинам до понятия о разумной любви.

10 Люба. Не в любви дело, мажьте сажей.

Марья Дмитриевна. Снимайте сюртук.

Наталья Павловна. Клейте фонари.

Хрисанф Васильевич. Так позвольте же. (*Снимает сюртук.*)

Марья Дмитриевна. Сделайте одолжение. Николенька, ступай на крыльцо; если кто пройдет, беги сказать.

Николенька. Уж будьте покойны, ни кота, ни кошки не пропущу. (*Убегает.*)

Явление IV

20

Те же, без Николеньки.

Все обращают внимание на рубашку студента.

Наталья Павловна (*насмешливо*). Лиловая!

Марья Дмитриевна (*так же*). Грязная!

Люба. С голубыми цветочками!

Хрисанф Васильевич. Что? Что?

Люба. Ничего, я только говорю, что голубые цветочки будут очень хороши на фонарях.

Хрисанф Васильевич. Но прошу вашего содействия, господа.

30 Наталья Павловна. Хорошо, я подклею. (*Подклеивает ему звезду на рубашке.*)

Люба. (*Красит ему ворот рубашки.*) А я подкрашу.

Марья Дмитриевна. Ну что ж стихи?

Хрисанф Васильевич. Позвольте минуту вдохновения, Марья Дмитриевна. (*Проводит рукой по волосам и мажет лоб сажей.*)

Наталья Павловна и Люба (*вместе*). Еще, еще вдохновения.

Хрисанф Васильевич (*пачкает опять лицо, не замечая этого*). Извольте. (*Отходит в сторону и становится в позу.*) С именами поздравить... нет, не хорошо...

40

Николенька (*вбегают*). Идет, идет!

Марья Дмитриевна. Кто идет?

Николенька. Николай повар.

Люба. Эх, дурак.

Марья Дмитриевна. Не в поваре дело, а если кто из наших придет.

Хрисанф Васильевич. Позвольте, позвольте, господа. Вы меня измазали и приклеили. Приклеили двойко, Наталья Павловна, а стихов все еще нет.

Марья Дмитриевна. Ну как хотите с вашим вдохновением, а мы будем клеить. 10

Хрисанф Васильевич (*в сторону*). С именинами поздравить... нет, не годится. Поздравление принести... (*Подумав.*) Возьму чужое... Пожалуйте, Марья Дмитриевна, готово. (*Декламирует.*)

Хоть поздравлять не современно
В костюме грации с цветами,
Я консерватор совершенно,
И занята одними вами!

Позвольте еще.

Марья Дмитриевна. Довольно. Отлично, очень хорошо. Мы в костюмах трех граций поднесем ему вензель, и я спою стихи. Очень вам благодарна, Хрисанф Васильевич. (*Жмет руку студенту.*) 20

В это время отворяется окно и показывается Семен Иванович.

Марья Дмитриевна (*испуганно, между тем как девочки закрывают фонари*). Ах, Семен Иванович! не ходи сюда, не ходи!

Семен Иванович (*глядит с ужасом на жену*). А, вы все здесь. Я очень рад, что вам весело. Хорошо, хорошо, я уйду.

Наталья Павловна. Боже мой, он все видел.

Люба. Не видал, не видал. 30

Марья Дмитриевна. Где же этот проклятый Николенька? Люба, притащи его сюда.

Люба убегает и сталкивается с Николенькой.

Николенька (*вбегают*). Идет, сам идет!

Марья Дмитриевна. Что ты наделал?

Люба. Где ты был?

Наталья Павловна. Ах, все пропало!

Хрисанф Васильевич. Неверный раб, я заставил караулить тебя вертоград мой, а ты спал.

Все тормозят Николеньку.

40

Люба. Зашекочу.

Наталья Павловна. А я сажей вымажу.
Николенька (*барахтается*). Пустите, пустите!

Явление V

Те же, Фиона Андреевна.

Фиона Андреевна (*с ужасом*). Батюшки, ребенка задушили. Кузьма, люди!

Хрисанф Васильевич. Сударыня, сколь ни приятно нам ваше общество, но мы без слез обойдемся без оного.

Фиона Андреевна. Тьфу ты!

10 Люба. Идите, ступайте. (*Захлопывает дверь*.)

Фиона Андреевна (*жалобно, показывая разорванное платье*). Креп-рашелевое! Благодетельница подарила.

Марья Дмитриевна. Ну вас с благодетельницей.

Фиона Андреевна (*выглядывает из двери*). Ай, страсти какие, студент чертом нарядился! Все пойду расскажу.

Марья Дмитриевна. Ступайте. Николенька, беги на часы, а мы примемся за дело.

Хрисанф Васильевич. Что ж это она, однако, сказала, что студент чертом нарядился. Дай посмотрю. (*Смотрится в зеркало и с досадой срывает бумажку*.) Как глупо. Ничего остроумного нет.

20 Марья Дмитриевна. Ну полноте, Хрисанф Васильевич. Как это шутки не понять. Однако мне надо идти, как бы не хватились.

Николенька (*бежит*). Идет, идет, сама, распросама!

Бегают без толку, кричат: «Батюшки!»

Марья Дмитриевна. Полноте, несите всё вон, прячьте.

Все убегают, кроме Марьи Дмитриевны и Хрисанфа Васильевича.

30

Явление VI

Марья Дмитриевна, Хрисанф Васильевич
и Глафира Федоровна.

Глафира Федоровна. Мило, очень мило. Simon, бедный! И ты не пожалела моих седых волос. Для кого? Хорош, помазилка!

Хрисанф Васильевич (*с достоинством*). Какое вы имеете право?

Марья Дмитриевна. После, тапан, после все расскажу. Пойдемте, Хрисанф Васильевич. (*Уводит студента*.)

Явление VII

Глафира Федоровна одна.

Глафира Федоровна. Ни стыда, ни совести. Так, сударыня. Взяла под ручки своего возлюбленного и пошла. Бог мой! Нет, я не перенесу этого. Фиона Андреевна, Фиона Андреевна! Фиона Андреевна (*вбегаем*). Благодетельница!

ДЕЙСТВИЕ III

Явление I

Глафира Федоровна и Фиона Андреевна раскладывают карты.

Фиона Андреевна. И слышит она необыкновенный 10 треск, глядит, а у ней под образами круги, всё круги...

Глафира Федоровна. Да что за круги?

Фиона Андреевна. Уж это ей, матушка, так Бог дал знание... Ну-с, вот она и пошла к старцу, приходит в келью, глядь, а там свинья сидит... бес над ней. Она так и хлопнулась, спасибо, послушник вошел, sprыснул ее, говорит: это ничего, он у нас блаженный! Иной раз Бог знает чем прикинется.

Глафира Федоровна (*отдает ей карты*). Помешайте карты.

Фиона Андреевна. Извольте, матушка. Вот, сударыня 20 моя, старец этот и посоветовал: поди, мол, к Соловецким.

Глафира Федоровна. Куда?

Фиона Андреевна. К Соловецким, матушка. Ну-с, она и пошла, шла, шла, а он-то все в глазах...

Глафира Федоровна. Кто?

Фиона Андреевна. Да бес, матушка. И заболи-то у нее вдруг нога, шишка.

Глафира Федоровна. Что?

Фиона Андреевна. Шишка; да вот на самом на этом месте, на щиколке. Как тут быть? Остановилась она у старушки, а 30 старец, отец Анфилогий, ей сказал: смотри, никогда на правом боку не спи, потому он тут сидит...

Глафира Федоровна. Да что ты, мать моя, так бестолково рассказываешь? Да кто сидит-то?

Фиона Андреевна. Он, матушка. Да как же, отец Анфилогий говорит: при рождении каждого человека, в писании сказано...

Глафира Федоровна. Да ну, будет вам. У меня не то в голове. Где Сеня-то наш? Бедный Simon, подумать не могу. Вот и он, уйдемте. (*Уходят.*)

Явление II

Семен Иваныч один, потом Наталья Павловна.

Семен Иваныч (*входит мрачный*). Нет, я не могу этого терпеть больше. Маменька призвала меня и решительно объявила, что она сама видела, как моя жена говорила тайны с этим господином. Она говорит... Но это ужасно, что она говорит и думает...
10 положим, это вздор, но как довести себя до того, чтобы подать повод это думать. Но надо решиться. Я не могу так это оставить. Пойду к ней и объяснюсь. Маша, Маша, как я любил тебя. А этого господина... ну уж этому господину нехорошо будет – да, нехорошо. (*Берет дубину.*)

Явление III

Наталья Павловна (*входит*). Что вы, Семен Иваныч, грустны как будто?

Семен Иваныч. Я? Нет, ничего.

Наталья Павловна. Что это какая страшная палка? Это
20 зачем?

Семен Иваныч. Это так... (*Молчит.*) Наталья Павловна, что бы вы сделали, ежели бы всей душой вы любили человека, и этот человек не пожалел бы оскорбить вас, в самое больное место поразить вас?

Наталья Павловна. Я, право, не знаю, я не испытала.

Семен Иваныч (*берет палку*). Я знаю, что сделать. (*Угрожает дубиной.*) Нет, ничего. Прощайте. (*Наталья Павловна уходит.*) Ах, нет, где Маша? Пойду и решу всё, непременно решу. (*Идет.*)

30 Марья Дмитриевна (*из-за двери*). Сеня, это ты? Выдь на минутку, я тебя прошу.

Семен Иваныч (*в сторону*). Она и скрывать не хочет. Непонятно!

Явление IV

Хрисанф Васильевич.

Хрисанф Васильевич (*входит, берет свечи, отодвигает стол и стулья*). Вас просят выйти на минуту.

Семен Иваныч. Пойдите, подождите.

Хрисанф Васильевич. Некогда, после. (*Уходит, унося свечи.*)

Явление V

Люба.

Люба (*подбегает к двери*). Глафира Федоровна, голубушка, скорее, что у нас делается, прелесть! идите скорее. (*Убегает.*)

Явление VI

Глафира Федоровна, Фиона Андреевна, Семен Иваныч.

Глафира Федоровна. Это еще что? Светопредставление! 10

Фиона Андреевна. Матушка, в потемках хоть молитву сотворите.

Семен Иваныч. Нет, это нельзя перенести, или я или... Они взбесились, ничего не понимаю!

Явление VII

Все входят в костюмах с транспарантом.

Марья Дмитриевна (*поет*).

Хоть поздравлять не современно
В костюмах граций и цветами, —
Я консерватор совершенно, 20
И занята одними вами.

Семен Иваныч. Ах я дурак! А я-то думал...

Марья Дмитриевна. Что ты думал?

Семен Иваныч. Нет, не скажу.

Марья Дмитриевна. То-то.

Глафира Федоровна. Charmant, как мило, дети, обнимите меня.

Фиона Андреевна. Ай да нигилист, прострелил!

Хрисанф Васильевич. Ну, великолепная госпожа, Фиона Андреевна, совершимте и мы с вами примирение. 30

Конец

〈РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА〉

Она взяла Верочку, достала тряпок и стала одевать ее. Вечером в Рождество¹ приехали гости. Все были в нарядных платьях: и большие, и свои, и чужие дети. Все ходили по гостиной, по детской и по кабинету, а в залу никого не пускали, потому что там убирали елку.

10 Было много детей. Льва Николаевича дети – мальчик Сережа и девочка Таня, потом был чужой гость – мальчик Петя, потом были садовниковы две девочки, кормилицын мальчик и еще много крестьянских детей. Все крестьянские дети стояли кучкой и боялись ходить по комнатам и только смотрели на свечи и лампы и не знали, в котором угле елка. Все им казалось так хорошо. Сзади всех крестьянских детей стояла сиротка Феклушка, которую чуть не раздавил Лев Николаевич. Она была хуже всех одета. Шуба на ней была та ж(е)² и чулки такие же прорванные (и) сарафанчик грязный и худой. (У) ней не было отца и матери, (а) тетка, у которой она жила, не одела ее к празднику.

---

¹ Так в автографе.

² Край листа оборван.

〈АНЕКДОТ О ЗАСТЕНЧИВОМ МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ〉

Приехал один раз застенчивый молодой человек к знакомым на именины. Гостей было много. Позвали всех к пирогу. Хозяйка стала потчевать пирогом, потом рыбой. Застенчивый молодой человек отказался от пирога. Хозяйка знала, что он застенчив, и говорит: «Ну, так рыбки покушайте», – подвинула ему рыбу и отвернулась, чтобы он не стыдился. Рыба была большая стерлядь. Молодой человек взял вилку, зацепил кусок и хотел взять.

10 Но кусок не дочиста был отрезан. И потянулась рыба с тарелки на скатерть. Молодой человек заробел, думает: «Если назад класть, станут смотреть на меня, смеяться, дай оторву поскорее кусок», – дернул за вилку, рыба вся и соскользнула мимо тарелки на скатерть. Он стал удерживать, поторопился и стащил рыбу себе на колени. Он хотел подхватить, да не удержал. Рыба с колен упала на пол. Он оглянулся. Видит, никто не заметил за него, все занялись пирогом. «Авось не хватятся», – думает он. Постучал вилкой по тарелке, будто ест, а сам ногами стерлядь под стол по-20 дальше загоняет. Только кончили пирог, хозяйка к стерляди: хотела гостям подвинуть. Глядь, ее уж нет и костей нет. Застенчивый молодой человек уткнулся в тарелку и чувствует, что лицо горит, как крапивой острекало. Один уронил салфетку, стал поднимать. «Э! – говорит, – стерлядь-то уплыла, вот она». Молодой человек вскочил и не простился с хозяевами, убежал.

〈РОМАН О РУССКИХ БОГАТЫРЯХ〉

〈ПЛАН РОМАНА〉

Илья

1. *Приобретение силы* – отдают в университет. Он слабеет от оторванности, а то бы мир перевернул.

2. *Подвиги на пу(ти) в К(иев)*. Снятие осады Черн(игова). Освобожд(ение) рабочих от иностр(анного) ига. Соловей – это либералы. – Победил – убил. Статьи.

3. *И(лья) и пр(екрасная) Кор(олевична)*. [Лебедь белая заманивает] Богачка разви(тая) двоемуж(ница) затягивает его, он убивает ее нрав(ственно). 10

4. *Битва с Бог(атырем)*. [Философия] [Жалко убивать, она его дочь] к(оторый) оказ(ался) его сыном. Это неурядица жизни. Д(обрыня) и А(леша) не могут. Аскетизм и удаление.

5. *И(лья) и И(долище)*. Философия. Из удаления узнает, ч(то) ф(илософия) одолевает. Он [убивает] смеется и убивает его. Известие получает от Митиньки, т.е. от того, кто дал ему образ(ование).

6. После уничт(ожения) фил(ософии) ссорится с обществом. Неурядица мысли, опять вызывает его, и он дает свои основы 20 жизни и исчезает.

Добрыня.

1. *Д(обрыня) и М(арина)*. Цыганка Маша. Мать спасает его.

2. *Борьба с З(меем)*. Борьба с вольнодумством за границей.

3. *Д(обрыня) женат*. Едет на службу. Роман А(леши) П(оповича).

В(асилий) Б(услеаев)

1. Пьяница. А(мелфа) Т(имофеевна). Литература.

А(леша) П(опович)

1. Б(ой) с Т(угарином). А(леша) берет платье калик, т.е. одевается чиновником, но его чуть не уничтожили чиновники.

2. А(леша) с сестрой братьев, невестой Д(обрыни).

М(ихайло) П(отык)

1. Гуляка, соблазнен Л(ебедью) Б(елою) и с ней [уединяется и излечивает ее].

10 2. Л(ебедь) Б(елая) изменяет для короля. М(ихайло) окаменел, но К(оролевична) оживляет его.

3. М(ихайло) с ней уединяется и исцеляет ее.

И(ван) Г(одинович)

1. Охотник конный.

2. Женидьба на Н(астасье) и измена ее для старого богача и убийство.

Дан(ила Ловчанин)

Жена его свояченица Добрыни верна мужу, и он и она гибнут от похоти кн(язя).

20 Ч(урила) П(ленкович)

[Богатство] Щегольство, соблазн. [Бер(мятин)] Старый Бермяти(н) убивает жену.

Борьба с Дюк(ом), и Дюк насмерть убивает его нравственно.

Дюк
Лорд.

Калика-Митинька

Микулушка-мужик

〈ЗАМЕТКИ К РОМАНУ〉

Илья горд. – Ку¹

Илья успокаивается и решается на брак в природе.

Заезжает к Даниле, он только охотник.

Михайла горд, эгоист, легкомыслен.

Подразделени(е) наук: раскопка Помпеи – наука.

---

¹ Лист оборван.

〈УБИЙЦА ЖЕНЫ〉

Х

Все, что можно было ему сделать, было сделано. Ни других, ни себя не жалея, он отдался той страсти, которая наполняла его сердце. И он сделал много трудного и страшного: он подкараулил их, подкрался, убил ее до смерти, наверное убил и его изуродовал – наказал их, показал им, что шутить им нельзя, и что еще труднее было – не побоялся суда людей и смело сказал всем: «Возьмите, судите меня. Я убил бывшую жену, непотребную
10 суку, и знаю, что я сделал хорошо. Теперь берите, судите меня по-своему. Вы меня не поймете. А я вас понимать не хочу». Он все это сделал, и казалось, должен бы был быть спокоен. Все, что он делал, он делал для того, чтобы утолить свое беспокойство. Но, сидя один в отделении части, он не был спокоен. То, от чего он искал успокоения, делая все то, что он делал, все точно тем же тяжелым, выжимающим из него жизнь камнем лежало на нем и давило его.

Одна перемена была в нем: до этого ему казалось, что ему
20 надо сделать что-то и что, когда он сделает это что-то, ему будет легче, огонь перестанет жечь его. Но теперь он знал, что делать больше нечего, и тяжесть так же давит, и огонь так же жжет, и он устал.

Он сидел на койке, смотрел на решетчатое окошко в двери, слушал шаги, хлопанье дверей на блоках и разговор в соседней камерке.

– Какой барин?

– Барин, помещик. Весь потрох выпустил, сказывают. Сам покаялся. Возьмите, говорит, меня. Я жену погубил.

– Что ж ему будет, дядя Иван?

30 – Известно что. Разве им велят смертоубийство делать? То же, что и вашему брату. Что ж, разве они господа, так и суда на них нету? Нет, брат. Нынче закон порядок требует.

– Что ж, дядя, табак-то растер что ли?

– Когда тут. Анафемская должность, право.

«Суд, – подумал он. – Пускай. Кнут, Сибирь, и это пускай. Пускай бы она смотрела, как палач будет крест-накрест рассекать мне мою пухлую спину. Она не увидит. Она лежит, согнув расстрепанную голову на белую руку, и всхлипывает предсмертным всхлипыванием. Пускай, но мне не легче. Делать больше нечего. Судить? Капитан-исправник? Прокурор?» И он застонал от стыда и душевной боли при мысли о том, как ему придется отвечать, слушать.

10

Заскрипели двери на блоках, шаги, суетня, шепот, и громкий барский голос спросил, где арестант.

– В секретной, ваше высокоблагородие.

Высокий статный исправник с крашеными усами и хохлом вошел в дверь, делая выговор за нечистоту.

– Вы отставной ротмистр Желябовский? – спросил он.

Он не отвечал. Он смотрел на исправника, на его сытое барское лицо, на крест, на торопливость станового, снимавшего с него шинель, и на спокойную уверенность исправника, свободно-го, счастливого. Противная веселость учителя, насвистывавшего песенки, в то время как Желябовский, бывши ребенком, сидел под наказанием, вспомнилась ему. И ему, как тогда, чувствуя свое бессилие, захотелось плакать. Он раза два взглянул, опустил глаза и не отвечал, потому что боялся, что его голос дрогнет и ему будет стыдно. Но, не отвечая, он решил, что и не нужно и нельзя отвечать.

20

– Вы арестант и должны отвечать мне для снятия допроса, – сказал исправник.

– Я все сказал. Я убил жену. Судите.

– Вы в эмоции. Я понимаю и жалею. Вы успокойтесь. Я буду просить вас завтра ответить нам. И верьте, что я жалею. Не могу ли быть вам полезен? Ваш камердинер просил допустить его. Или кушанье? Но завтра уж я буду просить вас ответить по пунктам.

30

– Мне ничего не нужно.

– Камердинера?

– Васька? Зачем ему?

– Батюшка Михаил Сергеич, отец!

Камердинер вошел и стал целовать плечо и руку.

– Ну, оставьте, ну, завтра.

Исправник вышел.

40

[Василий камердинер долго молчал, стоя у двери. Но когда все затихло, он упал со всего роста на землю и зарыдал.

– Отец, прости. Я всё наделал. Зачем я сказал тебе.

– Молчи.

– Не буду. Отец, прости меня, выслушай. Я выведу отселе. Только послушай меня.

– Мне некуда идти. Одно помоги мне – убить еще себя.

– Батюшка Михаил Сергеич! Погубил я тебя. Прости. Послушай меня. Грех на тебе большой, на мне еще больше. Послушай меня, беги. Я и деньги принес, и все готово. Уйдем. Погубил одну душу, не погуби меня и себя.

– Куда ж я уйду?

10 – За границу уйдем.

– Молчи. Я спать лягу.]

Он прилег на койку и долго лежал. Василий сидел тихо и задремал.

Все та же Анастасья Дмитриевна, всхлипывая предсмертным всхлипываньем, лежала перед самыми глазами Михаила Сергеича, и все та же тяжесть и то же чувство бессилия томили его.

Он пытался молиться, но одна злоба против Бога поднималась в его душе. А вместе с тем он чувствовал себя в руках Его. Он не спал две ночи и не мог заснуть. На мгновение он забылся и
20 вдруг вскочил:

– Сторож, сторож!¹

.....
Сторожа были пьяны. Инвалидный солдат пошел купить закусочку. Михаил Сергеич вышел из двора и тотчас повернулся² на пустырь за купеческим двором. Всю ночь он шел то лесом, то дорогой. К утру, раздвигая колосья, они вошли в рожь и заснули, и спали весь день. К вечеру они вышли на дорогу. Он подошел к реке. У реки были телеги, повозки, женщины, дети и мужики. Все с удивлением смотрели на него. Михаил Сергеич разделся и
30 полез в воду.

---

¹ На полях: Сторож пришел и стал рассказывать, как ушел арестант.

² Плавка не завершена.

СТЕПАН СЕМЕНЫЧ ПРОЗОРОВ

В Сандарской губернии в Никольском уезде жил молодой богатый помещик. Ему досталось от отца большое состояние, но он скоро почти все прожил. Он продал два имения, и оставалось у него одно то, в котором он родился и в котором были похоронены его отец и мать, и на этом именье было столько долгов, что он ждал всякую минуту, что продадут и это именье и ему ничего не останется. Но несмотря на то, Степан Семеныч¹ жил, как и всегда, богато и весело и дом у него был полон гостей, и что у него было, в том он никому не отказывал.

10

Один раз он поехал на охоту с товарищами и переезжает верхом через большую дорогу; видит, в лощинке завяз воз с сеном, мужик тянет за подтяжки одной рукой, а другой бьет вилами худую лошаденку, а лошаденка бьется, падает на колени, а вывезти не может. А на дороге сидит баба пригорюнившись. Охотники проехали, и один из них посмеялся мужику:

– Ты бы бабу на пристяжку запрёг, а то что она так сидит.

Мужик был большой, сильный и угрюмый. Он поглядел на охотника, хотел сказать что-то, потом раздумал и из всех сил стал бить лошадь. А баба сказала:

20

– Ах, родной ты мой кормилец, что бы пожалеть человека, а ты зубоскалишь, – и заплакала.

Лошадь рванулась и упала. Мужик бросил вилы и стал выпрягать. Андрей Иванович подъехал к мужику и говорит:

– Что же, или она не кормлена у тебя?

Мужик не отвечал. А баба рада поговорить да и говорить мастерица, стала рассказывать и всё рассказала, как они одиноки живут, хлеба не родилось, двух лошадей увели, сына женили, а сын помер, и прогневался на нас² Господь и пропадом пропадаем.

---

¹ Далее в автографе имя и отчество героя, названного в ранней редакции Андреем Ивановичем, осталось неисправленным.

² Так в автографе.

Мужик ничего не говорил, а вытаскивал за хвост лошадь из оглобель. У мужика лицо было такое серьезное, хорошее, и баба такая жалкая показала, что Андрею Иванычу стало жалко.

– Василий, – закричал он охотнику, который посмеялся над мужиком, – подъезжай.

Василий подъехал.

– Слезай с лошади – расседывай.

Василий слез и расседлал, не зная, что будет.

10 – Возьми седло и неси домой – недалеко, верст десять. А ты, дружок, как тебя звать? – сказал он мужику.

– Миколай, кормилец, Миколай Трунов, – отвечала баба за мужика.

Мужик снимал хомут и смотреть не хотел на Андрея Иваныча.

– Так ты, Николай, возьми лошадь вот эту. Она добрая и хорошо воза возит.

Мужик посмотрел и отвернулся, он думал, что смеются.

– Ох ты, мой болезный, – заговорила баба. – Что смеяться-то.

– Бери что ль.

20 Но ни мужик, ни баба не брали лошади. Тогда Андрей Иваныч велел привязать лошадь к мужицкому возу и сам ускакал прочь.

– Ты смотри, не краден ли, – закричал мужик вслед.

– Не краден, не бойся, – закричал Андрей Иваныч, – моего завода, Прозорова Андрея Иваныча.

Когда в этот вечер Андрей Иваныч вернулся домой, к нему навстречу выбежала его нянюшка Марья Лукинична, она была у него экономка, и со слезами стала рассказывать ему, что в доме становой и другие чиновники, и переписывают все вещи, и всё хотят продать и именье продадут.

30 – Ничего, Лукинична, поправим, – сказал Андрей Иваныч, а вели-ка обедать давать.

Он позвал станowego и чиновник(ов) обедать и веселился и смеялся с ними за обедом, а после обеда велел им делать свое дело, а сам велел запрячь лошадей и поехал в город ко всем родным и знакомым просить денег. Он просил займы. Но никто не дал ему. Он уже хотел ехать домой, как вспомнил про тетку, которая очень любила его. Он приехал к ней и рассказал все.

– Я тебя люблю и помогла бы тебе, Андрюша, да у меня своих денег нет, а есть детские. Отдашь ли ты?

40 – Я отдам непременно, – сказал Андрей Иваныч, и он точно думал отдать.

И тетка взяла с него честное слово, что он перестанет жить так роскошно и в (срок) деньги эти заплатит. Андрей Иваныч дал

честное слово, взял деньги и поехал в город. Но в Москве встретился ему его приятель, и он, вместо того чтобы заплатить деньги, прожил их все. Когда вышли последние деньги, он лег в постель, но не мог спать. Так он пролежал целую ночь и не мог придумать, что ему делать. Жалко ему было и свой дом, и деревню, где он родился и вырос и где похоронены были его родители. Но хуже всего для него было то, что он обманул тетку, не сдержал слова и прожил чужие деньги. «Теперь я подлец и пропащий человек, и мне нельзя жить». Он был в таком отчаянии, что если бы у него был под руками пистолет, то он застрелился бы. Но пистолета не было. «Утопиться», – подумал он. Встал, оделся, вышел из гостиницы и пошел к реке. Когда он подошел к реке, солнце встало, и ему стало вдруг весело. «Нет, – подумал он, – не буду топиться, а убегу куда-нибудь так, чтобы не знали меня. Дальше куда-нибудь. Вот если бы с ними уйти куда-нибудь», – подумал он, глядя на рыбаков. На берегу лежало мужицкое платье. И ему вдруг пришла мысль. Он снял свое платье, будто хочет купаться, потом влез в воду и надел все мужицкое платье. И пошел по берегу. Все он делал как во сне, только думал, куда бы уйти поскорее. На берегу была пристань, он вошел на нее.

10

20

– Проходи скорее, останешься, – закричали на него и толкнули на пароход.

Пароход засвистал и поехал.

Андрей Иваныч по привычке прошел в первый класс, но его оттолкнули оттуда. И он услышал, как барыня по-французски сказала:

– Comme il est beau ce paysan, il a l'air noble¹.

Он прошел в 3-й класс и сел на полу у трубы с мужиками и солдатами и был как во сне.

---

¹ Как красив этот крестьянин, у него благородный вид (фр.).

〈ШУТОЧНАЯ СЦЕНА ДЛЯ ДЕТСКОГО СПЕКТАКЛЯ〉

Мария Лукинична (*вяжет чулок*). Ванька, а Ванька, что долго самовар?

Ванька. Лучинок нет, Мария Лукинична.

Мария Лукинична. Да ты дуй, вот так. Скорей же! Вот не ленива была, как та барская барыня, Анна Ивановна...

Анна Ивановна. Что, что меня поминаете?

Мария Лукинична. Я не поминаю. Я петли считаю...
10 три пары чулок связала, продала, вот и восьмушка чаю. (*Ваньке*.)
Ваня! А Ваня! Где чашка?

Анна Ивановна. Машка? Я Машке давно белье отдала, да что-то не несет.

Мария Лукинична. Ишь что глухая-то плетет. Давай сюда. (*Берет чашку*.)

Ванька. Самовар готов.

Мария Лукинична. Давай.

〈Ванька〉 (*подает*). Идти что ли звать Лукерию Петровну?

Мария Лукинична. Иди скорей, да смотри скажи, чтоб
20 сахару-то сваво несла. (*Иван уходит*.)

Анна Ивановна (*про себя*). Когда у меня чай был, всех угощала, а теперь нет того сказать: Анна Ивановна, не угодно ли чайку. Лукерию Петровну зовут. (*Марье Лукиничне*.) Мария Лукинична, а Мария Лукинична?

Мария Лукинична. Чего тебе еще надо? (*Вяжет*.)

Анна Ивановна. А который теперь час-то будет?

Мария Лукинична. После давешнего первый. (*Вяжет*.)

Анна Ивановна. Марья Лукинична! А Марья Лукинична, чай где брали?

30 Мария Лукинична. Где ни брали – на свои деньги.

Анна Ивановна (*про себя*). Вот яд, слова не ответит.

Входит Лукерия Петровна.

Мария Лукинична. Милости просим, Лукерия Петровна, садитесь, гости будете.

Лукерия Петровна. Здравствуйте, Мария Лукинична, здравствуйте, Анна Ивановна. (*Кладет сахар на стол, берет чашку.*) Ах, матушка, только от Мякишкиных с девичника пришла; то-то смеху было. Сенечка пьян пьянешенек; его из избы гонят, он говорит: «Умру не уйду». Матрену он локтем толкни, а она с ног долой.

Анна Ивановна. Куда, кто домой?

10

Мария Лукинична. Ишь глухая – бормочет.

Лукерия Петровна. Мужики его выгнали, а он стоит перед избой.

Анна Ивановна. Разбой! Где разбой?

Лукерия Петровна. Про Сенечку, Анна Ивановна, рассказываю; что ж вы не встанете? Пришли бы чайку напитокся.

Мария Лукинична. Не зови. Бог с ней совсем.

Анна Ивановна (*про себя*). Эка скупая.

Лукерия Петровна. Стоит перед избой ругается. Девки песни петь перестали, он за ними в погоню, они по двору, он в сугробе и завяз. То-то смеху.

Разливают чай и пьют.

Анна Ивановна (*про себя*). Ох, хорошо чайным духом понесло; смерть чаю хочется. Пойду-ка встану, может и поднесут чашечку. (*Поднимается с постели и направляется к ним.*)

Мария Лукинична. Вишь, наша барыня поднялась, кушайте!

Анна Ивановна. Не дойду, ой, ой.

Лукерия Петровна. Мария Лукинична, она ведь человек старый, и взаправду не дойдет.

30

Мария Лукинична. Притворяется, до Киева дойдет.

Анна Ивановна. Ой, упала, упала.

Лукерия Петровна встает, хочет поднять.

Мария Лукинична (*отстраняет ее*). Погоди, не упала еще, дойдет.

Анна Ивановна. Упала, упала. Ой, поднимите.

(Мария Лукинична.) Эка притворица. (*Подходит к ней.*) Ну зачем вставали (*ведет ее*). Не сюда, матушка, не сюда!

Анна Ивановна. Не сюда, не сюда! (*Мария Лукинична отводит ее на постель.*) Злодейка. Вот муж приедет, он мне денег

40

привезет, а тебе я ничего не дам, вот этого (*показывает палец*) не дам! Я второе письмо писала, придет, ничего не дам.

Мария Лукинична. Знаем мы мужа-то, уж сколько раз писала, да что-то не едет он; а чай ты свой заводи, а к другим не пристраивайся.

Анна Ивановна. Злодейка, скупая, яд! (*Толкает ее ногой.*)

Мария Лукинична. Ты не толкайся. Лежи смирно.

Анна Ивановна. Не хочу лежать. Злодейка. Разбойница. Пусти. (*Цепляется ей за платье.*)

Мария Лукинична. Пусти.

10

Анна Ивановна. Не пушу. Злодейка. Яд. Ты скажи, за что ты меня мучаешь.

Мария Лукинична. Пусти. (*Дерутся.*)

Старухи смотрят друг на друга и говорят: «Яд». – «Сама яд». – «Разбойница». – «Сама разбойница». – «Салопница». – «Сама салопница». – «Гм!» – «Гм!»

Лукерия Петровна. Ай, батюшки, подрались. (*Разнимает их и отводит Марию Лукиничну к столу.*) Уйду лучше от греха, а то еще беда какая приключится. (*Уходит.*)

Входит Ванька.

20

Ванька. Анна Ивановна, вас какой-то господин спрашивает.

Анна Ивановна. А, попалась. Он, вот он приехал, вот ничего же тебе не дам. Где он? Ванюша, зови его скорей! Где он?

Мария Лукинична. Как же, уж небось Васенька твой! Должно становой за пашпортом приехал. Хоть бы увез тебя куда.

Входит муж Анна Ивановны.

Анна Ивановна. Он, он! Так и есть он, он!! Друг ты мой! Васенька! Красавец ты мой писанный, ненаглядное ты мое сокровище.

30

Муж. Ай, Анна Ивановна, постарела ж ты. Я не узнал бы тебя.

Анна Ивановна. Горя много видела, друг ты мой. (*Садятся рядом и держатся за руку.*)

Муж. Что делать, давно бы приехал, да не с чем ехать было. Теперь вот получил и привез тебе, Анночка. Вот они! (*Кладет на стол бумажник.*) Теперь нужды не увидишь, и всех, кто тебе пособил, не забуду.

Мария Лукинична (*про себя*). Эх, прошиблась. *⟨(Вслух.)⟩*
Вот, матушка Анна Ивановна, ждали всё, ждали, вот и дал Бог радость.

Анна Ивановна. А, лиса, завертела хвостом.

¹ Муж. Я здесь спрашивал, с тобой добрая такая старушка жила, где она? Вот я ей награду приготовил.

Анна Ивановна. Добрая старушка. Да уж, добрая.

Мария Лукинична. Я ведь любя, матушка Анна Ивановна.

10 Анна Ивановна. Обещала я тебе, что отплачу, да уж на радости не хочу зла помнить. *(Мужу.)*² Вот она, Васенька. С ней вместе нужду терпели, с ней и...

Муж дает деньги Марии Лукиничне.

⟨Мария Лукинична.⟩ Не стою я того, батюшка. *(Плачет и кланяется в ноги.)* Прост*⟨ите⟩* меня.

⟨Анна Ивановна.⟩ Бог простит. Кто Богу не грешен, царю не виноват. *(Обнимаются и плачут.)*

Муж. Ну, вы тут расхныкались. Мне с дороги чайку бы дали, а я и ромку привез.

---

¹ На полях: знак (*).

² На полях: знак *.

СКАЗКА

...и я потерял сознание. Когда я очнулся, я был уже не на песке, не в пустыне, а на постеле в доме между живыми существами. Два такие существа сидели на скамье подле меня – одно било масло в бутылки, другое плело какое-то торпище. Третье существо сидело у стола и что-то делало. Увидав, что я очнулся, они переговорили что-то на неизвестном мне языке и дружелюбными знаками показали мне, что я не должен их бояться. В тот же день я встал и мог ходить, на другой день я почувствовал еще более силы и скоро совсем поправился. Я два года прожил в этом городе неизвестной середины Африки, называемом городом Дюлей, и успел узнать их язык, характер, образ правления и жизни и их занятия. Первое, что поразило меня в жизни Дюлей, было необыкновенная плачевность и быстротечность их жизни. Все люди, которых я видел, носили на себе очевиднейшие зародыши смерти, и все на моих глазах с каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой таяли или, если по правде сказать, гнили. Каждый день я замечал, как они морщились, калянели, выветривались, из них выпадали зубы, волоса, и они мерли, другие, еще не выветрившись и не сгнивши, подрезывались иногда в зародыше какой-то невидимой 10
рукой и мерли. Но все Дюли, несмотря на это, очевидно были лишены способности видеть тот закон смерти, под которым они были рождены, и наблюдали очень тонко многое постороннее, но не видели того, что они не живут, а только разными путями умирают. Когда я выучился их языку, я несколько раз хотел обратить на это их внимание, но на языке их не было для того настоящих 20
слов.

¹ Я прожил 18 лет среди этого народа и сообразно с предположениями этно- и географов нашел этот народ диким, но в против-

---

¹ На полях: Разговор с учеными.
Мы никогда не узнаем.

ность общему поверхностному мнению о дикости, я не нашел их *просто* дикими, т.е. с отсутствием сложности жизни; но я нашел в них жизнь весьма сложную, возникшую из вековых исторических условий. Дикими же я их считаю потому, что несмотря на то, что некоторые матерьяльные стороны жизни их были весьма и весьма усложнены, у них были только начатки понятий о науке, о философии, о религии, и начатки столь запутанные, кривотолковые, что только с большим трудом после 10 лет жизни и изучения их языка и нравов я стал понемногу понимать их, и в настоящем

10 сочинении попытаюсь изложить их, как они мне открывались.

1) Браки и семьи, 2) собственность, 3) суды, 4) администрация, 5) торговля и богатство, 6) обучение, 7) наука, 8) религия. Дюли подразделяют себя на много различных подразделений, каст и сословий, имеющие¹ каждое свой отличительный знак. Отличие это состоит в цвете и количестве пуговиц, которые они носят на колпачках. Но подразделения эти не существенны. Одно настоящее подразделение есть следующее: Дюли работающие, т.е. производящие что-нибудь новое посредством труда, и дюли² разрушающие, уничтожающие.

20 Первые преимущественно живут в деревнях, вторые в городах³. В противность того, что можно бы ожидать, производящие пользуются презрением, а уничтожающие почетом, и тем большим почетом, чем больше они уничтожают. Отсюда стремление производящих перейти в разряд уничтожающих, вследствие того уменьшение производящих. В беседе нашей я спросил, для чего так. Мне отвечали: для того, что потребителям лучше жить. Но которые скорее гниют? Потребители. Отношения народов – ненависть друг к другу. Министр чувствует, что без него всё пропадет. Ученый – тоже, художник – тоже. Я смотрел, кто что пашет

30 и увозит

Так что провести время. Покраснел, разозлился.

Разговор с мужиком.

Так порядки.

Разг(овор) с эпикурейцем.

Разговор с матерью.

Разговор с священ(ником).

Разговор с богачом.

Разговор с обществ(енным) деят(елем).

Разг(овор) о собственности мнимой, бумажки.

Религия прогресс.

Какой же смысл.

¹ Так в автографе.

² В автографе описка: люди

³ В автографе описка: Первые преимущественно живут в городах, вторые в деревнях.

〈НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БЫЛ ПОЗВАН К СОСЕДУ...〉

4 июня. Николай Николаевич был позван к соседу. Очевидно, сосед Ив. П. Б., считая Николая Николаевича за умного и ученого человека, особенно дорожил в этот раз посещением моего принципала, потому что хотел свести его с приезжим профессором истории из Москвы. Он умолял не отказать. Как люди ничтожные, И.П. находил наслаждение слушать, плохо понимая беседу умных людей. Мы поехали. Профессор с бородой за обедом был посажен с Николаем Николаевичем рядом, и хозяева очевидно их сводили. Николай Николаевич, по своему добродушию, хотя и лучше всякого другого видел смешную сторону этого турнира перед галереей, как он это называет, чтобы не обмануть ожидания хозяев, готов был вступить в спор и задирали профессора, тем более, что около обеда он всегда спорит, но профессор отмалчивался, как мне казалось, с презрением. Профессор был один из тех молодых ученых, которые говорят охотно: *ничего не поделаешь*, развитой барин, мне живется, честно и т.д. Но лицо умное, твердое и спокойное. Видно, чувствует себя *ferré à glace*¹, особенно – по своему предмету. После обеда начался спор об истории, о законе прогресса. 10 20

Николай Николаевич говорил, что закон прогресса, который есть единственная руководительная нить истории, никем не доказан и более чем сомнителен.

– Как же, – повторил он несколько раз, – закон прогресса для всемирной истории, а $\frac{9}{10}$ рода человеческого: Китай, Азия, Африка – идут по обратному закону.

Профессор отвечал, что закон прогресса видится во всех народах исторических и что наука до неисторических народов не имеет дела. 30

¹ хорошо подкованным (фр.).

Николай Николаевич замялся и сконфузился.

– Так вы и знать не хотите про них?

Профессор: Они не входят в область науки.

Николай Николаевич замолчал.

Мы ехали домой и тут, дорóгой, esprit de l'escalier¹ Николая Николаевича (как он называет свои суждения о впечатлениях дня) особенно разыгрался. И я запомнил и записывал этот «ум лестницы», потому что выражения его мне кажутся замечатель(ными)².

– Не принадлежит науке! Не в области н(ауки)³, – повторил он
10 мне слова профессора. – <Вы>⁴ слышали наш спор?

– Да, отчасти.

– Заметьте, что забавно, – сказал он мне с с(воей)⁵ кроткой умной улыбкой. – Забавно то, что в истории только и интересна философская мысль истории. Т.е. закон, по которому живет, который они нашли в истории. Что мне за дело, кого завоевал Аннибал или какие у Лудовика XIV были любовницы. Мне интересен закон, т.е. что из этого выходит. А он говорит: закон прогресса. И когда я хочу проверять этот закон, он говорит: проверяй его только по нашей науке, которая и основана на этом законе. Т.е. я
20 спорю, что в этой десятине нет 40 сажень, он говорит: смеряй не своим, а моим саженьем – ровно 40 сажень. Я сам мерял. Они говорят, прежде чем спрашивать, годна ли наука, они говорят: поверь науке, изучай ее; точно так же, как религиозные миссионеры. Изучи, работай над ней, посвяти ей годков 10, пусть у тебя волосы за ней повылезут, тогда не усумнишься. И правда, не усумнишься, потому что жалко тебе будет потраченных на нее трудов и годов. Он уже не может со мной согласиться. Ему надо отречься от 10 лет трудов. Избави его Бог.

Но главное то, что этот прием – не возражения, а устранения
30 спора, недавно выдуман во всех науках и очень ловок. Главный интерес состоит именно в ее философском значении, т.е. мне хочется знать, какие истины доказывает история, что же выходит из того, что были Пунические и такие-то войны и такие-то законы. Мне хочется знать, что ж выходит из того, что нерв возвратно действует, и сахар вырабатывается в печени, и теории уголовного права такие и такие-то.

Я спрашиваю: что же, совершенствуется или нет человечество, бессмертна ли душа, справедлива ли смертная казнь и т.п.

---

¹ задний ум; букв.: ум лестницы (фр.).

² Край листа оборван.

³ Край листа оборван.

⁴ Край листа оборван.

⁵ Край листа оборван.

1878. Милостивый государственный мой человек М. П.
Светлана Васильевна. В ответ на Ваше письмо от 25 апреля
в котором вы сообщили мне о том, что вы и ваши родители
и братья и сестры и другие члены семьи вашей
и других родственников, находящихся в настоящее
время в г. Казани, желаете, чтобы я, как человек, состоящий
в родстве с вами, принял участие в оказании вам помощи
и содействия ввиду того, что вы и ваши родители и братья
и сестры и другие родственники ваши и ваши родственники
стеснены в средствах и нуждаются в помощи. Я, конечно,
хотел бы помочь вам, но мне очень жаль, что я не могу
оказывать вам помощь ввиду того, что я, к сожалению,
сейчас не имею возможности сделать это. Я, конечно,
хотел бы помочь вам, но мне очень жаль, что я не могу
оказывать вам помощь ввиду того, что я, к сожалению,
сейчас не имею возможности сделать это.

⟨НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БЫЛ ПОЗВАН К СОСЕДУ...⟩

Фрагмент автографа

Мне говорят: *Vous êtes hors la question, cela n'est pas du domaine de la science*¹. Точно как на публичном заседании общества, на котором разговаривают о том, когда дать обед, и неосторожный член неловко спрашивает о том, что сделало общество. «Вы вне вопроса», «вы вне науки».

Прежде каждая наука не отстраняла от себя философских вопросов, связанных с нею; теперь история прямо говорит, что вопросы о назначении человечества, о законах его развития вне науки. Физиология говорит, что она знает ход деятельности нервов, но вопросы о свободе или несвободе человека вне ее области. Законоведение говорит, что оно знает историю происхождения таких и таких-то постановлений, но что вопросы о том, в какой мере эти постановления отвечают нашему идеалу справедливости, находятся вне ее области, и т.д. Еще хуже – медицина говорит: эта ваша болезнь вне науки. Так на черта ли мне ваши науки? Я лучше буду в шахматы играть. Единственная законность их только в том и состоит, что они должны отвечать мне на мои вопросы. А вы все учитесь для того, что весело учиться; хотя знаешь, что ничему не выучишься.

20 – Так как же быть? – спросил я.

– Да так же... В этом никто не виноват. Это бессилие знания. Это запрещение человеку вкушения плода от древа познания добра и зла есть неизменное свойство человечества. Только так и говорить надо. Гордиться не надо. Чем мне гордиться, что я буду знать до малейшей подробности значение каждого иероглифа, а все-таки не в силах буду понять значение иероглифической надписи.

– Они надеются понять ее, – сказал я.

30 – Надеются? Пора понять, что эта надежда живет 3000 исторических лет, и мы на один волос не подвинулись в знании того, что справедливость, что свобода, что за смысл человеческой жизни? А в шахматы играть – приятное занятие; но гордиться незачем, и еще меньше – презирать тех людей, которые не умеют играть в шахматы.

---

¹ вы вне вопроса, это не принадлежит к области науки (*фр.*).

〈ДВА ЧЕЛОВЕКА С КОТОМКАМИ...〉

Два человека с котомками на плечах шли по пыльной шоссе-сейной дороге, ведущей из Москвы в Тулу. Один, молодой человек, был одет в короткий зипун и плисовые шаровары. На глазах под мужицкой новой шляпою у него были надеты очки. Другой был человек лет 50, замечательной красоты, с длинной седеющей бородой, в монашеской рясе, подпоясанной ремнем, и в круглом высоком черном колпаке, которые носят служки в монастырях, надетом на седеющие длинные волосы.

Молодой человек был желт, бледен, грязно пылен и, казалось, 10 едва волочил ноги; старый человек шел бодро, выпячивая грудь и размахивая руками. К красивому лицу его, казалось, не смела приставать пыль, и тело его не смело знать усталости.

Молодой человек был магистр Московского университета Сергей Васильич¹ Борзин.

Старый человек, отставной подпоручик Александровских времен пехотного полка, бывший монахом и за неприличное поведение выгнанный из монастыря, но удержавший монашеское одеяние. Его звали Николай Петрович Серпов. Вот как сошлись 20 эти два человека: Василий Сергеич, окончив диссертацию и написав несколько статей в московских журналах, уехал в деревню, как он говорил, окунуться в реку народной жизни и освежиться в струях бытового потока. Пробыв месяц в деревне в совершенном одиночестве, он написал следующее письмо к своему литературному другу и редактору журнала:

«Государь мой и друг Иван Финогеич, мы не должны и не можем предвидеть и предрешать развязку вопроса, разрешающегося в тайниках бытовой жизни строя русского народа. Необходимо глубокое изучение многообразных сторон русского духа и его проявлений. Оторванность жизни... Петровский переворот 30

¹ Далее в рукописи он называется Василием Сергеичем.

и т.д.» Смысл и значение письма было то, что Василий Сергеич, проникнувшись строем бытовой жизни народа, убедился, что задача определения назначения русского народа глубже и труднее, чем он предполагал, и потому для разрешения этой задачи он считал необходимым предпринять путешествие пешком по России и просил своего друга подождать уяснением вопроса до окончания своего путешествия, обещая рядом длинных статей тогда выяснить все, что он узнает.

Написав это письмо, Василий Сергеич занялся матерьяльной стороной приготовлений к путешествию. И как ни тяжело это было ему, он углубился даже в подробности наряда, достал зипун, сапоги с гвоздями, шляпу и, запершись от слуг, долго гляделся в зеркало. Очки он не мог снять – он был слишком близорук. Другая часть приготовлений состояла в взятии денег, по крайней мере 300 рублей на дорогу. Денег в конторе не было. Василий Сергеич позвал старосту и конторщика и, найдя в реестре 180 четвертей овса, велел продать их, но староста заметил, что овес оставлен на семена; тогда Василий Сергеич, просмотрев графу ржи и найдя там 160 четвертей ржи, спросил, достаточно ли будет этой ржи на семена? На что староста ответил вопросом, не прикажут ли они сеять старой. Разговор кончился тем, что староста понял, что Василий Сергеич меньше малого дитяти знает в хозяйстве, а Василий Сергеич понял, что рожь уже посеяна и сеется обыкновенно из нового урожая и что потому 160 четвертей, исключая на месячину 10 четвертей, можно продать. Деньги были получены, и Василий Сергеич собрался идти на другой день, когда вечером он слышал голос незнакомый в лакейской и к нему вошел старый отцовский слуга Степан.

– Николай Петрович Серпов, – сказал Степан.

– Кто такой Николай Петрович?

– А как же, Николай Петрович, что к папаше еще ездили, монахи.

– Не помню. Что ж он?

– Вас желают видеть, кажется, не в своем виде.

В комнату вошел Николай Петрович, расшаркался, топнул ногой.

– Вояжер Серпов... – Пожал руку. – Все невежество. Нет образования, сколько я ни учу Россию. Россия дура. Мужик трудолюбец, а Россия дура. Так ли, Василий Сергеич? Я вашего батюшку знал. Мы, бывало, с ним сидим, он и говорит: этот пойдет. – Вы зачем в костюме? Я люблю по-суворовски. Зачем?

– Я иду путешествовать.

– Я сам путешествую. Я вояжирую, я был в Греции, на Афоне; но лучше и праведнее мужика не видал.

Николай Петрович сел, попросил водки и лег спать. Василий Сергеич остался в недоумении. На другой день Николай Петрович слушал, а так (как) Василий Сергеич любил говорить, Николай Петрович услышал всю теорию Василия Сергеича и цель его путешествия. Николай Петрович одобрил всё и предложил свое товарищество. Василий Сергеич принял отчасти потому, что не мог отделаться, отчасти потому, что Николай Петрович, несмотря на свое полусумасшествие, умел льстить, отчасти, и главное, потому, что Василий Сергеич видел в монахе проявление замечательной, хотя и спутавшейся ширины русской жизни.

Они пошли. И в то время, как мы застали их на большой дороге, они подходили к первому по маршруту ночлегу, пройдя первые 22 версты своего путешествия.

Николай Петрович выпил рюмочку в кабаке. Он был весел.

МОЯ ЖИЗНЬ

5 мая 1878. — Я родился в Ясной Поляне, Тульской губернии, Крапивенского уезда, 1828 года 28 августа. Это первое и последнее замечание, которое я делаю о своей жизни не из своих воспоминаний. Через 3 месяца мне будет 50 лет, и я думаю, что стою на зените своей жизни, и я буду описывать не мои соображения о том, что привело меня к тому и внешнему и душевному состоянию, в котором я нахожусь, а последовательно те впечатления, которые я пережил в эти 50 лет. Я не буду делать догадок и предположений о том, как то и то действовало на меня и какое имело влияние, я буду описывать то, что я чувствовал, невольно избирая то, что оставило более сильные отпечатки в моей памяти. 10

Теперешнее свое положение, с точки которого я буду оглядывать и описывать свою жизнь, я избрал потому, что я нахожусь только теперь, не более, как год, в таком душевном состоянии спокойствия, ясности и твердости, в каком я до сего никогда в жизни не был.

с 1828 по 1833

Вот первые мои воспоминания. Я связан, мне хочется выпростать руки, и я не могу этого сделать, и я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик, но я не могу остановиться. Надо мной стоят нагнувшись кто-то, я не помню кто, и все это в полутьме, но я помню, что двое, и крик мой действует на них: они тревожатся от моего крика, но не развязывают меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Им кажется, что это нужно (то есть то, чтобы я был связан), тогда как я знаю, что это не нужно, и хочу доказать им это, и я заливаюсь криком, противным для самого меня, но неудержимым. Я чувствую несправедливость и жестокость не 20

людей, потому что они жалеют меня, но судьбы и жалость над самим собою.¹ Я не знаю и никогда не узнаю, что такое это было: пеленали ли меня, когда я был грудной, и я выдирали руки или это пеленали меня, уже когда мне было больше года, чтобы я не расчесывал лишаи, собрал ли я в одно это воспоминание, как то бывает во сне, много впечатлений, но верно то, что это было первое и самое сильное мое впечатление жизни. И памятно мне не крик мой, не страданье, но сложность, противуречивость впечатления. Мне хочется свободы, она никому не мешает, и меня мучают. Им
10 меня жалко, и они завязывают меня, и я, кому все нужно, я слаб, а они сильны.²

Другое воспоминание радостное. Я сижу в корыте, и меня окружает странный, новый, не неприятный кислый запах какого-то вещества, которым трут мое голенькое тельце. Вероятно, это было отруби, и, вероятно, в воде и корыте меня мыли каждый день, но новизна впечатления отрубей разбудила меня, и я в первый раз заметил и полюбил свое тельце с видными мне ребрами на груди, и гладкое темное корыто, и засученные руки няни, и теплую парную страшенную воду, и звук ее, и в особенности
20 ощущение гладкости мокрых краев корыта, когда я водил по ним ручонками. Странно и страшно подумать, что от рождения моего и до 3-х, 4-х лет, в то время, когда я кормился грудью, меня отняли от груди, я стал ползать, ходить, говорить, сколько бы я ни искал в своей памяти, я не могу найти ни одного воспоминания, кроме этих двух. Когда же я начался? Когда начал жить? И почему мне радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, как и теперь страшно многим, представлять себя тогда, когда я опять вступаю в то состояние смерти, от которого не будет воспоминаний, выразимых словами. Разве я не жил тогда, эти первые года,

---

¹ На полях: Пеленают, моют. Еремевна. Танцуют.

² На полях: Уроки с Ал(ександрой) Ил(ьиничной)
Трубку пап(а)
бабушка

Дунечка Темшов(а)
Кланяться задом
шарады
Я буду дурен, но умен.
Несчастье?
то буду спать
Миллер доктор.
Фанфар(онова) гора.
Николен(ькина) голая рука.
(Андрюша)

когда учился смотреть, слушать, понимать, говорить, спал, сосал грудь и целовал грудь, и смеялся, и радовал мою мать? Я жил, и блаженно жил. Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и 1/100 того. От 5-летнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до 5-летнего – страшное расстояние. От зародыша до новорожденного – пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость. Мало того, что пространство, и время, и причина суть формы мышления и что сущность жизни вне этих форм, но вся жизнь наша есть большее и большее подчинение себя этим формам и потом опять освобождение от них. 10

Следующие воспоминания мои относятся уже к 4-м, 5(-ти) годам, но и тех очень немного, и ни одно из них не относится к жизни вне стен дома. Природа до 5(-ти) лет – не существует для меня. Все, что я помню, все происходит в постельке, в горнице, ни травы, ни листьев, ни неба, ни солнца не существует для меня. Не может быть, чтобы не давали мне играть цветами, листьями, чтобы я не видал травы, чтобы не защищали меня от солнца, но лет до 5(-ти)–6(-ти) нет ни одного воспоминания из того, что мы называем природой. Вероятно, надо уйти от нее, чтобы видеть ее, а я был природа. 20

Следующее за корытцем воспоминание есть воспоминание *Еремевны*. «Еремевна» было слово, которым нас, детей, пугали. И вероятно, уже давно пугали, но мое воспоминание о ней такое: я в постельке, и мне весело и хорошо, как и всегда, и я бы не помнил этого, но вдруг няня или кто-то из того, что составляло мою жизнь, что-то говорит новым для меня голосом и уходит, и мне делается, кроме того, что весело, еще и страшно. И я вспоминаю, что я не один, а кто-то еще такой же, как я (это, вероятно, моя 30 годом младшая сестра Машенька, с которой наши кровати стоят в одной комнатке), и вспоминаю, что есть положок у моей кровати, и мы вместе с сестрою радуемся и пугаемся тому необыкновенному, что случилось с нами, и я прячусь в подушки, и прячусь и выглядываю в дверь, из которой жду чего-то нового и веселого. И мы смеемся, и прячемся, и ждем. И вот является кто-то в платке и в чепце, всё так, как я никогда не видал, но я узнаю, что это – та самая, кто всегда со мной (няня или тетка, я не знаю), и эта кто-то говорит грубым голосом, который я узнаю, что-то страшное про дурных детей и про Еремевну. Я визжу от страха и радости и 40 точно ужасаюсь и радуюсь, что мне страшно, и хочу, чтобы тот, кто меня пугает, не знал, что я узнал ее. Мы затихаем, но потом

опять нарочно начинаем перешептываться, чтобы вызвать опять Еремевну.

Подобное воспоминанию Еремевны есть у меня другое, вероятно, позднейшее по времени, потому что более ясное, но навсегда оставшееся для меня непонятным. В воспоминании этом играет главную роль немец Федор Иванович, наш учитель, но я знаю наверно, что еще я не нахожусь под его надзором, следовательно это происходит до 5(-ти) лет. И это первое мое впечатление Федор Ивановича. И происходит это так рано, что я еще никого, ни братьев, ни отца, никого не помню. Если и есть у меня представление о каком-нибудь отдельном лице, то только о сестре, и то только потому, что она одинаково со мной боялась Еремевны. С этим воспоминанием соединяется у меня тоже первое представление о том, что в доме у нас есть верхний этаж. Как я забрался туда, сам ли зашел, кто меня занес, я ничего не помню, но помню то, что нас много, мы все хороводом держимся рука за руку, в числе держащихся есть чужая женщина (почему-то мне помнится, что это прачка), и мы все начинаем вертеться и прыгать, и Федор Иванович прыгает, слишком высоко поднимая ноги и слишком шумно и громко, и я в одно и то же мгновение чувствую, что это нехорошо, развратно, и замечаю его и, кажется, начинаю плакать, и все кончается.

Вот все, что я помню до 5-тилетнего возраста. Ни своих нянь, теток, братьев, сестру, ни отца, ни комнат, ни игрушек я ничего не помню. Воспоминания более определенные начинаются у меня с того времени, как меня перевели вниз к Федору Ивановичу и к старшим мальчикам.

При переводе моем вниз к Федору Ивановичу и мальчикам я испытал в первый раз и потому сильнее, чем когда-либо после, то чувство, которое называют чувством долга, называют чувством креста, который призван нести каждый человек. Мне было жалко покидать привычное (привычное от вечности), грустно было, поэтически грустно, расставаться не столько с людьми, с сестрой, с няней, с теткой, сколько с кроваткой, с положком, с подушкой, и страшна была та новая жизнь, в которую я вступал. Я старался находить веселое в той новой жизни, которая предстояла мне, я старался верить ласковым речам, которыми заманивал меня к себе Федор Иванович, старался не видеть того презрения, с которым мальчики принимали меня, меньшого, к себе, старался думать, что стыдно было жить большому мальчику с девочками и что ничего хорошего не было в этой жизни наверху с няней, но на душе было страшно грустно, и я знал, что я безвозвратно терял невинность и счастье, и только чувство собственного достоинства, со-

знание того, что я исполняю свой долг, поддерживало меня. Много раз потом в жизни мне приходилось переживать такие минуты на распутьях жизни, вступая на новые дороги, я испытывал тихое горе о безвозвратности утраченного. Я все не верил, что это будет, хотя мне и говорили про то, что меня переведут к мальчикам, но, помню, халат с подтяжкой, пришитой к спине, который на меня надели, как будто отрезал меня навсегда от верха, и я тут в первый раз заметил не всех тех, с кем я жил наверху, но главное лицо, с которым я жил и которую я не помнил прежде. Это была тетенька Татьяна Александровна. Помню невысокую, плотную, черноволосую, добрую, нежную, жалостливую. Она надевала на меня халат, обнимая подпоясывала и целовала, и я видел, что она чувствовала то самое, что и я, что жалко, ужасно жалко, но должно.¹ В первый раз я почувствовал, что жизнь не игрушка, а трудное дело. Не то ли я почувствую, когда буду умирать: я пойму, что смерть или будущая жизнь не игрушка, а трудное дело.

1833–1834

²Воспоминаний уже много. Вызывая одни другие, они встают в моем воображении.

20 Жизнь моя того года очевиднее, чем настоящая жизнь, складывается из двух сторон: одна – привычная, составляющая как бы продолжение прежней, не имевшей начала, жизни, и другая, новая жизнь, то радующая своей новизной и притягивающая, то ужасающая, то отталкивающая, но все-таки притягивающая.

Я просыпаюсь, и постели братьев, самые братья, вставшие или встающие, Федор Иваныч в халате, Николай (наш дядька), комната, солнечный свет, истопник, рукомойники, вода, то, что я говорю и слышу, – все только перемена сновидения. Я хотел сказать,

---

¹ *На полях*: [Первое чувство и самое сильное в жизни – что не игрушка. То же будет при смерти.]

² *На полях*: уроки ([шалос(ть)] радость и шалость
ночь (темнота, сон)
чувствен(ность) (рука Ник(оленьки), судно Сережи)
новые миры (Петруша – низ)
лакомство чернослив
[Веселье (танцы – экосез)]
[Дунечка (уроки Темешов(а))]
[Чуж(дый)] Старший, но законный мир (папа, собаки, тетки, бабушка).
Новый мир – ужас (гость Волконский).
Судно наверху (Прасковья Исавна)
В дневной жизни привычное и новое [радос(тное)] любопытное и новое страшное.

что сновидения ночи более разнообразны, чем сновидения дня, но это несправедливо. Все так ново для меня и такое изобилие предметов, подлежащих моему наблюдению, что то, что я вижу, та сторона предмета, которую я вижу днем, так же необычайно нова для меня и странна, как и те сновидения, которые представляются мне ночью. И основой для тех и других видений служит одно и то же. Как ничего нового – не того, что я воспринял днем, я не могу видеть во сне, так и ничего нового я не могу видеть днем. Только иначе перемешивая впечатления, я узнаю новое. Одна разница. Сновидения сладки, спокойны, даже страх, ужас, горе сновидений имеют сладость и успокоение: я весь во власти чуждой силы, но я живу и предаюсь ей – нет борьбы, искания и раскаяния или угрозы раскаяния, а в своей маленькой жизни я уже чувствую ее. Нет тоже в сновидении ничего нового по сущности своей, ничего такого, что против воли моей влекло бы меня туда, куда я не хочу, таких образов, которые бы были злы и вместе с тем законны. Во сне нет ужасного, нелюбовного. Если есть ужасное, то оно просто ужасно, но оно не зло.

Впечатления дневной жизни того времени делились для меня на две стороны: привычное и новое. Привычное была вся семья. 20

〈ПРЕНИЯ О ВЕРЕ В КРЕМЛЕ〉

I

Я давно знал, что на Святой неделе в Москве собирается в Кремль народ и что там на площади около вечерен между соборами бывают разговоры о вере. Случившись на Святой в Москве, я решил никак не пропустить этого случая и посмотреть и послушать это любопытное сборище. Приехав в Москву, я остановился у своего товарища по Московскому университету и сотоварища по профессорству. Хотя мы были с ним профессорами совершенно разных факультетов, я – русской словесности, он – физиологии и хотя мы с ним видались редко, мы поддерживали дружеские сношения письмами, и он просил меня в мой приезд в Москву остановиться у него.

Как и всегда бывает между близкими людьми, которые долго не видались, мы почувствовали при свидании после 4-х лет разлуки, что то различие взглядов, которое и всегда было между нами, за это время очень усилилось, что мы далеко разошлись по расходящимся линиям от точки пересечения, на которой мы встретились в университете. Почти каждый разговор, выходящий из области практической, тотчас же обнаруживал наше разобщение и приводил нас к несогласию и спорам. Картавцев всегда был матерьялистом и стал им еще более; я же, подчинившись во время моего студенчества и в особенности во время поездки за границу общим тогда матерьялистическим взглядам, все более и более от них освобождался и даже начинал испытывать озлобление против того, что так жестоко обмануло меня. Я не был матерьялистом, но и не мог бы сказать, чем я собственно был. Я не успел составить себе никаких определенных убеждений. Одно, чем я был очевидно в это время, – это врагом тех убеждений, в которых прошла моя молодость, и отрицателем их.

Разница наших с Картавцевым убеждений и частые споры не мешали хорошим отношениям.

Картавец знал, что я очень интересуюсь Кремлевскими приемами, и хотя считал это самым пустым, ничего не значащим явлением – вымирающим остатком грубейших предрассудков, сам мне напомнил о Кремлевских соборных собраниях и предложил вместе вместо послеобеденной прогулки пойти в Кремль. Святая была в этом году поздняя, нигде не было следов снега, деревья уже были одеты, и было так тепло, что нам было жарко даже в летних пальто.

– Вот как раз мы хорошо попали, – сказал мне Картавец, когда мы, пройдя собор, вышли на площадь, – нынче довольно народа. И вот он, Пафнутий – бывший раскольников архиреем¹, теперь обращающий раскольников. Вот и Хомяков. Для вас представление нынче в полном сборе.

Издали видна была толпа человек в сорок в чуйках, сибирках и пальто, теснившаяся около крыльца и лестницы Архангельского собора. На лестнице, на вершине каменных ступеней стоял худощавый белокурый худой монах и, лежа почти на каменных перилах, горячо говорил что-то, обращая свою речь вниз. Это был отец Пафнутий. Рядом с ним и позади, как бы привилегированные лица, стояло 3 человека господ; один из них в цилиндре с замечательно строгим и значительным лицом.

– Это Хомяков? – спросил я, указывая на него.

– Нет, это камергер Бунин, дурак большой, – отвечал Картавец. Хомяков внизу. Вон он.

И я увидел маленького человечка в поддевке с золотой выпущенной цепочкой, черного с сединой, с низким лбом, тонкими чертами плоского лица и общим выражением умной легавой собаки, сверх которого было еще выражение чего-то особенно ясного, веселого, тонкого и вместе с тем твердого. Он стоял поодаль и прислушивался, очевидно легко не только понимая, но обсуживая все, что говорилось. Подле него стоял москвич, господин, очевидно гордившийся близостью своей с Хомяковым и только благодаря кротости Хомякова *переносимый* им.

Спорил с о. Пафнутием человек в синей сибирке, белокурый, мрачный, широкий, прямой, не гибкий. И лицо, и платье его, и речь его были необыкновенно тверды и чисты. Речь шла, как я понял, о староверчестве.

Я застал еще половину последнего возражения раскольника в сибирке.

– ...Потому что по тем книгам служили святые отцы. А без святых отцов перемены делать в вере не положено. Отчего же собору не созвали? – сказал он и отвернулся.

¹ Так в автографе.

О. Пафнутий. Собор созывали.

Раскольник. Местный, да и то не весь. И слушать не захотели.

О. Пафнутий. Да какая же важность в этих книгах? Если бы были опечатки. Ведь сам ты понимаешь типографское дело, как печатают книги.

Раскольник. Мы очень хорошо понимаем.

О. Пафнутий. Ну, так для каждой корректуры надо собор собирать?

Раскольник. Тут не опечатки, а все дело изменили. Что ж, коли так. Ваши книги никоновцы теперь возьмут переменят все. Разве хорошо будет? 10

Другой раскольник. Да что ж, ихние книги уже менять нечего. Они переводы поделали. Церкви прикрыли.

О. Пафнутий. В сторону не бросай. Не о церквях речь. А о книгах. Хорошо, книги. Ну да разве в книгах вся сила? Не в книгах, а *(в)* богослужении, в таинствах. А как же у вас совершаются таинства?

Раскольник. По старому закону, как у святых отцев.

О. Пафнутий. Вот то-то и нет. А я тебе скажу как. Я был в Валахии и в Австрии. Совершаются тайны обманно. Литургия совершается без антимиона. Я был сам. К ним дьякон беглый пришел, принес антимион. А потом сознался на духу, что тряпочка с щепками, а не антимион. 20

Раскольник. Да, тебе говорить хорошо, когда ты к этому приставлен.

Раскольник нахмурился, отвернулся, запахнул халат и, оглянувшись, но избегая взглядов, пошел достойно и медленно из толпы. Другой, черный купец, занял его место и стал отвечать о. Пафнутию. Он доказывал, что это несправедливо, что если есть одна такая церковь, то большинство церкви правильные. 30

На это о. Пафнутий стал доказывать ему, что если и церкви правильны, то неправильно рукоположение. Хомяков вступил здесь в спор, уже обращаясь к о. Пафнутию, и блестяще опровергал его мнение в том, что церковь зиждется внешним устройством. Разговор был интересен, но было не то, чего я искал и ожидал – беседы народной. Я прислушивался и искал глазами первого купца раскольника в сибирке. В его речах было более всего того народного, чего я ждал найти. Купец этот отошел к собору, и около него собралась кучка народа и шла беседа. Я пошел к этой кучке. Какой-то маленький человечек с прямыми во- 40

¹ Многоточие в автографе.

лосами, уже старый, в пальто, запустив руки в карманы, говорил с купцом. Он говорил тихо и робко, как бы не уверенный в своих словах.

– Известное дело, – говорил купец, – дары Духа Святаго – любовь.

Господин в пальто. Так я и полагаю, что вопрос тут не в книгах и не в отступлении от предани(я), а в том, что(бы) отказаться от царствующей церкви, признать ее дьявольским порождением, или признать ее.

10 *Купец* с улыбкой уверенности, что он поймал его. Да как же ее признать, если она отступила?

Господин в пальто. Это будет судить Бог.

Купец. Ну а лютеран тоже?

Господин в пальто. Тоже. Потому что...

Господин в пальто, все более и более интересовавший и привлекавший меня по мере того, как он говорил, не мог продолжать, его перебил высокий офицер, недавно подошедший.

20 – А я думаю, – сказал офицер, с торжествующей вперед улыбкой входя в самую середину кучки и отыскивая достойного собеседника. Он взглянул на господина в пальто; но очевидно не сочтя его достойным, обратился к высокому купцу.

– А я думаю, что Богу некогда этими пустяками заниматься. Я считаю, что если человек будет работать, трудиться да никого не обижать, то он хоть ни во что не веруй, все будет хороший человек...

Купец запахнулся и, наморщив лоб, стал рассеянно смотреть за Москву-реку на золотившиеся купола церквей.

30 – Потому что же мы здесь собираемся? О чем толкуем? – продолжал офицер. – Один говорит – так надо креститься, другой – эдак. Один говорит – по солнцу. Ведь это одно невежество и предрассудки. Хоть никак не крестись.

Купец, не слушая, медленно стал выходить из толпы; чуть заметное сокращение губ показывало презрение.

– Ведь вот он думает, что он знает, какие книги у начетчиков надо читать, он и слушать меня не хочет, – обратился офицер к господину в пальто, – когда я дело заговорил.

– То есть, если я так понял вашу мысль, – робко взглядывая на офицера, сказал господин в пальто, – вы полагаете, что разговоры о вере ни к чему не ведут и что, если я так понял вашу мысль, нужны дела, а не вера.

40 – Ну, разумеется, – с презрением сказал офицер, обращаясь к Картавцеву, которого он очевидно счел более достойным беседы. – За веру старую держатся, а не понимают того, что все это одно невежество.

Благодаря представительной фигуре офицера и нашему приближению толпа чуть стеснилась около нас.

– То есть почему же нам не судить об этих предметах? Если есть предрассудки, ошибки, то из рассуждений наших они окажутся.

Офицер. Праздное занятие.

– Извините. Вопрос, занимающий нас, самый не праздный. Мы, положим, хотим молиться Богу. И вот одна церковь, положим, тут православная, а тут староверческая – в какую мне идти?

– Ни в какую, – громко засмеявшись сказал офицер. – Лучше 10 заняться делом.

Господин в пальто. То есть никакой религии не нужно?

Офицер. Пожалуй, что и не нужно.

– Положим, нам с вами не нужно, а кому нужно, тем, которые воспитаны так, что без церкви нельзя, как же быть?

Офицер. Надо так воспитывать, чтобы искоренять предрассудки, а не вселять их.

Господин в пальто. А может быть это не предрассудки.

Офицер. Значит, стриженный – бритый.

Господин в пальто. Я говорю: стриженный – бритый. Я, поло- 20 жим, говорю, что религия – дело, вы говорите – пустяки. Но я не один говорю, со мной вместе все люди говорят и говорили.

– А, пустое, одно невежество! – сказал офицер, очевидно не зная, что отвечать. И то, что он был разбит, было замечено всеми. Картавцев, хотя и видел, что офицер плох, нашел нужным, однако, прийти на помощь ему.

Картавцев. Господин офицер мог ответить вам, что на вашей стороне грубое человечество, а на его стороне наука.

Господин в пальто. Но массы.

Картавцев. Массами нельзя считать в этом вопросе. Черты 30 резкой нельзя провести между верой и неверием.

Картавцев говорил, сначала боясь, что собеседник не поймет его, но по мере того, как он говорил, мы видели ясно, что Господин в пальто *не только понимает*, но умеет понимать и слушать. Он формулировал сам речь Картавцева, как бы резюмируя ее.

– Вы говорите, что в истории человечества происходит ход от веры к безверию и что ход этот состоит в уничтожении предрассудков посредством науки.

КНЯЗЬ ФЕДОР ЩЕТИНИН

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

Война кончилась. Войска стояли на юге России. Командующим войсками был назначен известный своим счастьем и успехом по службе князь Федор Мещеринов. Ему было 34 года, а он уж был генерал-лейтенант, генерал-адъютант и командующий войсками, из некоторого приличия только перед старыми полными генералами не названный главнокомандующим.

10 Как у всякого человека, быстро идущего вперед по избранной дороге, 〈у князя〉 были враги и были страстные поклонники. Но враги ничего не могли сказать против Мещеринова, кроме того, что он молод и хотя умен, но не так умен и образован, как можно бы желать в его положении; но никогда Мещеринов не поставил себя в такое положение, где бы замечен был недостаток ума или образования. Для того, что он делал, было всегда у него достаточно ума и образования.

20 Говорили, что он ушел так далеко благодаря своему искательству в властных людях, но никто не мог сказать, чтобы искательство его было не благородно. Он любил сильных мира сего, и его любили. И он не виноват был, что его дружбы были в этом сильном кругу. В унижении себя перед кем-либо никто не мог уличить его. Говорили, что он любил веселье и женщин; но он сам первый говорил это. Говорили, что он умел показывать лицом товар своих заслуг, что была театральность в его действиях; но он сам говорил, что он любит величие, и он никогда не мог быть смешон; а если были люди, находившие смешное в его величии, то их смех был слишком тонкий, чтоб сообщаться массам, и казался смехом зависти. Страстные поклонники говорили, что он был великий человек, очевидно призванный к великому. Но все — те, которые так или иначе думали, должны были соглашаться в том, что
30 человек этот независимо от своих свойств, как янтарь независимо от своих свойств, имел еще какую-то помимочную силу, очевидно сообщавшуюся всем людям, приходившим с ним в сношение.

Войска – вся масса оживлялась, узнавая, что он приезжает или назначается начальником, наружность, лицо, голос его, звук его имени действовали возбuditельно. Молодые офицеры, солдаты с особенным удовольствием делали ему честь, когда он с красивым конвоем впереди и сзади коляски проезжал по улицам. Когда он говорил в толпе начальствующих, окружающие прислушивались к его голосу и приписывали значение каждому его слову. Когда его неподвижное красивое лицо вдруг изменялось в улыбку, улыбка эта сообщалась невольно. Когда офицеры и солдаты, проходя мимо дворца, который он занимал, видели съезд карет, свет в окнах и звук музыки, они с удовольствием, без малейшей зависти думали о том, что наш князь веселится. Его везде, где он начальствовал, называли наш князь. 10

Утренние доклады кончились. Два генерала и адъютант с портфелем, излишне раскланиваясь в дверях, ушли наконец. Князь посидел, облокотив лоб на руку. В голове его происходила всегда занимавшая несколько времени перемена, как в органе валлов. Все утро у князя не было мысли, кроме дела. Теперь же вал дела работы вынул и заменился другим, валом удовольствия. Князь встал, заложив руки назад, и выглянул в приемную. С адъютантом сидел Никитин. Никитин, служащий у князя же по гражданской части, игрок, светский, умный, бойкий, все знающий, услужливый человек с неясным прошедшим, но человек высшего круга. Его-то и нужно было князю. 20

– А, Никитин! – Он подозвал его к себе, подал два пальца руки. – Ну что дела?

Горбоносое тонкое лицо Никитина, сангвиническое, но худое, с мелкими жилками, как и всегда, выражало веселую, энергичскую насмешку над всем, с чем он имел дело.

– Дела безделья, князь? – сказал он, пожимая два пальца так же весело и просто, как если бы ему с поклоном были протянуты обе руки. – Дела вот как. Завтра у вас репетиция. Madame Синивин – Зюлейка и делает костюм. Она будет прелестна. Иванов – арабом. 30

– Ну, Иванов, по мне, хоть самоедом. Так зовите их завтра обедать ко мне. Нынче у меня официальный. Если хотите, приезжайте.

– Благодарю, князь, если позволите, не приеду.

– Всё карты.

– И карты, и нежная страсть...

Князь улыбнулся и попросил адъютанта велеть подавать коляску. 40

Он ехал к начальнику города и к женщине, которая ему уже надоела. Сининская была та женщина, самая блестящая в городе,

которую он выбрал, но которая, странно ему казалось, выбрала не его, но одного женатого полкового командира Семена Щетинина, одного из тех дюжинных героев последней войны, которые из отставки поступили на службу и что-то там в глубине армии делали, хлопотали и добились той маленькой военной репутации, которая так дорого стоит и так мало дает.

Князь Мещеринов не признавался себе – это было бы унижительно, – но он ненавидел Щетинина за эту женщину и теперь с помощью Никитина, знавшего весь свет и все умеющего, доби-
10 вался того, чтобы у Сининской занять место Щетинина.

Князь знал Щетинина как своего подчиненного, но никогда не любил его. В Щетинине было что-то неясное и жесткое, для князя Щетинин был из того же круга, как и Мещеринов, был также военный и также честолюбив; но во всем есть оттенки: Щетинин был дальше от князя, чем его адъютант Ефремов из мелких дворян, именно потому, что Щетинин мог думать, что он имеет те же честолюбивые помыслы, как и князь, и в особенности потому, что Щетинин мог думать, что он того же круга, как и князь, тут и
20 была огромная разница. Может быть, что Щетинины были древняя фамилия, может быть, они были хорошей породы. Это надо было исследовать; то же, что Мещериновым дала Екатерина 40 тысяч десятин и что с тех пор они друзья двора, это несомненно, и положение другое. Князь не позволил бы себе сказать, что он не любит Щетинина, это было бы низко; но 2 недели тому назад он подписал бумагу, подsunул назначение Щетинина бригадным и был рад этому. Если бы он дал себе труд подумать, чему он рад, он нашел бы, что он рад тому, что Щетинин заслужил другого, но ему дали (зная, что ему приятно), и он подписал.

Он оделся и вышел садиться. Князю доложили о Щетинине.
30 – Зачем не вовремя?

Но благодаря этому чувству, чтобы быть благородным, он принял.

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

КНЯЗЬ ФЕДОР ЩЕТИНИН

1 Часть

I

Уже прошло 2 года с тех пор, как князь Федор Щетинин оставил свой дом, семью и тихую, занятую жизнь и не для честолюбия, не для выгоды, не для славы бросил все и поступил опять в военную службу тем же чином подполковника, которым он вы-
40 шел. Он поступил тогда на службу только потому, что, прочтя в

газетах о том, какие оскорбительные условия были предложены в России, он почувствовал себя оскорбленным, ничего не мог делать, думать; и, когда приехал в Москву из деревни и увидел друзей и знакомых и почувствовал, что то чувство оскорбления было не в нем одном, а во всей России, он понял, что ему нельзя жить по-прежнему, вернулся домой, объявил своей жене решение поступить в военную службу, перенес слезы, отчаянье, угрозы семьи, подал прошение и уехал на войну; прошло два года, война уже кончилась. Имя Федора Щетинина знало все войско, знала и Россия, когда читала дневник войны, и уже начинала забывать его. Федор Щетинин был генерал-майор с золотой саблей и Владимиром с мечом и звездой, которым он не гордился, и Георгием за взятие батареи, которым он гордился, и тремя чинами, полученными за отличие. 10

Война уже кончилась 6 месяцев, и большинство людей, вступивших на службу, как Щетинин, только для войны, повышли в отставку, но он оставался на службе и даже не побывал дома. Он был начальником бригады в войсках, стоявших еще на границе. Командующий войсками был сильный по богатству, знатности, придворным связям князь Михайла Острожский. 20

Острожский, молодой красавец, сильный по связям, холостяк, богач, независимый начальник края, жил царем в маленьком и прелестном южном городке, окружив себя блестящей военной самовластной роскошью, и жизнь для главных лиц войска, особенно после трудов, лишений и опасностей войны, была для молодых военных волшебной обворожительная.

Красивейшие женщины края, под разными предлогами, столпились в городке; и жизнь города была ряд гуляний, балов, музыка, обеды, все это с военным блеском, военной веселой беспечностью и военной самовластностью. 30

II

Было время уборки винограда. Солнце только что ало поднялось из-за гор, и застанные им¹ отрывки не то облак, не то тумана тревожно носились в голубом небе, не зная, куда деться: наверх ли уйти? лечь ли, прицепиться на землю? или бежать заодно всем туда, к молочной полосе, залегшей за морем на западе. А солнце обливало где блестящим лаком росу и зелень и чуть крапинами чернеющие от сырости росы дороги, виноградники, где крыши домов и разводило свои блестящие дорожки по морю,

¹ В автографе: ей

рябившему от легкого ветра. Городок шумел уж городскими звуками.

Князь Федор Щетинин в военном сюртуке и с Георгием в петлице, в военной фуражке, тем неверным, но молодецким шагом, которым ходят только военные, (шел) мимо решетки сада к большому дому. Не доходя до дома, он остановился, как будто движение ходьбы нарушало тот трудный ход мысли, которым была занята его голова. Он постоял, поднял голову, вздохнул, крикнул и, подняв голову, пошел скорее и решительнее. Когда он завернул на свой двор и денщик, кучер, мывший коляску, и адъютант, стоявший на крыльце, увидели его, лицо князя Федора приняло то обычное красивое выражение твердости и таившейся за ней веселой доброты, которое привыкли его подчиненные видеть неизменным в траншеях и на парадах, только с той разницей, что под огнем преобладало выражение твердости, а на парадах, обедах и балах преобладало выражение веселой доброты. Теперь было больше твердости и даже строгости. Князь Федор знал, что и кучер, и денщик, и адъютант особенно, знали, откуда он шел, знали, что он шел от любовницы, у которой провел ночь, и это заставляло его строже смотреть на них.

– Здравствуйте, Василий Игнатьич, – он сказал адъютанту. – Что нового? Пойдемте.

Он провел в кабинет.

– Сейчас я приду.

Пошел в спальню. Умылся, переоделся и вышел оттуда свежий, как утро.

Адъютант подал бумаги и заметил, что та бумага, которая должна была неприятно подействовать, не обратила его внимания.

– Князь просит вас самих приехать, – сказал адъютант. (Князь означал князя Острожского.)

– Да, я пойду нему. Ну что наши обозные, – и князь Федор перевел разговор на другое.

Когда адъютант ушел, князь Федор сел за кофе и взял было книгу. Но денщик принес письма. Пробежав 4 письма, князь Федор открыл 3-е и стал читать. Это было письмо от жены. Она писала:

«Милый друг!

Я пишу тебе последний раз. Я не могу и не хочу больше этого выносить».¹

¹ На полях: Кн(язь) зовет на обед и там объяснен(ие).

Кн(язь) Ф(едор) видел, как она писала это письмо, как брос(илась) к стол(у)

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

«Назначается: генерал-майор князь Федор Щетинин 1-й командиром 2-й бригады. Полковник Невировский – начальником штаба при войсках 2-й армии».

Когда князь Федор Щетинин прочел эти слова, широкое, красное, бледное лицо его вдруг изменилось, и он, схватив судорожно костыль, поднял, упираясь, свое большое тело и стал, хромая, ходить по комнате.¹

Он ходил, то останавливаясь и опираясь задом на костыль с 10 гладкой слоновой ручкой, надвигая шапкой брови над выпуклыми, блестящими, остановившимися глазами и большим и безымянным пальцем левой руки загибая в рот курчавый душистый ус, кусал его, то пожимая широкими сутуловатыми плечами и стараясь нарочно улыбнуться; но привычная твердая улыбка, так тепло и мягко освещавшая его еще молодое военное лицо, только мелькала, как молния, и лицо выражало горе, злобу и отчаяние.

И он опять начинал ходить, хромая и кусая усы. Он остановился, подошел к большому письменному столу, на котором 20 вокруг большой, изящно вылитой бронзовой чернильницы с орлом, распустившим бронзовые крылья, расставлены, разложены были ценные изящные принадлежности письма, 3 портрета и две сафьянные с золотым обрезами книжечки. Он взял одну, расстегнул застежку и стал читать. Костыль его упал, загремел, и он вздрогнул, как нервная женщина. В книжке он читал свои же мысли, записанные им крупным своим особенным, но четким почерком.

Он перелистывал. Ему попались слова: «если неприятельская 30 цепь занимает...» – Не то. Дальше было: «Женщина простит все, но не равнодушные – тогда...» – Не то. «Мы думаем знать, тогда как орудия знания даны нам не полные...» – И это было не то, но его заняла самая мысль, написанная им и забытая. Он читал дальше: «Пример круг. Мы знаем лучше всего, ребенок, простолудин; а то, что составляет его сущность, π, невыразимо». Да, – сказал он, вспомнив, и ему стало приятно, и лицо успокоилось. Он поднял костыль. Перевернул дальше и нашел то, что искал. Было написано: «Спокойствие – calmé...» – и дальше: «Помни три вещи: 1) Жизнь есть тот день и час, который ты живешь. Волнение погубило этот час, и ты сделал невозвратимую величайшую потерю».

¹ На полях: Каз(алось), ч(то-то) б(ыло) важ(ное) в э(тих) с(ловах), но когда к(нязь) Ф(едор) Щ(етинин) п(рочел) их (оч(ень) б(ыло) в(ажно) п(рисутствие) а(дъютанта) и п(риятеля)), он с тр(евожным?) уд(ивлением?)

– Да что же, если я не могу быть покоен. Чтоб быть покойным, я должен высказать ему все.

«2-е, – читал он дальше. – Посмотри на то, что тебя мучит, так, как будто это не с тобой, а с другим случилось». – Вздор. Не могу.

«3-е. Подобное тому, что тебя мучит теперь, было с тобой прежде. Но вспомни теперь о том, что в прошедшем так мучало тебя, и ты...» – Он не дочитал. Он попытался вспомнить худшие минуты из своей жизни: отношения с отцом, смерть матери, раздор, бывший с женой. Все это было ничто в сравнении с этим. Тут есть виновник. Один – он. Он положил книгу. Сложил свои большие, с сильными длинными пальцами руки перед грудью, наклонил голову, прочел «Отче наш» и пожал пуговку звонку¹. Когда вошел генеральский красавец денщик, лицо князя Федора приняло обычное выражение твердой мягкости. 10

– Никита, одеваться, пожалуйста. Мундир. И коляску.

Через полчаса он ехал по городу, гремя по мостовой на паре рысаков к дому командующего действующими войсками. Это был тот он, который был всему виной.

Молодые офицеры весело делали честь своему любимому герою последней войны. Да и у князя Федора было одно из тех лиц, которое весело встретить юноше, весело, что эта сильная фигура ответит им с поклоном. 20

Кучер осадил, часовые у крыльца заторопились, сделали фронт, откинув ружья, и Федор Щетинин, отвечая рукой с палкой, вышел из коляски.

– Дома князь?

– Пожалуйте.

Дом был дворец. Пройдя галереей, князь Федор вошел в кабинет; высокий, но ниже его генерал, в широком сертуке с Георгием на шее, встал и, приветливо улыбаясь, обратил свое красное, в душистых бакенбардах окаймленное лицо к входившему. Привлекательное, мягкое, благородное и осторожное было в этом лице, которое было бы очень просто, если бы не обстановка роскоши и власти. Что-то было напоминающее добрую, учтивую, выхленную и благородной породы собаку. Лицо и фигура входившего напоминали волка с его длинными голеньями, широким лбом и умными навывкате глазами. 30

Как только эти два человека увидели друг друга, во взглядах их произошла борьба. Начальник очевидно хотел, чтобы отношения были те же, как всегда, ласковые, приличные. Князь Федор 40

¹ Так в автографе.

хотел решительного объяснения и выхода из этих отношений. Одну минуту на его лице отразилась улыбка начальника; но вдруг лицо вытянулось, нахмурилось, нижняя губа дрогнула и стала искать левый ус.

– Очень рад вас видеть, князь, – сказал начальник, медленно опускаясь в кресло и вытянутой рукой берясь за край стола, как будто для того, чтобы придержаться, садясь, и потом подать ее.

– Князь, я прочел приказы и приехал сказать вам...

Князь пальцами как бы ощупывал кончики бакенбард и при-
10 поднял брови с спокойным удивлением.

– ...сказать вам, что я не того ожидал и что, – губа дрогнула, – хотя официально я не имею никакого права ничего требовать, но что мера неофициальных гадостей, которые мне делаются, – переполнена и что я считаю своим долгом высказать это все тому, кто их делает.

– Вы разумеете меня, князь, – с нахмуренными бровями, не сердитым, но таким, как будто он говорил: «сердиться и оскорбляться я не могу, но должен показать, что я не позволяю».

– Вас! – Волк вдруг оскалился. – Я знаю, что есть мир офи-
20 циальный, в котором все правы, я про него говорить не хочу, но есть другой мир, частных людей, и я говорю не с командующим войсками, а с князем П. Б., и я вам в этом качестве говорю, что вы поступили со мной нечестно.

– В качестве начальника вашего я должен отдать вас под суд, но в качестве П. Б. я прошу вас удалиться и прислать мне извинение, – сказалось само собою, он не думал, но как птица соловей поет по-соловьиному, так он нечаянно говорил как главнокомандующий.

– Но не прежде, чем я выскажу все, что я имею сказать.

Князь Б. стоял, и рука его стучала нервно по столу, лицо вы-
30 ражало высоту, до которой нельзя достать.

– Я был в отставке, когда началась война, я поступил не для честолюбия, а потому, что долг каждого человека был жертвовать собой. Как я служил, знает вся армия, и государь, и товарищи, и начальники – не вы, который приехал после. Я бы сказал: свидетели моей службы – 5 чинов, золотая сабля, Георгий и 3 раны, если бы не знал, что чины и ордена дают не по заслугам, а раны – случай, и что я только требовал по статусу Георгия, получил его, когда я заслужил его 3 раза; но правда, это не к делу (отвечая на
40 его движенье). Дело в том, что на службе в мирное время теперь, когда все, что сидело, спрятавши под хвост голову, – служба возможна только на (войне). Я отдался всей службе. Я призван на то. Я все принес в жертву. (Еще злобнее дрожит губа именно потому,

что чувствует, это не к делу.) Я имею права на повышение. И это первый случай.

Князь покажет, чего я могу ждать. И что же скажут все. Я неспособен. Карьера моя погибла, если я приму это. Вы это знаете. Но могла бы быть ошибка, случайность. Я знаю, что это не случайно. Мерзости смотра. Я вижу план оскорбления.

– Вы можете видеть, что вам угодно, я не виноват.

– Позвольте, князь. Я договорю прежде. Я бы молчал, но причина не в службе, вне ее, совсем видна.

– Какая причина, вероятно, ревность к госпоже Гранди. – 10
Улыбка высоты.

– Да, она. Вы думаете со мной (сила тонкой мысли не выражена вдруг) действовать тем же путем. С какой-то высоты мнимой делать просто ничтожность, давая чувствовать, что что-то есть высокое. Я знаю, что ничего нет. Вся высота есть придворная, и это просто низко.

Собака показала силу энергии.

– Вон, сию минуту вон, я говорю.

– Я все сказал, прощайте.

〈ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО〉

20

Это было после войны. Нервность и радость после страдания. Могли спорить, что лучше было, так и спорили, но у кого рукой и ногой меньше, те знали, что хорошо было. Восторг и блеск юношей, кабаки. И соответственно им жизнь.

«Назначается: генерал-майор князь Щетинин 1-й командиром 3-й бригады, полковник Невировский начальником штаба при войсках 2-й армии».

Слова эти для всех читающих газеты имели или интерес объявления о продаже новой помады, или интерес новости, подобной тому, что австрийский министр проехал в Прагу, или для знакомых Щетинина и Невировского и прежних и будущих их подчиненных самое большое тот интерес, который заставляет сказать: «А! вот как он». Но для одного человека из десятка тысяч прочитавших эти слова, для князя Федора Щетинина, слова эти имели то всегда странное для постороннего зрителя значение нек(их) слов, которые вдруг в человеке здоровом, спокойном, счастливом, занятом зажигают внутренний огонь, неудержимо палящий человека и лишаящий его и спокойствия, и труда, и счастья!

Когда князь Федор Щетинин прочел эти слова, он был не один. У него сидели за завтраком его приятель Носков, член комиссии, ревизовавшей провиантское ведомство, и адъютант, принесший почту. Адъютант знал, что *его* князь (Щетинин) ожидал назначения начальника штаба, знал, как и знала вся армия, что он был достоин, знал, что это известие огорчит, но, несмотря на то что Щетинин все силы воли употребил, чтобы скрыть свое впечатление, адъютант не ожидал такого действия. Знакомое адъютанту твердое красивое лицо вдруг задрожало внизу, багровая краска
10 покрыла все лицо до выпуклости кости на глазах, жила на виске налилась, и раненая рука дернулась. Он поднял голову.

– Носков! – сказал он, побледнев, – прочти, я назначен командиром бригады. А Невировский начальником штаба. Я ждал этого, и ты знаешь отчего? – Не дожидаясь. – Она.

– Ну хорошо. – К адъютанту: – Так прикажи раздать в приказ, а отчет я просмотрю, да казначея попроси.

Он отдал приказание и остался один с Носковым.

Это было после войны. Тогда¹

---

20 Женщина с завитками губ, растрепанная всегда. И в том блеске красоты, в каком бывают один раз недолго.

Муж ее Сухотин все знает. Камергер, Бярятинский толстожопый с малой головой. Благороден оттого, что никогда не сомневался, что делал дурно. И по книжкам стремление благородное.

За что он сердится. *Он странный*, все объясняет.

Щетинин не хочет сердиться.²

30 *М.И. Балк.* ястреб. Все понимает, но далеко нейдет и наслаждается. Я не думал, чтоб длинные сердились. Ну как ты?

[Мальчик] Губы завиваются внутри

---

¹ *На полях:* Это он – черный эфиоп.

Мать мужика – нежная старушка, отец пьяница.

Нежность мужика к Щетинину, высота, на которую его ставит, и нет *упрека* за муки.

² *На полях:* Отношение между братьями, *не любят, ревнуют*, и не тронь его.

〈РОМАН ИЗ ВРЕМЕНИ ПЕТРА I〉

〈СТРЕЛЬЦЫ〉

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

7290¹ года, в четверг на Фоминой неделе, помер последний русский царь, государь Федор Алексеевич. Федор Алексеевич царствовал 6 лет и 3 месяца. Он сел на царство после отца своего, царя Алексея Михайловича, 15 лет, а помер 21 года. Заболел он незадолго перед смертью родителя и, хоть и выздоровел после, но всю короткую жизнь свою болел, исчах и помер в молодых годах. Алексей Михайлович женился в молодых годах и прожил с царицею, своей женою, 21 год в любви, мире и согласии и прижил с нею 13 человек детей: 5 сыновей и 8 дочерей. Прошло 20 слишком лет. Стала царица Марья Ильинична стареться, сошелся царь с Артамоном Матвеевым и рушилось счастье царской семьи. В 7277² от начала мира и в 1669 умерла царица, через 3 месяца помер сын Семен, через полгода и старший сын Алексей, объявленный наследник царский. Через год с небольшим вдовый царь женился на молодой 16-летней девице Наталье Нарышкиной. Наталья эта была сирота и жила в доме у Артамона. Артамон и свел ее с царем и выдал за него замуж. Прошел год, родился у царя сын от второй жены, потом дочь, а через 5 лет помер скоропостижно и царь 46 лет от роду во всей силе и здоровье. 10 20

Когда и простой человек помирает, то много бывает раздора и греха промежду родных; о том, кому достанется наследство после покойника; а после царей наследство остается большое, — все царство, и греха бывает еще [больше]; говорили, что не без греха было дело. Матвеева судили за отраву и говорили про мачеху. Мачеха Федора, Нарышкина, с своими родными прилажива-

¹ Опуска, следует: 7190.

² Опуска, следует: 7177.

ласть посадить на царство своего сына Петра 4-х-летнего, помимо старшего Федора. И быть бы смуте во всем царстве, кабы не застоял патриарх Иоаким и князь Юрий Алексеич Долгоруков. Говорили тогда, что Артамон Матвеев, дядя молодой царицы, утаил от бояр про смерть царя и подговорил стрельцов, и посадил на престол 4-летнего мальчика Петра¹, и уговаривал бояр присягать ему. Но патриарх не польстился на лесть Матвеева, сказал, что царь благословил Федора. И Долгорукий Юрий не поддался и прямо сказал, что царь Алексей Михайл(о)вич Федора благословил, а его, Долгорукова, в опекуны поставил. Прямое тогда дело
10 было. Осталось у царя Алексея два сына от первой жены: Федор, Иоанн, и один от второй жены – младенец Петр; и сам заживо царь Алексей благословил по старинному порядку старшего сына на царство, а и то чуть смуту не сделали. Случилось тогда, что при смерти отца Федор болен был, и Матвеев стал говорить, что он в цари не годится, весь опух и что надо меньшего помимо старшего посадить на царство – видимое дело для того, чтобы из-за малолетнего самому с царицей царством править. Затем и сказывал, что Федор опух и в цари не годится. А делом вышло так, что он
20 не то что не годился, а 6 лет с месяцами царствовал не хуже противу отца и деда и злом его никто не поминает, а добром и тогда поминали и всегда поминать будут. Помер он 21 года и чах года три от скорби и от нее и умер, и тем же скорбел и другой брат его, Иоанн.

Говорили тогда, что его отравили. И грешить на людей страшно, а нельзя не думать, что болезнь и его, и брата была неспроста. Первое, что прежде при других царях слухов об отраве не бывало, а тут после смерти Алексея Михайловича стали говорить, что и его отравили, и судили за то и Матвеева и докторов. То же говорили и про Федора, когда он помер. Ни с чего бы не стали говорить.
30 Второе то, что и сам царь Алексей Михайлович, и первая жена его Марья Ильинична Милославская, оба были люди чистые и здоровые, дети от них, царевны все, тоже были девицы свежие, чистые, никакой на них скорби не было.

---

¹ *Над строкой:* 1669
5508

7277 *(описка, следует: 7177)*

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

СТРЕЛЬЦЫ

1

17 марта 1629 года у избранного на царство после московской смуты царя Михаила Федоровича родился сын Алексей. 12 июля 1645 по смерти отца воцарился царь Алексей Михайлович¹. В 1648 году молодой царь сочетался браком с девицею Марьею Ильиничною Милославской, и 21 год прожил царь Алексей Михайлович с женою-царицею в мире, любви и согласии. И Бог благословил их детьми. Живых было 10, все были живы и здоровы. 10
В 1669 скончалась царица Марья Ильинична. 4 сына и 6 царевен остались после матери. Старшему царевичу Алексею Алексеевичу было 15 лет; второму, Федору, 8 лет; третьему, Симеону, 4 года; меньшому, Иоанну, 3 года. Царевне Марфе 17, Анне 14, Софье 12, Катерине 11, Марье 9, Федосье 7 лет. Наследником царства был объявлен царевич Алексей и уж принимал послов и помогал отцу. Старшая сестра Марфа тоже была на возрасте. За малолетними было кому ухаживать. Были живы три царевны – Ирина, Анна, Татьяна Михайловны – тетки, любимые сестры царские.

Сам царь был не стар, хотя и толст брюхом, и, казалось, ему 20
шутя дожить надо, пока он сына женит, к царству приготовит и всю семью на ноги поставит. Но пословица говорит: седина в бороду – бес в ребро. Царь был не стар, жил в неге и соблазне от человекоугодников и льстецов и попал в сети врагу.

Не прошло года после смерти жены, как он сошелся в любовь с 18-летней незамужней девкой и через два года, чтобы прикрыть грех, женился на ней. Женился он на ней 22 января, а в мае она родила незаконного сына. От царя ли был этот сын или от кого другого, никто не знал. Свел его с этой девкой Артамон Матвеев, бывший подьячий сын, голова стрелецкий. Девку звали Наталья, 30
а потом уж по отцу стали называть ее Кириловой, а по прозвищу Нарышкиной, а никто не знает теперь, какого она истинно была роду. Говорили одни, что прозвище ей было Ярыжкина и что была она в такой нищете, что в лаптях ходила, что Матвеев, заехав раз в Михайловский уезд, в деревню Киркину, увидел в деревне – девчонка плачет. Подозвал ее и узнал, что плачет она о том, что девка у них в доме удушилась. Он пожалел девчонку, посадил ее

¹ На полях: [Родился 17 марта 1629 года, воцарился 12 1645 16-ти лет [умер 1676]]

с собой и привез жене. Другие говорили, что она была наложницей Матвеева самого и что потом уже он подманил на нее царя, приворотил его к ней и женил на ней. Потом уже, как вышла она в царицы, стали говорить, что она роду Нарышкиных, Кирилы Полуехтыча, стрелецкого полуголовы дочь. Вернее всего то, что была она в родстве с Нарышкиными и с Матвеева женой, а потом уже, как стала в славе, то принята в дочери Нарышкину.

10 Как бы ни было, шла она замуж не честью, и вместе с мачехой пошли беды за бедами на царскую семью. Как только померла царица Марья Ильинична и связался с Натальей царь Алексей Михайлович, помер у него 4-х-летний сынок Симеон, прошло еще полгода, захворал и помер Алексей Алексеич, бóльший сын, наследник.

Немного время прошло, и, надежда и царя и народа, захворали оба наследника, оба царевича – и Федор и Иоанн. Стали у них пухнуть десны, языки и глаза гноиться. То были все дети здоровые, а то вдруг заболели все 4 мужеска пола дети, наследники царству, а девицы-царевны все остались здоровы.

20 Два царевича померли, а два остались хворые. Федор был старше и перемогся, а Иоанн так испортился, что язык у него не ворочался, полон был рот слюни и глаза вытекли, так что он глазами плохо видел.

Не долго пожил после того и царь Алексей Михайлович. Через 4 года после женитьбы на молодой жене схоронили и его. Было ему 47 лет от роду, был мужчина сильный, здоровый, так что ему бы надо еще 30 лет жить, а вдруг свернулся и помер, и остались царевны, два больные царевича и молодая мачеха с своим 4-х-летним сыном.

30 Как только умер царь Алексей Михайлович, мачеха с своим благодетелем Артамоном утаили от бояр то, что царь благословил Федора на царство, подкупили стрельцов и уговаривали бояр объявить помимо законных царевичей Федора и Иоанна царем 4-х-летнего ее мальчика Петра. Бояре не согласились, и на царство вступил Феодор. После вступления на царство Федора всех родных Натальи судили и сослали в ссылки, а Артамона, ее благодетеля, судили в отраве царя Алексея Михайловича и сослали в Пустозерск, самую же мачеху Феодор оставил при себе и с ее сыном.

Недолго процарствовал и Федор, и не дал ему Бог наследников. Родился от него царевич, но скоро опять помер и с матерью.
40 Царь женился другой раз на Марфе Матвеевне Апраксиной, и через 3 месяца и сам помер.

Остался поперек дороги мачехе один законный наследник Иоанн.

В то время солдатских наборов еще не бывало. Служили дворяне с поместьев, казаки, да кроме того набирали по городам вольных людей, ловких к стрельбе, записывали по полкам и называли стрельцами. Стрельцов таких было в Москве 22 полка, а в каждом полку по 1000 человек. Начальниками в полках стрелецких были десятники, пятидесятники, сотники, полуголовы и головы, головы или полковники. Голов сажали из дворян, дьяков и из немцев.

2

На Святой, в то время как царь Федор Алексеевич умирал и 10 с часу на час ждали его смерти, 23 февраля¹, на Красную Горку, в Стрелецкой слободе за Москвой-рекой, в Грибоедовом полку в приходе Казанской Богородицы у Калужских ворот венчали две свадьбы. Народ был весь на улице, которые родные, соседи и ближние смотрели свадьбу в церкви (церковь была рубленая, еловая, в два придела и битком набита была народом), (которые) толклись у церкви, поджидая свадьбу, которые постарше сидели на приступочках и у ворот и сошедшись по двое и по трое, которые молодые ребята играли за церковью на кладбище. В кабаке на площади стон стоял от пьяного народа. У съезжей избы 20 с каланчою на другой стороне площади никого не было. Только караульный стоял на каланче.

---

¹ *Описка, следует: 23 апреля.*

〈ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ〉

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

Твердо – не двинется, сидит на земле гиря на одной стороне весов, пока сыплют зерно на другую сторону. Насыпят полную насыпку, и все не двигается гиря; но вот подсыпали из совка горсть зерна и, покачиваясь, поднимается гиря и висит, дрожит, и дитя пальцем качнет, поднимет и опустит ее.

Так твердо сидела 12 лет сила князя Василия Васильича Голицына, и вдруг, никто не знал как и отчего, поднялась эта сила и повисла беспомощная, как соломинка, выбившаяся из-под крыши и качающаяся ветром.

Князь Василий 6 день уехал из Москвы и жил в подмосковном селе своем Медведкове, где уже давно жили его жена, дети, невестка и внучата, и он, без приказа которого ничего 12 лет не делалось в Москве, теперь ждал сам приказа, что ему делать. Всю ночь князь Василий не спал, все думал и встал поздно. Одевшись, отслушав обедню и позавтракав, князь Василий сел в комнате за стол и облокотился на руки. Старый карла в красном кафтане сидел на конике, болтая ногами, и смотрел на хозяина. Хозяин то читал рукопись, разложенную на столе, то смотрел в окно на светлый осенний день и ждал сына, накануне уехавшего в Москву. В комнате было тихо, слышно, как щелкали часы и дышал хозяин и карла. Карла смотрел то на свои махающиеся ножки в красных сафьяновых сапожках, то поднимал свое старческое бритое скуластое лицо с сплюснутым носом и старался уловить взгляд хозяина, но блестящий твердый взгляд хозяина не останавливался на нем, а переходил от окна к столу, к развернутому свитку, заложному фигурой из меди.

Сухое бритое молодежливое лицо старика князя Василия было нахмурено, длинные ноги вытянуты под столом, и сырые с длинными пальцами и синими, как червяки, жилами руки потирали края стола, как бы ощупывая вострый край.

– Кто приехал? – вдруг визгнул князь, так что Суслик вздрогнул и скочил на ноги. Но князь уже узнал того, кто приехал, и, встав на длинные ноги, пошел к дверям, но, обдумавшись, опять вернулся и сел на свое место.

На широкий двор въехала кожей обитая, окованная крашеным железом новая колымага на четверне разношерстных, крупных, косматых лошадей. Трое передовые верховых слезли с лошадей у часто ступенчатого тесового крыльца, отдав одному мальчику чумбуры своих лошадей, дожидались колымаги, чтоб высадить хозяина.

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

Как твердо – не двинется – сидит на земле лоток весов, на который положена гиря, когда на другую сторону весов сыплют зерно в насыпку и как вдруг от одной лишней пригоршни зерен вдруг дернется гиря и медленно поднимается, покачиваясь, и повиснет бессильная, туда и сюда мотаясь от прикосновения пальца ребенка, так точно непоколебима 10 лет и больше казалась сила князя Василия Голицына, при царе Федоре и при царевне Софье правившего царством, и так точно вдруг после второго Крымского похода дрогнула эта сила и, когда князь Борис Голицын и Нарышкины отвезли меньшего царя Петра к Троице и началась борьба между сестрой и братом, повисла эта прежняя сила, колеблясь от малейшей случайности. Все видели и знали это, все бросили ближнего боярина, и ни один человек из тех, которые прежние годы загромозживали его крыльцо, дожидаясь милости, ни один не навестил его с тех пор, как он, боясь стрелецкой смуты, затеянной Леонтием Романычем Шакловитым с царевной, уехал в свое подмосковное село Медведково. Он оставался один с своей семьей: с женой, не простившей его за его сношения с Софьей, с брюхатой, больной, слабой невесткой, с двумя малыми детьми, с толпой челядинцев, которые что ни день, то бежали от него, и с любимым старшим сыном, боярином Алексей Васильичем. Сын этот, 25-летний красавец, молодец, умница; ученый, знавший полатыни, гречески, по-французски, любимец отцовский, был и прежде надежда и радость, а теперь горе и страх отца. Все знали, что сила князя Василия кончилась и что он, как соломинка, выбившаяся из крыши, вот-вот упадет и занесется ветром в погибель; но один сам князь Василий не знал этого. Он не мог верить тому, что так вдруг от ничего, от горсти зерна, насыпанного на другую сторону весов, пропадет его сила. Он только сердит был и мрачен. И то, что сын его поехал в Москву проведать дела, тревожило его.

Он сидел перед обедом один в своей комнате за точеным с аспидной доской столом, на точеном стуле с пуховой атласной спинкой и, открыв книгу, смотрел в нее и длинными пальцами водил, ощупывая, по острым краям переплета. В заднем углу у холодной изразцовой печи сидел, свесив ножонки¹ в красных сапожках, карлик Суслик, и, подняв брови и не спуская глаз, смотрел на хмурое, бритое в подбородке, молодежавое лицо старого князя. Но князь взглядывал только изредка в окно и не чувствовал взгляда карлика, не чувствовал и другого взгляда больших чер-

¹ В автографе: ноженки.

ных, глубоких глаз жены, смотревших из-за приподнятого ковра в задней двери.

В комнате было тихо, слышалось тиканье часов в голове оленья – подарок польского посла, мокрое всхлипывание дыхания Суслика и шуршанье болтающихся ножек по подзору коника, дальнейшее глухое чтение Псалтыри в крестовой, из-за 2-х дверей, и изредка прокашливание князя. В открытые окна врываются другие звуки. Все эти <дни> были дожди, и с ночи стала ясная осенняя погода с паутинами. С ярко освещенных полей слышались скрип возов, 10 грохот пустых телег и крики мужиков и баб, возивших снопы.

У тесовых крытых резных ворот двора послышались колокольцы и, глянув в окно, князь увидел заворачивающих выносных с кучеренком в самых воротах, так что виден был перед новой крашеной колымаги; приезжие остановились. Кучер и кучеренок заспорили, ехать в двор или нет. Из колымаги высунулась голова в собольей шапке, и передовой проехал к крыльцу, слезши, отдал одному держать кони и стал, дожидаясь высадить приезжего из колымаги¹.

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

I

20

Князь Василий Васильич Голицын уж 12 лет был первый человек в русском царстве. При царе Федоре Алексеиче и потом при царице Софье он правил, как хотел, русским царством, только не назывался царем, а богатства и власти было столько же, сколько у царя – что хотел, то и делал.² Он был и хитер и разумен, но пришло время, и почувял он, что конец его царству. Меньшой царь Петр Алексеич подрос, женился, и стали около него люди поговаривать, что не все одному князю с царицей царствовать именем старшего царя Ивана (царь Иван был больной и убогий), что пора 30 подрезать царице с ее князем крылья, пора настоящему царю в свою власть вступить.

Василий Васильич ждал этого, но и ждал, что царица Софья не допустит до этого меньшего брата. Так и случилось. Когда вернулся летом из Крымского похода князь Василий Васильич и меньшому царю наговорили, что князь Василий Васильич в походе понапрасну погубил много казны и народа, царица заспорила,

¹ Под текстом: [Гавно.]

² На полях: уклад сталь(?) Баня, квас в бураках, скамьи. Крестовая, святыни.

велела раздавать походным людям большие награды, а князь Василий Васильич стал еще больше подбивать царевну. Он ей говорил:

– Хоть бы знать, государыня, кому служил. Тогда бы и знали, за что ждать награды, а за что наказанье. Выходит дело на то, что мы, [воеводы] – и до последнего ратника, пот и кровь проливали, животы покладали, думали заслужить ласковое слово, а заслужили – и ласковое слово от тебя – на том бьем челом – и гнев, откуда не ждали. А вас с братом кто же судить будет.

От таких слов в царевне разгорелось сердце. Она говорила:

– Мы 7 лет правим царством; мы царство взяли, оно шаталось. Кабы не мы, всех бы, и братишку-то мого с его матерью и дядями, всех бы побили, если бы не наша была заступа. И мы царство так подняли, что оно в большей славе стало, чем было при отце нашем и деде, и за то нам теперя хотят поперечить, нашим слугам в наградах отказывают. Так мы же не посмотрим на брата. Да и что, и разве брат наш – он знает, что делать. Всем ворочает мачеха злая, змея подколодная, с братьями да с твоим братцем Борисом. 10

Отвечает Голицын:

– Государыня Софья царевна. Не от нас установлено царствовать после родителя сыну. Старшему сыну обычай был царствовать после отца. Стало быть, точный наследник царя Алексея один есть Иван Алексеич. Если ж Иван Алексеич по Божьему гневу убогий, надо его отстранять и меньшого поставить на царство. А Ивана избрали народом, стало быть, он им годился. Выбрать надо одно: или царство меньшому отдать, а тебе и Ивану постриться, или Петру указать, что не царь он, а брат он царя, так, как братом царя был при Федоре брат его младший. 20

И нахмурила черные брови царевна, и ударила по столу пухлой ладонью.

– Не бывать ей царицей, мужичке, задушу с медвежонком медведицу злую. Ты скажи, князь Василий, – ума в тебе много – как нам дело начать. Ты сам знаешь какое. 30

Усмехнулся проныра старик и, как девица красная, очи потупил.

– Не горазд я, царевна, на выдумки в царских палатах, как испортить невесту, царя извести, это дело не наше. В ратном поле служить, с злым татаринном биться в степи обгорелой, недоесть, недоспать, в думе думать с посла(ми) Бог мне дал, и готов тем служить до упаду. А что хитрые мудрости, крамолы ладить в царских хоромах, у меня нет ума, и того Бог мне не дал. Если думу подумать о царстве, народе, о казне государевой, о послах, воеводах, под Азов воевать, строить храмы, мосты – я готов, а на дело в хоромах есть стрельцы, есть Леонтий Романыч, твой близкий слуга Шакловитый. Я же устал, и жену и детей уж давно я не ви- 40

дел. Поживу своим домом пока, как в скиту, а когда что велишь, я готов на всяк час. Когда примешь(?)

Так прожил, как в скиту, князь Василий Голицын с Петрова дни и до первого Спаса. Приходили к нему от царевны послы, говорили ему неподобные речи – что хотят извести мать-царицу с Петром, ее сыном, князь Василий молчал и советовал дело оставить. Покориться сходнее, говорил князь Василий, что ж, сошлют в монастырь, отберут награжденные земли, дворы, золотые. И без них можно жить.

10 Еще месяц прошел, по Москве все бурлило. Меньшой царь испугался, уехал ко Троице, и приказы пришли, чтобы ко Троице шли бы все ратные люди.

Князь Василий все ждал, не вступался в смятенье. Уж не раз удавалось ему отсидеться от смуты и к тому притулиться, чья вверху была сила. Так он ждал и теперь и не верил, чтоб верх взяла матери царской Нарышкиной сила. А случилось так.

Как у барки навесит купец тереза на подставки и, насыпав в кадушку зерно, на лоток кладет гири; десять гирей положит, не тянет; одну бросит мерку, вдруг все зерно поднимает, и тяги и силы уже нету в кадке, пальцем работник ее колыхает.

20 Так сделалось с князем, чего он не думал. Весы поднялись, и себя он почувал в воздухе легким. Вместо той тяги, что чувал в себе. Чувал допрежде того, что с великой силою никто его тягу поднять не поднимет, своротить не своротит, почувал, что он как соломка, сбившись с крыши, качается ветром.

Слышал про то князь Василий, что ездила к Троице царевна с братом мириться, что к брату ее не пустили, слышал, что Романыча Шакловитого взяли стрельцы, заковали и к Троице свезли как заводчика-вора, слышал, что ратные люди и немцы-солдаты к Троице ушли, что бояре туда что ни день отъезжают, слышал все это
30 Василий Василич Голицын князь и знал еще многое, хоть и не слышал. Знал он, что кончилась сила его. Знал потому, что последние дни было пусто в богатых хоромах. Непротолично, бывало, стоят дожидают и дьяки, дворяне, бояре в его...¹ передней. А теперь никого не бывало, и холопы его – их до тысячи было, уже не те, что то видно на лицах, и вчера спросил конюха, его нету, сказали – ушел, и другие бежали. Только видел в те дни он любимого сына, невестку брюхатую, да старуху Авдотью, жену распостылую.²

---

¹ Так в автографе.

² На полях: Погода [серая] осень или паутины.

Приезжает сын из Москвы. [Ездил и] Отец заломил руки.

А(лексей) В(асильевич) сидит за книгой. Приходит друг Щетинин. Открывает мерзость отца.

〈ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО〉

I

Как на терезах твердо – не двинется – сидит на земле положенная гиря и так же сидит, пока на другой лоток в насыпку зерно сыплут работники, и вдруг от горсти зерна поднимается и колыхнется без силы от пальца ребенка, так точно после шести лет силы при царе Федоре и 6 лет при царице Софии, когда князь Василий Васильич Голицын чувствовал себя первым человеком в царстве, и все просили милости, он награждал и наказывал, и богатству его не было сметы, так после 12 лет, ничего не сделав, 10
вдруг князь Василий Васильич почувствовал, что нет больше в ней силы, что он, так крепко сидевший, что ничто, казалось, не могло поколебать его, что он висит на воздухе и, как соломинка, выбившаяся из-под крыши, мотается по ветру и вот-вот оторвется и полетит незнамо куда, и никто об ней не подумает. И, как главное ядовитое зло при житейском горе, сильнее всего мучала князя та вечная злая мысль: когда же сделалось, когда началось мое горе. И в чем оно, горе. Когда я все тот же, все те же во мне силы, те же года, то же здоровье, те же дети, жена, те же мысли. Или нет горя, или я сшел с ума, что вижу, чего нет. 20

Василий Васильич жил в подмосковном селе Медведково и ждал. Он ждал, но сам знал, что ждет того, что не может случиться. Он ждал, как ждет человек перед умирающим близким. Он ждет, чтоб свершилось то, что быть должно, но, чтоб были силы ждать, утешает себя надеждой. Так ждал князь Василий в селе Медведково конца борьбы между сестрой царевной и братом Петром. Он называл для себя эту борьбу 〈борьбой〉 между царевной и царем, но он знал, что ни царевна, ни царь не боролись, а боролись за царя бояре – Черкасский, Б. Голицын, Стрешнев и др., и за царевну стрельцы, Шакловитый, Змеев, Неплюев. Что ж 30
он не вступал в борьбу? Отчего не становился в ряды с ними, а уехал в подмосковную и сидел праздно. Он боролся и прежде не раз; но теперь на другой стороне он видел новую силу, он видел, что невидимая сила спустила весы и с его стороны тяжести перекачивались на другую. На той стороне была неправда. Правды нет никогда в делах правительства. Он довольно долго был сам правителем, чтобы знать это. Что же, правда была в выборе Годунова, Шуйского, Владислава, Дмитрия, Михаила. Правда была разве в выборе Петра одного, Нарышкиных, в выборе Ивана и Петра и Софьи, и какая же правда была теперь в участии Петра в 40

правлении с Иваном? Или Иван царь, или убогий монах, а один Петр царь. Не правда была, а судьба. И рука судьбы видна была в том, что творилось. Руку судьбы – это знал князь Василий – чтоб узнать, есть верный знак: руку судьбы обозначают толпы не думающих по-своему. Они сыплются на одну сторону весов тысячами, тьмами, а что их посылает? они не знают. Никто не знает. Но сила эта та, которой видоизменяется правительства. Теперь эти недумающие орудия судьбы сыпались на ту, враждебную сторону весов. Князь Василий видел это и понял, что его царство кончилось. Прозоровский ездил к Троице заступить за царевну и сам остался там. Патриарх тоже. Сама царевна ездила, и те люди, которые на смерть пошли бы за нее, выехали к ней и вернули ее. На той стороне была судьба, не право, князь Василий знал это. Право больше было на стороне Ивана, старшего в роде. Петр был младший брат только. А при Иване, как при Федоре, должны были быть бояре-правители, и кому же, как не ему, князю Василию, быть этим правителем? Но когда судьба склоняет весы на одну сторону, другая сторона, чтоб удержать весы, употребляет средства, губящие право, и тем еще больше губит себя.

20 При начале борьбы право было равное, но теперь слабая сторона погубила свое право, и чем слабее она становилась, тем сильнее неправда ее становилась видна. Перекачались весы на нашу сторону, думал князь Василий, и ясно бы стало, что Петр с злодеями, с пьяными конюхами задумали погубить старшего брата Ивана, благодет(ельницу)-правительницу и хотели убить спасшую царство от смутов и главного труженика князя Василия, и мало было плахи для извергов. Теперь перекачнулись весы туда и ясно, как день, выступало неправо Софьи, называвшейся государыней, ее развратных любовников, которые правили царством и всё под видом управления за старшего брата, безответного дурака и убо-

30 го. Мало того теперь, что поправить весы, и другое страшное дело выступало наружу. Софья подговаривала стрельцов к бунту, и Шакловитый собирался убить молодого царя.

Князь Василий знал все это, но, хитрый старик, он не дотрогивался до весов, чтоб уравнять их, никто не видал, чтоб он приложил к ним руку. Он удалился от всего, после того как немец Гордон, тот немец, который в землю кланялся ему, просил отпуска, тот немец, который, как раб, служил ему 6 лет, пришел спросить, что делать? Из Троицы от младшего царя пришел приказ идти с полком к Троице. Князь Василий сказал не ходить к Троице, и на другой день ушли к Троице. Князь Василий понял, что немец и другие с ним сделали это – немец бережет только свою шкуру – не потому, что он нашел, что то право, а потому,

40

что к Троице идти было под гору, а оставаться – идти было на гору. Князь Василий понял это и с тех пор уехал в Медведково и только ждал. Каждый день летали его послы в Москву. Он знал, что делалось, и видел, что все больше и больше перевешивало и что он, как соломинка, вьется и вот оторвется, полетит по ветру. Он послал сына в Москву узнать про царевну и ждал один в своей комнате. Он сидел за столом и думал. Думал уже о том, как его обвинят и как он оправдается. И чем больше он думал, тем больше он обвинял их. И ясны были ему все их вины.¹

Но, как это бывает с человеком в несчастии, он возвращался 10 к своему прошедшему и искал в нем того, в чем упрекнуть себя, и, как у всякого человека, особенно правителя, – было много дел, за которые и церковь, и суд, и молва могли осудить его, – и казнь Самойловича, и казни других, и казна присвоенная – он не замечал этих дел.² Одно было, что заставляло его вскакивать, старика, ударять жилистой рукой по золотному столу: это было воспоминание о толстой, короткой, старой женщине, румяной, беленой, с черными сурмленными бровями, злым и чувственным видом и с волосами на усах и бородавкой под двойным подбородком. Если б этого не было! Ах, если б этого не было! – говорил он себе.³ 20

Он встал на свои длинные ноги, закинул длинные руки назад, отчего спина стала еще сутуловатее, и вышел в крестовую. Там гудел голос попа домового, читавшего Псалтырь.⁴

II

Хуже всего эти последние дни было для князя Василия то, что жизнь его, до сих пор такая полная, необходимая, вдруг стала не нужна никому. За все эти 12 лет он не помнил дня, который бы не был полон необходимыми делами – делами, которые он один мог исполнить: быть у царя и царевны, быть в посольском приказе, подписывать, приказывать, смотреть войска, давать, отказы- 30 вать в наградах и еще много и много. Так что часто он тяготился этой вечной работой и думал: «Когда это кончится и я буду свободен», – и завидовал своему брату и другим боярам, которые жили в свое удовольствие. Теперь он был свободен, в последние 6 дней

¹ На полях: но к(ак) э(то) б(ывает) в беде

² На полях: С(ын) , извести(е) о Мазепе, (1 нрзб.) о родных, о царевн(е)

³ На полях: сын толстожопый резонер, не видит! Отец умнее. Все оставили, сидел один, вдруг все посетители, один за другим.

Проблеск при виде – X.

⁴ На полях: При горе – перелом жизни – и без правленья делать нечего. Ни на чем была жизнь, хочется развратничать.

ни один человек не приехал к нему в Медведково, его забыли. Без него могли жить люди по-старому. Он чувствовал себя свободным, и эта тишина и свобода мучали, ужасали его.¹ Он придумывал, чем бы ему занять свои дни. Пробовал читать. Все было такое чуждое, далекое. Пробовал говорить с женой, невесткой, с любимцем Засекиным; все как будто жалели его и говорили только о том, о чем он не хотел говорить.² Чтоб наполнить пустоту жизни, он целый день ел, целый день пил, то спрашивал брусничного, то клубничного меду, то варенья, то леденца, и живот болел у ж у него. После 6 дней сын поехал в Москву проведать, и в это самое утро, как сговорились, один за другим приезжали гости к князю Василию. Но гости были невеселые, ни один не привозил хороших вестей.³

Как тереза, он висел, но ждал. Ждут весны и ждут ветра в затишье. Он ждал ветра и знал, что не будет, но когда он думал, он думал не как стоять, а как поплывет, и он думал не как оправдает, а как обвинит. А он знал, что не будет ветра. Посыпались под гору. Он был один, и ему было жутко. Полон дом людей – карла, шуты, но он был один. Он встал рано, как всегда.
20 *Мылся, карла держал мыло, зачесал расческой на лоб, расправил, пошел к обедне, позавтракал и сел в комнату у окна ждать. Приехал Змиев – брюхатый, потом сын о Мазепе, о Борисе, о взятии Шакловитого. Потом Сашка Гладкий.*⁴

Василий Васильич не сдается, но молчит – *моложавый сухой старик*. Карлик сидит, молчит, ноги болтаются. Сын болтун, добродетельный, себя одурманивает. Говорит о праве. Василий Васильич молчит, в душе смеется.

Жена узнает, что делает Василий Васильич. Он пьет, ест, ласкает девок. Она видит, что это плохо. – Сон ей. «Прости». – Он 30 тебя стыдится. Невестка – *жадная, завистливая, живая*. – Проваливается свекровь – бабища твердая, здоровая. Кормит грудью обеих. Василий Васильич *просыпается*. Щетинин, верный друг, и слуга его ворочают.

---

¹ *На полях*: Сын говорит про незаконность.

² *На полях*: «Никогда не прощу».

³ *На полях*: Карла доносит жене, что делает. Сидит. Задрал руки.

⁴ *На полях*: Карла шут. Жена посылает узнать и судит. – В обед ложится спать. – Сон. – [Поезжай] Приходит, молчит. А. Апраксин. *Едет к Троице*. У Троицы. [К(нязь) Б(орис).] Все сияют. Обросим Петров. Пытка. К(нязь) Г(олицын) молится, брюхатый. Два брата. Другой день. Казнь. Ссылка. Гладкий в деревне. Щетинин.

〈ПЯТОЕ НАЧАЛО〉

I

Всю сентябрьскую длинную ночь не спалось князю Борису Алексеевичу Голицыну. Всю ночь он ворочался, трещал тесовой кроватью за перегородкой в келье Троицкого келаря отца Авраамия. На заре он, тяжело вздохнув, поднялся, перегнувшись, достал расшитые шелками чёботы, надел шелковые на очхуре шаровары и, вздев кафтан на широкие плечи, стал перед образом Спасителя и, сложив широкие руки перед животом, нагнул большую кудрявую голову.

10

– Господи Отец, научи твое чадо творити волю Твою, Господи Сын Иисус Христос, научи мя уподобиться Тебе, Господи Дух Святой, вселися в меня и через меня твори волю Свою. Пресвятая Богородица, Ангел хранитель, Борис и Глеб, угодник Сергей, заступите за меня, научите, что делать буду... – Так он сказал и вспомнил все свои мерзости, пьянство, обжорство, любострастье и ту беду, которая теперь одолевала его душу.

13 лет прожил он дядькой при царевиче Петре Алексеевиче и только думал отслужить свою службу и уйти в монастырь спасти душу и к 50 годам откачнуться от всей суеты житейской. Он ждал только того, чтобы женился, возмужал царь и стал править царством, а вышло не то: стали вздоры меж царской семьи: Софья царевна стала мутить, и нельзя было князю Борису уйти в монастырь.

20

Все смешалось в царской семье. Царевна связалась с братом двоюродным Васильем Васильевичем, настроила Ивана царя и Петра царя забросила, и народ весь был в смущенье. Не хотел сперва князь Борис мешаться в это дело, да нельзя было оставить, а другого никого не было. Слово за словом, дело за делом, замешался он так, что совсем расстроились царь Петр с царевной, и бросил (Петр) Москву и уехал к Троице. И вот 4-ю неделю жил царь Петр в Троице и шла борьба промеж молодого царя и царевны. У молодого царя никого не было, и за всяким делом приходили к князю Борису: что написать, что сказать, кого куда послать. И стал князь Борис вместо монаха первым человеком при царе. И во всем удача была князю Борису. Царевну оставляли понемногу и бояре, и стрельцы, и немецкие полки, и с помощью угодника, чего не чаял никто, ни князь Борис, вся сила сошлась к Троице, и стал одним царем Петр Алексеевич и одним дельцом князь Борис Алексеевич. Тяжело было князю Борису чувствовать на себе всю тяжесть власти. Сколько греха, сколько соблазна! А пуще всего, на той стороне был старший брат Василий Васильевич, и дошло дело до того, что не миновать было Василию Васильевичу плахи.

30

40

И всему зачин и коновод был он, князь Борис. Подумал он, вспомнил все это, нагнул еще ниже голову, и лицо и шея его налились кровью и на глаза выступили слезы. Он прочел все молитвы, поклонился три раза в землю и кликнул холопа, калмыка Федьку, и велел подать умываться.

〈ШЕСТОЕ НАЧАЛО〉

Только что ударили в большой колокол к вечерне; накануне праздника Рожества Богородицы, к воротам Троице-Сергиевского монастыря, звеня уздовыми цепями конных и громяхая колесами
10 колымаг и телег, подъехал длинный поезд – из Москвы. В передней карете, окруженной конными людьми в богатых уборах, сидел главный боярин и печати оберегатель Василий Васильевич, князь Голицын, с молодым сыном. Навстречу от ворот монастырских вышел урядник стрелецкий и, узнав, кто приехал, побежал в калитку, вывел с собой сотника и вместе с ним вышел в калитку. В карете стукнуло, дернулось слюдяное оконце и опустилось. Худая белая рука с длинными пальцами легла на окно, и вслед за рукой высунулось и знакомое сотнику бритое продолговатое
20 молодежовое с усиками лицо – главного боярина и оперлось подбородком, под которым оставалась невыбритая борода, на белую, худую, с синими жилами руку. Сотник подошел к окну и, сняв с лисьей опушкой суконную шапку, в пояс поклонился.

– Что ж ворота не отпираешь, – сказал тонким женским голосом князь Василий Васильевич.

– Ворота приказаны полковнику, сейчас к нему побежали.

– Разве ты не знаешь меня?

– Когда же князь Василья Васильича не знать, – отвечал сотник, улыбаясь и вглядываясь в лицо боярина и в лицо его сына в глубине кареты. Лицо боярина было такое же, как всегда, тихое, тонкое и задумчивое, только оно серо показалось сотнику,
30 от пыли ли, залегшей слева вдоль по прямому длинному носу или от чего другого, и открытые большие глаза казались блестящее обыкновенного и быстро перебежали с лица сотника на лица стрельцов и толпы дворян, стрельцов, солдат, монахов, собиравшейся все больше и больше у ворот. Раза два он втягивал в себя дух, как будто хотел сказать что-то, но не говорил. По лицу сына сразу видно было, что он был не в себе. Лицо его было похоже на лицо отца, но было много красивее, не столько потому, что оно было моложе, сколько потому, что это было почти то же лицо,
40 но без того выдающегося вперед подбородка и рта, над которым

лежал длинный звериный лисий нос. Это было то же лицо, но как будто выпрямленное и оттого привлекательное. Молодой князь видимо старался не смотреть и не показывать волнения; но он не мог мгновенья усидеть смирно: то он облакачивался назад на подушки за спиной, то вытягивался прямо, оборачивался то к тому, то к другому окну, то застегивал, то расстегивал пуговицу на кафтане у шеи. Лицо его было красно, брови нахмурены и дыхание слышно давило его.

– А что Федор... здесь? – спросил Василий Васильевич, не глядя на сотника.

10

– Нынче на разусвете привезли, – отвечал сотник.

– Повели пытать, – прибавил стрелец, стоявший близко.

Василий Васильевич будто не слышал слов стрельца, принял руку и, подозревая своего человека, стал приказывать что-то. Но в это время калитка отворилась, народ расступился и вышел полковник стрелецкий и дьяк. Дьяк подошел к окну, поклонился, снял шапку и проговорил:

– Государь и Великий князь, самодержец... Петр Алексеевич не приказал тебе, боярину Василью Васильевичу, князь Голицыну, быть в монастыре, а приказал тебе ехать и стать на посаде и 20 ждать его царского указа, а оттуда никуда не отбывать.

Голицын, приподняв шапку, поклонился и приказал своему человеку везть на посад к посадскому человеку, где он знает двор получше.

Люди хотели трогаться, когда к окну подошел полковник и, низко кланяясь, сказал:

– Князь Борис Алексеевич приказывал подождать – сам к тебе выйти хотел.

Лицо Василья Васильевича вспыхнуло огнем при словах полковника.

30

– Пошел, – крикнул он. – Мне его видеть незачем, я не к нему... – видно, с трудом он подавил ругательство, просившееся в прибавку к упоминанию о враге, – а к царю приехал, пошел.

Человек, сидевший на козлах, замахал кнутом передовому, зачмокал. Карета тронулась, закачалась, повернулась и покати-лась к посаду. За каретой пошли стрельцы.

〈СЕДЬМОЕ НАЧАЛО〉

Прошел месяц с тех пор, как молодой царь Петр Алексеевич переехал из Москвы в Троице-Сергиевскую Лавру и за ним переехали молодая и старая царицы – жена и мать Петра Алексеевича; и по одному и по нескольку стали переезжать из Москвы в Лавру бояре, немцы, стрелецкие сотники и головы. Во всем народе был страх: не знали, кого слушаться. В Москве оставался царь Иван Алексеич и царевна Софья Алексевна. При них ближним боярином был князь Василий Васильич Голицын. В Лавре был царь
10 Петр Алексеич с матерью царицей; при них был ближний боярин князь Борис Алексеич Голицын.

Во всех приказах в Москве сидели судьи от царевны Софьи Алексевны и судили, приказывали, казнили и награждали по указам царевны Софьи и князя Василья Васильича.

От царевны Софьи Алексевны и князя Василья Васильича читались указы стрельцам, немцам, солдатам, воеводам, дворянам, чтобы под страхом казни не смели ослушаться, не смели бы слушать указов из Лавры.

От царя Петра Алексеевича читались указы из Лавры, чтоб
20 под страхом казни не смели слушаться царевны Софьи Алексевны, чтоб стрельцы, немцы, солдаты шли к Троице, чтоб воеводы высылали запасы туда же.

Уже 7 лет весь народ слушался указов царевны Софьи Алексевны и Василья Васильича и слушался их в делах не малых: и войны воевали, и послов принимали, и грамоты писали, и жаловали бояр и стрельцов и деньгами, и землями, и вотчинами, и в ссылки ссылали, и пытали, и казнили людей немало. И патриарх, и царь Иван Алексеич, и сам Петр Алексеевич, меньшей царь, не спорили с царевной.

30 Царь Петр Алексеевич никогда народом не правил и мало входил во все дела, только слышно было про него, что он связался с немцами, пьет, гуляет с ними, постов не держит и утешается ребяческими забавами: в войну играет, кораблики строит. Кого было слушаться? Народ не знал и был в страхе. Страх был и от угрозы казни – от царевны ли, от царя ли, – но еще больше страх был от стрельцов. Только 7 лет тому назад били и грабили стрельцы всех, кого хотели, и теперь тем же хвалились.

Как устанавливают тереза перед амбаром, полным зерна, когда
40 уж собрался народ для того, чтоб начать работу – грузить хлеб на барку; как ждет хозяин, глядя на стрелку, скоро ли она остановится, а она медленно качается, переходя то в ту, то в другую сторону, так теперь остановились на мгновение весы русского народа.

Но вот тереза установились, чуть, как дышит, пошевеливается стрелка и покачивается коромысло. Хозяин кинул гири на одну сторону, и на другую посыпалось зерно в кадушку. Выравнивают, стребают, высыпают в мешки, взваливают на плечи, стучат ноги по намостьям, встречаются порожние с нагруженными; покрхтывает, опускаясь, барка, и закипела работа.

Так весь август 1689 года стояли, уравниваясь, весы правительства русского народа. Сначала были слухи, что Нарышкины и Борис Голицын мутят народ, хотят погубить царевну Софью, которая законно царствовала 7 лет. Потом стал слух, что царевна 10 Софья с Васильем Голицыным мутит народ. Потом пришло время, что никто не царствовал. Царевна Софья приказывала и грозила казнью, если не сделают, то царь Петр приказывал сделать напротив и грозил.

В начале сентября весы выровняло, и вдруг началась работа, началось то время, которое называется царствованием Петра Великого.

7 сентября к вечерне ударил большой колокол соборной Троицкой церкви, и в ясном осеннем воздухе тихого вечера звонко раздался благовест. Но, кроме звона колокола и слов молитвы, 20 слышались другие звуки; кроме монахов, по заведенному порядку в черных рясах и клобуках шедших с разных сторон из келий к церковной службе, много было в монастыре других людей, думающих не о молитве.¹ Монастырь был полон народа. В царских хоробах был царь с царицами и со всеми придворными. В обеих гостиницах было полно народа – бояре, стольники, генералы, полковники, немцы и свои.² У игумна и келаря стояли бояре. Все кельи простых монахов были заняты. На слободе тоже было полно народа. За воротами стрельцы и приезжие стояли обозом, как в походе. Беспрестанно то приходили офицеры в невиданном 30 еще немецком платье, то пробегал стольник в красном кафтане за какой-нибудь царской посылкой, то боярин в собольей атласной шубе и шапке выходил на крыльцо кельи и приказывал что-то, кричал громким голосом.

За воротами несколько десятков баб выли. Вой и плач этот, переливаясь на разные голоса то словами, то пеньем, то плачем,

---

¹ *На полях:* Б(орис) А(лексеевич) в нервн(ом) напряжении. Андрюша.

Был слух, что едет Голицын.

² *На полях:* Не узнает никого.

Забывают все, живут сами по себе.

Заплакал, когда промок.

Жена нарочно дразнит о Софье и плачет.

Голиц(ын) орет.

не переставал ни на минуту. Это выли стрельчихи из Москвы, матери, жены, дети тех стрельцов, которых одних привозили из Москвы, а другие сами пришли с повинною. Стрельцов этих допрашивали все утро, а после полдней привезли Стрелецкого приказа окольного Федора Леонтьевича Шакловитого, того самого боярина Федора Леонтьевича, который не раз бывал в Лавре, пожертвовал иконостас в придел Рождества Богородицы. Его поутру допрашивали без пытки, а теперь, в самые вечерни, повели на воловий монастырский двор, где за три дня монастырские плотники тесали и устанавливали новую дыбу для пытки. Двое монахов, старичок с красным лицом и курчавой седой бородкой и толстый опухший монах, приостановились у входа в церковные двери и шептали о том, что происходило на воловьем дворе. По плитам двора слышались быстрые легкие шаги тонких сапог, и, оглянувшись, они увидели подходящего келаря, отца Авраамия.¹ Отец Авраамий был еще не старый человек с сухим, длинным и бледным рябым лицом и черными, глубоко ушедшими блестящими глазами. На нем была длинная из черного сукна ряса и мантия, волочившаяся до земли. Клобук был надвинут на самые брови, волоса, запрятанные за уши, и редкие, по рябинам разбросанные волоса бороды были не расчесаны. Все в нем говорило о строгости монашеской жизни; но движения его, быстрые, порывистые, особенно легкая быстрая походка и взгляд, быстрый, твердый, внимательный и прожигающий, выказывали силу жизни, не свойственную, как будто неприличную, монаху. Когда он подошел к церковным дверям, оба монаха низко, медленно поклонились ему. Он ответил таким же поклоном и спросил: «Что?» – хотя никто не говорил ему ничего. Старичок с красным лицом сказал: «Отец Пафнутий сказывал: пытать повели Федора Леонтьевича».

Отец Авраамий вздрогнул, как будто мороз пробежал у него по спине, и, подняв руку, хотел перекреститься, но в это мгновение с воловьего двора послышался страшный, сначала тихий, потом усиливающийся стон, перешедший в рев. Отец Авраамий побледнел, и рука его остановилась.

– Волы ревут, их на двор не пускают, – сказал толстый монах, слегка улыбаясь.

Отец Авраамий повернулся лицом к церкви и быстро стал креститься, гибко кланяясь в пояс и читая молитву, и потом так же быстро разогнулся, оглянулся на заходящее за западную баш-

¹ На полях: Хмурое

Остановивш(аяся?), закаменевшая хмурость

ню солнце и скорыми легкими шагами прошел в храм, где уже зажигали свечи и готовились к службе. Он прошел на клирос, достал книгу и стал читать, крестясь и молясь.

Бояре допрашивали все утро окольников Шакловитого в хоромах, после обеда приказали свести его на монастырский воловий двор, в подклеть монастырских воловщиков, где был устроен застенок. Для бояр справа у двери были поставлены две лавки с суконными полавочниками, и на них сидели ближние бояре – четверо, по два на лавке.¹ На одной сидел в горлатной чернолишьей шапке с темно-зеленым бархатным верхом и в вишневой бархатной собольей шубе, распахнутой на атласном зеленом кафтане, маленький сухой старичок, с красным, как будто ошпаренным лицом и белой седой бородой, усами, бровями и волосами. Он беспрестанно потирал свои маленькие красные ручки и переставлял ноги в своих красных сапожках. Глаза стальные, серые быстро перебегали на лица тех, кого допрашивали, и на лица товарищей. 10

Это был почетнейший боярин, известный щеголь – Михаил Алегукевич, князь Черкасский. Рядом с ним сидел толстый, грузный боярин лет 40, сутуловатый от толщины и с ушедшей небольшой головой в плечи. Он так же нарядно был одет, как и Черкасский, но лицо его не выражало той живости и подвижности, которая была в лице его товарища. Этот, напротив, оперши руки на колена, нахмурившись, смотрел прямо в одно место своими маленькими заплывшими глазами, и цвет кожи его за ушами и на пульсах рук был того нежного белого цвета, который бывает только у людей не ломанных и холеных. Это был князь Федор Юрьевич Ромодановский. 20

На другой лавке сидели Голицын, князь Борис Алексеевич, дядька молодого царя, и Лев Кирилыч Нарышкин, его дядя. Голицын был высокий, молодцеватый мужчина с ранней проседью в рыжеватой бороде и с красивыми, но расписанными красными полосами щеками и носом и с большими, открытыми, добрыми глазами. Он был одет в польский желтый кафтан, и на голове его была маленькая шапка, которую он, почесывая голову, переворачивал то с той, то с другой стороны. Жилистая шея его была раскрыта, даже пуговица на рубашке расстегнута, и то он все распахывал, как будто ему было жарко. Он почесывал голову, покачивал ею, прищелкивал языком и видимо волновался. 30

Лев Кирилыч был высокий, стройный, чернобровый, черноглазый, с румяными щеками и глазами красавец. Он имел одно из 40

---

¹ На полях: Тихон Н(икитич) Стрешнев

тех неподвижных красивых лиц, которые невольно притягивают к себе внимание. Он и говорил больше всех, и больше всех спрашивал, и к нему обращались подсудимые, и на него вопросительно взглядывал дьяк, пристроившийся на скамейке у двери и писавший на своих коленях.

Перед боярами стоял бывший окольный и начальник стрелецкого приказа Федор Леонтьевич Шакловитый. Его только сняли с дыбы, и на голой, мускулистой, длинной белой спине его, 10 перекрещиваясь и сливаясь, лежали багрово-синие рубцы от ударов кнута; руки его, оттопыренные локтями назад, с веревочными, обшитыми войлоком петлями, за которые держал палач, имели странное положение; плечи неестественно были подняты кверху. Все красивое, мужественное тело его съежилось и дрожало. Горбоносое красивое лицо его с мелко кудрявыми волосами и свалывшейся короткой бородой было бледно, зубы стучали друг об друга, и глаза до половины были закрыты.

– Читай, – сказал Лев Кирилыч дьяку.

– Советовал ли с царевной погубить государя царя и великого 20 князя Петра Алексеевича?

Шакловитый только вчера был взят. Вчера еще он садился верхом у своего двора на серого аргамака, 5 человек держальников-дворян окружали его лошадь, держали узду и стремя, и в руках, ногах была сила и гибкость, а в душе чувствовалась сила, которой, казалось, ничто сломить не может, и вот тот же он, с тоской в спине, в вывороченных плечах и в сердце, которое ныло больнее вывихнутого левого плеча, стоял перед всеми ненавистными (?) 30 людьми, – теми, которые, он знал, месяц тому боялись его, подлачивались к нему, и у него что-то спрашивали, а он не мог говорить, потому что стоны только стояли в его душе. Как бы он открыл рот, он бы застонал, как баба.

Он опустил ся, охая, где стоял, на землю.

– Дайте поесть, ради Бога. Я второй день...

– Советовал ли? – повторил дьяк.

– Советовал, ничего не утаю, все скажу, есть дайте...

Бояре заспорили. Одни хотели еще пытать его – Нарышкин и Ромодановский, другие настаивали на том, чтоб дать ему есть и привести стрельцов для очной ставки. Они громко кричали, особенно Голицын и Нарышкин.

40 – Ты дело говори, – кричал Голицын на Нарышкина. – Я твоих наговоров не боюсь, чего же его пытать еще. Все сказал.

Шакловитый смотрел с завистью на кричащих бояр. Голицын пересилил.

– Приведите стрельцов, – сказал старший боярин, князь Черкасский.

В дверях зазвенели кандалы, и между стрельцами впереди и сзади вошли закованные 2 человека. Это были Семен Черный и Обросим Петров.

Семен Черный был коренастый человек с нависшими бровями и бегающими ярко-черными глазами в синих белках, цыган с виду.

Обросим Петров был тот самый стрелецкий урядник, который был главный зачинщик в стрельцах, как говорили, и который сперва один отбил саблей от 15 стрельцов, бросившихся на него, чтобы взять его, и который потом, когда видно стало всем, что царская сторона пересилит, сам отдался в руки стрельцам. По молодечеству ли его, потому ли, что он сам отдался, потому ли, что такая судьба его была, его, Оброську Петрова, как его теперь звали, и Обросима Никифорыча, как его прежде звали на стрелецкой слободе, его знали все в народе, и толпа народа собралась, когда его из Москвы, окованного, привезли к воротам Лавры. Он был преступник, изменник – все знали это, но он занимал всех больше даже самого Федора Леонтьевича.

– Оброську, Обросима везут, – кричали в народе, когда его везли.

– Ишь орлина какой! Ничего не робеет. Глянь-ка, глянь-ка, тоже на угодника молится.

Так и теперь, когда ввели Обросима Петрова в кандалах, в одной рубашке распояскою, невольно все, от двух палачей до бояр, все смотрели на него. Обросим, не глядя ни на кого, оглянул горницу, увидел икону и неторопливо положил на себя три раза со лба под грудь и на концы обоих широких плеч пристойное крестное знамение, гибко поклонился в пояс образу, встряхнул длинными мягкими волосами, которые, сами собою загибаясь вокруг красивого лица, легли по сторонам, так же низко поклонился боярам, дяку, палачам, потом Федору Леонтьевичу и, сложив руки перед животом, остановился молча перед боярами, сложив сочные румяные губы в тихое выражение, похожее на улыбку, не вызывающую, не насмешливую, но кроткую и спокойную. Изогнутый красивый рот с ямочками в углах давал ему всегда против воли это выражение кроткой и спокойной улыбки.

Дьяк прочел ему вопросы, в которых он должен был уличать Федора Леонтьевича. Обросим внимательно выслушал, и, когда дьяк кончил, он вздохнул и начал говорить. Еще прежде чем разобрали и поняли бояре, и дьяки, и палач, и Федор Леонтьевич, что он говорил, все уже верили ему и слушали его так, что в застенке

слышался только его звучный, извивающийся, певучий и ласковый голос.

– Как перед Богом батюшкой, – начал он неторопливо и не останавливаясь, – так и перед вами, судьи-бояре, не утаю ни единого слова, ни единого дела. С Богом спорить нельзя. Он правду видит. Спрашиваете, что мне сказывал Федор Леонтьевич восьмого числа августа прошлого года. Было то дело в воскресенье, пришли мы к двору царевниному, он меня позвал и говорит: «Обросим, ты нынче поди, брат».

10 И Обросим рассказал ясно, просто и живо все, что было сделано и говорено.

Ясно было, что всегда и во всем на службе он был передовым человеком, стараясь наилучше исполнять возлагаемые на него поручения, что начальство так и смотрело на него, что он сомневался и представлял начальству сомнения в законности действий, но потом увлекся делом и, как и во всем, что он делал, был последователен и решителен. Точно так же, когда он узнал, что царевна отреклась от них, он решил, что спасения нет, и отдался.

20 Когда Федор Леонтьевич, поевши, стал противуречить, Обросим посмотрел на него долго и сказал:

– Федор Леонтьевич, что ж путать. Ведь дело как в зеркале видно. Разве мы себя справим, что вилить будем. Я говорю, как перед Богом, потому знаю, что мой смертный час пришел.

После того, как он все рассказал и Шакловитый сознался во всем и повторил свое уверение написать завтра, когда он опаматывается, все, что он говорил и делал, бояре для подтверждения речей Обросима велели пытаться его.

30 У Обросима дрогнуло лицо, когда он услышал приказ, и он побледнел, но не сказал ни слова. Он только перекрестился. Он знал вперед, что ему не избежать пытки, но он обдумал уже то, что пытка будет легче, если он скажет всю истину, и на дыбе и под кнутом ему придется повторять только то, что он все уже сказал. Вся длинная речь, такая простая и последовательная, была им загодя внимательно обдумана и приготовлена.

Когда палач стал надевать ему на руки петли, Обросим нагнулся к его уху и проговорил:

– Дядя Филат! Все помирать будем, пожалей.

40 И оттого ли, что он это сказал, оттого ли, что он был силен на боль, он не издал ни одного звука стоны во время пытки и только повторял то, что все уже им сказано. Когда его сняли, с рубцами на спине и выломанной одной рукой, лицо его было то ж. Так же расходились мягкие волной волосы по обеим сторонам лба, тоже как бы кроткая, спокойная улыбка была на губах, только лицо было серо-бледное и глаза блестели более прежнего.

В то время как повели Черного на дыбу, к дверям застенка подошел молодой человек в стольничьем дорожном платье и стал что-то на ухо шептать Голицыну. Голицын вскочил и вместе с молодым человеком поспешно вышел из застенка.

Молодой человек был царицы Марфы Матвеевны брат, Андрей Апраксин, ближний стольник царя Петра Алексеевича. Он только что приехал из опасного в то время поручения князя Бориса Алексеича Голицына к двоюродному брату Василию Васильичу. Василий Васильич Голицын, главный заводчик смуты, как все говорили, не ехал к Троице и сидел в своем селе Медведках под Москвой. Князь Борис Алексеич давно разошелся с братом. Они ненавидели друг друга, но дело доходило уже до того, что Голицыну Василию Васильичу, как говорили Лоп(ухины) и Нар(ышкины), не миновать пытки и казни, и Борис Алексеич хотел спасти род свой от сраму и, хоть не любил брата, хотел спасти его. Но спасти его было трудно. Было опасно послать кого-нибудь с вестью к Василию Васильичу Голицыну. Послать письмо – могли перехватить и замешать самого Бориса Алексеича в дело враги его – Нарышкины, Лопухины, Долгорукие. Врагов было много у Бориса Алексеича, потому что он был дядька царя, и до сих пор царь Петр Алексеич делал все только по его совету. Послать верного человека, умного, который бы на словах все передал, было некого. Все боялись ехать. На счастье, юноша честный, добрый, Андрей Апраксин, которого особенно любил, ласкал и учил князь Борис Алексеич, сам вызвался поехать. Андрей Апраксин знал, что это было опасно; но он был обязан князю Василию Васильичу, и мысль, что он делает опасное дело только потому, что он не так, как другие, в опасности бросает друга, радовала его, как вообще радует молодых людей мысль о том, что они делают хорошее и трудное дело, которое не всякий бы сделал. Он был у Василия Васильича в Медведках и передал ему слова Бориса Алексеича, что одно средство спастись – это приехать самому и скорее, покуда не велят взять силой, в Лавру. И, несмотря на то, что князь Василий Васильич не соглашался, Андрею Апраксину удалось уговорить его, и теперь Апраксин только что приехал в Лавру вместе с князем Василием Васильичем и прибежал сказать Борису Алексеичу, что князь Василий Васильич уже подъезжает к воротам Лавры.

---

¹ – Вот довел-таки, – думал Борис Алексеевич про своего родню Василья Васильича, – довел до того, что и не выпростаешь его. Ведь посылал я ему 3 раза, чтоб ехал. Тогда бы приехал, остался бы первым человеком, а теперь с какими глазами я скажу царю, что он не виноват, когда Федька (после пытки Борис Алексеевич в первый раз сам для себя назвал Шакловитого уже не Федором Леонтьевичем, а Федькою), когда Федька прямо сказал, что он знал про все и говорил стрельцам: «Что ж не уходили царицу». – Ах, народ! – проговорил Борис Алексеевич, крикнув, и остановился, задумавшись. Он вспомнил живо братца своего Василья Васильича, вспомнил, как передавали ему люди, что Василий Васильич называл его не иначе, как пьяницей, вспомнил, как с молодых ногтей они с ним равнялись в жизни и как во всем в жизни Василий Васильич был счастливее его: и на службе, и в милости царей, и в женитьбе – красавицу жену его, Авдотью Ивановну, он вспомнил – и в детях. У Василья Васильича была жена, дети. Он еще при царе Федоре Алексеевиче был первым человеком, а теперь 7 лет прямо царствовал, с тех пор как связался с царевной. А у него, Бориса Алексеевича, ничего не было: жена померла, детей не было, и во всей службе своей что ж он выслужил? Кравчего да две вотчины в 400 дворов, да и тех ему не нужно было. В нем проснулось чувство той сопернической злобы, которая бывает только между родными.

– Так нет же, вот он погубить меня хотел, а я спасу его, – сказал себе Борис Алексеевич и быстрыми шагами, не видя никого и ничего, пошел, куда надо было.

Как это бывает в минуты волнения, ноги сами вели его туда, куда надо было, в царские хоромы. Борис Алексеевич уже целый месяц был в том натянутом положении, в каком находится лошадь, когда тяжелый воз, в который она запряжена, разогнался под крутую гору. Только поспевай, убирай ноги. И старая ленивая лошадь летит, поджав уши и подняв хвост, точно молодой и горячий конь.² То же было с Борисом Алексеевичем. Царица больше всех, больше, чем брату родному, верила ему, царь Петр Алексеевич слушался его во всем. И так с первого шага 7 августа из Преображенского, когда уехали все в Троицу, все делалось приказами Бориса Алексеевича. И что дальше шло время, то труднее, сложнее представлялись вопросы и, чего сам за собой не знал Борис Алексеевич (как и никогда ни один человек не знает, на что

¹ На полях: Царь его голов(ы) ищет

² На полях: Голицын ослабел, сам не ждал, что он так велик. Рот, когда пьет.

он способен и не способен), ни одна трудность не останавливала его, и, к удивлению и радости и ужасу своему, в начале сентября он чувствовал, что в нем сосредоточивалась вся сила той борьбы, которая велась между Троицей и Москвою.

Труд не тяготил его: его поддерживала любовь к своему воспитаннику Петру, на которого он любовался и любил, не как отец сына, но как нянька любит воспитанника, и дружба с царицей Натальей Кириловной, которая любила Бориса Алексеевича и покорялась ему во всем, и любовь которой, слишком простая и откровенная, стесняла иногда Бориса Алексеевича. Одно стесняло Бориса Алексеевича, это то, что ему надо было пить меньше, чем обыкновенно. Хотя он и был один из тех питухов, которые никогда не валяются с вина и про которых сложена поговорка: пьян, да умен – два угодыя в нем, – он знал ту степень трезвости, когда он был вял и нерешителен, и знал ту степень пьянства, когда он становился слишком добр, а этого нельзя было, и он старался пить все это время меньше, чем сколько ему хотелось.

Теперь, во все время этого своего управления всем делом, он был смущен и затруднялся именно потому, что дело теперь – защита Василья Васильича – было личное его. Не доходя до царя, он, в сенях встретив карлу, послал его за вином, и истопник принес ему бутылку ренского вина и кубок. Он только что вылил всю бутылку и выпил, когда дверь отворилась и высокий, длинный белокурый юноша в темно-зеленом кафтане быстро, ловко и тихо вышел из двери с двумя стамесками в руках и, увидав князя Бориса Алексеевича, низко поклонился и хотел бежать дальше.

– Куда, Алексашка? – сказал Борис Алексеевич.

– В мастерскую, приказал наточить, да такую круглую спросить, выбирать пазы, – отвечал Алексашка, показывая стамески и звеня по ней крепким ногтем пальца.¹

– Что делает?

– Столярничает.

– С кем?

– Франц Иваныч да Федор Матвеич.

Борис Алексеевич уже хотел входить, когда в другую дверь вышла старушка, мамка царицына, поклонилась низко Борису Алексеевичу и сказала:

– Царица к себе зовет. Уж она сама не в себе, золото мое, серебряный. Приди, отец, скажи ей слово.

¹ На полях: губы сладки

Борис Алексеевич понял, что из окна уже видели его, и царица Наталья Кириловна, находившаяся все время в ужасе, звала к себе. Нечего делать. Он пошел.

В царицыной горнице стояли две верховные боярыни М.В. и А.И. и она, царица, в собольей шапочке с белым и в телогрее черной, между ними. Белое пухлое лицо было заплакано, глаза, кроткие, тихие, смотрели умоляюще, маленькие пухлые ручки сжаты были, как когда молятся; несмотря на толщину ее живота, заставлявшую ее всегда ходить выгнувшись назад и высоко носить голову, она нагибалась вперед.

Не успел Борис Алексеевич поклониться иконам и ей, как она уже начала говорить. Лица двух боярынь имели то же выражение.

– Что ж ты, князь, не пришел сказать. Ведь измучал. Что злодеи наши, что мое дитя милое, я вдова несчастная. Всю ты мне правду скажи, на кого ж и надеяться, что не на тебя, друг ты наш верный, слуга неизменный; один ты остался. Что сказал злодей?

– Не печалься, была печаль, теперь миновала, все рассказал; все злодеи побраты, все змея подколодная, Софья царевна, подговаривала.

– Ну, слава Богу, да ты что ж пришел, не дождалшись, один?

– Князь Василий Васильич приехал.

Лицо царицы, доброе, вдруг изменилось.

– Чего он? Он обманет. Ты уж защити.

– То-то, я пришел спросить царя, принять ли его и когда?

– Батюшка, ты обдумай, наше дело женское. Ведь он колдун. Поди к нему, и я приду.

Когда князь Борис вышел, Наталья Кириловна пошла к невестке, шившей кошелек, и стала целовать ее. Евдокия была весела, счастлива. Она бы желала таких смут каждый день. Муж был с ней, спал с ней каждую ночь. И нынче – радость: наверно узнала, что она брюхата: ребенок затрепыхался, и она сказала свекрови. Наталья Кириловна пришла к ней поцеловать ее и порадоваться. Она от нее забирала радость. И от дочери, красавицы Наташеньки. Наташенька низала бисер, вышивала воздуха.

Борис Алексеевич вошел к царю. Царь – огромное длинное тело, согнутое в три погибели, держал между ног чурку и строгал; голова рвалась, дергалась вместе с губами налево.

– Ну, что ж, так теперь? – сказал он, показывая выстроганное высокому немцу.

– Ничаво, латно, – сказал немец.

Царь смотрел на Бориса Алексеевича и, видимо, не видал его, а слушал немца.

– Ну, а у тебя? – он обратился к Федору Матвеечу.

Тот только кончил строгать и владил конец в паз.

– Экой черт ловкий, лучше моего.

Федор Матвееч – полузакрытые глаза, тонкие, ловкие руки и кротость.

– Ну что? Отпытали? – спросил царь. – Что говорят?

– Много говорят, все скажу завтра. Теперь вот что, князь Василий Васильич приехал. Надо принять его. 10

Лицо царя затряслось больше. Он помнил только, что Василий Васильич не дал ему пушек, и за то не любил его.

– Что же мне с ним говорить?

– Да пустить к руке, потому...

В это время отворилась дверь, и дядя царя, Нарышкин, вбежал в горницу бледный и с трясущейся нижней челюстью.

– Вишь, ловок! К руке пустить. Знаю, что убежал из заметки (?), чтоб здесь намотить. Как же, твои хитрости. Не к руке его, а туда 20 же, где братья мои от стрельцов, благо в руках.

– Да ты чего ж. Погоди еще, когда царь велит. Нам с тобой спорить непригоже.

– Пьяная твоя морда.

Вошла царица.

– Хоть ты скажи сыну. Если его пустят, он погубит всех.

– Как Борис Алексеевич скажет, так и быть.¹

– Да уж ты никогда мою руку не потянешь, тебе чужой ближе брата, он своих-то небось жалеет, изменщика не выдаст.

– Погоди обзывать изменщиком-то. 30

– А, правнук изменничий.

– Будет, говорю, – вдруг крикнул Борис Алексеевич, наступая на него, и сжал кулаки. – Убью сукина сына. – И к царю: – Велишь уйти, так уйду, ссылай.

Царь смотрел то на того, то на другого, голова его тряслась больше прежнего, вдруг движение Бориса Алексеевича быстро сообщилось ему.

– Молчать! – крикнул он на дядю. – Кому велю говорить, тот говори.

Нарышкин умолк 40

– Ну, матушка, приказывай, что делать.

¹ На полях: Н(аталья) К(ирилловна) противуречит себе.

Наталья Кириловна посмотрела на Бориса Алексеевича умильно.

– Все бы сделал Борис Алексеевич, да его, да ее не могу к своему детищу пустить. Пушай его станет на посад, а там бояр позовем, обсудим.

– Так и быть, – сказал царь.

– А он уйдет. Стрельцам прикажи.

– Так и сделаю.

Борис Алексеевич поклонился и пошел к воротам, у которых ждал Василий Васильич.

〈ПОТЕШНАЯ ВОЙНА ПОД КОЖУХОВОМ〉

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

Под Каширой городом жил опальный Ерлоков, боярин. Был он в славе, когда царством правила Софья царевна. А когда сослали князь Голицына, Василья Васильевича, когда отрубили голову Шакловитому, и всю их шайку разогнали. И стал править царством Петр царь с братом Иван Алексеичем (Иван Алексеич только что славился царем. Он был слепой и убогий), с тех пор и Ерлокова сослали с Москвы и отняли дом в Москве, и стали они жить в своих вотчинах.

10

Вотчины были небольшие, а Ерлоковы уже набаловались в Москве, к богатой жизни привыкли, и житье их было скучное.

У старика Ерлокова было два сына. Старший

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

Осенью 1694 года в Москву собрано было 40 тысяч войска, построен был укрепленный городок на Москве-реке, против деревни Кожухово, и царь Петр Алексеич делал потешную войну. Война началась 23 сентября, и уж шла 3-я неделя, а войска не распускали и все воевали. 7-го октября было сраженье, и потешное войско Ромодановского князя завоевало городок, и Ромодановский князь угощал все начальство и поздравлял с победой.

20

Думали, что тем дело и кончится и войска распустят, но царю захотелось еще повоевать. Хотелось ему под городок подвести бочки пороха и взорвать, и он приказал начинать опять сначала. Распустили опять пленных, и расставились опять все по прежним местам. Бутурлин Иван Иваныч, он прозывался «польский король», и его войско были «поляки», опять засели в городке; а Ромодановский князь Федор Юрьич – он прозывался «князь Цезарь», и в его войске был царь, опять отошел и сначала стал брать городок. 9-го октября только что покраснелась заря, ударили по лагерю в барабаны, и стрельцы, рейтары, драгуны, преображенцы стали собираться по местам и строиться.

30

Каширский полк стоял на краю всего войска у самой реки. Подле него стоял обоз. К обозу в эту ночь приезжали из Каширы двое.]

Осенью 1694 года, пока царь Петр Алексеич был в Архангельске, в Москву собрали 40 тысяч войска, построили земляной

городок на Москве-реке, против деревни Кожухово, и, как только вернулся царь, начали потешную войну.

Одна половина войска нападала на городок, другая отбивалась. Начали войну неделю до Покрова. На другую неделю после Покрова городок завоевали и всю ночь по всему войску гуляли.

Думали, что тем дело и кончится и войска распустят, но царю захотелось еще повоевать. Он велел всем разойтись по прежним местам и начинать опять сначала.

Все утро

10

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

[После уборки хлеба в 1694 году пришли грамоты в 20 подмосковных городов, чтоб высылать в Москву стольников, стряпчих и дворян московских и жильцов к ратному ученью. И на площади в Москве в то же время ловили стольников, стряпчих и жильцов и водили в Разряд и там записывали, и приказывали быть к 18 сентября, к приезду царя Петра Алексеевича из Архангельского города.

В конце сентября собралось войско тысяч 15. Разделили войско на две части. Одна часть собралась в Воскресенском селе под 20 Москвой и называлась «поляки». А начальником был Бутурлин Иван Иванович. А другая часть собралась в Семеновском селе и называлась «русские», «наши». И начальником был Ромодановский Федор Юрьевич. Вышли оба войска за Симонов монастырь к Москве-реке, и началась потешная война. Воевали две недели. Палили из пушек, из ружей холостыми зарядами, бились дубинами, древками копий, лошадьми топтались, и на второй неделе во вторник «наши» завоевали «поляков», забрали польский земляной городок и главного начальника «поляков» в плен забрали.

Воевали 2-ю неделю. В среду на 2-й неделе дали отдых. 30 По нашей армии только выслали рабочих людей: десятого с каждого полка, а в обозы по царскому приказу привезена была водка, и все гуляли.

В одном нашем войске было 7000 человек, и место войско занимало не малое. От самых подкопов наших против крепости до деревни Кожуховой на версту места стояли войска, где в балаганчиках, а где и просто. Время стояло теплое – бабье лето. В Кожухове стоял Ромодановский князь – начальник, и царь, и все придворные. Бабы с ребетенками уж кое-где по оwinчикам жались.

А в деревне по избам, по клетям, по амбарам, везде стояли бояре, немцы генералы, офицеры и преображенские потешные. Впереди деревни стояли стрельцы. За деревней к лесу по ручью, по сю сторону болота стояла конница: рейтары и драгуны, две роты из холопей боярских. Полки звались один – «налеты», а другой – «нахалы».

У самого края леса стояли стольники и дворяне.

10 День был красный, веселый. Накануне шел дождь, с утра был туман, а как разошелся туман, откуда ни взялась паутина, разлетелась по всему полю, и тепло стало, как летом, а светло так, что глаза резало.

По всему стану слышны были песни, а из Кожухово самого то и дело палили из пушек. Выпадают раз-раз толсто из пушки, из другой и рассыпят дробью из ружей. Какой солдат опоздает или не выйдет у него ружье слышно, после стукнет и закричат что-то далеко в много голосов. Сизый дым от пороху так и стоял над деревней. В Кожухове в этот день Лефорт, немец генерал, праздновал по-своему именины свои и угощивал и Ромодановского, и вельмож всех, и царя.

20 Хрущев Аникита Пафнутьич сидел на краю леса перед своим шатром и обедал с Хованским, к(нязем) Иван Иванычем, с сыном Прохором и знакомцами.

Стол была доска, привезенная из дома и лежа(щая) на стульях. Сидел Аникита Пафнутьич и Хованский на бочонках, а сын и знакомцы на толстой березовой плахе.

30 – Ты поди ж ты, – говорил Хрущев, Тараруй по прозвищу, – разве порохом берут города. Не порохом, поди ж ты, а народом. Да народом-то еще не всяким. Народ надо чтоб был – вот что. – Он махнул рукой, зацепил за ковш и пролил мед. – Лизутка, эй, что спишь. Подлизывай. Так поди ж ты. Мы с немцем тогда под Чигирином что делали. Мы не кормили народ, чтоб он злей был.]

I

В 203 году (1694) посланы от царей грамоты в 22 города, чтоб собирались ратные люди в Москву к 18 сентября, для ратного ученья.

В Каширской разборной книге записано было: князь Иван княж Луки сын Щетинин, служит с 176 года 27 лет, был на службах и ранен, – крестьян за ним 28 дворов. На государевой службе будет на аргамаке с саблей, пара пистолей, да 2 лошади простых.
40 С огненным боем, с пищальми 7 человек, да в кошу 7 человек. Да рядом был записан стольник князь Иван княж Иванов сын Хован-

ский, служит с 181 года 22 года, и был на 4-х службах, крестьян за ним 257 дворов, на государевой службе будет на коне, с саблей, в саадаке, 2 лошади простых, люди с боем 9 человек, 2 конюх(а), в кошу 10 человек с винтованными пищалями.¹

²Оба князя были соседи и жили в деревнях и хотели ехать вместе, да не дождался Хованского (Щетинин) и ушел прежде. Щетинин князь против росписи привел с собой еще лишнего сына Илью на Бахмате с саблей и пистоллями и приехал в Москву в срок. А Хованский князь приехал уже после, к Покрову, когда все войска вышли на потешную войну за Симонов монастырь на 10 Москву-реку против деревни Кожуховой.

Хованский князь записался в Москве в разряде у боярина Стрешнева, отговорился, что не мог поспеть раньше; прошел к сборному месту и стал рядом с соседом кн(язем) Иван Лукичем.

Все войско (его было тысяч 15) разделено было на две части. Одна часть называлась «поляки». Начальником был Бутурлин Иван Иванович. А другая часть называлась «русские», «наши». Начальником был Ромодановский князь Федор Юрьевич. «Поляки» сидели в крепости, а «русские» выбивали их. Щетинин и Хованский попали в «русских». Палили из пушек, из ружей холостыми 20 зарядами, бились тупыми копьями, лошадьми топтались и подкапывались под крепость.

Воевали 2-ю неделю. В среду на 2-й неделе дали отдых. По нашей армии только выслали рабочих людей: десятого с каждого полка, а стрельцам и солдатам от Лефорта дана [была водка, и все гуляли].

⟨ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО⟩

В сентябре 1694 года под Москву было собрано войско. Войско состояло из стрельцов московских, солдатских, рейтарских, драгунских полков из нового царского потешного войска, собранного в Преображенском селе и в Семеновском и обученного немецкому строю, и еще из служилых помещиков, собранных по 22-м городам. Помещикам были посланы строгие приказы, и большая половина явилась к сроку. 30

Под Москвой, за Симоновым монастырем, была на Москве-реке, против деревни Кожуховой, построена земляная крепость, и, когда царь Петр вернулся из Архангельска, одна половина вы-

¹ На полях: Жилец Еким Ерлоков 18 лет был на службе, крест(ьян) 53 двора, на государев(ой) службе будет на коне с пищалями.

² Между строк: Прежде всех пришел Ерлоков.

шла из Семеновского села, заняла крепость и назвалась «поляки», а другая половина вышла из Преображенского и назвалась «русские»; и началась потешная война. «Русские», с ними был царь, а воеводой был Федор Юрьевич Ромодановский, нападали, а «поляки», у них воевода был Бутурлин боярин Иван Иванович, отбивались. Конный полк служилых людей помещиков был с «русскими».

Дворянский полк служилых людей был собран по-старому. Как и в старину, по записке в разрядной книге выехали кто с какой сбруей, с какими людьми и на скольких конях был назначен.

Дворяне знали, что вызывают не на настоящую службу, а на потешную войну, и не в Крым, а в Москву, и потому съехалось много, и съехались в щегольской сбруе.

Любовался народ и на новые царские полки, и на затеи новые, на разубранных рыцарей и коней, и на шута с полком, и на карлов, и на золотую карету, когда войска проходили Москву, но больше всех любовался народ на помещичий полк, когда на серых аргамаках, залитых серебром с позвонками на поводьях и залитых чеканным серебром уздах, проходили старики и молодые стольники дворяне с саблями, пистолетами, а кто и с саадаком и колчанами, в собольих и лисьих шапках и цветных атласных кафтанах и зипунах.

Дворянский полк стоял на краю леса, верстах в двух от Кожухова. В Кожухове стоял царь, и придворные бояре, и потешные преображенцы, кругом стояли рейтары, драгуны, стрельцы. Дворянский полк стоял на краю. Кошевой обоз стоял в лесу, а перед лесом на лугу рядком стояли табором палатки дворянские. У каждой палатки были плетеные и вырытые кухни. У кухонь хлопотали холопы. В палатках гуляли дворяне. Потешная война уже шла 3-ю неделю, бились тупыми копьями, палили холостыми зарядами из ружей и пушек, палили и бомбами, только нечинеными, подкапывались под крепость и закатывали бочки с порохом, выезжали в чистое поле и топтались лошадьми. Было и побито и ранено человек с десятков, а потешная война все не кончалась, и говорили, что до зимы царь продержит войска и будут биться.

5 октября дан был роздых всему войску. Любимец царский Лефорт немец счелся именинником и в Кожухове угощал царя и приближенных. С утра началась пальба из пушек и ружей в Кожухове у двора того дома, где гулял царь.

Погода была ясная, тихая, паутина ниткам(и) и клубкам(и) летала по полю, и в полдни тепло стало, как летом.

У дворян по полку шло свое гулянье. Собирались друг к дружке в таборы. 3-я палатка с края у самого лесочка была палатка

князя Щетинина Ивана Лукича. В Серпуховской разрядной книге было записано про Ивана Лукича: «Князь Иван, князь Луки сын Щетинин служит с 176 года 27 лет, был на службах и ранен. Крестьян за ним 127 дворов. На государевой службе будет на аргамаке, с саблей, да пара пистолей, 10 лошадей простых, с огневым боем, с пищалями 20 человек, да в кошу 7 человек». А выехал князь Щетинин не один, а сам-друг с сыном Аникитой на аргамаке, да не с 10 челядинцами, а с 20.

Князь Лука Иванович был старый воин и охотник. И когда другие дарили воевод да отлынивали от службы, он первый приезжал и привозил лишнее против списка. Князь Лука Иванович любил и повоевать, и погулять, и похвастать, а пуще всего любил угостить. Гости сидели на коврах, перед ними стояла на двух чурках лавка. А на лавке лежали сиги копченые, сельди и стояли чашки деревянные. А в чашки то и дело ковшом подливали мед из ведра сам хозяин, его сын и Федотка-холоп, любимец княжеский.

Гостей было 5. Почетным гостем старик стольник князь Хованский Иван Иванович, тяжелый рябой старик. Он сидел на подушке, поджав одну ногу, и поддерживал рукой коленку другой. Кафтан синий был расстегнут в воротах и рубашка тоже, и то его толстую красную шею точно давило, он все поднимал бороду и отворачивал ворот. Выпуклые глаза его, налитые кровью, перебегали с того, который кончил говорить, на того, который начал говорить, и он хмурился, если тот, кто говорил, хмурился, и улыбался, если тот, кто говорил, смеялся. Когда же два вместе или больше начинали говорить, он смеялся, мотал головой и махал рукой. Послушать было чего. Гости выпили и заспорили. Главными спорщиками были хозяин и молодой солдат их новых потешных. Он был дьячий сын – Щепотев и был сват молодому хозяйскому сыну. Женаты были на родных сестрах. Щепотева руку держал Ерлоков, старик подьячий. А с хозяином заодно были Левашовы два брата, один – дворянин, а другой – стольник.

Молодой Щетинин только слушал, а не говорил. Ему нельзя было говорить при отце, а видно было, что хотелось. Спор зашел о лошадях.

Князь Лука Иванович хвастал аргамаком, а Щепотев не верил, и Ерлоков поддакивал, говорил, что от конницы в бою проку мало.

Князю Луке Ивановичу было лет 60, но как и смолоду, так и теперь он был огневой; и всегда-то он говорил так скоро, что без привычки трудно понять его, и всегда он и руками махал, и вскакивал и в лицах показывал, что рассказывал, а когда выпьет, да еще раздражат его, так он пыхал как порох.

– Что в коннице, – закричал он, схватив своей жилистой с синими узловатыми жилками маленькой вогнутой рукой за длинный рукав дьякова кафтана. Он нахмурил свои черные тонкие брови, и соколиный загнутый нос еще круче загнулся над выставленной нижней челюстью.

– В прах те расшиби, вот какой толк. Выводи на меня четверых с ружьями, я всех собью и на аркане любого увезу. Эх вы, горюны.

Щепотев помотал своей широкой головой и посмеялся.

10 – С одним попробуй, князь.

– С одним? Выходи.

– Ладно.

– Никитка, – крикнул князь Иван Лукич сыну, вели весть ар-гамака, – нет, сам веди. Сейчас стопчу.

Молодой князь был похож на отца, только был много красивей его. Те же были огненные глаза, тот же нос, но прямее, только с малой горбинкой, и рот такой, что, когда он улыбался, промежду усов и бороды, которая росла у него черная, не сплошная, а оставляя просвет под концами губ, нельзя было не улыбаться и весело

20 стало смотреть. Он был и выше ростом и статнее отца.

Он взглянул на Щепотева, похмурился – видно не нравилось ему, что Щепотев дразнил отца, взглянул на отца и вышел из палатки.

Левашовы два брата сидели молча. Они были крупные, крупные толстокостые ребята. Старшему было лет 40, и он был потолще, и руки, и носы, и зубы у них длинные, угловатые и крепкие. Старший обтер рукавом редкие усы и сказал, опустив зрачки:

– Попытать надо.

---

30 Когда привели лошадь, князь Иван Лукич уже забыл про нее, он рассказывал, как под Чигирином он сбил двух лошадей.

Дело стало за спором. Князь Лука Иванович был выпивши.

¹ В это утро у князя Ивана Лукича случилось несчастье с тем самым сыном любимым, которого он привез с собой.

Рано утром к князю Ивану Лукичу зашел в гости Еким Антонович Ерлоков, сосед, и привез с собой зятя, Щепотева молодого. Щепотев уж два года был записан в потешные и был преобра-

---

¹ Текст: В это утро ~ поехал просить милости за сына. – *Новый вариант, написанный на полях.*

женским солдатом. Иван Лукич велел расстелить ковры, достать из ямы бочонок меду и поил гостей. Случилось так, что о чем бы ни заговорили, Щепотев спорил с хозяином. Стали говорить о конях. Князь Иван Лукич, всегда огневой, когда бывал под хмельком, пыхал как порох. Он велел привести аргамака и хотел показать его удаль. Когда князь Иван Лукич стал садиться, он (он был пьян, стар) осклизнулся по стремени, оборвался и упал. Щепотев засмеялся. Молодой князь, не говоря слова, замахнулся копьем и ратовищем расшиб в кровь голову Щепотеву. Щепотев выхватил тесак, хотел драться. Его удержали. Тогда Щепотев ушел в Кожухово, и через час времени за молодым Щетининым пришли по государеву приказу преображенские потешные двое и 10 стрельцов, связали молодому князю руки и отвели его в Кожухово. 10

С старика сразу весь хмель ⟨со⟩скочил, и он ⟨на⟩ том же аргамаке поехал к свату, к стольнику Хованскому князю, уговорил его ехать с собой просить за сына и с тремя людьми, держальниками своими, да с 5 за Хованским поехал просить милости за сына.

⟨ПЯТОЕ НАЧАЛО⟩

[Осенью 1694 года кроме потешных воинов, собранных в Семеновском и Преображенском, собраны были и стрельцы, и пушкарки московские, и рейтары, и драгуны, и еще собраны с 22 городов дворяне помещики с ратными людьми. Все войско, тысяч 8 – разделили на две части, построили крепость у Москвы-реки, и была примерная война: бились тупыми копьями, топтались лошадьми, палили из ружей холостыми зарядами и из пушек холостыми бомбами. Потешная война шла уж 3-ю неделю, и все городок держался, и «русские» не могли взять его. 20

¹В первое воскресенье после Покрова всему войску дан был роздых. В это воскресенье у Щетинина, князь Луки Ивановича, 30 случилось несчастье.

Лука Иванович был стольником в молодых годах при царе Алексее Михайловиче, но уж лет 30 жил в своей Ефремовской вотчине и выезжал только в походы, когда высылали ратных людей.

В Ефремовской разрядной книге было записано про него²

---

¹ На полях: собак

² Обрыв текста.

А выехал теперь в Москву князь Лука Иванович не один, а сам-друг с сыном средним Никитой (у него было 3 сына: Петр, Никита и Лев), и не с 10-ю, а 20-ю человеками.]

В это утро к князю Луке Ивановичу пришел обоз из вотчины, четыре подводы привезли овса, круп и три бочонка меду стоялого и поклон от княгини-старухи и от сыновей.

Дворяне расставились в 2-х верстах от Кожуховой деревни на поле у леса: кто в шалашах плетеных, кто в шатрах полотняных, кто промежду повозок. Князь Иван Лукич ночевал с сыном на 10 кошмах промеж двух повозок. Оглобли были подвязаны кверху и накрыты кожами, а сзади завешены по шестам рогожами для затишья.

Ивану Лукичу было далеко за 60 лет, в курчавой русой бороде его белела сединка на скулах, русые волоса его были редки на висках, но вились все еще мелкими кудряшками. Маковка у него была выстрижена, да уж и мало зарастала, но он был румян, голу-боглаз и быстр в движениях.

Но старый князь не бросал своей ухватки, как он сам про себя говаривал. Огневый был человек. Маленький, сухой, поворотливый, смелый, за что он ни брался, всякое дело кипело у него в 20 руках. А уж рассказать, похвастать, обласкать, повеселить гостей не было против него человека. Поглядеть на него, подумал бы, что только у него и было заботы, что повеселиться да погулять, а вместо того, хотя не видать было, когда он успевал дела делать, и на воеводстве (лет 30 назад он был воеводой в Кашире), и у себя в вотчинах, и на службе на походах у князя Ивана Лукича всякое дело спорилось, и подвластные и любили, и боялись его.¹

На зорьке Иван Лукич вскочил с войлоку, надел старые стоп-таннные желтые сапоги на босу ногу, накиннул шубу лисью на ру- 30 башку, на красную, шитую золотом тафью надел шапочку лисью, кликнул Федотку, старика холопа, и пошел мыться к кухне. Там он скинул шубу, засучил рукава на сухих, с буграми черных мясов руках и зачал полоскаться, мыться, фыркать. Всю голову себе об-лил и раскурчавил волоса и бороду, накиннул шубу, перекрестился и пошел к обозу. Там он сел на телегу, одной ногой упершись в ступицу, другой – заплетя за грядку, и стал выпрашивать кре-стьян, привезших обоз. Спрашивал он и про последнюю рожь, копны свезли ли; и про прудок в огороде, начали ли копать; и про княгиню, ездила ли к обедне; и про корма для скотины; и про 40 Семку драного, беглого есть ли слухи. Мужики стояли перед ним, рассказывали, что знали.

¹ На полях: ноги, гусем у старика. Молодой новая служба

Поговорив с мужиками, Лука Иванович обошел лошадей, стоявших у хрептугов, ощупал овес, пожал в горсти, сыр ли, понюхал, на зуб пощелкал зернушки. Потом осмотрел, куда постав(ить) мед в яму, отведал ковшом, отпустил на водопой лошадей, погладил аргамака. Встретил чужого холопа. Это был холоп соседа по табору князя Хованского, он подозвал к себе.

– Скажи куму князю Ивану Ивановичу, чтоб шел пить ко мне, мед привезли.

Когда он вернулся к повозкам, сын Аникита Иванович тоже встал и шел к повозкам, узнав, что приехали люди из двора.

– Что, Никиш! – так звал отец сокращенно, Никишка, – княгиня твоя, сказывают, велела не приезжать, без тебя, мол, веселей, – пошутил отец.

– Что ж, пушай. Я и здесь поживу. Сын был похож на отца и лицом, и сложеньем, только он был черный и больше отца. На сколько он был больше, на столько он был тише. Как будто огня было ровно столько же на большое тело и на малое. Те же были глаза, мягкие, сладкие, только у отца голубые, у сына кари(е), та же улыбка веселая, те же движенья складные, достойные. Те ж волоса, только черные и покрупнее кудри у сына. Только отец не мог быть и смолу так хорош, как сын. Сын был красавец и по росту, и по лицу.

〈ШЕСТОЕ НАЧАЛО〉

От леса и до Кожухова и за Кожухово и направо к самой реке сплошь стояли войска. С вечера был туман; поутру туман сел на землю и откуда ни взялись паутины понеслись по воздуху, садились, ложились, заплетались на жнивье, на кусты, на полынь, на шапки, кафтаны, носы людей, на спины лошадей, на козлы ружей. Золотые маковки на Симоновом монастыре, на соборах в Кремле горели огнем, река на загибе у Кожухова точно серебром политая стояла, не шелохнулась. Голоса песни слышны были издалека со всех сторон, а в Кожухове самом гремели пушки. Палили раз за разом из толстых пушек и раскатами пускали дробь из ружей. Рассыпят дробь, и раз, раз, хлопнет какой отсталый солдат. И закричат много голосов, и дым синий клубится, стелется над деревней и перевертывается, не зная, куда убраться и собраться.

В Кожухове, слышно было, гулял любимец царский Лефор্ত Франц Иванович и угощал на именинах царя и всех придворных; и по всему войску на этот день не было службы.

II

Обоз Московского полку стоял на полубугре у лесочка и в лесочке, верстах в двух от Кожухова.

У края леса на чистом (месте) рядом стояли шатры боярские, у кого из хвороста плетеные, натрушенные сеном, у кого полотняные, у кого войлочные кибитки. Побочь шатра у каждого была кухня в земле и шалашики для дворни спереди на лужку. Позади в лесочке стояли телеги, воза с повозками (нрзб) и крытые коврами, кожами, циновками; другие телеги – с креслами и хребтугами. У этих телег стояли кони. Другие лошади спутанные или по воле ходили по лесу. Тут же были вырыты ямы, и в ямах стояли бочки, бочонки с квасом, пивом, медами.

10 Князь Иван Лукич Щетинин стоял на лучшем месте, против колодца. Шатер у него был войлочный, он сам привез его себе из похода. Кухня была плетеная, и повозок за ним¹ стояло шестеро.

Дворов было немного за князем Иваном Лукичом, а и в деревне у него и на Москве он живал как от 300 дворов. Всего было много, и гостям он всегда рад был и голодных и трезвых не отпускал от себя.

В походах встречались знакомые друзья, те, которые в век не увидались бы.

20 К Василию² Лукичу собрались в этот (день) сосед Хованский князь, Левашовы двое и сват Курбатов – дьяк с сыном, преобразенским солдатом.

Пообедали и стали пить. Иван Лукич спорил с Курбатовым Василием Ефимовичем. Василий Ефимыч говорил, что немецкий строй лучше русского, Иван Лукич спорил.

– Ты, братец, мой с пером знаешь как управ(ляться), я тебе указывать не буду, а в ратное дело ты не суйся, дружок.

Василий Ефимович говорил:

30 – Почему ж именно дело это управить я не могу? Именно. Дело ума. Немец учение тебя, он и придумал. Кто же зелье выдумал, наш что ли? Кто пицаль придумал, наши что ли? Нет.

– Того дня, именно, видал, анамесь, разлетелись, разбежались наши конные, как исделали залпу из ружья немецкого, все и осели. Так что ли, князь? – обратился Курбатов к Хованскому князю.

Хованский князь сидел прямо, смотрел на Курбатова. Из себя был человек osobистый, грузный.

– Твое здоровье, – сказал он.

– Так что ли? – повторил Курбатов.

40 – Я тебе вот что скажу. Как проявились немцы, стали им пропуск давать, не стало строенья на земле и всё к матери. – И князь Хованский сморщился, махнул рукой. – Потому в книгах писано, тебе, я чай, известно: «От чуждого чуждое поядите».

¹ Так в автографе.

² Так в автографе.

Курбатов поджал губы и опять распустил их, чтоб выпить меду. Выпив, сказал:

– Без ума жить нельзя. Теперь всё по плану разнесут, и видно.

– Да чего по плану, – сказал Щетинин.

– А того, что не твоего ума дело.

– Моего не моего. (Меж ними была враждебность, обыкновенная между сватами.) Ты пузо-то отрастил небось не на немца, а на русского.

– Нет слова, а когда царь умнее нас с тобой.

Щетинин вспыхнул, красное лицо в белой бороде.

– Царь! – сказал он. – Быть ему здорову, – и выпил.

– Царь млад! – Хованский махнул отчаянно рукой.

– А и млад не млад, нам его не судить, нам за него Богу молить, что он нас кормит, нас учит, дураков. Ты сына отдал и думаешь: беда. Да скажи мне царь-батюшка: отдай сына. Возьми. Сейчас двоих отдам. Любого, а то всех бери. Я ни живота, ни детей не пожалею, да не к тому речь. Ты говоришь, тебе немцы наболтали, а ты и брешешь, что в Московском полку силы нет. Ну выходи кто, ей, Демка, давай аргамака.

Демка побежал к повозке. Аргамак ел овес, куснул Демку и, 20 когда понял, повернулся, взмыл хвостом и заиграл с визгом.

– Накладывай седло.

– Да с кем же ты биться будешь? – сказал Курбатов, подсмеиваясь.

– Выходи кто хочет. Да пей же. Кушай, князь. Гришка, подноси (сыну). Сын поднес.

〈СЕДЬМОЕ НАЧАЛО〉

СТАРОЕ И НОВОЕ

1

В конце 1693 года¹ Ефремовский помещик князь Иван Лукич 30 Щетинин получил приказ государев явиться на службу под Москву к новому году, 1-му сентября, с теми людьми, лошадьми и с тем оружием, с каким он записан был в разрядном Ефремовском списке.

В Ефремовском разрядном списке Иван Лукич был написан так: «Князь Иван княж Луки сын Щетинин, служит с 176 года,

¹ Начало года было в сентябре. (Примеч. Л.Н. Толстого.)

27 лет, был на службах и ранен, крестьян за ним 132 двора. На государевой службе будет на аргамаче, в саадаке¹, с саблей, да пара пистолей. С ним будет 8 лошадей простых; да с огневым боем, с пищальми 10 человек, да в кошу² 7 человек».

10 Был слух, что собирают войско опять в Крым на татар, и много помещиков отписывались больными и оплачивались деньгами, чтоб не идти в поход. Но князь Иван Лукич, хоть и много было дела в деревне, хоть и копны не все еще свезены были, как получил приказ, так стал собираться, приказал свое именье старшему сыну с княгиней и день в день в срок пришел к Москве с своими

мало того вполне всех людей и лошадей по списку; но лишним привел своего середнего любимого сына Никиту на аргамаче, с саблей, ружьем и пистолетами. Молодой князь Никишка, как его звал отец, за то и был любимцем отца, что такой же был удалый, как и отец, и, хоть только весною женат, упросил отца взять его в поход с собою. В Москве старый и молодой князь явились на смотр в Преображенское село к Ромодановскому князю.

20 И Ромодановский хотел записать Щетининых в роту к немцу Либерту, но князь Иван Лукич через холопа князя Федор Юрьича Ромодановского упросил не записывать к немцу, а записать к боярину князю Борис Алексеевичу Голицыну и послал через холопа в гостинец князю Федору Юрьевичу выношенного белого сокола.

30 В Москве князь Иван Лукич простоял 3 недели у свата князя Ивана Ивановича Хованского и с сыном ходил к родным и знакомым на площадь и на Красное Крыльцо и видел патриарха и царя Ивана Алексеевича и потом видел, как царь Петр Алексеич возвращался из Архангельска. 23 сентября в воскресенье они ходили смотреть, как солдатские полки, подъячие и стольники конные

прошли через Москву в полном уборе с знаменами и пушками, с своим воеводой боярином Иваном Ивановичем Бутурлиным. Слышно было, что Иван Иванович Бутурлин будет называться «польский король» и все его войско – «поляки» и что с ним-то будет война; воевать будет Ромодановский Федор Юрьевич с потешными войсками и с дворянскими ротами, с теми, в которые записаны были Щетинины отец с сыном. 26-го, в праздник Иоанна Богослова, велено было собраться всем в Преображенское село под Москвую.

40 Оттуда пошли все в поход, тоже через Москву. Щетининым с людьми пришлось ехать за ротой Тихона Никитича Стрешнева, а

¹ лук и стрелы (Примеч. Л.Н. Толстого.)

² в обозе (Примеч. Л.Н. Толстого.)

позади их ехала рота князя Лыкова. Ратных людей было так много, что когда шли по середине Мясницкой улицы, то вперед поглядишь – до самого Китая-города всё конные во всю улицу, и назад поглядишь – конца не видно. Старый князь, хоть и 23 года не был в Москве – с тех пор как его сослали в вотчины при царе Алексее Михайловиче, все, что он видел в Москве и теперь в войске, было ему не в диковину. Хоть и было нового много теперь, чего он не видывал прежде, он уже прожил 6 десятков и видал всячину. Старому умному человеку ничто не удивительно. Старый умный человек видал на своем веку много раз, как из старого переделывают новое, и как то, что было новое, опять делается старое, потому в новом видит не столько то, почему оно лучше старого, не ждет, как молодые, что это будет лучше, а видит то, что перемена нужна человеку. Но для Никишки Щетинина всё, что он видел в Москве, было удивительно, и Клекоток, село отцовское, где он родился и вырос и был первым человеком, казалось все серее и меньше и хуже, чем дольше он был в Москве. Теперь у него глаза разбегались. Их было в роте 120 дворян, а рот таких дворянских в их войске было 20, и, куда он ни смотрел – вперед ли, назад ли, вокруг себя – редкие были хуже убраны, чем он с отцом, половина была им ровня, а большая половина были много лучше их. Они с отцом ехали в середине первого ряда. Под отцом был приземистый, толстоногий, короткошей чубарый Бахмат. Бахмат этот была первая лошадь по Ефремову. Никишка по первозимью прошлого года забил с него двух волков, не было ему устали, и скакал он хоть и не так прытко с места, как тот аргамак, который был под ним, но скакал ровно, не сдавая на 40 верст. Но Бахмат хорош был в Клекотке, а тут под отцом не было в нем виду. Даже сам отец – хоть молодецвatee его и не было старика, мелок казался наравне с Хованским князем, который ехал рядом на тяжелом сером в яблоках польском коне, в тяжелой узде с серебряной наузой, с махрами и гремичими чепями в поводьях.

Аргамак белесо-буланый, на котором ехал сам Никишка, казался мельче, глядя кругом. Особенно вперед себя на Бориса Алексеевича Голицына, который ехал впереди лошади на две на белом фаре в тигровом чепраке и с золотыми махрами. Сам Борис Алексеевич был в собольей шубе, крытой синим бархатом, и золотая сабля гремела у ног. Но не столько князь Борис Алексеевич, сколько один из его держальников, их было 12-ть, сколько на этого держальника было завидно Никишке. На коротких стременах, на буром ногайском коне, с карабином золоченым, удал был.

Когда вышли за Симонов монастырь, увидали поле и мост на реке. У моста стояли пушки и палили на ту сторону, с той сторо-

ны палили тоже. Закричали что-то, потом в дыму велели скакать, и Борис Алексеевич отвернул в сторону, и все поскакали, смяли стрельцов и перескочили за мост.

Тогда закричали назад, и видно было, как стрельцы пошли в крепость. После поля стали табором у Кожухова. Подъехал обоз, и Щетинины стали в повозках у леска рядом с повозками Хованского князя. На другой день опять была война. И так шла эта война 3 недели. 6 октября (в) воскресенье дали войскам роздых.

〈ВОСЬМОЕ НАЧАЛО〉

10

1

Было страдное время. Уборка запоздала от дождей, и все пошло разом. Не успели убраться с рожью, уж подошел овес, подсох в 3 дня и бежал так, что только по зарям надо было убирать его. А тут ржаные снопы надо было довозить, расставлять, молотить, убирать землю под посев и сеять. А тут и луга подкошенные дожидались уборки. Все подошло разом и народ работал дни и ночи.

Только занялась заря и потухла золотая утренняя звездочка, задымило, забагровело¹ на востоке, осветилась земля и подул заревой ветерок, и старики и старухи стали подниматься.

20

---

¹ В автографе: заброговело

〈АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ〉

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

В 1668 году астраханский воевода Апраксин М.В. возвращался в Москву. Из Саратова воевода поехал сухим путем. Недалеко от Пензы на него напали башкирцы, разогнали и перебили его людей и его убили. Тело подняли, сложили куски в гроб и привезли в Москву к молодой вдове. Остались 4 детей-сирот: 4 мальчика – Андрей, Никита, Федор и Петр да 5-м вдова осталась беременна и в ту же зиму родила девочку Марфу. Крестил девочку Матвеев А.С. и Лопухина, боярыня. Вдова вырастила детей, только один Никита умер, и дожила радости в 1682 году. Когда овдовел царь Федор, на смотр невест к царю повезли и ее дочь, 15-летнюю Марфу. Никто не думал, чтобы царь выбрал Марфу; она была дробна и мелка, но царь полюбил ее и женился на ней. Женился он на ней в феврале, а в апреле умер. И осталась молодая царица ни девка, ни баба, ни матерая вдова, так что и мать за сыновою радовалась, что они через сестру попали в силу, а дочь жалела больше, чем прежде.

10

Из сыновей старший Андрей был виднее всех, и умнее, и добрее, и был любимец матери. За год до выдачи дочери за царя мать женила его на девице хорошей из роду Щетининых, и у сына пошли дети. Но недолго мать радовалась на сына. Сперва он вдался в книги и чуть-чуть не зашелся; уж стал заговариваться. Мать возила его к старцу в монастырь, и его отчитали, но потом, когда сестра стала царицей, Андрей сделан был ближним комнатным стольником к царю Ивану Алексеевичу и с тех пор стал пить, так что редко когда бывал трезвым. Мать все так же, еще больше любила его, но сокрушалась о нем.

20

Второй сын, Федор, был весь в мать, живой, быстрый и умильный. Не сердился, не обижал людей и видеть не мог, когда люди злобятся друг на друга или казнят один другого. Он всегда всех мирил, и сердца в нем совсем не было. Хоть он и почтительнее был к матери и добрее всем Андрея, и с женой жил хорошо, только что детей не было, мать не могла совладать с своим сердцем и больше его любила Андрея.

30

Третий сын, Петр, был тоже хорош; но нравом был в деда, материнного отца – упрямый и грубый. Он тоже был женат и с женой жил хорошо, и были дети.

Всех детей любила мать; но жалче всех была матери дочь-царица. Не могла она без слез смотреть на нее, как загубила она свой золотой век, и не радовало ее ни честь, ни богатство дочери. Оттого она редко бывала у дочери и, когда приезжала по ее зову, то все плакала, на нее гляючи, и отпрашивалась или к себе в вот-

40

чину под Ростовом к монастырю, где жил монах-старец, ее отец духовный, либо к сыну Андрею. И у тех сыновей были жены хорошие и невестки почтительные, но те жили хорошо и без нее, а в доме у Андрея старушка знала, что она нужна. И невестку свою Евланию, Андрееву жену, она с каждым годом больше любила. Прежде, как и все матери, не могла она не ревновать сына к жене его; но что больше узнавала она Евланию, то больше любила ее.

Давно уж не бывала старушка в Москве; но летом 1695 года приехала погостить к сыну и посмотреть на свою дочь-царицу.

10

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

5 ноября 1695 года в Москве было благодарственное молебствие о благополучном возвращении второго царя Петра Алексеевича из Азовского похода.

Царь в ночь приехал с передовыми и остановился в Коломенском дворце.

Старик, боярский сын Иван Хованский, уж 3-ю неделю с старухой женой жил в Москве, дожидался приезда царя. Он приехал из Тульских вотчин просить за сына, за любимого сына князя Ивана, взятого стрельцами под Каширою и привезенного в
20 Москву, чтоб судить за воровство и грабеж.

Хованский не поехал бы. Уж он 10-й год, с тех пор как попал в опалу, жил в вотчине и обжился; но жена уговорила его ехать просить за любимого сына. Княгиня была из родовитого дома, и она надеялась на заступу.

У ней рука была у царицы Натальи Кирилловны, у Лопухиных и у царя Ивана по Апраксиным. Но, побившись недели 2 в Москве, и муж и жена увидали, что у Ивана царя, у Лопухиных нет силы, а вся сила в царе Петре. Старуха и тут нашла дорогу через мамку царя Петра, Голицыну, она дошла до Бориса Алексеевича и послала к
30 нему мужа. Борис Алексеевич принял старика и обещал попросить князя Федора Юрьевича (Ромодановского) подождать пытаться молодого князя Ивана до приезда царя. Теперь царь приехал.

Старики стояли во дворе у Головина Федора Алексеевича. Он был свой. Утром рано пошли к обедне.

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

1

Весь Великий пост 1696-го года царь Петр Алексеич прожил в Воронеже на корабельной верфи.

Народа согнано было много тысяч. И лесу свезено было зим-
40 ним путем много тысяч деревьев. На луговой стороне Вороны-

реки были настроены балаганы для народа; и тут с ранней зари до позднего вечера стучали топоры, сипели пилы, визжали подпилки, оттачивавшие снасти, звенели обухи по железным гвоздям и скобам, с утра до вечера стоял ровным гулом говор рабочего народа; изредка кое-где поднимался крик на лошадей, подвозивших лес, слышались запевы мужиков, поднимавших бревно или бабу. И в обед и ужин слышали топот и говор народа. Со всех сторон дымились печи кухонь и на стружках в котлах кипела смола.

Весна была в этом году не дружная. Начало таять с масленицы, согнало весь снег, а потом подул сивер, и холода держались долго, и лед не трогался. На Дарью только взломало лед на Дону и завесенело. На Алексея Божия человека в полдни было тепло, как летом. По Вороне шла икра, поля были черные, около жилья зеленелась крапива, грачи и жаворонки прилетели, солнце ходило высоко и пекло в упор, как летом. Снег оставался только по правому берегу реки под кручью и промежду балаганов под лесом, досками и опилками. Вода бежала ручьями, грязь была липкая и густая.

Царский посланец на самого Алексея Божия человека приехал из Архангельска, дворянин Алексей Алексеич Головин, и привез с собой оттуда корабельных мастеров 43 человека: 7 немцев и 36 русских. Алексей Алексеич только приехал ночью в Воронеж на воеводский двор, только дождался лошадей и приехал на верфь, захватив с собой немца Флита, корабельного мастера и Евсея Мартемьяного, десятского. Алексея Алексеича ямщик прямо провез к царской избе, но в избе денщик Александр сказал, что царь на верфи.

– Из Москвы что ль? – спросил Александр, выходя из избы.

〈ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО〉

СТАРОЕ И НОВОЕ¹

«То царей, мало что один, три – с царевной было, а теперь ни одного у нас, сирот, на Москве не осталось. Закатилась наша солнушко, забубенная головушка. Теперь, я чаю, уж в Воронеже буровит. Ох, подумаю, Аниките Михайлычу нашему воеводство на Воронеже не полюбится. Разожжет его там наше Питер-дитятко». Так говорил Головин Федор Алексеевич, у себя в дому угощая гостей – Лефорта Франца Яковлича, Репнина старика, князь Иван

¹ На полях: Ссора Голицыных с Долгор(уками) из-за Лефорта. Головин мирит. Его мать. К ней ходят 3 сына – Алексан(др), Ник(олай), Иван, жена с Абокумом – дура, соперничество с Долгор(уким).

Борисыча и Голицыных двух: князя Борис Алексеича и князя Михаила Михайлыча.

Дом Головина был большой, деревянный, новый – на Яузе. Головин зачал строить его после похода в Китай. И в Москве не было лучше дома и по простору и угодыям, и по внутреннему убранству. Федор Алексеевич много из Китая привез штофов, дорогих ковров, посуды и разубрал всем дом. А Аграфена Дмитриевна, мать Федора Алексеевича – она была из рода Апраксина, – собрала дом запасами из Ярославской да из Казанских вотчин.

10 Подвалы полны были запасами и медами, и к каждому разговенью пригоняли скотину и живность из вотчин.

Гости сидели в большой горнице, обитой по стенам коврами. Дверь тоже завешена была ковром. В переднем углу на полстены в обе стороны прибиты были иконы в золоченых окладах, и в самом углу висела резная серебряная лампада. Два ставца с посудой стояли у стены. У ставцов стояли 4 молодца, прислуга. За одним столом, крытым камчатной скатертью, сидели гости за чаем китайским в китайской посуде, с ромом, – на другом столе стояли закуски, меды, пиво и вино.

20 Гости были шумны и веселы. Выпита была 2-я бутылка рому. Князь Репнин, старший гость, невысокий старичок, сидел в красном углу под иконами. Красное лицо его лоснилось от поту, блестящие глазки мигали и смеялись и все-таки беспокойно озирались, соколиный носок посапывал над белыми подстриженными усами, и он то и дело отпивал из китайской чашки чай с ромом и сухой маленькой ручкой ласкал свою белую бороду. Он был шибко пьян, но пьянство у него было тихое и веселое. Рядом с ним, половина на столе, облокотив взъерошенную голову с красным, налитым вином лицом на пухлую руку, половина на лавке, лежала
30 туша Бориса Алексеича Голицына, дядьки царя. Он громко засмеялся, открыв белые сплошные зубы, и лицо его еще по(ба)гровело от смеха и белки глаз налились кровью.

– Да уж разожжет! – закричал он, повторяя слова хозяина. Наш Питер-дитятко, ох – и орел же.

И Борис Алексеич опрокинул в рот свою чашку и подал ее хозяину и, распахнув соболий кафтан от толстой красной шеи, как будто его душили, отогнулся на лавку и упер руки в колена.

Другой Голицын, Михаил Михайлыч, худощавый черноватый мужчина с длинным красивым лицом, помоложе других, сидел
40 нахмуренный и сердито подергивал себя за ус. Он пил наравне с другими, но видно было, что хмель не брал его и он был чем-то озабочен. Он взглянул на двоюродного брата Бориса Алексеича и опять нахмурился.

Веселее и разговорчивее и трезвее всех был Франц Яковлевич и хозяин. Франц Яковлевич не по одному куце му мундиру, обтянутым лосинам и ботфортам на ногах и бритому лицу и парик у в завитках отличался от других людей. И цвет лица его, белый с свежим румянцем на щеках, и звук его голоса, не громкий, но явственный, и говор его русский, не совсем чистый, и обращенье к нему хозяина и других гостей, снисходительное и вместе робкое, и в особенности его отношение ко всем этим людям, сдержанное и нераспущенное, отличали его от других. Он был высок, строен, уже всех других. Рука его была с кольцами и очень бела. Он приятно улыбнулся при словах хозяина, но взглянув на Голицына, когда тот вскрикнул, тотчас же отвернулся презрительно.

Хозяин, среднего роста статный красавец лет сорока, без одного седого волоса, с высоко поднятой головой и выставленной грудью (ему неловко было сгорбиться), и с приятной свободой и спокойствием в движеньях, и светом и ясностью на округлом лице, соблюдал всех гостей, но особенно и чаще обращал свою всегда складную, неторопливую речь звучным волнистым голосом к Францу Яковлевичу.

20

〈ПЯТОЕ НАЧАЛО〉

1

Из Воронежа, к Черкасску на кораблях, на стругах, на бударах, вниз по Дону бежало царское войско. Войско с запасами хлебными и боевыми шло в поход под Азов.

Всех стругов с войсками и запасами было 1300. Если б все струги шли в нитку один за другим, они бы вытянулись на 50 верст; а так как они шли на 3 части и далеко друг от друга, то передние уж близко подходили к Черкасску, а задние недалеко отошли от Воронежа.¹ Впереди всех шли солдатские полки на 30 111 стругах; за ними плыли потешные два полка с Головиным, генералом, в третьих плыл Шеин, боярин, над всеми воевода, со всеми войсковыми запасами.

Позади всех, на неделю вперед пустив войска на стругах, плыл сам царь в 30 вновь построенных кораблях с приказами, казною и начальными людьми.

В Николин день, 9-го мая, на половине пути у Хопра царь догнал и обогнал середний караван, тот самый, в котором плыли его два любимые потешные полка, Преображенский и Семеновский.

---

¹ На полях: говорят о т(ом), ч(то) он строил флот, палатка. [Я и] А ты сам достань. Сейчас поищу, увиди(шь), как надо отвечать, вина дай. Петр не пьян.

В караване этом было 77 стругов. Впереди всех шли 7 стругов с стрелецким Сухарева полком по 130 человек на каждом, позади – Дементьева, Озерова, Головцына, Мокшеева, Батурина стрелецкие полки на 29 стругах; за ними шел Семеновский полк на 8 стругах, а за ним с казною 2 струга, 2 судейских, 1 дьячий, 1 духовнический, 2 бомбардирских, 1 дохтурский, 3 немца Тимермана с разрывными запасами, за ними – с больными 9 стругов, за ними генеральские 2 струга и позади всех 13 стругов Фамендина полка, и на них по 100 человек Преображенского полка, всех 1200.

В Преображенском полку большая половина была новобранцы. Собрали их на Святках в Москве из всяких людей, одели в мундиры темно-зеленые и обучили солдатскому строю. Новобранцы были больше боярские холопы, но были и посадские люди и дворяне бедные. Прежние солдаты прозвали новобранцев обросимами и на плыву отпихнули обросимов на особые струги. Обросимы плыли позади всех. 10

На заднем струге плыли прапорщик немец, сержант Бухвостов и 106 человек солдат обросимов. Всю ночь они плыли на гребле, чуть не утыкаясь носом в корму передового струга.

Накануне была первая гроза. В полдень был гром и молния, и во всю короткую ночь погромыхивало за горами правого берега, и молонья освещала темную воду и спящих солдат вповалку на нового леса палубе и гребцов, стоя равномерно качавших и правильно взрывающих воду. В ночь раза два принимался накрапывать дождь, теплый, прямой и редкий. К утру на небе стояли прозрачные тучи, и на левой стороне, на востоке, каймою отделялось чистое небо, и на этой кайме поднялось красное солнце, взошло выше, за редкие тучи, но скоро рассыпало эти тучи, сначала серыми клубами, как дым, а потом белыми курчавыми облаками разогнало эти тучи по широкому небу и, светлое, не горячее, ослепляющее, пошло все выше и выше по чистому голубому небу. 20 30

Дело было к завтраку. С рассвета гребла все та же вторая смена, 16 пар по 8 весел со стороны. И уж намахались солдатские руки и спины, наболели груди, налегая на веслы. Пора было сменить, и уж не раз покрикивали гребцы лоцману. Лоцман был выборный из них же, обросимов, широкоплечий приземистый солдат Алексей Щепотев.

– Пора смену, Алексей, что стоишь.

Но Алексей в одной рубахе и портках, в шляпе, поглядывал, щуря на золотое солнце свои небольшие глаза, казавшиеся еще меньше от оспенных шрамов, опять вперед, за загиб Дона, на струги, бежавшие впереди; и только всем задом чуть поворачивал руль и не отвечал. 40

– Вишь, черт, у его небось жопа не заболит поворачивать-то, – говорили солдаты, раскачиваясь, занося весла.

Из рубленой каюты на корме вышел немец капитан в чулках, башмаках и зеленом расстегнутом кафтане. Огляделся.

– Алексе, – сказал он, – которы смен?

– Вторая, Ульян Иваныч.

– Надо сменить. А парус не можно? – спросил немец.

– Не возьмет, Ульян Иваныч, вон видишь – на Черноковом струге пытались, да спустили опять, – сказал Щепотев, указывая
10 вперед на дальние струги, загибавшие опять вперед по Дону.

– Ну сменяй.

– Позавтракали что ль? – спросил Алексей.

– А то нет, – отвечали с носу, прожевавши хлеб.

– Смена! – крикнул Алексей негромко, и сразу подняли веслы гребцы, и зашевелились на сырой палубе, потягиваясь, поднимаясь, застучали ноги, и 16 человек гребцов подошли на смену, и один старшой подошел на смену лоцмана.

– Ну, разом, ребята! берись!

Стукнули глухо о дерево борта ясеневые, уж стертые весла,
20 ударили по воде, но заплескали неровно.

– Но, черти! заспались, разом!

Тихий голос запел: «Вы далече, вы далече... во чистом поле», – весла поднялись, остановившись, и разом стукнули по дереву борта, плеснули по воде, и дернулся вперед струг, так что качнулся Ульян Иваныч, закуривавший трубку у выхода из каюты, и Алексей Щепотев, переходивший в это время к носу, скорее сделал шаг вперед, чтоб не свихнуться. Алексей с сменой, снявшейся с гребли, прошел к носу. И все стали разуваться и мыться, доставая ведром на веревке из-под носа журчавшую воду. Позавтракав,
30 сидя кругом котла с кашей, каждый с своей ложкой, люди помолились на восток и расселились, разлеглись по углам на кафтанах, кто работая иглой, чиня портища, кто шилом за башмаками, кто повалясь на брюхе на скрещенные руки, кто сдвинувшись кучкой, разговаривая и поглядывая на берега, на деревню, мимо которой шли и где, видно, народ шел к обедне, кто в отбивку от других сидя и думая, как думается на воде.

Алексей лег на своем местечке у самого носа на брюхо и глядел то вниз на смоленный нос, как он пер по воде и как вода, струясь, разбегалась под ним, то вперед на лодку и правило переднего
40 струга, как они шагов за 100 впереди струили воду. Кругом его шумел народ, смеялись, храпели, ругались, весело покрикивали гребцы, еще свежие на работе и еще только разогревшиеся и раз-

веселившиеся от работы¹. На берегу, близко, слышен был звон, и солдаты перекрикивались с народом из села. Он не смотрел, не слушал и не думал, и не вспоминал, а молился Богу. И не об чем-нибудь он молился Богу. Он и не знал, что он молится Богу, а он удивлялся на себя. Ему жутко было. Кто он такой? Зачем он, куда он плывет? Куда равномерное поталкивание весел с этим звуком, куда несет его? И зачем и кто куда плывут? И что бы ему сделать с собой? Куда бы девать эту силу, какую он чувствует в себе? С ним бывала эта тоска прежде и проходила только от водки. Он перевернулся.

– Мельников! – крикнул он, – что же, помолить именинника-то, – сказал он солдату Николаю Мельникову. 10

– Вот дай пристанем, – отвечал Мельников.

Алексей встал и сел на корточки, оглядываясь. Два немца-офицера сидели у входа в каюту на лавке и пили пиво, разговаривая и смеясь. Кучка сидела около рассказчика-солдата. Алексей подошел к ним, послушал. Один рассказывал, как два татарские князя, отец с сыном, поссорились за жену. Алексей опять лег.

«Быть беде со мной, – подумал он. – Это бес меня мучает».

Вдруг позади, далеко, послышалась пальба. «Бум, бум», – прогудели две пушки. Остановили, и бум – прогудела еще пушка, 20 и еще три сразу. Все поднялись и столпились к корме. Но видеть ничего нельзя было. Недавно только загнули колена, и в $1/2$ версте плесо упиралось в ту самую деревню, какую прошли, и загибалось налево. Солдаты судили, кто палит: одни говорили – князь какой празднует, другие смеялись – турки. Немцы тоже подошли, говорили по-своему. У старшего немца была трубка, он смотрел в нее.

– Одевайтесь! – крикнул Ульян Иваныч. – Это Величество царь!

Солдаты побежали одеваться. Офицеры тоже. Когда Щепотев 30 в чулках, башмаках, в суконном зеленом камзоле вышел на палубу, сзади, уж пройдя деревню, видно было судно с 3 парусами. На переднем струге тоже засуетились. Немцы с переднего подошли к корме, с заднего к носу, и переговаривались. Солдаты, одевшись, чистили, подметали струг. От генерала пришло приказанье одеть солдат и приготовить ружья к пальбе холостыми зарядами. На воде впереди показалась лодка; в ней сидели гребцы и гребли вверх. В лодке сидел маленький генерал в шляпе немецкой и камзоле и с ним еще два офицера. Их приняли на струг, это был 40 Головин Автомон Михайлыч. Он приехал встречать царя. Когда увидели, что корабли шли парусом, попробовали выставить свой,

¹ По тексту: Вспоминает холопскую службу. Прислушивается к рассказам, к тому об царе пристает.

но ветерок был сбоку, и парус заплескивался. Солдаты встали в строй в три шеренги, ротный командир стал сбоку, генерал с стряпчим впереди. Гребцы налегали на весла и искашивались, смотрели из-за спин на приближавшийся корабль. За кораблем первым виден был 2-й и 3-й. Корабль первый догнал на выстрел, и весь был виднешенек на широком плесе с своими 3-мя парусами, с рубленой горенкой на палубе и с пестрым народом. Корабль был крутобокий, черный, высокий. С боков под палубой высовывались пушки. Корабль догонял скоро, но на новом повороте, видно было, стали заполаскиваться паруса. Видно стало: зашевелился народ, стали убирать паруса, упал передний малый парус, потом большой свалился набок, и его стащили. Видно: высунулись длинные весла, и опять корабль стал нагонять струги. Все виднее и виднее становилось. Уже струг стал забирать влево, чтоб дать дорогу кораблю справа, но корабль все шел прямо за ним; уже видны были веревки на мачтах, видна была фигура на корабле: половина человечья с руками над головой, как будто держит загиб носа, и с рыбьим хвостом, прилипшим к смоленой спайке, уж видно было, как вода разбегалась под истопом. Уже слышно стало, кроме своих ударов весел, как там, на том корабле, налегали, ломили враз по 16 весел¹. Шагах в 50 под кораблем забурчала вода, и нос круто поворотил направо, и стал виден народ на палубе. Много стояло народа.

– Тот царь, этот царь?

Только стали признавать царя со струга, как вдруг опять выпалили из пушек, так что оглушило на струге, и закачалась под ним вода, и дымом застлало вид.

– Пали, – закричал генерал, и со струга стали вверх палить солдаты, отозвались на другом, переднем, и далеко впереди пошла стрельба. Когда дым разошелся, корабль сравнялся до половины струга. На носу высоко над стругом стояли три человека, два высоких, один низкий². Один из высоких, в желтом польском кафтане, в чулках и башмаках, стоял ближе всех к борту, поставив одну ногу на откос, и, упершись на нее левой рукой, снял правой шляпу с черноволосой головы, замахал ею и закричал:

– Здорово, ребята!

Это был царь. Кто и никогда не видал его, как Щепотев, все сейчас узнали его. Солдаты закричали:

– Здорово!

Царь бросил шляпу, и она упала в воду. Он засмеялся и вскочил, повернулся и что-то стал говорить своим.

¹ По тексту: За вер(евку)

² По тексту: Зацепилась за веревку шляпа.

Щепотев не видал ничего больше, он бросил ружье на палубу и, быстро перекрестившись, шарахнулся головой вниз в воду в то место, где упала шляпа; когда он вынырнул, на корабле и на струге перестали грести. Он отряхнул волосы, оглянулся, увидел шляпу и, взяв в зубы за самый край поля, вразмашку поплыл к кораблю. У веревочной лестницы внизу уж стоял молодой красавец денщик царский, чтоб принять шляпу. Щепотев ухватил рукой за лестницу, другой перехватил шляпу и, как будто не видя Александра, махал шляпой по направлению к царю, который, перегнувшись через борт, смеялся, глядя на мокрого толсторожего солдата. Вдруг лицо царя передернулось; он сощурил один глаз и потянулся всей головой и шеей в одну сторону и совсем другим голосом закричал на денщика:

– Куда полез! А, Алексашка! Пусти его.

Алексашка подхватил под руку Щепотева и, как кошка, живо влез наверх, давая ему дорогу.

– И то посмотреть водолазную собаку, – сказал он царю.

Лицо царя все еще было сердито, он еще дергал шеей, видно, раздосадованный тем, что его заставили ждать; но лицо красавца Алексашки не изменилось, он как будто не видел, что царь сердится. Когда Щепотев вылез, царь осмотрел его. Широкие плечи, толстые кости, красная шея и умная смелая рожа Щепотева, видно, понравились царю. Он потрепал его по голове.

– Молодец, дать ему рубль и водки.

Щепотев почувствовал сильный запах вина от царя, и вдруг на него нашла смелость. Он фыркнул, как собака, и сказал:

– А как же я от своего струга отстану.

Царь опять посмотрел на него.

– Ты из каких?

– Из дворян, государь, только дворов-то у меня только свой один был и тот развалился.

В это время на корабль лез генерал Головин и царь пошел к нему, обнял его, показал на одного из своих: «Иван тут!» Братья поцеловались. Царь ушел в рубку, и корабль тронулся мимо струга.

Щепотеву дали водки. Щепотев покричал своим и сел на палубе, выжимая платье. У царя шло гулянье. Через час Щепотева позвали в рубку. Все были пьяны. Головин лежал под столом. На ногах были царь и З(отов).

– Ну, рассказывай, – сказал царь.

Щепотев начал.¹

40

---

¹ После текста: Гол(овин) А.М. сел на корабль прежде.

〈ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЯТОГО НАЧАЛА〉

II

Когда Алексей ударился головой об воду и зашумело у него в ушах и засадило в носу, он не забывал, где корабль и где струг, чтобы не попасть ни под тот, ни другой; и под водой повернулся влево и, не достав до дна, опять услышал, как забулькало у него в ушах, и стал подниматься до тех пор, пока свежо стало голове. Он поднялся и оглянулся. Вправо от него выгнутой смоляной стеной с шляпками гвоздей бежал зад корабля, влево буровили воду
10 струговые весла, шляпа чуть пошевелевалась и черпала одним краем прозрачную воду.

Алексей отряхнул волоса, втянул и выплюнул воду и пособачьи подплыл к шляпе, чуть за край поля закусил ее белыми сплошными зубами. Кто-то что-то закричал с корабля. Алексей набрал воздуха в свою толстую бычачью грудь, выпростал плечи из воды и, оскалив стиснутые на поле шляпы зубы, вразмашку, да еще пощелкивая ладонью по воде, поплыл за кораблем. Промажав сажен 10, Алексей оглянулся и увидел, что он не отставал, но и ничего не наверстывал. Те же шляпки гвоздей были подле него
20 и веслы впереди. Тогда он вдруг перевернулся вперед плечом и надал так, что сравнялся с веслами. На корабле закричали опять, подняли весла и скинули веревочную лестницу.

Не выпуская из зуб шляпу и обливая лестницу и бок корабля водою с платья, Алексей влез, как кошка, по продольным веревкам, не ступая на поперечные, и, прыжком перекинувшись через борт, обмял еще на себе штаны, выдавливая воду, отряхнулся, как собака из воды, и, переложив шляпу на ладони обеих рук, остановился, оскаливаясь и отыскивая глазами царя.

Высокий ловкий щеголь в темно-зеленом с красной подбивкой мундире, с веселым лицом и длинной шеей, подошел, точно плыл, такой тихой, легкой поступью.

– Ну, молодец! – сказал щеголь слово ласково, весело, как рублем подарил. Но Алексей перехватил шляпу в одну руку и отвел ее прочь, не давая.

– Ты бы сам достал, а я сам царю подам, – сказал Щепотев.

Господа засмеялись. Один из них, особистее всех, с большой головой и большим горбатым носом, с окладистой бородой, в атласном синем кафтане, окликнул щеголя:

– Александр, – сказал он, – оставь, не замай, сам отдаст. Го-
40 сударь пожалует.

– Не замай, отдаст, Федор Алексеич.

– Государь-то с Автомон Михайлычем занят, – отвечал щеголь Александр улыбаясь и тихим приятным голосом, и неслышными легкими шагами отошел к корме и кликнул двух корабельщиков, чтоб затерли воду, какую налил Алексей.

– А ты царя знаешь что ли? – спросил боярин.

Алексею жутко становилось. И, как всегда с ним бывало, на него находила отчаянность, когда бывало жутко. Он сказал:

– А солнце ты знаешь?

Боярин покачал головой, засмеялся, и другие засмеялись.

– Вот он царь! – сказал Алексей, узнав его тотчас же. 10

Царь как будто насилу удерживался, чтоб не бежать, такими быстрыми шагами шел из-под палатки по палубе прямо к ним. За царем пошли было, но отстал генерал Головин Автомон Михайлыч с братом.

Алексей прежде с струга видел царя и признал его, но теперь, в те несколько мгновений, пока царь своим иноходным бегом прошел те 10 шагов, которые были до него, он рассмотрел его совсем иначе. Алексей был теперь в том раздраженном состоянии души, когда человек чувствует, что совершается в один миг вся его жизнь, и когда обдумает человек в одну секунду больше, чем 20 другой раз годами.

Пока шел царь, он оглядел его всего и запомнил так, что, покажи ему потом одну ногу царскую, он бы узнал ее. Заметил он в лице скулы широкие и выставленные, лоб крутой и изогнутый, глаза черные, не блестящие, но светлые и чуждые, заметил рот беспокойный, всегда подвижный, жилистую шею, белизну за ушами, большими и неправильными, заметил черноту волос, бровей и усов, подстриженных, хотя и малых, и белизну шеи за ушами¹, и выставленный широкий, с ямкой подбородок, заметил сутуловатость и нескладность, костлявость всего стана, огромных голеней, огромных рук, и нескладность походки, ворочающей всем тазом и волочащей одну ногу. Заметил больше всего быстроту, неровность движений и больше всего такую же неровность голоса, когда он начал говорить. То он басил, то срывался на визгливые звуки. Но когда царь засмеялся и не стало смешно, а страшно, Алексей понял и затвердил царя навсегда. 30

В то время как царь шел к нему, Алексей смотрел на него всего и, кроме того, думал о том, как и что сказать ему. Одно он понял, увидав царя, что ему нужно сказать что-нибудь почуднее и такое, что бы поманило царю, и такое, чтобы сказать о себе, что он из 40 солдат отличен. Царь засмеялся тем смехом, от которого страш-

¹ В автографе повтор.

но стало Алексею, когда боярин Федор Алексеич сказал ему, что солдат не отдал шляпу денщику и сказал: ты сам слазай.

Царь подошел, взял, рванул шляпу, тряхнул с нее воду и мокрую надел на голову.

– Спасибо, малый, – сказал он, ударив Алексея ладонью по мокрой голове, – она мне дорога – дареная. Что ж Алексашке не отдал? Алексашка! – крикнул царь.

Александра не было видно, но не успел царь сказать: «Алексашка», – как он уже был тут, подойдя неслышными шагами, и, улыбаясь, подтвердил слова Федора Алексеича.

– Ну, чем тебе жаловать за шляпу? – сказал царь.

– Нам не $\langle$ в $\rangle$ привычку нырять, нам и спасибо царское – жалованье большое.

В то время как Алексей говорил это, он почувствовал запах вина из желудка царя и, оскалив зубы, прибавил:

– Если хочешь жаловать, вели водки дать.

Царь не засмеялся, а нахмурился и пристальней посмотрел на широкую, здоровенную, умную и веселую рожу солдата, на его красную бычачью шею и на весь стан, короткий и сбитый. Ему понравился солдат, и задумался о нем, оттого нахмурился.

– Ты из каких?

– Из попов, – проговорил Алексей и засмеялся, но не смел и захрипел.

Все засмеялись.

– А где ж ты, поп, нырять выучился?

Все засмеялись громче.

– На Муроме свой дворишко был.

– А грамоте учился?

– Знаю.

– Зачем же ты в солдаты попал?

– От жены, государь.

– А что от жены?

Алексей переставил ноги половчей, приподнял плечи и руки, как будто хотел засунуть большие пальцы за кушак, но кушака не было. Опустил их назад; но все-таки стал так, что, видно, он собирался не торопясь, по порядку рассказывать.

– Женили меня родители, да попалась блядь, я ее грозить $\langle$? $\rangle$, а она хуже, я ее ласкать, а она еще пуще, я ее учить, а она еще того злее; я ее бросил, а она того и хотела.

От волнения ли, от холоду ли сохнувшего на нем платья, Алексей начал дрожать и скулами и коленками, говоря эти слова. Лицо его стало сизое. Царь захохотал и оглянулся. То самое, что он $\langle$ хотел $\rangle$ приказать, было готово. Александр принес ведро водки

и, зачерпнув ковшом, держал его. Царь мигнул ему. Александр поднес Алексею. Алексей перекрестился, поклонился царю, выпил, крикнул и продолжал:

– С тоски загулял, пришел в Москву и записался в обросимы.

– А жена же где?

– Жена на Москве в Преображенском. Начальные люди уж все отбили. Пропадай она совсем. Нет хуже жены. Потому...

Царь, как будто его дернуло что-то, повернулся и, ударив по плечу Головина Автомона Михайлыча, стал говорить ему, что солдат этот малый хорош, что он его себе возьмет. Автомон Михайлыч отвечал, что он пошлет спросить про него у капитана и тогда пришлет царю. Царь дернулся, как будто выпрастывая шею из давившего галстука. Александр был уж тут. 10

– А то прикажи, государь, я его тут оставлю, а тебе Автомон Михайлыч весть про него пришлет.

Алексея провел к корме Александр и сдал его другим денщикам.

– Царь его при себе оставляет, – сказал он, – дайте ему перемениться, ребята. А там его рухлядишку пришлют.¹ 20

Очнувшись на другое утро от вина, которое поднесли ему, Алексея одели в новый кафтан и портки и башмаки и послали его к царю.

〈ШЕСТОЕ НАЧАЛО〉

7205 года, февраля 13 день, в субботу на сырной неделе, у Красного села на пруде, сделан был город Азов, башни и ворота, и каланчи нарядные, и потехи были изрядные, а государь Петр Алексеевич изволил тешиться.² 30

Рано утром в воскресенье зазвонили во всех Московских соборах, церквах и монастырях к ранней обедне, а потеха на Красном пруде еще не отошла, все еще там палили из пушек и ружей.

У Тверской заставы на небольших на дужках санках, на чалом сытом мерине въехали два мужика из села Покровского. Мужики

---

¹ На полях: что царь, то Менш(иков)

² На полях: 4 мая. Далее по зачеркнутому тексту: не идет.

эти были два брата Посошковы, Роман и Иван. Они ехали в Москву к хлебоедцу и знакомцу давнему, отцу Авраамью, строителю Андреевского монастыря. Посошковы работали на монастырь столярную работу и ехали свести счеты и получить деньги.

Караульные на заставе были стрельцы ... полка. Десятский знал Посошковых и поздоровался с братьями.

– Здорово живете, Елистрат. Да вот дельце есть до отца игумна Андреевского.

– Как делов не быть.

10 – Да на денек нынче...¹

– А это что же? – спросил Иван, прислушиваясь к раскатам пальбы.

– У царя гулянье. Азов празднуют.

– Так, – сказал Иван и посмотрел на брата.

– Меньшой, Иван, был мужик невысокий, сухой, рыжеватый, с маленькой бородкой и конопатый. Старший, Роман, был выше, с длинным носом и длинной бородой. Роман, как глядел на ворота, так и не спустил глаз и ничего не сказал.²

20 – Так, так, гуляет. А нынче дни прощенные. Приведет ли Бог вернуться. Прости, Христа ради, дядя Елистрат.

– Бог простит. Простите и нас грешных.

Роман медленно приподнял высокую шапку, поклонился Елистрату, потом перекрестился, надел и тронул лошадь по раскишей от оттепели в проезде дороге.

---

¹ На полях: Звонили во все колокола.

² На полях ошибочный расчет: 1682

5508

7290

〈СЕВЕРНАЯ ВОЙНА〉

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

В 1708-м году Пасха приходилась 〈4〉 апреля. Весна была ранняя и дружная, и на Страстной еще начали пахать. Ржи вскрылись из-под снега зеленые и ровные, без вымочек. Зазеленелась осенняя травка, стала пробивать новая, скотину уже выпустили на выгоны, и мужики поехали пахать и свою и господскую и радовались на мягкую и рассыпчатую разделку земли под овсяный посев. Бабы и девки и на мужицких и на барских дворах развешивали по плетням платье и мыли в не сбежавшей еще снеговой воде порты, холсты, кадушки, столы и лавки, готовясь к празднику. Было тепло, светло, весело. Птица еще не разобралась по местам и все еще летела над полями, лесами и болотами. На выгоне кричали ягнята, в поле ржали жеребята, отыскивая маток; чижи, жаворонки, щеглята, пеночки со свистом и песнями перелетали с места на место. Бабочки желтые и красные порхали над зеленеющими травками, пчела шла на ракиту и носила уже поноску. Молодой народ работал и веселился, старые люди и те выползли на солнышко и тоже, поминая старину, хлопотали по силе мочи. Если и было у людей горе, болезни, немощь и смерть, их не видно было, и в полях и в деревне все были радостны и веселы. 10 20

В Чистый четверг ввечеру вернулся домой в Ясную Поляну молодой мужик Василий, Меньшовской барщины, из Воздремы под засекой. Он был там в работниках в бондарях и там услышал о приезде Крапивенского воеводы с наборщиком. Воевода с наборщиком ехали забирать рекрут старых наборов.

Василий видел, как на барский двор въехали на 6 тройках с солдатами. Дядя Савелий ходил на барский двор и узнал, зачем приехали. Он был сват Васильеву отцу Анисиму, велел Василью бежать домой и дать слух. Василий, как был босиком, в обед бросился бежать, да не дорогой, чтоб не остановили, а пробежал задворками на пчельник, с пчельника в засеку, да засекой чертой к Ясной Поляне. Прибежал он в полдни. Дома никого не было, кроме баб. Мужики пахали. Он побежал в поле, нашел своих у Черного верха. Отец его Анисим и брат Семен пахали. Увидав Василья, все мужики, пахавшие вблизи, побросали сохи и окружили Василья. Василий рассказал, что видел и слышал. Василий был 21 года, года два женатый. Он был 2-й сын Анисима и любимый. Начальство и всегда было страшно мужикам, но теперь было особенно страшно. С 1705 по 1708 〈год〉 было 5 наборов солдат и рабочих, и с 5 наборов должно было сойти с 23 дворов Ясной Поляны 6 человек, а из их деревни поставили только 2-их. Одного 30 40

дворового поставила Бабоедиха, да одного Василий Лукич Карцов, а 4 было в недоимке. В прошлом году наезжал комиссар, да Бабоедиха отдала его и не поставила, с Карцова не следовало, с Абремовой взять было нечего, а с Дурновской и Меньшовской тогда взяли двух, Сергея Лизунова да Никифора, но они оба ушли¹, и теперь были в деревне; поэтому теперь и Меньшовским и Дурновским должно было прийти плохо. Рассчитывали мужики, что беглых возьмут, да за укрывательство переберут всех, да еще остальных 4-х не из кого, как из них возьмут.

10 Земля тогда вся была чересполосная, и мужики разных барщин пахали вместе. В Чертовом верху, куда прибежал Василий, пахали Меньшовских 4-е, Дурновских – двое и Бабоедихиных 8 сох. Мужики уткнули сохи, завернули лошадей, которые и борозды не дошли, и собрались все около Анисима.²

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

1

Деревня Ясная Поляна Тульской губернии Крапивенского уезда, которая теперь, 〈в〉 1879 году, принадлежит мне и 290 душам временнообязанных крестьян, 170 лет тому назад, то есть в
20 1709 году, в самое бурное время царствования Петра 1-го, мало в чем была похожа на теперешнюю Ясную Поляну. Только бугры, лощины остались на старых местах, а то все переменялось. Даже и две речки – Ясенка и Воронка, которые протекают по земле Ясной Поляны, и те переменялись – где переменяли течение, где обмелели, а где выбили бучилы, где было мелко, и везде обеднели водой. Где были леса, стали поля, где было не пахано, все теперь разодрано, давно выпажано и опять заброшено. Заповедная казенная засека, которая на полкруга окружает землю Ясной Поляны, теперь вся порублена. Осталось мелколесье там, где были
30 нетронутые засечные леса, только заруба вилась по краям, чтобы не давать ходу татарам. Где теперь три дороги перерезают землю Ясной Поляны, одна старая, обрезанная на 30 сажен и усаженная ветлами по плану Аракчеева, другая – каменная, построенная прямее на моей памяти, 3-я – железная, Московско-Курская, от которой не переставая почти доносятся до меня свистки, шум колес и вонючий дым каменного угля, – там прежде, за 170 лет,

¹ В автографе они оба заменено на один Сергей, но правка не доведена до конца.

² На полях: Драка.

была только одна Киевская дорога и та не деланная, а проезжанная и, смотря по времени года, переменявшаяся, особенно по засеке, которая не была еще прорублена, по которой прокладывали дорогу то в одном, то в другом месте.

Народ переменился еще больше, чем произрастения земли, воды и дороги. Теперь я один помещик, у меня каменные дома, пруды, сады; деревня, в которой считается 290 душ мужчин и женщин, вся вытянута в одну слободу по большой Киевской дороге. Тогда в той же деревне было 137 душ, 5-ть помещиков, и у двух помещиков свои двory были, и стояли двory эти в середине своих мужиков, и деревня была не на том месте, где теперь, а крестьянские и помещичьи двory как расселились, кто где сел, так и сидели на том месте над прудом, которое теперь называется селищами и на котором, с тех пор как я себя помню, 40 лет сеют без навоза, и где на моей памяти находили в земле кубышки с мелкими серебряными деньгами. Теперь у мужиков каменные и деревянные, в две связи, избы, есть крытые в зачес и все почти белые, и живут мужики малыми семьями, тогда избы были маленькие, 6, 7 аршин с сенцами и клетью, все топились по черному, а семьи были большие, по 20 и больше душ в одном дворе. Племянники жили с дядями, братья двоюродные не делились. Помещики не позволяли делиться, а сгоняли в один двор как можно больше народа. Старые помещики и их приказчики и старосты говаривали, что мужиков надо, как пчелиные рои, сажать покрупнее. Пускай ссорятся и дерутся промеж себя, а всё как большая семья, что большой рой, всегда против малой семьи заберет силу и есть с чего потянуть, да и для роя посуда одна. Кроме того, и подати тогда и солдатчину, которую только стали отбывать, раскладывали еще не по душам, а по дворам. Теперь мужики ходят в сапогах, картузах, и бабы в ситцах и плисах, тогда, кроме самодельных рубах, кафтанов и шуб, других не знали. Мужики носили летом только шляпы черепениками, а зимой треухи и малахаи. Шубы шили без сборок, а с двумя костышками на спине, онучи были черные, лапти липовые. Бабы носили кики деревянные с назатыльниками и с бисерными подвесками. Вместо серег носили пушки гусиные, занавески и рубахи, шитые шерстями на плечах.

Заработки теперь у мужиков везде, и на дорогах, и в Туле, и у помещиков; и у всякого бедного мужика в году перейдет через руки рублей 50 серебром, а у богатого 200 и 300; тогда заработков за деньги нигде никаких не было. Все занимались землею, лесом в засеке, и только и деньги бывали, когда продаст мужик на базаре в Туле овцу, корову, лошадь, хлеба или меду, у кого были пчелы. И у кого деньги были рублей 50, тот считался богачом и зары-

вал деньги в землю. Теперь в казенной засеке разделены леса по участкам, просеки поделаны и караул строгий, так что не только лесом, но и за орехи и за грибы баб ловят и штрафы с них берут, а прежде подзасечные и помещики и мужики в казенный лес как в свой ездили за лесом. Караул был малый, и за штоф водки любых дерев нарубить можно было. Теперь хлеб не родится и по навозу, а для скотины корму в полях уж мало стало, и скотину стали переводить, много полей побросали, и народ стал расходиться по городам в извозчики и мастеровые, а тогда, где ни брось, без навоза роживался хлеб, особенно по расчищенным из-под лесу местам, и у мужиков и у помещиков хлеба много было. Кормов для скотины было столько, что, хоть и помногу и мужики и помещики держали скотины, кормов никогда не выбивали.

В то время по всей России вольных не было, только нечто где на севере в Олонецкой, Архангельской, Пермской, Вятской губерниях, да и в Сибири, да в Черкасах, как тогда называли Малороссию, а в средней России все были либо помещичьи, либо дворцовые, те же помещичьи, только помещик их был царь или царица, или царевна, либо монастырские. Однодворцы тогда еще назывались крестьянами. Они были дворяне, – такие, которые жили одним двором.

В то время вольным людям житье было хуже помещичьих. Вольные люди часто записывались за помещиков по своей воле. И в Ясной Поляне мужики все были господские. Помещиков в Ясной Поляне тогда, (в) 1708 году, было 5. Самый значительный был капитан Михаил Игнатьич Бабоедов. У него было дворовых людей 32 души да крестьян 105 душ в 11 дворах. Двор у него был большой на горе с краю под двумя соснами. И дом на двух срубах в две связи липовые с высоким крыльцом.

30 Сам он не жил дома, а был на службе в полку, а дома жила его жена Анна Федоровна с детьми, а хозяйствовал всем староста Филип Июдинов Хлопков. 11 дворов его сидели по сю сторону оврага одной слободой, задом к пруду, против барского двора.

2-й помещик был Федор Лукич Карцов. У этого было дворовых 10 душ и мужиков 60 в 6 дворах. Дворы сидели за оврагом к лесу в другой большой слободе улицей, и в ряду и перемежку с ними сидели еще 7 дворов мелкопоместных: Меньшого Михаила Трофимовича 4 двора (помещик не жил), два двора вдовы Дурновой и один двор Абремовой вдовы. И вдова и крестьяне жили
40 в одном дворе.

СТО ЛЕТ

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

СТО ЛЕТ

1 часть. 1 глава. Рождение Ивана

В 1723. В Чернском уезде на реке Черни на краю большого села жил бедный одинокий мужик Дмитрий. Уже 8 лет, с тех пор как помер отец, бился Дмитрий, чтобы поддержать свой дом и только-только кормился с семьей и справлял подати царские и помещичьи. Село их было барское князя Вяземского. Но забрать силы¹ (ис)править избу, прибавить скотины никак не мог, сколько ни работал, все та же у него была скотина: коровенка, две лошади и 5 овчонок и старая изба. Дмитрию тогда, в 23-м году, было 35 лет. 10

23 года Успенским постом с воскресенья на понедельник Дмитрий ночевал с мужиками в ночном. Перед зарей он прилег, закрылся шубой и сам не помнил, как заснул. На заре кум Василий разбудил его. Дмитрий выпростал спутанную голову из-под шубы и огляделся: уже было совсем видно, и заря далеко разошлась по небу. Мужики уж ловили лошадей. Поводив плечами от пробиравшегося утреннего холода и почесавшись, Дмитрий вскочил на ноги, потер глаза, расправил обеими руками (гус)тые русые волосы, подрал пальцами курчавую бороду и, перекрестившись на восход,² поднял намокшую от росы шубу и шапку, свалившуюся во сне, и стал одеваться. Одеваясь, он окинул глазами полную туманом лощину, над которой они ночевали и по которой, фыркая, ходили лошади, и отыскал между другими своих лошадей. 20

Пегая кобыла была в самой лощине и щипала траву. Он тотчас признал ее по густому гнедо-пегому хвосту. Чалого мери-

¹ Левый край листов автографа поврежден.

² На полях: Молится ли Богу?

на он искал дольше. В ложине его не было, он зашел на бугор и, сойдясь с Онисимовым стригуном, чесал ему холку. Подняв узду и надев шапку, Онисим пошел ловить лошадей. Обе были спутаны, да и так давались. Распутав и обротов мерина, Дмитрий подвел его к кобыле, распутал (ее), (на)дел ей на шею молчаливое путо и, не обратывая ее, ввалился на нее брюхом (она тянулась в поводу, и зато он на ней ездил), взобрался на нее и, пошевеливая длинными ногами в размокших лаптях, поехал. Он ехал не один, а впереди, сзади ехало человек 15 деревенских, так же как (он) с лошадьми из ночного. Разговаривая о том, кто отселяся, а кто нет, о том, что день красный будет и что рожь довозить надо, хорошо, у кого не довожена, и о том, что у Никифора стригун пропал, мужики въехали в село. Дмитриева кобыла сама поворотила ко второму с края двору и стала у ворот.

Бабы уже были вставши и топили печку для хлебов.¹ Черный густой дым валил из вьюшника оконца и поднимался над избой. Ехавши с мужиками, Дмитрий был веселый, разговорчивый и смеялся с мужиками, но как только он подъехал к дому, так нахмурился.² Он вспомнил, что жена жалилась поясницей и охала вчера вечером, а мать сказала, что как бы в ночь не дал Бог родить Марфе. Значит надо со старухой за снопами ехать, а она человек старый, ни подать, ни воз увязать. Да и та, коли жене рожать, дома останется. Опять не свожена рожь. Люди и свозили, и отсели, а у него еще 7 (?) копен в поле, да посеяна еще не вся и не намолочена. «Однако, видно, не родила», – подумал он, услышав, что жена окликает его из-за ворот.

– Отворяй что ли? Али не слышишь? – крикнул он. Подворотню отняли и ворота, скрипя, отворились.

– Хорошо ночевали? – давая дорогу лошадям, весело сказала большая ростом, плотная, круглая, румяная черноглазая баба в кичке на голове, в синей поневе, без занавески и босиком. Дмитрий не отвечал, (нрзб.) снял обротъ с мерина и пустил лошадей на небольшой, но хорошо заплетенный и крытый двор.

– Али рожь возить?

– А то чего же ждать. Люди уже свозили, – отвечал сердито Дмитрий.

Затворив ворота, Марфа пошла под навес додаивать пеструю коровенку, уставившуюся на входящих лошадей, а Дмитрий, не входя в избу, разделся, кинул шубу в сани и, решив, что надо

¹ На полях: окно для дыма

² На полях: Что скажет жена при встрече из ночного.

возить, взялся за телеги, готовя их. Надо было подмазать, подвязать на соху снятые пеньковые (?) чересседельни, вырубить и подвязать сломавшийся у одной подтяжек, приготовить вожжи, переменить колесо.

¹Дмитрий никогда не скучал работой и часто завидовал батракам. Дадут снасть готовую, знай работай; но он скучал заботи(ться) сборами. Хорошо было работать, как старик все приладит, знай запрягай, да и пошел, а теперь поди вон, вожжи на гумне в сарае, подтяжек выруби, – думал он, – надевая колесо и глазами отыскивая топор на чурке, где он оставил его вчера. Топора не было. 10

– Куда топор девали! Эх, дуй тебя горой, – крикнул он жене, уносившей молоко.

– Топор матушка в избу взяла.

Дмитрий взял сердито топор, вырвал из рук и тотчас же стал отрубать хворостину, выдернутую из-под крыши на подтяжек. «У людей старик есть, – продолжал думать Дмитрий. – Ну помрет старик, ребята растут, а мне и приждать нечего. Девки да девки. Гляди, еще девку родит». И он сердито закинул зад телеги из-под навесу мимо сохи(?) на двор с таким громом, что овцы шаркнули к воротам. Потом впрёгся в другую телегу, выдвинул 20 ее. Не останавливаясь, пошел через калитку на гумно, достал вожжи, смотал их, привязал за грядку, привязал чересседельни. Поймал лошадей, надел хомуты, запряг и тогда только, сгибаясь в низкую дверь, по притолку которой стоял густой, как кисель, сизый дым, – вошел в избу и, подойдя к ушату, зачерпнул ковшом воды, помыл лицо и руки, и, собрав мокрые волосы расческой, висевшей у него на по(яс)ке, помолился Богу, прочтя «Отче наш» и «Богородицу», сел к столу на лавку. Марфа, между тем сходявшая уже за водой, поднявшая девчонок и выгнавшая скотину, месила с старухой хлеба и рассказывала про то, как у Анисьи 30 Морозовой овцу козюля укусила. Вся распухла, и пастух в стадо не взял.

Как только муж вошел, она оскребла с засученных рук назад в дежу приставшее тесто и, достав чашку, налила в нее квасу, поставила на стол, достала из плетушки под лавкой огурцов, отрезала хлеба на столе ломоть, выдвинула ящик в столе, вынула солонку и ложку и все положила перед мужем и, тотчас же пошла в чулан, обуваться.

Дмитрий уже проголодался, и квас с хлебом и огурцами показался ему вкусен. Только он вылез из-за стола и помолился Богу, жена, обутая в лапти, чтобы жнивье не кололо босую ногу, вышла 40

¹ На полях: Где умывается. Как?

из-за перегородки, убрала чашки, сама закусила хлебца, захватила с собой ломоть и огурчик, положила в пазуху и дала девчонкам, выпустив их на улицу.

– Совсем что ли? – спросила старуха.

– Выдвигай лошадей.

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

Конспект

Предисловие.

10 Страх смерти отбивает охоту жизни. Одно спасение – или быть смертью или найти в жизни смысл, не уничтожаемый смертью.

Забыть смерть можно, отдаваясь страстям, возбуждая их. Смысл жизни, не уничтожаемый смертью – вера и подчинение ее учению своей жизни. В борьбе между этими двумя направлениями воли – весь смысл и интерес как всякой частной жизни, так и жизни народов.

Хочу описать эту борьбу за 100 лет жизни русского народа. Для этого буду описывать жизнь многих людей разных положений.

20 В числе этих лиц будут лица исторические, правительственные, цари, управители. Цари и правители представляются иначе, чем они представляются историками.

Различие произошло от многих причин. Историки подчиняются обману, подготавливаемому правителями, власть всегда восхваляема, но главная причина – это то, что историки смысл жизни, не уничтожаемый смертью, видят в государственном усилении, обособлении. Но это неверно для христианского мира. Это остаток Римского варварства. Обособление государственное не даст смыслу жизни. Напротив.

30

І часть. І глава

В 1723 году, в конце царствования Петра I, в тогдашней огромной Московской губернии в 200 верстах от Москвы, в 15 верстах от Мценска в деревенской глуши у одинокого мужика Онисима родился сын. Онисим Марков жил один с старухой-матерью и еще не старой женой, от которой до сих пор у него все рожались девочки.

Онисим был второй сын у отца, а всех было трое. Старшего в первый набор отдали в солдаты. Отец умер, и скоро после

смерти отца меньшей брат бежал, и Онисим остался один с женою и матерью. Онисим был мужик черный и грубый, и голос и обхождение у него были грубые. Ростом он был большой, широкоплечий, волосы были кудрявые, всегда лохматые, и борода небольшая, такая кудрявая, что ее пальцами разобрать нельзя было. Брови у него всегда бывали нахмурены, и нос большой, с горбом. Во хмелю он был еще сумрачнее и сердитее, и пьяного его все боялись. Говорить он много не любил и всегда бывал за работой. И редко кто против него мог сработать. Старуха Кириловна, мать Онисимова, еще работала и помогала ему, а жена Марфа была баба и работающая и умная. Но, несмотря на это, как расстроился их дом после смерти отца, так и не мог подняться. Пословица говорит про одинокого: что одна курушка в поле сколько ни чади, не миновать загаснуть, так и Онисимов дом только курился. Но Онисим не давал ему загаснуть. Были они в то время господские, князя Вяземского, и платили на князя оброк по 5 рублей с дыма, по три осьмины ржи, две четверти овса, две подводы в Москву, полбарана, 6 кур, полсотни яиц, 7 талек пряжи льняной и две посконной. 10

Уже 8 лет так бился Онисим, не давал загаснуть своей курушке, но и не мог разжечь ее. Прокормится с семьей, оденется, отбудет подводы господские и государевы, доставит оброк и только-только заткнет все дыры, а подняться уже не с чем – ни из коров пустить другую на зиму, ни из лошадок прибавить к двум, которых он держал. То овин поставить на место сгоревшего, то двор покрыть, то лошадь увели, то коровы пали, то хлеб не родился. Только одно дело поправит, другое разладится, так что подняться все и не с чем. Все ровно с одинаким достатком. 20

Жил Онисим один уже 8 лет. Была у него одна изба старая, сени и клеть плетневая, дворишка крытый. Овин на задворках, две лошади и стригун, коровенка, 5 овчонок, две телеги, сани, соха, борона да бабьи пожитки. 30

В прошлом 22-м году рожь вовсе не родилась, и кое-как прокормились, где займы взял 5 осьмин, где овсом, но скотину не продали. В нынешнем 23-м году урожай был хорош, и озимое, и яровое, и сено родилось, так что Онисим надеялся долг отдать, прокормиться и пустить на зиму лишние две головы.

Только уборка в нынешнем году задержалась. Спожинками пошли дожди, и хлеб отбился от рук. С Успенья опять стало вёдро. В то время как родился у него сын, Онисим доваживал последние снопы с поля. 40

Онисим в этот день до зори приехал из ночного. Бабы уже были вставши, и издали еще он увидел в тумане дым из своей

избы. Изба его была 2-я с края. Бабы ставили хлебы. Марфа выбежала, отворила ворота, и Онисим тотчас же пошел с бабой мазать и запрягать обе телеги. Запряжомши, он вошел в избу, закусил, взял кафтан и выдвинул лошадей на улицу. Марфа, ходившая к соседке за солью, забежала в избу одеться и, приказав матушке-свекрови девчонок и надевая на ходу кафтан,¹ выбежала из сеней, подошла к телеге и вскинула в ящик веревку. Увидав ее, Онисим тронул передовую чалую кобылу. Марфа, хоть и кругла уже была, но, живо ухватившись за грядку и подпрыгивая одной ногой по дороге, пока приладилась другой стать на чеку, вскочила, взвалилась в новую, лубком обтянутую заднюю телегу и взялась за вилы. Но, только что отъехали, Марфа закричала:

– Митюха!² Постой. Вилы забыли.

– На дворе, в саях! – крикнул муж.

[Баба] сбежала, принесла вилы, и они поехали рысью. Но как ни рано они выехали – еще солнушко не выходило из-за Барсуков, – а уж за околицей навстречу им попался дядя Нефед с сыном на четверике.

– Не сыра? Дядя Нефед! – крикнул Онисим.

20 – Сверху росно, а суха, не, ладна, – отвечал Нефед, хворостинной отгоняя близко набежавшую на него лошадь Марфы.

Заворотив с дороги на свою пашню, Онисим выскочил из телеги, завернул за оглоблю подласого мерина и, поддвинув чалую к самым крестцам, перевернул, ощупал сноп и, Господи благодислови, скидал верхние снопа, которые были сыры, и стал укладывать сплюсшившиеся от дождя снопы волотью внутрь, гузом наружу – тяжелые снопы. Марфа подтаскивала из другого крестца знакомые ей, ею нажатые, ею навязанные снопы. Как только ящик был полон, Онисим влез на телегу, и Марфа подтаскивала ловко
30 сноп за снопом, подкидывала ему так скоро, что он не успевал с ними разбираться.

– Будет что ли?

– Да уж всю забирай.

И Марфа, взяв вилы из другой телеги, всадила их под свясла, дала последние 6 снопов, подлезла под ось, достала веревку и перекинула. Увязав воз, Онисим спрыгнул, завернул чалую и подвел подласого к другой копне.

Другую копну Марфа также перекидала почти всю, но вдруг остановилась и оперлась на вилы, вложив локоть в развилину.

40 – Кидай что ль? – крикнул муж. – Аль умираешь.

¹ На полях: кафтан?

² В автографе имя Онисим исправлено Толстым на Дмитрий, но не везде.

– Держи, – крикнула баба, вдруг тряхнув головой, чтобы поправить кичку, и докидала последние снопы.

Опять они увязали и другой воз и вывели лошадей по неровной пашне на прибитую, усыпанную зернами дорогу. Солнце уже взошло, и со всех сторон мужики которые накладывали, которые выезжали, которые уже увозили снопы. Выехав на дорогу, они попали в обоз. Впереди ехали Макарычева возы, сзади рысью догнал их Савоська.

Савоська рассказывал двум шедшим с ним мужикам, как вчерась приезжал на барский двор воеводский писарь описывать. 10
Дмитрий подошел к ним, послушал, но, заметив, что подласый щиплет из воза, он большими шагами пошел мимо воза, поднял выбившиеся колосья, глянул искоса на Марфу из-под черных насупленных бровей. Она была красна и потна, как будто в самую жару, и шла неровно.

– Полежай на воз что ль? – сказал Онисим.

Марфа, не отвечая, взялась за снопы.

– Эй, Митюха, останови мерина-то, бабу посадить.

– Тпруу. – И почти на ходу Онисим подsunул перебиравшую по веревке руками бабу и, когда она скрылась от него вверху, пошел к передней лошади. 20

– Вишь, бабу-то жалеешь, – крикнул Митюха.

– Нельзя же.

Когда они своротили с слободы проулком на гумно и подъехали к одному конченному круглому овсяному, другому ржаному и 3-му начатому одонью, Марфе отлегло, она встала на возу и, приняв вилы, стала скидывать мужу на одонье. Когда она скинула последний сноп, высоко держа его над головой и осыпая свое потное лицо зернами, гремевшими, как дождь, по новому лубку телеги, [она почувствовала опять боль в пояснице] и упала в 30 телегу, как только лошадь двинулась. Девчонка старшая вышла на гумно и вынесла кувшинчик квасу. Онисим напился и передал жене. Марфа смочила свои пересмяклые губы, напилась и опять взялась за работу. Она отогнала лошадь, дергавшую колосья из одонья, и закрутила ее и хотела взяться за другую, но опять дернулась и охнула.

– Я до двора пойду, Митя. Неможется мне.

– Э! Дуй тебя горой! Поди, да матушку пошли, – сказал [Онисим], – докидать надо.

И Марфа побрела по тропинке через гумно ко двору. 40

Проходя мимо току, Марфа подмела раскиданные ворошки и загнала кур. Потом зашла в конопы и подняла яичко. Кириловны не было в избе, она пошла на речку с бельем.

– Поди, матушку посылай и Машку возьми, – сказала Марфа девочке и села на лавку против печки.

Когда старуха пришла, Марфе опять полегчило, и она хотела опять идти на гумно. Но свекровь не велела ей.

– Ты хоть хлебушки вынь, а уж, видно, я съезжу. А коли что, ты за Сидоровной Машку пошли.

Во вторую поездку Онисим взял с собой мать. Они сели в одну телегу с матерью.

– Самая пора нужная, а она рожать! Такое мое счастье.

10 – А ты, Онисимушка, не грехи, – сказала мать. – Все от Бога. А ты как думаешь? Ведь и ей не легко. Значит, Богу они нужны, коли родятся.

– На кой их ляд. Девоч-то.

– А грех! Разве она виновата. Так Бог дает. Другой и с ребятами мучается, а другой... Вот Петра зятя принял, лучше сына почитает, так-то.

– Думали, сыра, а она так проявляла. Только теперь не упустить, – сказал Онисим про рожь.

С старухой накладывать дело шло не так споро, как с Марфой.

20 И они до обеда провозились с другой поездкой.

Когда они с матерью вернулись с возом из другой поездки, Дунька выбежала им навстречу.

– Бабушка, поди к мамушке. Она умирает. Я за Сидоровной бегала, да она в Пашутино ушла.

Старуха слезла на улице и пошла в избу, а Онисим один повел воза на гумно.

– Где же бабы-то? – крикнул ему сосед, вывершивавший свое одонье.

30 – Недосуг! – отвечал Дмитрий. «Ему хорошо, как сам-шесть, а одному и одонья не скласть. Небось не придет подсобить».

– Эй, Максим, поди дяде Онисима поскидай воза-то, – как бы отвечая на его мысли, сказал сосед сыну. – Ничаво. Обедать-то еще рано, а мы всю привезли.

– Ну спаси тебя Бог, – сказал Онисим и стал развязывать воз.

– Что кум? Али опять крестить?

– Да видно, что так.

– То-то пословица: всем бы молодец, да девичий отец.

Дмитрий нахмурился и, не отвечая, стоя на возу, заваливал снопами Максимку так, что он не успевал разбираться.

40

Оставшись одна, Марфа достала хлебы, но вдвинуть назад корчагу не могла. Она даже не могла подойти к окну, чтобы позвать девочку, она легла и более не вставала, пока у ней не родил-

ся ребенок. На нее нашел было страх, но, помолившись на образа, она успокоилась. «Быть живой – будут жива и без бабки». Когда боли отпустили ее и ребеночек закричал, она взяла его, осмотрела и, увидав, что мальчик, еще раз помолилась Богу и хотела вставать, но ослабела и, застонав, упала на спину.

– Матушка-свекровушка, жалостливая сударушка, приди, помоги мне, горькой. Чтобы не пропало мое дитятко, под сердцем ношеное, у Бога моленное.

Только что она стала завывать, как услышала шаги, и свекровь, запыхавшись, приговаривая, вошла в избу. Девчонка хотела про- 10
шмыгнуть в отворенную дверь, но бабушка стукнула ее по голове и прогнала.

– Дитятко ты мое, болезная ты моя касатушка. О-ох, милая моя.

Увидав, что Бог простил уже ее, старуха взялась за дело, повила ребенка, снесла на лавку, постлала соломки, вымыла и потом убрала и дрожавшую всем телом невестку и свела ее в клеть и там положила на полу, подстлав ей шубу.

– Ты, матушка, пошли Митрия-то за попом. Еще нынче окрестить можно, – сказала родильница, – ей хотелось окрестить и 20
хотелось больше всего, чтобы муж узнал, что мальчик. Старуха послушалась ее и, убрав невестку и отдав ей спеленутого ребеночка, пошла на гумно, Дмитрий, вывершив одонье, обивал его греблом.

– Ну, Митюха, молись Богу, – сказала старуха.

– Аль малого родила?

– Молись Богу, говорю, да ступай за попом. Сынишку родила.

– Вре? – сказал Дмитрий, но, сказав это, перекрестился. – Вишь ты! Ну, не чаял, – сказал он, улыбаясь. И живо отпрег ло- 30
шадей и повел их, чтобы пустить на выгон.

– Что ж, али плох?

– Все лучше, Митюха, окрестить. Да и поп-то, сказывали, у Баскачихи. Еще солнышко высоко.

– Ишь ты! Не чаял, – все твердил про себя Дмитрий, покачивая (головой и) не переставая ухмыляться. – Что ж, матушка, хорош малый-то?

– Хорош! в чем душа держится, – отвечала старуха. – И хорошие мрут, и плохие живут. Как Бог даст да Матушка-владычица. В христианскую веру привести надо, а там что Бог даст. Ты девок-то вот избываешь, а они живут, а малого-то и рад бы оживить, да как Господь Бог не захочет, ничего не сделаешь. То- 40
то ты не грехи, Митюха. Что же, ты лошадь-то выдвинул бы к воротам.

– Дай срок, матушка, пообедать. Тоже намотался, есть хочется.

Хоть и понял Дмитрий умные слова матери, не велевшей ему загадывать, но он не мог удержаться от радости и все шел ухмылялся. И, остановившись в сенях против клетки, откуда он слышал писк ребеночка, он окликнул жену.

– Марфа! А Марфа! Малый что ль?

– Сыночек, Митюха. Сыночка Бог дал, – отвечал ему жалостный, тихий голос Марфы.

10 – Ишь ты! Не чаял. За попом еду. Дай пообедаю только, брюхо подвело, – и он прошел в избу.

Мать хлопотала наскоро собрать ему пообедать.

В избе было все не прибрано еще.

Мать подала сыну шей свекольных, забеленных молоком. Он поел, подозвал Дуньку и, лаская, покормил ее. И, вылезши из-за стола и помолившись Богу, переобулся, надел новый кафтан, подпоясался, взял новую шляпу и вышел собираться. Наложив соломки в ящик телеги и застелив веретями, он пошел на гумно к дяде Нефеду.

20 – Я к тебе, кум. Приведи сына в христианскую веру.

– Когда же крестить?

– Да вот к куме зайду, да и за попом. Нынче, коль поедет.

– Что же, ладно.

– Спаси тебя Христос, – отвечал он, поклонившись, и пошел к куме.

⟨ТРЕТЬЕ НАЧАЛО⟩

156 лет тому назад в царствование Петра I у крестьянина села Вяземского Чернского уезда родился ребенок – мальчик. Мальчик этот родился 3-го сентября после обеда в то время, как никого не
30 было дома. Хозяин и отец Онисим Петров был в поле, доваживал последнюю рожь с своей матушкой Кириловной, а в доме оставались только две девочки – одна 7, а другая – 3 лет и брюхатая Марфа. Она хотела ехать с хозяином за снопами, да свекровь не велела ей, а приказала выбрать последнюю коноплю.

Набрав 9 снопочков, перевязав и сложив их, Марфа хотела еще брать, но только хотела согнуться, как почувяла, что ей нынче уже больше не работать. Девчонки ее обе были с нею, старшая тоже помогала, дергала замашки, а маленькая сидела на меже и забавлялась с гороховой плетью.

40 – Дунька! А Дунька! – крикнула мать на старшую девочку, стараясь без стопа выговорить слово, – возьми Машку на руки, снеси в избу, а сама беги телят загони.

Пока Дунька убиралась с Машкой и ее стручьями, Марфа зашла в середину конопель, туда, где она знала была лежка (скотина еще с весны там лежала), и, с трудом пригнувшись, стала разгребать руками рыхлую, теплую и сырую от ночного дождя землю. Оправив лунку, она стала рожать, с трудом удерживая стоны, чтоб не слышали соседки бабы, также бравшие конопли на соседнем загоне.

Марфа мучалась недолго. Еще Дунька не прибежала назад с улицы, как уже в лунке лежал ребенок и Марфа крестилась на восток, благодаря Бога за то, что он скоро простил ее. 10

– Матушка Пресвятая, Батюшка ты мой Господи, Угоднички Божии батюшки. Спаси помилуй, спаси помилуй, спаси помилуй! – проговорила она, радуясь за себя и за ребеночка, который копошился в лунке и кричал. Присев над ребенком, Марфа рассмотрела его и, увидав, что мальчик, еще раз привстала и еще перекрестилась. Потом она села тут же на землю, засучила узкие рукава рубашки до локтя, достала рукою конопельку, смяла ее между ногтей, отбила кострику, ссучила, послонявила ниченку и, как она много раз видала, перевязала пупочек раз и два, затянула и, проговорив «Господи, благослови», откусила его пальца на два 20
повыше и подняла ребеночка, огладив со спинки его приставшую черную землю. Она хотела уже нести его в избу, но опять заломило спину, она вспомнила о месте и, наступив на пуповину босой ногой, привстав, потянулась и вывела место. Теперь уже она положила ребенка на занавеску, поднялась с ним и босыми ногами закопала место в лунку.

– Ну, Господи, благослови! – И она, раздвигая плечом зеленую сверху и желтую снизу конопель, тяжело висевшую полным зерном, выбралась на тропинку и понесла свою прибыль через двор в избу. 30

Ребеночек кричал, и соседка услышала его, но теперь Марфа не боялась того, чтобы узнали люди, она радовалась. Когда она подошла к двору, она оглянулась на солнце. Оно уже заходило за ракету.

«Ну теперь свекровь не будет корить – мужика родила, – подумала Марфа, – и Онисим мой Федорыч рад будет».

Проходя сениями, Марфа подхватила одной рукой мальчика, а другой захватила соломки свежей молотьбы, которая была принесена для постели, и, отворив избу, вошла в избу. Постелив соломки на лавку, Марфа положила на нее сына, достала из чугуна воды, 40
стростила ее с холодной в ведерке и вымыла сына, потом достала из сундучка рубаху чистую и занавеску и полотно старого, завернув в него мальчика с ногами, села на рундук перед печью и стала

кормить его. Покормив его, она заснула. Проснувшись, встала, приготовила ужинать и стала поджидать мужа и свекровь с поля.

Дунька помогала ей, и Дунька же первая рассказала свекрови и мужу о том, что мамушка родила Павлушку другого.

〈ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО〉

¹Каких бы мы ни были лет – молодые ли, старые, – куда мы ни посмотрим, вокруг себя ли или назад, на прежде нас живших людей, мы увидим одно и одно удивительное и страшное – люди рождаются, растут, радуются, печалуются, чего-то желают, ищут, надеются, получают желаемое и желают нового или лишаются желаемого и опять ищут, желают, трудятся, и все – и те, и другие – страдают, умирают, зарываются в землю и исчезают из мира и большей частью и из памяти живых, – как будто их не было, и, зная, что их неизбежно ожидают страдания, смерть и забвение, продолжают делать то же самое.

Зачем? К чему? трудиться, достигать желаемого, когда все кончится болезнью, страданием, смертью и забвением. Мой удел страдать, мучаться и умереть. Если уже это неизбежно, то не лучше ли скорее, чем обманываться и ждать этого? И какая разница между 80 годами жизни и одним часом, когда мне предстоит вечность, бесконечность времени – смерти, безжизненности.

Для того чтобы продолжать жить, зная неизбежность смерти (а знает эту неизбежность и 10-летний ребенок), есть только два средства: одно – не переставая так сильно желать и стремиться к достижению радостей этого мира, чтобы все время заглушать мысль о смерти, другое – найти в этой временной жизни, короткой или долгой, такой смысл, который не уничтожался бы смертью. И все люди, которых я знал и знаю, я сам в разные времена моей жизни, все люди прошедшего, жизнь которых я знаю, жили и живут или отдаваясь страстям, чтоб заглушить мысль о смерти, или направляя жизнь так, чтобы дать ей смысл, не уничтожаемый смертью.

Только как исключение являются те, всегда и всем ужасающие(ся) люди, которые не в силах стремлениями страстей заглушить мысль о смерти и не в силах найти смысл жизни, убивают себя.

Желания, заглушающие мысль о смерти, всегда свойственны человеку, всегда одни и те же, особенно ярко они видны у детей,

¹ На полях справа: 1879. Февраля 16.

для которых так естественно из-за вечно новых, само собою возникающих желаний не видеть предстоящей смерти, что этот путь жизни понятен всякому.

Другой путь, направляющий стремления человека так, чтобы жизнь получала смысл, не уничтожаемый смертью, – точно так же прост и естественен для человека, не разрушившего те верования, которые были внушены ему при его воспитании и росте. Путь этот есть вера. Нет народа из тех, которых мы знаем и можем знать, в которых дети в особенности матерями не воспитывались в известных верованиях.

10

Верования же, всякая вера есть объяснение смысла жизни – такое, при котором смерть не нарушает его, и указание на то, какое должно быть направление этой жизни, т.е. как человек должен направлять свою свободную волю для придания своей жизни такого вневременного значения, не исчезающего со смертью, – указание, что добро и что зло. Усвоение известных верований так же естественно, неизбежно даже, как увлечение желаниями и страстями. Точно так же, как желания и страсти, не дожидаясь нашего выбора, втягивают и влекут за собою, точно так же, не дожидаясь нашего выбора, известное объяснение смысла нашей жизни – тако- 20
кого, который не разрушается смертью, – передается нам вместе с нашим ростом и воспитанием. Объяснение это называют верой именно потому, что оно передается от одного поколения к другому в детском, юношеском возрасте – на веру. Оно не доказывается, не объясняется, потому что ребенку нельзя доказывать и объяснять, а передается как истина, плод несомненного знания, имеющего сверхъестественное происхождение.

Везде, всегда, сколько я видел и понимал в моей 50-летней жизни, сколько я мог понять в изучении жизни далеко живущих от меня и прежде живших, я видел, что люди не могут жить и не 30
живут вне этих двух путей жизни.

Всегда и везде так же неизбежны желания и страсти человека, как и передача ему известных верований, объясняющих для него невременный смысл жизни.

Одинаково невозможен и непонятен представляется человек, не имеющий страстей и желаний, как и человек, не имеющий верований, объясняющих для него смысл жизни и уничтожающий смерть.

Случай тех диких, о которых пишут путешественники как не имеющих никаких верований, и тех, между нами живущих людей, 40
которые, отрицая всякое верование, полагают, что воспитывают детей вне всякого объяснения смысла жизни, не уничтожаемого смертью, могут казаться нам исключениями только потому, что

мы по отношению диких, слишком мало зная и язык и воззрения диких, не умеем для себя выразить их верований, по отношению же отрицающих веру в нашем обществе из-за отрицания внешних форм, не замечаем тех верований, которые они кладут в основу своих объяснений смысла жизни.

10 Всякий дикий считает или не считает хорошим и дурным что-нибудь, кроме удовлетворения своих страстей. Если нет, если он не знает различия хорошего и дурного, кроме в своих телесных вкусах, то он не человек; если же он считает помимо и против-

но своим страстям одно – хорошим, другое – дурным, – хотя бы убийство своего врага он считал хорошим, – у него есть верования, которые дают вечный смысл его жизни, и как он получил их от предков, так и передает своим потомкам. Если мыслящий человек, мысленно отвергающий всякие верования, знает различие между добром и злом, знание этого различия есть верование.

20 Пускай он думает, что он отверг всякую веру, что один рас-судок открыл ему это, но все-таки, полагая, что человек, жертвуя своими стремлениями и поборая страсти в пользу общего блага, делает хорошо, он верует в то, что стремление к общему благу есть то, что дает его жизни такой смысл, который не уничтожается смертью. И приняв невольно это верование от других, он так же невольно передает его своим детям.

Везде и всегда, куда ни помотришь, – борьба между слепым стремлением к удовлетворению страстей, вложенных в человека, между похотью с требованиями закона добра, попирающего смерть и дающего смысл человеческой жизни, бесконечно различно выражаемого в верованиях¹. В этой борьбе всегда и везде выражается жизнь и человека и народов.

30 И об этой борьбе между похотью и совестью отдельных лиц и всего русского народа я хочу написать то, что я знаю.

Судить людей я не буду. Я буду описывать только борьбу между похотью и совестью как частных лиц, так и лиц государственных, которых мне необходимо описывать для того, чтобы составить более полную картину жизни всего народа, но для того, чтобы описывать их действия, выражающиеся в этой борьбе, я должен устранить суждения уже готовые о большинстве государственных лиц.

40 И для того, чтобы описание этих лиц не представилось ложным, односторонним, мне необходимо устранять всегда ошибоч-

---

¹ *Правка в автографе не доведена до конца.*

ные суждения, составившиеся о государственных лицах, кото-
рых мне придется описывать. Я не желаю опровергать суждения,
составившегося о них, если оно хорошее, не желаю доказывать
противное, но желаю только указать на причины, вызывающие
к составлению преждевременных необдуманых суждений о ли-
цах государственных, облеченных властью, желаю только, чтобы
люди воздержались от составления суждения о них, желаю, так
сказать, чтобы та бумага, на которой мне придется писать, была
бы белая, чтобы на том месте, на котором мне придется писать
портреты исторических лиц, не было бы вперед уже положено
определенных красок. Если бы я не попытался устранить этих
вперед составленных суждений, мне бы пришлось, составляя свое
описание лиц только по отношению той борьбы, о которой я гово-
рил, – между похотью и совестью, спорить, отрицать или утверж-
дать противное тому, что утверждается описывавшими уже те
же лица; пришлось бы судить их, на что я считаю себя не имею-
щим права. Я прошу только моих читателей откинуть на время те
суждения, которые составились у них о лицах, и вместе со мной,
воздерживаясь от суждения о них, следить за ними в их борьбе
между похотью и совестью, в которой они нам представляются. 20

Причины, побуждающие нас составлять преждевременные и
всегда ложные суждения об исторических деятелях, троякие, и
все ведут к одной и той же цели, к преувеличенному и ложному
значению, придаваемому нами этим лицам.¹

1-я причина есть присущее человеку, в особенности первобыт-
ному, свойство приписывать значение и даже достоинство силе и
власти. Человек имеет власть. Он может жечь, убивать, лишать
свободы и имущества, и первобытный человек естественно дела-
ет рассуждение: если он имеет власть, то он имел, имеет особен-
ное значение, силу, достоинство, чтобы приобрести эту власть. 30

Несмотря на очевиднейшие примеры приобретения власти по
наследству, по любовным интригам, по случайности, рассужде-
ние так естественно, что не только первобытный человек, но и
образованный человек легко впадает в это заблуждение, как толь-
ко способ приобретения власти хотя несколько скрыт от глаз на-
блюдателя, когда власть приобретается не одним, двумя, тремя
очевидно случайными событиями, но когда случайностей этих
много, и условия более усложняются.

В возвышении Мазарини, Потемкина еще видят случайность и
не приписывают его возвышение одному достоинству, но успех(и) 40
Бисмарка, Наполеона III уже объясняются достоинством.

¹ На полях: 1) Герои – власть 2) Приближен(ные) историк(и) выгоды
3) государственное

Указывая на это, я не хочу сказать, что приобретение власти всегда исключает достоинство, но я только прошу о том, чтобы не попадать в обычную ошибку суждения.

Человек властвует над другими, стало быть он имеет что-то особенное, давшее ему власть. И это особенное есть его достоинство – сила характера, ум, гениальность, высота душевная и т.д. Я прошу помнить только то, что власть есть таинственнейшее из таинственных явлений, о которой сказано поэтому, что она от Бога. И что обладание властью есть одно явление, а достоинство – другое и что одно вовсе не вытекает из другого и не имеет даже ничего связующего их. Люди с огромными достоинствами теряют власть, люди без достоинств приобретают и удерживают ее, и наоборот. Я прошу только о том, чтобы наблюдать оба явления отдельно. Человек имеет власть – хорошо. Теперь, независимо от власти, посмотрим, имеет ли он достоинство. Я только прошу помнить, что не все то золото, что блестит.

Эта причина – ошибка логическая.

2-я причина – психологическая. Люди, находящиеся около человека, имеющего власть, и разделяющие ее выгоды, суть те самые, через которых *одних* переходят в массы и в потомство сведения о владыке. Люди эти должны скрадывать все черное и выставлять одно белое, во-первых, для того, чтоб оправдать перед самими собой те выгоды, которыми они пользуются, во-2-х, для того, чтобы оправдать свое подчинение и унижение. Эти-то люди передают сведения и пишут историю.

3-я причина всегда ложного и преувеличенно похвального суждения о владыках состоит в том, что сами люди, облеченные властью, в особенности если они тщеславны, как Людовик XIV, Наполеон, Петр, Екатерина, и при продолжительных царствованиях сами пишут свою историю или подготавливают для нее матерьялы, старательно устраняя все невыгодное и разглашая очень часто ложное в свою пользу. Чему очевидно содействуют, пересаливая в своем усердии, их льстецы. Как ни старается потом историческая критика разобрать истину, она не может этого сделать, ибо очень часто оставшиеся матерьялы для истории все прошли через руки владык или их льстецов. При Петре не велено было давать бумаги и чернил монахам.

4-ю причину ложного восхваляющего суждения о достоинствах владык я назову причиной диалектической. Пишут о владыках люди науки исторической. Мнимая наука эта имеет своим предметом исследование жизни народов и государств, и потому мерило достоинства, прилагаемое историками к деятельности правителей, есть совсем не то, которое прилагается всеми людьми

ко всем людям, т.е. мерило борьбы между похотью и совестью, но совсем другое, мерило большего или меньшего содействия известным государственным или народным целям, которые предположил себе историк. Не говоря уже о том хаосе мнений, который существует в суждениях историков о задачах истории и том мериле, которое должно прикладываться к исследованию исторических явлений, т. е. что должно считаться дурным, что хорошим, несомненно уже то, что мерило историческое не может совпадать с мерилем человеческим, что то, что хорошо для процветания германского народа, не может быть хорошо для франц(узского) 10 и т.п.

Самое разделение Вавилонской башней рода человеческого на народы и государства уже исключает возможность совпадения народного государственного добра с добром общим. Между тем историки, пользуясь уже односторонне подготовленным матерьялом, о котором говорено, делают еще тут иногда невольную, иногда вольную ошибку, желая слить достоинство государственного народного деятеля с достоинством общечеловеческим, и для выражения этого незаконного слияния употребляются известные слова, скрывающие обман. Слова эти: гражданская добродетель, 20 святая любовь к отечеству и самое употребительное: величие.

Как в первом случае, ошибки логической, где делается ложный вывод о том, что если есть власть, то и есть достоинство, я не отрицаю возможность достоинства при власти, но прошу различать, так и в этих последующих случаях ошибок я ничего не отрицаю, но прошу различать. Я прошу помнить то, что если для приближенных Наполеона III его правительство было благотельно и для них он представлялся исполненным добра, то это не доказывает, чтобы он имел достоинства, но, не признавая и не отрицая его достоинств, на этом основании мы должны смотреть 30 на него только с общечеловеческой точки зрения – борьбы похоти и совести.

Точно так же я прошу помнить, что восхваление историками не отрицает и не доказывает его.

По отношению же к историкам, сливающим в одно достоинство деятеля государственного с человеком, надо быть тем более осторожным, что деятельность государственная по существу своему большей частью противоположна требованиям совести. И потому, не отрицая заслуг деятеля как государственного слуги, надо твердо помнить, что достоинство как человека всегда 40 совершенно независимо от него. Я настаиваю на этом особенно потому, что восхваление человека низкого как человека и рядом ошибок мысли и ложной диалектики восставление такого лица на

место идеала и образчика добра, не говоря о вредном влиянии на общество, есть самое непростительное святотатство.

Итак, совершенно отрешившись от тех, вследствие ряда заблуждений, ложных представлений об исторических деятелях, я буду с помощью Божьею описывать их, когда они будут встречаться в моем рассказе, так, как будто о них не существует никакого суждения, только следя в них за их борьбой между похотью и совестью.

〈ПЯТОЕ НАЧАЛО〉

10

1

С тех пор как он стал себя помнить, Онисим Иванов Бодров помнил себя в доме и во втором с края дворе отца своего Ивана Бодрова. Прежде всего он выучился называть себя просто Аниска, а потом выучился называться и всем полным именем.

– Ну-ка, Аниска. Чей ты, скажи? – спрашивал его, бывало, отец, сидя после обеда на лавке под святыми и притягивая его к себе рукою.

– Скажи, Анисушка. Не робей, светик, скажи бате, как тебя звать, – говорила бабушка, выучившая его этому.

20 И он помнил, что и отец, и бабушка, и мать, сбиравшая со стола и останавливавшаяся при этом, смотрели на него ласково, одобрительно, и он делал большие усилия памяти и выговора, и вдруг из него вырывался тонкий голосок, и, выпрямляя свою маленькую грудку и встряхивая волосами, он вскрикивал: «Анисим Иваныч Бодров».

– Ай, молодец! – говорил отец, глядя его своей огромной рукою по голове. И только что отец выпускал его, он бежал к бабушке, и бабушка тоже ласкала его и давала либо лепешки кусок, либо корку кашки.

30 Бабушка же выучила его молиться, прежде еще, чем он знал, как зовут отца и мать и место, в котором он живет.

Каждое утро, как только его будили, он спал с бабушкой – когда на печке, когда на коннике, когда на полу в холодной, – бабушка разглаживала ему волосы, становила его лицом к Богу и, показывая, как складывать крест тремя маленькими его пальчиками, она водила его ручонкой не ко лбу, а почти к маковке, к правому плечу, левому, к пупку, пригинала низко его голову к пупку и заставляла повторять молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», а потом «Богородице Дево, радуйся» и опять 40 пригинала его голову, а потом уж мыла его лицо, застегивала

ворот, оправляла поясок, разбирала, когда был досуг, расческой волосы и обувала, и надевала шубенку и пускала на улицу.

Бога Аниска знал уже так давно, что не мог вспомнить, когда он узнал про него. Все приказания свои о том, что не надо было делать, бабушка подтверждала указанием на Бога: «Смотри, Бог не велит, светик». Когда он или хотел молока в середу, или хотел побить братишку, – «Бог накажет, паршивец», – говаривала она, указывая рукой на передний угол и сама всегда с ужасом и благоговением глядя на него. Бабушка так глядела на образа, как она ни на кого и ни на что другое не глядела и, понимая этот взгляд, Аниска сам смотрел на икону и свечку всегда с тем же чувством, которое он видел на лице бабушки. Бабушка была самое главное и близкое лицо во время первого детства Аниски. Отец редко бывал дома, мать бывала чаще дома, но всегда она хлопотала то у печки, то ткала, то пряла, то с ребятами, и Аниска мало ее помнил. Ребята же все были меньше его. И только уж когда Аниска подрос, он стал играть с братишкой Прошкой. Аксютку девку и Родьку он качал и кормил иногда, когда приказывала матушка или бабушка. 10

〈ШЕСТОЕ НАЧАЛО〉

Онисим родился в 1721 году в вотчине, бывшей до самого этого же 21 года гагаринскою. В самый год его рождения права на эту вотчину перешли в другие руки. Дед Онисима в самое это время был в Петербурге, куда его завез с собой приказчик гагаринский Платон Беркут. 20

〈СЕДЬМОЕ НАЧАЛО〉

В то время как родился в Вяземской [слободе] Иван Онисимов, самое Вяземское и все его обыватели перешли к другим помещикам. В Вяземском узнали про это уже зимою, а перешли они от прежнего помещика Вяземского к новым еще осенью, немного после того, как родился Иван Онисимов. Одна половина, горная, перешла к Горчаковой, к Троицкой Баскачихе, а другая, зареченская, к немцу Брантову, так что Иван Онисимов родился уже не Вяземскому, а новому барину Бранту. Решилось это дело – кому достаться после Вяземского имению – в Петербурге в 1723 году. Одну половину имения этого выпросила себе у царя Петра Алексеевича княгиня Настасья Федоровна Горчакова, урожденная Баскакова, отчего и звали ее Баскачихой. Она чуть не выпросила всего, и царь уж было дал ей, да императрица другую половину 30

попросила для своего служителя Монсова. А Монсов подарил своему повару Бранту.

Баскачиха уже 25 лет вдовела, и были у нее два сына: старший Роман и Иван меньшей. Мужа ее именье было в Каширском и в Московском уезде, ее же собственное именье было в Чернском, Новосильском и Мценском уездах. И жила она с меньшим сыном Иваном в Мценском именье селе Троицком. Старшего Романа она смолоду отдала дяде Прову Федоровичу Баскакову, и дядя выучил его грамоте и арифметике и отдал в службу, меньшего же Иванушку мать не отпускала от себя и до 26 лет где откупала, а где силóm отбивала от службы. В прошлом, 22-м году, поссорилась она с Вяземским, Мценским воеводой, и Вяземский забрал ее сына и представил в Москву; а из Москвы его свезли с другими недорослями, отлынивавшими от службы, в Петербург и посадили в тюрьму.

Баскачиха послала письма брату Апраксину, приходившемуся ей родным, чтоб выручать сына, да ничего не могла сделать и сама поехала к царю в Москву, не застала царя и поехала в Петербург. Но в хлопотах о сыне она не забыла и выместить Вяземскому за его услугу. С своим любезным поповичем, подьячим Скрыниным, она написала на него донос, вывела на свет такие дела Вяземского, что запутала его в деле, которое велось тогда об обер-фискале Нестерове, а как только Вяземский попал [под суд], то уже ему целым нельзя было оттуда выбраться. Как в шестерню подолом попал. Вяземского вызвали в Петербург и посадили в тюрьму, да не в крепость, где сидел Иван Горчаков, а в Преображенский приказ.

Баскачиха выехала из дома в июле, прибыла в Москве неделю и 3-го сентября въехала в Петербург. Баскачиха ехала сама 12-я на 4 повозках, в которых были впряжены 14 лошадей. Спереди шел рыдван крытый в 6 лошадей. В рыдване сидела она с воспитанницей Ольгой (так звали ее 20-летнюю дочь, прижитую ею после брака от Скрынина), Савишна, ее девка старшая, и девки. На запятках стояли Алешка и Митька. В повозке сзади ехал Скрынин с Кириллом, сзади ехали еще три девки тройкой, и на последней паре ехал повар с стряпкой блинницей Агафьей. Кроме этих людей ехал [верховой казачок для посылок]. С Красного Кабачка Баскачиха послала вперед Скрынина к Апраксину сказать, что она едет. Скрынин вернулся и сказал, что велено въезжать прямо на двор, что графа дома нет, но что графиня велела въезжать.

Выехав утром после завтрака из Красного Кабачка, в 11-м часу утра весь поезд баскачинский въехал в Ямскую и по указаниям Скрынина, поехавшего вперед, выехал на Новый прошпект. Баскачиха в это утро встала рано и сама вышла на двор и при

себе велела обчистить лошадей, вымыть колеса и всем людям надеть новое платье. Сама она оделась в новое платье немецкое и на голову повязала шелковый красный платок. Рыдван хоть и пообтерся дорогой и потрескался, был хорошо сделанный дома, колеса кованые новые, лошади, хоть и прошли дорогу большую, были хороши. Вещи уложили, чище все прибрали и в параде въехали в Петербург. Княгиня Баскачиха не хотела ударить в грязь лицом и въезжала, как надо быть княгине. Но на самом Новом прешпекте, так назвал широкую улицу Скрынин, случилась беда. Верховой солдат в синем кафтане и красн...¹ налетел на переднюю повозку. 10
– Сворачивай, не велено! – кричал он.

И ничт(о)

〈ВОСЬМОЕ НАЧАЛО〉

КОРНЕЙ² ЗАХАРКИН И БРАТ ЕГО САВЕЛИЙ

В 1723 году жил в Мценском уезде в деревне Сидоровой в Брадинском приходе одинокий мужик Корней Захаркин. Есть поговорка – один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын. Так и было с стариком Захаром, отцом Корнея и Савелья. Было у него три сына – Михайло, Корней и Савелий, а под старость его остался у него один средний Корней: Михайлу убило деревом, 20 Савелья отдали в солдаты, и солдатка сбежала, и остался старик с одним сыном. Но когда старик помер, Корней остался в доме со всем один с женой, 3-мя девчонками и старухой матерью.

Дом при старике Захаре был богатый, были пчелы, 7 лошадей, 20 овец, 2 коровы и телка.

Но после старика дом стал опускаться. Как ни бился Корней, он не мог поддержать дома. Год за годом из 7 продал 4 лошадей, оставил 3, коровы выпали, продал половину овец, чтобы купить корову, пчелы перевелись. Помещик их был Нестеров. Он жил в новом городе Петербурге при царе в большой чести, поместий 30 у него было много, и со всех у него был положен оброк: сидоровские платили, кроме хлеба, ржи, овса, подвод, баранов, кур, яиц, по 10 рублей с тягла. Кроме 10 рублей помещичьих, сходило казенных с тягла до 2-х рублей, кроме того, разоряли мужиков подводы и солдатский постоя. Так что одинокому мужику было трудно тянуть, и, как ни бился Корней, он опустил отцовский дом и еле-еле вытягивал против людей.

¹ Так в автографе.

² В автографе: Карней; по всей рукописи наблюдается двойное написание имени главного героя: Карней и Корней.

Работа все та же была, как и при отце, с утра до поздней ночи, когда не было ночного или караулов, а когда бывали караулы, ночное или подводы, то приходилось и день и ночь работать. Работа была все одна, больше работать нельзя было, но и работой он не скучал, но тяжело было то, что и работать и обдумывать, и собирать всякую вещь надо было ему же. Бывало, соберет и обдумает старик, а теперь все один и один. Тяжело ему было то, что не мог поддержать отцовского дома. С тех пор как опустился его дом и перевел он пчел и лишнюю скотину, – он уже лет 7 жил все в одной поре, не прибавлялось у него достатку <и> не убавлялось. Был он с домашними сыт, одет, обут, была крыша над головой и тепло в избе, но подняться никак не мог. Но он не роптал и за то благодарил Бога. Грешил он только тем, что скучал о том, что не давал Бог ему ребят. Жена носила уже 7-е брюхо, и не помнил он рабочей поры, чтобы она была без люльки, и все были девочки, четверых Бог прибрал, и три были живы. Хоть и избывала их жена его, он не обижался на них, но скучал тем, что нечего приждать было. Состареешь, дома некому передать, кроме как зятя в дом принять, – думал он, – и хоть и знал, что грех загадывать, часто думал об этом и всякий раз, как жена родит, спрашивал у бабки, что родила. И плевал, и махал рукой, когда узнавал, что опять девка.

Мужицкая работа самая тяжелая бывает от Ильина дни и до Успенья. Еще покосы не докошены и не довожены, поспевают рожь. Только возьмутся за рожь, уже овес сыплется, а пар надо передвостить, семена намолотить, и сеять, и гречиху убирать. Случилось в этом году – еще ненастье постояло неделю, отбило от работ, и еще круче свалилось все в одно время. Корней все не отставал от людей. Рожь у него была свожена и расставлена для молотьбы, пар передвоен, овса нежатога оставалось пол-осьминника на дальнем поле. Торопился он свозить последний овес с ближнего поля, куда хотели скотину пускать. Вozил он весь день с Марфой и прихватил ночи. Ночь была месячная, видная, и он довозил бы весь, кабы на второй после ужина поездке жена не отказалась. Она в поле, подавая снопы из копны, начала мучаться. Корней сам наклал, увязал один воз, а на другую, пустую телегу посадил ее и свез домой. Дома послал мать за бабкой, а сам отпрёг и поехал в ночное.

¹ Спутав своих двух замученных лошадей и пустив их, Корней помолился Богу и подошел к мужикам, лежавшим под шубами и кафтанами над лощиной у пашни, и сел у огонька, который развели мужики. Чередные караульщики с дубинами, покрикивая,

---

¹ Против этого текста на свободном обороте предыдущего листа: Искал в тумане мужиков, сказали в Барсуках, а они в Скородном. Человека наехал.

ходили около лошадей в лошине, а остальные уже спали. Не спал только старик и Щербач. Дядя Евстигней подсел к старику. Он скоблил ножом лыку, сидел у огня. Корнею не хотелось спать.

¹Один из мужиков, карауливших лошадей, подо[шел к огню и присел на корточки.]

– Мало ли их пропадает. – Они говорили про солдат. – Весь этот месяц шли(?) солдаты (нрзб) Топерь сказывают, в Персии что их сгорело. Пришли на такое место, что из земли огонь полыхает. Все и погорели, – сказал этот мужик.

10 Мужик этот был сосед Корнею, звали его Юфан Щербач. Он был мужик большой, здоровый, рыжий. Два зуба у него были выбиты, оттого и звали его Щербатым.

– Куда уж он их, сердешных, не водил. И то сказывают, что не заправский он царь, а подменный. В Стекольном городе.

– Буде пустое болтать, чего не знаешь, – сказал Евстигней. – Верно служивый сказывал, вчера стояло у меня в дому шесть человек и набольший – капрал называется. У тех суда зачесаны виски, а у этого длинные, здесь как вальки. А человек ученый. Я его про нашего барина спрашивал. Он знает, да говорит, он
20 нынче в беде. Как бы, говорит, вас у него не отобрали.

– А нам что же, отберут, за другим запишут, – сказал Евстигней. – Все одно подати платить.

– Ну, все разница.

– Да мы и не видали этого. Что ж, обиды нет.

Поговорив так, Щербатый отошел, и остался один Корней с Евстигнеем. Дядя Евстигней был крестный отец Корнея. Он был мужик богатый. У него было 3 сына: два женаты на тягле. Сам он был мужичонка маленький, седенький, с длинными волосами и редкой бородкой – мужичонка смиренный, разговорчивый и умный.
30 Он знал, что Корней доваживал овес.

– Довозил что ли? – спросил он.

– Остались семь крестцов, – сказал Корней.

Он хотел было сказать отчего, но вспомнил, что говорить про это не годится, что родильница хуже мучается, когда люди знают, и сказал, что лошади стали.

– Заморил совсем, перемены нет: и возить, и пахать, и скородить; из хомута не выходят, сердечные. Все один. Так вот и живешь, крестный. Люди уже отсеялись, а я еще не зачинал, да хлеб в поле. Эх, крестный, плохая моя жизнь, – и Корней насупился,
40 глядя на огонь.

---

¹ Текст: Один из мужиков ~ Поговорив так, Щербатый отошел, и остался один Корней с Евстигнеем. – первоначально следовал за фразой: Вот жив же.

Редко ему доходило так тошно, как нынче. И так в избу не заходил бы. Крики, визг, девчонки эти, та убилась, та хлеба просит, а теперь в самую нужную пору еще родит – гляди, опять девчонку, да сляжет, как с тем брюхом. Не то что помога, а обуза. – Плохая моя жизнь, – повторил он. – Головешка одна, сколько ни чади, и та затухнет.

– То-то, я чай, жил старик, убил бы его, а нет, купил бы, – сказал Евстигней.

Корней оглянулся на старика.

– Нет, крестный, что ж, я против родителя никогда не грубил, – сказал он. – И при родителе трудно бывало, вся, бывало, работа на мне, да я этим не брезгивал. Хоть он меня и не любил, против Михайлы или Савелья никогда не верстал, а я грубить не мог.

– Пуще всего, милый, родителей поминай. Родительское благословенье во всяком деле спорину дает. А ты не тужи, Бог труды любит.

– Да не работа, забота сушит, дядюшка. Все как будто не хочется дом упустить, а что же сделаешь один. Бьешься как рыба об лед, а толку нет ничего. Все-то я распродал, пчел перевел, кобылу продал, а и приждать-то нечего. Одни девки растут. От них помоги не приждешь.

– А ты вот что, Корней. Ты малый крепкий и не дурак, ты не грехи. Так-то сказывал Божий человек, летось у нас ночевал, про святого отца что ли. Был такой-то, на навозе, говорит, десять годов лежал, весь в гною, тело все сопрело, червь напал на него, так его Макарка беспятый, нечистый значит, смущал: «Пожалься, говорит, на Бога, тебе, говорит, легче будет терпеть», – на грех его смущал, так он, значит, не поддался ему, говорит: «Бог, говорит, дал, Бог, говорит, и взял». А богатый допрежь того был. Скота, говорит, тысячи что ли было. Семья тоже была, сыновья, жена – все померли. Он говорит Макарке беспятому, – ты, говорит, меня не наушай на Бога обижаться. Когда, говорит, мне Бог достатки посылал, я, говорит, не брезгивал, примал, надо и теперь, говорит, примать, чего посылает, – терпеть, говорит, надо. Так-то сказывал хорошо, бабы наши наплакались, слушаемши. Так-то, Корнеюшка, терпеть надо.

Корней бросил перебиваться и, повернувшись к старику, слушал его. Старики мало спят и любят говорить. Евстигней разговорился, он покачал головой, задумавшись, и опять начал:

– Ну, то святые отцы, я тебе про себя скажу. Тоже не завсегда и мы хорошо жили. Вот теперь ребята подросли, благодарю Бога. – Старик перекрестился, повернувшись на восход, – а то тоже нужду видали. Ох, и видали же нужду. Про Андрея Ильича слышал ли? Ну вот то-то. Были мы тогда Вяземского князя. Он приказчи-

ком у него был. Грузный, брюхо – во, на тройке не увезешь. Было дело еще при том царю, при Лексее Михалыче. Забунтовали на низу. Какой-то Степан Тимофеич проявился. У нас только слухи были, что за старую веру поднимается народ. Вот и случись, у нас в доме заночевали двое незнамо какие люди. Схватили их уж в Рагожином, во дворах, свезли во Мценский, позвал меня Андрей Ильич. А он на меня давно серчал, что я у него собаку убил. Я был годов тридцати, так же, как ты – одинокий, без родителя остался, Егор еще и женат не был. Позвал, сказывай, говорит, что
10 прихожие люди с тобой говорили. – А чего говорили? Поужинали, покалякали об Степане Тимофеиче, что он город взял какой-то, больше и речи не было, и легли, наутро проводил я их за ворота. С Богом! Спасибо. Я сказываю. – Нет, говорит, что еще говорили, все сказывай, а то разорю. Ты и так, мол, не работник. Возьму во двор и бабу, а брата в солдаты отдам. Говори. – Да что говорить? Ничего не знаю. – Сказывай, заporю. – Все я сказал. – Утаиваешь! Розог! – Повели меня в ригу. – Ложись. – Лег. Принялись пороть. Двое держат, двое стегают. Наше вам, наше вам. Только поворачиваешься. – Сказывай. – Чего сказывать? Ничего больше
20 не знаю. – Клади еще, наше вам. Так-то отбузовали, что на кафтане снесли. Да это бы ничто. Побои не на мне – на нем остались. Нет, собака, разорил ведь. Взял во двор. Послали жену кирпич бить, а меня в болоте канаву копать, дом разнесли, горно обжигал, сам топил. Что ж, прошло время, сам же помиловал, отошло у него сердце. Да и тягол мало стало. Бежало много народа, опять построился, завелся, твой отец, кум, помогнул. Вот жив же.

Корней покачал головой.

– Известно дело, дядюшка. Разве я ропщу. Так ослабнешь другой раз. А то известно, мне грех жаловаться. Что ж, слава Богу, ни
30 холоден, ни голоден. Жить можно.

– А вот ты баил, тебя отец с братьями не верстал. Не могли родителей судить. Грех. Дороже всего родителей поминать. Тому человеку всегда счастье.

– Да я, дядюшка, не то что с попреком. Я сам знаю, что мне до Савелья далёко. Тот малый был и ловкий, и обходителен, и ухватист. Родитель-покойник серчал, что я не пошел в службу, а Савелья взяли. Ведь это не моя причина. Матушка меня жалела, а батюшка его. Я отцовского приказа не ослушивался. Пришел тогда выборный сказывать, что с нашего двора ставить одного,
40 а везти обех. Который годится. Нас обех батюшка повез. Только приехал он, пошел батюшка в воеводскую, а Савелий мне и говорит: «Ты, говорит, Корней, не тужи. Я охотой пойду. Я тут не жилец. Мне постыла эта жизнь. Я охотой, говорит».

Как ввели нас в Приказ, только крикнули Захаркиных, он вперед сунулся. Я, говорит, охотой иду. Я, чай, помнишь, малый-то был какой статный, бравый, смелый. Воевода и говорит: «Ай, молодец. Вот так солдат будет, таких царю нужно. Меть!» С той поры батюшка на меня и сердчать стал. Ты, говорит, его с бабой своей упротосил. А я ничем не причинен. Он сам захотел. Пожалел меня с малыми детьми. Ну да и поминаю я его. Кажется, приди он вот, скажи: «Корней, полезай в огонь. Для меня нужно». Полезу.

– Что ж, нет слухов?

– Нет, то говорили, что он бежал и за женой присылал, что она к нему ушла, а теперь как в воду кануло, шестой год. Либо помер. 10

Старик неохотно слушал разговоры Феофана; он поднялся, оглядел звезды.

– Уж не рано, – сказал он. Воздохнул, повернулся к стороне и помолился, и лег, укрываясь с головой тулупом. Корней сделал то же.

– Вот, – подумал он, – умный-то человек слово скажет – дороже денег. Складно как рассказал крестный про святого отца, что на навозе прел. Есть что послушать, а это что, зубы чесать. 20

И он потянулся, зевнул и только стал засыпать, как услышал, что собака дяди Евстигнея не путем брешет, – бросается к дороге.

(ДЕВЯТОЕ НАЧАЛО)

Тому назад 150¹ лет при царе Петре в деревне Сидоровой Мценского уезда жил одинокий мужик Корней Ионыч Захаркин. До 1-й ревизии 1713 (года) их было у отца три сына женатых: Липат, Корней и Савелий; но по пословице: один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын. Прошло 6 лет, и остался у отца один средний сын Корней. Меньшого Савелья в первый набор 17... (года) при царе Петре сдали в солдаты. Старшего убило в лесу деревом, сноху выдали замуж за вдовца в Орловскую вотчину. Прошло еще 4 года, сам старик Иона захворал и умер; и остался один Корней со старухой матерью, с женою и тремя девчонками: сам шест кормиться, а сам друг с женою работать. При старике двор Захаркиных был богатый: было семь лошадей, три коровы, больше двух десятков овец, были и пчелы. Кроме своей жеребьевой земли каждый год старик брал у помещиков своего села землю. В селе было 5 помещиков, и вся земля была

¹ В рукописи: 250

чересполосная: на гумне у старика Ионы всегда хлеб за хлеб заходил и были у старика зарыты деньги. Но помер старик, остался Корней на одном жеребью и понемногу перевел деньги, пчел, распродал лошадей, коров; осталось у него: две лошади, корова и пять овец.

Работал он не покладая рук, но, как ни хлопотал он, двор все опускался и опускался, и только-только он кормился и справлял мирские, государевы и помещичьи подати и кормился с семьею. Так случилось в 1723-м году в самую уборку. С неделю времени шли дожди и отбили от работы, так что к заговенам вся работа свалилась в одно время; как только разведрилось, мужики все дружно взялись за свозку с поля остававшихся снопов. Возили день и ночь. Урожай ярового в этом году был хорош. Корней на пяти осьминниках нажал девяносто шесть крестцов. Накануне Спаса мужики свозили уже последний овес и на завтра хотели запускать скотину в яровое поле, но у Корнея еще оставались не свожены два осьминника. Скотину уже выгнали. Мужики поужинали и поехали в ночное, а Корней все еще возил. Стали уже приставать лошади, одна была кобыла с жеребенком, но Корней все еще возил. Хотелось ему довозить последнее, чтобы не разбила копны скотина, но еще и не поздно было, как оказалась не лошадь, а Марфа, брюхатая, на сносе, жена его, подававшая ему на воз снопы из крестов. Снопы ссохлись после дождя, свясла закалянели и разрывались; Марфе, что ни сноп, надо было перевязывать, а то все разрывались на вилках. Сначала шло дело споро, она и перевязывала, и подавала, и Корней только успевал укладывать снопы, которыми заваливала его ловкая к работе Марфа. Но воз уже был до половины наложен, как вдруг Марфа остановилась, оперлась на вилки и застонала.

– Сил моих нету, Корнеюшка, видно, нынче я тебе не работница.

– Э! Дуй тебе горой! – проговорил Корней. И сообразив, что баба родить собирается, он плюнул, соскочил с воза, сам увязал его, молча подсобил присевшей у колеса и стонавшей бабе влезть на пустую телегу и свез и накладенный воз и бабу домой.

Вдвинув телеги в двор, он кликнул мать, посадил бабу и стал выпрягать лошадей. Старшая девчонка Аксютка его, 10 лет, бегавшая за бабкой, вышла к нему на двор, когда он, уж сняв хомуты с лошадей, привязывал их к грядке телеги, чтобы вести в ночное.

– Аксютка! А, Аксютка. Поди у бабки хлеба возьми, да шубу вынеси, – сказал он девчонке.

– Я тебе, батюшка, сюда на крылечко и вынесу ужинать. Бабушка велела.

Босоногая шустрая девочка живо вынесла отцу хлеб, чашку и кувшинчик с квасом и огурцов за пазухой. Поставив на крылечко,

сбегала за столешником, солью и ножиком и, как большая, собрав ужин, стала у двери. Помолясь Богу, Корней поел и, встав от ужина, взял у девчонки шубу и погладил ее по голове и пошел к лошадям.

– Гляди, опять девку родит, – сказал он себе, вслушиваясь к доносившимся до него из избы стомам. И, кинув шубу на мерина, отвязал лошадей и повел к воротам. Затворив за выведенными на улицу лошадьми скрипучие ворота, он взвалился, чуть поднявшись на цыпочки, своим худым длинным телом на чалого, потного под местом седёлки мерина и, перекинув усталую ногу, уселся половчей на худом, остром хребте лошади и, достав стоявшую в угле чекушку, погнал в ночное. 10

Ночное сидоровские мужики стерегли сообща с пашутинскими и стерегли строго, потому что в это лето в округе много отбито было разбойниками лошадей у мужиков и помещиков. Выезжая за околицу, Корней вспомнил о том, как под Ильин день слышно было: разбойники ограбили Троицкого помещика и увезли семь подвод награбленного добра; о том, как на прошлой неделе в лесу бабы, ходя за малиной, наткнулись на недобрых людей, как вчерась Терентий-лесник встретил троих с ружьем и насилиу ушел, и задумался о том, где ночуют нынче мужики; вчера ночевали в Скородном и толковали о том, что голодно стало для лошадей, и хотели назавтра гнать в Барсуки. Корней приостановил лошадь и стал прислушиваться и приглядываться на правую сторону к Барсукам. 20

Слухом ничего расслышать не мог Корней. Послышалось ему, что ржут лошади в Скородном, да разобрать нельзя было из-за собак, которые хотя и отстали от него, но всё встревоженные его проездом еще лаяли у околицы.

– Да и то, – подумал Корней, – может наши лошади ржут, а может дорожные.

Большая дорога из Мценска в Ефремов проходила мимо самого Скородного, и летней порой проезжие на ней отпрягали и ночевали. Видеть тоже нельзя было из-за пару, который поднимался в лощине. 30

– Все одно, – подумал Корней, – прежде заеду в Скородный, окликну ребят, коли нет, и до Барсуков переехать не далече.

И, трясая рысцей на добром мерине, Корней стал спускаться в лощину в молочный туман к мосту. После ужина вся тяжелая работа целого дня сказалась Корнею, он не чуял ни рук, ни ног: ехал и спал. Спустившись в лощину, Корней, почувствовав, что кобыла дернулась, открыл глаза и оглянулся: на десять шагов перед собой не видать было, но слышно было, что у моста жеребенок, забежав под кручь, потерял мать и ржал. Корней остановился за мостом и стал звать жеребенка, да кстати и надел шубу на остывшее тело. 40

– Псё. Псё. Псё, – долго покрикивал, пока наконец не услышал топот жеребенка по бревнам моста. Дожидаясь у моста и надевая шубу, Корней услышал крики мужиков направо в Барсуках и там же увидел огонек, краснеющий сквозь туман, и тронул прямо туда. Но тут с ним случилось чудное. Направо он вдруг услышал голос, да еще чей-то знакомый голос, окликавший его.

– Корней, ты что ль?

Он остановил лошадей и постоял, соображая, почудилось ли ему это или точно это голос, и вглядываясь в туман, туда, откуда
10 был голос; но голос затих, и сквозь туман не мог он разобрать, что такое высокое чернеет, человек ли, или так.

– Должно почудилось, – подумал Корней и поехал дальше и громким, звонким голосом окликнул мужиков.

– Корнюха! – опять послушалось ему сзади, но голос был знакомый, но не мужицкий.

Корнею жутко стало, и он, махая ногами, погнал мерина по направлению к голосам, откликнувшимся на его крик.

– Кто идет? – крикнул на Корнея грубый веселый голос, кото-
рый он узнал тотчас же за Макаркин, – говори, крещена ли душа?

20 И один из 2-х караульных нынешней ночи – Макар, в шубе и треухе, с дубиной, подошел к нему.

– Аль не признал? – тихо сказал Корней, слезши с лошади и снимая оброти.

– Что ж не окликаешься, я было убил, шалый право. Что поздно?

– Овес доваживал. Э! Корм-то, корм-то, – сказал Корней, пугая лошадь и проведя рукой по высокой густой отаве и прислушиваясь к звучному срыву длинной травы.

– А что не видал недобрых людей?

– А Бог е знает, кто-то окликнул меня у острова.

30 – Врё?

– Пра.

– А где мужики-то?

– А вон ребята баловали, огонь развели.

Корней, перекинув на спину одну ременную, другую пенечную узды, тихими шагами усталых ног пошел на гору. По обеим сторонам огня, укутавшись с головами шубами и кафтанами, как журавли, вытянувшись вдоль межи, лежали мужики. Не спали только и сидели у огня Щербач и старик Евстигней.

– Что поздно? – спросил старик.

40 – Овес довозить хотелось¹.

– Что же, довозил что ли?

---

¹ Знак^x, отсылающий к заново написанному тексту до слов: закричал Макарка на крик товарища и пошел под гору.

– Не, – лениво отвечал Корней, повернулся на восход к высо-
жарам, только выходявшим из тумана и, сняв шапку, стал молить-
ся Иесусу, Богородице, Николи, Херувим, за родителей и, покло-
нившись, зевая лег под шубу.

– Эх, народ нынче, – говорил Евстигней подошедшему Мака-
ру. – Ночка захватит, уж и валится. Приди теперь вор.

– А я-то что? – сказал Макар. – Я этого сна чтобы и знать – не
знаю.

– Толкуй больше, ты, я чай, на возу день пролежал, за двумя
сыновьями в стариках, а как я нони три осьмини смахал гречи, 10
солнце еще во где было, да возил, так руки-то не знаю, мои ли,
чужие ли.

– Эка диво! слаб ты больно.

– Ослабешь. Ты не ослабнешь. Вишь, курдюк-то наел, с тебя
портки не стащишь, а с меня ползут.

– Да уж ты завистлив больно на работу. Стал бы я биться, от-
дал бы землю, али без отдачи собрал повозку, темной ночки до-
ждал, да и с Богом.

– Что ж, ступай, кто ж тебя держит.

– А то и держит, что мне, слава Богу, есть при чем жить. Ай, ай, 20
держи, – закричал Макарка на крик товарища и пошел под гору.

¹ Корней ничего не ответил и не сказал, почему он не довозил,
и молча присел на корточках у огня.

Разговор между Щербачом и Евстигнеем, прерванный при-
ходом Корнея, возобновился. Они говорили про солдат, которые
весь этот месяц замучили их постоем, проходя назад из Персии,
куда ходили воевать в прошлом году.

– Тоже и их, сердечных, жалко, – говорил Евстигней, пока-
чивая головой, на которой вместе с головой² тряслась высокая,
надетая на затылок шапка. 30

– Тоже, наемни, стоял у нас капрал, сказывал про Баку го-
род. Загнали, говорит, их в такое место, что из земли огонь по-
лыхает, погорело, говорит, ихнего брата. Половина до смерти, а
у кого руки и ноги обгорели, и царь, сказывают, сам в том месте
был.

– Его и огонь не берет, – сказал Щербач, – куда и куда уж он
их не гонял: и в Стекольном городе были, и в Туретчине были.
Теперь, сказывают, всех за море погонит.

– А что, дядюшка, говорят, что он не заправский царь, а под-
мененный? 40

¹ Далее – копия без правки Толстого с неточностями и пропусками копии-
ста.

² Так в копии.

– Будет пустое болтать, чего не знаешь, – сказал Евстигней. – Верно, служивый сказывал, из дворян что ли будет ученый человек, он все порядки знает; я его и про нашего помещика спрашивал. Сказывал, что знает его. Он, говорит, был в силе у царя, а теперь в беду попал, должно вам за ним, говорит, больше не быть, либо на государя отберут, либо другому отпишут.

– А нам что ж, – сказал Евстигней, – все одно подати платить, – и, зевнув, он приподнялся и, собираясь спать, стал молиться Богу.

10 – Щербач, бывший в эту ночь караульщиком, тоже приподнялся и, взяв свою дубину, пошел вниз к лошадям.

Старик, видно, только желал отделаться от Щербача, он не лег спать, а присел опять к огню, глядя на Корнея.

– Так-то вот и живешь, крестный, – сказал Корней, глядя на старика. – Люди сеют, а я еще хлеб не свозил. Плохое мое житье! Головня одна в поле, сколько ни чади, а затухнет.

– То-то, я чай, жил старик, убил бы его, а нет, купил бы, – сказал старик.

20 – Нет, крестный, что ж, я против родителя никогда не грубил, – сказал он, – и при родителе трудно бывало, вся, бывало, работа на мне, да я этим не брезгивал. Хоть они меня и не любили против Михаила *(пропуск в копии)* или Савелья никогда *(пропуск в копии)*, а я грубить не мог.

– Пуще всего *(пропуск в копии)* родителей поминай. Родительское благословение во всяком деле спорину дает. А ты не тужи, Бог труды любит.

30 – Все как будто не хочется дом упустить, а что же сделаешь, один бьешься, как рыба об лед, а толку нет ничего. Все-то я распродал, пчел перевел, кобылу продал, а и приждать-то нечего. Одни девки растут.

– А ты вот что, Корней, ты малый крепкий и не дурак, ты не грешил. Так-то сказывал Божий человек, летось у нас ночевал, про святого отца что ли. Был такой-то, на навозе, говорит, десять годов лежал, весь в гною, тело все сопрело, червь напал на него, так его Макарка беспятый, нечистый значит, *(пропуск в копии)* Пожалься¹, говорит, на Бога, тебе, говорит, легче будет терпеть, на грех его смущал, так он, значит, не поддался ему, говорит: «Бог, говорит, дал, Бог, говорит, и взял». А богатый допрежь того был, скота, говорит, тысячи что ли было. Семья тоже *(пропуск в копии)* сыновья, жена, все померли. Он говорит Макарке беспятому: ты, говорит, меня не смущай на Бога обижаться. Когда, говорит, *(пропуск в копии)* посылал, я говорит, не брезгивал

¹ В копии ошибка: Не жалься.

ТРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

I

[Князь Василий Николаич Горчаков родился в 1757 году 28 мая в селе Вяземском¹ Московской губернии, в 15 верстах от Мценска, в имении матери своей селе Вяземском. Родители его, князь Николай Иванович Горчаков и княгиня Марфа Андревна, урожденная Ртищева, давно уже ждали наследника и оба плакали от радости, когда узнали, что это был мальчик. Ко всем родным и князя и княгини разослали вести о рождении ребенка, и в 4 монастыря послали дары и просьбы о том, чтобы молились за здоровье новорожденного. Мальчик был здоровый, и можно было не спешить крестинами. 10

Крестили дед его, дядя князя Николая Ивановича, старший в роде князей Горчаковых князь Роман Федорович, нарочно приехавший из своей Серпуховской вотчины, и бабушка, мать князя, монахиня Белевского монастыря мать Амфилогия. Родных на крестины съехалось много, и золота и серебра² надарили ему на зубок на 800 рублей. А бабушка на зубок отдала ему всю свою вотчину в Архангельском, 36 дворов крестьян. 20

Ребенок родился в рубашечке и с двумя макушками, и рождение его было предсказано юродивым Кирилушкой, и в самый день рождения петух снес яйцо, и на небе была звезда с хвостом, и мамка, принимавшая его, говорила, что она такого бойкого и сильного ребенка не видывала. Все предсказывали родителям много от него счастья и самому новорожденному во всем великого успеха.

Из всех 160 дворов, принадлежавших князю в Вяземском, с Неручи и из Введенского выбирали кормилиц и выбрали Авдотью

¹ селе Вяземском *осталось незачеркнутым.*

² В автографе: золото и серебро.

из Введенского и приставили к мальчику. Мамка была та же, что и принимала его, еще княгинина няня, а на помощь ей взята была кучерова жена Афимья и еще две девчонки на побегушки. Для молодого князя отвели в новых хоромах весь верх и стал мальчик сосать свою сильную красавицу кормилицу и веселить родителей, и сжимать кулачки, и учиться держать головку.

В это самое время, еще гости с крестин не разъехались, как подкинули на барском дворе некрещеного ребенка.

Было это дело так:]

- 10 В 1757 году у князя Николая Иванович Горчакова родился давно желанный, вымоленный у Бога 1-й сын. Он родился 28 мая в Московской губернии, в Чернском уезде, в селе Вяземском.

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

1757 ГОД

I

- Князь Василий Николаевич Горчаков родился 20 мая 1757 года в Московской губернии селе Вяземском. Родители его были князь Николай Иванович и княгиня Наталья Петровна, урожденная Рябинина. Князь Николай Иванович был женат 8-й год, но Бог не давал ему детей. Те, которые рожались, не стояли. Княгиня родила 4-х, но все умерли, не дожив до года. Теперь, ожидая рождения этого ребенка, родители по совету богомольной матушки, матери князя, заказали икону с 4-мя Рождествами на ней и по совету странника Кирилушки обещались взять кумовей, которых имена и ангелы были бы одни и те же с родителями.
- 20

- Княгиня начала мучаться с вечера и промучалась до рассвета. Мамка княгинина и бабка Федотовна, бывшая при родах, переделав все, что они дельвали в таких случаях, отчаялись совсем, зажгли подвенечные свечи у икон, подложили крест с мощами под
- 30
- голова родильнице и, стоя около больной, только тяжело вздыхали и молчали, ожидая одно〈го〉 конца – разрешения или смерти.

Уже перед рассветом старая княгиня послала своего крестового попа, всегда жившего при ней, в церковь, приказала Царские врата отворить. И только поп Ермолай, разбудив попов, исполнив поручение, вернулся из церкви (церковь была в селе) и доложил старой княгине, как и Бог простил родильницу, и старая толстая Федотовна, запыхавшись, прибежала поздравить княгиню с внуч-

ком. Княгиня старая послала искать сына, но его не нашли в горнице, куда он ушел на эту ночь, и только уже по указаниям караульщика нашли его под навесом амбара. Он вышел, как был в шлафроке, и сидел под крылечком амбара, облокотив руки на колена и заткнув уши, чтобы не слышать крика жены в доме, и плакал.

Ребенок был здоровенький и крупный. Ребенка тотчас смерили в длину пояском, и старая княгиня тотчас же послала в город по мерке списать образ святого Василья Великого. На ризу к образу она тотчас же достала из сундука блюдо, стопу и 10 рублевиков старых.

Ребенок был здоров и потому не надо было торопиться крестить. Послали ко всем родным по деревням и в Москву письма и назначили крестины на заговены 28 числа. 10

Кумовьев с одинакими с родителями ангелами нашли: кумом – Николая Ивановича, воеводу Мценского, Шеншина и (кумой) Анну Васильевну Горчакову, рожденную Суворову, жену¹ внучатного дяди, старшего в роде Горчаковых, Романа Ивановича. А если нельзя ей будет, то послушницу Белевского женского монастыря, где часто жила старая княгиня.

27 стали съезжаться гости. Приехали тесть князев старичок Петр Петрович Рябинин, приехал архимандрит Иов Мценского монастыря. Ергольский – помещик, сосед Семен Иванович с дочерьми, Скуратовы соседи, и ждали еще воеводу из Мценска, крестного отца, и старшего в роде брата, внучатного князя, генерала князя Ивана Романовича Горчакова с молодой женой. 20

Князь Николай Иванович Горчаков, хотя и был князь, и старого и знаменитого рода, был не знатен.²

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

ТЕРЕНТИЙ НИКОЛАЕВ

I

В начале царствования императрицы Екатерины, в Московской губернии, в 100 верстах от города Тулы и в 17 от Мценска, в левой стороне от большой Киевской дороги, на реке Зуше, жил в своей вотчине отставной штык-юнкер князь Николай Иваныч Горчаков. Князь Николай Иваныч вышел в отставку еще при 30

¹ В автографе: и Анна Васильевна Горчакова, рожденная Суворова, жена

² На полях: Какой б(ыл) князь. Ужин. Разговор о разбойнике, о войне. Старичок о Петре. – Юродивый (светло еще). Легли спать. Княг(иня) мол(ится?). Сказк(а). Стар(ик). Молитву. Всполох.

Елисавете Петровне и женился на Анне Никитишне Рябиной, взяв за ней 200 душ приданого, и с той поры безвыездно жил в главном из своих имений, селе Вяземском, хорошим хозяйством и степенной скромной жизнью, с каждым годом увеличивая свое состояние.

В 1762 (году) у него родилась дочь Пелагея, потом Наталья, потом Анна, но сына, которого более всего желал князь Николай Иванович, Бог не давал ему. После 3-й дочери княгиня Анна Никитична заболела и два раза выкинула. Но князь все не отчаивался
10 иметь сына наследника, и он и княгиня давали обещания и ходили молиться угодникам в Киев и посылали дары в монастыри мужские и женские, прося святых молитв о том, чтобы Бог дал им сына.

Мавра Ивановна, мать князя Николая Ивановича, урожденная княжна Мордкина, была жива и уже 15-й год жила в монастыре в Хотькове. И к ней в монастырь ездили князь с княгиней. И у нее застали они юродивого Васю. Вася полюбил княгиню, погладил ее по голове и велел ей молиться ангелу своему и тут же сказал:
20 «Будет сын, будет Вася, да не видать тебе его. А ты не тужи, Николашка увидит, да и то зажмурится, чтоб не видать. Тебе лучше будет, лучше. Молись ангелу».

Князь и княгиня часто потом поминали предсказанья юродивого. Оно все сбылось на радость их (и) на горе.

Через год после их богомолья княгиня родила сына Василья. Радость была. Князь Николай Иванович послал дары во все монастыри и у себя в вотчине заложил новый придел в храме во имя Василия Великого. Но предсказанье старца сбылось и не в этом одном. После рождения Василья княгиня родила еще 2-х сыновей:
30 Михаила и Александра, но когда любимому сыну Василью было еще только 10 лет, напала на детей воспа, меньшие оба умерли, и княгиня с того горя заболела и умерла. Остался князь Николай Иванович вдовцом с двумя дочерьми и сыном. И сам князь так много убивался и плакал, что и сам ослеп от слез. Одна радость ему была Васенька. И от Васеньки до сих пор кроме радости ничего не было. Мальчик был здоровый, веселый и так понятлив для ученья, что все на него удивлялись. Князь был стар (ему было тогда, в 776 году, за 60 лет). Он, хоть и слепой, управлял всей вотчиной так, что соседи учились у него.

Но сына надо было воспитывать, и он поехал на зиму в Москву
40 с своими детьми, мамками, няньками и учителями-французами и мадамами. В Москве у него был свой дом на Устретенке, и там он жил зиму, посылая сына в пансион. Служба же сынина шла своим чередом, и он уже был поручиком Преображенского полка. Сам

князь, хоть не много служил и чин имел не знатный, но родня у него была в силе, брат двоюродный Иван Романович был женат на Суворовой, а Суворов тогда забирал силу. Молодой князь был шаловлив и за женским полом рано стал бегать, но кроме радости от него до 16-ти лет князь Николай Иванович ничего не видел. 16-ти лет князь Василий Николаевич поехал с дядькой в Петербург, а князь Николай Иванович благословил его и уехал в деревню. В это же время он отдал замуж обеих дочерей. Одну — за Депрер(адовича), а другую — за графа Илью Толстого.

С той поры князь жил в деревне, продолжая копить имение и награждая сына и зятьев. И молить(ся) Богу, благодаря его за все полученные от него милости и надеясь на то, что горе, предсказанное юродивым, было смерть жены и детей и уже прошло; но оно не прошло, а только приближалось. 10

Князь Василий Николаевич жил в Петербурге у брата Алексея Ивановича, и тут началось горе, которого не знал еще отец, Василий Николаевич стал пить и играть.

〈ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО〉

I

Село Вяземское сидело по обе стороны реки Зуши вдоль по 20
большой дороге от Мценска к Ефремову. По сю сторону реки ко Мценску, на высокой горе, улицей, сидели княжеские 73 двора, в конце дворов стояла церковь и за церковью, к спуску к реке, сидели поповские и бобылей 8 дворов, да избушки княжеских дворовых. Внизу, влево от дороги, вверх по реке сажень на 50 была большая наливная мельница о 4 постава, княжеская же. За рекой на отлогом подъеме в гору были постоянные два двора и еще 22 двора княжеские вперемежку с дворами других помещиков.

8 дворов были Кузьминой барыни в середине зареченской слободы и ее самой барский дворик, да еще 2 двора были Пи- 30
сарева помещика, остальные на выезде 17 дворов были однодворцы и назывались Пашутинской слободой.

Барский княжеский двор и новые высокие хоромы стояли по сю сторону реки ото Мценска, сажень на сто вправо от дороги, насупротив церкви. Въезд на барский двор был против церкви. И прямо в заду двора стоял новый дом. На лево от него шли амбары и загибались на правую сторону. На левой стороне были конюшни, колясочные сараи, а спереди по обеим сторонам ворот были людские. Влево за двором был молодой сад яблочный.

Вправо на склоне горы была дорога, а за дорогой двory конный и скотный и закуты дворовых. Позади дома была роща дубовая. В роще была баня.

У этой-то бани на выкинутой из двери прелой соломе на 7-й день после родин молодого князя нашли подкинутого только что рожденного младенца.

Ребенка нашел ночной караульщик. Отстояв ночь у амбаров, он вышел со двора через рощу осмотреть замки у риги. И тут-то он нашел младенца.

Караульщик кликнул старосту.

– И есть младенец, – сказал староста, поразвернув биркой дерюжку.

– Вот чудо-то, и волосатый какой. Весь оброс, как гривой точно.

– Пойти баб скликать, – сказал староста. – Вот она зачем, подлая, приходила. – И староста пошел в черную избу, но по дороге встретил Акулину Ипатовну, земского жену, и сказал ей. Земщица позвала кухарку и пошла к бане.

Ребенок был не повитой и с местом, но был жив. Кроме старосты и караульщика и женщин столпилось вокруг ребенка народа много. Все судили, чей бы такой был ребенок. Одни говорили: дальний, чужой, другие говорили: здешний; староста угадывал, что зареченский. Он угадывал по дерюжке, говоря, что это заведение, дерюжки из оческов ткать, только у зареченских завелось и что на это самые пакостники эти однодворцы.

– Что же, бабы, возьмите что ли младенца-то. Надо прибрать, – говорил староста. – У вас у груди робята. Что ж, до времени. Князю тогда доложим.

– Вишь ловок, – закричала стоявшая подле ребенка земщица. У меня их своих четверо, а я бери в...¹ своей грудью корми. Ты бы вот свою бабу прислал.

– Так что ж, хоть ты, мать, на, возьми, – обратился староста к кухарке.

– Легко ли, возьми. Чего я с ним буду делать, – сказала кухарка.

Ребенок между тем мотал головкой, шевелил губками и вдруг закричал.

Земщица вдруг рассердилась на мужиков.

– Бога в вас нет, что мелете пустое. Эк, лясы распустили. Тоже окрестят, христианская душа будет.

¹ Отточие в автографе.

И она подошла к ребенку, взяла его *(нрзб)* и положила в подол и понесла домой.

Принеся домой, она положила его на печку и повила, потом достала чугунок с теплой водой, стростила воду, подложила на лавку соломки, вымыла мальчика, оправила ему пуповину и положила к груди.

У земщихи было своих 4 детей и двое маленьких и один грудной. Сама она была баба не молодая, и молока у нее в грудях мало было. Пока она подкидыша держала, закричал ее Мишка. Она положила подкидыша в шубу и пошла, достала на загнетке горшок 10
вчерашний с кашей, наскребла тупиком каши, принесла молока и, набрав в рот каши и молока, нажевала, изо рта накормила своего Мишутку, дала ему груди побаловаться и потом уложила в одну зыбку и подкидыша и Мишку и велела Аксютке качать, а сама, взяв коромысло и ведра, пошла за водой.

II

Князь Николай Иваныч, хотя и был князь из старого и знаменитого рода, не был ни богат, ни знатен и жил не пышно и не по-княжески, не так, как жили в его время князья, бывшие в силе при царях: Репнины, Долгорукие, Голицыны, Трубецкие. Семья 20
у старого князя Ивана Федоровича Горчакова была большая, их было всех 11 человек, и живых оста(лось) 4 брата и сестра. Когда они разделились, то каждому досталось немного. На долю Николая Иваныча досталось всего 70 душ. Большая часть того, что у него было теперь, было материно и женино. Всего-навсего у него было 300 душ. Знатен же он не был ни по отцу, ни по себе. Ни отец его Иван Федорович, ни дед Федор Васильич, живший при Петре, ни Василий Дмитрич, живший при Алексее Михайловиче, ни Дмитрий Петрович при Михаиле Федоровиче, ни Петр 30
Иваныч при Годунове не имели важных должностей при царях. А все больше отбывали от службы. Только и служил из них в последнее время князь Роман Федорыч, отец кума Ивана Романыча. Да теперь Иван Романыч был уже генерал и женатый на дочери генерала Василия Ивановича Суворова. Отец же князя Николая Иваныча, Иван Федорович, служил при Петре, но получил большую обиду и по нездоровью сержантом вышел в отставку. Так что знатность их рода все еще велась от отца Петра Ивановича, князя Козельского и Перемышльского, князя Ивана Федоровича, по прозвищу Горчак, жившего в царствование Иоанна IV, от которого 40
и пошел род Горчаковых. Но несмотря на то, что 7 поколений Горчаковых прошло с тех пор и ни один из них не приобрел

новой силы, знатности и богатства от царей, род их был так знатен и богат, и сами они, хотя и не служили помногу, так поддерживали женитьбами, воспитанием детей и хорошей жизнью свое положение, что до сих пор они еще не были захудалыми князьями, как многие другие. Князь Николай Иванович с своими братьями Алексеем, Петром, Павлом были именно в том положении, что они еле-еле могли поддерживать свое княжеское положение и от жизни их зависело совсем уронить себя и выключиться из числа князей, или возвыситься, или поддержаться так, чтобы и детей своих опять оставить в том же положении, в каком они и сами были, держаться на воде и не потонуть и иметь возможность подняться до высших степеней.

Для поддержания себя службой при дворе князь Николай Иванович ничего не сделал. Он сам был воспитан в озлоблении к царской и новой императорской власти.

Несмотря, однако, на отвращение старого богомольного князя к новым порядкам, он сам, еле знавший грамоте, учил старшего сына (остальные были на 6 лет моложе Николая и остались после отца сиротами), кроме русской грамоты, и немецкому, французскому языку и арифметике. Тогда это нужно было, потому что тогда всех недорослей с 7-летнего возраста водили на смотр и записывали. И все должны были учиться. Указа о том, что по желанию родителей один сын мог быть оставлен дома, еще не было. И потому князь Иван Федорыч обязался дома учить сына и дома учил его, а в 1745 году, в царствование Елисаветы, записал на службу. В бытность его на службе в Ин(германландском) полку князь Иван Федорыч умер. Несмотря на все хлопоты матери, нельзя было в те времена отбыть от службы, и князь Николай Иванович прослужил 7 лет в полку, был с Минихом в 1739 году в походе в Турцию и дослужился до поручицкого чина.

В 1740 (году) он вышел в отставку и приехал к матушке в Каширскую деревню. Тут он женился в 745 (году) (на) 14-летней девице Ртищевой и стал жить в деревне, сначала в Каширской, управляя братниными делами, а потом, когда братья выросли, кроме меньшего Павла, и поступили на службу, он разделился с братьями, отдав им родовое Каширское имение, и переехал в Чернскую деревню материну, доставшуюся ему.

Теперь, когда у него родился 1-й сын, он жил уже шестой год в этой деревне и приводил в порядок заброшенные без хозяина материну деревню и женины вотчины, бывшие в том же околке. Чин у него в отставке был поручицкий, имение было небольшое, так что и он был в том же положении, как его отец, т.е. только-только ему не стыдно было быть князем, а пышности и знатно-

сти княжеской не было. Но все-таки положение было такое, такое имение, такие средства и такое воспитание, и такие связи, что детям его была открыта дорога на высшие степени. И теперь, хотя сам князь наследовал это от отца – имел отвращение к придворной жизни, он для теперь только рожденного желанного Васютки загадывал невесть какие чины и звания и богатства.

Князь Николай Иваныч воспитан был в старинном богомольном доме родительском, где каждый день у них в доме бывали службы, но сам, отдавая дань времени, не был уже так богомолен, как его родители. Церковь Божию он не забывал, сам даже от небольшого своего достатка стал строить в Вяземском новый храм каменный и был страннолюбив, так что у него, как заведено было матушкой всех странных принимать, и по воскресеньям и праздникам бывали обеды для нищих, и в монастыри, не только в тот, куда постриглась его матушка, он посылал дары, но и в другие, ближние в околodge: в Никольский, в Оптин, в Мценский Духов; но он, хоть и молод был, ему был 37 год, вел жизнь строгую и распутства не любил. И сам ему не предавался, и в своих подвластных за это строго взыскивал. Больше всего любил он свое Вяземское, которое он осаживал и обстроивал уже 8-ой год. Любил он тоже гостей угощать и, грешен был, любил с добрыми 10
приятелями выпить иногда лишнее и пошутить. Но его не столько почитали за его хорошую жизнь, сколько любили за его доброту и веселый обходительный нрав. Особенно когда он, бывало, выпьет, то жена его, княгиня, уже караулит его, а то он так раздробится, что никому уже ни в чем отказа от него не бывало.

Собою князь был мужчина хоть и не очень видный, но приятный. Он был росту 6 вершков, статный и ловкий в движениях, но не тучный, живота у него совсем не было, хотя ему шел уже 5-й десяток. Лицо было белое, нежное, с румянцем, который выступал на щеки и кончик носа после обеда. Глаза были большие, голубые, мягкие, добрые и часто смеющиеся. Руки у него были особенно хороши, сильные, складные, и на концах ладоней под мизинцем была ярко-красная накладка, точно пастила розовая. Такие руки были у всех Горчаковых. 30

Жена князя Анна...¹ была боярыня толстая, белая, румяная, чернобровая, с усиками на краях губ, горячая, быстрая, хлопотунья и щеголиха. Вскипит, разбранит, прибьет даже, и тотчас забыла и не попомнит. Гнев у нее был отходчив. Бабенка она не злая, говорила про нее свекровь, но Николушке далеко не пара. Все- 40
таки он ее любит, и слава Богу. Сама свекровь была женщина ста-

¹ Отточие в автографе.

рая и старого веку, и женщина строгая. Она уже давно собиралась в монастырь и живала подолгу в Белевском монастыре, куда она и вклады большие дала и теперь собиралась совсем постричься. Последний сын Павлуша поступал на службу, и Бог дал внучка — она только этого и ждала. Она уже 30 лет ходила в черном и вела жизнь монашескую, была худая, строгая; редко говорила и никогда не смеялась. Кроме нее и ее попа и старуш(ки), жили в доме Павел с учителем, старичок у князя и две сиротки.

II¹

10 От кума Николая Петровича Шеншина, воеводы Мценского, вернулся посланный с известием, что Николай Петрович приедет утром, и князь Николай Иваныч о куме успокоился, но ⟨о⟩ куме — княгине Анне Васильевне с мужем все еще не было известия.

⟨ПЯТОЕ НАЧАЛО⟩

ТРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ

Возьмите иго мое на себе и научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем.

Матвея 11 г. 29 стих.

20

Глава 1-я

Родится молодой князь, и в то же время
родится ему слуга

Князь Николай Иванович Горчаков был старший сын князя Ивана Федоровича, сына князя Федора Васильевича, сына Василья Дмитриева, сына Дмитрия Петровича, сына Петра Ивановича, сына Ивана Федоровича князя Перемышльского, по прозванию Горчак, и был старший в роде древнего и знаменитого рода князей Горчаковых Черниговских. Князь Николай Иванович родился в 1731 году. В царствование императрицы Елисаветы Петровны он
30 был записан в Преображенский полк. Но, не имея охоты к службе, он по смерти своего родителя в 1754 году вышел в отставку секунд-майором, разделился с братьями, женился и переехал из Петербурха в доставшуюся ему по разделу с братьями вотчину —

¹ Так в автографе, следует: III.

село Вяземское в Московской губернии в 350 верстах от Москвы. Мать князя, вдова Ивана Федоровича, урожденная княжна Мордкина, поселилась на житье у любимого старшего сына Николая. Но после того, как она женила меньших сыновей своих, братьев Николая, Петра и Павла, она разделила и свое имение между сыновьями, оставив себе малую часть для пожертвований в монастырь, в который она желала вступить, она исполнила давнишнее свое желание и постриглась в инокини в монастырь под именем матери Амфилогии.

«Тебе, Николушка, меня не нужно теперь, – говорила она 10 сыну. – Живи, как при мне жил, не забывай Бога, и Бог тебя не оставит. А я за тебя буду Богу молиться, и благословенье мое всегда будет над тобой и над женошкой твоей, и она добрая. Молода, горяча, но она баба добрая, ты ее наставляй и учи. А когда, Бог даст, дети будут, то я крестить буду старшего мальчика, и вот тебе вотчина моя Неручи на зубок старшему сыну. А монастырь уж ты не забывай и мне, и игуменье, и сестрам помогай, и Бог тебя не оставит». И так старая княгиня еще не в старых годах, 45 лет, простилась с сыном и уехала в монастырь с одной вдовой да двумя крепостными девками. 20

Жизнь князя Николая Ивановича была спокойная и счастливая. Зимы он жил в Москве в своем доме на Устретенке, а летом ворочался в свое село Вяземское. Княгиня была женщина здоровая, добрая, имение у них было достаточное. Родные братья и двоюродные любили и уважали старшего в роду князя и съезжались к нему гостить по праздникам и в Москве и в деревне, и сам он не забывал приказа матушки, был усерден к храму Божию, построил церковь у себя в отчине, принимал странных и не забывал монастыри. К матушке в монастырь каждую осень посылал обозы и сам с женою два раза в году ездил. 30

Перемена царствования, смерть Елисаветы Петровны и восшествие на престол Петра III и потом Екатерины прошло для них незаметно. От царей милостей они не получали и не ждали. И из родни их был в случае тогда один князь Иван Романович, двоюродный Николая Ивановича, женатый на Суворовой. Одно только было горе князя с княгиней, Бог не давал им наследника. На другой год женитьбы дал им Бог сына, но ребенок умер, потом родилась дочь. Потом опрокинули княгиню в карете, спуская с Мценской горы. Она выкинула и долго после болела, и казалось, что их желанья не могли уже исполниться. Но они не отчаивались 40 и продолжали и сами молиться о том Богу, и посылать богатые милостыни в монастыри, прося монахов и монахинь замолить о них Бога. И Бог исполнил их молитву.

Мать Амфилогия рассказывала, что это прямо была милость Божия по молитвам святого юродивого Кирилушки, который и замолил Бога за них и прямо предсказал не только рождение сына, но и судьбу его и его родителей. Мать Амфилогия, скончавшаяся схимницею уже в 1813 году, 105 лет от рождения, и пережившая не только сыновей, но внуков и правнуков, видевшая на своих глазах совершившуюся судьбу того внука, которого она вымаливала у Бога, ясно поняла потом, когда уже свершилось, значение слов юродивого, но для князя Николая Ивановича и княгини предсказание это было темно.

Это было Великим постом в монастыре в келии у матери Амфилогии. Князь с княгиней по обещанию своему пришли из своей вотчины пешие в монастырь и, несмотря на то что у княгини все ноги были в крови, всю дорогу не сажались в едущую сзади карету. После молебна угоднику они переехали в Хотьков, и, отслушав обедню и отслужив еще молебны родителям преподобного, они вошли в келию к матушке и сидели за чаем, когда в келию вошел босой в одной рубахе Кирилушка с можжевельниковыми ветками в руках. Он всегда ходил летом с цветами, зимой – с ветками. Увидав князя с княгиней, он пошел за перегородку, где стоял кувшин с водой. Помочил ветки и попрыскал и мужа и жену. «Полюбил вас, слава Богу, – сказала шепотом княгиня-монахиня. – Только кого полюбит – брызгает».

– Вот, Кирилушка, Бог не дает им сына, – сказала инокиня юродивому, – помолись за них.

– Не тужи, старуха-волнуха, – заговорил юродивый. – Николашке сын Вася. У Аннушки Вася. У меня внучек. Не тужи, деушка, – обратился он к молодой княгине, глядя ее веткой по голове, – свекровь не обижай, а сын будет Васюточка, маленькой, маленькой, – заговорил, все утончая и утончая голос, – а потом большой, большой, большой станет. – И он все грубее и грубее делал голос. – Только не видать тебе его близко. Далеко, далеко. Вот Николашка увидит. Увидит, да зажмурится. Вот так.

Он сам зажмурился. Но, открыв один глаз и увидав, что князь Николай Иванович не зажмурился, вдруг рассердился и, сняв с себя шапку кожаную, послушническую, надвинул на князя так, чтобы закрыть ему глаза.

– Маленькой, маленькой. Большой, большой.

И точно, через полтора (года) княгиня родила сына, крупного, здорового мальчика с большими волосами и с двумя макушками. И родился мальчик в рубашечке. Много было на этой радости послано даров монастырям и заложен в селе Вяземском в память этого храм святителю Николаю с приделом во имя Василья. При-

помятая слова юродивого, мальчика назвали Васильем, и крестили его дядя князь Алексей Иванович и бабушка мать Амфилогия, в последний раз для этого случая выехавшая из своего монастыря.

На крестины в мае месяце съехались родные князя и княгини. Хотя новый дом, построенный князем, уже вчерне был готов, съезд был такой, что все гости не могли поместиться в домах и конторе, и для князя Павла Ивановича была разбита турецкая палатка недалеко от дома подле рощи.

В то самое время как гости, съехавшиеся на крестины, еще пировали у князя, в одну ночь к палатке, в которой жил князь 10 Павел Иванович, ночью подкинули младенца. Калмык, живший в прислугах у князя и чесавший ему голову, услышал у двери в балаган, что что-то шуршит, и, тихо оставив засыпавшего князя, вышел посмотреть. Кто-то босыми ногами побежал по дороге к лесу. Калмык хотел уж назад вернуться. Вдруг запищало что-то у него под ногами. Глядь, младенец. Калмык взял мальчика, хотел внести его в балаган, да вспомнил, что князь чуток на сон и сердит, коли разбудят его, да раздумал и, разбудив казачка, велел ему князю голову чесать, а сам понес мальчика в земскую избу и, разбудив земского, показал ему и рассказал, как было дело. Зем- 20 ский позвал караульщика, старосту, и стали судить, чей бы бы(л) ребенок и как князю сказать, как бы беды не было.

Ни креста на ребенке не было и ни рубашонки, ничего, и пуповина, видно, недавно откушена и завязана ниченкой из рубашки. Мужики судили, чей бы такой был ребенок, староста говорил, что по дерюжке – не с их стороны, а с зареченской, из Пашутина должен быть, потому что только там пошло это новое заведение ткать дерюжки из оческов, [а у них нету. (Пашутина была вольная деревня за рекой)]. Земский говорил, что надо завтра к бабке 30 сходить, она узнает чей. Калмык рассказывал, как он чуть не наступил на мальчика. А между тем ребенок лежал на коннике, куда его положил калмык, и, разметавшись в дерюжке, громко стал кричать. Земщица, из-за перегородки давно уже слышавшая их разговор, закричала оттуда на них.

– Бога в вас нет! – закричала она вдруг. – Что ребеночка-то бросили? Завтра разберетесь, а теперь надо его покормить. – И она, накинув шубенку, вошла в горницу и унесла к себе ребенка, а мужа послала за молоком.

У земщицы детей не было, ребеночек был здоровый, хороший. Она положила его на кровать. Достала чугунок с теплой во- 40 дой. Стростила воду в корыте, вымыла ребенка, обернула его в старую рубашу, наскребла каши тупиком в горшке и стала жевать эту кашу с молоком и изо рта кормить ребенка.

Наутро, прежде еще (чем) встал князь, староста с земским и приказчиком пошли к бабке, и бабка на воде отгадала им, что ребенок пашутинский и что родила его девка Арина, Федота Фоканова дочь. Земский с приказчиком пришли в волостную избу и послали за Федотом. Федот был мужик не молодой, у него уже было два сына женатых, и жил он хорошо. Девка его, Аришка, была первая плясунья и хороводница по деревне, и старик про нее ничего не знал. Знал только, что она вчера дома не ночевала. А с подругами вместе лен мяли на мельнице.

10 – Пакости у меня такой в доме не бывало, у меня и снохи со двора не ходят, а как на улицу без спроса пойдут, так я их в яму сажаю, а дочь и того строже матери учить приказываю. Если же правда, я ее, суку, до смерти запорю.

Когда привели девку, то по лицу сейчас видно было, что она виновата. Она вся осунулась и стала такая, что краше в гроб кладут. Когда стали девку спрашивать, она недолго отпиралась и скоро созналась. Рассказала все девка так:] «Пошла я с девками на толчею и почувяла к вечеру, что мне родить. Я пошла с девками домой, отошла от мельницы и тут у дяди Егора в овине и родила.
20 Я и сама не знала, что со мной. Только глянула на него, он ворочается. Я хотела его задушить, совсем уж было села на него, да он закричал. Мне его жалко стало, я его и повила. Потом думаю, что мне с ним делать, пропала моя головушка. Думаю себе, убегу от него, и побежала прочь ко двору. И далеко отошла, и все слышу, он кричит, как ярочка плачет. Отбегу, отбегу, уши заткну, а он все кричит. И до двора добежала задами, а все его слышу. Опрокинулась я назад бежать, прибегла к овину, а он лежит, не шевелится и не пикнет. Схватила я его, завернула в дерюжку, в которой лен приносила, и побегла сама не знаю куда. Уже смерклось, только слышу, вода на заставках шумит. Прибегла я к воде. А он тут
30 глянет на меня, как захохочет: кидай, говорит, сюда ко мне. Я испугалась, и ну бежать. Бежала сама не помню куда и прибегла к барскому двору. Оглянулась, а он тут. Я в лес, тут у бани бросила и побегла домой».

Все это она рассказала, а про прежнее ничего не сказала. Только и говорила, что «не знаю», «не помню». И только просила делать с ней, что хотят, а не погубить ребеночка.

– Научилась тоже, – сказал князь. – Ну, а чей, призналась?

Все рассказал пашутинский Федотка, Корчагина Ивана сын.
40 Он у Скурятихи бондарничал.

Князь покачал головой.

Князь Николай Иванович очень огорчился, узнав о пакостном деле, и хотел скрыть его от домашних. Но на княгининой поло-

вине всё уже узнали. Старушка княгиня сказала сыну и невестке, что мальчишку этого, может, на счастье подкинули, что его отдавать не надо, а записать за собой, что он, может быть, слугой будет ее крестнику, а что только надо грех приккрыть.

Князь так и сделал по совету матери, он позвал из-за реки Федота, выговорил ему за то, что слабо смотрит за девками, и сказал, что мальчика он возьмет себе, а девку выкупит у Скурятыхи и выдаст за малого. И он тотчас же послал Прохора к Пулхерии Ивановне торговать девку и к однодворцу, чтобы он пришел к нему.

10

Глава 2-я

Как Васька обидел молодого князя и как Ваську сослали к матери

После Михайлы родился у князя еще сын Василий, потом Александр и еще две дочери – Пелагея и Наталья. Когда пришло время учиться, приставили к князю Михайле молодого попа Евграфа и, чтобы не скучно было ему одному учиться, с ним вместе посадили учиться земчихина приемыша, и Ваську, и воспитывавшихся у князя двух сирот родных. Васенька отличался от всех детей остротой к учению. Поп Евграф дивился на него и говорил, что ему учение слишком легко дается. Он прошел в год Часослов и Псалтырь и 9 лет читал так хорошо своим тонким нежным голосом, что все заслушивались его. И мамка его Анна Ивановна всегда садилась его слушать и плакала. На службах церковных, которые, кроме обедни, каждый день служили в доме князя, он, заметив, что родитель его подпевал, стал также подпевать, и голос у него был нежный и приятный. Васька тоже учился хорошо. И его из товарищей больше всех любил молодой князь Василий.

20

Девяти лет Васеньку возили к бабушке, и ему очень полюбились у нее. Полюбилась ему тишина, чистота кельи, доброта и ласка бабушки и добрых старушек монахинь и великолепие служб. Тишину движений монахинь, выходивших с клироса и становившихся полукругом, их поклоны игуменье и их стройное пение. Бабушка же и Гавриловна, ее послушница, и другие монахини полюбили мальчика, так что не могли нарадоваться на него. Бабушка не отпускала от себя внука, и по зимам маленький князек больше жил в монастыре, чем дома. Монахини и учили его. Княгиня-мать боялась того, чего желала бабушка, чтобы мальчик не слишком полюбил эту жизнь и не пожелал, войдя в возраст, уйти от мира в монашество.

30

40

ДЕКАБРИСТЫ

ВАРИАНТЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

I

Спорное дело «о завлажении Пензенской губернии Краснослободского уезда помещиком отставным гвардии поручиком Иваном Апыхтиным 4000 десятин земли у соседних казенных крестьян села Излегощи» было в первой инстанции, уездном суде, по ходатайству выборного от крестьян Ивана Миронова решено в пользу крестьян, и огромная дача земли, частью под лесами, частью же
10 под пашнями, расчищенными крепостными Апыхтина, поступила в 1815 году во владение крестьян, и крестьяне в 1816 году посеяли эту землю и сняли с нее урожай. Выигрыш этого неправильного дела крестьянами удивил всех соседей и даже самих крестьян. Этот успех крестьян объяснялся только тем, что Иван Петрович Апыхтин, человек самый кроткий, смирный и не охотник судиться, в этом деле уверенный в своей правоте, не принял никаких мер против действий крестьян. Иван же Миронов, поверенный крестьян, по ремеслу горшечник, сухой, горбоносый грамотный мужик, бывший и головою и ходивший сборщиком пода-
20 тей, собрав с мужиков по 50 копеек с души, умно распределил эти деньги подарками и ловко вел все дело. Но тотчас же после решения уездного суда Апыхтин, увидав опасность, дал доверенность ловкому дельцу, вольноотпущенному Илье Митрофанову, подал апелляцию в Палату на решение уездного суда. Илья Митрофанов так ловко вел дело, что, несмотря на все происки поверенного крестьян Ивана Миронова, несмотря на значительные денежные подарки из собранной с крестьян по 50 копеек с души суммы, розданные им членам Палаты, дело в губернии было перерешено в пользу помещика и земля вновь должна была отойти от крестьян,
30 о чем поверенному их и было объявлено. Поверенный Иван Миронов объявил на сходке крестьянам, что губернские господа по-

тянули руку помещика и дело «всё спутали», так что землю опять хотят отобрать; но что дело помещика не выгорит, потому что у него уж прошение в Сенат написано и есть такой человек, который обещал верно в Сенате все дело исправить, и что тогда уж землю навсегда закрепят за мужиками; только бы они теперь собрали еще по рублю с души. Крестьяне решили деньги собрать и опять приказать все дело Ивану Миронову. Собрав деньги, Мионов уехал в Петербург.

Когда в 1817 году на Страстной – она приходилась поздно – пришло время пахать, излегощинские мужики на сходке стали 10 толковать: пахать ли им в нынешнем году спорную землю, и, несмотря на то, что к ним постом еще приезжал от Апыхтина приказчик с приказом не пахать земли и сходитья с князем по согласию об посеянной ржи в бывшей спорной, а теперь апыхтинской земле, мужики именно потому, что у них было посеяно в спорной земле озимое и что Апыхтин о нем хотел, не желая их обидеть, с ними полюбовно сходитья, решили спорную землю пахать и захватывать прежде всякой другой земли.

В самый тот день, как мужики выехали пахать на Берестовскую дачу, в Чистый четверг, Иван Петрович Апыхтин, говевший 20 на Страстной неделе, поехал рано утром в церковь села Излегощи, куда он был прихожанин, и там, ничего не зная об этом, дружелюбно беседовал с старостой церковным. Иван Петрович исповедовался с вечера и дома слушал всенощною; поутру сам прочел правила и в 8 часов выехал из дому. К обедне его ждали. Стоя в алтаре, где он обыкновенно стаивал, Иван Петрович более размышлял, чем молился, и был за то недоволен собою. Он, как и многие люди того времени, да и всех времен, чувствовал себя в неясности относительно веры. Ему было уже за 50 лет, он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения 30 раз в году; он, говоря с своей единственной дочерью, наставлял ее в правилах веры; но если бы у него спросили, точно ли он верит, он бы не знал, что ответить. И в особенности нынче он чувствовал себя размягченным и, стоя в алтаре, вместо того чтобы молиться, думал о том, как странно все устроено на свете: вот он уже почти старик, говеет, может быть, сороковой раз в жизни, и вот он знает, что все и домашние его, и все вот в церкви, все смотрят на него как на образец, берут пример с него, и он чувствует себя обязанным показывать этот пример в отношении религии, а он сам ничего не знает, и вот-вот ему уж умирать придется, а, хоть убей его, 40 он не знает, правда ли то, в чем он другим показывает пример. И странно ему и то было, как все считают – он это видел, – что старые люди тверды и знают, что нужно и что не нужно (так он

всегда думал о стариках), а вот он и стар и решительно не знает и так же легкомыслен, как он был двадцати лет; но только прежде он не скрывал, а теперь скрывает это. Как в детстве ему приходило в голову во время службы запеть петухом, так и теперь ему такие же глупости забегают в голову, а он, старик, степенно склоняется к земле, прикасаясь старыми косточками руки к плитам пола, и отец Василий видимо робеет служить при нем и возбуждаем к усердию его усердием. «А если бы они знали, какие глупости у меня в голове бродят? Но грех, грех; надо молиться», – сказал он себе, когда началась служба, и, вслушиваясь в смысл эктении, стал молиться. И действительно, скоро он перенесся чувством в молитву и стал вспоминать свои грехи и все, в чем он каялся.

Благовидный старик, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь, поклонился ему низко, встряхнул волосами и прошел за алтарь ставить свечи. Это был церковный староста Иван Федотов, один из лучших мужиков села Излегощи. Иван Петрович знал его. Вид этого строгого твердого лица навел Ивана Петровича на новый ход мыслей. Это был один из тех мужиков, которые хотели отнять у него землю, и один из лучших, один из редких богатых семейных хлебоsevцев, которым нужна была земля, которые умели с ней управиться, и было чем. Его строгий вид, его степенный поклон, его равномерная походка, аккуратность его одежды – онучи, точно чулки, облипали его ноги и оборочки симметрично скрещивались как на той, так и на другой ноге, – весь его вид как будто выражал укор, враждебность за землю.

«Да, вот я просил прощенья у жены, у Маши (дочери), у няни и у Володи-камердинера, а вот у кого надо бы просить прощенья и простить их», – подумал Иван Петрович и решил попросить прощенья у Ивана Федотова после заутрени.

Так он и сделал.

В церкви было мало народа. Народ весь по обычаю отговел на первой и на четвертой неделе. Теперь же было только человек десять мужиков и баб, не успевших отговорить раньше, несколько старушек мужицких, причетников и дворовых апыхтинских и богатых соседей Чернышевых. Была тут старушка, родственница Чернышевых, жившая у них, и дьяконица вдова, та самая, сына которой Чернышевы, по своей доброте, воспитали и вывели в люди, и который служил теперь чиновником в Сенате. Между заутреней и обедней народу в церкви осталось еще меньше. Мужики и бабы вышли наружу. Оставались обе салопницы, сидя в уголку

беседовавшие между собою и поглядывавшие на Ивана Петровича с видимым желанием поздороваться с ним и поговорить, и два лакея: его лакей в ливрее и чернышевский лакей, приехавший с старушкой. Эти оба тоже о чем-то оживленно шептались, в то время как Иван Петрович выходил из алтаря, и тотчас же, увидав его, почтительно замолкли. Еще была женщина в высокой кичке с бисерными наличниками и белой шубе, в которой она, закрывая кричавшего больного ребенка, старалась успокоить его; и еще сгорбленная старуха, тоже в кичке, но с шерстяными наличниками и белым платком, завязанным по-старушечьи, и в сером чу- 10
пруне с петушками на спине, которая, стоя на коленях посредине церкви и обращаясь к старому образу между решетчатых окон, на котором висело с красными концами новое полотенце, молилась так усердно, торжественно и страстно, что нельзя было не обратиться на нее внимания. Не подходя еще к старосте, который, стоя у шкапчика, переминал остатки свеч в комок воска, Иван Петрович остановился посмотреть на эту молящуюся старуху. Старуха молилась очень хорошо. Она стояла на коленях так прямо, как только можно было стоять прямо по направлению к образу, все члены ее были математически симметричны, ноги сзади упирались носка- 20
ми лаптей в каменный пол под одним и тем же углом, тело было загнуто назад, насколько позволял горб спины, руки совершенно правильно сложены под животом, голова закинута назад, и лицо с выражением стыдливой жалостливости, сморщенное, с тусклым взглядом, прямо обращено к иконе с полотенцем. Постояв неподвижно в таком положении минуту или меньше, но какое-то твердо определенное время, она, тяжело вздыхая, отнимала правую руку, с размахом заносила ее выше кички, дотрогивалась сложенными перстами до темени и так же широко клала крест на живот и на плечи, и, размахиваясь назад, опускалась головой на правильно поло- 30
женные на землю руки, и опять поднималась и опять делала то же.

«Вот молится, – подумал, глядя на нее, Иван Петрович, – не так, как мы, грешные; вот вера, хоть я и знаю, что она молится на свой образок, или на свое полотенце, или свой убор на образе, как и все они. Но хорошо. Ну что ж? – сказал он сам себе, – у каждого своя вера: она молится на образок, а я вот считаю нужным попросить прощенья у мужика».

И он направился к старосте, невольно оглядывая церковь, чтобы знать, кто увидит его предполагаемый поступок, в одно и то же время нравившийся ему и стыдивший его. Ему неприятно 40
было, что старушки, салопницы, как он называл их, увидят, но более всего неприятно было, что увидит Мишка, его лакей. В присутствии Мишки – он знал его бойкий, шутовской ум – он даже

чувствовал, что не в силах будет подойти к Ивану Федотову. И он поманил к себе пальцем Мишку.

– Что прикажете?

– Поди, пожалуйста, брат, принеси мне еще коврик из коляски, а то сыро ногам.

– Слушаю-с.

И когда Мишка ушел, Иван Петрович тотчас же подошел к Ивану Федотову. Иван Федотов заробел, как точно виноватый, при приближении барина. Робость и торопливость движений составляли странное противуречие с его строгим лицом и кудрявыми стальными волосами и бородой.

– Свечу прикажете десятикопеечную? – заговорил он, поднимая конторку и вскидывая только изредка своими большими прекрасными глазами на барина.

– Нет, мне не свеча, Иван. А я прошу тебя простить меня ради Христа, если я вас чем обидел. Простите ради Христа, – повторил Иван Петрович и низко поклонился.

Иван Федотов совсем заробел, заторопился, но, наконец поняв, усмехнулся нежной улыбкой.

– Бог простит, – сказал он. – Обиды, кажется, от тебя не видали. Бог простит. Обиды не видали, – поспешно повторил он.

– Все-таки...

– Бог простит, Иван Петрович. Так десятикопеечных две?

– Да, две.

– Вот ангел, точно что ангел. У мужика подлого и то прощения просит. О, Господи! право, ангелы, – заговорила дьяконица в черном старом капоте и черном платке. – И точно, что мы понимать должны.

– А, Парамоновна! – обратился к ней Иван Петрович. – Что? или говеешь тоже? Прости тоже Христа ради.

– Бог простит, батюшка, ангел ты мой, благодетель ты мой милостливый; дай ручку поцеловать.

– Ну, полно, полно; ты знаешь, я не люблю... – сказал Иван Петрович, улыбаясь, и пошел в алтарь.

Обедня, как и обыкновенно служилось в излегощинском приходе, отошла скоро, тем более что причастников было мало. В то время как после «Отче наш» Царские двери закрылись, Иван Петрович выглянул в северные двери, чтобы кликнуть Мишку снять шубу. Увидав его движение, священник сердито мигнул дьякону, дьякон выбежал почти, вызывая лакея Михаила. Иван Петрович был в довольно хорошем расположении духа, но эти услужливость

144
Степана пригласил на по-
ставилась впереди, на дубе
Калина ушла се в горы
Чернышев, она сарма,
до старуха счастъ венъ
Страханъ промисляетъ
и таски охъ кажутъ те
лавочка нахисать про
мелк. Ф. Демид
2.
Встава въ туринъ и
вглаго в приподавшимъ
святотелеса, старуха, сату
дранъ втуделавая врану, пр
Киси въ влору Чернышев
Давъ въ туринъ на врану
и от врану, прити туринъ до врану врану врану врану
врану врану, да врану, врану врану врану врану

Handwritten notes in the right margin:
Степана пригласил на по-
ставилась впереди, на дубе
Калина ушла се в горы
Чернышев, она сарма,
до старуха счастъ венъ
Страханъ промисляетъ
и таски охъ кажутъ те
лавочка нахисать про
мелк. Ф. Демид
2.
Встава въ туринъ и
вглаго в приподавшимъ
святотелеса, старуха, сату
дранъ втуделавая врану, пр
Киси въ влору Чернышев
Давъ въ туринъ на врану
и от врану, прити туринъ до врану врану врану врану
врану врану, да врану, врану врану врану врану

«ДЕКАБРИСТЫ. ВАРИАНТЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ»
Страница рукописи

и выражение уважения от священника, служившего обедню, опять расстроили его; тонкие, изогнутые бритые губы его изогнулись еще больше, и добрые глаза засветились насмешкой. «Точно я генерал его», – подумал он, и тотчас же вспомнились ему слова немца-гувернера, которого он раз привел с собою в алтарь смотреть русскую службу; как этот немец насмешил его и рассердил жену, сказав: «Der Pop war ganz böse, das ich ihm alles nachgesehen hatte»¹. Вспомнилось и то, как молодой турок отвечал, что Бога нет, потому что он съел последний кусок. «А я причащаюсь», – подумал он и, нахмурившись, положил поклон. И, сняв медвежью шубу, в одном синем фраке с светлыми пуговицами и белом высоком галстухе и жилете и узких панталонах на сапогах без каблуков, с острыми носками, пошел своей тихой, скромной и легкой походкой прикладываться к местным образам. И опять и тут он встречал ту же угодливость других причастников, уступавших ему место.

«Как будто говорят: “après vous, s’il en reste”², – думал он, боком делая земные поклоны с той неловкостью, которая происходила оттого, что надо было найти ту середину, при которой не было бы неуваженья и не было бы ханжества. Наконец двери отворились. Он прочел за священником молитву, повторяя «яко разбойника», ему завесили галстух воздухом, и он принял причастие и теплоту в древнем ковшичке, положив новые двугривенные на древние тарелочки, отслушал последние молитвы, приложился к кресту и, надев шубу, пошел из церкви, принимая поздравления и испытывая приятное чувство окончания. Выходя из церкви, он опять столкнулся с Иваном Федотовым.

– Спасибо, спасибо, – отвечал он на поздравления. – Что ж, скоро пахать. Пашете?

– Ребята поехали, поехали ребята, – отвечал Иван Федотов, еще более, чем обыкновенно, заробев. Он предполагал, что Иван Петрович знал, куда поехали пахать излегощинские. – Пожалуй, сыро. Сыро, пожалуй. Время еще рано. Рано еще время.

Иван Петрович зашел к памятнику отца и матери, поклонился и, посаженный, сел в коляску.

«Ну, слава Богу», – сказал он себе, покачиваясь на мягких круглых рессорах и глядя на весеннее небо с расходившимися облаками, на обнаженную землю и белые пятна нестаявшего снега и на туго закрученный хвост пристяжной и вдыхая весенний свежий воздух, особенно приятный после воздуха церкви.

«И слава Богу, что причастился, и слава Богу, что можно табачку понюхать». И он достал табакерку и долго держал табак

¹ «Поп был очень зол на то, что я все наблюдал за ним» (нем.).

² «после вас, если останется» (фр.).

в шепоти, улыбаясь, и этой рукой, не распуская шепоть, приподнимая шапку в ответ на низкие поклоны народа, в особенности баб, мывших столы и лавки перед дверьми, в то время как коляска большой рысью крупного шестерика шлюпала и погромыхивала по грязи улицы села Излегощи.

Иван Петрович продержал шепоть с табаком, предвкушая удовольствие нюханья, не только вдоль всего села, но и до выезда, до дурного моста под горой, на который, видимо, не без заботы спускал кучер; он подобрал вожжи, уселся лучше и крикнул на форейтора держать на ледок. Когда объехали мост мимо, логом, и выехали из проломившегося льда и грязи, Иван Петрович, глядя на двух чибисов, поднявшихся в логу, понюхал и, почувствовав свежесть, надел перчатку, закутался, утопил подбородок в высокий галстух и сказал себе почти вслух «славно», что он тайно от всех сам себе говорит, когда ему было хорошо.

В ночь выпал снежок, и когда Иван Петрович ехал еще в церковь, снег не сошел, но был мягок; теперь, хотя солнца все не было, снег уж весь съело сыростью и по большой дороге, по которой надо было ехать три версты до поворота в Чириково, только по прошлогодней травке, параллельно росшей по проезженным колеям, белелся снежок; по черной же дороге лошади шлепали по липкой грязи. Но добрым, своего завода, кормленным, крупным лошадям нипочем было влачить коляску, и она точно сама катилась и по травке, где оставляла черные следы, и по грязи, нисколько не задерживаясь. Иван Петрович приятно думал; он думал о доме, о жене и дочери. «Маша встретит на крыльце, и с восторгом. Она будет видеть во мне такую святость. Странная, милая девочка; только очень уж она все к сердцу принимает. И роль важности и знания всего того, что делается на этом свете, которую я должен играть перед нею, уж очень становится для меня серьезна и смешна. Если бы она знала, что я ее боюсь, – подумал, улыбаясь, он. – Ну, Катя (жена) нынче верно будет в духе, нарочно будет в духе, и день будет хороший. Не так, как на прошлой неделе из-за прошкинских баб. Удивительное существо. И как я боюсь ее. Ну, что ж делать, она сама не рада». И он вспомнил знаменитый анекдот о теленке: как помещик, поссорившись с женою, сел у окна и увидел скачущего теленка: «Женил бы тебя!» – сказал помещик; и опять улыбнулся, по своей привычке всякое затруднение, недоразумение разрешая шуткой, большею частью относившеюся к нему самому.

На третьей версте у часовни форейтор взял влево на проселок и кучер крикнул на него за то, что так круто поворотил, что коренных толкнуло дышлом; и коляска покатила почти всю дорогу

под гору. Не доезжая дома, фореитор оглянулся на кучера и что-то указал; кучер оглянулся на лакея и указал. И все они поглядывали в одну сторону.

– Что вы смотрите? – спросил Иван Петрович.

– Гуси, – сказал Михайла.

– Где?

Как ни шурился, он ничего не видел.

– Да вот они. Вон лес, а там тучка, так в промежку извольте смотреть.

10 Иван Петрович ничего не видел.

– Да уж пора. Нынче, как бишь... неделю не доездят до Благовещения.

– Так точно.

– Ну, пошел!

У ложка Мишка слез с запяток и ошупал дорогу, опять влез, и коляска благополучно въехала на плотину пруда в саду, поднялась по аллее, проехала погреб, прачечную, с которой капала вода по всем швам, и ловко подкатила и стала у крыльца. Со двора только что отъезжала бричка Чернышевых. Из дома тотчас же выскочили люди: мрачный старик Данилыч с бакенбардами, и Николай, 20 брат Михайлы, и мальчик Павлушка, и за ними девочка с черными большими глазами и красными, голыми выше локтя руками и такую же голою шеей.

– Марья Ивановна, Марья Ивановна! Куда вы? Вот мамашу обеспокоите. Успеете, – говорил сзади голос толстой Катерины.

Но девочка не слушала ее; как ожидал отец, она схватила его за руку и, глядя на него особенным взглядом:

– Ну что, причастился, папенька? – точно со страхом спросила она.

30 – Причастился? Ты точно боялась, что я такой грешник, что мне не дадут причастия.

Девочка видимо огорчилась шуткой отца в такую торжественную минуту. Она вздохнула и, идя за ним, держала его руку и целовала.

– Кто это приехал?

– Это молодой Чернышев. Он в гостиной.

– Маменька встала? Что она?

– Маменьке нынче лучше. Она сейчас выйдет.

40 В проходной комнате Ивана Петровича встретили няня Евпраксея, приказчик Андрей Ильин и землемер, живший, чтобы отвести землю. Все поздравляли Ивана Петровича. В гостиной сидели Луиза Карловна Тругони, десять лет друг дома, гувернантка-эмигрантка, и молодой человек, шестнадцати лет, Чернышев с гувернером-французом.

II

2 августа 1817 года в 6-м Департаменте Правительствующего Сената было решено спорное дело о земле между экономическими крестьянами села Излегощи и Чернышевым в пользу крестьян и против Чернышева. Решение это было неожиданным и важным несчастным событием для Чернышева. Дело это тянулось уже пять лет. Затеянное поверенным богатого трехтысячного села Излегощи, оно было выиграно в уездном суде крестьянами, но когда, по совету купленного у князя Салтыкова дворового человека, ходатая по делам, Ильи Митрофанова, князь Чернышев взялся за это дело в губернии, он его выиграл и, сверх того, излегощинские крестьяне были наказаны тем, что шесть человек из них, грубивших землемеру, были посажены в острог. После этого князь Чернышев, по свойственной ему добродушной и веселой беспечности, совершенно успокоился, тем более что он твердо знал, что он никакой земли у крестьян не «завлаживал», как было сказано в прошении крестьян. Если была завлажена земля, то его отцом, а с тех пор прошло более сорока лет. Он знал, что крестьяне села Излегощи живут хорошо и без этой земли, не нуждаются в ней и с ним живут хорошими соседями, и не мог понять, из чего они на него взбесились. Знал, что он никого не обижал и не хотел обижать, со всеми всегда жил в любви и только того и желал, и потому не верил, чтобы его хотели обидеть; он ненавидел сутяжничество и потому не хлопотал о деле в Сенате, несмотря на советы и увещания своего дельца Ильи Митрофанова; пропустив срок апелляции, он проиграл дело в Сенате, и так проиграл его, что ему предстояло разорение. От него, по указу Сената, не только отрезывалось пять тысяч десятин земли, но за неправильное владение этой землею взыскивалось сто семь тысяч в пользу крестьян. У князя Чернышева было восемь тысяч душ, но все имения были заложены, много было долгов, и это решение Сената разоряло его со всем его большим семейством. У него были сын и пять дочерей. Он хватился, когда уже было поздно хлопотать в Сенате. По словам Ильи Митрофанова, было одно спасенье – подать прошение на Высочайшее имя и перевести дело в Государственный Совет. Для этого нужно было лично просить кого-нибудь из министров и из членов Совета и даже, еще бы лучше, самого государя. Сообразив все это, князь Григорий Иванович поднялся осенью 1817 года из своего любимого Студенца, где он жил безвыездно, со всем семейством в Москву. Он ехал в Москву, а не в Петербург, потому что в этот год осенью государь со всем двором, со всеми высшими сановниками и с частью гвардии, в которой служил и

сын Григория Ивановича, должен был прибыть в Москву для закладки храма Спасителя в память избавления России от нашествия французов.

10 Еще в августе, тотчас же по получении ужасного известия о решении Сената, князь Григорий Иванович собрался в Москву. Вперед был послан дворецкий для приготовления собственного дома на Арбате и послан был обоз с мебелью, людьми, лошадьми, экипажами и провизией. В сентябре князь со всем семейством на своих лошадях в семи экипажах приехал в Москву и поселился в своем доме. Родные, знакомые, приезжие из губернии и из
20 Петербурга стали собираться в Москву в сентябре; самая жизнь московская с ее увеселениями, приезд сына, выезды дочерей и успех старшей дочери Александры, одной блондинки из всех черных Чернышевых, так заняли и развлекли князя, что он, несмотря на то что проживал здесь, в Москве, то, что, может быть, только и останется ему, когда он заплатит все, что он забывал о деле и тяготился и скучал, когда Илья Митрофанов говорил ему о деле, и ничего еще не предпринял для успеха своего дела. Иван Ми-
30 рович Баушкин, главный поверенный мужиков, с таким рвением ведший в Сенате дело против князя, знавший все ходы и подходы к секретарям и столоначальникам и так искусно распределивший в Петербурге собранные с мужиков десять тысяч рублей в виде подарков, теперь тоже прекратил свою деятельность и вернулся в село, где на собранные деньги в свое награждение и на оставшееся от подарков купил рошу у соседнего помещика и устроил в ней
40 избу-контору. Дело теперь в высшей инстанции было кончено и должно было идти само собою.

Из всех замешанных в это дело не могли его забыть только те
30 шесть мужиков, которые сидели седьмой месяц в остроге, и их оставшиеся без домохозяев семьи. Но делать было нечего, они сидели в Краснослободском остроге, а семьи их старались управляться без них. Просить некого было. И сам Иван Мионович говорил, что за это дело он взяться не может, что это дело не мирское и не гражданское, а уголовное. Мужики сидели, и никто не хлопотал о них, но одна семья Михаила Герасимова, именно его старуха Тихоновна, не могла примириться с мыслью, что ее золото, старик Герасимыч, сидит с бритой головой в остроге. Тихоновна не могла оставаться спокойно. Она просила Мионыча хлопотать. Мироныч отказал ей. Тогда она решила сама идти Богу молиться
40 за старика. Она год тому назад уже обещалась идти к угоднику и все за недосугом и за нежеланием поручить молодым невесткам хозяйство откладывала до другого года. Теперь, когда случилась беда и Герасимыча посадили в острог, ей вспомнилось обещанье,

она махнула рукой на хозяйство и вместе с дьяконицею их села собралась на богомолье. Сперва они зашли в уезд к старику, где он сидел в остроге, снесли ему рубахи, и оттуда через губернский город они пошли к Москве. Дорогой Тихоновна рассказала свое горе, и дьяконица посоветовала ей просить царя, который, как слышно, будет в Пензе, рассказывая ей, какие были случаи помилования. Придя в Пензу, странницы узнали, что в Пензу уже приехал – но не царь, а царский брат, великий князь Николай Павлович. При выходе из собора в Пензе Тихоновна протеснилась вперед, пала на колени и стала просить за хозяина. Великий князь 10 был удивлен, губернатор рассердился, и старуху взяли в часть. Через день ее выпустили, и Тихоновна пошла дальше к Троице. У Троицы Тихоновна отговела и исповедовалась у отца Паисия. На духу она рассказала ему свое горе и каялась в том, что подавала прошение царскому брату. Отец Паисий сказал ей, что греха тут нет и что в правом деле и царя не грех просить, и отпустил ее. И в Хотькове она была у блаженной, и блаженная велела ей просить самого царя. Тихоновна на обратном пути вместе с дьяконицей зашла в Москву к угодникам. Тут она узнала, что царь в 20 Москве, и Тихоновна подумала, что, видно, так Бог велит просить царя. Надо было только написать прошение.

В Москве странницы пристали на постоялом дворе. Они попросились ночевать; их пустили. После ужина дьяконица легла на печи, а Тихоновна, положив под голову котомку, легла на лавке и заснула. Наутро, еще до света, Тихоновна встала, разбудила дьяконицу, и только дворник окликнул ее, когда она выходила на двор.

– Рано поднялась, баушка, – оговорил он ее.

– Пока дойдем, кормилец, и заутрени, – отвечала Тихоновна.

– С Богом, баушка.

– Спаси Христос, – сказала Тихоновна, и странницы пошли к Кремлю. 30

Отстояв заутреню и обедню и приложившись к святыням, старухи, с трудом отыскивая дорогу, пришли к двору Чернышевых. Дьяконица сказала, что старушка барыня крепко наказывала ей побывать и всех странных принимает. – «Там и человечка найдем насчет прошения», – сказала дьяконица, и странницы пошли плутать по улицам, расспрашивая дорогу. Дьяконица была раз, да забыла. Раза два чуть не раздавили их, кричали на них, бранили 40 их; раз полицейский взял дьяконицу за плечи и толкнул, запрещая им идти по той улице, по которой они шли, и направляя их в лес

переулков. Тихоновна и не знала, что их согнали с Воздвиженки именно потому, что по этой улице должен был ехать тот самый царь, о котором она не переставая думала и которому намеревалась написать и подать прошение.

Дьяконица, как всегда, шла тяжело и жалостно; Тихоновна, как обыкновенно, – легко и бодро, шагами молодой женщины. У самых ворот странницы остановились. Дьяконица не узнавала двора: стояла новая изба, которой не было прежде; но, оглядев колодец с насосом в углу двора, дьяконица признала двор. Собаки
10 залаяли и бросились на старух с палками.

– Ничего, тетки, не тронут. У, вы, подлые! – крикнул дворник на собак, замахиваясь метлою. – Вишь, сами деревенские, а на деревенских пуще и зарятся. Сюда обходи. Завязнешь. Не дает Бог морозу.

Но дьяконица, заробев от собак, жалостно приговаривая, присела у ворот на лавочку и просила дворника проводить. Тихоновна привычно поклонилась дворнику и, опершись на клюку, расставив туго обтянутые онучами ноги, остановилась подле нее, как всегда спокойно глядя перед собою и ожидая подхлывшего к
20 ним дворника.

– Вам кого? – спросил дворник.

– Али не признал, кормилец? Егором звать, никак? – сказала дьяконица. – От угодников, да вот зашли к сиятельной.

– Излегощинские? – сказал дворник. – Старого дьякона будете? Как же. Ничего, ничего. Идите в избу. У нас принимают. Ни-
кому отказа нет. А эта чья же будет?

Он указала на Тихоновну.

– Излегощинская же Герасимова, была Фадеева. Знаешь, я чай, – сказала Тихоновна. – Тоже излегощинская.

30 – Как же! Да что сказывали, вашего в острог что ли посадили?

Тихоновна ничего не ответила, только вздохнула и подкинула сильным движением на спину котомку и шубу.

Дьяконица расспросила, дома ли старая барыня, и, узнав, что дома, просила доложить ей. Потом спросила про сына, который вышел в чиновники и служил по милости князя в Петербурге. Дворник ничего не умел ей ответить и направил их в избу людскую по мосткам, шедшим через двор. Старухи вошли в избу, полную народом: женщинами, детьми, старыми и молодыми дворовыми, и помолились на передний угол. Дьяконицу тотчас же
40 узнали прачка и горничная старой барыни и тотчас же обступили ее с расспросами, сняли с нее котомку и усадили за стол, предлагая ей закусить. Тихоновна между тем, перекрестившись на об-

раза и поздоровавшись со всеми, стояла у двери, ожидая приветов. У самой двери, у первого окна сидел старик и шил сапоги.

– Садись, бабушка, что стоишь. Садись вот тут, котомку-то сними, – сказал он.

– И так не повернешься. Куда садиться-то. Проводи ее в черную избу, – отозвалась какая-то женщина.

– Вот так мадам от Шальме, – сказал молодой лакей, указывая на петушков на спине зипуна Тихоновны, – и чулочки-то и башмачки!

Он показывал на ее онучи и лапти – обновка для Москвы. 10

– Тебе бы, Параша, такие-то.

– А в черную, так в черную; пойдем, я тебя провожу. – И старик, воткнув шило, встал; но, увидав девчонку, крикнул ей, чтобы она провела старушку в черную избу.

Тихоновна не только не обратила внимания на то, что говорили вокруг нее и про нее, но не видела и не слыхала. Она, с тех пор как вышла из дому, была проникнута чувством необходимости потрудиться для Бога и другим чувством – она сама не знала когда западшим ей в душу – необходимости подать прошение. Уходя из чистой избы людской, она подошла к дьяконице и сказала, 20 кланяясь:

– Об деле-то о моем, матушка Парамоновна, ты не забудь ради Христа. Спроси, нет ли человечка.

– А это чего старухе надо?

– Да вот обида есть, прошение ей люди присоветовали царю подать.

– Прямо к царю ее и весть, – сказал шутник лакей.

– Э, дура, вот дура-то неотесанная, – сказал старик сапожник. – Вот возьму тебя колодкой отжучу, не погляжу на твой фрак, узнаешь, как на старых людей зубоскалить. 30

Лакей начал браниться, но старик, не слушая его, увел Тихоновну в черную.

Тихоновна рада была, что ее выслали из приспешной и свели в черную, кучерскую. В приспешной все было слишком чисто, и народ все был чистый, и Тихоновне было не по себе. В черной кучерской было похоже на крестьянскую избу, и Тихоновне было вольнее. Черная была еловая восьмиаршинная темная изба с большой печью, нарами и полатями и затоптанным грязью, намощенным новым полом. В избе, в то время как вошла в нее Тихоновна, была кухарка, белая, румяная, жирная дворовая женщина, с засученными рукавами ситцевого платья, с трудом передвигавшая ухватом горшок в печи; потом молодой малый – кучер, учившийся на балалайке, и старик с небритой мягкой белой боро- 40

дой, сидевший на нарах, с босыми ногами, и, держа моток шелку в губах, шивший что-то тонкое и хорошее; и лохматый черный молодой человек, в рубашке и синих штанах, с грубым лицом, который, жуя хлеб, сидел на лавке у печи, облокотив голову на обе утвержденные на коленях руки.

Босая Настька с блестящими глазками вбежала своими легкими босыми ногами вперед старухи, оторвала влипшую от пара дверь и пропищала своим тонким голоском:

10 – Тетушка Марина, Симоныч вот старушку прислал, велит кормить. Они с нашей стороны, с Парамоновной ходили к угодникам. Парамоновну чаем поят, Власьевна за ней посылала...

Словоохотливая девочка еще долго бы не остановилась говорить; слова так и лились у нее, и, видно, ей весело было слушать свой голос. Но запотевшая у печи Марина, не успевая все своротить зацепившийся за под горшок со щами, сердито крикнула на нее.

20 – Ну тебя совсем, будет болтать. Какую еще старуху кормить. Тут своих не накормишь. Прострели тебя! – крикнула она на горшок, который чуть не упал, сдвинувшись с места, за которое он зацепился.

Но, успокоившись теперь насчет горшка, она оглянулась и, увидав благовидную Тихоновну с ее котомкой и в ее правильном деревенском наряде, истово кладущую кресты и низко кланявшуюся на передний угол, тотчас же устыдилась своих слов, и, как бы опомнившись от замучивших ее хлопот, хватилась за грудь, где ниже ключицы пуговицы застегивали ее платье, и поверила, застегнуто ли оно, и хватилась за голову и подтянула сзади узел платка, покрывавшего ее намавленную голову, и остановилась, упершись на ухват, дожидаясь приветствия благовидной старухи.

30 Поклонившись последний раз низко Богу, Тихоновна обернулась и поклонилась на три стороны.

– Бог помочь, здравствуйте, – сказала она.

– Милости просим, тетенька! – сказал портной.

– Спасибо, бабушка, снимай котомку. Вот сюда-то вот, – сказала стряпуха, указывая на лавку, где сидел лохматый человек. – Посторонись что ли. Как застыл, право.

Лохматый, еще сердитее нахмурившись, приподнялся и подвинулся и, продолжая жевать, не спускал глаз с старухи. Молодой кучер поклонился и, перестав играть, стал подвинчивать струны

40 своей балалайки, глядя то на старуху, то на портного, как бы не зная, как обратиться с старухой: уважительно, как ему казалось, надо, потому что старуха была в том самом наряде, в каком ходила его бабушка и мать дома (он был переросший форейтор, взятый из

мужиков), или подтрунивая, как ему хотелось и казалось сообразно с его теперешним положением, синей поддевкой и сапогами. Портной поджал один глаз и, казалось, улыбался, подтянув шелк во рту на одну сторону, и тоже смотрел. Марина взялась ухватом за другой горшок, но и занятая делом оглядывала старуху, как она бодро и ловко снимала котомку и, стараясь никого не зацепить, укладывала ее под лавку. Настька подбежала к ней и помогла ей: вынула из-под лавки сапоги, мешавшие котомке.

– Дядюшка Панкрат, – обратилась она к угрюмому человеку, – я сюда сапоги. Ничего? 10

– А черт их дери, хоть в печь брось, – сказал угрюмый человек, бросая их в другой угол.

– Вот умница, Настька, – сказал портной. – Дорожного человека упокоить надо, так-то.

– Спаси Христос, деушка. Так ладно, – сказала Тихоновна. – Тебя только, миленький, потревожили, – обратилась она к Панкрату.

– Ничего, – сказал Панкрат.

Тихоновна села на лавку, сняв зипун и оправив рукава из-под поддевки и бережно сложив его, начала разуваться. Прежде она 20 развязала оборочки, ею же самую нарочно для богомолья гладко ссученные, потом размотала бережно поярковые белые онучи и, бережно размяв, сложила на котомку. Когда она разувала другую уже ногу, у неловкой Марины опять зацепился горшок и выплеснулся, и опять она стала бранить кого-то, цепляя ухватом.

– Видно, выгорел под-то, деушка, надо бы подмазать, – сказала Тихоновна.

– Когда тут мазать. Нетолченая труба; двое хлебов в день ставишь, одни вынимаешь, а другие затевай.

По случаю жалобы Марины на хлебы и на выгоревший под 30 портной заступился за порядки чернышевского дома и рассказал, что приехали вдруг в Москву, что всю избу построили в три недели и печь склали и что дворни до сотни человек, всех кормить надо.

– Известно, дело хлопотное. Заведенье большое, – подтвердила старуха.

– Откуда Бог несет, бабушка? – обратился портной.

И тотчас же Тихоновна, продолжая разуваться, рассказала, откуда она и куда ходила и как идет домой. Про прошение же она ничего не сказала. Разговор не прерывался. Портной узнал все 40 про старуху, а старуха узнала все про неловкую торопливую Марину: что ее муж солдат, а она взята в кухарки, что сам портной шьет кафтаны выездные кучерам, что девчонка на побегушках у

ключницы, сирота, а что лохматый угрюмый Панкрат в прислугах у приказчика Ивана Васильевича. Когда Панкрат вышел из избы, хлопнув дверью, портной рассказал, что он и так грубый мужик, а нынче вовсе груб потому, что вчера он разбил у приказчика штучки на окошках и его нынче сечь хотят на конюшне. Вот придет Иван Васильевич, и поведут сечь. Кучеренок был из деревенских взят в фолеторы, да вырос, и теперь только ему и дела, что убирать лошадей да на балалайке отмахивать. Да не мастер...

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

- ГИМ* – Государственный Исторический музей (Москва).
ГМТ – Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва).
ОР ГМТ – Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого.
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Базилевский. К творческой истории* – *Базилевский Б.А.* К творческой истории незавершенного романа Л.Н.Толстого из времен Петра I // Уч. зап. Калужского гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 4.
- Берс С.А. Воспоминания* – *Берс С.А.* Воспоминания о Толстом. Смоленск, 1894.
- Бирюков – Бирюков П.И.* Биография Льва Николаевича Толстого: В 4 т. Изд. 3-е. М.; Пг., 1923.
- Бушкович – Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.
- Власьев. Потомство Рюрика* – *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1. Князя Черниговские. Ч. 1–3. СПб., 1906–1907.
- Гакстгаузен – Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. Т. 1. М., 1870.
- Гусев I, II, III – Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954; Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957; Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963.
- Дворцовые разряды* – Дворцовые разряды: В 4-х т. СПб., 1850–1855; Т. II. СПб., 1851; Т. III. СПб., 1852.
- Демидова Н.Ф. Федор Алексеевич* – *Демидова Н.Ф.* Федор Алексеевич // Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.
- Денисова – Денисова М.М.* Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Труды ГИМ. Военно-исторический сборник. Вып. XX. М., 1948. С. 29–45.

- Дневники С.А. Толстой – Толстая С.А.* Дневники: В 2 т. М., 1978.
- Долгоруков П.* Российская родословная книга. *Долгоруков* – Ч. I–IV. СПб., 1854–1857. Ч. I. СПб., 1854; Ч. II. СПб., 1855.
- Елагин С.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864.
- Желябужский* – Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 (Дневные записки) / Изд. Д. Языков. СПб., 1840.
- ЖМНП* – Журнал Министерства народного просвещения.
- Забелин.* *Домашний быт русских царей* – *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 1862.
- Забелин.* *Домашний быт русских цариц* – *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869.
- История о невинном заточении* – История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Ред. Н. Новиков. СПб., 1776.
- Киреевский* – Песни, собранные П.В. Киреевским. М., 1860–1862. Ч. 1. Вып. 1–4.
- Кириша Данилов* – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818.
- Кузминская.* *Мои воспоминания* – *Кузминская Т.А.* Мои воспоминания о графине М. Н. Толстой. СПб., 1914.
- Кузминская* – *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986.
- Куракин* – *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694 // Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. I, СПб., 1890.
- Лавров* – *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999.
- Летопись I, II* – *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958; 1891–1910. М., 1960.
- ЛН* – «Литературное наследство», т. 25–26. М., 1936; т. 37–38. Л.Н. Толстой. II. М., 1939; т. 69. Лев Толстой. Кн. 1–2. М., 1961; т. 83. Незданный Достоевский. М., 1971; т. 103. А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М., 2011.
- Маковицкий.* *Яснополянские записки* – *Маковицкий Д.П.* У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: В 4 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; ред. В.Р. Щербина (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1979. Кн. 1–4. (Лит. наследство; Т. 90).
- Малов* – *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.
- Материалы по истории* – Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951.
- Описание* – Описание рукописей художественных произведений Л.Н. Толстого. Сост. В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур, Е.С. Серебровская. Общ. ред. В.А. Жданова. М., 1955.
- Очерки былого* – *Толстой С.Л.* Очерки былого. Тула, 1975.

- Переписка* – Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. 2-е изд., доп. / Сост., вступ. ст. и примеч. С.А. Розановой. М., 1978.
- Переписка Толстого со Страховым* – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914.
- Писарев Д.И. ПССП – Писарев Д.И.* Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. М., 2000–2013.
- Посольство Кунраада фан-Кленка* – Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900.
- Приходы и церкви Тульской епархии – Малицкий П.И.* Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895.
- Пузин Н. Портреты предков Толстого* – Пузин Н. Портреты предков Толстого (из истории экспонатов дома-музея Л.Н. Толстого) // Яснополянский сборник. Статьи и материалы. Год 1962. Тульское книжное издательство, 1962.
- Розыскные дела о Федоре Шакловитом* – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884–1893. Т. 1–4.
- РВ* – «Русский вестник».
- Рыбников* – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1; М., 1862. Ч. 2.
- Седов* – Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб., 2008.
- Сказание о странствии* – Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святой горы Афонской инока Парфения (4 тома. М., 1855. 2-е изд. – М., 1856).
- Соловьев* – Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 29 т. М., 1851–1879. Т. 13–18. М., 1863–1868.
- Старостина* – Старостина Т.В. Об опале А.С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676–1677 гг. о хранении заговорных писем // Уч. зап. Карело-Финского гос. ун-та. Исторические и филологические науки. 1948. Т. 2. Вып. 1. С. 44–89.
- Субботин. Кремлевские прения* – Субботин Н. Кремлевские прения старообрядцев // Современная летопись. 1866. № 13, 14.
- Тихонов Ю.А. Феодальная рента* – Тихонов Ю.А. Феодальная рента в помещичьих имениях Центральной России в конце XVII–первой четверти XVIII в. (владельческие повинности и государственные налоги) // Россия в период реформ Петра I / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1973.
- Толстая С.А. Моя жизнь* – Толстая С.А. Моя жизнь: В 2 т. М., 2010.
- Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка* – Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903) / Изд. подготовили Н.И. Азарова, Л.В. Гладкова, О.А. Голиненко, Б.М. Шумова. М., 2011 (Литературные памятники).
- Толстой и Страхов I, II* – Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. Оттава, 2003.
- Туманский* – (А.А. Матвеев). Описание бунта, бывшего в 1682 году // Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя импе-

ратора Петра Великого / Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. СПб., 1787–1788. Ч. 1. С. 111–229.

Устрялов – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого: В 6 т. Т. I–III. СПб., 1858; Т. IV. СПб., 1863; Т. VI. СПб., 1859.

Штелин – Штелин Яков. Подлинные анекдоты о Петре Великом. СПб., 1830. Ч. 1.

Щербачев – Щербачев Ю.Н. Из донесений первого датского резидента в Москве (1672–1676) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1917. Кн. 2. Отд. 2. С. 32–42.

Юб. – Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1928–1958.

Gordon – Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. I–III. M.; SPb., 1849–1853; Bd. II, SPb., 1851.

Posselt – Posselt M. Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Bd. 1–2. Frankfurt am Mein, 1866.

В девятый том Полного собрания сочинений вошли незавершенные произведения Л.Н. Толстого 1860–1870-х годов. Их необычное скопление к концу периода отражает переломный характер этого времени в творческом сознании писателя. Толстой подвергает переоценке свои религиозные, социальные и художественные взгляды. Пролагаются новые пути, меняются прежние, вплоть до попыток пересмотреть законченные и признанные в литературе создания (редакция 1873 г. «Войны и мира»).

Неосуществленные замыслы сопровождают работу Толстого над центральными произведениями этой поры, романами «Война и мир» (1863–1869) и «Анна Каренина» (1873–1877), нередко получая также и самостоятельное художественное значение. Толстой не отбрасывает их или уничтожает, но оставляет в некотором фонде нереализованных возможностей. Сюда попадают уже ожившие, но недорисованные лица, детали воображаемых картин, начатки идей, которые, если не записать их сразу, по словам Толстого, потом «никакими собаками не поймаешь» (*Берс А.А.* Отрывки воспоминаний о Л.Н. Толстом // Толстой и о Толстом. М., 1926, вып. 2, с. 128).

Через все фрагменты проходит одна большая проблема, неотделимая от личной биографии Толстого: взаимоотношения высших сословий и народа, прежде всего – крестьянства. Толстой вступает в долгую борьбу с самим собой, ближайшим окружением и общественным устройством в целом.

Из вошедших в том сочинений наибольшей законченностью выделяется комедия «Зараженное семейство» (1863–1864).

Помещать ее среди незавершенных произведений вынуждает лишь то обстоятельство, что беловая рукопись пьесы, посланная Толстым через посредство В.А. Соллогуба для предполагаемой постановки в Малом театре Москвы, затерялась; восстанавливать ее текст приходится по разновременным копиям и фрагментам автографов. Пьеса явилась злободневным откликом Толстого на вторжение в русскую жизнь «новых людей» – «нигилистов», положивших начало известным противостояниям в русском обществе и литературе (романы И.С. Тургенева «Отцы и дети», 1862 г.; Н.Г. Чернышевского «Что делать?», 1863 г.; А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», 1863 г.; Н.С. Лескова «Некуда», 1864 г.; И.А. Гончарова «Обрыв», 1869 г. и др.). Близкие Толстому современники, ознакомившись с пьесой, приняли ее сдержанно. Известна фраза, сказанная А.Н. Островским Толстому, спешившему увидеть комедию на

сцене: «Боишься поумнеют?» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973, с. 178). Стадии работы над пьесой, как и над незавершенной комедией (Нигилист), несут следы начавшихся колебаний Толстого в оценках противоборствующих в обществе сил.

Наиболее серьезно перемены в мировоззрении Толстого сказываются на опытах осмысления писателем событий новой русской истории.

Важнейшим из них и наиболее крупным по объему явился задуманный Толстым (Роман из времени Петра I).

Работа над ним проходила в 1872–1873 и 1879 гг., по-своему обрамляя создание произведения на современную тему, – романа «Анна Каренина». Сохранилось 26 вариантов начала, связанных между собой единством исторического времени и судьбой действующих лиц. Толстой перечитывает огромное количество источников, привлекает в помощь себе историков, архивистов, просто знакомых и родственников, способных донести до него черты живого предания; стремится передать в кратких предваряющих эпизодах смысл происходящего. По убеждению писателя, «весь узел русской жизни сидит тут» (Толстой и Страхов, т. 1, с. 89). Противоречивая личность царя начинает вырисовываться как «орудие своего времени» (Дневники С.А. Толстой, т. 1, с. 496–497), но в центр внимания все настойчивей выдвигаются представители преобразуемого и обновляющегося народа с собственным взглядом на жизнь. Толстой вводит в повествование образы реальных исторических персонажей, например, братьев Посошковых, старший из которых, Иван, стал известен сочинением «Книги о скудости и богатстве» (1724), воссоздает воображением новые народные характеры при прямой встрече их с характером Петра. Работа над романом прерывается в 1879 г., вызвав многочисленные споры о причинах ее прекращения.

В начальных главах романа «Сто лет» (1879) Толстой, не покидая петровской эпохи, подходит к ней с другого конца. Введение в широкое историческое полотно он посвящает целиком жизни крестьянства. Отсюда по крепнущему убеждению писателя вернее просматривается панорама русской жизни и истории. В сохранившихся девяти рукописях пролога, включая прямое авторское обращение к читателю, Толстой намеревается осветить таким путем жизнь «всего русского народа».

По сходному плану начинает строиться и другое историческое повествование, на этот раз из екатерининских времен, – «Труждающиеся и обремененные» (1879). Здесь связующим звеном в жизни разных сословий должна была послужить заинтересовавшая Толстого судьба его двоюродного деда, князя Василия Горчакова, сосланного в Сибирь и погруженного таким образом в вынужденное общение с жизнью низов. Работа над произведением приостановилась отчасти из-за невозможности добыть сведения, за какую именно провинность Горчаков туда попал. Сохранившиеся наброски содержат сопоставление обстоятельств рождения княжеского сына и другого, подкинутого «на барском дворе некрещеного ребенка». Этот контрастный мотив Толстой будет разрабатывать до конца пути в «Воскресении» (1889–1899), «Хаджи-Мурате» (1896–1904).

К несостоявшимся романам тематически примыкают неразвернутые сюжеты задуманных Толстым рассказов или повестей, где принадлежащий к высшим слоям общества человек порывает, добровольно или вынужденно, со своим привилегированным кругом и переходит в стан обездоленных. Таковы фрагменты конца 1860-х – начала 1870-х годов «Степан Семеныч Прозоров» и «Убийца жены». Высшим выражением этой линии в творчестве Толстого станет драма «Живой труп» (1900).

Самые радикальные превращения претерпевает замысел романа «Декабристы» (1874–1875, 1877–1879). Толстой возвращается к нему, так и не продвинувшись далее вводных глав, на протяжении более чем двадцати лет.

Первые упоминания о романе относятся к концу 1850-х годов. Толстой задумывает осветить недавно пережитые Россией события на примере известных ему по родственным связям и личным знакомствам деятелей эпохи; советуется с Герценом и Тургеневым; создает три опорные фрагмента (см. т. 4 и т. 4 /21 наст. изд.); но оставляет их ради захватившего его замысла «Войны и мира». В 1870-е годы при попытках вернуться к теме начинает складываться по существу другой роман. Ни один из намеченных ранее героев не попадает в новый план; обширные сведения о деятелях декабристского движения (см. т. 9 второй серии), собранные Толстым, остаются неиспользованными, и повествование смещается к подробно и пристально рассматриваемому крестьянству. В 1884 г., уступая просьбам составителей сборника к 25-летию Литературного фонда, Толстой помещает в нем три первоначальные главы 1860–1863 гг. с добавлением двух отрывков из написанного в 1878 г., и на этом работа над «Декабристами» прекращается.

В русле увлечения Толстого ролью народа в истории находится, очевидно, и так называемый (Роман о русских богатырях). Он остается одним из самых загадочных замыслов художника, поскольку Толстой, судя по сохранившимся записям, намеревался как-то соединить характеры и деяния былинных героев с наиболее острыми проблемами своего времени. Замысел не удался, но подготовительные работы над источниками пригодились Толстому при создании «Азбуки» (1872).

Особую группу фрагментов образуют в томе начала произведений 1870-х годов на религиозную тему. К состоявшимся вскоре выступлениям Толстого, в которых обозначился его конфликт с каноническим учением Церкви («Исповедь», «Исследование догматического богословия», «В чем моя вера?»), они относятся очень косвенно и представляют собой опыты вхождения в материал, в котором можно было бы тему раскрыть. Таковы очерковые заметки (Прения о вере в Кремле), фантазия «Сказка», (Николай Николаевич был позван к соседу...) и, возможно, набросок (Два человека с котомками...).

Настоящим изданием толстовские незавершенные произведения 1860–1870 гг. сводятся в отдельный том впервые. Собранные вместе, они дают выход к тому, что стало именоваться в XX в. «творческой лабораторией писателя». Намечаемые в их составе мотивы и темы открывали возможности развития литературы не только для самого Толстого.

Так, в процессе подготовки тома выяснилось, насколько толстовские разработки характеров романа о Петре помогли становлению романа А.Н. Толстого «Петр I» (1929–1945)¹.

Произведения располагаются в томе в соответствии с установленной или предполагаемой датой окончания работы над ними Толстого. Это позволяет наиболее последовательно и достоверно представить процесс их возникновения, а также избежать дробления и смешения связанных между собой замыслов других, создававшихся одновременно с ними, но самостоятельных произведений.

В случае, если отрывки одного произведения образуют определенные тематические циклы (например, в «Романе из времени Петра I»), эти циклы располагаются по хронологии описанных в них событий. Последовательность возникновения фрагментов, составляющих тот или иной цикл, устанавливается на основании всестороннего изучения рукописей: времени и характера авторской правки, перемен в обрисовке действующих лиц, а также сохранившихся сведений о работе писателя.

Публикуемые фрагменты в большинстве своем печатались в Юбилейном собрании сочинений Толстого (т. 7, 17, 23, 90) и других изданиях. В них, однако, в соответствии с уровнем изучения материала того времени, остался невыявленным ряд пропусков, искажений переписчиков, редакторских вставок и неверных прочтений рукописей. В настоящем томе все тексты выверены заново по автографам, авторизованным и другим копиям, прижизненным изданиям. Публикуемые впервые фрагменты оговариваются особо.

Все произведения снабжены специализированным (сообразно содержанию) комментарием, без сведений которого во многом непонятен смысл усеченных, отрывочных и разрозненных записей Толстого.

Редакция благодарит Государственный музей Л.Н. Толстого, его директора Н.А. Калинину и главного хранителя фонда рукописей Л.Н. Толстого Т.Г. Никифорову за предоставление рукописей и эффективную помощь в работе над томом.

Тексты подготовлены: *Г.Н. Ковалевой* («Роман из времени Петра I», «Сто лет», «Труждающиеся и обремененные»), *М.А. Можаровой* («Анекдот о застенчивом молодом человеке»), «Два человека с котомками...», «Зараженное семейство», «Комедия в трех действиях» (Нигилист), «Моя жизнь», «Николай Николаевич был позван к соседу...», «Оазис», «Прения о вере в Кремле», «Рождественская елка», «Роман о русских богатырях», «Степан Семеныч Прозоров», «Сказка», «Убийца жены», «Шуточная сцена для детского спектакля»), *М.А. Можаровой и М.И. Щербаковой* («Декабристы. Варианты первой главы», «Князь Федор Щетинин»).

---

¹ См.: *Ковалева Г.Н.* К вопросу о литературных параллелях между романом А.Н. Толстого «Петр Первый» и незавершенным романом Л.Н. Толстого о Петре Первом и его времени // Л.Н. Толстой в движении эпох. М., 2011. С. 224–229.

Комментарии составлены: *Н.И. Азаровой* и *М.А. Можаровой* («Декабристы. Варианты первой главы» – реальный комментарий), *И.П. Видуэцкой* («Роман из времени Петра I» – текстологический комментарий, история создания циклов «Стрельцы», «Переход власти от Софьи к Петру», «Азовские походы», «Северная война»; «Сто лет», «Труждающиеся и обремененные» – текстологический комментарий, история создания), *А.В. Гулиным* («Два человека с котомками...», «Князь Федор Щетинин», «Оазис» – история создания, реальный комментарий, «Роман из времени Петра I» – история создания цикла «Потешная война под Кожуховом»), *Г.Н. Ковалевой* («Роман из времени Петра I», «Сто лет», «Труждающиеся и обремененные» – реальный комментарий), *М.А. Можаровой* («Анекдот о застенчивом молодом человеке», «Моя жизнь», «Рождественская елка», «Шуточная сцена для детского спектакля» – история создания, текстологический и реальный комментарий; «Комедия в трех действиях» (Нигилист) – текстологический комментарий, история создания; «Два человека с котомками...», «Декабристы. Варианты первой главы», «Зараженное семейство», «Князь Федор Щетинин», «Николай Николаевич был позван к соседу...», «Оазис», «Прения о вере в Кремле», «Сказка», «Степан Семеныч Прозоров», «Убийца жены» – текстологический комментарий), *И.Б. Павловой* («Комедия в трех действиях» (Нигилист), «Зараженное семейство» – реальный комментарий), *Ю.В. Прокопчуком* («Николай Николаевич был позван к соседу...», «Прения о вере в Кремле», «Сказка» – история создания, реальный комментарий), *Н.И. Романовой* («Степан Семеныч Прозоров», «Убийца жены» – история создания), *И.И. Сизовой* («Зараженное семейство», «Декабристы. Варианты первой главы» – история создания; «Роман о русских богатырях» – история создания, реальный комментарий).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1863–1884 гг.

ОАЗИС

Впервые: *Толстой Л.Н.* Неизданные художественные произведения. М.: Федерация, 1928, с. 233–240. В *Юб.* (т. 7, с. 138–143) с некоторыми вариантами зачеркнутого текста.

Рукописный фонд составляет 5 листов.

Печатается по автографу.

Автограф занимает два полулиста писчей бумаги фабрики Говарда, сложенной пополам, и еще четверть листа (всего 10 страниц). Вступительная часть произведения на двух с половиной страницах и продолжение, начатое словами: «Мне было 16 лет», – написаны чернилами разного цвета. Исправлений в тексте немного, самое значительное из них – вставка на полях четвертой страницы. На полях девятой страницы сделана заметка постороннего содержания: «Алекс. Банк. Щуров Кон. Ал.».

Ни в дневнике Толстого, ни в материалах современников нет определенных указаний на то, когда было задумано произведение, когда оборвалась работа над ним. Комментатор «Оазиса» в *Юб.* В.Ф. Саводник полагал, что характер почерка Толстого и качество бумаги, на которой написан отрывок, позволяют отнести его «скорее ко второй половине или даже к концу 1860-х гг.» (*Юб.*, т. 7, с. 373). Н.Н. Гусев также называл временем создания отрывка 1868–1869 гг. (См.: *Летопись*, I, с. 357). Иного мнения придерживался первый публикатор «Оазиса» А.Е. Грузинский, считавший, что произведение могло быть написано в феврале 1863 г. (См.: *Толстой Л.Н.* Неизданные художественные произведения. М.: Федерация, 1928, с. 231–232). Исследователь высказал предположение, что именно к «Оазису» относится запись из дневника Толстого от 23 февраля этого года: «Начал писать. Не то. Перебирал бумаги – рой мыслей и возвращение или попытка возвращенья к лиризму. Он хорош. Не могу писать – кажется – без заданной мысли и увлеченья» (*Юб.*, т. 48, с. 52).

Хотя точных данных о времени написания отрывка нет, существует возможность дополнительных уточнений его датировки.

Начало неосуществленного замысла «Оазис» могло быть среди тех «начал», о которых С.А. Толстая писала в дневнике 16 декабря 1862 г.:

«Читала начала его сочинений, и везде, где любовь, где женщины, мне гадко, тяжело, я бы все, все сожгла. Пусть нигде не напомнимся мне его прошедшее» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 44). На обложке рукописи «Оазиса» написано рукой С.А. Толстой: «Отрывок. Оазис».

Так же, как в романе «Семейное счастье», начало повествования в «Оазисе» ведется от лица женщины, и крупный почерк (по определению комментатора в *Юб. В.Ф. Саводника*) напоминает почерк рукописей романа «Семейное счастье», завершенного в 1859 г.

В «Оазисе» есть описание охоты, в котором герой вспоминает роман Д.Ф. Купера «Патфайндер» («Следопыт»): «Все это было прекрасно: раннее утро, роса, мочившая ноги, глушь леса (...). Купер, Патфайндер, американские девственные леса, возможная величественная деятельность в этих лесах представлялись мне. И все то, что было теперь, было не то...» В такое же сырое раннее утро, отправившись с дядей Ерошкой на охоту, вспоминал о куперовом «Патфайндере», по наблюдению Л.Н. Кузиной, и герой повести «Казаки» Оленин, тоже испытывавший ощущение, что все в его жизни «было не то». Сцены охоты встречаются у Толстого во многих произведениях: «Детстве», «Казаках», «Войне и мире», «Анне Карениной» – и никогда не повторяют друг друга. В случае с «Оазисом» и «Казаками» обращает на себя внимание прямо противоположное. Очень близкая художественная деталь (возможно, близкая и по времени написания) встречается и в том, и в другом произведении. Но в «Оазисе» она только намечена, а в «Казаках» получила совершенное художественное воплощение. Возвращение к ней позднее представляется маловероятным.

Исходя из этого, можно предположить, что отрывок «Оазис» возник не позднее 1863 г. – времени завершения работы Толстого над «Казаками».

При том, что «Оазис» не является строго автобиографическим замыслом, судя по отдельным подробностям, упомянутым в отрывке, здесь до некоторой степени отразились обстоятельства жизни Толстого в Казани в 1840-х гг. и позднейшего приезда писателя в этот город в 1851 г. Уже в первой части отрывка рассказчица, говоря про своего дядю и его старую знакомую Анну Васильевну, отмечает упомянутое в их общих воспоминаниях «какое-то давнишнее его посещение их какой-то казанской деревни». Вторая часть незавершенного произведения представляет собой рассказ героя (вероятно, того самого дяди, который через много лет встретил Анну Васильевну) о событиях, происходивших с ним в далекой юности во время поездки в имение другого – его собственного дядюшки. Описание этих событий так или иначе соотносится с некоторыми фактами биографии писателя.

Герой «Оазиса» рассказывает, что он отправился в имение к дяде после только что сданных вступительных экзаменов в университет. Толстой стал студентом Казанского университета в 1844 г. В Казани писатель жил вместе с братьями и сестрой у своей тетки П.И. Юшковой. Дядюшка героя-рассказчика, показанный в «Оазисе», имеет некоторое сходство с действительно существовавшим лицом – ее мужем и дядей

Толстого В.И. Юшковым (1789–1869). Он носит те же имя и отчество: «Владимир Иванович», он так же, как Юшков, служил в молодости в лейб-гусарах. Имение Юшковых Паново, расположенное поблизости от Казани, Толстой посещал многократно. На страницах «Оазиса» упомянута одна подробность, которая может прямо относиться к этому имению. Герой вспоминает, как он «смотрел в окно на елку и группу берез, между которыми у дяди жил прежде медведь». Юшков действительно одно время держал у себя в Панове медведя на острове посреди пруда перед господским домом (См.: *Гусев, I, 159*).

В 1847 г. писатель уехал из Казани. Однако он снова побывал в имении своего дяди в мае 1851 г., навещая родных перед отъездом на Кавказ. К этому посещению Толстым Казани относится и его увлечение дочерью казанского помещика, выпускницей женского Родионовского института Зинаидой Модестовной Молоствовой (1828–1897), которую писатель знал и в прежние годы. В течение нескольких месяцев после отъезда Толстой периодически вспоминает Молостову в письмах и в дневнике. Особенно значительная запись появляется на страницах дневника 8 июня 1851 г.: «Я жил в Казане¹ неделю. Ежели бы у меня спросили, зачем я жил в Казане, что мне было приятно, отчего я был так счастлив? Я не сказал бы, что это потому, что я влюблен. Я не знал этого. Мне кажется, что это-то незнание и есть главная черта любви и составляет всю прелесть ее. Как морально легко мне было в это время. Я не чувствовал этой тяжести всех мелочных страстей, которая портит все наслаждения жизни. Я ни слова не сказал ей о любви (...). Мои отношения с Зинаидой остались на ступени чистого стремления двух душ друг к другу» (*Юб.*, т. 46, с. 79). Впрочем, год спустя, 22 июня 1852 г., Толстой отметил в дневнике: «Зинаида выходит за Тиле. Мне досадно, и еще более то, что это мало встревожило меня» (там же, с. 126).

Фактов, позволяющих уверенно соотносить юношеское увлечение Толстого с содержанием «Оазиса», явно недостаточно. Тем не менее, между реальной Зинаидой Молостровой и Пашенькой в «Оазисе» все же существуют некоторые точки соприкосновения. Так же, как Молостова, героиня незавершенного произведения окончила женский институт (правда, не Родионовский в Казани, а Смольный в Петербурге), так же она обещана в жены другому. Учитывая другие упомянутые в отрывке казанские реалии, вполне возможно допустить, что воспоминания Толстого о испытанной в прошлом идеальной, неосмысленной любви все же в какой-то мере определили намеченный сюжет произведения и характер переживаний его героя. Несмотря на то, что имя «Зинаида» упоминается в «Оазисе» в совершенно ином, негативном контексте («Когда я влюбился первый раз в Зину Кобелеву, она только посмеялась надо мной»), само его появление в отрывке выглядит не случайным.

Некоторые образы и мотивы, которые были только намечены в незавершенном произведении, получили дальнейшее свое развитие в творчестве Толстого. Так, герой «Оазиса» говорил: «Трудно мне было

¹ Так в автографе.

войти в комнату, где они сидели (в диванной у фортепиано), трудно и совестно, как совестно оборванцу нищему внести свои лохмотья в освещенную ярким светом пышную залу бала. Мне стыдно и больно было выставить свое ничтожество на ярком свете, которым она освещала все вокруг себя». В сцене из романа «Анна Каренина», где показаны Константин Левин и Кити Щербацкая на катке, будет создан уже законченный, совершенный образ девушки, осветившей в глазах влюбленного мужчины весь мир: «Все освещалось ею. Она была улыбка, озарявшая все вокруг. “Неужели я могу сойти туда на лед, подойти к ней?” – подумал он. Место, где она была, показалось ему недоступною святыней, и была минута, что он чуть не ушел: так страшно ему стало. (...) Он сошел вниз, избегая подолгу смотреть на нее, как на солнце, но он видел ее, как солнце, и не глядя» (*Юб.*, т. 18, с. 31–32).

С. 9 ...*Купер, Патфайндер, американские девственные леса...* – Имеется в виду роман американского писателя Джеймса Фенимора Купера (1789–1851) «The Pathfinder, or The inland sea» (1840), входящий в знаменитую пенталогию о Натти Бампо по прозвищу «Кожаный Чулок». В русском переводе роман известен под названием «Следопыт, или На берегах Онтарио», а также «Открыватель следов, или Озеро-море».

С. 10 ...*в Троицын день.* – День Святой Троицы, называемый Пятидесятницей, празднуется в пятидесятый день после Пасхи. В день Пятидесятницы совершилось сошествие Святого Духа на апостолов.

...из *Смольного.* – Смольный институт благородных девиц – общеобразовательное привилегированное среднее учебное заведение в Санкт-Петербурге. Основан в 1764 г. при женском Воскресенском Смольном Новодевичьем монастыре. Существовал до 1917 г.

ЗАРАЖЕННОЕ СЕМЕЙСТВО

Комедия в 5-ти действиях

Впервые: *Толстой Л.Н.* Неизданные художественные произведения. М.: Федерация, 1928, с. 15–136 (с двумя вариантами)¹. С некоторыми вариантами зачеркнутого текста и фрагментами ранних редакций: *Юб.*, т. 7 (1932 г. и дополнительный тираж 1936 г.), с. 181–324.

Рукописный фонд составляет 147 листов.

Печатается по рукописям: первое, второе и пятое действия – по копиям и автографам (в *Описании рук.* 12); третье и четвертое действия – по автографам (в *Описании рук.* 7, 8).

В текст, публикуемый по копиям, внесены следующие исправления по автографам:

---

¹ Вариант начала III явления первого действия и вариант II явления третьего действия.

С. 16, строки 28–29: а вы говорите ей «ты» с присовокуплением «дура» – *вместо*: а вы ей говорите «ты» с присовокуплением «дуры» (по А и К₁)¹.

С. 18, строка 25: да еще и влюбится – *вместо*: да еще влюбится (по А).

С. 18, строки 30–31: откидывая волоса – *вместо*: откладывая волоса (по А и К₁).

С. 18, строки 32–33: чтобы понимать меня – *вместо*: чтоб понимать меня (по А).

С. 20, строки 1–2: ведь это уж, видно, такая моя судьба – *вместо*: ведь это видно такая судьба (по А в К₁).

С. 20, строки 21–22: ты уж, матушка, эти глупости оставь – *вместо*: ты уже, матушка, эти глупости оставь (по А в К₁).

С. 22, строка 3: они хотели делать исследования – *вместо*: она хотела делать исследования (по А и К₁).

С. 22, строка 31: Я хоть и глупа, а все понимаю – *вместо*: Я хоть и глупа, но понимаю (по А и К₁).

С. 25, строка 19: Я тебе говорю: будет, целуй руку – *вместо*: Я тебе говорю, целуй руку (по А в К₁).

С. 25, строка 27: к вам обоим – *вместо*: к вам обоим (по А).

С. 25–26, строки 43–1: У нас есть свои – может быть, странные, несовременные привычки – *вместо*: У нас есть свои, – и может быть странные и несовременные привычки (по А).

С. 27, строка 3: под дворовыми – *вместо*: под дворовым (по А и К₁).

С. 28, строки 2–3: Садится за стол и тотчас же встает – *вместо*: Садится за стол и тотчас же (по А и К₁).

С. 28, строка 26: На Каменном не косят – *вместо*: На каменной не косят (по А).

С. 29, строки 1–2: Вся голова вот так – по сих пор в крови. Такой ужасный! – *вместо*: Вся голова так по сих пор в крови, такой ужасный. (по А).

С. 29, строка 10: не слушают – *вместо*: не слушают-с (по А).

С. 36, строка 14: изъяснил – *вместо*: изъяснился (по А)².

С. 37, строка 4: в ее состоянии – *вместо*: в состоянии (по А в К₁)³.

С. 37, строки 15–16: девочка по наружности весьма приятная, добрая, ласковая – *вместо*: девочка по наружности весьма приятная (по А в К₁).

---

¹ Для первого действия А – автограф ранней редакции (в *Описании* рук. 7); К₁ – копия рукой С.А. Толстой с правкой Толстого (в *Описании* рук. 10).

² Для 1-й сцены второго действия А – автограф нового варианта начала второго действия (в *Описании* рук. 9).

³ Для 1-й сцены второго действия К₁ – первая из двух копий с правкой Толстого (в составе рук. 12) фрагмента текста II явления со слов Беклешова: «Да в том, брат, и штука, что ты будешь деликатничать, а они тебя надуют» – до конца II явления.

- С. 37, строка 17:* Задатки есть очень хорошего – *вместо:* Задатки есть очень хорошие (по А в К₁).
- С. 37, строка 37:* Ну а теперь эта особа – *вместо:* Ну теперь эта особа (по А и К₁).
- С. 37, строки 37–38:* Ну и глупо выходит – *вместо:* Ну глупо выходит (по А и К₁).
- С. 39, строки 20–21:* а вместе с тем, думаю, нам надо переговорить – *вместо:* а вместе с тем надо, думаю, нам переговорить (по А).
- С. 39, строка 32:* детенятки – *вместо:* детиняточки (по А).
- С. 40, строки 3–4:* Позвольте, позвольте... Скажите, Анатолий Дмитриевич – *вместо:* Позвольте, позвольте, Анатолий Дмитриевич (по А).
- С. 40, строка 14:* Венеровский (*Катерине Матвеевне*). – *вместо:* Венеровский. (по А).
- С. 40, строка 16:* Есть где сесть в вашем тарантасе что ль? – *вместо:* Есть где сесть в вашем тарантасе что ли? (по А).
- С. 40, строки 35–36:* развитие единиц без общественной инициативы может повредить этим единицам – *вместо:* развитие единицы без общественной инициативы может повредить этим единицам (по А).
- С. 41, строка 2:* я уже сказала вам – *вместо:* я уж сказала вам (по А).
- С. 41, строки 14–15:* Нынче срок, который я назначила вам – *вместо:* Нынче срок, в который я назначила вам (по А).
- С. 42, строка 14:* По крайности-с – *вместо:* По крайности (по А).
- С. 42, строка 27:* Вот и оказывается всегда – *вместо:* Вот и оказывается (по А).
- С. 43, строки 1–2:* А! Хорошо. Очень хорошо... Позвольте. Я уважаю вас. – *вместо:* А! очень хорошо. Позвольте, я уважаю вас (по А).
- С. 43, строка 7:* Мы всё уяснили – *вместо:* Да, мы всё уяснили (по А).
- С. 43, строка 12:* ну, да все равно, я очень рада, поедemте домой. – *вместо:* ну да, я очень рада, поедemте домой... (по А).
- С. 43, строка 15:* приехал и вот бумаги привез... – *вместо:* приехал и вот и бумаги привез... (по А).
- С. 43, строка 24:* Да с четверть часа пробудем и поедем – *вместо:* Да, с четверть часа пробудем и погоди (по А).
- С. 43, строка 27:* подает ей книгу – *вместо:* подает книгу (по А).
- С. 43, строки 33–37:* Катерина Матвеевна садится к столу в стороне, облокачивается и начинает читать, изредка взглядывая на Венеровского и сомнительно качая головой.
- Венеровский (*в сторону*). Опять невозможно объяснение.
- Иван Михайлович садится к столу, раскрывает портфель, разбирает бумаги. Венеровский садится против него – *вместо:*
- Венеровский (*в сторону*). Опять невозможно объяснение!
- Катерина Матвеевна садится в стороне к столу, облокачивается и начинает читать, изредка поглядывая на Венеровского и сомнительно качая головой. Иван Михайлович садится к столу, раскрывает портфель и разбирает бумаги. Венеровский садится против него (по А).

С. 44, строки 9–10: можно быть покойным на этот счет – *вместо*: можно быть покойным и на этот счет (по А).

С. 46, строка 23: в это место – *вместо*: по этому месту (по А)¹.

С. 46, строка 32: Небось не хуже его ваши-то родные – *вместо*: Небось не хуже его ваши родные (по А).

С. 46, строки 32–33: Что нос-то уж он больно дерет – *вместо*: Что нос-то уж больно он дерет (по А).

С. 46, строка 35: Ты все, няня, его бранишь – *вместо*: Ты все его, няня, бранишь (по А).

С. 47, строка 1: а гляди, у ней – *вместо*: а глядь, у нее (по А).

С. 47, строки 8–9: Что вы, однодворцы что ли какие, что ему перед вашими родными-то чваниться. – *вместо*: Что вы, однодворцы что ли? Что ему перед вашими родными-то чваниться? (по А).

С. 47, строка 10: лядащей помещицы – *вместо*: ледящей помещицы (по А).

С. 47, строка 29: брильянты – *вместо*: бриллианты (по А).

С. 47, строка 31: Ведь уж я знаю – *вместо*: Ведь я знаю (по А).

С. 47, строка 36: Поживет – *вместо*: Поживете (по А).

С. 47, строки 41–42: как вот этот чулок – *вместо*: что вот этот чулок (по А).

С. 48, строки 2–3: Вот и Любочка идет – *вместо*: вот он идет (по А).

С. 48, строка 5: входят – *вместо*: входит (по А).

С. 48, строка 11: учиняли – *вместо*: учинили (по А).

С. 48, строка 22: И важные упражнения-с? – *вместо*: И важные упражнения? (по А).

С. 48, строка 28: Но я, уважая ваш пол... – *вместо*: Но я уважаю ваш пол-с. (по А).

С. 48, строки 34–35: «Обращение с особами прекрасного пола, Или искусство быть для оных привлекательным» – *вместо*: «Обращение с особами прекрасного пола или искусство быть оным привлекательным» (по А).

С. 49, строка 1: Никаких данных – *вместо*: Ни на каких данных (по А).

С. 49, строка 16: Любочка (слезливо). – *вместо*: Любочка. (по А).

С. 49, строка 30: Я бы, коли б моя воля – *вместо*: Я бы, коли бы моя воля (по А).

С. 51, строка 24: у меня или у вас желчный пузырь – *вместо*: у вас или у меня желчный пузырь (по А).

С. 56, строка 10: кладет руку за спину – *вместо*: кладет руки за спину (по А).

С. 57, строки 21–22: Смотрите, смотрите – *вместо*: Посмотрите, посмотрите (по А).

---

¹ Для 2-й сцены второго действия А – автограф новой редакции второго действия (в *Описании* рук. 8).

С. 78, строка 10: Ехали с Капказа двое пьяных, так что наделали. – *вместо:* Ехали с Капказа так-то ехал, двое пьяных, так что наделали! (по А)¹.

С. 78, строка 27: проезжающего – *вместо:* приезжающего (по А).

С. 78, строка 35: входят – *вместо:* входит (по А).

С. 78, строки 38–39: Ну-с, вот мы и одни – *вместо:* Ну вот-с, мы и одни (по А).

С. 79, строка 1: вырвавшись – *вместо:* вырвались (по А).

С. 79, строка 12: а эти дрянные людишки... – *вместо:* эти дрянные людишки. (по А).

С. 79, строка 13: Садится за стол, разбирает книгу и пишет – *вместо:* Садится за стол и разбирает книгу и пишет (в А первое «и» по недосмотру не снято).

С. 79, строки 14–15: просмотреть книгу – *вместо:* посмотреть книгу (по А).

С. 79, строка 19: милостивейший государь – *вместо:* милостивый государь. (по А).

С. 79, строки 19–20: а потом дрянными людьми называть – *вместо:* и потом дрянными людьми называть (по А).

С. 79, строка 30: К Любочке – *вместо:* К Ивану Михайловичу (по А).

С. 80, строка 13: Бывают хуже – *вместо:* Бывает хуже (по А).

С. 80, строка 16: я и они – *вместо:* я и она (по А).

С. 80, строка 28: Любите всё честное – *вместо:* Любите вы честное (по А).

С. 81, строка 1: и то редкие – *вместо:* а то редкие (по А).

С. 81, строки 10–12: В е н е р о в с к и й. Могу я тебя поцеловать, мленькая? Мне хочется. Лю б о ч к а. Нет... оставьте... (по А) – *в копии реплики отсутствуют.*

С. 81, строки 38–39: тут нет ничего удивительного – *вместо:* тут ничего нет удивительного (по А).

С. 81, строка 41: Оно незаметно впиталось в вас – *вместо:* Оно незаметно осталось в вас (по А).

С. 81, строка 42: в навозном хлеву – *вместо:* в навозном хлебе (по А).

С. 82, строка 9: всякой резкой перемене – *вместо:* резкой перемене (по А).

С. 82, строки 13–14: который для вас сделал все уступки пошлости, какие мог, который... – *вместо:* который для вас сделал все уступки пошлости, какие мог, которые... (по А).

С. 82, строка 24: Может быть, это жёлчный пузырек не выпустил свою жидкость – *вместо:* Может быть, этот жёлчный пузырек не выпустит свою жидкость (по А).

С. 82, строки 26–27: я только буду искать – *вместо:* я буду искать (по А).

С. 82, строка 37: Голос старосты – *вместо:* Голос Твердынского (по А).

---

¹ Для I–VI явлений пятого действия (до слов: «Хоть бы Дуняша была со мной. Катенька, что с тобой?») А – автограф ранней редакции (в *Описании* рук. 7).

С. 83, строки 19–20: Уж нынче прошло то время, когда уважали только генералов, а презирали ученое сословие, студентов – *вместо*: Уж нынче пришло то время, когда уважаем только генералов, а презираем ученое сословие, студентов (по смыслу).

С. 84, строка 26: Я выразил убежденье – *вместо*: Я выразил убеждения (по А).

С. 85, строки 10–11: Почему учредителем коммуны мужчина, а не женщина? Не просвечивает ли и здесь идея зависимости женщины? – *вместо*: Почему учредителем коммуны мужчина, а не женщина? (по А).

С. 85, строка 18: разрешение – *вместо*: разрешению (по А).

С. 86, строка 25: вы пар от подошв кумиров моих – *вместо*: вы пар от подошвы кумиров моих (по А).

С. 86, строки 32–33: Конкрет может спутать вас – *вместо*: Конкрет может слушать вас (по А).

С. 87, строка 24: Вы меня разбудите... – *вместо*: вы меня разбудили. (по А).

С. 87, строка 28: Сами вы – *вместо*: Сам вы (по А).

С. 87, строка 35: Да-с, сделать гадость, да и на попятный – *вместо*: Да-с, сделать, да и на попятный (по А).

С. 87, строки 38–39: о моей особе – *вместо*: о моей особе-с (по А).

С. 87, строка 40: Теперь я заставлю вас – *вместо*: Теперь-с, я заставил вас-с (по А).

С. 88, строка 2: забирать в руки – *вместо*: собирать в руки (по А).

С. 88, строка 3: как я вас забрал-с – *вместо*: как я вас забрал (по А).

С. 88, строки 3–4: хвастаетесь – *вместо*: хватаетесь (по А).

С. 88, строки 14–15: стремленьица – *вместо*: стремленьица (по А).

С. 88, строки 15–16: сломать – *вместо*: сломить (по А).

С. 88, строка 17: чтобы цель – *вместо*: чтоб цель (по А).

Рукописный фонд составляют 13 рукописей, из которых 9 – автографы, остальные – копии с правкой и без правки Толстого. Сложность установления хронологической последовательности создания этих рукописей подтверждается некоторыми расхождениями между *Юб.* (т. 7, с. 394–412) и *Описанием* (с. 86–90). Хронология расположения рукописей, предложенная в *Описании*, точнее отражает ход работы Толстого.

Рукопись завершённой редакции комедии не сохранилась. В феврале 1864 г. Толстой приехал в Москву с намерением поставить комедию на театральной сцене, но рукопись ее, по словам С.А. Толстой, «впоследствии Лев Николаевич где-то затерял» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 117). Известно, что рукопись была передана Толстым В.А. Соллогубу и до 1873 г. хранилась у него (см. *Юб.*, т. 7, с. 393).

Начальные этапы работы Толстого над комедией отражены в нескольких небольших по объему автографах (в *Описании* рук. 1–6), представляющих собой варианты начала первого действия, наброски, конспекты и список выражений разночинной интеллигенции. Последующий этап связан с созданием ранней редакции комедии (в *Описании* рук. 7). Работа,

непосредственно предшествующая созданию последней сохранившейся редакции комедии (в *Описании* рук. 12, 13), отражена в автографах (в *Описании* рук. 8, 9) и в копиях (в *Описании* рук. 10, 11). Первоначальные названия комедии – «Современные люди» и «Новые люди» – появились в авторизованной копии (в *Описании* рук. 10) с автографов (в *Описании* рук. 7–9). Название «Зараженное семейство» вписано Толстым взамен зачеркнутого «Новые люди» в рукописи, по которой в настоящем издании публикуются первое, второе и пятое действия комедии (в *Описании* рук. 12). Наброски, конспекты, ранняя редакция и варианты рукописей представлены в томе 9 второй серии.

Отсутствие полной единой рукописи завершённой редакцией делает задачу реконструкции текста комедии очень сложной. Первое, второе и пятое действия комедии публикуются по рукописи (в *Описании* рук. 12), отражающей наиболее поздние этапы работы Толстого над текстом. В этой рукописи, относящейся к 1860-м годам, первое и второе действия представлены авторизованной копией. Третье и четвертое действия – отсутствуют. Пятое действие представлено неавторизованной копией (до ремарки в VI явлении: «*Катерина Матвеевна не отвечает*»); далее – двумя автографами, первый из которых (со слов Катерины Матвеевны: «Любовь, не мешай мне додуматься» – до слов Ивана Михайловича: «Поеду, государь мой, когда выскажу все») является авторской копией раннего автографа (в *Описании* рук. 7), а второй автограф (со слов Венеровского: «А что вам это сказать нужно, нельзя ли узнать?») – до конца пятого действия) представляет собой часть ранней редакции и является единственным сохранившимся окончанием пьесы.

Первоначально комедия была задумана в четырех действиях, содержание которых уже на раннем этапе соответствовало сюжетной линии будущих пяти действий. Впоследствии 3-я сцена третьего действия стала четвертым действием, соответственно четвертое действие – пятым действием.

Рукопись, по которой публикуются первое, второе и пятое действия комедии, в большей своей части представляет копию со множеством авторских исправлений, вставок и замен целых фрагментов текста. Название «Новые люди» изменено в этой рукописи на «Зараженное семейство», количество действий исправлено с четырех на пять. В перечне действующих лиц имя Венеровского *Анатолий* изменено на *Николай* и вновь исправлено на *Анатолий*, в тексте же имя *Николай* осталось неисправленным. То же с фамилией студента: в ранней редакции он носил фамилию *Чертковский*, здесь назван *Твердынским*. Но в самой рукописи осталось *Чертковский*. Не везде исправлено также его отчество: в рукописи встречается *Алексей Петрович* вместо *Алексей Павлович*. Особенностью этой рукописи является также разноречие в авторском написании имени и отчества Прибышева: он то *Иван Михайлович*, то *Михаил Иванович*. Это противоречие прослеживается на всех этапах работы Толстого над комедией. С.А. Толстая, делая с автографа ранней редакции (в *Описании* рук. 7) первую копию (в *Описании* рук. 10) и следуя первоначальной воле самого Толстого, исправила *Михаил Иванович* на *Иван Михайлович*, *Мишель* на *Jean*. Толстой на первом листе этой рукописи,

начав писать переписанный С.А. Толстой текст, в списке действующих лиц написал: *Иван Михайлыч Прибышев*. Но впоследствии при внесении правки как в эту рукопись, так и в последующую копию (в *Описании рук.* 12) Толстой по-прежнему двойко называл Прибышева. В настоящей публикации эти и подобные им разночтения рукописи устранены.

Имена Любочки и Петруши в публикуемом тексте пьесы приводятся в авторском написании: *Любочка* и *Петруша*. В автографах перед репликами этих героев Толстой писал их имена именно так, назвав их *Любовь Ивановна* и *Петр Иванович* только в списке действующих лиц. В копиях, сделанных С.А. Толстой и вслед за ней другими копиистами, в написании этих имен существует разнობой. Лишь однажды Толстой изменил обычное для него написание *Л.*, *Люб.* и *Петр.* на *Л.И.* и *П.И.*, когда, продолжая уже написанную тремя переписчиками рукопись и сохраняя стиль этой копии, копировал собственный автограф. Толстой последовал здесь за копиистами также в том, что изменил обычное для него написание *Ст.*, то есть *Студент*, на *Тв.* и *Тверд.*, то есть *Твердынский*. Это изменение, идущее от копиистов и принятое Толстым, отражено в настоящей публикации (явления IV–VII пятого действия). Причина, вызвавшая его, ясна: в автографах *Студент* и *Староста* обозначались Толстым одинаково – *Ст.*, в результате чего копиисты приписывали реплики одного персонажа другому. Отчество Катерины Матвеевны также составляло трудность для копиистов, называвших ее то *Катериной Матвеевной*, то *Катериной Михайловной*. Путаница в именах персонажей в данном случае – это косвенное указание на то, что в несохранившейся промежуточной копии раннего автографа, которая предшествовала известной нам неавторизованной копии пятого действия, имя и отчество *Катерины Матвеевны* обозначалось только инициалами – *К.М.*

О комедии «Зараженное семейство» С.А. Толстая вспоминала: «Написана она была скоро, спешно и мало обработана» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 116). Действительно, кроме уже названных разночтений, в рукописях комедии можно видеть и другие следы незавершенности. Так, вписав новое начало III явления первого действия, Толстой перенес прежний вариант – разговор и ссору Ивана Михайловича со старостой и приказчиком – в VII явление, но при этом не зачеркнул эту сцену в III явлении. В результате о «возмутительной» и «истинно плантаторской» сцене, перенесенной в VII явление, Катерина Матвеевна сообщает студенту в IV явлении того же действия.

Первое и второе действия комедии представлены наибольшим количеством рукописей. От автографа ранней редакции до последней известной нам авторизованной копии преемственность в этих рукописях не прерывалась. Это дает возможность проследить историю возникновения вариантов текста и понять причины, побуждавшие Толстого вносить правку. Нередко новые варианты текста появлялись вследствие ошибок или пропусков, допущенных копиистами. Например, в ранней редакции Катерина Матвеевна рассуждает: «Любовь – женщина слишком недоразвитая, даже просто совсем не развитая девочка, с которой современный человек не может иметь ничего общего. Так называемое хорошенькое личико, которое уж порядочные люди перестали ценить,

не может иметь влияние на человека с нашим закалом. Красота античная – другое дело, она имеет свое место и значение, но Любовь и не имеет этой красоты». Выделенные нами курсивом слова в первой копии были пропущены. Внося правку, Толстой заменил «современный человек» на «[такой господин] такая личность, как В(енеровский)» и исправил пропуск копииста, зачеркнув «не» и вписав «в эстетике». В результате текст этого фрагмента стал таким: «Любовь – женщина слишком недоразвитая, даже просто совсем не развитая девочка, с которой такая личность, как В(енеровский), не может иметь ничего общего. Так называемое хорошенькое личико, которое уж порядочные люди перестали ценить, может иметь свое место и значение в эстетике, но Любовь и не имеет этой красоты». Далее в автографе и в двух копиях следовало пространное рассуждение Екатерины Матвеевны об античной красоте и супружестве, но, вероятно, оттого, что из текста исчезла ключевая фраза об античной красоте, Толстой во второй копии полностью исключил это рассуждение. В результате незачеркнутыми остались только слова: «Любовь – женщина слишком недоразвитая, даже просто совсем не развитая девочка, с которой такая личность, как Венеровский, не может иметь ничего общего. Я с ним ровня, а Л(юба) – дитя».

Вольные и невольные вмешательства копиистов сыграли значительную роль в истории текста «Зараженного семейства». Некоторые погрешности Толстой исправил сам. Например, «камердин» в речи няни в первой же копии стал «камердинером». Не заметив этого сразу, во второй копии Толстой восстановил «камердина». Но многие другие искажения, в частности – замены народных оборотов речи няни на литературные, остались не исправленными Толстым.

Иногда неточности в копиях были следствием обычных оплошностей и невнимания переписчиков, но нередко копиисты сознательно вносили в толстовский текст поправки, с их точки зрения необходимые. С.А. Толстая вспоминала: «Бывало, так вникаешь всей душой в то, что переписываешь, так сживаешься со всеми лицами, что начинаешь сама чувствовать, как сделать еще лучше: например, сократить слишком длинный период; поставить для большей яркости иначе знаки препинания» (Толстая С.А. *Моя жизнь*, т. 1, с. 95).

Копиисты довольно свободно обращались с пунктуацией толстовских автографов. Отчасти это оправдывается необходимостью вводить недостающие знаки препинания, так как Толстой, торопясь выразить мысль, нередко опускал их. Однако вмешательство копиистов в толстовский текст нельзя принимать безоговорочно в тех случаях, когда переписчики заменяли имевшиеся в автографе знаки препинания. Так, например:

в автографе:

Гм... хе, хе. Ну-с...

тем-то и отличаюсь от болтушек,
как... многие ваши знакомые – тем
отличаюсь-с

в копии:

Гм. хе... хе... ну-с.

тем-то и отличаюсь от болтушек,
как многие ваши знакомые... тем
отличаюсь-с

Копиисты нередко ставили точку с запятой вместо авторской точки или, наоборот, делили одно предложение на две части. Используемые Толстым два тире для обособления вводных конструкций переписчики часто опускали, переставляли, заменяли скобками или точками с запятой. Там, где у Толстого в конце предложения стоял восклицательный знак, копиист мог поставить точку, а вместо точки – восклицательный знак или многоточие. В результате, например, речь Венеровского в копиях приобрела не свойственную его характеру экспрессивность.

В публикуемом тексте комедии в тех случаях, когда это позволяет сделать автограф, сохранена авторская пунктуация. Например, в IV явлении второго действия по автографу восстановлены знаки препинания во фразе: «Найдете ли вы нужным в виду толпы и неразвитых как ваших, так и моих родственников, проделать церемонии бракосочетанья, я – как ни противно это моим убеждениям – вперед даю свое согласие и делаю эту уступку». В копии появились орфографические и пунктуационные изменения: «Найдете ли вы нужным в виду толпы и неразвитых как ваших, так и моих родственников, проделать церемонии бракосочетанья – я, как не противно это моим убеждениям – вперед даю свое согласие, и делаю эту уступку».

В отличие от авторизованной копии первого и второго действий, рукопись пятого действия, которая не была исправлена Толстым, режет возможность вносить правку по автографу, так как ей предшествовала, несомненно, авторизованная копия с раннего автографа, которая не сохранилась. Но вносить исправления в текст необходимо и в этом случае, так как в неавторизованной копии пятого действия много ошибок копиистов. Например, в автографе: «Вы не замечали этого прежде, как [незаметно черное на черном] незаметна грязь в навозном хлеву». В сохранившейся копии вместо «в навозном хлеву» – «в навозном хлебе». Эта явная ошибка в прежних публикациях исправлена одинаково: «в навозном хлеве» (Юб., 7, 278). В основании такого решения, вероятно, лежало предположение, что в несохранившейся копии было написано «в хлеве», а следующий копиист по оплошности заменил «в» на «б». В настоящей публикации эта ошибка копииста (или двух копиистов) исправлена по автографу (см. список исправлений), так как гипотетический вариант не может быть признан авторским.

Переписывая автографы Толстого, С.А. Толстая и другие копиисты обычно оставляли много свободного места между строчками и широкие поля с одной стороны листа. Толстому, как правило, едва хватало оставленного места: он не только заполнял поля, но и вписывал новые варианты между строк. Иногда правка была многоэтапной. Так, значительно переделано, например, VIII явление первого действия. Внеся правку в переписанный Софьей Андреевной текст, Толстой зачеркнул его прямой вертикальной линией и начал писать новый текст на полях. Затем первоначальный текст был восстановлен волнистой линией, отменяющей прямую линию зачеркивания. После этого старый текст вновь был перечеркнут прямыми диагональными линиями и Толстой стал править текст, написанный на полях.

Последовательность внесенной Толстым правки не всегда очевидна, если на нее не указывает, например, цвет чернил или расположение слов и строчек. В этом отношении по настоящему бесценной оказалась небольшая рукопись, состоящая из двух листов большого формата (в *Описании* рук. 11). Написанная рукой С.А. Толстой и не имеющая ни одного авторского исправления, эта копия, на первый взгляд, ничего не прибавляет к истории текста комедии, но в действительности является хранилищем ценной информации об этапах работы Толстого. С.А. Толстая начала переписывать объемную рукопись (в *Описании* рук. 10), в которой Толстой изменил название комедии «Современные люди» на «Новые люди» и в текст которой внес значительную правку. Не доведя переписывание даже до конца I явления, Софья Андреевна отложила эту рукопись за ненадобностью, так как Толстой вернулся к уже исправленной рукописи и вновь начал править текст. В результате в неполной копии С.А. Толстой сохранился точный список с первого слоя правки из предыдущей рукописи. Это облегчило расслоение текста в этом фрагменте и позволило установить, что реплике няни: «Так вы и думаете, что глупее Марьи, няни, нет никого на свете» – предшествовал не только вариант: «Так вы и думаете, что глупее, мол, Марьи, няни, нет никого на свете», – но и другой, близкий к варианту из ранней редакции: «Так вы и думаете, уж вижу, что думаете, что глупее, мол, Марьи, няни, нет никого на свете, нет глупей во всей дворне» (см. т. 9 второй серии).

Основная сложность при подготовке настоящей публикации состояла в выборе основного источника для третьего и четвертого действий комедии. Текст этих действий сохранился в ранних автографах (в *Описании* рук. 7, 8) и в поздней неавторизованной копии (в *Описании* рук. 13), которая датируется серединой 1880-х годов. Эта рукопись, в которой нет правки Толстого, в *Описании* охарактеризована так: «Позднейшая копия с несохранившегося оригинала. Снята не ранее 1884 г., что подтверждается полным соответствием с почерком писем М.А. Стаховича за 1884–1885 гг. Можно предположить, что С.А. Толстая, приступив к выпуску пятого издания собрания сочинений Толстого, поручила М.А. Стаховичу снять копию с двух недостающих действий комедии с экземпляра, который в свое время был передан В.А. Соллогубу» (*Описание*, с. 90). Составители *Описания* впервые точно установили имя одного из нескольких неизвестных переписчиков, помогавших С.А. Толстой, и время, когда им была сделана копия третьего и четвертого действий комедии (в *Юб.* эта рукопись отнесена к 1870-м или началу 1880-х годов и описана совместно с рукописью 12, в которой текст третьего и четвертого действий отсутствует).

То, что переписчиком мог быть М.А. Стахович, подтверждается также упоминанием С.А. Толстой, что он в 1884 г. довольно часто посещал их семью (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 436). Несомненно, можно согласиться с предположением, что эта копия недостающих в рукописи 12 III и IV действий комедии готовилась для пятого издания собрания сочинений 1885 г., в которое «Зараженное семейство», правда, не вошло. Но среди высказанных в *Описании* предположений в отноше-

нии рукописи 13 одно вызывает сомнение, а именно то, что копия была снята с «несохранившегося оригинала», т.е. «с экземпляра, который в свое время был передан В.А. Соллогубу».

Во-первых, маловероятно, что в 1884–1885 гг. в распоряжении С.А. Толстой оказался экземпляр, отданный в 1864 г. В.А. Соллогубу. Из ее воспоминаний известно, что Лев Николаевич «больше не брался» за комедию и что впоследствии Софья Андреевна с трудом собрала разрозненные листы «непоследовательно переписанные разными лицами к спеху, неполные и перепутанные» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 117).

Во-вторых, характерные особенности этой копии убеждают в том, что если она и делалась с несохранившегося оригинала, то этот оригинал был такой же неавторизованной копией и вряд ли мог являться частью белой рукописи, отданной В.А. Соллогубу. Вероятнее всего, эта промежуточная рукопись, названная в *Описании* «несохранившимся оригиналом», вообще не существовала. М.А. Стахович, восполняя пробел в рукописи 12, содержащей первое, второе и пятое действия комедии, переписывал третье и четвертое действия *непосредственно с автографов*, сохранившихся в Ясной Поляне. Текстологических подтверждений тому множество.

К их числу относится, например, заголовок четвертого действия. Если бы описываемая копия третьего и четвертого действий делалась с белого экземпляра, то четвертое действие было бы озаглавлено так: «Действие IV». Однако М.А. Стахович озаглавил его иначе: «(2–III?) Сцена III действия». В автографе – тот же заголовок: «[2] III Сцена III действия». Римская цифра III написана Толстым поверх арабской цифры 2, и копиист добросовестно зафиксировал эту правку, добавив от себя вопросительный знак. «Действие IV» – заголовок краткого черного конспекта, имеющегося в автографе и вошедшего в копию М.А. Стаховича, что очень странно для завершенной редакции. Объяснить это можно только тем, что М.А. Стахович переписывал текст *непосредственно с автографа*, поэтому конспект и оказался в составе сделанной им копии. В конце четвертого действия рукой М.А. Стаховича написано: «Конец III действия». Это служит еще одним доказательством того, что перед копиистом была не белая копия, а ранний автограф.

Рукопись 13 содержит также множество других примеров зависимости характера копии от особенностей автографа. Например, начало 2-й сцены третьего действия сопровождается в копии подстрочной сноской копииста: «Во всей этой сцене Венеровский зовется Семеном, а не Анатолием, как в предыдущих, исправленных автором действиях». Эта запись не что иное, как текстологический комментарий к автографу, с которого делалась копия. Семеном Венеровский назван в ранней редакции, и копиист решил оговорить это разночтение. Дойдя в автографе до III явления той же сцены, где появилась авторская правка и имя Венеровского изменено на Анатолий Дмитриевич, переписчик сделал в копии еще одну сноску: «С этого места Венер. – вновь носит имя Анато-

лия; имя Семен, Сеня, – автором повсюду перечеркивается и заменяется Анат. Д.».

Вопросительные знаки, вставленные копиистом, не раз встречаются в этой копии, и всегда в тех случаях, когда автограф представляет трудность для прочтения. Например, слова Николаева в автографе: «Поедемте, что ж, за что Л(юб)у обидеть» – переписчик воспроизвел так: «Погодите, что ж (далее?)... Л-у обидишь...». Вставленное копиистом в скобках и с вопросительным знаком слово «(далее?)» показывает, что он сомневался в правильности своего прочтения. Действительно, автограф в этом месте достаточно сложен: предлог «за» читается труднее других слов, с верхней строки его перекрывает длинная петля от буквы «т», а идущая вниз петля буквы «з» почти не просматривается.

Нередки случаи, когда копиист, но очень хорошо разбиравший почерк Толстого, делал пропуски или ошибался в прочтении слов. «Погодите» вместо «поедемте», например, он написал дважды. Иногда причину перестановки фраз или пропуска слов в копии помогает понять расположение слов и строчек в автографе. Например, фраза: «В вашем доме это производилось слишком нагло» – в копии выглядит так: «В вашем доме это производилось нагло». В автографе слово «слишком» первоначально было частью фразы: «Но в вашей обстановке мне было слишком пакостно». Толстой зачеркнул эту фразу, написанную крупными буквами, оставив только слово «слишком», а затем мелкими буквами написал новый текст. Строчки в этом месте образовали своеобразную ступеньку, на которую неопытный копиист, вероятно, не обратил внимания, сосредоточившись на мелко написанном новом тексте. В результате слово «слишком» оказалось пропущенным.

Необходимость внесения исправлений в текст неавторизованной рукописи 13, избиравшейся в предыдущих изданиях в качестве основного источника для третьего и четвертого действий, была очевидной для всех редакторов, в разные годы готовивших к публикации «Зараженное семейство». Во второй публикации¹, например, только в текст 1-й сцены третьего действия внесено 44 исправления. В.Ф. Саводник справедливо назвал состояние рукописи 13 «дефективным» (*Юб.*, т. 7, с. 412).

Неверное прочтение слов, связанное с трудностями автографа; пропуски и перестановки отдельных слов и фраз; обычная для копиистов замена окончаний *-е* на *-ие* и наоборот; всевозможные изменения знаков препинания, приводящие иногда к искажению смысла; и, главное, отсутствие таких разночтений, которые могли бы быть результатом авторской правки, – все это дает основания предположить, что если промежуточная рукопись и существовала, то она могла быть только неавторизованной копией.

Характерные примеры упомянутых разночтений (до косой черты представлен текст автографа, после косой черты – тот же текст в копии): *именье / Имение; убеждение / Убежденье; конфеты / Конфекты;*

---

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание художественных произведений: В 15 т. / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1928–1930. Т. 11. С. 3–81.

брильянт / Бриллианты; смыслу нет / смыслу нету; Девушка проходит / Проходит девушка; ударяет себя по голове, с азартом / ударяя себе по голове, с азартом; Входит лакей с плетушкой, серебром и посудой / Входит лакей с плетушкой серебра и посудой; в наше время быть из семинарии есть почти чин / в наше время быть из семинарии почти чин; Я говорил вообще, не относя лично к вам / Я говорил вообще, не относя ничего к вам; Ну, выгоднее не выгоднее, а все надо идти за веком / Ну, выгоднее-то – не выгоднее, а все надо идти за веком; ты шутишь?.. Где они?.. / ты шутишь? Где они?; А вот как-с / А вот-с как; как же-с / как же; Я их не могу отдать / Я не могу отдать их.

Сопоставление неавторизованной копии (в *Описании* рук. 13) с автографами (в *Описании* рук. 7, 8) позволяет сделать вывод, что между ними не было промежуточной *авторизованной* рукописи. Все различия между автографами и копией носят характер обычных ошибок и неточностей, допускаемых копиистами. Этим объясняется выбор в настоящем издании в качестве основного источника для третьего и четвертого действий комедии не поздней неавторизованной копии, которая была признана исследователями несовершенной, а автографов, непосредственно предшествовавших этой копии.

Сложность восстановления основного текста комедии по сохранившимся рукописям связана не только с невольными ошибками и с сознательными исправлениями копиистов, но также с трудностями прочтения отдельных слов и в некоторых случаях с незавершенностью авторской правки. Ярким примером тому может служить фрагмент из I явления 1-й сцены третьего действия. В автографе первоначально было:

«Лакей (входит с запиской). От жениха к барышне.

Иван Михайлович. Что такое? Косынка. (Читает.) «[Есть] [испол(ните?)] Чтобы вы не простудили свое драгоценное горлышко, посылаю вам косыночку и [для меня] прошу надеть ее в церковь». Что-то странно.

Николаев. Что он, подарил что-нибудь? Ну там брильянт, шаль.

Иван Михайлович. Ну кто теперь дарит. Да и что, дорог не подарок, дорога любовь.

Николаев. Сделает скандал, уж я вижу.

Лакей. Куда прикажете?

Иван Михайлович. Неси барышне.

Николаев. Какая же тут мода, ведь не каждый день женятся – тебе не весело, так девочку повесели. Ведь ей это какая радость, а то в двугривенный косынку прислал. Что такое? Ничего смыслу нет».

Затем Толстой внес правку в первую часть этого фрагмента:

«Лакей (входит с запиской). От жениха к барышне.

Иван Михайлович. Что такое? Косынка песцовая. (Читает.) «Миленькая, прелестная!» Чтобы вы не простудили свое драгоценное

---

* Миленькая, прелестная Толстой исправил на Милейшая, прелестнейшая.

горлышко, посылаю вам [сию] косыночку и прошу надеть ее". Что-то странно».

После этого, решив заменить «косынку» на «ножницы», Толстой зачеркнул первую часть фрагмента, а во вторую внес правку:

«Николаев. Что он, дарил что-нибудь? Ну там брильянт, шаль, знаешь, как водится...

Иван Михайлович. Ну кто теперь дарит. Да и что дарить? Дорог не подарок, дорога любовь. Подарил [так] ножницы, кажется.

Николаев. Ну вот наплюй ты мне в рожу, коли не выйдет какая-нибудь гадость.

Лакей. Куда прикажете?

Иван Михайлович. Неси барышне.*

Николаев. Какая же тут мода, ведь не каждый день женятся — тебе не весело, так девочку повесели. Ведь ей это какая радость, а то в двугривенный ножницы прислал. Что такое? Ничего смыслу нет».

На следующем этапе правки Толстой восстановил первую часть фрагмента, перечеркнув прямые линии зачеркивания волнистыми линиями. Таким образом, в тексте остались и «косынка», и «ножницы». Важно, что далее (в III явлении) следуют реплики барышень, смысл которых без восстановленного фрагмента не вполне понятен:

«2-я барышня. Что ж, косынку женихову наденешь?

3-я барышня. Как же можно цветное к свадебному».

В копии зачеркнутая и восстановленная часть фрагмента, в которой говорится о «косынке», отсутствует. Вероятно, двойные линии зачеркивания копиист принял за намерение автора исключить этот текст. Отсутствуют в копии и две не зачеркнутые Толстым реплики: «Лакей. Куда прикажете? Иван Михайлович. Неси барышне». Может быть, копиист сам принял решение исключить их, так как в них речь идет о записке и подарке Венеровского. При этом следующие ниже реплики барышень о жениховой косынке копиист сохранил. Таким образом, противоречие («косынка» и «ножницы») осталось и автографе, и в копии.

В первой публикации¹ текст этого фрагмента соответствует копии. Во второй публикации² полностью воспроизведен текст автографа, только после слова «косынка» отсутствует вписанное слово «песцовая» (оно трудно читается). В Юб. (т. 7, с. 247) после слова «косынка» следует «[I неразобр.]»; реплики лакея и Ивана Михайловича, пропущенные копиистом, отсутствуют; реплики барышень включены. В публикацию

* Текст: Лакей. Куда прикажете?

Иван Михайлович. Неси барышне. — остался незачеркнутым.

¹ Толстой Л.Н. Неизданные художественные произведения. М., 1928, с. 83.

² Толстой Л.Н. Полное собрание художественных произведений: В 15 т. / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1928–1930. Т. 11. С. 49.

1982 г.¹ включена первая часть фрагмента; определение к слову «косынка» прочитано как «плюсовая»; реплики лакея и Ивана Михайловича отсутствуют; реплики барышень включены. Незавершенность правки в автографе и трудно читаемое слово «песцовая» стали причиной столь разных текстологических решений. В настоящем издании комедии текст этого фрагмента воспроизведен по автографу.

Предложенное в издании 1982 г. прочтение трудно читаемого слова «песцовая» как «плюсовая» не может быть принято. Во-первых, графический облик слова с характерным толстовским написанием буквы «ц» заставляет сомневаться в таком прочтении, во-вторых, значение слова «плюсовая» не связано со смыслом слов Венеровского («Чтобы вы не простудили свое драгоценное горлышко»), что немаловажно, потому что действие происходит в начале осени. Плюсовая, то есть пропитывание ткани или кожи особым химическим раствором перед окрашиванием или печатанием рисунка, указывает лишь на то, что косынка цветная, но не на то, что она теплая.

Прочтение «песцовая», несмотря на необычность сочетания со словом «косынка», представляется единственно возможным, и основанием для этого служит не только графический облик слова. В словаре В.И. Даля слово «косынка» помещено в словарную статью «Косой»: «*Косой платок*, косынка, треугольный». Присланный Венеровским платок был, вероятно, меньше шали («в двугривенный»), но больше привычной маленькой косынки. И, главное, он был теплым. Подаренная Любочке песцовая косынка – это платок, связанный из песцовой шерсти. Окраска такой шерсти может быть белой, голубой, серой, пестрой, коричневой, черной, белой в крапинку. На то, что это была не белая косынка, указывает реплика барышни: «Как же можно цветное к свадебному». Косвенным подтверждением правильности прочтения этого слова и того, что подарком Венеровского мог быть небольшой платок, связанный из песцовой пряжи, служит также рассказ И.А. Бунина о встрече с Толстым в холодный зимний вечер в Москве на Арбате: «Старческое лицо его так застыло, посинело, что имело совсем несчастный вид. Что-то вязанное из голубой песцовой шерсти, что было на его голове, было похоже на старушечий шлык. Большая рука, которую он вынул из песцовой перчатки, была совершенно ледяная» (*Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967, т. 9, с. 61–62*).

В рукописях «Зараженного семейства» много трудно читаемых слов. Для некоторых из них в настоящем издании предложено иное, отличное от предыдущих публикаций прочтение. Например, в (Первом начале) комедии (в *Описании рук*. 1), содержащем список действующих лиц и их краткие характеристики, против сокращенного слова Прик(азчик) Толстой не совсем разборчиво написал два слова, которые редакторы Юб. издания прочитали как «Всега всем» (т. 7, с. 394). В настоящем издании представлено иное прочтение – «Воля ваша» (см. т. 9 второй серии). Оно соответствует графическому облику записи, и, главное, тому,

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1978–1985. Т. 11. С. 402.

что в комедии, начиная с раннего автографа до последней рукописи, Толстым сохранена неизменной фраза приказчика: «Воля ваша-с, Иван Михайлыч, а я вам не слуга». Дерзкое поведение приказчика в сочетании с показным подобострастно-почтительным обращением с баринем напоминает ранее созданный образ приказчика в «Утре помещика» и «Романе русского помещика». В настоящей публикации устранены также и другие неточности в прочтении отдельных слов, имеющиеся в предыдущих изданиях.

Сохранившиеся рукописи комедии «Зараженное семейство» не имеют авторской датировки. Однако временем ее создания можно уверенно считать зимние месяцы 1863–1864 гг., когда Толстой уже начал работу над книгой, впоследствии получившей название «Война и мир». Впрочем, в отечественной науке высказывалась и другая точка зрения. Изучая раннюю редакцию пьесы, К.Н. Ломунов на основании отдельных реплик и характера действующих лиц предположил, что она была написана еще в 1862 г., вскоре после выхода в свет романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (см.: *Ломунов К.Н. Драматургия Л.Н. Толстого*. М., 1956, с. 90–92). Н.Н. Гусев, оценивая гипотезу Ломунова, заметил: «Определенных данных в пользу этого мнения в нашем распоряжении нет». Вместе с тем биограф Толстого назвал справедливым указание К.Н. Ломунова на то, что «именно со второй редакции начинается полемика с Чернышевским, которой в первой редакции еще нет» (*Летопись*, I, с. 294). По мнению Н.Н. Гусева, работа над пьесой была начата Толстым в 1863 г., после выхода в свет романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Исследователь указывает, что в январе 1864 г. уже велись переговоры о постановке пьесы в Малом театре (там же, с. 294, 295). В.Ф. Саводник, комментатор «Зараженного семейства» в Юбилейном собрании сочинений, также относит создание комедии к зиме 1863/64 гг. (*Юб.*, т. 7, с. 389).

Каких-либо сведений, позволяющих отнести начало работы над «Зараженным семейством» к 1862 г., в дневниках и письмах Толстого действительно нет. Хронология воплощения замысла позволяют восстановить также письма лиц из окружения Толстого. В семейной переписке Толстых и Берсов за 1862 г. о пьесе ничего не говорится. Зато в период с конца декабря 1863 г. по конец января 1864 г. она обсуждается с живейшим интересом.

22 декабря 1863 г. С.А. Толстая сообщила своей сестре Т.А. Берс: «Лева очень занят писательством» (*ОР ГМТ*). Позднейшие воспоминания С.А. Толстой, относившей создание «Зараженного семейства» именно к зиме 1863–1864 гг., позволяют думать, что речь в этом письме шла именно о комедии (см.: *Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 116).

В начале 1864 г. (январь–февраль) появились и свидетельства самого Толстого. 20 января из Ясной Поляны он сообщил сестре М.Н. Толстой: «Я пишу роман из 12-х годов и теперь комедию» (*Юб.*, т. 61, с. 34–35). 1 февраля – брату С.Н. Толстому: «...я дописал свою комедию и завтра хотел ехать в Москву, везти ее» (*Юб.*, т. 61, с. 35). 24 февраля, вновь М.Н. Толстой: «...написал комедию...» (*Юб.*, т. 61, с. 37). Еще одно

упоминание о пьесе было сделано Толстым в письме к его двоюродной тетке А.А. Толстой от 14 ноября 1865 г.: «Я написал два года тому назад комедию (которую) не напечатал» (*Юб.*, т. 61, с. 115).

Создание пьесы «Зараженное семейство» с самого начала сопровождалось у Толстого мыслями о ее скорейшей постановке. Между 21 и 23 декабря 1863 г. в несохранившемся письме к отцу С.А. Толстой А.Е. Берсу Толстой, по всей видимости, сообщал, что работает над комедией, и перечислял актеров, которых хотел бы видеть занятыми в ролях. О содержании письма можно судить по ответу А.Е. Берса от 25 декабря: «...Наконец, сбудется мое давнее желание – ты произведешь на свет комедию, которая будет играть на сцене (...). Я кладу голову на плаху, если ты не похоронишь всех наших существующих драматических писателей. Ты – наш Теккерей; в тебе сидит много логики; ты не погонишься за одними эффектами, и поэтому-то самому и производишь его в своих сочинениях, исполненных верностью и простотой» (*Кузминская*, с. 314). По словам С.А. Толстой, ее отец «очень интересовался этой комедией, верил, что она будет так же хороша, как и другие произведения Льва Николаевича» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 116).

Тогда же А.Е. Берс – врач Московской дворцовой конторы и сверхштатный врач Московских театров, вызвался хлопотать о постановке пьесы. Очевидно, Толстой предполагал, что роль помещика Ивана Михайловича Прибышева сыграет И.В. Самарин, чиновника Венеровского – С.В. Шумский, студента Твердынского – А.А. Рассказов. Эти актеры были обозначены в автографе ранней редакции «Зараженного семейства» (в *Описании рук.* 7) после первой сцены действия III напротив перечня действующих лиц. А.Е. Берс извещал Толстого: «Названные тобою артисты все уже имели свои бенефисы, но лучший бенефис будет режиссера Богданова 21-го генваря. Постарайся прислать только как можно скорее твое творение, оно будет принято с благодарностью» (*Кузминская*, с. 314). Бенефис А.Ф. Богданова в 1864 г. состоялся не 21 января, а 10 февраля. Играли две пьесы: «Чужую вину», комедию в пяти действиях Ф.Н. Устрялова, и «Без вины виноват», водевиль в одном действии С.П. Соловьева. Сведения в письме А.Е. Берса о бенефисах других актеров верны. Действительно, в театральном сезоне Малого театра 1863 г. они состоялись ранее бенефиса Богданова: 2 октября – А.А. Рассказова, 18 ноября – С.В. Шумского, 11 декабря – И.В. Самарина.

Переговоры с Малым театром продолжил брат С.А. Толстой – А.А. Берс. 11 января 1864 г. он сообщил С.А. Толстой: «Любезный друг Соня. Я не хотел писать, не исполнив первоначально все ваши комиссии. Вчера я видел режиссера Богданова и говорил об Левочкиной комедии, он просит как можно скорее доставить ее, если можно, то чрез неделю или полторы недели (...). Мы вас ждем на масленицу, а может быть вы и раньше приедете, чтоб посмотреть в первый раз на сцене вашу комедию, скажи Левочке, чтоб он поспешил» (*ОР ГМТ*). Здесь же недвусмысленно сказано об интересе, который проявил Богданов к комедии: «...ужасно рад был, когда я ему сказал, что Левочка желает, чтоб она у него в бенефис шла, бенефис его не назначен какого числа, а должен быть до

масленицы, сказал, что сам поедет в Петербург, чтоб там ее долго не держали в цензурном комитете, сам ее потом передаст дирекции, чтоб со всякого представления по тому получать известный процент. Вообще так был рад, так благодарил, что и просто страсть, до сих пор мозоли на руках от пожатия его рук» (*ОР ГМТ*).

Слух о том, что Толстой приступил к созданию произведения «на злобу дня», распространился в обществе. 11 января 1864 г. газета Министерства внутренних дел «Северная почта» (№ 9) объявила: «Граф Л.Н. Толстой (...) впервые выступающий на поприще драматического писателя, оканчивает комедию в трех действиях, с весьма современным заглавием – “Эмансипация женщин” и работает над большим романом из эпохи 1812 г.» («Северная почта, СПб. 11 (23) января 1864, № 9, с. 33).

Комедия неоднократно обсуждалась в письмах А.Е. Берса к Л.Н. и С.А. Толстым за январь 1864 г. 12 января – С.А. Толстой: «Что же это твой муж не посылает нам своей пьесы? Саша рассказывал мне сюжет, – нет сомнений, что она произведет большой эффект; я бы желал, чтобы ее дали в то время, когда он будет в Москве, и хорошо бы было, если б он сам поставил ее на сцену. Пожалуйста, скажи ему, чтобы он отнюдь не дарил ее дирекции, а отдал бы ее на общих авторских правах» (*ОР ГМТ*). 16–17 января А.Е. Берс уведомлял Толстого, что общий знакомый Берсов и Толстых – Ю.А. Оболенский, как и все близкие писателя, ожидал появления его сочинения: «На днях встретил я в утреннюю прогулку мою Юшу Оболенского, он спрашивал меня много о тебе, я объявил ему, что ты обещаешь выслать нам комедию и что к масленице мы ожидаем тебя в Москву. Он также ожидает от твоей комедии много хорошего» (*ОР ГМТ*). Об этом же 27 января: «В публике уже носится слух, что скоро явится на свет твоя комедия, мой добрый друг, а не твой, Соня. Какой-то смельчак напечатал об этом в антректе, я полагаю, что это идет от режиссера; прошу же, Лев Николаевич, меня в этом не винить – а присылай скорее всего свое творение, мы все ждем его с большим нетерпением». Видимо, А.Е. Берс имел в виду объявление от 11 января 1864 г. в «Северной почте». И несколько ниже: «Сейчас возвратились наши из театра; говорят, что драма гадость, а давали также Провинциалку Тургенева, – и этой комедией остались все довольны, ну скоро ли мы будем любоваться твоей?» (*ОР ГМТ*).

В письме А.Е. Берса от 29 января к С.А. и Л.Н. Толстым переданы впечатления от комедии вернувшегося из Ясной Поляны А.М. Кузминского: «Рассказывал нам Саша Кузминский об пьесе, которую дописывает твой муж. Нет никакого сомнения, что она будет иметь большой успех; – и куда бы как хорошо было, если б твой муж сам поставил ее на сцену» (*ОР ГМТ*). 27 января, обращаясь к Т.А. Берс, С.А. Толстая говорила о намерении вскоре поехать в Москву для постановки на сцене «Зараженного семейства». Сообщая о творческих планах Толстого, она хлопотала также об устройстве будущего младшей сестры. Предполагая возможность брака между братом мужа и Т.А. Берс, С.А. Толстая прямо советовала сестре встретиться в Москве с С.Н. Толстым, воспользовавшись для этого ожидаемой постановкой: «Лучше всего вам поговорить

самим, я этого очень желаю. Мы сами собираемся скоро ставить пьесу, и я всеми силами постараюсь его (С.Н. Толстого) потащить с нами, хоть под предлогом, чтоб видеть пьесу Левы» (*ОР ГМТ*).

В начале февраля Толстые приехали в Москву. Писатель торопился исполнить свое намерение: театральные сезоны заканчивались 23 февраля. Как отмечала Т.А. Кузминская, у него «было страстное желание» увидеть комедию на сцене «немедленно». Однако замысел не осуществился: «Несмотря на все хлопоты, поставить ее в казенном театре Льву Николаевичу не удалось. Препятствий было много: цензура, пост, мало обработана и т. д.» (*Кузминская*, с. 314). Дальнейшие заботы о цензурном разрешении и о сценической судьбе «Зараженного семейства» взяла на себя известный литератор и театральный деятель В.А. Соллогуб. Они тоже не увенчались успехом. По прошествии многих лет, 15 сентября 1873 г. Соллогуб напоминал Толстому: «У меня давно лежит Ваша комедия. Вы, следовательно, мне верили и доверяли (...) Душевно Вам преданный В. Соллогуб» (*Переписка*, т. 2, с. 160).

При жизни писателя пьеса так и не была ни опубликована, ни поставлена на сцене.

Комедия «Зараженное семейство» возникла на острие полемики, разгоревшейся в России 1860-х годов вокруг набирающего силу нигилистического мировоззрения и его последователей – радикально настроенных интеллигентов-разночинцев. Идеи вдохновители нигилизма отвергали религиозные ценности и связанные с ними нравственные нормы, вековые устои семейной и общественной жизни. Вместо этого утверждались материалистические воззрения на мир, провозглашалась принципиально иная мораль, проектировалось новое социальное устройство, разрабатывалась обновленная теория искусства. Литературной трибуной направления стали журналы «Русское слово» и «Современник» (после победы радикального крыла редакции). Ведущая роль в распространении новых идей принадлежала Н.Г. Чернышевскому, Н.А. Добролюбову, Д.И. Писареву.

В русской литературе 1860-х годов нигилистические взгляды и собственно «новые люди» получили широкое и неоднозначное освещение. Этапным событием в художественном отображении нигилизма стал роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» («Русский вестник». 1862, февраль, № 2). В образе Базарова предстал тип разночинца, деятеля нового направления, который «ко всему относится с критической точки зрения» и «ни во что не верит» (*Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Сочинения, т. 8. М.; Л., 1964, с. 216, 219*). Роман вызвал ожесточенные споры. Консервативно-либеральные журналы «Русский вестник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «почвеннические» «Время» и «Эпоха», признавая жизненность тургеневского героя, усомнились в общественной пользе его деятельности и в ряде черт квалифицировали эту деятельность как вредную и опасную, подрывающую устои общества. Демократические издания разошлись в оценке Базарова. Если М.А. Антонович, выступая на страницах

«Современника», увидел в «Отцах и детях» «разрушительную критику молодого поколения» (*Антонович М.А.* Литературно-критические статьи. М.: Л., 1961, с. 45), то ведущий критик «Русского слова» Д.И. Писарев не считал образ Базарова карикатурным и утверждал необходимость «новых людей» для будущего России.

Литературная полемика о нигилистах достигла наивысшего накала с выходом в 1863 г. романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» («Современник», № 3, 4, 5). Здесь были с глубоким сочувствием представлены различные типы радикально мыслящих интеллигентов, избравших целью своей жизни построение нового мира. Центральное место заняла в романе тема женской эмансипации. Многие женщины восприняли образ Веры Павловны как своего рода жизненную модель на пути к свободе и равноправию.

На протяжении последующих полутора десятилетий в России появилось множество полемичных по отношению к роману «Что делать?» художественных произведений, где «новые люди» и нигилизм изображались и оценивались сугубо критически. Возникла жанровая разновидность романа, получившая со временем устойчивое название антинигилистического. К подобным произведениям традиционно относятся «Марево» (1864) В.П. Ключникова, «Современную идиллию», «Поветрие» (1865, 1867) В.П. Авенариуса, «Панургово стадо» (1869), «Две силы» (1874), составившие дилогию «Кровавый пуф. Хроника о новом смутном времени Государства Российского» В.В. Крестовского, «Мари-ну из Алого Рога» (1873) Б.М. Маркевича, «Скрежет зубовный» (1878) В.Г. Авсеенко и др. С другой стороны, с антинигилистическим романом сближаются сочинения крупнейших писателей эпохи, где вскрывается глубинная природа нигилизма и пагубность его воздействия на человека и мир: «Взбаламученное море» (1863) А.Ф. Писемского, «Некуда», «Обойденные», «На ножах» (1864, 1865, 1870–1871) Н.С. Лескова, «Обрыв» (1869) И.А. Гончарова, «Бесы» (1871–1872) Ф.М. Достоевского.

Роман Н.С. Лескова «Некуда» создавался почти одновременно с работой Толстого над «Зараженным семейством» и был напечатан в 1864 г. в журнале «Библиотека для чтения» (№ 1–5, 7–8, 10–12). По мысли Лескова, в России единственно возможно и необходимо поступательно-эволюционное совершенствование общества путем реформ. Позиция автора выражена доктором Розановым: «Надо испытать все мирные средства, а не подводить народ под страдания», так как «форсированными маршами (...) идти некуда» (*Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. М., 1956–1958, т. 2, с. 310, 446). Известный литератор А.И. Фаресов вспоминал, что Толстой на склоне лет назвал Лескова «первым в 60-х годах идеалистом христианского типа и первым писателем, указавшим недостаточность материального прогресса и опасность для свободы и идеалов от порочных людей» (*Фаресов А.И.* Против течений. СПб., 1904, с. 69). Спустя год в «Отечественных записках» (1865, № 9–12) публикуется роман Лескова «Обойденные», продолживший полемику с Чернышевским. Следующее произведение писателя «На ножах»

(«Русский вестник», 1870, № 10–12; 1871, № 1–8, 10) оказалось созвучно обстоятельствам дела о нечаевской «Народной расправе».

Наиболее полное художественное выражение антинигилистическая идеология получила в романах И.А. Гончарова «Обрыв» и Ф.М. Достоевского «Бесы».

Творческая история «Обрыва» («Вестник Европы», 1869, № 1–5) тесно связана с общественно-политическим развитием России 1840–1860-х годов. Найденное Гончаровым летом 1868 г. окончательное название романа установило идейно-психологический и сюжетно-композиционный центр произведения – судьбу поколения, потерпевшего трагическое поражение в напряженном поиске своего места в обществе и истории. Первоначальный план «Обрыва» претерпел существенные изменения в связи с обострением в 1860-х гг. идейной борьбы, неприятием Гончаровым материалистических и революционных воззрений демократов, их трактовки женского вопроса, взглядов на семью, что отразилось на создании образа «нигилиста» Марка Волохова.

24 марта 1870 г. Достоевский сообщал Н.Н. Страхову: «На вещь, которую я теперь пишу в “Русский вестник”, я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л., 1972–1990. Письма, т. 29₁, с. 111–112). Результатом явился роман «Бесы» («Русский вестник», 1871, № 1, 2, 4, 7, 9–11; 1872, № 11, 12). Разрушительной программе действий новых нигилистов, вскормленных ошибочным, «оторванным от почвы» идеологическим опытом их исторических предшественников, противопоставлена здесь основополагающая идея творчества Достоевского о нравственном обновлении и перевоспитании людей по Христову евангельскому закону.

«Зараженное семейство» Толстого принадлежит к числу ранних художественных откликов на явление нигилизма и занимает особое место в антинигилистической литературе тех лет. Замысел комедии Толстой приоткрыл в письме к сестре Марии Николаевне от 24 февраля 1864 г.: «Я пишу длинный роман из 1812 года, а между прочим написал комедию, кот(орую) хотел поставить в Москве, но не успел перед масленицей (...) она вся написана в насмешку эманципации женщин и так назыв(аемых) нигилистов» (*Юб.*, т. 61, с. 37). Вместе с тем злободневная пьеса раскрывала тему «новых людей» в широком контексте проходивших в стране общественных преобразований. Ее проблематика захватывала разные стороны русской действительности начала 1860-х годов, и, в первую очередь, переустройство жизни в деревне, вызванное отменой крепостного права.

Обнародование Манифеста от 19 февраля 1861 г. застало писателя за границей. Записи в дневнике, сделанные Толстым в первые месяцы по возвращении в Россию, отразили всю сложность реформирования хозяйства в Ясной Поляне. 6 мая 1861 г.: «Завтра с утра Поликушка и читать положения». 7 мая: «С мужиками почитал положенья и больше

ничего». 8 мая: «Втянулся в хозяйственный гнев». 9 мая: «Совещание с мужиками. Макарыч, грубое выражение их мысли. Расстался дружелюбно» (*Юб.*, т. 48, с. 37). Одновременно с решением земельных проблем в его собственных имениях Толстой, избранный мировым посредником, оказался причастен к проведению реформы в Крапивенском уезде, где находилась Ясная Поляна. В письме к М.Н. Каткову от 29 июня он делится впечатлениями как о деятельности других мировых посредников, так и о прохождении реформы в целом: «Ежели бы возможно все печатать, что здесь делается моими милыми товарищами М(ировыми) Поср(едниками), волос бы стал дыбом у всей публики, а (вместе) с тем, благодаря здравому смыслу народа, (дело) идет и в других участках хорошо» (*Юб.*, т. 60, с. 395).

С трудом вводилось в имениях семьи Толстых «Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости». В «Зараженном семействе» на «царскую бумагу», «чтоб дворовых за службу под мост со двора согнать», сетует няня. В июльском письме 1861 г. из Ясной Поляны управляющему имением Никольское-Вяземское П.Е. Воробьеву Толстой рекомендует объяснить дворовым, «что сроку пребывания на старых местах я им даю на один месяц. Прошу тебя очень, не вводя меня в неприятности, всё это исполнить» (*Юб.*, т. 60, с. 403). «Что дворовые?» – спрашивал Толстой Воробьева в письме от 5 августа того же года (*Юб.*, т. 60, с. 404). 16 апреля 1863 г. ему же Толстой писал: «О дворовых прошу сообщить г-ну посреднику, что я не желаю далее держать их в своих строениях бесплатно» (*Юб.*, т. 61, с. 15).

В «Зараженном семействе» упоминаются уставные грамоты, учрежденные Манифестом от 19 февраля 1861 г. по каждому сельскому обществу или имению. В них исчислялось количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер повинностей, причитающихся с работников в пользу помещика как за землю, так и за другие от него выгоды. Толстой участвовал в утверждении таких грамот на территории Крапивенского уезда. Весной 1862 г. (март–апрель) из Ясной Поляны он сообщает брату С.Н. Толстому: «Уставных грамот 60 неутвержденных, и отказаться от Посредничества нельзя, не окончив их. Я нынче начинаю езду по уст(авным) Грам(отам)» (*Юб.*, т. 60, с. 421). В письме к П.Е. Воробьеву от 23 октября 1863 г. Толстой просит управляющего как можно быстрее измерить землю в Никольском для нового крестьянского надела, «который отведется им по проекту обязательного разверстания» (*Юб.*, т. 61, с. 25).

Отзывы об уставных грамотах представителей «старого» и «нового» века в комедии разнообразны. У Марьи Васильевны и няни – отрицательные. Положительно оценивают грамоты нигилисты Катерина Матвеевна, Венеровский и помещик Иван Михайлович. Общность их мнений в данном вопросе примиряет «отцов» и «детей», «старое» и «новое» в пореформенной России. Именно в беседе об уставных грамотах Катерина Матвеевна проявляет способность оценить достоинства своего оппонента, и в сатирическом образе «стриженной иманципации» проявляется некое здоровое зерно.

Письма Толстого за 1864 г. отражают сложные отношения между Толстыми-хозяевами и работающими у них мужиками. В письме к брату С.Н. Толстому от 23 апреля Толстой рассказывал: «Мужики, отбившие скотину, оштрафованы посредником (...). В тот день, как я приехал, была тоже загнана скотина, и мужики носят штрафы» (*Юб.*, т. 61, с. 46). В письме к П.М. Дарагану, написанном в тот же день, Толстой жаловался на крестьян: «Воровство в нашей местности с каждым годом увеличивается. Дерзость воров, уведших у меня лошадей, коров, овец и укравших весы с амбара, дошла до того, что прошлой осенью почти перед домом выкопали молодые яблони и увезли. Садовник мой нашел яблони у соседнего мужика (...). Мужик же, должно быть, собирается пересадить весь мой сад на свой огород» (*Юб.*, т. 61, с. 47). Из письма от 15 мая М.Н. и С.Н. Толстым: «Пироговские же мужики до сих пор, несмотря на мои поездки в Пирогово и жалобы посреднику, не уплатили половины оброка и обещают через неделю» (*Юб.*, т. 61, с. 49).

Хозяйственные трудности, отмеченные в дневнике и письмах Толстого начала 1860-х годов, безусловно, повлияли на критическое изображение в «Зараженном семействе» мужиков, старост, приказчиков и управляющих. Общее состояние дел передает реплика Ивана Михайловича: «Все раскрыто, развалено, тащат, крадут, никто ничего не работает». На воровство мужиков жалуется и приказчик: «с этим народцем служить никак невозможно-с. Нынче опять ночью две веревки украли. Шинные колеса было утащили, спасибо, углядел. Сколько раз приказывал запирать – не слушают». Марья Васильевна никак не дожидется столяра, чтобы у стола ножку починить. Конфликтуют между собой местные мужики и вольные работники, что срывает пахотные работы. Позиция прибышевских крестьян передана приказчиком: «Он нас нанял, говорят. То-то, говорит, вы больно ловки, нам цены сбивать. Вишь, выискались по одному рублю серебром за десятину косить». Из-за лучшего места неожиданно, в горячую пору, бросает службу и сам приказчик, забыв прошлые благодеяния Прибышева, который одарил его землей и дал вольную до Манифеста.

На фоне обострившихся хозяйственных и социальных отношений между помещиком и крестьянами в пьесе Толстого отображены образ жизни, идеи, принципы радикально настроенной молодежи 1860-х годов. Некоторые из «новых людей» показаны определенно критически.

Летом 1863 г., вскоре после публикации романа Чернышевского «Что делать?», в России начали возникать коммуны и артели, подобные той, о которой заходит речь в произведении. Наибольший резонанс в обществе получила коммуна на Знаменской улице в Петербурге, организованная в августе 1863 г. (см. с. 342–343). По утверждению Н.Н. Гусева, слухи об этой и других коммунах дошли и до Ясной Поляны (см.: *Гусев, II*, с. 622). В комедии Толстого Венеровский рисует Любочке картину их будущей совместной жизни по правилам, принятым в коммуне (отдельные и общая комнаты, каждый живет как хочет, не мешая друг другу). В петербургскую коммуны, где «супружество не существует, а совер-

шенно свободные отношения», убегают Катерина Матвеевна, студент Твердынский и молоденький гимназист Петруша Прибышев.

Ключевая особенность образа жизни «новых» людей – выбор «свободной» профессии. Разночинцы нередко выбирали сферой своей деятельности журналистику, занятия переводами в больших коммерческих журналах, частную учительскую практику. В 1860-х годах модным занятием стало писательство; нередко литературная деятельность являлась удачной возможностью создать себе громкое имя, помогающее сделать карьеру на государственной службе. Именно эти стороны жизни «новых людей» иронически освещены в образах «литераторов»-нигилистов (Венеровский, Катерина Матвеевна) и в отдельных упоминаниях о других лицах (устроивший коммуны в Петербурге приятель Твердынского).

В середине XIX в. в России по инициативе разночинной интеллигенции, главным образом студенческой молодежи, возникли воскресные школы для взрослых и детей (рабочих, крестьян, ремесленников, служащих), занятия в которых проводились сначала по воскресным дням и праздникам, а позднее и в будни. Одни из первых школ такого рода были организованы в 1858–1859 гг. в Полтаве и Киеве. В течение двух–трех лет в Петербурге, Москве и других городах открылось около трехсот школ. Революционные демократы нередко использовали эти школы для пропаганды собственных идей. В пьесе Толстого школа для детей золотых дел мастеровых, организованная Венеровским и его единомышленниками, популярны в те годы педагогические системы обсуждаются разными героями. Необходимость распространения знаний среди народа, при всех различиях в толковании понятия «образование», объединяет представителей «старого» и «нового». Реплика Ивана Михайловича, обращенная к Беклешову: «Я нахожу, что для нашего народа нет прогресса без истинного образования, я разумею нравственное образование». Ответ Беклешова: «Да, как кто понимает нравственное образование. А конечно, полезно».

Приоритетное значение естественных наук в жизни человека и общества – характерная черта нигилистического мировоззрения 1860-х годов – иронически освещается уже на раннем этапе работы над комедией. Так, в (Пятом начале) (в *Описании* рук. 4) передано видение няней новой системы обучения дворянских детей. Показательна переработка писателем одной из ее фраз. Первоначальное: «Господа молодые с учителем с новым [гуляют] по полям треплются, травки собирают, для ученья всё» – Толстой изменил следующим образом: «Дети с студентом с новым по полям башмаки бить пошли». О книгах, которые читает Катерина Матвеевна, и об эмансипации няни высказывается так: «...а нынче посмотрела, какую-то книжку К(атери)на М(атвеевна) читает. Прочел мне Мишенька: всё об желудке, об кишках что-то – страх. Тфу! Ну, дамское ли это дело. Оттого-то и косы стригут». На вопрос Марьи Васильевны: «Что ты читаешь?» – племянница с вызовом отвечает: «Статью очень хорошую о первобытном развитии организма из клеточки». Круг чтения Катерины Матвеевны неизбежно ограничивается книгами, несущими «положительные знания». В первоначальном варианте, от которо-

го автор отказался, героиня читала «Историю развития католичества в западном мире».

Неотъемлемая часть общественной жизни в России 60-х годов XIX в. – женское движение, затронувшее главным образом привилегированные сословия. Многие женщины, избравшие этот путь, оказались близки к революционным кругам. Ко времени написания пьесы Толстого широкую известность в обществе получил кружок М.В. Трубниковой, имевший отношение к созданию воскресных школ в Петербурге в 1859 г. В этом кружке возник своего рода «женский триумvirат» (Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, А.П. Философова), на многие годы ставший инициативным центром женского движения (устроение благотворительных обществ, книжных магазинов, переплетных и швейных женских артелей). Важным эпизодом борьбы за женское образование было посещение девушками в качестве вольнослушателей Петербургского университета и Медико-хирургической академии. Многие женщины стремились избавиться от опеки мужа, что, при сложности расторжения церковного брака, приводило к росту гражданских браков. Распространялась мода и на фиктивные браки, имевшие целью независимость от родительской опеки, набирала силу идея «свободных» отношений мужчины и женщины.

Тема семьи – одна из центральных в творчестве Толстого. Его резкое неприятие идей женской эмансипации обозначилось уже во время споров с литераторами круга «Современника» о Жорж Санд в 1856 г. Тем же годом датируются и посвященные этой теме неосуществленные замыслы сатирических пьес Толстого «Дядюшкино благословение» и «Свободная любовь». Над «Зараженным семейством» писатель работал в первую пору своей семейной жизни. О собственном семейном счастье он постоянно упоминает в письмах и дневнике того времени. В письме к Т.А. Берс от 25 сентября 1862 г. Толстой писал: «...дай Бог тебе такого же счастья, какое я испытываю, больше не бывает» (*Юб.*, т. 60, с. 447). 28 сентября того же года – А.А. Толстой: «Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос жены, которая говорит с братом и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть так счастливым» (*Юб.*, т. 60, с. 448).

В 1868 г. в наброске «О браке и призвании женщины» Толстой скажет: «Достоинство человека не заключается в том, чтобы он имел какие бы то ни было качества и знания, а только в том, чтобы он исполнял свое призвание (...). Достоинство женщины состоит в том, чтобы понять свое призвание (...). Значительность и бесконечность этого призвания и то, что оно исполняемо не может быть вне формы единого мужа и единой жены (семьи, как ее разумели все живущие и жившие люди), не поймет только тот, у кого нет глаз для того, чтобы видеть» (*Юб.*, т. 7, с. 134).

Откровенно неприязненное отношение Толстого к «новым» женщинам, их стремлению к жизни в «коммунах», вопреки традиционному представлению о роли женщины – супруги, матери, хранительницы домашнего очага – много лет спустя зафиксировал А.Б. Гольденвейзер, передавший слова писателя: «Современное путаное мировоззрение считает устарелую, отжившую способность женщины отдаться всем

существом любви, – а это ее драгоценнейшая, лучшая черта и ее истинное назначение, а никак не сходки, курсы, революции и т. д.» (*Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. М., 1959, с. 159). Эти мысли Толстого, многократно воплощенные им в художественном творчестве, получили памфлетное, гротескно-сатирическое выражение в образе нигилистки Катерины Матвеевны.

Взгляды и настроения радикальной молодежи были хорошо знакомы Толстому в том числе и из опыта общения в 1861–1862 гг. с бывшими студентами, привлеченными им для работы в качестве учителей в народные школы, открытые вокруг Ясной Поляны. 7 августа 1862 г. в письме к С.А. Рачинскому Толстой писал: «На днях были у нас школьные сельские учителя, студенты не нашего кружка, и эти господа уверяли, что Библия есть сброд нелепостей (...) и что цель школы есть уничтожение суеверий. Меня не было, но все наши спорили против них» (*Юб.*, т. 60, с. 434). В тот же день в письме к А.А. Толстой: «Я выписал студентов и, кроме всех других занятий, возился с ними. Все из 12-ти, кроме одного, оказались отличными людьми; я был так счастлив, что все согласились со мной, подчинились, не столько моему влиянию, сколько влиянию среды и деятельности. Каждый приезжал с рукописями Герцена в чемодане и революционными мыслями в голове и *каждый*, без исключения, через неделю сжигал свои рукописи, выбрасывал из головы революционные мысли и учил крестьянских детей священной истории, молитвам, и раздавал Евангелия читать на дом. Это факты, все 11 человек делали это без исключения и не по предписанию, а по убеждению. Я голову даю на отсечение, что во всей России в 1862 году не найдется такого 12-го студента» (*Юб.*, т. 60, с. 436–437).

Несколько раз Толстой помогал молодым людям, отчисленным из учебных заведений за участие в студенческих волнениях. 30 сентября 1862 г. он обратился к тульскому военному и гражданскому губернатору П.М. Дарагану с ходатайством о поступившем исправляющим в Ясную Поляну Н.Л. фон Болле, который до этого был исключен из Московского университета. В письме тому же адресату от 19 апреля 1863 г. писатель хлопотал о другом бывшем студенте Московского университета, А.К. Томашевском, который с весны 1862 г. до весны 1863 г. по приглашению Толстого работал в школе в селе Колпне. Заботы о Томашевском имели успех: вскоре ему разрешено было вновь поступить в Московский университет, но в 1866 г. он был арестован по каракозовскому делу и отправлен в ссылку.

Некоторые впечатления, полученные Толстым в пору его увлечения педагогикой, видимо, отразились в «Зараженном семействе» в образе одного из нигилистов – студента Твердынского. Имя и отчество этого персонажа совпадают с именем и отчеством учителя Алексея Павловича Соколова – единственного студента, которым, по утверждению Н.Н. Гусева, Толстой был недоволен (см.: *Гусев, II*, с. 624). Дневниковые заметки Толстого 1861 г. о созданных им в Крапивенском уезде школах и учительствующих в них студентах также помогают прояснить процесс создания образа студента в комедии. Писатель был весьма далек от идеа-

лизации своих учителей. Дневники Толстого подтверждают это. 25 июня: «В школе идет порядок, но, боюсь, безжизненный». 8 октября: «У меня два студента, школа идет хуже». 28 октября: «Вчера открыл 3-ю школу, к(оторая) не пойдет». 5 и 6 ноября дана оценка учителям А.И. Шумилину, А.П. Сердобольскому, И.И. Авксентьеву и П.В. Морозову: «Учителя плохи. А(лексей) И(ванович) глуп. А(лександр) П(авлович) нравственно нездоров. Ив(ан) Иль(ич) надежнее всех». «П(етр) В(асильевич) пьянствовал» (*Юб.*, т. 48, с. 38, 39). 8 февраля 1863 г. в дневнике подводится своего рода итог школьной деятельности минувших лет: «Студенты только тяготят неестественностью отношений и невольной завистью, в которой я их не упрекаю. Как мне все ясно теперь. Это было увлечение молодости – фарсерство почти, которое я не могу продолжать, выросши большой» (*Юб.*, т. 48, с. 51).

В «Зараженном семействе» модные идеи взрослых копирует гимназист Петруша Прибышев, который любит поразмышлять о «свободных» отношениях и достоинстве человека, настаивает на праве иметь «свои убеждения» и называет традиционные формы обращения с родителями «глупым предрассудком». Адресованная родителям грубая фраза Петруши: «...я буду иметь к вам обоим настолько-то уважения, насколько вы его заслуживаете», – оказалась удивительно жизненной. Много лет спустя, 10 февраля 1907 г. Толстой заметил такую же формулу в письме, напечатанном газетой «Русь». Н.Н. Гусев передал его отклик: «Сегодня в “Руси” я прочитал отвратительную статью. Какой-то гимназист пишет про заповеди: “Мне говорят: почитай отца и мать, а я прибавляю: если они этого достойны”» (*Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973, с. 97).

В образах нигилистов Венеровского и Беклешова Толстой обратился к животрепещущей для российского общества и литературы, в том числе 1850–1860-х годов, теме чиновничества. В изображении типа чиновника-карьериста он следует за старшими, более опытными драматургами. В «Свадьбе Кречинского» (1854) А.В. Сухово-Кобылина в старозаветную помещицью среду врываются враждебные веяния «новой» жизни в лице столичного афериста Кречинского – дельца широкого размаха, любимыми средствами пробивающегося к заветному миллиону. В 1857 г. увидела свет пьеса Островского «Доходное место», в которой патриархальных взяточников сменяют молодые и еще более хищные чиновники. Непосредственный литературный предшественник Венеровского – разночинец-чиновник Калинович, главный герой романа Писемского «Тысяча душ» (1858). Героев «Тысячи душ» и «Зараженного семейства» объединяют университетское образование, стремление сделать из себя «нового» человека, твердость характера, неприязненное отношение к старине, честолюбие и расчетливость. Эти «герои времени» и у Толстого и у Писемского, при всей психологической сложности образа Калиновича, свидетельствуют о заражении общества «практицизмом».

Важное место в рукописях комедии занимают конспективные наброски общего характера, к числу которых относится перечень вырванных, характерных для разночинной интеллигенции (в *Описании*

рук. 6). Некоторые из этих словесных оборотов восходят к роману «Что делать?». Критическое отношение Толстого к философским и эстетическим взглядам Чернышевского сложилось еще в 1856 г., когда между писателями, сотрудничавшими с «Современником», определилось расхождение в идеологических вопросах. В письмах Толстого за этот период встречаются резкие высказывания о Чернышевском. Так, 19 октября 1856 г. он пишет А.В. Дружинину по поводу цикла статей «Очерки гоголевского периода русской литературы»: «Безобразие Чернышевского, как вы называете, все лето тошнит меня» (*Юб.*, т. 60, с. 93). Вместе с тем, независимо от идеологических и эстетических разногласий впечатления Толстого при личных встречах с Чернышевским не всегда оказывались столь же негативными. Эмоциональное восприятие личности известного критика отразилось в записях из дневника. 18 декабря 1856 г.: «...К Панаеву, там Чернышевск(ий), мил» (*Юб.*, т. 47, с. 105). 11 января 1857 г.: «...пришел Чернышевской, умен и горяч» (*Юб.*, т. 47, с. 110).

В начале 1860-х годов расхождения между Толстым и Чернышевским во взглядах на цели и назначение искусства дополнились различием точек зрения на народное образование. 6 февраля 1862 г. Толстой обратился к Чернышевскому с просьбой высказать свое мнение о только что вышедшем из печати первом номере журнала «Ясная Поляна» и народных школах. В мартовском выпуске «Современника» Чернышевский поместил рецензию на первые два номера «Ясной Поляны» и приложение к ним. Он сочувственно высказался о принципе свободы образования, на котором настаивал Толстой. Однако педагогические идеи писателя, его мысль о постоянном противодействии народа образованию вызвали несогласие критика. Чернышевский увидел у Толстого недостаток определенных убеждений, непонимание народных нужд, незнание того, как должен осуществляться образовательный процесс.

Письма и записи из дневника Толстого 1863–1864 гг. не содержат отзывов о романе «Что делать?». Тем не менее в «Зараженном семействе» существуют не только явные, но и скрытые переклички с романом Чернышевского. Разногласия между Толстым и Чернышевским в вопросах о целях и назначении искусства, о народной школе и педагогике дополнились теперь полемикой о положительном герое современности.

Между тем отношение Толстого к «новым людям» не ограничивалось только признанием общественной опасности нигилизма и осмеянием очевидных нелепостей, которые несло с собой модное настроение умов. Позиция писателя в этом вопросе отличалась некоторой двойственностью, что хорошо заметно как на раннем этапе создания «Зараженного семейства», так и позднее. Одновременно с разоблачением «новых веяний» Толстой угадывал в них также рациональное зерно. Поэтому антинигилистическая направленность сопровождалась в предварительных набросках пьесы намерением автора показать «широкие и смелые тенденции», нечто «своеобразное» в решительно заявляющем о себе направлении. Колебание Толстого в оценке нигилизма ощутимо в развитии образа Венеровского. В (Четвертом начале) комедии (в *Описании* в составе рук. 3) появляется, а затем исключается мотив материальной

заинтересованности героя состоянием своей невесты. И далее реплики Венеровского противоречивы: в них звучат то достоинство, честь, порядочность, то прямая корысть (см. т. 9 второй серии).

Для антинигилистического романа было характерно использование приемов памфлета, карикатуры в изображении «новых людей». Нередко такие карикатурные образы имели хорошо различимое сходство с реальными представителями этого движения. Однако Толстой избегал прямых намеков на личность Н.Г. Чернышевского или других деятелей демократического лагеря. Так, в копии, сделанной непосредственно с автографа ранней редакции комедии (в *Описании* рук. 10), он первоначально вписал название «Современные люди», исправив его на «Новые люди» по аналогии с подзаголовком романа «Что делать?»: «Из рассказов о новых людях». Но впоследствии писатель изменил это заглавие на совершенно нейтральное по отношению к произведению Чернышевского «Зараженное семейство».

Демократическое движение 1860-х годов нередко объяснялось в литературе и публицистике как явление беспочвенное, порожденное «польской интригой» (в связи с восстанием в Польше 1863–1864 гг.), направленной на разрушение российской государственности. Этот вопрос по-своему поднимали М.Н. Катков, А.Ф. Писемский, В.П. Ключников, Н.С. Лесков, В.В. Крестовский и отчасти Ф.М. Достоевский. Толстой в «Зараженном семействе» отдалается от подобного взгляда на вещи. Намек на «польскую интригу» появлялся лишь на раннем этапе работы над пьесой. Во «Втором начале» (в *Описании* рук. 2) студент 1-го курса Никита Альфонсыч Позереvский носит польскую фамилию. В дальнейшем Толстой отказался от образа поляка-нигилиста, на всех последующих этапах создания комедии изобразив студента просто разночинцем.

Трактовка Толстым выдвинутых в романе «Что делать?» современных вопросов и изображенных Чернышевским типов «новых людей» оказалась во многом созвучна позициям Писемского, Лескова, Гончарова, Достоевского. В записной книжке Достоевского 1860–1862 гг. содержится заметка к будущим критическим статьям: «Куда вы торопитесь? (Чернышевск(ий)). Общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед нами. Они созрели, они готовы, но общество наше отнюдь не готово! Оно разъединено» (*ЛН*, т. 83. Неизданный Достоевский. М., 1971, с. 126). Тезисно заявленная здесь полемика с Чернышевским разовьется в «Зимних заметках о летних впечатлениях» («Время», 1863, № 2, 3): «Трудов мы не любим, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо одним шагом перелететь до цели» (*Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л., 1973, т. 5, с. 62*).

Рецензия Лескова 1863 г. на роман Чернышевского не только полемична, но и сочувственна по отношению к «Что делать?» и его автору. Здесь определена проблема, художественное решение которой год спустя развернуто в романе «Некуда»: «... никак не доберусь способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами (...). Героев романа г. Чернышевского тоже называют нигилистами. А между ними и личностями, надоевшими всем и каждому

своим нигилизмом, нет ничего общего» (Лесков Н.С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы») // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958, т. 10, с. 21). 20 марта 1871 г. замысел романа «На ножах» Лесков объясняет А.С. Суворину таким образом: «Я не думаю, что мошенничество “непосредственно вытекло из нигилизма”, и этого нет и не будет в моем романе. Я думаю и убежден, что *мошенничество примкнуло* к нигилизму, и именно в той самой мере, как оно примыкало и примыкает “к идеализму, к богословию” и к патриотизму {...}. Я имею в виду одно: преследование поганой страсти *приставать* к направлениям, не имея их в душе своей, и *паскудить* все, к чему начнется это приставание. Нигилизм оказался в этом случае удобным в той же мере, как и “идеализм”, как и “богословие»» (Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958, т. 10, с. 297–298). Тургенев также отделял в «Отцах и детях» искренние воззрения Базарова от вульгарного и прагматичного нигилизма иронически показанных в романе Ситникова, Кукшиной, Губарева, Голушкина.

Толстой, прибегая в «Зараженном семействе» к шаржу, во многом следовал за Тургеневым. Так, Катерина Матвеевна Дудкина, названная «стриженой иманципацией», действительно изображена в комедии иронически как совершенно неприемлемый для писателя тип «свободной» женщины. Этот образ во многом продолжает тургеневскую Кукшину. Совсем иначе описан в комедии Твердынский. В нем как историческом типе есть некоторое сходство с Базаровым: эмпиризм, занятия естественными науками, независимое поведение в обществе. Родственно тургеневскому герою и отношение студента к женщине. Уже в ранней редакции комедии намечен мотив равнодушного отношения студента к Любочке: «Главное – как там хотите – для чувств приятна». В последней известной нам редакции, узнав, что девушка выходит замуж, студент совсем по-базаровски заявляет: «Ну-с, девица-то была невредная. Она бы могла развиться еще. В ней были заложения... Да среда ее подрезала. Поеду в Москву, скучно. Послушаю лекции, буду работать». В ранней редакции пьесы обозначено также близкое базаровскому непритязательное отношение студента к жизненным удобствам: «...я от жизни требую мало: книга, папироска, труд – мне больше не нужно» (см. т. 9 второй серии). Немало общего в речевых оборотах, употребляемых Твердынским и Базаровым. Герой Тургенева называл Кирсановых «синьорами», «феодалами», «барчуками проклятыми». Аналогично характеризует Прибышевых и Твердынский. К числу «синьоров» он относит также и Венеровского. В ранней редакции студент, обсуждая с Катериной Матвеевной брак Венеровского и Любочки, противопоставляет «радикальных» и либеральных общественных деятелей (себя и Венеровского): «...это не беда, что эти синьоры женятся, пускай, а беда, что они [ломаются], из себя изображают фигуры, противные действительности. Я бы не мог так поступить» (см. т. 9 второй серии). Дорабатывая действие III, Толстой значительно усиливает этот мотив, расширяя реплику студента: «Я как взглянул на эту личность, убедился, что в нем все фальшь. Как

хотите – индивидуум, служащий по акцизному правлению, имеющий лошадку, и квартиру, и две тысячи жалованья, – уж никак не новый человек, а ловкий синьор, вот и все. Как же, он при мне раз сказал, что студенты – ребята. Вот понятие этих господ. Дрянь-с, почтенная дрянь вся эта компания честная».

Подобно другим крупнейшим писателям своего времени Толстой склонен был видеть в русском нигилизме не случайное недоразумение, а болезненное выражение глубинных процессов, происходящих в обществе. Более того, в оценке этих процессов между Толстым и его персонажем – студентом порой возникали неожиданные сближения. Во (Втором начале) комедии студент говорит: «Доказательство, что поземельная собственность невозможна и преступна». И ниже по тексту: «Невозможна собственность» (см. т. 9 второй серии). Эти реплики оказались вполне созвучны записи из дневника Толстого от 13 августа 1865 г.: «...задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности». По мысли писателя, русский народ «отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда, и собственность, более всякой другой стесняющую право приобретения собственности другими людьми, собственность поземельную». И далее: «Эта истина не есть мечта – она факт – выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков» (Юб., т. 48, с. 85). Одновременно с осмеянием нигилизма злободневная комедия содержала в себе пока еще робкие предпосылки новых идей, которые с начала 1880-х годов станут неотъемлемой частью мировоззрения Толстого.

При жизни писателя пьеса оказалась известной только немногим лицам. В 1864 г. в Москве автор обсуждал ее с А.Н. Островским и А.М. Жемчужниковым (Толстая С.А. *Моя жизнь*, т. 1, с. 117). 7 марта 1864 г. Островский сообщал Н.А. Некрасову: «Когда я еще только расхварывался, утащил меня к себе Л.Н. Толстой и прочел мне свою новую комедию; это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения» (Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 16 т. 1953, т. 14, с. 113). 11 февраля 1864 г. Толстой провел вечер у А.И. Кошелева вместе с И.С. Аксаковым, П.И. Бартеневым, М.П. Погодиным (*Летопись I*, с. 296). Возможно, литераторы беседовали и о «Зараженном семействе». В середине августа (после 12) 1864 г. в Ясную Поляну проездом в Петербург заезжали А.А. Фет и В.П. Боткин. Толстой читал им пьесу. 3 сентября Боткин делился своими впечатлениями с Тургеневым: «...мы с Фетом заехали к Толстому. Комедию я его слышал. Она вовсе не так дурна, как говорили. Только 1 и 2 акты растянуты и вообще нет комической струи. Но она имеет значение в общественном отношении и бьет прямо в жилу современного общества. Называется она Зараженное семейство. Если он поработает над двумя первыми актами – то все-таки выйдет весьма верная и современная вещь» (В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка. М.; Л, 1930, с. 211).

Сам Толстой по-разному оценивал свое произведение.

24 февраля 1864 г. писатель признавался сестре М.Н. Толстой: «...комедия, кажется, плоха» (Юб., т. 61, с. 37). 14 ноября 1865 г. он,

уведомляя А.А. Толстую о работе над романом «1805 год», вспоминал: «Островский – писатель, к(отор)ого я очень люблю, – мне сказал раз очень умную вещь. Я написал два года тому назад комедию, (к(отор)ую не напечатал) и спрашивал у Островского, как бы успеть поставить комедию на Моск(овском) театре до поста. Он говорит: “Куда торопиться, поставь лучше на будущий год”. Я говорю: “Нет, мне бы хотелось теперь, потому что комедия очень современна и к будущему году не будет иметь того успеха”. – “Ты боишься, что скоро очень поумнеют?”» (Юб., т. 61, с. 115).

Много лет спустя, 13 июня 1908 г., Толстой сказал о своей комедии публицисту Н.Г. Молоствову: «Помню, она была недурна» (Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973, с. 178). И совсем иначе оценивая «Зараженное семейство» в письме к издателю журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевичу от 23 июня того же года, упомянул о «плохой комедии» (Юб., т. 78, с. 169).

Создание «Зараженного семейства» явилось для Толстого важным творческим опытом. В беседах с разными лицами Толстой не раз возвращался к воспоминанию о так и не напечатанной пьесе и к словам Островского, сказанным по поводу ее актуальности. Говоря в связи с этой давно написанной комедией о пользе «всякого искреннего слова» (Юб., т. 78, с. 169), писатель подчеркивал необходимость нравственного воздействия произведения искусства на человека и общество.

С. 13. *...по винной части служит...* – В учреждении, ведающем сбором налогов (акцизом) на спиртные напитки.

С. 15. *...стан...* – В XIX – начале XX в. административно-полицейское подразделение уезда (уезд включал 2–4 стана).

...эта самая царская бумага... ну там, что на первой неделе-то вышла... – Манифест об освобождении крестьян был подписан Александром II 19 февраля 1861 г. и опубликован 5 марта в первое воскресенье (Прощеное), предвещающее Великий пост. Одновременно с Манифестом вышли «Положения об устройстве быта помещичьих крестьян с наделом их землею».

С. 17. *...клубы...* – Клубы – организации, объединяющие лиц одного социального круга для совместного отдыха, развлечений. Так, например, в Москве в 1770 г. был основан Английский клуб, членами которого были представители дворянской элиты. В романе «Война и мир» (том второй, часть первая, гл. II, III) описан обед в Английском клубе в честь князя Багратиона. В провинции клубы стали возникать со времен Екатерины II, главным образом благодаря съездам дворян для выборов. Постепенно они появились не только в губернских, но и в уездных городах.

С. 19. *Вольный труд не может быть убыточен, это противно всем основным законам политической экономии.* – Вопрос о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаемного труда был в центре внимания русской публицистики 1850 – начала 1860-х годов. Так, Чер-

нышевский посвятил ему статью «О новых условиях сельского быта», в которой отстаивал мысль, что «обязательный труд разорителен не только для крестьян, но и для самих помещиков...» (*Чернышевский Н.Г. О новых условиях сельского быта // Современник, 1858, № 2, с. 416.* «Обязательный труд, – говорится далее, – явление, совершенно чуждое правилам политической экономии, историческое явление совершенно иной сферы. Он и возникает и держится в противность всяким экономическим принципам...» (там же, с. 441). Вопроса о труде, прибыли Чернышевский касается и в «Основаниях политической экономии» (*Современник, 1860, № 2–12, приложение*), в «Очерках из политической экономии (по Миллю)» (*Современник, 1861, № 6, отд. I, с. 477–548*).

...по уставной грамоте... – Документ, в котором определялись размеры получаемого крестьянами надела, его местоположение, повинности. Составление таких грамот и содействие соглашению крестьян с помещиками было основной функцией мировых посредников.

С. 20. ...писатель, человек, которого вся Россия знает, может быть. Это, матушка, в нынешнее время лучше генеральских чинов. – Ср. отзыв о современных литераторах одного из героев романа Писемского «Тысяча душ» (1858): «...подобные господа в черном теле очень ничтожны, но если их обставить состоянием, так в наш образованный век, ей-богу, также почтенно быть женой писателя, как и генерала какого-нибудь» (*Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 5 т. М., 1983, т. 3, с. 323*).

По новому акцизному управлению... – Новый устав о питейном сборе был принят 4 июля 1861 г. Главное управление акцизными сборами входило в один из департаментов министерства финансов, ему подчинялись управления, взимающие налоги в одной или двух смежных губерниях, и окружные.

С. 21. Вот дай выкуп сделаю, разделаюсь совсем с мужиками... – Выкуп – финансовая операция в пользу помещиков при отчуждении от них крестьянских наделов.

С. 22. ...карпеток связать велела. – Карпетки – короткие чулки, носки (польск.)

С. 23. Хотели заняться ботаникой... – Пробуждению широкого интереса к этой области естествознания в русском обществе во многом способствовали труды знаменитого немецкого ученого М. Я. Шлейдена «Основы научной ботаники» (1842–1843), «Растение и его жизнь» (1848), «Этюды» (1860), переведенные на русский язык, а затем и отечественных исследователей: А.Н. Бекетова, автора первого в то время полного систематического учебника «Курс ботаники для университетских слушателей» (СПб., 1862–1864, ч. 1); С.А. Рачинского.

...микроскопа не имелось. – Этот оптический прибор, сконструированный в XVII в., постоянно совершенствовался. В 1840–1850-е годы XIX в. в практику научного исследования вводится ахроматический микроскоп, что было чрезвычайно важным моментом в истории биологии и привело к новым открытиям в области строения животных и растений. В 1860-е годы в России под влиянием успехов европейских ученых, распространения позитивизма приоритетные позиции занимают

естественные науки и опытное знание. Микроскоп становится символом прогресса, реалистического мировоззрения. Достаточно упомянуть о занятиях тургеневского Базарова и парадоксальную формулу Писарева из статьи «Мотивы русской драмы» (1864): «Микроскоп и лягушка – вещи невинные и занимательные, а молодежь – народ любопытный, уж если Павел Петрович Кирсанов не утерпел, чтобы взглянуть на инфузорию, глотавшую зеленую пылинку, то молодежь и подавно не утерпит и не только взглянет, а постарается завести себе свой микроскоп и, незаметно для самой себя, проникнется глубочайшим уважением и пламенной любовью к распластанной лягушке. А только это и нужно. Тут-то именно, в самой лягушке-то, и заключается спасение и обновление русского народа» (Русское слово, 1864, № 3, отд. II, с. 34; Писарев Д.И. ПССП, т. 5. с. 385).

Вот Льюиса поизучайте. – Видимо, герой подразумевает «Физиологию обыденной жизни» (1860) английского философа-позитивиста, популяризатора науки Д.Г. Льюиса (1817–1878), переведенную с англ. профессором Московского университета С.А. Рачинским и Я.А. Борзенковым (М., 1861). Книга, пользовавшаяся широкой известностью среди материалистически настроенной русской молодежи 1860-х годов наряду с сочинениями Г.Т. Бокля, Ч. Дарвина, Я. Мошотта, К. Фогта, Л. Бюхнера. По свидетельству мемуаристов, «Физиология обыденной жизни» была одной из книг, на которую с жадностью набрасывались нигилистки (см.: Юнге Е.Ф. Воспоминания... М., 1914, с. 480). Работу Льюиса называли в ряду тех, которые должны научить молодежь «служению общественным интересам» (см.: Водовозова Е.Н. На заре жизни: В 2 т. М., 1987, т. II, с. 104). «Физиология обыденной жизни» стала предметом оживленной полемики в 1860-е годы по вопросам «реального образования» и значения естественных наук в России.

Д.И. Писарев подчеркивал просветительское значение этого сочинения, присоединяя сюда «Иллюстрированную жизнь животных» Брема, «Растение и его жизнь» Шлейдена: «Мы глубоко убеждены в том, что Россия нуждается в мыслящих, знающих и неутомимых работниках по всем многочисленным отраслям чистой и прикладной науки. Мы видим и знаем, что наше юношество, дома и в школе, развивается при таких невыгодных условиях, которые в большей части случаев мешают ему отыскать себе верную и прямую дорогу общепользующего труда. Мы хотели и хотим до сих пор уравновесить эти невыгодные условия живительным и освежающим влиянием литературы. Мы хотим, чтобы литература вносила постоянно чистую струю естествознания в ту умственную атмосферу, в которой гибнут силы молодых людей, способных сделаться мыслителями и работниками» (Писарев Д.И. Предисловие к книге Т.Г. Гексли «Уроки элементарной физиологии») // Гексли Т.Г. Уроки элементарной физиологии. СПб., 1867, с. IV; Писарев Д.И. ПССП, т. 9, с. 8–9). По мнению критика, «игривое литературное изложение», анекдотические подробности популяризаторской работы Льюиса должны «пробудить и расшевелить любознательность неразвитого читателя» (там же, с. VII; там же, с. 10).

С. 23. *Да еще превращение ячейки – забыл чье, невредная статейка.* – Конец 1830-х годов в истории биологии ознаменован выдающимся достижением: созданием теории клеточного строения организмов немецкими учеными Т. Шванном (1810–1882) и М.Я. Шлейденом (1804–1881). В России в середине XIX в. клетки нередко называли ячейками, пузырьками, зернами и т. п.

Критическое отношение к науке проявилось у Толстого достаточно рано и активно. С одной стороны, писатель считал, что в современном ему обществе наука, культура служат интересам привилегированных классов и ничего не дают народу. В то же время он настаивал на ограниченности возможностей науки в решении коренных проблем существования и даже оценивал ее как силу, духовно враждебную людям. В работе «Мировоззрение Толстого» В.Ф. Асмус писал: «Как ни странно может показаться, но для Толстого существует только один вопрос познания – это вопрос о том, в чем назначение и благо человека» (Асмус В.Ф. Мировоззрение Толстого // Избранные философские труды: В 2 т. М., 1969, т. I. с. 56). И далее: «На единственно важный вопрос знания ответ может быть получен (так думал Толстой) только из разума и из совести, но никак не из частных и специальных научных исследований, не имеющих прямого, непосредственного отношения к самому вопросу» (там же, с. 57).

...возмутительная сцена, истинно плантаторская. – То есть сцена бесчеловечного обращения, такого же, как с темнокожими рабами в Южноамериканских штатах. Возможно, это сравнение навеяно романом Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852), который вышел на русском языке в 1858 г. как приложение к «Современнику» и использовался демократическими кругами в борьбе за отмену крепостного права.

...на кандидата держать. – Кандидат – младшая ученая степень в России (до 1880-х годов), присваивавшаяся лицу, окончившему высшее учебное заведение с отличием.

С. 25. *Разве что-нибудь произойдет оттого, что я буду прикладывать оконечности моих губ к внешней части кисти матери?* – «Здесь, мимоходом, высмеяно характерное для “нигилистов” (ср. у Тургенева) увлечение естествознанием, приводящее к такого рода “научным” определениям самых обыкновенных явлений» (Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Кн. вторая. 60-е годы. Л.; М., 1931, с. 215).

С. 28. *...Дёжкин с сволоками...* — Сволока́, сволочки – длинные жерди, на которых возят опрокинутую соху.

...лущить. – Лущить (лускать) – одно из значений: болтать вздор.

С. 29. *К старшине уехал.* – По утверждению Даля, «старшины, в крестьянстве и городском управлении, все, занимающие почетные должностные места: члены правлений, расправ, думы, разные гласные...» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882, т. 4, с. 318).

Шинные колеса... – Колеса, обод которых обтянут железным или резиновым обручем, шиной.

С. 35. ...чиновник по мировым учреждениям. – Проведение реформы на местах осуществлялось институтом мировых посредников. В уезде крестьянскими делами ведал уездный съезд мировых посредников, а в губернии – губернское по крестьянским делам присутствие. Обязанности мирового посредника в 1861–1862 гг. выполнял и Толстой. Письма к близким, дневниковые записи свидетельствуют, что писатель считал эту службу своим нравственным и гражданским долгом. Она обогащала его впечатлениями, необходимыми для творчества. Образ действий Толстого, который в пределах своей власти защищал интересы крестьян от несправедливых притязаний помещиков, восстановил против него последних. В начале 1862 г. писатель был вынужден приостановить свою деятельность до произведения дознания относительно дворянских жалоб на него. А 30 апреля он подал заявление с просьбой об отставке под предлогом болезни. 26 мая 1862 г. последовал указ Сената тульскому губернатору об увольнении Толстого от должности мирового посредника 4-го участка Крапивенского уезда. Хорошие воспоминания об этой поре Толстой сохранил навсегда. 8 апреля 1901 г. он записал в дневнике: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям: школы, посредничество...» (Юб., т. 54, с. 94).

С. 36. ...парадировать перед публикой. – Здесь: щеголять, рисоваться.

С. 39. ...развитие рефлексии у мальчиков? – Рефлексия – размышление, склонность к анализу внутренних переживаний (от *reflexio* – лат.).

С. 40. ...звуковую методу? – Звуковой метод – способ обучения грамоте при помощи произнесения чистых звуков, без употребления условных названий букв, как в старину: аз, буки, веди и т.п. В России вошел в употребление около 1860 г.

...Золотова упрощенную методу. – Золотов В.А. (1804–1882), известный педагог, посвятивший свою жизнь развитию народного образования. «Сущность метода З(олотова), основанного на мысли знаменитого Жакото, заключалась в строгой последовательности обучения и разумном согласовании впечатлений глаза со слухом» (Русский биографический словарь: В 25 т. / Изд. Санкт-Петербургским Императорским Русским историческим обществом под наблюдением А.А. Половцова. Т. 7. Пг., 1916, с. 445). Золотовым было составлено много учебных пособий, например «Русская азбука с наставлением, как должно учить» (СПб., 1856); «Русская азбука без азбуки и складов» (СПб., 1858); «Таблицы для взаимного обучения чтению и письму с руководством для учителей» (СПб., 1858).

Писатель Н.Г. Помяловский, с увлечением преподававший в воскресной школе, опирался в своих педагогических приемах на методу Золотова (Помяловский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1935, т. II, с. 306).

Толстой дал ей оценку в журнале «Ясная Поляна» в статье «О методах обучения грамоте» (февраль 1862 г.): «Золотовская метода пред-

ставляет большое удобство в соединении слогов в слова и в сознании безгласности согласных, но представляет свои трудности в заучивании букв и в сложных складах. Она удобнее других только потому, что есть соединение двух метод, но далеко не совершенна, потому что есть – метода» (Юб., т. 8, с. 135). В отношении методических вопросов Толстой придерживался следующего мнения: «Итак, какая же самая лучшая метода для обучения русской грамоте? Ни самая новая звуковая метода, ни метода гласных, ни Золотовская метода. Одним словом, – нет лучшей методы. Лучшая метода для известного учителя есть та, которая более всех других знакома учителю» (там же, с. 144–145).

Что касается Золотова, то он проявлял живой интерес к педагогическому опыту Толстого. Обследуя в 1863 г. школы Тульской губернии, Золотов писал: «...я предполагал съездить в Ясную Поляну, но к крайнему моему сожалению узнал, что школа гр(афа) Толстого уже не существует; говорю “к крайнему сожалению”, потому что, несмотря на некоторые увлечения гр(афа) Толстого, все-таки школа его имела большое значение по своей практичности и особенно по своей резкой противоположности с педагогической педантичностью {...}. По свидетельству коротко знакомых с яснополянской школою, успехи учащихся во многом были поразительны...» (Золотов В. Исследование грамотности по деревням (две летние поездки в Новгородскую, Московскую и Тульскую губернии) // ЖМНП, 1863, № 12, с. 184).

С. 41. ...это старый Адам, как говаривали мистики блаженной памяти, смущает вас... – Адам – праотец рода человеческого, через которого вошли в мир грех и смерть. В данном случае выражение «старый Адам» употреблено в значении «ветхий человек», то есть отягощенный первородным грехом и собственными страстями. Согласно евангельскому учению, духовное возрождение предполагает совлечение с себя «ветхого человека».

Мистики блаженной памяти – масоны, которые, как писал А.Н. Пыпин, «твердо верили в глубокую древность своего общества. Они возводили его основание до самых отдаленных веков, какие знает история: одни считали его основателем самого Адама, который вынес из рая наследие божественной мудрости, которая потом верно сохранилась в преданиях их общества; другие видели его начало в эпохе строения Соломонова храма...» (Пыпин А.Н. МASONСТВО в России. XVIII – первая четверть XIX в. М., 1997, с. 17).

В романе «Война и мир» Пьер Безухов встречается на станции в Торжке поразившего его своим обликом и речами старца (Осипа Алексеевича Баздеева). На руке этого человека он замечает большой чугунный перстень с изображением Адамовой головы, по которому Пьер догадался о его принадлежности к масонам.

С. 43. ...любовь Астарты, любовь Афродиты... – Источник этих определений любви – четвертый сон Веры Павловны из романа «Что делать?» «Светлая красавица», «царица» объясняет героине, как на разных стадиях развития цивилизации женственность связывалась с культом сладострастия (Астарта), с культом красоты (Афродита), Непорочно-

сти. При этом женщина оставалась несвободной. Идеальное развитие ее личность получит в гармоническом обществе будущего: «Во мне наслаждение чувства, которое было в Астарте: она родоначальница всех нас других цариц, сменивших ее. Во мне упоение созерцанием красоты, которое было в Афродите. Во мне благоговение перед чистотою, которое было в “Непорочности”».

Но во мне все это не так, как было в них, а полнее, выше, сильнее. То, что было в “Непорочности”, соединяется во мне с тем, что было в Астарте, и с тем, что было в Афродите. И, соединяясь во мне с другими силами, каждая из этих сил становится могущественнее и лучше от союза. Но больше, еще гораздо больше могущества и прелести дается каждой из этих сил во мне тем новым, что есть во мне, чего не было ни в одной из прежних цариц. Это новое во мне то, чем я отличаюсь от них, – равноправность любящих, равное отношение между ними, как людьми, и от этого одного нового все во мне много, о, много прекраснее, чем было в них» (*Чернышевский Н.Г. Что делать? // Современник*, 1863, № 5, с. 117).

...последнюю «Полярную звезду»... – «Полярная звезда» – литературно-политический альманах, издаваемый А.И. Герценом и Н.П. Огаревым за границей на русском языке в 1855–1868 гг. в Вольной русской типографии. Всего вышло 8 книг. В письме Герцену от 14 (26) марта 1861 г. Толстой дал высокую оценку VI книге, в которую вошли материалы о декабристах, «Философическое письмо» Чаадаева и статья «Роберт Оуэн», включенная в дальнейшем в VI часть «Былого и дум»: «Превосходная вся эта книга, это не мое одно мнение, но всех, кого я только видел (...). Ваша статья об Овене, увы! слишком, слишком близка моему сердцу» (*Юб.*, т. 60, с. 373). Особенно интересны показались Толстому материалы, посвященные декабристам, в связи с замыслом романа «Декабристы», которым он делится с Герценом, советуясь «о приличии и своевременности такого сюжета». Идейное развитие Толстого шло интенсивно, он неутомимо искал собственных путей в жизни. Уже в 20-х числах июля 1862 г. он писал А.А. Толстой в связи с проведенным жандармами обыском в Ясной Поляне: «...я имею злобу и отвращение, почти ненависть к тому милому правительству, кот(орое) обыскивает у меня литографические и типографские станки для перепечатывания прокламаций Герцена, кот(орые) я презираю, кот(орые) я не имею терпения дочесть от скуки. Это факт – у меня раз лежали неделю все эти прелести прокламации и Колокол, и я так и отдал, не прочтя. Мне это скучно, я все это знаю и презираю не для фразы, а от всей души» (там же, с. 429). А в письме 7 августа Толстой сообщал своей корреспондентке, что после оскорбления, нанесенного ему вторжением жандармов, он желает гласного удовлетворения, или же должен будет эмигрировать. Но при этом подчеркивает: «К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе» (там же, с. 436).

С. 47. ...лядащей помещицы... – Лядаший – плохой, дрянной, негодный.

С. 48. ...по мудрой книжке, изданной в шестьдесят третьем году, сочинителя Белова в типографии Серкина под заглавием: «Обращение с особами прекрасного пола, или Искусство быть для оных привлекательным». – Подобные «руководства» были особенно популярны в обывательской среде, представителем которой является Твердынский.

С. 51. ...гносеологический путь... – То есть путь философского познания (gnōsis, греч.).

...эфику знаю... – Устар., этика – философское учение о нравственности (ēthios, греч.).

...на попку швейной машины или инструментов каких-нибудь. – Саркастический намек на роман «Что делать?», в котором описывается создание Верой Павловной швейной мастерской, прообраза социалистической ассоциации, цель которой материальное и нравственное освобождение женщины.

С. 52. А мы устроим нашу жизнь так, чтоб мы не могли стеснять, я – вашу, а вы – мою свободу ~ Все это ново, но это просто. – Рассуждения о любви, браке, свободе женщины, которыми так богат роман «Что делать?», в трагестивированном виде переходят в пьесу Толстого. Но на этом противостояние Чернышевскому не заканчивается. В 1870-е годы Толстой обращается к произведению Чернышевского в процессе работы над «Анной Карениной», вынашивая «мысль семейную». Б.М. Эйхенбаум отмечал, что планы и наброски к «Анне Карениной» свидетельствуют о намерении писателя вступить в прямую полемику с «нигилистами» (См.: Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974, с. 124). Так, о муже у Толстого сказано: «Читает все романы, изучает вопрос. Все невозможно. Едет к Троице, встреча с нигилистом, его утешение» (Юб., т. 60, с. 3–4). В наброске беседы Алексея Александровича с Дарьей Александровной варьируется вопрос «что делать?». Poleмика с произведением Чернышевского продолжалась и позднее. В драме «Живой труп» (1900) цыганка Маша спрашивает Федю Протасова, читал ли он «Что делать?», отзывается о романе как о «скучном», но предлагает последовать примеру Лопухова, инсценировавшего самоубийство, чтобы развязать запутанную семейную ситуацию. Федя принимает ее совет, но это не разрешает ничьих жизненных проблем, а порождает новые беды.

Вы понимаете, что главная преграда для развития индивидуальности вообще – это семья... – Ко времени создания «Зараженного семейства» критика института брака и семьи уже имела определенную традицию. В 1830–1840-е годы XIX в. с ней выступали французские социалисты-утописты (Ш. Фурье, П. Леру, Ж. Санд). В России их взгляды были подхвачены петрашевцами. В переломные 1860-е годы общественные институты переживали острый кризис, чувствительно затронувший и семейный союз. Звучали настойчивые призывы к его реформированию, заявляла о себе и экстремальная точка зрения, выражающаяся в отрицании брака, например в прокламации П.Г. Зайчневского «Молодая Россия» (май 1862 г.). Ее автор был одним из основателей московского

студенческого кружка, занимавшегося переводами, литографированием и распространением запрещенных книг, устройством воскресных школ. Зайчневский ратовал за ликвидацию брака, «как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов», и семьи, само существование которой, по его мнению, препятствует развитию человека; детям же надлежало содержаться и воспитываться коммуной за счет общества (см.: *Лемке М.К.* Политические процессы в России 1860-х гг. М.; Пг., 1923, с. 516).

Поскольку пьеса Толстого имеет резкую антинигилистическую направленность, вполне вероятно, что писатель подразумевал злободневные социально-политические события, какими явились, в частности, прокламации 1861–1863 гг.

С. 53. *Не говорите «миленькая», это так нехорошо, противно... такое слово глупое...* – Толстой сатирически осмеивает в своей пьесе язык «новых людей», нигилистов. Это обращение Венеровского к Любочке, которое так корбит ее, заимствовано из произведения Чернышевского (Вера Павловна называет Лопухова, а потом и Кирсанова «мой милый», «миленький»).

Б.М. Эйхенбаум определяет «Зараженное семейство» как «фарс», «пародию на “Что делать?” и на язык тогдашней интеллигенции» (*Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Кн. вторая. 60-е годы. Л., 1931, с. 216). Исследователь пишет, что вся пьеса построена исключительно на языковом комизме: на сочетании и противопоставлении семинарского и нигилистического жаргона (Твердынский, Венеровский, Дудкина) народному языку (няня). Эти жаргоны перемешаны и утрированы в языке пятнадцатилетнего Петруши. «Каждый персонаж комедии представляет собой определенную и замкнутую языковую систему или “маску”; на контрастах этих словесных масок построен самый сюжет комедии...» (там же, с. 215). По мнению Б.М. Эйхенбаума, «“Зараженное семейство” было преодолением современного языка – языка журнальной, интеллигентской прозы» (там же, с. 218). Его точку зрения разделяет и В.В. Виноградов (См.: *Виноградов В.В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // *Вопросы языкознания*, 1964, № 3, с. 16–17).

Толстой не был одинок в своем неприятии эстетики, стиля романа «Что делать?». Герцен в письмах Огареву нелицеприятно отозвался об этом произведении, хотя некоторые мысли автора вызвали у него сочувствие. «Читаю роман Черныш(евского). Господи, как гнусно написано, сколько кривлянья и *(нрзб)*, что за слог! Какое дрянное поколение, которого эстетика этим удовлетворена (...). Мысли есть прекрасные, даже положения – и все полито из семинарски-петербургски-мещанского урыльника...» (А.И. Герцен Н.П. Огареву. 29 (17) июля 1867 г. // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1963, т. XXIX, кн. 1, с. 157). Он выражал сожаление, что роман «писан языком ученой передней», «в нем бездна хорошего» (А.И. Герцен – Н.П. Огареву. 30–31 (18–19) июля 1867 г.) (там же, с. 159). В произведении Чернышевского «бездна отгадок и хорошей

и дурной стороны ультранигилистов. Их жаргон, их аляповатость, грубость, презрение форм, натянутость, комедия простоты, и – с другой стороны – много хорошего, здорового, воспитательного. Он оканчивает фаланстером, борделью – смело. Но, Боже мой, что за слог, что за проза в поэзии (сны Веры Пав(ловны)), что за представитель семинарии и Васильевского острова! Как он льстит нигилистам!» (А.И. Герцен Н.П. Огареву. 8 августа (27 июля) 1867 г.) (там же, с. 167–168).

В июне – июле 1863 г. А.А. Фет и В.П. Боткин написали статью о романе «Что делать?», предназначенную для «Русского вестника», потом для «Библиотеки для чтения». В ней, в частности, говорилось: «Скудость изобретения, положительное отсутствие творчества, беспрестанные повторения, преднамеренное кривлянье самого дурного тону и ко всему этому беспомощная корявость языка, превращают чтение романа в трудную, почти невыносимую работу» (ЛН. М., 1936, т. 25–26, с. 489).

Совсем иначе обстояло дело в среде молодых радикалов. Они восприняли «Что делать?» как «новое слово», вызов представителям старого мира. Писарев прямо провозгласил: «...роман глумится над их эстетикой, разрушает их нравственность, показывает лживость их целомудрия, не скрывает своего презрения к своим судьям» (Писарев Д.И. Новый тип // Русское слово, 1865, № 10, отд. II, с. 3; Писарев Д.И. ПССП, т. 8, с. 207).

С. 59. ...я вас мадерой ~ угощу... – Мадера – марка выдержанного десертного вина, изначально изготавливавшегося на португальском острове Мадейра.

С. 60. Косынка песчовая. – Косынка, вязаная из ниток, спряденных из подшерстка песка. Такие изделия были очень мягкими, теплыми и легкими (см. также с. 316).

Как тебе идет fleur d'orange, ты мне дай, пожалуйста, от гирлянды. – Fleur d'orange (фр.) – веночек из цветов померанцевого дерева (флёрдоранж), традиционно входивший в убор невесты. Существует поверье, что девушка, получившая веточку флёрдоранжа из венка невесты после бракосочетания, непременно выйдет замуж.

С. 63. – В Петербурге, изволите видеть, есть кружок людей, которые затеяли некоторое хорошее дело. Они устроили коммуны. – В начале 1860-х годов в России под влиянием учения Ш. Фурье, романа Чернышевского «Что делать?» стали появляться коммуны демократически настроенной молодежи. Самой известной была коммуна, организованная писателем В.А. Слепцовым в Петербурге, располагавшаяся на Знаменской улице в доме Бекмана. М.Е. Салтыков-Щедрин, который посещал этот «фаланстер», отзывался о нем как о деле «совершенно ребяческом», о котором «лучше всего позабыть» (Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1977, т. XX, с. 189; см. также: Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1972, с. 327–335; Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., 1928, с. 249; Серова В.С. Александр Николаевич Серов. Праздники

и будни нашей совместной жизни // Русская мысль, 1913, № 4, с. 10–11; Чуковский К. Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934, с. 232–249).

Знаменская коммуна была своего рода привилегированной. Гораздо чаще в подобных общежитиях царила иная обстановка. Вот как она описывается мемуаристом Н.И. Свешниковым, правда в несколько более поздний период: «Помню, как однажды, придя к ним и не застав никого дома, я взял лежавший над дверью ключ и вошел в квартиру. Я зажег свечку и хотел почитать; но, подойдя к столу, увидел такую массу грязи, что мне, хотя и не привыкшему к комфорту и порядку, и то казалось чересчур неприятно. На середине стола, на подносе, наполненном золою и угольями, стоял буквально черный самовар, около него блюдечки и стаканы с набросанными в них окурками, а весь стол был покрыт какой-то сальной грязью, тут же лежало на бумажке чухонское масло, рассыпанная четвертка табаку и куски хлеба, и все это было покрыто пылью. На диванах, на стульях, на полу разбросаны были разные вещи и книги, а в кухне весь пол был усыпан угольями.

“Вот, – говорил я сам себе, – все они твердят о необходимости служить друг другу, работать, а как нет у них старшего, некому и заставить поработать, так и свою квартиру никто не хочет убрать” (...). Но впоследствии им и самим надоела эта грязь, и они сняли себе две меблированные комнаты в Седьмой линии Васильевского острова» (Свешников Н.И. Воспоминания пропавшего человека. М., 1996, с. 80).

По словам К. Чуковского, коммуны стали «модной формой коллективного быта» (Чуковский К. Люди и книги шестидесятых годов. с. 223), число их быстро умножалось. В 1880–1890-е годы свои общины стали создавать последователи учения Толстого. На эти общежития обрушились репрессии властей и насмешки публики. См., например, рассказ Лескова «Зимний день (Пейзаж и жанр)» (1894), в котором значительное место занимает сатирическая характеристика непротивленцев-толстовцев.

Он из семинарии (как всем известно, что в наше время быть из семинарии есть почти чин, так как лучшие головы и таланты все из семинарии). – Разночинная интеллигенция 1860-х годов состояла большей частью из представителей мелкобуржуазной и духовной среды. С духовенством были связаны Чернышевский, Добролюбов, Пыпин – по линии матери, Антонович, Елисеев, Благосветлов, Щапов, Помяловский, Благовещенский и др. То положение, в котором находились разночинцы в России до середины 1850-х годов, породило в них критическое отношение к политическому строю, активное неприятие культуры, морали привилегированного класса. Они ощущали себя новыми людьми, призванными изменить действительность: отсюда жажда знаний, деловая активность, самоуверенность, учительная роль. С другой стороны, ими не был изжит окончательно комплекс социальной неполноценности по сравнению с дворянами.

Отношение в обществе к деятелям, происходящим из духовного звания, было различным. Выразитель радикально-демократических

взглядов Писарев в статье «Роман кисейной девушки» (1865), касаясь вопроса об ответственности людей за выбор жизненных принципов, с глубочайшим уважением высказался о Помяловском: «...правда твоя, честный и даровитый труженик; правда твоя, бедный и забитый бурсак, умевший счистить с своего ума и с своего чувства всю грязь, наложенную на них бурсацкими розгами! И спасибо тебе, Помяловский, за то, что ты сильным и убедительным твоим словом заступился решительно за святыню человеческой личности, в силе которой усомнились слабодушные охотники оплакивать несовершенства жизни, среды и обстоятельств!» (*Писарев Д.И. Роман кисейной девушки // Русское слово, 1865, № 1, отд. II, с. 7; Писарев Д.И. ПССП, т. 7, с. 11–12.*)

Салтыков-Щедрин в годы сотрудничества в «Современнике» иронически называл «консistorией» редакционный триумвират: Антоновича, автора «разносительных» статей, Елисеева, нравственные качества которого вызывали у него неприятие – «самолюбивый протоиерей» (*Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т., т. XIX, с. 204, 314*), Пыпина. Чернышевского сатирик считал «теоретиком», мысль которого «отрешена от реальной почвы» (там же, т. VI, с. 334).

Позиция Достоевского выражена в I Записной книжке 1860–1862 гг. в следующих словах: «Семинаристы привносят в нашу литературу особенное отрицание, слишком [полное] враждебное и слишком резкое – потому слишком ограниченное» (*Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980, т. XX, с. 155*).

В.П. Буренин в «Воспоминаниях» рассказывает о встрече с писателем у Плещеева в 1861 г. Присутствовавшие там студенты были взволнованы слухом об аресте Чернышевского (впоследствии не подтвердившимся). Толстой хладнокровно заметил, что не понимает, почему этот факт так взбудоражил их, юношам надо жить и учиться, не смущаясь никакими арестами. Эти суждения неприятно подействовали на его слушателей, Толстому резко возражали. Но он остался равнодушен и скоро ушел (*Буренин В.П. Воспоминания // Дом Остроухова в Трубниках. Альманах. М.; СПб., 1998, вып. 2, с. 196*).

В 1860-е годы разночинцы были чужды Толстому прежде всего как последователи новой, демократической эстетики, люди, не имеющие, по его мнению, культурных традиций, догматики, отрицатели. В письме к С.А. Рачинскому от 7 августа 1862 г. он сообщал, что учителя в устроенных им школах – студенты. «Все бывшие семинаристы (их было у меня шесть) не выдерживают больше года, запивают или зафранчиваются. Главное условие, по-моему необходимое для сельского учителя, это уважение к той среде, из к[отор]ой его ученики, другое условие – сознание всей важности ответственности, к[отор]ую берет на себя воспитатель. Ни того ни другого не найдешь вне нашего образования (университетского и т. п.)» (*Юб., т. 60, с. 434*).

В набросках к роману «Война и мир» есть полемически заостренные рассуждения автора, почему в центре его внимания находятся представители благородного общества. Толстой говорит, что не может угодать

публике, изображая плебейскую среду, потому что «памятники истории того времени, о котором я пишу, остались только в переписках и в записках людей высшего круга – грамотных; интересные и умные рассказы даже, которые мне удалось слышать, слышал я только от людей того же круга. Во-вторых потому, что жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков для меня представляется однообразною, скучною, и все действия этих людей, как мне представляется, вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и матерьяльных страстей. Ежели и не все действия этих людей вытекают из этих пружин, то действия их так застилаются этими побуждениями, что трудно их понимать и потому описывать.

В-третьих потому, что жизнь этих людей (низших сословий) менее носит на себе отпечатка времени.

В-четвертых потому, что жизнь этих людей некрасива.

В-пятых потому, что я никак не могу понять, что думает будочник, стоя у будки, что думает и чувствует лавочник, зазывая купить помочи, галстуки, что думает семинарист, когда его ведут в сотый раз сечь розгами, и т.п.» (Юб., т. 13. с. 238–239). В законченном романе автор предстает апологетом народного характера, в котором присутствует, по его убеждению, стихийное сознание высшей нравственной истины, инстинктивное понимание смысла существования.

Он известен даже в литературном мире своей критикой на повесть «Чижи». Вы читали, может быть, замечательная статья – «Чижа не уничижай». Он тут проводит мысль о прогрессе идей в наших семинариях... – Скорее всего, критик из семинарии, упомянутый в пьесе, выбрал в себя типичные черты литератора-разночинца шестидесятых годов. Можно предположить, что здесь заключен намек на Добролюбова, перу которого принадлежала рецензия «Забитые люди» (1861) на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные». В какой-то степени этот образ – контаминация публициста, критика, беллетриста, мог быть связан и с Чернышевским, и с Помяловским (1835–1863), сыном бедного дьякона, окончившим бурсу и семинарию и отказавшимся от духовной карьеры, образ жизни которого резко противоречил общепринятому. Помяловский обратил на себя внимание повестями «Мещанское счастье» (1861) и «Молотов» (1861). В 1862 г. в журнале братьев Достоевских «Время», № 5 он опубликовал очерк «Зимний вечер в бурсе», затем в № 9 «Бурсацкие типы», следующие печатались в «Современнике». По предположению И.Г. Ямпольского, описывая безотрадные условия существования бурсаков, автор иронизирует над изображением детства дворянскими писателями (см.: *Ямпольский И.* Комментарии // *Помяловский Н.Г.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 317).

Чтобы усилить иронию, Толстой прибегает к каламбуру: «Чижи» – «Чижа не уничижай», основанному на сопоставлении созвучных слов в одном семантическом контексте.

В названии повести, упомянутой Твердынским, возможно, заключен намек на незащитных, терпящих нужду и всякие лишения отроков-бурсаков, описанных Помяловским. Чиж – безобидная, маленькая птичка, которую в старину дрессировали в неволе.

Впрочем, слова о «прогрессе идей в наших семинариях» могли быть откликом не только на позицию литераторов-разночинцев. В 1861 г. при посредстве Герцена вышел в Лондоне перевод на русский язык книги Л. Фейербаха «Сущность христианства» (переводчик П.Н. Рыбников). Герцен написал к нему предисловие, в котором подчеркивал, что «огромное большинство» учащихся русских духовных школ «жаждут истины», и эта книга будет особенно полезна им (*Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965, т. XXX, кн. 2, с. 883*).

Интересно, что через несколько лет по этому поводу высказался Писарев в статье «Наши усыпители» (1867): «Что же касается до водворения отрицательных идей в таких учебных заведениях, которые, по самой сущности своей, совершенно враждебны этим идеям, – то оно объясняется не какими-нибудь несовершенствами в программе или в распределении занятий, а просто тем чрезвычайно важным обстоятельством, что в этих именно заведениях крайняя бедность встречается с умственной деятельностью» (*Писарев Д.И. Собр. соч.: В 10 ч. СПб., 1867, ч. IV, разд.: Статьи полемические, с. 9; Писарев Д.И. ПССП, т. 9, с. 380*).

И наконец, подобные формулировки нередко появлялись в периодике 1860-х годов. Так, в газете «Наше время» была помещена статья «Прогресс духовных училищ» за подписью В. Книжникова. В ней говорилось, что в духовных учебных заведениях постепенно изживаются жестокое обращение с учениками, бессмысленная зубрежка. Чувствуется благотворное влияние новых идей, хотя многие условия окружающей действительности мешают развитию положительных начал (*Наше время, № 10, 1863, 12 января, с. 40*).

Реплика из комедии стала средоточием наиболее резких выпадов Толстого против социальной позиции и литературной деятельности разночинцев-интеллигентов из духовной среды и против общественной моды на «семинаристов».

С. 64. Их трое (было) сначала. Один медик, вот он и студент ~ мне говорили, до восемнадцати членов коммуны... – Среди радикально настроенной молодежи 1860-х годов было много представителей студенчества. Петербургская Императорская медико-хирургическая академия считалась рассадником вольнодумства и атеизма. Поэтому отнюдь не случайно, что Чернышевский сделал «новых людей» Лопухова и Кирсанова ее слушателями. Из курьезного рассказа Твердынского следует, что в коммуну входила разношерстная публика.

С. 65. Наша цель оправдывает средства. – Этот принцип лежит в основе деятельности ордена иезуитов. «Мысли, сходные с иезуитской моралью, высказывал еще итальянский писатель и политический дея-

тель Никколо Макиавелли (1469–1527) в сочинении “Государь” (1532)» (Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М., 1960, с. 650–651).

...семья есть главная преграда для развития индивидуальности. Отец посылает меня опять в гимназию, а я убедился, что стою выше всех преподавателей по своему развитию. Я сейчас читал Бокля. Он это самое говорит. – В начале 1860-х годов в России были переведены капитальный труд Г.Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (СПб., 1862–1863) и его речь, произнесенная в Королевском институте 19 марта 1858 г. «Влияние женщин на успехи знания» (СПб., 1864), но в них нет подобных высказываний о семье.

Б.М. Эйхенбаум предположил, что слова Петруши, адресованные студенту, остались в тексте от развернутой сцены урока из черновой редакции, где высмеивается отношение нигилистов к вопросам истории и исторической науки (см.: *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Кн. вторая. 60-е годы, с. 219). В этой сцене упоминаются Маколей, Токвиль, Монталмбер, Бокль, журнал «Современник».

С. 66. *...а я все коллежский советник...* – Гражданский чин 6-го класса по Табели о рангах.

С. 70. *...дополнительный платеж...* – Плата крестьян за арендованную или купленную землю.

С. 73. *В церковь невежа этот приехал в сертуке и в синих штанах...* – В день свадьбы Венеровский оделся, пренебрегая правилами хорошего тона, приличиями. По укоренившейся в Европе традиции моды создавались в Париже и частично в Лондоне. Вечерний мужской костюм представлял из себя: «Черный, реже темно-синий фрак, черные брюки (то и другое из сукна с шелковистым блеском), белый глубоко вырезанный жилет из пике и белый пикейный галстук {...} (петербургские англomаны предпочитают белому жилету черный). Так одеваются на вечер или на бал, иногда на премьеру, если занимают места в ложе или в первых рядах кресел.

Днем в этом костюме появляются лишь в особо торжественных случаях: на свадьбах, на официальных приемах, на парадных обедах в частном доме или в ресторане, когда ездят с поздравлениями и т. п.» (Русский костюм. 1850–1870: В 5 вып. М., 1963, вып. 3, с. 19).

С. 76. *«Отец! Я весьма много размышлял об философии нашего века. ~ Я сказал все, что у меня накопело в моей душе. Петр Прибышев».* – С образом юнца, который «заражается» новыми идеями от студента, связана сатирическая тенденция пьесы. Такая пара героев являлась знаковой для читателей 1860–1880 гг. Письмо Петруши – набор «нигилистических штампов». Оно несомненно пародийно и заставляет вспомнить выступления Писарева, в которых критик рьяно защищает права «детей» и громит деспотизм родителей и наставников (ряд рецензий в журнале «Рассвет» – 1859, статьи «Стоячая вода», «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» – 1861). «В последнем действии Петруша – уже совсем фарсовый персонаж...», – замечает Б.М. Эйхенбаум (*Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Кн. вторая.

60-е годы, с. 215). Толстой хочет продемонстрировать ограниченность, наивную наглость новоиспеченных отрицателей. К подобному приему прибегали и другие авторы антинигилистических произведений. Так, в романе Ключникова «Марев» действует *enfant terrible* Коля Горобец, в романе Достоевского «Бесы» гимназист, принимающий участие в конспиративной сходке («у наших»). В публицистике осмеяние «мальчишек», «нигилистов», «свистунов» начал М.Н. Катков (см. ред. статьи «Русского вестника» «Несколько слов вместо “Современной летописи”», 1861, № 1; «Старые боги и новые боги», 1861, № 2; «Наш язык и что такое свистуны», 1861, № 3).

Гимназист-нигилист черпает понятия о действительности из статей Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1859), «Темное царство» (1859), из романа «Отцы и дети» Тургенева в писаревской интерпретации (ст. «Базаров», 1862). Петруша и ему подобные – потенциальные «вислоухие и юродствующие», осмеянные Салтыковым-Щедриным в хронике «Наша общественная жизнь», март 1864 г.

...*ежели ты не Кирсанов...* – Петруша имеет в виду характеристику, которую в романе «Отцы и дети» дает Базаров Николаю Петровичу Кирсанову: «человек отставной, его песенка спета».

С. 78. *С Макарья такого не было.* – Поскольку действие пьесы происходит примерно в августе – сентябре, то скорее всего имеется в виду преподобный Макарий Желтоводский Унженский, память которого празднуется Церковью 25 июля (7 августа). К этому празднику приурочивалось проведение Нижегородской (Макарьевской) ярмарки.

...*курьер...* – Должностное лицо, разъезжающее со специальными поручениями. На почтовых станциях фельдъегери и курьеры получали лошадей вне очереди (для них имелись специальные тройки).

...*сенник...* – Сарай для хранения сена или холодная клеть при избе.

...*двойные...* – Подразумеваются прогоны, т. е. плата за проезд на почтовых лошадях.

С. 79. *Лошади в разгоне.* – Разгон – «ямская гоньба, гон, гонка, езда» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882, т. 4, с. 22).

...*подорожная...* – Документ, в который вносился маршрут, чин и звание путешествующего. Подорожная регистрировалась на заставах.

С. 80. ...*надо стать одним одесную, а другим ошую.* – Т. е. одним стать направо, а другим налево (*церковнослав.*).

С. 82. *Может быть, это жёлчный пузырек не выпустил свою жидкость.* – Пример вульгаризованной трактовки психических процессов. Приверженец естественнонаучного позитивизма Писарев отмечал в статье «Процесс жизни. “Физиологические письма” Карла Фохта»: «Печень, действующая на пищу посредством выделяемой ею желчи, играет очень важную роль как в медицинских сочинениях, так и в обиходных понятиях, распространенных в массе; печенью объясняются многие болезненные явления; страдание печени и разлитие желчи составляют,

по мнению публики и некоторых медиков, главные причины дурного расположения духа, ипохондрии, меланхолии и т.п. Фохт говорит, что по большей части эти объяснения ошибочны, но что во многих случаях приходится оставить дело нерешенным; нельзя отвечать ни *да*, ни *нет*, потому что химическая работа печени и влияние желчи на пищеварение еще недостаточно разработаны» (*Писарев Д.И.* Процесс жизни. «Физиологические письма» Карла Фохта // Русское слово, 1861, № 9, отд. II Иностранная литература, с. 23).

С. 83. ...*Автомедону*... – Автомедон – возница Ахиллеса из «Илиады» Гомера.

С. 85. *Что ж все риторствовать*. – Говорить напыщенно, красиво (*греч.*).

*Твердынский, вы знаете стихи Гюго? Гюго – отсталый человек, но он поэтическим чутьем проникал многое из будущего. N'insultez pas... – Оборванная цитата из стихотворения В. Гюго «Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!» («О! никогда не оскорбляйте женщину за ее падение!») из сборника «Les Chants du crépuscule» («Песни сумерек»), Bruxelles, 1835. В яснополянской библиотеке Толстого находится много сочинений Гюго, в том числе собрание сочинений, в которое вошел данный сборник с этим стихотворением: *Hugo V. Œuvres. II. Poésie. Bruxelles. Meline. Can et Campagnie. 1837, p. 558.**

Гуманистический пафос, романтическая устремленность к идеалу социальной справедливости и гармонии творчества Гюго сделали его популярным в России. Толстой высоко ценил статьи Гюго об искусстве (см. письмо А.А. Фету от 10 ...20 мая 1866 г. – *Юб.* т. 61, с. 139). Незадолго до смерти, в 1909 г. он сказал: «Это один из самых близких мне писателей» (*ЛН*, т. 37–38, кн. 2, с. 532).

С. 86. ...*фимиам*... – Благовонное вещество для воскурений, каждый (*thymiata, греч.*).

...*кальян*... – Восточный курительный прибор, посредством которого табачный дым пропускается через воду и охлаждается (*перс.*).

...*вы пар от подошв кумиров моих, вся нежность и свет фирмента мироздания*. – Источник этого выражения не установлен, но вполне ясна цель автора пьесы – сатирическое осмеяние безвкусного мещански-семинарского языка, разночинских претензий на эффектность стиля. Фирмент – от *фр. firmament* (небесный свод).

...*экспликацию*. – От *фр. explication*, объяснение, толкование.

Конкрет может спутать.... – Реально существующий, конкретный человек (*лат.*). Слово из нигилистического жаргона. Не укоренилось.

С. 88. ...*неофит*... – В данном случае, новичок (*греч.*).

С. 91. ...*неконсеквентен*... – Непоследователен (*лат.*).

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

〈НИГИЛИСТ〉

Впервые: *Толстой Л.Н.* Неизданные художественные произведения. М.: Федерация, 1928, с. 145–160.

Рукописный фонд составляет 19 листов.

Печатается по хронологически более поздней и полной копии (в *Описании* рук. 2) со следующими исправлениями по ранней авторизованной копии (в *Описании* рук. 1):

С. 94, строки 16–17: Глафира Федоровна, Фиона Андреевна, Семен Иваныч за чайным столом. – *вместо*: Глафира Феодоровна, Фиона Андреевна, Семен Иваныч. (по K_1)¹.

С. 94, строка 22: И-и, батюшка – *вместо*: И, батюшка (по K_1).

С. 95, строки 1–2: генелисты – *вместо*: гененисты (по K_1).

С. 95, строка 31: букеты – *вместо*: букет (по K_1).

С. 97, строка 4: Так вот как бывало – *вместо*: Так вот как было (по K_1 и K_2)².

С. 97, строка 13: et vous aussi, monsieur – *вместо*: et vous monsieur aussi (по K_1).

С. 97, строки 30–31: я те сама так обругаю – *вместо*: я те так обругаю (по K_1 и K_2).

С. 98, строка 2: Ради Бога, осторожнее, чтоб он не видал. – *вместо*: Ради Бога, чтоб он не видал (по K_1).

С. 98, строка 12: перешептываются – *вместо*: перешептывается (по K_1).

С. 98, строка 16: молодость – *вместо*: молодежь (по K_1).

С. 98, строка 18: в ваших летах – *вместо*: в ваших годах (по K_1 и K_2).

С. 99, строка 21: эмансипации – *вместо*: имансипации (по K_1).

С. 99, строка 23: Уж извините – *вместо*: Уже извините (по K_1).

С. 99, строки 36–37: Вы уж ему позвольте – *вместо*: уже вы ему позвольте (по K_1).

С. 101, строка 26: не ходи сюда, не ходи – *вместо*: не ходи, не ходи (по K_1).

С. 102, строка 15: студент – *вместо*: студент (по K_1).

С. 103, строка 11: а у ней – *вместо*: и у ней (по K_1).

С. 104, строка 7: Маменька призвала – *вместо*: Маменька позвала (по K_1).

С. 104, строка 10: это вздор – *вместо*: это все вздор (по K_1).

С. 104, строка 11: Я не могу так это оставить – *вместо*: Я не могу так оставить (по K_1).

¹ K_1 – копия рукой С.А. Толстой с правкой Толстого (в *Описании* рук. 1).

² K_2 – один лист из несохранившейся копии рукой В.В. Толстой без правки Толстого (в *Описании* в составе рук. 2).

С. 104, строка 12: Пойду к ней и объяснюсь – *вместо*: Объяснюсь (по К₁).

С. 104, строки 32–33: Она и скрывать не хочет. Непонятно! – *вместо*: Она и скрывать не хочет (по К₁).

С. 104, строка 36: *входит, берет свечи* – *вместо*: берет свечи (по К₁).

С. 105, строка 13: Нет, это нельзя перенести – *вместо*: Нет, этого нельзя перенести (по К₁).

Сохранились две рукописные копии «Комедии в трех действиях». Первая из них, более ранняя, – копия рукой С.А. Толстой с исправлениями и дополнениями Толстого (в *Описании* рук. 1). На обложке рукой С.А. Толстой написано карандашом: «Нигилист? Комедия в трех действиях». Ниже чернилами: «Продолжение Комедии [Нигилист] Зараженное семейство». Автограф Толстого, с которого С.А. Толстая сделала эту копию, не сохранился.

Вторая рукопись – не вполне точная копия первой рукописи, выполненная племянницей Толстого В.В. Толстой (в *Описании* рук. 2). Сюда вошли авторские исправления и дополнения, внесенные в первую копию. Правки Толстого во второй копии нет, но она представляет собой более полный текст комедии, в ней больше авторских ремарок, включены поздравительные стихи, отсутствующие в первой рукописи. Вместе с тем во второй рукописи есть погрешности копииста, которые в настоящем издании исправлены по авторизованной ранней копии.

Кроме этих двух полных списков, сохранился еще один небольшой фрагмент комедии (со слов старой барыни Глафиры Федоровны во втором явлении первого действия: «Какую струну?» – до ее же слов в пятом явлении: «Грустно, очень грустно»). Этот фрагмент, представляющий собой один лист копии рукой В.В. Толстой, в *Описании* (с. 92) не выделен в отдельную опись и включен в состав второй рукописи. В комментариях Юб. (т. 7, с. 416), как и в *Описании*, отмечено, что «часть I действия (явления 1–5) переписана дважды», и ничего не говорится об отличиях в тексте и возможной принадлежности этого отрывка к несохранившейся рукописи. Между тем на основании имеющихся в этом фрагменте вариантов текста можно заключить, что между двумя известными нам полными списками комедии была еще одна – несохранившаяся промежуточная копия. Подтверждается это сопоставлением рукописей «Комедии в трех действиях». Например, в третьем явлении первого действия:

	во фрагменте несохранившейся рукописи:	
в рукописи 1:		в рукописи 2:
Наталья Пав- ловна.	Наталья Пав- ловна (<i>жеманно</i>).	Наталья Пав- ловна (<i>жеманно</i> , <i>приседает</i>).
мы уже виделись	мы виделись с вами	мы уже виделись с вами

В первой полной копии комедии авторская правка носит особый характер. В числе обычных для рукописей Толстого исправлений есть и такие, которые указывают на то, что текст комедии мог дополняться и исправляться во время репетиций. Так, в четвертом явлении второго действия (оп. 1, л. 3 об.) ответ студента на вопрос Марьи Дмитриевны о поздравительных стихах, которые он вызвался сочинить, был таким:

первоначально:

Хрисанф Васильевич.
Позвольте минуту вдохновенья,
Марья Дмитриевна. (*Отходит в сторону и становится в позу.*)

Хрисанф Васильевич.
С именинами поздравить... Нет,
нехорошо.

после правки Толстого:

Хрисанф Васильевич.
Позвольте минуту вдохновенья,
Марья Дмитриевна. Еще вдохновенья. (*Отходит в сторону и становится в позу.*)

Хрисанф Васильевич.
С именинами поздравить... Нет,
нехорошо.

Толстой вписал между строк слова: «Еще вдохновенья». Последующая рукопись показывает, что они стали не дополнением к реплике студента, а в большей степени указанием исполнителям, как сыграть сцену. Можно предположить, что текст был изменен в несохранившейся рукописи, в результате чего во второй полной копии (оп. 2, л. 4–4 об.) этот фрагмент предстал дополненным репликой барышень и ремарками:

«Хрисанф Васильевич. Позвольте минуту вдохновения, Марья Дмитриевна. (*Проводит рукой по волосам и мажет лоб сажжей.*)

Наталья Павловна и Люба (*вместе*). Еще, еще вдохновения.

Хрисанф Васильевич (*пачкает опять лицо, не замечая этого*). Извольте. (*Отходит в сторону и становится в позу.*) С именинами поздравить... нет, не хорошо...»

В настоящем томе, как и в предыдущих изданиях комедии, в качестве основного источника для публикации избрана вторая, более полная копия. Кроме поправок, указанных выше в списке исправлений, в настоящей публикации унифицировано написание двух собственных имен: Глафира Федоровна и Хрисанф Васильевич. Во всех трех рукописях наряду с толстовским написанием *Глафира Федоровна* встречается также *Глафира Феодоровна*. Имя студента в первой копии – Крисанф, в промежуточной рукописи – Крисанф и Хрисанф, во второй полной копии имя Крисанф встречается лишь несколько раз, в большинстве случаев студент зовется Хрисанфом.

В настоящем издании к заголовку «Комедия в трех действиях», имеющемуся в двух полных копиях, прибавлено редакторское название (Нигилист). Основания для этого дает прежде всего надпись, сделанная С.А. Толстой на обложке авторизованной копии: «Нигилист? Комедия в трех действиях». Мнение о том, что «Комедия в трех действиях» является ранней редакцией не дошедшей до нас комедии «Нигилист»,

разделяли В.Ф. Саводник, подготовивший первую публикацию комедии (см.: *Толстой Л.Н.* Неизданные художественные произведения. М., 1928, с. 143; *Юб.*, т. 7, с. 415), В.И. Срезневский (см.: *Толстой Л.Н.* Полное собрание художественных произведений: В 15 т. М.; Л., 1929, т. 11, с. 458), составители *Описания* (с. 92), К.Н. Ломунов (*Ломунов К.Н.* Драматургия Л. Н. Толстого. М., 1956, с. 112).

Несохранившаяся комедия «Нигилист» написана Толстым в сентябре 1866 г. в Ясной Поляне. Это было второе обращение писателя к теме нигилизма после созданной им в 1864 г. комедии «Зараженное семейство». Возникновение замысла и история постановки «Нигилиста» на домашней сцене тесно связаны с некоторыми обстоятельствами яснополянской жизни лета 1866 г.

В конце августа 1866 г. к именинам С.А. Толстой (17 сентября) в Ясной Поляне ожидали приезда Т.А. Берс, М.Н. Толстой с двумя дочерьми и друга юности Толстого Д.А. Дьякова с женой и дочерью. С.А. Толстая упомянула об этом в дневнике 27 августа: «...жду Дьяковых, Таню, Машеньку с девочками» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 79). Затем в записях следует большой перерыв. 12 ноября Софья Андреевна записала: «У нас было так весело эти три недели от начала сентября (...). Эти три недели у нас гостили Дьяковы, Машенька с девочками, Таня, и была такая между нами дружба, такие простые, дружеские, легкие и приятные отношения, что, я думаю, редко можно встретить что-нибудь подобное. Я так радостно вспоминаю и 17 сентября, с музыкой, которая меня так удивила и обрадовала за обедом, и при этом милое любящее выражение Левы, и этот вечер на террасе при свете фонарей и огарочков, и оживленные, молодые фигуры барышень в кисейных белых платьях, маленький добродушный Колокольцев» (там же, с. 79–80). Сюрпризом для С.А. Толстой стало приглашение в день ее именин военного оркестра из Ясенок и устроенный Толстым танцевальный вечер. В дневнике она отметила: «Я сама удивлялась, что я, солидная, серьезная, танцевала с таким увлечением» (там же, с. 80).

Т.А. Кузминская впоследствии вспоминала, что «шарады, нашего же сочинения», навели Льва Николаевича на мысль написать пьесу для домашнего спектакля, и «в каких-нибудь 3–4 дня он написал комедию в одном действии и назвал ее “Нигилист”» (*Кузминская. Мои воспоминания*, с. 32).

Множество важных подробностей об этой пьесе сохранилось и в книге Т.А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Историю появления «Нигилиста» Кузминская передает так: «Лев Николаевич добродушно относился ко всем нашим затеям. Однажды, глядя на представление нашей шарady, он сказал:

- Отчего вы не разучите какую-нибудь маленькую пьесу?
- Да где мы ее возьмем, а выписывать некогда, – говорила Соня.
- Напиши ты нам, – сказала я.

Несколько голосов подхватили:

– Да, да, Лев Николаевич, дядя Левочка, – кричали все. – Напишите нам!

– Хорошо, попробую, – сказал он.

Через три дня он принес нам написанную комедию “Нигилист”, не помню, кажется, в одном действии. Мы разобрали роли и стали разучивать» (*Кузминская*, с. 310).

Сведения о сюжете и постановке «Нигилиста» сохранились также в двух письмах Т.А. Кузминской. Содержание комедии было последовательно изложено ею 11 января 1919 г. в письме к Н.В. Давыдову, который в это время писал статью о пьесах Толстого 1850–1860-х годов: «В деревне у себя живут молодые муж и жена. Они любят друг друга, живут тихо и уединенно. К ним приезжают погостить родственники, теща с двумя девицами, затем студент, пропитанный современными идеями. Начинается веселая, шумная, молодая жизнь: пикники, танцы, пение... Студент с идеями во всем принимает участие, но при этом красноречиво, не пропуская удобного случая, проповедует свои идеи барышням, жене помещика, теще и даже, поймав где-то странницу, зашедшую в дом по пути в Киев, отвергает все, во что она верит... Барышни влюбляются в студента. Теща очарована его умом. Муж начинает ревновать свою жену к студенту; ему кажется, что и она заражена общим увлечением, он делает ей сцены ревности. В доме тишина и мир нарушены. Происходит сумбур: споры, проповеди, объяснения в любви, шум, все перепутывается и смешивается; муж не верит ей и следит за нею. Студент действительно начинает слегка ухаживать за женой, возбуждая ревность молодых девушек. И одна лишь странница остается верна своей вере в чудеса мира, точащегося из щечки Богородицы, и жена остается верна своей любви к мужу и старинным традициям веры. Кончается тем, что студента выпроваживают, и тишина и спокойствие водворяются в доме с примирением мужа с женой» (*Юб.*, т. 7, с. 414).

В другом письме, написанном 5 октября 1866 г. и адресованном другу детства М.А. Поливанову, Т.А. Кузминская сообщает о том, кто какие роли исполнял: «Я jeune première¹, Соня – мой муж, одна барышня – тещу, Мар(ия) Никол(аевна) – богомолку, удивительно хорошо, у нее такой комический талант, Варенька и Маша Дьякова – двух молодых девушек, Лиза Толстая – студента-нигилиста, шло отлично, только одно жалко, что пьеса была коротка» (*ОР ГМТ*). Со строками этого письма, написанного под впечатлением недавно сыгранного спектакля, не расходятся позднейшие воспоминания Т.А. Кузминской: «Сестра Соня приняла на себя роль мужа, а Лиза Толстая – роль студентки. Роль жены дали мне. Софеш² – теща, а Варенька и Маша – две кузины». Такое распределение ролей объяснялось просто: «К сожалению, у нас никого не было на мужские роли, а выписывать кого-либо было поздно» (*Кузминская*, с. 310).

Воспоминания Т.А. Кузминской о комедии, повторяясь в основном в двух ее книгах, в некоторых деталях дополняют друг друга. Так, в книге воспоминаний о М.Н. Толстой прибавлена еще одна важная деталь:

¹ актриса, исполняющая главную роль в пьесе (*фр.*).

² Так звали в семье Софью Робертовну Войткевич.

«...мы так спешили поставить эту пьесу» (*Кузминская. Мои воспоминания*, с. 33). Объясняется это, скорее всего, тем, что постановка комедии готовилась к именинам С.А. Толстой. Игру самой именинницы мемуаристка оценивает очень высоко: «Сестра в мужском костюме была неузнаваема. Ее высокий рост и стройная фигура очень хорошо выходила в широком парусиновом костюме; всего труднее было сладить с ее густыми волосами, которые беспощадно прятали под мужскую шляпу. Играла она прекрасно, как, вообще, и прежде, когда ей приходилось играть роли *jeunes premières*» (там же, с. 34).

Воспоминания племянницы Толстого Е.В. Толстой, исполнительницы роли студента-нигилиста, дополняют мемуары Т.А. Кузминской: «Когда были исчерпаны все роды развлечений, мы стали просить дядю написать для нас комедию. Я не помню содержания этой комедии, которая называлась “Нигилист”. Мне дали роль этого нигилиста, кажется, очень скучного резонера, куда-то запрятали мои длинные волосы и вымазали руки и ноги, – почему-то нигилист должен был быть с грязными руками. Мать тоже участвовала, она играла роль странницы и имела большой успех. Лев Николаевич очень хохотал. Он был все время в очень благодушном настроении» (*Оболенская-Толстая Е.В. Моя мать и Лев Николаевич // Октябрь. 1928. № 9–10, с. 228*).

Роль странницы-богомолки, и в особенности сцены странницы со студентом, оказались самыми удачными и яркими в спектакле. «Если бы я не знала, что это Мария Николаевна, я бы не узнала ее, – вспоминала Т.А. Кузминская. – Одежда, грим, походка, котомка за спиной – все было точь-в-точь, как у настоящей странницы. Одни черные большие глаза были ее. Как она поклонилась с палкой в руке вроде посоха, как она подала мне просвирку и села, по моему приглашению, за стол – все было как настоящее, непринужденное, не сыгранное. Я взглянула на Льва Николаевича. Он положительно сиял от удовольствия» (*Кузминская, с. 311–312*).

Поначалу М.Н. Толстая отказывалась участвовать в спектакле и согласилась только после долгих уговоров всех и особенно Льва Николаевича, который говорил ей: «Машенька, ведь мне же необходима странница, как же быть? Кроме тебя никто не сыграет». Разговор их сохранился в памяти Т.А. Кузминской: «“Ну, хорошо, – сказала Мария Николаевна. – Я согласна, но ты не пиши мне роли, я ее никогда не выучу. Ты мне наметь только выходы, а я уж сама придумаю, что говорить”. Так Лев Николаевич и сделал» (там же, с. 311).

Т.А. Кузминская сохранила также в памяти последовательность сцен в комедии «Нигилист»: «Первая сцена изображала приезд гостей, суматоху и радость. Затем было несколько сцен студента с кузинами, красноречивая проповедь нигилизма, со смелым, циничным ухаживанием за одной из кузин. Такой же разговор и с тещей. Ее недоумение и легкое осуждение. Потом шла сцена ревности мужа с женой. Затем представлен накрытый чайный стол. Я одна сижу у стола в слезах, жалуюсь на свое горе, – несправедливость и ревность мужа» (там же, с. 311).

Подробнее всего Т.А. Кузминская рассказывает о сцене со странницей и впечатлении, произведенном игрой М.Н. Толстой. Мемуаристка при этом упоминает, что М.Н. Толстая не участвовала в репетициях, а только внимательно наблюдала за ними, поэтому ее появление было неожиданностью не только для зрителей, но и для участников спектакля.

Плачущей за чайным столом жене докладывают, что пришла странница и желает ее видеть. «Она была так одета и загримирована, так изменила походку свою, что лишь по большим черным глазам можно было признать в ней прежнюю Марию Николаевну, – пишет Т.А. Кузминская. – В первую минуту от удивления я забыла свою роль. Усевшись за стол, она сразу начала свое повествование, причем прихлебывала чай и откусывала сахар как-то совсем особенно, не спеша, как бы оценивая каждый глоток чаю; вообще Мария Николаевна играла свою роль не только словами, но и всем существом своим. Она рассказывала о своем странствовании и смешно и живо, и взяла такую верную интонацию и ужимки, что, слыша в публике неудержимый смех, а в особенности заразительный смех Льва Николаевича, я не могла оставаться печальной, и, закрыв лицо платком, чтобы по крайней мере не видеть Марии Николаевны, я притворилась, что утираю слезы умиления от ее рассказов, а сама прямо тряслась от смеха, уткнувшись в платок» (*Кузминская. Мои воспоминания*, с. 35).

К сожалению, то, что говорила странница, сохранилось только в кратком пересказе: «Она рассказывала о своем странствовании, о своем сне, как птица, слетевшая с небес, заклевала лягушку, и что птица эта была мать-игуменья, она заклевала врага своего, что мутил ее. А враг был батюшка из соседней церкви. {...} Казалось, что все, что слышала Мария Николаевна в течение многих лет от странниц, она все ввела в свой рассказ. Все слилось в одно длинное, комическое и верное повествование: как из щечки Богородицы денно и ночью сочилось миро; как монах, за то, что полюбил девку Гашку, языка лишился».

Далее следовала безмолвная сцена, вызвавшая громкий смех и аплодисменты и названная мемуаристкой великолепной: «Когда я ушла и странница осталась одна, она стала поспешно собирать со стола кусочки сахара, остатки баранок, хлеба, и, оглядываясь на дверь, поспешно клала все это в свою котомку».

Затем входил студент. «Как только он получал кого-нибудь слушателем, – пишет Т.А. Кузминская, – он начинал свою проповедь. Так было и со странницей» (*Кузминская*, с. 312). Сцена странницы с нигилистом была, по словам мемуаристки, еще комичнее: «как он проповедует М.Н. о своих убеждениях, а она отрещивается от него» (*Кузминская. Мои воспоминания*, с. 36). Т.А. Кузминская очень сожалела, что не могла передать их диалога. «Обыкновенно, – пишет она, – проповедь начиналась со слов о правах женщины: как женщина должна приравнять себя к мужчине и прежде всего остричь свои длинные косы.

– Что ты, что ты, батюшка, Христос с тобой! У нас девкам-то косы за плохое поведение стригут, а ты хочешь так себе ни в чем не повин-

ных осрамить! Нет, этого никак нельзя, – качая головой, говорила странница.

Но студент не унимался, он отвергал почтение к родителям, богомольство называл пустым шляньем. Странница с ужасом слушала его. Но когда дело дошло до сравнения Бога с воздухом – кислородом, странница в испуге, забрав свою котомку, крестясь и отплевываясь, как от нечистой силы, убежала от него» (*Кузминская*, с. 312–313).

Смысл речей странницы, отвечавшей студенту, безусловно, соответствовал собственному отношению М.Н. Толстой к нигилизму. По словам ее дочери Е.В. Оболенской, нигилизм, который все более распространялся в России, был причиной решения Марии Николаевны дать образование сыну Николаю в заграничном пансионе. «Не знаю, почему мать решила оставить брата в Женеве, – пишет Елизавета Валерьяновна. – Кажется, в России тогда было время “нигилистов”, и она боялась, чтобы он не подпал под это влияние» (*Оболенская-Толстая Е.В. Моя мать и Лев Николаевич // Октябрь. 1928. № 9–10, с. 221*). Т.А. Кузминская также упоминает о нигилизме как о характерной черте времени: «Нигилизм, как плохая трава, размножался и пускал корни» (*Кузминская*, с. 310). В комедии «Нигилист» она видит прежде всего ярко очерченный взгляд Льва Николаевича на это новое явление русской жизни.

В пьесе Толстого странница благотворно влияет на семью, в результате чего муж мирится с женой, а студента выпроваживают. Комедия завершается куплетами, которые жена поет на мотив романса М.И. Глинки «Я вас люблю, хоть я бешусь»¹, из которых Т.А. Кузминская запомнила лишь последнее четверостишие:

Я постараюсь все забыть,
Простить, что было между нами,
Я занята одними вами,
Могу лишь вас одних любить.

По поводу местоимения «вы» в этих куплетах Татьяна Андреевна недоумевала: «Когда я на репетиции сказала Льву Николаевичу:

– Ведь мы помирились, зачем написал на “вы”?»

Он ответил:

– Ничего, пой так, рифмы нет» (*Кузминская. Мои воспоминания*, с. 36).

По другим воспоминаниям Толстой ответил следующее: «Ничего, пой так, не вышло иначе» (*Кузминская*, с. 313). А в письме Татьяны Андреевны к М.А. Поливанову есть ее собственное объяснение: «Мы на “вы”, потому (что) ссорились» (*ОР ГМТ*).

О содержании комедии «Нигилист» более ничего не известно. По прошествии лет Т.А. Кузминская сожалела, что и рассказы странницы, и проповеди нигилиста, и вообще вся пьеса навсегда утрачены: «И подумать только, что никто из нас не записал этой комедии! Переписанные

¹ Романс М.И. Глинки на стихотворение А.С. Пушкина «Признание» (1826).

роли были брошены, как ненужная бумага. Так мало придавалось значения в те годы тому, что писал Лев Николаевич» (*Кузминская*, с. 313).

Сколько действий было в несохранившейся комедии «Нигилист», точно сказать нельзя. Т.А. Кузминская в своих поздних воспоминаниях сообщает, что комедия была в одном действии, но делает это не вполне уверенно: «не помню, кажется, в одном действии». В письме же, написанном 5 октября 1866 г., она ничего не говорит о количестве действий и только сожалеет, что «пьеса была коротка».

«Комедия в трех действиях» также очень коротка, но если учесть, что она является ранней редакцией «Нигилиста», то вполне возможно, что в окончательном виде поставленная на домашней сцене пьеса могла иметь и не одно действие. Говоря об одном действии, Т.А. Кузминская могла ошибиться. Это можно предположить потому, что в ее воспоминаниях есть и другие неточности. Так, в книге воспоминаний о М.Н. Толстой мемуаристка относит описываемые события не к сентябрю 1866 г., а к лету 1865 г. (*Кузминская. Мои воспоминания*, с. 31). В книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» она сообщает, что написанная для домашней постановки комедия «Нигилист» «дала мысль Льву Николаевичу написать пьесу для настоящей сцены», то есть комедию «Зараженное семейство» (*Кузминская*, с. 313–314). В действительности «Зараженное семейство» было написано за два года до «Нигилиста».

В сюжетной линии «Комедии в трех действиях», в составе и возрасте действующих лиц легко узнаются реалии яснополянской жизни сентября 1866 г. Роль гимназиста Николенки могла быть написана для гостившего в Ясной Поляне «маленького добродушного Колокольцева», о котором С.А. Толстая упоминает в дневнике. Вряд ли это был Николай Аполлонович Колокольцев, которому в 1866 г. было уже восемнадцать лет. Скорее всего, это был его младший брат, «меньшой Колокольцов», о котором Толстой упомянул в 1876 г. в связи с тем, что юноша был «только что произведен» (*Юб.*, т. 62, 284–285), следовательно, в 1866 г. он был в возрасте гимназиста.

В «Комедии в трех действиях», в отличие от «Нигилиста», вместо странницы менее значительная роль приживалки Фионы Андреевны, сетующей на «новые порядки» и на то, что «генелисты завелись». Она только несколькими фразами выражает свое отношение к студенту и не вступает с ним в спор. Лишь одна реплика Фионы Андреевны: «Ай, страсти какие, студент чертом нарядился!» – указывает на антагонизм этих персонажей. (*Студентом* называет нигилиста и няня в «Зараженном семействе».) В последних же словах приживалки, обращенных к студенту: «Ай да нигилист, прострелил!» – выражено даже радостное удивление от увиденного представления. Сам же студент Хрисанф Васильевич мало оправдывает звание нигилиста. Он не произносит проповедей, вполне безобиден и только смешон, барышни подтрунивают над ним. В конце комедии муж понимает, что его ревность к студенту была бесосновательной, и все заканчивается общим примирением.

Одна из причин того, что для домашнего спектакля была избрана тема нигилизма, получившая новое, заостренное звучание, возможно,

в том, что Толстой так и не увидел на сцене свою комедию «Зараженное семейство». Возможно даже, что в начале августа 1866 г. он беседовал об этом с В.А. Соллогубом, приехавшим погостить в Ясную Поляну. (См. запись в дневнике С.А. Толстой 10 августа 1866 г. *Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 79). Т.А. Кузминская запомнила, как радовали Толстого репетиции, как он учил девочек играть и как говорил: «Как приятно писать для сцены. Слова на крыльях летят» (*Кузминская. Мои воспоминания*, с. 34).

На выбор темы для домашнего спектакля повлияло, вероятно, еще одно событие, которое на время омрачило счастливую семейную жизнь Толстых.

С.А. Толстая в книге воспоминаний «Моя жизнь» писала: «Летом этого же 1866 года Лев Николаевич взял в управляющие какого-то разорившегося молодого дворянина из кадет. У него была хорошенькая, бойкая жена, стриженная нигилистка, любившая много говорить и умствовать. Не помню их фамилии; звали ее Марья Ивановна. Поселили их во флигеле, и так как я после родов еще никуда не ходила и болела, то Лев Николаевич сам взялся их устроить, для чего часто ходил во флигель и много болтал с хорошенькой Марьей Ивановной о литературе и о разных умственных предметах.

Меня это очень тревожило, и я ревновала ужасно Льва Николаевича, но в то же время особенно подчеркивала и преувеличивала свою любовь с Марьей Ивановной. К счастью, они прожили у нас недолго. Длинный и глупый бывший кадет оказался неспособен к хозяйству, да и ко всякому делу, а стоили они дорого, их и отправили» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 152).

Первую запись в дневнике об управляющем и его жене С.А. Толстая сделала 19 июля: «У нас новый управляющий с женой. Она молода, хороша, нигилистка. У ней с Левою длинные, оживленные разговоры о литературе, об убеждениях, вообще длинные, неуместные; мучительные для меня и лестные для нее разговоры. Он проповедовал, что в семью, в *intimité*¹, не надо вводить постороннее, особенно красивое и молодое существо, а сам первый на это попадает. Я, конечно, не показываю и вида, что мне это неприятно, но уже в жизни моей теперь нет минуты спокойной. {...} Напрасно Левочка так горячо ораторствует с Марией Ивановной. Теперь скоро час ночи, а я спать не могу. Точно предчувствие дурное, что будет эта управительская жена-нигилистка моей *bête noire*²» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 77, 78).

Толстому, несомненно, интересен был тип женщины-нигилистки. Общение с Марией Ивановной могло добавить какие-то черты к уже созданному им два года назад образу эмансипированной стриженной Катерины Матвеевны Дудкиной. Н.Н. Гусев высказал даже предположение, что Толстому в период работы над «Зараженным семейством» или ранее вряд ли «приходилось встречаться с теми женщинами, кото-

¹ интимность (фр.).

² злой гений (фр.).

рых называли нигилистками», и при знакомстве с женой управляющего он «с большим вниманием вглядывался в этот новый для него тип женщины» (*Гусев, II, с. 626*).

Для С.А. Толстой же присутствие Марии Ивановны становилось все тягостнее. В дневнике 22 июля она записала: «Нынче Лева ходил в тот дом под каким-то предлогом. Мария Ивановна мне это сказала, и еще разговаривал с ней под ее балконом. Зачем в дождь было ходить в тот дом? Она ему нравится, это очевидно, и это сводит меня с ума» (*Дневники С.А. Толстой, т. 1, с. 78*). 24 июля была сделана еще одна запись, передающая то же настроение: «Нынче Левочка опять был в том доме и вследствие этого пожалел ее, что ей скучно. Потом спросил меня, зачем я не позвала их обедать. Если б я могла, я никогда бы не пустила ее в дом. (...) Авось откажут управляющему, и я избавлюсь от этой мучительной ревности к Марии Ивановне. Его жаль, а ее я не люблю» (там же, с. 78, 79).

Но еще прежде ожидаемого увольнения управляющего мучительное душевное состояние Софьи Андреевны изменилось. 10 августа она кратко отметила в дневнике: «Ревность к Марии Ивановне ослабла совсем, она была почти неосновательна» (там же, с. 79). О том, что тревога начала рассеиваться, можно судить даже и по самому факту отсутствия записей в период с 24 июля по 10 августа. Этот пробел отчасти восполняется письмом С.А. Толстой к сестре Татьяне от 27 июля, из которого известно, что общество Марии Ивановны уже не тяготило Софью Андреевну: «У нас новый управляющий, бывший сам помещик, но у которого хозяйство шло так дурно, что он все бросил и пошел в управляющие. Он славный, простой, бывший кадет, длинный, страшный силач и молодой. У него жена восемнадцати лет, очень хорошенькая брюнетка, нигилистка, стриженная, болезненная, но довольно образованная, училась в петербургской гимназии. Мы с ней целые дни проводим, переписываем Лева, ездим за грибами, рассуждаем и спорим о литературе» (Цит. по: *Гусев, II, с. 626*).

«Комедия в трех действиях» была написана Толстым в то время, когда вся компания родных и друзей уже собралась в Ясной Поляне, то есть не ранее конца августа 1866 г. Для домашнего спектакля Толстой выбрал тему, интересовавшую его не только как писателя, но имевшую также отношение к его семейной жизни. Хотя ко времени создания комедии события, доставившие столько волнений С.А. Толстой, стали прошедшим, но, конечно, еще не забылись. «Комедия в трех действиях» могла быть именованным подарком Софье Андреевне. Не случайно Толстой придал своему сочинению форму благодушной шутки и закончил пьесу сценой общего примирения. В сохранившемся тексте комедии угадывается его желание развеять тревогу Софьи Андреевны, успокоить и рассмешить ее. Проявляется это даже в мелочах. Например, «костлявый» студент очень напоминает управляющего, которого Софья Андреевна дважды называет «длинным».

При подготовке домашнего спектакля многое было изменено. По воспоминаниям Т.А. Кузминской, каждая репетиция вносила что-то

новое в развитие сюжета, текст постепенно менялся и дополнялся. В отличие от «Комедии в трех действиях», где Семен Иванович только удивлен происходящим и недоумевает, в «Нигилисте» мужу кажется, что жена его «увлекается студентом», он следит за ней, и «их мирная жизнь нарушается сценами ревности». В поставленном на домашней сцене спектакле студент-нигилист уже не безобидный объект для розыгрышей барышень, он «молод, красив, развязан» и скорее похож на жену управляющего Марию Ивановну, «бойкую», «любившую много говорить и умствовать», как описывает ее Софья Андреевна, и завершается пьеса не примирением, а изгнанием нигилиста.

Возможно, в измененном сюжете комедии отозвалось желание С.А. Толстой поскорее расстаться с управляющим и его женой. В своих поздних воспоминаниях она называет управляющего «глупым» и не находит ни одного сочувственного слова в его адрес. И в рассказе о Марии Ивановне нет даже намека на то примирительное настроение, которое выражено в письме Софьи Андреевны к сестре Татьяне от 27 июля и в дневниковой записи 10 августа. Так или иначе, но история недолгого пребывания управляющего и его жены в Ясной Поляне, несомненно, связана с замыслом и сюжетом созданной Толстым в сентябре 1866 г. комедии.

Сохранившиеся рукописи не дают полной картины всех перечисленных выше сюжетных изменений. В двух полных списках комедии представлен лишь начальный этап работы Толстого. Но при этом рукописи «Комедии в трех действиях» остаются одним из главных источников для изучения замысла несохранившейся комедии, в которой Толстой вновь обратился к теме нигилизма.

С. 95. ...генелисты завелись. – Обывательское искажение слова «нигилист», т. е. отрицатель.

...на вакации... – На каникулы (лат.).

...на клавикордах... – Клавикорды – струнный клавишный ударный музыкальный инструмент, один из предшественников фортепиано.

С. 97. Что это вы, Фиона Андреевна, так разрюмились? – Рюмиться (простореч., неодобрит.) – плакать, хныкать.

В нынешние времена прогресса доказано, что слезы есть только отправление организма. – Толстой иронизирует над повальным увлечением естествознанием, работами представителей вульгарного материализма, эволюционизма в русском обществе 1860-х годов и теми курьезными формами, которое оно зачастую принимало. Одним из источников этого утверждения могла быть книга К. Фогта «Физиологические письма» (1844–1846, первый русск. пер. 1863–1864). Автор отстаивал мысль, воспринятую им от французского материалиста П.Ж. Кабаниса (сочинение «Отношения между физической и нравственной природою человека», 1802), что «каждый естествоиспытатель, при сколько-нибудь последовательном размышлении, придет к тому убеждению, что все способности, известные под названием душевной деятельности, суть только отправления мозгового вещества или, выражаясь несколько грубее, что мысль

находится почти в таком же отношении к головному мозгу, как желчь к печени или моча к почкам. Принимать душу, для которой головной мозг служит инструментом, которым она работает по произволу, – довольно затруднительно» (Фогт К. Физиологические письма. СПб., 1867, вып. I, с. 298).

С. 99. ...о какой-то разумной любви... – Толстой имеет в виду теорию разумного эгоизма, которую Чернышевский вслед за Л. Фейербахом теоретически разработал в статье «Антропологический принцип в философии» (1860). В романе «Что делать?» ее основные положения применительно к личным отношениям излагает Лопухов Вере Павловне (Глава вторая, разд. VIII).

С. 101. *Неверный раб, я заставил караулить тебя вертоград мой, а ты спал.* – Вертоград – сад, виноградник (церковнослав.). Персонаж с юмористической целью применяет к бытовой ситуации выражения и образы из евангельских притч.

С. 102. *Креп-рашелевое...* – От фр. *cèdre-Rachel*. Одна из разновидностей тонкой шелковой ткани полотняного (тафтяного) переплетения золотисто-бежевого цвета, получившая название в честь французской актрисы Э. Рашель (Rachel; 1821–1858) (см.: Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. М., 1989, с. 128–129).

С. 103. ...знамение... – Знак, символ, предзнаменование (церковнослав.).

...поди, мол, к Соловецким. – Совет совершить паломничество в Соловецкий монастырь для поклонения мощам святых преподобных Зосимы, Савватия и Германа.

...смотри, никогда на правом боку не спи, потому он тут сидит... ~ Он, матушка. Да как же, отец Анфилогий говорит: при рождении каждого человека, в писании сказано... – Согласно распространенному поверью, у правого плеча человека находится ангел, который записывает в особую книгу его добрые дела, а у левого плеча – нечистая сила, враг, который записывает грехи.

С. 105. *Светопреставление!* – (искаж.). Светопреставление, в христианском вероучении: конец мира, гибель всего существующего; здесь шутил. полная суматоха, неразбериха.

Хоть поздравлять не современно ~ И занята одними вами – См. с. 357.

〈РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА〉

Впервые: Юб., т. 7, с. 136.

Рукописный фонд составляет 1 лист.

Печатается по автографу.

Отрывок написан на части листа (немного более четверти) писчей бумаги. Левый нижний край листа оборван, текст пострадал. Широкие

поля и оборот листа чистые. Почерк – крупный, исправлений немного. Начало рассказа не сохранилось. В.Ф. Саводник (*Юб.*, т. 7, с. 371) и составители *Описания рукописей* (*Описание*, с. 93) датируют это незавершенное произведение Толстого концом 1860-х годов на основании того, что в нем упоминаются двое старших детей Толстого – «мальчик Сережа» (род. 28 июня 1863 г.) и «девочка Таня» (род. 4 октября 1864 г.). По мнению Н.Н. Гусева, «не подлежит сомнению, что в отрывке описан действительный факт: елка в Ясной Поляне, на которую были приглашены дети слуг и яснополянских крестьян» (*Гусев, II*, с. 667).

Возможно, что публикуемый фрагмент имеет отношение к незавершенному замыслу Толстого, о котором С.А. Толстая рассказывает в своих воспоминаниях: «В Рождество 1867 года мы с англичанкой Ханной страстно желали сделать елку. Но Лев Николаевич не любил ни елок, ни каких-либо празднеств и строго запрещал тогда покупать детям игрушки. Но мы с Ханной выпросили разрешение на елку и на то, чтоб нам позволено было купить Сереже только лошадку, а Тане только куклу. Решили мы позвать и дворовых, и крестьянских детей. Для них мы, кроме разных сладких вещей, золоченых орехов, пряников и прочего, купили деревянных раздетых скелетцев-куколок и одели их в самые разнообразные костюмы, к большому восторгу наших детей.

По поводу этих скелетцев Лев Николаевич начал писать детский рассказ о том, как эти куколки-скелетцы лежали мертвые и ожили, и начали жить у ребят Ясной Поляны. Под предлогом этих куколок должен был быть рассказан быт крестьянской жизни, преимущественно детской, в избе каждого получившего такого скелетца ребенка. К сожалению, начало этого рассказа утеряно, и никогда он не был написан» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 159–160).

Далее С.А. Толстая упоминает о своей собственной попытке «воспользоваться этой темой для детского святочного рассказа» (там же, с. 160). Замысел этот был осуществлен. 14 февраля 1902 г. С.А. Толстая записала в дневнике: «Читала вчера детям, Варе Нагорновой и барышням свой детский рассказец, еще не законченный, «Скелетцы», и, кажется, понравилось» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 2, с. 53). Святочный рассказ «Куколки-скелетцы» был опубликован в книге С.А. Толстой «Куколки-скелетцы и другие рассказы» (М., 1910, с. 5–37). Тематически и стилистически этот рассказ близок к публикуемому автографу Толстого. В рассказе С.А. Толстой, как и в толстовском фрагменте, много подлинных деталей яснополянской жизни. Пятеро детей барыни Ольги Николаевны названы именами старших детей Толстых. Гувернантку их, как и любимую детьми Толстых англичанку, зовут мисс Ханна. Рождественская елка и подарки готовятся как для барских, так и для крестьянских детей.

Сюжет святочного рассказа С.А. Толстой, вероятно, хотя бы отчасти отражает замысел незавершенного произведения Толстого, содержание которого могло быть известно жене писателя не только из устных бесед, но также из несохранившейся рукописи. 2 декабря 1909 г. в связи с разговором о печатавшейся тогда книге С.А. Толстой «Куколки-скелетцы и

другие рассказы» Д.П. Маковицкий отметил: «Л. Н. начал было писать такую сказку “Скелетцы” и потерял рукопись: чемодан с рукописями и редкими книгами Страхова выпал из саней и не был найден» (*Маковицкий. Яснополянские записки*, кн. 4, с. 120).

Упоминание С.А. Толстой в книге «Моя жизнь» о начале работы Толстого над рассказом о куколках-скелетцах, а также запись Д.П. Маковицкого дают основание предположить, что публикуемый отрывок, получивший в *Юб. изд.* редакторское название (Рождественская елка), может являться фрагментом, относящимся к незавершенному и не сохранившемуся рассказу Толстого «Скелетцы». Заключительная часть отрывка в полной мере соотносится с толстовским планом описания «быта крестьянской жизни, преимущественно детской», о котором сообщено С.А. Толстой в книге ее воспоминаний. Вместе с тем в (Рождественской елке) угадывается попытка писателя передать детское восприятие новогоднего праздника в барском доме. Близость этого описания к реалиям яснополянской жизни подтверждается мемуарами детей Толстых.

Т.Л. Сухотина-Толстая вспоминала о своих детских годах: «Когда мы начали подрастать, отцу хотелось, чтобы мы вели насколько возможно скромный образ жизни. Сам он всегда был в своих вкусах и требованиях очень прост. (...) Но мало-помалу мамá ввела свои порядки. Сначала она упростила папá позволить сделать для нас елку. “Я Сереже подарю *только одну* лошадку, – просила она. – А Тане *только одну* куклу”. Потом на елку понемногу стало прибавляться большее количество подарков» (*Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания*. М., 1976, с. 34).

Рождественская елка и подготовка к ней подробно описаны также в воспоминаниях И.Л. Толстого (р. 22 мая 1866 г.): «Елка была годовым торжеством. За месяц до Рождества мамá ездила в Тулу и привозила целый короб деревянных куколок, скелетиков, как мы их называли, и начиналось одевание этих скелетиков мамá, нами и девочками. Для этого у нее в комнате целый год собираются остатки разных материй, обрезки лент, косячки бархата и ситца. (...) Куколки эти предназначались для раздачи деревенским детям, и их обыкновенно приготавливалось штук тридцать или сорок. (...)»

В день Рождества мы с утра одеты по-праздничному, и в зале на месте обеденного стола стоит огромная густая елка, от которой на всю комнату приятно пахнет лесной хвоей.

Обедаем торопясь, только бы поскорее кончить и бежим в свои комнаты.

В это время двери залы запираются, и “большие” убирают елку и раскладывают по столикам наши подарки. (...) После обеда в передней толпилась куча деревенских ребят в полушубочках и кафтанчиках, бабы и несколько мужиков. (...) Наконец все готово. Двери залы отпираются, в одну дверь втискивается толпа деревенских, в другую, из гостиной, вбегаем мы.

Огромная елка до потолка блестит зажженными свечами и золотыми безделушками. Пахнет хвойным деревом и смолой» (*Толстой И.Л. Мои воспоминания*. М., 1987, с. 65–66).

Начиная с 1871 г. елка устраивалась в новой, только что пристроенной части яснополянского дома. Т.Л. Сухотина-Толстая написала об этом в своих «Воспоминаниях»: «Дом наш становился слишком тесным для нашей семьи. Как-то папá призвал из Тулы архитектора и заказал ему пристроить к дому большую залу. Она должна была быть готовой к Рождеству 1871 года. (...) Никогда, кажется, не бывало столько приготовлений к рождественским праздникам, как в этот год» (*Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1976, с. 89, 90.*)

И.Л. Толстой также упоминает об этом событии: «В 1871 году, когда мне было пять лет, к нашему дому начали пристраивать залу и кабинет. (...) Внизу, под залой, рядом с передней, папá устроил себе кабинет» (*Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1987, с. 51, 53.*)

2 января 1872 г. С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской о новогоднем празднике, устроенном в Ясной Поляне: «Дети, конечно, на елке были очень удивлены и счастливы, а эту толпу дворовых в нашей огромной зале было и не видно» (Цит. по: *Воспоминания яснополянских крестьян о Л.Н. Толстом. Тула, 1960, с. 159.*)

Рождественская елка в яснополянском доме, на которую приглашалось много крестьянских детей, осталась «отрадным и утешительным воспоминанием» для яснополянского крестьянина Н.И. Власова (р. 1866) – сына яснополянского дворового И.А. Власова и внука дядьки Л.Н. Толстого Н.Д. Банникова. «Я не в силах передать, сколько счастья и радостей было тогда, когда нас начинали собирать ко Льву Николаевичу на елку, – вспоминал Н.И. Власов. – (...) При входе в зал мне в глаза бросилась украшенная игрушками и сладями елка с многочисленными, как звездочки, блестящими огоньками. Сначала мне было как-то неловко, совестно и робко, я терялся, мало говорил, а все больше молчал. Красивые одежды гостей и членов семьи Льва Николаевича приводили меня в какой-то непонятный страх. (...) Но вот показался Лев Николаевич. Он был одет очень просто, в серой блузе, подпоясанный широким ремнем. Его добрый и ласковый вид сразу придал мне бодрости: и Лев Николаевич так же, как я, некрасиво одет, – подумал я в то время, когда Лев Николаевич уже близко подошел к теснившейся кучке детей.

– Ну, дети, – сказал ласково Лев Николаевич, – теперь я начну сам дарить игрушки...» (там же, с. 114, 115).

К более позднему времени относятся воспоминания другого яснополянского крестьянина – Е.Т. Зябрева, запомнившего, что гостинцы с елки раздавали крестьянским детям Татьяна Львовна и Мария Львовна. По его словам, каждый год, пока Толстые еще не ездили на зиму в Москву (то есть до 1881 г.) «на барском дворе (...) собирали елку для яснополянских ребятишек» (там же, с. 213).

С. 106. *Она взяла Верочку...* – Верочка – возможно, Вера Сергеевна Толстая (1865–1923) – дочь С.Н. Толстого. В письме от 17...20? декабря 1872 г. Толстой писал С.Н. Толстому: «У нас, как всегда, елка, и, как всегда, мы с Соней ужасно желаем, чтоб ты приехал с Верочкой. Хорошо

бы было, если бы ты не так, как всегда, только бы на это поморщился, а приехал бы с ней. Я уверен, что ей было бы очень весело и хорошо» (Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990, с. 327).

...*достала тряпок и стала одевать ее.* – Вероятно, речь идет об изготовлении одежды для куколки-скелетца, в котором принимали участие дети.

...*в Рождество...* – Рождество Христово – великий христианский праздник в воспоминание рождения Иисуса Христа в Вифлееме, празднуемый 25 декабря по старому стилю.

...*мальчик Сережа...* – Толстой Сергей Львович (1863–1947) – старший сын Л.Н. Толстого.

...*девочка Таня...* – Толстая Татьяна Львовна (1864–1950) – старшая дочь Л.Н. Толстого, с 1899 г. замужем за М.С. Сухотиным.

...*садовники две девочки...* – О детях садовника С.А. Толстая упоминает в дневнике 15 марта 1867 г. в связи с пожаром, случившимся в Ясной Поляне: «Вчера ночью, часов в 10, загорелись наши оранжереи и сгорели все дотла. (...) Левочка вытащил детей садовника и их имущество» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 81).

...*кормилицын мальчик...* – Михаил Филиппович Егоров (р. 1862?), сын Евлампии Матвеевны Егоровой, крестьянки д. Ясная Поляна, и Филиппа Родионовича Егорова, ямщика, впоследствии яснополянского кучера и приказчика. С.Л. Толстой со своим молочным братом был в приятельских отношениях (см.: *Очерки былого*, с. 21).

⟨АНЕКДОТ О ЗАСТЕНЧИВОМ МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ⟩

Впервые: *Юб.*, т. 7, с. 137.

Рукописный фонд составляет 2 листа.

Печатается по автографу.

Незаглавленный отрывок написан на сложенном вчетверо полулисте писчей бумаги фабрики Говарда. Автограф занимает полностью первые две страницы и верх третьей, четвертая страница осталась чистой. Текст написан очень крупным почерком, помет на полях нет. Характер почерка дал основание В.Ф. Саводнику предположить, что рассказ был написан для кого-либо из старших детей Толстого и «предназначался для упражнения детей в чтении по писаному» (*Юб.*, т. 7, с. 372). Рассказ подвергся незначительной авторской переработке, исправления в тексте сделаны более мелким почерком. Составители *Описания* рукописей датируют этот рассказ по качеству бумаги концом 1860-х гг. (*Описание*, с. 94). Н.Н. Гусев также полагает, что короткий юмористический рассказ предназначался, «очевидно, для детей, только начинающих читать», и связывает его с другим отрывком, написанным также крупными буквами, в котором описывается рождественская елка и упоминаются старшие дети Толстого – мальчик Сережа и девочка Таня (*Гусев, II*, с. 667).

Подтверждений тому, что рассказ сюжетно связан с реалиями яснополянской жизни, не обнаружено, но можно предположить, что Толстой не случайно наделил главного героя рассказа застенчивостью. Именно эта черта характера была присуща его старшему сыну – Сергею Львовичу. В «Очерках былого» С.Л. Толстой упомянул, как в 1879 г., участвуя в домашнем спектакле под названием «Вицмундир», он «осрамился в роли Разгильдяева (...) по застенчивости» (*Очерки былого*, с. 68). Рассказывая о своей юношеской влюбленности в О.В. Менгден, Сергей Львович вспоминал, что «был так застенчив, что не посмел ей намекнуть о своих чувствах» (там же, с. 75). Т.Л. Сухотина-Толстая, рассказывая о детстве, описала характер своего старшего брата так: «Это был тихий, серьезный мальчик, доверчивый и правдивый. (...) Почему-то он всегда стыдился всякого проявления нежного чувства, точно это было преступление, и всегда избегал высказывать всякие чувства. (...) Сережа больше играл один. У него была кукла с блестящими черными фарфоровыми волосами и нарисованными голубыми глазами. Он назвал ее Женей (...), как только Сережа замечал, что за ним наблюдали, он конфузился, замолкал и, отложив Женю в сторону, делал вид, что он даже никакого внимания на нее не обращает» (*Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания*. М., 1976, с. 58).

До переработки рассказ начинался словами: «Был один молодой человек. И всем бы он был хорош, только при [люд(я)] чужих людях на него находила такая робость, что он от всякого слова краснел и, когда с ним заговаривали, не мог [от робости] слова выговорить» (см. т. 9 второй серии). Сходство характера описанного Толстым молодого человека с характером С.Л. Толстого, для которого рассказ был написан, отчасти проясняет выбор темы для этого рассказа.

(РОМАН О РУССКИХ БОГАТЫРЯХ)

Впервые: *Юб.*, т. 90, с. 109–110.

Рукописный фонд составляет 3 листа.

Печатается по автографу.

Рукописный фонд произведения представлен двумя автографами, которые не датированы и не озаглавлены.

14 февраля 1870 г. С.А. Толстая отметила у себя в дневнике: «Все лето прошлое он читал и занимался философией; восхищался Шопенгауэром, считал Гегеля пустым набором фраз. Он сам много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит, что в нем происходит страшная работа; что для него все кончено, умирать пора и проч. Потом эта мрачность прошла. Он стал читать русские сказки и былины. Навел его на это чтение замысел писать и составлять книги для детского чтения для четырех возрастов, начиная с “Азбуки”. Сказки и былины приводили его в восторг. (...) Сказки и типы, как, например, Илья Муромец, Алеша Попович и многие другие, наводили его на мысль

написать роман и взять характеры русских богатырей для этого романа» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 495–496).

Запись С.А. Толстой является единственным сохранившимся свидетельством о намерении Толстого создать произведение с характерами русских богатырей. Здесь раскрывается его жанр (роман), в общих чертах отражены образная система и проблематика. Возможно, первый из двух автографов романа – его план – относится к 1869 г. Между тем, поскольку новый эпический замысел появился в тесной связи с замыслом «Азбуки», нельзя исключать вероятность того, что этот план был написан в период долгого «созревания» педагогической книги начиная с середины 1860-х годов. Основная работа над «Азбукой», куда вошли русские былины, пришлась на 1871–1872 гг. Однако сам Толстой считал это произведение трудом четырнадцати лет ((*Ответ критикам, писавшим об «Азбуке»*), 1873 – *Юб.*, т. 21, с. 410).

Творческий интерес к русскому героическому эпосу возник у писателя именно как следствие многолетнего увлечения педагогикой. В своих педагогических занятиях на рубеже 1850–1860-х годов Толстой широко использовал произведения устного народного творчества. Этому немало способствовали достижения отечественной фольклористики того времени. С 1860 по 1862 г. выходили из печати подготовленные Обществом любителей российской словесности четыре выпуска первой части «Песен, собранных П.В. Киреевским». В 1861–1862 гг. появились две первые части «Песен, собранных П.Н. Рыбниковым» (под редакцией П.А. Бессонова и Д.А. Хомякова).

Увлечение Толстого-педагога русским фольклором отразилось в публикациях журнала «Ясная Поляна», который в течение 1862 г. издавал писатель. «Я годами бился тщетно, – делился он своим опытом, – над передачею ученикам поэтических красот Пушкина и всей нашей литературы (...) и ничего не мог достигнуть; стоило случайно открыть сборник Рыбникова, – и поэтическое требование учеников нашло полное удовлетворение, и удовлетворение, которое, спокойно и беспристрастно сличив первую попавшуюся песню с лучшим произведением Пушкина – я не мог не найти законным» («Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (1862). *Юб.*, т. 8, с. 115).

О большой заинтересованности крестьянских детей фольклором рассказывал в журнале также А.А. Эрленвейн – учитель Бабуриной школы: «По вечерам кроме рассказов из библейской истории бывает чтение. Так читались произведения народной фантазии, как то: песни, былины, побывальщины, собранные Киреевским, Рыбниковым и др. Ни одна книжка “Ясной Поляны” не может сравниться с тем интересом, даже жадностью, с которою ребята читали про Илью Муромца, Святогора, про Микулу Селяниновича, Добрыню Никитича... Когда я прочел им оба выпуска Рыбникова, долго еще после этого шли споры из-за книги “про богатырей” кому достанется в этот день ее читать (...). Обе книги были прочитаны от доски до доски» («Ясная Поляна», 1862, октябрь, с. 15).

Вошедшие в первую часть собрания П.В. Киреевского «Песни былевые» из «времени Владимирова» описывают многих фольклорных героев, которых Толстой предполагал так или иначе изобразить в романе о русских богатырях. Первый выпуск (М., 1860) целиком посвящен «богатырю-Крестьянину» Илье Муромцу. Во втором выпуске (М., 1861) Толстого привлекли «богатырь-Боярин» Добрыня Никитич и «богатырь» Алеша – «сын Попович». В третьем выпуске собрания Киреевского (М., 1861) писатель познакомился с «песнями» о Даниле Ловчанине и его жене, Иване Гостином сыне, Иване Гоудиновиче и Дюке Степановиче. Одновременно былинный герой Данила Ловчанин стал фольклорным прообразом Даниила Ловчего в «Войне и мире». Четвертый, дополнительный, выпуск (М., 1862) состоит из «песен» и «сказок» об Илье Муромце и былин о других богатырях, которые заинтересовали Толстого: Михайле Ивановиче («богатырь-Поток, Бродяга») и Чуриле Пленковиче («богатырь-Горожанин, Посадский»).

«Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (под редакцией П.А. Бессонова и Д.А. Хомякова) также впоследствии послужили Толстому источником былин для «Азбуки» и для задуманного романа о русских богатырях.

В 1863 г. Толстой начал писать «Войну и мир»; создание романа-эпопеи продолжалось семь лет. Однако и в этот напряженный период писателя не оставляла иная творческая задача. 16 мая 1865 г. Толстой сообщил А.А. Фету, что трудится над романом, но не перестает думать о том, чтобы «составить книги, с тем заключением, к(отор)ое вышло» из «страстного увлечения» педагогикой (Юб., т. 61, с. 82).

Возможно, раннее начало такой педагогической книги появляется в апреле 1865 г. Рукопись его не сохранилась, однако авторское свидетельство о его написании обнаруживается в дневнике писателя. 10 апреля: «Нынче утром записал кое-что по педагогике» (Юб., т. 48, с. 62). Толстой возвратится к этому замыслу спустя пять месяцев. 26 сентября в дневнике высказано твердое намерение: «...Думал много о своих педагогических началах. Я обязан написать все, что знаю об этом деле» (Юб., т. 48, с. 63). 2 ноября – снова запись на педагогическую тему: «С наслажд(ением) перечит(ал) (<...>) Я(сную) П(оляну)» (Юб., т. 48, с. 66).

Обдумывание «педагогических начал», шедшее параллельно с работой над «Войной и миром», носило самый предварительный характер. Но уже тогда писатель отчетливо сознает цель будущего педагогического труда и 14 ноября 1865 г. сообщает об этом А.А. Толстой: «...Собираюсь написать résumé всего того, что я знаю о воспитании, и чего никто не знает, или с чем никто не согласен» (Юб., т. 61, с. 116). В 1866 г. на обороте листа рукописи «Войны и мира» Толстой набросал план задуманного «résumé». Он представляет собой перечень произведений для детей разных возрастов и предполагаемых тематических разделов будущей книги, отчетливо различимых в некоторых пунктах плана. Примечателен пункт 2 в перечне для детей от 6 до 9 лет: «русские, французские, английские сказки». Обращает внимание совпаде-

ние жанровых определений русских «сказок» в плане «résumé» и былины в «Азбуке», каждую из которых Толстой обозначает как «стихи-сказка». Видимо, уже в 1866 г. планируется включить в состав педагогических книг русские эпические песни-сказания.

Между заметками от 15–17 июня и 25 сентября 1867 г. в записной книжке Толстого упоминается имя предполагаемого составителя сборника народных русских былин и песен Кирши Данилова. Упомянут также историк и археограф К.Ф. Калайдович, выпустивший в 1818 г. второе издание сборника Кирши Данилова. По свидетельству С.Л. Толстого, в яснополянской библиотеке был сборник Кирши Данилова, «но потом он бесследно исчез» (*Толстой С.Л. Лев Толстой и Чайковский. Их знакомство и взаимоотношения // История русской музыки в исследованиях и материалах.* М., 1924, т. 1, с. 116). Можно допустить, что писатель не получил книгу обратно от П.И. Чайковского, которому отправил ее для ознакомления в 1876 г. 19... 21 декабря 1876 г. Толстой сообщал композитору: «Посылаю вам, дорогой Петр Ильич, песни. И я их еще пересмотрел. Это удивительное сокровище...» (*Юб.*, т. 62, с. 297). «Песни и напевы К. Данилова, – продолжает С.Л. Толстой, – очень нравились моему отцу. Он даже, я помню, подобрал аккомпанемент к одной из них, а именно к песне “Высота, высота-ли поднебесная, глубота-ль, глубота океан-моря”. Этой песней впоследствии воспользовался Римский-Корсаков для песни “Садко”» (*Толстой С.Л. Лев Толстой и Чайковский. Их знакомство и взаимоотношения // История русской музыки в исследованиях и материалах.* М., 1924, т. 1, с. 116). Толстой переработал для «Азбуки» помещенную в сборнике Кирши Данилова сказку «Дурень». В свою очередь, былины об Илье Муромце и Добрыне Никитиче, Иване Гостином сыне и Иване Гоудиновиче, Чуриле Пленковиче и Михайле Ивановиче (Потоке), Василии Буслаеве и Алеше Поповиче учитывались писателем при создании плана романа о русских богатырях.

Началом задуманного педагогического сочинения под заглавием «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю Графа Л.Н. Толстого 1868 года» открывается записная книжка писателя 1868–1879 гг. Здесь приведен алфавит, каждая буква которого соотносится с фразой из двух слов и с наглядным рисунком, эскизно оформляются несколько рассказов с иллюстрациями.

В 1869 г. работа над «Войной и миром» завершилась. Со второй половины октября для Толстого-художника наступило, по его признанию А.А. Фету, «мертвое время»: «... Не думаю и не пишу и чувствую себя приятно глупым» (письмо 21 октября 1869 г. *Юб.*, т. 61, с. 220). Период отдыха от творческой деятельности захватил и 1870 год, что нашло отражение в письмах Толстого к брату Сергею Николаевичу, А.А. Фету, Д.А. Дьякову, С.С. Урусову, Н.Н. Страхову.

Перелом наступил в октябре–ноябре 1870 г. К этому времени замысел романа о богатырях уже существовал и, скорее всего, появился первый его набросок – План (в *Описании* рук. 1). Он занимает два листа и выполнен карандашом. В правом верхнем углу автор проставил нумерацию страниц. Основных действующих лиц в этом Плате десять: Илья

Муромец, Добрыня Никитич, Василий Буслаев, Алеша Попович, Михайло Потык, Иван Гоудинович, Данила Ловчанин, Чурила Пленкович, Дюк Степанович и Микулушка-мужик. Отобранные из былин отдельные эпизоды их жизни выстраиваются в определенной последовательности и нумеруются почти во всех «персональных» частях романа.

Толстой нередко связывает центральных героев между собой, руководствуясь, главным образом, содержанием используемых источников. Так, Добрыня Никитич и Алеша Попович участвуют в борьбе Ильи Муромца с богатырем, Алеша вмешивается в личную жизнь Добрыни, а жена Добрыни является свояченицей Данилы Ловчанина.

Очевидно также, что образы героев русского героического эпоса, основные черты их характера и главные эпизоды их жизни приобретают современное автору значение. В «персональной» части, посвященной Илье Муромцу, сообщается, что он учится в университете. Тут же появляется упоминание о «рабочих», которых Илья «освобождает» от «иностранный ига». Соловей-разбойник отождествляется с «либералами»; в качестве учителя Ильи появляется Митинька, названный так, возможно, по имени брата писателя Дмитрия Николаевича. Толстой предполагает включить в произведение символический образ «Философии» и собирается изобразить «борьбу» Добрыни «с вольнодумством за границей».

Немаловажная роль отводится семейным и родственным связям богатырей (Ильи с сыном или дочерью, с отцом и тремя братьями, Добрыни с матерью, Василия Буслаева с Амелфой Тимофеевной), вопросам отношений мужчины и женщины (темы брака, «свободной» любви, супружеской верности).

Нельзя не отметить интерес Толстого к социальным проблемам (положение крестьянства и сословные отношения), которые отчетливо усматриваются в образах «крестьянского сына» Ильи и «мужика» Микулушки. «Ссора» Ильи Муромца с «обществом» подразумевает острый конфликт между Илей, выражающим народные устремления, и князем Владимиром с его дружиной, олицетворяющими государственную власть.

Возможно, осенью 1870 г. Толстой параллельно обдумывал два произведения: роман о времени Петра I и роман с характерами былинных богатырей. К литературному труду на тему русского героического эпоса с некоторой долей вероятности можно отнести слова Толстого из письма к А.А. Фету от 2 октября: «Я охочусь, но уж сок начинает капать и я подставляю сосуды. Скверный ли, хороший ли сок, всё равно, а весело выпускать его по длинным, чудесным осенним и зимним вечерам» (*Юб.*, т. 61, с. 238).

Толстой-художник переживал «мучительное состояние», в чем признавался 25 ноября Н.Н. Страхову. Воодушевление «дерзкими замыслами невозможного или непосильного» сменяют «сомнение» или «недоверие к себе», и в то же время «упорная внутренняя работа». «Может быть, — размышлял Толстой, — это состояние предшествует периоду счастливого самоуверенного труда, подобного тому, который я недавно пережил, а может быть, я никогда больше не напишу ничего» (*Юб.*, т. 61,

с. 242). «...Ничего не пишу», – констатируется 29... 31 декабря в письме С.С. Урусову (*Юб.*, т. 61, с. 245).

Однако в декабре 1870 г. в записную книжку внесены конспективные заметки под заголовком «*К Илье*», связанные с жизненным путем Ильи Муромца. Выделяются темы немощи и исцеления героя, его отношений с отцом и духовной жизни: «С палатей смотрит, и отец его ненавидит. – Спрячет лицо. Всё думает»; «Виденье во сне – “иди”» (*Юб.*, т. 48, с. 90). Появляются новые, по сравнению с ранним планом, образы трех братьев Ильи с характеристикой, возможно, старшего – Ивана («поэт», «кутила»), намечается тема обучения Ильи в университете («По всем факультетам») и, видимо, университетской жизни героя («Илья с первыми товарищами, Добр(ыней), Дан(илой) Л(овчанином) и с другими, с 3-мя братьями»). Еще один сюжетный поворот: «Илья в суде за детоубийство» (там же). Распространенный эпический сюжет о битве Муромца с принадлежащим к вражескому стану сыном (или дочерью) принимает в этой фразе современное Толстому звучание.

Видимо, в конце 1870 г. (октябрь–декабрь) Толстой набрасывает (Заметки к роману о русских богатырях) (рук. 2). Автограф выполнен чернилами (1 л.) и представляет собой эскиз характеристики трех былинных героев (Илья, Данилы и Михайлы) с краткими сведениями о них. Так, об Илье говорится, что он «горд», о Даниле – что «он только охотник». Несколько обстоятельнее описание Михайлы: этот герой «...горд, эгоист, легкомыслен».

Тема гордости (черта, общая для характеров Ильи и Михайлы) несколько проясняет возможное время написания заметок. Вероятно, она соотносит, при всем различии сюжетов, заметки к роману о русских богатырях и не сохранившееся «начало» произведения о «гениально умном человеке, гордом», который стремится учить других и искренно желает приносить пользу обществу. Этот замысел отражен в дневниковой записи С.А. Толстой от 9 декабря 1870 г. как «начало, которое он мне нынче прочел» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 498). После жизненных перипетий – путешествия по России и общения с народом («простыми людьми»), «разной борьбы» – герой, по свидетельству жены писателя, должен был прийти к выводу, «что его желание приносить пользу, как он это понимал, – бесплодно». Итог его жизненного пути: «...переход к спокойствию ума и гордости, к пониманию простой, существенной жизни, и тогда – смерть» (там же).

В тот же день С.А. Толстая так передавала душевное состояние мужа: «Сегодня в первый раз начал писать, мне кажется, серьезно. Не могу выразить, что делалось у него в голове все время его бездействия. Была мысль писать о путешествующем по России человеке, была мысль о взятом из крестьян и образованном человеке» (там же). Образ «взятого из крестьян образованного человека», видимо, соотносится с образом Ильи, «образованного и очень умного человека», «учившегося в университете» «мужика», как характеризует его С.А. Толстая в более ранней заметке от 14 февраля 1870 г. (там же, с. 496).

Автограф с заметками к роману о русских богатырях завершается словами: «Подразделение наук: раскопка Помпеи – наука». Толстой обводит их круговой линией, вероятно, разделяя мысли, относящиеся к двум произведениям: роману и педагогической книге. Этот тезис предваряет научно-популярный раздел «Азбуки». Среди ранних ее рукописей сохранились автографы с похожими набросками тем рассказов и статей.

Желание Толстого «ничего не писать, в особенности не печатать» (*Юб.*, т. 61, с. 257) сохраняется в августе и сентябре 1871 г., что отражают его письма от 22 августа В.П. Мещерскому, предлагавшему сотрудничество с газетой-журналом «Гражданин», и от 13 сентября Н.Н. Страхову. В середине сентября тяжело переживаемое творческое бездействие отступило. Толстого всецело увлекли педагогические устремления. 29 октября 1871 г. из Ясной Поляны Т.А. и А.М. Кузминским сообщалась радостная весть: «Я пишу книжку (и, кажется, будет толк)» (*Юб.*, т. 61, с. 264). В жизни Толстого наступил период самой интенсивной работы над «Азбукой».

С. 109. *Приобретение силы...* – Сюжет об исцелении Ильи Муромца открывает побывальщину «Святогор с Ильёю Муромцем» (*Рыбников*, ч. I, с. 33–42, № 8). Тридцатилетнего крестьянского сына, который «не владеет» «ни руками, ни ногами» (с. 34), исцеляют от недуга и наделяют «силушкой великой» «две Калики Перехожия»:

«Наливают чарочку питьица медвяного, / Подносят-то Илье Муромцу. / Как выпил-то чару {...} / Богатырско его сердце разгорелось, / Его белое тело распотелось. / {...} Говорят калики перехожия: / “Будешь ты, Илья, великий богатырь, / И смерть тебе на бою не писана”» (с. 34).

Свою «силушку великую» «передает» Илья перед своей смертью и старший богатырь Святогор.

Новыми смысловыми нюансами обогащается сюжет об исцелении Ильи в побывальщине «Об Илье Муромце. Воспитание» (*Рыбников*, ч. II, с. 2–5). «Люди Проходящие, Старые» («Перехожие Старцы», «Калеки») даруют тридцатилетнему «старому казаку» «велико» здоровье и силу, дают ему напутствие в предстоящих богатырских подвигах: «– Бог ты благословит, Илья Муромец, / – Силой своей, / – Так и стой за веру Христианскую / – И за дом Пресвятыя Богородицы; / – На бою тебе смерть не писана» (с. 4).

Другие версии темы исцеления представляет первый выпуск первой части *Киреевского*, посвященный «богатырю-Крестьянину» Илье Муромцу. Начальная песня первого «разряда» сообщает об излечении героя, который «...в сиднях сидел тридцать три года», «нища братией»: «Сам Исус Христос, два Апостола» (с. 1).

Еще один поворот получает тема исцеления в четвертом, дополнительном, выпуске первой части *Киреевского*. «Седуна» Илью излечивает «стар человек», просящий «милостыню благословенную» под окном родительского дома богатыря.

Он слабеет от оторванности, а то бы мир перевернул. – Толстой останавливает внимание на ключевом моменте сюжета об исцелении Ильи, встречающемся, к примеру, в былинах и в сказках об Илье Муромце из первого выпуска первой части *Киреевского*. Из начальной былины первого «разряда» известно, что Илья, выпив чашу с целебным вином, чувствует себя настолько сильным, что готов «Святорусску» золотым кольцом «поворотить». Чтобы поубавить силу Ильи, «нища братия», Иисус Христос и два Апостола, просят его принять вторую чашу вина (с. 1–2).

О «мире», «подвселенной», «всей земле» речь идет в двух «Сказках об Илье Муромце». В первой сказке: «Старичок Господень и спрашивает у него: “слышишь ли теперь в себе силу?” – “Слышу, старичок Господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенну такое кольцо, я бы смог поворотить подвселенную”. Как принес он другой ковшик, старичок Господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавилось. “Будет, говорит он, с тебя и этой силы!”» (с. II).

Во второй сказке: «И спросали его, Илью, калики перехожие: – слышишь ли Илья свою силу? – И молвит Илья: “слышу!” И спросали его, Илью, калики перехожие: – как велика твоя сила? – И молвит Илья: “кабы был столб от земли до неба, и я перевернул бы всю землю.” Стали промеж себя калики говорить: – много дано силы Илье: земля не снесет. Поубавим силы» (с. V).

Подвиги на пу(ти) в К(иев). Снятие осады Черн(игова). – Толстой, очевидно, опирался в этом сюжете на материал нескольких источников.

Во второй части *Рыбникова* содержится былина «Он же и Чернигов. Соловей разбойник. Приезд в Киев» (с. 5–10, № 3). По пути из Чернигова в Киев Илья побеждает Соловья-разбойника, «вора Рахмановича», и освобождает от злодея перекрытую им «прямоезжую дорожку во Киев град» (с. 6).

Полнее изображаются подвиги Ильи у *Киреевского* (ч. I, вып. 1). Песни второго «разряда» повествуют об уходе Ильи из отцовского дома и событиях на пути в Киев, таких, как выбор дороги, битва с разбойниками и спасение Чернигова (с. 15–23). Борьба с Соловьем-разбойником и приезд в Киев – содержательный центр песен третьего «разряда» (с. 25–46) и первой песни шестого «разряда» (с. 77–86).

Фраза Толстого о «снятии осады Чернигова», скорее всего, основывается на помещенных здесь же «Сказках об Илье Муромце». Вот как тему осады развивает вторая сказка:

«...Под градом Черниговым стоит сила басурманская, что и сметы нет, а хочет та сила басурманская обложить Чернигов град, и стены разломать, и извечные дома Божии на дым пустить, а самого князя Черниговскаго с воеводою жива во полон взять. И жаль стало Илье Муромцу города Чернигова, и учал он, Илья, бить силу басурманскую» (с. VII).

Освобожд(ение) рабочих от иностр(анного) ига. – Основой для этого сюжета, вероятно, стало описание осады Чернигова в «Сказках об Илье Муромце» (*Киреевский*, ч. I). Во второй сказке навстречу победившему врагов Илье Муромцу выходят из города не только князь Черниговский и воевода, но и «все посадские люди»: «... Не буйны ветры во широком поле подымались: выходили, выступали добры молодцы, Черниговцы» (с. VIII).

Слова об «иностранном иге» могут восходить к речи Ильи Муромца, обращенной к черниговцам: «А гой еси вы, люди добрые, православные! Клянюсь вам и вашему городу Чернигову. Не посетуйте, православные, что зашел я во ваш чуден град Чернигов. Идучи на дело великое, во стольный град Киев, из за лесу темнаго завидел я силу басурманскую, силу несметную; а и жаль-то стало мне вас, люди добрые, что сила басурманская хочет вас полною полонить. От жалости силы прибавилось, от насады сила басурманская угрогнула. Божиим велением и молитвами угодников ваш чуден град Чернигов от силы вражей стал освобожен» (там же).

Победил – убил. – Сцена наказания Ильей Соловья-разбойника завершает былинку «Он же и Чернигов. Соловей-разбойник. Приезд в Киев» (*Рыбников*, ч. II, № 3). По просьбе князя Владимира, Илья приказывает Соловью свистеть «в полсвиста». Однако, приняв от князя «чару зелена вина (...) да в полтора ведра», злодей свистит «во весь свист» и кричит «по-звериному», чем наносит вред строениям города и его жителям (с. 9). В ответ Илья отсекает Соловью «буйну голову» (с. 10).

Тема наказания Соловья Ильей Муромцем представлена и у *Киреевского* (ч. I, вып. 1). В первой былинке третьего «разряда» злодей «раздавлен» (с. 30); во второй былинке он «убит», «застрелен» (с. 31); в четвертой былинке Илья «кинул ёво выше дерева стоячево» и Соловейко «расшиб» «все тут косточки» (с. 39).

Казнь Соловья включает также первую былинку об Илье Муромце (*Киреевский*, ч. I, вып. 4). Здесь богатырь «розорвал» разбойника (с. 6).

И(ль)я и пр(екрасная) Кор(олеви)чна. – Основой этого сюжета, видимо, стал эпизод из былинки «О трех поездках Ильи Муромца» (*Рыбников*, ч. II, № 62, с. 318–322). Илья, следуя надписи на «горячем камне» («В другую ехать – женату быть», с. 319), отправляется к палатам белокаменным и встречается там с «премладой Прекрасной Королевиной» (с. 320–321).

...двоемуж(ница) затыгивает его, он убивает ее нрав(ственно). – В былинке из собрания *Рыбникова* говорилось о том, что, накормив и напоив Илью Муромца, Королевишна ведет гостя в спальню и предлагает ему лечь спать на тисовую кровать из слоновой кости «ко стеночки». Угадав злой умысел, Илья бросает на волшебную кровать саму обольстительницу, которая проваливается в «погребя глубокие». Золотыми ключами он отмыкает погребя и освобождает оттуда «удалых-добрых молодцев». Королевишна получает возмездие за всех плененных богатырей: Илья убивает ее, привязав к трем жеребцам «неезженным» и «раздернув»

«по чисту полю». «Все именье-богачество» Королевичны он раздает богатырям, а белокаменные палаты предает огню (*Рыбников*, ч. II, с. 321).

«Сорок царёв, сорок царицёв» и «сорок королей, сорок королевичёв» Муромец освобождает и «выпушшает» из подземелья Королевичны в варианте *Киреевского* (ч. I, вып. 1, с. 89).

Битва с Бог(атырем) <...> к(оторый) оказ(ался) его сыном. – В Плате преломляется содержание двух былин из первой части собрания *Рыбникова*: «Об Илье Муромце и Сокольничке-охотничке» (№ 13, с. 75–80) и «О младом Соловникове» (№ 14, с. 81–85). У *Киреевского* аналогичный сюжет развивает вторая былина четвертого «разряда» (ч. I, вып. 1, с. 52–56). «Сокольщицёк» в ней оказывается сыном Ильи Муромца от «молодой вдовы Омельфы Тимофевны» (с. 54).

Д(обрыня) и А(леша) не могут. – В тексте Плате зачеркнут первоначальный набросок сюжета: «[Жалко убивать, она его дочь]». Возможно, тут присутствуют отголоски былинного сюжета о единоборстве Ильи Муромца с Паленицей. У *Киреевского*: «*Поленица, поляница* – от поле; *полевать* и *полеваться* – разъезжать в поле ради подвигов» (ч. I, вып. 1, с. 66).

В былине «Об Илье Муромце и Паленице удалой» (*Рыбников*, ч. I, с. 66–75, № 12) Илья Муромец посылает «поотведати-то силы у поганаго» «молода Алешеньку Поповича»: «Повыехал <...> во чисто поле, / Посмотрел на паленицу за сыра дуба, / То не смей он к паленицы и подъехати, / Поскорешенько Алеша поворот держал» (с. 67). «...Не смел-то ея силушки отведати» и «Добрынюшка Никитинец» (с. 67–68).

И(лья) и И(долище). – Источником данной сюжетной линии могут служить три варианта былины «Об Илье Муромце и поганом Идолище» (*Рыбников*, ч. I, с. 85–94, № 15–17) и вторая и третья «Сказки об Илье Муромце» (*Киреевский*, ч. I, вып. 1, с. IV–XXII). С «поганым» Идолищем или Идолом Скоропитом (ср.: Скорпион, «Змейка-Скоропейка») Илья борется также в четвертой и пятой былинах из собрания *Киреевского* и в побывальщине, прибавленной к пятой былине (ч. I, вып. 4, с. 18–38).

Слово «Идолище» (в русской обработке «Одолище») происходит от глагола «одолеть», «одолевать». Этот образ отождествляется с царем Афромеем, с Ордой и с татарами, с историческими врагами Руси.

Гонителем христианства, языческим началом выступает Идолище в вариантах былин из собраний *Киреевского* и *Рыбникова*. Оно обитает на своей «земле Идольской» или в «царстве Идольском», вторгается в Иерусалим или в Царьград, наконец, на землю русскую, в Киев. Христианский воин Илья Муромец побеждает этого врага.

Философия. – Можно предположить, что в Плате романа этот образ соотносится с богоборческой властью Идолища в былинах. Вот как характеризует калика Иванище порабощение Царьграда неприятелем, к примеру, в третьем варианте былины «Об Илье Муромце и поганом Идолище» (*Рыбников*, ч. I):

«– Не по старому в Царе-граде, не по прежнему: / – Одолели поганные Татаровья, / – Наехал есть поганыи Идолище. / – Святые образы по-

колоты, / – Поколоты, в черной грязи потоптаны, / – А в Божьих церквах коней кормят» (с. 90).

Из удаления узнает, ч(то) ф(илософия) одолевает. – Зачин второго варианта былины «Об Илье Муромце и поганом Идолище» (Рыбников, ч. I, № 16) повествует о том, что Илья живет в «удалении» от Киева, в Муромском княжестве, откуда и направляется в Идолское царство «...видеть, каков есть» Идол-богатырь (с. 88).

Иное построение у двух других версий былины. В первой (№ 15) Одолище приезжает в «стольно-Киев град», останавливается на княжеском дворе и отправляет посла к Владимиру с требованием дать ему «поединщика» (с. 85); Илья находится в Киеве, служит у князя. В третьей (№ 17) Идолище и Татарища «одолевают» Царьград, лишая власти законного царя Константина Боголюбовича. Калика Иванище сообщает Илье о нашествии врагов по дороге домой из городов Иерусалима и Царьграда (с. 89, 90).

Также из «удаления» узнает Илья о нашествии Идолища, только теперь – на Киев, во второй и в третьей «Сказках об Илье Муромце» из собрания *Киреевского* (ч. I, вып. 1, с. IV–XXII).

Он [убивает] смеется и убивает его. – В трех вариантах былины «Об Илье Муромце и поганом Идолище» (Рыбников, ч. I) Илья сначала насмехается над врагом (диалог богатырей во время обеда Идола), а затем убивает его. В первом варианте (№ 15): «Говорил ему Илья таковы слова: “У нашего Ильи Муромца батюшка был крестьянин, / У ёго была корова едучая: / Она много пила-ела и лопнула”. / Это Идолищу не слюбилося» (с. 87).

С незначительными смысловыми различиями эта сцена приводилась во втором, прозаическом варианте былины (№ 16): «Говорит Илья Муромец: – У нашего батюшки была большая корова бурая: как дают лохань пойла, двое несут. Батюшка-то скажет матушке: дадим другую лохань, может ли стрескать? Дали другую лохань, и ту стрескала. – Противно стало такое слово Идолу богатырю» (с. 88).

Третий вариант раскрывает стремление Ильи оскорбить противника в споре и убить его (№ 17), завуалированное в предыдущих вариациях: «“У нашего у попа у Ростовского / Была как корова обжориста, / Много ела-пила, тут и треснула: / А тебе бы поганому и также быть!” / Тут-то поганому не к лицу пришло: / Этыя речи не слюбились» (с. 92–93).

Также насмешливыми словами Ильи Муромец вызывает врага на бой и во второй сказке об Илье Муромце из собрания *Киреевского* (ч. I, вып. 1): «Во те-то поры Ильи Муромец стоял поодаль, а сам на Идолище посматривал, посматривал да в слух поговаривал: “экова Идолица до сыта не накормишь, до пьяна не напоишь; а кабы жить ему со зверьми, а кабы быть ему со собаки!” На те-то слова известные Колечище¹ осержается, сам на Илью воздымается» (с. XV). Илья снимает свою шапочку девятипудовую и «покрывает» ею Идолище со словами: «Вот тебе, Идолище, челобитьице». «Под тою ли шапочкою девятипудовую

¹ Идолище.

Идолище и дух испустил» (с. XVI). Схожий сюжет сжато развивает и третья сказка об Илье Муромце (с. XXI–XXII).

Известие получает от Митиньки, т. е. от того, кто дал ему образ(ование). – Во многих версиях былин и в сказках из собраний Рыбникова и Киреевского, посвященных Илье Муромцу, о захвате Царьграда или Киева Идолищем (иногда оно действует заодно с Татарищами) Илья сообщает Калика; часто Калика зовется Иванищем. Ср.: «Калика – Митинька» в предпоследней части Плана.

Возможно, тема образования крестьянского сына Ильи как-то связывается писателем с особенностями характера и жизненным путем его брата Д.Н. Толстого. В девятой главе «Воспоминаний», создававшихся писателем на склоне лет (1903–1906), рассказывается: «Очень глупая была мысль у опекуниши тетюшки дать нам каждому по мальчику с тем, чтобы потом это был наш преданный слуга. Митиньке дан был Ванюша (Ванюша этот и теперь жив). Митинька часто дурно обращался с ним, кажется, даже бил. Я говорю: кажется, потому что не помню этого, а помню только его покаяния за что-то перед Ванюшей и униженные просьбы о прощении» (Юб., т. 34, с. 380).

Художественное осмысление этот биографический факт получил также в двадцать четвертой главе первой части «Анны Карениной» (1873–1878). Левин упоминает «событие» из жизни брата Николая, «историю» с маленьким мальчиком, взятым на «воспитание»: «Вспоминал потом про историю с мальчиком, которого он взял из деревни, чтобы воспитывать, и в припадке злости так избил, что началось дело по обвинению в причинении увечья» (Юб., т. 18, с. 90–91).

После уничт(ожения) фил(ософии) ссорится с обществом. – Обдумывая событийную канву намеченного произведения, Толстой руководствуется, видимо, построением первой части собрания Рыбникова, в которой былина «О ссоре Илья-Муромца со князем Владимиром» (№ 18) следует за вариантами былины «Об Илье Муромце и поганом Идолище» (№ 15–17). В целом пункт Плана объединяет содержание былин из обеих частей собрания Рыбникова: «О ссоре Илья-Муромца со князем Владимиром» (ч. I, с. 95–97, № 18) и «То же, и ссора с Владимиром» (ч. II, с. 323–345, № 63).

После ссоры с Илей Владимир посылает за ним Добрыню; Илья прощает обиду – так развивается действие в былине «О ссоре Илья-Муромца со князем Владимиром». По-другому развивается сюжет былины «То же, и ссора с Владимиром»: Илья не только ссорится с князем, но и сражается с «могучими богатырями» (с. 334), над которыми одерживает победу. Посредник, Добрыня Никитинич, передает в Киев его условия примирения: «отворить» в столице и в Чернигове на трое суток «кабаки все и пивоварния» для народа и устроить «столованье – почестный пир», чтобы знали, что «наехал старой казак». Князь выполняет эти условия (ч. II, с. 338, 339).

Сходное осмысление ссоры на пиру Ильи Муромца с Владимиром и с дружиной княжеской предлагает начальная былина шестого «разряда» из собрания Киреевского (ч. I, вып. 1, с. 77–86). Здесь, как и в вариантах

из собрания *Рыбникова*, Илья Муромец представляет собой земскую дружину, шире – весь народ, крестьянский мир.

Д(обрыня) и М(арина). – Сюжет о Добрыне и чародейке Марине (Маришке) присутствует во всех известных Толстому собраниях русского героического эпоса.

В былине «Добрыня и Маришка» мать Добрыни, отпуская сына «...походить-погулять / По стольному по городу по Киеву» (*Рыбников*, ч. II, с. 10), наказывает ему «не завертывать» на улицу Игнатьевку, где живет Маришка: «Извела она девяти молодцев, / Изведет тебя Добрынюшку десятаго» (с. 11). Не вняв предостережению, герой посещает запретную улицу, убивает «мила дружка» Маришки Пугарина (Тугарина) Гагарина. Маришка колдовством влюбляет в себя Добрыню: «И не может Добрынюшка Никитинич / Без Маришки ни жить ни быть / <...> и ни есть ни пить» (с. 11–12) – и отбирает у него волю: «Когда-то была твоя воля, / А теперича моя воля: / Что хочу над тобой, то и сделаю» (с. 12).

Кратки, не развернуты сказителями звенья сюжета о Добрыне и Марине (Маришке) в былинах из собрания *Киреевского* (ч. I, вып. 2). В этих памятниках смысловые нюансы в развитии темы отличаются от вариаций из собрания *Рыбникова*.

Так, в третьей былине Добрыня уже «задумывает» жениться «на Марине на Игнатьевой»; от этого поступка предостерегает героя, как и в первой былине, его «больша» сестра, «молодая Катерина свет Никитишна»: «Не женись ты, Добрыня, на Маринке Игнатьевой: / Извела Маринка девять князей, / Все девять князей – женихов своих; / Изведет она тебя десятаго!» (с. 45). Марина превращает Добрыню в тура (зубра). Спасает героя от колдовства его сестра, обратив Маринку в собаку: «Кобели за Маринкой гоняются, / Малы ребята палками в нее метаются» (с. 48).

Новые подробности в сюжете о Добрыне и Марине (Маришке) – в былине «Три года Добрынюшка стольничал» из *Кириши Данилова* (с. 61–71, № VIII).

Мать спасает его. – В отличие от былин из сборников *Кириши Данилова* и *Киреевского*, в заключительном эпизоде былины «Добрыня и Маришка» из собрания *Рыбникова* (ч. II, с. 12), ведущая роль в избавлении богатыря от колдовства Маришки принадлежит матери Добрыни, а не его старшей сестре или крестной.

Нарядившись «старухою старою», «Добрынина матушка» «походит» к Маришке, приказывает ей привести из «чисто поля» десять туров и расколдовать их, грозит превратить чародейку в «сороку погуменную», которой суждено летать «век да и по веку», если та не выполнит это требование. Испугавшись, Маришка привела десять туров; мать Добрыни «повернула» их «добрыми молодцами», «...взяла-то млада Добрынюшку с собой», а остальных отпустила «...по своим домам, / По своим женам, по отцам-матерям» со словами: «А молитесь Бога за старуху за старую!» (там же).

Борьба с З(меем). – Вероятно, Толстой предполагал обработать сюжет о первой битве Добрыни Никитича со Змеем, или Тугарином Змеевичем.

Уже в двенадцать лет Добрыня совершает свой ранний богатырский подвиг – битву со Змеем. Об этом повествует былина из собрания *Кириши Данилова* (с. 346). Молодой герой отправляется с «дружиною хораброю» купаться на «Сафат реку». Амелфа Тимофеевна, мать Добрыни, просит сына не заплывать дальше второй струи «быстрой» и «сердитой» «Израй реки». Добрыня не прислушался к наказу матери. Третья струя уносит его в «пещеры белокаменны» к «лютому зверю» Горынчищу (с. 347). «Молада» богатыря спасает «...шляпа земли Греческой / Со теми пески желтыми» (с. 348). Общество любителей российской словесности, публикуя вариант этой былины в первой части собрания *Рыбникова* под заглавием «...Добрыня женится» (№ 24), помещает толкование: «У Добрыни был “колпак земли Греческой” (...) т.е. дорожный, с широкими полями, так что из него можно было сделать большой куль; Добрыня и насыпал его землю, песком, чтобы бросить в Горынчища» (с. 124).

Песок запорошил глаза Змею; он падает в Израй-реку и Добрыня забивает врага «до смерти» дубиной (*Кириша Данилов*, с. 348). Освобождает герой из плена и свою «любимую тетушку», сестру князя Владимира Марью Дивовну. С ней и со «златом», «серебром», найденным «в палатах у змеища», юный победитель «Горынчища» возвращается домой (с. 349).

Иной событийный ряд в былине о Добрыне Никитиче из собрания *Киреевского* (ч. I, вып. 2, с. 23–29). Матушка советует «молоду» Добрынюшке не только не купаться в реке, но и не ездить на гору Сорочинскую, не «топать» «младых змиенышей» и не «выручать» «полонов русских» (с. 23–24). Одержав победу над «Змищем-Горынчищем», Добрыня не убивает врага, а заключает с ним «заповедь великую». «Змий» обязуется не летать «на святую Русь», «не копить полонов русских»; Добрыня же соглашается «не ездить далече во чисто поле», «не топтать» «младых змиенышей» и «не выручать» «полонов русских» (с. 25). Однако «Змия» (с. 25) нарушает договор: пролетая через Киев, она похищает племянницу Владимира Забаву (Запаву) Путятичну (с. 26). Добрыня узнает об этом на пиру. Князь, по совету Алеши Поповича (здесь: Леонтьевича), просит Добрыню вызволить из неволи Забаву. Три дня он борется со «Змией» и убивает ее; затем спускается «во нору во глубокую» и спасает из плена сорок тысяч «царей», «царевичей», «королей», «королевичей» и «молодую Забаву дочь Путятичну» (с. 28).

Д(обрыня) женат. Едет на службу. Роман А(леши) П(оповича). – В «Сказке о Добрыне Никитиче» (*Киреевский*, ч. I, вып. 2) говорится, что Добрыня «вступает в закон» с Настасьей Микулишной, дочерью «гостя торгового» Микулы Микитича. В былинах этого выпуска, не раскрывающих подробности женитьбы Добрыни, «молода жена» богатыря зовется Настасьей, «княгиней» Памельфой Тимофеевной, Окулинушей Микульсиней, Агрофеной Григорьевной, Настасьей Гурьишной и Настасьей Никуличной.

Иначе в былине «...Добрыня женится» (*Рыбников*, ч. I). Вручив Алешеньке Леонтьевичу (Поповичу) освобожденную от «Змии» «князеву

племянницу» «Забаву дочь Путятичну» (с. 127), Добрыня едет «бродом лошединым» и «догоняет» «Паленицу, женщину великую» «Настасью дочь Никуличну» (с. 128–129). Битва между «Паленицей» и «Добрынюшкой» приводит к свадьбе. Настасья Никулична говорит «доброму коню» такие слова: «– А ежели богатырь мне в любовь придет, / – Я теперича за богатыря за муж пойду» (с. 129).

В частях Плана о «службе» Добрыни и «романе» Алеши Поповича Толстой предполагает развить былинный сюжет о том, как Алеша обманным путем – распространяя ложный слух о смерти Добрыни, находящегося много лет на «государевой» службе «во чистом поле», – стремится завладеть его женой.

Почти во всех былинах, которые мог учитывать Толстой, сказители следуют такому порядку в описании мужнего «наказа». Добрыня просит Настасью «сожидать» его три, шесть, девять или двенадцать «годов» и «помянуть» убитым, если он по истечении этого срока не вернется. Герой разрешает жене снова выйти замуж «хоть за князя», «хоть за боярина», «хоть за русского могучаго богатыря» (*Киреевский*, ч. I, вып. 2, с. 32) или за «полномочнаго», «независимого крестьянина» (*Рыбников*, ч. I, с. 141). Однако ей воспрещается связывать свой жизненный путь с Алешей Поповичем.

Нередко певцы и сказители былин обосновывают доводы «запретов» Добрыни; интересны в этой связи их разночтения. В собрании *Киреевского* (ч. I, вып. 2) говорится о том, что Алеша является «названным» братом Добрыни (с. 32) или его «недругом» (с. 15). Здесь же отмечают отрицательные стороны характера «поповского сына», который был «вор насмешлив», «охоч» «смеяться чужим женам», «молодым вдовам» и «красным девушкам» (с. 3, 12, 17). В былине «Добрыня Чудь покорил» из сборника *Кириши Данилова* Алеша тоже характеризуется «названным» братом Добрыни (с. 198). В первой части собрания *Рыбникова* Алеша вновь «бабий насмешник» и «названный брат» (с. 153), а во второй части он представлен «пустохвостом» («Век Олеша пустым хвастает») и «крестовым братом», с важным уточнением: «Крестовый брат паче роднаго» (с. 23, 16).

С. 110. В(асилий) Б(услаев). – Былевые песни о Василии Буслаеве «в живых красках» воспевают жизнь Новгорода: предприимчивость его «торговых гостей» и отвагу «молодежи-повольницы» (*Рыбников*, ч. I, с. III). В.И. Даль приводит такой толковательный ряд к слову «буслай»: «разгульный мот, гуляка, разбитной малый». В поле зрения Толстого при составлении части Плана, посвященной Василию Буслаеву, – богатырские подвиги «удальца новгородского», о которых говорится в «песне» «Василий Буслаев» (№ IX) из собрания *Кириши Данилова* (с. 72–84) и в былинах о Василии Буслаевиче из собрания *Рыбникова* (ч. I, с. 335–363, № 55–60; ч. II, с. 197–208, № 32–33).

Пьяница. А(мелфа) Т(имофеевна). Литература. – Скорее всего, Толстой пользуется сведениями из былевой «песни» «Василий Буслаев» (№ IX), помещенной в сборнике *Кириши Данилова*.

Упоминание о «пьянстве» Василия и его дружины встречается и у *Рыбникова*. Однако устойчивая склонность героя к выпивке описана именно в былине из сборника *Кириш Данилова*: «Поводился ведь Васька Буслаевич / Со пьяницы с безумницы, / С веселыми удалыми добрыми молодцы, / До пьяна уж стал напиватися» (с. 73).

Только здесь мать богатыря зовется Амелфой Тимофеевной. У *Рыбникова* певцы приводят другие вариации этого имени: Авдотья Васильевна (ч. I, № 55), Мамелфа Тимофеевна (ч. I, № 56, 58, 60), Офимья Александровна (ч. I, № 57) или Емельфа Тимофеевна (ч. II, № 33).

Часть Плана: «Литература» – также может восходить к былевой «песне» из сборника *Кириш Данилова*. Если в варианте первой части собрания *Рыбникова* говорится про обучение Василия в семнадцать лет воинским и рыцарским «наукам» (с. 345), то в былине, помещенной у *Кириш Данилова*, сказано: «Будет Васинька семи годов, / Отдавала Матушка родимая, / Матера вдова Амелфа Тимофеевна, / Учить его во грамоте, – / А грамота ему в наук пошла; / Присадила пером его писать, – Письмо Василью в наук пошло» (с. 73). Связывая этот былинный образ с литературой, Толстой, возможно, обыгрывает мотив обучения героя грамоте в семь лет, который является общим местом для ряда эпических сюжетов и встречается также в духовных стихах.

А(леша) П(опович). 1. *Б(ой) с Т(угарином)*. – Две битвы Алеши Поповича с Тугарином описывает былина «Алеша Попович» (№ XIX) из сборника *Кириш Данилова*. Сначала «млад» Алешинька Попович «со молодым Екимом Ивановичем» отправляются «...ко городу ко Киеву, / Ко ласкову Князю Владимиру» (с. 180–181). У «Сафат реки» подходит к ним Калика Перехожий и сообщает о том, что он видел Тугарина Змеевича (с. 182–183). Алеша переодевается в платье Калики и идет за «Сафат реку» биться со Змеем (с. 183–186). Второй бой Алеши с Тугарином происходит после их ссоры в гриднице Владимира, куда Змеевича вносят на «доске красна золота» двенадцать могучих богатырей (с. 188). Противники сражаются утром следующего дня, во владениях Тугарина Змеевича: «...Алеша подскочил, ему голову срубил / <...> / И проколол уши у головы <...> / И привязал к добру коню / И привез в Киев на Княжецкой двор» (с. 193).

А(леша) берет платье калик, т. е. одевается чиновником, но его чуть не уничтожили чиновники. – Черты Калики Перехожего, сообщившего Алеше о Тугарине Змеевиче, Толстой намеревается взять за основу собирательного образа чиновников, вероятно, потому, что сказитель былины из собрания *Кириш Данилова* наделяет Калику богатством и высоким общественным положением:

«Пришел тут к ним калика перехожий: / Лапатки на нем семи шелков, / Подковырены чистым серебром, / Личико унизано красным золотом, / Шуба соболиная, долгополая, / Шляпа Сорочинская, земли Греческой, / В тридцать пуд шелепуга подорожная, / В пятьдесят пуд налита свинцу Чебурацкаго» (*Кириш Данилов*, с. 182–183).

Алеша Попович и Калика Перехожий меняются одеждой по просьбе сына «старого попа соборнаго» из города Ростова (с. 187): «Привязался Алеша Попович млад: / “А и ты, братец, калика перехожея! / Дай мне платье каличье, / Возьми мое богатырское / {...}” Дает свое платье калика Алеше Поповичу / Не отказываючи; а на себя надевал / То платье богатырское» (с. 183–184).

Фраза Толстого о том, что Алешу «чуть не уничтожили чиновники», восходит к последующему былинному рассказу о первой битве богатыря с Тугарином. Образом чиновников в данном случае писатель объединяет уже двух былинных героев: Калику Перехожего и Екима Ивановича. «Отрезав» Тугарину Змеевичу «голову прочь», Алеша снимает с врага «цветное» платье («на сто тысяччей») и надевает его на себя, садится на принадежавшего Тугарину «добра коня» и едет к «своим белым шаграм» (с. 185). Еким Иванович и Калика Перехожая принимают Алешу за Тугарина Змеевича; Еким Иванович «выдергивает» «палицу боевую в тридцать пуд» и бросает ее в Алешу: «И угодил в груди белыя Алеши Поповича, / Сшиб из седелечка Черкесскаго, / И упал он на сыру землю. / Втапоры Еким Иванович / Скочил со добра коня, сел на груди ему; / Хочет пороть груди белыя – / И увидел на нем золот чуден крест, / Сам заплакал, говорил калике перехожему: / “По грехам надо мною Екимом учинилося, / Что убих своего братца родимаго”» (с. 186).

А(леша) с сестрой братьев... – Сюжет об оболъщении Алешей Поповичем Натальи или Настасьи – сестры «двух братьев» Збородовичей (Збородовичей) или Петровичей присутствует в вариантах былин об Алеше Поповиче (*Киреевский*, ч. I, вып. 2, с. 64–69).

Настасья Збородовична – «хороша», «пригожа», «на улицу не ходит», «в хороводы не играет», «бела лица не кажет» (с. 64–65) – оберегается своими братьями. Они похваляются ею на «беседе» (у соседа или у дякона) и на «пированьи» у князя Владимира. Алеша Попович прерывает их своим бахвальством: «Как выискался сын Попович: – / Не хвалитесь вы, два брата, / – {...} я вашу сестру знаю: / – Я в вашей сестрицы два ужина ужинал, / – {...} третий завтрак завтракал» (с. 66). Или: «Не чем же вы, братаны, хвастаете, / Не добром вы, братаны, похвалитесь; / Довольно я видал вашу сестрицу, / Свет Настасью Збородовичну, / А бывали и такие часы, / Что у ней и на грудях леживал!» (с. 68).

Убедившись в виновности сестры, братья хотят ее убить, но по предложению Алеши отдают ему в замужество: «Тогда Алеша Попович млад / Крычал-зычал зычным голосом: / “Ой вы два брата, два Петровича! / Не губите своей Настасьи Збородовичны: / Отдайте мне-ка во замужество!” / Остоялись братья Збородовичи, / Низко кланялись они Алеше Поповичу, / Отдавали ему во замужество / Свет Настасью Збородовичну» (там же).

По другим версиям, братья убивают свою сестру: «Как брат брату взговорил: “пойдем, братец, во кузенку, / Мы и сделаем по ножу, ссекем сестре голову, / Ссекем сестре голову: обезчестила бороду!”» (с. 67);

«Покатилась головка / Алёшиньке под ножки. / А Бог суди Алёшу: / Не дал пожить не свете» (с. 65–66); «Покатилась голова / К Поповичу в ворота» (с. 66).

...невестой Д(обрыни). – См. ком. к с. 109.

М(ихайло) П(отык). 1. Гуляка, соблазнен Л(ебедью) Б(елюю)... – С сюжетом об отношениях Михайлы Потока (Потыка) с Лебедью Белою и Королевичной Толстой мог познакомиться по следующим источникам: былине «Поток Михайло Иванович» (*Кириша Данилов*, № XXII, с. 215–225), перепечатанной с подстрочными толкованиями в собрании *Киреевского* (ч. I, вып. 4, с. 52–59); былинам о Михайле Потыке сыне Иванове из собрания *Рыбникова* (ч. I, с. 205–236, № 35–38; ч. II, с. 59–87, № 15–17). «Гуляка» предстает Михайла Потык сын Иванович в пятнадцатой былине из собрания *Рыбникова*. На пир к князю Владимиру, который награждает богатырей за их государеву «выслугу», Михайла «Не несет злата ни одной денежки, / А ведет за ручку душечку Марьюшку, / Душечку Лебедь Белую и полоненую» (ч. II, с. 60–61). Вот как богатырь обращается к князю «столен-Киевскому»: «– А не надоть сел со приселками, / – Городов не надоть с пригородками / – И не надоть золотой казны несчетных: / – Хоть меня чем пожалуй, я все пропью. / – Лучше дай мне указ за печатью за красною: / – Ходить Михайлу по царевым кабакам / – И по всем кружалам государевым, / – И пить зелено вино безденежно, / – Чтобы с Михайлы денег никогда не спрашивали» (с. 61). Известие о смерти жены – «душечки» Марьи, Лебеди Белой – находит Михайлу в кабаке (с. 62).

Тему «соблазнения» Лебедью Белой Михайлы Потока наиболее полно раскрывает былина «Поток Михайло Иванович» (*Кириша Данилов*, № XXII). Отправляясь по поручению Владимира «настрелять» «гусей, белых лебедей», «перелетных малых уток» к «столу Княжецкому» (с. 216), Михайло встречает на «тихия заводи» «белую Лебедушку»: «Она через перо была вся золота, / А головушка у ней увивана красным золотом / И скатным жемчугом усажена» (с. 217). Поток хочет застрелить ее «каленой стрелой» из «тугого лука»; Авдотья Лиховидевна выходит на «крутой бережок» и оборачивается «красной девицей» (там же). Михайло Иванович «Сохватал девицу за белы ручки / И целует ее во уста сахарныя» (с. 218). Лебедь «уговаривает» его не только жениться на себе (обвенчаться в церкви), но и заключить «присягу», к которой молодых «приводят» в Киеве «попы соборные»: «Кто перво умрет, / Второму за ним живому в гроб идти» (с. 218, 220, 221).

Л(ебедь) Б(елая) изменяет для короля. – Тема «измены» Лебеди Белой Михайле Потыку широко известна по «песням» из собрания *Рыбникова*. Вариативный ряд первой части насчитывает три разночтения. В тридцать шестой былине Лебедь (Марья) «пошла замуж» за «царского сына» Федора Ивановича из Литвы (с. 210). В тридцать седьмой былине Марья Подоленка дочь Лиходеевна выходит за «царя» Вахрамея Вахрамеевича, который увозит ее «во землю во Волынскую» (с. 222). В тридцать восьмой былине Марья Лебедь Белая уезжает от Михайлы «в землю Политовскую / – С тым королем Политовским» (с. 231).

Версий разноречий из второй части – две. В пятнадцатой былине Марью (Марьюшку) Лебедь Белую увозит «во свою землю Вахрамееву» царь Вахрамей Вахрамеевич (с. 66), в шестнадцатой и семнадцатой былинах – «король Политовский» «во землю Политовскую» (с. 74, 83).

М(ихайло) окаменел, но К(оролевична) оживляет его. – В былинах из собрания *Рыбникова* говорится о том, как Михайло Потык находит своего обидчика (сына царского, царя или короля), уведшего от него жену. Испугавшись возмездия, Лебедь Белая усыпляет бывшего мужа колдовским зельем и превращает его в камень: «Перекинула Михайла через себя, / Сама говорила таковы слова: / – Где был душечка Михайла Потык Иванович, / – Тут стань бел горюч камень, / – А пройдет времячка три году, / – И пройди скрозь матушку сыру землю. – / Он во камень закаменел» (ч. I, с. 223, № 37). О том же рассказывают другие варианты приведенных здесь былин о Михайле Потыке (ч. I, с. 232, ч. II, с. 66–67, 75–76, 83). От заклятья злой жены героя спасают «братья названные» Илья Муромец и Добрыня Никитич с помощью повстречавшегося им на «рубеже Волынском» «старичка» (Старичища Перехожего), который оборачивает «бел горюч камень» в Михайлу Потыка Ивановича.

Во второй раз Лебедь Белая проводит мужа через другое испытание. «Послушав» ее «прелести женския», Михайло снова выпивает «ковш вина забыдушаго» (*Рыбников*, ч. I, с. 225). Лебедь распинает его в «избе куреной»: «Расковала Михайлу на стену, / Забила в руки-ноги по гвоздю» (там же). «Оживляет» героя дочь его обидчика Марья Вахрамеевна (или Анна Прекрасная Королевна), которая «...пошла смотреть русского богатыря» (с. 226).

М(ихайло) с ней уединяется и исцеляет ее. – Скорее всего, Толстой учитывает тридцать седьмую былину из ч. I собрания *Рыбникова*. Только в этой былине сюжет о Михайле и Королевичне (здесь: царевне) содержит подробности, остановившие на себе внимание писателя.

«Есть ли у тебя теперь сила по старому?» – вопрошает героя Марья Вахрамеевна. «Говорит душечка Михайла Потык Иванович: / “Кабы теперь мне латы кольчужныя, / Меч-кладенец и добра коня, / Не боялся бы вашего царя Вахрамея Вахрамеева”. / Говорит Марья Вахрамеевна: / – А у нас был богатырь в досюльные годы; / – Теперича в нашем царстве никто не может владеть ни латами его, ни мечем, ни добрым конем. – / Говорит ей Михайла Потык: / “А ты незамоги и скажи: что бы мне во снях показалось – богатырского коня поводить, латы на коне повозить, и легче будет”. Незамогла Марья Вахрамеевна, и пошел царь клич кликать, кто бы дочь излечил» (с. 226–227). Марья следует совету Потыка; царь Вахрамей исполняет просьбу дочери. Михайла, облачившись в «платя женския», выезжает на «богатырском коне» «за стену городовую», где он «облатился» и «обкольчужился» (с. 227).

В третий раз богатырь вступает в город Вахрамеевский победителем: «Царя Вахрамея на воротах разстрелял, / Настасью, Лебедь Белую, дочь Лиходеевну / К семи жеребцам к хвостам привязал: / По чисту полю ее раздернули. / А Марью Вахрамеевну за муж взял / Да в том царстве царем стал» (там же).

И(ван) Г(одинович). – Эта часть Плана объединяет двух былинных героев: Ивана Гостиного сына и Ивана Годиновича.

Охотник конный. – Сказители всех былин об Иване Гостином сыне описывают подвиг коня этого богатыря Сивки-бурки, вещи каурки, восхваляют его поскоки, добытую им победу над жеребцами князя Владимира.

Толстовская характеристика богатыря Ивана как «охотника конного» восходит к былине из сборника *Кишки Данилова*: «Да кричит он, Иван, зычным голосом: / “Гой еси ты, сударь, ласковой Владимир Князь! / Нет у тебя в Киеве охотников, / А и быть перед Князем невольником; / Я похваюсь на триста жеребцов, / <...> Ехать дорога не ближняя, / И скакать из Киева до Чернигова, / Два девяноста-то мерных верст, / Промежу обедни и заутрени, / Ускоки давать конины, / Что выметывать раздолья широкия: / А бьюсь я, Иван, о велик заклад, / Не о сте рублях, не о тысяче – / О своей буйной голове”» (с. 55–56).

Женитьба на Н(астасье) и измена ее для старого богача и убийство. – Сюжет о женитьбе Ивана Годиновича на Настасье Дмитриевне и ее измене своему мужу повторяют все источники, находившиеся в поле зрения Толстого. В «песне» «Иван Годинович» из сборника *Кишки Данилова* (с. 133–147, № XV) говорится о том, что Иванушке приглянулась дочь Дмитрия, «гостя богатого» из «славного города» Чернигова, Настасья (с. 136). Но она просватана за царя «дальна земли» Афромей Афромеевича (с. 137), что, возможно, и подсказало Толстому сюжет о «старом богаче».

Вот как отец Настасьи объясняет свой отказ Ивану выдать за него девушку: «За Царя-де ее отдать – Царицею слыть, – / Пановя все поклонятся, / Пановя все и улановья, / А Немецких языков счету нет; / За тебя-де, Иван, отдать – холопкой слыть, / Избы мести, да заходы скрести» (с. 138). Тогда Иван, по совету князя Владимира (с. 139), увозит невесту из отчего дома «силой». «Ноне беру – и не кланяюсь», – говорит он с обидой ее отцу (с. 141). По пути в Киев Иван останавливается с Настасьей Дмитриевной в белом шатре, у которого их настигает царь Афромей. Желая стать в замужестве царицей, Настасья предает Ивана и помогает Афромею «боротися» с богатырем: «Изымала Ивана Годиновича за ноги, – / Тут его двое и осилили. / <...> И связали Ивана руки белыя, / Привязали его ко сыру дубу» (с. 143–144). Спасает Ивана от гибели княжеская дружина. Царя Афромей «везут» к Владимиру в Киев, где готовится пир. «Их-то Царей, – отмечает сказитель быliny, – не бьют, не казнят, / Не бьют, не казнят и не вешают» (с. 145). Иная участь ожидает за измену «душку» Настасью Дмитриевну: в белом шатре Иван казнит ее (с. 145–146).

Дан(ила Ловчанин). – В пункте Плана, посвященном этому богатырю, Толстой пользуется вариантами быliny «Данило Ловчанин с женою» (*Киреевский*, ч. I, вып. 3, с. 28–38, № 1–2).

...он и она гибнут от похоти кн(язя). – Князь Владимир желает завладеть женой Данилы Василисой Микулишной (былина смешивает двух сестер Василису и Настасью): «Как мне у живаго жену отнять?»

(с. 29) – и, по совету Путятина Путятювича (Мишатычка Путятина), приказывает «нарядить» Ловчанина «в службу дальнюю, невзворотливую» на Буян-остров (там же) или «во чисто поле», «в луга Леванидовы» (с. 34). Данила должен убить «зверя лютаго-сивопрянаго» (сиво-перого), «лихошёрстнаго» или «пымать» «птичку белогорлицу» и «льва лютово», принести их к обеду «княженецкому» (с. 29, 34). Богатырь выполняет поручение Владимира. Когда Данила садится «хлеба покушать», «бела лебеда порушить» (с. 31), на него нападают посланники князя, пришедшие за его «буйной головушкой»: «Едут к нему триста бояринов / Да триста Татаринов, / Триста Донских козаков, / Что ни лучших добрых молодцев» (с. 31).

Княжеский Ловчий «побивает» своих противников «с первого до последняго» и, осознав, что «князю неугоден стал», убивает себя: «Упирал копые тупым концем в сыру землю, / А вострым копьем в ретиво сердце» (там же). «Малые люди» доносят в Киев о смерти Данилы. Настасья Никулишна осматривает гробницу мужа и руководит плотницкими работами: «Делайте гробницу просторную, / Чтоб было где ему положиться, / Костям бы его поворотиться: / Его кости богатырския». Далее о ее смерти сказано: «Как пришла к телу Данилы Ловчанина, / И на то же копые споролася» (с. 31–32).

Чурила П(ленкович)... *Щегольство, соблазн.* – В пункте Плана, посвященном Чуриле Пленковичу, Толстой сохраняет основные черты этого богатыря, запечатленные народным творчеством. Этот образ, с одной стороны, возводит в богатырство тип древнего горожанина и посадского человека. С другой стороны, он олицетворяет собой тип праздного щеголя на Руси, красу игр и хоровода, зазнобу молодежи и девушек, грозу старых мужей и княжеского прислужника.

Видимо, и Толстой предполагает изобразить Чурилу франтом. Указание на эту черту характера героя встречается, например, в былине из сборника *Кириш Данилова*, в сцене приезда Чурилы «ко двору своему», где его ожидают князь Владимир с княгиней Апраксеевной и многочисленная придворная свита: «Едет Чурила (...), / Перед ним несут подсолнечник, / Чтоб не запекло солнце бела его лица» (с. 162).

Слава о богатстве, щегольстве, жизни на широкою ногу Чурилы доходит до Киева, о чем и сообщает князю Владимиру Бермята Васильевич: «Я-де, Осударь, про Чурилу давно ведаю, / Чурила живет не в Киеве, / А живет он пониже малаго Киевца. / Двор у него на семи верстах, / Около двора железной тын, / На всякой тынинке по маковке, / А и есть по жемчужинке, – / Среди двора светлицы стоят, / Гридни белодубовыя / Покрыты седым бобром, / Потолок черных соболей, / Матица-то валженная, / Пол, середа одного серебра, / Крюки да пробои по булату злачены. / Первые у него ворота вальящатые, / Другие ворота хрустальные, / Третьи ворота оловянные» (с. 159–160).

Франтоватость Чурилы подчеркивает и былина (№ 2) из собрания *Киреевского* (ч. I, вып. 4): «Встаёт Чурива ранёхынько, / Умывается Цыплёнкович белёхынько, / Надеват сапожки – зелён сафьян, / Пятки гладки, носки плоски, / Круг пяты хоть ицом прокати, / Под пяту воробей проскочи. / Поехал Чуривушка по городу по Киеву, / Загляделись на

Чуриву все люди-те: / Где девушки глядят, – заборы трещат, / Где молодушки глядят, – лишь оконенки звенят, / Где стары глядят, – манаты на себе бёрут» (с. 87).

В толстовском слове «соблазн» отзываются две сюжетные линии былин о Чуриле Пленковиче. Согласно первой из них, Чурила соблазняет в Киеве жену старого Бермяты. Другая линия едва намечена сказителями и касается самого Чурилы, который соблазняется в Киевце столичной жизнью, несущей ему гибель.

Старый Бермяти(н) убивает жену. – Толстой опирается, очевидно, на третий вариант былины о Чуриле Пленковиче из собрания *Киреевского*:

«Он грозно по горенке похаживат, / Чеботами в пол поколачиват, / Востру сабельку на ручке поправливат, / На печку, за печку поглядыват; / Увидел за печкой две свечки горят: / То ясны очи глядят, то Чуриловы. / “Выходи-ко ты, Чурило, среди пола: / До тебя-то мне, Чурило, делу нету-ка, / Мы с тобой, Чурило, побратуемся. – / Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа! / Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо, / На красно крыльцо, на перильчато: / Женю я тебя, княгиня моя, на другом женихе, / На другом женихе – вострой сабельке”» (ч. I, вып. 4, с. 90).

И жену и Чурилу наказывает обманутый муж в двадцать четвертой былине из собрания *Рыбникова*:

«Бермята спрашивает: “Чи это вещи висят на гвоздях, уж не Чурилины ли?” Катеринка спешит отвечать: – Не Чурилины, мого то братца родимаго. – / Приходит ко кровати тесовыя: / Спит Чурила забудущим сном. / Тут Бермята брал саблю вострую, / Вырубил-то головушку Чурилушке. / Не два яблочка свалилося: / Две головушки скатилося. / Только Чурило и жив бывал» (ч. II, с. 127).

В других версиях собрания *Рыбникова* Бермята убивает одного Чурилу.

Борьба с Дюк(ом), и Дюк насмерть убивает его нравственно. – Толстого, очевидно, привлекает в былинном образе Дюка Степановича тип богатыря, «заезжего» из областей, не подвластных Киеву и князю Владимиру. Этот герой приезжает в Киев на время, чтобы блеснуть славой своего края, похвастать благосостоянием и богатством. Родом Дюк из Галицкой Руси, из Волын-города («славна Волынца, красна Галичья»); нередко сказители былин по причине отдаленности называют его Карелю или Индией. «Из за моря, моря синяго, / Из славна Волынца, красна Галичья, / Из тоя Карелы богатыя, / Как ясен сокол вон вылетывал, / Как бы белой кречет вон выпархивал: / Выезжал удача доброй молодец, / Молодой Дюк сын Степанович, / По прозванью Дюк был Боярской сын» (*Киреевский*, ч. I, вып. 3, с. 101).

В былинах из собрания *Рыбникова* Чурила соперничает с «боярином» Дюком в одежде и конях, в богатырской силе. «Борьба» героев достигает кульминации в эпизоде их переезда на конях через реку. Например, в сорок восьмой былине говорится:

«Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын, / Скочил через матушку Непру реку / На добром коне на богатырском / За целый за по-

мах лошадиный / И за целую за версту он за мерную; / И зглянул он на правую на ручушку, / Как нет подле него товарища / Молода Чурилушки Опленкова: / Чурила-то Пленкович посеред Непры приогрюшился / Со добрым конем со богатырским. / Молодой Дюк Степанович скорешенько поворот держал, / Через матушку Непру реку повыскочил / И Чурилушку Опленкова за желты кудри повытащил / Из матушки из Непры реки. / И посадил того Чурилу на крутой берег» (ч. I, с. 292–293).

По разночтениям былин Дюк не убивает Чурилу в их поединке: за него вступаются «бабы киевские», сам князь Владимир или Илья Муромец.

Замечание Толстого о том, что Дюк убивает Чурилу нравственно, видимо, восходит к эпизоду его унижительного спасения. В «поучении», которое произносит Дюк или Илья Муромец, уличается недостойное богатыря поведение героя: «Поди, хвастун Чурила Пленкович, / Вперед боле ты не хвастай!» (ч. II, с. 158); «И говорит старый казак Илья Муромец: / — Ай же, братец мой крестовый, / — Молодой боярин Дюк Степанович! / — Пни его (...), / — Пускай шатается меж бабами, меж девками! — / (...) Не вяжись между нас, между русскими могучими богатырями: / Пусть ты бабий умоленник / И старуший упрасивальник!» (с. 183–184).

Лорд. — Имя богатыря (Дюк) восходит к слову *Duc* (фр.) — герцог. Словом «лорд» Толстой характеризует, видимо, рыцарские манеры и образ жизни Дюка, более изящный или изысканный, чем в Киеве, удивляющий князя Владимира, богатырей, весь Киев.

Калика-Митинька. — См. ком. к с. 109.

Микулушка-мужик. — Хлебопашец Микула Селянинович известен по двум частям собрания *Рыбникова*. Этому герою посвящены две самостоятельные былины: «Микулушка Селянинович» и «Микула» с подзаголовком «Оратай» (ч. II, с. 1, № 1; № 60, с. 317).

«Оратай-то орет, да посвистывает, / У оратаго сошка поскрыпывает: / У оратаго сошка красна дерева, / А омешики серебряные, / А присошачек красна золота; / У оратаго сапожки на ножках — зелен сафьян: / Шилом пяты, носы востры, / (...) Кудри у молодца качаются, — / Не скачен жемчуг рассыпается; / Бровы черного соболя, / Глаза я-яснаго сокола» (с. 317).

Как один из центральных персонажей Микула выведен в вариантах былины «О Вольге Святославгиче» («О Вольге Всеславьиче») и в побывальщине «Святогор с Ильєю Муромцем», которую под заглавием «Святогор-богатырь» Толстой обработал для «Азбуки» (ч. I, с. 17–26, № 3–5; с. 33–42, № 8). Творцы былин придают земледельческому труду русского народа большее значение, чем героическим подвигам богатырей. Поэтому Калики Перехожие, отпавшая Ильєю Муромца лечебным вином и отпуская его в свет, подтверждают ему на память заповедь, запрещающую биться со «старшими» богатырями Святогором и Самсоном, а также «с родом Микуловым», который «...любит матушка — сыра земля» (с. 35).

〈УБИЙЦА ЖЕНЫ〉

Впервые: *Юб.*, т. 7, с. 149–151 (с некоторыми вариантами зачеркнутого текста).

Рукописный фонд составляет 3 листа.

Печатается по автографу.

Незавершенное произведение написано на бумаге фабрики Говарда. Текстом заняты полностью пять страниц и начало шестой. На месте заготовка поставлена римская цифра «X», обозначающая порядковый номер главы неизвестного произведения. Отрывок написан в два приема. При внесении правки Толстой изменил сюжет. Первоначально главный герой соглашался на предложение камердинера бежать вместе с ним из-под стражи. В последнем абзаце от этого варианта остались не исправленными слова: «повернули», «они вошли», «заснули». Затем разговор Михаила Сергеича с Васькой со слов: «Камердинера? – Васька? Зачем ему?» – до слов: «Молчи. Я спать лягу» – был вычеркнут, однако начало этого фрагмента (до слов: «Исправник вышел») Толстой восстановил. Правка не была доведена до конца, в тексте остались несогласованности. Зачеркнутый в автографе, но необходимый для сохранения логики повествования фрагмент (со слов: «Василий камердинер долго молчал, стоя у двери» – до слов: «Молчи. Я спать лягу») в настоящей публикации представлен в квадратных скобках. Запись на полях пятой страницы автографа («Сторож пришел и стал рассказывать, как ушел арестант»), а также исправления в завершающей части отрывка: «он шел» – вместо: «они шли»; «он подошел» – вместо: «и подошли» (см. варианты в т. 9 второй серии) – указывают на дальнейшее развитие замысла.

Восстановить хронологию создания фрагмента 〈Убийца жены〉 затруднительно, поскольку ни дневники, ни записные книжки Толстого, ни мемуарные свидетельства современников не запечатлели факта работы писателя над этим текстом.

Традиционно исследователи (В.Ф. Саводник, составители *Описания*) определяют время написания фрагмента приблизительно концом 1860-х гг., основываясь на данных палеографической науки: «Как по характеру почерка, так и по качеству бумаги, рукопись может быть отнесена скорее всего ко времени после окончания “Войны и мира”...» (*Юб.*, т. 7, с. 375); автограф по «характеру почерка и качеству бумаги датируется концом 1860-х годов» (*Описание*, с. 94).

Возникновение замысла об убийце жены именно на рубеже 1860–1870-х годов могло быть обусловлено некоторыми фактами личной и творческой биографии Толстого.

Тема семьи, проблема взаимоотношений мужа и жены неоднократно становились предметом глубоких размышлений Толстого в разные периоды его жизни, в том числе и на рубеже 1860–1870-х годов. В 1868 г. в журнале «Вестник Европы» было напечатано предисловие И.С. Тургенева к роману Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне», вызвавшее интерес Толстого и побудившее его в декабре того же года приступить к работе над статьей

(О браке и призвании женщины). Статья осталась незавершенной. В ней писатель касается, во-первых, проблемы семьи, естественно связанной с взаимоотношениями супругов: «Результат брака – дети. Детям в нравственном мире, как воздух и тепло в физическом, необходимо влияния отца и матери, живущих в единстве согласия семьи. Единства и согласия семьи не может быть при двух или трех матерях и отцах» (*Юб.*, т. 7, с. 133). Во-вторых, Толстой затрагивает вопрос об истинном назначении женщины, которое, по мнению писателя, состоит в исполнении ею роли матери и жены: «...женщина тем лучше, чем больше она отбросила личных стремлений для положения себя в мат(еринском) призвании» (там же, с. 134).

Проблема брака становится и темой неотправленного письма Толстого Н.Н. Страхову от 19 марта 1870 г., вызванного публикацией статьи Страхова «Женский вопрос» в журнале «Заря». В письме Толстой, по сути, развивает те же мысли, что высказаны им в наброске (О браке и призвании женщины): по-настоящему реализовать себя женщина может только в семье; свободная перемена жен и мужей разрушает семью (см.: *Юб.*, т. 61, с. 231–234).

Размышления писателя о проблеме брака и семьи находят также свое отражение в записной книжке № 3: «Связь мужа с женою не основана на договоре и не на плотском соединении. В плотском соединении есть что-то страшное и кощунственное. В нем нет кощунственного только тогда, когда оно производит плод. Но все-таки оно страшно, так же страшно, как труп. Оно тайна» (14 февраля 1870 г. *Юб.*, т. 48, с. 111). Следующая запись: «Связь матери и грудного ребенка еще очевидна. Когда ребенок голоден, у матери пригрубло молоко.

Та же связь существует между женой и мужем. Никто не слышал, чтобы отец, мать и их любимые дети, друзья, братья и сестры умирали. Но кто не слышал тысяч примеров смертей мужа и жены (живших хорошо) почти в одно время. – Или это нечаянно?» (там же).

На рубеже 1860–1870-х годов Толстой серьезно занимался изучением памятников устного народного творчества в связи с замыслом «Азбуки». Особый интерес, как свидетельствует С.А. Толстая, вызвала у него былина о Даниле Ловчанине, в которой поднимается непростая нравственная проблема: «Можно ли от жива мужа жену отнять?» На эту тему Толстой задумывает написать драму, но замысел не получает реализации (по крайней мере, в драматической форме). Однако сюжет «Анны Карениной», первое упоминание о котором появляется в феврале 1870 г., несомненно, также в какой-то степени решает вопрос, поставленный в былинке. С.А. Толстая передает слова мужа о желании изобразить «тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 497).

Появление замысла произведения об убийце жены на рубеже 1860–1870-х годов могло быть мотивировано и непростыми отношениями между супругами Толстыми. В дневнике С.А. Толстой за 18 августа 1871 г. есть откровенное признание: «С прошлой зимы, когда и Левочка и я, мы были оба так больны, что-то переломилось в нашей жизни.

Я знаю, что во мне переломилась та твердая вера в счастье и жизнь, которая была» (там же, с. 84). Позднее, в 1884 г., Толстой в своем дневнике, говоря о семейном кризисе, написал: «Началось с той поры, 14 лет, как лопнула струна, и я сознал свое одиночество» (*Юб.*, т. 49, с. 98). Причиной кризиса становится болезнь Софьи Андреевны (родильная горячка) и совет врачей, опасавшихся за ее здоровье, не иметь больше детей: «Толстой не представлял себе семейной жизни без ее последствий – детей. Этот “обрыв струны семейной жизни” был столь мучителен для него, что он сделался серьезно болен» (*Гусев*, III, с. 27).

Произведение «Убийца жены» осталось незавершенным. Некоторые данные для предположений о вероятном развитии его идеи дают аналогии с подобными сюжетами и устойчивыми темами дальнейшего творчества писателя (см. комментарии к отрывку «Степан Семеныч Прозоров»). Так, Н.Н. Гусев видит возможное воплощение сюжета в том, что «бывший помещик, освободившись от собственности и от почетного положения, с нею связанного, по замыслу автора, нашел бы успокоение (...) в гуще народной жизни» (*Гусев*, III, с. 23). Насколько далеко от подобной трактовки сюжета мог уйти замысел Толстого об убийце жены, показывает пример повести «Крейцера соната» (1891 г.).

СТЕПАН СЕМЕНЫЧ ПРОЗОРОВ

Впервые: *Юб.*, т. 7, с. 144–148 (с некоторыми фрагментами зачеркнутого текста).

Рукописный фонд составляет 2 листа.

Печатается по автографу.

Автограф занимает сложенный вчетверо полулист писчей бумаги. Текстом заняты полностью все четыре страницы. Работа над фрагментом, первоначально озаглавленным «Андрей Иваныч Прозоров», проходила в несколько этапов. Ранняя редакция была написана крупным почерком, поля остались чистыми. Текст ранней редакции обрывается на незавершенной фразе (см. т. 9 второй серии). На основании этого можно сделать два предположения: либо ранняя редакция сохранилась не полностью, либо изменение замысла заставило Толстого прервать писание и перейти к созданию совершенно новой редакции. Второе предположение основывается на том, что исправления в первоначальном тексте сделаны только на первых трех страницах и отсутствуют на четвертой странице. В новой редакции Толстой изменил не только имя главного героя, но и всю сюжетную основу задуманного произведения. Прозоров здесь не богатый и счастливый семьянин, имеющий жену, детей и старушку мать, а одинокий человек, проживший свое и чужое состояния. Единственное, что сближает обе редакции, – добросердечный характер главного героя и его готовность помочь ближним: в новую редакцию почти без изменений вошел эпизод дарения лошади бедному мужику. Остальной текст ранней редакции в автографе зачеркнут и полностью

заменен новым, написанным мелким почерком на полях. Правка в новой редакции небольшая (см. т. 9 второй серии) и не доведена до конца. Прозоров назван Степаном Семенычем только в заголовке и во вновь написанном первом абзаце, во всем же последующем тексте главный герой, как и в ранней редакции, зовется Андреем Ивановичем.

Время возникновения отрывка определяется приблизительно. В.Ф. Саводник датирует автограф «по характеру почерка» второй половиной 1860-х годов (Юб., т. 7. с. 374). Н.Н. Гусев относит возникновение замысла к 1872 г. (Гусев, III, с. 45), мотивируя это особенностями языка и стиля произведений Толстого в обозначенный период. Данные для более точной датировки отсутствуют: дневники, записные книжки, письма Толстого не содержат каких-либо указаний на время создания фрагмента. Вместе с тем можно предположить, что замысел «Степана Семеныча Прозорова» тесно связан с работой Толстого над «Азбукой», которая была опубликована в 1872 г.

Рубеж 1860–1870-х годов становится для Толстого временем интенсивного творческого поиска: писатель задумывается не только о новых сюжетах, но и о способах их художественного воплощения. Труд по созданию произведений для детей закономерно приводит Толстого к серьезному увлечению русским народным творчеством. С.А. Толстая пишет в своем дневнике о живом интересе писателя в 1870 г. к русским былинам и сказкам (см. *Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 496).

Изучение фольклорного творчества, возобновленные занятия с крестьянскими детьми в яснополянской школе (с февраля 1872 г.) неизбежно ставят перед Толстым вопрос о языке художественного произведения. Своими размышлениями по этому вопросу писатель неоднократно делился с друзьями. Так, в письме к Н.Н. Страхову от 22, 25 марта 1872 г. Толстой признавался, что ему «противен этот наш теперешний язык и приемы», что «к другому языку и приемам (он же и случился народный) влекут мечты невольные» (Юб., т. 61, с. 277). И далее: «Я изменил приемы своего писания и язык (...), а язык, к(оторым) говорит народ и в к(отором) есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, – мне мил. Язык этот, кроме того – и это главное – есть лучший поэтический регулятор» (Юб., т. 61, с. 278). 27 марта 1871 г. С.А. Толстая отмечала: «Писать ему хочется, и часто говорит об этом. Мечтает, главное, о произведении столь же чистом, изящном, где не было бы ничего лишнего, как вся древняя греческая литература, как греческое искусство...» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 499).

Стремление работать в новом направлении, близком и понятном народу, отразилось в рассказе «Кавказский пленник», созданном в 1872 г. и вошедшем в четвертую «Русскую книгу для чтения». Ясный и простой слог, отсутствие сложных синтаксических конструкций во многом сближают отрывок «Степан Семеныч Прозоров» с рассказом «Кавказский пленник». Этот факт позволяет с некоторой долей уверенности отнести незавершенный замысел к началу 1870-х годов.

Образ Степана Семеныча Прозорова в ранней редакции отрывка несет на себе черты идеализации: Прозоров не только «молод, красив,

силен, здоров», но и добр, благороден, сострадателен. В соответствии с выбором такого типа героя определяется и своеобразие сюжета, состоящего из ряда занимательных событий: здесь и зловещий пророческий сон, и встреча с героем-злодеем, готовым погубить сироток, и благородный герой, смело идущий на помощь бедным родственникам.

В результате переработки текста значительные изменения коснулись образа главного героя. Толстой корректирует не только некоторые факты биографии Прозорова, но углубляет и психологическую его характеристику: личность героя перестает быть однозначной. Прозоров по-прежнему является представителем дворянского круга, но состояние его, когда-то большое, практически истощено. Однако это не мешает герою вести привычный ему барский образ жизни. В небольшом фрагменте писатель воссоздает характерные черты дворянского быта и психологии когда-то зажиточного помещика: увлечение охотой, широкий размах жизни (содержание открытого дома с множеством гостей), легкомысленное отношение к трудностям, стремление к удовольствиям.

Некоторыми своими чертами Прозоров предвещает будущего Степана Аркадьича Облонского из романа «Анна Каренина». Неслучайным кажется совпадение имен двух героев (в первой редакции Степан Семеныч Прозоров был назван Андреем Ивановичем). Работа Толстого над «Анной Карениной» началась в 1873 г. Характеристика Стивы Облонского определилась с самых первых этапов работы над текстом. Например, в одной из ранних рукописей романа дается следующее описание Степана Аркадьича (здесь он еще фигурирует под фамилией Алабин): «Положение было ужасное, но Степан Аркадьич ни на минуту не приходил в отчаянье и не переставал быть так же прям, румян и также всегда приятен, добродушен (...), каким он всегда был. Кредиторам он обещал отдать через 6 месяцев и успел занять деньги, и к жене он ездил каждый день и уговаривал не делать позора семьи для детей. Жена была почти убеждена вернуться к нему, или, по крайней мере, он был убежден, что она возвратится рано или поздно. И потому Степан Аркадьич был так же добродушен и весел, как и всегда, хотя в редкие минуты и рассказывал своим близким друзьям свое горе» (Юб., т. 20, с. 51–52).

Корректировка образа главного героя отрывка «Степан Семеныч Прозоров» закономерно привела к изменениям в сюжетном рисунке повествования. Общим эпизодом двух редакций остается встреча помещика Прозорова с крестьянином и его женой. Образы Николая Трунова и его жены отличаются реалистической достоверностью и жизненностью. Эпизод с крестьянином раскрывает двойственность натуры Прозорова: с одной стороны, сочувствие к чужой беде, с другой – беспечность в отношении к жизни.

Новые эпизоды – приезд приставов, обращение за помощью к тетке, вихрь московского кутежа – изображают героя в напряженной психологической ситуации, которая приводит его к бесчестному поступку и, как следствие этого, к мысли о самоубийстве.

С образом Прозорова связаны важнейшие темы творчества Толстого, которые в дальнейшем займут значительное место в его произведениях.

Так, в «Степане Семеныче Прозорове» поднимается тема самоубийства как возможного выхода из сложной жизненной ситуации; делается, как отмечает Н.Н. Гусев, одна из первых попыток «развернуть тему ухода (здесь вынужденного) человека привилегированного класса из барских условий жизни. Впоследствии этот сюжет сделался для Толстого одним из самых излюбленных» (Гусев, III, с. 45). Действительно, у помещика Прозорова еще нет сознательного намерения отказаться от жизни своего сословия: его поступок обусловлен лишь отчаянным положением. Неосознанность действий Прозорова подчеркивается мотивом сна, повторенным два раза: «Все он делал как во сне»; «был как во сне». Тема ухода получит свое дальнейшее развитие в «Записках сумасшедшего», «Отце Сергии», «Воскресении», «Живом трупе», «Посмертных записках старца Федора Кузмича».

(ШУТОЧНАЯ СЦЕНА ДЛЯ ДЕТСКОГО СПЕКТАКЛЯ)

Впервые: *Юб.*, т. 90, с. 111–114 (с некоторыми вариантами зачеркнутого текста).

Рукописный фонд составляет 4 листа.

Печатается по рукописи.

Рукопись представляет собой текст, написанный детской рукой, с правкой Толстого. Заглавия нет. Сверху над текстом карандашная надпись С.А. Толстой: «Попытки сцены шуточной для домашней игры детей (диктовано)». Пьеса написана на четырех тетрадных листах. Текстом заняты семь страниц, оборот четвертого листа чистый. Рукопись создавалась в два этапа. Первоначальный текст, написанный под диктовку, представляет собой раннюю редакцию пьесы (см. т. 9 второй серии). Диктовка текста подтверждается не только записью С.А. Толстой, предвещающей пьесу, но и написанием некоторых слов. Например, в нижнем слое рукописи повсеместно: *Лукинишна* (в отличие от авторского написания *Лукинична* в верхнем слое рукописи); наряду с написанием *друг* имеется отражающее произношение написание: *друх*. На втором этапе работы над текстом Толстым была сделана правка, особенно значительная на страницах 5, 6 и 7. Исправления были внесены как в первоначальный, так и во вновь написанный текст. Варианты верхнего слоя рукописи представлены в т. 9 второй серии. Поставленные Толстым на полях шестой страницы знаки ^(*) и *, обычно обозначающие в его автографах места вставок, позволяют предположить, что работа над пьесой не была завершена.

Точных сведений о времени написания пьесы нет. Составители *Описания* (с. 351) датировали ее появление предположительно 1880-ми или 1890-ми годами, не указав, чьей рукой написан первоначальный текст. По мнению комментатора *Юбилейного издания* В.С. Мишина, неизвестная детская рука напоминает руку М.Л. Толстой (р. 1871), в связи с чем В.С. Мишин датирует эту пьесу концом 1870-х или самым началом

1880-х годов (*Юб.*, т. 90, с. 394). Более вероятной представляется иная датировка. Она основывается на изучении детского почерка, характер которого с большой долей вероятности позволяет утверждать, что он принадлежит одному из старших сыновей Толстого – С.Л. Толстому (р. 1863) или И.Л. Толстому (р. 1866). Таким образом, датировать пьесу можно началом 1870-х годов.

Домашние спектакли с участием детей часто устраивались в Ясной Поляне в 1870-х и в 1880-х годах. Обычно пьесы разыгрывались на Святках и особенно часто летом, когда к Толстым съезжалось много гостей. 24 октября 1878 г. С.А. Толстая записала в дневнике: «После обеда был оживленный разговор с детьми, делали планы играть на Святках домашний спектакль» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 100). В книге С.А. Толстой «Моя жизнь» также содержатся упоминания о домашних спектаклях и участии в них детей. Так, к 1877 г. относится воспоминание С.А. Толстой о том, что «Ольга Менгден много раз играла в Ясной Поляне на устраиваемых нами летом домашних спектаклях», и о том, что «Таня моя тоже прекрасно играла, и спектакли яснополянские имели всегда большой успех» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 272–273). 11 января 1879 г. С.А. Толстая в письме к Т.А. Кузминской рассказывает о двух спектаклях, сыгранных на Святках. Первая пьеса – «Бедовая бабушка» – «очень удалась». Во второй же пьесе под названием «Вицмундир», «куда – увы! – допустили Илюшу, – пишет С.А. Толстая, – произошли разные беспорядки: Илья пропускать всё в своей роли, чем путал и конфузил Сережу, у которого была главная роль – Разгильдяева» (*Очерки былого*, с. 68). С.А. Толстая вспоминала, что в 1879 г. были поставлены водевиль В.А. Соллогуба «Беда от нежного сердца» и пьеса «Искорка» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 303). Толстой в письме к А.А. Фету от 8 июля 1880 г. также сообщал об одном детском спектакле: «У нас полон дом гостей. Дети затеяли спектакль, и у них шумно и весело» (*Юб.*, т. 63, с. 19). Названия всех спектаклей, сыгранных в Ясной Поляне, не сохранились, и остается неизвестным, была ли шуточная сцена, написанная Толстым «для домашней игры детей», поставлена в яснополянском доме.

С. 118. *После давешнего первый...* – Давешний – имевший место незадолго до настоящей минуты.

С. 119. *...с девичника пришла...* – Девичник – Вечеринка, на которую собираются девушки, женщины. В русском народном свадебном обряде – прощальная вечеринка с подругами в доме невесты накануне свадьбы.

С. 121. *Салонница* – Салопница – женщина, носившая салоп (устаревший к 30-м годам XIX в. вид верхней женской одежды) или вообще плохо одетая, обычно пожилая, просившая в богатых домах на бедность, приживалка.

СКАЗКА

Впервые: Сборник Государственного Толстовского музея / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М., 1937, с. 7–9; в *Юб.* (т. 17, с. 135–136) с некоторыми вариантами зачеркнутого текста.

Рукописный фонд составляет 2 листа.

Печатается по автографу.

Автограф занимает два последних листа сшитой тетради в 6 листов. Текстом заполнены три страницы. Отрывок незавершенного произведения озаглавлен автором. В тетради «Сказке» предшествуют дневниковые записи Толстого с датой 5 ноября – 28 декабря 1873 г. Два листа в тетради остались чистыми. На обложке рукой С. А. Толстой сделана надпись: «Из дневника 1873 г. Сказка (отрывок)». На полях второй страницы по диагонали и более мелким почерком, чем основной текст, написан план, раскрывающий замысел Толстого. Эти конспективные записи появились раньше, чем продолжение текста от слов: «Я прожил 18 лет среди этого народа...». Правка в той части автографа, которая следует за планом, не завершена (есть описки). Окончание фрагмента представляет собой еще один конспективный план, указывающий на обширность замысла Толстого.

Н.Н. Гусев, прокомментировавший «Сказку» в *Юб. изд.* (т. 17, с. 616), датирует отрывок 1873 г. на основании дневниковых записей Толстого, находящихся в той же тетради. Составители Описания рукописей относят написание этого фрагмента к декабрю 1873 г. (*Описание*, с. 175).

Возможно, что конспективные записи (о разговорах со священником, с мужиком, с эпикурейцем и др.), сделанные на обороте первого листа автографа, получили развитие на страницах создававшегося в 1873–1877 гг. романа «Анна Каренина» (беседы Левина со священником, крестьянином, Степаном Аркадьичем Облонским).

Сюжетная схема, избранная Толстым, весьма популярна в приключенческой и фантастической литературе (см. Дж. Свифт. «Путешествия Гулливера», Г. Уэллс. «Страна слепых», О. Хаксли. «Остров» и др.): герой отправляется в путешествие, в пути преодолевает трудности (терпит кораблекрушение, переходит через горы или пустыню и пр.), теряет сознание, приходит в себя, знакомится с неизвестной (или малоизвестной) цивилизацией и описывает ее.

Писатель использует в «Сказке» прием остранения для того, чтобы подвергнуть критике основы общественного строя, взглянув на него как бы со стороны. Очевидно, что под видом дюлей (анаграмма слова «людей») Толстой намеревался изобразить современное ему русское общество и больше – весь цивилизованный мир. Один раз в тексте даже допущена описка: дюли названы людьми.

В наброске произведения затрагиваются темы, важнейшие для толстовского творчества и мировоззрения. Это тема смерти, особенно остро переживаемая Толстым после «арзамасского ужаса» 1869 г., критика

науки и традиционных религиозных конфессий, которая содержится во многих поздних работах писателя, противопоставление города и деревни, изображение социального неравенства.

Отрывок является в некотором роде связующим звеном между творчеством Толстого 1870-х и 1880-х годов. Многие идеи, прозвучавшие в «Сказке», получили свое развитие в позднейшем трактате «Так что же нам делать?» и других поздних произведениях писателя.

С. 123. ...торпище... – Ткань самой грубой пряжи для сушки зерна и других сельскохозяйственных нужд.

Все люди, которых я видел, носили на себе очевиднейшие зародыши смерти ~ но не видели того, что они не живут, а только разными путями умирают. – Ср. с размышлениями о смерти Константина Левина (Юб., т. 18, с. 367–368), изречениями Лабрюйера, Паскаля, помещенными Толстым в «Круге чтения» (12 мая, 3, 4: см. Юб., т. 41, с. 320). О законе смерти Толстой писал в «Исповеди». Эта тема получила своеобразное разрешение в трактате «О жизни» (гл. VII, VIII и др.), где писатель обозначил разницу между жизнью телесной и жизнью духовной, которая не подлежит смерти (см.: Юб., т. 26, с. 341–345 и др.).

...калятели... – здесь: лишались жизненных сил, здоровья, энергии под воздействием внешних обстоятельств. Каляный (*разг.*) – об одежде, ткани: ставший жестким, негибачимым от холода, влаги.

...сообразно с предположениями этно- и географов нашел этот народ диким... – в написанном для «почтового ящика» в Ясной Поляне отрывке «Из апрельского номера “Русской старины” 1885 года» дикими (прежде всего, в нравственном смысле) названы две господские семьи, живущие в Ясной Поляне (Толстые и Кузминские) – см. Юб., т. 25, с. 519–520.

С. 124. ...несмотря на то, что некоторые матерьяльные стороны жизни их были весьма и весьма усложнены, у них были только начатки понятий о науке, о философии, о религии, и начатки столь запутанные, кривотолковые... – Ср. «Круг чтения» (22 августа, 1): «Нет людей с более запутанными понятиями о смысле жизни, о добре и зле, чем люди науки нашего времени. От этого и происходит то, что наука нашего времени, совершая большие успехи в области исследования условий материального мира, в жизни людей оказывается не только ни на что не нужной, но еще и особенно вредною» (Юб., т. 41, с. 586–587). Критика науки содержится во многих работах позднего Толстого. См. «Так что же нам делать?» (гл. XXXIII–XXXVII: Юб., т. 25, с. 352–376), «Разрушение ада и восстановление его» (Юб., т. 34, с. 100–115), «О науке. Ответ крестьянину» (Юб., т. 38, с. 132–149) и др. Неприятие традиционных религиозных представлений получило отражение во многих произведениях Толстого, начиная с периода духовного перелома конца 1870 – начала 1880-х годов.

Дюли работающие, т. е. производящие что-нибудь новое посредством труда, и дюли разрушающие, уничтожающие. – Ср. с трактатом «Так что же нам делать?» (гл. XXXVII): «Приведите индейца, не знаю-

шего языка, и покажите ему европейскую и нашу жизнь нескольких поколений, и он признает такие же две главные определенные касты рабочих и не рабочих, какие есть у него» (Юб., т. 25, с. 375–376).

...производящие пользуются презрением, а уничтожающие почетом, и тем большим почетом, чем больше они уничтожают. Отсюда стремление производящих перейти в разряд уничтожающих, вследствие того уменьшение производящих. – Попытки крестьян расстаться с унижительной деревенской нищетой и переехать из деревни в город, их стремление получить хотя бы небольшую часть материальных средств, скапливающихся в городах, были хорошо известны Толстому. Эти процессы, причина которых – «переход богатств производителей в руки непроизводителей и скопление их в городах» (Юб., т. 25, с. 228) – описаны в трактате «Так что же нам делать?» Ср.: «Деревенскому же жителю отчасти необходимо идти туда, где происходит этот непрерывающийся праздник богачей и потребляется то, что взято у него, с тем, чтобы кормиться от тех крох, которые спадут со стола богатых, отчасти же (...) и самому желательно устроить свою жизнь так, чтобы меньше работать и больше пользоваться трудами других» (Юб., т. 25, с. 230).

Но которые скорее гниют? Потребители. – Мысль о том, что образ жизни представителей высших сословий («потребителей») является вредным для здоровья и противоестественным, озвучена Толстым, в частности, в трактате «Так что же нам делать?». Ср.: «Как мы, богатые люди, ни поправляем, ни подпираем с помощью нашей науки и искусства эту нашу ложную жизнь, жизнь эта становится с каждым годом и слабее, и болезненнее, и мучительнее; с каждым годом увеличивается число самоубийств и отречений от рождения детей; с каждым годом мы чувствуем увеличивающуюся тоску нашей жизни, с каждым годом слабеют новые поколения людей этого сословия. Очевидно, что на этом пути увеличения удобств и приятностей жизни, на пути всякого рода лечений и искусственных приспособлений для улучшения зрения, слуха, аппетита, искусственных зубов, волос, дыхания, массажей и т. п. не может быть спасения» (Юб., т. 25, с. 393).

⟨НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БЫЛ ПОЗВАН К СОСЕДУ...⟩

Впервые: *Толстой Л.Н.* Неизданные художественные произведения. М.: Федерация, 1928, с. 255–259, под названием «Разговор о науке»; под тем же названием в Юб. (т. 17, с. 139–141) с некоторыми вариантами зачеркнутого текста.

Рукописный фонд составляет 2 листа.

Печатается по автографу.

Автограф не имеет заглавия, занимает две с половиной страницы большого формата. На первой странице текст незначительно пострадал: край листа оборван. Незавершенное произведение написано крупным

почерком, почти без исправлений. Полей нет, текст занимает все пространство страниц.

Рукопись вложена в обложку. На лицевой стороне очень крупным почерком рукой Толстого написаны слова: «Началы философа прогрес. Письма(?)»¹, а на обороте: «Азбука 2-я». Очевидно, обложка ранее предназначалась для второй книжки «Азбуки» (Толстой в 1872 г. издал «Азбуку», а в 1875 г. – «Новую азбуку»). Однако данная обложка могла пролежать среди бумаг писателя несколько лет, прежде чем была использована для наброска.

Исследователи традиционно датируют произведение 4 июня 1874 г. либо 1875–1876 гг. Дата «4 июня» указана в самом начале рукописи. В.Ф. Саводник, готовивший отрывок к печати в *Юб.*, предлагает не вполне определенную датировку: в тексте, под заголовком (*Юб.*, т. 17, с. 139) он указывает дату 1875–1876 гг., а в комментариях пишет, что «время написания рассказа можно отнести к первой половине 70-х годов, ко времени работы Толстого над «Азбукой» и «Анной Карениной» (*Юб.*, т. 17, с. 619). Н.Н. Гусев (*Летопись*, I, с. 422) датирует отрывок 4 июня 1874 г. Такая же датировка присутствует в хронологической канве жизни Толстого, помещенной в *Юб.*, т. 48, с. 394.

Версия, согласно которой дата «4 июня», поставленная в начале рукописи, является датой написания отрывка, может вызывать сомнения. Толстой, как правило, не имел обыкновения ставить дату написания произведения в начале текста. Скорее всего, указание числа и месяца входит в состав написанного фрагмента как дневниковая дата. Знакомый Николая Николаевича отмечает его задний ум – «ум лестницы», проявившийся после разговора о науке («и я запомнил и записывал этот “ум лестницы”, потому чт(о) выражения его мне кажутся замечательны(ми)»). Возможно, для своего произведения Толстой счел необходимым избрать именно такую, дневниковую форму.

Некоторые основания для датировки дают очевидные параллели наброска с одной из глав «Анны Карениной» – романом, над которым Толстой работал с 1873 по 1877 г. (см. «Анна Каренина», ч. 1, гл. 7. – *Юб.*, т. 18, с. 27–28). Приехав в Москву, Константин Левин остановился у своего брата Кознышева и застал его диалог с профессором из Харькова, который вел полемику против материалистов о трактовке новейших открытий в физиологии. Когда Левин задал вполне логично вытекающий из их полемики, но не относящийся к области светской науки вопрос о жизни после смерти, ему ответили примерно так же, как и Николаю Николаевичу из неоконченного наброска: «Этот вопрос мы не имеем еще права решать (...). Не имеем данных» (*Юб.*, т. 18, с. 28). (Ср. с текстом (Николай Николаевич был позван к соседу...): «Вы вне вопроса, вы вне науки»). В.Ф. Саводник проводил другую параллель с «Анной Карени-

---

¹ В.Ф. Саводником это слово прочитано как «Письма(?)» (*Юб.*, т. 17, с. 619); в *Описании рукописей* обозначено – (1 нрзб) (*Описание*, с. 187); прочтение Л.Д. Громовой-Опульской – «План».

ной», указывая на диалог Левина и Кознышева в гл. 3, ч. 3, где Кознышев упоминает об исторических народах, которые одни только имеют будущность (Юб., т. 18, с. 261). Данный диалог, однако, по содержанию менее связан с отрывком (Николай Николаевич был позван к соседу...), чем разговор между Кознышевым и харьковским профессором. Между тем главы романа, близкие отрывку по содержанию, ничего не дают для его точной датировки: неизвестно, когда – до или после соответствующих параллельных мест из «Анны Карениной» – он был создан.

Герои наброска отчасти похожи на героев «Анны Карениной», поэтому выявить их прототипы не составляет труда. Николай Николаевич (как и Левин в романе) во многом выражает точку зрения автора, Л.Н. Толстого, что можно подтвердить примерами из произведений писателя (см. с. 402–403). «Профессор истории» (как и Кознышев в романе) похож на гегельянца Б.Н. Чичерина, часто отстаивавшего в диалогах с писателем идею прогресса.

Возможно, имя Николай Николаевич возникло в начатом сочинении не без связи с фигурой Н.Н. Страхова, ставшего в 1870-е годы ближайшим другом Толстого. В конце 1870 г., в первом же письме, отправленном Страхову, Толстой приглашал его приехать в Ясную Поляну, что тот и сделал в августе 1871 г.; потом гостил ежегодно, стал постоянным собеседником писателя по философским вопросам.

В наброске не случайно присутствует критика прогрессистского подхода к истории. Идея прогресса, согласно Толстому, не отвечает на главные вопросы человеческой жизни, вопросы о смысле исторического развития, человеческого существования. Именно на этом и построена аргументация Николая Николаевича. Теория прогрессивного исторического развития не могла удовлетворить Толстого. Впоследствии он развенчал ее в трактате «Исповедь». По Толстому, человек, полагающий, что надо «житьсообразно с прогрессом», подобен тому, кто, «несомый в лодке по волнам и ветру, на главный и единственный для него вопрос: “куда держаться” (...), не отвечая на вопрос, скажет: “нас несет куда-то”» (Юб., т. 23, с. 8).

Толстой всегда проявлял живой интерес к научному знанию, развитию естественных и гуманитарных наук. Работа над историческими замыслами привлекала внимание писателя к трудам историков. Не мог он пройти и мимо активно проходившей в печати полемики по поводу новейших достижений биологической науки – рефлексорной теории, развитию которой немало способствовала известная Толстому работа И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», а также эволюционной теории, обоснованной в трудах Ч. Дарвина и его единомышленников. Но позитивистский отказ от философских обобщений, «наука ради науки» никогда не могли удовлетворить Толстого, а материалистические выводы из новейших достижений естественных наук вызывали его резкое неприятие.

Отстраненность науки от религиозно-философских, нравственных вопросов, согласно Толстому, превращала научное знание в совокупность ненужных фактов, не способных прояснить вопрос о смысле

человеческой жизни. Здесь – основная причина критики Толстым научного знания, которая будет звучать во многих работах писателя последующих лет: «О науке и искусстве» (Юб., т. 30, с. 479–482), «О науке. Ответ крестьянину» (Юб., т. 38, с. 132–149), «Еще о науке» (Юб., т. 38, с. 170–174) и многих других.

Тем не менее и впоследствии Толстой проявлял живой интерес к развитию естественных наук, новейшим научным и техническим достижениям, неоднократно встречался с учеными, обсуждал с ними проблемы развития науки, соотношения научного знания и религиозной веры. Например, в январе 1894 г. он присутствовал на съезде естествоиспытателей в Москве (см.: *Летопись*, II, с. 119); в 1909 г. Ясную Поляну посетил известный ученый, лауреат Нобелевской премии по биологии И.И. Мечников, с которым у Толстого состоялась продолжительная беседа (см. *Маковицкий. Яснополянские записки*, кн. 3, с. 422–425). Но основы мировоззрения писателя, в том числе убеждение в ограниченности научного знания, в последние годы его жизни существенно не изменились.

С. 125. ...*посещением моего принципала*... – принципал – глава, хозяин (от лат. *principalis* – главный).

...*закон прогресса для всемирной истории, а $\frac{9}{10}$ рода человеческого: Китай, Азия, Африка – идут по обратному закону*. – Аргумент, который встречается во многих работах писателя. Ср., например, со статьей «Прогресс и определение образования» (1862): «Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий нашу теорию прогресса, и мы ни минуты не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества {...} Народ, т. е. масса народа, $\frac{9}{10}$ всех людей, постоянно враждебно относятся к прогрессу и постоянно не только не признают его пользы, но положительно и сознательно признают его вред для них» (Юб., т. 8, с. 333, 335).

С. 126. ...*esprit de l'escalier*... – задний ум, характеристика собеседника-полемиста, которому серьезные возражения приходят в голову уже по окончании беседы, «на лестнице».

Забавно то, что в истории только и интересна философская мысль истории. – Так полагал и Толстой, немало страниц «Войны и мира» посвятивший философскому осмыслению исторических событий.

Что мне за дело, кого завоевал Аннибал или какие у Лудовика XIV были любовницы. – Аннибал (Ганнибал) (247–183 гг. до н. э.), карфагенский полководец и политический деятель, многие годы воевавший против Рима. У французского короля Людовика XIV (1638–1715) было немало фавориток: Луиза де Лавальер, Франсуаза де Монтеспан и др. Подобный взгляд на историческую науку был характерен, по свидетельствам современников, для молодого Толстого, который полагал, что «история {...} это не что иное, как собрание басен и бесполезных мелочей, пересыпанных массой ненужных цифр и собственных имен» (*Назарьев В.Н.* Из очерков «Жизнь и люди былого времени» // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978, т. 1, с. 48).

...я спорю, что в этой десятине нет 40 сажень, он говорит: смеряя не своим, а моим саженем – ровно 40 сажень. – Сажень – русская мера

длины. Указом 1835 г. размер сажени был определен в 213,36 см. Десятина – русская поземельная мера. В дореволюционной России существовала казенная десятина (2400 кв. саж. или 1,0925 га), хозяйственная или косая десятина (80 на 40 = 3200 кв. саж.), хозяйственная круглая десятина (60 на 60 = 3600 кв. саж.) и др.

...были Пунические и такие-то войны... – Имеются в виду первая (264–241 гг. до н. э.), вторая (218–201 гг. до н. э.) и третья (149–146 гг. до н. э.) Пунические войны между Римом и Карфагеном за господство над Средиземноморьем.

...нерв возвратно действует... – имеется в виду рефлекторная деятельность нервной системы.

...теории уголовного права такие и такие-то. – Во времена Толстого считалась прогрессивной классическая школа уголовного права, представители которой (А. Фейербах, Ч. Беккариа и др.) отстаивали демократические принципы уголовной ответственности и применения наказаний, провозглашали равенство всех перед законом. В 1870-е годы начала развиваться антропологическая школа уголовного права, основоположник которой, Ч. Ломброзо впоследствии, в 1897 г., посетил Ясную Поляну. Изучавший право в Казанском университете Толстой хорошо знал юриспруденцию, следил за новейшими достижениями юридической науки. Интересовался он правом и впоследствии, после формирования основ его ненасильственной теории, вошедшей в противоречие с системой законодательства как таковой. Работы теоретиков уголовного права читал герой «Воскресения» Нехлюдов: «Он купил книги Ломброзо и Гарофало, и Ферри, и Листа, и Маудслея, и Тарда, и внимательно читал эти книги. Но по мере того, как он читал их, он все больше и больше разочаровывался» (*Юб.*, т. 32, с. 313). Такое же разочарование в юридической науке испытывал и сам Толстой, отразивший свои мысли и чувства в «Письме студенту о праве» (*Юб.*, т. 38, с. 54–61) и многих других работах.

С. 128. *А в шахматы играть – приятное занятие...* – Толстой, по его собственным свидетельствам и отзывам современников, очень любил шахматную игру. «Играешь ли ты в шахматы? – спрашивал он А.А. Берса в письме от 28 октября 1864 г. – Я не могу представить себе эту жизнь без шахмат, книг и охоты» (*Юб.*, т. 61, с. 57). Подробнее см.: *Линдер И.М. Лев Толстой и шахматы.* М., 1960.

⟨ДВА ЧЕЛОВЕКА С КОТОМКАМИ...⟩

Впервые: Посмертные художественные произведения Л.Н. Толстого / Под ред. В.Г. Черткова. М., 1912, т. III, с. 119–123, под заглавием: «Два спутника»; в *Юб.* (т. 17, с. 142–144) под заглавием «Два путника» с некоторыми вариантами зачеркнутого текста.

Рукописный фонд составляет 2 листа.

Печатается по рукописи.

Текст рукописи без заглавия занимает два листа бумаги Говарда, исписанных с обеих сторон. Большая часть рукописи представляет собой автограф Толстого. Фрагмент со слов: «Старый человек, отставной подпоручик Александровских времен» – до слов: «Оторванность жизни...» – написан рукой С.А. Толстой. Вместо обычных для автографов Толстого широких полей в этой рукописи оставлены лишь небольшие отступы на левой стороне страниц. Исправлений в тексте мало, все они сделаны по ходу писания. Почерк Толстого крупный. Многие слова сокращены, что затрудняет их прочтение. Например, «долго гляделся в зеркало» (*Юб.*, т. 17, с. 143) может быть прочитано как «долго глядел в зеркало» (см. наст. публикацию).

Сведения о работе Толстого над фрагментом (Два человека с котомками...) отсутствуют. На основании его содержания комментатор *Юб.* изд. В.Ф. Саводник относил возникновение отрывка к середине 1870-х годов – времени создания романа «Анна Каренина». Именно этим периодом исследователь датировал написание другого неоконченного фрагмента: (Разговор о науке) (в наст. изд.: (Николай Николаевич был позван к соседу...)), находя между ними некоторые параллели. Действительно, оба произведения, работа над которыми оборвалась в самом начале, так или иначе касаются лиц, связанных с Московским университетом, затрагивают проблемы познания действительности.

У обоих путников, показанных в отрывке (Два человека с котомками...), как определил В.Ф. Саводник, были весьма колоритные прототипы. По отношению к младшему из двух странников – Борзину – таковым выступал писатель и фольклорист Павел Иванович Якушкин (1822–1872). Будучи студентом математического факультета Московского университета, он увлекся собиранием фольклора и изучением народной жизни, оставил университет и странствовал по России. Внешне Якушкин во всем старался походить на человека из народа. Впрочем, подобно страннику Борзину из отрывка, по причине сильной близорукости он вынужден был постоянно носить очки, создававшие резкий контраст с его мужичким нарядом. В мае 1862 г. Якушкин побывал у Толстого в Ясной Поляне.

Прототипом второго странника, Николая Петровича Серпова, был подолгу гостивший в доме Толстого Николай Сергеевич Воейков (1803–?). Гусарский офицер, помещик, он стал монахом, а позднее ушел из монастыря и жил странником. Эта выразительная личность несколько раз упоминается в мемуарах родственников и гостей писателя. Суждения Толстого в поздние годы о Воейкове передавал А.Б. Гольденвейзер. В свою очередь, Д.П. Маковицкий отметил 16 августа 1909 г. подробности беседы, состоявшейся в яснополянском доме в присутствии сестры писателя М.Н. Толстой: «За обедом разговор о Н.С. Воейкове, бывшем кавалерийском (?) офицере, красавце, потом монахе. Впоследствии вышел из монастыря, но рясу все носил. Мария Николаевна, Софья Андреевна вспоминали его оригинальности, от которых мы приходили в ужас, недоумевали, хохотали. Л. Н. говорил, что он все-таки трога-

тельный человек был: когда в монастырь пошел, было в нем нечто живое, что заставляло идти» (*Маковицкий. Яснополянские записки*, кн. 4, с. 46). Некоторые обстоятельства жизни Воейкова отразились также в судьбе Степана Касатского – главного героя повести Толстого «Отец Сергей».

Примечательна дорога, по которой идут странники: шоссе из Москвы в Тулу, представляющее собой большую часть пути между Москвой и Ясной Поляной. Впоследствии Толстой сам несколько раз совершил подобное путешествие пешком.

С. 129. *...короткий зипун и плисовые шаровары...* – Зипун – крестьянская верхняя одежда из домотканого сукна, наподобие кафтана. Плисовые – сшитые из плиса – хлопчатобумажной ворсистой ткани.

...магистр Московского университета... – Магистр – в России XIX в. промежуточная ученая степень между выпускником высшего учебного заведения – кандидатом, и доктором наук; с 1884 г. после упразднения степени кандидата – низшая ученая степень.

С. 132. *...я был в Греции, на Афоне...* – Афон – (*греч.* Агион-Орос, Άγιον Όρος, – Святая гора) – часть полуострова Халкидики, где расположены 20 мужских православных монастырей (среди них русский св. Пантелеимона). Афон образует особую административную область Греции и находится полностью в монастырском управлении. Монастыри на Афоне известны с VII в. Они сыграли огромную роль в утверждении Православия на Руси. Православными верующими Афон почитается как земной удел Пресвятой Богородицы и с давних пор является местом паломничества.

МОЯ ЖИЗНЬ

Впервые: Сб. «Русским матерям» / Под ред. И.И. Горбунова-Посадова, М., 1892, с. 2–6, не полностью, под заглавием: «Первые воспоминания (Из неизданных автобиографических заметок Л.Н. Толстого)». В *Юб.* – с некоторыми вариантами зачеркнутого текста и плановыми заметками (т. 23, с. 469–474, 487).

Рукописный фонд составляет 8 листов: автограф и фрагмент копии рукою неизвестного без авторской правки.

Печатается по автографу.

Автограф незавершенного произведения «Моя жизнь» занимает пять листов небольшого формата, заполненных с обеих сторон. Почерк и цвет чернил указывают на то, что текст был написан в два приема. Бледными коричневатыми чернилами исписаны три листа и лицевая часть четвертого листа, поля которого заняты большой вставкой. Первый этап работы закончен словами: «...и видел, что она чувствовала то самое, что и я, что жалко, ужасно жалко, но должно». Рядом в углу листа – зачеркнутая запись: «Первое чувство и самое сильное

в жизни – что не игрушка. То же будет при смерти». Наметив таким образом план дальнейшей работы, Толстой продолжил писание основного текста словами: «В первый раз я почувствовал, что жизнь не игрушка, а трудное дело. Не то ли я почувствую, когда буду умирать: я пойму, что смерть или будущая жизнь не игрушка, а трудное дело». На втором этапе работы Толстой пользовался яркими черными чернилами. Теми же чернилами сделана правка в ранее написанном тексте.

Оборот пятого листа и верх шестого листа занимает дневниковая запись, сделанная 1 января 1883 г. На обороте шестого листа – зачеркнутый текст, написанный 10 апреля 1890 г. и относящийся к началу работы над статьей «Для чего люди одурманиваются?».

Копия «Моей жизни» представляет собой три листа, заполненные текстом с обеих сторон (со слов: «(коры)то, (и) засученные руки няни» – до слов: «я старался верить ласковым речам, которыми заманивал меня к себе Федор Иванович, старался не»), и является сохранившимся фрагментом наборной рукописи для первой публикации в сборнике «Русским матерям». В копии множество разночтений с автографом, перешедших в первую публикацию, начинающуюся словами: «Вот первые мои воспоминания...» – и заканчивающуюся фразой: «Не то ли я почувствую, когда буду умирать: я пойму, что смерть или будущая жизнь не игрушка, а трудное дело».

Писание «Моей жизни» связано с намерением С.А. Толстой составить «биографию» Толстого (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 90). Эту работу она начала в 1876 г. и продолжала с перерывами до конца 1878 г. (см.: Три биографических очерка Толстого. Очерки, составленные Софьей Андреевной со слов Толстого и им выправленные / Публ. Е.С. Сребровской // *ЛН*, т. 69, I, с. 497–518). 27 февраля 1877 г. С.А. Толстая записала в дневнике: «Сегодня, перечитывая дневники старые Левочки, я убедилась, что не могу писать “материалов к биографии”, как хотела. Жизнь его внутренняя так сложна, чтение дневников его так волнует меня, что я путаюсь и в мыслях и в чувствах и не могу на все смотреть разумно. (...) Когда я просила на днях Левочку что-то рассказать мне о его прошлой жизни, он сказал мне: “Ах, не спрашивай меня, пожалуйста, меня слишком волнуют воспоминания, и я стар уж, чтоб переживать в воспоминаниях всю свою жизнь”» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 92).

Начало работы над «Моей жизнью» Толстой отметил в дневнике 22 мая 1878 г.: «Начал писать “свою жизнь”» (*Юб.*, т. 48, с. 70). Заметки, сделанные на полях автографа, указывают на его намерение подробно описать свое детство. Некоторые из этих замыслов были реализованы в 1903–1906 гг., в период работы над «Воспоминаниями». «Мою жизнь» Толстой предполагал включить в «Воспоминания», в тексте которых отметил место, куда следует поместить его «первые воспоминания» (см. *Юб.*, т. 34, с. 375).

С. 134. ...руки няни... – Няня – Анна Ивановна. В «Воспоминаниях» Толстой рассказывает о двух нянях: Татьяне Филипповне и Анне Ивановне: «Няня Татьяна Филипповна, маленькая, смуглая, с пухлыми маленькими руками, была молодая няня, помощница старой няни Аннушки, которую я почти не помню именно потому, что я сознавал себя не иначе как с Аннушкой. И как я на себя не смотрел и не помню себя, какой я был, так не помню и Аннушку» (*Юб.*, т. 34, с. 372, 373).

...страшную воду... – Смешанную, разбавленную до нужной температуры воду.

Уроки с Ал(ександрой) Ил(ьиничной) – Остен-Сакен фон дер (урожд. гр. Толстая) Александра Ильинична, графиня, сестра отца Толстого, опекунша детей Толстых. См. о ней в «Воспоминаниях» (*Юб.*, т. 34, с. 354, 361–364).

Трубку пан(а)... – Трубка Н.И. Толстого несколько раз упоминается Толстым в «Воспоминаниях» (*Юб.*, т. 34, с. 357, 375, 377).

...бабушка... – Толстая (урожд. княжна Горчакова) Пелагея Николаевна (1762–1838), графиня. Толстой рассказал о ней в гл. IV «Воспоминаний» (*Юб.*, т. 34, с. 359–361).

*Дунечка Темешов(а)*¹... – Темяшева Евдокия Александровна, внебрачная дочь Александра Алексеевича Темяшева (1784–1830-е), троюродного брата и соседа Н.И. Толстого. После смерти А.А. Темяшева она была взята в дом Н.И. Толстого, ее опекуна, и прожила в семье Толстых примерно с 1833 г. до марта 1839 г. (*Архангельская Т.Н.* Пирогово // Яснополянский сборник. Тула, 1965, с. 194). В «Воспоминаниях» Толстой упомянул, что Дунечка Темяшева была его ровесницей (*Юб.*, т. 34, с. 354, 371), описал ее внешность и характер: «...с широким, покрытым веснушками лицом (...) милая, простая, спокойная, но не умная девочка и большая плакса» (*Юб.*, т. 34, с. 370–372). В замечаниях к рукописи «Биография Л.Н. Толстого», составленной П.И. Бирюковым, Толстой указал на Дунечку как на прототип Катеньки в «Детстве»: «Под Катенькой я описал Дунечку, воспитанницу Темяшева» (*Юб.*, т. 34, с. 396). (О другом прототипе Катеньки – Юзеньке Копервейн – см. наст. изд., т. 1, с. 400.)

... *Кланяться задом*... – С.А. Толстая в составленных ею в 1876 г. «Материалах к биографии Л.Н. Толстого и сведениях о семействе Толстых и преимущественно гр. Льва Николаевича Толстого» писала: «Судя по словам старых тетушек, которые мне рассказывали кое-что о детстве моего мужа, и также по словам моего деда Исленьева, который был очень дружен с Николаем Ильичем, маленький Левочка был очень оригинальный ребенок и чудак. Он, например, входил в залу и кланялся всем задом, откидывая голову назад и шаркая» (Три биографических очерка Толстого. Очерки, составленные Софьей Андреевной со слов Толстого и им выправленные // *ЛН*, т. 69, I, с. 499). Н.Н. Гусев, ссылаясь на «Сочинения Антония Погорельского» (т. 1, СПб., 1853, с. 111), предполагает, что «на это чудачество навела Толстого известная ему повесть

¹ У Толстого встречаются различные написания этой фамилии.

А. Погорельского “Монастырка”, где один из героев поздоровался с другим, “откинув голову назад вместо того, чтобы нагнуть ее наперед”» (Гусев, I, с. 82).

...шарады... – Шарада (фр. charade) – игра, в которой загаданное слово представлено в образах и иносказаниях. В «Воспоминаниях» Толстой упомянул о своем «искусстве составлять шарады» и об одобрении отца, поощрявшего это увлечение (Юб., т. 34, с. 377). Губернёр Сен-Тома в письме к Толстому от 28 апреля 1841 г. называет его «любителем каламбуров» (Летопись, I, с. 20).

Я буду дурен, но умен. – Смысл этой записи раскрывается при обращении к ранней автобиографической трилогии. В главе XVII «Детства» Толстой писал: «Я очень хорошо помню, как раз за обедом – мне было тогда шесть лет – говорили о моей наружности, как татапа старалась найти что-нибудь хорошее в моем лице: говорила, что у меня умные глаза, приятная улыбка, и наконец, уступая доводам отца и очевидности, принуждена была сознаться, что я дурен; и потом, когда я благодарил ее за обед, потрепала меня по щеке и сказала:

– Ты это знай, Николенька, что за твое лицо тебя никто не будет любить; поэтому ты должен стараться быть умным и добрым мальчиком» (наст. изд., т. 1, с. 54; см. также варианты к этому фрагменту в наст. изд., т. 1(19), с. 191–192). В главе XXIV «Отрочества»: Я гораздо ниже ростом Володи, широкоплеч и мясист, по-прежнему дурен и по-прежнему мучусь этим. Я стараюсь казаться оригиналом. Одно утешает меня: это то, что про меня папа сказал как-то, что у меня умная рожа, и я вполне верю в это» (наст. изд., т. 1, с. 145).

Миллер доктор. – Врач Г.В. Миллер, служивший инспектором Тульской врачебной управы; лечил детей Толстых; им был подписан врачебный протокол о смерти отца писателя – Н.И. Толстого.

Фанфар(онова) гора. – «Фанфаронову гору» Толстой назвал «одним из самых далеких и милых, и важных воспоминаний» (Юб., т. 34, с. 385). Этой выдуманной старшим братом Толстого Николенькой игре с трудными условиями для исполнения желаний посвящена в «Воспоминаниях» глава «Фанфаронова гора» (Юб., т. 34, с. 385–387).

Николен(ькина) голая рука... – Николенька – старший брат Толстого Николай Николаевич Толстой (1823–1860).

...Андрюша... – Имя родившегося 6 декабря 1877 г. (ум. в 1916 г.) сына Толстого.

С. 135. ...мою мать... – Толстая (урожд. княжна Волконская) Мария Николаевна (1790–1830). О матери Толстой рассказал в гл. I «Воспоминаний» (Юб., т. 34, с. 349–351).

...моя годом младшая сестра Машенька... – Мария Николаевна Толстая (1830–1912). В незавершенных «Воспоминаниях» есть лишь краткие упоминания о сестре Толстого (Юб., т. 34, с. 354).

...тетка... – А.И. Остен-Сакен или Т.А. Ёргольская (см. ниже).

С. 137. ...немец Федор Иванович... – Федор Иванович Рёссель (ум. в конце 1840-х гг.), губернёр братьев Толстых с 1833 по 1837 г. Изобра-

жен под именем Карла Иваныча Мауэра в «Детстве» и «Отрочестве». Толстой упомянул в «Воспоминаниях», что Ф. И. Рёссель описан им «довольно верно в “Детстве”» (*Юб.*, т. 34, с. 354).

...братьев... – Братья Толстого: Николай Николаевич Толстой (1823–1860), Сергей Николаевич Толстой (1826–1904), Дмитрий Николаевич Толстой (1827–1856). О братьях Толстой рассказал в «Воспоминаниях» (главы «Братья», «Фанфаронова гора», «Брат Сережа»).

...отца... – Отец Толстого – Николай Ильич Толстой (1794–1837). В «Воспоминаниях» о нем рассказано в гл. III (*Юб.*, т. 34, с. 355–358), и есть упоминания в других главах (там же, с. 364, 374–377).

...в доме у нас есть верхний этаж. – Яснополянский дом, в котором родился Толстой, был продан по его поручению осенью 1854 г. (*Юб.*, т. 59, с. 279) В.П. Толстым помещику П.М. Горохову на своз в его имение Долгое и просуществовал там до 1913 г. (См.: Судьба дома, в котором родился Л.Н. Толстой // «Русское слово», 1913, 7 апреля). В «Воспоминаниях» Толстой упомянул, что «дом был большой, 42 комнаты» (*Юб.*, т. 34, с. 372). 6 декабря 1897 г. Толстой посетил уже необитаемый к тому времени дом и записал в дневнике: «4-го ездил в Долгое. Очень умиленное впечатление от развалившегося дома. Рой воспоминаний». В 1898 г. П.А. Сергеенко намеревался вернуть дом в Ясную Поляну. С.А. Толстая записала в дневнике 19 февраля 1898 г.: «Сергеенко меня допрашивал, что бы могло быть приятно Льву Николаевичу ко дню его рождения в нынешнем году, к 28 августа; Л.Н. будет 70 лет. Он думал купить этот дом, свезти его опять в Ясную и поставить на прежнее место в том виде, в каком он был» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 357). 15 августа 1898 г. в старом доме побывали П.А. Сергеенко и сын Толстого Андрей Львович. В письме к О.К. Дитерихс А.Л. Толстой писал о готовящемся сюрпризе: «Я знаю, что папá это будет очень приятно, так как он рассказывал, что когда он теперь вошел в этот дом, то его это ужасно разволновало, и он припомнил все свое детство и отрочество, проведенные в этом доме» (*Толстой А.Л. О моем отце // Яснополянский сборник*. Тула, 1965, с. 134). (О старом яснополянском доме см. также комментарий в наст. изд., т. 1, с. 399–400.)

...теток... – А.И. Остен-Сакен, Т.А. Ёргольская (см. ниже) и П.И. Юшкова – родная тетка Л. Н. Толстого по отцу, ставшая опекуной детей Толстых после смерти А.И. Остен-Сакен.

С. 138. *...тетенька Татьяна Александровна...* – Татьяна Александровна Ёргольская (1792–1874), троюродная тетка и воспитательница детей Толстых. В «Воспоминаниях», значительная часть которых посвящена ей, Толстой несколько раз упоминает, что Т.А. Ёргольская имела очень большое влияние на его жизнь (*Юб.*, т. 34, с. 350, 354, 364–370).

...Петруша... – Камердинер Н.И. Толстого. В «Воспоминаниях» Толстой рассказывает об особом отношении своего отца к братьям Петруше и Матюше: «В старину у всех бар, особенно у охотников, были любимцы. Такие были у моего отца два брата камердинеры Петруша и Матюша, оба красивые, сильные, ловкие охотники. Оба они были отпущены на волю и получили всякого рода преимущества и подарки от отца

⟨...⟩ мне они просто нравились – особенно Петруша, своей ловкостью, силой, мужественной красотой, чистотой одежды и ласковостью к нам, детям, и ко мне особенно» (Юб., т. 34, с. 374). (См. упоминания о братьях камердинерах: Юб., т. 34, с. 356, 360, 376, 393.)

...лакомство... – В «Воспоминаниях» Толстой написал об обычае Т.А. Ёргольской: «Она любила у себя в комнате в разных посудинках держать сладенькое: винные ягоды, пряники, финики, и любила покупать и угощать этим первого меня. Не могу забыть и без жестокого укора совести вспомнить, как я несколько раз отказывал ей в деньгах на эти лакомства и как она, грустно вздыхая, умолкала. Правда, я был стеснен в деньгах, но теперь не могу вспомнить без ужаса, как я отказывал ей» (Юб., т. 34, с. 366).

...чернослив... – В «Воспоминаниях» Толстой упоминает испугавшее его происшествие: «...помню, какой я испытал ужас, когда проглотил косточку французского чернослива, который дала мне тетенька, и как я торжественно, как бы перед смертью, объявил ей об этом несчастье» (Юб., т. 34, с. 380).

...экозез... – Старинный шотландский народный танец (от фр. *écossais* – шотландский), похожий на кадрили, ставший с конца XVII в. парным бальным танцем.

...гость Волконский... – Перечисляя «памятные впечатления» детства в «Воспоминаниях», Толстой писал: «Третье впечатление – это было посещение какого-то – не знаю – двоюродного брата матери, князя, гусара Волконского. Он хотел приласкать меня и посадил на колени и, как часто это бывает, продолжая разговаривать со старшими, держал меня. Я рвался, но он только крепче придерживал меня. Это продолжалось минуты две. Но это чувство пленения, несвободы, насилия до такой степени возмутило меня, что я вдруг начал рваться, плакать и биться» (Юб., т. 34, с. 393). В другом месте «Воспоминаний», вероятно, о том же Волконском: «Я боялся нищих, боялся одного Волконского, который щипал меня» (там же, с. 379).

Судно наверху (Прасковья Исаевна)... – Прасковья Исаевна, экономка в доме Толстых, о ней Толстой рассказал в гл. VIII «Воспоминаний», указав, что «довольно верно описал» ее в «Детстве» под именем Натальи Савишны. В той же главе «Воспоминаний»: «Прасковья Исаевна была почтенная особа – экономка, а между тем у нее, в ее маленькой комнатке, стояло наше детское суднышко. Помню, одно из самых приятных впечатлений было после урока или в середине урока сесть в ее комнатке и разговаривать с ней и слушать. Вероятно, она любила видеть нас в эти времена особенной счастливой и умиленной откровенности» (Юб., т. 34, с. 372–373).

...Николай (наш дядька)... – Банников Николай Дмитриевич (р. 1788) – дядька Толстого и его братьев.

⟨ПРЕНИЯ О ВЕРЕ В КРЕМЛЕ⟩

Впервые: *Юб.*, т. 17, с. 145–150 (с некоторыми вариантами зачеркнутого текста).

Рукописный фонд составляет 6 листов.

Печатается по автографу.

Автограф состоит из шести листов небольшого размера. Текстом полностью заняты первые четыре листа (восемь страниц), на девятой странице – девять строчек, оборот пятого листа и шестой лист чистые. Заглавия нет. Перед текстом поставлен номер главы: «I», указывающий на то, что замысел не ограничивался написанием этого фрагмента. Листы пронумерованы Толстым. Поля не заполнены текстом, за исключением двух вставок на страницах 3 и 7. Правки в тексте немного. Среди исправлений исключительный интерес представляет работа над портретной характеристикой А.С. Хомякова. Первоначально текст был таким: «...я увидел маленького человечка, черного с сединой, [с тонким лицом] с тонкими чертами плоского лица и общим выражением умной легавой собаки, сверх которого было еще выражение чего-то особенно ясного, веселого, тонкого и вместе с тем твердого» (см. т. 9 второй серии). Затем Толстой дополнил это описание. После слов: «я увидел маленького человечка» – добавил: «в поддевке с золотой, выпущенной цепочкой»; после: «черного с сединой» – «с низким лбом, тонкими чертами плоского лица» (см. настоящую публикацию). Выбор эпитетов в этом описании созвучен дневниковой записи Толстого от 23 января 1857 г.: «Хомяков вилял передо мной весьма слабо. ⟨...⟩ Старая кокетка!» (*Юб.*, т. 48, с. 5). Портретная характеристика Хомякова, представленная в ⟨Прениях о вере в Кремле⟩, перекликается также с ироничным и колким выражением, использованным Толстым в ранней редакции «Анны Карениной»: «Православно-Хомяковско-добродетельно-придворно-Жуковско-Христианское направление» (*Юб.*, т. 20, с. 371). Отражая драматизм восприятия Толстым личности Хомякова, эти высказывания, однако, не исчерпывают всех аспектов их взаимоотношений. Вспоминая о встречах с Хомяковым в 1850-х гг., Толстой в 1907 г. говорил: «Я тяготился тогда очень, что не верю ⟨...⟩, я ждал от него приведения меня к вере; очень добрый был человек» (*Маковицкий. Яснополянские записки*, кн. 2, с. 566). Сделав Хомякова героем ⟨Прений о вере в Кремле⟩, Толстой показал, что философ и богослов, ушедший из жизни в 1860 г., продолжал оставаться для него живым собеседником.

В незавершенном наброске ⟨Прения о вере в Кремле⟩ весьма силен публицистический элемент. Жанр этого произведения является переходным от художественного творчества к религиозной публицистике позднего Толстого. В.И. Срезневский, автор примечаний к ⟨Прениям о вере в Кремле⟩ в *Юб.* собр. соч., датировал написание этого отрывка началом мая 1878 г. (*Юб.*, т. 17, с. 622). Такая же датировка встречается у Н.Н. Гусева (*Летопись*, I, с. 496). Правда, в написанных чуть позже

«Материалах к биографии Л. Н. Толстого с 1870 по 1881 год» (Гусев, III, с. 457) Н.Н. Гусев высказал предположение, что (Прения...) созданы в декабре 1877 г. Однако никаких доказательств такой датировки Н.Н. Гусев не привел.

Конец 1870-х годов – период напряженного поиска Толстым ответов на вопросы о смысле жизни. В это время, предшествующее перевороту в мировоззрении писателя, предельно усиливается его интерес к религиозной проблематике. Редко выезжавший в те годы из Ясной Поляны Толстой просил своих друзей и знакомых присылать ему интересные его книги. Так, 22–23 сентября 1877 г. в письме Н.Н. Страхову (Юб., т. 62, с. 343) он просил прислать книгу «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле пострижника святой горы Афонской инока Парфения» (4 тома. М., 1855. 2-е изд. – М., 1856). В письмах от 16 марта и 17–18 апреля 1878 г. Толстой повторил свою просьбу (Юб., т. 62, с. 399–400 и 415). 5–6 мая писатель благодарил за присылку книги (Юб., т. 62, с. 419). Следовательно, получил он ее в конце апреля – начале мая 1878 г. В мае и в июне Толстой упоминал в дневнике о чтении этого четырехтомника (Юб., т. 48, с. 69–70). Данное произведение было весьма популярно среди православных верующих. Автор – старообрядец, много путешествовавший, живший в старообрядческих скитах в Карпатах, в Молдавии, затем перешедший в каноническое Православие и проповедовавший среди раскольников. Сравнение отдельных фрагментов (Прений о вере в Кремле) с книгой Парфения подтверждает, что писатель активно использовал этот источник при работе над своим произведением.

В конце апреля 1878 г. Толстой отправился в Москву с целью повидаться с оставшимися в живых декабристами, решить вопросы, связанные с изданием нового собрания сочинений, и побывать на прениях о вере в Кремле. 30 апреля 1878 г. он написал жене из Москвы: «Пишу два слова, потому что очень устал от бессонной ночи и дорогой разговоров с Цингером. (...) Собрания раскольников не было...» (Юб., т. 83, с. 252–253). Таким образом, в этот день писателю не удалось посетить прения о вере. Может быть, как полагает В.И. Срезневский (Юб., т. 17, с. 622), посещение состоялось в один из ближайших дней.

Интерес Толстого к прениям именно в эту поездку, как и чтение в мае-июне 1878 г. книги Парфения, доказывают верность принятой датировки написания этого произведения. Указанная датировка имеет также текстологическое подтверждение. В (Прениях...) Толстой пишет: «Святая была в этом году поздняя, нигде не было следов снега, деревья уже были одеты, и было так тепло, что нам было жарко даже в летних пальто». В 1878 г. Пасха праздновалась 16 апреля, и Святая неделя действительно пришлась на один из самых поздних сроков.

Форма произведения не является необычной. Как отметил Н.Н. Гусев, подобные диалоги отнюдь не новы в русской литературе (Гусев, III, с. 457). Начиная с 1850-х годов Толстому не раз приходилось отстаивать свое мировоззрение в дискуссиях. Отчасти это получило отражение в романе «Анна Каренина», где Константин Левин принимает участие

в спорах с Кознышевым и другими по политическим и религиозным вопросам. Диалоги на религиозно-философские темы широко использовались в России и другими авторами, например, В.Ф. Одоевским в «Русских ночах» (1844), Вл.С. Соловьевым в «Трех разговорах» (1899–1900), Л.П. Карсавиным в «Noctes Petropolitanae» (1922).

Дискуссии православных и раскольников по религиозным вопросам очень часто возникали в самых разных уголках России начиная со второй половины XVII в. Известно, что проведения подобных прений потребовали вожди раскола во время стрелецкого восстания 1682 г. (см. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992, т. 2, с. 237–240). О кремлевских прениях в XIX в. имеется немало свидетельств современников. Например, журнал «Душеполезное чтение» в 1869 г. писал: «С давних пор Кремлевская в Москве площадь служила местом для сходок и разговоров простого народа о предметах веры. Начало этих сходок относится ко времени патриарха Никона. Один из первых расколоучителей, положивший начало этим сходкам, был Никита Пустосвят, который в Кремле обличал Никоновы нововведения. Сходки в Кремле обыкновенно бывают по воскресным и праздничным дням и преимущественно в летнее время после вечерен» (Кремлевский слушатель. Кремлевская беседа 24 июля // Душеполезное чтение, 1869, ч. 3, октябрь, с. 30). Н. Субботин в статье «Кремлевские прения старообрядцев» подчеркивал, что особенно часто прения бывают во время Святой недели, в пасхальные дни (Современная летопись, 1866, № 13, с. 5). О прениях между старообрядцами и православными в Кремле неоднократно писала церковная и светская периодика (см. «Кремлевские беседы» (с старообрядцами) // Московские епархиальные ведомости, 1869, № 2, 4, 12, 31, 40; 1870, № 18 и 52; 1871, № 19, 23, 46; 1872, № 10 и 15; *Субботин. Кремлевские прения*).

Один из ораторов, принимавший участие в описанных Толстым прениях, является довольно колоритной личностью. Ранее попытки обнаружить прототип отца Пафнутия оказывались неудачными. Вот, например, что писал В.И. Срезневский в комментариях к ⟨Прениям...⟩: «Существовал старообрядческий епископ в Казани Пафнутий Шикин, умерший в 1890 году. Подобно изображенному в рассказе Толстого Пафнутию, он бывал за границей; он был человек умеренных взглядов и не питал непримиримой вражды к Православной Церкви; но, конечно, совершенно невозможно себе представить, чтобы он выступал публично против старообрядчества. Таким образом, нельзя установить тождество толстовского Пафнутия с действительным лицом, носившим то же имя» (*Юб.*, т. 17, с. 623).

Между тем, бывший старообрядческий епископ Пафнутий (в миру Поликарп Петрович Овчинников), родившийся в 1827 г., в свое время был довольно известной личностью. В 1858 г. он стал епископом Коломенским. В 1861–1862 гг. посетил Лондон, где встретился с А.И. Герценом, Н.П. Огаревым, М.А. Бакуниным и др. (об этой поездке см.: *Субботин Н.* Раскол как орудие враждебных России партий. М., 1867,

с.118–130 и далее; *Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999, с. 315).

В.И. Кельсиев в своей «Исповеди» подробно описал личность и характер старообрядческого епископа, отметив его незаурядный ум и склонность к логическим построениям: «Одна особенность его ума меня поражала. Он никогда не отвечал прямо, что бы вы у него ни спросили, а подходил к вопросу издали, как будто говоря о чем-то совсем другом, и только через полчаса вы замечали, что он именно то изъясняет вам, что вы хотели, и что он вам выставил все pro и contra дела, сделал им оценку и вывел из них заключение. Какая же сила ума [sic] и какие огромные диалектические способности у этого человека, не получившего никакого образования, а развившегося единственно на чтении церковных книг!!! (...) Он так изучил отцов церкви, что знал, на какой странице, на какой строке какого издания находится данный текст. В полемическом богословии он, разумеется, был непобедим при таких способностях, и не раз, рассказывал он, его противники – беспоповцы, нетовцы и раздорники – открещивались от него, полагая, что сам сатана явился разбивать их заветные верования, – так поразительна его начитанность и знакомство с писанием, давшая ему возможность обращаться тысячами к белокриницкому священству разных, не признававших его, старообрядцев» (*Кельсиев В.И.* Исповедь // Литературное наследство. М., 1941, т. 41–42, с. 299–300). Любопытно, что с Герценом Пафнутий увиделся в ноябре 1861 г., т. е. через полгода после встречи автора «Былого и дум» с Толстым.

Переход Пафнутия (как и целого ряда других старообрядцев, в частности о. Павла Прусского) в единоверие состоялся в 1865 г. После этого он часто полемизировал со старообрядцами в Кремле. Спор Пафнутия со старообрядцем был описан в 1866 г. Н. Субботиным (см. *Субботин. Кремлевские прения*, № 14, с. 11–12). Пафнутий стал известен не только как оратор, но и как автор религиозных сочинений полемического характера. В 1877 г. вышли «Записки по народным беседам иеромонаха Пафнутия» (М., 1877, 1–3 вып.), в которых получил отражение авторский опыт участия в кремлевских прениях. В третьем выпуске, имеющем подзаголовок «О полемических книгах», Пафнутий передает суть одной из дискуссий в Кремле о книгах против старообрядчества, в ходе которой затрагивались и другие вопросы, в частности, о двуперстном крестном знамении. Именно этот, третий выпуск сохранился в Яснополянской библиотеке. Толстой читал эту брошюру, на с. 12 загнут вдвое нижний уголок (См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. Книги на русском языке. М., 1975, ч. 2, М–Я, с. 95).

После перехода в единоверие Пафнутий стал иеромонахом, жил в Чудовом монастыре, в Кремле. Однако очень скоро он разочаровался в новом окружении и вновь перешел в старообрядчество. Умер Пафнутий в 1907 г.

Действительным участником подобных прений был русский богослов, крупнейший мыслитель славянофильского направления – А.С. Хо-

мяков. Историк М.П. Погодин в 1859 г. писал, что «ежегодно на Святой Неделе бывают жаркие словопрения о догматах веры и обо всех духовных предметах на паперти Успенского собора и около прочих церквей в Кремле (...) Наш знаменитый Хомяков часто в них участвовал, принес много пользы и попал было однажды в сибирку» (см. *Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина*. СПб., 1902, кн. 16, с. 487). Об участии Хомякова в прениях оставили свидетельства и другие авторы. Например, Н. Субботин писал: «Лет двадцать или двадцать пять тому назад существование старообрядческих пасхальных сходок в Кремле было открыто для общества некоторых московских ученых и литераторов. Хомяков и К. Аксаков сами хаживали в Кремль на пасхальные сходки старообрядцев и вступали в состязание с старообрядческими начетчиками. Им подражали их многочисленные почитатели, при помощи которых слухи о кремлевских словопрениях и победоносном участии в них Хомякова понемного распространились в обществе» (*Субботин. Кремлевские прения*, № 13, с. 5). Состоявшийся в 1841 г. спор А.С. Хомякова с раскольником записал, со слов одного из участников прений, немецкий путешественник А. Гакстгаузен, оставивший ценные свидетельства о жизни Николаевской России (см. *Гакстгаузен*, с. 236–240).

Трудно решить вопрос об отождествлении позиции автора с кем-либо из героев рассказа. Н.Н. Гусев предположил, что взгляды автора в прениях должен был выражать «господин в пальто», защищающий религиозное мировосприятие (*Гусев, III*, с. 458). Скорее всего, в этом есть лишь доля правды. Так, вполне близок к Толстому и тот герой, от лица которого ведется рассказ (профессор русской словесности, исповедовавший прежде материалистические взгляды и отошедший от материализма в последнее время). Близок некоторым воззрениям позднего Толстого и отстаивающий безрелигиозный гуманизм «офицер». Поскольку в 1878 г. Толстой находился в состоянии напряженного религиозного поиска, образ автора трудно отождествить с кем-либо из участников «прений».

Очевидно, что вопросы, относящиеся к особенностям богослужения, обрядам волновали Толстого не столь сильно, как вопросы о роли религии в жизни общества, о необходимости веры, о вере и науке, вере и смысле жизни. Не случайно собеседники довольно скоро переходят к обсуждению именно этих тем. Чем закончилась бы дискуссия, если бы Толстой дописал произведение до конца, судить трудно. Возможно, писатель бросил работу над ним именно потому, что сам в то время еще не пришел к каким-либо определенным ответам на возникавшие у него вопросы.

С. 140. ...на Святой неделе в Москве... – Святая неделя или Светлая седмица – первая неделя после Пасхи.

...около вечереи между соборами... – Вечерня – одна из церковных служб, совершаемая в вечерние часы. Кремлевские соборы: Архангельский, Благовещенский, Успенский. В 1866 г. Н. Субботин писал: «В настоящее время кремлевские сходки старообрядцев происходят уже не там, где прежде, не на тесной площадке между соборами, а за решеткой,

отделяющей соборы от набережной, на месте, более просторном и более удобном» (*Субботин. Кремлевские прения*, № 13, с. 5, примеч.). Ср. со свидетельством А. Гакстгаузена 1841 г.: «С давнего времени завелся в Москве оригинальный обычай: каждое утро, на Святой неделе, большие массы народа собираются в Кремле, на площади перед знаменитым Успенским собором, для религиозных разговоров» (См.: *Гакстгаузен*, с. 236).

...подчинившись во время моего студенчества и в особенности во время поездки за границу общим тогда матерьялистическим взглядам, все более и более от них освобождался ~ Я не был матерьялистом, но и не мог бы сказать, чем я собственно был. – Подобная мировоззренческая эволюция была характерна и для Толстого в 1840–1870-е годы. Ср. с текстом толстовской «Исповеди» (*Юб.*, т. 23, с. 1–59).

С. 142. *Вот и Хомяков ~ И я увидал маленького человечка в поддевке с золотой выпущенной цепочкой...* – С А.С. Хомяковым Толстой познакомился 21 мая 1856 г., о чем свидетельствует запись в его дневнике: «Обедал у Аксакова. Познакомился с Хомяковым. Остроумный человек» (*Юб.*, т. 47, с. 74). Впоследствии они неоднократно встречались в 1856–1859 гг. 4 февраля 1859 г. в Обществе любителей российской словесности Толстой произнес речь (*Юб.*, т. 5, с. 271–273) о значении художественного элемента в литературе. А.С. Хомяков выступил с ответной речью (*Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1900, т. 3, с. 418–419).

Поддевка – мужская верхняя одежда с застежкой сбоку, от плеча, со сборками по талии. А. Гакстгаузен писал, что для участия в прениях Хомяков и его товарищи одевались в народный костюм. См. *Гакстгаузен*, т. 1, с. 237.

...в чуйках, сибирках и пальто... – Чуйка – верхняя мужская одежда в виде длинного суконного кафтана. Сибирка – здесь: старинная верхняя одежда в виде короткого кафтана в талию, со сборами и стоячим воротником.

С. 142–143. *...Потому что по тем книгам служили святые отцы. А без святых отцов перемены делать в вере не положено. Отчего же собору не созвали? ~ О. Пафнутий. Собор созывали.* – Ссылка на святоотеческую традицию характерна для позиции раскольников, подчеркивавших невозможность исправления богослужебных книг. Поместные соборы Русской Православной Церкви для утверждения основных положений никонианской реформы, в частности, исправления богослужебных книг и замены двуперстного крестного знамения трехперстным, созывались в 1654–1656 и 1666–1667 гг.

С. 143. *Раскольник. Тут не опечатки, а все дело изменили...* – Патриарх Никон и его сторонники объясняли необходимость исправления богослужебных книг наличием в них опечаток. Такой же аргумент приводили в дискуссиях с раскольниками и последователи канонического православия в книге инок Парфения: «Се явная оказывается клевета и злоба на патриарха Никона! Он ничего не прибавил и не убавил, а только исправил нововшедшие в Российские книги от переводчиков и

переписчиков погрешности, и исправил верно с греческими подлинниками» (см. *Сказание о странствии*, т. 1, с. 114).

Я был в Валахии и в Австрии. Совершаются тайны обманно. Литургия совершается без антими́нса. – Ср. с текстом книги Парфения: «Ты сам знаешь, каковы наши пастыри: все они беглые, и проводят отчаянную жизнь; еще многие из них бывают и самозванцы (...). Каковы наши церкви и как их освящают? Без благословения епископского; антими́нсы многие – подложные» (*Сказание о странствии*, т. 1, с. 30).

Таинство Евхаристии – пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы – одно из главнейших таинств Церкви, совершаемое во время литургии. Антиминс – четырехугольный плат из льняной или шелковой материи, на котором изображается положение Христа во гроб; по углам помещаются изображения четырех евангелистов, а на верхней стороне вшиваются частицы мощей. Кладется на престол под Евангелие. На антими́нсе во время литургии совершается освящение Святых Даров.

Хомяков вступил здесь в спор, уже обращаясь к о. Пафнутию, и блестяще опровергал его мнение в том, что церковь зиждется внешним устройством. – А.С. Хомяков противопоставлял внешнему, формальному типу соединения верующих иной тип – основанный на соборности, цельности, внутренней полноте. Для Православной Церкви, по Хомякову, характерен второй тип. Истинная Церковь состоит, по его убеждению, из верующих, соединенных любовью, признающих Никейский символ веры и отвергающих папство и новые догматы. С богословскими сочинениями А.С. Хомякова Толстой познакомился в 1857 г., во время первого заграничного путешествия, что получило отражение в дневниковой записи: «Читал гордые и ловкие брошюры Хомякова» (*Юб.*, т. 47, с. 125). Впоследствии он обращался к ним в 1870-е годы, что получило отражение в романе «Анна Каренина». Концепция А.С. Хомякова не помогла Толстому (как и Константину Левину в романе) найти ответы на мучившие его вопросы. Впоследствии точка зрения Хомякова была подвергнута критике Толстым в трактатах «Исследование догматического богословия» (*Юб.*, т. 23, с. 220–224) и «Царство Божие внутри вас» (*Юб.*, т. 28, с. 46–47, примеч. 2)

С. 144. Один говорит – так надо креститься, другой – эдак. Один говорит – по солнцу. Ведь это одно невежество и предрассудки. Хоть никак не крестись. – В конце 1870-х годов Толстой, по воспоминаниям А.А. Толстой, «был строго православный» (*Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка*, с. 29), но впоследствии часто критиковал церковную обрядность. Подобные высказывания весьма характерны для позднего Толстого. Например, отвечая в 1910 г. на вопрос корреспондента о том, как надо креститься, он написал: «Креститься, по-моему, ни так, ни сяк совсем не надо» (*Юб.*, т. 81, с. 199).

...нужны дела, а не вера... – Как полагал Толстой, истинная вера в Бога неотделима от добрых дел. Свое толкование вопроса о соотношении веры и добрых дел Толстой изложил, в частности, в «Исследовании догматического богословия» (*Юб.*, т. 23, с. 243–244).

КНЯЗЬ ФЕДОР ЩЕТИНИН

Впервые полностью: *Юб.*, т. 17, с. 245–255; фрагмент (Третьего начала) опубликован: «Литературное наследство». М., 1935, т. 19–21, с. 684–686.

Рукописный фонд составляет 15 листов.

Печатается по автографам.

Четыре начала незавершенного произведения, главным действующим лицом которых является князь Щетинин, объединены авторским заголовком «Князь Федор Щетинин», именуемым во (Втором начале).

Первый автограф (в *Описании* рук. 1) не имеет заглавия и представляет собой семь листов небольшого формата, исписанных только с лицевой стороны, с авторской пагинацией. В этом начале командующий войсками назван князем Федором Мещериновым, а князь Щетинин зовется Семеном. Незавершенность фрагмента и характер правки указывают на то, что второго обращения к этому автографу у Толстого не было. Так, например, в тексте осталось не исправленным: «видели съезд карет, свет в окнах и звук музыки». Изменяя фразу, Толстой дважды начинал писать слово «слышали» и зачеркивал его: «[сл(ы)шали]] видели съезд карет [слы(шали)] и свет в окнах и звук музыки» (см. т. 9 второй серии). Правки в этой рукописи немного, помет на полях нет.

(Второе начало) (в *Описании* рук. 2) единственное из всех имеет заголовок. Князь Щетинин в этом начале и во всех последующих назван Федором. Командующий войсками зовется здесь князем Михайлой Острожским. Автограф занимает три листа небольшого формата, заполненные текстом с обеих сторон. Деление на части и главы указывает на обширность неосуществленного замысла. Исправлений в этой рукописи значительно больше, чем в первой, и также есть случаи не доведенной до конца правки. Завершается фрагмент двумя конспективными записями на полях, в которых намечено дальнейшее развитие сюжета. Верхнюю часть лицевой стороны третьего листа занимают восемь строк текста со слов: «кофе и взял было книгу» – до слов: «Я не могу и не хочу больше этого выносить». Толстой зачеркнул этот фрагмент, когда использовал оставшееся свободное место на обеих сторонах последнего листа для дальнейшей работы.

Третий автограф (в *Описании* рук. 3) занимает три полностью заполненных текстом листа. Командующий обозначен здесь инициалами *П.Б.* На полях лицевой стороны первого листа этого автографа Толстой сделал конспективную запись, в которой все слова либо сокращены, либо обозначены начальными буквами. Содержание этой записи становится понятным благодаря обращению к четвертой рукописи, в которой упоминаются адъютант, а также приятель князя Щетинина Носков, присутствовавшие при получении князем известия об оскорбившем его назначении. Исправлений в третьем автографе немного, в их числе – фрагмент текста с использованием математического термина в художественном повествовании. Зачеркнув недописанное окончание фразы: «Пример круг.

Мы знаем лучше всего, ребенок, простолюдин; а то, что составляет его сущность [отношен(ие) диаметра к)], – Толстой закончил ее следующим образом: «а то, что составляет его сущность, – л, невыразимо». Продолжением третьей рукописи является текст, написанный на двух сторонах последнего листа второго автографа (со слов: «Но не прежде, чем я выскажу все, что я имею сказать» – до слов: «Я все сказал, прощайте»).

Четвертый автограф (в *Описании* рук. 4) состоит из одного листа, заполненного текстом с обеих сторон. Нижнюю часть оборота листа занимают многочисленные конспективные записи. Начало фрагмента было таким же, как и в предыдущей рукописи: «Назначается: генерал-майор князь Щетинин», – но позже Толстой более мелким почерком вписал новое конспективное начало.

Последовательность публикуемых в настоящем томе начал неосуществленного замысла «Князь Федор Щетинин» определяется характерными особенностями автографов, а также записями на полях, раскрывающими движение авторской мысли. Общими отличительными чертами всех четырех автографов является их конспективное окончание, многочисленные случаи незавершенности авторской правки, а также крупный размашистый почерк. Большое количество сокращений не только в конспективных пометах на полях, но и в самом тексте затрудняет его понимание.

Пятый автограф (в *Описании* рук. 5) представляет собой краткий конспект (публикуется в т. 9 второй серии), содержание которого перекликается с отдельными записями в четвертой рукописи. Фамилия Барятинского, упоминаемая в конспекте и четвертом начале, дает основания для сближения пятой рукописи с тремя первыми автографами.

«Князь Федор Щетинин» – исторический замысел Толстого, где на основании сказанного писателем крайне затруднительно установить реальный контекст повествования. В четырех вариантах начала незавершенной повести или романа нет ни одного точного указания места и времени действия. Говорится только, что события происходят на юге России у границы, в городке, где стоят русские войска по окончании не названной автором войны. Основу сюжета во всех вариантах начала произведения составляет конфликт между героем войны генералом Щетининым и недавно прибывшим новым командующим, который несправедливо обошел Щетинина в послевоенных назначениях на командные должности. При этом названные Толстым подробности, будучи отнесенными к тому или иному событию отечественной истории, вступают в противоречие с другими упомянутыми в рукописи историческими и географическими деталями.

Начиная с публикации П.С. Поповым в 1935 г. в «Литературном наследстве» одного из фрагментов произведения, стало привычным относить время его создания к концу 1877 – первым месяцам 1878 г. Свою точку зрения Попов особенно подробно аргументировал в 1936 г. в комментарии к тексту «Князя Федора Щетинина» на страницах Юбилейного собрания сочинений Толстого (см. *Юб.*, т. 17, с. 689–692). В 1963 г. с

известной осторожностью позицию Попова поддержал также Н.Н. Гусев (См.: *Гусев*, III, с. 462–464). Составители *Описания* временем создания «Князя Федора Щетинина» называют 1879 г. (с. 247).

Главными аргументами в пользу того, что работа над «Князем Федором Щетининым» относится к рубежу 1877–1878 гг., для П.С. Попова и Н.Н. Гусева стали документальные свидетельства о появившемся у Толстого в это время интересе к начальному периоду царствования Николая I и замыслах произведения на материале николаевской эпохи. Тогда же в поле зрения Толстого оказалась русско-турецкая война 1828–1829 гг.

Заинтересованность писателя далекой по времени войной, видимо, не в последнюю очередь объяснялась современными Толстому событиями. Новая война России с Турцией, начавшаяся в апреле 1877 г., разворачивалась на том же самом театре боевых действий, что и противостояние первых лет николаевского царствования. Дунайские княжества, Бухарест, Варна, Адрианополь и главная цель многолетних устремлений России на Балканах – Константинополь снова привлекали внимание всей страны. Очевидно, личное знакомство Толстого по службе в 1854 г. в Бухаресте, под Силистрией и в Кишиневе с местами, расположенными поблизости от тех, где разворачивалась новая война, сообщало восприятию писателем современной военной хроники особенно реальный характер.

В переписке Толстого за 1877 г. содержатся самые заинтересованные, глубоко личные по тональности отклики на ход военных действий в Болгарии, а также на другом – Кавказском театре войны. 6 ноября в письме Н.Н. Страхову Толстой называл одну из причин упадка душевных сил, который в настоящее время он испытывает: «мучительная эта война» (*Юб.*, т. 62, с. 347). Одновременно с переживаниями нравственными писатель, очевидно, был угнетен также временными неудачами русского оружия под Плевной. Несколько дней спустя – 11...12 ноября в письме А.А. Фету говорится: «Слава Богу, что Карс взяли. Перестало быть совестно» (*Юб.*, т. 62, с. 349). И тогда же Толстой обращается к Страхову: «Дорогой Николай Николаевич. Пожалуйста, будьте так добры, придумайте и посоветуйте, что есть о первом времени Николая Павловича и специально о войне 28, 29 года. И что есть, купите и пришлите» (там же).

Среди купленных Страховым по просьбе Толстого и отправленных в Ясную Поляну книг были «Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов» Н. Лукьяновича (СПб., 1844–1847, ч. 1–4) и «История жизни и царствования российского императора Николая I» французского историка П. Лакруа (*Lacroix P. Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, l'empereur de Russie 1864–1875*). Возможно, Толстой получил и какие-то еще исторические сочинения, но только эти книги упоминаются в его переписке тех дней со Страховым.

Увлечение Толстого эпохой Николая I отразилось и в дневнике С.А. Толстой, отметившей 8 января 1878 г.: «Теперь Льва Николаевича заинтересовало время Николая I, а главное, Турецкая война 1829 года» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 505).

Еще одно обстоятельство, от которого отталкивался П.С. Попов, предлагая свою датировку работы Толстого над «Князем Федором Щетининым», – интерес, проявленный писателем почти одновременно с изучением материалов о Турецкой войне к личности видного государственного деятеля графа Василия Алексеевича Перовского (1794–1857) – оренбургского военного губернатора, одного из наиболее ярких людей николаевской эпохи. В 1860-е годы Перовский уже оказывался в поле зрения Толстого-художника: его записки о войне 1812 г. стали основным источником глав «Войны и мира», посвященных пребыванию Пьера Безухова во французском плену. Писателя в то время не столько привлекала личность мемуариста, сколько интересовали сообщенные им исторические подробности и положения. В первые месяцы 1878 г. Толстой увлекся именно колоритной фигурой Перовского. Поскольку тот принимал участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., не исключено, что его личность первоначально заинтересовала писателя именно в связи с изучением военных материалов.

Тем не менее первые упоминания Перовского в письмах Толстого за 1878 г. связаны не с турецкой войной, а с более поздним его губернаторством в Оренбурге. Возможно, писатель не мог определиться в выборе материала для произведения о николаевской эпохе и одновременно обдумывал несколько сюжетов. Может быть, разные сюжетные линии должны были выстроиться со временем в большое историческое полотно.

Среди лиц, близких Толстому, В.А. Перовского хорошо знала и была к нему глубоко привязана двоюродная тетка писателя и его многолетний корреспондент А.А. Толстая. В свое время она побывала в Оренбурге, где под командованием Перовского служил ее брат И.А. Толстой, а впоследствии находилась при умирающем Перовском в последние дни его жизни. 3 января 1878 г. писатель обратился к А.А. Толстой из Ясной Поляны: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время – Перовского. Теперь я привез из Москвы целую кучу матерьялов для этого. Я сам не знаю, возможно ли описывать В.А. Пер(овского) и, если бы и было возможно, стал ли бы я описывать его; но все, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично» (*Юб.*, т. 62, с. 371–372). Толстой интересовался, нельзя ли получить у родных Перовского и у самой Александры Андреевны его бумаги и письма для ознакомления. В тот же день он написал своему давнему консультанту по историческим вопросам издателю журнала «Русский архив» П.И. Бартеневу, с которым несколькими днями ранее, перед Новым годом, встречался в Москве: «Петр Иванович! Очень обяжете меня, если пришлете номера Архива, где записки Даля о Хив(инском) походе; я у себя не найду. Если что вспомните из того, о чем мы говорили, или вообще из времен Николая характерное, вспомните вашего искренне(го) приятеля Л.Толстого» (*Юб.*, т. 62, с. 366–367). Здесь идет речь о неудачном для России тяже-

лом и кровопролитном Хивинском походе 1839–1840 гг., проводившемся по инициативе Перовского и под его командованием.

О том, что Перовский интересовал его в связи с пока еще не ясным большим историческим замыслом, Толстой признавался в следующем по времени письме к своей двоюродной тетке от 27(?) января 1878 г.: «Перовского личность вы совершенно верно определяете – à grands traits (большого размаха), таким и я представляю себе; и такая фигура – одна наполняющая картину – биография его – была бы груба, но с другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характеристиками, как Жуковский даже, которого вы, кажется, хорошо знали, с другими и, главное, с декабристами, эта крупная фигура, составляющая тень (оттенок) к Ник(олаю) Па(вловичу) – самой крупной и à grands traits фигуре, выражает вполне то время. – Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время. (...) Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается и все устлавливается в торжественном покое истины и красоты...» (Юб., т. 62, с. 383–384).

В марте 1878 г. Толстой после многолетнего перерыва побывал в Петербурге. Здесь он встречался с А.А. Толстой. Тогда же писатель получил от своей родственницы письма В.А. Перовского к разным лицам, в том числе, к ней самой, и, с условием возврата, увез их для работы в Ясную Поляну. Между тем в переписке Толстого имя В.А. Перовского больше не упоминается. Почти год спустя, в январе 1879 г., Толстой, также в связи со своими творческими планами, проявил интерес уже к личности его родного брата, министра внутренних дел и министра уделов во вторую половину николаевского царствования Льва Алексеевича Перовского (1792–1856). За биографическими сведениями о нем писатель обращался вновь к А.А. Толстой.

П.С. Попов находил, что В.А. Перовский вполне мог оказаться прототипом князя Федора Щетинина. Комментаратор так обосновывал свою точку зрения: «Несомненно внешнее сходство (курчавые усы и т. п.). Перовский, как и Щетинин, был участником русско-турецкой войны. В 1828 г. он принимал участие во взятии Варны и был ранен в левую сторону груди. В том же году он произведен в генерал-майоры и получил орден Анны первой степени. Федор Щетинин в изображении Толстого – генерал-майор с золотой саблей, Владимиром с мечом и звездой; он ранен во время турецкой войны и ходит с костылем» (Юб., т. 17, с. 691). В качестве одной из вероятных Попов предлагал следующую версию происхождения фамилии героя произведения: «...возможно предположить, что Толстой трансформировал фамилию Перовского на основании ассоциации слов: *перо* – *щетина*, таким образом Перовский превратился в Щетинина (аналогично у Толстого – из “Ясная Поляна” – “Лысье горы”))» (там же). Впрочем, на своих предположениях комментатор не настаивал: «Ввиду того, что от “Федора Щетинина” мы имеем только наброски, нет достаточного материала, чтобы составить себе полную картину замысла романа в целом, также и о степени близости Щетинина Перовскому можно судить лишь условно» (там же, с. 690–691).

Даже если допустить, что «Князь Федор Щетинин» – свидетельство работы Толстого над произведением о времени Николая I, связь этого замысла с материалом русско-турецкой войны 1828–1829 гг., как, впрочем, и с интересом писателя к личности В.А. Перовского, не находит строго документального подтверждения. Изучение помет Толстого на яснополянских экземплярах книг Лукьяновича и П. Лакруа показывает, что между содержанием отмеченных Толстым фрагментов и текстом незавершенного произведения нет видимых точек соприкосновения. В истории Лукьяновича писатель выделил прежде всего подробности хода военных действий. В сочинении французского автора из трех томов, входящих в Ясной Поляне, пометы содержит лишь 1-й. Этот том, внимательно прочитанный Толстым, освещает биографию Николая I до его восшествия на престол в бытность великим князем и войну с Турцией не захватывает. Писателя, в первую очередь, интересовали здесь характер будущего государя и обстоятельства становления его личности.

Четыре существующих варианта начала «Князя Федора Щетинина» не содержат никаких определенных указаний на то, что действие происходит именно после войны 1828–1829 гг. Подробности, упомянутые Толстым, в одних случаях укладываются в эту версию, во многих других – ей противоречат. Указанная Толстым продолжительность боевых действий – 2 года (сперва было написано – 3 года), вовсе не обязательно должна относиться к русско-турецкой войне, происходившей в начале николаевского царствования. Изображение личности русского командующего, характера его отношений с подчиненными, описание города и местности, где стоят войска, особенностей послевоенного офицерского быта тоже не имеют сколько-нибудь определенной аналогии в истории войны 1828–1829 гг. Можно утверждать лишь то, что действие в каждом из начал произведения разворачивается в XIX в. и не относится к русско-турецким войнам предыдущего столетия. На это ясно указывают подробности в описании рабочего стола Щетинина («Третье начало»), слова о том, что предкам командующего князя Мещеринова «дала Екатерина 40 тысяч десятин» («Первое начало»), и некоторые другие исторические детали.

Найти аналогию с личностью В.А. Перовского в тексте «Князя Федора Щетинина» также весьма затруднительно. Будущий оренбургский военный губернатор участвовал в турецкой кампании 1828–1829 гг. на ее начальном этапе и после тяжелого ранения под Варной (за две недели до взятия крепости русскими войсками) больше на театр боевых действий не возвращался. Для психологической характеристики героя произведения Толстому были важны его отношения с женой, которую Щетинин оставил в России. Перовский никогда не был женат и, в отличие от Щетинина, пошел на войну не добровольцем, под влиянием патриотического порыва, а находясь к тому времени на службе. В момент открытия боевых действий он находился со служебным поручением на Северном Кавказе и принял деятельное участие в осаде турецкой крепости Анапа. В свою очередь, упоминание о том, что «Щетинины были

древняя фамилия» («Первое начало») также не может быть отнесено к Перовскому – одному из сыновей графа во втором поколении А.К. Разумовского от непризнанного гражданского брака.

Отмеченное П.С. Поповым портретное сходство между Перовским и Щетининым также является труднодоказуемым. Портретные характеристики, которые даются Щетинину в «Третьем начале» произведения («курчавый душистый ус», «Лицо и фигура входившего напоминали волка с его длинными голеньями, широким лбом и умными навывкате глазами»), позволяют как находить, так и отрицать внешнее сходство между ним и прижизненными изображениями Перовского, главными из которых являются известные портреты К.П. Брюллова.

Гораздо больше определенности существует в вопросе о реальном прообразе показанного Толстым начальника князя Щетинина. В различных вариантах начала произведения этот персонаж получает разные имена: князь Федор Мещеринов («Первое начало»), князь Михайла Острожский («Второе начало»), князь П.Б. («Третье начало»). В конспекте «Четвертого начала» у Толстого появляются начальные буквы фамилии Бяря(инский), хотя точно не известно, к какому именно историческому лицу, носившему эту фамилию, они могут относиться. Тем не менее, очевидное сходство персонажа произведения и подлинного исторического лица позволило П.С. Попову утверждать, что «в лице начальника Ф. Щетинина Толстой описал кн. Александра Ивановича Бярятинского (1815–1879), главнокомандующего кавказской армией» (*Юб.*, т. 17, с. 692). О намерении Толстого изобразить в лице командующего из «Князя Федора Щетинина» знаменитого покорителя Кавказа говорил также Н.Н. Гусев.

В годы своей жизни на Кавказе Толстой был представлен А.И. Бярятинскому – тогда командующему левым флангом Кавказской линии, и впоследствии еще несколько раз встречался с ним. Летом 1851 г. писатель добровольцем в составе отряда, который возглавлял Бярятинский, участвовал в походе на территорию горной Чечни. События этого похода составили сюжетную основу рассказа «Набег», а генерал, изображенный в рассказе, отдельными чертами напоминал известного русского военачальника. Это сходство, а также критический акцент в обрисовке образа, хотя и заметно сниженный в окончательной редакции по сравнению с черновиками «Набега», одно время даже вызывали у Толстого тревогу. «Меня сильно беспокоит то, – записал он в дневнике 30 апреля 1853 г., – что Б(ярятинский) узнает себя в р(ассказе) “Набег”» (*Юб.*, т. 46, с. 160).

Именно знакомство с Бярятинским стало одной из главных причин, побудивших Толстого поступить на военную службу. По этому поводу находившийся вместе с ним на Кавказе брат писателя Н.Н. Толстой сообщал ему в августе 1851 г. вскоре после состоявшегося похода: «Кн. Бярятинский очень хорошо отзывался об тебе, ты кажется ему понравился, и ему хочется тебя завербовать» (*Юб.*, т. 59, с. 116). Сам Толстой писал в это время Т.А. Ёргольской: «Многие мне советуют поступить на службу здесь и, в особенности, князь Бярятинский, которого

протекция всемогуща» (*Юб.*, т. 59, с. 115, с *фр.*). Одновременно покровительство со стороны крупного военачальника вызывало у писателя чувство неловкости в общении с ним и, вероятно, заставляло страдать его самолюбие. Известная близость сословного положения только подчеркивала служебную дистанцию, разделявшую Толстого и Бяратинского. В письме брату Сергею Николаевичу 23 декабря 1851 г. Толстой сообщал: «Знакомство это без сомнения не доставляет мне большого развлечения, потому что ты понимаешь, на какой ноге может быть знаком юнкер с Генералом» (*Юб.*, т. 59, с. 132). Личность Бяратинского в годы военной службы на Кавказе вызвала у Толстого противоречивые чувства.

Летом 1853 г. Толстой, разочарованный в возможности быстрой военной карьеры, считая себя несправедливо обойденным в наградах, написал Бяратинскому возмущенное письмо, так и оставшееся неотправленным. Нельзя исключать, что, изображая на страницах «Князя Федора Щетинина» психологические подробности конфликта между обойденным в назначении главным героем и русским командующим, Толстой до некоторой степени учитывал эти обстоятельства собственной биографии. Возможно также, что писатель попытался развить на страницах произведения в свое время так и оставшийся неразрешенным внутренний конфликт. Впоследствии А.И. Бяратинский станет одним из действующих лиц повести «Хаджи-Мурат».

На близость образа командующего из «Князя Федора Щетинина» реальному действующему лицу русской истории указывает целый ряд подробностей, которые обнаруживаются в незавершенном произведении: тесные связи генерала с сильными мира сего, его любовь к веселью и женщинам, дружески-аристократическая манера в обращении с подчиненными. Так же и Бяратинского высоко ценили при дворе: он смолоду был другом великого князя Александра Николаевича – впоследствии императора Александра II. Почти легендарным стало равнодушие Бяратинского, долгие годы остававшегося холостым, к слабому полу. Аристократическое воспитание генерала, почти всегда находившего способ влиять на окружающих в мягкой покровительственной манере, также отмечалось многими современниками.

Вместе с тем историческая фигура Бяратинского в качестве прототипа одного из действующих лиц произведения плохо соотносится с реалиями войны 1828–1829 гг. Военная карьера юного в ту пору князя началась только несколько лет спустя на Кавказе. В этой связи появляются основания отнести действие «Князя Федора Щетинина» не к русско-турецкой войне первого николаевского десятилетия, но к событиям, гораздо более близким Толстому по времени. Это может быть осень 1856 г., когда Бяратинский после довольно продолжительного отсутствия приехал в Тифлис уже в качестве исполняющего обязанности наместника царя на Кавказе и командующего расположенным здесь русским корпусом. Он заменил недавнего покорителя Карса Н.Н. Муравьева. Бяратинскому было тогда сорок два года. В вариантах (Первого начала) произведения у Толстого сперва появилось указание: 40 лет,

потом исправленное на 34 года. Хронологически события совпали с окончанием Крымской (Восточной) войны и отводом русских войск на кавказском театре боевых действий из Турции в пределы Российской империи.

Хотя это предположение, как и в случае с войной 1828–1829 гг., не вполне согласуется с показанной на страницах «Князя Федора Щетинина» исторической картиной, оно находит и некоторые серьезные подтверждения. Прежде всего, несмотря на малое сходство Тифлиса с упомянутым у Толстого южным приморским городком, это касается многочисленных подробностей послевоенной жизни, а также изображения личности командующего и всеобщего энтузиазма, вызванного его приездом.

Во (Втором начале) «Князя Федора Щетинина», где командующий назван Михайлой Острожским, передается атмосфера шумного веселья и радости жизни, установившаяся в городке по приезде к войскам нового начальника: «Острожский, молодой красавец, сильный по связям, холостяк, богач, независимый начальник края, жил царем в маленьком и прелестном южном городке, окружив себя блестящей военной самовластной роскошью, и жизнь для главных лиц войска, особенно после трудов, лишений и опасностей войны, была для молодых военных волшебной и обворожительной. Красивейшие женщины края, под разными предложениями, столпились в городке; и жизнь города была ряд гуляний, балов, музыка, обеды, все это с военным блеском, военной веселой беспечностью и военной самовластностью». Находившийся в 1856 г. при штабе царского наместника П.С. Николаев свидетельствовал: «Мы, молодежь, положительно блаженствовали; во-первых, начальством являлась рыцарская, грандиозная фигура князя Бяратинского, а затем и самая жизнь наша была так оригинальна, так мало походила на строй жизни в какой бы то ни было стране, что под этим южным небом, посреди чудной природы, душа постоянно находилась в восторженном состоянии» (Николаев П. Воспоминания о князе А.И. Бяратинском // Исторический вестник. СПб., 1885, т. XXII, декабрь, с. 620). Тот же мемуарист вспоминал об этом времени: «Широко и шумно текла жизнь в Тифлисе; привлеченные богатыми потребителями, целиком переносились туда из Парижа роскошные магазины (...). Тифлис был переполнен громкими именами, прелестными женщинами и иностранцами всех национальностей. Традиционное барство представителей туземной аристократии, их типичные лица, чуть не вчера вырвавшиеся из облаков порохового дыма, покрытые золотом и бриллиантами женщины – все это, окруженное зеленью тропических растений, под тропическим синим небом, невольно кружило голову и казалось нескончаемым, опьяняющим сном» (там же). Театрализованные увеселения, о которых заходит речь у Толстого, также упомянуты в мемуарах очевидца: «У князя Бяратинского бывали по четвергам вечера, которые хотя и оканчивались в одиннадцать часов, но проводились чрезвычайно весело и приятно. Граф Соллогуб прилагал все силы своей неистощимой фантазии, чтобы разнообразить их, и надо отдать справедливость его мастерству в этом деле; почти не было двух

четвергов сходных между собою: то составлялся концерт любителей, то ставились живые картины, и в особенности эти последние производили художественное впечатление...» (там же, с. 621–622).

Русский литератор В.А. Соллогуб в 1856 г. по приглашению Бярятинского действительно приехал вместе с ним на Кавказ. Вспоминая этот эпизод своей жизни в известных мемуарах, он не без иронии показал путешествие молодого наместника к месту назначения: «Не сатрапом, а маленьким царьком плыл Бярятинский по Волге. В каждом прибрежном городе ему устраивались торжественные встречи, он произносил речи, немножко ломался, немножко дурачился, но все это выходило кстати и привлекало к нему людей. Въезд в Тифлис тоже состоялся с особенною торжественностью, хотя и имел свою несколько смешную сторону» (Соллогуб В.А. Воспоминания. М.; Л., 1931, с. 494–495).

Соллогуба Толстой лично знал по Москве и Петербургу, а в 1866 г. тот даже заезжал к писателю в Ясную Поляну. Не исключено, что, встречаясь, они могли вспоминать Бярятинского как общего знакомого и Соллогуб поделился с Толстым какими-то воспоминаниями о Тифлисе в 1856 г. Характеристика, которую он давал кавказскому главнокомандующему на страницах мемуаров, в известной степени близка описанию князя Федора Мещеринова в (Первом начале) произведения Толстого. «Все четыре брата Бярятинские, – писал Соллогуб, – были красивы, но, разумеется, красивее и виднее всех все-таки был князь Александр. Кроме того, он имел очень тонкий и все понимающий ум, большое изящество в приемах и мягкость (когда хотел, впрочем) в обращении, редкую способность угадывать или скорее взвешивать людей и несколько поверхностную, но, тем не менее, довольно обширную начитанность» (там же, с. 492). В свою очередь, П.С. Николаев, искренне увлеченный личностью своего кавказского командира, тоже рисовал образ близкий тому, который наметился у Толстого: «Для человека, любящего блеск атрибутов власти, хотя и пустой, но заманчивый, трудно было найти положение более приятное, чем то, в котором находился князь Бярятинский в описываемую эпоху: он был молод, красив, носил громкое имя, над ним сиял ореол героя (...), у ног его с азиатским раболепством пресмыкалась пестрая, раззолоченная толпа, из приближенных царя; выше себя он не видел никого, сверстники ему завидовали, а все ниже стоящие наперерыв искали случая поступить к нему под команду. Да и прекрасная половина рода человеческого не совсем равнодушно глядела на молодого наместника, потому уже, что никогда не могла и не может оставаться равнодушной ко всякому блеску и побрякушкам» (Николаев П. Воспоминания о князе А.И. Бярятинском // Исторический вестник, СПб., 1885, т. XXII, декабрь, с. 620).

В пользу того, что Толстой, приступая к новому замыслу, до некоторой степени имел в виду события 1856 г. на Кавказе, может свидетельствовать и еще одно обстоятельство. В третьем и четвертом началах произведения в тексте приказа, который вызывает гнев Щетинина, сразу после слов о его назначении, о другом человеке сказано: «Полковник Невировский – начальником штаба при войсках 2-й армии». По окон-

чании Крымской войны начальником Кавказского отделения Генерального штаба стал ветеран боевых действий на Кавказе и участник только что завершённой кампании генерал Александр Андреевич Неверовский (1818–1864). В генералы он был произведен за успешные действия против турок в ходе последней войны. Скорее всего, в тексте Толстого отозвалось именно послевоенное назначение на должность этого подлинного лица.

Работа Толстого над «Князем Федором Щетининым», несмотря на развернутые характеристики действующих лиц, психологическую разработку характеров и положений, остановилась на начальном этапе. Материала для того, чтобы судить о дальнейших намерениях писателя, в сохранившихся фрагментах явно недостаточно. Возможно, Толстой действительно собирался показать на условном историческом фоне столкновение принадлежащих разным поколениям ярких характеров, прототипами которых послужили В.А. Перовский и А.И. Бярятинский. Но более вероятно, что на материале относительно недавнего прошлого – событий, последовавших за окончанием Крымской войны, – писатель намеревался решить какие-то иные художественные задачи. Детальная разработка исторической части повествования в том и в другом случае могла быть оставлена им на будущее.

На основании имеющихся данных уверенно связать содержание «Князя Федора Щетинина» с творческими планами Толстого рубежа 1877–1878 гг. невозможно. Среди героев незавершённого романа о петровской эпохе, который замыслился писателем в 1872–1873 и 1879 гг. появляются несколько персонажей с фамилией «Щетинин» (Цикл «Потешная война под Кожуховом»). Однако это еще не дает возможности говорить о том, что фрагменты «Князя Федора Щетинина» появились в один из этих периодов. Отнести работу над произведением к 1870-м гг. можно лишь предположительно.

С. 149. ...с золотой саблей... – Золотая сабля – офицерское наградное оружие «За храбрость» в Российской империи в XIX–XX вв. Получение золотого оружия приравнивалось к награждению орденом.

...Владимиром с мечом и звездой... – Орден Святого Равноапостольного князя Владимира существовал в России с 1782 по 1917 г. Имел форму креста. С 1855 г. на орденах за боевые заслуги размещались также два скрещенных посередине меча. У ордена было 4 степени. 1 и 2 степенями награждались высшие чиновники Российской империи. Кавалеры ордена этих степеней одновременно с крестом носили орденский знак в виде звезды.

...Георгием за взятие батареи... – Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия был высшим военным орденом Российской империи с 1769 по 1917 г. Им награждались генералы и офицеры за личную храбрость и умелое руководство войсками. Существовал также солдатский Георгиевский крест.

С. 152. ...Полковник Невировский – начальником штаба при войсках 2-й армии... – Не исключено, что в этих словах отразилось подлинное

событие: назначение в 1856 г. генерала Александра Андреевича Неве-ровского (1818–1864) начальником Кавказского отделения Генерального штаба.

С. 156. *Камергер, Барятинский...* – Возможно, имеется в виду известный дипломат, отец кавказского наместника А.И. Барятинского Иван Иванович Барятинский (1772–1825), получивший в 1801 г. придворный чин действительного камергера.

⟨РОМАН ИЗ ВРЕМЕНИ ПЕТРА I⟩

Впервые: три варианта начала и конспект в журнале «Новый мир», 1925, № 5, с. 3–23; остальные – *Юб.*, т. 17, с. 151–200, 210–215.

Рукописный фонд составляет 74 листа.

Печатается по автографу и копии (один вариант начала).

⟨Роман из времени Петра I⟩ был задуман и начат Толстым в очень сложный, кризисный период его творчества. Недоброжелательные отзывы критики о «Войне и мире», разочарование в своих собственных художественных принципах («...писать дребедени многословной вроде Войны я больше никогда не стану» – из письма А.А. Фету от 1...6 января 1871 г. – *Юб.*, т. 61, с. 247) мешали зарождению новых замыслов и создавали мучительную для Толстого творческую паузу. Хотя он и писал Н.Н. Страхову 13 сентября 1871 г.: «...я ⟨...⟩ ничего не пишу и не хочется душой писать» (там же, с. 262), С.А. Толстая свидетельствует, что он остро переживал свое бездействие: «Все это время бездействия, по-моему умственного отдыха, его очень мучило. Он говорил, что ему совестно его праздность не только передо мной, но и перед людьми и перед всеми» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 498). Творческая натура Толстого требовала постоянного приложения сил. В письме к А.А. Толстой от 15...30 декабря 1874 г. он признавался: «Я по крайней мере, что бы я ни делал, всегда убеждаюсь, что *du haut de ces pyramides 40 siècles me contemplent*¹, и что весь мир погибнет, если я остановлюсь» (*Юб.*, т. 62, с. 130).

Преодолевая кризис, Толстой направил свою творческую энергию в другое русло: он вновь, как и в свой первый отход от художественной литературы в начале 1860-х годов, обратился к проблемам народного образования. Летом 1869 г. он, по словам С.А. Толстой, «стал читать русские сказки и былины. Навел его на это чтение замысел писать и составлять книги для детского чтения для четырех возрастов, начиная с «Азбуки»» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 495–496). Писание и печатание «Азбуки» заняло время с сентября 1871 г. по ноябрь 1872 г. Выработывая в «Азбуке» новые жанры литературы для детей, пересказывая басни Эзопа, сказки, создавая маленькие рассказы с простыми сюжетами, Толстой в 1872 г. сделал попытку приложить новый стиль и к про-

---

¹ Сорок веков смотрят на меня с вершин этих пирамид (*фр.*). (Слова из речи Наполеона, обращенной к солдатам во время Египетского похода.)

изведению более масштабному. В «Кавказском пленнике» он отказался от психологического анализа, от подробностей, от длинных фраз и от философских рассуждений.

Образцы для творчества Толстой в это время искал в русском фольклоре, в древнерусской литературе («Мечтает написать из древней русской жизни. Читает Четьи-Минеи, житие святых и говорит, что это наша русская настоящая поэзия» (там же, с. 499), – записала С.А. Толстая в дневнике 27 марта 1871 г.), в древнем эпосе других народов. Много сил и времени он отдал в начале 1870-х годов изучению греческого языка, с удовольствием читал в оригинале «Илиаду» и «Одиссею» и мечтал о «произведении столь же чистом, изящном, где не было бы ничего лишнего, как вся древняя греческая литература, как греческое искусство...» (там же, с. 499).

Помимо работы над «Азбукой», Толстой предпринял практические шаги для воплощения своих педагогических идей. У себя дома в Ясной Поляне он открыл школу для крестьянских детей и преподавал в ней начиная с февраля 1872 г.

Среди всех этих далеких от занятий литературой хлопот зарождался замысел исторического романа. Определение точного времени работы над ним затруднено тем, что в 1870-е годы Толстой не вел дневник, а отдельные упоминания в его письмах и записных книжках настолько неопределенны, что допускают зачастую различные толкования. Существуют еще такие источники, как дневники С.А. Толстой, воспоминания людей из окружения Толстого, письма третьих лиц. Опираясь на совокупность этих разрозненных сведений, ученые пытались установить хронологию работы Толстого над дошедшими до нас рукописями, чтобы определить порядок расположения их при публикации.

Первая попытка была сделана в 1925 г. А.Е. Грузинский в статье «Работа Л.Н. Толстого над романом из эпохи Петра I» (См.: «Новый мир», 1925, № 5, с. 24–36) высказал свое мнение о том, когда Толстой приступил к написанию романа, о хронологии создания различных фрагментов произведения, а также проанализировал и описал подготовительные материалы Толстого к роману. По свидетельству ученого, ему удалось ознакомиться с этими материалами в Ясной Поляне еще в 1912 г. с разрешения С.А. Толстой. В том же 1925 г. А.Е. Грузинский напечатал отрывки из романа отдельной книжечкой в библиотеке «Огонька» (№ 73) под названием «Л. Толстой “Петр I”. Неизданные работы».

Т.И. Полнер напечатал по фотокопиям 18 фрагментов романа в № 12 альманаха «На чужой стороне» (1925, Прага), сопроводив публикацию статьей «Роман Л.Н. Толстого из времен Петра». Через десять лет к отрывкам из незавершенного романа обратились Б.М. Эйхенбаум и П.С. Попов, который готовил рукописи для напечатания в *Юб.* изд. Эйхенбаум в статье «Как Лев Толстой не написал романа о Петре I» («Литературный критик», 1935, № 11) сосредоточился на анализе причин постигшей Толстого неудачи при создании исторического романа. Эту тему он развил и в своей книге «Лев Толстой. Семидесятые годы», создававшейся в 1930-е годы. Статья П.С. Попова «Толстой в работе над

романом времен Петра» («Год XVIII». Альманах № 8. М., 1935) преследовала более практические цели и вырабатывала принципы и порядок публикации разрозненных отрывков. Окончательный результат изысканий ученого представлен в т. 17 *Юб.* изд., вышедшем в 1936 г.

В 1951 г. некоторые из решений П.С. Попова были оспорены Б.А. Базилевским в кандидатской диссертации «Незавершенные романы Л.Н. Толстого из эпохи Петра I и второй половины XVIII века» (М., 1951), а затем в ряде публикаций 1957–1961 гг.: «К творческой истории незавершенного романа Л.Н. Толстого из времен Петра I» (Уч. зап. Калужского гос. пед. ин-та. Вып. 4, 1957, с. 138–164), «Из наблюдений над содержанием и стилем незавершенных исторических романов Л.Н. Толстого. (Из эпохи Петра I и второй половины XVIII века)» (Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Вып. 28. Филологический. Свердловск, 1959, с. 185–220), «Петр I в представлении Л.Н. Толстого» (Л.Н. Толстой – художник. Сб. статей кафедры рус. лит. Вып. 40. Свердловск, 1961, с. 47–78). Разногласия Б.А. Базилевского с П.С. Поповым касались датировки отдельных отрывков и определения времени работы Толстого над романом в целом. По мнению Попова, Толстой обращался к роману из эпохи Петра I в 1870, 1872, 1873, 1877, 1878 и 1879 гг. Он также не исключал возможности еще двух дат – 1871 и 1880 г. Концепция Базилевского значительно сокращала время работы Толстого над романом – до пяти месяцев в первый приступ (с ноября 1872 г. по март 1873 г.) и до семи месяцев во второй (с января по май и с сентября по октябрь 1879 г.).

Точка зрения Базилевского была поддержана авторами *Описания* рукописей, а также Н.Н. Гусевым (*Гусев, III*, с. 126). Однако эта поддержка была неполной и не всегда последовательной. Авторы *Описания* рукописей заявляли, что датировка работы над романом дается по автореферату кандидатской диссертации Б.А. Базилевского (с. 235), но относили начало работы к февралю 1870 г., а не к ноябрю 1872 г. По их мнению, 25 вариантов начала были написаны до 1873 г. (с. 234). Н.Н. Гусев позднее признавал: «Правильная хронологизация рукописей, относящихся к работе над романом из эпохи Петра I в 1872–1873 гг. и в 1879 г., дана в работе Б.А. Базилевского» (*Летопись, I*, с. 403), имея в виду статью 1957 г. Он соглашался с тем, что вариант № 8¹ (В настоящем изд. – «Седьмое начало») в цикле «Переход власти от Софьи к Петру») датирован П.С. Поповым неправильно, но все же замысел романа относил к ноябрю 1870 г.

Первым свидетельством интереса Толстого к эпохе Петра I является дневниковая запись С. А. Толстой от 15 февраля 1870 г.: «Нынче утром Л. назвал меня в кабинет, когда я проходила мимо, и говорил много об русской истории и исторических лицах. Я застала его за чтением истории Петра Великого – Устрялова.

Типы Петра Великого и Меншикова очень его интересуют. О Меншикове он говорил, что чисто русский и сильный характер, только и

¹ См. *Юб.*, т. 17, с. 166–179 (в *Описании* рук. № 9).

мог быть такой из мужиков. Про Петра Великого говорил, что он был орудием своего времени, что ему самому было мучительно, но он судьбою назначен был ввести Россию в сношение с Европейским миром. В истории он ищет сюжета для драмы и записывает, что ему кажется хорошо. Сегодня он записал сюжетом историю Мировича, хотевшего освободить Иоанна Антоновича из крепости. Вчера он сказал мне, что опять перестал думать о комедии, а думает о драме, и все толкует, как много работы впереди!» (С.А. Толстая. *Дневники*, т. 1, с. 496–497).

Запись эта не дает никаких оснований предполагать, что речь идет о замысле романа. Напротив, из нее со всей очевидностью следует, что Толстой искал в истории сюжет для драмы. Однако, опираясь на следующую запись в дневнике С.А. Толстой, сделанную через девять дней – 24 февраля, П.С. Попов делал заключение о том, что за это короткое время Толстой резко изменил свои планы и начал писать роман из времени Петра I. Упомянутый в этой записи лист, исписанный «кругом» и представляющий сцену в монастыре, исследователь напрямую связывал с упомянутым выше (Седьмым началом) (в *Описании рук*. № 9), действие которого также частично происходит в монастыре. Неосновательность такого заключения убедительно показал Б.А. Базилевский, опиравшийся как на содержание записи С.А. Толстой от 24 февраля 1870 г., так и на ряд известных фактов, противоречивших заключению, сделанному П.С. Поповым. Текст записи, на которую опирался Попов, следующий: «Наконец, после долгих колебаний, сегодня Л. приступил к работе. Вчера он сказал, что когда думает серьезно, тогда ему представляется не драматическое, а опять эпическое.

На днях он был у Фета, и тот сказал ему, что драматический не его род, и, кажется, теперь мысль о драме и комедии оставлена.

Сейчас, утром, он написал своим частым почерком целый лист кругом. Действие начинается в монастыре, где большое стечение народа и лица, которые потом будут главными» (там же, с. 497).

Базилевский продолжил прерванную выписку и показал, что сцена в монастыре скорее всего относится к замыслу «Анны Карениной». В своей записи С.А. Толстая обращается к тому, что было накануне: «Вчера вечером он мне сказал, что ему представился тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и не виноватой, и что как только ему представился этот тип, так все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины. “Теперь мне все уяснилось”, – говорил он. Давно придуманный им характер из мужиков образованного человека вчера он решил сделать управляющим» (там же).

К первоначальному замыслу «Анны Карениной» относил эту запись из дневника С.А. Толстой и Н.К. Гудзий (См.: *Гудзий Н.К.* Л.Н. Толстой. М., 1949, с. 71). В окончательном тексте «Анны Карениной» нет сцены в монастыре. Но первоначальные наброски часто не попадают в окончательную редакцию, тем более что эту запись и начало работы над «Анной Карениной» разделяет не один год.

Базилевский привел также ряд других аргументов, доказывающих невозможность отнесения варианта № 8 (в настоящем изд. – 〈Седьмое начало〉 из цикла 〈Переход власти от Софьи к Петру〉) к февралю 1870 г. Так, соглашаясь с П.С. Поповым в том, что вариант № 4¹ (в настоящем изд. – 〈Четвертое начало〉 из того же цикла) написан раньше (это подтверждает анализ содержания двух отрывков), Базилевский опровергает дату написания 〈Четвертого начала〉, установленную Поповым. В конце четвертой страницы этого автографа есть несколько зачеркнутых строк, написанных рукой Толстого и представляющих собой черновой набросок его ответа на критику «Азбуки»: «Из отзывов этих, кроме того, что я вижу какое-то необъяснимое для себя озлобление, как будто у с кем-нибудь спорил, своей книгой оскорблял кого-нибудь, тогда как уж в Азбуке я надеялся быть вне партий, я вижу еще совершенно(е) бессилие литературы понять значение этой книги и потому считаю нужным против воли написать к ней теперь послеслови(е)». Эти строки расположены по отношению к тексту 〈Четвертого начала〉 романа о Петре I в перевернутом виде, чему может быть дано только одно объяснение: для работы над романом Толстой использовал лист, на котором уже был начат им ответ критикам «Азбуки». Поскольку «Азбука» вышла в начале ноября 1872 г., а ответ критикам Толстой начал писать в феврале – марте 1873 г., то и 〈Четвертое начало〉 не могло быть написано раньше этого времени.

В 〈Седьмом начале〉 Толстой использовал «Записки» А.А. Матвеева, напечатанные в книге Ф. Туманского «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» (Часть первая, 1787, с. 8–54), которые он приобрел только в начале декабря 1872 г. (Книга включена в счет книжного магазина И.Г. Соловьева от 4 декабря 1872 г., присланный Толстому – *ОР ГМТ*). Еще одним аргументом против 1870 г. для Базилевского стала передатировка записи из записной книжки Толстого в т. 48 *Юб.* изд., которая была ошибочно отнесена к 1870 г. на том основании, что в т. 17 Попов связал с этой датой «голицынские» начала романа. По содержанию эта запись, несомненно, относится к образу В.В. Голицына: «Понемногу вспоминает величие и всё тяжелое. Вспоминает и вещи. Противнее всего царевна и своя ложь» (*Юб.*, т. 48, с. 343). Перед этой записью на том же листке находятся выписки из книги И.Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.»², которую Толстой, как видно из его письма к П. Д. Голохвастову от 12 января 1873 г., только что от него получил.

В 1870 г. Толстой действительно интересовался историей России, и в частности эпохой Петра I, о чем свидетельствуют записи в его записной книжке № 4 от 2, 4 и 5 апреля 1870 г. Однако доказательств того,

¹ См. *Юб.*, т. 17, с. 159–162 (в *Описании рук.* 4).

² *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 1862; Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869.

что уже в это время у него возник замысел исторического романа или, тем более, того, что он начал его писать, нет. Летом 1870 г. Толстой не занимался литературной работой, но осень этого года прошла у него в мучительных раздумьях над новыми замыслами. 25 ноября он писал Н.Н. Страхову: «...у меня не только нет названия тому, что я буду писать (...) но и нет ничего, над чем бы я работал. Я нахожусь в мучительном состоянии сомнения, дерзких замыслов невозможного или непосильного и недоверия к себе и вместе с тем упорной внутренней работы. Может быть, это состояние предшествует периоду счастливого самоуверенного труда, подобного тому, который я недавно пережил, а может быть, я никогда больше не напишу ничего» (*Юб.*, т. 61, с. 242).

Этому письму, возможно, предшествовало письмо Толстого А.А. Фету, датированное 17 ноября 1870 г. и также содержащее свидетельство о творческих муках, связанных с предварительным этапом работы над большим произведением: «Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я *принужден* сеять. Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, очень большого, и обдумать миллионы возможных сочетаний для (того), чтобы выбрать из них 1/1 000 000, ужасно трудно. И этим я занят» (там же, с. 240). Датировка этого письма остается спорной до настоящего времени. В *Юб.* изд. это письмо отнесено к 1870 г. Впервые оно появилось в воспоминаниях Фета с неверной датой – 1864 г., которая была исправлена на 1872 г. и отнесена к работе над романом из эпохи Петра I в книге Н.Н. Гусева «Жизнь Льва Николаевича Толстого: Л.Н. Толстой в расцвете художественного гения» (Издание Толстовского музея, 1927. См. с. 148). Однако в своих последующих трудах – летописи жизни и творчества Л.Н. Толстого (см.: *Летопись*, I, с. 375) и «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год» (см. *Гусев*, III, с. 21) Гусев изменил эту дату на 1870 г. С этой датировкой не согласился Б.А. Базилевский, предложивший вернуться к 1872 г. (см.: *Базилевский. К творческой истории*, с. 146–147). Письмо начинается с фразы: «Жду я и жена вас и Марью Петровну к 20-му». По мнению Базилевского, эта фраза не могла быть написана в 1870 г., так как в конце октября жена Фета очень серьезно заболела, о чем Толстой сообщал С.С. Урусову 26 ноября. Однако С.А. Розанова выдвинула предположение, что Толстой узнал о болезни М.П. Фет после написания письма (см.: *Переписка*, т. 1, с. 406–407). Кроме того, как указывал Н.Н. Гусев (*Летопись*, I, с. 375), в письме упоминается рассказ Фета «Первый заяц»¹, напечатанный в 1871 г. в № 8 журнала «Семейные вечера» (с. 1–9) с посвящением: «Маленькому приятелю графу С.Л. Толстому». Рассказ мог быть написан в 1870 г., и даже сюжет его мог быть подсказан Толстым. Впоследствии Толстой сократил его, переработал и поместил в «Первой русской книге для чте-

¹ В *Юб.* и *Летописи* ошибочно – «Новый заяц».

ния» под названием «Как я в первый раз убил зайца. (Рассказ барина)» (*Юб.*, т. 21, с. 130–131).

Ввиду того, что аргументация Базилевского представляется Розановой небесспорной, она оставляет датировку, принятую в *Юб.* изд. Что касается приурочивания этой записи к роману из времени Петра I, то Розанова заключает: «Толстой был занят предварительной работой над замыслом романа из эпохи Петра I, к писанию которого он приступил в 1872 г.» (*Переписка*, т. 1, с. 406).

Следует признать, что аргументы в пользу и того, и другого года недостаточны и могут быть подвергнуты сомнению. Однако для творческой истории романа из времени Петра I эта датировка, возможно, и не имеет решающего значения. Во всяком случае речь в этом письме идет не о реальном воплощении замысла – создании определенного текста, а лишь об обдумывании плана. 1872 год представляется более вероятным потому, что по другим свидетельствам это уже было время начавшейся интенсивной творческой работы над романом из эпохи Петра I, тогда как в 1870 и 1871 гг. возникали и отбрасывались замыслы, не оставившие заметного следа в творчестве Толстого. Одним из них, как следует из дневниковой записи С.А. Толстой от 27 марта 1871 г. было произведение «из древней русской жизни». Все силы Толстого в это время были заняты изучением греческого языка, и только в сентябре он приступает к написанию «Азбуки».

Временем наиболее интенсивной работы Толстого над романом из эпохи Петра I все исследователи считают 1872 – начало 1873 г. Однако и применительно к этому периоду существуют большие разногласия. По мнению П.С. Попова, в 1872 г. Толстой не начал, а продолжил работу над романом, создав цикл В – «Кожуховский поход»¹ (в настоящем изд. – «Потешная война под Кожуховом»). Считая, что к работе Толстой приступил уже в январе, Попов основывается на записи в записной книжке Толстого от 18 января без указания года, которую он относит, как и предыдущую – от 15 января, к 1872 г. Запись эта касается военных учений под Кожуховом: «Гости угостили войска под Кожуховом. Лефорте Россельт II т. 213 и дал(ее). Стреляли и рани(ли)» (*Юб.*, т. 48, с. 100). Однако при публикации этих двух записей в т. 48 *Юб.* изд. дата была исправлена на 1873 г. на том основании, что двухтомный труд М. Посселя «Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit» (Bd 1–2, Fr./M., 1866) Толстой получил от Голохвастова только 12 января 1873 г. Дата 1872 г. при записи от 15 января в автографе была признана опиской, обычной в начале года. Б.А. Базилевский, присоединяясь к этой аргументации, добавляет, что если запись от 15 января была сделана и в 1872 г., это не означает, что следующая за ней запись от 18 января не могла быть сделана через год. Это ставит под сомнение возможность создания Кожуховского цикла в начале 1872 г. Базилевский добавляет и еще два довода:

¹ См. *Юб.*, т. 17, с. 180–195 (в *Описании рук.* 11–17).

«1. В вариантах цикла В (в настоящем изд. – 〈Потешная война под Кожуховом〉. – *Ред.*) имеется несколько деталей, восходящих непосредственно к “Запискам” Желябужского, на что указывает и сам П.С. Попов. Эта книга приобретена Толстым у книгопродавца Соловьева лишь 4 декабря 1872 года.

2. Почти весь 1872 год Толстой был крайне занят окончанием “Азбуки”, начатой в сентябре 1871 года и поглощавшей все время и внимание писателя» (*Базилевский. К творческой истории*, с. 151).

Признавая справедливость утверждений Базилевского, следует, однако, указать на несколько свидетельств, которые говорят, по-видимому, о возникновении замысла романа уже в начале 1872 г. Во всяком случае, так они трактуются в *Юб.* изд. 20 февраля Толстой писал Фету: «Я кончил свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочинение, которого не только в письме, но и на словах едва ли расскажу...» (*Юб.*, т. 61, с. 271). В тот же день (дата исправлена Н.Н. Гусевым в *Летописи*, I – с. 386–387; в *Юб.* – 31 марта) – А.А. Толстой: «теперь я начинаю новый, большой труд (...) Я берусь за работу с радостью, робостью и сомнениями, как и в первый раз» (*Юб.*, т. 61, с. 281). С романом из времени Петра I связывают автор примечаний в *Юб.* изд. (см.: т. 61, с. 275) и Н.Н. Гусев (см.: *Летопись*, I, с. 388) и признания Толстого в письмах к Н.Н. Страхову: «Азбука занимала и занимает меня, но не всего. Вот этот остаток-то и есть то, о чем не могу написать, а хотелось бы побеседовать» (3 марта 1872 г. *Юб.*, т. 61, с. 274). «Писать я почти не начинал да едва ли начну до зимы. Всё время и силы мои заняты Азбукой» (22 марта 1872 г., *Юб.*, т. 61, с. 278). Базилевский комментирует эти высказывания Толстого следующим образом: «Все упоминания в письмах Толстого за 1872 год о работе над романом носят, до осени этого года, характер предположений и намерений; грамматическая форма настоящего времени употребляется в этих случаях в значении будущего...» (*Базилевский. К творческой истории*, с. 152).

Действительно, нет даже полной уверенности в том, что речь идет именно о замысле романа из времени Петра I. То же можно сказать и о двух письмах Толстого Страхову от 29... 30 июля и 30 сентября 1872 г. В первом из них он писал: «Я вернулся здоровый и свежий, но начинаю слишком рано работать и хочу удержаться и не могу» (*Юб.*, т. 61, с. 304). Во втором он благодарил Страхова за помощь, оказанную в печатании «Азбуки»: «Дня не проходит, чтобы я по несколько раз не благословлял вас за то, что вы для меня делаете. Особенно теперь, когда я все эти последние дни насилу, насилу удерживал потребность начать свою настоящую работу. Теперь, благодаря вам, я могу начать и забыть про Азбуку» (там же, с. 323).

Можно определенно сказать, что к работе над романом Толстой приступил в октябре 1872 г. В письме к А.А. Толстой от конца октября он сообщал: «...в последнее время, кончив свою Азбуку, я начал писать ту большую (повесть) (я не люблю называть романом), о кот(орой) я давно мечтаю» (там же, с. 332). С. А. Толстая писала Т.А. Кузминской 28 октября 1872 г.: «Около 1-го ноября выйдет наша Азбука, Лёвочка

уже начал новый роман, и очень весел и радуется будущему своему труду» (*Юб.*, т. 17, с. 629). Однако до середины декабря нет сведений о том, что были созданы какие-то фрагменты текста. В начале ноября Толстой сообщал А.А. Фету: «Я прилаживаюсь всё писать, но не могу сказать, чтобы начал» (*Юб.*, т. 61, с. 340). Это признание хорошо увязывается со следующим, тоже в письме к Фету, от 17 ноября, которое П.С. Попов относил к 1870 г., а Б.А. Базилевский к 1872 г.: «Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно» (там же, с. 240). Ему соответствует и письмо С.А. Толстой к брату С.А. Берсу от 19 ноября 1872 г.: «Левочка сидит, обложенный кучею книг, портретов и картин и нахмуренный читает, делает отметки, записывает. По вечерам, когда дети ложатся спать, рассказывает мне свои планы и то, что он хочет писать; иногда разочаровывается, приходит в грустное отчаяние и думает, что ничего не выйдет, иногда совсем близок к тому, чтобы работать с большим увлечением; но до сих пор еще нельзя сказать, чтобы он писал, а только готовится. Выбрал он время Петра Великого...» (*Берс С. А. Воспоминания*, с. 44–45). О том же Софья Андреевна писала и сестре Т.А. Кузминской 30 ноября: «Теперь Левочка очень усердно работает над историей Петра Великого. Собирает материал, читает, пишет, ужасно трудится и хочет писать роман из этой эпохи» (*Юб.*, т. 17, с. 629).

Что именно читал Толстой в это время и из каких книг делал выписки, точно определить нельзя. Можно предположить, что это были «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева и «История царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова, поскольку известно, что Толстой уже обращался к этим сочинениям ранее – в 1870 г., когда искал сюжет для исторической драмы, и они были в его библиотеке. В записной книжке под 27 ноября 1872 г. перечислены авторы сочинений о петровской эпохе, вероятно, с намерением ознакомиться с их трудами: Голиков, Гордон, Устрялов, Пекарский, Посошков и Бантыш-Каменский (см.: *Юб.*, т. 48, с. 95). Испытывая недостаток в исторической литературе, Толстой в первых числах декабря 1872 г. отправился из Ясной Поляны в Москву и 4 декабря приобрел в книжном магазине И.Г. Соловьева, как явствует из сохранившегося счета, следующие книги:

1. Ф.О. Туманский. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Т. 1–4, 7. 1787–1788.

2. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840.

3. Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантышом-Каменским. М., 1836.

4. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России, в царствование Петра Великого, с 1721–1725 гг. Перевод с немецкого И. Аммона. 4 части. 1721–1725 гг. Изд. 2. М., 1863.

5. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. М., 1845.

6. Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого (1672–1872). Текст П. Н. Петрова и С. Н. Шубинского. СПб., 1872.

7. Современники и деятели императора Петра 1-го Великого. Исторический альбом портретов известных лиц. Составлен художником А. М. Лушевым. СПб., 1872 (ОР ГМТ).

Через два дня, 6 декабря, Толстой послал в письме к П. Д. Голохвостову список книг из тринадцати номеров с просьбой о содействии в их получении: «1) Posselt. 2) Жизнь Лефорта и Анекдоты Штелина. 3) Гордона дневник. 4) Забелин. Домашний быт русских царей и 5) Забелин. Опыт изуч(ения) русской древности. 6) Болотова. 7) Записки Щербатова. 8) Котошихин. 9) Олеариус. 10) Вебер. 11) Кабинет П(етра) В(еликого). 12) Записки Базевича. 13) Путешествие по России англичанина.

Вот сколько мне нужно, и у меня нет книг. Я и боюсь злоупотреблять вашей любезностью, да и очень мне хочется иметь эти книги. Те, которые я подчеркнул, мне особенно нужны» (Юб., т. 61, с. 341).

Б.А. Базилевский заметил, что все эти книги взяты Толстым из списка, присланного ему Н.Н. Страховым, как считалось ранее, в 1878 г. Полностью совпал порядок расположения этих 13 книг среди тридцати одной из большого списка.

«1. Акты исторические, собранные археографической экспедицией, том 5.

2. Дополнение к актам историческим, т. 10.

3. Акты, собранные в монастырях, т. 4.

4. Древняя Российская Вивлиофика, изд. Новиковым, т. 7 и 15.

5. Летописи русской литературы и древностей, изд. Тихонравовым, том 5.

6. Сборник Киреевского, вып. 8.

7. Сборник Рыбникова, т. 4.

(1) 8. *Posselt*. General und Admiral Franz Lefort's Leben, два тома.

(2) 9. *Жизнь Лефорта*, написанная каким-то женеццем в прошлом веке, и *Анекдоты о Петре*, собр. *Штелиным*; то и другое по-французски и переплетено в один том.

(3) 10. *Pat. Gordon's Tagebuch*, herausgeb. von Posselt.

11. Щебальский. Правление царевны Софии.

12. Аристов. Московские смуты при царевне Софии.

(4) 13. *Забелин*. Домашний быт русских царей и цариц.

(5) 14. *Его же*. Опыт изучения русских древностей.

(6) 15. *Записки Болотова*, три тома.

(7) 16. *Записки* кн. *Щербатова*, изд. Русск. Старины.

(8) 17. *Котошихин*, изд. Археографич. Комиссии.

(9) 18. *Олеариус*.

(10) 19. *Вебер*.

(11) 20. *Кабинет П. Великого*.

21. Донесения саксонского посланника Лефорта.

22. Донес. Цесарск. посл. Плейера.

23. Peter d. Grosse verglichen mit Karl dem Grossen.

24. Зеделера. Оборона П. В. по делу царевича.

(12) 25. *Записки Базевича*.

26. Дневник Берхгольца.

27. Записки Неплюева.

28. Петр в Париже.

(13) 29. *Путешествие по России англичанина.*

30. Екатерина I, изд. Бартенева.

31. Журнал П.В.» (*Базилевский. К творческой истории*, с.157–158).

Очевидно, что, составляя в начале декабря 1872 г. список для Голохвастова из 13 книг, Толстой пользовался более обширным списком, уже имевшимся у него. Этот список впервые был напечатан Б.Л. Модзалевским в сборнике «Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894» («Толстовский музей». Т. II. СПб., 1914, с.173–175) при письме Страхова от конца мая 1878 г. Модзалевский полагал, что список был составлен для Толстого В.В. Стасовым. Базилевский убедительно опроверг как дату составления списка, так и его авторство, предложенные Модзалевским. Оригинал списка в архиве ГМТ ему найти не удалось, хотя само письмо Страхова сохранилось. Но приведенные им аргументы в пользу передатировки и предполагаемого авторства П.Д. Голохвастова представляются достаточно вескими.

Помимо указанного выше совпадения двух списков, Базилевский привел следующие факты. В большем списке под № 14 стоит 1-я часть книги Забелина «Опыты изучения русских древностей» и в скобках сделано примечание составителя списка: «вторая еще не вышла». Вторая часть «Опытов» Забелина появилась в начале 1873 г. Следовательно, если бы список составлялся в 1878 г., это примечание не имело бы смысла. В связи с передатировкой списка меняется и предположение о его возможном авторе. Авторство Стасова ставится под сомнение, так как в 1876 г. Страхов рекомендует его в письме к Толстому от 8 мая как человека, писателю незнакомого. Если бы в 1872 г. Стасов составлял для Толстого список книг, Толстой уже был бы знаком с ним хотя бы заочно. Выдвинув предположение об авторстве Голохвастова, Базилевский подтвердил его тем, что список представляет собой не просто отвлеченную библиографическую справку, а явно ориентирован на какую-то конкретную частную библиотеку, в которой две книги под № 9 оказались переплетены в один том. Так же они фигурируют и в списке Толстого под № 2. К № 31 «Журнал Петра Великого» сделана приписка: «Один, не помню который, том, другие у Карамзина в деревне». Поскольку П.Д. Голохвастов был женат на побочной дочери А.Н. Карамзина, не раз проводил лето в его деревне и жил в Петербурге в его доме, он мог быть составителем списка книг для Толстого, тем более, что именно он много помогал в начале 1870-х годов Толстому в отыскании и доставлении нужных книг.

За присланные по его запросу книги Толстой поблагодарил Голохвастова в письме от 12 января 1873 г. Но есть свидетельства о том, что уже в декабре 1872 г. Толстой занялся углубленным изучением эпохи, которая должна была стать предметом или фоном изображения в его новом романе. 17 декабря он писал Страхову: «До сих пор не работаю. Обложился книгами о Петре I и его времени; читаю, отмечаю; порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника. На что ни взглянешь,

всё задача, загадка, разгадка котор(ой) только возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут.

Мне даже кажется, что ничего не выйдет из моих приготовлений. Слишком уж долго я примериваюсь и слишком волнуюсь. Я не огорчусь, если ничего не выйдет» (*Юб.*, т. 61, с. 349). 19 декабря С.А. Толстая писала С.А. Берсу: «Левочка все читает из времен Петра Великого исторические книги и очень интересуется. Записывает разные характеры, черты, быт народа и бояр, деятельность Петра и проч. Сам он не знает, что будет из его работы, но мне кажется, что он напишет опять подобную «Войне и миру» поэму в прозе, но из времен Петра Великого...» (*Берс С.А. Воспоминания*, с. 45). Из этих двух писем следует, что в середине декабря 1872 г. Толстой еще не приступил непосредственно к писанию, а только интенсивно собирал и обрабатывал материал. Результатом этой напряженной работы явились многочисленные выписки из книг на отдельных листах, наброски характеристик предполагаемых действующих лиц в виде своеобразной картотеки.

Б.А. Базилевский, критически пересмотревший предложенные П.С. Поповым в т. 17 *Юб.* изд. сроки написания дошедших до нас отрывков из романа, считает, что варианты № 3–9¹ (в наст. изд. – цикл «Переход власти от Софьи к Петру») и № 10–16² (в наст. изд. – цикл «Потешная война под Кожуховом») были созданы в ноябре – декабре 1872 г. и в январе – марте 1873 г. (см.: *Базилевский. К творческой истории*, с. 162). Однако первое упоминание собственно о текстах, а не о подготовительных материалах относится лишь к 31 января 1873 г., когда С.А. Толстая записала в своем дневнике: «Чтение материалов продолжается. Типы один перед другим возникают перед ним.

Написано около десяти начал, и он все недоволен. Вчера говорил: «Машина вся готова, теперь ее привести в действие»» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 500). В течение какого времени создавались эти десять начал, точно определить невозможно. Наиболее вероятными сроками представляются вторая половина декабря 1872 – январь 1873 г. Писание шло параллельно с продолжающимся сбором материалов. 12 января 1873 г. Толстой благодарил Голохвастова за полученные от него книги – «Жизнь Лефорта» Посселя и «Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.» Забелина – и в том же письме делился своими трудностями и сомнениями, сопровождавшими работу над романом: «...я всю зиму нынешнюю нахожусь в самом тяжелом, ненормальном состоянии. Мучаюсь, волнуюсь, ужасаюсь перед представляющимся, отчаиваюсь, обнадеживаюсь и склоняюсь к тому убеждению, что ничего, кроме муки, не выйдет» (*Юб.*, т. 62, с. 3).

В этот же день, 12 января, Толстой обратился с письмом к своему знакомому В. К. Истомину, жившему в Новочеркасске: «У меня к вам просьба: вы живете недалеко от Азова. Может быть, и сами бывали, а может быть, знакомые ваши. Мне нужно вид – картину того места, где

¹ См. *Юб.*, т. 17, с. 156–180 (в *Описании рук.* 3, 4, 6–10).

² См. *Юб.*, т. 17, с. 180–196 (в *Описании рук.* 11–17).

стояли войска и были военные действия при Петре. Мне нужно знать: какие берега Дона, Мертвого Донца, Кутерьмы там – где высоко, где низко. Есть ли горы, курганы? Есть ли кусты; челига или что-нибудь подобное, какие травы? Есть ли ковыль? Есть ли камыш? Какая дичь? Да и вообще течение Дона от Хопра, какой общий характер имеет, какие берега? Может быть, есть книги об этом специальные, то назовите (...). Да, нет ли чего-нибудь мне неизвестного местного об азовских походах Петра?» (там же, с. 4). Начиная с этого дня, 12 января 1873 г., в записной книжке Толстого появляется ряд записей, относящихся к роману из эпохи Петра I. К этому же времени Б.А. Базилевский приурочивает запись в черновых материалах, относящихся к так называемым «голицынским» началам (в наст. изд. – цикл «Переход власти от Софьи к Петру»), которая в *Юб.* изд. датировалась 1870 г.: «Понемногу вспоминает величие и всё тяжелое. Вспоминает и вещи. Противнее всего царевна и своя ложь» (*Юб.*, т. 48, с. 343).

Напряженную работу Толстого над историческим романом отметила 16 января 1873 г. в своей записной книжке С. А. Толстая: «Занят он теперь чтением материалов из истории времен Петра Великого. Его вдруг охватило какой-то бессознательной потребностью избрать себе умственную деятельность именно из этого времени. Как это подкралось – было даже незаметно. Он записывает в разные записные книжечки все, что может быть нужно для верного описания нравов, привычек, платья, жилья и всего, что касается обыденной жизни, особенно народа и жителей вне двора и царя. А в других местах записывает все, что приходит в голову касательно типов, движения, поэтических картин и проч. Эта работа мозаичная. Он вникает до таких подробностей, что вчера вернулся с охоты особенно рано и допытывался по разным материалам, не ошибка ли, что написано, будто высокие воротники носились при коротких кафтанах. Л. предполагает, что они носились при длинных верхних платьях, особенно у простонародья. Вечером мы читали вслух записки о свадьбах и обычаях русских времен Алексея Михайловича. Левочка очень ценит и хвалит историю Устрялова, как труд вполне добросовестный» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 500).

П.С. Попов высказал предположение, что здесь речь идет о книге А. Олеария «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах», а именно о книге III, главах VI–IX (*Юб.*, т. 17, с. 631). Однако авторы комментария к «Дневникам» С.А. Толстой считают, что это могли быть книги И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии» и «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии»¹, а также сочинение Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (см. *Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 599).

18 января Толстой сделал в записной книжке запись, касающуюся Кожуховского похода, со ссылкой на книгу Посселята «Жизнь Лефорта»

¹ Здесь идет речь о первом (ч. 1) и втором томах труда И.Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.» М., 1862, 1869.

(Юб., т. 48, с. 100). Материалов ему не хватает, и 24 января он снова обращается с просьбой к П. Д. Голохвастову: «Не успел отказаться от вашего предложения, как мне уже понадобились 3 книги. Справился с вашим предпоследним письмом – две из них там есть: Корба и Есипова раскольничьи дела. Если я вам не надоел, пришлите их, пожалуйста. Третья книга – это Кирилова статистика, о которой упоминает Устрялов. Если она есть в продаже, то, (...) когда будете у Соловьева, возьмите у него на мой счет и пришлите мне, пожалуйста. Я уже дошел в своем изучении времени до той степени (...), что начинаешь вертеться в заколдованном кругу. С разных сторон повторяют одно и то же, и знаешь откуда. Неужели только? Есть у меня еще надежда на родословные. Не знаете, нет ли чего в этом роде? В особенности Шереметевы и Апраксины. С другой стороны, я дошел до того периода, когда, начитавшись описаний того времени, всегда ложных, с пошлой европейской, героичной точки зрения, испытываешь озлобление на эту фальшь и, желая разорвать этот волшебный круг фальши, теряешь спокойствие и внимательность, которые так нужны» (Юб., т. 62, с. 5).

П. Д. Голохвастов ответил 27 января: «Я исполнил, сколько мог, Ваши поручения, граф. Книга Кирилова, – должно быть, та самая, которая Вам нужна, – нашлась у Соловьева, изд. 30-х годов, в 2-х частях in-4, переплетенный, довольно свежий, кажется, экземплярь; она стоила 15 руб. ассигн(ациями). Теперь стоит, по его словам, меньше; если руб(ля) 3 сереб(ром), то, думаю, недорого. Мои Корб и Есипов в деревне. Поэтому, чтобы не задерживать Вас напрасно, я распорядился так: Соловьеву сказал, чтобы он сам тотчас же по почте послал Вам Кирилова; а в деревню написал надежному человеку достать из моей библиотеки Корба, Есипова и Родословную книгу и отправить прямо к Вам по первой же почте. Надеюсь, что исполнят это аккуратно. Но о Родословной вот что: у меня по этой части есть только так называемая Бархатная книга, составленная при царе Феод(оре) Алексеев(иче), дополн(енная) и издан(ная) в 1787-м Новиковым. 1-я часть при мне в Москве, 2-я осталась в деревне. Апраксиных, как и очень многих других, в Бархатной книге нет. Шереметевы во 2-й ч. на стр. 124, 289, 328, 330, 403, 415, как значится в оглавлении при 1-й части.

Новой общей родосл(овной) кн(иги) – единственной, кажется, и притом очень тоже неудовлетворительной, – кн(язя) П. Долгорукова ни у меня, ни в продаже нет; частично родосл(овные) Шеремет(евых) и Апраксин(ых), не знаю, и были ли когда изданы.

Если Вам понадобится и 1-й части Барх(атной) кн(иги), то не посылаю Вам ее покамест только оттого, что посылки прочих книг в этот раз не от меня идут.

Читали ли вы Болотова? Ниоткудова, кажется, нельзя так хорошо, до самого нутра, узнать нашу прадедовскую, – правда, не совсем уже Петровскую, – Русь (...).

Из деревни пришлю Вам тогда Англичанина о России при П(етре) В(еликом), которого без меня не нашли потому, что книга эта – англий-

ская, я не читаю по-английски, – не в кабинете у меня (...), а в большой довольно домашней библиотеке...» (ОР ГМТ).

Книга И. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец Отечества, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая» (М., 1731), по-видимому, вскоре была прислана Толстому из магазина И.Г. Соловьева. Она сохранилась в яснополянской библиотеке.

Расширяя круг изучаемых материалов, а вместе с ним, очевидно, и рамки своего замысла, Толстой испытывал большие трудности в выборе основной линии повествования. 30 января он жаловался А.А. Фету: «...я ужасно не в духе. Работа затеянная – страшно трудна. Подготовки изучения нет конца, план все увеличивается, а сил, чувствую, что всё меньше и меньше» (Юб., т. 62, с. 8).

В феврале сведения о работе Толстого над новым историческим романом проникли в печать. 20 февраля в газете «Биржа» появилось сообщение, перепечатанное на следующий день в № 51 «Петербургских ведомостей»: «Нам сообщают из достоверных источников, что граф Л.Н. Толстой, автор романа “Война и мир”, занят в настоящее время собиранием исторических материалов для нового романа с широкозадуманым планом из времен императора Петра Великого. Героем романа будет державный преобразователь России. До настоящего времени более двух третей материала уже собраны, а равно и написаны первые главы романа». В этом сообщении все, кроме первой фразы, не соответствовало действительности. Сохранившиеся отрывки не позволяют судить о том, что Толстой намеревался сделать Петра главным героем романа. Точно определить, какая часть материалов собрана, не смог бы и сам писатель. И, наконец, последовательного текста, состоящего из нескольких глав, не было.

О характере продолжавшейся работы Толстого над романом существует свидетельство С.А. Толстой, которая писала 23 февраля 1873 г. С.А. Берсу: «Лёвочка всё читает и пытается писать, а иногда жалуется, что вдохновения нет, а иногда говорит, что недостаточно подготовлен, и всё больше и больше читает материалы из времен Петра Великого» (Берс С.А. *Воспоминания*, с. 45). В неуспехе своей работы Толстой признавался 1 марта Н.Н. Стрехову: «Работа моя не двигается, да и опять нашло сомнение» (Юб., т. 62, с. 12) и А.А. Толстой: «Работа моя идет дурно. Жизнь так хороша, легка и коротка, а изображение ее всегда выходит так уродливо, тяжело и длинно» (Юб., т. 62, с. 13). О том же он писал 17 марта и А.А. Фету: «Работа моя не двигается. В хорошие минуты утешаю себя тем, что это потуги, а в дурные подумываю частенько – не ветры ли?»

А хоть и ветры, я не огорчусь уж очень. Слава Богу, есть чем жить – разумеется, не в смысле денег» (там же, с. 15).

Толстой был готов отступить от задуманного исторического романа, вероятно, еще и потому что его мысли уже начал занимать роман из современной жизни – его внимание переключилось на «Анну Каренину». 19 марта С.А. Толстая записала в дневнике: «Вчера вечером Л.

мне вдруг говорит: “А я написал полтора листочка и, кажется, хорошо”. Думая, что это новая попытка писать из времен Петра Великого, я не обратила большого внимания. Но потом я узнала, что начал он писать роман из жизни частной и современной эпохи (...). Потом он перечитывал вслух мне о старине, как помещики жили и ездили по дорогам, и тут ему объяснился во многом быт дворян во времена и Петра Великого, что особенно его мучило...» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 500–501). 20 марта С.А. Толстая сообщила сестре Т.А. Кузминской: «Вчера Лёвочка вдруг начал неожиданно писать роман из современной жизни. Сюжет романа неверная жена и вся драма, происшедшая от этого. Я этому рада, ты тоже, верно, будешь рада. А все лица из времен Петра Вел(ико)го у него готовы, одеты, наряжены, посажены на своих местах, но еще не дышат. Я это ему вчера сказала, и он согласился, что правда. Может быть, и они еще задвигаются и начнут жить, но еще не теперь» (*ОР ГМТ*).

25 марта 1873 г. Толстой писал Н.Н. Страхову о своем историческом романе уже как о деле прошлом: «Всё почти рабочее время нынешней зимы я занимался Петром, т.е. вызывал духов из того времени...». Направление интересов Толстого резко изменилось за неделю до написания этого письма под влиянием чтения прозы Пушкина. Отрывок «Гости съезжались на дачу...» навел его на мысль о новом романе, который, по словам писателя, «ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год» (*Юб.*, т. 62, с. 16). Больше сведений о работе Толстого над романом из эпохи Петра I в 1873 г. нет. С.А. Берс писал в своих воспоминаниях: «Летом 1873 года Лев Николаевич прекратил изучение этой эпохи» (*Берс С.А. Воспоминания*, с. 45), считая, что на этом занятия Толстого эпохой Петра вообще закончились.

Таким образом, время, когда работа Толстого над романом из времени Петра I надолго прервалась, можно установить с большой точностью. Но определить с такой же точностью, что к этому времени было написано, не представляется возможным. В записной книжке № 2 Толстого есть записи, имеющие отношение к петровской теме (27 ноября 1872 г. – январь – февраль 1873 г. *Юб.*, т. 48, с. 95–103). Но характер записей редко позволяет приурочить их к определенному этапу работы или тексту. Здесь присутствуют фамилии авторов, книги которых Толстой намеревался использовать в работе (список от 27 ноября 1872 г., а также Олеарий, Posselt, Корб, Устрялов, Пекарский, Бюрнет, Гюисен, Erman, Alex. Gordon, Адлерфельд, Забелин, Вольтер, Долгоруков, Попов, Carlson). Тут же появляются имена и фамилии более или менее известных исторических лиц, которые могли стать персонажами романа: Щепотев, «Меньшиков» (через запятую после этой фамилии почему-то – «Наполеон»), Лефорт («Выписал Лефорт племянника» – *Юб.*, т. 48, с. 98), Щетинин, Ф.М. Апраксин), Голицыны Федор и Иван («У Голицына два брата, Федор и Иван» – *Юб.*, т. 48, с. 101), бабка царя Петра Анна Леонтьевна («Анна Леонтьевна, бабка Петра» – там же), П. Апраксин) («П. Апраксин) 98 воевода в Новгороде» – там же), В. Голицын и его сын Алексей («У В. Голицына сын Алексей» – там же), Ромодановский), Чер-

касский («Корб поручает Москву и Гордону и Ромод(ановскому) и Черкасскому» – *Юб.*, т. 48, с. 102).

При некоторых из фамилий – вопросы, которые Толстой наметил для себя выяснить: «О Иване Алексеиче Щ(епотева), его личность?», «Голицын Б.А., его дети?», «Как звали Марфу М(атвеевну), не Марья ли?», «Что Шереметев?», «Какая его жена?», «Портреты. Тро(е)кур(ова), Прозоровского, Черкасского, Стрешнева», «Шереметева родство», «Портреты Возницына и Украинцева и их биограф(ии)» (*Юб.*, т. 48, с. 102–103). Одновременно с этим появляются конспективные выписки из книги А. Олеария: «*Верхом женщины в вуалях. Олеарий*»; «Ол(еарий). Князь в деревне как мужик»; «Олеар(ий). 297 стр. Филип о вере», и отсюда же – без указания источника: «За продажу вина и табаку кнутом женщину и мужчину», «Мясники – палачи», «Образа везде и крестятся», «Все музыки запрещены», «У патриарха только шелковая рубашка». Здесь же содержатся сведения о боярыне Ф. П. Морозовой, почерпнутые из книги И.Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.» (Т. II, «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.») без указания источника: «И тайно обмывает прокаженных». «По темницам ходила». Появляются характеристика Петра I, заготовки бытовых деталей, многочисленные описания одежды, конной сбруи, обычаев, минисюжеты: «Жена в отсутствии прижила ребенка, ушла в монастырь»; «Выкормила грудью племянника», «Как Савелий Иваныч оделся нищим посмотр(еть) невесту», «Щетинина в монастырь раненного».

В тех фрагментах, что создавались в конце 1872 – начале 1873 г., прямого отражения эти записи не нашли. А упоминание Азова в записи от 12 января 1873 г. и многократно встречающиеся имена Апраксиных явно относятся к циклу вариантов под условным названием «Азовские походы». По мнению и П.С. Попова, и Б.А. Базилевского этот цикл создавался Толстым во время второго приступа к роману в конце 1870-х годов. Авторы же *Описания* считают, что к 1873 г. уже были написаны 25 вариантов, то есть не только цикл «Азовские походы», но и цикл «Разгар Великой Северной войны» (в наст. изд. – «Северная война»), что вполне вероятно и чему не противоречит рассмотренная выше записная книжка № 2.

После длительного перерыва Толстой вернулся к замыслу романа из петровской эпохи в конце 1870-х годов. В 1878 г. мысли Толстого были заняты более поздней эпохой, интерес к которой у него возник в конце предшествующего 1877 г. Он задумывает произведение из времен русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и принимается за изучение литературы о царствовании Николая I. Вскоре Толстой оставляет этот замысел ради «Декабристов», которым посвящает весь 1878 г. Возвращение к замыслу романа на материале русской истории конца XVII–XVIII вв. произошло в начале 1879 г. А.А. Фет, посетивший больного Толстого в середине января, писал Н.Н. Страхову, что застал его, «заваленного всякого рода источниками того времени» (*ЛН*, т. 103, с. 265).

В первые месяцы 1879 г. Толстой работал одновременно над разными замыслами исторических романов. 28 февраля...1 марта 1879 г. он

писал Н.Н. Страхову: «Все пухну замыслами» (*Юб.*, т. 62, с. 474). А за месяц до этого, 1...3 февраля, – брату С.Н. Толстому: «Я всё читаю историческое и много прекрасного...» (*Юб.*, т. 62, с. 470). Несомненно, что в это время не только шел сбор материала, но и делались попытки писать новое произведение, хотя Толстой неоднократно заявлял тогда, что ничего не пишет. В письме к Н.Н. Страхову 13–14 февраля 1879 г.: «...работаю очень много и страстно, хотя ничего не пишу» (там же, с. 471). А.А. Толстой 2...3 марта: «Я ничего не пишу, хотя и много тружусь» (там же, с. 475). 25 марта Н.Н. Страхову: «Работаю много и радостно, но без всякого заметного следа работы вне себя» (там же, с. 475–476). В тот же день А.А. Фету: «...я делаю что-то такое, что не оставляет никаких следов вне меня» (там же, с. 478). 16...17 апреля Страхову: «У нас прекрасная весна, и я, ничего не делав всю зиму, всё мечтаю, противно прежним годам, хоть что бы нибудь сделать летом (...). Вы говорите “кипит работа”. Во-первых, и не желал бы, чтоб кипела. Я уже это пережил; желал бы для провозждения времени что-нибудь тихо, равномерно записывать. Но всё нейдет. Всё читаю и всё хочу сделать то, что не велит Прудков – обнять необъятное» (там же, с. 482). Однако авторские даты на двух вариантах начал (15 января 1879 г. – на отрывке «Терентий Николаев», относящемся к замыслу «Труждающиеся и обремененные», и 16 февраля 1879 г. – на одном из вариантов романа «Сто лет»), а также тесно связанные с ними по содержанию другие отрывки опровергают утверждения Толстого о том, что в это время он ничего не писал.

За первые месяцы 1879 г. (предположительно это январь – март) были написаны все сохранившиеся варианты начал произведения, которое печатается в настоящем томе под условным названием «Труждающиеся и обремененные». Работа над этим романом должна была прекратиться, когда Толстой потерял надежду узнать что-либо определенное о В.Н. Горчакове, который должен был стать его главным действующим лицом. С начала 1879 г. Толстой работал еще над одним историческим романом – «Сто лет». В поисках материалов о заинтересовавших его исторических лицах – обер-фискале А.Я. Нестерове, отце и сыне П.А. и И.П. Толстых Толстой обратился в несколько архивов и заказал копии судебных дел, но во второй половине мая 1879 г. остановил работу И.Н. Николева, руководившего по его поручению копированием архивных материалов. Однако, получив 17 сентября разрешение ознакомиться с секретными делами из архива Министерства юстиции, Толстой заказал Николеву копии дел из секретного архива Преображенского приказа. Выписки были сделаны из дел 1690-х и 1700-х годов, и только одно из них относилось к 1721 г. По-видимому, материалы предназначались уже не для романа «Сто лет», действие которого начиналось в 1723 г., а для продолжения романа из времени Петра I.

В делах Преображенского приказа Толстого интересовали прежде всего случаи, характеризующие отрицательное отношение народа к Петру: ругательства в его адрес, осуждение его нововведений, высказывания о том, что он антихрист. Например, дело 1700 г. «об Усманском солдате Ганке Шмуйллове – о непристойных его словах про великого

государя»; дело 1701 г.: «о споре про государя и непристойные слова»; «о воровстве и непристойных словах Евтюшки Никонова – де великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич проклят, потому что он в Московском государстве завел чулки и башмаки»; дело 1702 г. «о битье кнутом и урезании языка келейнику Осипу Захарову за рассказ его о том, как во сне пришед стар человек с бороδοю говорил ему, Осипу: “государя-де в Москве нет, а который государь на Москве и есть, и это-де не государь, антихрист”». В 1703 г. умер от пыток Евтифий Шишкин, на которого было заведено дело за «непристойные слова, сказанные им про государя». Шишкин укорял Петра в том, что он «свою землю разорил и выпустошил» наборами и податями, что он живет с немцами и «думы думает с ними». Было дело об агитации против брадобрития. Часть присланных дел касалась раскола.

Очевидно возрождение интереса Толстого к личности Петра I и его преобразованиям. Когда он окончательно оставил замысел романа о декабристах, А.А. Толстая с сожалением писала ему 23 апреля 1879 г.: «Признаюсь вам со стыдом, что Петр Великий интересуется меня гораздо меньше. Не смею сказать, что этот сюжет уже избит – потому что вы, конечно, сделаете из него что-нибудь новое, но я никогда не долезала до этого величия по женской своей глупости, и меня останавливали на полудороге все возмутительные факты этого времени, с которыми не могу примириться. Ум сознает, но душа отворачивается» (*Л.Н.Толстой и А.А.Толстая. Переписка*, с. 387–388). Ответ Толстого знаменателен: «Вы говорите: время Петра не интересно, жестоко. Какое бы оно ни было, в нем начало всего. Распутывая моток, я невольно дошел до Петрова времени, – в нем конец» (*Юб.*, т. 61, с. 291).

«Распутывать моток» Толстой начал с 1820-х годов, обратившись к теме декабристов. В 1830-х годах должно было заканчиваться действие романа «Сто лет», в котором писатель хотел проследить пути развития русской жизни на примере судеб людей из разных сословий. Идя от начала XIX века к началу века XVIII, он понял, что без уяснения всей сути петровской эпохи нельзя понять дальнейший ход русской жизни. Поэтому осенью 1879 г. он возвращается к роману о Петре I и решает рассмотреть не только само петровское время, как было в 1872–1873 гг., но и его истоки. Действие варианта под названием «Стрельцы» начинается 17 марта 1629 г., в день рождения отца Петра, Алексея Михайловича. Действие другого варианта начала, не имеющего названия, – в день смерти царя Федора Алексеевича, старшего брата Петра. Меняется и характер повествования. История царской семьи представлена с точки зрения человека из народа. Хотя называются точные даты, многие события излагаются по слухам и оцениваются с изрядной долей предвзятости. Рассказчик откровенно симпатизирует детям Алексея Михайловича от первого брака с Марией Ильиничной Милославской и неприязненно относится к матери Петра Наталье Нарышкиной, ставя под сомнение не только чистоту ее собственного происхождения, но и законнорожденность Петра, зачатого якобы до брака. Наталья Кирилловна представлена злобной интриганкой, отравительницей царя и его сыновей,

из которых двое – Семен и наследник престола Алексей умерли, а Федор и Иван потеряли здоровье. Так молодая царица, по логике рассказа, расчищала дорогу к престолу своему малолетнему сыну Петру.

Определить точное время написания этих начал невозможно. Но конец лета и первые два месяца осени 1879 г. представляются вполне вероятными. Помимо того, что к этому времени относится возобновление интереса Толстого к личности Петра I и оценкам деятельности царя в народе (знакомство с секретными делами Преображенского приказа), веским аргументом в пользу этого срока является стилизация повествования под народную речь. Причем, как справедливо отметил П.С. Попов, «тон в отношении царской семьи, который был взят Толстым» (*Юб.*, т. 17, с. 639), соответствует тону речей, зафиксированных в секретных делах Преображенского приказа, заведенных по поводу оскорбления царя. Там, в частности, содержались такие высказывания о Петре: «Государя-де на Москве нет, он-де государь в Склянишном царстве крутитца, да из-под Азова-де он, государь, приехав к Москве и не ездя вверх, проехал в Немецкую слободу для блудного дела»; «Какой-де он государь, он-де не государь – немчин, государь-де ездил в Стекольное (Стокгольм) и попал там в неволю; и ныне-де он, государь, в неволе в Стекольном, а вместо-де его к Москве прислан немчин»; «разорил свое государство и живет с немкою, и как я захочу, так и бога переворочу; какой он государь, людей перевел» (*Юб.*, т. 17, с. 639) и т. п.

Предположение Н.Н. Гусева о том, что эти начала были написаны зимой 1879 г., не представляется убедительным (см.: *Гусев, III*, с. 543–546). В январе – феврале Толстой был занят романом «Труждающиеся и обремененные» и вплоть до мая увлеченно искал сведения о В.Н. Горчакове; затем пытался осуществить замысел романа «Сто лет» и в поисках героя для этого произведения обращался то к личности обер-фискала Нестерова, то к своим предкам Толстым.

В октябре 1879 г. Толстой продолжал собирать материалы для исторического романа, но в его письме Н.Н. Страхову от 4 октября уже сквозит сомнение в необходимости этой работы: «Ваши доводы, что надо писать, недостаточны. Надо прежде решить, что сообщение моих чувств и мыслей есть благо. А кто это решит?» (*Юб.*, т. 62, с. 499). Назревает конфликт писателя с Православной Церковью, и его интересы смещаются в сторону религиозно-философской полемики. 21 октября С.А. Толстая сообщала сестре, что Лев Николаевич пишет «об Евангелии и о божественном вообще» (*ОР ГМТ*). В последние два месяца 1879 г. Толстой, вероятно, работал над статьями «Церковь и государство», «Что можно и чего нельзя делать христианину», «Чьи мы?». 22...23 ноября он сообщал Страхову: «Я очень занят, очень взволнован своей работой. Работа не художественная и не для печати» (*Юб.*, т. 62, с. 504). Больше к роману из петровской эпохи Толстой не возвращался. 18 декабря 1879 г. С.А. Толстая записала в дневнике о новых занятиях мужа: «...Пишет о религии (...). Декабристы и вся деятельность в прежнем духе совсем отодвинута назад» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 506).

Причины, по которым Толстой оставил замысел романа из петровской эпохи, интересовали многих исследователей его творчества. Одни видели их в неприятии личности Петра, другие – в отрицательном отношении к петровским преобразованиям, проводившимся жестокими антинародными методами, третьи – в столкновении исторического материала и самой логики исторического развития с историко-философской концепцией писателя, нашедшей отражение в «Войне и мире» и получившей дальнейшее развитие в ходе работы над историческими романами из эпохи XVIII в. Сам Толстой не оставил прямых письменных свидетельств на этот счет. Известны лишь его отдельные высказывания в передаче других лиц. Первым по времени опубликования было обширное рассуждение, приведенное в воспоминаниях С.А. Берса и приуроченное им к лету 1873 г., когда Толстой, как полагал мемуарист, окончательно прекратил изучение петровской эпохи. «Он говорил, – писал Берс о Толстом, – что мнение его о личности Петра I диаметрально противоположно общему, и вся эпоха эта сделалась ему несимпатичной. Он утверждал, что личность и деятельность Петра I не только не заключали в себе ничего великого, а напротив того, все качества его были дурные. Все так называемые реформы его отнюдь не преследовали государственной пользы, а клонились к личным его выгодам. Вследствие нерасположения к нему сословия бояр за его нововведения он основал город Петербург только для того, чтоб удалиться и быть свободнее в своей безнравственной жизни. Сословие бояр имело тогда большое значение и, следовательно, было для него опасно. Нововведения и реформы почерпались из Саксонии, где законы были самые жестокие того времени, а свобода нравов процветала в высшей степени, что особенно нравилось Петру I. Этим объяснял Лев Николаевич и дружбу Петра I с курфюрстом Саксонским, принадлежавшим к самым безнравственным личностям из числа коронованных особ того времени. Близость с пирожником Меншиковым и беглым швейцарцем Лефортом он объяснял презрительным отвращением к Петру I всех бояр, среди которых он не мог найти себе друзей и товарищей для разгульной жизни. Но более всего он возмущался гибелью царевича Алексея.

Было ли что-либо написано Львом Николаевичем из этой эпохи, мне неизвестно» (*Берс С. А. Воспоминания*, с. 45–46).

Достоверность этого свидетельства подверг сомнению П.С. Попов, который считал, что оно не соответствует взглядам Толстого на личность и деятельность Петра I в начале 1870-х годов. Оправдание жестких методов Петра прозвучало и в письме Толстого к В.Г. Черткову от 7 ноября 1884 г.: «...я одно время писал о Петре I-м, и одно у меня было хорошо. Это объяснение характера Петра и всех его злодейств тем, что он постоянно был страстно занят – корабли, точить, путешествовать, писать указы и т.д.» (*Юб.*, т. 85, с. 114). Страсть Петра к столярному делу и к постройке кораблей Толстой описал в двух отрывках – в «Седьмом начале» из цикла «Переход власти от Софьи к Петру» и в «Третьем начале» из цикла «Азовские походы».

Точку зрения Берса разделяли П.И. Бирюков, В.И. Срезневский, А.Е. Грузинский, Н.Н. Гусев, Б.М. Эйхенбаум. Последний утверждал: «...поворот в отношении к Петру был главной причиной того, что в марте 1873 г. работа остановилась (...). Изменилась концепция, окончательно отпали все прежние наброски, – нужно было начинать заново» (*Эйхенбаум Б.М.* Нев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1974, с. 109).

Толстой позднее признавался: «Из петровской эпохи я не мог написать, потому что она слишком отдалена от нас, и я нашел, что мне трудно проникнуть в души тогдашних людей, до того они не похожи на нас» (1883 г., свидетельство Г.А. Русанова – Толстовский ежегодник, 1912, с. 63). Из подготовительных материалов к роману и записной книжки № 2 1872–1873 гг. видно, как тщательно Толстой собирал подробности быта, обычаев, одежды в России XVII–XVIII вв. Он делал также выписки о важных исторических событиях – военных кампаниях, народных восстаниях, движении раскольников. О раскольниках, как о рядовых, так и об известных исторических личностях (Никите Пустосвяте, протопопе Аввакуме, боярыне Морозовой, братьях Денисьевых), было сделано много выписок. С расколом Толстой пытался связать второй бунт стрельцов, но у него было больше вопросов, чем ответов. Невозможность точно представить себе роль и место раскола в петровской эпохе также могла стать одной из причин отказа Толстого от продолжения работы над романом. По свидетельству историка Е.В. Барсова, Толстой как-то в 1878 или 1879 г. сказал ему: «Я пока остановился писать “Петра”: ничего раскола не понимаю» (со слов Барсова записано В.А. Гиляровским. См.: *Гиляровский Вл.* Москва и москвичи. М., 1959, с. 332).

Основным конфликтом романа должно было быть столкновение старого и нового. Толстой дал название «Старое и новое» двум отрывкам из разных циклов и искал умного героя, который мог бы противостоять Петру.

«Нужен чистый враг нововведений.

– Ученый» (*Юб.*, т. 17, с. 407) – записал он в материалах к роману. Но такого человека среди современников Петра он, видимо, не нашел.

Вероятно, причину того, что Толстой оставил замысел романа, надо искать не столько в его изменившемся взгляде на Петра I или в столкновении его историко-философской концепции с материалом истории, сколько в том, что Толстой не нашел центрального героя или героев, чья судьба могла стать стержнем сюжета, который связал бы воедино все затронутые им области русской жизни XVII–XVIII вв.

Сохранившиеся варианты начала романа из времени Петра I в количестве 26 (в т. 17 *Юб.* изд. помещены 25) не могут быть напечатаны, как это обычно принято, в хронологическом порядке их создания, так как они не поддаются точной датировке. Так, из письма С.А. Толстой известно, что к 31 января 1873 г. у Толстого было написано около 10 начал. Но какие это были начала, неизвестно. В других случаях можно только утверждать, до какого или после какого времени создан отрыв-

вок, как в случае с черновиком ответа Толстого критикам «Азбуки», на листе с текстом которого написано (Четвертое начало) из цикла (Переход власти от Софьи к Петру), или с фразой «Все смешалось в царской семье» из (Пятого начала) того же цикла, почти буквально повторенной в «Анне Карениной». При этом принятый в *Юб.* изд. принцип расположения по хронологии описываемых событий оказывается единственно возможным, хотя при этом приходится печатать первым цикл под условным названием (Стрельцы) (в *Юб.* – цикл (Семья Алексея Михайловича и происхождение Петра I)), о котором известно, что он написан позже других. Остается проблема порядка размещения отрывков внутри каждого цикла.

Все сохранившиеся варианты начала романа по тематике и времени действия отчетливо делятся на несколько циклов, которые были в 1925 г. частично определены А.Е. Грузинским, – а потом в 1936 г. дополнены и уточнены П.С. Поповым при публикации в т. 17 *Юб.* изд. Там же они получили условные названия. Это циклы: А. (Семья Алексея Михайловича и происхождение Петра I); Б. (Переход власти от Софьи к Петру (1689 г.)); В. (Кожуховский поход); Г. («Азовские походы»); Д. (Разгар Великой Северной войны). Там же все отрывки были пронумерованы.

Цикл под условным названием (Переход власти от Софьи к Петру) состоит из семи текстов. Главным героем четырех первых и последнего из них является князь Василий Васильевич Голицын, в течение двенадцати лет бывший фактическим правителем России, сначала при царе Федоре Алексеевиче, а потом при царевне Софье, царствовавшей от имени больного царя Ивана. Действие первых четырех отрывков, так называемых «голицынских» начал, происходит в переломный момент в судьбе Голицына, когда власть его закачалась и стала ускользать из рук. Подросший младший царь Петр, избранный на царство вместе с Иваном, предъявил права на престол. Во всех четырех началах в связи с ситуацией противостояния двух сил возникает образ терез, весов для взвешивания зерна. Князь Голицын выжидал, чья сила возьмет верх, и неожиданно оказался на слабой стороне. Его положение характеризует второй сквозной образ – образ соломки, или соломинки, выбившейся из-под крыши и качаемой ветром. Варианты начала значительно разнятся по величине. Самое короткое из них – (Первое начало) (в *Описании* рук. 7), самое длинное – (Четвертое начало) (в *Описании* рук. 4). Поскольку содержание отрывков в общих чертах одинаково (пребывание Голицына в подмосковном имении Медведково, бездействие, обдумывание создавшегося политического положения, мучительные поиски его причин), можно предположить, что развитие замысла шло от более коротких начал к более длинным. Порядок расположения отрывков в т. 9 настоящего изд. отличается от порядка в *Юб.* изд. Сначала были написаны варианты, которые в *Юб.* изд. представлены под № 5 и № 6 (в наст. изд. – соответственно (Второе) и (Первое) начала; в *Описании* рук. 6 и 7), а потом варианты № 3 и № 4 (в наст. изд. – (Третье) и (Четвертое) начала; в *Описании* рук. 3 и 4). Подтверждением этому может отчасти служить развитие образа весов. Варианты № 5 и 6 начинаются с

образа весов, но они ни разу не названы терезами. Название «тереза» появляется ближе к концу варианта № 3. Вариант № 4 начинается с фразы: «Как на терезах твердо, – не двинется – сидит на земле положенная гиря...». «Тереза» встречаются и в более позднем (Седьмом начале) (в *Юб.* изд. – № 8; в *Описании* рук. 9). Образ весов не получает развития в самом коротком (Шестом начале). Во (Втором начале) он упоминается дважды, но только в (Четвертом начале) он занимает центральное место в размышлениях Голицына: «Он боролся и прежде не раз; но теперь на другой стороне он видел новую силу, он видел, что невидимая сила спустила весы и с его стороны тяжести перекатывались на другую»; «...руку судьбы обозначают толпы не думающих по-своему. Они сыплются на одну сторону весов тысячами, тьмами...»; «Перекачались весы на нашу сторону, (...) и мало было плахи для извергов»; «Князь Василий знал все это, но, хитрый старик, он не дотрогивался до весов...»

Определяя порядок расположения отрывков, следует также установить местоположение относительно друг друга (Первого) и (Второго) начал – с одной стороны, (Третьего) и (Четвертого) начал – с другой. В случае с (Третьим) и (Четвертым) началами вопрос решается просто. Первая фраза (Третьего начала) была целиком перенесена в (Четвертое начало). Потом в (Четвертом начале) она была зачеркнута, и замена вписана на полях. Сначала Толстой написал: «Как твердо [сидевшая] сидит на земле мешок», – затем взял первую фразу из (Второго начала), отредактировав ее. Во (Втором начале) было: «Как твердо – не двинется – сидит [положе(нная)] на земле лоток весов, на который положена гиря...» В (Четвертом начале): «Как на терезах твердо – не двинется – сидит [полн(ая)] на земле [полна н(асыпана)] положенная гиря...» Продолжение вписанной фразы хотя и не буквально повторяет текст (Второго начала), но близко ему. Во (Втором начале): «...когда на другую сторону весов сыплют зерно в насыпку и как вдруг от одной лишней пригоршни зерен вдруг дернется гиря и медленно поднимается, покачиваясь, и повиснет, бессильная, туда и сюда мотаясь от прикосновения пальца ребенка, так точно...» В (Четвертом начале): «...и так же сидит, пока на другой лоток в насыпку зерно сыплют работники, и вдруг от горсти зерна поднимается и колыхается без силы от пальца ребенка, так точно...» Сопоставление текстов показывает, что и (Третье начало) (в *Юб.* изд. № 3), и (Второе начало) (в *Юб.* изд. № 5) написаны раньше (Четвертого начала) (в *Юб.* изд. № 4). (Четвертое начало) не только самое большое из четырех «голицынских» начал, но и самое структурно организованное. В (Третьем начале) римской цифрой обозначена первая глава, но второй не последовало. (Четвертое начало) состоит из двух глав.

Сложнее обстоит дело с определением порядка написания отрывков, опубликованных в *Юб.* изд. под № 5 и № 6 (в наст. изд. – соответственно (Второе) и (Первое) начала). Они очень близки по содержанию. Оба начинаются с образа весов, а заканчиваются приездом неожиданного гостя. Покачнувшаяся сила Голицына сравнивается с соломинкой: «Все знали, что сила князя Василия кончилась и что он, как соломинка,

выбившаяся из крыши, вот-вот упадет и занесется ветром в погибель...» ((Второе начало)); «...поднялась эта сила и повисла беспомощная, как соломинка, выбившаяся из-под крыши и качающаяся ветром» ((Первое начало)). Место действия – подмосковное село Медведково. Общество Голицына разделяет только «карлик Суслик» ((Второе начало)), «старый карла», «Суслик» ((Первое начало)). Голицын «ждал сына, накануне уехавшего в Москву» ((Первое начало)), «И то, что сын его поехал в Москву проведать дела, тревожило его» ((Второе начало)). Оба отрывка содержат описание отдельных черт внешности Голицына: длинные пальцы, «хмурое, бритое в подбородке, молодежавое лицо», «длинные ноги», «сырые с длинными пальцами и синими, как червяки, жилами руки» ((Первое начало)), характерный жест: «открыв книгу, смотрел в нее и длинными пальцами водил, ощупывая, по острым краям переплета» ((Второе начало)), «руки потирали края стола, как бы ощупывая острый край» ((Первое начало)). Во (Втором начале) больше подробностей: упоминаются второй Крымский поход, отъезд Петра в Троицу (в (Первом начале) это упоминание было зачеркнуто), стрелецкая смута, затеянная Шакловитым и Софьей. Члены семьи Голицына в (Первом начале) только названы: «жена, дети, невестка и внучата». Во (Втором начале) о них сообщаются какие-то подробности: «Он оставался один с своей семьей: с женой, не простившей его за его сношения с Софьей, с брюхатой, больной, слабой невесткой, с двумя малыми детьми, с толпой челядинцев, которые что ни день, то бежали от него, и с любимым старшим сыном, боярином Алексей Васильичем». Об этом сыне сказано особенно подробно. В двух отрывках по-разному обозначен срок политического влияния Голицына: «10 лет и больше» ((Второе начало)), 12 лет ((Первое начало)).

Первоначальное (до правки) почти дословное совпадение первой фразы отрывка № 6 (по Юб. изд.) и начала первой фразы отрывка № 5 (по Юб. изд.) могло бы пролить свет на порядок написания отрывков и свидетельствовать в пользу первенства отрывка № 5 (в наст. изд. – (Второе начало)).

Во (Втором начале): «Как твердо – не двинется – сидит [положе(енная)] на земле лоток весов, на который положена гиря [и], когда на другую сторону весов сыплют зерно в насыпку...»

В (Первом начале): «[Как] Твердо – не двинется сидит на земле [лоток весов, на котором лежит гиря, и вдруг] гиря на одной стороне весов, пока сыплют зерно на другую сторону».

Но, во-первых, невозможно определить, когда появилось и когда было зачеркнуто в (Первом начале) слово «Как», вписанное над строкой в уже готовую первую фразу. С этого слова начинается отрывок (Второе начало). Правка первой фразы в (Первом начале) могла быть осуществлена позднее написания всего отрывка, при повторном обращении Толстого к тексту (Второго начала). В первой фразе этого начала есть слово «лоток», в (Первом начале) это слово было воспроизведено при переписке, но потом зачеркнуто. Первая фраза (Второго начала) вбирает в себя несколько начальных фраз (Первого начала). О более раннем создании

отрывка, представленного в настоящем издании как ⟨Первое начало⟩, свидетельствует почерк, гораздо более мелкий, чем в других отрывках цикла. В ⟨Четвертом⟩, ⟨Втором⟩, ⟨Пятом⟩, ⟨Седьмом⟩ и ⟨Шестом⟩ началах почерк одинаково крупный и размашистый. И только почерк ⟨Третьего начала⟩ занимает промежуточное положение в этом отношении – он мельче, чем в других отрывках, но крупнее, чем в ⟨Первом начале⟩. В связи с резким отличием почерка возникает вопрос: не было ли ⟨Первое начало⟩ значительно отделено по времени от других отрывков цикла?

Почерк в ⟨Первом начале⟩ соответствует почерку, которым Толстой в разные годы делал вставки и проводил правку в рукописях, написанных крупным размашистым почерком. Так, в отрывке «Стрельцы», относительно которого доказано, что он создан в 1879 г., первоначальный текст написан размашистым почерком, а правка (значительная) проведена мелким, более аккуратным почерком.

Оставляя вопрос о порядке создания отрывков № 5 (в наст. изд. – ⟨Второго начала⟩) и № 6 (в наст. изд. – ⟨Первого начала⟩) не до конца решенным, считаем правильным поместить отрывок № 6 первым, так как развитие замысла, несомненно, шло от более простого к более сложному.

Первые четыре отрывка цикла ⟨Переход власти от Софьи к Петру⟩ вполне могли открывать работу над романом. Взят один из ключевых моментов истории России – приход к власти царя-преобразователя. В центре повествования – конфликт между двумя мощными враждебными силами. Представитель одной из них, главный герой первых четырех начал, а также ⟨Шестого начала⟩ (в *Описании* рук. 10), князь В.В. Голицын, фактический правитель России при Федоре Алексеевиче и царевне Софье, – крупная историческая фигура. Его судьба давала возможность постановки не только социально-политических проблем того времени, но и проблем общечеловеческих, что всегда было важно для Толстого. Живя в своем подмосковном селе Медведково, Голицын ждал, что те, на чьей он стороне, победят и его влияние вернется. «Он ждал, но сам знал, что ждет того, что не может случиться. Он ждал, как ждет человек перед умирающим близким. Он ждет, чтоб свершилось то, что быть должно, но, чтоб были силы ждать, утешает себя надеждой» (⟨Четвертое начало⟩). «Но, как это бывает с человеком в несчастии, он возвращался к своему прошедшему и искал в нем того, в чем упрекнуть себя, и, как у всякого человека, особенно правителя, – было много дел, за которые и церковь, и суд, и молва могли осудить его (...) он не замечал этих дел» (⟨Четвертое начало⟩).

Отрывки № 7, № 8, № 9 (в наст. изд. соответственно – ⟨Пятое⟩, ⟨Седьмое⟩, ⟨Шестое⟩ начала) продолжают действие, начатое в первых четырех отрывках. Главным героем ⟨Пятого начала⟩ выступает двоюродный брат В.В. Голицына Борис Алексеевич Голицын, приближенный к Петру. Его тоже одолевают тяжелые думы, связанные с бременем власти, наложенным на него обстоятельствами: ему приходится многое решать за Петра. В трех последних отрывках действие переносится в Троице-Сергиеву лавру. По содержанию они являются продолжением «голицынских» на-

чал, в которых упоминалось и об отъезде Петра в Троицу, и о неудачной попытке Софьи примириться с Петром, и об аресте Шакловитого. Борис Голицын упоминается в ⟨Четвертом начале⟩. ⟨Первое⟩ и ⟨Второе⟩ начала заканчиваются приездом к В.В. Голицыну в Медведково неожиданного гостя. В ⟨Первом начале⟩ сказано, что князь Василий его узнал, но читатель остается в неведении о том, кто это. Из ⟨Седьмого начала⟩ (в *Описании* рук. 9) становится известно, что по поручению князя Бориса Голицына к В.В. Голицыну ездил брат царицы Марфы Матвеевны, ближний стольник царя Петра Андрей Апраксин. Ему удалось уговорить В.В. Голицына самому приехать в Троице-Сергиеву лавру, пока его не привезли насильно. Таким образом, становится ясен смысл записи на полях в ⟨Четвертом начале⟩: «А. Апраксин. Едет к Троице». В ⟨Шестом начале⟩ (в *Описании* рук. 10) к Троице приезжает В.В. Голицын с сыном.

⟨Седьмое начало⟩ насыщено событиями и изобилует действующими лицами. Оно и по объему значительно больше других – автограф занимает 22 страницы. Если первые пять отрывков были своеобразной экспозицией, то в двух последних идет развитие сюжета. При этом ⟨Седьмое начало⟩ сюжетно связано с предыдущими отрывками. Как и в ⟨Третьем начале⟩, в нем говорится о переезде Петра в Троице-Сергиевскую лавру, упоминаются семь лет правления Софьи и В.В. Голицына, повторяется образ терез и весов. В ⟨Третьем начале⟩ коротко говорилось об аресте Шакловитого: «Шакловитого взяли стрельцы, заковали и к Троице свезли, как заводчика-вора». В ⟨Седьмом начале⟩ аресту и допросу Шакловитого посвящен большой эпизод. В конце этого эпизода к Борису Голицыну приезжает «молодой человек в стольничьем дорожном платье». Этот персонаж, Андрей Апраксин, связывает ⟨Седьмое начало⟩ с ⟨Первым⟩ и ⟨Вторым⟩ началами, где говорится о приезде к В.В. Голицыну в Медведково неназванного гостя. В ⟨Седьмом начале⟩ получил разработку намеченный в ⟨Пятом начале⟩ сюжет соперничества двоюродных братьев Голицыных – Василия и Бориса.

⟨Третье⟩, ⟨Четвертое⟩ и ⟨Пятое⟩ начала цикла ⟨Переход власти от Софьи к Петру⟩ написаны на бумаге фабрики Гончарова, ⟨Шестое⟩ и ⟨Седьмое⟩ начала – фабрики Говарда. В двух случаях фабрика не определена. Во ⟨Втором начале⟩ это бумага низкого качества. Во всех отрывках чернила черные.

Самое короткое (всего одна страница) ⟨Первое начало⟩ содержит довольно большую правку, особенно в первой трети листа. Большая часть правки осуществлена не по ходу писания, а позднее. В отличие от него во ⟨Втором начале⟩, состоящем из двух с половиной страниц, правки значительно меньше и произведена она в основном по ходу писания. Почерк крупнее, чем в ⟨Первом начале⟩. Есть вставка на полях, написанная более мелким почерком. Автограф ⟨Третьего начала⟩ состоит из четырех страниц. На стр. 1 и 4 есть надписи на полях, имеющие характер конспекта. Позднейшая правка отсутствует. Правка по ходу писания немногочисленна и в основном состоит из зачеркиваний. Автограф ⟨Четвертого начала⟩, состоящий из шести страниц с четвертью, написан крупным почерком. Правка в нем немногочисленная и сделана по ходу писания. Позднейшая правка сосредоточена в начале первой страницы:

«к(н^{язь}) В(асилий) В(асильевич) Г(олицын) чувствовал себя первым человеком в царстве» / «он правил царством»,
«после шести лет силы при царе Федоре» / «Шесть лет при царе Федоре»,
«так после 12 лет» / «И вдруг после 12 лет»,
«вдруг князь В(асилий) В(асильевич) почувствовал» / «вдруг он почувствовал»,
«что нет больше в ней силы» / «что он не правит больше царством, что он никому не нужен, что [он] и сила, и власть, и чины его ничего не значат».

Многочисленные надписи содержатся на полях 5-й и 6-й страниц (Четвертого начала). В них дан конспект дальнейшего развития действия. Часть его (отъезд Голицына к Троице, прибытие, пытка Обросима Петрова, отношения между братьями Голицыными – Василием Васильевичем и Борисом Алексеевичем) воплощена в (Шестом) и (Седьмом) началах. Другая часть («Другой день». «Казнь». «Ссылка». «Гладкий в деревне». «Щетинин») не нашла воплощения. Седьмая страница (Четвертого начала) явно написана позднее. Почерк очень мелкий, похож на вставку на полях на стр. 6 того же автографа, а также на вставку на стр. 1 во (Втором начале) о князе Б. Голицыне и Нарышкиных, которые отвезли Петра к Троице; есть сходство и со вставкой на стр. 3 (Седьмого начала) – тоже о Нарышкиных и Б. Голицыне, которые «мутят народ». Возможно, все эти записи были сделаны в одно время, когда Толстой вернулся к написанному, внося правку. По характеру текст на стр. 7 (Четвертого начала) похож на продолжение конспекта.

В самом начале (Пятого начала) (в *Описании* рук. 8) зачеркнут абзац, с которого должен был начинаться отрывок из другого цикла, вероятнее всего – (Потешная война под Кожуховом): «Хоть коротка августовская ночь, а и ту не спала старушка Щетинина княгиня». Отрывок состоит из трех страниц, написанных крупным почерком. По ходу писания проведена небольшая правка. Самый значительный случай – после слов: «Так он сказал и» – зачеркнуто: «кровь налилась ему в лицо и шею, и глаза наполнились слезами»; вместо зачеркнутого написано: «[опять] вспомнил все свои мерзости...» Последующая правка также незначительна: «и откачнуться от всей суеты житейской» дополнено словами «к 50 годам»; к словам: «да нельзя было оставить» – прибавлено: «а другого никого не было»; «чтобы женился царевич» исправлено на «чтобы женился, возмужал царь»; «надел широкий кафтан» последовательно исправлено: «надев кафтан на широкие плечи», затем – «вздев кафтан на широкие плечи».

(Седьмое начало) не является сплошным текстом. Оно состоит из семи частей, каждая из которых отделена от предыдущей чертой. В них есть повторы. Так, условно говоря, в 1-й части было сказано о допросе Шакловитого: «Стрельцов этих допрашивали все утро, а после полдней привезли Стрелецкого приказа окольного Федора Леонтьевича Шакловитого (...). Его поутру допрашивали без пытки, а теперь, в самые вечерни, повели на воловий монастырский двор, где за три дня мона-

стырские плотники тесали и устанавливали новую дыбу для пытки». Во 2-й части: «Бояре допрашивали все утро окольного Шакловитого в хоромах, после обеда приказали свести его на монастырский воловий двор, в подклеть монастырских воловщиков, где был устроен застенок» (до правки было: «была устроена пытка»).

Несмотря на то, что ⟨Седьмое начало⟩ делится на несколько частей, все они, несомненно, написаны подряд, в одно время. Об этом говорит как единство почерка, так и то, что, начиная новую часть, Толстой не брал другой лист бумаги.

Текст содержит два вида правки: одна была осуществлена непосредственно по ходу писания, другая сделана позднее более мелким почерком и более темными чернилами. Характер правки второго типа имеют надписи на полях. Примеры первого вида правки:

1. «с тех пор как [царь] молодой царь»;

2. «В Лавре был царь Петр Алексеич с матерью царицей». Слова: «с матерью царицей» вписаны над строкой, но сделано это сразу, о чем говорит следующая фраза: «при них был ближний боярин...»;

3. «7 сентября к вечерне ударил...» Первоначально было «7 августа», зачеркнутое как явная описка и тут же тем же почерком над зачеркнутым написано «сентября»;

4. Фраза: «Бояре допрашивали все утро...» – первоначально начиналась так: «Действительно в то самое время, как монахи шли к вечерне, бояре допрашивали...»

Позднейшей правки значительно меньше. Здесь присутствуют стилистические исправления, например:

1. «как ждет хозяин, глядя на стрелку, скоро ли она остановится» («она» вписано над строкой);

2. «пошевевливается стрелка и покачивается коромысло» («и покачивается коромысло» вписано над строкой);

3. «Хозяин кинул гири на одну сторону, и на другую посыпалось зерно» / «Хозяин кинул гири на лоток, и посыпалось зерно».

В то же время Толстой вносил в написанное смысловые уточнения:

1. «так теперь остановились на мгновение весы русского народа» / «так теперь стоял народ [и] смотрел и ждал»;

2. «весы правительства русского народа» / «весы русского народа»;

3. Большая вставка на полях со слов: «Сначала были слухи» – до слов: «то царь Петр приказывал сделать напротив и грозил». После вставки: «В начале сентября весы выровняло, и вдруг началась работа» / «В начале сентября началась работа».

Среди более поздней правки нередко присутствуют фактические уточнения сказанного или сокращения показавшихся Толстому ненужными подробностей и определений:

1. «Так весь август 1689 года» («1689 года» вписано над строкой);

2. «гибко кланяясь в пояс» / «кланяясь в пояс»;

3. «две лавки с суконными полавочниками» / «две лавки с полавочниками»;

4. «руки его, оттопыренные локтями назад, с веревочными, обшитыми войлоком петлями, за которые держал палач, имели странное положение» / «руки его, оттопыренные локтями назад, имели странное положение»;

5. «Все красивое, мужественное тело его» / «Все тело его»;

6. «с мелко кудрявыми волосами» / «с кудрявыми волосами».

На оборотной стороне л. 2 содержатся конспективные записи, относящиеся к В.В. Голицыну: «Не узнает никого. Забывают все, живут сами по себе. Заплакал, когда промок. Жена нарочно дразнит о Софье и плачет. Голиц(ын) *орет*». Записи эти также, по-видимому, сделаны позднее.

Две другие надписи на полях этой страницы относятся к первоначальной правке. Одна из них представляет собой вставку в текст: «и в ясном осеннем воздухе тихого вечера звонко раздался благовест. Но, кроме звона колокола и слов молитвы, слышались другие звуки...» Ниже теми же чернилами конспект: «Б. А. в нервн(ом) напряжении. Андрюша. – Был слух, что едет Голицын». Б.А. – Борис Алексеевич Голицын, Андрюша – Андрей Апраксин, уговоривший В.В. Голицына ехать в Лавру.

На л. 4 после зачеркнутого фрагмента замена вписана гораздо более мелким почерком, как будто ее надо было непременно поместить на этой странице. А дальше текст на л. 4 об. написан опять крупным почерком.

На л. 5 вычеркнута часть портрета Льва Кирилыча Нарышкина, касающаяся его одежды: «Лев Кирилыч был моложе всех, и, несмотря на то, что на нем [была] был простой азиям черного сукна, накинутый на плечи, он [казался] был виднее всех». Это вычеркивание не повлекло за собой никакой правки. В сцене пытки Шакловитого на л. 5 об. большая вставка на полях о споре бояр. Начало ее вписано на свободной половине строки после многоточия: «Бояре заспорили. Одни». Продолжение фразы написано на полях: «хотели еще пытать его – Нарышкин и Ромодановский, другие настаивали на то(м), чтоб дать ему есть (...) Шакловитый смотрел с завистью на кричащих бояр. Голицын пересилил». На л. 6 об. большая вставка на полях в конце страницы, сделанная по ходу писания. Она касается Обросима Петрова: «Ясно было, что всегда и во всем на службе он был передовым человеком (...) он решил, что спасения нет, и отдался».

При создании цикла «Переход власти от Софьи к Петру» Толстой опирался на историю Петра Великого Н.Г. Устрялова, которую он очень ценил и изучал еще до возникновения у него конкретного замысла романа из времени Петра I, а также на «Записки» А.А. Матвеева, напечатанные в составе книги Ф. Туманского «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого». Ситуация, лежащая в основе всех «голицынских» начал, может быть описана одной цитатой из Устрялова: «...князь Василий Васильевич, невзирая на убеждение двоюродного брата своего, князя Бориса Алексеевича (...), не хотел ехать в Лавру и не трогался из подмосковного села своего Медведкова. Он, кажется,

всё еще надеялся, что Софья восторжествует» (*Устрялов*, т. II, с. 79–80). У И.А. Желябужского описан неудачный поход В.В. Голицына в 1687 г. «под Перекоп» полковым воеводой. Еще подробнее о нем рассказывает А.А. Матвеев. Татары, «на войну не вышедши, в степях зажгли траву» (*Туманский*, ч. 1, с. 199), и русское войско, задыхаясь от дыма и теряя от бескормицы лошадей, должно было отступить. Толстой использовал эту подробность в тексте *Третьего начала*.

Неудача Второго Крымского похода Голицына у Толстого становится причиной открытого конфликта между Софьей и Петром. Петр возмущен тем, что Голицын «в походе понапрасну погубил много казны и народа», а Софья «велела раздавать походным людям большие награды». Из истории России С.М. Соловьева Толстой сделал выписку о наградах, которые В.В. Голицын получил от царевны Софьи за этот поход: «Награды: кубки – кафтан атласный на соболях» (*Юб.*, т. 17, с. 411–412). Образ Голицына у Толстого строится во многом с опорой на «Записки» Матвеева. У Толстого Голицын «был и хитер и разумен, но пришло время, и почуял он, что конец его царству» (*Третье начало*). У А. Матвеева: «В те же часы с умною предосторожностью рассмотря он боярин князь Голицын, самое крепкое стороны его, государя царя Петра Алексеевича и впредь прочное основание и будущей державы его величества; и насупротив того по всем бывшим тогда и явно видимым от стороны царевниной зело противным делам непрочно есть, себе же из того предвидя впредь весьма слабую надежду, под видом политическим уже приготавливал себе путь, как бы от того бедственного ему угрожаемого упадка какими случаи безбедно удалиться...» (*Туманский*, ч. 1, с. 198).

Упомянутая в *Четвертом начале* среди неправедных дел Голицына казнь гетмана Украины Ивана Самойловича, участника крымского похода, не подтверждается «Записками» Матвеева. Самойлович был сослан в Сибирь.

Бегство Петра к Троице, отъезд туда его сторонников, неудавшаяся попытка Софьи прибегнуть к помощи патриарха и встретиться с братом, арест Шакловитого и его сообщников стрельцов – все эти события, только упомянутые в «голицынских» началах, подробно освещены в «Записках» Матвеева. Согласно Матвееву изложен эпизод с Шакловитым в *Седьмом начале*.

Сюжет *Шестого начала* также построен на материале «Записок» Матвеева. Источником этого начала мог быть также и «Дневник» Гордона.

У Желябужского Толстой мог заимствовать сведения, использованные им в *Седьмом начале* в сцене перепалки дяди царя, Нарышкина, с Борисом Голицыным, просящим Петра «пустить к руке» его двоюродного брата В.В. Голицына, приехавшего наконец в Лавру.

Приступая к созданию романа из далекого прошлого, Толстой должен был найти подходящий тон и форму повествования. Первые из созданных вариантов произведения наглядно отражают поиски писателя в этом направлении. В двух первых началах цикла *Переход власти от Софьи к Петру* идет объективное повествование от автора. В следую-

щем за ними (Третьем начале) Толстой пробует стилизованное повествование от лица простонародного рассказчика. Просторечные слова и выражения («животы покладали», «кабы не мы», «братишку-то мого», «заступа», «проныра», «служить до упаду», «я готов на всяк час», «с Петрова дни», «покориться сходнее», «притулиться», «случилось»), фольклорные образы и обороты («мачеха злая, змея подколодная»; «задушу с медвежонком медведицу злую»; «поднять не поднимет, своротить не своротит») включены в ритмизированный текст, в котором гекзаметр чередуется с анапестом.

Пример гекзаметра:

«Если ж Иван Алексеич по Божьему гневу убогий

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17».

В этой фразе, кроме проставленных под строкой номеров слогов, Толстой над строкой обозначил также ударные и безударные слоги.

Примеры анапеста:

«Приходили к нему от царевны послы, говорили ему неподобные речи»;

«Как у барки навесит купец тереза на подставки».

На полях последней страницы карандашом рукой неизвестного написана строка из «Метаморфоз» Овидия на латинском языке с обозначением долготы слогов.

Опыт стилизованного ритмизированного повествования не получил продолжения ни в вариантах цикла (Переход власти от Софьи к Петру), ни в других циклах. В (Четвертом начале) Толстой вернулся к объективному повествованию от автора, но более сложному, чем в (Первом) и (Втором) началах, с несобственно прямой речью, элементами психологического анализа, историческими экскурсами, философскими рассуждениями. Нейтральное повествование от автора присуще и другим отрывкам цикла (Переход власти от Софьи к Петру).

Хронологические рамки создания цикла (Переход власти от Софьи к Петру) – декабрь 1872 г. – март 1873 г. В число десяти начал, о которых упоминала С.А. Толстая 31 января 1873 г., не могли входить (Четвертое начало) (один лист которого написан на черновике ответа критикам «Азбуки» и в связи с этим может быть датирован февралем – мартом 1873 г.), (Седьмое начало), которое написано после (Четвертого начала), а также предположительно (Шестое начало), сюжетно связанное с (Седьмым началом). У (Пятого начала) может быть более или менее точно установлена только временная граница, после которой цикл едва ли был написан, – 19 марта 1873 г. – начало работы Толстого над романом «Анна Каренина», первая фраза которого («Все смешалось в доме Облонских») слишком явно перекликается с фразой из (Пятого начала) («Все смешалось в царской семье»), что исключает их использование сразу в двух произведениях. Таким образом, в число 10 отрывков могли войти (Первое), (Второе) и (Третье) начала (в Юб. изд. – № 3,

№ 5, № 6). Остальные из упомянутых С.А. Толстой отрывков должны были принадлежать к другому или другим циклам, начатым в это же время. Это могли быть «Потешная война под Кожуховом» и «Азовские походы».

О том, что Толстой мог в январе 1873 г. работать над циклом «Потешная война под Кожуховом», говорит запись в записной книжке от 18 января (без года): «Гости угостили войска под Кожуховом. Лефорт Posselt II т. 213 и дал(ее). Стреляли и рани(ли)» (*Юб.*, т. 48, с. 100). Год устанавливается на основании того, что двухтомный труд М. Поссельта «Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit» Толстой получил от Голохвастова 12 января 1873 г. Кроме того, заимствование некоторых деталей в вариантах этого цикла из «Записок» Желябужского, приобретенных Толстым у книгопродавца Соловьева 4 декабря 1872 г., также указывает на конец 1872 – начало 1873 г.

Цикл «Потешная война под Кожуховом» состоит из восьми вариантов начал, тесно связанных между собой по содержанию, за исключением последнего из них «Восьмого начала». Действие в семи отрывках либо прямо относится к осени 1694 г., когда Петр I проводил вблизи Москвы у села Кожухово масштабные военные учения, либо предваряет это событие. Главными историческими источниками для Толстого в этом случае служили «История царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова и «Дневные записки» И.А. Желябужского. Последовательность создания входящих в цикл отрывков была убедительно обоснована в т. 17 *Юб.* изд. Вместе с тем название «Кожуховский поход», данное циклу составителями собрания, не вполне соответствует смыслу описанного в нем исторического события. Правильнее называть этот цикл «Потешная война под Кожуховом».

Основные действующие лица «Кожуховского» цикла носят фамилии известных в конце XVII в. дворянских родов: Щетининых, Ерлоковых, Хованских, Хрущевых. Заметно выделяется фигура старшего князя Щетинина, который появляется в шести фрагментах. Однако ни один из таких персонажей не имеет вполне определенного исторического прототипа. Развитие замысла Толстого обнаруживает попытку поместить в центр повествования собирательный образ дворянина, связанного с традиционным жизненным укладом России. Хотя на протяжении цикла неоднократно упоминаются деятели русской истории: царь Петр I, Ф. Лефорт, И.И. Бутурлин, Ф.Ю. Ромодановский, – внимание писателя, по сравнению с циклом «Переход власти от Софьи к Петру», главным образом, привлекает отражение исторического события в частной жизни людей того времени.

«Первое начало» «Кожуховского» цикла (в *Описании* – лист 10 в «Материалах к роману времен Петра I», с. 245) рассказывает о судьбе бояр Ерлоковых, сосланных в свои вотчины под Каширой после падения кн. В.В. Голицына и перехода власти от царевны Софьи к царю Петру. «Второе начало» (в *Описании* рук. 11) посвящено краткому изложению основных исторических происшествий, связанных с потешной

войной под Кожуховом. На протяжении ⟨Третьего⟩ – ⟨Шестого⟩ начал (в *Описании* соответственно – рук. 12–15) речь идет о событиях, происходивших в день, когда войска после нескольких недель участия в маневрах получили «роздых». Эти фрагменты представляют собой несколько подступов к рассказу о несчастье с сыном князя Щетинина, которое произошло в день приостановки потешной войны. Что это было за несчастье, кратко сказано только в первом из них: младший Щетинин ранил, вступившись за отца, дьячьего сына Щепотева и был за это арестован. ⟨Седьмое начало⟩ (в *Описании* рук. 16), где присутствует развернутая картина шествия войск в Кожухово через Москву и кратко сказано о самих маневрах, заканчивается фразой о наступившем дне отдыха и тоже, вероятно, должно было служить вступлением к описанию происшествий этого дня. Особое место в цикле занимает ⟨Восьмое начало⟩ (в *Описании* рук. 17), никак не связанное с историческими событиями. В нем идет речь о времени уборки урожая в деревне. К «Кожуховскому» циклу его позволяет отнести упоминание старого князя Щетинина, носящего одно имя с героем других фрагментов цикла – Иван Лукич. Цикл обладает большим внутренним единством. Все его части могут рассматриваться как последовательные попытки начать повествование на материале одного и того же исторического события с участием примерно одного круга действующих лиц.

Первый и самый короткий фрагмент цикла занимает около 1/3 лицевой стороны большого листа бумаги фабрики Сергеева № 6. В текст ⟨Первого начала⟩ внесена незначительная правка. Остальное место на странице занимают набросанные чернилами и карандашом подготовительные записи к роману. Они состоят из одного или нескольких слов и сделаны беспорядочно в разных направлениях. Эти записи, упоминания фамилии Ерлоков и города Каширы, которые встречаются далее в других фрагментах цикла, позволяют причислить отрывок именно к ⟨Потешной войне под Кожуховом⟩. Содержание ⟨Первого начала⟩ тесно связано с циклом ⟨Переход власти от Софьи к Петру⟩. Про боярина Ерлокова говорится, что «был он в славе», когда правила царица Софья, и попал в опалу после того, как сослала князя В.В. Голицына, «отрубили голову Шакловитому и всю их шайку разогнали». Отдельные конспективные записи, помещенные на том же листе, в дальнейшем были использованы в началах «Кожуховского» цикла: «Арг(амак)», «Ей, Лизутка, пей еще привези», «Сокол Ромод(ановскому)», «Привез провиант мужик бари-чу», «Спит после обеда», «Курб(атов) умер под судом».

⟨Второе начало⟩ цикла не вошло в т. 17 *Юб.* изд. и печатается впервые. Рукопись занимает один неполный лист, исписанный с двух сторон. Фрагмент представляет собой первую попытку начать повествование непосредственно с рассказа о потешной войне под Кожуховом. В основном эта попытка ограничивается свободным изложением исторических фактов, но упоминание здесь Каширского полка, слова о том, что к полковому обозу «в эту ночь приезжали из Каширы двое», намечают возможный переход к рассказу о провинциальных дворянах – участниках событий. Рукопись изобилует правкой. Почти весь первоначальный

текст зачеркнут и с использованием немногих сохранившихся его фрагментов создана новая краткая редакция (Второго начала) (в настоящем издании печатаются обе редакции). Так, после открывающих рассказ слов «Осенью 1694 года» на верхнем поле листа вписано: «царь Петр Алексеич только вернулся из Архангель(ска)», – исправленное на «пока царь Петр Алексеич был в Архангельске». Начиная со слов: «Одна половина войска нападала на городок», – и заканчивая словами: «по всему войску гуляли», – текст вписан на правом поле первой страницы автографа. В целом правка Толстого отражает стремление к лаконичному, менее детализированному повествованию. Из многих первоначально названных исторических дат в тексте сохранилось только указание на осень 1694 г. В то же время, упоминание о царе, который незадолго до начала маневров вернулся из Архангельска, вводит рассказ в широкий исторический контекст. Отрывок написан крупным размашистым почерком. Правка производилась мелким почерком, как обычно в рукописях (Романа из времени Петра I).

Крайне напряженной была работа Толстого над (Третьим началом) «Кожуховского» цикла. Автограф фрагмента занимает 5 страниц. Рукопись подвергалась большой правке, вплоть до того, что страницы менялись местами. Текст на страницах с 1-й по середину 4-й (по первоначальной нумерации) – почти сплошь зачеркнутый при дальнейшем исправлении, представляет собой связное повествование. Правка ограничивается заменой отдельных слов и оборотов.

Открывающее фрагмент краткое изложение главных событий потешной войны под Кожуховом выглядит в этом случае только вступлением к развернутой картине происходящего в день, когда войска получили отдых. Впервые в «Кожуховском» цикле появляется художественная сцена с несколькими действующими лицами. Здесь ярко показаны происшествия, связанные с празднованием в армии именин Ф. Лефорта. Значительное место занимает картина ясного солнечного дня и салюта, ружейного и пушечного, – в честь высокопоставленного именитника.

Действие продолжается на пиру у Аникиты Пафнутьича Хрущева, куда собрались по приглашению хозяина его знатные гости. Среди них упомянут Хованский. Говорится также о сыне Хрущева. Сам Хрущев назван дворянином, которого «знали все в Москве» и который «после царя Алексея Михайловича» (см. т. 9 второй серии), оказавшись в немилости, уехал в Каширу. О том, что он, подобно боярину Ерлокову из (Первого начала) цикла, подвергся опале, тем более о связи его отъезда с падением В.В. Голицына, здесь ничего не сказано, хотя преемственность между персонажами двух фрагментов определенно существует. В отрывке получают развитие некоторые предварительные наброски, сделанные Толстым на листе с (Первым началом) цикла. Так, слова: «Сокол Ромод(ановскому)», – разворачиваются в характерную зарисовку нравов Петровского времени: «Ромодановский к(нязь) Ф(едор) Ю(рьевич) ему был знаком по охоте по соколиной, и [те(перь)] А(никита) П(афнутьич) привез ему одного в гостинец» (см. т. 9 второй серии). Фраза: «Ей, Лизутка, пей еще привези», – преобразуется в слова из прямой

речи Хрущева, нечаянно пролившего мед: «Лизутка, эй, что спишь. Подлизывай».

Начиная с середины 4-й страницы, после слов Хрущева: «Мы не кормили народ, чтоб он злее был» – и открывающей следующей абзац неоконченной зачеркнутой фразы: «Чернышев дворянин», – Толстой решительно меняет характер повествования. Далее следует выписка из разборной книги со сведениями о том, кто такой «князь Иван княж Луки сын Щетинин». Вслед за Щетининым точно так же представлен его сосед «Иван княж Иванов сын Хованский». После этого в начале 5-й страницы рассказ прерывается и начинается заново под цифрой «I» словами: «В 203 году (1694) посланы от царей грамоты в 22 города, чтоб собирались ратные люди в Москву к 18 сентября, для ратного ученья». Затем говорится: «В Каширской разборной книге записано было», – и сделан знак переноса уже написанного текста с более ранней страницы 4 и начала страницы 5. После вставки повествование продолжается словами: «Оба князя были соседи и жили в деревнях». Исправляя написанное, Толстой предваряет эти слова помещенной между строк фразой: «Прежде всех пришел Ерлоков». Вероятно, тогда же он вносит дополнение в текст разрядной книги на 4-й странице, записывая мелким почерком на полях и под ранее написанным текстом: «Жилец Еким Ерлоков 18 лет был на службе, крест(ьян) 53 двора, на государев(ой) службе будет на коне с пищалями». Вслед за словами: «Оба князя», – добавлено поверх строки: «и жилец Ерлоков», – но тут же зачеркнуто. В дальнейшем Ерлоков не упоминается, хотя записи о нем между строк и на полях остались не зачеркнутыми.

Между тем новый поворот в работе над фрагментом, видимо, увлекает Толстого, и он продолжает рассказ о Щетинине и Хованском, переделывая написанное с самого начала. Возвращаясь на первую страницу, Толстой зачеркивает большую часть ранее написанного текста, используя лишь отдельные слова и фразы как продолжение сказанного на страницах 5 и 4. На полях появляются вставки. Одна из них имеет прямое отношение к новым персонажам отрывка: «“Поляки” сидели в крепости, а “русские” выбивали их. Щетинин и Хованский попали в “русских”». Тем не менее, на странице 2 эта правка обрывается. Весь дальнейший текст, вплоть до нового начала фрагмента, зачеркнут. Новый порядок размещения текста на страницах получается таким: повествование начинается на 5-й стр., переходит на стр. 4, затем возвращается на стр. 5 и заканчивается на стр. 1 и 2.

На обороте листа 1 автографа (Третьего начала) отдельными фразами набросан обширный план дальнейшего действия и дан перечень действующих лиц романа (см. т. 9 второй серии). Между тем на основании существующих фрагментов (Романа из времени Петра I) невозможно даже приблизительно восстановить ход мысли Толстого. Среди исторических персонажей в перечне названы Меншиков, Посошков, А. Головин, Ф. Головин. Здесь присутствуют также действующие лица, упомянутые во фрагментах «Кожуховского» цикла: Щетинины, Левашовы, Щепотевы. Намечаются несколько семейных линий развития сюжета:

«Алексей Алексеич учился с внуком и дружен. – А.А. влюблен в Щетинину, ему [отказываю(т)] не [позволяют] позволяет брат, выдают Щетинину за Левашова. Левашовы отдали сестру за Щепотева в Переславле». Одновременно семейный замысел, насколько можно судить, должен был соединиться с замыслом историческим: «А.А. в связи с Меншиковым и женится на его сестре». Обозначены несколько действующих лиц из народа и намечаются связанные с ними сюжетные повороты: «Мужик Микула в [Ефремове] Черни, у Микулы сын монах, вотчинник Головина». Или: «[Леваш(овой)] Щепотевой-Левашов(ой) спаситель мужик Щепотевский Тарас. Его дети зараскольничали». Предполагается связь замысла с политическими движениями и социальным протестом эпохи Петра I: «Тарасовы дети в связи с стрельцами и Посошковым».

Рукопись «Четвертого начала» «Кожуховского» цикла занимает три больших исписанных с двух сторон листа бумаги с полями в половину страницы. Фрагмент написан крупно и размашисто. Количество исправлений в тексте сравнительно невелико. «Четвертое начало» представляет собой новое обращение к эпизоду, намеченному в предшествующем отрывке. Действие здесь также происходит в день приостановки маневров, когда войско и царь празднуют именины Ф. Лефорта. В центре повествования, подобно тому, как это было в «Третьем начале», оказывается кружок дворян, собравшихся попить. Некоторые словесные обороты вновь написанного отрывка почти дословно повторяют сказанное ранее. К примеру, в предшествующем фрагменте есть зачеркнутая фраза: «У Хрущева Аникиты Пафнутьича [свое] шло гулянье». Теперь сказано: «У дворян по полку шло свое гулянье». В «Третьем начале» было: «бились тупыми копьями, лошадьми топтались и подкапывались под крепость». В «Четвертом начале» стало: «бились тупыми копьями, палили холостыми зарядами из ружей и пушек, палили и бомбами, только нечинеными, подкапывались под крепость и закатывали бочки с порохом, выезжали в чистое поле и топтались лошадьми». Повторяется с некоторыми изменениями и посвященная князю Щетинину выписка из разборной книги. Сама книга названа теперь не Каширской, а Серпуховской.

Вместе с тем описание Толстого выглядит на этот раз более развернутым и детализированным. Предваряющий картину пира рассказ о происшествиях потешной войны, сохраняя многие из упоминавшихся ранее подробностей, дополняется лаконичным, но крайне выразительным описанием шествия войск через Москву в Кожухово. Круг действующих лиц, собравшихся на гулянье, становится шире, некоторые из них получают развернутые психологические характеристики. Элементы психологизма обнаруживаются уже в исторической прамбуле к действию, где сказано: «Дворяне знали, что вызывают не на настоящую службу, а на потешную войну, и не в Крым, а в Москву, и потому съехало много, и съехались в щегольской сбруе».

Центральным действующим лицом эпизода становится князь Щетинин, названный в «Четвертом начале» то Иваном Лукичем, то Лукой Ивановичем. Он во многом продолжает образ Аникиты Пафнутьича

Хрущева из (Третьего начала). Замена Хрущева на Щетинина предполагалась уже правкой предыдущего фрагмента и теперь осуществилась окончательно. Одновременно со старшим Щетининым психологически обрисована также фигура его сына Аникиты. Например, о нем сказано: «Молодой Щетинин только слушал, а не говорил. Ему нельзя было говорить при отце, а видно было, что хотелось». Иван Иванович Хованский, упомянутый в (Третьем начале) среди гостей Хрущева, а потом выступающий там же как сосед Щетинина по Кашире, назван теперь «стариком-стольником», «почетным гостем» и тоже получает яркую психологическую характеристику. Среди участников сцены упомянуты старик подьячий Ерлоков и представители новой для «Кожуховского» цикла семьи – двое братьев Левашовых. Еще одним лицом, которому отведена в повествовании важная роль, оказывается находящийся тут же дьячий сын Щепотев. Одновременно с психологическими портретами некоторых участников пиришества Толстой создает яркую зарисовку русского быта петровской эпохи: «Гости сидели на коврах, перед ними стояла на двух чурках лавка. А на лавке лежали сиги копченые, сельди и стояли чашки деревянные. А в чашки то и дело ковшом подливали мед из ведра сам хозяин, его сын и Федотка-холоп, любимец княжеский».

В (Четвертом начале) обстоятельно прописана только завязка эпизода. Это спор между старшим Щетининым и Щепотевым о преимуществах дворянской конницы перед новыми пехотными полками. Повествование обрывается на 6-й странице рукописи рассказом о том, как разгоряченный Щетинин велит сыну привести своего аргамака для состязания со Щепотевым. Далее, отделенные друг от друга горизонтальной чертой, следуют два коротких наброска: «Когда привели лошадь, князь Иван Лукич уже забыл про нее, он рассказывал, как под Чигирином он сбил двух лошадей» и «Дело стало за спором. Князь Лука Иванович был выпивши».

Однако работа над фрагментом на этом не закончилась. На полях четвертой страницы автографа рядом со словами: «Князь Лука Иванович любил и повоевать, и погулять, и похвастать, а пуще всего любил угостить», – появляется вновь написанный текст, предполагающий иное решение сцены. Начинаясь фразой: «В это утро у князя Ивана Лукича случилось несчастье с тем самым сыном любимым, которого он привез с собой», – следует предельно сжатое изложение событий, развернутый рассказ о которых наметился у Толстого до этого. Здесь нет упоминания о пире у Щетинина и большинстве его участников. Говорится только, что к старому князю заехал его сосед – Еким Антонович Ерлоков и привез с собой своего зятя Щепотева, бывшего преображенским солдатом и названного теперь «потешным». Исчезают психологические портреты, подробности поведения персонажей, их прямая речь. При этом краткий рассказ охватывает события, до которых в более раннем повествовании действие так и не дошло: говорится, какое продолжение получил спор между стариком Щетининым и преображенцем Щепотевым. Молодой князь, оскорбленный насмешками Щепотева над упавшим с коня отцом, ранил обидчика и через час был арестован. Завершает этот фрагмент

отделенный от него горизонтальной чертой краткий, в несколько строк, рассказ о дальнейших событиях: старший Щетинин поехал к стольнику Хованскому просить заступиться за сына.

⟨Пятое начало⟩ цикла написано на двух листах и занимает четыре страницы. Обильная правка поверх написанного содержится только на странице 2, остальной текст исправлен незначительно. Здесь делается новая попытка развить сюжет с конфликтом на пиру под Кожуховом. Главными действующими лицами выступают старый князь Щетинин, так же, как и в ⟨Четвертом начале⟩, названный то Иваном Лукичем, то Лукой Ивановичем, и его сын Никита. До сцены собрания гостей рассказ доведен не был, однако на его связь с более ранними фрагментами цикла указывают и слова о том, что в этот день у Щетинина случилось несчастье, и приглашение пить мед, которое старый князь через холопа передает своему соседу по табору князю Хованскому. Фрагмент отчетливо делится на две части. В первой из них, занимающей страницу 1 и начало страницы 2, снова дается краткое изложение основных событий потешной войны, а также сообщается, кто такой князь Щетинин и как он тут оказался. Теперь герой назван Ефремовским дворянином. Толстой не отказывается от ранее найденного приема с цитированием разборной книги, но больше не задерживается на подробностях сказанного в ней. Фраза: «В Ефремовской разрядной книге было записано про него», – осталась без продолжения, очевидно, в расчете при необходимости дополнить ее позднее.

Изначально ⟨Пятое начало⟩ представляло собой единое повествование. Однако Толстой полностью зачеркнул всю его вступительную часть, и рассказ стал открываться словами: «В это утро к князь Луке Ивановичу пришел обоз из вотчины». Самостоятельного начала эти слова не образуют. Между тем следующая за ними часть фрагмента на страницах 2–4 действительно намечает существенные перемены в развитии замысла. Отрывочная запись Толстого на листе с ⟨Первым началом⟩: «Привез провиант мужик баричу» получает здесь широкое развитие. Показаны пробуждение Щетинина в день прибытия обоза, беседа князя с приехавшими мужиками и его утренняя встреча с сыном Никитой. Щетинин предстает рачительным хозяином, вникающим и при отъезде своем из дома во все тонкости вотчинного быта. При этом разрабатывается едва намеченный в более ранних отрывках мотив близости жизни провинциального дворянина эпохи Петра I крестьянскому жизненному укладу. Правка по ходу письма, как всегда, отражает поиск Толстым наиболее точных определений, повествовательных оборотов, необходимых деталей. Так, в описании встречи Луки Ивановича с крестьянами после слов: «ощупал овес, пожал в горсти, сыр ли, понюхал, на зуб пощелкал зернушки», – первоначально было сказано: «И пошел опять покалякать с мужиками». Эта фраза зачеркнута, далее написано: «И сошелся с соседом кн(язем)», – но тоже зачеркнуто. Наконец поверх двух вычеркнутых строк вписано: «Потом осмотрел, куда постав(ить) мед в яму, отдал ковшом».

Одновременно появляются яркие психологические портреты сына и отца Щетининых. Некоторые характеристики переходят в (Пятое начало) из предшествующего фрагмента. Прежде о старом князе говорилось: «как и смолоду, так и теперь он был огневый». В новом отрывке: «Огневый был человек». В более раннем фрагменте было: «Князь Лука Иванович любил и повоевать, и погулять, и похвастать, а пуще всего любил угостить». В (Пятом начале) стало: «А уж рассказать, похвастать, обласкать, повеселить гостей не было против него человека». Рассказ обрывается на характеристике младшего Щетинина.

Автограф (Шестого начала) состоит из трех листов, шести страниц. Последняя страница занята текстом наполовину. В первой части фрагмента содержится обильная правка, почти исчезающая ближе к концу. Сюжет отрывка опять возвращается к событиям праздничного дня во время потешной войны под Кожуховом. Снова заходит речь о гнях, которых потчует князь Иван Лукич Щетинин, и намечен его конфликт с одним из них.

Между тем характер повествования в (Шестом начале) заметно меняется. В отличие от более ранних фрагментов, здесь полностью отсутствует подготавливающий основное действие рассказ об исторических происшествиях, не дается почти никаких предварительных сведений о князе Щетинине. Начиная с первых строк, создается картина, где подлинные факты и подробности решительно включаются в художественное описание. Первоначально Толстой начал фрагмент словами: «Обоз Московского полку стоял за речкой [в] на полубугре [и] [в], на лугу и по лесному выгону верстах в 2-х от Кожухова». За ними следовала развернутая зарисовка осеннего ясного дня и пушечного салюта в честь Ф. Лефорта. Но, закончив на 2-й странице эту часть повествования, писатель вернулся к началу фрагмента, с тем чтобы перенести первую фразу в последующий текст и открыть этой фразой новую главу. Об этом говорит цифра «II», поставленная сверху на 1-й странице. Тем самым начальная художественная картина становилась более законченной. Однако тут же Толстой, видимо, нашел более удобным просто зачеркнуть первое предложение на 1-й странице и переписать его, несколько изменив, точно так же под цифрой «II», после отступа на странице 2. При этом среди зачеркнутых строк оказались и те, которыми теперь открывался фрагмент: «От леса и до Кожухова и за Кожухово и направо к самой реке сплошь стояли войска».

Открывающая (Шестое начало) панорама Москвы и Кожуховского лагеря включает в себя отдельные подробности и словесные обороты, использованные Толстым в более ранних фрагментах. Особенно ярким становится описание летающей над лагерем паутины, упомянутой также в (Третьем) и (Четвертом) началах. В то же время, здесь встречается пример того, как писатель отвергает попытку употребить найденные ранее словосочетания. Вслед за (Третьим началом), где говорилось: «День был красный, веселый», – в (Шестом начале) первоначально было написано: «День устоялся красный, тихий, и светлый», – потом добавлено еще одно определение: «чуткий», – после чего фраза целиком оказалась вычеркнутой.

Подойдя к описанию дворянского пиршества, Толстой на этот раз попытался начать его рассказом о приезде к Щетинину в гости его свата дьяка Василия Ефимыча Курбатова, который застал князя во время дневного сна (см. т. 9 второй серии). Здесь, возможно, получила свое развитие одна из предварительных записей к «Кожуховскому» циклу: «Спит после обеда». Фамилия Курбатов также встречалась среди этих записей, правда, в существенно ином контексте: «Курб(атов) умер под судом». Между тем, написав сцену встречи двух родственников, Толстой целиком зачеркнул ее и продолжил рассказ словами: «В походах встречались знакомые друзья, те, которые в век не увидались бы».

Круг гостей, собравшихся у Щетинина, состоит из тех же лиц, которые были названы в (Пятом начале), только вместо Ерлокова и его родственника Щепотева теперь действуют Курбатовы. В отрывке названы «сосед Хованский князь, Левашовы двое и сват Курбатов – дьяк с сыном, преображенским солдатом». Сцена становится намного динамичнее, чем в более ранних фрагментах. Этому способствует обилие прямой речи, в основном коротких реплик. Сын Щетинина, названный теперь Гришкой, упоминается только в последних строках фрагмента.

Главное отличие (Шестого начала) от всех предыдущих: ясно обозначенный в нем конфликт старого и нового в русской жизни, который только угадывался в более ранних отрывках «Кожуховского» цикла. Спор между приверженцами старины Щетининым и Хованским, с одной стороны, и сторонником перемен дьяком Курбатовым – с другой, становится прежде всего идейным спором. В словах Хованского звучит резкая критика петровских нововведений: «Как проявились немцы, стали им пропуск давать, не стало строенья на земле и всё к матери». Между тем уже третье по счету описание спора собравшимися на пиру снова остается недописанным и обрывается там же, где и предыдущие: на приказании Щетинина привести аргамака.

(Седьмое начало) единственное в цикле имеет название: «Старое и новое». Автограф состоит из двух листов, четырех страниц, плотно исписанных, с умеренной правкой. По содержанию фрагмент наиболее близко из всех, составивших «Кожуховский» цикл, соотносится с материалом «Дневных записок» И.А. Желябужского. Здесь также очевидна попытка привести повествование к моменту временной остановки потешной войны, о котором говорится в последней фразе отрывка. Но на этот раз внимание Толстого привлекают главным образом обстоятельства отъезда Ивана Лукича Щетинина на ратное ученье и его жизнь в Москве до выступления под Кожухово. Снова возвращается прием с цитированием разборной книги. Иван Иванович Хованский, также упомянутый в отрывке, назван теперь сватом Щетинина, у которого князь остановился по приезде. Всю вторую половину фрагмента занимает развернутое описание движения через Москву к месту маневров части войск, назначенной осаждать «поляков», в которую вошли старый Щетинин и его сын. В соответствии с записками Желябужского здесь упомянуты несколько исторических лиц, которых не было в более ранних отрывках цикла. Это ротные командиры Тихон Никитич Стрешнев и

князь Лыков. Сказано также, что Щетинин вместе с сыном оказались в дворянской роте Бориса Алексеевича Голицына и дан поэтический портрет последнего. Присутствие в отрывке Б.А. Голицына до известной степени связывает (Седьмое начало) с циклом (Переход власти от Софии к Петру), где он уже выступал одним из действующих лиц. Одновременно со старым князем Щетининым почти равное с ним место занимает в отрывке его сын Никита. Шествие войска через Москву показано главным образом с его точки зрения.

Намечено во фрагменте и раскрытие его названия «Старое и новое». В отличие от неозаглавленного (Шестого начала), где персонажи занимали каждый свое место в определенившемся конфликте приверженцев традиционного уклада (старый Щетинин, Хованский) и сторонников преобразований (дьяк Курбатов), здесь присутствует попытка посмотреть на происходящее с точки зрения более отвлеченной. В связи с рассказом про старика Щетинина появляется рассуждение: «Старому умному человеку ничто не удивительно. Старый умный человек видал на своем веку много раз, как из старого переделывают новое, и как то, что было новое, опять делается старое, потому в новом видит не столько то, почему оно лучше старого, не ждет, как молодые, что это будет лучше, а видит то, что перемена нужна человеку». Между тем дальнейшого развития это рассуждение в отрывке не получает. Среди исправлений в тексте характерно указание на летоисчисление петровского времени. В начале фрагмента зачеркнуто: «В начале осени 1694 года», – и вместо него вписано: «В конце 1693 года» – с авторской сноской: «Начало года было в сентябре». Несколькими строками ниже зачеркнуто: «к 20 сентября» – и вставлено: «к новому году, 1-му сентября». Рассказ обрывается после нескольких лаконичных фраз о потешной войне и о том, что наступил день отдыха.

Текст (Восьмого начала) «Кожуховского» цикла написан на листе бумаги низкого качества и занимает немногим больше одной страницы. Большая часть оборотной стороны листа заполнена арифметическими подсчетами, не имеющими отношения к замыслу. Исторические события в повествовании не упоминаются, речь идет о сборе урожая в деревне. В начале рукописи стоит порядковое обозначение главы «I». После него первые 20 строк зачеркнуты – и затем фрагмент начат заново. На его отношение к (Роману из времени Петра I) указывает в зачеркнутом тексте упоминание старика князя Ивана Лукича Щетинина. С большой долей вероятности предположить, что отрывок появился последним в цикле, позволяет не характерный для более ранних фрагментов, сходный с (Седьмым началом) повествовательный прием, использованный в рассказе о Щетинине: «Старым людям мало спится, много думается» (см. т. 9 второй серии). Связь героя с крестьянским укладом была намечена в (Шестом начале) цикла. Несколько раз говорилось и о том, что учения под Кожуховом начались по окончании уборки урожая или даже до ее окончания. Возможно, теперь Толстой собирался предварить повествование о более поздних событиях картинами жизни Щетинина в де-

ревне до его отъезда. Между тем эта попытка начать (Роман из времени Петра I) рассказом о событиях Кожуховской потешной войны оказалась последней.

Цикл (Азовские походы) состоит из 7 отрывков, сюжетно не связанных друг с другом (кроме (Пятого начала) и (Продолжения пятого начала)). Этот цикл не обладает такой тематической цельностью, как два предыдущих цикла – (Переход власти от Софьи к Петру) и (Потешная война под Кожуховом). В цикле (Переход власти от Софьи к Петру) был конфликт и шло развитие сюжета. В цикле (Азовские походы) нет не только единого развивающегося сюжета, но и героя или героев, которые связывали бы отрывки друг с другом. В нем взяты разные моменты русской жизни 1695–1697 гг., и многочисленные введенные в действие герои не переходят из отрывка в отрывок. (Первое начало) цикла (в *Описании* рук. 18) повествует о семье Апраксиных – Анисье Тимофеевне, вдове М.В. Апраксина, и ее детях. Совсем небольшое по объему (Второе начало) (в *Описании* рук. 19, лл. 1 – 1 об.) рассказывает о приезде в Москву супругов Хованских. (Третье начало) (в *Описании* рук. 19), такое же небольшое и написанное на бумаге той же Сергиевской фабрики, что и (Второе начало), изображает подготовку ко второму Азовскому походу – строительство кораблей на воронежской верфи. (Четвертое начало) (в *Описании* рук. 20), озаглавленное «Старое и новое», знакомит с ближайшими сподвижниками Петра, пирующими в доме Ф.А. Головина, в Москве, в то время как Петр находится в Воронеже. Самое большое по объему (Пятое начало) (в *Описании* рук. 21) и тесно связанное с ним (Продолжение пятого начала) (в *Описании* рук. 22), дающее вариант заключительного эпизода, изображают спуск войска по Дону от Воронежа к Черкасску во время Второго Азовского похода. Небольшое по объему (Шестое начало) (в *Описании* рук. 23) описывает приезд в Москву братьев Посошковых.

Основанием для включения (Первого начала) в цикл (Азовские походы) может служить только время действия – лето 1695 г. С циклом (Переход власти от Софьи к Петру) его связывает Андрей Матвеевич Апраксин, любимый сын вдовы Апраксиной. Это тот молодой человек, который по поручению Бориса Голицына ездил в Медведково к В.В. Голицыну и уговорил его ехать к Петру в Лавру. Во (Втором начале) упоминается «благодарственное молебствие о благополучном возвращении второго царя Петра Алексеевича из Азовского похода», бывшее в Москве 5 ноября 1695 г. и приезд царя в Москву. В (Третьем начале) действие происходит в 1696 г. Петр прожил весь Великий пост на корабельной верфи в Воронеже, готовясь ко Второму Азовскому походу. В (Четвертом начале) был описан, а затем вычеркнут отъезд Петра в Воронеж. В (Шестом начале) Петр «тешится» стрельбой в специально построенном в Москве «у Красного села на пруде» городе Азове с башнями и каланчами.

Записная книжка Толстого ноября 1872 – января 1873 гг. и его письмо к В.К. Истомину могут свидетельствовать о том, что цикл (Азов-

ские походы) создавался одновременно с циклами (Переход власти от Софьи к Петру) и (Потешная война под Кожуховом) – в декабре 1872 г. – марте 1873 г. Бумага фабрики Говарда (в (Первом), (Пятом) началах и (Продолжении пятого начала)) использовалась Толстым также в (Шестом) и (Седьмом) началах цикла (Переход власти от Софьи к Петру); в (Четвертом), (Пятом) и (Седьмом) началах цикла (Потешная война под Кожуховом). Бумага Сергиевской фабрики ((Второе) и (Третье) начала цикла (Азовские походы)) – в (Третьем) и (Шестом) началах цикла (Потешная война под Кожуховом). Об активном сборе материалов, касающихся Азовских походов, говорит, по-видимому, заказанная Толстым и присланная ему в июне 1873 г. при письме от 21 июня М.А. Веневитиновым вышедшая в 1872 г. в Воронеже книга Ф. Яворского «Воронежские Петровские акты, хранящиеся в архиве Воронежского губернского статистического комитета. Вып. I». Книга сохранилась в библиотеке Толстого.

Особняком стоит в цикле (Шестое начало), написанное порыжевшими чернилами в отличие от остальных, где чернила черные. Такие же порыжевшие чернила в (Первом) и (Втором) началах цикла (Стрельцы), в романах «Труждающиеся и обремененные» и «Сто лет», создававшихся в 1879 г. Возможно, в это же время, в январе – мае 1879 г. написано и (Шестое начало) о приезде в Москву братьев Посошковых.

(Первое начало) написано крупным почерком, почти без правки. Небольшая правка шла только по ходу писания. На с. 1 на полях Толстой сделал попытку, возможно, более позднюю, написать новое начало. Написал два варианта и зачеркнул. Вместо рассказа об убийстве в 1668 г. М.В. Апраксина Толстой думал начать повествование с 1695 г., с приезда вдовы Апраксиной в Москву. Первый вариант: «[Анисья Тимофеевна] Много и горя и радости пережила на своем веку старая матерая вдова Анисья Тимофеевна Апраксина». Второй вариант: «[18 августа] В 1695 вдова А.Т. Апраксина [мать царицы Марфы Матвеевны] приехала в Москву [проститься с сыновьями] повидаться с дочерью ц[арицей] М[арфой] М[атвеевной] и с любимым сыном А[ндреем] М[атвеевичем]. [Проехав слободы]». В окончательном тексте о приезде Апраксиной в Москву говорится в самом конце.

Герой (Второго начала) – старый князь Иван Хованский. Князь Иван Иванович Хованский был среди действующих лиц нескольких отрывков цикла (Потешная война под Кожуховом) ((Третье) – (Седьмое) начала). Однако Хованский из (Азовских походов) уже «10-й год, с тех пор как попал в опалу, жил в вотчине». А Хованский из (Потешной войны под Кожуховом) в 1694 г., за год до приезда Хованского из (Второго начала) цикла (Азовские походы) в Москву, принимает участие в потешной войне, и в его московском доме останавливается его сват Иван Лукич Щетинин.

В процессе писания (Второе начало) подверглось значительной правке. Была зачеркнута первая фраза, которая, скорее всего, начинала другой сюжет с другим временем действия: «26 января 1696 помер царь Иоанн Алексеич. Остался один царем Петр». Затем были вычеркнуты подробности возвращения Петра в Москву из Первого Азовского похода

да. Было: «Царь в ночь приехал из Тулы и не приезжал в Кремль, а остановился в Коломенском дворце и оттуда, как слышно было, намеревался со всеми войсками с торжеством вступить в Москву, когда соберутся все войска из-под Азова. В этот день на утренней...» Стало: «Царь в ночь приехал с передовыми и остановился в Коломенском дворце». Из других поправок: вписано имя Иван перед фамилией Хованский, были колебания в определении географических реалий – из каких вотчин приехал Хованский (Тульских, Казанских или Каширских), где был взят сын Хованского – под Каширой или под Казанью, «просить за сына» исправлено на «просить за любимого сына», о жене Хованского было сказано, что она «из роду Голицыных», затем исправлено на «из родовитого дома». Позднейшей правки не было.

В ⟨Третьем начале⟩ также не было позднейшей правки и в правке по ходу писания также преобладало вычеркивание. Судя по тому, что отрывок обозначен цифрой «I», был задуман большой эпизод, состоящий из нескольких частей. В основе сюжета лежат выписки, сделанные Толстым из «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Описание весны в Воронеже в марте 1696 г. также дано в соответствии с трудом Устрялова: «Ненастное время увеличивало тяжесть труда: до половины марта шли проливные дожди, так, что реки вскрылись; потом вдруг наступила стужа; реки опять стали, и от жестокого холода не было возможности работать на верфи в продолжение пяти дней. В конце марта весеннее солнце согрело воздух и оживило природу, реки выступили из берегов» (*Устрялов*, т. II, с. 266).

⟨Второе⟩ и ⟨Третье⟩ начала являются частями одной рукописи (в *Описании рук.* 19), хотя никак не связаны друг с другом по содержанию.

Действие ⟨Четвертого начала⟩ под названием «Старое и новое» происходит в период подготовки ко Второму Азовскому походу. Петр в Воронеже, а его ближайшие соратники пируют в доме Ф.А. Головина в Москве. Отрывок написан крупным почерком с небольшой правкой по ходу писания. Конспективная надпись на полях 1-й страницы, сделанная, судя по мелкому почерку, позднее, не получила развития в тексте. «Ссора Голицыных с Долгор(укими) из-за Лефорта. Головин мирит. Его мать. К ней ходят 3 сына Алексан(др), Ник(олай), Иван, жена с Абокумом – дура, соперничество с Долгор(укимом)».

На полях 1-й страницы, ниже конспекта, была сделана и зачеркнута вставка об отъезде Петра в Воронеж: «В пятницу провожали. Подали возок царский. Посадил тута шута, денщиков, сам ввалился в денщиковы сани: пошел!» Описание дома Головина вписано на полях мелким почерком и более темными чернилами. Детали убранства указывают на пребывание хозяина в Китае.

Остальная позднейшая правка состоит из нескольких вписанных слов и одной фразы. Над строкой вписано: «Выпита была 2-я бутылка рому», «и все-таки беспокойно озирались» (о глазах Репнина); «...теперь ни одного у нас, сирот, в Москве не осталось» («сирот» вписано).

Было: «наша забубенная голова», стало: «наша солнушко, забубенная головушка».

⟨Продолжение пятого начала⟩ представляет собой расширенный вариант окончания ⟨Пятого начала⟩. Оба эти отрывка – единственные, имеющие непосредственное отношение к Азовскому походу. В них изображается сплав войск по Дону из Воронежа в Черкасск. В совокупности текст составляет 18 страниц. Благодаря довольно многочисленной правке, шедшей как по ходу писания, так и позже, это наиболее обработанный текст в цикле ⟨Азовские походы⟩. Основная часть позднейшей правки в ⟨Пятом начале⟩ приходится на первую половину текста, возможно, потому, что Толстой уже принял решение заново написать его окончание. Вероятно, по этой же причине на с. 3 зачеркнут выправленный перед этим текст, содержащий историю Щепотева. В ⟨Продолжении пятого начала⟩ эта история изложена в отдельных репликах Щепотева, которого расспрашивает царь. Труднее понять, почему Толстой вычеркнул в начале с. 1 ⟨Пятого начала⟩ подробности погрузки судов к отплытию: «На Страстной начали в Воронеже грузить на суда пушки, ядра, бомбы, порох, свинец, кули с овсом, мукой, крупой, рыбу, соль, водку, сбитень. А после Святой стали подходить войска [и сади(лись)]. Сидились на суда и плыли вниз по Дону». Фраза «К Николину ⟨дню⟩ 9-го мая войско было на половине пути» сначала вычеркнута, потом чуть ниже почти целиком повторена: «К Николину дню 9-го мая средние были на половине пути против Хопра» – и снова зачеркнута.

На полях 1-й страницы конспект будущего эпизода со шляпой Петра: «говорят о т(ом), ч(то) он строил флот, палатка [Я и] А ты сам достань. Сейчас поищу, увиди(шь), как надо отвечать. Вина дай. Петр не пьян». На полях с. 3 рядом с вычеркнутой впоследствии историей Щепотева по ходу писания сделана вставка: «На заднем струге плыли (...) в корму передового струга». На с. 6 и 9 надписи по тексту: «Вспоминает холопскую службу. Прислушивается к рассказам, к тому об царе пристает»; «За вер(евку)»; «Зацепилась за веревку шляпа». На с. 11 после текста, перпендикулярно ему надпись: «Гол(овин) А.М. сел на корабль прежде».

Текст ⟨Пятого начала⟩ обозначен цифрой «I», текст ⟨Продолжения пятого начала⟩ – цифрой «II». Таким образом, они связаны как первая и вторая глава. Текст ⟨Пятого начала⟩ прерван на словах: «...Ну, рассказывай, – сказал царь. Щепотев начал:». Следующий отрывок по первоначальному замыслу должен был начинаться с рассказа Щепотева. Но Толстой изменил свой план и решил переписать текст, начиная с того момента, как Щепотев нырнул в воду. Замене подлежал текст, начиная со слов «когда он вынырнул». ⟨Продолжение пятого начала⟩ начинается словами: «Когда Алексей ударился головой об воду». В результате объем эпизода был значительно увеличен. Гораздо подробнее описано пребывание Щепотева в воде, которое в ⟨Пятом начале⟩ состояло всего из двух фраз. В ⟨Пятом начале⟩ Щепотев, вылезая со шляпой из воды, сразу встречался с царем, в ⟨Продолжении пятого начала⟩ встрече предшествует сцена на палубе, в которой дан более подробный, чем в

(Пятом начале), портрет Александра Меншикова и описан разговор Щепотева с боярином Федором Алексеевичем. Только после этого появляется Петр.

Петр является действующим лицом только в трех отрывках романа – (Седьмом начале) цикла (Переход власти от Софьи к Петру), (Пятом начале) и в (Продолжении пятого начала) цикла (Азовские походы). В (Седьмом начале) цикла (Переход власти от Софьи к Петру) изображен молодой 17-летний Петр в кульминационный момент его борьбы за власть с царевной Софьей. Он уже победил, его врагов пытаются на монастырском воловьем дворе, а он увлечен соревнованием в вытаскивании деревяшки и только между делом спрашивает о результатах пытки. Он не очень хорошо представляет себе расстановку политических сил и В.В. Голицына не любит только за то, что он когда-то не дал ему пушек. Во внешности Петра подчеркнуты патологические черты: «...огромное длинное тело, согнутое в три погибели, держал между ног чурку и строгал; голова рвалась, дергалась вместе с губами налево»; «Лицо царя затряслось больше»; «Царь смотрел то на того, то на другого, голова его тряслась больше прежнего».

Из «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева Толстой сделал выписку: «Сказано в книге Валаамских чудотворцев, (что он) головой запрометывает, ногой запинаясь (и то его) нечистый дух ломает» (Юб., т. 17, с. 400). В (Пятом начале) сначала изображен Петр, стоящий на палубе корабля и приветствующий солдат, плывущих на стругах: «На носу высоко над стругом стояли три человека, два высоких, один низкий. Один из высоких, в желтом польском кафтане, в чулках и башмаках, стоял ближе всех к борту, поставив одну ногу на откос и, упершись на нее левой рукой, снял правой шляпу с черноволосой головы, замахал ею и закричал:

– Здорово, ребята! (...) Царь бросил шляпу, и она упала в воду. Он засмеялся и вскочил, повернулся и что-то стал говорить своим». Когда Щепотев прыгнул в воду, царь, «перегнувшись через борт, смеялся, глядя на мокрого толсторожего солдата. Вдруг лицо царя передернулось; он сощурил один глаз и потянулся всей головой и шеей в одну сторону...» Сердась, «он еще дергал шеей». Самое подробное описание внешности, повадок и голоса Петра дано в (Продолжении пятого начала). Петр увиден глазами Щепотева, главного героя этого и предыдущего отрывков. Портрет Петра написан почти без правки. В нем подчеркнуты стремительность движений («Царь как будто насилу удерживался, чтоб не бежать, такими быстрыми шагами шел из-под палатки...»); «пока царь своим иноходным бегом прошел те 10 шагов»; «Заметил больше всего быстроту, неровность движений...»), нескладность фигуры («сутуловатость и нескладность, костлявость всего стана, огромных голеней, огромных рук, и нескладность походки, ворочающей всем тазом и волочащей одну ногу»), «неровность голоса» («То он басил, то срывался на визгливые звуки»). Глаза у Петра «черные, не блестящие, но светлые и чудные» (ударение поставлено Толстым). Первоначально было: «черные, светлые». Дважды дано описание смеха Петра: «Но когда царь за-

смеялся и не стало смешно, а страшно...»; «Царь засмеялся тем смехом, от которого страшно стало Алексею...»

⟨Пятое начало⟩ и ⟨Продолжение пятого начала⟩ интересны тем, что в действие введен герой из мужиков. Это свидетельствует о широте замысла Толстого, намеревавшегося затронуть в романе самые разные пласты русской жизни. В последнем отрывке цикла – ⟨Шестом начале⟩, действие которого происходит в феврале 1697 г., начат рассказ о братьях Посошковых, Романе и Иване, подмосковных крестьянах села Покровского, приезжавших по делам в Москву как раз в один из тех дней, когда Петр праздновал победу под Азовом, устраивая потешные бои со стрельбой. Отрывок состоит из двух страниц. Первая подверглась большой правке. Была перечеркнута половина текста и поперек его написано карандашом: «не идет». В зачеркнутом тексте действие начиналось вечером, братья возвращались после вечерни в Андреевском монастыре к знакомому стрельцу, у которого обычно останавливались, бывая в Москве. На улице было много пьяных, со стороны Красного села слышалась ружейная пальба. В новом тексте, следовавшем непосредственно за зачеркнутым и дополненным вставкой на полях, написана дата «4 мая». В 1873 г., когда предположительно создавался цикл ⟨Азовские походы⟩, работа над романом из времени Петра прекратилась в марте, когда Толстой обратился к замыслу «Анны Карениной». Следующий приступ к работе над историческими романами из жизни XVII–XVIII вв. пришелся на январь – май 1879 г. Учитывая, что ⟨Шестое начало⟩ написано рыжеватыми чернилами, как все варианты, созданные в 1879 г., дата «4 мая» может относиться к этому году. Вводя в действие братьев Посошковых, один из которых, Иван, был автором «Книги о скудости и богатстве», внимательно изучавшейся Толстым (экземпляр «Сочинений» Посошкова с пометами писателя сохранился в яснополянской библиотеке), Толстой, вероятно, хотел представить силу, оппозиционную Петру. В ⟨Шестом начале⟩ Иван Посошков осуждает военную потеху царя с пальбой, не прекратившуюся даже в прощенное воскресенье. У Толстого братья Посошковы едут к отцу Авраамию, «строителю Андреевского монастыря». Из «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева Толстому было известно, что в конце 1696 или начале 1697 г. монах Авраамий из московского Андреевского монастыря подал Петру тетради с указанием того, что в поведении царя не одобряет народ. Под пыткой Авраамий показал, что у него среди других посетителей бывали братья Посошковы. Интерес Толстого к народным толкам о Петре возник во время второго приступа к роману, что может служить еще одним аргументом в пользу написания ⟨Шестого начала⟩ в 1879 г.

Содержание цикла, озаглавленного в *Юб.* изд. ⟨Разгар Великой Северной войны⟩, мало соответствует такому названию. В настоящем издании этот цикл назван ⟨Северная война⟩. Северная война продолжалась 21 год (1700–1721). Действие двух отрывков, объединенных в цикл, относится к 1708 (⟨Первое начало⟩) и к 1709 г. (⟨Второе начало⟩). Ни в том, ни в другом отрывке нет изображения военных действий или пригото-

лений к ним, как в цикле ⟨Азовские походы⟩. Единственное напоминание о войне – рекрутский набор в ⟨Первом начале⟩ (в *Описании* рук. 24). Во ⟨Втором начале⟩ (в *Описании* рук. 25) 1709 г. назван «самым бурным временем царствования Петра 1-го», но никаких исторических сведений в подтверждение этого не приведено. Отрывок имеет характер этнографического очерка и никак не связан с замыслом исторического романа. ⟨Первое начало⟩, рисуя сцены крестьянской жизни, по своему характеру, как и времени создания, близко роману «Сто лет». Юб. издание связывает с этим отрывком конспект на отдельном листе: «В Ясн(ой) П(оляне). Бежали от рекрутчины. Волк(онский) в баню у Бабаед(ихи). Василий отдается». Вслед за этим продолжено: «Дмитрий Раскольник – башкирцы и Булавин» (Юб., т. 17, с. 655).

⟨Второе начало⟩ больше, чем ⟨Первое начало⟩, похоже на вариант начала произведения. В нем обозначена 1-я глава. До зачеркивания это начало имел характерный зачин: «Было это давно». Зачеркнув первые три слова и исправив дальше «в» строчное на «В» прописное, Толстой обозначил время действия и ввел действующих лиц: «В царствование Петра 1-го [жило] в Крапивенском уезде, Московской губернии, в деревне Ясной Поляне, [прихода] [Кочаков] жило крестьянское семейство по прозвищу Болхины». Затем весь первый абзац был зачеркнут, возможно, потому, что крестьянское семейство с такой фамилией фигурировало в повести Толстого «Утро помещика» (1856). Характер повествования резко меняется. Вместо объективного повествователя рассказ ведется от первого лица, и хотя в первых строках упоминается 1709 год, следующий дальше этнографический очерк деревни Ясная Поляна меньше всего соответствует жанру исторического романа.

Сведения о помещиках и о количестве у них крестьян Толстой брал из документов, имевшихся в его распоряжении. Это копия церковной росписи 1740 г. бывших у исповеди в приходе села Кочаков Крапивенского уезда. Ошибка в копии – Абремова вместо Абрескова или Обрезкова – перешла в текст «Романа русского помещика», над которым Толстой работал в 1850-е гг. Время написания ⟨Второго начала⟩ указано прямо в тексте: «теперь, (в) 1879 году». Кроме указания на 1709 г. («170 лет тому назад, то есть в 1709 году»), встречается в том же контексте 1708 г. «Помещиков в Ясной Поляне тогда, (в) 1708 году, было 5». Это дает основание предполагать, что ⟨Первое начало⟩ могло быть продолжением ⟨Второго начала⟩.

Последним приступом к роману из времени Петра I были два отрывка, объединенные публикаторами Юб. изд. в цикл ⟨Семья Алексея Михайловича и происхождение Петра I⟩. В настоящем издании это цикл ⟨Стрельцы⟩. По хронологии описываемых событий отрывок под названием «Стрельцы» (в *Описании* рук. 1) предшествует неозаглавленному отрывку (в *Описании* рук. 2). Написанное, вероятно, в конце лета – начале осени 1879 г. ⟨Второе начало⟩, озаглавленное «Стрельцы», может свидетельствовать о намерении Толстого заново начать роман о Петре, отправляясь от истоков династии Романовых.

В основу содержания обоих отрывков положены одни и те же события: правление Алексея Михайловича, его женитьба на Марии Ильиничне Милославской, судьба детей от этого брака, смерть Марии Ильиничны, царевичей Симеона и Алексея, женитьба царя на Наталье Нарышкиной, смерть Алексея Михайловича, борьба за трон между близкими Натальи и сторонниками Федора, победа Федора, ссылка Артамона Матвеева, смерть Федора, толки о его отравлении. Написанные Толстым отрывки отразили его колебания в выборе исторического момента для начала повествования. То это смерть Алексея Михайловича (во *Втором начале*) до правки), то его рождение (в том же отрывке после правки), то смерть Федора Алексеевича (в *Первом начале*). В «Стрельцах» и до и после правки в первой фразе упоминается царь Михаил Федорович Романов, «избранный на царство в 1612 году после большой московской смуты» (до правки), «избранный на царство после московской смуты» (после правки). В *Первом начале*) упоминания основоположника династии Романовых нет.

В *Юб.* изд. большой текст помещен первым (т. 17, с. 151–154), исходя из хронологии изображенных событий. Однако это решение может быть оспорено. Вернувшись к замыслу романа из времени Петра I, Толстой под влиянием тех высказываний о Петре, которые содержались в выписках из судебных дел Преображенского приказа, присланных ему Николевым, а также свидетельств, приведенных в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, поставил себе цель написать историю Петра с народной точки зрения. А народ, согласно этим документам, относился к Петру и его деятельности резко отрицательно. Избрав в *Первом начале*) в качестве формы повествования сказ с неперсонифицированным рассказчиком Толстой не только устранился от авторской оценки изображаемого, но и представил многие события в виде слухов. До правки таких случаев было четыре, после правки – шесть: «говорили, что не без греха было дело» (о смерти Алексея Михайловича); «и говорили про мачеху»; «Говорили тогда, что Артамон Матвеев (...) утаил от бояр про смерть царя»; «Говорили тогда, что его отравили» (о Федоре); «прежде при других царях слухов об отраве не бывало»; «после смерти Алексея Михайловича стали говорить, что и его отравили»; «То же говорили и про Федора, когда он помер». Во *Втором начале*), гораздо большем по объему, таких случаев до правки четыре, после правки – два.

Для *Первого начала*) характерна просторечная лексика и нелитературные обороты: «сел на царство», «прижил с нею 13 человек детей», «промежду родных», «кабы не застоял патриарх Иоаким», «затем и сказывал», «не хуже противу отца и деда», «тем же скорбел и другой брат его». Книжное «преставился» Толстой правит на просторечное «помер». Толстой употребляет даты старого летоисчисления от сотворения мира, переводя их тут же в даты от Рождества Христова. В отрывке «Стрельцы» был всего один такой случай, и он устранен после правки. Начав меньший отрывок со смерти Федора, Толстой, видимо, почувствовал необходимость дать хотя бы краткую предысторию того, о чем идет речь.

Все поля 1-й страницы (Первого начала) занимает большая вставка, в которой коротко изложена история семьи Алексея Михайловича, и уже после нее идет рассказ об обстоятельствах воцарения Федора. Если этот отрывок написан после «Стрельцов», Толстой мог использовать для вставки фрагменты 1-го отрывка. Однако единственное совпадение – это «и прожил с царицею, своей женою, 21 год в любви, мире и согласии» ((Первое начало)); «и 21 год прожил царь Алексей Михайлович с женою-царицею, в мире, любви и согласии» ((Второе начало)). Зато есть убедительный факт обратного заимствования. В (Первом начале) возраст Натальи 16 лет. Во (Втором начале) Толстой сначала повторяет эту цифру, а потом исправляет ее на 18.

(Второе начало) имеет более законченный, упорядоченный вид. У него есть название, фрагмент разделен на главы и содержит больше сведений о царской семье. Судя по названию, Толстой намеревался изобразить стрелецкий бунт 1682 г. и, чтобы были понятны его истоки, кратко изложил историю царского дома Романовых от Михаила до Федора, после смерти которого и произошел этот бунт. Называя в (Первом начале) Федора последним русским царем, повествователь намекает на незаконность происхождения и воцарения Петра. Доказательство этого становится лейтмотивом (Второго начала). С этой целью всячески дискредитируется мать Петра, царица Наталья Кирилловна, согласно мнению о ней народа, зафиксированному в «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Две соответствующие выписки из этого труда содержатся в материалах к роману: «Старец из Заонежья. (...) Рожден “П(етр) Антихр(ист) от нечистой девы”» (Юб., т. 17, с. 400); вторая выписка состоит из нескольких разрозненных слов: «Антихр(ист) от Данова племени. Незаконный, от 2-й жены» (там же, с. 401). Все, что касается Натальи, излагается у Толстого в неуважительно-пренебрежительных тонах: «Не прошло года после смерти жены, как он сошелся в любовь с 18-летней незамужней девкой и через два года, чтобы прикрыть грех, женился на ней. Женился он на ней 22 января, а в мае она родила незаконного сына. От царя ли был этот сын или от кого другого, никто не знал». В действительности бракосочетание Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной произошло 22 января 1671 г., а Петр родился 30 мая 1672 г. «Как бы ни было, – заключает Толстой, – шла она замуж не честью, и вместе с мачехой пошли беды за бедами на царскую семью» ((Второе начало)).

В стилизованном под народную речь отрывке Наталья обвиняется в смерти 4-летнего Симеона, хотя он умер за полтора года до того, как она вошла в царскую семью. Объявленный наследником престола Алексей умер за год до этого. Царица Наталья подозревается также в отравлении двух оставшихся царевичей, которые потеряли здоровье, и даже самого царя. Подтверждением этого подозрения для рассказчика в отрывке является тот факт, что все царевны остались невредимы, так как они не могли претендовать на престол и соперничать с сыном Натальи Петром. После смерти Алексея Михайловича Наталья сделала попытку незаконным путем объявить царем 4-летнего Петра. Вместе с Артамоном Мат-

веевым они скрыли, что Алексей Михайлович благословил на царство Федора, и пытались убедить бояр, что Федор из-за болезни не может быть царем.

Женитьба царя на Наталье выглядит в отрывке как результат происков дьявола, который соблазнил царя, царь попал в сети к врагу. В меньшем фрагменте образ Натальи тоже не вызывает сочувствия, но все-таки там она названа не девкой, а девицей. По версии этого отрывка, Наталья «была сирота и жила в доме у Артамона». Когда умер Алексей Михайлович, «мачеха Федора, Нарышкина, с своими родными прилагивалась посадить на царство своего сына Петра», но действовала не она, а Артамон Матвеев. В большем отрывке Толстой передает слух о том, что Наталья была наложницей Матвеева до того, как вышла замуж за царя, а в меньшем он называет Матвеева ее дядей. В меньшем отрывке Петр родился у Натальи через год после замужества, то есть у Толстого еще не было стремления акцентировать нечестность Натальи и незаконность рождения Петра.

Причиной того, что Толстой оставил работу над меньшим отрывком, могло явиться несоответствие сказового стиля повествования жанру исторического романа. Большой отрывок сочетает хроникальность повествования со сказовостью. Рассказчик и здесь продолжает опираться на слухи и толки. Но вместе с тем повествование насыщается точными цифрами и датами. Особенно много их в первоначальном варианте большего отрывка, до правки. Так, там было сказано, что Федор царствовал 6 лет (эта дата была и в меньшем отрывке), а после правки стало: «Недолго процарствовал и Федор». До правки говорилось, что сын Алексей Алексеевич был объявлен наследником за два года до своей смерти, после правки – без даты: «Наследником царства был объявлен царевич Алексей...» О детях Алексея Михайловича от первого брака в первом варианте (Второго начала), как и в (Первом начале), было сказано: «женившись (...) На Марье Ильиничне Милославской (...) прижив от нее 5 сынов и 8 дочерей» (в (Первом начале): «и прижил с нею 13 человек детей: 5 сыновей и 8 дочерей»). После правки во (Втором начале) стало: «И Бог благословил их детьми. Живых было 10» (в 1-м варианте упомянуты еще две царевны и один царевич, «умершие в молодых годах»). То есть, совпадений между (Первым началом) и (Вторым началом) до правки больше, чем между двумя вариантами (Второго начала), что свидетельствует о том, что (Второе начало) создавалось с учетом (Первого начала), а затем текст подвергся правке. После правки «Стрельцов» количество цифр в тексте ненамного уменьшилось, так как было сохранено перечисление всех живых детей с указанием возраста. В (Первом начале) этих сведений не было.

Меньший отрывок занимает всего 2 страницы. Почти вся правка приходится на 1-ю страницу. Кроме вставок, были и зачеркивания. В одном случае зачеркнута вставка на полях, которая должна была заменить несколько строк зачеркнутого текста. Речь шла о преимущественном праве Федора на престол отца и о попытке Натальи и Артамона Матвеева посадить на царство четырехлетнего Петра. В дальнейшем

тексте были только зачеркивания по ходу писания отдельных слов и три слова, вписанные над строкой: «при смерти отца» (о болезни Федора в это время).

История царской семьи во *⟨Втором начале⟩* прерывается на смерти Федора. Последняя ее фраза: «Остался поперек дороги мачехе один законный наследник Иоанн», – указывает на то, что будет продолжение. А пока Толстой переходит к заявленной в названии теме стрельцов. Она начинается в последнем абзаце 1-й главы и продолжается во 2-й главе. В меньшем отрывке речь о стрельцах вообще не шла, тем более что тема и не была заявлена в названии. Видимо, у Толстого при создании этого варианта был другой замысел, отличный от того, который он начал осуществлять в отрывке «Стрельцы». Первоначально тема стрельцов возникла только с началом 2-й главы. Текст, содержащий общие сведения о стрельцах (способы формирования, количество и структуру стрелецких полков), Толстой вписал на полях последней страницы рукописи и вставил перед 2-й главой, занимающей эту страницу. Вторая глава начинается с бытовой зарисовки: венчание двух (сначала было трех) свадеб в стрелецкой слободе как раз в тот день, когда умирал царь Федор. Производя правку, Толстой изменил последнюю фразу, по которой можно было догадываться, что происходит что-то необычное, предвосхищающее заговор. Было: «У съезжей избы с каланчою на другой стороне площади сошлось человек с 20 стрельцов, всё больше старые, и всё еще и еще подходили [слушали] и останавливались, слушая, что говорили старики». Стало: «У съезжей избы с каланчою на другой стороне площади никого не было. Только караульный стоял на каланче».

Отрывок «Стрельцы» подвергся такой серьезной переработке в процессе писания и при дальнейшей правке, что фактически была создана вторая редакция текста.

В настоящем издании циклы, объединяющие варианты начал романа, печатаются в соответствии с исторической хронологией событий, описанных у Толстого: *⟨Стрельцы⟩*, *⟨Переход власти от Софьи к Петру⟩*, *⟨Потешная война под Кожуховом⟩*, *⟨Азовские походы⟩*, *⟨Северная война⟩*.

⟨СТРЕЛЬЦЫ⟩

⟨ПЕРВОЕ НАЧАЛО⟩

С. 157. 7290 года, в четверг на Фоминой неделе, помер ~ государь Федор Алексеевич. – Царь Федор Алексеевич скончался 27 апреля 1682 г. 7290 – описка Толстого, так как 1682 г. от Рождества Христова соответствует 7190 г. по летоисчислению от сотворения мира.

Год смерти царя Федора Алексеевича по летоисчислению от сотворения мира и фраза – «в четверг на Фоминой неделе» – заимствованы Толстым из «Книги записной Царя и Великова Князя Петра Алексеевича в 190 г.». Ср.: «Лета 7190 апреля в 27 день нарекли на Российское государство в Цари, Государя Царевича и Великого Князя Петра Алек-

сеевича (...), по преставлении брата ево (...) Федора Алексеевича (...), в четверк Фомины недели» (*Соловьев*, т. 14, с. XXV – приложение). Слово «четверг» в рукописи Толстого соответствует написанию этого слова в указанном источнике: «четверк».

Фомина неделя – неделя, следующая за Светлой седмицей. Свое название она получила в память об апостоле Фоме. Фомина неделя начинается в первое воскресенье после Пасхи, которое именуется Фоминым воскресеньем, а также Антипасхой. В этот день вспоминается явление Воскресшего Господа апостолу Фоме. В 1682 г. Фомина неделя приходилась на период с 23 по 29 апреля.

Федор Алексеевич царствовал 6 лет и 3 месяца. – Правление царя Федора Алексеевича началось 29 января 1676 г. и завершилось в связи с его кончиной 27 апреля 1682 г. Таким образом, он находился на престоле 6 лет и 3 месяца.

Он сел на царство ~ 15 лет, а помер 21 года. – Царь Федор Алексеевич был возведен на царство сразу после кончины своего отца царя Алексея Михайловича. На момент вхождения на престол ему было 14 лет и 8 месяцев. До своего 21-го дня рождения он не дожил тридцати трех дней.

Заболел он незадолго перед смертью родителя ~ исчах и помер в молодых годах. – Хотя царевич Федор Алексеевич действительно был болен в канун кончины своего отца (см. с. 489, 491 наст. изд.), однако причиной его недомогания было не новое заболевание, а обострение наследственной болезни, которой он страдал на протяжении всей жизни. Федор Алексеевич унаследовал от отца, Алексея Михайловича, и деда, Михаила Федоровича, цингу, которая передавалась по мужской линии рода Романовых. Признаки «скорбутики, или цынготной скорби» проявились у юного царевича, по свидетельству А.А. Матвеева, еще «при детских его летах» (*Туманский*, ч. I, с. 114). По словам другого свидетеля, кн. Б.И. Куракина, Федор Алексеевич был «отягчен болезнями с младенчества своего, и особливо скорбутика и слабости в ногах, от которой скончался» (*Куракин*, с. 43).

Перед своей кончиной царь Алексей Михайлович, зная о том, что Федор серьезно болен, все же благословил его на царство. Однако даже для того, чтобы новый царь смог проводить отца в последний путь, для него пришлось изготовить специальные носилки в форме стула, обитого черным сукном. Во время похорон Алексея Михайловича за его гробом на этих носилках несли Федора Алексеевича.

В начале февраля 1676 г. состояние здоровья царя Федора Алексеевича, по-видимому, продолжало оставаться тяжелым. В донесении из Москвы от 3 февраля 1676 г. датский резидент Магнус Гё сделал неутешительный прогноз относительно здоровья нового царя: «Есть также большая вероятность, что теперешний царь, с детских лет совсем больной и меланхоличный, долго не проживет...» (*Щербачев*, с. 41).

В начале июня 1676 г. здоровье царя Федора Алексеевича улучшилось, что позволило начать подготовку его венчания на царство, которое состоялось 18 июня того же года.

Новое ухудшение в состоянии здоровья царя Федора Алексеевича произошло после кончины его первой жены царицы Агафьи Семеновны и новорожденного сына (см. с. 502 наст. издания). Опасения врачей за жизнь царя были столь серьезны, что они предостерегали его от вступления во второй брак, который мог повлечь за собой дальнейшее ослабление здоровья государя. Во время бракосочетания с М.М. Апраксиной 15 февраля 1682 г. царь Федор Алексеевич чувствовал себя настолько плохо, что венчался, сидя в кресле. После свадьбы состояние здоровья царя заметно ухудшилось. В донесении от 21 февраля 1682 г. голландский резидент И. Келлер сообщал из Москвы, что врачи постоянно находятся при дворе «в распоряжении его царского величества, опасаясь, как бы дела не приняли плохой оборот и не закончились плачевно в связи с крайней слабостью и упадком сил, обнаруженным у его царского величества» (цит. по кн.: *Седов*, с. 389). Лишь в Великую Субботу и на Пасху (15 и 16 апреля 1682 г.) царь появился в Успенском соборе. 27 апреля 1682 г. царь Федор Алексеевич скончался, прожив во втором браке только 2 месяца и 12 дней.

Алексей Михайлович женился в молодых годах и прожил с царицею, своей женою, 21 год в любви, мире и согласии... – Ср.: «...царь Алексей Михайлович, вскоре по восшествии на престол, в молодых летах, сочетался браком с дочерью незнатного дворянина Ильи Даниловича Милославского, и двадцать один год жил с нею в любви и согласии» (Устрялов, т. I, с. 4).

Царь Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской 16 января 1648 г. в возрасте 18 лет и 10 месяцев от роду.

...прижил с нею 13 человек детей: 5 сыновей и 8 дочерей. – Ср.: «Пять сыновей и восемь дочерей были плодом этого брака» (Устрялов, т. I, с. 4) (см. также с. 493 наст. издания).

...сошелся царь с Артамоном Матвеевым... – В конце 1660-х годов дружеские отношения царя со стрелецким головой А.С. Матвеевым (1625–1682), стали особенно близкими. Царь ценил его за верную службу, ум и душевные качества. Свою личную преданность царю Матвеев доказал во время московского восстания 1662 г., когда одним из первых привел свой стрелецкий полк к царю в Коломенское. Царь нередко доверял Матвееву ответственные дипломатические поручения, в том числе конфиденциального характера, о чем позднее Матвеев писал в челобитной 1681 г.: «...тайну ваших Государских дел полковых, ратных, посольских (...) ведал» (История о невинном заточении, с. 136).

В начале 1669 г., когда Матвеев вернулся в Москву с Украины, «где блестяще продемонстрировал свои дипломатические таланты на Глуховской раде» (*Седов*, с. 83), царь назначил его главой Малороссийского приказа. После смерти царицы Марии Ильиничны отношения царя с Матвеевым стали особенно тесными. Алексей Михайлович нередко бывал в доме своего друга и проводил с ним вечера в беседах на различные темы. В предисловии к книге «История о невинном заточении боярина Матвеева» Н.И. Новиков привел одно из посланий царя к Матвееву, свидетельствующее об их доверительных отношениях: «Приезжай к нам

скорее; дети мои и я без тебя осиротели; за ними присмотреть некому; а мне посоветоваться без тебя не с кем...» (*История о невинном заточении*. К читателю, с. 5). Знаком «особенного расположения» к Матвееву стала женитьба царя на его воспитаннице Н.К. Нарышкиной.

В 7277 от начала мира и в 1669 умерла царица... – Ср.: «...в 1669 году он потерял любимую супругу, скончавшуюся вследствие несчастных родов...» (*Устрялов*, т. I, с. 4). Царица Мария Ильинична скончалась 3 марта 1669 г. спустя неделю после тяжелых родов. 26 февраля она родила дочь, которую называли, как и старшую царевну, Евдокией. Младшая царевна Евдокия прожила всего три дня. Погребение царицы совершилось 4 марта в Вознесенском женском монастыре Кремля. Из опубликованных И.Е. Забелиным материалов видно, сколь ревностно и «с каким богомольным усердием» царь Алексей Михайлович исполнял все поминальные обряды: кормил нищих, раздавал милостыню, жаловал монастырям деньги на поминание, посещал богадельни, тюрьмы, повелел освободить колодников из тюрем, заплатил за них «истцовы иски и пошлины» (*Забелин. Домашний быт русских цариц*, с. 336). Кроме того, царь Алексей Михайлович в память о супруге написал «новую редакцию Сказания об Успении Богородицы и сочинил новый распев религиозного гимна» (*Седов*, с. 113).

В указанную Толстым дату кончины царицы Марии Ильиничны по летоисчислению от сотворения мира вкралась описка: 1669 г. от Рождества Христова соответствует 7177 г. от сотворения мира.

...через 3 месяца помер сын Семен... – Н.Г. Устрялов писал о смерти «чрез три месяца четырехлетнего сына Симеона» (*Устрялов*, т. I, с. 4). Царевич Симеон Алексеевич (1665–1669) скончался 19 июня 1669 г., четырех лет от роду, спустя 3 месяца и 16 дней после смерти матери, царицы Марии Ильиничны.

...через полгода и старший сын Алексей, объявленный наследник царский. – В сочинении Н.Г. Устрялова говорится о кончине «чрез полгода шестнадцатилетнего царевича Алексея» (*Устрялов*, т. I, с. 4).

Царевич Алексей Алексеевич скончался через 7 месяцев после смерти своего младшего брата Симеона: 17 января 1670 г. Ранее, 1 сентября 1667 г., царевич Алексей Алексеевич был торжественно объявлен народу как наследник престола.

Через год с небольшим вдовый царь женился на молодой 16-летней девице Наталье Нарышкиной. – О своем намерении вступить во второй брак царь Алексей Михайлович заявил спустя восемь месяцев со дня кончины царицы Марии Ильиничны. Для выбора будущей царицы был объявлен смотр невест. В нем приняли участие 70 девушек из Москвы, Владимира, Суздаля, Новгорода и Костромы. Все участницы отличались красотой и принадлежали к дворянскому и боярскому сословиям.

Смотрины начались 28 ноября 1669 г. и завершились 17 апреля 1670 г. В назначенные для смотрин дни девушек привозили во дворец к царю. После смотрин одних девушек сразу отправляли по домам, других, наиболее понравившихся царю, оставляли для второго смотра. Как

следует из опубликованного П.П. Пекарским «Списка девиц, из которых в 1670 и 1671 годах выбирал себе супругу царь Алексей Михайлович», «Кирилова дочь Нарышкина Наталья» была привезена на смотр 1 февраля 1670 г. (Известия Археологического общества. СПб., 1865, т. V, вып. 6, стлб. 470). Во второй брак царь Алексей Михайлович вступил спустя 1 год и 10 месяцев со дня кончины царицы Марии Ильиничны Милославской. Его избраннице, Наталье Нарышкиной, на день бракосочетания было 19 лет и 5 месяцев, она родилась 22 августа 1651 г. Указание Толстого на ее 16-летний возраст объясняется тем, что писатель не располагал сведениями о дате рождения царицы Натальи Кирилловны.

Наталья эта была сирота и жила в доме у Артамона. – Хотя Наталья Нарышкина жила в доме А.С. Матвеева в качестве воспитанницы с одиннадцати или двенадцати лет, она не была сиротой. Сведения о том, что Н.К. Нарышкина была воспитанницей А.С. Матвеева, восходят к «Запискам» А.А. Матвеева: «...из дому его, господина Матвеева, доступила до российской короны государыня царица *Наталья Кириловна*, из фамилии Нарышкиных, воспитана в оном доме его» (*Туманский*, ч. 1, с. 134–135). С ее отцом Кириллом Полуэктовичем Нарышкиным А.С. Матвеев, по предположению Н.Г. Устрялова, познакомился и подружился в одном из военных походов (*Устрялов*, т. I, с. 257).

Артамон и свел ее с царем и выдал за него замуж. – Поводом к возникновению версии о причастности А.С. Матвеева к устройству второго брака царя Алексея Михайловича послужили дружеские отношения Матвеева с царем и факт избрания его воспитанницы царской невестой. В связи с отсутствием каких-либо документальных материалов судить о степени влияния А.С. Матвеева на выбор невесты трудно. Возможно, в данном случае, говоря о «сводничестве» А.С. Матвеева, Толстой опирался на суждение Н.Г. Устрялова, которым историк заключил изложение рассказа внучки Матвеева, графини М.А. Румянцевой, о знакомстве царя Алексея Михайловича с Н.К. Нарышкиной в доме ее деда. Ср.: «Само собою разумеется, что дело решено было заранее, и жребий выпал прекрасной Натальи» (*Устрялов*, т. I, с. 5).

По словам графини М.А. Румянцевой, знакомство царя с Натальей Нарышкиной произошло в один из вечеров, когда царь пришел в гости к своему другу А.С. Матвееву и изъявил желание отужинать со всеми, «кто в другое время обыкновенно с тобою садится» (*Штелин*, с. 12). В 1900 г. Е. Шмурло оспорил факт знакомства царя Алексея Михайловича с Н.К. Нарышкиной в доме А.С. Матвеева, заявив: «известный рассказ Штелина не только не опирается ни на какие положительные факты, но и стоит в противоречии со многими другими» (*Шмурло Е.* Критические заметки по истории Петра Великого // *ЖМНП*, 1900, № 8 (август), ч. 330, с. 193).

Прошел год, родился у царя сын от второй жены... – Сын царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, царевич Петр Алексеевич, родился 30 мая 1672 г.

...потом дочь... – Царевна Наталья Алексеевна, родилась 25 августа 1673 г. Еще одна дочь царя Алексея Михайловича и царицы

Натальи Кирилловны – царевна Феодора Алексеевна родилась 4 сентября 1674 г.

...через 5 лет помер скоропостижно и царь 46 лет от роду... – Царь Алексей Михайлович скончался через 5 лет и одну неделю после своего второго бракосочетания. Ему было 46 лет и 10 месяцев. Сведения о внезапной болезни и скоропостижной смерти царя Алексея Михайловича Толстой мог почерпнуть как у С.М. Соловьева («царь Алексей Михайлович умер неожиданно» – т. 13, с. 232; «царь умер скоропостижно» – там же, с. 234), так и у Н.Г. Устрялова («Сраженный незапным недугом, царь Алексей Михайлович скончался после кратковременных страданий...» – *Устрялов*, т. I, с. 11). В дополнение к своему утверждению о внезапном недуге царя Устрялов привел доказательства того, что в первой половине января 1676 г. он был здоров: «6 января в полном царском облачении он ходил на Иордань; 12 января, в день тезоименитства сестры своей, царевны Татьяны Михайловны, слушал литургию в церкви препод. мученицы Евдокии и жаловал бояр именинными пирогами» (*Устрялов*, т. I, с. 262). Опираясь на свидетельство голландского посла К. фан-Кленка, Устрялов отметил, что 19 января «царь чувствовал себя уже нездоровым (...), а чрез 10 дней скончался» (там же). Сведениями о том, какая болезнь явилась причиной смерти царя Алексея Михайловича, ни С.М. Соловьев, ни Н.Г. Устрялов не располагали. «Какою именно болезнию умер царь Алексей, мы не знаем», – констатировал Н.Г. Устрялов (там же).

Впоследствии выяснилось, что царь Алексей Михайлович умер от простуды. Изучение целого ряда новых источников позволило П.В. Седову предположить, что «вероятно, царь простудился 6 января, в день Богоявления, во время многочасовой церемонии на льду Москвы-реки» (*Седов*, с. 193). Признаки болезни, очевидно, проявились 9 января, так как в этот день царь Алексей Михайлович не присутствовал на службе в Успенском соборе (там же). Очевидно, начало болезни вызвало серьезные опасения за жизнь царя, так как «по городам были разсланы гонцы с повелением молиться за здоровье государя» (там же). 16 января известие о болезни Алексея Михайловича достигло Новгорода, а 17 – Киева (там же, с. 193–194). Однако к 16 января состояние здоровья царя, по-видимому, улучшилось, так как в этот день он слушал певчих дьяков, 17 и 19 января принимал голландского посла, 20 января слушал музыку и смотрел театральные пьесы. Новое ухудшение в состоянии здоровья государя произошло 22 января. Согласно утверждению датского резидента Магнуса Гё, Алексея Михайловича «никак не могли понудить принять какое бы то ни было лекарство» (*Щербачев*, с. 40). О том, какими средствами царь пытался сбить высокую температуру, свидетельствовал член голландского посольства Б. Койэт: «Вместо лекарств он, при сильнейшем жаре, все время пил лишь квас, до того холодный, что в нем плавали кусочки льда, которые он глотал; кроме того, для умерения жара он велел класть на живот толченый лед, а также и в руки брал лед» (*Посольство Кунраада фан-Кленка*, с. 431). Через неделю положение царя стало безнадежным. 26 января он послал подарки низложенному

патриарху Никону в Ферапонтов монастырь и попросил у него прощения (Седов, с. 196). 28 января он соборовался, благословил на царство сына Федора Алексеевича, 29 января повелел освободить узников из темниц и заплатить долги за должников.

Согласно записи в Дворцовых разрядах, смерть царя Алексея Михайловича наступила «в нынешнем во 184 году, генваря против 30 числа, в 4 часу ночи, с субботы на воскресенье...» (*Дворцовые разряды*, том III, стлб. 1635). «...против 30 числа, в 4 часу ночи...» – по современному исчислению времени соответствует 8 часам вечера 29 января. 7184 г. от сотворения мира соответствует 1676 г. от Рождества Христова.

30 января тело Алексея Михайловича было перенесено из «государских хором» в Архангельский собор (там же). В Архангельском соборе гроб с телом царя был установлен перед алтарем на шесть недель. По истечении этого времени и совершении литургии тело царя Алексея Михайловича было погребено на правой стороне Архангельского собора возле гроба царевича Алексея Алексеевича.

Матвеева судили за отраву... – Сведения о якобы имевшей место попытке ближнего боярина А.С. Матвеева отравить царя Федора Алексеевича Толстой почерпнул из первого тома труда Н.Г. Устрялова о Петре I. Ср.: «...лекарь Берлов донес, что он хотел отравить государя во время тяжкой болезни его...» (*Устрялов*, т. I, с. 12).

Этому доносу предшествовало девятимесячное преследование А.С. Матвеева со стороны его противников, входивших в ближайшее окружение царя Федора Алексеевича.

Первым успешно реализованным их намерением стало отстранение боярина от заведования Аптекарским приказом, которое произошло 9 февраля 1676 г., т.е. через 10 дней после воцарения нового государя. Потеряв контроль над Аптекарским приказом, А.С. Матвеев еще полгода руководил Посольским приказом, но падение его престижа при дворе было замечено иностранными дипломатами уже в апреле 1676 г. (см.: *Посольство Кунраада фан-Кленка*, с. 503). К началу июля 1676 г. противники Матвеева сумели восстановить против него большинство Думы.

По свидетельству полковника П. Менезиуса, Матвеев был обвинен в «несправедливости, грубости и вымогательствах, которые он допустил в отношении целого ряда бедных людей» (цит. по кн.: *Седов*, с. 242–243). Утром 4 июля стрельцы препроводили Матвеева в Кремль, где боярин Р.М. Стрешнев зачитал ему царский указ о посылке его воеводой на Верхотурье. В тот же день Матвеев был отстранен от руководства Посольским приказом и поспешно выслан из Москвы. В ноябре 1676 г., когда он еще не доехал до Верхотурья, лекарь Давид Берлов, служивший под началом Матвеева в Аптекарском приказе, подал на него донос. В этом доносе Берлов обвинял ближнего боярина в умысле на жизнь царя Федора Алексеевича, уличал в чтении «черной книги» и вызове злых духов, ссылаясь на собственные наблюдения и свидетельства слуг Матвеева.

В начале декабря на Матвеева поступил второй донос. Его подал стольник Федор Тихонович Зыков, якобы обнаруживший у своего холопа Михаила Свашевского «черные книги», списанные с книг «каковы были у боярина у Артамона Сергеевича Матвеева...» (*Старостина*, с. 74). По мнению Т.В. Старостиной, «розыск по извету Зыкова несомненно послужил дополнительным толчком к обвинениям Матвеева в чародействе, в чернокнижии, в пользовании “непотребными” лечебниками и книгами» (там же, с. 51).

В результате изучения сыского дела А.С. Матвеева 1676–1677 гг. Т.В. Старостина установила, что «в мае–июне 1677 г. процесс по извету Берлова был завершен» (там же, с. 82). 17 мая 1677 г. А.С. Матвеев был разжалован из бояр «за великие вины и неправды». 11 июня того же года в Казани, в съезжей избе, А.С. Матвееву «был сказан указ великого государя» (там же, с. 83). Официальный текст этого указа историкам разыскать не удалось (*Седов*, с. 265). С.М. Соловьев на основании анализа челобитных Матвеева, отправленных из ссылки, предположил, что бывшего ближнего боярина обвинили в покушении на жизнь государя, так как «дядьки государевы, князь Куракин и Хитрово объявили, что никогда он не выпивал остатков» (*Соловьев*, т. 13, с. 238; речь идет об остатках лекарств, которые Матвеев должен был допивать за государем. – *Ред.*). Чтение «черной книги», призыв нечистой силы, по всей вероятности, также были вменены в вину А.С. Матвееву. Возражения Матвеева не были приняты в расчет. Его осудили на вечную ссылку в Печорский край, в город Пустозерск.

В Пустозерске Матвеев в страданиях и лишениях прожил 4 года. В челобитных к царю и боярам Матвеев утверждал, что он «не токмо словом или делом, но и помышлением» невинен (*История о невинном заточении*, с. 315).

В январе 1682 г., в канун своей женитьбы на крестнице Матвеева Марфе Матвеевне Апраксиной царь Федор Алексеевич, признав невинность Матвеева, приказал его из-под стражи освободить и велел ждать нового его указа. Указание о возвращении в Москву Матвеев получил уже от царя Петра Алексеевича, последовавшей 27 апреля 1682 г. 12 мая 1682 г. Матвеев вернулся в Москву, а 15 мая был жестоко убит восставшими стрельцами (см. с. 517).

С. 157–158. *Мачеха Федора, Нарышкина, с своими родными прилагивалась посадить на царство своего сына Петра 4-х-летнего, помимо старшего Федора.* – Здесь и далее при описании событий, предшествующих воцарению Федора Алексеевича, Толстой воспользовался сведениями из рукописи неизвестного польского автора «*Diariusz Zabójstwa tyrańskiego senatorów Moskiewskich w stolicy roku 1682 u obrania dwóch carów Joana u Piotra*» (впервые опубликована на русском языке под заглавием «Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна» в 1901 г. в сборнике «Старина и новизна», кн. 4, с. 383–407), приведенными С.М. Соловьевым в его «Истории России с древнейших времен» в качестве «самого подробного»

источника версии о якобы имевшем место дворцовом перевороте со стороны воспитателя царицы Натальи Кирилловны ближнего боярина А.С. Матвеева «в пользу Петра» (*Соловьев*, т. 13, с. 234–235). Хотя С.М. Соловьев считал эту версию недостоверной в связи с тем, что в пору опалы А.С. Матвеева «не послышалось ни слова обличения ни от кого из вельмож, которых Матвеев уговаривал мимо больного Федора присягнуть маленькому Петру» (там же, с. 235), она привлекла внимание Толстого.

Говоря от лица рассказчика об умысле царицы Натальи Кирилловны посадить на престол четырехлетнего царевича Петра в обход старшего царевича Федора, Толстой видоизменяет версию анонимного польского автора, вовлекая в круг сообщников царицы ее родственников Нарышкиных.

В 1900 г. Е. Шмурло, предприняв критический разбор иностранных известий о попытке дворцового переворота со стороны царицы Натальи Кирилловны и боярина А.С. Матвеева, пришел к мысли, что все они основаны на поздних слухах и носят недостоверный характер (см.: *Шмурло Е.* Критические заметки по истории Петра Великого // *ЖМНП*, 1900, ч. 331, октябрь, с. 335–366). Изучение источников, современных воцарению Федора Алексеевича, позволило П.В. Седову сделать вывод, что «основой для поздних слухов о попытке дворцового переворота со стороны Нарышкиных» (*Седов*, с. 200) стала «копала А.С. Матвеева, случившаяся через несколько месяцев, и обвинение его в колдовстве с целью извести царя Федора...» (там же). В действительности, по мнению ученого, «никакого форменного заговора не было, иначе Милославские не преминули бы упрекнуть в этом А.С. Матвеева, когда судили его за колдовство» (там же).

С. 158. *И быть бы смуте во всем царстве, кабы не застоял патриарх Иоаким и князь Юрий Алексеич Долгоруков.* – Патриарх Иоаким и князь Ю.А. Долгоруков, по версии анонимного польского автора, воспрепятствовали якобы имевшему место намерению царицы Натальи Кирилловны и ее воспитателя А.С. Матвеева возвести на престол малолетнего царевича Петра в обход его старшего брата царевича Федора. Ср.: «... бояре, узнавши от патриарха, который был при смерти царской, что отец благословил Феодора на царство и Юрия Долгорукого назначил опекуном, ждали последнего. Приезжает наконец Долгорукий во дворец, как вол ревет с жалости по царе и прямо к патриарху: “Кого отец благословил на царство?” “Феодора” – отвечает патриарх. Тогда Долгорукий с боярами, не слушая увещаний Артемона, что надобно избрать Петра, стремятся к покоям Феодора, подходят – двери заперты! Долгорукий приказывает выломать двери, бояре берут на руки Феодора, потому что сам идти не может, ноги распухли, несут, сажают на престол и сейчас же начинают подходить к руке, поздравляя на царстве. Мать царя Петра и Артемон скрылись, видя, что ничего не могут сделать против Долгорукого и всех бояр» (*Соловьев*, т. 13, с. 234–235).

Изучение разрядных записей, в которых изложена официальная версия передачи трона царю Федору Алексеевичу, дало основание

П.В. Седову высказать сомнение относительно того, что боярин князь Ю.А. Долгоруков «вообще появлялся во дворце» в день кончины царя Алексея Михайловича. Дело в том, что «члены голландского посольства посетили его (Ю.А. Долгорукова. – *Ред.*) в собственном доме 27 января, когда он лежал “больной в постели”» (*Седов*, с. 198). Однако, судя по тому, что 31 января князь Ю.А. Долгоруков зачитал указ государя об освобождении колодникам Сибирского приказа, он, «видимо, был во дворце и на первых ролях» (там же).

Говорили тогда, что Артамон Матвеев, дядя молодой царицы, утаил от бояр про смерть царя ~ уговаривал бояр присягать ему. – Рассказывая о кончине государя Алексея Михайловича, С.М. Соловьев приводил следующие слова из анонимного польского источника: «Артемона утаил смерть царя, подкупил стрельцов, чтоб они стояли за маленького Петра, и потом уже ночью повестил боярам о преставлении государя. Когда они на начали собираться, он посадил маленького Петра на престоле и уговаривал бояр, чтоб они признали его беспрекословно государем...» (*Соловьев*, т. 13, с. 234).

Боярин А.С. Матвеев был воспитателем царицы Натальи Кирилловны, а не ее дядей (см. с. 485).

...царь благословил Федора. – Ср.: «Умирая, Алексей благословил на царство сына от Милославской, Феодора...» (*Соловьев*, т. 13, с. 234). Согласно сообщению датского резидента Магнуса Гё от 3 февраля 1676 г., царь Алексей Михайлович, «почувствовав приближение смерти, приказал позвать старшего царевича, теперешнего царя, благословил его (...), вручил даже скипетр (...), наказывал править народом с кротостью и в страхе Божьем, следуя советам добрых слуг...» (*Щербачев*, с. 40). В качестве такого «добротого слуги» царь Алексей Михайлович рекомендовал царевичу Федору Алексеевичу Б.М. Хитрово (там же).

...а его, Долгорукова, в опекуны поставил. – Ср.: «... опекуном назначил князя Юрия Долгорукого» (*Соловьев*, т. 13, с. 234). Сведения, заимствованные Толстым из рукописи неизвестного польского автора, находят подтверждение в донесении датского резидента Магнуса Гё от 9 февраля 1676 г.: «Главным человеком у власти, по крайней мере на время, стал князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Он получил в руки управление до совершеннолетия царя, а также стал судьей Стрелецкого приказа» (*Бушковича*, с. 88). В первые месяцы после воцарения Федора Алексеевича боярин князь Ю.А. Долгоруков действительно имел первостепенное влияние при дворе. (См. с. 647 наст. изд.).

Прямое тогда дело было. Осталось ~ два сына от первой жены... и один от второй жены – младенец Петр... – Преимущественное право старшего сына государя на царский престол объясняется тем, что во времена правления Алексея Михайловича закона о престолонаследии не было, а естественный закон первородства был единственным критерием, которым руководствовался государь при выборе преемника. Сведения о существовавшем в то время в России порядке престолонаследия Толстой, по-видимому, почерпнул из следующих разъяснений Н.Г. Устрялова: «Преемник престола назначался волею государя, обык-

новенно старший из сыновей его, который едва ли не с тою целью, по достижении совершеннолетия, иногда и ранее, *объявляем* был народу торжественно и с тех пор считался наследником, а пред кончиною отца получал благословение его на царство» (*Устрялов*, т. I, с. 14). За время своего царствования Алексею Михайловичу пришлось дважды *объявлять* наследников престола: сначала Алексея Алексеевича (1 сентября 1667 г.), а после его смерти – Федора Алексеевича (1 сентября 1674 г.).

...при смерти отца Федор болен был... – См. с. 489.

...Федор болен был, и Матвеев стал говорить, что он в цари не годится ~ надо меньшего помимо старшего посадить на царство... – Ср. с рассказом неизвестного польского автора: «Когда бояре начали собираться, Матвеев посадил маленького Петра на престоле и уговаривал бояр, чтоб они признали его беспрекословно государем, потому что Федор опух, лежит больной и плоха надежда, что будет жить» (там же).

Версия анонимного польского автора о дворцовой смуте после смерти царя Алексея Михайловича не находит подтверждения в свидетельствах датского резидента Магнуса Гё и члена голландского посольства Б. Койэта. В донесении от 3 февраля 1676 г. М. Гё так описывал воцарение Федора: «Тотчас после смерти государя, в тот же вечер, бояре посадили нового царя на отцовский престол, по принятому обычаю пригласили его целовать крест, затем приняли от него распятие и также поцеловали, присягнув на верность» (*Щербачев*, с. 40). Свидетельство М. Гё совпадает с дневниковой записью Б. Койэта, утверждавшей, что Федор, лишь только его отец скончался, «боярами, находившимися при царе, был препровожден в большой зал и здесь в царских регалиях посажен на царский трон. Он поцеловал крест и, вслед за тем, вельможи и бояре принесли новому государю и царю присягу в верности, целуя крест, который держал в руках патриарх» (*Посольство Кунраада фан-Кленка*, с. 431–432).

...6 лет с месяцами царствовал не хуже противу отца и деда... – Характеризуя правление Федора, Г.Ф. Миллер отмечал: «На историю Федора можно смотреть как на переходность от великих деяний царя Алексея Михайловича к преобразованиям, совершенным Петром Великим. История должна справедливо судить о всяком государе и с благодарностью заметить, сколь многое уже было приготовлено отцом и братом Петра Великого» (*Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное*. М., 1996, с. 320).

...тем же скорбел и другой брат его, Иоанн. – Младший брат царя Федора Алексеевича, царевич Иоанн Алексеевич, также унаследовал от отца и деда цингу.

...и сам царь Алексей Михайлович, и первая жена его ~ были люди чистые и здоровые... – Документальных материалов, по которым можно было бы судить о здоровье царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, почти нет. Особый статус царского двора не позволял разглашать подобных сведений о государе и членах его семьи.

Как следует из беседы члена голландского посольства Н. Витсена с царским доктором (возможно, А. Энгельгардтом), состоявшейся в на-

чале февраля 1665 г., царь и царица «очень застенчивы, стыдятся раздеться, и никто не смеет, под угрозой телесного наказания, сказать, чем больны царь или царица» (*Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник. СПб., 1996, с. 105). По словам А. Энгельгардта, «царь ему редко показывается», поскольку при дворе хотели «чтобы медицинские предписания давали, не осмотрев больного» (там же). Отметив, что «царь редко принимает лекарства» (там же), А. Энгельгардт признался, что получает от него щедрые вознаграждения за процедуры кровопускания. Поскольку кровопускание считалось в те времена эффективным средством лечения гипертонии, историки заключили, что царь Алексей Михайлович с середины 60-х годов страдал гипертонией.

Очевидно, в начале 1670-х годов в состоянии царя Алексея Михайловича произошли перемены к худшему, так как он всерьез заинтересовался траволечением, стал изучать травники и возить с собой травяные сборы. В эти же годы уменьшилось участие царя в церковных церемониях. Реже он стал выезжать и на охоту в подмосковные дворцовые села.

Отсутствие каких-либо сведений о состоянии здоровья царицы Марии Ильиничны позволяет только предполагать, что причиной ее смерти в возрасте 44 лет стала изношенность ее организма вследствие частых родов.

〈СТРЕЛЬЦЫ〉

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉. СТРЕЛЬЦЫ

С. 159. *17 марта 1629 года у избранного на царство после московской смуты царя Михаила Федоровича родился сын Алексей.* – Михаил Федорович – первый царь из рода Романовых – был избран на царство Земским собором 21 февраля 1613 г. Одним из важнейших оснований для этого избрания стала родственная связь семьи Романовых с прежней династией московских государей: Михаил Федорович приходился внучатым племянником царице Анастасии Романовне, первой жене царя Иоанна (Ивана) IV Васильевича Грозного, а его отец, Федор Никитич Романов, был двоюродным братом царя Федора Иоанновича (Ивановича). Поскольку в момент наречения Михаила Федоровича царем Собор не знал, где он находится, Соборное посольство отправилось на его поиски сначала в Ярославль, а оттуда – в Кострому. 14 марта Соборное посольство вместе с горожанами и костромским воеводой с поднятыми иконами крестным ходом направились к Ипатьевскому монастырю, где находились Михаил Федорович и его мать, инокиня Марфа Ивановна, чтобы призвать Михаила на царство. Согласие Михаила вступить на царский трон было получено после шестичасовых уговоров послов, перемежавшихся молебнами. В Москву новообретенный царь пришел 2 мая, а 11 июля – накануне своих именин – венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля.

Избрание Михаила Романова на царский трон положило конец периоду кризиса центральной власти в Московском государстве (1605 – 1613), получившему в российской историографии название *Смуты или Смутного времени*.

Через 16 лет после избрания Михаила Федоровича на царство у него и его второй жены, царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой, родился сын Алексей. Сведения о дате его рождения Толстой позаимствовал из первого тома труда Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого». Ср.: «Царь Алексей Михайлович родился 17 марта 1629 года...» (Устрялов, т. I, с. 253). Однако, согласно другим сведениям, царевич Алексей Михайлович родился на неделю раньше указанной Устряловым даты, а именно: 10 марта 1629 г.: «Того ж 137 году, марта в 10 день, во вторник, в 8 часу ночи (...), благоверному Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичю Всеа Русии с его благочестивою Царицею и Великою Княгинею Евдокиею Лукьяновною даровал ему Государю Бог сына, Царевича Князя Алексея Михайловича...» (*Дворцовые разряды*, т. II, стлб. 40). 137 году по летоисчислению от сотворения мира, точнее – 7137 году – соответствует 1629 год по летоисчислению от Рождества Христова. 17 марта, на 8-й день от рождения согласно церковным правилам, новорожденному царевичу дали имя в честь почитаемого в этот день Алексея, человека Божия. В дальнейшем многие историки, в том числе и Н.Г. Устрялов, ошибочно указывали день именин царя Алексея Михайловича в качестве его дня рождения.

12 июля 1645 по смерти отца воцарился царь Алексей Михайлович. – Сведения о дате воцарения Алексея Михайловича, последовавшего в связи с кончиной его отца, царя Михаила Федоровича, Толстой получил из первого тома труда Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого». Ср.: «...воцарился 12 июля 1645...» (Устрялов, т. I, с. 253). Ср. также в конспективной записи Толстого на полях комментируемой рукописи: «[Родился 17 марта 1629 года, воцарился 12 1645 16-ти лет [умер 1676]]».

В действительности кончина царя Михаила Федоровича и воцарение Алексея Михайловича произошли на день позже: 13 июля 1645 г. (см.: *Дворцовые разряды*, т. II, стлб. 756).

В 1648 году молодой царь сочетался браком с девицею Марьею Ильиничною Милославской... – См. с. 483.

...21 год прожил царь Алексей Михайлович с женою-царицею в мире, любви и согласии. – См.: с. 483 наст. изд.

...Бог благословил их детьми. Живых было 10... – Из 13 детей, родившихся у царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, 3 умерли малолетними: царевич Дмитрий (1648–1649), царевна Анна (1655–1659), царевна Евдокия-младшая (1669–1669).

В 1669 скончалась царица Марья Ильинична. См.: с. 484 наст. изд.

Старшему царевичу Алексею Алексеевичу было 15 лет... – Царевич Алексей Алексеевич родился 5 февраля 1654 г. Здесь и ниже Толстой сообщает сведения о возрасте царских детей на момент смерти их

матери царицы Марии Ильиничны, приведенные в первом томе труда Н.Г. Устрялова (*Устрялов*, т. I, с. 253–254).

...второму, Федору, 8 лет... – Царевич Федор Алексеевич родился 30 мая 1661 г.

...третьему, Симеону, 4 года... – Царевич Симеон Алексеевич родился 3 апреля 1665 г.

...меньшому, Иоанну, 3 года. – Царевич Иоанн (Иван) Алексеевич родился 27 августа 1666 г.

Царевне Марфе 17... – Царевна Марфа Алексеевна родилась 26 августа 1652 г.

...*Анне 14...* – Толстой, по всей видимости, не располагал сведениями о том, что царевна Анна Алексеевна, родившаяся 23 января 1655 г., прожила четыре года и скончалась 8 мая 1659 г.

...*Софье 12...* – Царевна Софья Алексеевна родилась 17 сентября 1657 г.

...*Катерине 11...* – Царевна Екатерина Алексеевна родилась 27 ноября 1658 г.

...*Марье 9...* – Царевна Мария Алексеевна родилась 18 января 1660 г.

...*Федосье 7 лет.* – Царевна Феодосия Алексеевна родилась 28 мая 1662 г. Сведения о датах рождения всех 13 детей царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской Толстой взял из примечаний Н.Г. Устрялова к главе «Первый брак царя Алексея Михайловича», помещенной в книге «История царствования Петра Великого» (*Устрялов*, т. I, с. 254).

Наследником царства был объявлен царевич Алексей... – Ср.: «Старший сын царя Алексея Михайловича, царевич Алексей Алексеевич, был торжественно объявлен народу 1 сентября 1667 года, 13 лет 8 месяцев» (*Устрялов*, т. I, с. 267).

Воспитанный в представлениях о божественном происхождении царской власти и ее преемственной передаче от отца к сыну, царь Алексей Михайлович придавал большое значение акту *объявления* наследника престола. Значимость этого акта для царского дома и всех жителей государства должны были подчеркнуть торжественный характер церемонии и специально разработанный для нее ритуал. Церемония была приурочена к празднованию новолетия и проводилась 1 сентября, т.е. в первый день нового года, в котором наследнику должно было исполниться 14 лет (по тогдашним представлениям, это был возраст совершеннолетия). Приглашения на церемонию рассылались по всем городам государства, а также иностранным послам. Ключевая роль в церемонии отводилась самому царю и его наследнику. Оба они должны были выступать с речами и им должны были оказываться равные почести как носителям царской власти. Участие в церемонии должны были принимать: патриарх, весь освященный собор, бояре, окольничие, думные люди и прочие придворные чины. (Подробнее см.: *Устрялов*, т. I, с. 267–268).

...уж принимал послов и помогал отцу. – Ср.: «...принимал послов, как наследник престола, и уже начал разделять с отцом труды правления...» (Устрялов, т. I, с. 4).

Были живы три царевны ~ любимые сестры царские. – Сестры царя Алексея Михайловича, царевны Ирина (1627–1679), Анна (1630–1692), Татьяна (1636–1706) Михайловны были дочерьми царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой. С нежностью относясь ко всем трем своим сестрам, царь особенно любил и почитал старшую из них, Ирину Михайловну, называл ее «государыня моя матушка и сестрица». Царевна Ирина Михайловна, как следует из донесений иностранных дипломатов, имела «большую власть над умом» своего брата (Бушкович, с. 67). В 1670 г. она пыталась предотвратить женитьбу царя Алексея Михайловича на Н.К. Нарышкиной (там же, с. 67–68), а в 1676 г. активно содействовала падению А.С. Матвеева, а также преследованию отца царицы Натальи Кирилловны и ее братьев (там же, с. 101–102, 106–107).

Сам царь был не стар... – Ср.: «...еще крепкий силами, далекий от старости преклонной...» (Устрялов, т. I, с. 4). 10 марта 1669 г., через неделю после кончины царицы Марии Ильиничны, царю Алексею Михайловичу исполнилось 40 лет.

...хотя и толст брюхом... – Возможно, Толстой воспользовался здесь наблюдением С.М. Соловьева, отметившего, что в мемуарных свидетельствах иностранцев при описании внешности царя Алексея Михайловича подчеркивалось, что царь был «крепкого телосложения, но между тем преждевременная толщина, особенно живота, одряхляла его» (Соловьев, т. 12, с. 345).

Не прошло года после смерти жены, как он сошелся в любовь с 18-летней незамужней девкой... – Хотя Толстой в данном случае имел в виду Н.К. Нарышкину, в исторической литературе сохранились сведения об интимных отношениях царя Алексея Михайловича с Ириной Михайловной Мусиной-Пушкиной, урожденной Еропкиной, в 1670 г., «как раз после смерти первой супруги и до второго брака» (Седов, с. 113).

Женился он на ней 22 января, а в мае она родила незаконного сына. – В действительности эти события произошли в разные годы. Венчание царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной состоялось 22 января 1671 г., а их первенец царевич Петр Алексеевич родился 30 мая 1672 г. Следовательно, рождение царевича Петра Алексеевича произошло шестнадцать месяцев спустя после свадьбы его родителей. Этот факт был отмечен Н.Г. Устряловым в «Истории царствования Петра Великого»: «Чрез шестнадцать месяцев после бракосочетания, 30 мая 1672 года, в день преподобного Исаакия Далмацкого, в первом часу по полуночи, молодая царица обрадовала государя рождением сына, нареченного Петром...» (Устрялов, т. I, с. 7). Между тем, в истории С.М. Соловьева в результате ошибки или опечатки был неверно указан год второго бракосочетания царя Алексея Михайловича: «22 января 1672 года Алексей Михайлович женился в другой раз на

Наталье Кирилловне Нарышкиной, воспитаннице думного дворянина Артамона Сергеевича Матвеева» (Соловьев, т. 12, с. 335).

Судя по тону высказываний Толстой принял ошибочную версию С.М. Соловьева как более отвечающую его замыслу. В (Первом начале) цикла хронология второй женитьбы царя Алексея Михайловича и рождение его сына Петра указаны по Н.Г. Устрялову (см. с. 157).

...*Артамон Матвеев, бывший подьячий сын, голова стрелецкий.* – Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682), сын Сергея Матвеевича Прохорова, взявшего впоследствии фамилию Матвеев (Седов, с. 83). С.М. Прохоров (Матвеев) служил дьяком Казанского и Стрелецкого приказов, а также послом России в Константинополе и Персии. Когда Сергей Прохоров (Матвеев) вернулся в Москву, царь Михаил Федорович в награду за его заслуги в июле 1638 г. приказал записать его 13-летнего сына Артамона «в действительную службу (...) или, как тогда говорили: *в житье*» (Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837, ч. 1, с. 71). 3 февраля 1642 г. царь Михаил Федорович пожаловал А.С. Матвеева в головы стрелецкие, а царь Алексей Михайлович в 1654 г. – в стольники и полковники (См.: *История о невинном заточении*, с. 389–390). Во времена правления царя Алексея Михайловича А.С. Матвеев достиг высоких государственных чинов. В 1661 г. он возглавил Стрелецкий приказ; в апреле 1669 г. – Малороссийский приказ. Брак воспитанницы Матвеева Н.К. Нарышкиной с царем способствовал тому, что «Матвеев стал крупнейшей политической фигурой XVII в.» (Седов, с. 83). Через месяц после своей второй женитьбы – 22 февраля 1671 г. – царь назначил А.С. Матвеева главой Посольского приказа; 30 мая 1672 г. – в день рождения Петра – А.С. Матвеев был пожалован в окольничие, а 8 октября 1674 г. – в бояре.

Девку звали Наталья ~ какого она истинно была роду. – Ср.: «Нарышкины не принадлежали к числу людей родословных и до второго брака царя Алексея Михайловича не занимали мест почетных. Имя их не встречается до 1670 года в напечатанных доселе актах государственных, и общественное положение предков царицы Натальи Кирилловны осталось загадкой для историков» (Устрялов, т. I, с. 254).

Опираясь в данном случае на это высказывание Н.Г. Устрялова, Толстой, однако, не воспользовался результатами предпринятых историком поисков документальных сведений «о службе и поместьях деда и отца Натальи Кирилловны» (там же, с. 255). Между тем, обратившись к изучению Боярских книг, которые составлялись ежегодно из списков служилых людей «с означением при некоторых лицах количества поместных и денежных окладов» (там же, с. 255), Н.Г. Устрялов пришел далее к выводу, что «еще в начале XVII в. Нарышкины занимали не последнюю степень в сословии русского дворянства, и первый достоверный представитель их дома, дед царицы Натальи Кирилловны, *Полухт Иванович*, принадлежал и по окладу поместному, и по службе, к числу значительнейших помещиков Тарусских: владея 600 четей, он служил по выбору, т.е. в первой статье дворян (...); но смерть его под стенами

Смоленска, на поле чести, удостоверяет, что он не жалел себя для отечества» (*Устрялов*, т. I, с. 257).

Отец царицы Натальи Кирилловны, Кирилл Полуэктович, судя по записям, извлеченным Устряловым из Боярских книг, превзошел отца «и по службе и по окладам». Так, в 1647 г. Кирилл Полуэктович имел уже 850 четей поместного оклада; в 1658 г. он был переведен из городских дворян в разряд *жильцов*; в 1666 г. был уже стрелецким головою, или полковником. К моменту замужества дочери К.П. Нарышкин имел, по словам Устрялова, «значительное при дворе звание *стольника*» (там же). Таким образом, заключает историк, «дочь его была не бедною сиротою: отец ее владел до 1000 четей; да и мать, Анна Леонтьевна (которую так уважал великий внук за твердость душевную), происходила не из последнего рода Раевских» (там же).

С. 159–160. *Говорили одни, что прозвище ей было Ярыжкина ~ посадил ее с собой и привез жене.* – Толстой пересказывает здесь три версии о происхождении царицы Натальи Кирилловны, которые были приведены в I томе труда Н.Г. Устрялова в качестве образцов «нелепых выдумок», «вздора» и «басен» (*Устрялов*, т. I, с. 254–255). Первую из этих версий – о происхождении фамилии Ярыжкина – «придумал», по выражению историка, «известный под именем графа Алмагро, автор сочинения “*Notice sur les principales familles de la Russie*”» (Paris, 1843): «*Leur vrai nom est Yarichkine, et leur noblesse date de l’an 1670. Ils étaient des laboureurs du village de Staro-Kirmino, situé à vingt verstes de la ville de Mikhailow... Cyrille Yarychkine, trouvant son nom ignoble (le nom prête à une sale équivoque) obtint, pour lui et ses cousins, l’autorisation de s’appeler Naryschkine.*» («Настоящая их фамилия – Ярыжкины, их дворянство ведет отсчет с 1670 года. До того они были крестьянами деревни Старо-Кирино, в 20 верстах от г. Михайлова... Кирилл Ярыжкин, находя свою фамилию неблагородной (дающей повод к грязным кривотолкам), добился для себя и своих кузенов разрешения именоваться Нарышкиными») (Цит. по изд.: *Устрялов*, т. I, с. 255). Впоследствии выяснилось, что «граф Алмагро» – псевдоним кн. П.В. Долгорукова.

Авторство версии о крайней нищете царицы Натальи Кирилловны до замужества Н.Г. Устрялов приписал Н.А. Полевому. В одном из примечаний к своему «Обозрению русской истории до Единодержавия Петра Великого» (СПб., 1846) Н.А. Полевой, говоря, что царица Наталья Кирилловна «сама хаживала в лес за грибами» (примеч., с. 5), ссылался на свидетельство английского врача С. Коллинса, прослужившего 9 лет при дворе царя Алексея Михайловича и оставившего свои записки о России (*The Present State of Russia, in a Letter to a Friend at London. Written by an Eminent Person residing at Great Tzar Court at Moscow for the space of nine years. London, 1667.*) (Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича. Лондон, 1667).

Обратившись к мемуарам С. Коллинса, Н.Г. Устрялов обнаружил, что Н.А. Полевой допустил путаницу, поскольку «Коллинс во всем со-

чинении своем говорит о царице Марии Ильиничне, а не о Наталии Кирилловне, которой он не знал и не мог знать: первое издание его книги напечатано в 1667 году, когда еще жива была царица Мария Ильинична. Коллинс ясно говорит об ней...» (*Устрялов*, т. I, с. 255). В качестве доказательства своей правоты Н.Г. Устрялов привел цитату из книги С. Коллинса, отметив при этом ошибочность сообщаемой доктором информации: «Илия, тесть ныне царствующего императора, произошел из такого незнатного состояния, что за 20 лет пред сим он подносил вино некоторым из здешних англичан, а дочь его ходила по грибы и продавала их на рынке» (там же). Видимо, в связи с данным обстоятельством, выявленным Н.Г. Устряловым, Толстой заменил фразу о хождении царицы за грибами фразой – «в лаптях ходила». Источником этой фразы стало высказывание Ф.Л. Шакловитого о царице Наталье Кирилловне в разговоре с царевной Софьей Алексеевной: «вспомни, государыня, какова в Смоленске была: в лаптях ходила». Устрялов, приведя это высказывание, сопроводил его комментарием: «Слова Шакловитого (...), если бы были и справедливы, по какому-либо неизвестному обстоятельству, не уничтожают благородного происхождения и заслуг Нарышкиных» (*Устрялов*, т. I, с. 257).

Упоминание Смоленска в разговоре Шакловитого с царевной Софьей Алексеевной объясняется тем, что К.П. Нарышкин, отец царицы Натальи Кирилловны служил в Смоленске стрелецким головой.

Третья версия – о деревне Киркиной, плачущей девочке и добром барине Матвееве – была впервые опубликована в 1827 г. в статье Д.Т. Воздвиженского «Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии» и представлена как «изустный рассказ», бытовавший среди жителей селения Киркино Михайловского уезда Рязанской губернии (см.: Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света на 1827 год, июнь, с. 217). Согласно этому рассказу, «царица Наталия родилась в Киркине, и (...) Матвеев, проезжая случайно то селение, увидел плачущую девицу и любопытствовал спросить о причине ее слез. Услышав, что причиною печали была насильственная смерть ее девки, самовольно удавившейся, добрый барин взял ее к себе на воспитание» (там же).

Назвав эту версию «вздором», Н.Г. Устрялов указал, что именно она легла в основу рассуждений графа Алмагро о происхождении фамилии Ярыжкина (См.: *Устрялов*, т. I, с. 254).

С. 160. ...*Кириллы Полуехтыча, стрелецкого полуголовы дочь.* – Стрелецкий полуголова – заместитель начальника (головы) в стрелецком полку. Иначе – пятисотный. В воинской иерархии XVII в. звание полуголовы соответствовало более позднему званию подполковника или майора. В какие именно годы носил звание стрелецкого полуголовы отец царицы Натальи Кирилловны, Кирилл Полуэктович Нарышкин, не установлено. Известно, что за пять лет до замужества дочери, в 1666 г., К.П. Нарышкин был стрелецким головою, или полковником (См.: *Устрялов*, т. I, с. 256). В бытность Натальи Кирилловны царской невестой, К.П. Нарышкин носил звание стольника. Спустя две недели после бракосочетания его дочери с царем Алексеем Михайловичем,

7 февраля 1671 г. – К.П. Нарышкин был пожалован из стольников в думные дворяне. В день рождения царевича Петра Алексеевича, 30 мая 1672 г., К.П. Нарышкин был пожалован из думных дворян в окольничие (См.: *Устрялов*, т. I, с. 256).

...была она в родстве... с Матвеева женой... – Женой А.С. Матвеева была Авдотья (Евдокия) Григорьевна Хомутова. Родственные связи Нарышкиных с Матвеевым образовались благодаря женитьбе дяди царицы Натальи Кирилловны, Федора Полуэктовича Нарышкина, на племяннице жены А.С. Матвеева Авдотье Петровне Хомутовой.

...помер у него 4-х-летний сынок Симеон... – См. с. 484.

...захворал и помер Алексей Алексеич, бóльший сын, наследник. – Царевич Алексей Алексеевич скончался 17 января 1670 г., не дожив 18 дней до своего шестнадцатилетия. Из донесения голландского посланника Н. Гейнса на родину о смерти царевича Алексея известно, что «продолжительную болезнь наследника престола в Москве старались утаивать». Однако за 10 или 11 недель до кончины царевича дипломату «из хорошего источника» удалось узнать, что «истощительная болезнь сия считалась неизлечимой» (Седов, с. 114). Смерть наследника престола, совпавшая по времени со смотринами царской невесты, делала «выбор царем новой супруги (...) делом государственной необходимости» (там же). Поэтому смотрины царских невест были возобновлены через две недели после смерти царевича Алексея – 1 февраля 1670 г.

...захворали оба наследника ~ Стали у них пухнуть десны, языки и глаза гноиться. – Все пятеро сыновей царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской от рождения отличались крайне слабым здоровьем. Три царевича – Дмитрий, Алексей, Симеон – умерли при жизни отца. Из двух оставшихся старший, Федор, страдал, по заключению врачей, «цынготной болезнью», едва мог ходить (см. с. 482); младший, Иоанн, с трудом говорил, был косноязычен, почти не видел, отставал от сверстников в развитии. Именно физическая немощь наследников престола, по мнению Н.Г. Устрялова, побудила царя Алексея Михайловича вступить во второй брак: «Грустно смотрел он на двух оставшихся у него сыновей, Феодора и Иоанна, больных, хилых, страдавших скорбутом или цынгою, видел в них преемников ненадежных, и чрез два года по кончине царицы (...), решил вступить в новый брак» (Устрялов, т. I, с. 4). Усиливая отрицательные черты в образе царицы Натальи Кирилловны, рассказчик у Толстого связывает болезнь наследников престола с появлением у них мачехи. Описание симптомов болезни царевичей Федора и Иоанна содержит намек на их отравление, к которому могла быть причастна царица Наталья Кирилловна.

...а девицы-царевны все остались здоровы. – Шесть дочерей царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны росли крепкими и здоровыми. В малолетстве скончались только царевна Анна Алексеевна (1655–1659) и новорожденная царевна Евдокия (1669–1669). Царевны Евдокия, Мария и Екатерина прожили 62, 63 и 60 лет соответственно, Марфа – 55 лет, Феодосия – 51 год. Соправительница царей Иоанна (Ивана) V и Петра I Алексеевичей, царевна Софья Алексеевна скончалась в возрасте 47 лет. Факт физического здоровья дочерей царя Алек-

сея Михайловича от первого брака, не являвшихся претендентами на царский трон, в данном случае призван подтвердить подозрение на причастность царицы Натальи Кирилловны к устранению всех соперников ее сына царевича Петра Алексеевича.

Через 4 года после женитьбы на молодой жене схоронили и его. – О болезни и смерти царя Алексея Михайловича см. с. 486–487.

Было ему 47 лет от роду... – Царь Алексей Михайлович скончался в возрасте 46 лет и 10 месяцев.

...остались царевны... – После смерти царя Алексея Михайловича остались шесть дочерей его от первого брака (царевны Евдокия, Марфа, Софья, Мария, Екатерина, Феодосья) и две дочери от второго брака (царевны Наталья и Феодора).

...два больные царевича... – Речь идет о сыновьях царя Алексея Михайловича от первого брака – царевичах Федоре и Иоанне Алексеевичах.

...молодая мачеха... – Вторая жена царя Алексея Михайловича, царица Наталья Кирилловна (р. 1651), была почти сверстницей двух его старших дочерей, царевен Евдокии (р. 1650) и Марфы (р. 1652), которым приходилась мачехой.

...с своим 4-х-летним сыном. – Царевичу Петру Алексеевичу на момент смерти отца было 3 года и 8 месяцев.

Как только умер царь Алексей Михайлович, мачеха с своим благодетелем ~ уговаривали бояр объявить ~ царем 4-х-летнего ее мальчика Петра. – См. с. 488–489.

После вступления на царство Федора всех родных Натальи судили и сослали в ссылки... – Воцарение Федора Алексеевича повлекло за собой возвышение его родственников по матери, Милославских, которые, по словам С.М. Соловьева «воспользовались своим торжеством и не пощадили мачехи, ее родных и воспитателя» (Соловьев, т. 13, с. 337). Преследование родных братьев царицы Натальи Кирилловны, Афанасия и Ивана Кирилловичей Нарышкиных, началось спустя месяц после удаления из Москвы ее воспитателя, боярина А.С. Матвеева (см. с. 487–488 наст. издания). 8 августа 1676 г. на основании доноса лекаря Давида Берлова И.К. Нарышкину было предъявлено обвинение в покушении на цареубийство. Обвинив И.К. Нарышкина в намерении убить царя, ему присудили следующее наказание: «бить кнутом и огнем, и клещами жечь и смертью казнить» (Соловьев, т. 13, с. 243). Однако царь Федор Алексеевич помиловал И.К. Нарышкина, даровал ему жизнь и повелел сослать его в город Рязск. Там же было «указано» находиться и младшему брату И.К. Нарышкина – Афанасию. В Москве остались только два малолетних брата царицы Натальи Кирилловны – Лев и Мартемьян Кирилловичи. Отец царицы К.П. Нарышкин во второй половине октября 1676 г. лишился всех своих приказных должностей. Руководство важнейшими финансовыми приказами – Большой казны и Большого прихода – перешло от него к главному противнику Нарышкиных – И.М. Милославскому. В декабре 1676 г. во время процесса над А.С. Матвеевым по обвинению в колдовстве была предпринята попытка привлечь к этому

делу и К.П. Нарышкина (Седов, с. 262). Затем, по-видимому, от этого намерения отказались. Вдова дяди царицы Ф.П. Нарышкина Авдотья Петровна была сослана вместе с сыном Василием в алатырскую деревню. К.Ф. Нарышкин в мае 1677 г. отправлен на воеводство в Нежин, а затем сослан в деревню, П.Ф. Нарышкин разжалован из стольников царевича Петра в московские дворяне с повелением «быть в Белгородском полку». Опала коснулась не только самих Нарышкиных, но и их родственников. Так, например, стольник князь М.И. Лыков (двоюродный дядя жены И.К. Нарышкина) был выслан из Москвы на воеводство в Смоленск (Седов, с. 283).

...Артамона ~ судили в отраве царя Алексея Михайловича и сослали в Пустозерск... – См. с. 487–488.

...самую же мачеху Федор оставил при себе и с ее сыном. – После восшествия на престол царь Федор Алексеевич занял жилище своего отца. Для вдовствующей царицы Натальи Кирилловны и ее малолетнего сына решено было построить новые хоромы на месте двора боярина Семена Лукича Стрешнева, находившегося подле конюшенного патриаршего двора. Это решение, как выяснил П.В. Седов, было принято 26 октября 1676 г., т.е. через два с половиной месяца после объявления приговора И.К. Нарышкину (см. Седов, с. 283). Однако царица-вдова на переселение не согласилась и осталась жить на своем старом месте – в Потешном дворце, в Кремле. Эту возможность, скорее всего, она получила благодаря тому, что царь Федор Алексеевич в отличие от других Милославских питал привязанность к своему крестнику и младшему брату, царевичу Петру Алексеевичу. Известно, что царь Федор часто приходил к вдовствующей царице, чтобы увидеть маленького Петра, поиграть с ним, просил приводить юного царевича к себе во время своей болезни, брал его с собой в летние поездки в подмосковные вотчины. В частности, он неоднократно возил своего самого младшего брата в село Воскресенское, где развлекал его фейерверками и пушечной пальбой (см. Демидова Н.Ф. Федор Алексеевич, с. 399). Придавая важное значение образованию Петра, царь Федор Алексеевич неоднократно напоминал его матери о необходимости начать обучение крестника. Найдя по просьбе царицы учителя для Петра (им по рекомендации Ф.П. Соковнина стал Н.М. Зотов), Федор попросил Симеона Полоцкого проэкзаменовать Н.М. Зотова в своем присутствии, пришел на первый урок вместе с патриархом и благословил брата на учение.

Отношения царя Федора Алексеевича с семьей мачехи значительно улучшились после его женитьбы на М.М. Апраксиной. Молодая жена царя Федора, Марфа Матвеевна, по утверждению С.М. Соловьева, «употребила все старания, чтоб сблизить своего мужа с мачехою и детьми ее, с которыми у него до сих пор продолжались *неукротимые несогласия*» (Соловьев, т. 13, с. 335).

Недолго процарствовал и Федор... – Царствование Федора Алексеевича продолжалось шесть лет и три месяца: 29 января 1676 г. он вступил на престол, а 27 апреля 1682 г. скончался.

Родился от него царевич, но скоро опять помер и с матерью. – Ср.: «11 июля 1681 года у Феодора родился сын, царевич Илья (...) царица Агафия умерла родами (14 июля) (...). Царевич Илья через шесть дней последовал за матерью в могилу» (Соловьев, т. 13, с. 330–331).

Сын царя Федора Алексеевича и царицы Агафьи Семеновны родился 11 июля 1681 г. в царском дворце в селе Коломенском. 17 июля новорожденного царевича крестили в теремной дворцовой церкви и нарекли Ильей в честь его прадеда, Ильи Даниловича Милославского. Крестным отцом царевича стал игумен Иларион, а крестной матерью – царевна Татьяна Михайловна.

Царица Агафья Семеновна скончалась на следующий день после крестин сына, 18 июля 1681 г. В донесении об этом событии голландский резидент И. Келлер сообщал, что «из-за скорби» царь Федор Алексеевич «снова занемог и лежит в постели» (Цит. по кн.: Седов, с. 368). Тяжелое состояние царя не позволило ему присутствовать на погребении царицы Агафьи Семеновны в Вознесенском монастыре. Судя по записи в книге царских выходов, Федор Алексеевич проводил гроб с телом супруги «до Красного крыльца и до саней...» (Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год), М., 1844, с. 700). На третий день после кончины матери, 21 июля 1681 г. умер царевич Илья Федорович, 23 июля он был похоронен в Архангельском соборе. Царь опять мог сопроводить гроб сына только до Красного крыльца (там же, с. 700–701).

Царь женился другой раз на Марфе Матвеевне Апраксиной... – Бракосочетание царя Федора Алексеевича с Марфой Матвеевной Апраксиной состоялось 15 февраля 1682 г. (см. с. 567).

Остался поперек дороги мачехе один законный наследник Иоанн. – Из двух царевичей, оставшихся после смерти бездетного царя Федора Алексеевича, 16-летний царевич Иоанн Алексеевич формально имел преимущественное право на престол в соответствии с законом первородства. Однако слабое здоровье в целом и признаки некоторой умственной неполноценности в частности делали претензии царевича Иоанна Алексеевича на престол проблематичными.

С. 161. *В то время солдатских наборов еще не бывало.* – Система рекрутских наборов для комплектования регулярной армии, начала складываться в России в канун Северной войны. Начало ее формированию положил указ Петра I от 8 ноября 1699 г. «О приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей», предусматривавший набор даточных, т.е. лиц, назначенных к отбыванию воинской повинности из определенного количества помещичьих крестьян, дворовых людей и посадского населения. Нормы набора даточных людей были разработаны Комиссией под руководством боярина Ф.А. Головина на основании росписей, перечней и сказок о всех служилых людях, содержащихся в Разрядном, Ямском, Стрелецком и Иноземском приказах. Согласно этим нормам, московские и городовые дворяне должны были поставить по одному пешему даточному с 50 дворов и одного конного даточного со 100 дворов. Первый на-

бор даточных людей, проводимый Комиссией боярина Ф.А. Головина на Генеральном дворе в селе Преображенском, позволил сформировать два гвардейских полка, двадцать семь пехотных и два драгунских, всего – тридцать один полк. Из этих полков были сформированы три дивизии под командованием А.М. Головина, А.А. Вейде, князя А.И. Репнина. Рекрутскую систему комплектования армии закрепил царский указ от 20 февраля 1705 г., где сформулированы были основные правила набора рекрут. Подробнее об этом указе см. с. 606–607 наст. изд.

Служили дворяне с поместьев... – Поместная система комплектования войск существовала в России в XV–XVII вв. В основании этой системы лежало поместье, или участок казенной государственной земли, данной государем в личное пользование (владение) под условием службы. Служилые люди владели землей по месту службы и служили по месту, где владели землей. Согласно Уложению о службе 1556 гг., составленному в царствование Иоанна Грозного, все годные к службе владельцы поместий и вотчин (полная и наследственная собственность) обязаны были по приказу являться в поход «конными, людными и окружными» (со своими лошадьми, припасами, оружием), выставляя с каждых 100 четей пахотной земли в одном поле, т.е. с 150 десятин пахотной земли в одном поле, ратника «на коне и в доспехе полном», а в дальний поход – с двумя конями.

Дворянин в XVI в. обыкновенно начинал службу с 15 лет. До этого он числился в недорослях. Поступив на службу, он получал название *новика*, его наделяли поместным и денежным окладами, к которым бывали потом *придачи* за службу. Если на службу поступал старший сын, а отец еще продолжал служить, то сына верстали в *отвод*, т.е. давали ему новое поместье. Если на службу поступал младший сын, а отец уже не мог служить, то младшего сына *припускали* в поместье к отцу, чтобы в случае смерти отца сын наследовал вместе с землей и его служебные обязанности.

...казаки... – Казаками в XVI–XVII вв. назывались вольные люди из числа нетягловых (освобожденных от податей) крестьян, расселенных в приграничных районах Русского государства. Казаки, как правило, несли сторожевую службу вместе с боярскими детьми и другими ратными людьми, составляя особый вид вооруженной силы (обычно конницы). С XV в. на восточных и южных границах Руси создавались линии укрепленных городов, заселявшихся городскими казаками. Городовые казаки несли службу в передовых укрепленных городах. С конца XV в. казаками стали называть себя и беглые крепостные крестьяне, холопы, городская беднота, поселившиеся в низовьях Днепра, Дона, Волги, Яика (Урала), Терека и в Сибири. Их главным занятием был военный промысел. В первой половине XVI в. на Украине возникла община запорожских казаков (Сечь Запорожская), во второй половине XVI в. – община терских казаков и служилое сибирское казачество. Московское правительство, используя казаков для охраны границ, посылало им оружие, боеприпасы, хлеб, сукно, деньги. В XV–XVI вв. казачьи войска предпринимали военные походы в Крым, к побережью Черного и Каспийского морей.

...набирали по городам вольных людей... записывали по полкам и называли стрельцами. – Стрельцы – первое постоянное войско в Русском государстве середины XVI – начале XVIII вв. Первый 3-тысячный отряд стрельцов был создан царем Иоанном (Иваном) IV Васильевичем Грозным в 1550 г. Стрелецкое войско набиралось из свободного от податей городского и сельского населения. Стрелецкая служба была пожизненной и наследственной. В своем устройстве она имела элементы регулярного войска: пребывание на службе в мирное и военное время, постоянное государственное содержание, периодическая боевая подготовка. По роду войск стрельцы относились к пехоте; лишь незначительную часть составляли стремянные стрельцы – конница. На вооружении стрельцы имели огнестрельное оружие: пищали ручные и артиллерийские. Оружие и одежду стрельцам выдавали из казны. Стрелецкое войско находилось в ведении Стрелецкого приказа, управлялось воеводами. По месту и условиям службы стрелецкое войско делилось на выборное (московское) и городовое (несли службу в других городах). В городе стрельцы жили в особых слободах. В мирное время стрельцы несли гарнизонную и пограничную службу, в военное – принимали участие в военных походах и сражениях. При царе Алексее Михайловиче стрельцы находились на положении дворцовой гвардии, пользовались рядом существенных привилегий (например, имели льготы в налогах с занятий ремеслом и розничной торговлей). С появлением в России полков «нового строя» (30-е годы XVII в.) стрелецкое войско стало утрачивать свое прежнее значение.

Стрельцов таких было в Москве 22 полка, а в каждом полку по 1000 человек. – Организационно стрелецкое войско делилось на приказы, которые при царе Федоре Алексеевиче были переименованы в полки. В полках московских стрельцов было от 800 до 1000 человек, в городовых – от 300 до 500. Сведения о численности стрельцов в одном полку и о количестве стрелецких полков в Москве Толстой почерпнул из I тома труда Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (См.: Устрялов, т. I, с. 19).

Начальниками в полках стрелецких были десятники, пятидесятники, сотники, полуголовы и головы, головы или полковники. – Толстой перечисляет здесь воинские звания, впервые введенные в русской армии в середине XVI в. в стрелецком войске. Эти звания соответствовали следующим должностям: десятник командовал подразделением в составе 10 стрельцов; пятидесятник – 50, сотник – 100, полуголова или пятисотный – 500, голова (позднее командир полка, полковник) – 1000.

На Святой... – Речь идет о Святой неделе или Светлой седмице, приходившейся в 1682 г. на период с 17 по 22 апреля.

...23 февраля, на Красную Горку... – 23 февраля – описка, следует: 23 апреля. Именно на 23 апреля приходилась в 1682 г. Красная Горка (иное название Фомино воскресенье) – первое воскресенье после Пасхи. См. с. 482.

...в Стрелецкой слободе... в Грибоедовом полку в приходе Казанской Богородицы у Калужских ворот... – Местом жительства стрельцов

были особо укрепленные слободы. Москва была окружена целой цепью полковых стрелецких слобод, одна из которых находилась в Замоскворечье. Толстой указывает местоположение стрелецкого полка, головой которого был Семен Федорович Грибоедов. Сведения о церкви Казанской Богородицы у Калужских ворот, имевшей придел, построенный на деньги стрельцов, Толстой позаимствовал у Н.Г. Устрялова (См.: *Устрялов*, т. I, с. 19; 269–270).

У съезжей избы... – Съезжая изба – помещение, куда свозились («съезжались») задержанные преступники, пьяницы и т.д. Съезжие избы обычно располагались в центре стрелецкой слободы. В съезжих избах велось делопроизводство, хранились знамена и полковая казна.

⟨ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ⟩

⟨ПЕРВОЕ НАЧАЛО⟩

С. 162. *Так твердо сидела 12 лет сила князя Василия Васильича Голицына ~ и повисла беспомощная, как соломинка...* – Под силой боярина кн. В.В. Голицына здесь подразумевается его близость к царю Федору Алексеевичу (1676–1682) и регентше царевне Софье Алексеевне (1682–1689), что позволяло ему влиять на принятие важнейших государственных решений.

Возвышение кн. В.В. Голицына началось вскоре после воцарения Федора Алексеевича, пожаловавшего князю 4 мая 1676 г. первый боярский чин своего правления. Получив чин боярина, кн. В.В. Голицын в том же году возглавил Пушкарский приказ. Пожалованию в бояре и дальнейшему успешному развитию своей придворной карьеры кн. В.В. Голицын был обязан близким к царю князьям Ю.А. и М.Ю. Долгоруковым, с которыми «находился в тесном родстве» (*Седов*, с. 235), а также боярину Р.М. Стрешневу. Из рода Долгоруковых была первая жена князя – Федосья Васильевна, из рода Стрешневых – мать Татьяна Ивановна и вторая жена, Авдотья (Евдокия) Ивановна. Женой кн. М.Ю. Долгорукова была родная сестра кн. В.В. Голицына – Прасковья Васильевна.

Спустя год после получения боярского чина – в мае 1677 г. – кн. В.В. Голицын отправился в поход под Чигирин, где возглавил одну из двух армий, оборонявших город от турецкого войска. По возвращении из Чигирина кн. В.В. Голицын «вошел в круг наиболее влиятельных бояр» (*Седов*, с. 299). Характеризуя положение кн. В.В. Голицына при дворе царя Федора Алексеевича, голландский резидент И. Келлер в донесении от 27 ноября 1677 г. подчеркнул, что князь «высокочтим» царем и «пользуется большим влиянием у главных особ двора» (цит. по кн.: *Седов*, с. 299). В декабре 1677 г. кн. В.В. Голицын возглавил Владимирский судный приказ, с которым в это же время был соединен Челобитный приказ. 24 ноября 1681 г. царь Федор Алексеевич назначил кн. В.В. Голицына главой Ответной палаты, которой предстояло подготовить и реализовать нововведения, объявленные в этот же день

царским указом. Важнейшими из них были – отмена местничества и военная реформа. Подготовленная под руководством кн. В.В. Голицына и других членов Ответной палаты процедура отмены местничества была проведена 12 января 1682 г.

После смерти царя Федора Алексеевича в апреле 1682 г., В.В. Голицын примкнул к партии Милославских, активно поддержав царевну Софью, с которой был связан не только политическим, но и «сердечным союзом» (Соловьев, т. 13, с. 336). С возведением на царский престол соправителя Петра царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича и назначением царевны Софьи правительницей при малолетних царях, происходит еще большее возвышение боярина В.В. Голицына. К концу 1682 г., сосредоточив в своих руках руководство Посольским, Иноземным, Рейтарским, Пушкарским, Малороссийским приказами, В.В. Голицын стал фактическим руководителем правительства. 19 октября 1682 г. царевна пожаловала боярину кн. В.В. Голицыну титул – «Царственной большой печати и государственных великих посольских дел Оберегатель, ближний боярин и наместник Новгородский» (до него этот титул имели А.А. Ордин-Нащокин и А.С. Матвеев).

Успешно руководя внешнеполитической деятельностью, боярин кн. В.В. Голицын сумел в 1683 г. подтвердить Кардисский мирный договор со Швецией, а в 1686 г. сыграл решающую роль в заключении очень выгодного для России «Вечного мира» с Польшей. В соответствии с этим договором Польша признавала право России на ряд ранее отторгнутых территорий (Смоленск, Левобережную Украину с Киевом и др. города), а Россия обязалась организовать военный поход против Крымского ханства. Предпринятые во исполнение этого обязательства в 1687 и 1689 гг. походы русского войска (совместно с донскими и запорожскими казаками) в Крым под командованием того же В.В. Голицына оказались безрезультатными. Крымские походы подвели итог политической карьере князя, закончившейся ссылкой, лишением боярства и отпиской всего имущества на государей.

...уехал из Москвы и жил в подмосковном селе своем Медведкове... – Сведения о пребывании князя В.В. Голицына в подмосковном селе Медведкове во время сентябрьских событий 1689 г. Толстой почерпнул у Н.Г. Устрялова: «До самого взятия Шакловитого, князь Василий Васильевич, не взирая на убеждения двоюродного брата своего, князя Бориса Алексеевича, обещавшего царскую милость, не хотел ехать в Лавру и не трогался из подмосковного села своего, Медведкова» (Устрялов, т. II, с. 79–80). Устрялов, в свою очередь, основывался на дневниковой записи П. Гордона от 3 сентября 1689 г.

...давно жили его жена, дети, невестка и внучата... – На момент описываемых Толстым событий семья боярина кн. В.В. Голицына состояла из его второй жены княгини Авдотьи (Евдокии) Ивановны Голицыной, урожденной Стрешневой (? – ум. после 1725), сыновей князей Алексея (1665–1740) и Михаила (? – ранее 1726), беременной невестки, жены старшего сына, княгини Марьи Исаевны Голицыной, урожденной Квашниной, внука Михаила (1687–1775). Сведения о членах семьи

В.В. Голицына Толстой позаимствовал у Н.Г. Устрялова. (см.: *Устрялов*, т. II, с. 86).

В подготовительных материалах Толстого к роману о Петре сохранилась запись о боярине кн. В.В. Голицыне, его старшем сыне и их женах: «В(асилий)В(асильевич) женат, (на) Евд(окии) Ив(ановне) Стрешн(евои). Алек(сей)В(асильевич) на Квашниной» (*ОР ГМТ*).

Старый карла в красном кафтане... – Обычай содержать карликов и карлиц московские цари и бояре переняли у киевских князей, при дворе которых карлики играли заметную роль. В XVI–XVIII вв., как отметил И.Е. Забелин, «карлик являлся всегда спутником царской и боярской жизни» (*Забелин. Домашний быт русских царей*, с. 449). Их держали «как живую редкость, как игру природы, необычайную, несообразную и потому возбуждавшую особенное любопытство (...). Как живые куклы, карлики, имея декоративное придворное значение, очень часто служили также и для потехи, вместе с шутами» (там же).

В царских или боярских хоромах карлики обычно ухаживали за попуями. Одежда их, как отметил И.Е. Забелин, «обычно соответствовала тогдашнему наряду», но отличалась светлыми красками: голубого, ярко-малинового, зеленого и желтого тонов. Карлики и карлицы носили красные или желтые сапоги. Карликам еще шили куртки и епанчи (широкий безрукавный плащ), а вместо шапок они носили ермолки (легкие шапочки без околыша по голове) (см. там же, с. 451).

...ждал сына, накануне уехавшего в Москву. – Речь идет о старшем сыне боярина кн. В.В. Голицына, Алексее Васильевиче Голицыне. См. с. 513–514.

...князь уже узнал того, кто приехал... – Судя по (Седьмому началу) (см. с. 000), к князю В.В. Голицыну приехал брат царицы Марфы Матвеевны, Андрей Апраксин (см. с. 547).

...колымага... – Карета, коляска, повозка на летнем ходу.

...верховых... – Верховой – конный, сидящий верхом; конник, гонец, конный ездок, верховой.

...чумбуры своих лошадей... – Чумбур или чембур – третий, одинокий повод уздечки, за который водят верхового коня, привязывают или дают валяться.

⟨ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ⟩

⟨ВТОРОЕ НАЧАЛО⟩

С. 163. *...непоколебима 10 лет и больше казалась сила князя Василия Голицына, при царе Федоре и при царевне Софье правившего царством...* – Высокое положение боярина кн. В.В. Голицына при царском дворе сохранялось в течение 13 лет: с конца января 1676 г. по начало сентября 1689 г. См. с. 505–506.

...после второго Крымского похода дрогнула эта сила... – Ср.: «Средства нравственные спасения были потеряны в неудачных крым-

ских походах (...). Оберегатель находился в тяжком положении...» (Соловьев, т. 14, с. 100).

«Тяжкое положение» боярина кн. В.В. Голицына было связано с неудачей Второго Крымского похода, серьезно обострившей взаимоотношения в царской семье и уронившей авторитет князя в глазах современников. Второй Крымский поход, в который русское войско под командованием Голицына отправилось 3 апреля 1689 г., поначалу складывался удачнее первого. Пройдя через степь, отразив несколько атак крымских татар, русское войско вместе с донскими и запорожскими казаками подошло 20 мая 1689 г. к Перекопу, где простояло в течение суток. В это время Голицын несколько раз переговаривался с посланником крымского хана о мире на условиях, выгодных для России. В связи с тем, что переговоры затягивались, а войско и лошади начали страдать от голода и жажды, Голицын принял решение об отводе войска от Перекопа. Решение это было принято князем, по свидетельству В.А. Змеева, «с совету всех товарищей своих, бояр, и воевод и гетмана, так же ротмистров, и генералов, и полковников и всех чинов ратных людей для того, чтоб от безводицы и от безкормицы конских кормов ратных людей отвести в целости» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 3, стлб. 994–995).

Отказ от штурма Перекопа и отвод войск из Крыма породили в обществе молву об измене В.В. Голицына, будто бы подкупленного крымским ханом за несколько бочек золота. Желая обелить своего фаворита в общественном мнении, царевна Софья официально объявила поход победоносным и устроила его участникам торжественную встречу (см. с. 516). По словам Н.Г. Устрялова, «царь Иоанн и царевна София приняли его (Голицына. – *Ред.*) и всех других воевод с особенною милостию, допустили к руке, благодарили за службу, за победы, и обнадеживали наградить их труды» (*Устрялов*, т. II, с. 51). Однако царь Петр Алексеевич, не принимавший участия в этих пышных торжествах, отказался подписать указ о наградах. Как следует из донесения датского резидента Генриха Бутенанта фон Розенбуша от 20 сентября 1689 г., «Петр по возвращении Голицына ругал князя за то, что армия ничего не добила, в особенности же за то, что она потеряла больше солдат, чем татары, не проведя ни одного крупного сражения; а между тем могла бы взять Перекоп, как советовали сделать Мазепа и некоторые русские полководцы» (*Бушкович*, с. 162). Спустя несколько дней он уступил просьбам царевны, но 27 июля 1689 г., когда В.В. Голицын вместе с воеводами приехал к нему в Преображенское благодарить за награды, Петр «сорвал сердце, не допустивши к себе Голицына и других воевод и генералов...» (Соловьев, т. 14, с. 122).

...когда князь Борис Голицын и Нарышкины отвезли меньшего царя Петра к Троице... – Об отъезде младшего царя Петра Алексеевича в Троице-Сергиев монастырь см. с. 510–511. Князь Борис Алексеевич Голицын (1654–1714) – дядька и воспитатель Петра, кравчий. О роли кн. Б.А. Голицына в Троицком походе см. с. 534.

Нарышкины – родственники царя Петра Алексеевича по матери, царице Наталье Кирилловне.

...началась борьба между сестрой и братом... – О противостоянии между царем Петром Алексеевичем и царевной Софьей Алексеевной продолжавшемся с 9 августа по 7 сентября 1689 г. см. с. 510–512.

...боясь стрельцовой смуты, затеянной Леонтием Романычем Шакловитым с царевной... – Поводом к волнениям среди стрельцов, затеянным царевной Софьей Алексеевной и главой Стрелецкого приказа Федором Леонтьевичем (Толстой приписал ему здесь и далее имя и отчество другого приверженца царевны Софьи – Леонтия Романовича Неплюева) Шакловитым, стал демонстративный отказ царя Петра принять боярина кн. В.В. Голицына и других участников Крымского похода в Преображенском (см. с. 508). Восприняв этот отказ как личное оскорбление, Софья, понимая, что в связи с наступившим совершеннолетием Петра ей предстоит заключительный этап борьбы за власть, решила заручиться поддержкой стрельцов. Вечером того же дня, когда Петр не принял Голицына – 27 июля 1689 г. – она отправилась к всеобщей в Новодевичий монастырь в сопровождении пятисотных и пятидесятников от всех стрельцких полков. После окончания службы Софья, согласно материалам позднейшего расследования, подозвала к себе стрельцов и, отпустив несколько замечаний по адресу царицы Натальи Кирилловны («опять беду зачинает»), обратилась к ним со словами: «...годны ли де мы вам, и буде вам годны, и вы за нас стойте; а буде не годны, и мы де оставим государство, воля ваша» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 114). Стрельцы заверили царевну в своей верности. 28 июля Ф.Л. Шакловитый вызвал к себе урядников стрельцких полков и, сообщив им об угрозе для царевны Софьи Алексеевны со стороны ближайшего окружения Петра, поручил урядникам «приготовить» стрельцов, чтобы «побить князь Бориса Алексеевича и Лва Кириловича и всех Нарышкиных до единова человека, да Опраксиных всех троих...» (там же, стлб. 7). Урядники сообщили стрельцам о приказаниях Ф.Л. Шакловитого, но стрельцы отказались выполнять их без царского указа. Однако сторонники царевны и Шакловитого продолжали настраивать стрельцов против Петра и его приверженцев. Когда слухи о возмутительных речах одного из них, пристава Жукова полка А. Стрижова, дошли до Петра, он приказал доставить его в Преображенское. Шакловитый Стрижова не выдал. Тогда Петр приказал арестовать самого Шакловитого, но вскоре освободил.

Встревоженная недолгим арестом Шакловитого царевна Софья Алексеевна вызвала к себе во дворец стрельцов И. Елизарьева, Н. Гладкого и других и стала им жаловаться на князя Б.А. Голицына и Л.К. Нарышкина: «...житье де наше становитца коротко – царя де Иоанна Алексеевича ставят невочто; а меня де называют там девкою, и будто де я и не дочь царя Алексея Михайловича (...). А князь Борис Голицын, да Лев с братьями Нарышкины (...), они де с конюшен коней и кореты и шоры все ростошили (...). А будет де Вам мы ненадобны, и мы де пойдем себе с братом где кельи искать» (там же, стлб. 54). Подобные речи Софья говорила и другим стрельцам, которых неоднократно приводили к

ней ночью ее истопники Евдокимов и Осипов. На этих ночных сходках нередко присутствовал и кн. В.В. Голицын. Шакловитый после своего недолгого ареста безвыходно находился в царском дворце.

7 августа обстановка в Кремле резко изменилась. Утром царевна Софья, собираясь пешим ходом пойти в Донской монастырь, попросила Ф. Шакловитого увеличить количество сопровождавших ее на богомолье стрельцов. Вскоре после этой просьбы в царских хорах «обнаружилось» подметное письмо, в котором сообщалось, что в ночь на 8-е августа в Кремль внезапно «придут потешные конюхи из Преображенского, чтоб побить царя Ивана Алексеевича и всех его сестер» (Соловьев, т. 14, с. 123). В целях обороны Кремля от возможного нападения князь В.В. Голицын «за час до вечера» приказал полковнику Андрею Нармацкому, стоявшему со своим полком на карауле, запереть все ворота «в Кремле и в Китае и в Белом городе (...) как пробьет час ночи, а отпирать за час до света...» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 43). Ф. Шакловитый, вызвав стрельецких приставов О. Петрова и А. Кондратьева к одной из кремлевских церквей, «велел собрать в Кремль по 100 человек из полков Стремянного, Рязанова, Жукова, Ефимьева, с заряженными ружьями» (*Устрялов*, т. II, с. 55). Ночной сбор стрельцов с оружием Шакловитый объяснил необходимостью защитить царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича и царевну Софью Алексеевну от возможного нападения «потешных конюхов» на Кремль (см.: *Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 112–113).

Собранные стрельцы были расставлены на Лыковом и Житном дворах в Кремле. Триста стрельцов из Стремянного полка собрались на Лубянке. Все стрельцы были с заряженными ружьями.

В то время, когда стрельцы готовились отразить нападение «потешных конюхов», в Кремль из Преображенского приехал спальник Петра Ф.Ф. Плещеев. Стрелец Никита Гладкий стащил Плещеева с лошади, избил его, а затем отвел к Шакловитому во дворец. Очевидцем этого избиения стал стрелец пятидесятник Дмитрий Мельнов, посланный в Кремль пятисотным Ларионом Елизарьевым с целью посмотреть, что там делается. Решив, что стрельцы готовятся к походу в Преображенское, Мельнов рассказал Елизарьеву обо всем увиденном в Кремле. Елизарьев счел, что «дело начинается», и послал предупредить царя об опасности.

Пятидесятник Дмитрий Мельнов и десятник Яков Ладогин рассказали в Преображенское около полуночи. Поскольку Петр уже спал, стрельцы сообщили кн. Б.А. Голицыну, что на царя и его мать, царицу Наталью Кирилловну «умышляется смертное убийство» (Соловьев, т. 14, с. 124). Вслед за тем в Преображенское приехали и вельможи, сторонники Петра, с известием, что «множество стрельцов собрано в Кремле, хотят приходить в Преображенское бунтом» (там же). Рассказывая о действиях молодого царя после получения им тревожного известия, Соловьев, основываясь на свидетельстве П. Гордона, писал: «Испуганный царь вскочил с постели как был, и прямо на конюшню, сел на лошадь и в ближний лес, куда уже ему принесли платье. Одевшись, поскакал

с всеми своими, кто только был готов, к Троице, куда приехал около 6 часов утра в сильной усталости, и только что успел войти в комнату, как бросился на постель, и, заливаясь слезами, рассказал о своей беде прибежавшему архимандриту Викентию и просил у него защиты» (там же, с. 124–125). 8 августа в Троице-Сергиев монастырь приехали царица Наталья Кирилловна с дочерью Натальей Алексеевной и невесткой Евдокией Федоровной, прибыли потешные и стрельцы Сухарева полка; 25 комнатных и 43 простых стольников Петра; 19 стряпчих и 9 жильцов. К Троице приехали также многочисленные родственники Петра по матери и жене: Нарышкины и Лопухины. Главным распорядителем в Троице стал кн. Борис Алексеевич Голицын.

Царевна Софья не знала о бегстве брата в Троицу до самого утра 8 августа. Ночью она в сопровождении стрельцов отправилась в церковь Казанской иконы Божией Матери в Китай-городе. Вместе с царевой в церкви находился и Ф.Л. Шакловитый, который отправил оттуда посыльных по двум адресам. О. Петров был послан домой к боярину кн. В.В. Голицыну с поручением звать его к царевне, а Ф. Турка и И. Троицкий – в Преображенское с заданием «проведать: тут ли де государь и будет ли к Москве?» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 23). Голицын, сказавшись больным, к царевне не явился, и Шакловитый сам отправился к нему. Царевна, молившаяся в церкви до самой заутрени, выйдя из нее, сказала стрельцам: «Если бы де она не опаслась, и как бы де приехали из Преображенского, всех передавили» (там же, стлб. 113).

9 августа Петр прислал из Троицы одного из своих вельмож, чтобы выяснить причину ночного сбора стрельцов в Кремле. Посланнику Петра ответили, что стрельцы были собраны для сопровождения Софьи в Донской монастырь. Сделав вид, что поверил этому объяснению, Петр вызвал в Троицу полковника Стремянного полка Ивана Цыклера с 50-ю стрельцами. Софья отпустила Цыклера в Троицу после долгих колебаний и совещаний со своими сторонниками. Вслед за Цыклером в Троицу ушли некоторые другие стрельцы, раскрыв Петру ряд преступных замыслов Софьи и Шакловитого. Понимая, что дело принимает серьезный оборот, Софья начала искать примирения с братом. Надеясь склонить его к примирению, царевна отправляла в Троицу все новых и новых посланников. Никому из них выполнить свою миссию не удалось. Когда 27 августа в Москву пришла вторая грамота от Петра с требованием к стрельцам явиться в Троицу, Софья решила сама встретиться с братом.

29 августа царевна выехала из Москвы, но в селе Воздвиженском ее остановил комнатный стольник Петра И.И. Бутурлин (1661–1738) и передал просьбу младшего царя: в монастырь не ехать. Софья, как следует из «Записок» А. Матвеева, «в том упорно стоя, в ответ сказала ему Бутурлину, что она конечно идет» (*Туманский*, ч. 1, с. 205). Когда Петру стало известно о намерении Софьи все-таки продолжить путь, то он, по свидетельству А. Матвеева, отправил к ней боярина князя И.Б. Троекурова с «последним словом, чтобы “она, царевна, никак отнюдь в Троицкий монастырь не шла, ежели ж дерзновенно придет, то с нею нечестно

в тот ее приход поступлено будет”» (там же). Оскорбленная этим заявлением, царевна Софья возвратилась в Москву в ночь на 31-е августа.

Вслед за Софьей в Москву приехал полковник И.К. Нечаев, который привез царскую грамоту с требованием выдать Ф. Шакловитого, О. Петрова и их сообщников. Софья никого Нечаеву не выдала, заявив стрельцам: «что де брат наш великий государь царь Петр Алексеевич указал Вам взять Федора Шакловитого да Оброску Петрова и иных, и они люди добрые и безвинно ныне де возьмете их, а в иное де время и иных – так де и всех переберут; и вы де, без нашего указа никого не берите, и сами с Москвы не съезжайте. {...} А будет кто поедет и у Вас де жены и дети останутца» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 345).

3 сентября – под воздействием ухода выборных стрельцов в Троицу (к 1 сентября в Троице находилось уже 912 стрельцов) – Боярская дума постановила выдать Шакловитого и его сообщников. Однако Софья продолжала удерживать Шакловитого в Москве. В конце концов, царевна уступила требованиям стрельцов, пригрозивших ей ударить в набат, если она не выдаст Шакловитого. Ночью 6 сентября Шакловитый под стражей был увезен из Москвы и 7 сентября привезен в Троицу.

За выдачей Ф.Л. Шакловитого последовало упразднение регентства и удаление от власти царевны Софьи Алексеевны. В письме к старшему брату и соправителю Иоанну (Ивану) V Алексеевичу Петр, назвав Софью «засорным лицом», которая «учала» править государством «своею волею», заявил о необходимости освободиться от ее опеки: «А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему засорному лицу, сестре нашей ц(аревне) С(офье) А(лексеевне), с нашими мужескими особами в титуле и в росправе дел быти не изволяем» (Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887, т. I, с. 13–14).

Вслед за этим письмом, привезенным старшему царю боярином кн. П.И. Прозоровским, в Москву приехал боярин кн. И.Б. Троекуров и передал царевне приказ Петра: удалиться в Новодевичий монастырь. В конце сентября 1689 г. она переселилась в специально отведенные для нее монастырские кельи.

...с женой, не простившей его за его сношения с Софьей... – Жене боярина кн. В.В. Голицына, княгине Авдотье (Евдокии) Ивановне Голицыной (? – после 1725), скорее всего, было известно о любовной связи мужа с царевной Софьей Алексеевной. По свидетельству князя Б.И. Куракина, для современников не были секретом личные взаимоотношения царевны с князем, так как она жила с ним «явно» (см.: *Куракин*, с. 55). Н.Г. Устрялов сообщает о молве, которая «в Москве носилась», будто бы боярин Голицын «убедил жену свою удалиться в монастырь, чтобы вступить в брак с царевною» (*Устрялов*, т. II, с. 31). В подготовительных материалах к роману о Петре Толстой, основываясь на аналогичных сведениях из 2-й части «Словаря достопамятных людей русской земли»

Д.Н. Бантыш-Каменского (М., 1836, с. 61), сделал запись: «Голицын, Василий Васильевич. Сослал жену в монастырь...» (Юб., т. 17 с. 411). О силе испытываемых царевной Софьей Алексеевной чувств к боярину кн. В.В. Голицыну свидетельствует ее признание в письме, отправленном князю, когда он возвращался из Второго Крымского похода: «Радость моя, свет очей моих! мне не верится, сердце мое, чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою» (Соловьев, т. 14, с. 62; Устрялов, т. I, с. 238).

Когда князь В.В. Голицын был лишен чести боярства и отправлен в ссылку, царевна Софья поручила комнатному стольнику царя Иоанна Алексеевича князю М. Кропоткину съездить в свою вологодскую деревню и посмотреть, «как везут Василия Васильевича» (Устрялов, т. II, с. 86). Князь Кропоткин должен был также тайно передать князю В.В. Голицыну письмо и деньги от царевны. Князь Кропоткин, как сообщает Н.Г. Устрялов, «настиг князя Голицына в Вологде, пробрался к нему во двор чрез огороды и исполнил поручение царевны» (там же, с. 87). Князь В.В. Голицын, в свою очередь, передал Кропоткину письмо для царевны, которое Кропоткин сжег на обратном пути. Не решился Кропоткин и явиться к царевне.

...брюхотой, больной, слабой невесткой... – Речь идет о жене старшего сына боярина кн. В.В. Голицына – А.В. Голицына, княгине Марье Исаевне Голицыной, урожденной Квашниной (см. с. 000 наст. изд.). Сосланная вместе с мужем в Архангельский край кн. М.И. Голицына по пути в ссылку в «г. Тотьме после того, как едва не утонула в р. Сухоне, разрешилась двумя близнецами-девочками» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом, т. 4. Указатель, с. 34). Одна из девочек тут же умерла, а княгиня долго лежала при смерти (там же, т. 3, стлб. 92). В 1694 или начале 1695 г. кн. М.И. Голицына отправилась на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, где и скончалась. Тело ее было перевезено в Архангельский край и там захоронено.

...с двумя малыши детьми... – В августе-сентябре 1689 г. в семье боярина В.В. Голицына было двое малолетних детей: его младший сын Михаил Васильевич (? – ранее 1726) и внук Михаил Алексеевич (1687–1775). Оба юных князя разделили со своими родителями ссылку и лишения.

В 1708 г. младший сын боярина В.В. Голицына, Михаил Васильевич, был отправлен на учебу в Сорбонну, а в 1710 г. туда же поехали внуки Михаил и Василий (1694–1732) Алексеевичи. В 1712 г. все они вернулись в Архангельск из-за отсутствия средств.

...с любимым старшим сыном, боярином Алексей Васильичем. – Старший сын кн. В.В. Голицына – А.В. Голицын (1665–1740) – начал службу при дворе в 12-летнем возрасте с должности комнатного стольника царя Петра Алексеевича, затем был спальником царя Федора Алексеевича, относившегося к юному княжичу «с благосклонным вниманием» (Седов, с. 299). После смерти царя Федора Алексеевича А.В. Голицын вновь стал комнатным стольником царя Петра Алексеевича.

В 1682–1689 гг. А.В. Голицын служил вместе с отцом в Посольском, Иноземном, Малороссийском, Пушкарском, Рейтарском приказах, а также в Приказе княжества Смоленского.

22 октября 1686 г. кн. А.В. Голицын был пожалован в бояре.

В 1687 г. боярин кн. А.В. Голицын стал главой Новгородского приказа, а в 1688 г. – наместником Новгородским и Великопермским.

В сентябре 1689 г. боярин А.В. Голицын был лишен боярства и сослан вместе с отцом в Пустозерск. Вернулся из ссылки после смерти отца в 1714 г.

...25-летний красавец... – В 1689 г. боярину кн. А.В. Голицыну было 24 года.

...знавший по-латыни, гречески, по-французски... – Сведениями о том, какими языками владел кн. А.В. Голицын, мы не располагаем. Известно, что его отец, кн. В.В. Голицын, прекрасно говорил по-латыни, по-польски, знал немецкий и греческий языки.

В заметке, сделанной Толстым при чтении 13-го тома «Истории» С.М. Соловьева, писатель особенно выделил тот факт, что сын одного из образованнейших людей того времени, князя В.В. Голицына, Алексей (...) «учился складам 20 лет» (*Юб.*, т. 17, с. 395).

...с аспидной доской столом... – Аспидная доска – доска, изготовленная из черного сланца, идущего обычно на столешницы или письменные доски для школ.

С. 164. *...ченье Псалтыри в крестовой...* – Крестовая – молезна в доме.

...увидал заворачивающих выносных с кучеренком... – Выносные – передние лошади.

Из колымаги высунулась голова в собольей шапке... – Не названный здесь приезжий – брат царицы Марфы Матвеевны, Андрей Матвеевич Апраксин.

〈ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ〉

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

С. 164. *Князь Василий Васильич Голицын уж 12 лет был первый человек в русском царстве.* – См. с. 507.

При царе Федоре Алексеиче и потом при царевне Софье он правил, как хотел, русским царством... – Данное утверждение справедливо лишь по отношению к семи годам правления царевны Софьи Алексеевны (1682–1689), когда боярин кн. В.В. Голицын был фактическим руководителем правительства регентши. При царе Федоре Алексеевиче в 1676–1682 гг. положение кн. В.В. Голицына было значительно скромнее.

Меньшой царь Петр Алексеич подрос, женился... – 27 января 1689 г. царь Петр Алексеевич женился на дочери окольного Илариона Лопухина Евдокии. Отец царской невесты, как отметил С.М. Соловьев,

«по обычаю переименовал старое имя Илариона на новое Федора» (Соловьев, т. 14, с. 116). Инициатива ранней женитьбы Петра принадлежала его матери, царице Наталье Кирилловне, надевавшейся таким образом освободить сына от опеки царевны Софьи Алексеевны и отстранить ее от власти. Еще одним поводом для устройства брака Петра стало желание Натальи Кирилловны оградить сына от возможных притязаний на власть наследников его соправителя царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича, жена которого, царица Прасковья Федоровна, была беременна. Устроить женитьбу Петра его матери помог боярин Тихон Никитич Стрешнев. По утверждению В.О. Ключевского, «брак Петра с Евдокией Лопухиной был делом интриги Нарышкиных и Тихона Стрешнева...» (Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т., т. 4. Курс русской истории, ч. 4. М., 1989, с. 18). Интрига указанных лиц была направлена против дядьки и воспитателя Петра кн. Б.А. Голицына, который, по словам кн. Б.И. Куракина «всячески старался» женить юного царя на своей родственнице княжне Трубецкой (Куракин, с. 55). Опасаясь возвышения «великих фамилий», Нарышкины и Т.Н. Стрешнев «того не допустили» (там же).

...стали около него люди поговаривать, что не все одному князю с царевной царствовать ~ пора настоящему царю в свою власть вступить. – Властолюбию царевны Софьи и ее фаворита, кн. В.В. Голицына, в окружении Петра открыто противостояли Лев Кириллович Нарышкин – родной брат царицы Натальи Кирилловны, а также двоюродный брат кн. В.В. Голицына, дядька и воспитатель Петра, кравчий кн. Борис Алексеевич Голицын. Не страшись продемонстрировать свою неприязнь к правительнице, Л.К. Нарышкин и Б.А. Голицын, как отметил Н.Г. Устрялов, «громко порицали незаконное господство Софьи, не бывали на торжественных выходах в ее палатах, где в большие праздники собирались бояре и царедворцы, для целования ее руки, и не спускали глаз с царственного отрока, догадываясь, что злодеи точат на него нож...» (Устрялов, т. II, с. 34). Столь же мужественно вел себя и боярин кн. М.А. Черкасский (там же). Гнев царевны и ее фаворита распространялся также на родных братьев царицы Марфы Матвеевны, Петра и Федора Апраксиных, верных сторонников Петра (см. о них с. 569–571).

Царица Наталья Кирилловна, в свою очередь, не могла скрыть негодования по поводу властных притязаний царевны Софьи Алексеевны. Когда после заключения «Вечного мира» с Польшей царевна Софья присоединила свое имя к именам братьев и назвалась «самодержицею всея Руси», царица Наталья Кирилловна сказала ее теткам и сестрам: «...для чего учала она, великая государыня, с великими государи обще писатца, – и у нас де люди есть, – и того дела не покинут» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 201).

За год до женитьбы – зимой 1687–1688 гг. – царь Петр начал участвовать в государственных делах, посещать Боярскую думу и приказы. Из донесений шведского резидента Христофора фон Кохена известно, что «князь Голицын, первый министр, будто бы представляет все важные дела Его царскому величеству, чего раньше не случалось»; что «Его величество царь Петр все время прилежно является в Сенат (т.е. в Бояр-

скую думу. – *Ред.*))» и что князь В.В. Голицын официально представил младшего царя Петра в Думе (*Бушкович*, с. 158).

*Когда вернулся летом из Крымского похода князь Василий Васильич... – Из Второго Крымского похода русское войско под предводительством боярина кн. В.В. Голицына вернулось в Москву 19 июля 1689 г. Накануне вечером воеводы, исполняя указание царевны Софьи, отправили в Москву прежде собственного возвращения «крест и полковые св(ятые) иконы, которые были с войсками в походе» (*Забелин. Домашний быт русских цариц*, с. 182). На следующий день царевна Софья, «изволила идти в церковь Тихона (у Арбатских ворот); отслужила там молебен и продолжила шествие к Серпуховским воротам, у которых за городом и встретила св. иконы. Помолившись и приложившись к иконам, она “жаловала к руке” бояр и воевод, кн. Голицына с товарищи, и изволила спросить их о здоровье» (там же, с. 182–183). От Серпуховских ворот царевна вместе с ратными людьми отправилась в Кремль, где «шествие встретил царь Иван; после чего царевна прошла дальше (...) в соборную церковь, где патриарх совершил благодарственный молебен (...). Затем в передней палате вместе с братом она торжественно жаловала к руке всех походных воевод и дьяков, и всех начальных ратных людей, при чем боярам была сказана похвальная речь» (там же, с. 183).*

23 июля в Новодевичьем монастыре царевна Софья отслужила торжественный молебен, на котором присутствовали кн. В.В. Голицын и «все воеводы и ратные начальные люди» (там же, с. 183).

...меньшому царю наговорили, что князь Василий Васильич в походе понапрасну погубил много казны и народа... – Обвинение в причинении «великих убытков государской казне» содержалось в царском указе о ссылке кн. В.В. Голицына в Каргополь, объявленном ему 9 сентября 1689 г. в Троице (см. с. 537).

С. 165. *...думали заслужить ласковое слово, а заслужили – и ласковое слово от тебя – на том бьем челом... – Царевна Софья не скупилась на ласковые слова для участников Второго Крымского похода. Когда кн. В.В. Голицын сообщил ей о возвращении из похода, она сравнила его с Моисеем, который вывел «израильских людей (...) из земли египетской» (*Соловьев*, т. 14, с. 61), а в официальной грамоте «милостиво и премилостиво похваляла» князя за то, что неприятели «в жилищах их поганских поражены и побеждены и прогнаны» (там же), а ратные люди «к нашим границам с вышеписанными славными во всем свете победами возвратились в целости» (там же, с. 63).*

...гнев, откуда не ждали. – Речь идет о младшем царе Петре Алексеевиче и его реакции на неудачный итог Второго Крымского похода (см. с. 508).

*Мы 7 лет правим царством ~ всех бы побили, если бы не наша была заступя. – Ср.: «Всем вам ведомо, как я в эти семь лет правительствовала, а приняла правительство в самое смутное время...» (*Соловьев*, т. 14, с. 128). Правление царевны Софьи Алексеевны продолжалось в течение семи лет: с конца мая 1682 по начало сентября 1689 г. Началу ее правления предшествовал стрелецкий бунт 15–17 мая 1682 г.*

Одним из поводов к вооруженному выступлению стрельцов стало поспешное – в обход старшего по возрасту царевича Иоанна (Ивана) V Алексеевича – провозглашение царем 10-летнего царевича Петра Алексеевича, последовавшее 27 апреля 1682 г. после кончины царя Федора Алексеевича. Недовольная воцарением Петра и возвышением его родственников по матери Нарышкиных, царевна Софья Алексеевна по совету своего родственника И.М. Милославского через доверенных лиц стала склонять стрельцов к мятежу. С этой целью в стрелецких полках и слободах стали распускать слухи, что царь Федор погиб от яда, что бояре при избрании нового царя обошли старшего царевича Иоанна Алексеевича, что Нарышкины покушаются на его жизнь и жизнь царя Петра, чтобы завладеть царским престолом. В результате деятельности заговорщиков поползли слухи, что новый царь избран незаконно, что царевич Иоанн не отказывался от престола, что избрание нового царя было устроено отцом царицы и ее братьями. Нарышкины, в свою очередь, дали повод для злословия назначением многих представителей своего рода на придворные должности. Так, Иван Кириллович был назначен оружейничим, Афанасий Кириллович комнатным стольником, Кирилл Алексеевич кравчим. Только что вернувшийся из ссылки А.С. Матвеев не одобрил «непомерного возвышения Нарышкиных» и действий нового правительства по отношению к стрельцам, «в дозволении им самовольной расправы с полковниками» (*Устрялов*, т. I, с. 30). Между тем, возвращение А.С. Матвеева в Москву послужило для заговорщиков сигналом к началу мятежа. Утром 15 мая Александр Милославский и Петр Толстой поскакали по полкам с вестью, что «Нарышкины задушили царевича» (*Устрялов*, т. I, с. 31). Стрельцы ударили в набат и двинулись в Кремль. Чтобы успокоить стрельцов и показать, что слух о смерти царевича Иоанна ложен, царица Наталья Кирилловна вывела на Красное крыльцо царя Петра и царевича Иоанна: «Вот государь царь Петр Алексеевич, вот государь царевич Иоанн Алексеевич (...) они благодатию Божию здравствуют, и в дому их нет изменников» (*Устрялов*, т. I, с. 32). А.С. Матвеев и патриарх Иоаким, сопровождавшие царицу Наталью Кирилловну, стали увещевать растерявшихся стрельцов, напоминать им о прежней верности, стыдить их. Когда Матвеев, укротив ярость стрельцов, вернулся к царице, начальник Стрелецкого приказа кн. М.Ю. Долгоруков грозными криками стал приказывать стрельцам убраться из Кремля. Стрельцы рассвирепели, схватили Долгорукова и бросили вниз на подставленные копыя, а затем изрубили бердыщами. Начались расправы. Вырвав из рук царицы Натальи Кирилловны и кн. М.А. Черкасского боярина А.С. Матвеева, стрельцы сбросили его на площадь и изрубили на куски. За три дня мятежа от рук стрельцов погибли два брата царицы, А.К. и И.К. Нарышкины, отец и сын Ю.А. и М.Ю. Долгоруковы, кн. Г.Г. Ромодановский, боярин И.М. Языков, думный дьяк, управлявший Посольским приказом Ларион Иванов и многие другие думные и придворные деятели. Отец царицы, К.П. Нарышкин, по требованию стрельцов, был пострижен в монахи под именем Киприана и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь.

Став фактической правительницей государства, Софья позаботилась о том, чтобы свое управление, по выражению С.М. Соловьева, «освятить правом» (Соловьев, т. 13, с. 353). Реализовать это право Софье удалось с помощью стрельцов и кн. И.А. Хованского. 23 мая Хованский передал царевне челобитную стрельцов с требованием, чтобы на престоле царствовали два брата – Иоанн и Петр. Рассмотрев требования стрельцов, Земский собор 26 мая 1682 г. определил: быть двум царям на престоле, Иоанну и Петру, со старшинством последнего. Через два дня после наречения царем Иоанна стрельцы выдвинули новое требование, чтобы за малолетних царей государством правила царевна Софья. Установление регентства царевны Софьи Алексеевны, согласно С.М. Соловьеву, произошло 29 мая 1689 г., когда стрельцы объявили боярам, «чтобы правительство, по молодости обоих государей, было вручено сестре их, царевне Софье Алексеевне» (там же, с. 354).

*...мы царство так подняли, что оно в большей славе стало, чем было при отце нашем и деде... – Ср. с точкой зрения И.Е. Забелина: «Софье досталось только *продолжать*, оканчивать то, что было начато при её отце и брате. Нового она ничего не начинала. Её правление развивало только старые начала во всем – и в жизни, и в государственном устройстве, и во внешних сношениях: ее правление по характеру своему – продолжение правления ее брата Федора и отца» (Забелин И.Е. Опыты изучения российских древностей и истории: В 2 частях. М., 1872–1873, ч. 1, с. 398).*

Подтверждением этого мнения историка является перечень достижений правительства регентши царевны Софьи Алексеевны. В области внутренней политики в годы правления царевны Софьи Алексеевны были сделаны небольшие послабления посадкам, ослаблен сыск беглых крестьян, что вызвало недовольство дворян, усилилось преследование раскольников. В 1687 г. была основана Славяно-греко-латинская академия. В области внешней политики правительство царевны Софьи Алексеевны подтвердило мир со Швецией, заключило «Вечный мир» с Польшей (1686) (см. с. 506). Следствием этого договора явились Крымские походы 1687 и 1689 гг. В 1689 г. был заключен мирный Нерчинский договор с Китаем.

Отцом царевны Софьи Алексеевны был царь Алексей Михайлович, а дедом – царь Михаил Федорович.

Всем ворочает мачеха злая, змея подколодная... – Объясняя причину вражды между членами первой семьи царя Алексея Михайловича и его второй женой, царицей Натальей Кирилловной, И.Е. Забелин полагал: «Для Милославских царица Наталья Кирилловна была уж тем ненавистна, что она была им мачеха, а мачеха в родовом быту по естественной причине всегда становилась как бы поперек дороги для детей и родичей первой жены, всегда вносила остуду в любовь отца к старой семье по той причине, что являлась представителем и естественным покровителем своей новой семьи» (Забелин. Домашний быт русских цариц, с. 151). Открытое противостояние царицы Натальи Кирилловны властолюбивым планам царевны Софьи Алексеевны не способствовало

установлению дружеских отношений между ними. Сведения о якобы имевшей место ссоре между матерью Петра и царевной Софьей Алексеевной во время Первого Крымского похода сохранились в донесении одного из иностранных дипломатов: «...произошла якобы ссора между государыней матушкой царя Петра, Натальей Кирилловной, и царевной Софьей Алексеевной, а именно: первая заявила, что армия в большой опасности, на что последняя отвечала, что это ничего не значит, так как покойный государь, ее батюшка, царь Алексей Михайлович, несколько раз с большими силами ходил на Ригу и возвращался ни с чем, но их земля урона не понесла» (цит. по кн.: Бушкович, с. 156).

...с твоим братцем Борисом. – Двоюродный брат боярина кн. В.В. Голицына – кн. Борис Алексеевич Голицын (см. о нем с. 533).

Старшему сыну обычай был царствовать после отца. – О порядке престолонаследия во второй половине XVII в. см. с. 490–491.

Стало быть, точный наследник царя Алексея один есть Иван Алексеич. – После смерти царя Алексея Михайловича престол наследовал его старший – из оставшихся в живых – сын Федор Алексеевич (см. с. 482). После смерти царя Федора Алексеевича, не оставившего наследников, преимущественное право на престол имел старший по возрасту царевич Иоанн Алексеевич.

Если ж Иван Алексеич по Божьему гневу убогий, надо его отстранять и меньшого поставить на царство. – См. с. 499, 528.

А Ивана избрали народом... – См. с. 518.

...брат он царя, так, как братом царя был при Федоре брат его младший. – При царе Федоре Алексеевиче младшими братьями государя были царевичи Иоанн и Петр Алексеевичи.

Не бывать ей царицей, мужичке, задушу с медвежонком медведицу злую. – Сведения о том, что стрельцы в своих речах именовали царицу Наталью Кирилловну медведицей, Толстой позаимствовал из 2-го тома труда Н.Г. Устрялова. Ср.: «Клевреты Шакловитого не щадили в поносных речах ни царицы Натальи Кирилловны, ни сына ее. Царицу называл Кузьма Чермный не иначе, как медведицею» (Устрялов, т. II, с. 44).

В одном из своих показаний стрелец К. Чермный так мотивировал необходимость убийства царицы: «Хотя и всех уходишь, а корени не выведешь, надобно де уходить старую царицу» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 225). Когда стрельцы в ответ на это высказывание заявили, что за мать может вступить сын, Чермный закричал: «Чего де и ему спускать – за чем стало!» (там же).

Не горазд я, царевна, на выдумки в царских палатах ~ это дело не наше. – Ср. с утверждением С.М. Соловьева: «Князь Василий был сам неспособен на преступные, кровавые меры; но мы видели, в какое затруднительное положение поставил он себя отношениями к Софье. В этом положении ему приходили в голову страшные мысли, что хорошо было бы, если бы что-нибудь сделалось, только от других, а не от него, и проговорился он однажды: “Жаль, что в стрелецкий бунт не ухо-

дили царицу Наталью вместе с братьями: теперь бы ничего и не было» (Соловьев, т. 14, с. 118).

В ратном поле служить, с злым татаринном биться в степи обгорелой... – Во время Первого Крымского похода татары подожгли степь, лишив тем самым русское войско подножного корма для лошадей. Информацию о поджоге степи Толстой почерпнул из «Записок» А. Матвеева (см. вступ. статью к роману, с. 459) и труда Н.Г. Устрялова, в котором дважды встречается выражение: «обгорелую степью», «обгорелым степям». Ср.: «...в степи свирепствовал пожар на обширное пространство». И далее: «...а до Крыма оставалось не менее 200 верст пути, безводною и обгорелую степью» (Устрялов, т. I, с. 197–198). Ср. также с опубликованным Н.Г. Устряловым отрывком из письма кн. В.В. Голицына патриарху Иоакиму, где говорится, что «крымский хан, уведав приход царской рати и, познав свое бессилие, все степи крымских юртов выжег, а сам скрылся, и что воеводы, не видя никакой возможности вести войско по обгорелым степям, с общего совета, по единогласному определению всех ратных людей положили отступить к своим пределам, и возвратились в целости» (там же, с. 206).

...на дело в хоромах есть стрельцы, есть Леонтий Романыч, твой близкий слуга Шакловитый. – Подразумевая под «делом в хоромах» покушение на царя Петра и его мать царицу Наталью Кирилловну, кн. В.В. Голицын не случайно называет стрельцов и главу Стрелецкого приказа Ф.Л. Шакловитого в качестве возможных исполнителей этого убийства. В присутствии князя царевна Софья, по утверждению Н.Г. Устрялова, «не раз подстрекала стрельцов к бунту» (Устрялов, т. II, с. 32). К тому же сам Голицын, согласно предсмертному показанию Шакловитого (Толстой познакомился с этим показанием в изложении Н.Г. Устрялова), «знал про мятежные сходбища стрельцов, что он сам неоднократно приговаривал собирать их {...}, что в присутствии его бывали разговоры об убийстве царицы Наталии Кирилловны и что он даже подстрекал к замышляемому злодейству» (там же, с. 81).

Находясь в тесных дружеских отношениях с Шакловитым, князь В.В. Голицын, по-видимому, был осведомлен и о том, что глава Стрелецкого приказа с ведома царевны Софьи подговаривал стрельцов к убийству Петра и его матери, а его клеветы (Обросим Петров, Алексей Стрижов, Андрей Кондратьев, Кузьма Чермный и Никита Гладкий), по утверждению Н.Г. Устрялова, «твердили в полках о необходимости убийств» (Устрялов, т. II, с. 42).

Характеризуя взаимоотношения царевны Софьи Алексеевы с главой Стрелецкого приказа Ф.Л. Шакловитым, Толстой опирался на «Записки» А. Матвеева. Ср.: «...при своей начатой властолюбивой державе она, царевна, избрала из разряда дьяка Федора Щегловитого, великого лукавства и ума человека бессовестного, и пожаловала его в думные дьяки, и вместо князей Хованских поручила ему Стрелецкий приказ. Все тайны и секреты свои между себя и стрелецких полков к будущим

намерениям ко обороне своей ему открыла, и в великой содержала его при себе верности» (*Туманский*, ч. 1, с. 196–197).

В этом отрывке Толстой приписал Шакловитому имя и отчество другого приверженца царевны Софьи – Леонтия Романовича Неплюева. В действительности Шакловитого звали Федор Леонтьевич.

С. 166. *Поживу своим домом пока, как в скиту...* – Скит – пустынь, общая обитель отшельников, братское уединенное сожителство в глуши, с отдельными кельями.

...с Петрова дни и до первого Спаса. – То есть в период с 29 июня до 1 августа ст. ст.

...приказы пришли, чтобы ко Троице шли бы все ратные люди. – Имеются в виду грамоты Петра от 16 и 27 августа 1689 г.

Как у барки навесит купец тереза на подставки... – Барка – общее название сплавных плоскодонных судов для кладки.

Тереза (терезы, терези) – весы коромысельные.

Слышал ~ что ездила к Троице царевна с братом мириться, что к брату ее не пустили... – О поездке царевны Софьи к Троице см. с. 511–512.

О том, что Софья отправилась к Троице, В.В. Голицыну было известно из первых рук, поскольку он вместе со своим двоюродным братом кн. А.И. Голицыным, Ф.Л. Шакловитым, Л.Р. Неплюевым, В.А. Змеевым и многими стрельцами проводил царевну за Земляной город (См.: *Устрялов*, т. II, с. 67).

По сведениям шведского посланника фон Христофора Кохена (донесение от 6 сентября 1689 г.) царевна Софья «уехала в Троицкий монастырь с князем В.В. Голицыным» (цит. по кн.: *Бушкович*, с. 168). Поскольку этот факт не нашел отражения в мемуарах А.А. Матвеева и Б.И. Куракина, можно предположить, что шведский дипломат принял за отъезд князя В.В. Голицына в Троицу упомянутый выше факт его сопровождения царевны только до Земляного города.

...слышал, что Романыча Шакловитого взяли стрельцы, заковали и к Троице свезли... – О выдаче Шакловитого см. с. 535 наст. изд. В действительности отчество Шакловитого было Леонтьевич.

Пораженный выдачей Шакловитого, Голицын в ту же ночь, с 6 на 7 сентября, вместе со своими приближенными уехал в загородный дом в селе Медведкове. 7 сентября кн. В.В. Голицын вместе со старшим сыном и ближайшими соратниками приехал в Троицу.

...ратные люди и немцы-солдаты к Троице ушли... – Уход «ратных людей», солдатских и иноземных полков к Троице начался в конце августа – начале сентября 1689 г. (см. с. 528–529, 534).

...бояре туда что ни день отъезжают... – Бояре начали уезжать в Троицу после массового ухода туда стрелецких полков и выдачи Ф.Л. Шакловитого (см. с. 534).

...любимого сына... – То есть боярина кн. А.В. Голицына.

...невестку брюхатую... – Речь идет о жене кн. А.В. Голицына, кн. Марье Исаевне Голицыной, урожденной Квашниной.

...старуху Авдотью, жену распостылую. – Кн. Авдотья (Евдокия) Ивановна Голицына, урожденная Стрешнева, с 1667 г. вторая жена князя В.В. Голицына. В сентябре 1689 г. кн. А.И. Голицына была сослана вместе с мужем в Архангельский край. После смерти кн. В.В. Голицына 21 апреля 1714 г. его вдова и старший сын кн. А.В. Голицын по указу Правительствующего Сената от 9 августа 1714 г. были освобождены из ссылки (См.: *Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 3, стлб. 1457–1458).

〈ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ〉

〈ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО〉

С. 167. ...6 лет при царевне Софии, когда ~ Голицын чувствовал себя первым человеком в царстве... – См. с. 506, 514.

...богатству его не было сметы... – О размере состояния В.В. Голицына можно судить по целому ряду фактов. Его дом в Москве, «что в Белом городе, меж улиц Тверской и Дмитровки» был одним из великолепнейших домов в Европе. Согласно «ценовной росписи», сделанной после удаления князя в ссылку, «цена тому двору: Земле 1.040 рублей. Каменному строенью 12.833 рубли 20 алтын 4 денги» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 3, стлб. 729). Внутреннее убранство дома свидетельствовало не только о хорошем вкусе европейски образованного князя, но и о размере затраченных на это убранство средств. «В той же полате подволока накатная, а прикрыта холстами; а по холстам левкашено. На подволоке, от другой его ж князь Васильевы столовой полаты, в кругу с лучами написано “Иисус Христос”. А в середине той подволоки солнце с лучами, вызолочено сусальным золотом. Круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты, писаны живописью. От солнца, на железных трех прутах, паликадило белое косяное о пяти поясах; в поясе по осми подсвешников. Цена паликадилу 200 р. А по другую сторону солнца месяц в лучах, посеребрен. Круг подволоки, в 20-ти клеймах резных позолоченых, писаны пророческия и пророчиц лица.

Да в четырех рамах резных, золоченых же, 4 листа немецких. За лист по 5-ти р. И того 20 рублей» (там же, т. 4, стлб. 3–4).

В этой же палате «на стенах в розных местех 5 зеркал, и в том числе зеркалу, которое в раме резной позолоченой, цена 30 р. Двум, которые в рамах же, одно в черепаховой, у него 4 наугольника медных резных, посеребренных, другое в раме ж резной, позолоченое, цена 50 р., – по 20-ти по 5-ти р. за зеркало (...). В той же полате в дву поясах 46 окон с оконницы стеклянными; в них листы стекла с личины, и в том числе 36 окон с затворы железными; а у 10-ти окон затворов нет» (там же, стлб. 4).

Столь же богатым убранством отличалась и спальня: «Кровать немецкая ореховая резная, с низу с четырех сторон, и круг четырех столбов, и под верхом подзор; по ореховому дереву резь сквозная: личины

человеческия и птицы и травы; на кровати верх ореховый резной, в середине зеркало круглое, круг зеркала резь; на верху 4 столба ореховых. Цена 150 р.» (там же, стлб. 12).

...ждал ~ конца борьбы между сестрой царевной и братом Петром. – Сведения о выжидательной позиции, занятой боярином кн. В.В. Голицыным в период противостояния царя Петра с царевной Софьей Алексеевной, Толстой почерпнул у С.М. Соловьева: «...Голицын не принимал никакого участия в московских движениях» (Соловьев, т. 14, с. 129).

...боролсь за царя бояре – Черкасский, Б. Голицын, Стрешнев... – Из трех названных здесь лиц боярами в описываемый период были князь Михаил Алегукович Черкасский (? – 1721) и Тихон Никитич Стрешнев (1644–1719). Князь Борис Алексеевич Голицын (1654–1714) был пожалован в бояре 28 февраля 1690 г. (см.: Лавров, с. 169). Все они, входившие в ближайшее окружение Петра, сопровождали его в Троицком походе и были активными участниками событий 8 августа – 7 сентября 1689 г., в результате которых царевна Софья Алексеевна была отстранена от управления государством.

Боярин князь М.А. Черкасский, по характеристике Н.Г. Устрялова, «любимец царя Алексея Михайловича, друг Матвеева, заслонявший его от стрельцов своею грудью» (Устрялов, т. II, с. 34), сделался главным врагом В.В. Голицына, потому что «жестокос осуждал все действия любимцев Софии» (там же). В письме к Ф. Шакловитому, отправленном из Второго Крымского похода, В.В. Голицын просил его «недреманным оком» следить за М.А. Черкасским, чтобы не допустить его возвышения (См.: Соловьев, т. 14, с. 39).

О роли князя Б.А. Голицына в Троицком походе и судьбе кн. В.В. Голицына см. с. 534–535, 537.

Боярин Тихон Никитич Стрешнев был стольником еще у юного царевича Петра Алексеевича. В Троице Т.Н. Стрешнев был членом боярской комиссии по розыску Ф.Л. Шакловитого, а после отстранения Б.А. Голицына от руководства этой комиссией, возглавил ее.

...за царевну стрельцы, Шакловитый, Змеев, Неплюев. – О роли Ф.Л. Шакловитого и стрельцов в событиях лета 1689 г. см. с. 509–512.

Окольничий, думный дворянин, генерал Венедикт Андреевич Змеев (?–1697) и боярин Леонтий Романович Неплюев, приближенные В.В. Голицына, были, по характеристике С.М. Соловьева, известны «своею военною и приказною деятельностью» (Соловьев, т. 14, с. 132). Член Ответной палаты В.А. Змеев участвовал вместе с Голицыным в реформе армии, отмене местничества. Во времена правления царевны Софьи Змеев был товарищем князей В.В. и А.В. Голицыных в Иноземском, Рейтарском и Пушкарском приказах. В Крымских походах Змеев командовал корпусом в чине ближнего окольничего и наместника Серпуховского. В Троицу Змеев приехал 7 сентября 1689 г. вместе с князьями А.В. и В.В. Голицыными. 9 сентября того же года царским указом его предписано было «послать на Кострому, и жить ему в костромских своих дерев-

нях» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 3, стлб. 976). Ссылкой в «костромские деревни» Змеев был наказан за то, «что он, будучи в Крымском походе, с князь Васильем Голицыным дошод до Перекопи, промыслу никакова не чинили и отступили прочь (...). А ему Веденихту он, князь Василей, был друг, и его Веденихта он, князь Василей, по дружбе своей слушал: и тем своим нерадением их государской казне учинили великие убытки, а государству разорение и людем тягость» (там же, стлб. 975–976).

«Друг временщика и самый ревностный клевет Софии», – так характеризовал Н.Г. Устрялов боярина Леонтия Романовича Неплюева (*Устрялов*, т. II, с. 82). Участник Крымских походов, он, по словам Н.Г. Устрялова, 37 лет не сходил с ратного поля (См. там же, с. 81). Был воеводой в Севске (1677–1678), Киеве (1681); думный дворянин с 1680 г. Весной 1689 г. в Севске Л.Р. Неплюев, выполняя поручение царевны Софьи Алексеевны и князя В.В. Голицына, поставил перед афонским архимандритом Исайей вопрос о венчании регентши на царство и упоминании ее имени в церковных службах наравне с именами обоих царей. Афонский архимандрит сумел противостоять напору Неплюева и намерение царевны Софьи Алексеевны венчаться на царство осталось нереализованным.

Во время событий 8 августа – 7 сентября 1689 г. Неплюев оставался в Москве при царе Иоанне (Иване) V Алексеевиче и царевне Софье Алексеевне. В конце августа, когда стрельцы, думные люди, бояре стали переезжать из Москвы в Троицу, Неплюев предпринял попытку получить оттуда указ с предписанием, «чтоб ему Левонтью, быть с Москвы в Троицкой монастырь» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 2, стлб. 787). С этой целью он послал в Троицу к боярину П.А. Лопухину своего родственника П.Д. Неплюева. Боярин П.А. Лопухин, переговорив с князем Б.А. Голицыным, сообщил П.Д. Неплюеву: «указ де будет от князя Бориса Алексеевича» (там же, стлб. 788).

В Троицу Л.Р. Неплюев приехал вместе с боярами князьями А.В. и В.В. Голицыными и В.А. Змеевым. Царским указом от 9 сентября 1689 г. он был осужден за жестокое притеснение жителей Севска: «будучи в Севску, ратным и уездным людем чинил многие разорения и убытки (...), и в тех его во всех обидах и налогах и разоренье им, великим государем, беспрестанное было челобитье, а указу по тому их челобитью было не учинено, за поноворкою друзей его, князь Василья и князь Алексея Голицыных, в тех их обидах и налогах чинили ему многое вспоможение» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 2, стлб. 533–534). За указанные государями «вины» Неплюев был лишен чести боярства и сослан в Пустозерск. Его поместья и вотчины и двор московский были отписаны на «великих государей». Царским указом от 16 сентября Неплюева велено было «послать в ссылку в Колский острог» (там же, стлб. 541).

...*правда была в выборе Годунова, Шуйского, Владислава, Дмитрия, Михаила.* – Борис Федорович Годунов (ок. 1552–1605) был избран на царство в 1598 г. после смерти царя Федора Иоанновича (Ивановича), не оставившего наследников. Активное содействие Годунову во время из-

брана его на царство оказали: его сестра царица-вдова Ирина Федоровна, церковные иерархи, поддержка большинства Думы, всех стрелецких московских полков. Однако решающую роль в этих событиях сыграл патриарх Иов. Он организовал и возглавил народные шествия москвичей, трижды приходивших к Годунову в Новодевичий монастырь звать его на царство. 17 февраля 1598 г. Борис Годунов был избран Земским собором царем, 21 февраля – наречен на царство, 1 сентября – венчан на царство. После семи лет правления Борис Годунов скоропостижно скончался 13 апреля 1605 г. в разгар борьбы с Лжедмитрием I.

Василий IV Иванович Шуйский (1552–1612) был провозглашен царем 19 мая 1606 г. на соборе с участием выборных от ряда дворянских партий и преданных ему людей из московского посада. Воцарение Шуйского произошло через два дня после низвержения самозванца Лжедмитрия I, заговор против которого организовал и возглавил сам князь В.И. Шуйский. Приход Шуйского к власти не остановил Смуту. Правление Шуйского ознаменовалось борьбой «боярских партий», гражданской войной, восстанием И. Болотникова, волнением горожан, польской военной интервенцией. 17 июля 1610 г. Шуйский был смещен с трона, насильственно пострижен в монахи и заключен в Иосифо-Волоколамский монастырь. В сентябре 1610 г. он был выдан польскому гетману Жолкевскому, который вывез его в Польшу, где В.И. Шуйский и скончался в 1612 г.

Владислав IV Ваза (1595–1648) король Польши (с 1632), сын Сигизмунда III. После низложения В.И. Шуйского Владислав был приглашен на русский престол: в феврале боярами-тушинцами, в августе – Боярской думой в Москве. Хотя москвичи принесли присягу Владиславу, однако воцарение его не состоялось: вначале из-за претензии самого Сигизмунда III на русский престол, потом из-за успехов народного ополчения, изгнавшего поляков из России. От претензий на русский трон Владислав IV отказался лишь в 1634 г. в соответствии с условиями Поляновского мира.

Лжедмитрий I (? – 1606) – самозванец, в 1605–1606 гг. занял российский престол. Галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве Григорий, в 1601 г. объявился в Польше под именем сына царя Иоанна (Ивана) IV Васильевича Грозного, Дмитрия. При поддержке польских магнатов собрал войско и в октябре 1604 г. вступил в Россию, где был поддержан частью горожан, казаков и крестьян, недовольных правлением Б.Ф. Годунова. После смерти Б.Ф. Годунова (13 апреля 1605 г.), когда правительственная армия во главе с П.Ф. Басмановым перешла на его сторону, Лжедмитрий I 20 июня 1605 г. торжественно вошел в Москву и занял царский престол. 17 мая 1606 г. Лжедмитрий был свергнут и убит группой заговорщиков во главе с князем В.И. Шуйским.

Михаил Федорович Романов был избран на царство Земским собором 21 февраля 1613 г. (см. с. 492).

...в выборе Петра одного... – Петр I был провозглашен царем 27 апреля 1682 г. вскоре после смерти царя Федора Алексеевича. По-

скольку царь Федор Алексеевич умер бездетным, избранием его преемника руководил патриарх Иоаким, сочувствующий придворной группировке Нарышкиных. Вопрос о том, кому из двух царевичей быть царем: «скорбному главою» Иоанну или отроку Петру? – был решен «всех чинов людьми Московского государства» (Соловьев, т. 13, с. 338). Созванные по распоряжению патриарха «всех чинов» люди были собраны на площади перед церковью Спаса Нерукотворного в Кремле. Выйдя на крыльцо вместе с архиереями и вельможами, патриарх спросил собравшихся, кому из двух царевичей быть на царстве. Многочисленные крики «Петру Алексеевичу!» заглушили несколько голосов, выкрикивавших имя царевича Иоанна Алексеевича. Патриарх возвратился вместе с архиереями в царский дворец, нарек Петра царем и благословил его на царство. В этот же день вся Москва присягнула новоизбранному царю.

С. 168. *Прозоровский ездил к Троице заступить за царевну и сам остался там.* – Боярин кн. Прозоровский Петр Иванович (1645–1720), дядька старшего царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича, был послан в Троицу царевной Софьей Алексеевной 16 августа 1689 г. с поручением склонить царя Петра к примирению с сестрой. Одновременно ему было поручено объяснить Петру, почему вызванные им в Троицу солдаты и стрельцы не выполнили его указ. Вместе с Прозоровским царевна отправилась в Троицу духовника Петра, протоиерея Меркурия. 18 августа посланники вернулись в Москву, не сумев выполнить поручения регентши. Позднее Прозоровский открыто перешел на сторону Петра и уехал в Троицу.

Патриарх тоже. – Ср.: «...патриарх Иоаким отправился в Лавру и там остался, не дав никакого ответа...» (Устрялов, т. II с. 64). Царевна Софья, недовольная тем, что патриарх не исполнил возложенную на него миссию, жаловалась стрельцам: «Патриарха де послала в поход для того, чтоб им великим государем вместе сойтись, а он де заехал в поход, там и живет и к Москве не едет» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом, т. 1, стлб. 126).

Сама царевна ездила ~ выехали к ней и вернули ее. – О поездке царевны Софии Алексеевны к Троице см. с. 511–512.

Право больше было на стороне Ивана ~ Петр был младший брат только. – Ср. с конспективной записью Толстого в подготовительных материалах к роману о Петре: «Если бы Петр, то правили бы Нарышкины, если Иоанн, то Софья. Последнее законнее (оно и восторжествовало)» (Юб., т. 17, с. 421). Запись была сделана при чтении «Записок» А.А. Матвеева в собрании Туманского (ч. 1).

...как при Федоре, должны были быть бояре-правители... – Сведения о «боярах-правителях» при царе Федоре Алексеевиче Толстой почерпнул у С.М. Соловьева. Ср.: «...говоря о правительственной деятельности Федора Алексеевича, царя очень молодого и болезненного, мы обязаны постоянно иметь в виду людей, его окружавших...» (Соловьев, т. 13, с. 250).

Имена бояр из ближайшего окружения царя Федора Алексеевича С.М. Соловьев определил на основании «адресов на письмах Матвеева» (там же), посланных им из ссылки с просьбой о заступничестве. Судя по этим письмам, в круг «самых влиятельных, самых близких к царю людей» (там же) в первые годы правления царя Федора входили: бояре князя Ю.А. и М.Ю. Долгоруковы, бояре князя Н.И. и Я.Н. Одоевские, боярин Р.М. Стрешнев, боярин И.М. Милославский, боярин Б.М. Хитрово (там же). Изменения в ближайшем окружении Федора Алексеевича произошли после его женитьбы в июле 1680 г. на А.С. Грушецкой, когда он удалил от двора И.М. Милославского и приблизил А.Т. Лихачева и боярина кн. В.В. Голицына.

...ясно бы стало, что Петр с злодеями, с пьяными конюхами задумали погубить старшего брата Ивана, благодетельницу-правительницу и хотели убить спасицу царство от смутов и главного труженика князя Василия... – Пьяными или «потешными конюхами» царевна Софья называла солдат потешных полков, которые формировались из конюхов потешной конюшни, спальников, дворян, сокольников. В речах, обращенных к стрельцам, Софья не раз жаловалась на потешных конюхов, распускала слухи о их скором нападении на царский дворец в Кремле, о посягательствах на жизнь старшего царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича и ее собственную («они ищут моей собственной головы и жизни моего родного брата») (см. с. 509).

Об умысле на жизнь боярина кн. В.В. Голицына со стороны его двоюродного брата, кн. Б.А. Голицына и Л.К. Нарышкина, царевна Софья Алексеевна сообщила стрельцам, по свидетельству Н. Гладкого, «в августе месяце, в первых числах, 197 году» (7197 год от сотворения мира соответствует 1689 году от Рождества Христова. – *Ред.*): «хотят де князь Василью Васильевичю Голицыну голову отрубить. А он де добра много сделал: полское де перемирие учинил, с Дону де выдачи не бывало, а его де промыслом и с Дону выдают. Да на него ж де все несут: брат де ему князь Борис несет де на него. И вы де нас не покиньте – мочноль де на Вас надеятца, и князь Бориса и Лва взять?» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 559).

Называя Софью «благодетельницей-правительницей (...), спасшей царство от смутов», Толстой воспроизводит ее самооценку из обращения к стрельцам: «Всем вам ведомо, как я в эти семь лет правительствовала, а приняла правительство в самое смутное время...» (*Соловьев*, т. 14, с. 128). См. с. 516.

...неправо Софьи, называвшейся государыней... – Речь идет о самовольном присвоении титула «самодержицы», которым царевна Софья наряду с братьями-соправителями подписала все указы по случаю заключения «Вечного мира» с Польшей в апреле 1686 г. О том, при каких обстоятельствах это произошло, сообщил в своих предсмертных показаниях Ф. Шакловитый: «Как де были полские послы, в то время как учинился вечный мир, и великая государыня благоверная царевна приказывала ему Федке, чтоб имя ее великой государыни писать обще с великими государя. И он Федка, после того ее приказу, мешкал дни с три,

и из Посолского де приказы в Розряд прислана память; а в той памяти написано имя ее великой государыни обще с великими государи; а с той памяти стали в города посылать грамоты. И он, с того числа, приказал площадным подьячим в челобитных и в приказе ее великую государыню писать же» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 201).

...ее развратных любовников, которые правили царством и всё под видом управления за старшего брата, безответного дурака и убогого. – Речь идет о боярине кн. В.В. Голицыне и думном дьяке Ф.Л. Шакловитом, которые, будучи фаворитами царевны Софьи, осуществляли вместе с ней управление государством.

О тяжелом физическом состоянии болезненного от рождения царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича сохранилось немало свидетельств иностранных дипломатов. Например, имперский посол Иоганн Эбергард Гёвель, посетивший Москву в 1684 г., сообщал: «Но никому не тайна, что старший, по слабому состоянию умственных и физических сил, неспособен к управлению. Это признают сами бояре и частенько о том вздыхают» (*Аделунг Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864, т. 2, с. 227).

...Шакловитый собирался убить молодого царя. – Согласно показаниям Филиппа Сапогова, стрелецкого капитана, пользовавшегося доверенностью царевны Софьи, боярина кн. В.В. Голицына и Ф.Л. Шакловитого, последний подговаривал его убить царя Петра, когда тот соберется в поход. Для этого Ф. Сапогову следовало бросить ручные гранаты на дороге или тайком положить их в сани: «говаривал ему Филипу многожды, чтоб ручные гранаты бросить в то время на пути, или украдкою в сани его государевы положить, и чтоб из тех гранат убить его государя; а положить бы ему в сани украдкою в то время, как изволит государь в поход итти, или бы в потешные сани под место» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 31–32). Другой вариант, по утверждению стрельца Петрушки Кривого, предусматривал убийство Петра во время пожара в Преображенском: «После 1682 года я бывал в доме у Федьки Шакловитого и вместе с Федькою у князя Ивана Засекина, и Федька с князем Иваном при мне между собою говорили: ходит он (государь) на пожары не со многими людьми: убить бы его стрельцам» (*Соловьев*, т. 14, с. 131–132).

...немец Гордон ~ на другой день ушли к Троице. – Генерал-лейтенант, шаутбенахт (контр-адмирал) Патрик (Петр Иванович) Гордон (1635–1699) происходил из шотландского дворянского рода. В 1653–1660 гг. он служил в шведских и польских войсках, а в 1661 г. приехал в Москву и поступил на службу к царю Алексею Михайловичу в чине майора. В 1677–1678 гг. П. Гордон участвовал в Чигиринских, а в 1687 и 1689 гг. – в Крымских походах. В 1687 г. П.И. Гордон был произведен в полные генералы и назначен командиром Бутырского выборного солдатского полка.

Царская грамота с указанием идти к Троице пришла в полки служилых иноземцев 31 августа и до 4 сентября, по свидетельству Гордона, оставалась нераспечатанной. 4 сентября, вскрыв эту грамоту в при-

сутствии полковников, Гордон показал ее боярину кн. В.В. Голицыну и попросил его совета относительно дальнейших действий иноземных полков. Голицын обещал показать эту грамоту царевне и велел ждать ее указаний. Вечером 4 сентября иноземные полки вышли из слободы и на следующий день прибыли в Троицу. Устрялов так описывал появление в Лавре иноземцев: «Петр допустил их к своей руке, спрашивал о здоровье, благодарил за приезд и из собственных рук дал им по чарке вина» (Устрялов, т. II, с. 73).

С. 169. *Думал уже о том, как его обвинят...* – Какие обвинения были предъявлены боярину князю В.В. Голицыну, см. с. 536–537.

...было много дел, за которые и церковь, и суд, и молва могли осудить его – и казнь Самойловича... – Конфликт между В.В. Голицыным и гетманом Левобережной (1672–1687) и Правобережной (с 1674) Украины Иваном Самойловичем (? – 1690) был обусловлен их различным отношением к «Вечному миру», заключенному в апреле 1686 г. между Россией и Польшей. Царевна Софья и В.В. Голицын считали этот договор одним из важнейших достижений своего правления. Самойлович же полагал, что полякам нельзя верить, что для России полезнее быть в дружбе с турками. Свои возражения против этого договора Самойлович постоянно посылал в Москву, пока не получил выговор за «противенство». Указ о выступлении в поход против Крымского ханства Самойлович воспринял неодобрительно, но ослушаться его не мог. В мае 1687 г. Самойлович вместе со своими полками запорожских казаков присоединился к войску под руководством боярина кн. В.В. Голицына. Когда Первый Крымский поход был прекращен из-за поджога татарами степи, то недруги гетмана свалили всю вину за неудачу похода на него. Донос на Самойловича, составленный его старшиной, был подан В.В. Голицыну 7 июля 1687 г. В доносе пересказывались резкие суждения Самойловича по поводу «Вечного мира», обращалось внимание на поступки гетмана, не способствующие успеху похода. Нежелание Самойловича вступать в войну с татарами дало доносчику основание утверждать, что гетман был причастен к поджогу степей. Кроме того, в доносе излагались жалобы на плохое управление гетмана: без суда и следствия отнимал должности, брал взятки за полковничьи должности, унижал старинных казаков и возвышал мелких людей, грубо обращался со старшиной и т. д. Голицын отослал донос в Москву.

22 июля гонец из Москвы привез царскую грамоту, в которой Голицыну поручалось сообщить старшине, что если им не угоден Самойлович, они могут выбрать себе нового гетмана. Низложение Самойловича состоялось 23 июля после предъявленных ему Голицыным обвинений. Хотя Самойлович все обвинения отверг, Голицын объявил, что казаки теперь могут выбирать нового гетмана. Самойлович с сыном Яковом был отправлен в Сибирь. Другой его сын – Григорий, был казнен в Севске. Жена гетмана Самойловича и жены его сыновей были оставлены в Малороссии. Содержание им было выделено из средств их мужей. Иму-

щество Самойловича было описано: половина взята в царскую казну, половина – в войсковую.

25 июля 1687 г. казаки избрали нового гетмана. Им стал Иван Степанович Мазепа (1639?–1709).

...воспоминание о толстой, короткой, старой женщине ~ и бородавкой под двойным подбородком. – При описании внешности царевны Софьи Толстой, как следует из подготовительных материалов к роману, воспользовался свидетельством де ла Невилля, помещенным во 2 части «Словаря достопамятных людей русской земли» Д.Н. Бантыш-Каменского (М., 1836, с. 61), отметив такие характерные черты ее облика, как низкорослость, чрезмерную полноту, волосы на подбородке: «Софья (с) безмер(ною) толщиною, мале(нькая), и волоса на подбородке» (ОР ГМТ).

Характеристика Софьи как «старой женщины», по-видимому, восходит к Н.Г. Устрялову, заметившему, что царевна Софья «казалась несколькими годами старше, чем была действительно, и в 25 лет смотрела пожилою женщиною» (Устрялов, т. I, с. 27). При описании внешности царевны Софьи Н.Г. Устрялов также опирался на свидетельства де ла Невилля, которое он привел в приложении к первому тому своего труда «История царствования Петра Великого» (См.: Устрялов, т. I, с. 273–274).

...голос попа домового... – Домовый поп – поп, служивший при доме.

С. 170. *Пробовал говорить с женой...* – Кн. Авдотья (Евдокия) Ивановна Голицына, урожденная Стрешнева, вторая жена кн. В.В. Голицына. См. о ней с. 522.

...невесткой... – Княгиня Марья Исаевна Голицына, урожденная Квашнина, жена кн. А.В. Голицына. См. о ней с. 506, 513.

...с любимцем Засекиным... – Речь идет о кн. Иване Засекине, с которым Ф.Л. Шакловитый обсуждал возможность убийства Петра I стрельцами во время пожара. См. с. 528.

...то спрашивал брусничного, то клубничного меду... – Ягодный мед получается в результате его переработки с ягодами.

Приехал Змиев... – Окольный, думный дворянин и генерал В.А. Змеев.

...сын о Мазепе... – В.В. Голицын познакомился с И.С. Мазепой в марте 1679 г., когда тот приезжал в Москву в качестве посланника гетмана И. Самойловича. Своей образованностью, воспитанием, ловкостью и любезностью Мазепа сумел расположить к себе князя. В июле 1687 г. после отстранения от власти гетмана Самойловича В.В. Голицын немало способствовал тому, чтобы новым гетманом был избран И.С. Мазепа. В благодарность за содействие Мазепа, как следует из его письма Голицыну, прислал князю «в червонных золотых 5800 рублей, в копейках 3000 рублей, а в талерах битых 1200 рублей, всего 10 000 рублей» (Устрялов, т. I, с. 356).

Приехав в Москву 10 августа 1689 г., Мазепа, еще не зная о шатком положении боярина кн. В.В. Голицына в эти дни, начал восхвалять по-

беды князя над татарами во время Второго Крымского похода: «Никогда еще такой победы над крымцами и такого страха им не бывало, как теперь промыслом ближнего боярина, князя В. В. Голицына» (*Соловьев*, т. 14, с. 164–165).

После отстранения царевны Софьи от власти и ссылки В.В. Голицына в Архангельский край Мазепа стал распространять слухи, «что угрозы Неплюева заставили его давать Голицыну богатые подарки деньгами и вещами, и бил челом, чтобы его вознаградили за это из имения Голицына» (*Аристов Н.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871, с. 150).

...о Борисе... – Возможно, речь идет о двоюродном брате боярина кн. В.В. Голицына кн. Б.А. Голицыне и его попытках организовать добровольный приезд своего родственника в Троицу. Основываясь на дневниковых записях П.И. Гордона, С.М. Соловьев так характеризовал отношения двух братьев в этот период: «Шла переписка между родственниками: князь Борис писал князю Василью, чтоб приезжал к Троице, чтоб заслужил этим расположение царя Петра; князь Василий отправил подьячего к Троице уговаривать князя Бориса, чтоб примирил обе стороны. Князь Борис велел отвечать, что лучше всего, если он, князь Василий, как можно скорее приедет к Троице, что царь примет его отлично» (*Соловьев*, т. 14, с. 129). О роли кн. Б.А. Голицына в судьбе боярина князя В.В. Голицына см. с. 534–535, 537, 547.

...о взятии Шакловитого. – См. с. 535.

Потом Сашка Гладкий. – Под именем Сашки Гладкого Толстой, скорее всего, имел в виду пятидесятника Стремянного полка Никиту Гладкого. Будучи приверженцем царевны Софьи Алексеевны, Гладкий по ее наущению и поручению Ф.Л. Шакловитого подстрекал стрельцов к выступлению против царя Петра Алексеевича и его родственников Нарышкиных, подчеркивая различие между образом жизни и поведением царевны и ее младшего брата царя Петра Алексеевича: «...великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича (...) с ума споили. Да и того де ты смотри: государыня наша непрестанно Бога молит, а там де толко на органах и на скрипичах играют» (*Устрялов*, т. II, с. 44; *Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 110).

Для того чтобы стрельцы поднялись на мятеж, Гладкий прельщал их обещаниями грабежа и раздела награбленного имущества у бояр и торговых людей: «...будет ярмонка – станем де боярские дворы и торговых людей лавки грабить и сносить в дуван (...), у боярина Ивана Васильевича Бутурлина есть 60 гремлячих серебряных чепей, и то де разделим, а иныя отдадим на ограду к церкви и на церковные главы» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 21). Поскольку среди стрельцов было много раскольников, Гладкий пытался настроить их против патриарха: «Новые де у нас учителя завелись, уж де в слова, как поется аминь, кланятца не велят» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 140).

Во время событий в Кремле в ночь с 7 на 8 августа 1689 г. Никита Гладкий был особенно активен. Когда же полковник И.К. Нечаев вместе

с посыльными стрельцами 31 августа приехал из Троицы в Москву за Шакловитым, Н. Гладкий вместе с С. Медведевым и стрельцами А. Кондратьевым и А. Стрижовым отправился в монастырское село Микулино под Москвой. Из Микулина Гладкий и С. Медведев бежали по направлению к Смоленску, намереваясь скрыться в Польше, но укрылись в Бизюковом монастыре под Дорогобужем. В ночь на 21 сентября Н. Гладкий и С. Медведев были пойманы «на дороге, промеж Вязьмы и Можайска, за Каменным врагом, на реке Воре» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 535–536). На допросах в Троице Гладкий во всем признался, а под пытками обвинил во всем царевну Софью Алексеевну: «То де все Бог взыщет на великой государыне благоверной царевне: от нее де кровь проливаетца. То велела им делать она, великая государыня» (там же, т. 1, стлб. 634).

Н. Гладкий был приговорен к смертной казни и, как считалось долгие годы многими историками, тогда же казнен. При публикации 1-го тома «Розыскных дел о Федоре Шакловитом и его сообщниках» в 1884 г. выяснилось, что смертная казнь была заменена Гладкому на ссылку в Сибирь (там же, т. 1, с. V; стлб. 1279).

〈ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ〉

〈ПЯТОЕ НАЧАЛО〉

С. 171. ...*в келье Троицкого келаря отца Авраамия*. – Келарь – эконо-м, заведующий монастырскими припасами, второе лицо после игумена в управлении монастырем.

Сведения о том, что монах Авраамий, строитель Андреевского монастыря, был «прежде келарем в Троицком Сергиеве» Толстой позаимствовал у С.М. Соловьева (См.: *Соловьев*, т. 14, с. 242).

...*достал расшитые шелками чёботы*... – Чёботы – мужская и женская обувь, высокие башмаки до щиколотки, с острыми кверху носами.

...*на очхуре шаровары*... – Очхур – пояс, стягивающий штаны, шаровары.

...*Борис и Глеб*... – Русские князья Борис (в крещении Роман); (? – 1015) и Глеб (в крещении Давид); (? – 1015), младшие сыновья киевского князя Владимира Святославича, княжившие в Ростове (Борис) и Муроме (Глеб), были убиты в 1015 г. по приказу старшего брата Святополка Владимировича, занявшего после смерти отца Киевский престол. В 1071 г. князья Борис и Глеб были причислены Русской Православной Церковью к лику святых.

...*угодник Сергей*... – Сергей Радонежский, в миру Варфоломей (1314–1392) – святой, преподобный чудотворец, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря.

...*вспомнил все свои мерзости, пьянство*... – Сведения о пьянстве кн. Б.А. Голицына Толстой почерпнул у С.М. Соловьева. Характеризуя кн. Б.А. Голицына как умного и образованного человека («образованный не менее князя Василья, знавший латинский язык и любивший говорить

на нем»), отмечая его распорядительность и энергичность, С.М. Соловьев недоумевал: «Но этого самого князя Бориса иностранцы и русские не иначе называют как пьяницею» (Соловьев, т. 14, с. 112). Толстой, изучая этот фрагмент из «Истории» Соловьева, сделал следующую конспективную запись о Б.А. Голицыне: «Борис Голицын. Учен, умен, пьяница» (Юб., т. 17, с. 403).

...13 лет прожил он дядькой при царевиче Петре Алексеевиче... – Кн. Борис Алексеевич Голицын начал службу при царевиче Петре Алексеевиче в 1676 г. в должности комнатного стольника, дядьки и воспитателя.

Титул царевича Петр носил до 27 апреля 1682 г., когда после кончины царя Федора Алексеевича был возведен на престол в возрасте 9 лет и 11 месяцев.

...отслужить свою службу и уйти в монастырь спасти душу и к 50 годам откачнуться от всей суеты житейской. – Это свое намерение боярин кн. Б. А. Голицын осуществил в июле 1714 г. В возрасте 60 лет он принял монашество под именем Боголепа.

Источником сведений об уходе кн. Б.А. Голицына в монастырь, где он, отойдя от государственной службы, принял монашеский постриг и провел последние месяцы своей жизни, стал для Толстого Словарь Д.Н. Бантыш-Каменского (М., 1836, ч. 2, с. 51), из которого писатель сделал выписку: «Голиц(ын), Б(орис) А(лексеевич). В монастыре, в Флорищ(ево)й пустыне, близ Гороховца Влад(имирской) губ(ернии)». (ОР ГМТ., т. 17, с. 411).

...ждал только того, чтобы женился, возмужал царь и стал править царством... – Возведенный на престол в 10-летнем возрасте, Петр мог бы приступить к самостоятельному правлению государством вскоре после своей женитьбы в январе 1689 г. Однако регентство царевны Софьи Алексеевны при нем и его соправителе царе Иоанне (Иване) V Алексеевиче продолжалось до 7 сентября 1689 г. О хлопотах князя Б.А. Голицына по устройству женитьбы своего воспитанника см. с. 515 наст. изд.

...стали вздоры меж царской семьи: Софья царевна стала муть... – Ср.: «Вражда в царском семействе усилилась по возвращении князя Голицына из Второго Крымского похода» (Устрялов, т. II, с. 51).

Все смешалось в царской семье. – Ср. с началом романа «Анна Каренина»: «Все смешалось в доме Облонских».

Царевна связалась с братом двоюродным Васильем Васильевичем... – См. с. 512–513.

...настроила Ивана царя... – Слабый и болезненный, царь Иоанн (Иван) V Алексеевич находился под влиянием царевны Софьи.

...Петра царя забросила... – Воспринимая военные «забавы» младшего брата как безобидное чудачество, Софья вначале была довольна тем, что они отвлекали Петра от желания участвовать в управлении государством. Положение переменилось, когда Петр стал взрослеть, посещать приказы, требовать отчета в делах у кн. В.В. Голицына, а его потешные полки превращались в реальную военную силу.

...4-ю неделю жил царь Петр в Троице и шла борьба промеж молодого царя и царевны. – О противостоянии царя Петра и царевны Софьи в августе – начале сентября 1689 г. см с. 509–512.

...за всяким делом приходили к князю Борису: что написать, что сказать, кого куда послать. – Ср. со свидетельством П. Гордона: «Князь Борис Алексеевич заправлял всеми делами у Троицы, так как никто больше не рисковал вмешиваться в такое щекотливое дело» (*Gordon*, Bd. 2. S. 273).

Свидетельство П. Гордона, воспринятое С.М. Соловьевым, Н.Г. Устряловым, а за ними и Толстым как достоверное, было взято под сомнение при публикации розыскных дел о Ф. Шакловитом: «Общие заключения, выведенные нашими историками из таких источников как Дневник Гордона, утрачивают достоверность при знакомстве с розыскными делами (...). Примером может служить укоренившееся мнение, что князь Борис Алексеевич Голицын распоряжался всем у Троицы» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, с. VI.).

Царевну оставляли понемногу и бояре, и стрельцы, и немецкие полки... – Первым из 20 стрелецких полков в Троицу отправился полк Лаврентия Сухарева. Он прибыл в Троицу 8 августа 1689 г. и в течение трех недель был единственным стрелецким полком, поддерживавшим младшего царя. Положение изменилось, когда 27 августа в стрелецкие полки пришла вторая грамота от Петра I с предписанием явиться к Троице. Содержащаяся в грамоте угроза смертной казни тому, кто ослушается указа, произвела, по словам Н.Г. Устрялова, «желаемое действие», так как «стрелецкие полковники, Нечаев, Спиридонов, Нормакский, Дуров, Сергеев, и более 500 урядников, со многими рядовыми стрельцами, немедленно отправились к Лавре» (*Устрялов*, т. II, с. 65).

Вслед за стрельцами в Троицу стали приезжать и бояре, которые поначалу, как отметил А.С. Лавров, заняли выжидательную позицию и, если и приезжали в Троицу, «то не иначе, как заручившись разрешением или поручением царевны Софьи Алексеевны» (*Лавров*, с. 161).

Об уходе немецких полков в Троицу см. с. 528–529.

...с помощью угодника... – Преподобный Сергей Радонежский.

...стал одним царем Петр Алексеевич... – С отстранением царевны Софьи Алексеевны от власти Петр фактически стал единовластным правителем России, так как царь Иоанн (Иван) V Алексеевич в дела правления не вмешивался. Официально единовластное правление Петра началось после смерти царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича, скончавшегося 29 января 1696 г.

...на той стороне был старший брат Василий Васильевич, и дошло дело до того, что не миновать было Василию Васильевичу плахи. – Кн. Василий Васильевич Голицын, двоюродный брат кн. Б.А. Голицына, был старше его на 8 лет. Кн. Б.А. Голицын, по свидетельству современников (П. Гордона, де ла Невилля, Б.И. Куракина), возможно, употребил все свое влияние на царя Петра Алексеевича, чтобы спасти старшего брата от обвинений в измене и смертной казни. Рассказ об этом эпизоде в изложении П. Гордона см.: *Gordon*, Bd. 2. S. 281–282. Хотя Петр, по

словам Гордона, принял оправдание своего воспитателя, но недоброжелатели Б.А. Голицына из клана Нарышкиных воспользовались этим эпизодом и сумели убедить царя Петра отстранить Б.А. Голицына от руководства розыском по делу Ф. Шакловитого. 9 сентября 1689 г. – в день объявления приговора кн. В.В. Голицыну – последовал именной царский указ, «о передаче розыскного дела о Ф. Шакловитом из ведения кн. Б.А. Голицына, в ведение боярина Т.Н. Стрешнева» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 179–180). О приговоре боярину князю В.В. Голицыну см. с. 536–537.

〈ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ〉

〈ШЕСТОЕ НАЧАЛО〉

С. 172. ...накануне праздника Рождества Богородицы... – Праздник Рождества Богородицы отмечается 8 сентября ст. ст.

В передней карете ~ сидел главный боярин и печати оберегатель Василий Васильевич, князь Голицын, с молодым сыном. – Титул – «Царственной большой печати и государственных великих посольских дел оберегатель ближний боярин и наместник Новгородский» – был пожалован боярину кн. В.В. Голицыну 19 октября 1682 г.

...слюдяное оконце... – Окно, в котором вместо стекла использовалась слюда – прозрачный слоистый минерал. Сведения об устройстве слюдяных окон, имевшихся даже в царском дворце, Толстой почерпнул из книги Забелина, где было сказано: «До Петра Великого, даже в царском дворце, стекла не были в большом употреблении; их вполне заменяла слюда» (*Забелин. Домашний быт русских царей*, с. 114). Выписка Толстого из этой книги сохранилась в подготовительных материалах к роману о Петре: «Слюдяные окна, – в середине круг, а в округе боковые образцы разной формы – уголки, бруски звездами...» (*Юб.*, т. 17, с. 415).

Ворота приказаны полковнику... – То есть отданы под начальство полковника.

С. 173. *А что Федор... здесь? ~ Нынче на разусвете привезли...* – Сведения о том, когда Шакловитого привезли в Лавру, Толстой позаимствовал у Н.Г. Устрялова, сославшегося, в свою очередь, на дневниковую запись П.И. Гордона от 7 сентября 1689 г.: «Стрельцы взяли Шакловитого, и 7 сентября, в час по полудни, привезли его в Лавру» (*Устрялов*, т. II, с. 75; *Gordon*. Bd. S. 278).

Поскольку в то время часы делились на дневные (считались от восхода солнца) и ночные (считались от захода солнца), то «час по полудни» тогдашнего времени соответствовал 4-м или 5-ти часам утра.

Повели пытать... – Пытке Шакловитого предшествовал его «ропрос пред боярами» и очная ставка со стрельцами, уличавшими главу

Стрелецкого приказа в ряде преступных замыслов: Филиппом Сапоговым, Обросимом Петровым, Кузьмой Черным и другими. Подробнее об этом «роспросе» см. с. 541–542.

В застенке перед пытками Шакловитый, как следует из розыскного дела, отверг умысел на «государское де многолетнее здоровье» и признался в подстрекательстве стрельцов – «про пожар, де, чтоб зажечь в селе Преображенском», – а также в том, что говорил про царицу Наталию Кирилловну. В первом случае, по утверждению Шакловитого, его высказывания про царицу были лишь дополнением к стрелецким словам («и то де приставал к их стрелецким словам»), во втором – служили утешением царевне Софье Алексеевне: «И как де государыня царевна София Алексеевна печалилася, и он де Федка ей великой государыне говорил, утешая ее государыню: чем де ей государыне не быть, ино да лутче царицу Наталию Кириловну извезть» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 175).

На пытке Шакловитый признался в следующем: «великую де государыню царицу и великую княгиню Наталию Кирилловну, чтобы ее убить Куземке Черному и Оброске Петрову говорил, и что в распросах Куземкиных и Оброскиных написано и то он говорил же. А опричь де их Оброски с товарищи, пяти человек, о том убиении царицы Наталии Кириловны не говаривал. А про бунты де он говорил со стрелцами разговором» (там же).

...*дьяк*. – Дьяк – чиновник, ведавший делопроизводством государственного и местного управления. Дьяки служили за жалование.

Государь ~ не приказал тебе, боярину Василью Васильевичу, князь Голицыну, быть в монастыре, а приказал тебе ехать и стать на посаде и ждать его царского указа... – Ср. с изложением этого события в «Записках» А.А. Матвеева: «...из Москвы в Троицкой монастырь прибыл боярин князь Василей Васильевич Голицын, которой у монастырских ворот был удержан, и велено ему ехать на постоянной двор до указу...» (*Туманский*, ч. 1, с. 209–210). Вместе с А.В. и В.В. Голицыными, согласно дневниковой записи П. Гордона от 7 сентября 1689 г., в Лавру приехали: «боярин Леонтий Романович Неплюев, окольничий Бенедикт Андреевич Змиев и др.» (*Gordon*, Bd. 2. S. 278).

Указа пришлось ждать два дня. Утром 9 сентября, когда Шакловитый уже дал свои показания, князю В.В. Голицыну вместе с сыном велено было явиться в монастырь. Надеясь на встречу с царем Петром Алексеевичем, князь В.В. Голицын приготовил записку о своих заслугах, состоящую из 17 пунктов. Однако отца и сына дальше крыльца царских палат не пустили. На крыльце, по свидетельству А.А. Матвеева, «в присутствии (...) боярина Стрешнева от того ж думного дьяка Деревнина при всенародном собрании сказывана была скаска гораздо пространная о винах, за которыхы вины у него князя Голицына боярство было отнято, и у сына его поместье и вотчинные дома и все пожитки описаны на его царское величество» (*Туманский*, ч. 1, с. 210).

Первая «вина» князей Голицыных, согласно царскому указу, заключалась в том, что «они, князь Василей и князь Алексей, угождая и

доброхотствуя сестре их, великих государей, о всяких делах мимо их, великих государей, докладывали сестре их, а им, великим государем о тех делах было неизвестно; и во всяких делах сестру их, великих государей, писали обще ж с ними, великими государи, и посылали они, князь Василей и князь Алексей, в малороссийские города их великих государей грамоты, и в книгах имя сестры их великих государей, великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны, велели печатать обще ж с ними великими государи, без их, великих государей, указу, так же и в приказах во всяких делах велели писать сестру их, великих государей, обще ж с ними, великими государи, и о том из Посольского приказа в Розряд прислали память» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 3, стлб. 2–3).

Вторая «вина» кн. В.В. Голицына состояла в его «нерадении» Крымскому походу 1689 г.: «...и пришед к Перекопи, промыслу никакова не чинил, и, постояв самое малое время, отступил, и тем своим нерадением их великих государей казне учинил великие убытки, а государству разоренье и людям великую тягость» (там же, стлб. 3–4). В качестве наказания за эти преступления царский указ определил князьям Голицыным ссылку в Каргополь. Поместья Голицыных, их «вотчины и дворы московские и животы» велено было отписать на великих государей (там же). После объявления приговора князья Голицыны под строгим караулом 50-ти стрельцов и пристава Ф.М. Бредихина были поспешно отправлены из Троицкого монастыря в Каргополь. Туда же должны были привезти из Москвы их жен и детей.

Когда Голицыны находились уже на пути в ссылку, их противники, опираясь на предсмертные показания Шакловитого, потребовали ужесточения наказания князьям и отправки их в Пустозерск. Но кн. Б.А. Голицын, по словам Н.Г. Устрялова, «успел снова склонить Государя на милость, и окончательным местом ссылки Голицыных назначен городок Яренск, в 700 верстах за Вологдою...» (*Устрялов*, т II, с. 83). В Яренске Голицына вновь допросили о переговорах с крымским ханом под Перекопом, о причинах отступления «без всякого воинского промысла», о присылке царевной Софьей кн. М. Кропоткина (см. с.513), о смысле некоторых темных выражений в письмах Шакловитому. Поскольку князь В.В. Голицын ни в чем не признал себя виновным, это отягчило его участь. Вместе со всем семейством кн. В.В. Голицын был переведен из Яренска в Пустозерск, оттуда – в Волоко-Пинежскую волость, где в селе Кологоры (Холмогоры) он и скончался 21 апреля 1714 г. после ссылки, продолжавшейся четверть века. После смерти кн. В.В. Голицына его семья была возвращена из ссылки.

〈ПЕРЕХОД ВЛАСТИ ОТ СОФЬИ К ПЕТРУ〉

〈СЕДЬМОЕ НАЧАЛО〉

С. 174. *Прошел месяц с тех пор, как молодой царь Петр Алексеевич переехал из Москвы в Троице-Сергиевскую Лавру...* – Об отъезде Петра в Троице-Сергиевскую лавру см. с. 510–511.

...и за ним переехали молодая и старая царицы – жена и мать Петра Алексеевича... — Царицы Евдокия Федоровна и Наталья Кирилловна, жена и мать царя Петра Алексеевича, приехали к Троице 8 августа 1689 г. (см. с. 511).

...и по одному и по несколько стали переезжать из Москвы в Лавру бояре, немцы, стрельечные сотники и головы. – См. с. 528–529, 534.

Во всем народе был страх... – Сведения об охватившем Москву ужасе при известии об отъезде Петра в Троицу Толстой мог почерпнуть как у С.М. Соловьева («Москва пришла в ужас, когда 8 числа распространилась весть об отъезде царя из Преображенского» – т. 14, с. 125), так и у Н.Г. Устрялова («Но столица пришла в ужас» – т. II, с. 60). Историки, в свою очередь, основывались на дневниковой записи П. Гордона от 8 августа 1689 г., приведенной Н.Г. Устряловым на английском языке: «This suddaine departure of Н.М. caused great consternation and alteration in Moscow» («Этот внезапный отъезд Его Величества произвел великий ужас и замешательство»). Цит. по: Устрялов, т. II, с. 60).

При них ближним боярином был князь Василий Васильич Голицын. – Фактический руководитель правительства регентши боярин кн. В.В. Голицын имел придворный чин ближнего боярина.

...ближний боярин князь Борис Алексеич Голицын. – Во время описываемых событий кн. Б.А. Голицын имел придворный чин кравчего, которым был пожалован 23 февраля 1682 г. (см. Соловьев, т. 14, Приложение, с. XXII). Чин боярина Б.А. Голицын получил 28 февраля 1690 г. (см. Лавров, с. 169).

Кравчий – придворный чин. В обязанности кравчего входила организация царских пиров, за которыми он прислуживал государю. В торжественные дни кравчий рассылал угощения, пожалованные царем, послам, боярам и людям иных чинов.

Во всех приказах в Москве сидели судьи от царевны Софьи Алексевны ~ награждали по указам царевны Софьи и князя Василья Васильича. – С возведением на царский престол Иоанна (Ивана) V Алексеевича и установлением регентства царевны Софьи Алексевны придворная группировка Милославских вновь, как и во времена правления царя Федора Алексеевича, начинает оказывать решающее влияние на все приказные назначения и пожалования в Думу. К 1685 г. Милославские и Нарышкины разделили контроль над судными приказами, а в 1687 г. Нарышкины воспользовались отъездом В.В. Голицына из Москвы в Крымский поход и провели своих сторонников в приказы и в Думу. В этом же году Нарышкиным удалось добиться регулярных докладов кн. В.В. Голицына Петру о важнейших политических событиях.

От царевны Софьи Алексевны и князя Василья Васильича читались указы ~ не смели бы слушать указов из Лавры. – См. с. 512.

...чтоб стрельцы, немцы, солдаты шли к Троице... – См. с. 528–529, 534.

Уже 7 лет весь народ слушался указов царевны Софьи Алексевны... – Правление царевны Софьи Алексевны продолжалось 7 лет: с конца мая 1682 по начало сентября 1689 г.

...и войны воевали... – Речь идет о Первом и Втором Крымских походах, предпринятых в 1687 и 1689 гг. во время русско-турецкой войны 1686–1700 гг. См. о них с. 506, 508, 516, 520.

И патриарх, и царь Иван Алексеич, и сам Петр Алексеевич ~ не спорили с царевной. – Возведенный на царский престол в 10-летнем возрасте, царь Петр Алексеевич до 1688 г. не интересовался делами правления по малолетству; царь Иоанн (Иван) V Алексеевич – по состоянию здоровья.

...связался с немцами, пьет, гуляет с ними... – Дружеские отношения Петра с П.И. Гордоном и Ф.Я. Лефортом, частые, почти ежедневные посещения Немецкой слободы, присутствие на свадьбах, крестинах, похоронах иноземных офицеров, дружеские пиры и попойки в домах Гордона и Лефорта – все эти события происходили уже после низложения царевны Софьи, в 1690-е годы. Сближению Петра с иностранными офицерами и другими жителями Немецкой слободы немало способствовал его воспитатель кн. Б.А. Голицын. По свидетельству кн. Б.И. Куракина, кн. Б.А. Голицын был первым, «которой начал с офицерами и купцами-иноземцами обходиться. И по той своей склонности к иноземцам оных привел в откровенность ко двору и царское величество склонил к ним в милость» (Куракин, с. 63). «Друг душевной» кн. Б.А. Голицына швейцарец Ф.Я. Лефорт, стал самым близким другом молодого царя. В немалой степени их сблизила любовь к развлечениям. Дом Лефорта на берегу Яузы в Немецкой слободе, где он устраивал различные увеселения, стал излюбленным местом пребывания Петра. В 1692 г. Петр выделил деньги на пристройку к дому Лефорта зала, вмещающего до 1500 человек. Зал был богато украшен и меблирован. В доме Лефорта Петр не только пировал, но и встречался с нужными людьми. Из дома Лефорта Петр отправлялся в поездки и сюда возвращался.

...в войну играет... – Увлечение Петра военными забавами началось в детстве. Для игры юного царевича в войну было организовано потешное войско из стольников, спальников, потешных конюхов, придворных слуг и их детей. До 1682 г. игры в войну потешное войско устраивало на потешной площадке перед Кремлевским дворцом, в 1683 г. – в поле у села Воробьева, а с 1685 г. – в селе Преображенском, где поселился Петр с матерью после смерти царя Федора Алексеевича. По мере того как Петр вырос, игрушечное оружие стало заменяться на боевое. В 1686 г. в Преображенском был выстроен военный городок с жилыми помещениями для потешных солдат и амбарами для пушек и ружей. На берегу реки Яузы была выстроена крепость Пресбург. Солдаты потешного войска обучались стрельбе из пушек и ружей, учились штурмовать

крепость, сидеть в осаде. В обучении потешных солдат военному строю принимали участие иноземные офицеры, в частности, П.И. Гордон. К 1687 г. из потешных солдат были сформированы два батальона – Преображенский и Семеновский, которые в 1688 г. были развернуты в полки, положившие начало созданию регулярной русской армии. Петр, по словам современного исследователя, разделял с потешными солдатами все их занятия: «ходил в караул, чистил оружие, спал на земле, строил крепости» (*Скрицкий Н.В.* Флагманы Петра Великого, М., 2004, с. 34).

...*кораблики строит.* – В 1688 г. Петр нашел в Измайлове, в вешах, принадлежащих его двоюродному деду, Н.И. Романову, старый английский бот, который мог ходить под парусами против ветра. Узнав от Ф. Тиммермана о назначении бота, Петр с помощью голландского корабеля К. Бранта отремонтировал его, научился обращаться с парусами и стал плавать на боте по Яузе и Просяному озеру. Позднее для изучения морского дела Петр избрал Плещеево озеро, на берегу которого построил верфь и начал постройку флотилии из речных судов: стругов, шаняв, баркасов. В 1692–1694 гг. эта флотилия участвовала в маневрах на Москве-реке. Военные потехи Петра – на суше, а с 1692 г. и на море, продолжались и после низложения Софьи. Последней военной потехой Петра стали маневры под Кожуховом 1694 г.

...*7 лет тому назад били и грабили стрельцы всех, кого хотели...* – О майском восстании стрельцов в 1682 г. см. с. 517–518.

С. 175. *Сначала были слухи, что Нарышкины и Борис Голицын мутят народ, хотят погубить царевну Софью...* – Согласно показаниям стрельца Обросима Петрова эти слухи распространялись самой царевной Софьей среди стрельцов. Ср. у С.М. Соловьева: «Правительница призвала к себе ночью несколько стрельцов и начала им втолковывать, что царица Наталья с братьями и Борисом Голицыным поднимает бунт, а патриарх против нее, Софьи, чем бы мирить, только мутит» (*Соловьев*, т. 14, с. 120).

...*законно царствовала 7 лет.* – см. с. 516.

Царевна Софья приказывала и грозила казнью ~ то царь Петр приказывал сделать напротив и грозил. – О противостоянии Софьи и Петра см. с. 509–512.

...*началось то время, которое называется царствованием Петра Великого.* – Ср. у Соловьева: «С неудачи азовской начинается царствование Петра Великого» (*Соловьев*, т. 14, с. 225).

...*раздался благовест.* – Благовест – звон в один (средний) колокол для извещения о службе в церкви и звон во время службы по уставу.

...*и клобуках...* – Клобук – покрывало монашествующих, сверх камилавки. Камилавка – черная шапка, носимая монахами под клобуком.

...*был царь с царицами...* – Царь Петр Алексеевич с матерью, царицей Натальей Кирилловной и женой, царицей Евдокией Федоровной.

У игумна и келаря... – Игумен – настоятель монастыря.

...*приходили офицеры в невиданном еще немецком платье...* – Очевидно, служилые иноземцы из Бутырского полка, которым руководил П.И. Гордон.

С. 176. ...*были стрельчихи из Москвы, матери, жены, дети тех стрельцов, которых одних привозили из Москвы...* – В начале сентября 1689 г. в Москве были пойманы и привезены в Лавру стрельцы Дементий Лаврентьев, Егор Романов, Иван Муромцов, Кузьма Чермный, Андрей Сергеев (См.: *Устрялов*, т. II, с. 74). Их имена были названы в царском указе как имена злоумышленников. 6 сентября в Лавру привезли в кандалах также Обросима Петрова.

...*другие сами пришли с повинною.* – В числе стрельцов, пришедших в Лавру по царской грамоте, были два брата Василий и Филипп Сапоговы, стрелецкие капитаны, которые покаялись в содеянном. Будучи ревностными исполнителями поручений Шакловитого, братья Сапоговы вместе с подьячим Матвеем Шошиным, одетым под боярина Льва Кирилловича Нарышкина, ездили по Земляному городу, где стояли караулы стрельцов, и избивали их. Таким образом Шакловитый, как пояснял В. Сапогов, хотел «учинить возмущение, будто бьет их боярин Лев Кирилович Нарышкин» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом.*, т. 1, стлб. 25–26). В расспросе перед боярами братья В. и Ф. Сапоговы сообщили об умысле Шакловитого постричь царицу Наталью Кирилловну в монахини, а также о попытке убить ее во время визита царевны Софьи в Преображенское летом 196 (1688. – *Ред.*) г.: «...и в то де время Федор Шакловитой многих людей из розных полков имал с собою для того, чтоб побить Кирила Полухтовича с детьми и с родственниками; так же бы убить великую государыню царицу» (там же, стлб. 31). Поведал Филипп Сапогов и о том, что Шакловитый подговаривал его убить царя Петра на пожаре (см. с. 528).

Столь же откровенно изобличали Шакловитого в его «непристойных» словах и умыслах и другие стрельцы, добровольно ушедшие в Троицу.

...*а после полдней привезли Стрелецкого приказа окольного Федора Леонтьевича Шакловитого...* – См. с. 535.

...*того самого боярина Федора Леонтьевича, который не раз бывал в Лавре, пожертвовал иконостас в придел Рождества Богородицы.* – В результате разысканий сотрудников Сергеево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника установлено: во Вкладной книге Троице-Сергиевого монастыря Шакловитые не упоминаются и вкладов их нет; о вкладе «иконостаса в придел Рождества Богородицы» ничего не известно и ни один храм Троице-Сергиевой лавры такого придела не имел.

Его поутру допрашивали без пытки... – Фактическим источником эпизода допроса Ф. Шакловитого стали для Толстого «Записки» А.А. Матвеева. Ср.: «Тотчас по привозе за великим караулом, оной Щегловитов в царские палаты приведен, и пред боярами спрашиван...» (*Туманский*, ч. 1, с. 207).

Допрос Шакловитого вели члены розыскной комиссии: кравчий кн. Б.А. Голицын (председатель), кн. И.Б. Троекуров, боярин Т.Н. Стрешнев. Вопросы, которые они задавали Шакловитому, строились на основании показаний, ранее допрошенных стрельцов: братьев Васи-

лия и Филиппа Сапоговых, Обросима Петрова, Кузьмы Черного и других.

После окончания допроса, бояре устроили Шакловитому очную ставку со стрельцами: братьями В. и Ф. Сапоговыми, О. Петровым, К. Черным и другими. Все стрельцы подтвердили свои прежние показания. Так, Филипп Сапогов на очной ставке сказал и о намерении Шакловитого летом 196 (1688. – *Ред.*) г. в Преображенском «убить великую государыню царицу и великую княгиню Наталью Кириловну, и ближних бояр и комнатных людей» (там же, стлб. 172). В непристойных словах, сказанных про государя, уличали Шакловитого стрельцы Федор Турка и Иван Троицкий (там же, стлб. 170). Другие стрельцы подтвердили свои показания о намерении Шакловитого низложить патриарха (там же, стлб. 173).

Шакловитый отверг все обвинения стрельцов и, по словам Н. Г. Устрялова, «во всем заперся и твердил одно: ничего не говорил, не мыслил и не приказывал» (*Устрялов*, т. II, с. 76).

...теперь, в самые вечерни, повели на воловий монастырский двор ~ устанавливали новую дыбу для пытки. – Сведения о том, что Шакловитого пытали на воловьем монастырском дворе, Толстой заимствовал из мемуаров А. А. Матвеева: «...и на воловьем монастырском дворе жестоко пытан» (*Туманский*, ч. 1, с. 207).

Еще одним фактическим источником этих сведений был для Толстого труд Н. Г. Устрялова, где историк, ссылаясь на А. А. Матвеева, писал: «Его отвели на монастырский воловий двор, для розыска...» (*Устрялов*, т. II, с. 76).

Вечерни – церковная служба, совершаемая вечером.

Дыба – тип виселицы; устройство для пыток.

С. 177. *...в подклеть монастырских воловщиков...* – Подклеть – нижняя жилая изба: людская, черная или рабочая нижняя изба, иногда и нежилая, для кладовой.

...две лавки с суконными полавочниками... – Полавочник – половики или полотнище, холст, ковер для покрытия лавок.

...в горлатной чернолисей шапке... – То есть шапке, сшитой из горлового, душатого меха. Душатый мех – мех, расположенный на части шеи пушного зверя – против глотки, и ниже душки.

...князь Федор Юрьевич Ромодановский. – Ближайший соратник Петра, кн. Федор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640–1717) имел придворный чин его комнатного стольника (1675–1678), входил в «компанию» ближайших друзей молодого царя, где ему была поручена роль правящего царя.

В 1686 г. кн. Ф. Ю. Ромодановский возглавил Преображенский приказ, которым руководил до 1717 г. После низложения царевны Софьи и заключения ее в Новодевичий монастырь Петр поручил Ромодановскому надзор за ней.

Вскоре после описываемых событий кн. Ф. Ю. Ромодановский принял участие в потешных походах Петра (в 1691 и 1694 гг.), дважды по-

сетил с царем Архангельск (в 1693 и 1694 гг.), а во время Азовских походов 1695–1696 гг. и Великого посольства 1697–1698 гг. он во главе боярской комиссии фактически управлял государством.

...*Лев Кириллыч Нарышкин, его дядя.* – Брат царицы Натальи Кирилловны, боярин Лев Кириллович Нарышкин (1664–1705) открыто противостоял царевне Софье и ее властолюбивым планам (см. с. 515). Эта позиция Л.К. Нарышкина заставляла его противников строить планы его физического устранения. После отстранения царевны Софьи от власти Л.К. Нарышкин возглавил Посольский приказ, которым руководил до 1702 г.

С. 178. *Шакловитый только вчера был взят.* – Об аресте Шакловитого см. с. 535.

...*5 человек держальников-дворян окружали его лошадь...* – Дворяне-держальники – бедные дворяне, постоянно проживавшие на полном содержании в домах родовитых людей; они ехали впереди своих патронов, когда те выезжали со двора, во время приезда патрона во дворец держальники оставались у крыльца при лошадях.

– *Дайте поесть, ради Бога. Я второй день...* – Сведения о том, что Ф. Шакловитый после пыток попросил есть, Толстой позаимствовал из «Записок» А.А. Матвеева. Ср.: «Токмо зело удивительно всем показалося затмение его ума; когда он Щегловитой пред бояры по пытке с дыбы был снят, просил у них, бояр, чтобы его велели накормить, понеже несколько дней уже не ел» (*Туманский*, ч. 1, с. 207–208).

В подготовительных материалах к роману о Петре Толстой в заметке о Шакловитом отметил следующие, заинтересовавшие его детали: «8 августа¹ у Троицкого монастыря, когда привезли Шакловитого, *пыль*. Шакловитый пытан на монастырском дворе. Когда с дыбы снят, попросил есть» (*Юб.* т. 17, с. 648).

На эту же деталь – то, что Шакловитый попросил есть после пыток – обратил внимание и А.С. Пушкин в «Истории Петра». Ср.: «Стали его пытать голодного, несколько дней не евшего. Щегловитый после нескольких ударов кнутом во всем признался (...). Пред сим признанием просил он, чтоб велели его накормить» (*Пушкин А.С. ПСС. Л., 1979, т. 9, с. 31*). Пушкин позаимствовал этот эпизод из девятитомного труда И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России...» (изд. Н.И. Новикова, 1788–1797).

С. 179. ...*Семен Черный...* – Под именем Семена Черного Толстой изобразил стрелецкого пятидесятника Кузьму Черного (? –1689). Будучи приверженцем царевны Софьи, К. Черный входил в число наиболее преданных царевне и Ф. Шакловитому стрельцов, готовых исполнить любое их поручение. Летом 1689 г. Черный открыто заявил о необходимости убийства царицы Натальи Кирилловны и ее сына Петра (см. с. 519).

¹ Следует: 8 сентября. – *Ред.*

31 августа К. Чермный был привезен в Троицу и допрошен. На допросе К. Чермный признался, что «про великую государыню царицу и великую княгиню Наталию Кириловну непристойные такие слова говорил, медведицею называл, а чтоб ее уходить, то он говорил же. А про государя царя и великого князя Петра Алексеевича таких слов: буде он вступитца за мать свою, чтоб и ему не спускать, таких слов он, Куземка, не говаривал» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 34).

После допроса и пыток К. Чермный был приговорен к смертной казни.

...*Обросим Петров*. – Обросим (Абросим) Петров (?–1689), по характеристике Н. Г. Устрялова, «один из главных клеветов Софии и самый деятельный единомышленник Шакловитого» (*Устрялов*, т. II, с. 74), был приставом стрелецкого Ефимьева полка. Именно О. Петрову Шакловитый сообщил о предстоящем нападении потешных конюхов на Кремль и приказал «повестить в слободах» и собрать людей. В ту же ночь, с 7-го на 8-е августа 1689 г., Шакловитый послал Петрова к кн. В.В. Голицыну с поручением звать князя к царевне Софье. С Петровым же Шакловитый поделился намерением «зажечь в селе Преображенском», чтобы убить царицу Наталью Кирилловну, ее брата Л.К. Нарышкина, кравчего князя Б.А. Голицына, а также планом убийства царя Петра в день празднования именин царевны Анны Михайловны. Пользовался Петров и доверием царевны Софьи. Как следует из его показаний, он был с царевной Софьей в Новодевичьем монастыре, когда царевна «изволила» подозвать к себе стрельцов и «сама им жаловалась на великую государыню благоверную царицу и великую княгиню Наталию Кириловну: и так де беда была, да Бог де сохранил; а ныне де опять беду зачинают» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 114). 29 августа 1689 г., когда царевна Софья отправилась мириться с братом в Троицкий монастырь, О. Петров провожал царевну до загородного двора боярина А.С. Шеина.

Обросим Петров ~ *сперва один отбилса саблей от 15 стрельцов...* – Ср.: «Обросима Петрова захватили было посыльные стрельцы в съезжей избе Ефимьева полка; но он отбилса саблею, ушел к себе на двор, и спрятался в погребе у пономаря церкви Филиппа апостола» (*Устрялов*, т. II, с. 69).

Из признаний самого Петрова следует: «А как де ныне почали его иметь стрелцы Семенова полку Огибалова, и он де Оброска от них саблею отмахивался для того, что они кинулись к нему с бердышами, и говорил он, Оброска, им: коли де такой великого государя указ о поимке его есть, и его де поймают и его полку стрелцы. И отбився от них, ушел к себе на двор; а с двора своего ушел к пономарю церкви Филипа апостола, и был до вечера» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 123–124).

...*сам отдался в руки стрельцам*. – В действительности Петров был схвачен своими однополчанами Федором Мартяновым и Ильей Афа-

насевым, когда он, выбравшись из своего укрытия, пошел навестить знакомого стрельца Степана Захарова. Вот как рассказывал о своей поимке Петров на допросе: «И в том месте поймали его Оброску того ж полку стрелцы Илья Офанасьев да Федор Мартыанов; а к ним собралось и многое число, и привели его Оброску на съезжую избу. А с съезжей избы прислали его Оброску в Троицкой Сергиев монастырь» (там же, стлб. 124).

...Оброську Петрова, как его теперь звали... – В опубликованных материалах розыскных дел о Ф. Шакловитом и его сообщниках Обросим Петров нередко именуется Оброскою. Подобным образом называли и других участников Розыска. Так, например, Шакловитого именовали в материалах розыскных дел не иначе как Федкою: «А Федка во всем запарался...» (там же, стлб. 170, 171).

...когда его из Москвы, окованного, привезли к воротам Лавры. – Ср.: «6 сентября утром привезен был в кандалах Обросим Петров...» (Устрялов, т. II, с. 74). С описания того, как был привезен в Троицу О. Петров, начинается запись его допроса. «Сентября же в 6-й день, к великому государю в Троицкой Сергиев м(онасты)рь Романова полку Ефимьева стрелцы, пятидесятники и десятники привезли того ж полку стрелца Оброску Петрова. И по указу великого государя, его, Оброску, бояре в передней спрашивали» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом, т. 1, стлб. 111).

Он был преступник, изменник... – В сказке, которая была «сказана у смертной казни» О. Петрову и К. Чермному, они именовались как «воры и изменники и крестопреступники и бунтовщики» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом, т. 1, стлб. 275).

...тоже на угодника молится. – На образ Преподобного Сергия Радонежского.

...в одной рубашке распояскою... – В рубашке без пояса, то есть без опояски по рубахе. Опояска – поясок, шнур, тесьма разного вида, иногда с кисточками, для повязки по рубахе. Ходить без опояски по рубахе считалось грехом.

С. 180. Спрашиваете, что мне сказывал Федор Леонтьевич восьмого числа августа прошлого года. – Судя по тому, что свои показания на расспросе перед боярами О. Петров начал с рассказа о событиях ночи 8 августа 1689 г., его первым делом попросили рассказать о распоряжениях, которые Шакловитый отдавал в эту ночь стрельцам. Отвечая на поставленный вопрос, О. Петров, в частности, рассказал: «...в прошлом де в 197-м году, Августа против 8-го числа, на первом часу ночи, Федка Шакловитый призывал его да Ондрюшку Кондратьева к церкви Риз Положения, что у великих государей на Сенях. И говорил им, чтоб повестили в слободах, и собрать бы людей из их полку 100 человек, а Семенова полку Резанова 100-ж человек, да Стремянного 100-ж человек, Дмитре-ева полку Жукова 100-ж человек, да Борисова полку Дементьева были два человека, а имян их не упомнит. А приказал де тех людей собрать им с ружьем для того: великий де государь царь и великий князь Петр Алексеевич (...), изволит быть к Москве, а с ним де государем будут

потешные конюхи; а хочет де великого государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича {...} и великую государыню благоверную царевну и великую княжну Софию Алексеевну извести. И по тому де его Федкину приказу они для того были собраны и поставлены: Стремяного, Ефимьева, Жукова полку на Лыкове дворе, а Резанова на Житном дворе» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 111–113).

...Обросим рассказал ясно, просто и живо все, что было делано и говорено. – Ср. с изложением эпизода допроса О. Петрова у Н.Г. Устрялова: «Поставленный пред боярами в передней палате, он, без угроз и пытки, откровенно рассказал все, что ни затевал Шакловитый, что ни замышляла царевна; со всеми подробностями открыл, как неоднократно возмущали стрельцов, как озлобляли их, с каким постоянством подговаривали их к умерщвлению царицы Наталии Кирилловны, ее братьев и друзей, и добровольным сознанием подтвердил все изветы Елизарьева и его товарищей, дополнил собранные прежде сведения новыми ужасными открытиями» (*Устрялов*, т. II, с. 74–75).

Когда Федор Леонтьевич, поевши, стал противуречить... – На очной ставке с О. Петровым Ф. Шакловитый опроверг все его показания: «А Федка во всем запирался»; «А Федка сказал, что таких непристойных слов про великого государя никаких не говаривал» (*Розыскные дела о Федоре Шакловитом*, т. 1, стлб. 171–172).

После того, как он все рассказал и Шакловитый сознался во всем и повторил свое уверение написать завтра ~ все, что он говорил и делал... – В действительности свое обещание откровенно рассказать обо всем Шакловитый дал 8 сентября, когда его повели пытать во второй раз. Ср. с изложением этого факта Н.Г. Устряловым: «В следующий день, повели Шакловитого на вторичную пытку: он обещал все сказать откровенно, если его не станут мучить. Пытка была отменена. Шакловитый потребовал бумаги и чернил и собственноручно написал предсмертное показание...» (*Устрялов*, т. II, с. 76–77).

...он не издал ни одного звука стоны во время пытки и только повторял то, что все уже им сказано. – Сведения о том, что О. Петров после пыток не отказался от своих показаний, Толстой почерпнул у Н.Г. Устрялова: «Сначала пытали Обросима Петрова и Кузьму Чермного: они ни одного слова не отменили из своих показаний» (*Устрялов*, т. II, с. 76). Историк, в свою очередь, опирался на следующую запись в Розыскных делах, которая была опубликована позднее: «Оброска Петров подыман и с пытки говорил прежние ж свои речи, и что в распросе и на очной ставке» (*Розыскные дела о Ф. Шакловитом*, т. 1, стлб. 175).

Столь же мужественно держали себя О. Петров и К. Чермный во время смертной казни. «...очевидец Гордон удостоверяет, – писал Н.Г. Устрялов, – что на месте казни они не проронили ни одного слова, и молча, один за другим, ложились на плаху под секиру палача» (*Устрялов*, т. II, с. 83).

Другой очевидец, А.А. Матвеев, отметил в своих «Записках», как О. Петров «к той казни шедши дерзновенно при своем прощении перед всем народом голосно со слезами о тех воровских своих винах чистое

покаяние свое приносил, объявляя подлинно, что поистине он такой поносной смерти достоин, и чтобы другие, на его смерть смотря, явно казнились, и впредь от такого погибельного случая и от действия себя оберегали» (Туманский, ч. 1, с. 208).

С. 181. ...царицы Марфы Матвеевны брат, Андрей Апраксин, ближний стольник царя Петра Алексеевича. – Младший брат царицы Марфы Матвеевны, второй жены царя Федора Алексеевича, Андрей Матвеевич Апраксин (1663–1731), спальник царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича. Подробнее о А.М. Апраксине см. с. 568–569 наст. изд.

Василий Васильич Голицын, главный заводчик смуты, как все говорили, не ехал к Троице и сидел в своем селе Медведках под Москвой. – О пребывании князя В.В. Голицына в подмосковном имении в селе Медведково, куда он уехал после взятия Ф. Шакловитого, см. с. 506.

...Голицыну, Василию Васильичу, как говорили Лоп(ухины) и Нар(ышкины), не миновать пытки и казни... – Подобная убежденность родственников Петра по матери и жене – Нарышкиных и Лопухиных – была, очевидно, основана на разоблачениях, сделанных стрельцами во время розыска. По предположению кн. Б.И. Куракина, кн. В.В. Голицын «конечно, был (бы) взят к розыску так же, как и Щегловитой» (Куракин, с. 61), если бы за него не заступился кн. Б.А. Голицын: «Надобно знать, что ссылка князю Голицыну (В.В.) учинена по прошению князя Бориса Алексеевича Голицына» (там же).

Было опасно послать кого-нибудь с вестью к Василию Васильичу Голицыну. – По-видимому, в конце августа 1689 г. кн. В.В. Голицын сам предпринял попытку связаться со своим двоюродным братом кн. Б.А. Голицыным. С этой целью он и его ближайший соратник Л.Р. Неплюев послали в Троицу доверенного человека Петра Неплюева, чтобы узнать – ехать ли им из Москвы к царю Петру Алексеевичу в Троицкий поход. Из признаний Петра Неплюева членам Розыскной комиссии следует, что по приезде его в Троицу события развивались следующим образом. «А князь Борис Алексеевич призывал его, Петра, под избушку, и приказывал ему, при боярине Матвее Степановиче Пушкине да при госте Иване Панкратьеве, чтоб он, князь Василей, ехал к великим государем наскоро в поход; а буде де он не поедет и его князя Василья так же станут писать, что и Федку Шакловитова, а будет он же князь Василей станет говорить, что он поедет за царевною, – и князь Борис Алексеевич велел ему сказать, чтоб он не дожидался и ехал бы один наскоро. И боярин де Матвей Степанович Пушкин и гость Иван Панкратьев приказывали и писали о том же. И он де, Петр, приехав к Москве, ему, князь Василью, сказывал тот их приказ. И он ему сказал: государыня де царевна изволит итти завтра в монастырь, а он де будет за нею» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом, т. 2, стлб. 788).

...враги его – Нарышкины, Лопухины, Долгорукие. – Гнев царицы Натальи Кирилловны, ее отца, Кирилла Полуэктовича Нарышкина, и других родственников царя Петра по матери и жене – Нарышкиных и Лопухиных – кн. Б.А. Голицын навлек на себя тем, что сумел выхло-

потать для своего двоюродного брата, кн. В.В. Голицына, сравнительно легкое наказание. Недовольные освобождением кн. В.В. Голицына от следствия, розыска и пыток, Нарышкины добились отстранения кн. Б.А. Голицына от руководства розыском.

Ссора Б.А. Голицына с Нарышкиными привела, по утверждению С.М. Соловьева к тому, что «князь Борис по возвращении двора в Москву потерял то значение, какое он имел у Троицы, и главным лицом в управлении явился брат царицы, боярин Лев Кириллович с своими родственниками» (Соловьев, т. 14, с. 140). Если Л.К. Нарышкин стал заведовать Посольским приказом, то Б.А. Голицыну достался лишь Приказ Казанского дворца. Потеряв «прежнее значение» кн. Б.А. Голицын, по утверждению С.М. Соловьева, «стал подвергаться большим оскорблениям в самом дворце» (там же). В нападках на воспитателя Петра особенно преуспели князья Г.Ф. и Я.Ф. Долгоруковы. В подготовительных материалах к роману о Петре Толстой, опираясь на работы С.М. Соловьева и И.Е. Забелина, изложил суть спора между братьями Долгоруковыми и кн. Б.А. Голицыным: «1691. 28 января бранился с Долгорукими, Яковом и Григорием. Держальника его убил Борис Долгорукий накануне. А он его драл за волосы» (Юб., т. 17, с. 439). В действительности эта ссора произошла годом позже – 28 января 1692 г. (см.: Соловьев, т. 14, с. 140). Подробности другой ссоры запечатлел в своих записках И.А. Желябужский: «Побранился князь Яков Федорович Долгорукий в Верху с боярином князь Борисом Алексеевичем Голицыным, называл он князь Яков ево князь Бориса Алексеевича изменничьим правнуком, что при Росстриге прадед его князь Бориса Алексеевича, в Яузских воротах был проповедником» (Желябужский, с. 25–26).

Прадед Б.А. Голицына, которого имели в виду князья Г.Ф. и Я.Ф. Долгоруковы – Андрей Васильевич (? – 1611), был убит поляками в своем доме 19 марта 1611 г.

С. 182. ...когда Федька прямо сказал, что он знал про все и говорил стрельцам: «Что ж не уходили царицу». – Это признание Ф. Шакловитый сделал в предсмертном показании, с которым Толстой познакомился в изложении Н.Г. Устрялова. Ср.: «...о посягательстве на жизнь царицы знал и князь В.В. Голицын, который однажды сказал: “для чего ее и прежде с братьями не уходили”» (Устрялов, т. II, с. 77).

...жена померла, детей не было... – В действительности жена кн. Б.А. Голицына, княгиня Марья Федоровна, урожденная княжна Хворостинина, на момент описываемых событий была жива. Она скончалась 13 октября 1725 г. В браке с ней кн. Б.А. Голицын имел трех сыновей (Алексея, Василия, Сергея) и шестерых дочерей (Анну, Аграфену, Марью, Марфу, Настасью, Евдокию).

Судя по конспективным записям, сделанным Толстым в подготовительных материалах к роману о Петре, он располагал сведениями о годах жизни жены кн. Б.А. Голицына и о том, что князь имел трех сыновей, но, по-видимому, в художественных целях представил Б.А. Голицына бездетным вдовцом. См.: «Голицын, Борис Алексеич, родился [в]

1654 [году] (...). У него сын Алексей, послан за границу. [Борис Алексеевич] женат на Марье Федоровне, княжне Хворостининой, р. 1651, – 1723 (...) Два молодых сына кроме Алексея, – [Василий и Сергей Борисовичи]». (Юб., т. 17, с. 438–439).

...во всей службе своей что ж он выслужил? Кравчего да две вотчины в 400 дворов... – Чин кравчего был пожалован князю Б.А. Голицыну 23 февраля 1682 г. царем Федором Алексеевичем.

Какими вотчинами владел кн. Б.А. Голицын в сентябре 1689 г., неизвестно. В 1694 г. Петр I пожаловал своему воспитателю «за спасение во время стрелецкого бунта» два имения в Подмосковье – Большие Вяземы и Дубровицы.

И так с первого шага 7 августа ~ все делалось приказами Бориса Алексеевича. – См. с. 534.

С. 183. *Одно стесняло Бориса Алексеевича, это то, что ему надо было пить меньше, чем обыкновенно.* – О пристрастии кн. Б.А. Голицына к алкоголю см. с. 532–533.

Куда, Алексашка? – Алексашка – Александр Данилович Меншиков (1673–1729). В событиях 1689 г. Меншиков принял участие в качестве солдата потешной роты и денщика Петра. Впоследствии Меншиков будет участвовать с Петром в потешных маневрах, поездках на Переяславское озеро и в Архангельск, в Азовских походах. Вместе с Петром Меншиков отправится с миссией Великого посольства в Европу, где будет изучать артиллерию, фортификацию, кораблестроение и т.д. Со временем Меншиков заменит Петру Ф.Я. Лефорту в качестве друга и доверенного лица.

Франц Иваныч да Федор Матвеич. – Речь идет о Ф. Тиммермане и Ф.М. Апраксине.

С. 184. *Евдокия была весела, счастлива.* – Речь идет о царице Евдокии Федоровне Лопухиной, в иночестве Елене (1669–1731), первой жене царя Петра Алексеевича.

...наверно узнала, что она брюхата... – В сентябре 1689 г. царица Евдокия Федоровна находилась на четвертом месяце беременности. Сын царя Петра Алексеевича и царицы Евдокии Федоровны царевич Алексей Петрович родился 18 февраля 1690 г.

...дочери, красавицы Наташеньки. – Царевна Наталья Алексеевна (1673–1716), дочь царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, младшая сестра царя Петра Алексеевича.

...вышивала воздухи. – Воздухи – покровы на сосуды со Святыми Дарами.

С. 185. *...помнил только, что Василий Васильич не дал ему пушек...* – В марте 1689 г. Петр посетил Посольский приказ и потребовал от кн. В.В. Голицына прислать новую партию оружия для его потешных полков.

Не к руке его, а туда же, где братья мои от стрельцов... – А.К. и И.К. Нарышкины погибли во время стрелецкого мятежа в мае 1682 г. См. с. 517.

...правнук изменничий. – Данное выражение, употребленное кн. Я.Ф. Долгоруковым по отношению к кн. Б.А. Голицыну (см. с. 548

наст. издания), Толстой соотнес с князем В.В. Голицыным потому, что он тоже приходился правнуком князю А.В. Голицыну.

С. 186. ...станет на посад... – Посад здесь: поселение за стенами монастыря.

〈ПОТЕШНАЯ ВОЙНА ПОД КОЖУХОВОМ〉

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

С. 187. ...когда царством правила Софья царевна. – См. с. 516.

...когда сослали князь Голицына, Василья Васильевича... – О ссылке князя В.В. Голицына см. с. 537.

...когда отрубили голову Шакловитому... – Приговор о смертной казни Ф. Шакловитому был исполнен 12 сентября 1689 г. «на площади пред Лаврою, близ Московской дороги» (Устрялов, т. II, с. 83).

...стал править царством Петр царь с братом Иван Алексеевичем... – После отстранения от власти регентши царевны Софьи Алексеевны в России еще шесть лет продолжалось двоецарствие, которое завершилось 29 января 1696 г. в связи со смертью старшего царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича.

...Ерлокова сослали с Москвы и отняли дом в Москве ~ жить в своих вотчинах. – Ссылка в «свои вотчины» и отписка имущества в казну или на государя была одной из мер наказания сторонников царевны Софьи Алексеевны и двух ее фаворитов: боярина князя В.В. Голицына и окольничего Ф.Л. Шакловитого. Подобному наказанию, например, был подвергнут окольничий В.А. Змеев, которому царским указом предписано было жить «в костромских своих деревнях» (см. с. 523–524).

Причинами опалы и ссылки боярина Ерлокова были, по-видимому, его принадлежность к придворной группировке Милославских и верность царевне Софье Алексеевне. Основания для подобных предположений содержатся в следующих указаниях Толстого: Ерлоков был «в славе», когда «царством правила Софья царевна», а попал в опалу после того, как «сослали князь Голицына (...), когда отрубили голову Шакловитому».

Фамилию и место жительства для своего персонажа Толстой позаимствовал из «Дневных записок» И. Желябужского. Ср.: «генваря в... день, в стрелецком приказе пытаны коширяне дети боярские: (...), Петр да Федор Ерлоковы, за воровство» (Желябужский, с. 39).

〈ПОТЕШНАЯ ВОЙНА ПОД КОЖУХОВОМ〉

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

С. 187. Осенью 1694 года в Москву собрано было 40 тысяч войска... – В сентябре 1694 г. по указу царей Иоанна (Ивана) V и Петра Алексеевичей (см. с. 557) в Москву было собрано поместное войско «для учения ратному строю» (Желябужский, с. 30). План «ратного учения» или

«потешных маневров», разработанный П.И. Гордоном по поручению младшего царя Петра I, предусматривал отработку различных способов ведения наступательного боя: с преодолением водных преград, осадой и штурмом укреплений противника. Еще одной задачей маневров было показать различие между действиями войск, обученных европейскому военному строю (потешные, рейтарские и солдатские полки), и войсками старого строя (стрелецкие полки). С этой целью все войско, собранное для участия в маневрах, разделили на две армии. Одну армию составили полки нового строя под командованием кн. Ф.Ю. Ромодановского, другую – стрелецкие полки под командованием боярина И.И. Бутурлина.

Документальные материалы о численности всего войска и численности армии князя Ф.Ю. Ромодановского отсутствуют. Именно этим обстоятельством объясняется «разнобой» в подобного рода сведениях, которые приводит Толстой в ряде начал цикла (Потешная война под Кожуховом). Фактической основой этих сведений стали для Толстого следующие источники: эпистолярное свидетельство Ф.Я. Лефорта (см. ниже); рукопись неизвестного автора, отрывки из которой были приведены Д. Языковым в примечаниях к «Дневным запискам» И. Желябужского («Всего в войске Бутурлина было 7500 человек» – *Желябужский*, с. 270); труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», в котором историк воспользовался данными неизвестного мемуариста, отметив: «Число людей первой армии неизвестно; во второй было 7500 человек» (*Устрялов*, т. II, с. 179; под первой армией Н. Г. Устрялов имел в виду армию под началом кн. Ф.Ю. Ромодановского. – *Ред.*).

Общая численность войска, указанная во (Втором начале), – «40 тысяч войска» – восходит к свидетельству Ф.Я. Лефорта, приведенному его биографом М. Поссельтом: «Auf solche Weise, schreibt Lefort, wurde 40 000 Mann versammelt...» («Таким образом, пишет Лефорт, было собрано 40 000 тысяч человек...») – *Posselt M. Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt dem Mein, 1866. Bd., 2, S. 210*).

В ранней редакции (Третьего начала) Толстой указал только численность армии кн. Ф.Ю. Ромодановского: «В одном нашем войске было 7000 человек...» (см. с. 189). В окончательной редакции (Третьего начала) он вернулся к указанию общей численности войска: «...его было тысяч 15...» (см. с. 191). При этом Толстой опирался на известные ему сведения о численности армии боярина И.И. Бутурлина и свидетельство Ф.Я. Лефорта о разделе участников Кожуховских маневров «на два равных по числу воинских формирования» (*Posselt, Bd. 2, S. 210*).

Затем Толстой, по-видимому, счел это предположение ошибочным и в (Пятом начале) заменил его новым, сократив предполагаемую общую численность участников «потешной войны» почти вдвое: «Все войско, тысяч 8...» (см. с. 195).

...построен был укрепленный городок на Москве-реке, против деревни Кожухово... – Ср.: «В углу, образуемом Москвою-рекою против Кожухова, в полуверсте от берега, сооружен был (...), “безыменный го-

родок”, земляное пятиугольное укрепление, обнесенное валом в 5 аршин вышины и рвом до 4 аршин глубиною» (*Устрялов*, т. II, с. 179).

«Безыменный городок» был построен по плану и под руководством генерала П.И. Гордона для обучения участников маневров приемам обороны и штурма полевого укрепления. Место для сооружения этого городка П.И. Гордон выбрал в окрестностях деревни Кожухово, известной в документах с XVII в. (по другим источникам – с XIV в.) как владение митрополита Крутицкого. По плану Гордона стрелецкие полки армии И.И. Бутурлина должны были защищать «безыменный городок», а потешные царские полки армии кн. Ф.Ю. Ромодановского осаждать и штурмовать его. «Боевое поле», на котором предстояло сражаться участникам «потешной войны», Гордон нашел за деревней Кожухово, на равнине, расположенной по обеим сторонам Москвы-реки. От названия деревни Кожухово «потешные» маневры получили наименование «Кожуховские», или «Кожуховский поход». В 1923 г. деревня Кожухово вошла в состав Москвы, сохранив название в наименовании улиц (5-я, 6-я, 7-я Кожуховские улицы), проездов (1-й, 2-й, 3-й Кожуховские проезды), станции метро («Кожуховская»).

Война началась 23 сентября ~ войска не распускали и все воевали. – Ср.: «И сентября в 23 день, в воскресенье, в 5 часу дни, Иван Иванович Бутурлин (...), пошел с Москвы в обоз под Кожухов» (Желябужский, с. 32).

Потешные маневры под Кожуховом продолжались три с половиной недели. Они начались 23 сентября 1694 г. с выдвижения из Москвы армии И.И. Бутурлина, а завершились 17 октября того же года успешным штурмом «безыменного городка» армией кн. Ф.Ю. Ромодановского.

7-го октября было сражение, и потешное войско ~ завоевало городок... – Первый штурм «безыменного городка» начался вскоре после празднования именин одного из организаторов Кожуховских маневров, командира Первого выборного полка генерала Ф.Я. Лефорта (1655/56–1699), которые отмечались 4 октября (см. с. 560). «Повеселившись вдвоём у радушного именника, – отмечал Н.Г. Устрялов, – военачальники вздумали сделать к неприятельской крепости примерный приступ» (*Устрялов*, т. II, с. 185). Полки армии кн. Ф.Ю. Ромодановского выступили «в 3 часа пополудни» (там же), переправились через реку и вышли на подступы крепости с двух сторон. Справа шли Семеновский и Бутырский полки, в центре – Лефортовский, слева – Преображенский. Царь Петр Алексеевич принимал личное участие в штурме крепости, поведя к ее стенам повозки с горючими веществами (см. *Posselt*, Bd. 2. S. 213). Хотя осажденные в крепости стрелецкие полки армии И.И. Бутурлина «защищались на валу долго и храбро: бросали в осаждающих гранаты и начиненные горючими веществами горшки, лили на них из медных труб воду, отбивались палками и длинными шестами с зажженными на конце их пучками смоленой пеньки...» (*Устрялов*, т. II, с. 186), но после двухчасового боя вынуждены были «уступить стремительности нападения» (там же). Овладев крепостью, потешные полки вытеснили оттуда стрельцов, которые ушли в свой лагерь. Князь Ф.Ю. Ромодановский

объявил полкам своей армии благодарность, оставив в крепости Семеновский полк в качестве гарнизонного крепостного полка.

...*Ромодановский князь угощал все начальство...* – Ср.: «Генералиссимус (...) заключил день угощением всей армии» (*Устрялов*, т. II, с. 186). «Генералиссимусом» кн. Ф.Ю. Ромодановский именовался в полевой войне под Кожуховом.

...*царю захотелось еще повоевать ~ и он приказал начинать опять сначала.* – Недовольный тем, что армия «генералиссимуса» кн. Ф.Ю. Ромодановского быстро, без долгой осады взяла «безыменный городок», царь приказал армии И.И. Бутурлина (он, как и Ромодановский, в этом походе именовался «генералиссимусом») « снова занять крепость и оборонять ее до последней крайности» (*Устрялов*, т. II, с. 186–187). Сам царь принял участие в штурме крепости. Зарядив «мину 4 ящиками пороха», он «ждал только сигнала к приступу, чтобы зажечь ее» (там же, с. 187).

Распустили опять пленных... – При первом штурме городка нападавшие взяли много «пленных». Среди них был и комендант крепости генерал А.Ф. Траурнихт (?–ум. до 1702).

Бутурлин Иван Иванович, он прозывался «польский король», и его войско были «поляки»... – По плану П.И. Гордона армии И.И. Бутурлина отводилась в Кожуховских маневрах роль условного противника. Наименование Бутурлина «польским королем» появилось, по предположению Н.Г. Устрялова, «вероятно вследствие возникших несогласий с Польшею» (*Устрялов*, т. II, с. 179). М. Поссельт, основываясь на свидетельстве Ф.Я. Лефорта, связал происхождение этого прозвища с личной ненавистью боярина И.И. Бутурлина к полякам: «Der Bojar I.I. Buturlin, welcher inzwischen wegen seines Hasses gegen die Polen den Beinamen “Polnischer König” bekommen hatte...» («Боярин И.И. Бутурлин, который, в частности, из-за своей вражды (ненависти) к полякам получил прозвище “Польский король”...») (*Posselt*. Bd. 2, S. 210).

Сведения о прозвище Бутурлина Толстой мог позаимствовать как у И. Желябужского («...Иван Иванович Бутурлин, а звание ему было польской король...») – *Желябужский* – с. 32), так и у Н.Г. Устрялова: «В другой армии, неприятельской, под начальством второго генералиссимуса И.И. Бутурлина, названного Польским королем...» (*Устрялов*, т. II, с. 179).

...*Ромодановский ~ прозывался «князь Цезарь»...* – Титул «Его Величества князя-кесаря» Ромодановский получил от Петра I весной 1697 г., когда царь вместе с Великим посольством отправился в Европу. В Москве для управления государством Петр оставил совет из бояр: Б.А. Голицына, Л.К. Нарышкина, П.И. Прозоровского, Ф.Ю. Ромодановского, Т.Н. Стрешнева. Председателем этого совета и наместником Москвы Петр объявил кн. Ф.Ю. Ромодановского, присвоив ему титул князя-кесаря.

...*в его войске был царь...* – Петр участвовал в Кожуховских маневрах в качестве бомбардира Преображенского полка *Петра Алексея*. Преображенский полк входил в армию под начальством кн. Ф.Ю. Ромодановского.

Бомбардир – нижнее воинское звание в артиллерии.

...опять отошел и сначала стал брать городок. 9-го октября ~ ударили по лагерю в барабаны... – 9 октября началась новая осада «безыменного городка» и подготовка ко второму штурму. Для овладения городком по всем правилам осадного искусства решено было строить подкопы к нему, дабы лишить противника «средств продолжать оборону» (Устрялов, т. II, с. 186). Подкопы рылись одновременно с двух сторон – на левом и на правом флангах. На левом фланге работами руководили сам царь и полковник Преображенского полка Ю. фон Менгден (Ю.А. Фамендин), на правом – генерал П.И. Гордон. Во время этих работ Преображенский полк прикрывал левый фланг, Семеновский и Бутырский полки – правый.

Работы по рытью подкопов продолжались 6 дней. Во время этих работ в сторону городка не раз металась бомбы из верховых пушек или мортир. Бомбы не были начинены порохом, а в метании их чаще всего принимал участие царь Петр Алексеевич. Утром 15 октября «генералиссимус» кн. Ф.Ю. Ромодановский отдал приказ о начале второго штурма крепости. Когда вся армия Ромодановского подошла к городку, то перед началом военных действий подожгли мину, которая, взорвавшись, разрушила вал, и Преображенский полк, перейдя через него, ворвался в городок. Стрельцы не смогли долго сопротивляться и покинули крепость. Но, потеряв крепость, они не перестали сопротивляться, а продолжали оборонять свой укрепленный лагерь. Тогда «генералиссимус» Ромодановский отдал приказ о штурме лагеря. Штурм лагеря начался в 10 часов утра 17 октября.

Маневры завершились победной церемонией. На следующий день «генералиссимус» дал большой пир, после чего все войска возвратились в Москву на свои квартиры.

...рейтары... – Рейтар (от нем. Reiter – всадник) – конный воин. Первый в России кавалерийский полк нового строя – рейтарский – был сформирован по указу царя Михаила Федоровича в июне 1632 г. Первые русские рейтарские полки представляли собой тяжелую конницу, которая комплектовалась из мелкопоместного дворянства и детей боярских, не имевших средств для несения службы в поместном войске. С середины 1650-х годов рейтарские полки стали комплектоваться также и казаками, казачьими детьми, служилыми татарами, даточными из монастырских слуг. От поместной конницы рейтары отличались единой организацией, постоянным составом, лучшей обученностью. Вооружение рейтар состояло из карабина, пары пистолетов в седельных кобурах. Из холодного орудия рейтары имели шпаги, чаще сабли. Рейтарские доспехи состояли из защитного тельного вооружения – кирасы (грудной и спинной пластин, выгнутых по соответствующей форме), латной защиты рук и шлема или «шишака»

В начале XVIII в. рейтарские полки были заменены драгунами, а опыт их организации был использован Петром I при формировании регулярных полков русской кавалерии.

...драгуны... – Драгуны (от латинского draco – дракон, изображение которого было первоначально на знаменах драгун; по другим сведениям – от французского dragon – короткий мушкет) – воины кавалерии, обученные действиям как в конном, так и в пешем строю. Первый драгунский полк был учрежден по указу царя Михаила Федоровича в мае 1633 г. «частью из иноземцев, частью из русских охочих людей, из боярских детей, новокрещеных и татар, также из детей стрелецких, казачьих и всяких вольных, безпоместных людей, которые не в службе, не в тягле и не в холопстве» (*Устрялов*, т. I, с. 185). Драгуны несли службу конную и пешую, были вооружены мушкетами, пиками, шпагами и бердышами. По окончании похода драгун распускали по домам.

...преображенцы... – То есть солдаты и офицеры Преображенского полка, сформированного Петром I на рубеже 1680–1690-х гг. из потешных воинов, размещавшихся в селе Преображенском под Москвой. В Кожуховских учениях преображенцы, обученные европейскому военному строю, продемонстрировали преимущество над стрелецкими полками в таких позициях как организация, вооружение, обученность строевой и тактической подготовке. Действиями Преображенского полка под Кожуховом руководил полковник Ю. фон Менгден (Ю.А. Фамендин), а общее руководство Преображенским и Семеновским полками осуществлял генерал Автомон Михайлович Головин (1667–1720), родной брат прапрадеда Л.Н. Толстого и прапрадеда А.С. Пушкина, адмирала Ивана Михайловича Головина (1672–1737).

Осенью 1694 года, пока царь Петр Алексеевич был в Архангельске... – Ср.: «В 202 году Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич (...), изволил итти в поход к городу Архангельскому...» (*Желябужский*, с. 27–28).

7202 г. по летоисчислению от сотворения мира соответствует 1694 г. от Рождества Христова.

В свой второй поход на Белое море, в Архангельск, царь Петр Алексеевич отправился 1 мая 1694 г., а возвратился в Москву в августе. По свидетельству участника этой поездки П.И. Гордона, вернувшегося в Москву 12 сентября, царь в это время уже был в Москве (см.: *Устрялов*, т. II, с. 178).

С. 189. *Одна половина войска нападала на городок, другая отбивалась.* – О разделе войска на две армии см. с. 551.

Армия «генералиссимуса» И.И. Бутурлина, которой по плану П.И. Гордона была отведена роль обороняющейся стороны, отправилась на маневры первой. Выйдя из Москвы 23 сентября, она заняла земляной городок и в течение трех дней готовилась к его обороне. Армия кн. Ф. Ю. Ромодановского вышла из Москвы 26 сентября и в тот же день, придя в Кожухово, была встречена полками Бутурлина, выступившими из земляного городка и открывшими по ним стрельбу. «И почала быть стрельба великая», – так описывает начало Кожуховских маневров И. Желябужский, отмечая, что и «у пехоты князь Федора Юрьевича стрельба стала быть по ним великая» (*Желябужский*, с. 37).

Начали войну неделю до Покрова. – Судя по указанной дате, Толстой датирует начало маневров под Кожуховом 23-м сентября, то есть тем днем, в который армия И.И. Бугурлина выдвинулась из Москвы.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы отмечается 1 октября ст. ст.

На другую неделю после Покрова городок завоевали... – Речь идет о первом штурме городка. См. с. 552–553.

...всю ночь по всему войску гуляли. – См. с. 553.

...но царю захотелось еще повоевать ~ разойтись по прежним местам и начинать опять сначала. – См. с. 553.

〈ПОТЕШНАЯ ВОЙНА ПОД КОЖУХОВОМ〉

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

С. 189. *В одном нашем войске было 7000 человек...* – См. с. 551.

С. 190. *...по клетям...* – Клеть – задняя холодная часть крестьянской избы, где хранили имущество, а летом спали.

...рейтары и драгуны, две роты из холопей боярских. Полки звались один – «налеты», а другой – «нахалы». – Ср.: «...шла конница Нахалов, холопей боярских (...). За тою ротою шла пехота Налетов, даточных холопей боярских» (*Желябужский*, с. 36–37). О рейтарах и драгунах см. с. 554–555.

Даточные – Ср.: «К пехоте русского строя принадлежали (...), и люди даточные, собираемые с тяглых и нетяглых дворов разных ведомств, смотря по надобности, иногда с 50, иногда с 20, даже с 3 дворов по человеку, с исправным оружием и достаточным запасом продовольствия на счет поместных владельцев» (*Устрялов*, т. I, с. 175).

У самого края леса стояли стольники и дворяне.— Сведения об участии стольников и дворян в «ратном учении» под Кожуховом Толстой заимствовал из «Дневных записок» И. Желябужского («...шли роты стольничьи (...). Всего стольничьих было 20 рот» – с. 37) и седьмой главы II тома труда Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого». Ср.: «...под начальством генералиссимуса князя Ф.Ю. Ромодановского, находились (...) 20 рот стольничьих, сформированных в Преображенском из царедворцев (...), также из стольников, стряпчих, дворян и жильцов, проживавших по своим деревням в ближайших к Москве уездах...» (*Устрялов*, т. II, с. 178).

Если стольники, дворяне и жильцы, проживавшие «по своим деревням», явились в поход по царским грамотам (см. с. 557), то московских стольников, дворян и жильцов, по свидетельству И. Желябужского, «на площади в то время ловили, и в Розряд водили, и в Розряде прикладывали руки, чтоб быть им с пистолеты в Преображенск для ратного учения» (*Желябужский*, с. 28–29).

...говорил Хрущев, Тараруй по прозвищу... – Тараруй – то же, что шутник, балясник. Слово «тараруй» в качестве прозвища одного из персонажей данного начала, возможно, восходит к «Запискам» А.А. Матвеева, из

которых Толстой сделал следующую выписку о реальном носителе этого прозвища главе Стрелецкого приказа кн. И.А. Хованском: «Хованский “Тараруй” назначен начальником стрельцов...» (Юб., т. 17, с. 423).

Мы с немцем тогда под Чигирином что делали. – Возможно, речь идет об обороне крепости Чигирин под руководством генерала А.Ф. Траурнихта во время похода русских войск к крепости и городу Чигирин летом 1677 г. с целью отражения турецко-татарской агрессии против Украины. Многотысячная армия Ибрагим-паши в течение трех с лишним недель (с 3 по 23 августа 1677 г.) осаждала крепость Чигирин, но взять ее не смогла, так как умелое руководство обороной крепости генералом А.Ф. Траурнихтом позволило московско-украинскому гарнизону выдержать ряд атак противника. Осада крепости была снята подошедшей к Днепру объединенной русско-украинской армией князя Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича.

В 203 году (1694) посланы от царей грамоты в 22 города, чтоб собирались ратные люди в Москву к 18 сентября, для ратного ученья. – Ср.: «И сентября в...¹ день, по указу Великих Государей посланы из Разряду Великих Государей грамоты в разные города о высылке стольников, и стряпчих, и дворян Московских, и жильцев, к ратному учению...» (Желябужский, с. 29).

Указанная здесь дата сбора ратных людей – 18 сентября – взята Толстым из списка одной из грамот, приведенной И. Желябужским: «Указали Мы Великие Государи: стольников, и стряпчих, и дворян Московских, и жильцов, Коломенских помещиков, для учения ратному строю, с пистолы, на добрых лошадях, выслать к Москве, к указному сроку, сентября к осьмомунадесят числу нынешнего 203 году» (там же, с. 30).

7203 году по летоисчислению от сотворения мира соответствует 1695 год от Рождества Христова.

В Каширской разборной книге записано было... – Согласно ратной повинности землевладельцев, введенной в Московском государстве в середине XVI в. (Уложение о службе 1556 г.), все годные к службе владельцы вотчин и поместий должны были по приказу государя являться в поход со своими лошадьми, оружием и припасами («конными, людными и оружными»). Для учета всех землевладельцев, составлявших боевую силу Московского государства в XVI–XVII вв., «городовые воеводы вели помещикам и вотчинникам *разборные книги*, подробные списки, в которых означались прежняя службы каждого из них, поместные оклады, временные денежные выдачи, также сыновья взрослые и малолетние, еще не отделенные от отца, и другие свойственники, состоявшие в семействе; сверх того, “кто как люден, конен и оружен”, т.е. с каким боем или оружием и с каким числом людей явится на службу каждый помещик и вотчинник» (Устрялов, т. I, с. 176–177). Сведения из разборных книг ежегодно посылались в Разряд. На основании разборных книг Разряд «посылал в уезд *разборщиков* и *окладчиков*: первых для пересмотра служилых людей, кто из них годен к службе или не годен; вторых

¹ Пропуск в тексте книги И.Желябужского. – *Ред.*

для *верстанья новиков*, т.е. для записки в государеву службу всех недорослей, достигших восемнадцатилетнего возраста, и для назначения им поместных окладов» (там же, с. 177).

...*князь Иван княж Луки сын Щетинин ~ да 2 лошади простых.* – Фактической основой этих сведений стала запись из Разборной книги 7189(1681) года о князе Иване Ивановиче Щетинине, помещенная Н. Г. Устряловым в приложении к I тому своего труда. Ср.: «Князь Иван княж Иванов сын Щетинин служит с 162 года 27 лет и был на службах и ранен, крестьян за ним 7 дворов; на государеве службе будет на коне, с саблею, пара пистолей; людей с боем 1 человек, в кошу 1 человек» (Устрялов, т. I, с. 297).

7176 г. от сотворения мира соответствует 1668 г. от Рождества Христова.

Аргамак – породистая верховая лошадь восточной породы, рослая, легкая и быстрая в скачке.

Пистоль – Короткое ружье, которым пользуются одной рукой. Бывают и парные.

С огневым боем, с пищальми... да в кошу 7 человек. – Бой здесь: снаряд для пальбы, боевой припас.

Пищаль – общее название ранних образцов русского огнестрельного тяжелого ружья и артиллерийского орудия, находившихся на вооружении русских войск в XV–XVII вв. Известно, что пищали появились в конце XIV в. и первоначально применялись для обороны крепостей, а затем и в полевом бою. В полевом бою применялись ручные пищали, для осады и обороны крепостей – пищали-орудия. Ручные пищали (ручницы) были одноствольными и многоствольными и назывались недомерками (короткие), завесными (носились за плечом на ремне). Пищали-орудия были стенобитные (для осады крепостей) и затинные (для обороны крепостей). По материалу, из которого изготавливались стволы, пищали делились на железные (стальные), медные (бронзовые) и чугунные. Снарядами для таких пищалей служили каменная картечь и рубленные куски железа (дроб), сплошные и разрывные ядра.

Наличие пищалей, как и любого другого огнестрельного оружия у служилых людей, было в XVII в. обязательным. Так, например, в наказе 1643 г. псковским воеводам указывалось, как «должны быть вооружены служилые люди. Дворяне, дети боярские и новики, то есть верстанные в службу вновь, все должны явиться с огнестрельным оружием, и не только с пистолетами, но и с оружием дальнего боя – пищальми и карабинами» (Денисова, с. 43).

Кош – здесь в значении: обоз – сбор повозок для поклажи припасов, одежды, палаток, кашеварных и воинских запасов, походной кухни.

С. 190–191. ...*стольник князь Иван княж Иванов сын Хованский ~ с винтованными пищальми.* – Ср. с записью в Разборной книге 7189(1681) года о стольнике кн. Андрее Ивановиче Хованском, помещенной Н.Г. Устряловым, как и запись о кн. И.И. Щетинине (см. выше), в приложении к I тому своего труда: «Князь Андрей княж Иванов сын Хованский служит с 167 году 22 года, и был на четырех службах; крестьян за

ним 257 дворов; на государеве службе будет он на аргамаче, с саблею, в саадаке, две лошади простых; людей с боем 9 человек, 2 конюха, в кошу 10 человек с винтованными пищальми» (*Устрялов*, т. I, с. 295–296).

7181 году от сотворения мира соответствует 1673 год от Рождества Христова.

Конь – в XVI и XVII вв. «под понятием “конь” определенно подразумевалась выхолощенная лошадь ногайской породы» (*Денисова*, с. 40). Эти лошади, по словам Ж. Маржерета, поступали в Московию «из Татарии ногайской: их называют конями, они роста среднего, весьма удобные для работы и бегут без отдыха 7 или 8 часов» (*Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 г. СПб., 1830, с. 59).

Сабля – к концу XVI в. сабля, известная на Руси с IX в., стала господствующим видом холодного оружия у воинов поместной конницы. Это объясняется тем, что стоимость восточной (персидской) сабли в указанный период достигла 3–4 рублей, и саблю по такой цене «мог иметь не только крупный вотчинник, но и дворянин средней руки при высокой стоимости денег того времени» (*Денисова*, с. 39).

Саадак (сагадак, сагайдак или сайдак) – здесь: набор ручного металлического оружия конного воина. Состоял из лука с налучием (в него вкладывался лук), стрел с колчаном и чехла. На Руси саадак получил распространение в XIII–XVII вв. В середине XVII в. служилым людям, выезжавшим в поход с саадаком, предписывалось еще иметь «по пистолету или карабину». С одними саадаками разрешалось выступать в поход только людям, сопровождавшим служилых людей, «если они хорошо владели лучною стрельбой» (*Денисова*, с. 43). Позднее саадаками стали называть налучник – чехол на лук, обычно кожаный, тисненный, нередко убранный серебром, золотом, камнями, иногда шитый, бархатный.

Пищали винтованные – пищали с нарезным стволом, с винтовой гранью.

С. 191. ...*против росписи*... – Роспись – перечневое распределение людей и предметов. Против росписи – здесь: по сравнению с перечневым распределением ратной повинности, падавшей на служилого человека по его земле.

...*войска вышли на потешную войну за Симонов монастырь на Москву-реку*... – Ср.: «Обширная равнина на правом берегу Москвы-реки, верстах в двух от Симонова монастыря, за деревнею Кожухово, назначена для боевого поля Потешных с стрельцами, нового войска с старым» (*Устрялов*, т. II, с. 179).

Симонов монастырь находился на левом берегу Москвы-реки к юго-востоку от Кремля.

...*записался в Москве в разряде у боярина Стрешнева*... – Заведывание Разрядным приказом Петр I поручил боярину Тихону Никитичу Стрешневу в 1689 г. после отстранения Софьи от власти и возвращения двора из Троицы в Москву.

...стрельцам и солдатам от Лефорта дана [была водка и все гуляли]. – Ср.: «Der 4 October war der St.Franciscus-Tag, Lefort's Namenfest. Der Zaar und die Officiere der verschiedenen Truppenkörper waren bei ihm zum Mittagsessen versammelt» («4 октября был день святого Франциска, именины Лефорта. Царь и офицеры различных войсковых соединений были собраны к нему на обед» (*Posselt*. Bd. 2, S. 213).

〈ПОТЕШНАЯ ВОЙНА ПОД КОЖУХОВОМ〉

〈ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО〉

С. 191. В сентябре 1694 года под Москву было собрано войско. – Войско было собрано в Москву к 18 сентября, как и предписано было царским указом. См. с. 557.

...из служилых помещиков, собранных по 22-м городам. – Ср.: «И всего посланы Великих Государей грамоты в двадцать два города» (*Желябужский*, с. 30).

Помещикам были посланы строгие приказы... – См. с. 557.

Под Москвой ~ построена земляная крепость... – См. с. 551–552.

...когда царь Петр вернулся из Архангельска... – См. с. 555.

С. 191–192. ...одна половина вышла из Семеновского ~ другая половина вышла из Преображенского и назвалась «русские»... – В селе Семеновском проходил сбор той половины войска, которой командовал князь Ф.Ю. Ромодановский. Вторая половина войска собиралась в поход под началом боярина И.И. Бутурлина «в селе Воскресенском за Преснею» (*Устрялов*, т. II, с. 180).

С. 192. ...воеводой был Федор Юрьевич Ромодановский... – См. с. 551.

...воевода был Бутурлин боярин Иван Иванович... – См. с. 551.

Дворянский полк ~ был собран по-старому. – О порядке сбора служилых людей – См. с. 557–558.

...вызывают ~ не в Крым, а в Москву... – Намек на Крымские походы 1687 и 1689 гг., закончившиеся неудачей.

Любовался народ и на новые царские полки... – Речь идет о Преображенском и Семеновском потешных полках. Ср. у И. Желябужского: «Другой полк шол потешных Семеновских. Перед тем полком шол пеш в немецком платье капитан и окольникович Тимофей Борисович Юшков, также шли капитаны, палатные ж люди.

Третьей полк шол потешных солдат Преображенскаго полку. Перед полком шол пеш капитан стольник князь Юрья Юрьев сын Трубецкой. За ним же шли капитаны: князь Яков Иванов сын Лобанов-Ростовской; князь Григорей князь Федор сын Долгорукой; князь Алексей Никитин Урусов» (*Желябужский*, с. 36). Ю.Ю. Трубецкой – прапрадед Л.Н. Толстого.

...на разубранных рыцарей и коней... – Речь идет о гусарах, одетых в латы и шлемы (шишаки). Ср.: «...три роты гусар в шишаках и латах со значками» (*Желябужский*, с. 272).

Шишак – шлем, каска с гребнем или хвостом.

...на шута с полком... – Шествие армии кн. Ф.Ю. Ромодановского открывал Яков Федорович Тургенев, «любимый царский шут» (*Устрялов*, т. II, с. 181). Ср.: «В начале шол с конницею, с дворовыми людьми, шут Яков Федоров сын Тургенев» (*Желябужский*, с. 36). См. также: *Желябужский*, с. 271.

...на карлов... – Ср.: «...25 человек карл в красных плащах и в шляпах с перьями...» (*Желябужский*, с. 272).

...на золотую карету... – Речь идет о царской карете, следовавшей за Преображенским полком. Ср.: «За ними шла Государева нарядная карета. В карете сидели: боярин Матвей Степанович Пушкин; думной дяк Микита Зотов» (*Желябужский*, с. 36).

...больше всех любовался народ на помещичий полк ~ колчанами... – Ср.: «Приезды помещиков на сборные пункты представляли живописную, хотя мало утешительную картину, по разнообразию вооружения, доспехов, прислуги и обозов. Люди богатые являлись на резвых аргамаках, в блестящих панцырях и в зеркалах, вооруженные булатными саблями, мушкетами, карабинами, с исправною, боевою прислугою, и с обильным запасом всякого продовольствия» (*Устрялов*, т. I, с. 178).

С. 193. *В Серпуховской разрядной книге ~ да не с 10 челядинцами, а с 20.* – См. с. 190, 558.

...Левашовы два брата... – Судя по плану-конспекту, написанному на обороте ⟨Третьего начала⟩ (см. т. 9 второй серии), Толстой предполагал сделать братьев Левашовых действующими лицами одного из художественных начал ⟨Романа из времени Петра I⟩.

С. 194. ...как под Чигирином он сбил двух лошадей. – См. с. 557.

С. 195. ...ратовищем расшиб в кровь голову... – Ратовище – древко, на которое посажено копьё.

...выхватил тесак... – Тесак – рубящее и колющее холодное оружие с коротким и широким обоюдоострым клинком, боевой нож особо крупного размера.

⟨ПОТЕШНАЯ ВОЙНА ПОД КОЖУХОВОМ⟩

⟨ПЯТОЕ НАЧАЛО⟩

С. 195. ...пушкарки московские... – Пушкарки – часть служилых людей в Русском государстве в XVI–XVII вв., обслуживавших артиллерию. Пушкарки так же, как и стрельцы, относились к разряду постоянного русского войска, делились на московских и городовых (то есть других городов), комплектовались из вольных (охочих) людей, в основном горожан. Служба была наследственной. Жили особыми (пушкарскими) слободами, занимались ремеслами и торговлей. В административном отношении подчинялись Пушкарскому приказу.

С. 196. ...вскочил с войлоку... – Войлок или кошма, – ковер из валяной овечьей или верблюжьей шерсти.

...на красную, шитую золотом тафью... – Тафья – шапочка, ермолка, тубетейка.

...одной ногой упершись в ступицу, другой – заплетя за грядку... – Грядки в телеге: две продольные жерди, сверху и снизу, образующие боковые края кузова и соединенные с концов вязками; в грядки вдавливаются дуги. Ступица – матица колесная, в которой ходит ось: основная часть колеса.

С. 197. ...хрептугов... – Хрептуг (хребтуг) – мешок, торба, которые подвязываются к приподнятым оглоблям для корма коней овсом.

〈ПОТЕШНАЯ ВОЙНА ПОД КОЖУХОВОМ〉

〈ШЕСТОЕ НАЧАЛО〉

С. 197. *Золотые маковки на Симоновом монастыре, на соборах в Кремле горели огнем, река на загибе у Кожухова ~ стояла, не шелохнулась.* – Симонов монастырь находился в 6 верстах от Кремля. Под «загибом» реки у Кожухова Толстой имеет в виду угол, который Москва-река образует напротив деревни Кожухово (см. с. 551).

С. 198. *...рядком стояли шатры боярские...* – Шатер – большая холщовая палатка.

...натрушенные сеном... – Натрушивать – насыпать понемногу (напорошивать, сыпать помалу).

...войлочные кибитки. – Войлочные кибитки – жилье кочевников, из жердяного остова с покрывкой из войлоков. Использовались в кочевой жизни калмыками, киргизами и другими народами.

Кто же зелье выдумал, наш что ли? – Зелье здесь в значении: огненный порох. Место и время изобретения пороха не известны. Наиболее вероятной считается версия об изобретении пороха в Китае. Дымный порох начали применять в Европе, в том числе и в России, в XIII в.

...анамесь... – Намедни, недавно.

...как исделали залпу из ружья немецкого, все и осели. – Подобная реакция на залп огнестрельного оружия, по всей вероятности, была характерна для служилых людей в XVI в., когда «московская поместная конница до конца столетия предпочитала “лучной бой огненному”», когда «огнестрельное оружие (...) рассматривается служилыми людьми как оружие более низкого нежели садак социального статуса – оружие пищальников, потом – стрельцов» (Малов, с. 34). Положение изменилось после Смутного времени, из которого «московская конница сотенной службы вышла в массе своей вооруженная огнестрельным оружием» (там же, с. 35).

〈ПОТЕШНАЯ ВОЙНА ПОД КОЖУХОВОМ〉

〈СЕДЬМОЕ НАЧАЛО〉. СТАРОЕ И НОВОЕ

С. 199. *В конце 1693 года Ефремовский помещик ~ получил приказ государев явиться на службу под Москву к новому году, 1-му сентября... – См. с. 557.*

...с теми людьми ~ с каким он записан был в разрядном Ефремовском списке. – О разрядных (разборных) списках и книгах см. с. 557–558.

С. 200. *Был слух, что собирают войско опять в Крым на татар...—* Правительство регентши царевны Софьи Алексеевны дважды посылало служилых людей в Крым: в 1687 и 1689 гг. О Первом и Втором Крымских походах см. с. 506, 508, 520.

В Москве старый и молодой князь явились на смотр в Преображенское село к Ромодановскому князю. – Ср.: «...всяких чинов люди из уездов приезжали к Москве, и приезды свои записывали в Розряде, а из Розряду их всех отсылали в Преображенское, и велено им явиться к князь Федору Юрьевичу Ромодановскому в большом полку» (Желябужский, с. 32).

...Ромодановский хотел записать Щетининых в роту к немцу Либерту, но князь Иван Лукич ~ упросил не записывать к немцу, а записать к боярину князю Борис Алексеевичу Голицыну... – Боярин князь Б.А. Голицын возглавлял одну из стольничьих рот в составе армии кн. Ф.Ю. Ромодановского, как отметил в «Дневных записках» И. Желябужский: «...третья рота шла боярина князь Бориса Алексеевича Голицына» (Желябужский, с. 37).

Наряду с боярами стольничьи роты в армии Ромодановского возглавляли и немцы в чине ротмистров. Ср.: «...шли роты; ротмистры все были немцы» (там же).

Нежелание кн. И.Л. Щетинина записываться «в роту к немцу Либерту» объясняет следующее замечание С.М. Соловьева: «...никто из значительных дворян не хотел служить в рейтарах или солдатах; потомки старых дружинников с презрением смотрели на войска нового строя, точно так как и на стрельцов» (Соловьев, т. 13, с. 88).

...ходил к родным и знакомым на площадь и на Красное Крыльцо... – Красное крыльцо – главный парадный вход в Кремлевский дворец. Служило местом для торжественных встреч иностранных послов, выходов царя в день венчания на царство, бракосочетания или, когда народ приходил в Кремль, чтобы увидеть государя и поклониться ему.

...и видел патриарха... – В 1690–1700 гг. патриарший престол в России занимал патриарх Адриан (в миру Андрей, 1636–1700).

...видел, как царь Петр Алексеич возвращался из Архангельска. – См. с. 555.

23 сентября в воскресенье они ходили смотреть, как солдатские полки ~ прошли через Москву в полном уборе с знаменами и пушками,

с своим воеводой боярином Иваном Ивановичем Бутурлиным. – Ср.: «И сентября в 23 день, в воскресенье, в 5 часу дни, Иван Иванович Бутурлин (...), пошел с Москвы в обоз под Кожухов. И ехал он Иван Иванович в уборе, в немецком платье, с ратными людьми, из Нововоскресенского, что на Пресне, по Тверской улице, в Тверские ворота, а с Тверской улицы шел через Неглинную в Воскресенские ворота, а от Воскресенских ворот в Никольские ворота, а от Никольских ворот под переходы, через Боровицкой мост во Всесвятские ворота через мост каменной. А перед ним, Иваном Ивановичем, шла пехота, шесть приказов стрелецких» (*Желябужский*, с. 32–33).

26-го, в праздник Иоанна Богослова, велено было собраться всем в Преображенское село под Москву. – По-видимому, в действительности дата сбора участников похода из армии кн. Ф.Ю. Ромодановского была назначена ранее указанного Толстым срока, так как 26 сентября, согласно «Дневным запискам» И. Желябужского, армия Ромодановского уже выступила в поход. Ср.: «Сентября в 26 день, в среду, в день Иоанна Богослова, часу в шестом дни, стольник князь Федор Юрьевич Ромодановской, из Преображенского с ратными людьми шел по Мясницкой улице, под переходы и по каменному Всесвятскому мосту» (*Желябужский*, с. 35–36).

День преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова отмечался 26 сентября ст. ст.

С. 200–201. Щетининым с людьми пришлось ехать за ротой Тихона Никитича Стрешнева, а позади их ехала рота князя Лыкова. – Сведения о порядке шествия стольничьих рот, которыми руководили боярин Т.Н. Стрешнев и бояре князя Б.А. Голицын и М.И. Лыков, Толстой позаимствовал из «Дневных записок» И. Желябужского. Ср.: «...другая рота шла боярина Тихона Никитича Стрешнева (...); четвертая рота шла боярина князь Михаила Ивановича Лыкова...» (*Желябужский*, с. 37).

Отец и сын Щетинины, как следует из комментируемого текста, были записаны в роту боярина князя Б.А. Голицына (см. с. 563 наст. изд.).

С. 201. ...шли по середине Мясницкой улицы... – Мясницкая улица – улица в Москве, начинается от Лубянской площади и продолжается до Садовой-Спасской улицы. Названа по находившемуся здесь месту торговли скотом, вокруг которого селились мясники.

...до самого Китая-города... – Китай-город – часть Москвы, расположенная к востоку от Кремля, с конца XVI в. получила название Китай-город или Средний город. Главными улицами Китай-города в XVI–XVII вв. были: Никольская, Ильинская, Зачатская, Варварская. Мясницкая улица, по которой шли в лагерь под Кожуховом ратные люди, соединялась с Китай-городом через Лубянскую площадь и Никольские ворота (с Лубянской площади на Никольскую улицу).

...чубарый... – Чубарый – конская масть: темные пятна по светлой шерсти.

...с серебрёной наузой... – Науз – часть конской сбруи кисть, бляха и др. украшения, привешиваемые на ремне или шнуре под шеей лошади.

...на белом фаре в тигровом чепраке... – Фарь – верховой конь. Чепрак – суконная, ковровая подстилка под конское седло.

...на буром ногойском коне... – См. с. 559.

...с карабином золоченым... – Карабин (французское carabin, от арабского saḡab – оружие) – укороченная и облегченная винтовка. Карабин использовался для вооружения поместной конницы уже в 40-х годах XVII в. (см. с. 558; см. также Денисова, с. 43).

〈АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ〉

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

С. 203. ...астраханский воевода Апраксин... – Стольник царя Алексея Михайловича Матвей Васильевич Апраксин (1625–1668) служил в Астрахани сначала стряпчим, затем вторым воеводой.

Стольник – мелкий придворный чин, в обязанности которого входило подавать кушанья и питье за столом. Стольники сопровождали царя в походах, бывали на службах по наряду в ротах. Нередко стольников назначали воеводами или определяли на какую-либо иную службу.

Стряпчий – мелкий придворный чин; стряпчие следили за платьем царя, подавали его при облачении, а при выходах царя держали шапку и посох. Стряпчие также ездили с царем в походы, ходили на службы по нарядам, их назначали на должности городовых и полковых воевод.

Недалеко от Пензы на него напали башкирцы ~ и его убили. – М.В. Апраксин был убит 6 ноября 1668 г. на пути из Астрахани в Москву. В степи между Саратовом и Пензой на него напали калмыки и татары, убившие также 40 человек сопровождавших его дворовых. Тело М.В. Апраксина было привезено в Москву и захоронено в Златоустовском монастыре под Благовещенской церковью.

...к молодой вдове. – Матвей Васильевич Апраксин был женат на Домне Богдановне Ловчиковой.

Остались 4 детей-сирот ~ да 5-м вдова осталась беременна... – После гибели М. В. Апраксина сиротами остались три его сына – Петр (1659–1728), Федор (1661–1728), Андрей (1663–1731) – и две дочери – Марфа (1664–1715) и Мария (?–?).

...в ту же зиму родила девочку Марфу. – Марфа Матвеевна Апраксина родилась за 4 года до гибели отца – в 1664 г.

Крестил девочку Матвеев... – Сведения о том, что крестным отцом Марфы Матвеевны Апраксиной был А.С. Матвеев, Толстой почерпнул у С.М. Соловьева, который, в свою очередь, ссылаясь на рукопись неизвестного польского автора «Diariusz Zabójstwa tyrańskiego senatorów Moskiewskich w stolicy roku 1682 u obrania dwóch carów Ioana u Piotra»; (см. с. 488 наст. изд.). Ср.: «В конце 1681 года царь Федор помолвлен на Апраксиной, которая, как говорят, была крестница Матвеева» (Соловьев, т. 13, с. 334). Доказательством достоверности этого факта для историка стали те изменения в судьбе опального боярина А.С. Матвеева,

которые произошли после того, как Марфа Апраксина стала царской невестой. Опираясь на свидетельство неизвестного польского автора о заступничестве Апраксиной за А.С. Матвеева и слова А.А. Матвеева о «царском прощении», объявленном его отцу в начале 1682 г. (*История о невинном заточении*, с. 374–375), С.М. Соловьев писал: «Первым делом невесты царской было – бить челом жениху о крестном, и в первых числах января 1682 года в Мезень приехал капитан Лишуков с указом объявить Матвееву и сыну его, что царское величество, рассмотря их невинность и бывшее на них ложное оклеветание и милосердуя о них, указал их из-за пристава освободить, московский их двор, подмосковные и другие вотчины и пожитки, оставшиеся за раздачею и продажею, возвратить...» (*Соловьев*, т. 13, с. 334). См. также с. 488 наст. изд.

...*Лопухина, боярыня*. – Сведения о крестной матери Марфы Апраксиной не разысканы.

...*один Никита умер*... – Сведения о Никите Апраксине не разысканы.

Когда овдовел царь Федор... – См. с. 502.

...*на смотр невест к царю повезли и ее дочь, 15-летнюю Марфу*. – Смотр невест для выбора второй супруги царя Федора Алексеевича был объявлен в конце 1681 г. Голландский резидент И. Келлер сообщал 6 декабря 1681 г. в донесении, что в Москве «поговаривают о том, что его царское величество желает заняться выбором новой жены» (цит. по кн.: *Седов*, с. 384). Сведения о времени проведения царских смотрин, составе и числе их участниц неизвестны. По некоторым косвенным данным П.В. Седов предположил, «что на вторых смотринах царя Федора было 12 кандидаток, включая царицу...» (*Седов*, с. 386). Из письма И. Келлера от 7 февраля 1682 г. следует, что «в связи с плохим состоянием здоровья его царского величества» смотрины невест, назначенные, по всей видимости, на конец января – начало февраля 1682 г., были отложены: «Дамы, приглашенные во дворец {...}, среди которых {...} царь должен выбрать жену, были возвращены домой до следующего раза» (цит. по кн.: *Седов*, с. 386). По-видимому, к 12 февраля 1682 г. состояние царя несколько улучшилось, так как в этот день он нарек своей невестой 18-летнюю Марфу Матвеевну Апраксину.

Сведения о возрасте Марфы Апраксиной содержались в «Разряде без мест Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Роси Самодержца 190 году» (7190 г. по летосчислению от сотворения мира соответствует 1682 г. от Рождества Христова. – *Ред.*), опубликованном С.М. Соловьевым: «А по нем остася супруга ево Государыня благоверная Царица и Великая Княгиня Марфа Матвеевна 15 лет» (*Соловьев*, т. 14. Приложение, с. XXV). Хотя Толстой воспользовался этими данными, он располагал и достоверными сведениями о возрасте царицы Марфы Матвеевны. См., например, его запись в подготовительных материалах к роману: «Марфа Матвеевна вышла 18-ти лет замуж...» (*Юб.*, т. 17, с. 437).

Никто не думал, чтобы царь выбрал Марфу... – Ср.: «Конечно, не без влияния Языкова, царь женился на свойственнице его, Марфе Мат-

вевне Апраксиной, девушке не знатного происхождения...» (Соловьев, т. 13, с. 331).

Устройством второго брака царя Федора Алексеевича активно занимались И.М. Языков и А.Т. Лихачев, которые были «самыми близкими к царю, самыми влиятельными на дела правления» (Соловьев, т. 13, с. 250) придворными. Поддержал кандидатуру Апраксиной и духовный наставник царя Федора Алексеевича суздальский митрополит Иларион, представленный в свое время царю И.М. Языковым (см. Житие преосвященного Илариона, митрополита Суздальского, бывшего Флорищевой пустыни первого строителя. Казань, 1868, с. 128).

Избрание новой царицы Марфы Апраксиной и облегчение участи ее крестного отца А.С. Матвеева, по утверждению П.В. Седова, «знаменовали собой крупный поражение Милославских, предвещая большие изменения при дворе» (Седов, с. 386).

Женился он на ней в феврале... – Торжественные мероприятия по случаю вступления царя Федора Алексеевича во второй законный брак начались 12 февраля 1682 г. В этот день состоялось наречение Марфы Апраксиной в царевны и великие княжны с благословения святейшего патриарха Иоакима. После обряда наречения святейший патриарх Иоаким сообщил боярам, окольничим и думным людям, что «нарекли Цареву и Великою княжну Марфу Матвеевну» (Соловьев, т. 14. Приложение, с. XX). 15 февраля 1682 г. в 6 часов вечера в соборе Живоносного Воскресения Господня состоялось венчание царя Федора Алексеевича с великой княжной и царевной Марфой Матвеевной Апраксиной. Венчал царя его духовник благовещенский протопоп Никита Васильевич. Ворота Кремля во время венчания были закрыты и открыли их только в 10 часов вечера. Территорию вокруг Кремля и кремлевские ворота поручено было «ведать окольничему Павлу Петровичю Языкову, а свадебного чину никакова не было» (там же).

Вторая свадьба царя Федора Алексеевича, по сведениям голландского резидента И. Келлера, состоялась «к большому неудовольствию большинства здешних вельмож, которым хотелось бы отсрочить это супружество на некоторое время» (цит. по кн.: Седов, с. 389).

...а в апреле умер. – Царь Федор Алексеевич скончался 27 апреля 1682 г. от тяжелой формы цинги.

И осталась молодая царица ни девка, ни баба, ни матерая вдова... – Брак царицы Марфы Матвеевны Апраксиной с царем Федором Алексеевичем оказал заметное влияние на карьере всех трех ее братьев. Уже в день венчания с Марфой Апраксиной – 15 февраля 1682 г. – царь Федор Алексеевич пожаловал к себе в спальники «Петра да Федара, да Андрея Матвеевых детей Опраксиных» (Соловьев, т. 14. Приложение, с. XX).

19 февраля того же года два брата царицы Марфы были пожалованы в стольники (там же). Хотя запись в разрядной книге не указывает имен

этих двух братьев, можно предположить, что речь шла о Петре и Федоре Апраксиных.

После кончины царя Федора Алексеевича братья Апраксины продолжили свою придворную службу в качестве спальников: Андрей – у царя Ивана Алексеевича, Петр и Федор – у царя Петра Алексеевича (см. там же, с. XLV, XLVII). Называя Петра и Федора «приверженцами Петра», Устрялов подчеркивал, что в годы правления Софьи преданность братьев Апраксиных царю Петру могла стоить им жизни: «В числе приверженцев Петра, также злодеями его обреченных смерти, были родные братья царицы Марфы Матвеевны, Апраксины, Петр и Федор Матвеевичи...» (*Устрялов*, т. II, с. 35).

Поскольку сведения об участии братьев Апраксиных в «делах управления неизвестны», П.В. Седов предположил, что они «были заняты сугубо дворцовыми обязанностями» (*Седов*, с. 390).

К лету 1695 г., о котором идет речь у Толстого, службу при дворе нес только Андрей Апраксин. Петр Апраксин в 1692 г. был назначен воеводой в город Псков, а Федор Апраксин в августе 1693 г. стал двинским воеводой и губернатором Архангельска.

Спальник – мелкий придворный чин. В обязанности спальника входило разоблачать царя перед сном и находиться в соседнем помещении на случай его срочных поручений среди ночи.

...старший Андрей... – В действительности Андрей был третьим сыном Матвея Васильевича Апраксина и Домны Богдановны Ловчиковой, так как родился в 1663 г., после Петра, родившегося в 1659 г., и Федора, родившегося в 1661 г.

...мать женила его на девице хорошей из роду Щетининых... – Толстой называет здесь вымышленную фамилию жены А.М. Апраксина, так как подлинная ему была неизвестна. П.В. Долгорукову удалось выяснить лишь имя и отчество жены Апраксина, а также годы ее жизни: «Андрей Матвеевич (...); жен. на Акулине Федоровне NN., р. 1668 † 1743» (*Долгоруков*, ч. 2, с. 115).

...у сына пошли дети. – У Андрея Матвеевича Апраксина был сын Федор Андреевич (1703–1754), генерал-поручик, женатый на графине Александре Михайловне Шереметевой (1710–1750).

...Андрей сделан был ближним комнатным стольником к царю Ивану Алексеевичу... – Как следует из «Книги записной царства Царей Государей и Великих Князей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Роси Сомодержцов 190 году и 191 году», Андрей Матвеевич Апраксин 11 июня 1682 г. был пожалован из спальников покойного царя Федора Алексеевича в спальники царя Иоанна (Ивана V) Алексеевича (См.: *Соловьев*, т. 14. Приложение, с. XLV); 190 или 7190 г. по летоисчислению от сотворения мира соответствует 1682 г. от Рождества Христова, а 191 или 7191 – 1683 г.

...стал пить, так что редко когда бывал трезвым. – Упоминание о пьянстве А.М. Апраксина связано, по-видимому, с эпизодом, известным Толстому в изложении И.А. Желябужского. В августе 1696 г., находясь под Филями, А.М. Апраксин избил стольника В.Т. Желябужского и его

сына Семена. Желябужские пожаловались царю. Царь приказал разобрать дело под присягой. А.М. Апраксин к присяге не явился, но принес повинную, что он бил Желябужских, находясь в пьяном виде, не помня себя. Царь Петр приказал А.М. Апраксина нещадно бить кнутом и выплатить Желябужским за увечия сумму, превышающую их оклады в 2 раза (737 рублей с полтиною). От телесного наказания А.М. Апраксина спасло заступничество сестры, царицы Марфы Матвеевны, и Ф. Лефорта. Заступничество Лефорта, по слухам, не было бескорыстным: он получил от А.М. Апраксина 3000 рублей (см.: *Желябужский*, с. 97–100).

Возможно, Толстому было известно также и о том, что А.М. Апраксин был участником петровского Всеобщего собора, в котором носил прозвище «Безящийся».

В дальнейшем судьба и карьера А.М. Апраксина складывались весьма успешно. В 1697–1698 гг. он был участником Великого посольства, о котором оставил подробные записки. 7 февраля 1722 г. А.М. Апраксин получил графское достоинство, а 8 марта того же года был пожалован в обер-шенки. 24 февраля 1728 г. А.М. Апраксин, оставаясь обер-шенком, был пожалован в генерал-майоры.

Обер-шенк – главный хранитель вин.

Второй сын, Федор ~ всегда мирил... – Второй сын стольника М.В. Апраксина и Домны Богдановны Ловчиковой, Федор Матвеевич Апраксин, возможно, благодаря отмеченным здесь чертам характера, стал любимцем Петра, его товарищем по ратным забавам с «потешными» войсками, членом его «кумпании», куда входили наиболее близкие царю люди (А.Д. Меншиков, Ф.Я. Лефорт, Ф.А. Головин, Г.И. Головкин, А.А. Виниус, А.В. Кикин, Ф.Ю. Ромодановский).

Карьера Ф.М. Апраксина как строителя флота и флотоводца началась в августе 1693 г., когда он был назначен двинским воеводой и губернатором Архангельска, где возглавил работу по организации кораблестроения на Белом море. Под руководством Ф.М. Апраксина был построен первый русский торговый корабль «Св. Павел», спущенный на воду в присутствии царя Петра 20 мая 1694 г. в Архангельске. Участник Второго Азовского (1696) и Керченского (1699) походов, Ф.М. Апраксин в феврале 1700 г. возглавил Адмиралтейский приказ, которым руководил до 1706 г. В должности адмиралтейца он построил Таганрог и Павловскую крепость, перестроил Азов, расширил старые верфи и начал постройку новых в Таврове, Новопавловске, Воронеже. Одновременно с руководством судостроения в Воронеже Ф.М. Апраксин в 1705–1706 гг. управлял Оружейным и Монетным дворами в Москве, заведовал Ямским приказом. В феврале 1707 г. Ф.М. Апраксин был произведен в адмиралы и назначен президентом Адмиралтейства, в 1708 г. произведен в генерал-адмиралы. В 1709 г. за верность и храбрость Ф.М. Апраксин был пожалован в тайные советники, а в феврале 1710 г. возведен в графское достоинство.

Участник Северной войны, Ф.М. Апраксин, командуя галерным флотом, взял города Гелсингфорс и Борго, одержал победу над шведами

при р. Пелкине; в Гангутском сражении 1714 г. галерный флот под руководством Ф.М. Апраксина разгромил флот Швеции.

В 1717 г. Апраксин назначен президентом Адмиралтейств-коллегии, нового центрального органа по управлению морскими делами России. В 1718 г. он стал вторым по старшинству членом следственной комиссии по делу царевича Алексея Петровича. В 1722–1723 гг. Апраксин вместе с Петром I был в Персидском походе, а по возвращении в Петербург возглавил Балтийский флот.

После смерти Петра I Ф.М. Апраксин был членом Верховного тайного совета.

...с женой жил хорошо... – Сведений о жене Ф.М. Апраксина известно мало. Ее девичья фамилия – Хрушова – была указана П. Долгоруковым (*Долгоруков*, ч. 2, с. 115), а год смерти – 1702 – установлен П.Н. Петровым (*Петров П.Н. История родов русского дворянства*. СПб., 1886, т. 2, 67).

...детей не было... – Оставшись в 41 год бездетным вдовцом, Ф.М. Апраксин не стал вступать во второй брак. Отсутствие наследников побудило Ф.М. Апраксина в конце 1721 или в начале 1722 г. обратиться с просьбой к императору Петру I о том, чтобы его графское достоинство и все пожалованные ему деревни были утверждены за его родным братом Андреем Матвеевичем Апраксиным.

Передача графского титула обер-шенку А.М. Апраксину состоялась 7 февраля 1722 г. (См.: *Петров П.Н. История родов русского дворянства*. СПб., 1886, т. 2, с. 67).

Третий сын, Петр... – В действительности Петр Матвеевич Апраксин был старшим из братьев Апраксиных.

Его успешную служебную карьеру условно можно разделить на административную, военную и государственную. При Федоре, Иоанне (Иване) V и Петре I в 1682–1692 гг. Петр Апраксин служил в качестве стольника, спальника, окольничего. Административная карьера Петра Апраксина началась в 1692 г. с назначения на должность воеводы в Пскове, которую он занимал до 1694 г. С 1697 г. П. Апраксин – воевода в Новгороде. В 1705–1708 гг. – губернатор Астрахани; в 1708–1713 гг. – губернатор Казани. С мая 1724 по январь 1725 г. был губернатором Санкт-Петербурга.

Военная карьера Петра Апраксина началась с участия в первом Азовском походе (1695). В 1702–1704 гг. в ходе Северной войны руководимые П.М. Апраксиным подразделения нанесли ряд поражений шведским войскам и отразили нападение шведского флота (в устье реки Невы в 1704 г.).

В 1705–1706 гг. П.М. Апраксин участвовал в подавлении Астраханского восстания.

В 1710 г. он был, как и Ф.М. Апраксин, возведен в графское достоинство, в 1717 г. назначен сенатором.

С 1718 г. П.М. Апраксин был арестован по подозрению в пособничестве побегу царевича Алексея Петровича, но был оправдан. В том же году Апраксин стал членом Верховного суда над царевичем Алексеем Петровичем и был среди лиц, подписавших ему смертный приговор.

В 1722 г. П.М. Апраксин был назначен президентом Юстиц-коллегии. В мае 1725 г. П.М. Апраксин был пожалован в действительные тайные советники.

...нравом был в деда, материного отца... – Дедом братьев Апраксиных и их сестры Марфы со стороны матери был Богдан Ловчиков.

Он тоже был женат... – Петр Матвеевич Апраксин был женат трижды. Первой его женой была Анисия (Анисья) Тимофеевна (1663–1688), девичья ее фамилия неизвестна. Предположительно она постриглась в монахини. Второй женой П.М. Апраксина стала княжна Степанида Матвеевна Оболенская (с 1688 г.), третьей – княжна Наталья Алексеевна Львова (1693–1711).

Вероятно, именно на свадьбу П.М. Апраксина с княжной Львовой, состоявшуюся 23 февраля 1710 г., был приглашен датский посланник Юст Юль, отметивший это событие в своем дневнике: «В тот же день (23 февраля 1710 г. – *Ред.*) я был зван на свадьбу казанского и астраханского генерал-губернатора Петра Матвеевича Апраксина. Адресованное мне приглашение во свидетельство русской надменности перечисляло все его титулы» (*Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001, с. 140.*)

...и были дети. – П.М. Апраксин от двух браков имел четверых детей: двух сыновей – Александра (1690–1725) и Алексея (1711–1743) – и двух дочерей – Елену (1695–1746) и Екатерину.

С. 204. *И невестку свою Евланью, Андрееву жену...* – Евланья – вымышленное имя жены А.М. Апраксина. В действительности ее звали Акулина Федоровна. См. с. 568.

〈АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ〉

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

С. 204. *...из Азовского похода.* – Имеется в виду Первый Азовский поход, предпринятый Петром I в марте–октябре 1695 г. во время русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Призванный защитить южные земли России от набегов турецких и татарских войск и овладеть турецкой крепостью Азов, закрывавшей России выход в Азовское и Черное моря, поход закончился неудачей.

Не состоявшийся в 1695 г. захват Азова не сломил молодого царя. Характеризуя деятельность Петра после Первого Азовского похода, С.М. Соловьев писал: «Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтоб загладить неудачу, упрочить успех второго похода. С неудачи азовской начинается царствование Петра Великого» (*Соловьев, т. 14, с. 225.*)

Царь в ночь приехал с передовыми и остановился в Коломенском дворце. – Подойдя с передовыми отрядами войск к Москве, Петр остановился в Коломенском, где дожидался сбора всех участников похода. Несмотря на военную неудачу, Петр решил торжественно обставить

возвращение войск в Москву. 22 ноября 1695 г. он вошел в Москву и словно победитель прошел по ней вместе с войском, впереди которого вели пленного турка. Вот как описывал это шествие по Москве И.А. Желябужский: «Ноября в 22 день, в пятницу, Государь Царь и Великий князь Петр Алексеевич (...) изволил из Коломенского иттить к Москве с ратными людьми, и шел по Каменному большому мосту, и пришел на дворец с полками.

Перво пришел генерал Петр Иванович Гордон.

А за ним Государь и весь его Царской синклит. А перед синклитом вели турченина, руки назад; у руки по цепи большой; вели два человека. А за ним шли все полки стрелецкие. И пришед стали строем на дворец» (*Желябужский*, с. 58–59).

Коломенский дворец был построен в старинной вотчине московских государей – селе Коломенском – в 1667 г. при царе Алексее Михайловиче, на месте бывшего дворца царя Иоанна (Ивана) IV Васильевича Грозного. Дворец славился своей красотой и был чрезвычайно любим царем Алексеем Михайловичем, немало заботившемся о его украшении (см. описание дворца в кн.: *Корсаков А.* Село Коломенское. Москва, 1870). В 1767 г. дворец был разобран за ветхостью и на его месте построен новый, простоявший до 1816 г. В 2010 г. дворец царя Алексея Михайловича был восстановлен.

Петр останавливался в Коломенском, возвращаясь из Первого и Второго Азовских походов. Сюда же он приехал после Полтавской победы в 1709 г., чтобы торжественно войти в Москву.

...просить за сына, за любимого сына князя Ивана, взятого стрельцами под Каширою ~ чтоб судить за воровство и грабеж. – По предположению первых публикаторов романа из времени Петра I, Толстой, называя героя данного начала кн. Иваном Ивановичем Хованским, вряд ли имел в виду его однофамильца, кн. Ивана Ивановича Хованского (ок. 1645–1701), противника реформ Петра, арестованного в 1701 г. и умершего под стражей (см.: *Юб.*, т. 17, с. 801).

В подготовительных материалах к роману сохранилась запись сюжета (Второго начала): «Хованский в Москву просить за сына, один сын в потешных. Притворяется старик прогрессистом. Нанюхался крови. Пытал Лопухина» (*ОР ГМТ*).

...надеялась на заступу. – То есть на покровительство, защиту, помощь кого-либо.

У ней рука была у царицы Натальи Кирилловны... – Царица Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина (1651–1694), вторая жена царя Алексея Михайловича (с 1671 г.), мать царя Петра I.

...у Лопухиных... – Из семьи Лопухиных была родом первая жена Петра I, царица Евдокия Федоровна (1669–1731). Из родственников царицы придворную службу в это время несли В.А. и С.А. Лопухины. Дядя царицы, боярин Василий Авраамович (Абрамович) Лопухин в 1689–1697 гг. был главой Приказа Казанского дворца. Другой ее дядя, боярин Сергей Авраамович (Абрамович) Лопухин, был спальником царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича.

...у Ивана царя, у Лопухиных нет силы, а вся сила в царе Петре. – Фактическое устранение от дел соправителя Петра, царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича, произошло в начале сентября 1689 г., когда царевна Софья Алексеевна после неудачной попытки государственного переворота (август 1689 г.) была отстранена от власти и заточена в Новодевичий монастырь. С этого момента решение всех практических вопросов управления государством переходит в руки Петра и его сторонников. Исполнение царских обязанностей Иоанном (Иваном) V Алексеевичем было номинальным и сводилось лишь к участию в приемах послов и церковных церемониях. В официальных документах имя царя Иоанна (Ивана) V Алексеевича продолжало упоминаться вплоть до его кончины 29 января 1696 г.

...через мамку царя Петра, Голицыну... – Мамкой Петра была верховая боярыня кн. Ульяна Ивановна (по некоторым данным – Васильевна) Голицына, вдова кн. Ивана Васильевича Голицына, старшего брата боярина кн. В.В. Голицына.

...дошла до Бориса Алексеевича... – Кн. Борис Алексеевич Голицын (1654–1714), воспитатель и приближенный Петра I, в Первом Азовском походе командовал конницей. Его предполагаемые встречи с героями (Второго начала) могли произойти только после его возвращения из похода в Москву.

...обещал попросить князя Федора Юрьевича (Ромодановского) подождать пытать молодого князя Ивана до приезда царя. – Кн. Ф.Ю. Ромодановский (ок. 1640–1717) в 1686–1717 гг. возглавлял Преображенский приказ, ведавший политическим сыском. При проведении следствия князь Ромодановский отличался особой жестокостью; во время казней стрельцов собственноручно рубил головы и вешал за ребра осужденных.

Во время Первого Азовского похода Ромодановский находился в Москве и во главе боярской комиссии управлял государством.

Старики стояли во дворе у Головина Федора Алексеевича. – Возможно, он жил в это время в доме своего отца, боярина А.П. Головина (1618–1690), в черте Белого города, на участке между Покровскими и Яузскими воротами. В начале 1700-х годов Головин построил дом напротив Немецкой слободы за Яузой (см. с. 579).

〈АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ〉

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

С. 204. *Весь Великий пост 1696-го года царь Петр Алексеич прожил в Воронеже на корабельной верфи.* – Великий пост приходился в 1696 г. на период с 24 февраля по 12 апреля.

Царь Петр Алексеевич приехал в Воронеж на первой неделе поста – 28 февраля 1696 г. – и оставался там до 3 мая того же года. Столь длительное пребывание царя в Воронеже объясняется приготовлениями

ко Второму Азовскому походу. Главным из этих приготовлений была постройка флота для взятия Азова. Признав отсутствие флота одной из основных причин неудачи первой осады Азова, консилиум генералов во главе с Петром I в конце ноября 1695 г. принял решение строить флот для нового похода на Азов весной–летом 1696 г. В предстоящем походе флот, по мнению генералов, должен был сыграть решающую роль, заблокировав крепость с моря и лишив турок возможности подвозить осажденным подкрепление, еду и снаряды. Руководство подготовкой и организацией всех работ по строительству судов консилиум возложил на Московский военный приказ-разряд во главе с боярином Т.Н. Стрешневым. В действительности участие Стрешнева «ограничивалось распоряжениями по заготовке лесных припасов и нарядом людей» (Елагин, с. 24). «Главным» же соратником Петра в деле строительства русского флота стал его бывший учитель по математике голландец Франц Тиммерман. Флот решено было строить на Дону, поэтому базовым местом для строительства крупных кораблей был выбран Воронеж. Выбор этот был определен самим местоположением города (река Воронеж является притоком Дона, а Дон ведет прямо к Азову), наличием больших запасов леса в его окрестностях, а также опытом судостроения у местных жителей (постройка плоскодонных судов – стругов – производилась в Воронеже еще во времена царя Михаила Федоровича). В конце 1695 г. в Воронеже построили новые верфи и заложили крупные суда.

В разгар подготовки ко Второму походу на Азов в Москве умер скоропостижно царь Иоанн (Иван) V Алексеевич (29 января 1696 г.) и Петр стал единовластным правителем России.

Спустя три недели после похорон старшего брата и соправителя Петр выехал в Воронеж, чтобы на месте руководить сборкой галер и брандеров и достройкой заложенных осенью крупных судов. Ф. Лефорт, которому поручили общее руководство флотом и назначили в феврале 1696 г. адмиралом, выехать вместе с Петром в Воронеж не смог из-за болезни и прибыл туда только 16 апреля 1696 г.

Вскоре после отъезда царя из Москвы началась отправка в Воронеж и деталей для галер и брандеров, изготовленных в селе Преображенском под Москвой. Перевозчики прибыли в Воронеж, очевидно, к середине марта 1696 г. и сразу же приступили к сборке судов.

Народа согнано было много тысяч. – Ср.: «...в лесах по всему течению Воронежа, более 30 000 человек (...), готовили струги для перевозки (...) войск, орудий, снарядов, запасов продовольствия...» (Устрялов, т. II, с. 267).

Эти сведения, ставшие фактической основой сюжета в (Третьем начале), были выделены и выписаны Толстым из сочинения Устрялова при изучении подробностей Второго Азовского похода: «В марте в лесах по всему Воронежу более 30 000 людей работали суда для перевозки войск, орудий, снарядов» (Юб., т. 17, с. 425).

Между тем С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» приводит иные, чем Н.Г. Устрялов, сведения о количестве людей, занятых строительством стругов: «В лесных местах, ближайших к Дону,

в Воронеже, Козлове, Добром и Сокольске 26 000 работников должны были к весне срубить 1300 стругов, 300 лодок, 100 плотов» (*Соловьев*, т. 14, с. 226).

Плотники были доставлены к местам сооружения стругов из Тульской, Орловской, Тамбовской губерний, а также из Вологды. Вместе с российскими плотниками на строительстве стругов трудились корабельные мастера из Англии, Голландии, Венеции.

Работы шли тяжело. Их замедлял и жестокий зимний холод, и частая смена погоды в марте–апреле 1696 г., а также то, что тысячи людей бежали с работы. Много было больных, были погибшие. К тому же, на местах, где рубились струги, нередко случались лесные пожары. Однако, несмотря на все трудности, в апреле 1696 г. начался спуск судов на воду.

И лесу свезено было зимним путем много тысяч деревьев. – Ср.: «Заготовление лесных материалов поручено стольнику Григорию Титову: к первым числам февраля 1696 года он должен был распилить более 7000 деревьев, дубовых, липовых и ясеневых, по данным ему размерам и чертежам в брусья, бруски, пластины, доски...» (*Устрялов*, т. II, с. 260).

Еще 3000 деревьев ясеневое и вязовое леса, необходимого для галерных весел, были доставлены в течение зимы из Тульского и Веневского уездов (см.: *Елагин*, с. 28). Распоряжение об их доставке отдал сам царь Петр I, узнав от боярина Т.Н. Стрешнева об отсутствии в окрестностях Воронежа вязового и ясеневое леса. В подготовительных материалах к роману о Петре Толстой отметил этот факт следующей записью: «Из Тульской засеки на весла ясеневые бревна через Стрешнева» (*Юб.*, т. 17, с. 425). Сведения об этом факте Толстой почерпнул из труда Н.Г. Устрялова (см.: *Устрялов*, т. II, с. 265).

С. 204–205. ...*Вороны-реки...* – Ворона – правый приток реки Хопер.

С. 205. ...*настроены балаганы для народа...* – Балаган – шалаш, всякое пристанище под кровлей, для рабочих и сторожей.

... *подпилки...* – Подпилок – то же, что напильник – ручной металло-режущий инструмент в виде стального бруска с насечкой для сглаживания поверхности металла, дерева и т. п.

... *обухи...* – Обух – тупая, противоположная лезвию, сторона остро-го оружия, обычно, топора.

... *запевы мужиков, поднимавших бревно или бабу.* – Баба – ударная часть (поднимающаяся и опускающаяся) механических молотов.

... *подул сивер...* – Сивер – северный ветер.

На Дарью только взломало лед... – День памяти мученицы Дарии отмечается 19 марта ст. ст.

Через две недели после вскрытия льда, 2 апреля 1696 г., на воду – с церемониями – были спущены три галеры. Первой из них дали название – «Принципиум». Капитаном ее был сам царь. Две другие галеры были названы именами евангелистов «Св. Марк» и «Св. Матвей».

7 апреля погода ухудшилась. Снежная буря, как отметил С. Елагин, опираясь на свидетельство П. Гордона, «продолжавшаяся четыре дня, стихла 11-го, накануне праздника Пасхи. Государь служил заутреню в

соборной церкви» (Елагин, с. 35). Всю пасхальную неделю в Воронеже спускали на воду остальные галеры.

На Алексея Божия человека... – Отмечается 17 марта ст. ст.

Царский посланец ~ приехал из Архангельска ~ и привез с собой отсюда корабельных мастеров... – Указание прислать корабельных мастеров из Архангельска в Воронеж содержалось в письме царя Петра Алексеевича к губернатору Архангельска Ф.М. Апраксину от 30 ноября 1695 г.: «...с консилии господ генералов указано мне к будущей войне делать галей; для чего угодно мне, быть шкит-тимерманом всем от вас сюды. Понеже они сие зимнее время туне будут препровождать. А здесь тем временем могут великую пользу к войне учинить. А корм и за труды заплаата будет довольная, и ко времени отшествия кораблей возвращены будут без задержания, и тем их обнадежь, и подводы дай, и на дорогу корм...» (Туманский, ч. 5, с. 73–74).

...ямщик прямо провез к царской избе... – Для устройства царских покоев в Воронеже был выбран двор подьячего Маторина на берегу одноименной реки. В этом дворе находились две избы с сенями и крыльцом, баня, кухня. Подробное описание этого двора см. в кн.: Елагин, с. 27.

Выбором жилья и подготовкой его к приезду царя занимались шаутбенахт Балтазар Емельянович де Лозьер и придворный служитель Лукьян Верещагин. Жилище Петра в Воронеже было одновременно и главным штабом строящегося флота и носило, по утверждению С. Елагина, «название Государева Шатра на Воронеже» (там же). Рядом с домом Петра в Воронеже были устроены верфи для строительства и сбора судов.

Шаутбенахт (нем. – «в ночь смотрящий») – первый адмиральский чин в российском флоте с конца XVII в. до 40-х годов XVIII в., равнозначный чину контр-адмирала.

...денщик Александр... – А.Д. Меншиков.

... царь на верфи. – Петр сам определил места для устройства верфей на правом, пологом берегу реки Воронеж. Одни верфи простирались от города до слободы Чижово, другие находились у Ступинской пристани.

Находясь на верфях, Петр не только руководил постройкой галер и брандеров, но и сам участвовал в строительстве двух крупных судов-галеасов: «Апостол Петр» и «Апостол Павел».

(АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ)

(ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО). СТАРОЕ И НОВОЕ

С. 205. «То царей, мало что один, три – с царевной было... – В течение семи лет (с конца мая 1682 г. по начало сентября 1689 г.) царский престол в Московском государстве занимали цари-соправители Иоанн (Иван) V и Петр I Алексеевичи, а регентшей при малолетних царях была царевна Софья Алексеевна.

...Аниките Михайлычу нашему воеводство на Воронеже не полюбится. – Возможно, речь идет о Никите Моисеевиче Зотове.

Так говорил Головин Федор Алексеевич... – Ближайший сподвижник Петра I, Федор Алексеевич Головин (1650–1706), потомок старинного боярского рода, начал свою службу во времена Алексея Михайловича. Сведений об этом периоде жизни Ф.А. Головина мало. Известно только, что в 1672 г. Ф.А. Головину был пожалован чин стольника, а в конце января 1676 г. он вошел в круг лиц (вместе с К.П. Нарышкиным, П.И. Прозоровским, Г.И. Головкиным), которым царь Алексей Михайлович перед своей кончиной поручил заботиться о юном царевиче Петре и беречь его, «яко зеницу ока». Головин исполнил этот завет в 1682 г., когда во время восстания стрельцов посоветовал Петру укрыться в Троицком монастыре.

В годы правления регентши царевны Софьи Алексеевны Ф.А. Головин в декабре 1685 г. был возведен в чин окольничего и назначен великим и полномочным послом для заключения мирного договора с китайцами (см. с. 579–580).

В 1665–1669 гг. Головин принял участие в двух Азовских походах (см.: *Дворцовые разряды*, т. IV, стлб. 960). Подробности его пребывания в первом походе неизвестны. Во Второй Азовский поход Ф.А. Головин отправился вместе с Петром. 3 мая 1696 г. он вышел из Воронежа в качестве командира авангарда галер и дошел по Дону до Азова. Под Азовом суда под руководством Ф.А. Головина вели поиск неприятельских судов, не пропуская их в крепость.

После взятия Азова Ф.А. Головин участвовал в торжественном въезде войск в Москву: он ехал в карете впереди адмирала Лефорта и морского каравана. За участие в Азовской осаде Ф.А. Головина наградили золотой медалью в пять с половиной червонцев, кубком, парчовым кафтаном на соболях и 57-ю дворами крестьян.

В графское достоинство Ф.А. Головин был возведен 16 ноября 1702 г.

В подготовительных материалах к роману сохранилась выписка, сделанная Толстым из «Словаря достопамятных людей русской земли» Бантыш-Каменского (СПб., 1847, ч. 1) о Ф.А. Головине: «Головин, Федор Алексеевич, старше Петра. Очень образованный, по-латыни знает, посол в Китай (...). Друг Лефорта. Хороший рассказчик. 2-й поход Азовский. Взял корабли (...). С усами, статный. Добрыня. Любил мать...» (Юб., т. 17, с. 403).

...Лефорта Франца Яковлича... – Ф.Я. Лефорт не был случайным гостем в доме Ф.А. Головина: их связывали тесные дружеские отношения, которые, по всей видимости, сложились после возвращения Головина с Дальнего Востока и вхождения в «кумпанию» Петра. Сведения о дружбе Головина с Лефортом Толстой почерпнул из первой части «Словаря достопамятных людей русской земли» Д.Н. Бантыш-Каменского. Двух ближайших соратников Петра соединяло, по мнению историка, то, что они «имели одну цель: благосостояние России и славу ее Обладате-

ля» (*Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847, ч. 1, с. 439). К тому же, по утверждению историка, «Головин не завидовал Лефорту, пользовавшемуся неограниченной доверенностью Государя, одобрял полезные нововведения, против которых ополчалось невежество, и действовал таким образом по внутреннему убеждению, не зная постыдной лести, любя правду более самого себя» (там же).

Укреплению дружеских связей Головина с Лефортом немало способствовало и то, что они оба участвовали в таких значимых предприятиях Петра, как Азовские походы и Великое посольство. Главой посольства был Ф. Лефорт, а Ф.А. Головин – вторым послом. Помимо дипломатических обязанностей Лефорт и Головин занимались подбором и наймом матросов для российского флота, в основном англичан и голландцев, наблюдали за учебой молодых стольников, привезенных в Европу, закупали для кораблей пушки, якоря, компасы, парусину и т.д.

После смерти Лефорта в марте 1699 г. на его место главы Адмиралтейского приказа царь назначил Ф.А. Головина, произведя его 21 апреля 1699 г. в адмиралы.

Пребывание Ф. Лефорта в Москве после отъезда царя в Воронеж объясняется тем, что, возвращаясь из Первого Азовского похода, Лефорт упал с лошади и долго болел от последствий падения. В подготовительных материалах к роману о Петре сохранилась выписка Толстого из «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева о болезни Лефорта во время подготовки ко Второму Азовскому походу и о его обеде с Борисом Голицыным: «2 Азовский поход. Болен (...). Обедал с Борисом Голицыным» (*Юб.*, т. 17, с. 410–411). Оправившись от болезни, Лефорт выехал из Москвы 31 марта 1696 г. и 16 апреля того же года прибыл в Воронеж.

С. 205–206. ...*Репнина старика, князь Иван Борисыча...* – Боярин, князь Иван Борисович Репнин (1617–1697) в 1679–1697 гг. возглавлял Сибирский приказ. Его сын Никита (Аникита) Иванович Репнин (1668–1726) был участником двух Азовских походов. В Первом (1695) отличился захватом двух береговых башен-каланчей у турок. Во Втором – в звании капитана фрегата участвовал во взятии Азова.

С. 206. ...*князя Борис Алексеича...* – Боярин кн. Борис Алексеич Голицын (см. с. 533) был участником Первого Азовского похода. Позднее, в 1697–1698 гг., Голицын принимал участие в «кумпанстве» кораблей.

Совместное присутствие боярина князя Б.А. Голицына и Ф.Я. Лефорта на обеде у Ф.А. Головина объясняется их дружескими, приятельскими отношениями. Это обстоятельство было отмечено Толстым при чтении дневника И. Корба: «Приятель с Лефортом и Гордоном» (*Юб.*, т. 17, с. 439).

...*князя Михаила Михайлыча.* – Кн. Голицын Михаил Михайлович Старший (1675–1730), двоюродный брат Б.А. и В.В. Голицыных, постигал азы военного дела вместе с Петром I, в 12 лет начав службу барабанщиком Семеновского полка. За храбрость, проявленную под Азовом

во время первого похода в 1695 г., был произведен в прапорщики. Во время Второго Азовского похода 1696 г. М.М. Голицын был ранен стрелой в ногу и в том же году произведен в капитаны. В подготовительных материалах к роману о Петре сохранились две выписки о М.М. Голицыне. Первая из них, сделанная из 17-го тома «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, характеризовала его как благородного человека, заступавшегося даже за своих недругов: «Михаил-рыцарь» (*Юб.*, т. 17, с. 406). Вторая – из 2-й части словаря Д.Н. Бантыш-Каменского (М., 1836, с. 82) – содержала сведения о дате его рождения, участии в военных действиях против турок и шведов, а также ранениях, полученных в боях под Азовом и Нарвой: «Гол(ицын) М(ихаил) М(ихайлович). 1675. Ранен... (в) 1696; под Нарвою в ногу и в руку» (*ОР ГМТ*).

Дом Головина ~ на Язуе. Головин начал строить его после похода в Китай. – В действительности строительство своего дома на Язуе Головин начал позднее описываемых здесь событий. В 1701 г. он купил двор на левом берегу Язуы напротив дворца Лефорта и на свои средства построил в 1703 г. усадьбу с дворцом и парком. Сведения о месте расположения дворца Головина на Язуе Толстой почерпнул у И.Е. Забелина. В подготовительных материалах к роману о Петре сохранилась запись Толстого, сделанная при чтении книги Забелина «Опыты изучения русских древностей и истории» (М., 1873, ч. 2, с. 191): «Лефортов и Головинской дворец друг против друга, на Язуе» (*Юб.*, т. 17, с. 415). После смерти Головина Петр купил его дом у наследников в 1723 г. и повелел выстроить на его месте деревянный дворец, разбить сад, вырыть пруды и каналы, устроить фонтаны, плотины, каскады, мостики.

Место жительства Ф.А. Головина в описываемый здесь период см. с. 573.

Под походом в Китай Толстой имел в виду посольство на Дальний Восток, предпринятое Россией в 1686–1689 гг. с целью заключения мирного договора с Китаем, а также установления границ между Россией и Китаем. Заключить договор с Китаем царевна Софья Алексеевна и глава Посольского приказа кн. В.В. Голицын намеревались перед намеченным ими походом в Крым: столкновения на Дальнем Востоке могли, по их мнению, помешать войне против Крымского ханства. Вести переговоры с Китаем кн. В.В. Голицын доверил Ф.А. Головину. Отец Ф.А. Головина, Алексей Петрович Головин, для оказания помощи сыну в его миссии был послан в это же время воеводой в Тобольск.

Посольство на Дальний Восток выступило из Москвы 26 января 1686 г. и прибыло в Тобольск 24 марта того же года. Нерчинский договор, установивший границу между Россией и Китаем, был подписан только три года спустя – 27 августа 1689 г. Его подписанию предшествовали долгие и трудные переговоры, перемежающиеся вооруженными столкновениями с монголами, строительством новых городов (Нерчинск и Удинск), сбором торговой пошлины. После заключения Нерчинского договора отец и сын Головины вернулись в Москву и 10 января 1690 г.

представились царям Иоанну (Ивану) V и Петру I. Заслуги Ф.А. Головина были высоко оценены в царском «милостивом слове», объявленном ему 2 февраля 1690 г.

...*Аграфена Дмитриевна* ~ была из рода *Апраксина*... – Родственные связи матери Головина с Апраксинами не выявлены. Аграфена Дмитриевна, возможно, вымышленное имя матери Головина.

...*собрала дом запасами из Ярославской да из Казанских вотчин*. – То есть получила натуральный оброк в виде «столовых запасов», сбором которых были обложены владельческие крестьяне. В качестве «столовых запасов» к барскому столу поставлялись продукты птицеводства и животноводства (куры, гуси, утки, бараны, свиньи, коровье масло, яйца), крупы (гречневая, овсяная и т.д.), ягоды, грибы, мука пшеничная; иногда к ним добавлялись вино, мед, сукна, холсты, дрова, сено.

Взимание продуктовой ренты происходило обычно несколько раз в году, но чаще всего в канун Рождества. В конце ноября боярин посылал к главному приказчику особую грамоту, в которой самым подробным образом предписывалось, что и как собрать, когда доставить в Москву. Везти «столовые запасы» своему владельцу должны были сами крестьяне.

...*к каждому разговенью пригоняли скотину и живность из вотчин*. – Разговенье – первый день после поста, в который разрешалось есть мясную пищу. В данном случае, скорее всего, речь идет о разговении после многодневных постов, которых в церковном году четыре: Великий пост, Петров пост, Успенский пост, Рождественский пост.

Два ставца с посудой... – Ставец – посудный шкаф.

За одним столом, крытым камчатной скатертью... – Камчатная скатерть – скатерть, из камчатки, узорчатой льняной ткани.

...*половина на столе ~ половина на лавке, лежала туша Бориса Алексеича*... – Данное описание основано на приведенных С.М. Соловьевым в «Истории России с древнейших времен» свидетельствах современников кн. Б.А. Голицына о его пьянстве, (см. об этом с. 532–533).

...*взглянул на двоюродного брата Бориса Алексеича*... – Отец Михаила Михайловича Голицына, Михаил Андреевич Голицын (1639–1687), и отец Бориса Алексеевича Голицына, Алексей Андреевич Голицын (1632–1694), были родными братьями, сыновьями тобольского воеводы Андрея Андреевича Голицына (?–1638).

С. 208. ...*среднего роста статный красавец ~ выставленной грудью*... – Ср.: «Граф Федор Алексеевич имел статную, величавую наружность...» (*Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847, ч. 1, с. 450).

〈АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ〉

〈ПЯТОЕ НАЧАЛО〉

С. 208. *Из Воронежа, к Черкасску ~ шло в поход под Азов.* – Приказ о начале выступления русской армии во Второй Азовский поход был отдан 22 апреля 1696 г. главнокомандующим сухопутными войсками генералиссимусом А.С. Шеиным. 23–26 апреля в поход выступили основные силы русских войск из районов Воронежа, Тамбова и Валук по суше и на судах по рекам Воронеж и Дон. Передовыми отрядами войск руководили генералы П.И. Гордон и А.М. Головин. Вслед за основными силами в поход отправились и четыре отряда галер.

Каждое воинское подразделение, шедшее к Азову по Дону, находилось в пути около трех недель. 27 мая основные силы русского флота вышли в Азовское море в районе Азова и к 12 июня блокировали его с моря, а сухопутные войска осадили Азов с суши.

Всех стругов ~ было 1300. – Ср.: «В лесных местах, ближайших к Дону (...) должны были к весне срубить 1300 стругов» (*Соловьев*, т. 14, с. 226); «... в течение зимы, к первой полою воде, построить на берегах Воронежа (...) 1300 стругов» (*Устрялов*, т. II, с. 260).

...вытянулись на 50 верст... – Верста – русская мера длины, равная 500 саженим (1,0668 км).

Впереди всех шли солдатские полки на 111 стругах... — Ср.: «Вперед пошел генерал Гордон с выборным полком Бутырским (...), на одной галере и 111 стругах» (*Устрялов*, т. II, с. 269).

Войска под руководством генерала П.И. Гордона (Бутырский выборной полк, два стрелецких полка М. Кривцова и М. Сухарева) первыми отправились во Второй Азовский поход. 23 апреля 1696 г. они вышли из Воронежа на судах по Дону.

...за ними плыли потешные два полка с Головиным, генералом... – Ср.: «Чрез два дни выступил генерал Головин с полками Преображенским и Семеновским...» (там же).

Войска генерала А.М. Головина (Преображенский и Семеновский потешные полки, три стрелецких полка А. Чубарова, Д. Воронцова, Т. Гундерк-Марка) выступили из Воронежа 25 апреля 1696 г.

...в третьих плыл Шеин ~ со всеми войсковыми запасами. – Ср.: «...вслед за ним генералиссимус Шеин, со всем своим штабом, с пешими и конными ратными людьми и полковыми запасами» (там же).

Назначенный в конце ноября 1695 г. главнокомандующим сухопутными войсками русской армии «с званием генералиссимуса, или воеводы Большого полка» (*Устрялов*, т. II, с. 263) боярин А.С. Шеин выступил из Воронежа во Второй Азовский поход 26 апреля 1696 г. (см.: *Дворцовые разряды*, т. IV, стлб. 962).

Военной службе первого российского генералиссимуса А.С. Шеина (1662–1700) предшествовала служба придворная и административная. Службу при царском дворе А.С. Шеин начал с должности стольника царевича Алексея Алексеевича. После смерти царевича в январе 1670 г.

А.С. Шейн был пожалован в комнатные стольники царя Алексея Михайловича. 9 апреля 1682 г. А.С. Шейн был пожалован в бояре. Военная карьера А.С. Шеина началась с участия в Крымских походах 1687 и 1689 гг., где он был одним из воевод. Во время перехода власти от Софьи к Петру I в августе–сентябре 1689 г. А.С. Шейн перешел на сторону Петра. В 1693 и 1694 гг. он сопровождал царя в Архангельск. В учениях под Кожуховом (1694) А.С. Шейн участвовал в составе армии князя Родомановского. В Первом Азовском походе (1695) А.С. Шейн был одним из воевод. После возвращения из Второго Азовского похода А.С. Шейн в 1697–1700 гг. возглавлял Пушкарский, Иноземский и Рейтарский приказы. В 1698 г. он руководил подавлением стрелецкого бунта и занимался первоначальным розыском.

Позади всех ~ плыл сам царь... – Царь Петр Алексеевич отправился во Второй Азовский поход в качестве капитана галеры «Принципиум» («Principium») под именем Петра Алексея 3 мая 1696 г. Адмирал Лефорт поручил капитану Петру Алексею руководство первым отрядом (эскадрой) галер. Вместе с капитаном Петром Алексеевым в поход отправились комиссарий-генерал Ф.А. Головин, генерал-провиантмейстер К.А. Нарышкин и другие «начальные люди» (см.: Устрялов, т. II, с. 269–270).

В Николин день, 9-го мая... – 9 мая ст. ст. память о перенесении мощей св. Николая из Мир Ликийских в город Бари.

...у Хопра... – Хопер – река, левый приток Дона.

...царь догнал и обогнал середний караван, тот самый, в котором плыли его два любимые потешные полка, Преображенский и Семеновский. – «Средним караваном» Толстой именуется полки под руководством генерала А.М. Головина потому, что они отправились в поход на два дня позже полков под руководством П.И. Гордона и на один день раньше генералиссимуса А.С. Шейна.

Согласно расчетам Н.Г. Устрялова, «царь плыл не более 11 дней; он далеко оставил за собою адмирала, обогнал генералиссимуса и прибыл в Черкасск с 4 галерами, вслед за Гордоном, который отправился из Воронежа 10 днями прежде его. Остальные 4 галеры не замедлили присоединиться» (Устрялов, т. II, с. 270–271).

С. 209. *В караване этом было 77 стругов.* – Здесь и ниже при описании «среднего каравана» Толстой воспользовался сведениями из опубликованной Н.Г. Устряловым «Ведомости полкам генерала А.М. Головина в Первый Азовский поход 1695 года» (см.: Устрялов, т. II, с. 564).

...7 стругов с стрелецким Сухарева полком ~ позади – Дементьева ~ на 29 стругах... – Ср.: «...полку полковника Лаврен. Панкр. с(ына) Сухарева стрел. 930 (человек) – 7 (стругов); полку полковника Бориса Федор. с(ына) Дементьева – 906 (человек) – 5 (стругов)» (Устрялов, т. II, с. 564). Итоговое число занимаемых стрелецкими полками стругов, согласно «Ведомости полкам генерала А.М. Головина в Первый Азовский поход 1695 года», составляло 29 стругов.

Между тем, как следует из «Дневных записок» И. Желябужского, в составе войск генерала А.М. Головина во Втором Азовском походе уча-

ствовавали: «стрелецких три полка: стольники и полковники Афанасей Чюбаров, Дмитрий Воронцов, Тихон Гундерк-Марк» (*Желябужский*, с. 64).

...за ними шел Семеновский полк на 8 стругах... – Семеновский полк в «Ведомости полкам генерала А.М. Головина в первый Азовский поход 1695 года» обозначен под фамилией его первого командира, полковника Ивана (Джона) Ивановича Чемберса (Chambers John: Чамберс, Чаморс) англичанина по происхождению. Ср.: «...полку полковника Ивана Иванова с(ына) Чемберса – 938 (солдат) – 8 (стругов)» (*Устрялов*, т. II, с. 564). Полковник И.И. Чемберс (Чамберс, Чаморс) участвовал в двух Азовских походах в составе войск под командованием генерала А.М. Головина. По свидетельству И. Желябужского, «апреля в 25 день, с Воронежа пошел генерал Автомон Михайлович Головин (...), Преображенского и Семеновского полку с солдаты, а полковник у них Иван Чаморс» (*Желябужский*, с. 64).

...с казною 2 струга ~ с больными 9 стругов, за ними генеральские 2 струга... – Ср.: «Стругов: казенных 2, генеральских 2, судейский 1, духовника 1, адъютантских и дьячих 2, бомбардирских 3, Франца Тиммермана 1, дохтурский и с больными 9» (*Устрялов*, т. II, с. 564).

...13 стругов Фамендина полка ~ всех 1200. – Ср.: «...Полку полковника Юрья Андреева с(ына) Фамендина салд(ат) 1200 ч(еловек), стругов – 13» (там же).

Под фамилией полковника Юрия Андреевича Фамендина (Менгден Юрий (Георгий); Mengden Georg von) в «Ведомости полкам генерала А.М. Головина в Первый Азовский поход 1695 года» был обозначен Преображенский полк. Сведения о том, что полковником Преображенского полка в 1693–1695 гг. был «Юрья Андреев сын Фамендин» Толстой мог почерпнуть из опубликованного Н.Г. Устряловым списка «офицеров Преображенского полка из иноземцев» (там же, с. 560).

Юрий Андреевич Фамендин происходил из обрусевшей ветви лифляндского рыцарского рода.

В Преображенском полку ~ новобранцы. – Ср.: «И декабря в 13 день на Болоте кликали клич, чтоб всяких чинов люди шли в Преображенское и записывались, и шли б служить под Азов» (*Желябужский*, с. 62).

Многие холопы, жившие в Москве, воспользовались этим царским указом. По утверждению Н.Г. Устрялова, «крепостные люди толпами стекались в Преображенское и записывались частью в солдаты, частью в стрельцы» (*Устрялов*, т. II, с. 261–262). Состав будущих участников Второго похода на Азов был сформирован «из нескольких рот Преображенского и Семеновского полков, с значительной частью вновь набранных солдат, в числе 4000 человек, разделенных на 28 рот» (там же, с. 261).

Собрали их на Святках в Москве... – Указание Толстого на время сбора новобранцев – «на Святках» – возможно, связано со словами из «Дневных записок» И. Желябужского: «Декабря в 26 день, в четверг (...) сказана служба Великих Государей под Азов» (*Желябужский*, с. 61).

Святки – время от Рождества до Крещения, с 26 декабря по 4 января ст.ст.

Прежние солдаты прозвали новобранцев обросимами... – Ср.: «И по указу Великих Государей, они люди боярские, которые записывались в Преображенском, взяты в новоприбылые солдаты и стрельцы, и посланы на Воронеж под Азов (...). И прозвание им было обросимы» (*Желябужский*, с. 62). Обросимы ведут свое происхождение от слова оброснить – брить. Обросимы – те, у кого забрали лоб.

...сержант Бухвостов... – Сергей Львович Бухвостов (1659–1728) в 1683 г. первым записался в «потешное» войско Петра I и впоследствии был назначен бомбардиром в Преображенский полк. В 1694–1696 гг. Бухвостов участвовал в учениях под Кожуховом и двух Азовских походах.

Звание «сержант» Бухвостов получил в 1700 г. Участник Северной войны, он сражался при Нотебурге, Нарве, Полтаве, Гангнуте. За участие в Полтавской битве (1709) награжден медалью. Петр I, высоко ценя заслуги Бухвостова, почтил его званием «первый российский солдат».

С. 210. *Тихий голос запел: «Вы далече, вы далече... во чистом поле»...* – Ср.:

Во далече, во далече, во чистом поле,
А еще того подале во раздольице,
Тут не красное солнышко выкаталоя:
Выезжает-то удалый-добрый молодец,
Еще тот же стрелецкий атаманушка

(Песни, собранные П.В. Киреевским.
М., 1870, вып. 8, с. 18–19).

С. 211. *...это был Головин Автомон Михайлыч.* – Служебная карьера Автомона Михайловича Головина (1667–1720) началась в 1686 г., когда он вошел в число комнатных стольников царя Петра I. Участвуя вместе с Петром в создании регулярной армии, А.М. Головин в 1690 г. стал первым русским полковником (командиром) Преображенского и Семеновского полков. Возможно, успешное руководство действиями этих полков во время «потешных» маневров под селом Семеновским (1691) и селом Кожуховом (1694) явилось основанием для назначения генерала А.М. Головина одним из трех командующих русским войском (вместе с П.И. Гордоном и Ф.Я. Лефортом) в Первом Азовском походе (1695). Во Втором Азовском походе (1696) генерал А.М. Головин командовал дивизией, активно участвовавшей в осаде и взятии крепости Азов.

Начало Северной войны драматическим образом сказалось на судьбе генерала А.М. Головина. В 1700 г. он был взят в плен в сражении под Нарвой и увезен в Стокгольм. Только в 1718 г. генерала А.М. Головина обменяли на шведского генерал-фельдмаршала графа К.Г. Реншильда. В 1719 г. А.М. Головин вернулся в Россию и вскоре был награжден орденом св. Андрея Первозванного.

Автомон Михайлович Головин – родной брат прапрапрадеда Толстого, Ивана Михайловича Головина, двоюродный брат Федора Алексеевича Головина.

С. 212. ...видна была фигура на корабле: половина человечья ~ с рыбьим хвостом... — Возможно, речь идет о фигуре морского бога Главка, которого изображали в виде старика с длинной бородой и рыбьим хвостом.

С. 213. ...молодой красавец денщик царский... — А.Д. Меншиков.

...посмотреть водолазную собаку... — Называя Щепотева «водолазной собакой», денщик Петра иронически сравнивает его со специально выведенными водяными служебными собаками, умеющими хорошо плавать, нырять, подавать предметы с воды.

...на корабль лез генерал Головин и царь ~ показал на одного из своих: «Иван тут!» — Иван Михайлович Головин (1672–1737), любимый денщик Петра, сопровождал его во Втором Азовском походе. В марте 1697 г. И.М. Головин выедет вместе с Петром I в составе Великого посольства в Европу, где будет обучаться корабельному делу в Голландии и Венеции. Впоследствии Головин — адмирал, обер-сарваер (главный кораблестроитель флота), генерал-криг-комиссар флота, командир галерного флота. Прапрапрадед Толстого и прапрадед А.С. Пушкина.

На ногах были царь и З(отов). — Зотов Никита Моисеевич (ок. 1645–1718) — первый учитель Петра I, обучивший его чтению и письму.

〈АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ〉

〈ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЯТОГО НАЧАЛА〉

С. 214. ...Федор Алексеич. — Ф.А. Головин.

С. 215. Государь-то с Автоном Михайлычем занят... — Речь идет об Автомоне Михайловиче Головине. См. о нем на с. 584.

...отстал генерал Головин ~ с братом. — Братья А.М. и И.М. Головины.

С. 216. ...кушак... — Кушак — пояс или опояска, широкая тесьма либо полотнище ткани, иногда с бархатом по концам, для обвязки человека в перехват, по верхней одежде.

...я ее грозить (?)... — Угрожать, страшать, пугать, давать острастку.

〈АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ〉

〈ШЕСТОЕ НАЧАЛО〉

С. 217. 7205 года ~ государь Петр Алексеевич изволил тешиться. — Данное описание потешных забав Петра I по случаю взятия Азова почти дословно совпадает с описанием этих забав в «Дневных записках» Желябужского. Ср.: «И февраля в 13 день, в субботу, на Сырной неделе, у Красного села на пруде, сделан был город Азов, башни, и ворота, и каланчи, были нарядные, и потехи были изрядные, и Государь изволил тешиться» (Желябужский, с. 105).

1725 год по летоисчислению «от сотворения мира» соответствует 1697 году по летоисчислению от Рождества Христова.

Сырная неделя – Сырная седмица или Масленица – неделя перед началом Великого поста.

Красное село – подмосковное дворцовое село. Было обустроено и названо по живописности места Красным, то есть Красивым, при великом князе Василии III Иоанновиче (1479–1533). В XVII–XVIII вв. в Красном селе находился государев Красносельский дворец. Петр I любил это село, лежавшее поблизости от дворцового села Преображенского и Немецкой слободы. При Екатерине II Красное село вошло в черту Москвы, сохранив память о себе в наименовании улиц (Верхняя, Нижняя, Малая Красносельские улицы), шести переулков (1-й, 2-й, 3-й... 6-й Красносельские переулки) и тупика (Красносельский тупик).

Торжества по случаю взятия турецкой крепости Азов были устроены спустя полгода после того как русские войска во главе с Петром I овладели Азовом 19 июля 1696 г. во время Второго Азовского похода. Капитуляции турецкого гарнизона крепости предшествовала месячная осада Азова русскими войсками с суши и моря. В результате взятия Азова Россия получила выход в Азовское море.

...*потеха на Красном пруде*... – Красный пруд – один из древнейших подмосковных прудов – находился между современным Ярославским вокзалом и Верхней Красносельской улицей. Первоначально название – Великий пруд – встречается в летописях с 1423 г. Изменение названия произошло позднее, когда село, расположенное к северу-востоку от пруда, получило название Красное село. Первоначальная площадь Красного пруда составляла 23 гектара. Пруд походил на озеро, изобиловал рыбой, блистал «зеркальной чистотой», по пруду плавали огромные стаи уток. К концу XIX в. площадь пруда сократилась до 9 гектар, а в 1910 г. пруд был засыпан.

У Тверской заставы... – Застава – место проверки грузов, ввозимых в город. Называлась по дорогам или близлежащим местностям и монастырям. Территория перед заставой обычно не застраивалась и постепенно превращалась в городскую площадь, которая традиционно также называлась заставой. Тверская застава находилась в районе нынешней площади Белорусского вокзала.

...*на чалом ~ мерине*... – Чалый – серый, с примесью другой шерсти. Чалой называют и одношерстную белохвостую лошадь. Название «мерин» в XVI и XVII вв. применялось по отношению к лошадям русской породы. Об особенностях этой породы можно судить по описанию Маржерета: «Лошади русские называются *меринами*: они малорослы, но крепки, особенно из окрестностей Вологды» (*Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 г.* СПб., 1830, с. 59).

С. 217–218. ...*два мужика из села Покровского. Мужики эти были два брата Посошковы, Роман и Иван.* – Речь идет о крестьянах Романе Тихоновиче и Иване Тихоновиче Посошковых, уроженцах подмосковного дворцового села Покровское-Рубцово. Братья Посошковы происходили из семьи потомственных ювелиров-серебряников. Один

из братьев – Иван Тихонович Посошков (1652–1726) – талантливый писатель-самоучка, первый русский экономист, автор «Книги о скудости и богатстве» (1724), ревностный сторонник Петра, поборник его экономических реформ. Судя по тому, что братья Посошковы въехали в Москву через Тверскую заставу, Толстой предполагал, что они были жителями села Покровское-Подъяелки, принадлежавшего боярину Р.М. Стрешневу и его потомкам. Со временем вторая часть названия села – Подъяелки – поменялась на Стрешнево. Село Покровское-Подъяелки (Стрешнево) располагалось недалеко от деревни Ивановское и села Тушина (ныне – пересечение Ивановского и Волоколамского шоссе).

С. 218. ...ехали в Москву к ~ отцу Авраамью, строителю Андреевского монастыря. – Сведения о знакомстве братьев Посошковых с отцом Авраамием, игуменом и строителем московского Андреевского монастыря, Толстой почерпнул из 14-го тома Истории С.М. Соловьева, где впервые были изложены обстоятельства ареста и осуждения Авраамия и его единомышленников (см.: *Соловьев*, т. 14, с. 242–243). Поводом к их аресту послужили тетради старца, которые Авраамий передал царю Петру в конце 1696 или самом начале 1697 года. В этих тетрадях содержалась резкая критика поведения царя Петра, обличались злоупотребления и произвол приказных служителей. Открыто указывая царю, что именно в его поведении не устраивает народ, Авраамий, в частности, писал: «В народе тужат многие и болезнуют о том: на кого было надеялся и ждали, как великий государь возмужает и сочтается законным браком, тогда, оставя младых лет дела, все исправит на лучшее; но, возмужав и женясь, уклонился в потехи, оставя лучшее, начал творити всем печальное и плачевное» (*Соловьев*, т. 14, с. 242). Под «печальным и плачевным» Авраамий подразумевал крутой нрав Петра, его безмерное упрямство, непослушание, пренебрежение к советам матери и жены, увлечение военными играми, строительством кораблей и морскими походами, которые, по мнению старца, отвлекали царя от управления государством, не позволяли ему уделять достаточное внимание приказным делам и выбору приказных судей. Последнее обстоятельство, по мнению Авраамия, способствовало развитию взяточничества, волокиты и других злоупотреблений со стороны приказных служителей, которые «губят государство нагло, судят неправедно». «Непригожим» казалось Авраамью и то, что «в триумфальном входе в Москву, после взятия Азова, царь шел пешком, а Шеин и Лефорט ехали» (там же, с. 243).

По-видимому, 7 января 1697 г. по указу царя Петра Авраамий был арестован, доставлен в Преображенский приказ, где был допрошен и подвергнут пыткам. После пыток Авраамий назвал братьев Посошковых среди своих друзей и собеседников, «прихаживавших» к нему в келью Андреевского монастыря: «...села Покровского крестьяне Ивашка да Ромашка Посошковы» (там же). И.Т. Посошков на допросах, признав, что «Авраамий знакомцем ему учинился третий год» (*Соловьев*, т. 14, с. 243), заявил, что, «никаких слов, что в тетрадях написано, не говаривал» (там же). Авраамий подтвердил, что «Посошков действительно ничего не говорил» (там же). Братья Посошковы были оправданы, а старец Авраамий был сослан в Голутвин монастырь под Коломной.

Слово «хлебоедец» заимствовано Толстым из приведенного С.М. Соловьевым высказывания старца о своих друзьях: «...друзья ему и хлебоядцы давные» (там же, с. 242). Хлебоядцы, хлебоестцы – взаимные хлебосолы.

Андреевский монастырь был основан в 1648 г. Ф.М. Ртищевым на правом берегу реки Москвы. Называя Авраамия строителем Андреевского монастыря, Толстой опирался на С.М. Соловьева: «монах Авраамий, бывший {...} строителем в московском Андреевском монастыре» (там же, с. 242).

По-видимому, Авраамий принимал участие в строительстве надвратной церкви Андрея Стратилата в Андреевском монастыре, которое завершилось в 1675 г.

Десятский... – полицейский служитель, по наряду от жителей.

А нынче дни прощены. – Последнее воскресенье перед началом Великого поста именуется Прощеным: в этот день в храмах вечером совершается особый чин прощения, а верующие, готовясь к Великому посту, по древней традиции просят друг у друга прощения.

〈СЕВЕРНАЯ ВОЙНА〉

〈ПЕРВОЕ НАЧАЛО〉

С.219. *В 1708 году Пасха приходилась 〈4〉 апреля.* – В подготовительных материалах к роману о Петре сохранились заметки Толстого о датах празднования Пасхи в 1708 (4 апреля), 1709 (22 апреля), 1698 (24 апреля) гг. (см.: *Юб.*, т. 17, с. 443).

...на Страстной еще начали пахать. – Страстная седмица – последняя неделя перед Пасхой, посвященная воспоминаниям о страстях Господних.

Ржи вскрылись из-под снега... – Речь идет о посевах озимой ржи, которую высевают в августе, чтобы к холодам успели появиться густые и сильные всходы, способные перезимовать под снегом и дать хороший урожай на следующий год.

...без вымочек. – То есть без промокших под снегом всходов, так как вымочка – то, что вымокло.

...пчела ~ носила уже поноску. – Поноска – взятки пчелы.

В Чистый четверг... – То есть в четверг Страстной седмицы, который именуют также Великим Четвергом.

...молодой мужик Василий, Меньшовской барщины... – То есть крепостной крестьянин, принадлежавший помещику Меньшому Михаилу Трофимовичу, жившему в начале XVIII в. в Ясной Поляне, и отрабатывающий феодальную повинность работой в помещичьем (барском) хозяйстве, прежде всего в поле.

...из Воздремы... – Воздрема – деревня в 10 верстах (10,6 км) от Ясной Поляны.

...под засекой. – Засака – инженерное оборонительное заграждение из деревьев, применявшееся славянами для защиты от противника с древнейших времен. Засаки устраивались из целиком срубленных деревьев, поваленных одно около другого, или крест-накрест вершинами и сучьями наружу. Вершины прижимались к земле рогулками или кольями. Обычно засеки переплетали колючей проволокой. В XVI–XVIII вв. засеки служили основой для устройства засечных черт на южной и юго-восточной границах Русского государства в качестве защиты от нападения татар и исходного рубежа для наступления против них.

...услыхал о приезде Крапивенского воеводы... – Крапивна – уездный город в Тульской губернии.

Воевода – административное лицо, возглавлявшее гражданское и военное управление городом и уездом.

Дядя Савелий ~ был сват Васильеву отцу Анисиму... – Сват – здесь: родитель невестки, жены сына.

...нашел своих у Черного верха. – Черный верх – овраг вблизи Ясной Поляны.

С 1705 по 1708 (год) было 5 наборов солдат ~ с 5 наборов должно было сойти ~ 6 человек... – Согласно указу Петра I от 20 февраля 1705 г. русская армия должна была комплектоваться за счет ежегодных рекрутских наборов податных сословий (крестьян, мещан и т.д.). Раскладка рекрутской повинности проводилась по числу тяглых дворов в соответствии с установленной нормой: 1 рекрут с 20 тяглых дворов. В 1705–1708 гг., когда Россия вела Северную войну со Швецией и нуждалась в пополнении армии, были назначены дополнительные рекрутские наборы. Так, например, в 1705 г. рекрутские наборы проводились трижды: в январе, феврале и декабре. Следующие рекрутские наборы назначались в марте 1706 г., в 1707 и 1708 г.

Наряду с рекрутскими наборами в армию в это же время производились и наборы рабочих, которые направлялись на Олонецкую верфь в Шлиссельбург и на строительство Санкт-Петербурга.

С. 220. ...Бабоедиха... – Бабоедиха – прозвище Бабоедовой Анны Федоровны, помещицы, жившей в Ясной Поляне в первой половине XVIII в. Здесь и далее Толстой приводит подлинные фамилии помещиков, живших в Ясной Поляне в то время. Сведения о них Толстой извлек из копии «рописи Крапивенского уезда села Кочевов церкви {...} о состоящем при оной церкви в приходе нижеименованных чинов людям с оставлением против каждого имени о бытии в нынешнем 1740 г. у исповеди». Ропись была прислана писателю тульским архиепископом Никандром (Юб., т. 17, с. 655–656).

...Василий Лукич Карцов... – Василий Лукич Карцов – воевода, помещик, первый владелец Ясной Поляны. Об интересе Толстого к личности В.Л.Карцова свидетельствует рукопись с пометами писателя, сохранившаяся в его архиве: «Родословная Карцовых, владеющих Ясной Поляной, Крапивенского (бывшего Соловского) уезда с 1736 по 1746 г. и краткая записка о переходе той деревни в род Карцовых» (Юб., т. 17, с. 656).

А.Ф. Бабоедова и В.Л. Карцов были самыми крупными владельцами крепостных крестьян в Ясной Поляне. Так, у А.Ф. Бабоедовой было 29 дворовых людей и 76 крестьян, а у В.Л.Карцова – 10 дворовых людей и 65 крестьян (Юб. т. 17, с. 655).

... было в недоимке. – Недоимка, то, что не додано, не взыскано, то, что осталось за кем-то в долгу.

...с Абремовой взять было нечего... – Абремовой Толстой именуется Татьяна Григорьевну Обрезкову (Абрескову), помещицу, жившую в Ясной Поляне в первой половине XVIII в. Искажение ее фамилии было допущено переписчиком в упомянутой выше росписи жителей Ясной Поляны и воспроизведено писателем в комментируемом тексте: «Татьяна Григорьева дочь, Ивановская жена Абремова, крестьян 4» (Юб. т. 17, с. 655).

Из пяти помещиков, живших в начале XVIII в. в Ясной Поляне, Т.Г. Абремова была, судя по росписи, самой малоимущей по числу принадлежавших ей крепостных крестьян: их у нее было четверо (Юб. т. 17, с. 655).

...с Дурновской и Меньшовской тогда взяли двух... – По-видимому, речь идет о помещице, значившейся в росписи жителей Ясной Поляны как: «вдова Аксинья Григорьева дочь, Михайловская жена Дурного». (Юб. т. 17, с. 655), владелица 17 крепостных крестьян (там же).

Помещик М.Т. Меньшой был владельцем 28 крепостных крестьян: «Михайло Трофимов Меньшой, крестьян 28» (там же, с. 655–656).

Рассчитывали мужики, что беглых возьмут, да за укрывательство передерут всех... – В связи с побегам рекрутов от службы царские указы угрожали смертной казнью как самим беглецам, так и тем, кто их укрывал, не доносил на них, не способствовал их поимке. Но поскольку беглых было очень много и казнить всех не было возможности, приняли за правило: из трех пойманных одного казнить, а двух бить кнутом и ссылать на каторгу.

Земля тогда вся была чересполосная... – Чересполосица – расположение неразмежеванных помещичьих и крестьянских земель, когда уголья одного владельца вклинивались в уголья другого, что вызывало большие споры. Начатое еще во второй половине XVI в. размежевание земель замедлялось из-за личных амбиций и хозяйственных соображений владельцев.

〈СЕВЕРНАЯ ВОЙНА〉

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

С. 220. *Деревня Ясная Поляна ~ принадлежит мне...* – Л.Н. Толстой вступил во владение деревней и именем Ясная Поляна в 1847 г. по раздельному акту с братьями и сестрой. До него Ясной Поляной владели: его мать княжна М.Н. Волконская, его дед кн. Н.С. Волконский, его прадед кн. С.Ф. Волконский, купивший часть Ясной Поляны у купца Поздеева. Во владение семьи Толстых Ясная Поляна перешла после женитьбы графа Н.И. Толстого на княжне М.Н. Волконской в июле 1822 г.

...в 1709 году, в самое бурное время царствования Петра I-го... – Центральным событием 1709 г. стало генеральное сражение в ходе Северной войны между русской и шведской армиями, произошедшее 27 июня под Полтавой. В результате этого сражения шведская армия была полностью разгромлена, а шведский король Карл XII бежал под покровительство турецкого султана. Однако в данном случае Толстой, по всей видимости, имел в виду не только Полтавскую битву, но и вспыхнувшее в октябре 1707 г. на Дону крестьянско-казацкое восстание (1707–1709) под предводительством К.А. Булавина, измену гетмана Украины И.С. Мазепы, перешедшего в октябре 1708 г. на сторону вторгшихся на Украину шведов, губернскую реформу, осуществление которой началось в конце 1708 г., и другие события того времени.

...две реки – Ясенка и Воронка... – Реки, протекающие близ Ясной Поляны.

...бучилы... – Бучило, бучало – пучина, водоворот, омут.

Заповедная казенная засека ~ окружает землю Ясной Поляны... – Возведение Большой засечной черты от Рязани до Тулы началось вскоре после сожжения Москвы крымскими татарами в 1571 г., когда Иван Грозный принял решение об укреплении южных границ «для бережения Московского государства». Позднее Тульские засеки были обращены в казенные леса.

...заруба... – Завал в лесу, засека, военное укрепление.

...одна старая, обрезанная на 30 сажень и усаженная ветлами по плану Аракчеева... – Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – граф, военный министр и начальник военных поселений, самый влиятельный царедворец при Александре I. Под «планом Аракчеева» Толстой, по-видимому, имел в виду «Правила для усовершенствования и поддержания благоустройства дорог», составленные в середине 1824 г. «Правила» эти определяли виды дорожных работ, технологию их осуществления. Так, например, посадка деревьев вдоль дорог должна была осуществляться во время «весенних работ», в период с 1 по 5 мая. В это же время предписывалось приводить в порядок деревья, посаженные ранее.

СТО ЛЕТ

Впервые: *Юб.*, т. 17, с. 216–244, кроме отрывка, озаглавленного «Сто лет», напечатанного впервые в «Яснополянском сборнике. 1988», с. 32–35.

Рукописный фонд составляет 82 листа.

Печатается по автографу.

Сохранилось девять рукописей, объединенных общими героями, изображенными событиями, временем действия (в четырех отрывках 1723 г., в одном 1721) и местом действия (Мценский уезд). В *Описании* рукописи помещены в составе (Романа из времени Петра I) (рук. 26–30, 32–34). Название «Сто лет» присутствует только в самом первом по вре-

мени создания отрывке. Еще один озаглавлен «Корней Захаркин и брат его Савелий». Остальные названий не имеют. Один из отрывков датирован Толстым: «1879 февраль 16».

К работе над романом Толстой приступил, по-видимому, в начале 1879 г. и писал его либо одновременно с незавершенным романом «Труждающиеся и обремененные», либо сразу по оставлении этого замысла. Произошло это не позднее конца марта 1879 г., но могло случиться и раньше.

Рукопись, датированная Толстым, не является самым ранним вариантом начала романа «Сто лет». Возможно, работа над ним была начата в первой половине февраля, когда Толстой остро чувствовал нехватку достоверных исторических сведений о семье Горчаковых для продолжения «Труждающихся и обремененных». В одном из вариантов «Ста лет» есть эпизод, текстуально совпадающий с эпизодом из «Труждающихся и обремененных» – описание того, как обихаживает новорожденного ребенка мать: «Постелив соломки на лавку, Марфа положила на нее сына, достала из чугуна воды, стростила ее с холодной в ведерке и вымыла сына, потом достала из сундучка рубаху чистую и занавеску и полотна старого, завернув в него мальчика с ногами, села на рундук перед печью и стала кормить его» («Сто лет»). «Принеся домой, она положила его на печку и повила, потом достала чугуна с теплой водой, стростила воду, подложила на лавку соломки, вымыла мальчика, оправила ему пуповину и положила к груди» («Труждающиеся и обремененные»). В обоих произведениях при описании того, как мать повивает ребенка, использовано диалектное слово «ниченка»: «...достала рукою конопельку, смяла ее между ногтей, отбила кострику, ссучила, послонявила ниценку и, как она много раз видала, перевязала пупочек раз и два...» («Сто лет»); «...пуповина, видно, недавно откушена и завязана ниценкой из рубахи» («Труждающиеся и обремененные»).

Наиболее ранней рукописью, с которой началась работа над романом, по-видимому, является вариант под названием «Сто лет», после которого обозначено: «1 часть. 1 глава. Рождение Ивана» (в *Описании* рук. 28; в наст. изд. (Первое начало)). Это пять с половиной страниц текста, конспективные записи на обороте двух листов – второго и третьего – и одна страница с двумя небольшими фрагментами, представляющими собой варианты фраз из начала повествования. Текст подвергался очень значительной правке как в процессе писания, так и при последующей обработке. Обилие поправок, непоследовательность в вычеркивании и замене отдельных слов и частей фраз нарушает довольно часто связность изложения. Многие невозможно прочитать из-за поврежденного левого края листов, неаккуратно вырезанных из тетради. Поэтому рукопись была сочтена неудобной для печати и не вошла в т. 17 *Юб.* изд. Однако, если отвлечься от стилистических огрехов, то можно увидеть, что этот первоначальный текст уже включает в себя все основные идеи, характеры, положения, повторяющиеся или так или иначе варьирующиеся в других отрывках, относящихся к замыслу романа «Сто лет».

Действие происходит, как указано в самом начале, в 1723 г., в Черском уезде. Главное событие – рождение первого сына у бедного «одинокого» мужика Онисима. Одиноким он был в том смысле, что после того, как умер его отец и в тот же год пропал без вести младший брат, он остался единственным работником в доме. Ему помогали мать Кириловна и жена Марфа, за 14 лет супружества родившая шесть девочек, три из которых умерли.

Имя Онисим, начиная с третьей страницы, Толстой поменял на Дмитрия, проведя соответствующую правку на первой странице, но не сделав этого на второй, где герой по-прежнему носит имя Онисим. В нижнем слое рукописи указано, что село принадлежало князю Вяземскому. Это же село изображалось в «Труждающихся и обремененных».

Много места в главе отведено подробному описанию внешности и характера героя. Точно указан его возраст – 35 лет, а также возраст трех его дочерей. Время действия – Успенский пост. В ночь с воскресенья на понедельник Дмитрий пасет лошадей в ночном, утром возвращается домой и собирается ехать с женой в поле за снопами. Он боится, что жене придет время родить и она не сможет ему помочь, и опасается, что снопа родится девочка. Толстой скрупулезно выписывает детали крестьянского быта и подробности действий героев. Повествование обрывается, когда Дмитрий и Марфа готовы отправиться в путь, на реплике матери: «Выдвигай лошадей». Последняя часть эпизода подверглась большой правке и была фактически написана заново поверх первоначального текста.

Вопрос о том, какой вариант был следующим, не может быть решен однозначно. Это мог быть небольшой отрывок, начинающийся словами: «156 лет тому назад» (в *Описании* рук. 32; в наст. изд. ⟨Третье начало⟩), целиком посвященный описанию родов, но мог также быть и большой по объему текст, имеющий, как и самый первый вариант, обозначение «I часть. I глава» и во многом перекликающийся с ним (в *Описании* рук. 28; в наст. изд. ⟨Второе начало⟩). Во ⟨Втором начале⟩ основному повествованию предшествует «Конспект», начинающийся с «Предисловия», в котором кратко изложена философская проблематика будущего романа. Ее основной мотив: «Страх смерти отбивает охоту жизни». Спасение или в том, чтобы отдался страстям и забыть о смерти, или в том, чтобы найти «в жизни смысл, не уничтожаемый смертью». В борьбе между этими двумя «направлениями воли» Толстой видел «весь смысл и интерес как всякой частной жизни, так и жизни народов». Эту идею он решил положить в основу своего романа: «Хочу описать эту борьбу за 100 лет жизни русского народа. Для этого буду описывать жизнь многих людей разных положений». Заявив, что «в числе этих лиц будут лица исторические, правительственные, цари, управители», Толстой, однако, первую главу первой части романа начал с описания жизни крестьянской семьи.

Новый вариант во многом основан на материале ⟨Первого начала⟩. Действие происходит в том же 1723 г. В центре внимания семья оди-

ногого мужика Онисима Маркова, живущего с матерью Кириловной и женой Марфой, рожающей ему только дочерей. Назван тот же срок его одинокой жизни – 8 лет. Селом владеет князь Вяземский. На протяжении всего текста имя Онисим перемежается с Дмитрием, Митюхой. Сцена в ночном отсутствует, но сказано, что Онисим в тот день, когда у него родился сын, приехал из ночного. В близких чертах, хотя и не так подробно, как в первом варианте, описаны внешность и характер Онисима. Кроме пропавшего младшего брата, говорится еще о старшем, отданном в солдаты. По ходу сюжета происходят те же события обыденной жизни крестьянской семьи (бабы ставят хлебы, Марфа отворяет приехавшему мужу ворота, они собираются ехать в поле и т.д.), но все подробности опущены. Из дочерей остались две – Машка и Дунька. Сосед и кум Онисима Василий стал называться Нефедом. Действие значительно продвинулось вперед: описана работа Марфы и Онисима в поле, муки беременной Марфы, вторая поездка за снопами Онисима с матерью, их разговор, коротко, без подробностей сказано о родах, больше внимания уделено приготовлению к крещению ребенка. Текст обрывается на том месте, где Онисим–Дмитрий перед поездкой к попу просит соседа быть крестным ребенка и отправляется с той же просьбой к куме. Большая роль в этом варианте отведена старухе матери, она является главным участником почти всех диалогов.

Отрывок отличается стилистической стройностью и обработанностью, если не считать путаницы с именем главного героя. Написан он, несомненно, до 16 февраля 1879 г., так как этим числом помечен фрагмент (в настоящем изд. *«Четвертое начало»*), подробно развивающий идеи, кратко изложенные в *«Конспекте»*, но следовали ли они непосредственно один за другим, сказать невозможно. Значительный объем и философская насыщенность текста, который должен был стать предисловием к роману, заставляют предположить, что он не был создан за один день, которым помечен. Предисловие написано в форме прямого, очень эмоционального обращения Толстого к читателю. Это не абстрактный автор, не образ, созданный писателем, а сам Толстой с фактами его биографии (*«Везде, всегда, сколько я видел и понимал в моей 50-летней жизни...»*), с его сомнениями и страхами, с его конкретными намерениями: *«И об этой борьбе между похотью и совестью отдельных лиц и всего русского народа я хочу написать то, что я знаю»*.

В полном соответствии с более ранним *«Конспектом»* *«Четвертое начало»* (в *Описании рук.* 29) делится на две части. В первой, философской, Толстой ставит вопрос о путях преодоления человеком страха смерти, о поисках смысла жизни, о необходимости веры. Вторая рассказывает о намерениях писателя, задачах, которые он перед собой ставит, и путях их решения. В первую очередь он провозглашает принцип объективности: *«Судить людей я не буду»*. Затем очерчивает круг героев, среди которых предполагаются как лица частные, так и лица государственные. Толстой особенно настаивает на своей принципиальной не-

зависимости от уже существующих суждений при обрисовке исторических лиц и просит читателей также отвлекаться от них и только следить вместе с автором за этими людьми «в их борьбе между похотью и совестью», важная роль которой была обрисована в философской части предисловия: «В этой борьбе всегда и везде выражается жизнь и человека и народов». (Четвертое начало) интересно прежде всего тем, что в нем Толстой методом от противного по пунктам излагает свою концепцию исторического романа, противостоящую исторической науке, которую он называет мнимой. Толстой не согласен с тем, что историки предъявляют правителям государств совсем не те требования, которые прилагаются «всеми людьми ко всем людям». Таким образом, целью Толстого в задуманном романе о столетней истории жизни России было осуществить единый нравственный подход к людям самых разных социальных положений.

Сохранившаяся рукопись отражает сложный процесс работы Толстого над текстом предисловия. Помимо больших вставок на полях, он менял последовательность изложения, переносил уже написанные фрагменты в другое место. Много из первоначального текста было вычеркнуто или заменено. Правка носила смысловой, а не стилистический характер. Как и другие отрывки из романа «Сто лет», предисловие осталось незавершенным.

Еще один отрывок, начинающийся словами «156 лет тому назад» ((Третье начало)), тесно связанный с первой, самой необработанной рукописью этого романа, мог быть написан сразу после предисловия или непосредственно перед ним. Он развивает сюжет первой главы отрывка под названием «Сто лет» и мог бы рассматриваться как ее продолжение, если бы не зачин, делающий его самостоятельным фрагментом: «156 лет тому назад в царствование Петра I у крестьянина села Вяземского Чернского уезда родился ребенок – мальчик». С первым вариантом рассматриваемый текст объединяет время действия (1879 – 156 = 1723 г.), упоминание Чернского уезда, имена героев – Онисима, его матери Кириловны, жены Марфы, дочери Дуньки и Машки, обстоятельства: семья спешит вывезти с поля последнюю рожь. Есть переклички и с предыдущим рассмотренным текстом. Это дополнение к году – «в царствование Петра I», которого не было в самой ранней рукописи, а также характерная психологическая деталь: когда закончились роды, Марфа «крестилась на восток, благодаря Бога за то, что он скоро простил ее». В большом отрывке, где нет изображения родов, эта деталь использована в качестве своеобразного эвфемизма для их обозначения: «Увидав, что Бог простил уже ее, старуха взялась за дело, повела ребенка...».

В трех рассмотренных сюжетных приступах к роману существует единый круг основных героев с постоянными именами. Колебания наблюдаются только в имени главного героя: Онисим и Дмитрий в самом раннем варианте, то же в следующем – с добавлением фамилии Марков, Онисим Федорович Петров – в третьем. Почти не различаются и изложенные в них жизненные истории. Сохранился еще один сюжетный отрывок с примыкающим к нему вариантом другого его начала (в *Они-*

сании рук. 34 и 33; в наст. изд. соответственно (Пятое начало) и (Шестое начало)). В (Шестом начале) рождение героя приурочено не к 1723, а к 1721 г. Родится он в вотчине не Вяземского, а Гагарина, и ему дано имя Онисим, которое в первых трех отрывках принадлежало его отцу. Прервав это начало, состоящее всего из трех фраз, но насыщенное информацией (в нем фигурируют дед Онисима и гагаринский приказчик Платон Беркут, который увез деда с собой в Петербург), Толстой начал новый текст ((Пятое начало)), главным содержанием которого является описание раннего детства Онисима Иванова Бодрова. О том, что это был совершенно новый приступ к роману, свидетельствует также первый номер в обозначении главы. Этот вариант отличается от предыдущих содержанием, проблематикой и не столько составом действующих лиц, сколько их ролью в сюжете. Сюжет предыдущих вариантов строился на ожиданиях наследника, будущего помощника в семье, где до сих пор рождались одни девочки. Здесь Онисим – старший сын. Главными действующими лицами были до этого крестьянин и его жена. В (Пятом начале) главный герой – ребенок, а основное содержание – его отношения с бабушкой, приобщающей его к Богу. Эта тема самым непосредственным образом связывает новую главу с идеями предисловия, в то время как в предыдущих вариантах такая связь не просматривалась. Рассказ о том, как бабушка учит ребенка молиться и соизмерять все свои поступки с тем, угодны ли они Богу, как будто служит иллюстрацией к следующему месту из предисловия: «...известное объяснение смысла нашей жизни, – такого, который не разрушается смертью, – передается нам вместе с нашим ростом и воспитанием. Объяснение это называют верой именно потому, что оно передается от одного поколения к другому в детском, юношеском возрасте – на веру. Оно не доказывается, не объясняется, потому что ребенку нельзя доказывать и объяснять, а передается как истина – плод несомненного знания, имеющего сверхъестественное происхождение».

Варианту с главным героем Онисимом Ивановичем Бодровым и обозначенной первой главой мог предшествовать отрывок, в котором Толстой перешел от описания жизни крестьян к описанию жизни помещиков того же села Вяземского (в *Описании* рук. 30; в наст. изд. (Седьмое начало)). Он выглядит не как еще один вариант начала романа, а как продолжение и начинается словами: «В то время как родился в Вяземской [слободе] Иван Онисимов, самое Вяземское и все его обыватели перешли к другим помещикам». Здесь имя героя еще не изменено и соответствует самому раннему варианту, где первая глава первой части называлась «Рождение Ивана», а отец ребенка носил имя Онисим, исправленное кое-где на Дмитрий. Как и в (Третьем начале), упоминается дата 3 сентября.

Героями (Седьмого начала) выступают исторические лица. Упомянутся царь Петр Алексеевич, императрица, Ф.М. Апраксин, в первоначальном варианте также – Меншиков. В центре княгиня Настасья Федоровна Горчакова, урожденная Баскакова и ее младший сын Иван. Известно, что в это время Толстой пристально интересовался представителями рода Горчаковых в связи с работой над романом «Труждаю-

щиеся и обремененные», в котором промелькнули и Баскакова-Горчакова, и ее старший сын Роман. Среди рукописей обоих романов сохранились вычерченные Толстым схемы рода Горчаковых. Толстой стремился к максимальной исторической точности и хотел знать о своих героях все. Роман «Труждающиеся и обремененные» был оставлен из-за того, что не удалось разыскать в архивах судебное дело В.Н. Горчакова. В романе «Сто лет», судя по переписке Толстого, значительную роль должно было играть дело обер-фискала Нестерова, которое упомянуто здесь в связи с основной интригой начатой главы. Ссора Баскачихи с мценским воеводой князем Вяземским привела к тому, что он забрал и представил в Москву ее младшего сына Ивана, отлынивавшего от службы. Из Москвы его отвезли в Петербург и посадили в тюрьму. Мстя за сына, Баскачиха написала на Вяземского донос, вывела на свет такие его дела, что «запутала его в деле, которое велось тогда об обер-фискале Нестерове», а сама отправилась в Петербург хлопотать через влиятельных при дворе людей за сына. В первоначальной редакции отрывка (см. т. 9 второй серии) Баскачиха попадала на празднование мира со Швецией в саду Меншикова, несколько раз видела там царя, но не решилась подойти к нему. Сообщалась точная дата этого приема – 3 сентября, а также было названо 2 сентября, когда царь со всеми гостями был у Федора Матвеевича Апраксина, покровителя Баскачихи. Была упомянута поездка Петра «в море с кораблями», из которой он вернулся в начале сентября. Таким образом, пространство романа, в котором до этой главы речь шла только о крестьянах, существенно расширилось, и в него входили государственные деятели и другие исторические личности, объективно описать которые Толстой обещал в предисловии.

Сразу после написания эта часть текста была зачеркнута и создан новый вариант поездки Баскачихи в столицу, более подробный. Глава обрывается на описании въезда обоза Баскачихи из четырех повозок на Новый прешпект в Петербурге, где с ним «случилась беда». Дорогу обозу преградил верховой солдат с криком: «Сворачивай, не велено!» Интересно, что Толстой не смог до конца «одеть» его. Он был «в синем кафтане и красн...». Многоточие в автографе означало, что Толстому не хватало сведений о военной форме того времени, которую он привык описывать со скрупулезной точностью, о чем говорят его разыскания в период работы над «Романом из времени Петра I» в 1872–1873 гг.

С замыслом романа «Сто лет» тесно связаны еще две рукописи – одна под заглавием «Корней Захаркин и брат его Савелий» (в *Описании* рук. 26; в наст. изд. (Восьмое начало)); другая – без названия, но близкая по содержанию к первой, представляет собой копию рукой неизвестного переписчика с правкой Толстого и большими фрагментами, вписанными им не только на полях, но и между страницами копии (в *Описании* рук. 27; в наст. изд. (Девятое начало)). Копия была сделана с неизвестной рукописи и в первых двух третях текста подверглась большой правке. Последние пять страниц и несколько строк на шестой с одним словом, не разобранным и пропущенным переписчиком, Толстой совсем не правил. Повернув эту последнюю страницу поперек, он на-

чертил условную схему трех родов, исходящих из одной общей точки и потом разветвляющихся, и обозначил их буквами Р, Г и Т. Ниже он сделал заголовок «В 1720» и под ним перечислил ряд исторических лиц, которые должны были, вероятно, стать героями создававшегося романа. Среди них представители трех родов, обозначенных на схеме: П(етр) А(ндреевич) и Ив(ан) П(етрович) Толстые (без фамилии), Горчакова Наст. Фед., ур. Баскакова, ее сыновья Иван и Роман, Рябины (со знаком вопроса) Александр Петрович, Петр Иваныч, Иван Степ(анович). У большинства названных лиц указан возраст. Кроме них в списке Прасковья Ивановна Троекурова, жена И.П. Толстого¹, и ее отец Иван Иванович Троекуров, Щетинин Иван (недоросль и его отец), Григорий Федорович Морткин и его дочь Татьяна. Последняя, прапрабабка Толстого, играла видную роль в романе «Труждающиеся и обремененные». Толстой долго не мог узнать ее настоящие имя и отчество и выяснил это только в конце марта. В письме И.Н. Николаева к Толстому от 23 марта 1879 г. сообщались ее имя и имя ее отца. Таким образом, запись на последней странице копии не могла быть сделана раньше этой даты.

По содержанию и персонажам рукопись «Корней Захаркин и брат его Савелий» продолжает и развивает более ранние варианты романа «Сто лет». Начало действия опять приурочено к 1723 г. Место действия – Мценский уезд, но уже не село Вяземское, а деревня Сидорова. Главный герой получил другое имя, но обстоятельства его жизни, состав семьи, имя жены – Марфа остались прежними. Он все тот же одинокий мужик, с трудом вытягивающий свое хозяйство и горящий о том, что у него нет сыновей. Жена рождает одних девочек, четверо из семерых умерли, трое (как и в первом варианте) живы. Есть и другие буквально повторяющиеся мотивы. В отрывке под названием «Сто лет»: «Дмитрий никогда не скучал работой и часто завидовал батракам. Дадут снасть готовую, знай работай; но он скучал заботи(ться) сборами. Хорошо было работать, как старик все приладит, знай запрягай, да и пошел...» В «Корнее Захаркине...»: «...работой он не скучал, но тяжело было то, что и работать и обдумывать и собирать всякую вещь надо было ему же. Бывало, соберет и обдумает старик, а теперь все один и один».

В «Корнее Захаркине...» Толстой отказался от подробного портрета и описания характера главного героя, оставив лишь упоминание о том, что он был угрюмый и грубый мужик. Гораздо короче изложена сцена в поле, когда беременная Марфа не может больше помогать мужу и он отвозит ее домой. До описания родов повествование не доведено. Эпизод в ночном, который предшествовал сцене работы в поле, теперь идет после нее. Он разработан значительно подробнее и занимает большую часть текста. В нем появились новые персонажи: сосед Корнея Юфан Щербатый (Щербач) и крестный отец Корнея старик Евстигней. Разговоры, которые ведут мужики в ночном, расширяют пространство романа до исторического. Первый предмет обсуждения – солдаты, которые весь последний месяц шли через деревню, возвращаясь из военного похода

¹ Позднее выяснилось, что женой И.П. Толстого была П.М. Ртищева.

в Персию. С солдат разговор переходит на царя, и Щербатый повторяет расхожий слух о Петре, «что не заправский он царь, а подмененный». Затем Евстигней рассказывает со слов стоявшего у него в доме капрала о беде, постигшей их барина: «Как бы, говорит, вас у него не отобрали». В начале отрывка было сказано о том, что деревней владеет уже упоминавшийся в одном из прежних вариантов Нестеров: «Он жил в новом городе Петербурге при царе в большой чести, поместий у него было много, и со всех у него был положен оброк...» Таким образом, в новом варианте сохранился интерес Толстого к делу обер-фискала А.Я. Нестерова, на котором он, вероятно, хотел построить одну из сюжетных линий нового романа, так же как в основу сюжета «Труждающихся и обремененных» намеревался положить дело Василия Горчакова.

В отрывке «Корней Захаркин и брат его Савелий» затронуты события не только петровского, но и предыдущего царствования. Евстигней рассказывает Корнею, как в молодости пострадал за то, что пустил переночевать двух незнакомых людей, говоривших о Степане Разине, «что он город взял какой-то»: «Было дело еще при том царю, при Лексее Михальче. Забунтовали на низу. Какой-то Степан Тимофеич проявился. У нас только слухи были, что за старую веру поднимается народ». Этот рассказ – напоминание о восстании под предводительством Степана Разина – нужен был Толстому как прелюдия к изображению народных волнений в конце царствования Петра, участником которых должен был стать второй брат Захаркин – Савелий, добровольно пошедший в солдаты, когда встал вопрос о выборе между ним и Корнеем. Отец не простил этого Корнею, думая, что это он и его жена уговорили Савелия. Однако сам Савелий не считал свой поступок жертвой и объяснил его Корнею иначе: «Я охотой пойду. Я тут не жилец. Мне постыла эта жизнь». Солдатчина была для Савелия шансом вырваться на волю. По слухам, он вскоре бежал, присылал за женой, и она к нему ушла (еще в начале главы было сказано: «солдатка сбежала»). Шел уже шестой год, как о Савелии не было ничего известно. Глава обрывается на том, что «собака дяди Евстигнея не путем брешет, – бросается к дороге». Там явно появились чужие.

П.С. Попов, публикатор текстов неоконченных романов Толстого из времени конца XVII – начала XIX в. и комментариев к ним в т. 17 *Юб.*, считал этот отрывок самым первым приступом к роману «Сто лет» и датировал его, основываясь на дневниковой записи С.А. Толстой от 25 октября 1877 г., осенью этого года. С.А. Толстая записала: «Сегодня он мне говорил: “А эта пословица, которую я прочел вчера, мне очень нравится: *«Один сын не сын, два сына – полсына, а три сына – сын»*. Вот для моего начала эпиграф. У меня будет старик, у которого три сына. Одного отдали в солдаты, другой так себе, дома, а третий, любимый отца, выучивается грамоте и смотрит вон из мужицкого быта, что больно старику. И вот она, семейная драма, в душе зажиточного мужика, для начала”. Потом, кажется, этот выучившийся сын-мужик придет в столкновение с людьми другого, образованного круга, и потом ряд событий. Во второй части, как говорит Л.Н., будет переселенец, русский

Робинзон, который сядет на новые земли (Самарские степи) и начнет там новую жизнь с самого начала мелких, необходимых, человеческих потребностей» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 504).

Одного из сыновей Захара действительно отдали в солдаты, но на этом сходство сюжетов кончается. Как справедливо заметил Б.А. Базилевский, употребление в «Корнее Захаркине» этой поговорки может свидетельствовать лишь о том, что этот вариант написан после 25 октября 1877 г. (см.: *Базилевский. К творческой истории*, с. 154).

Изложенный С.А. Толстой сюжет скорее напоминает замысел романа из жизни переселенцев, который Толстой обдумывал в период работы над «Анной Карениной» (см. примеч. к роману «Декабристы», с. 693).

В «Корнее Захаркине», как и в других вариантах романа «Сто лет», фигурирует дело обер-фискала Нестерова, которым Толстой заинтересовался только в 1879 г. Действие (Восьмого начала), как и следующего за ним (Девятого начала), происходит в деревне Сидоровой Брадинского прихода (в предыдущих вариантах это было село Вяземское). Сведения об этой деревне Толстой запросил у Николева весной 1879 г. и получил ответ в его письме от 8 мая: «По прежнему письму Вашего Сиятельства разыскивал я по Мценскому уезду деревню Брадино-Сидорова тож, но такой деревни не оказалось. По ревизским книгам и по делам Вотчинной коллегии найдены мною село Николо-Брадинское и селцо Сидорово, которые написаны рядом (...). Может быть, эти два отдельные селения слились в последствии времени в одно селение, которое и получило название Брадино-Сидорово» (*ОР ГМТ*). Эти аргументы, приведенные в статье Б.А. Базилевского (*Базилевский. К творческой истории*, с. 157), а также соотношение между разными текстами романа «Сто лет» не позволяют отнести создание отрывка «Корней Захаркин и брат его Савелий» к 1877 г.

После фрагмента о братьях Захаркиных Толстым был написан еще один вариант начала, сохранившийся только в копии. О том, что текст был написан не под диктовку, говорят несколько пустых мест, оставленных переписчиком для тех слов, которые он не разобрал в рукописи Толстого, а также неверные поначалу прочтения.

Начиная новый вариант, Толстой сохранил основную канву событий и состав героев. Действие по-прежнему происходит в 1723 г. в деревне Сидоровой Мценского уезда. У Корнея появилось отчество – Ионыч. Старший брат стал называться Липатом. Вместо солдатки, жены Савелия, появилась другая сноха Корнея – вдова старшего брата, убитого в лесу деревом. В верхнем слое рукописи Толстой убрал слишком подробное сравнение хозяйства Корнея с хозяйством его отца. Повествование стало более сжатым и стилистически отделанным. Были сделаны заимствования из самого первого варианта под названием «Сто лет»: это любимое ругательство Корнея – «Дуй тебе горой!» и старшая дочка Аксютка, для которой при работе над текстом копии написан целый эпизод.

По сравнению с «Корнеем Захаркиным...» в (Девятом начале) значительно усилена атмосфера тревожности, связанная с появлением в окрестностях разбойников. Летом «в округе много отбито было раз-

бойниками лошадей у мужиков и помещиков» (первоначальное «убито» в нижнем слое рукописи – вероятно, ошибка переписчика), под Ильин день «разбойники ограбили Троицкого помещика и увезли семь подвод награвленного добра». Обо всем этом думает Корней по дороге в ночное и еще вспоминает, «как на прошлой неделе в лесу бабы, ходя за малиной, наткнулись на недобрых людей, как вчерась Терентий-лесник встретил троих с ружьем и насилу ушел». Во вновь написанном эпизоде с новым персонажем, мужиком Макаром, продолжена тема «недобрых людей». Корней рассказал, что его кто-то окликнул, а Макар, бывший в ночном караульщиком, в конце разговора с криком: «Ай, ай, держи», – устремился под гору на крик товарища. На этом сюжет о разбойниках был прерван, а правка текста копии прекращена, и последние страницы остались без изменений. На эпизоде в ночном рукопись обрывается, и других отрывков, относящихся к замыслу романа «Сто лет», не сохранилось.

Когда прекратилась работа Толстого над этим романом, точно установить невозможно. 5 марта 1879 г. С.А. Толстая писала Т.А. Кузминской: «Лёвочка читает, читает, читает {...} пишет очень мало, но иногда говорит: “теперь уясняется” или: “Ах, если Бог даст, то то, что я напишу, будет очень важно!” Но эпоха, которую он взял для своего произведения, простирается на сто лет! Этому, стало быть, конца не будет» (*ОР ГМТ*). В поисках материалов об интересующей его эпохе Толстой приехал 19 марта в Москву. Он намеревался встретиться с историком С.М. Соловьевым и редактором «Русского архива» П.И. Бартеневым. Однако, как он сообщал в письме к жене 19–20 марта, ни того, ни другого он не застал дома. С Бартеневым ему удалось все же поговорить в Английском клубе, где он его случайно встретил.

Другой целью Толстого в Москве было посещение архива Министерства юстиции. 20 марта он подал прошение управляющему Московским архивом Н.В. Калачову о допущении его к занятиям в архиве и в тот же день получил разрешение от заместителя начальника архива А.А. Орлова¹. В этот архив уже обращался в феврале 1879 г. Н.Н. Страхов, когда разыскивал по просьбе Толстого сведения о В.Н. Горчакове для романа «Труждающиеся и обремененные» (см. письма Н.Н. Страхова Л.Н. Толстому от 15 февраля, 11 и 20 марта 1879 г. // *Толстой и Страхов*, II, с. 499–500, 502, 503, 505).

Ознакомившись с описями, Толстой отобрал заинтересовавшие его дела и заказал с них копии. За два месяца – с 23 марта по 26 мая начальник I и II отделений архива И.Н. Николев прислал Толстому в девяти письмах выписки из 54 дел, относящихся к 1723–1746 гг. Дела эти касались самого широкого спектра преступлений: разбоев, убийств, в том числе отцеубийства, детоубийства, муже- и женоубийства, побегов колодников, пристанодержательства, краж, волшебства, мужеложства, а также раскола. Их изучение могло дать представление о самых темных сторонах народного быта первой половины XVIII в.

---

¹ Оба документа опубликованы в ст. Н. Чулкова «Л.Н. Толстой в Московском архиве Министерства юстиции» // *Красный архив*. 1927. Т. III (XXII). С. 246.

Толстой остался доволен результатами своей поездки в Москву. Вернувшись 23 или 24 марта в Ясную Поляну, он написал 25 марта Н.Н. Страхову: «Я был в Москве за дровами для своей печи. Дров набрал чудных...» (*Юб*, т. 62, с. 475). Толстой еще не терял надежды получить сведения о Василии Горчакове, но одновременно просил Страхова узнать, «где может находиться дело об обер-фискале Нестерове, казненном в 1724 г. В Москве его нет. Если оно в Петерб(урге), можно ли иметь к нему доступ» (там же, с. 476). Страхов надеялся получить интересующие Толстого сведения у секретаря Императорского русского исторического общества Г.Ф. Штендмана. 17 апреля он писал Толстому: «Главный знаток дворянских фамилий и исторических дел, Штендеман, уехал за границу, и я до сих пор ничего не мог узнать о Нестерове» (*Толстой и Страхов II*, с. 511). В письме от 30 апреля Страхов прислал список документов, касающихся Нестерова, извлеченный им из книги «Архив Правительствующего Сената» (сост. П.И. Барановым. СПб., 1872, т. I), и указал, что «весьма много сведений об А. Нестерове напечатано в издании: *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода*. СПб. Томы I, II, III. Но дела о предании суду Нестерова тут нет» (*Толстой и Страхов II*, с. 513). В начале мая 1879 г. Страхов писал: «Попробую еще раз потормозить приятелей насчет Горчакова и Нестерова» (там же, с. 517). Он надеялся, что Г.Ф. Штендман уже вернулся из-за границы и собирался обратиться и к нему.

Гораздо успешнее действовал Николев. 28 марта он сообщил о том, что дело Нестерова отыскано и что оно «заключается на тысяче девятистах восемнадцати листах» (*ОР ГМТ*). В письме от 2 апреля он отмечает: «...для того, чтобы узнать подробности о нем и замешанных с ним лиц и их родственников, жен, детей и где они имели крестьян, – а также года всех казненных и их имущества, – для этого нужно прочитать все дело и притом не выпуская ни одной строки...» (там же). Начиная со 2 апреля Николев присылает конкретные сведения о Нестерове: о его женитьбе в 1707 г., о смерти его жены и сына в 1722 г., о его имениях в шестнадцати уездах, домах в Москве и Петербурге, о его казни колесованием 24 января 1724 г. Николеву удалось установить отчество Нестерова – Яковлевич (в деле он фигурировал только с именем Алексей), но его возраст пока оставался неизвестным. Николев предлагал «всему Нестеровскому делу составить краткую опись, то есть каждой бумаге дать краткое содержание». «Составленную таким образом опись Вы просмотрите и отметите, что нужно списать» (там же), – писал он Толстому. Учитывая объем дела, это должен был быть грандиозный труд. И стоил бы он недешево (копирование одного листа стоило 50–54 коп.).

28 апреля Николев прислал Толстому несколько документов, касающихся Нестерова и его окружения, среди них повинная грамота Нестерова в злоупотреблениях, состоящая из 39 пунктов. Кроме дел самого Нестерова: «О Нестерове (преступления его)», «О Нестерове (имения его)», «О свойстве обер-фискала Нестерова с обер-секретарем Сената Масловым и надворным интендантом Мошковым», Николев прислал

выписки из дел его сообщников – Желябужского, Ратманова, Болотного и Щетинина. Однако в рукописях Толстого все эти материалы отражения не получили. Не смог Николев ничего узнать о родстве обер-фискала Нестерова с Стефаном Нестеровым – мужем царской кормилицы, о чем, по-видимому, просил Толстой, но сообщил много сведений о других родственниках и свойственниках Нестерова, имевшего трех жен и двух сыновей от двух браков. 1 мая Николев выслал Толстому 20 листов выписок из Сысного приказа, из комиссии о ворах и разбойниках, «из дела Нестерова о участниках в деле его».

Дела, которые копировал Николев весной 1879 г., были из Сысного приказа и из архива Сената. Но Толстого также интересовали секретные дела Преображенского приказа, доступ к которым был закрыт. 25 (?) марта 1879 г. он обратился за содействием к А.А. Толстой: «Другая моя просьба к вам, чтобы мне были открыты архивы секретных дел времен Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы. Я был в Москве преимущественно для работ по архивам (теперь уж не декабристы, а 18-й век, начало его – интересует меня), и мне сказали, что без высочайшего разрешения мне не откроют архивов секретных, а в них всё меня интересующее: самозванцы, разбойники, раскольники... Как получить разрешение?» (*Юб.*, т. 62, с. 477). В ответном письме от 4 апреля А.А. Толстая сообщила, что товарищ министра иностранных дел, управлявший министерством в периоды отсутствия министра А.М. Горчакова, Н.К. Гирс готов дать Толстому разрешение, как только получит от него письмо с запросом. 14 апреля Толстой написал Гирсу письмо с просьбой разрешить ему доступ к секретным материалам, хранящимся в Петербургском государственном архиве и в двух московских – министерства иностранных дел и министерства юстиции. 11 мая старший советник министерства, исполнявший обязанности товарища министра иностранных дел, А.Г. Жомини уведомил Толстого, что ему разрешено «воспользоваться для исторического труда некоторыми сведениями из секретных бумаг, относящихся ко времени Петра Великого и Анны Иоанновны...» (*«Красный архив»*, 1927, т. 3 (22), с. 247). Разрешение для Толстого Жомини получил непосредственно у канцлера А.М. Горчакова.

20 августа 1879 г. Толстой обратился к министру юстиции Д.Н. Набокову с письмом, в котором писал: «Начав исторический труд из времен конца XVI и начала XVII века¹, я просил г-на министра иностранных дел об исходатайствовании мне высочайшего разрешения для работ в архивах по “секретным делам”, кое и получил; но, к сожалению, разрешение это не относится до архива министерства юстиции, и я поставлен в необходимость утруждать ваше высокопревосходительство покорнейшей просьбой об исходатайствовании для меня разрешения на пользование “секретными делами” архива министерства юстиции» (*Юб.*, т. 62, с. 496). После прохождения этой просьбы по всем инстанциям И.Н. Николеву 17 сентября был дан ордер «по явке в архив графа Льва Толстого допустить его к занятиям секретными делами» (*«Красный архив»*, 1927,

¹ Описка Толстого: речь идет о конце XVII и начале XVIII в.

т. 3 (22), с. 248). К работе над секретными делами Преображенского приказа Толстой приступил в конце сентября (он пробыл в Москве с 27 сентября по 2 октября). Отобрав нужные ему материалы, Толстой вновь заказал Николеву копии. Выписки были сделаны из дел 1690-х и 1700-х годов и только одно дело относится к 1721 г. По-видимому, материалы предназначались уже не для романа «Сто лет», действие которого начиналось в 1723 г., а для продолжения начатого в 1872 г. романа из эпохи Петра I.

2 мая Толстой писал Страхову: «...я всё по-старому ничего не делаю очевидного и этим скучаю» (*Юб.*, т. 62, с. 486). Кроме Нестерова, Толстой интересовался в это время двумя своими предками, жившими в эпоху Петра I, – Петром Андреевичем и Иваном Петровичем Толстыми. Их драматическая судьба, по-видимому, должна была составить одну из сюжетных линий романа «Сто лет». Во всяком случае, их имена открывали список исторических лиц «В 1720», набросанный Толстым на последней странице «Девятого начала». Толстой перечислил всех известных ему членов семьи П.А. Толстого с указанием возраста.

Судя по письму И.Н. Николева от 8 мая 1879 г., Толстой запрашивал у него сведения об отце и сыне Толстых, осужденных в 1727 г. и заточенных в тюрьму Соловецкого монастыря. Николев сообщал: «7-го сего мая я отослал к Николаю Михайловичу еще выписок 22 листа, в числе коих сведения и о Петре Андреевиче и сыне его Иване Толстых.

Никак не дается мне в руки то, что именно хочется отыскать; я в настоящее время занят разысканием дела о пожаловании графского достоинства Петру Андреевичу, в дипломе на графское достоинство должна быть прописана если не вся служба графа, то его заслуги и семейство его, но нет, не находится. А потом уже примусь за разыскание семейной его жизни. Из доселе найденных документов видно только то, что Петр Андреевич во время ссылки был вдов» (*ОР ГМТ*). В конце письма Николев указывал на только что появившийся печатный источник: «В вышедшей майской книге “Русская старина” сего года помещены от П.С. Толстого письма Императора Петра I-го к Ивану Андреевичу Толстому, в которых упоминается и о брате его родном Петре Андреевиче Толстом» (*ОР ГМТ*). 26 мая Николев сообщил дополнительные сведения о П.А. Толстом: имя и родословную его жены Соломонины Тимофеевны Дубровской, награждение его 14 декабря 1718 г. чином действительного тайного советника, дарование ему деревень, которые в 1727 г. были у него отобраны. В том же письме Николев пишет о том, что ему удалось узнать, по-видимому по просьбе Толстого, о сенаторе кн. Г.И. Волконском, казненном в 1718 г. В 1714 и 1715 гг. он был в Архангельской губернии для исследования дела вице-губернатора Курбатова и обер-комиссара Дмитрия Соловьева. Следов использования этого прототипа в романах Толстого о петровской эпохе нет.

С особым интересом к судьбе П.А. и И.П. Толстых связано было намерение Толстого посетить летом 1879 г. Соловки, которое он высказал в письме к Страхову от 20 мая этого года: «Работа моя не работается, и я и ничего не делаю, и свободным временем не пользуюсь, чтоб поездить

летом. – Я задумывал нынешним летом съездить в Соловки. – Вот бы хорошо, если бы вместе поехать в конце вашего отпуска» (*Юб.*, т. 62, с. 487).

В письме к А.А. Толстой от 5 июня, поблагодарив ее брата Илью Андреевича за присланные им какие-то важные сведения, Толстой спрашивал: «Еще, не знает ли он или вы чего-нибудь о наших предках Толстых, чего я не знаю? Мне помнится, граф И(лья) А(ндреевич) собирал сведения. Если есть что написанное, не пришлет ли он мне. Самый темный для меня эпизод из жизни наших предков – это изгнание в Соловецком, где и умерли Петр и Иван. Кто жена Ивана (Прасков(ья) Иван(овна), урожд. Троекурова)? Когда и куда они вернулись? – Если Бог даст, я нынешнее лето хочу съездить в Соловки. Там надеюсь узнать что-нибудь. Трогательно и важно то, что Иван не захотел вернуться, когда ему было возвращено это право» (*Юб.*, т. 61, с. 290–291. Здесь письмо ошибочно датировано 1872 г.).

Поездка Толстого на Соловки не состоялась. Замысел романа «Сто лет» остался неосуществленным. Как и в случае с романом «Труждающиеся и обремененные», не хватило достоверных исторических сведений о героях, чьи судьбы должны были стать сюжетным стержнем произведения. Осенью 1879 г. Толстой вернулся к работе над романом из эпохи Петра I, начатым в 1872 г.

⟨ПЕРВОЕ НАЧАЛО⟩

СТО ЛЕТ

С. 223. *В Чернском уезде...* – Согласно сведениям, приведенным в книге П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии» (Тула, 1895, с. 705), «Чернский уезд занимал положение в южной полосе Тульской губернии: на севере Чернский уезд граничил с Белевским, Одоевским и Крапивенским уездами, на востоке с Богородицким, на юге с Новосильским, на юго-востоке с Ефремовским, на северо-западе с Белевским и на западе с Орловской губернией. Площадь уезда занимала пространство в 2619 кв. верст».

...на реке Черни... – Река Чернь – на юго-западе Тульской губернии.

...подати царские... – В состав царских или казенных платежей для помещичьих крестьян в 1723 г. – накануне введения подушной подати – входили: подворная подать в качестве основного прямого налога, введенная по реформе 1679–1681 гг. царем Федором Алексеевичем; косвенные налоги (кабацкий и таможенные сборы), а также налоги и сборы, введенные в начале XVIII в. в связи с необходимостью изыскать средства на содержание армии и флота, ведение Северной войны – корабельные, рекрутские, драгунские, с бань и бород, с постоянных дворов и перевозок, мельниц и лавок, с рыбных ловель, с ульев и пчел и многие

другие. В денежном выражении казенные платежи достигали 10–15 рублей в год на один крестьянский двор (единица обложения).

...*помещичьи*. – В период с 1680 по 1725 г. в России существовала барщинно-оброчная система крепостной повинности – для владельческих крестьян. На основании записей в отписных книгах Поместного приказа современные исследователи выделили следующие формы феодальной ренты в имениях российских землевладельцев в указанный период: имения с полным объемом повинностей (барщина, денежный и натуральный оброк); имения с барщиной; имения с денежным и натуральным оброком, имения с барщиной и натуральным оброком; имения с денежным оброком (см.: *Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России*. М., 1974, с. 276). Выбор той или иной формы феодальной ренты зависел от самого землевладельца. Средние размеры владельческих повинностей в 1724 г. оценивались правительством для дворовых, монастырских и помещичьих крестьян в 40 коп. с души мужского пола, или в 1 руб. 20 коп. – 1 руб. 60 коп. со двора. В действительности эти платежи были гораздо выше 1–2 руб. со двора (там же, с. 21). См. также с. 608.

С. 224. ... *стригуном*... – Стригун – годовалый жеребенок.

...*обротав*... – Обротать – надеть обротъ, т.е. конскую узду без удила с одним поводом для привязи.

...*из вьюшника*... – Вьюшник – оконное отверстие, через которое выходил дым, когда топили печь по-черному, без дымохода, в обычное время закрывавшееся крышкой (вьюшкой).

...*в кичке на голове*... – Кичка (или кика) – женский головной убор, род повойника.

...*синей понёве*... – Шерстяная юбка, красная, синяя, клетчатая, полосатая. Понёвы носили только замужние женщины. Разрешалось носить понёвы и просватанным девушкам.

...*без занавески*... – Занавеска – длинный женский передник, фартук с лифом, а иногда и с рукавами.

С. 225. ...*чересседельни*... – Часть конской сбруи; ремень, протянутый от одной оглобли к другой.

...*в дежу*... – Дежа – квашня (обл.)

...*жнивье не кололо*... – Жниво (жнивье – обл.) – солома, оставшаяся в поле на корню после жатвы.

⟨ВТОРОЕ НАЧАЛО⟩

КОНСПЕКТ

С. 226. ...*в первый набор отдали в солдаты*. – Первый набор в создаваемую Петром I регулярную армию был произведен по его указу от 19 ноября 1699 г., когда Россия готовилась к войне со Швецией. Однако Толстой, говоря о первом наборе в солдаты, скорее всего, имел в виду первый общий рекрутский набор, произведенный по указу Петра от 20 февраля 1705 г. Именно с даты опубликования этого указа рекрутские

наборы стали повсеместными и ежегодными, а сборщики рекрутов получили благодаря этому указу свод правил, которыми они руководствовались при производстве набора. Предписывалось брать рекрутов «со всех городов и уездов», «с посадов, с дворцовых волостей», «с крестьянских и бобыльских, с задворных и деловых». В рекруты указ обязывал брать лиц в возрасте от 15 до 20 лет, «холостых» «добрых человеческих и в службу годных». Позднее, с 1708 г. в рекруты стали брать и женатых, в возрасте от 20 до 30 лет.

Петровские рекрутские наборы, ежегодно мобилизовавшие в армию 22 тыс. самого трудоспособного мужского населения, прежде всего, крестьян, дали в период с 1699 по 1725 г. армии и флоту 284 тыс. человек.

С. 227. ...*меньшой брат бежал...* – Бегство и бродяжничество населения, пытавшегося укрыться от государственных податей и рекрутских наборов, уже в первые годы XVIII в. стали повсеместным явлением. По свидетельству современника этих событий, крестьянина Ивана Филиппова, «и от правежа доимок и от разных камендацких и приказных людей налог изо многих сел и деревень крестьянство разбрелись врознь, и те села и деревни опустели, и пришли в сущее разорение, и умножилось разбоев и татьбы» (Цит. по изд.: Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М., 2000, с. 249). По переписным книгам 1710 г. наибольшее количество беглых было отмечено среди частновладельческих крестьян.

Правительство пыталось бороться с повальным бегством населения изданием ряда суровых и грозных указов, предусматривающих: высокие денежные штрафы и конфискацию имущества у помещиков, принявших к себе чужих крестьян (в 1704 г. за укрывательство беглых виновных велено было подвергать смертной казни); наказание старост и приказчиков за содержание беглых; возвращение беглых крестьян прежним помещикам с женами и детьми и другие тяжелые наказания. Но остановить разорение и бегство крестьян эти указы не могли. По данным переписи 1719–1727 гг. беглых официально значилось 198 876 душ. Беглых укрывали, в основном, власть имущие, так как беглец в качестве работника, за которого не нужно вносить в казну никаких сборов, был выгоден помещикам, охотно, несмотря на риск и ответственность за прием беглых, укрывавших беглецов у себя.

...*курушка...* – Головня, дымарь.

Были они в то время господские... – «Господские» или владельческие крестьяне составляли одну из четырех больших групп, на которые делилось сельское население в Московском государстве во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (остальные три составляли: 1. холопы; 2. казенные и дворцовые крестьяне; 3. вольные или гулящие люди).

В начале 20-х годов XVIII в. в результате переписи населения, начавшейся в 1718 г., произошло слияние холопов и владельческих крестьян в один разряд, а крестьяне стали с этого времени разделяться на крепостных, монастырских и государственных.

...*платили на князя оброк...* – См. с. 606.

...по 5 рублей с дыма... – Дым здесь: дом, изба, двор. В 1679–1723 гг. крестьянский двор служил окладной (расчетной, платежной) единицей при обложении крестьян владельческими повинностями: денежными, натуральными и продуктовыми сборами. Все сборы, взимаемые с крестьян, рассчитывались по числу тяглых дворов, находившихся во владении помещика (монастыря, дворца), по наличным рабочим силам, по хозяйственным возможностям каждого двора.

...три осьмины ржи, две четверти овса... – Поскольку зерновые продукты, как правило, в состав натурального оброка не входили, можно предположить, что в данном случае речь идет о весе зерна, которое крестьянин должен был высевать на помещичьей пашне и, собрав урожай, сдавать в счет барщинной повинности.

Осьмина – русская мера объема сыпучих тел, равная половине четверти (около 105 л).

Четверть – русская мера объема сыпучих тел, равная 2 осьминам, около 210 л (209,91).

...две подводы в Москву... – В данном случае подводы, очевидно, предназначались для перевозки натурального оброка («столовых запасов») к месту жительства барина.

...полбарана, 6 кур, полсотни яиц... – Средние размеры «столовых запасов», собиравшихся, в основном, из продуктов животноводства и птицеводства, составляли с одного крестьянского двора: « $\frac{1}{2}$ –2 барана, $\frac{1}{2}$ –2 пуда свинины, 1–2 поросенка, гусь, утка, 1–10 кур, $\frac{1}{2}$ –1 фунт масла, 10–100 яиц» (Тихонов Ю.А. *Феодальная рента*, с. 205).

В имениях крупных землевладельцев «столовые запасы» взимались в значительно больших размерах, так как предназначались, очевидно, не только для нужд самого боярина, но и на продажу. Так например, в арзамасских имениях барона П.П. Шафирова взималось в год: «мяса свиного 100 пудов, гусей 100, уток 100 живых, масла коровьего 5 п(удов), яиц 2000 {...}, 80 баранов». (*Материалы по истории*, с. 21).

...7 талек пряжи... – Талька – моток ниток или пряжи определенной меры. Обычно в тальке 10 пучков, пучок местами исчисляется в 120 ниток.

...две посконной. – Посконная пряжа – пряжа из волокна конопли.

...подводы господские и государевы... – «Государевы» подводы предназначались для перевозки грузов и рекрутов к театру военных действий, «господские» доставляли «столовые запасы» к месту жительства барина.

...клеть... – Чулан, холодная половина избы через сени.

...5 овчонок... – 5 овец.

В прошлом 22-м году рожь вовсе не родилась... – Сведения о неурожае, случившемся в России в 1721–1722 гг. Толстой, вероятно, почерпнул из 18-го тома «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. «Летом 1723 года, – сообщал историк, – Сенат получил доношения из Московской губернии и других провинций, что вследствие неурожая бывшего два года сряду, крестьяне находятся в самом бедственном по-

ложении, едят льняное семя и дубовые желуди, мешая с мякиною, бывают по нескольку дней без пищи, многие от этого пухнут и умирают, иные села и деревни стоят пусты: крестьяне вышли в разные места для прокормления». (*Соловьев*, т. 18, с. 182). По свидетельству старосты, а также выборных и рядовых крестьян арзамасских имений барона П.П. Шафирова, последствия неурожая 1721–1722 гг. были таковы, что «в прошлом де 722 г. {...}, денег и столового запасау они ничего не платили за скудостью своею, о чем де ему, бар. Шафирову, от них челобитье было; да и нынешний де год (1723. – *Ред.*) оных доходов, денег и столовых запасов ничего не платили ж за всеконечною своею скудостью, а именно: от хлебного недороду и от мору, что де волею Божию померло их братья крестьян в прошлом 722 и в нынешнем 723 годах многое число, а именно: мужеска полу 93 чел., женского полу 80 чел., всего 173 чел.» (*Материалы по истории*, с. 21).

Спожинками пошли дожди... – Спожинки – народное название Успенского поста, который длится с 1 по 14 августа ст. ст.

С Успенья... – С 15 августа ст. ст., когда Православной Церковью отмечается праздник Успения Пресвятой Богородицы.

...вёдро. – Ясная, солнечная, сухая погода.

С. 228. ...приказав матушке-свекрови девчонок... – Приказать – здесь: поручить, отдать на попечение.

...стать на чеку... – Чека – стержень в виде клина, вставляемый в специальное отверстие на концах осей, болтов и т.д. для закрепления какой-либо детали.

...лубком обтянутую заднюю телегу... – Лубок или луб здесь: внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев (преимущественно липы).

... из-за Барсуков... – В Тульской губернии есть несколько деревень с таким названием в разных уездах.

...на четверике... – Четверик – четыре лошади в одной упряжке.

...подласого мерина... – Подласый или подвласый – масть лошади: всякая масть с большими подпалинами более светлого цвета, например, вороная с бурыми подпалинами.

...к самым крестцам... – Крестец – небольшая копна, кладь, снопы в котором уложены крестообразно. Крестец составляют 13 снопов. На копну приходится 4–5 крестцов.

...волотью внутрь... – Волоть – верхняя часть снопа.

...гузом наружу... – Гуз – срез снопа.

...всадила их под свясла... – Свясла – соломенный жгут для вязки снопов.

С. 229. ...начатому одонью... – Одонье – круглая кладь хлеба в снопах; одонье обозначает также подстил или сено, лежащее в самом низу стога. У В.И. Даля – круглая кладь, с острою обвершкою в 25–40 копен.

...пересмяклые... – Обветревшие.

...ворошки... – Ворошок – уменьш. к ворох.

...зашла в конопи... – Конопи – конопля.

С. 230. ...*вывершивавший свое одонье*. – Вывершить – свести верх.
...*вдвинуть назад корчагу*... – Корчага – большой глиняный горшок или чугуи.

С. 231. ...*обивал его греблом*. – Гребло – пластинка, которой равняют сыпучие вещества.

...у *Баскачихи*. – Баскачиха – княгиня Анастасия Федоровна Горчакова (1652–1736), урожденная Баскакова, дочь стольника Федора Евдокимовича Баскакова и жены его Татьяны, супруга князя Федора Васильевича Горчакова, прапрапрабабка Толстого.

...*девок-то вот избываешь*... – Избыть, избывать кого – сбывать, сживать, изводить чем-либо.

С. 232. ...*застелив веретями*... – Веретье – грубая ткань из оческов льна или конопли, употребляемая на подстилки, мешки и т.п.

⟨ТРЕТЬЕ НАЧАЛО⟩

С. 232. ...*дергала замашки*... – Замашка – мужская особь конопли; посконь.

...*отбила кострику*... – Кострика – жесткая часть стебля конопли, раздробляемая и отделяемая от волокна при мытье, трепании и т.п.

...*послюнявила ниченку*... – Ниченка – толстая нитка.

...*вспомнила о месте ~ вывела место*. – Детское место, то же, что плацента.

...*стростила ее с холодной в ведерке*... – Стростить – развести одну жидкость с другой, развести горячую воду холодной.

⟨ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО⟩

С. 235. ...*в моей 50-летней жизни*... – 50 лет со дня рождения Толстому исполнилось 28 августа (9 сентября) 1878 г.

С. 237. *В возвышении Мазарини, Потемкина еще видят случайность*... – Французский государственный и церковный деятель, кардинал Джулио Мазарини (Maz(z)arino) (1602–1661) происходил из сицилийских дворян. Избрав первоначально поприще священника, Мазарини сделал головокружительную карьеру политического и государственного деятеля благодаря своим незаурядным дипломатическим способностям. Впервые эти способности он продемонстрировал в 1631 г. при заключении мира в Кераско и в 1634–1636 гг. в Париже, когда, будучи папским нунцием, сумел обратить на себя внимание кардинала Ришельё и сделался его доверенным лицом. В 1640 г. Мазарини перешел на французскую дипломатическую службу, а год спустя стал кардиналом. Еще через год, в 1642 г. Ришельё перед смертью предложил королеве Франции Анне Австрийской назначить Мазарини своим преемником (первым министром). Это назначение состоялось в 1643 г. и в течение 8 лет (1643–1651) Мазарини был фактическим правителем Франции, так как

вступил с королевой Анной Австрийской, регентшей при малолетнем короле Людовике XIV, в тайный брак.

Возвышение светлейшего кн. Григория Александровича Потемкина-Таврического (1739–1791) также основывалось на личном расположении к нему императрицы Екатерины II. Сближение их началось в 1770 г. когда Потемкин, испросив разрешения императрицы, вступил с ней в переписку. В 1774 г. Потемкин был отозван с полей сражений русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Петербург, произведен в генерал-аншефы, назначен вице-президентом Военной коллегии, возведен в графское достоинство. Потемкин удостоился чести стать фаворитом Екатерины II, переехал в Зимний дворец, стал фактическим соправителем Екатерины, ее ближайшим помощником во всех делах, самым могущественным человеком в стране, получив от императрицы колоссальное состояние в виде недвижимости, крепостных крестьян, драгоценностей и денег.

Наличие у Мазарини и у Потемкина любовных отношений с царствующими особами, вероятно, дали Толстому основание утверждать, что оба этих выдающихся деятеля обязаны своим возвышением не только своим способностям и достоинствам.

...успех(и) Бисмарка, Наполеона III уже объясняются достоинством. – Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк (1815–1898), происходил из среды померанского юнкерства. Его назначению на первый высокий государственный пост министра-президента и министра иностранных дел Пруссии предшествовала депутатская деятельность в прусском и эрфуртском парламентах, дипломатическая служба в качестве посла в России (1859–1862) и Франции (1862). Опираясь на мощь прусской армии, Бисмарк в результате трех победоносных войн сумел добиться образования новой Германской империи и стать ее первым рейхсканцлером. Этого высокого положения Бисмарк достиг благодаря своему упорству и целеустремленности, глубокому и изворотливому уму, волевому, жесткому и твердому характеру, снискавшему ему прозвище «железного канцлера».

Племянник Наполеона I, Шарль Луи Бонапарт (1808–1873), достиг высших государственных постов во Франции благодаря своим страстным притязаниям на власть, хитрому уму, умению ловко пользоваться ошибками врагов, искусно плести интриги. Предприняв с помощью заговоров несколько попыток захватить власть, Шарль Луи Бонапарт пришел к ней все же мирным путем, став первым президентом Французской Республики в 1848 г. Одержимый мечтою ликвидировать республику и восстановить империю, он совершил 2 декабря 1851 г. государственный переворот, присвоив себе всю полноту исполнительной и часть законодательной власти. Победив на референдуме по вопросу о восстановлении императорской власти в ноябре 1852 г., 2 декабря 1852 г. Шарль Луи Бонапарт провозгласил себя императором французов под именем Наполеона III.

С. 238. *...люди, облеченные властью ~ сами пишут свою историю или подготавливают для нее матерьялы, старательно устрняя все не-*

выгодное и разглашая очень часто ложное в свою пользу. – Возможно, эти размышления возникли у Толстого в результате знакомства с введением Н.Г. Устрялова к труду «История царствования Петра Великого» (СПб., 1858, т. 1), где подробно описано, как «Петр решился быть историком своего царствования» (с. XXXI).

Намерение «передать потомству память своих дел в истинном, безукрашенном виде» возникла у Петра вскоре после победы под Полтавой. Реализовать этот замысел царя взялись Феофан Прокопович (1681–1736) и барон Г. Гюйссен (1666–1739). Однако Петр остался недоволен результатами их работы и тогда у него возник замысел написать историю Северной, или «Свейской», по его терминологии, войны. Собрать необходимые материалы для этого труда Петр поручил кабинет-секретарю А.В. Макарову (1675?–1740). Макаров после возвращения Петра из Персидского похода представил царю свое сочинение о войне. Петр, как отметил историк, «с свойственным ему жаром и вниманием прочитал все сочинение с пером в руке и не оставил в нем ни одной страницы неисправленною: все выражения велеречивые, в особенности относившиеся к особе его, исключил; неуместные мелочи уничтожил; обороты растянутые сжал; нескладные фразы исправил; описания сражений и статьи политические совершенно переделал или дополнил многими любопытными подробностями...» (там же, с. XXXV). Таким же образом Петр I поступил и с еще тремя редакциями этого сочинения.

Толстой, по-видимому, не разделял точку зрения Устрялова на исторические сочинения монархов, так как видел в них ярко выраженное субъективное начало.

Людовик XIV (1638–1715) начал составлять записки, положенные в основу его «Мемуаров», в 1661 г. Записки предназначались для дофина Филиппа Орлеанского, для его образования и наставления, поэтому основное внимание в них уделялось не текущим событиям, а планам на будущее. Изданы мемуары Людовика XIV были в 1860 г. в Париже. См.: *Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin*. Paris, 1860.

Императрица Екатерина II (1729–1796) в период своего правления придавала большое значение сбору документальных материалов по истории России и их публикации, так как хорошо понимала необходимость создания труда по общей истории и истории собственного правления. Толстой, говоря о Екатерине как историке своего царствования, очевидно, имел в виду автобиографические записки императрицы, которые писались на протяжении нескольких десятилетий и охватили не только период правления самой Екатерины, но и царствование предшествующих монархов: Петра III и Елизаветы Петровны. Рукопись этих записок была обнаружена после смерти императрицы ее сыном, императором Павлом I, но из-за режима особой секретности, наложенного на рукопись императорской семьей, «Записки» Екатерины II были опубликованы лишь в 1859 г. в Лондоне в Вольной типографии А.И. Герцена. См.: *Записки Екатерины II*, издание Искандера (London, 1859). В России эти записки увидели свет лишь после революции 1905 г.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) диктовал свои воспоминания в 1815–1821 гг., находясь в изгнании на острове Святой Елены. Девять томов этих мемуаров, в которых Наполеон вспоминал свои походы, ссылку на о. Эльбу, битву при Ватерлоо и другие исторические события, были изданы в 1830 г.

При Петре не велено было давать бумаги и чернил монахам. – Запрещение монахам писать в кельях, а также держать в кельях бумагу и чернила содержалось в указе Петра I Св. Синоду от 31 января 1724 г. Запрещение это было вызвано появлением в монастырях сочинений, авторы которых выступали против Петра и его преобразований.

С. 239. *...разделение Вавилонской башней рода человеческого на народы и государство...* – Толстой имеет в виду библейское предание о Вавилонской башне из Книги Бытия (Бытие, 11, 1–9). Согласно этому преданию, разрушение Вавилонской башни, строительство которой затеяли выжившие после всемирного потопа потомки Ноя, произошло по воле Всевышнего и повлекло за собой разделение человечества на многие народы.

⟨ПЯТОЕ НАЧАЛО⟩

С. 240. *...на коннике...* – Конник – лавка, ларь для спанья, с подъемной крышкой.

...на полу в холодной... – Холодная – комната, не имеющая отопления, не отапливаемая или не утепленная.

...«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий»... – Молитва Иисусова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

...«Богородице Дево, радуйся»... – Толстой приводит начальные слова из Песни Пресвятой Богородице, одного из важнейших в русской православной традиции молитвословий, составленных из радостных приветствий, обращенных к Богородице архангелом Гавриилом (Лк 1, 28) и праведной Елисаветой (Лк 1, 42): «Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших». Песнь Пресвятой Богородице включена в утреннее молитвенное правило всех православных верующих.

С. 241. *...хотел молока в среду...* – Среда – постный день, в который не разрешается вкушать молоко, яйца, мясо и т. д.

⟨ШЕСТОЕ НАЧАЛО⟩

С. 241. *Онисим родился в 1721 году в вотчине, бывшей ~ Гагаринскою.* – Князя Гагарины, как и князя Вяземские, упоминаемые в других началах романа «Сто лет», владели несколькими имениями в Тульской губернии. В частности, имения князей Гагариных находились в с. Афанасьеве и с. Сергиевском (ныне г. Плавск).

〈СЕДЬМОЕ НАЧАЛО〉

С. 241–242. ...императрица другую половину попросила для своего служителя Монсова. – Вильям (Виллим) Монс (1688–1724), брат фаворитки Петра I Анны Монс, камергер, начальник вотчинной канцелярии императрицы Екатерины I Алексеевны. Был арестован 9 ноября 1724 г. и вскоре казнен по официальной версии за взятки от просителей, приходивших к императрице, за злоупотребление ее доверием, за казнокрадство. По слухам, Монс был фаворитом императрицы Екатерины I.

С. 242. *Баскачиха уже 25 лет вдовела...* – Муж кн. А.Ф. Горчаковой, кн. Ф.В. Горчаков сгорел в своем доме при пожаре в 1699 г.

...старший Роман... – Кн. Роман Федорович Горчаков (1689 – до 1779).

...Иван меньшей. – Кн. Иван Федорович Горчаков (1694–1750) – прапрадед Л.Н. Толстого.

Мужа ее именье было в Каширском и Московском уезде... – Сведения о местонахождении имений, принадлежавших кн. Ф.В. Горчакову и его сыновьям Роману и Ивану, Толстому помогал разыскивать в архивах И.Н. Николев. Так, 23 марта 1879 г. архивист сообщил писателю, что по «сказкам генерального двора 1702 года» за Иваном и Романом Федоровичами Горчаковыми значилось: «Каширского уезда 41 дв., Московского уезда – 13 дв., Кинешемского уезда 93 дв., Владимирского уезда 28 дворов, всего 175 дворов» (ОР ГМТ). Спустя несколько дней, 28 марта 1879 г. Николев известил Толстого, что, просмотрев 20 архивных книг, он не только выписал названия деревень, принадлежащих Ивану и Роману Горчаковым в Московском уезде, но и разыскал сведения о переходе родовых имений кн. Д.П. Горчакова его потомкам: Василию, Матвею, Федору, Ивану и его детям. Согласно архивным документам, «За Дмитрием в 7135 (1627 г. – *Ред.*) имение состояло в Московском уезде в Гоголеве стану пустоши: Сомкова, Калитина, Перхурово, Щербаково, Кременево, Аносово, а в них 125 четвертей земли.

Вышеописанное имение отца справлено в 7142 году (1634 г. – *Ред.*) за Василием (...), Матвею и Федору в 7164 году (1656 г. – *Ред.*) дано имение отца их, а в 7171 году (1663 г. – *Ред.*) Матвеево имение дано Федору; за Федором же справлено в 7192 году (1684 г. – *Ред.*) имение матери его (...). За Федором же были в Москве два двора: один в Белом городе близ Арбатских ворот в приходе церкви Тихона Чудотворца и другой, загородный, у Спаса в Наливках (...). Федора Васильева имение в 1751 году разделено между сыном его Романом, женою сына его Ивана Татьяною Григорьевною и внучатами Петром, Николаем, Павлом и Алексеем» (ОР ГМТ).

20 апреля 1879 г. И.Н. Николев на основании разысканных им новых документов (ревизские сказки) уточнил названия деревень, принадлежащих Роману и Ивану Горчаковым: «за Романом и Иваном вместе – Московского уезда в сельце Аносове 156 душ, Каширского в сельце Котове 160, в сельце Злобине 131, в деревне Матюхиной 109 и в деревне Хорошевой 183 души; за одним Романом – Суздальского уезда

в сельце Молозове 123, Шуйского уезда в сельце Фонышеве 92 души; за одним Иваном – Московского уезда Горетова стана в сельце Софонтьеве 41, того сельца, что было за подполковником Урусовым, 28 душ» (ОР ГМТ).

Живо интересуясь названиями деревень, принадлежащих Ивану и Роману Горчаковым, Толстой, однако, в романе «Сто лет» не воспользовался сведениями, разысканными и сообщенными ему И.Н. Николевым, ограничившись лишь названиями уездов, в которых находились имения его прапрапрадеда кн. Ф.В. Горчакова.

...ее же собственное имение было в Чернском, Новосильском и Мценском уездах. – Сведения об имениях, принадлежавших княгине А.Ф. Горчаковой (урожденной Баскаковой), не разысканы.

...меньшего же Иванушку мать не отпускала от себя ~ си́лом отбывала от службы. – В действительности кн. И.Ф. Горчаков в 1714 г., 20 лет от роду, поступил в Тобольский пехотный полк солдатом, в 1717 г. был произведен в прапорщики (см.: *Власьев Г. Потомство Рюрика*, т. 1, ч. 1, с. 461).

...свезли с другими недорослями ~ в Петербург и посадили в тюрьму. – «Нетство» или уклонение дворян от службы в эпоху Петра I было довольно распространенным явлением. Как отметил В.Н. Бочкарев, «в течение всего своего царствования Петр вел упорную борьбу с “нетством”. Он полагал, что это явление можно искоренить самыми суровыми мерами взыскания. В 1703 г., например, было объявлено, что дворяне, не явившиеся на смотр в Москву к указанному сроку, а также и воеводы, “чинящие им поноровку”, будут без пощады казнены смертью» (*Бочкарев В.Н. Дворянство и крестьянство при Петре Великом // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический альманах: В 6 т. / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1912, т. 3, с. 224*). Однако эта угроза не была выполнена и в дальнейшем правительство прибегало к различного рода материальным взысканиям. Так, в 1707 г. велено было с дворян московских чинов и городовых, не явившихся на службу, брать штраф по полуполтине и полтине, а тех, которые не явились к последнему сроку, 1 октября, «бить батогами, сослать в Азов и отписать их деревни на государя».

Смотр, на который не явился персонаж романа кн. Иван Горчаков, был объявлен в 1721 г. и должен был пройти в две смены: первая смена дворян, состоявших на службе, или уволенных от нее, должна была прибыть Петербург или Москву в декабре 1721 г., вторая – в марте 1722 г. Однако и на этот раз на смотр приехали немногие дворяне. В связи с этим срок явки для первой смены был продлен до 31 января 1722 г. Продление срока явки сопровождалось угрозами отписки имений, отказом принимать от «нетчиков» челобитные, а также обнародованием их имен, и приравниванием «нетчиков» к изменникам.

Но и такие строгие меры не уменьшили число дворян, умевших путем раздачи взяток и другими уловками уклоняться от службы.

Баскачиха послала письма брату Апраксину, приходившемуся ей родным... – Родственные связи княгини А.Ф. Горчаковой, урожденной Баскаковой, с семьей Апраксиных не установлены.

...запутала его в деле, которое велось тогда об обер-фискале Нестерове... – Обер-фискал А.Я. Нестеров был арестован в 1722 г. по оговору своего подчиненного, ярославского провинциал-фискала С. Попцова. В ходе следствия по его делу были выявлены злоупотребления, за которые Высший суд приговорил обер-фискала к смертной казни. 24 января 1724 г. обер-фискал А.Я. Нестеров был колесован на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

Толстой познакомился с обстоятельствами дела обер-фискала А.Я. Нестерова по выпискам из документов сенатского архива, представленным ему архивистом И.Н. Николевым. См. с. 602–603.

...Преображенский приказ. – Канцелярия Петра I; с 1702 г. – место пыток обвиняемых в государственных преступлениях; упразднен 4 апреля 1729 г.

...рыдван... – Большая дорожная карета.

С Красного Кабачка... – «Красный кабачок» – небольшой загородный трактир близ Петербурга, на десятой версте Петергофской дороги. Рядом с трактиром был сооружен дом для приема царя и военных чинов. В трактире «Красный кабачок» останавливались Петр I, князь А.Д. Меншиков и другие вельможи.

... в Ямскую... – Улица в Петербурге.

〈ВОСЬМОЕ НАЧАЛО〉

КОРНЕЙ ЗАХАРКИН И БРАТ ЕГО САВЕЛИЙ

С.243...в Мценском уезде в деревне Сидоровой в Брадинском приходе. – См. с. 600.

...Нестеров ~ жил в новом городе Петербурге... – В С.-Петербурге обер-фискал А.Я. Нестеров, как стало известно Толстому из письма И.Н. Николева от 2 апреля 1879 г., владел несколькими домами, которые находились по следующим адресам: «около С.-Петербургской мызы и в С.-Петербурге... двор в Малой Никольской улице, да на Васильевском острове двор» (ОР ГМТ).

...при царе в большой чести... – Уважение государя А.Я. Нестеров, по всей видимости, заслужил еще в бытность свою фискалом, когда до Петра дошли слухи о том бесстрашии и отваге, с какими Нестеров вступал в единоборство с высокими сановниками, не останавливаясь перед обличениями сенаторов и губернаторов. Так, жертвами разоблачений Нестерова стали князь Яков и Григорий Долгоруковы, богатейший солепромышленник Г.Д. Строганов, кн. Г.И. Волконский. За ревностное исполнение своих обязанностей Нестеров был поощрен назначением на должность обер-фискала 15 апреля 1715 г. Повышение по службе позволило Нестерову – вследствие прямого обращения с фискальным донесе-

нием к царю в 1717 г. – добиться расследования дела сибирского губернатора кн. М.П. Гагарина, уличенного обер-фискалом в вымогательстве взяток, хищении казны, злоупотреблениях китайским казенным торгом. Назначенная Петром следственная комиссия из гвардейских офицеров подтвердила факты злоупотреблений, указанных Нестеровым, и 16 марта 1721 г. кн. Гагарин был повешен перед зданием Юстиц-коллегии в присутствии царя, сановников и всех своих родственников.

Возможно также, что Петр ценил Нестерова и за то, что обер-фискал не ограничивался в своей деятельности только разоблачением казнокрадов, но и заботился о совершенствовании устройства финансовой системы страны, затрагивая в своих донесениях и общегосударственные вопросы. Так, еще в 1714 г. Нестеров обратился к Петру с предложением провести ревизию населения и заменить подворную подать уравнильным платежом. Хотя в 1714 г. Петра не убедило это предложение Нестерова, но позднее – при проведении налоговой реформы в 1718–1724 гг. – правительство, как отметил Н. Павлов-Сильванский, при определении суммы подушной подати пошло именно тем путем, какой указал в своем донесении Нестеров: «сосчитать “наличных людей всех губерний”, вычислить общую сумму собиравшихся до того прямых податей и “росписать, по чему из того окладу достанется по расположению на всякого человека числом одного платежа”...» (Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М., 2000, с. 137–138).

...поместий у него было много... – Сведения об имущественном положении А.Я. Нестерова, содержащиеся в деле обер-фискала, Толстой получил от И.Н. Николева в начале апреля 1879 г. Согласно этим сведениям, «имения за фискалом Нестеровым состояли в шестнадцати уездах, а именно: Переславле-Залесском, Юрьево-Польском, Веневском, Елецком, Тульском, Алексинском, Костромском, Белевском, Соловском, Саранском, Рязанском, Коломенском, Шацком, Галицком, Московском и Брянском. Сверх того, имел в Москве двор в приходе церкви Иоанна Предтеча, что на болоте, и загородный двор под Симоновым монастырем» (Письмо И.Н. Николева Л. Толстому от 2 апреля 1879 г. – ОР ГМТ).

...по 10 рублей с тягла. – Тягло – единица обложения крепостными повинностями владельческих крестьян, существовавшая в России в 1679–1724 гг. Полное тягло составляло семейная пара – муж и жена – на которую выделялся земельный надел.

О видах натурального и денежного оброка, взимаемых с владельческих крестьян в первой четверти XVIII в. см. с. 605–606.

...разоряли мужиков подводой и солдатский постой. – О подводной повинности владельческих крестьян см. с. 608. Постойная повинность, возложенная на владельческих крестьян, обязывала их обеспечивать солдат во время учений, маневров, походов и в других случаях не только ночлегом, но и продовольствием. Постойная повинность наряду с подводной считалась особенно тяжелой и обременительной для крестьян.

С. 244. ...7-е брюхо... – Седьмая беременность. Брюхо здесь: чреватость, беременность. Судя по дальнейшему тексту – «четверых Бог прибрал, и три были живы» – жена Корнея Захаркина носила 8-е брюхо.

...от Ильина дни и до Успенья. – То есть в период от 20 июля ст. ст. (Ильин день) до 15 августа ст. ст. (Успение Пресвятой Богородицы).

...пар надо передвоить... – Пар – поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего вегетационного периода или части его и содержащееся в рыхлом и чистом от сорняков состоянии; средство повышения плодородия и накопления влаги. Передвоить пашню – вторично вспахать.

...овса нежатого оставалось пол-осминника... – Осминник – старая мера земельной площади, равная четверти десятины (1 десятина – 1,09 га).

Чердые караульчики... – Сменные караульчики.

С. 246. ...говорили про солдат. – *Весь этот месяц шли (?) солдаты...* – По-видимому, речь идет о возвращении из Персидского похода основных сил русской армии (пехоты и конницы), участвовавших в военных действиях в Закавказье летом 1722 г. Подробнее о целях и задачах Персидского похода 1722–1723 гг. см. с. 621–622.

...сказывают, в Персии, что их сгорело. Пришли в такое место, что из земли огонь полыхает. – Подобное явление русские солдаты могли наблюдать в окрестностях Баку, где близость расположения нефтяных слоев к поверхности земли вызывает выделение горючих газов, способных воспламеняться даже от солнечных лучей.

...сказывают, что не заправский он царь, а подмененный. В Стекольном городе. – Легенда о том, что Петр – не настоящий сын царя Алексея Михайловича, а подмененный, появилась и получила распространение вскоре после возвращения царя из-за границы в августе 1698 г., когда поведение Петра стало резко отличаться от привычного для российского общества традиционного чина поведения царя, а вводимые им новшества (брадобритие, замена старой русской одежды западноевропейским платьем и обувью, веление курить табак и т.д.) вызвали у современников желание разрешить загадку поведения Петра, «объяснить, почему русский царь стал больше похож на немецкого мастера, чем на великого государя, скорее выглядел “лютером” и “последователем католического костела”, чем православным христианином» (Уланов В.Я. *Оппозиция Петру Великому // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический альманах: В 6 т. / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1912, т. 3, с. 79*). Легенда о подмененном царе имела несколько вариантов, отличавшихся друг от друга временем подмены: так, в одних версиях подмена происходила в момент рождения царя, в других – во время пребывания царя за границей. С упомянутым здесь вариантом легенды о подмене царя, произошедшей в Стокгольме («Стекольном городе»), Толстой познакомился по выпискам из секретных дел Преображенского приказа, сделанных по его просьбе И.Н. Николевым (*Юб.*, т. 17, с. 639).

...капрал... – Воинское звание младшего командного состава, которое существовало в русской армии в XVII – нач. XIX в.; заменено званием унтер-офицера.

...про нашего барина спрашивал ~ он нынче в беде. – О процессе над А.Я. Нестеровым см. с. 616.

Как бы ~ вас у него не отобрали ~ отберут, за другим запишут. – Лишение имений в качестве меры наказания их владельцев, отданных под суд, довольно часто применялось в России в первой четверти XVIII в. Передачей имений от одних владельцев другим, их разделом, конфискацией и возвратом в государственную казну занимался, в основном, Поместный приказ, в самой деятельности которого под отписки имений в первой четверти XVIII в. произошли некоторые изменения. Если в начале века (вплоть до 1719 г.) для отписки имений Поместный приказ самолично отправлял своих подьячих в столичные и другие уезды, то с передачей в 1719 г. Поместного приказа под управление Юстиц-коллегии, процедура отписки имений производилась по предписаниям Юстиц-коллегии служащими Московской губернской канцелярии. С образованием в 1721 г. Вотчинной коллегии в С.-Петербурге списание имений в Московском уезде проводилось как ее чиновниками, так и канцеляристами Московской Вотчинной конторы. Как следует из отписных книг, для конфискации имений таких крупных и именитых сановников, как сибирский губернатор М.П. Гагарин, вице-канцлер П.П. Шафиров, посылались гвардейцы, фискалы, чиновники Вотчинной коллегии (*Материалы по истории*, 199). Описание имений на местах проводили лица воеводского, комендантского и ландратского управления, служившие в приказных избах, провинциальных и иных канцеляриях.

...два женаты на тягле. – Крестьянин становился тяглым с момента женитьбы. С этого времени он облагался податью и должен был нести полное тягло, за две души – за себя и за жену.

...скородить... – Бороновать.

С. 247. ...я против родителя никогда не грубил... – Здесь в значении: никогда не шел наперекор отцу, не поступал вопреки его мнению, воле, желаниям, не противодействовал, не сопротивлялся, не противился, а слушался, соглашался, повиновался.

...никогда не верстал... – Верстать – равнять, сравнивать, ставить.

...во всяком деле спорину дает. – Спорина – успех, удача, прибыль.

С. 248. Забунтовали на низу. Какой-то Степан Тимофеич проявился. – Имеется в виду крестьянская война 1670–1671 гг. под предводительством Степана Разина, начавшаяся весной 1670 г. и вскоре охватившая Дон, Поволжье и Заволжье. Поводом к вооруженному выступлению крестьян послужило наступление властей на вольность донских казаков и, в частности, жестокая расправа кн. Ю.А. Долгорукова над старшим братом Разина – Иваном. Захватив в ходе войны ряд городов, восставшие крестьяне в октябре 1670 г. потерпели поражение под Симбирском. Разин, получив ранение под Симбирском, ушел на Дон и стал собирать силы для нового похода. Однако в апреле 1671 г. он был выдан цар-

скому правительству зажиточными казаками, взят в плен и привезен в Черкасск, затем в Москву, где и был казнен на эшафоте возле Лобного места.

...покалякали об Степане Тимофеиче, что он город взял какой-то... – В ходе крестьянской войны 1670–1671 гг. под предводительством С. Разина повстанцы овладели следующими городами: Царицыном (май 1670 г.); Астраханью (июнь 1670 г.); Саратовом (15 августа 1670 г. без боя); Симбирском (сентябрь 1670 г.); Острогжском (9 сентября); Алатырем (16 сентября); Саранском (19 сентября); и т.д. В сентябре 1670 г. восстание охватило Тамбовский уезд; в сентябре-октябре появились повстанческие отряды в Тульском, Ефремовском, Новосильском и других уездах.

⟨ДЕВЯТОЕ НАЧАЛО⟩

С. 249. *До 1-й ревизии...* – Первой ревизией в российской историографии XVIII в. принято называть всеобщую перепись податного населения мужского пола, включая стариков и младенцев, объявленную указом Петра I от 26 ноября 1718 г., в связи с задуманной им реформой налогового обложения, призванной обеспечить новый порядок содержания армии путем «раскладки войска на земле» и введения нового основного прямого налога – подушной подати – взамен прежнего подворного обложения. Свое название – первая ревизия – данная перепись получила потому, что в январе 1722 г. Петр I, еще до подведения итогов переписи, распорядился провести ее ревизию в связи с многочисленными утайками, обнаруженными при проверке поступивших от помещиков списков крестьян. Для проверки этих списков по губерниям были разосланы генералы с прикомандированными к ним офицерами, которые и должны были вести ревизию переписи на местах. Ревизия была завершена только к 1727 г. и выявила утайку одного миллиона душ мужского пола, с которых и взимались налоги. Однако еще до окончания ревизии, к весне 1724 г., стал известен более или менее точный итог подушной переписи, зарегистрировавший среди сельского податного населения 5,4 млн мужских душ.

Толстой, скорее всего, «первой ревизией» считал перепись населения, предпринятую Петром в 1710 г. («Лет 13-ть тому назад» – говорится об этом событии в нижнем слое рукописи комментируемого начала), когда Россия испытывала серьезные затруднения с бюджетом. Полагая, что со времени последней подворной переписи населения в 1678–1679 гг. число окладных единиц-дворов должно было увеличиться, Петр намеревался путем выявления новых налогоплательщиков изыскать средства для покрытия дефицита бюджета. Однако перепись 1710 г. вместо предполагаемой прибыли населения выявила его убыль: в сравнении с переписью 1678 г. общая убыль населения составила 19,5% на 153 899 дворов. Сочтя столь печальные итоги переписи результатом укрупательства помещиков, сознательно занижавших в подворных пе-

реписях количество принадлежавших им дворов крестьян (ради уменьшения количества дворов помещики нередко объединяли 3–5, а то и 10 дворов в один), правительство Петра эти итоги проигнорировало, отдав распоряжение собирать окладные налоги по переписи 1678 г.

...в первый набор 17... (года) при царе Петре сдали в солдаты. – См. с. 606–607.

...жеребьевой земли... – Жеребьева земля – доля, участок земли, доставшийся в надел по жребью.

С. 249–250. *...земля была чересполосная...* – Располагающаяся полосами попеременно с чужими участками.

С. 250. *...справлял мирские, государевы и помещичьи подати...* – См. с. 605–606, 608.

...к заговенам... – Заговенье на Успенский пост приходится на 31 июля ст.ст.

...разведрилось... – Установилась ясная, тихая, сухая погода.

Накануне Спаса... – Спас – название трех праздников, отмечаемых Православной Церковью: 1 августа ст. ст. – Происхождение (изнесение) Честных Древ Животворящего Креста Господня, или первый Спас; 6 августа ст. ст. – Преображение Господне, или второй Спас; 16 августа ст. ст. – Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа, или третий Спас.

С. 251. *...сбегала за столешником...* – Столешник – скатерть.

...под местом седёлки... – Седёлка – часть конской упряжи – крытая кожей подушка, подкладываемая под чересседельник.

...стоявишу в угле чекушку... – Чекушка – деревянная колотушка.

...под Ильин день... – День святого славного пророка Илии отмечается 20 июля ст. ст. (2 августа н. ст.).

...ночевали в Скородном... – Скородное – деревня Чернского уезда Тульской губернии.

...забежав под кручь... – Круча, кручь – обрыв, утес.

С. 252. *...по густой отаве...* – Отава – трава, отросшая на сенокосах или пастбищах после скашивания или стравливания.

С. 253. *...к высокожарам...* – Высожары или Стожары – местное название звездного скопления Плеяд.

...про солдат, которые ~ замучили их постоем... – См. с. 618.

...проходя назад из Персии, куда ходили воевать в прошлом году. – Имеется в виду Персидский поход Петра I, предпринятый им летом 1722 г. для оказания помощи грузинским, армянским и азербайджанским правителям в освобождении их владений от иранского и турецкого господства, а также в целях утверждения господства России на Каспийском море и в прилегающих областях для обеспечения торговых связей с восточными странами. 18 июля 1722 г. 22-тысячное русское войско во главе с Петром на судах отплыло в поход из Астрахани. Конница (9 тыс.), казаки и татары (50 тыс.) отправились в поход из Царицына по суше. Соединившись в районе Дербента, русская армия нанесла по-

ражение войскам утемишского хана Махмуда. 23 августа русская армия вступила в Дербент. После взятия Дербента Петр вместе с основными силами русского войска вернулся в октябре 1722 г. в Астрахань, отказавшись от продолжения похода, так как большая часть судов с продовольствием, фуражом, артиллерией и боеприпасами погибла во время шторма. Руководить действиями русских войск и флотилии после отъезда Петра было поручено генералу М.А. Матюшкину.

...сказывал про Баку город. – В июле 1723 г. отряд М.А. Матюшкина на судах вышел из Астрахани и 26 июля занял Баку. Тогда же начались переговоры между Россией и Персией (Ираном) о мире, который и был заключен в Петербурге 12 сентября 1723 г. В соответствии с условиями договора, Россия обязалась оказать Персии помощь в борьбе с афганскими племенами, вторгшимися на ее территорию, и турками. Персия же по договору уступала России Дербент, Баку и свои провинции на южном и западном побережье Каспийского моря.

...царь ~ сам в том месте был. – Петр I в Баку не был.

...в Стекольном городе были... – Стекольным городом (градом) русские в XVII и XVIII вв. называли Стокгольм.

В ходе Северной войны, в 1719–1721 гг., Петр трижды посылал военный десант под руководством генерал-адмирала Ф.М. Апраксина к берегам Швеции. Высадка десанта преследовала цель подорвать военно-экономический потенциал Швеции и тем самым склонить ее к переговорам о мире. Особенно результативен в этом плане был третий десант, предпринятый вскоре после начала (28 апреля 1721) мирных переговоров со шведами в финском городе Ништадте. Действия русских войск на шведской территории (разорение городов и деревень, разгром и уничтожение заводов, военных кораблей и складов) окончательно сломили сопротивление шведов и оказали существенное влияние на ход переговоров, закончившихся заключением 30 августа 1721 г. Ништадтского мира.

...и в Туретчине были. – За время правления Петра I (апрель 1682 – январь 1725) Россия дважды воевала с Турцией: в 1686–1700 и 1710–1713 гг.

...говорят, что он не заправский царь, а подмененный?... – См. с. 618.

С. 254. ...про нашего помещика спрашивал ~ был в силе у царя, а теперь в беду попал... – Судя по другим вариантам комментируемого романа, речь идет об обер-фискале А.Я. Нестерове. См. с. 243, 616–617.

ТРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ

Впервые: *Юб.*, т. 17, с. 300 – 318, кроме самого раннего варианта, из которого напечатан лишь отрывок (т. 17, с. 699).

Рукописный фонд составляет 23 листа.

Печатается по автографу.

Сохранилось восемь рукописей. Одна из них представляет собой план-конспект произведения с росписью по годам и главам биографии

главного героя. Другая – краткий черновой набросок с многочисленными зачеркиваниями, содержащий отдельные исторические сведения о селах и их владельцах. Остальные шесть рукописей разного объема являются вариантами начала романа из эпохи XVIII – начала XIX в., главным героем которого должен был стать двоюродный дед Толстого по отцовской линии, брат его бабушки Пелагеи Николаевны, Василий Николаевич Горчаков. Один из отрывков озаглавлен «1757 год», другой – «Терентий Николаев», еще один – «Труждающиеся и обремененные». Остальные названий не имеют.

Время создания этих вариантов начал ненаписанного романа может быть установлено с достаточной точностью: январь–март 1879 г. Одна из рукописей – «Терентий Николаев» – датирована самим Толстым. На полях первой страницы стоит помета: «1879. 15 Ген(варя)». Поскольку эта рукопись не является первой (до нее были написаны две другие), работа над текстом романа могла быть начата в первых числах января. (Первое начало) (в *Описании* рук. 3), без названия, но с обозначением 1-й главы, содержало рассказ о рождении долгожданного сына в семье Николая Ивановича Горчакова. Была названа точная дата его рождения – 28 мая 1757 г. и место рождения – село Вяземское. Упомянуты также его мать Марфа Андреевна, урожденная Ртищева, бабушка – монахиня Белевского монастыря мать Амфилогия и дядя отца Роман Федорович Горчаков. Рождение Василия было предсказано юродивым Кирилушкой, а его появление на свет сопровождалось чудесными событиями. Рассказано, каким замечательным был ребенок, как его крестили, что подарили на крестины, как выбирали кормилицу и няню. Заканчивалось повествование известием о появлении на княжеском дворе подкидыша.

Первоначальный текст подвергся значительной правке, был дополнен новыми подробностями, но основное содержание осталось прежним. Затем переработанный текст был целиком зачеркнут, и вслед за ним на той же странице начат новый, но оставлен после первых двух фраз.

Первый вариант начала романа о В. Горчакове в настоящем издании впервые печатается целиком.

Следующим приступом к роману являлся отрывок под названием «1757 год» (в *Описании* рук. 4; в наст. изд. (Второе начало)). Была обозначена и начата 1-я глава. Текст создан на основе предыдущего, сохранена сюжетная схема и некоторые действующие лица, но их круг значительно расширен. Немного изменена дата рождения главного героя: вместо 28 мая – 20 мая. Мать Василия Горчакова теперь названа Натальей Петровной, урожденной Рябиной. Введены новые подробности семейной жизни Горчаковых: сначала говорится, что за восемь лет брака у них совсем не было детей, потом на полях вписана большая вставка о смерти четырех детей княгини в младенчестве, о совете матери князя заказать икону и о совете странника Кирилушки касательно выбора купцов. Описаны тяжелые роды княгини. Больше ничего не говорится о чудесных предзнаменованиях. Более кратким стало описание родив-

шегося ребенка. Значительно увеличен список гостей, приглашенных на крестины.

Отрывок подвергся значительной правке, так что его первоначальный текст образует вполне самостоятельную раннюю редакцию (см. т. 9 второй серии). На полях последней, третьей страницы рукописи сделан набросок плана дальнейшего развития действия: «Какой б(ыл) князь. Ужин. Разговор о разбойнике, о войне. Старичок о Петре. – Юродивый (светло еще). Легли спать. Княг(иня) мол(ится?). Сказк(а). Стар(ик). Молитву. Всполох». В осуществление этого плана была написана только одна фраза, завершающая текст данного отрывка: «Князь Николай Иванович Горчаков, хотя и был князь, и старого и знаменитого рода, был не знатен».

⟨Третье начало⟩ (в *Описании* рук. 5), датированное 15 января 1879 г., названо «Терентий Николаев», возможно, по имени второго главного героя задуманного романа, подкидыша. Оно начиналось словами: «Терентий Николаев родился в». Затем первые три слова были зачеркнуты, а «в» строчное исправлено на «В» заглавное, и далее – повествование о Горчаковых. От предыдущих фрагментов оно отличается более расширенными сведениями о семье Горчаковых: уточняются географическое положение села Вяземского, чин Н.И. Горчакова по выходе в отставку, названа величина приданого, взятого им за женой. Василий уже не первенец, до него родились три сестры – в 1762 г. Пелагея, затем Наталья и Анна. После него родились два брата – Михаил и Александр. Но его рождение как долгожданного наследника, а также его дальнейшая судьба предсказаны, как и в двух первых вариантах, юродивым, которого здесь зовут не Кирилушкой, а Васей. Сделана попытка уточнить возраст Н.И. Горчакова: в 1776 г. ему было «за 60 лет». Дата рождения Василия не указана, но явно передвинута на несколько лет, не менее десяти, и таким образом приближена к реальной дате рождения В.Н. Горчакова – 1771 г. Мать Н.И. Горчакова названа урожденной княжной Мордкиной (в вариантах текста было «Мавра Федотовна», затем «Мавра Ивановна»).

В смысле развития сюжета это наиболее протяженный по времени отрывок. В нем действие доведено до шестнадцатилетия Василия, когда отец отпустил его с дядькой в Петербург. В заключительной фразе намечено дальнейшее развитие судьбы Василия: он «стал пить и играть». События изложены очень сжато, подробности рождения и крестин Василия, занимавшие много места в двух первых началах, опущены. Изменены некоторые важные детали. Так, в ранней редакции отрывка «1757 год» в благодарение за рождение долгожданного сына князь Н.И. Горчаков заказал образ св. Василия Великого в дорогой ризе, на изготовление которой «послал три блюда и два седельных старых прибора и приказал все вызолотить». В исправленном тексте образ заказала бабушка, старая княгиня и «на ризу к образу она тотчас же достала из сундука блюдо, стопу и 10 рублевиков старых». Образ заказали по мерке новорожденного, которого для этого «смерили в длину пояском».

В «Терентии Николаеве» князь «у себя в вотчине заложил новый придел в храме во имя Василия Великого».

По сравнению с первыми двумя началами текст «Терентия Николаева» содержит гораздо меньше правки. Она сосредоточена главным образом в начале. В дальнейшем были только отдельные вычеркивания.

К моменту окончания работы над этой рукописью относится первое упоминание Толстым замысла романа о Василии Горчакове. Создав три варианта начала, Толстой ощутил острую нехватку достоверного исторического материала о жизни избранного им героя и 18...19 января 1879 г. обратился за помощью к Н.Н. Страхову. Извинившись за свою «наглую, назойливую просьбу», он объяснял: «...но мне ей-ей, *до зареза* нужно, необходимо. Вот в чем дело: у князя Николая Иван(овича) Горчакова, моего прадеда, умершего в 1811, было 3 сына: Михаил, Василий (генер(ал)-майор, женат на Стромилловой. От него дочь Катерина, замужем за Уваровым и Перовским), и Александр. Один из этих Горчаковых за какие-то дурные дела судился и был сослан в Сибирь. Судился он, вероятно, в конце столетия – не ранее 80 год(ов), так как родился около 60-го. И судился, вероятно, в Сенате. Нельзя ли найти о нем дело?» (Юб., т. 62, с. 463).

Хотя Толстой писал Страхову: «Пути для разыскания этого дела я не знаю, но вы, верно, найдете» (там же, с. 464) он все-таки подсказал некоторые направления поиска. Он рекомендовал обратиться за помощью к близкому знакомому Страхова сенатору Н.П. Семенову, к знакомому семье Толстых сенатору Д.А. Оболенскому, спрашивал, «не может ли быть полезен гр. Илья Андреич Толстой» (там же, с. 463), и просил узнать, «нельзя ли обратиться к кн. Алекс(андру) Мих(айловичу), канцлеру? Он старейший из Горчаковых, и тот, котор(ого) я ищу, ему двоюродный дядя» (там же, с. 463–464). «Если обратиться к Горчакову, то через кого-нибудь или письменно?» (там же, с. 464) – спрашивал Толстой.

Своему двоюродному дяде И.А. Толстому Толстой написал через несколько дней сам: «Мне при моей работе понадобились сведения о двоюродном деде моем князе Горчакове, сыне Николая Ивановича Горчакова, судившемся, как мне известно, за какие-то дела и разжалованном и сосланном в Сибирь. Как звали этого деда, я не знаю; знаю только, что он был один из трех братьев моей бабки, которых звали Михаил, Василий и Александр. Они обозначены в родословной книге Долгорукова в 1-й части на стр. 63.

Мне нужно знать года рождения и смерти всех братьев и того, который судился, и за что и, если возможно, найти дело о нем. Оно должно быть в архиве Сената. – Если возможно, сделайте мне это, добрейший дядюшка. Мне это ужасно нужно» (там же, с. 467).

Через Илью Андреевича Толстой пытался обратиться и к канцлеру Горчакову, который, по его мнению, «должен многое знать и помнить из семейных преданий». Он спрашивал, «через кого и как обратиться к нему, чтобы узнать следующее:

1) на ком был женат мой прадед кн. Николай Иванович, и когда она родилась и умерла и подробности о ней.

2) Что известно о его сыновьях: когда родились, умерли, где служили, и *который был под судом и за что*.

3) Что известно ему про своего деда, женатого на Пещуровой, и других двух братьях его деда, Петра и Павла. На ком женаты, где служили. (...) Еще нельзя ли узнать у князя Алекс(андра) Михайловича, как звали в миру его прабабку, а мою прапрабабку, урожденную княжну Мордкину, и в каком монастыре она была инокиней и под каким именем» (там же, с. 467–648).

И.А. Толстой был в это время тяжело болен и не ответил на письмо. Но Страхов сразу же включился в поиски. 23 января он писал Толстому: «Я приступил прямо к А.Ф. Бычкову; по его указанию справлялся с “Полным собранием законов”, но ничего не нашел, кроме двух указов на имя ген.-майора кн. Василия Горчакова. Теперь обращаюсь 1) к Сенатскому Архиву, где у меня очень хорошая рука, и 2) к П.Н. Петрову – специалисту по части родословных и вообще невероятному гробокопателю. Если тут я не изловлю Вашего преступника, то по крайней мере непременно найду следы и напишу Вам, если понадобится Ваша помощь (...). След в Сенате (если только дело было в Сенате) я найду; след в литературе – тоже надеюсь найти, если он есть» (*Толстой и Страхов II*, с. 494).

В начале февраля Страхов сообщал: «Розыски о Вашем Горчакове я деятельно продолжаю...» (там же, с. 496). В письме от 14 февраля он прислал Толстому справку из Московского сенатского архива, составленную начальником отделения Московского архива министерства юстиции И.Н. Николевым. В справке был дан свод указаний о роде князей Горчаковых. В одной из бумаг 1785 г. упоминался майор князь Николай Иванович Горчаков и его сыновья Александр, Михаил и Василий. После перечисления документов следовала приписка Николева: «О судимости одного из сыновей князя Николая Ивановича Горчакова произведется справка по производствам Прав(ительствующего) Сената» (*Переписка Толстого со Страховым*, с. 210).

К документам, представленным Николевым, Страхов добавил еще два. Из одного из них следовало, что в 1801 г. Н.И. Горчаков завещал свое имение двум сыновьям – Василию и Михаилу. Одной из причин этого могло быть то, что Александра к этому времени не было в живых. Он действительно умер молодым до 1797 г. Но Толстому это станет известно позднее.

На следующий день, 15 февраля, Страхов послал Толстому подробный отчет о ходе поисков: «Розыски продолжаются, бесценный Лев Николаевич; но пока совершенно безуспешно, что немало меня огорчает. Справки наведены: 1) в Государственном архиве. Тут есть каталог, и можно положительно сказать, что нет ни слова о Вашем преступнике. 2) В архиве Исторического общества тоже есть каталог и тоже ничего не нашлось. 3) В Сенатском архиве, куда я обратился прежде всего, нет каталога...» (*Толстой и Страхов II*, с. 499). Оказалось к тому же, что все дела XVIII в. хранятся не в Петербурге, а в Москве. Директор Московского архива министерства юстиции Н.В. Калачов обещал дать нужную Толстому справку. К поискам были также привлечены секретарь

Императорского русского исторического общества Г.Ф. Штендман, автор «Истории родов русского дворянства» П.Н. Петров, начальник архива Св. Синода историк Н.И. Григорович, издатель «Русской старины» М.И. Семевский, Н.П. Барсуков. Но они ничего не смогли найти. «Основательнейший из них», по определению Страхова, Штендман «просил какого-нибудь признака – Губернатора, Архиерея, чего-нибудь, наводящего на след. Я сказал, что если бы у Вас было что-нибудь подобное, то Вы наверное указали бы! Но я не мог ему сказать, откуда Вы добыли Ваши сведения; конечно, из семейных рассказов?» (там же).

Страхов консультировался также с известным археологом графом А.С. Уваровым, предок которого Д.П. Уваров был первым мужем дочери Василия Горчакова Екатерины. Однако в семье Уваровых никаких преданий о Горчаковых не сохранилось. Н.И. Григорович надеялся найти что-нибудь в архиве Св. Синода, если преступление одного из сыновей Н.И. Горчакова заключалось в двоеженстве и чем-либо подобном, подлежащем ведению церковных властей.

11 марта Страхов выслал Толстому копию полученной им из Московского архива бумаги. «...Полагаю, что нужно ждать еще сведений, – писал он, – и что Ваш преступник Александр» (там же, с. 502). Страхов собирался просить Калачова выслать Толстому интересующие его дела, чтобы он сам посмотрел, есть ли там что-нибудь любопытное. Продолжались розыски и в архиве Синода, но «всё еще ничего не нашлось» (там же).

20 марта, отвечая, по-видимому, на письмо Толстого от 28 февраля (или 1 марта), Страхов спрашивал: «Получили ли Вы письмо мое с бумагою Московского архива? Вы пишете, что он Василий; но почему же? Какие бы ни были у Вас предположения и догадки, не сообщите ли Вы их мне – я бы передал своим библиографам; может быть, по самой маленькой черте удастся найти Вашего героя» (там же, с. 505). В вышеупомянутом письме Толстой в первый раз писал определенно: «Он был генерал-майор, Василий Никол(аевич). И кажется, сослан за фальшивые ассигнации» (*Юб.*, т. 62, с. 474). Сведения эти Толстой получил от своей троюродной сестры княжны Е.С. Горчаковой. Ей и ее брату кн. Д.С. Горчакову Толстой писал, видимо, в одно время с письмом к И.А. Толстому. Письма Толстого не сохранились, но ответные до нас дошли. Д.С. Горчаков ничего не знал о своих предках, интересовавших Толстого, а Е.С. Горчакова в письме от 8 февраля сообщила, что под судом был Василий Николаевич и судили его якобы за то, что он привез из-за границы фортепиано, набитое фальшивыми ассигнациями.

В связи с этими обращениями Толстого за помощью в разыскании материалов о Горчаковых у исследователей впоследствии возникли сомнения в достоверности даты «15 января 1879 г.» на рукописи «Терентий Николаев». Предполагали опisku в месяце, так как считали, что в январе Толстой еще не знал точно, как звали его героя, а в отрывке он уже назван Василием. Н.Н. Гусев писал: «Данный отрывок датирован автором 15 января, но дата эта вызывает сомнения. В отрывке указаны точно имя жены князя Н.И. Горчакова и имена его сыновей, между

тем как не только в письме к Страхову от 17 (?) января, но и в письме к И.А. Толстому, написанном в конце января 1879 года, видно, что в то время Толстой не знал их имен (...), имя Горчакова, бывшего под судом, Толстой узнал только из письма Е.С. Горчаковой от 8 февраля 1879 года» (*Гусев III*, с. 541).

На самом деле имя жены Н.И. Горчакова указано в этом отрывке, как и в других, неправильно. В первом отрывке она Марфа Андреевна, урожденная Ртищева, во втором, «1757 год», – Наталья Петровна, урожденная Рябинина, в третьем, «Терентий Николаев», – Анна Никитишна, урожденная Рябинина. В действительности ее имя было Екатерина Александровна Лукина. Толстой узнал его от И.Н. Николева только в марте–апреле 1879 г. (сначала только имя и отчество, затем фамилию отца) и этими сведениями уже не воспользовался. Что касается имен трех братьев Горчаковых, то Толстой узнал их по родословной книге кн. Долгорукова и в письме к Страхову от 17...19 января называл их.

Совершенно справедливо предположение П.С. Попова о том, что, начиная писать роман и не имея еще точных сведений об интересующих его исторических лицах, Толстой опирался на семейные предания (см.: *Юб*, т. 17, с. 697). Вполне вероятно, что именно эти предания пробудили интерес Толстого к личности и необыкновенной судьбе его двоюродного деда. Одно из таких преданий поведала Толстому в письме Е.С. Горчакова. Находившиеся в кабинете яснополянского дома ширмочки с портретами Горчаковых и с пустым нижним левым овалом, из которого был изъят портрет человека, бросившего тень на семью, тоже могли послужить творческим импульсом, как и два портрета – слепого князя Н.И. Горчакова и его матери Татьяны Григорьевны, урожденной Мордкиной, в монашеском одеянии. Оба эти обстоятельства отразились в рукописях романа. В отрывке «Терентий Николаев» Н.И. Горчаков «ослеп от слез», потому что «много убивался и плакал», когда потерял двух сыновей и жену. Но он, «хоть и слепой, управлял своей вотчиной так, что соседи учились у него». Его мать во всех трех первых вариантах начала предстает монахиней. Начиная работу над романом, Толстой не знал ни ее светского, ни монашеского имени, ни девичьей фамилии, ни монастыря, в котором она постриглась и жила. Пока шли разыскания, она фигурировала сначала как мать Амфилогия («Первое начало»), как старая княгиня («1757 год»), как Мавра Ивановна, урожденная Мордкина («Терентий Николаев»). Местом ее пребывания назван сначала Белевский, затем Хотьковский монастырь.

Приступая к написанию романа, Толстой мог обладать более обширными сведениями о его будущих действующих лицах, чем он сообщал своим корреспондентам, которых просил о помощи в разыскании материалов о Горчаковых. Известные ему факты нуждались в уточнении, в документальном подтверждении, но их оказалось достаточно, чтобы наметить канву событий и даже набросать план. Верхнюю часть листка с планом занимают подробности эпизода, возможно, начального:

«К кн(язю) приходят беглые.

На крестинном пиру слепые.

Кн(язь) любителю на свой дом, стулья, [ко(вры)], шкафы. Столы, покрытые коврами, зеркала.

Печь изразцовая.

Свои всю мебель делали.

Старица.

В немшоной бане взвесила.

Кто более потянет.

С вечера показывает дом, скромно ужинают.

Серьги с жемчугом.

Посуда оловянная и фарфоровая».

Описания обстановки княжеского дома нет ни в одном из отрывков. Не идет речь и о приходе беглых. К описанию крестинного пира подводят два отрывка, хотя до самого описания дело не доходит. Старица могла взвешивать в бане двух младенцев – сына князя Горчакова и подкидыша, который фигурирует во второй, нижней части плана, где пронумерованы главы или эпизоды с первого по одиннадцатый с обозначением дат и содержания:

«1. 57. Рождение.

2. 62. Переворот. Сон видел.

3. 68. Раздор с подк(идышем).

4. 75. Петербург, служба, Екатер(ина), Потемкин.

5. 80. Любовь няни.

6. 85. (?)дени.

7. 90. Суд, [ссылка].

8. 95. [Ссылка] Сибирь – Павел.

9. 801. Появление.

10. 806. Подря

11. 813. [Мученье]».

В первом пункте речь идет о событии, с которого начинаются два первые отрывка. В третьем отрывке Толстой от этой даты отказался. Не все пункты этого плана поддаются расшифровке, но видно, что из-за неверной первой даты вся хронология сдвинулась, и Василий Горчаков, родившийся на самом деле в 1771 г., не мог быть осужден и сослан ни в 1790, ни в 1795 г. Он пользовался доверием императора Павла и сделал при нем блестящую карьеру, а осужден был при Александре I. Суд и ссылка в Сибирь должны были стать центральными эпизодами романа, но Толстому так и не удалось выяснить, в чем состояло преступление Василия Горчакова. Необходимость узнать это была так велика и неотложна, что Толстой сам собирался ехать в архивы в Петербург. 19 января 1879 г., будучи в Москве, он телеграфировал об этом жене в Ясную Поляну, но передумал и ограничился горячей просьбой к Страхову.

Имея к этому времени три варианта начала и подойдя вплотную к жизни молодого Горчакова в Петербурге (четвертый пункт плана), Толстой остро нуждался в разрешении вопроса о сути преступления Василия Горчакова, подробностях суда и ссылки в Сибирь. Без этого не мог состояться роман. Поэтому он писал 17...19 января Страхову: «Вы, вероятно, заметили за мной способность увлекаться чтением чего-нибудь

и воображать себе, что какое-нибудь недостающее мне сведение для меня особенно важно, а потом про это забывать. Ради Бога, не думайте, что и теперь так. Это сведение для меня необычайно важно. Это узел всего. (...) И мне нужно узнать, что может быть известно. Если ничего, то я свободен» (*Юб.*, т. 62, с. 464).

А пока шли разыскания, Толстой, в ожидании более точных и достоверных сведений о его герое, продолжал работу, тщательно выписывая экспозицию. Следующий после «Терентия Николаева» четвертый вариант (в *Описании* рук. 6) он начал с подробного описания села Вяземского, которое в прежних отрывках только упоминалось. Значительная часть правки этого фрагмента связана с работой Толстого над этим описанием. В 1879 г. село Никольское-Вяземское принадлежало Л.Н. Толстому, который унаследовал его после смерти брата Николая. В семью Толстых оно перешло от бабушки Пелагеи Николаевны, дочери Н.И. Горчакова, вышедшей замуж за И.А. Толстого.

В нижнем слое рукописи, образующем раннюю редакцию (см. т. 9 второй серии), вновь упоминается 1757 год, с него начинается действие. Жена Н.И. Горчакова вновь названа Ртищевой, упоминаются также ее отец князь Вяземский и мать Матрена Федоровна Ртищева. В результате правки и год, и недостоверные имена были сняты. Основное событие, изображенное в «Четвертом начале», – появление подкидыша. Рождение княжеского сына упоминается только попутно. В нижнем слое: «Случилось это на 5-й день после крестин», в верхнем: «У этой-то бани на выкинутой из двери прелой соломе на 7-й день после родин молодого князя нашли подкинутого только что рожденного младенца». По своему содержанию этот отрывок продолжает и развивает действие, начатое в первом фрагменте, который был оставлен Толстым после слов: «В это самое время, еще гости с крестин не разъехались, как подкинули на барском дворе некрещеного ребенка. Было это так». Две редакции («Четвертого начала») каждая по-своему сообщают, как появился в княжеской усадьбе неизвестный ребенок. При совпадении некоторых деталей (убегающая женщина, ребенок найден около бани) первая из двух редакций (нижний слой рукописи) дает более развернутую версию событий, с большим числом действующих лиц. Если во второй редакции главному событию отведен всего один абзац (караульщик видит убегающую женщину и находит у бани на соломе младенца), то в первой редакции камердинер и слуга-калмычонок долго преследуют убегающую женщину, в ожесточенной драке она откусывает палец калмычонку и убегает, на крики собирается толпа, гадающая, что это за баба была – воровка или ведьма, и, только расходясь по домам, камердинер и староста натываются на брошенного ребенка.

Начиная четвертый вариант, Толстой, видимо, не предполагал делить его на главы. Первая глава не помечена совсем, вторая была обозначена в самом конце рукописи, перед последним абзацем. В этой только лишь начатой главе говорилось об ожидаемых кумовьях, таким образом, речь должна была пойти о крестинах родившегося у князя сына. Поэтому первоначальное время нахождения подкидыша – на пятый день

после крестин было заменено на седьмой день после родин. В процессе правки первоначального текста Толстой решил разделить его на две главы, четко разграничив их по материалу. Вторую главу он начал с фразы, почти дословно повторяющей ту, которой заканчивался отрывок «1757 год»: «Князь Николай Иванович, хотя и был князь из старого и знаменитого рода, не был ни богат, ни знатен...». Начиная с этого места во второй редакции убирается все, что было связано с подкидышем: успешные поиски его матери с помощью гадания бабки Малашки, разговор князя с калмычонком, рассказ камердинера. В то же время расширяются и дополняются сведения о кн. Н.И. Горчакове, его семье и предках. Рассказ о них становится основным содержанием второй главы.

Не все сведения, приводимые Толстым в этой главе, исторически верны. Это касается главным образом дат, соотношения возрастов Н.И. Горчакова и его братьев, некоторых деталей его биографии и биографии его отца И.Ф. Горчакова, имени жены Николая Ивановича, которое по-прежнему остается неизвестно Толстому, и поэтому он снова называет ее Ртищевой и Анной.

Проследивая историю семи поколений князей Горчаковых, Толстой соотносит ее с периодами правления царей – от Ивана Грозного до Елизаветы Петровны и постоянно подчеркивает их независимость и оппозиционность по отношению к власти. Насыщенность повествования подлинными историческими лицами и событиями истории в наибольшей степени из всех предыдущих вариантов начала приближает эту главу к жанру исторического романа.

Значительная правка, проведенная по нижнему слою рукописи, многочисленные вставки на полях привели к возникновению противоречий в тексте, не замеченных Толстым. После того как во второй редакции (в верхнем слое рукописи) была выделена II глава, вторых глав стало две, так как Толстой не исправил номер намеченной ранее последней главы, по-видимому, уже не имея на этом этапе правки намерения ее продолжать.

Последнее, ⟨Пятое начало⟩ (в *Описании* рук. 7) романа о Василии Горчакове является самым идейно и стилистически оформленным. В отличие от неопределенных в идейном смысле названий более ранних вариантов – «1757 год» и «Терентий Николаев», название этого варианта – «Труждающиеся и обремененные», взятое из евангельского текста, в сочетании с эпитафией из Евангелия от Матфея, несет явно выраженную идейную нагрузку, хотя при имеющемся тексте едва ли может быть точно истолковано. Н.Н. Гусев полагал, что, по замыслу Толстого, «жизнь князя Василия Горчакова и жизнь Васьки-приемыша в дальнейшем должны были протекать в неразрывной связи одна с другой» и что «связь эта была связью по контрасту, а не по сходству. Василий-приемыш был бы изображен “труждающимся”, а князь Василий Горчаков – “обремененным” “бременем пресыщения” и поклонения ложным кумирам, которым он служил всю жизнь, т.е. погоней за богатством и почестями, что и привело его к преступлениям и тяжелым страданиям» (Гусев, III, с. 542 – 543). Выражение «бремя пресыщения» Гусев

взял из письма Толстого к Страхову от 19–22 ноября 1879 г., по времени значительно отстоящего от рукописи произведения. Так что, возможно, Толстой вкладывал иной смысл в слово «обремененные», тем более что и в Евангелии нет противопоставления этих двух понятий, а сказано Иисусом Христом: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (*Мф.* 11, 28). Точно так же невозможно объяснить и эпиграф, не имея всего текста задуманного романа. Однако сам факт наличия такого названия и эпиграфа говорит о том, что у Толстого сложилась определенная концепция произведения.

Все предыдущие варианты послужили подготовительными материалами к последнему тексту «Труждающиеся и обремененные», под названием которого в настоящем издании вслед за *Юб.* изд. объединены все отрывки романа. Опираясь на написанные ранее фрагменты текста, используя их сюжетные ходы, изображенные события и персонажей, Толстой шел по пути сокращения подробностей. Он отказался от развернутого описания села Вяземского и барской усадьбы Горчаковых («Четвертое начало»), от сцены тяжелых родов жены Н.И. Горчакова, в результате которых на свет появился долгожданный сын Василий («Второе начало»), от детальной биографии Н.И. Горчакова и перечисления всех его предков и царей, при которых они жили («Четвертое начало»), от списка гостей, съехавшихся на крестины («Второе начало»). По-другому, значительно короче, изложена история о том, как был найден подкидыш.

Некоторые эпизоды, наоборот, были расширены. Подробнее рассказано об уходе старой княгини в монастырь. Добавлена речь, в которой она объясняет сыну мотивы своего решения. Значительно увеличился эпизод с предсказанием юродивого, который в первом и пятом варианте назван Кирилушкой, а в третьем Васей. Во втором и четвертом вариантах эта сцена отсутствует.

Более динамично стала развиваться история подкидыша, не прерываемая, как в («Четвертом начале»), биографией князя Николая Ивановича и его предков. Многие детали этой истории перешли из предыдущих вариантов: пуповина «завязана ниченкой из рубахи»; дерюжка, в которую завернут ребенок, соткана из оческов, что указывает на зареченскую вольную деревню Пашутино; происхождение ребенка угадывает бабка-гадалка; берет его к себе земщика, но не после долгих препирательств, как было в предыдущем варианте, а сразу. В четвертом варианте у нее было четверо детей, здесь она бездетна. Используются детали из верхнего и из нижнего слоя предыдущей рукописи: «ниченка» из нижнего слоя – в верхнем ребенок был неповитой. «Достала чугунок с теплой водой. Стростила воду в корыте, вымыла ребенка (...), наскребла каши тупиком в горшке и стала жевать эту кашу с молоком и изо рта кормить ребенка» – все это детали из верхнего и нижнего слоя («Четвертого начала») с тем отличием, что там земщика кормила кашей своего ребенка, а подкидыша «положила к груди». Из нижнего слоя взяты подробности о том, как была найдена и допрошена мать ребенка, но в пятом отрывке ее история значительно расширена. Продвинулся и рассказ о судьбе под-

кидыша, который, судя по названию, должен был стать главным героем второй главы.

Создавая «Пятое начало», Толстой по-прежнему не имел достоверных сведений об основных действующих лицах своего романа. Сопоставление известных ему в это время фактов с неизвестными дает возможность датировать работу над этой рукописью с точностью до пяти недель. В предыдущем («Четвертом начале») было сказано, что Н.И. Горчаков «дослужился до поручичьего чина». Это не соответствовало действительности. В «Труждающихся и обремененных» он «вышел в отставку секунд-майором». О том, что Н.И. Горчаков имел этот чин, Толстой узнал из документов Московского сенатского архива, список которых составил И.Н. Николев. Там же упоминаются трое его сыновей – Александр, Михаил и Василий. Возможно, что в официальном документе они были перечислены в порядке старшинства. Год рождения Александра до сих пор не выяснен, а Михаил родился в 1769 г. и был на два года старше Василия. Страхов выслал Толстому эти выписки из Петербурга 14 февраля 1879 г., добавив еще два пункта, один из которых «о духовном завещании майора князя Николая Ивановича Горчакова» (*Переписка Толстого со Страховым*, с. 209–210). Таким образом, последний вариант романа не мог быть написан ранее 14 февраля.

Одним из главных персонажей задуманного произведения была старая княгиня, мать Н.И. Горчакова. Толстой не знал ее имени и отчества и в каком монастыре она постриглась. В разных вариантах начал он называет ее по-разному: в первом – мать Амфилогия, во втором – старая княгиня, в третьем и четвертом – Мавра Ивановна Мордкина, в пятом – мать князя, вдова Ивана Федоровича, урожденная княжна Мордкина, мать Амфилогия. Настоящие имя и отчество прапрабабки Толстого – Татьяна Григорьевна – ему сообщил Николев в письме от 23 марта 1879 г. Тот факт, что Толстой не воспользовался этой информацией, говорит о том, что работа над рукописью была оставлена до получения этого письма.

На решение Толстого оставить дальнейшее развитие замысла исторического романа в наибольшей степени могла повлиять нехватка достоверных сведений о реальных исторических лицах – его героях. Так, он не знал не только имени своей прапрабабки, но и года ее смерти. В рукописи сказано, что она умерла в 1813 г., 105 лет от рождения и пережила не только сыновей, но внуков и правнуков. На самом деле год ее смерти – 1781. О Николае Ивановиче Горчакове сказано, что он был старшим сыном и в середине XVIII в. старшим среди Горчаковых. В действительности он был четвертым сыном в семье, а старшим в роду был его двоюродный брат Иван Романович. Год рождения Н.И. Горчакова в последнем варианте указан правильно. Настоящее имя своей прабабки, жены Н.И. Горчакова Екатерины Александровны Толстой узнал из того же письма Николева от 23 марта, а ее девичью фамилию – Лукина из письма Николева от 20 апреля. Поэтому и в последнем варианте рукописи она носит вымышленное имя Анна Никитишна Рябинина (в нижнем слое) и просто Анна (в верхнем).

В отрывке под названием «Терентий Николаев» Толстой правильно указал год рождения своей бабушки Пелагеи – 1762, но в определении порядка появления на свет ее братьев и сестер он постоянно колебался. Василия он сначала считал старшим ребенком, родившимся в 1757 г. после восьми лет бесплодного брака его родителей. Потом написал о четверых детях, рожденных до него и умерших в младенчестве (два слоя варианта «1757 год»). В ⟨Третьем начале⟩ Василий является младшим братом трех сестер, и это в наибольшей степени соответствует действительности. О его сестре Анне ничего не известно, но Наталья родилась в 1768 г. и, следовательно, год рождения Василия с 1757 г. отодвигается ближе к реальному 1771 г. Однако среди трех братьев он назван старшим, хотя на самом деле до него в 1769 г. родился Михаил. Год рождения Александра неизвестен, он умер намного раньше других и мог быть вообще самым старшим ребенком в семье. Все эти на первый взгляд мелкие несоответствия реальности могли, однако, разрушительно действовать на концепцию начатого произведения.

В ⟨Четвертом начале⟩ вопрос о детях Н.И. Горчакова опущен, а в пятом фрагменте наиболее близкие к истине сведения третьего варианта отброшены. Теперь первым, рано умершим сыном назван Михаил, а старшей дочерью, родившейся после него, – Наталья. В верхнем слое рукописи имена детей зачеркнуты. В первой главе история рождения вымоленного у Бога сына Василия изложена по предыдущим вариантам, но во второй главе начинается путаница с именами: «После Михайлы» (в первой редакции было «князя Василия») «родился у князя еще сын Василий, потом Александр и еще две дочери – Пелагея и Наталья. Когда пришло время учиться, приставили к князю Михайле молодого попа Евграфа...» Но в следующих строках имя главного героя снова изменено на Василия.

Первоначальный текст ⟨Пятого начала⟩ подвергся очень значительной правке (раннюю редакцию фрагмента см. в т. 9 второй серии). Было изменено название первой главы, сделаны вставки на полях, значительная часть текста вычеркнута, что нарушило в верхнем слое последовательность изложения.

Вторая глава, имеющая название «Как Васька обидел молодого князя и как Ваську сослали к матери», перекликается с третьим пунктом первоначального плана: «3. 68. Раздор с подк(идышем)».

Вскоре после того, как Толстой оставил замысел романа о В. Горчакове, так и не узнав о нем ничего определенного, в печати стали появляться материалы о жизни этого незаурядного человека.

В 1881 г. в «Русском архиве» (кн. II, с. 283–291) были опубликованы рескрипты императора Павла к кн. В. Горчакову (1797–1800) и два письма к нему Ф.В. Ростопчина (1798 и 1800), а в 1887 г. (там же, кн. I) письма Ростопчина к С.Р. Воронцову, содержавшие историю В. Горчакова. Особенно интересны были воспоминания двух современников. Один из них, Д.П. Рунич, знал Горчакова в период расцвета его карьеры (в 1797–1798 гг. и в 1800 г.). (См.: «Русская старина», 1901, т. 105, № 2, с. 335–336; «Русское обозрение», 1890, № 8, с. 675–676).

Другой – Ф.Ф. Вигель встречал его в Иркутске уже в качестве ссыльного (*Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1892, ч. II, с. 188–189*). В «Записках иркутского жителя» И.Т. Калашникова изложен эпизод 1808–1809 гг. («Русская старина», 1905, т. 123, с. 211).

Выбирая Василия Горчакова героем своего романа, Толстой не знал всех подробностей драматической судьбы этого необычного человека, но тем не менее безошибочно почувствовал, что в нем, в его характере и вокруг него может завязаться узел интересного повествования.

⟨ПЕРВОЕ НАЧАЛО⟩

С. 255. *Князь Василий Николаич Горчаков родился в 1757 году...* – 1757 год является вымышленной датой рождения князя В.Н. Горчакова, поскольку Толстой не располагал точными сведениями о времени его рождения (см. с. 624–625). Первый публикатор романа П.С. Попов, объясняя выбор Толстым даты – 1757 г., высказал предположение, что «название взято из рассказа И.С. Тургенева “Три портрета”, в котором героиня Ольга Ивановна родится в 1757 году» (*Юб.*, т. 17, с. 697). Основание для подобного утверждения П.С. Попов находил в том, что «Василий Горчаков – сколок с тургеневского Василия Лачинова, прожженного авантюриста и скандалиста, а намеченный Толстым тип “Труждающихся и обремененных” соответствует смиренному и безответному Рогачеву из “Трех портретов”» (там же, с. 698).

Однако стремление Толстого в ходе работы над романом к установлению точных, достоверных сведений о своем прадеде Н.И. Горчакове, его матери, жене, сыновьях, братьях и т.д. позволяет усомниться в справедливости предположения П.С. Попова. Определяя для себя вероятный год рождения Василия Горчакова, Толстой вряд ли соотносил его с вымышленной датой рождения тургеневской героини.

В действительности В.Н. Горчаков родился в 1771 г. (см.: *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 469).

...в селе *Вяземском Московской губернии...* – Имение Толстых Никольское-Вяземское расположено в Чернском уезде Тульской губернии, на границе с Орловской губернией.

Во второй половине XVIII в. Никольское-Вяземское (название Никольское, по народному преданию, село получило в честь найденной в реке Чернь иконы Святителя Николая; название Вяземское происходит от фамилии живших в этом селе князей Вяземских; первоначальное название села – Брадинское) принадлежало прадеду Толстого кн. Н.И. Горчакову. От Н.И. Горчакова имение перешло к его дочери П.Н. Горчаковой и ее мужу гр. И.А. Толстому. После смерти И.А. Толстого в 1820 г. имение из-за больших долгов было взято в опекунский совет, из которого затем выкуплено Н.И. Толстым, отцом Л.Н. Толстого. При разделе имений между детьми гр. Н.И. Толстого в 1847 г. Никольское-Вяземское перешло во владение старшего брата писателя, Н.Н. Толстого, а по-

сле его смерти в 1860 г. – Л.Н. Толстого. 7 июля 1892 г. владельцем Никольского-Вяземского стал старший сын писателя – С.Л. Толстой.

Подробнее о Никольском-Вяземском см. в статье Н.П. Пузина и С.С. Толстого «Никольское-Вяземское – родовое имение Толстых» (Яснополянский сборник. Тула. 1965); а также в кн.: *Приходы и церкви Тульской епархии*, с. 735–736.

С 1999 г. в фамильном имении Толстых в с. Никольском-Вяземском находится филиал Яснополянского Музея-усадьбы Л.Н. Толстого.

...в 15 верстах от Мценска... – Мценск – город в Орловской губернии на реке Зуша. Толстой приводит точные сведения о расстоянии, которое отделяет Никольское-Вяземское от Мценска.

...князь Николай Иванович Горчаков... – Прадед Толстого кн. Николай Иванович Горчаков (1731–1811, по другим источникам: 1725–1811), секунд-майор, предводитель дворянства в Чернском уезде Тульской губернии, отец его бабушки, Пелагеи Николаевны Толстой (урожденной княжны Горчаковой). По преданиям, сохранившимся в семье Толстых, кн. Н.И. Горчаков был богат и скуп. Рассказывая в «Воспоминаниях» о своей бабушке и ее отце, Толстой так характеризовал его: «Бабушка Пелагея Николаевна была дочь скопившего себе большое состояние слепого князя Ник. Ив. Горчакова» (*Юб.*, т. 34, с. 359). О любви кн. Н.И. Горчакова к пересчитыванию ассигнаций и о воровстве слуг, подкладывавших слепому князю газетную бумагу вместо денег, говорил в своих мемуарах, вероятно, со слов отца, сын писателя И.Л. Толстой. См.: *Толстой И.Л. Мои воспоминания*. М., 1987, с. 52.

В Яснополянском доме-музее Л.Н. Толстого хранится портрет кн. Н.И. Горчакова. Подробное описание этого портрета см. в статье Н. Пузина «Портреты предков Толстого (из истории экспонатов) дома-музея Л.Н. Толстого» (Яснополянский сборник-1962. Статьи и материалы. Тула, 1962, с. 146). Портрет Н.И. Горчакова экспонировался на выставке русских портретов, устроенной С.П. Дягилевым в Таврическом дворце в 1905 г. См.: Каталог историко-художественной выставки русского портрета... в Таврическом дворце. СПб., 1905, вып. III, № 585. с. 26.

...княгиня Марфа Андревна, урожденная Ртищева... – Марфа Андревна Ртищева – вымышленное имя матери кн. В.Н. Горчакова. В период работы над этим и другими началами романа «Труждающиеся и обремененные» Толстой не располагал сведениями о том, на ком был женат его прадед кн. Н.И. Горчаков, не знал «когда родилась и умерла» его прабабка, и вообще не имел никаких подробностей о ней. Разыскать сведения об имени, отчестве, фамилии и происхождении своей прабабушки Толстому помог И.Н. Николев. Сначала – после просмотра многочисленных архивных документов – Николев, как следует из его письма к Толстому от 28 марта 1879 г., установил, что жену кн. Н.И. Горчакова звали Катерина Александровна (*ОР ГМТ*). А позднее ему удалось разыскать сведения и о девичьей фамилии княгини Е.А. Горчаковой. 20 апреля 1879 г. Николев поведал писателю об успехе своих «розысков». «О том – из какого рода происходит Катерина Александровна,

жена Ник(олая) Ив(ановича) Горчакова – я две недели рылся в разных документах архива по имениям князя Горчакова разных уездов, но все напрасно. Наконец я обратился к ревизским сказкам по городу Болхову (усмотря из одного документа, что за Катериною Александровною состояло имение Болховского уезда в селе Введенском) и здесь-то розыски мои увенчались успехом. Вот что найдено: “1762 года мая дня Болховского уезда однолуцкого стана вотчины секунд-майора князя Николая Ивановича Горчакова села Введенского староста Александр Емельянов дал сказку в том, что оное село Введенское господину моему досталось по приданству за женою его княгинею Катериною Александровною Лукиною, а ей, госпоже моей, досталось после родителя ее генерал-поручика Александра Денисовича Лукина, по разделу с матерью ее, генеральшею Пелагею Ивановною Лукиною и сестрами ее” ...» (ОР ГМТ).

Узнав имя своей прабабки – Екатерина Александровна Лукина – Толстой, однако, этими сведениями в романе уже не воспользовался. Во всех сохранившихся началах «Труждающихся и обремененных» жена кн. Н.И. Горчакова выведена под вымышленными именами.

...дядя князя Николая Ивановича ~ князь Роман Федорович... – Кн. Роман Федорович Горчаков (1689–до 1779) – статский советник, родной дядя Н.И. Горчакова, сын его деда, стольника кн. Федора Васильевича Горчакова (1646–1699) и бабушки, кн. Анастасии Федоровны (урожденной Баскаковой) (1652–1736). Из разысканий Г.А. Власьева известно, что в 1710–1716 гг. Р.Ф. Горчаков был поручиком, в 1719 г. – числился солдатом Лейб-гвардии Семеновского полка; в июле 1736 г. был назначен советником Камер-коллегии; в декабре 1753 г. из коллежских советников пожалован в статские советники (см.: *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 460). Р.Ф. Горчаков был женат на Марии Ивановне Траханиотовой и имел троих детей: Ивана (1716–1801), Устинью (1718–?) и Елену (1719–?) (там же, с. 461).

В 1716 г. Р.Ф. Горчаков купил в Москве в Белом городе дворовое место за 100 рублей и впоследствии имел там двор вместе со своим братом майором Иваном Федоровичем Горчаковым (1694–1750), отцом Н.И. Горчакова (там же, с. 460, 461).

...бабушка, мать князя ~ мать Амфилогия. – В действительности, мать кн. Н.И. Горчакова, прапрабабка Толстого, кн. Татьяна Григорьевна Горчакова, урожденная княжна Морткина (не ранее 1708–1710 гг. – 1781), была монахиней Киево-Флоровского Вознесенского монастыря с именем Афанасии. Но Толстому в период работы над «Труждающимися и обремененными» была известна только девичья фамилия прапрабабки и то, что она была монахиней, поскольку в яснополянском доме писателя имелся портрет Т.Г. Горчаковой в монашеском одеянии. Никакими другими сведениями о ней писатель не располагал. Поэтому в сохранившихся началах романа мать кн. Н.И. Горчакова выведена под вымышленными именами.

23 марта 1879 г. И.Н. Николев, помогавший Толстому в розыске архивных сведений о его предках, сообщил писателю, что ему удалось узнать «о Горчаковой, постригшейся в монахини, (...) только то, что ее

звали в мире Татьяна Григорьевна, дочь Григория Федоровича Морткина; но когда она постриглась и в какой монастырь, а равно и постриглась ли – этого еще не разыскал» (ОП ГМТ).

30 марта того же года Николев известил Толстого о том, что ему удалось установить дату бракосочетания Т.Г. Морткиной с И.Ф. Горчаковым, дату кончины И.Ф. Горчакова и сведения о разделе имени Т.Г. Горчаковой между ее детьми после кончины мужа: «Иван Федорович женился в 1721 году в феврале месяце на девице княжне Татьяне Григорьевне Морткиной. Иван Фед(орович) умер в 1750 году в августе месяце. Вскоре после его смерти, именно в 1751 году, в феврале месяце, жена его, вдова Т(атьяна) Г(ригорьевна), все свое имение отдала детям своим (Петру, Николаю, Павлу и Алексею) в раздел» (ОП ГМТ).

Некоторые подробности об уходе Т.Г. Горчаковой в монастырь и о пребывании ее там, точное название монастыря, дату кончины Т.Г. Горчаковой и возможную дату ее рождения выявил на основании материалов, сохранившихся в Центральном государственном историческом архиве Украины, Н.П. Пузин. Так, по утверждению исследователя, «вскоре после смерти мужа в 1750 г. Т.Г. Горчакова переезжает из Москвы в Киев, где, очевидно, живет несколько лет, а затем, приняв решение поступить в монастырь, она в 1754 г. продает своим детям принадлежащий ей московский дом в Гнезdnиках» (Пузин Н. *Портреты предков Толстого*, с. 141). Точная дата пострижения княгини Т.Г. Горчаковой в монахини неизвестна, но по словам Н.П. Пузина, «из сохранившихся архивных материалов видно, что в 1761 г. Т.Г. Горчакова “из великия россиян жена князя Ивана Горчакова” была уже монахиней Киево-Флоровского Вознесенского монастыря с именем Афанасии и “по резолюции Арсения митрополита Киевского в том же году в мантию пострижена”» (там же). В июне 1764 г. Т.Г. Горчакова внесла в монастырь «на украшение церковное пристойный уклад», и ее имя было занесено в «большой синодик для вечного поминовения» (там же, с. 141–142). В архивных документах зафиксирована и просьба Т.Г. Горчаковой о месте ее погребения после кончины: «тело монахини Афанасии Горчаковой погребению придати при великой церкви» (цит. по: Пузин Н. *Портреты предков Толстого*, с. 142). Т.Г. Горчакова скончалась в октябре 1781 г., но из документов следует, что «тело ее не было пущено в Лавру», а погребено в Китаевской пустыни» (там же, с. 142). Н.П. Пузин привел также текст эпитафии на надгробии Т.Г. Горчаковой: «Под сим камнем погребено тело покойной княгини, Татьяны Григорьевны Горчаковой, которая, постригшись в монашеский чин, намянована Афанасиею, житие ее в Киеве во Флоровском монастыре продолжалось около 30 лет. Сия почтенная, в любви достойная женщина, оставив мирское житие, детей, друзей, посвятила себя Богу, в душеспасительном упражнении, и в строгом исполнении закона Божия, скончалась сия богоугодная монахиня 70 лет от роду, где прах ее и покоится» (там же, с. 142; эпитафия была впервые опубликована в кн.: «Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры», Киев, 1805. с. 256–257).

Изучив сохранившиеся в Центральном государственном архиве Украины материалы о Т.Г. Горчаковой, Н.П. Пузин пришел к выводу, что «она родилась не раньше 1708–1710 годов» (*Пузин Н. Портреты предков Толстого*, с. 142). Делая подобное предположение, Пузин исходил из того, что «Т.Г. Горчакова, пробыв около 30 лет в монастыре, поступила в него около 40 лет от роду, это произошло после 1750 г.» (там же). Эти данные позволили исследователю также предположить, что портрет Т.Г. Горчаковой в монашеском одеянии, хранящийся в Яснополянском доме-музее Л. Толстого, «мог быть написан вскоре после ее поступления в монастырь в конце 1750-х или, скорее, в начале 1760-х гг.» (там же).

Представляя Т.Г. Горчакову монахиней Белевского монастыря, Толстой, очевидно, имел в виду Крестовоздвиженский женский монастырь в г. Белеве Тульской губернии, основанный в первой четверти XVII в. по дозволению царя Михаила Федоровича Романова. См. об этом в кн.: *Приходы и церкви Тульской епархии*, с. 776–777.

...*вотчину в Архангельском...* – Вотчина – родовое имение, перешедшее по наследству. В Тульской губернии находилось несколько сел с одноименным названием – Архангельское. Горчаковы среди их владельцев незначились. См.: *Приходы и церкви Тульской епархии*, с. 340, 495. Возможно, Толстой воспользовался здесь названием села Архангельского, расположенного в 60 верстах от Тулы и в 12 верстах от г. Крапивны. См.: *Приходы и церкви Тульской епархии*, с. 495.

...*родился в рубашечке...* – Рубашечка здесь: оболочка плода в утробе матери, с которой некоторые дети появляются на свет. По народным поверьям, рождение в рубашке сулит удачливую, счастливую судьбу.

...*звезда с хвостом...* – Комета. По преданиям, бытующим в народе, появление кометы, особенно с хвостом, предвещает общественное несчастье, то есть мор, голод или войну.

...*с Неручи...* – Неруч – родовое имение Горчаковых, после смерти Е.В. Перовской, дочери В.Н. Горчакова, двоюродной тетки писателя, перешло к Толстым по наследству. Толстой, упоминая это имение в своих «Воспоминаниях», пояснял: «Именье это (...), доставшееся нам по наследству, было продано для прокормления голодающих мужиков во время большого голода 40-го года» (*Юб.*, т. 34, с. 392).

С. 256. ...*на побегушки*. – Для выполнения небольших поручений, мелких услуг.

...*в новых хоромаш...* – Хоромы – большой жилой деревянный дом, обычно состоявший из отдельных строений, объединенных сенями и переходами.

〈ВТОРОЕ НАЧАЛО〉

1757 ГОД

С. 256. ...княгиня *Наталья Петровна, урожденная Рябинина*. – Вымышленное имя матери кн. В.Н. Горчакова. В действительности его матерью была кн. Екатерина Александровна Горчакова, урожденная Лукина.

...по совету *богомольной матушки, матери князя*... – Кн. Татьяны Григорьевны Горчаковой, урожденной княжны Морткиной, в монастыре – Афанасии.

...заказали икону с 4-мя *Рождествами на ней*... – Икона с 4 Рождествами, отмечаемыми Православной Церковью: Рождество Божией Матери (8 сентября ст. ст.), Рождество Христово (25 декабря ст. ст.), Рождество Иоанна Предтечи (24 июня ст. ст.), Рождество Николая Чудотворца (29 июля ст. ст.).

...обещались *взять кумовей, которых имена и ангелы были бы одни и те же с родителями*. – Кумовья или кум и кума – крестный отец и крестная мать, восприемник и восприемница крестника из купели.

...послала *своего крестового попа*... – Крестовый поп – поп, служивший при помещичьем доме, имевшем домашнюю церковь, или крестовую, или моленную (молельную) комнату, убранную иконами и др. предметами поклонения и моления.

...приказала *Царские врата отворить*. – Центральные, состоящие из двух створок, врата иконостаса в христианском храме, соединяющие алтарь с остальным храмом. Царские врата открываются только для торжественных выходов. В Царские врата разрешается проходить только лицам в священном сане в определенные моменты богослужения и царствующим особам. На Царских вратах с наружной стороны обычно находятся иконы Благовещения Пресвятой Богородицы и четырех евангелистов – святых апостолов Матфея, Марка, Луки, Иоанна.

С. 257. ...его не нашли в *горнице*... – Горница – задняя изба, чистая половина, летняя гостиная, холодная изба: покой, комната вообще.

...в *шлафроке*... – Шлафрок (от нем. Schlafrock) – домашний халат.

...по мерке *списать образ святого Василья Великого*. – Традиция заказывать икону святого, в честь которого был назван ребенок, сложилась в России в середине XVI в. Уникальность такой иконы заключалась в том, что она создавалась точно по мерке новорожденного: ее высота соответствовала росту ребенка при рождении – оттого эту икону называли «мерной». Подаренная на крестины или позже, мерная икона и святой, изображенный на ней, сопровождали новорожденного всю жизнь.

Василий Великий, Василий Кесарийский (ок. 330–379) – один из трех главных святителей христианской Церкви (наряду с Григорием Богословом и Иоанном Златоустом), теолог, философ-платоник, писатель, церковный деятель, епископ г. Кесарии (Малая Азия). Отличался крайним аскетизмом (спал на голой земле, почти не вкушал пищи, кроме

хлеба, воды и соли) и необыкновенной щедростью к людям, бесстрашно заступался за угнетенных и гонимых.

На ризу к образу... – Риза – металлический оклад на иконе, оставляющий открытыми только лицо и руки образа.

...стопу... – Стопа – старинный сосуд для вина. В. Даль называет стопой большой стакан раструбом, особенно серебряный.

...10 рублевиков старых. – Рублёвик – произносительная норма употребления слова «рубль» в юго-западной части России. В старину рубль, согласно пояснениям В. Даля, «представлял из себя отрубков серебра известной ценности: гривна рублилась начетверо или на четыре рубля».

...назначили крестины на заговены 28 числа. – Заговины, заговенье – последний день вкушения верующими мясной пищи, канун поста. В данном случае речь идет, скорее всего, о заговенье на Петров пост.

...Анну Васильевну Горчакову, рожденную Суворову, жену ~ Романа Ивановича. – Кн. Анна Васильевна Горчакова, урожденная Суворова (1744–1813), сестра А.В. Суворова, жена кн. Ивана Романовича Горчакова. Роман Иванович – описка Толстого.

...послушницу Белевского женского монастыря... – Послушница – прислужница в монастыре, принявшая на себя обет послушания, готовясь стать монахиней.

...тесть князев старичок Петр Петрович Рябинин... – Вымышленное имя тестя кн. Н.И. Горчакова. В действительности им был генерал-поручик Александр Денисович Лукин.

...архимандрит... – Настоятель монастыря.

Ергольский – помещик, сосед Семен Иванович... – По-видимому, Толстой имел в виду Семена Алексеевича Ёргольского, мужа сестры кн. Н.И. Горчакова, Екатерины Ивановны, деда троюродной тетки и воспитательницы Толстого, Т.А. Ёргольской.

...Скуратовы соседи... – Толстой воспользовался здесь фамилией Татьяны Семеновны Скуратовой, урожденной Ёргольской, родной тетки Т.А. Ёргольской.

...внучатного ~ Ивана Романовича Горчакова... – Внучатный – являющийся родственником в третьем колене; троюродный. Фактически кн. Иван Романович Горчаков (1716–1801), генерал-поручик, был двоюродным братом кн. Н.И. Горчакова.

...с молодой женой. – Жена кн. И.Р. Горчакова, Анна Васильевна, урожденная Суворова (1744–1813), была моложе мужа на 28 лет.

...Горчаков ~ старого и знаменитого рода... – О роде кн. Горчаковых см. на с. 648–650, 653.

〈ТРЕТЬЕ НАЧАЛО〉

ТЕРЕНТИЙ НИКОЛАЕВ

С. 257. *В начале царствования императрицы Екатерины...* – Российская императрица Екатерина II Алексеевна (1729–1796) вступила на престол 28 июня 1762 г.

...*Киевской дороги...* – Дорога, ведущая с севера России на Украину, в Крым, к Черному морю, проходила неподалеку от Ясной Поляны и Никольского-Вяземского. По свидетельству старшего сына писателя С.Л. Толстого, его отец очень любил прогулки по Киевскому шоссе. «Отец помнил время, когда шоссе еще не было, а была только “большая дорога”, или “большак” {...}. Отец полушутя называл свою прогулку по шоссе выездом в “grand monde” или прогулкой по Невскому проспекту» (*Очерки былого*, с. 92).

...*штык-юнкер...* – В XVIII в. младший офицерский чин в артиллерии, равный прапорщику в пехоте. В действительности кн. Н.И. Горчаков был секунд-майором.

С. 257–258. ...*вышел в отставку еще при Елизавете Петровне...* – Российская императрица Елизавета Петровна (1709–1761), младшая дочь Петра I и Екатерины I, находилась на престоле с 25 ноября 1741 г. по 25 декабря 1761 г.

С. 258. ...*Анне Никитишне Рябининой...* – Вымышленное имя жены кн. Н.И. Горчакова.

В 1762 (году) у него родилась дочь Пелагея... – Толстой приводит здесь подлинную дату рождения дочери кн. Н.И. Горчакова, своей бабушки П.Н. Толстой, урожденной княжны Горчаковой.

...*потом Наталья...* – Дочь кн. Н.И. Горчакова, Наталья, родилась в 1768 г.

...*потом Анна...* – Сведения о времени рождения А.Н. Горчаковой не разысканы.

Мавра Ивановна ~ урожденная княжна Морткина... – В (Третьем начале) романа Толстой, еще не имея сведений об имени матери кн. Н.И. Горчакова, соединил вымышленное имя своей прапрабабки с ее подлинной девичьей фамилией. В действительности мать кн. Н.И. Горчакова звали Татьяной Григорьевной (см. с. 637–638), она принадлежала к княжескому роду Морткиных, ветви князей ярославских, ведущих свое происхождение от Рюрика. Фамилия Морткиных, по версии П.В. Долгорукова, произошла от «владения Морткиным Городищем (в нынешнем Тверском крае)». См.: *Долгоруков*, ч. 1, с. 180. По другим источникам, от прозвища Мортка (Мордка), которое имел князь Федор Иванович, представитель XVIII колена потомков Рюрика.

...*в монастыре в Хотькове.* – В действительности кн. Т.Г. Горчакова, урожденная княжна Морткина, была монахиней Киево-Флоровского Вознесенского монастыря. См. с. 637.

Говоря о монастыре в Хотькове, Толстой, очевидно, имел в виду Покровский Хотьков ставропигиальный женский монастырь, находя-

щийся вблизи Троице-Сергиевой Лавры, современная станция Хотьково в Московской области. Основан в 1308 г. В 1337 г. в нем скончались и были похоронены родители преподобного Сергия Радонежского – преподобные Кирилл и Мария.

...у себя в вотчине заложил новый придел в храме во имя Василия Великого. – Из церковных документов известно, что до 1824 г. в Никольском-Вяземском существовал деревянный храм во имя Успения Божией Матери. Время его постройки и имена строителей не установлены. В 1824 г. этот храм сгорел. Существовал ли в этом храме придел во имя Василия Великого неизвестно.

В 1836 г. на средства отца писателя, гр. Н.И. Толстого и прихожан был построен каменный храм во имя Успения Божией Матери. См.: *Приходы и церкви Тульской епархии*, с. 735–736.

После рождения Василия княгиня родила еще 2-х сыновей: Михаила и Александра... – Дата рождения А.Н. Горчакова неизвестна. М.Н. Горчаков родился двумя годами раньше своего брата Василия, в 1769 г.; В.Н. Горчаков родился в 1771 г.

...меньшие оба умерли... – А.Н. Горчаков умер до 1797 г. молодым. М.Н. Горчаков скончался в 1830 г.

...княгиня с того горя заболела и умерла. – Дата кончины кн. Е.А. Горчаковой, урожденной Лукиной, не установлена. Неизвестна и причина ее смерти.

Князь был стар (ему было тогда, в 776 году, за 60 лет). – В момент создания (Третьего начала) Толстой, по всей видимости, относил дату рождения кн. Н.И. Горчакова к 1716 г., полагая, вероятно, на тот момент, что его прадед мог быть ровесником своего двоюродного брата кн. И.Р. Горчакова, чья дата рождения была указана в «Российской родословной книге» П. Долгорукова (см.: *Долгоруков*, ч. 1, с. 62). Позднее Толстой, очевидно, получил более достоверные сведения о времени рождения своего прадеда – 1731 год и указал эту дату в (Пятом начале) романа. См. с. 264.

В Москве у него был свой дом на Устретенке... – Устретенка – устаревшее название улицы Сретенка в Москве. Документальные свидетельства о принадлежности кн. Н.И. Горчакову дома на улице Сретенка в Москве не обнаружены. Однако версия о том, что кн. Н.И. Горчаков владел домом в Москве у Сретенских ворот, продолжает существовать в семейных преданиях потомков Толстого (см.: *Толстой С.М. Древо жизни*. М., 2002, с. 481).

В действительности московский дом кн. Н.И. Горчакова находился в Гнезdnиках. Дом этот принадлежал отцу князя, И.Ф. Горчакову, и после его смерти был разделен между его вдовой и детьми (см. с. 638). В феврале 1751 г. кн. Н.И. Горчаков по разделу с матерью и братьями получил часть дома в Гнезdnиках, а 19 декабря 1754 г. он стал единоличным хозяином этого дома, поскольку «купил у матери и братьев их части» (*Власьев. Потомство Юрика*, ч. 1, с. 465). 4 марта 1757 г. кн. Н.И. Горчаков продал брату Петру ½ этого дома (там же). Позднее принадлежавший ему дом в Гнезdnиках Н.И. Горчаков передал или продал своей дочери П.Н. Толстой, а та, в свою очередь, 21 октября 1799 г. передала купчую

на этот дом отцу. Последний факт был отмечен кн. Н.И. Горчаковым в его завещании на имя сына В.Н. Горчакова: «дом в столичном городе Москве с дворовым огородным местом, садом, деревянным и каменным строением, состоящей в Белом городе, в 6-ой части 3-го квартала по № 219. В приходе церкви Николая Чудотворца, что слывет в Гнездиниках, доставшейся мне по купчей, писанной в 1799-м году, октября в 21-й день от Бригадирши Графини Пелагеи Николаевой дочери Толстой...» (*ОР ГМТ*).

После смерти Н.И. Горчакова дом вновь отошел П.Н. Толстой и ее мужу гр. И.А. Толстому. В 1812 г. этот дом сгорел (см. *Пузин Н. Портреты предков Толстого*, с. 141)

...посылая сына в пансион. – Пансионы – частные закрытые учебные заведения для дворянских детей возникли в России на рубеже XVII–XVIII вв. Учреждались они чаще всего иностранцами и особое внимание в них уделялось изучению иностранных языков и светскому воспитанию.

Служба же сынина шла своим чередом, и он уже был поручиком Преображенского полка. – Обычай записывать своих сыновей в службу в их младенческом состоянии был весьма характерен для родителей-дворян во второй половине XVIII в. См., напр., роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка», герой которого, Петр Гринев был записан «в Семеновский полк сержантом», еще когда матушка его была им брюхата (*Пушкин А.С. Сочинения*. Л., 1978, т. 6, с. 258).

Поручик – офицерский чин в русской армии в XVII – начале XX в.

Преображенский полк – старейший полк русской гвардии был сформирован в 1687 г. Петром I из «потешных солдат», располагавшихся в селе Преображенском под Москвой. В дальнейшем считался первым полком империи.

Сведения о том, в каком полку начал свою реальную военную службу В.Н. Горчаков, не обнаружены. Из разысканий Г.А. Власьева известно, что в 1793 г. В.Н. Горчаков был секунд-майором Лейб-кирасирского полка (*Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 469). Подробности его дальнейшей служебной карьеры были выяснены Б.Л. Модзалевским, установившим, что кн. В.Н. Горчаков, «вышедший в отставку премьер-майором, 1 мая 1797 г. Императором Павлом был снова принят в службу и причислен в свиту Его Императорского Величества и уже 1 августа того же года пожалован в подполковники; в 1797–1800 гг. он находился военным русским комиссаром при армии принца Конде и, по окончании этой миссии, уже будучи генерал-майором, был 19-го октября 1800 г. назначен на Дон...» (цит. по кн.: *Переписка Толстого со Страховым*, с. 203). Назначение на Дон сопровождалось повелением «проживать в Черкасске и быть инспектором харьковской инспекции» (там же). По свидетельству Д.П. Рунича, кн. В.Н. Горчаков в 1800 г. «занимал пост военного губернатора Ревеля» (Из записок Д.П. Рунича // *Русская старина*, 1901, т. 105, № 2, с. 336).

С. 258–259. *Сам князь, хоть не много служил и чин имел не знатный...* – Сведения о служебной карьере кн. Н.И. Горчакова немно-

численны. Так, например, Г.А. Власьев установил, что в 1744 г. кн. Н.И. Горчаков числился сержантом Белозерского полка, в 1751 г. – поручиком Брянского Ландмилицкого полка, а в 1793 г. он был уже секунд-майором в отставке, помещиком Чернского уезда Тульской губернии (*Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 465).

С. 259. ...*брат двоюродный ~ был женат на Суворовой, а Суворов тогда забирал силу.* – Отец кн. А.В. Горчаковой, урожденной Суворовой, генерал-аншеф Василий Иванович Суворов в 1760 г. назначен императрицей Елизаветой Петровной сенатором, в 1761 г. – губернатором Восточной Пруссии.

...*отдал замуж обеих дочерей. Одну – за Депрера(довича), а другую – за графа Илью Толстого.* – Женой генерал-майора, командира Лейб-гвардии Семеновского полка Леонтия Ивановича Депрерадовича (1766–1844) стала княжна Наталья Николаевна, а графа Ильи Андреевича Толстого (1757–1820) – княжна Пелагея Николаевна.

Князь Василий Николаевич жил в Петербурге у брата Алексея Ивановича... – Алексей Иванович Горчаков (1737–1805), младший брат кн. Н.И. Горчакова, коллежский ассессор, дед канцлера А.М. Горчакова (1798–1883).

...*Василий Николаевич стал пить и играть.* – О том, что В.Н. Горчаков был карточным игроком, Толстому, по-видимому, было известно из семейных преданий. Этот факт нашел подтверждение в опубликованных в 1900 г. «Записках» декабриста В.И. Штейнгеля (Записки В.И. Штейнгеля // Исторический вестник, 1900, т. 80, № 5). В.И. Штейнгель, знавший В.Н. Горчакова в пору его губернаторства в Ревеле, встретился с ним в 1811 г. в Сибири и записал его рассказ о том, как крупный проигрыш в карты заставил князя прибегнуть к подделке векселей. Дело, по словам В.Н. Горчакова, выглядело так. Получив от императора Александра I разрешение на поездку за границу, В.Н. Горчаков «приехал в С.-Петербург, проигрался; занимал у богатой тещи, та отказала, решился рискнуть. У него оставались векселя на банкирские дома в Европе, по должности интенданта принца Конде в 1799 г. Он предъявил один первый банкиру Ливию (...) в 60 тысяч, получил их и отправился. Но вскоре по ответу того дома, на который вексель был адресован, узнали, что эта сумма выплачена была по второму векселю и, следовательно, в предъявлении первого была явная фальшь. Тотчас послали арестовать и в Кенигсберге достигли, привезли в крепость, предали суду, и хотя, по словам его, в числе судей были обывравшие его, – осудили к лишению чинов и в ссылку на поселение» (там же, с. 445).

(ЧЕТВЕРТОЕ НАЧАЛО)

С. 259 ...*бобылей 8 дворов*... – То есть дворы бедных безземельных крестьян, которых в Русском государстве в XV – начале XVIII в. называли бобылями. Бобыли обычно жили в батраках, сторожах, пастухах и несли сокращенные феодальные повинности. По указу о подворном обложении 1679 г. бобыли, имевшие собственные дворы, были приравнены к крестьянам в податном отношении, бездворовые бобыли оставались вне тягла. При введении подушной подати в 1724 г. бобыли слились с крестьянами.

...*сажен на 50*... – Сажень – русская мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы мер.

...*наливная мельница о 4 постава*... – Наливная мельница – мельница, приводимая в движение водой, падающей сверху. Постава – пара мельничных жерновов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем.

...*назывались Пашутинской слободой*. – Пашутинской слободой Толстой называет село Пашутино, которое располагалось недалеко от села Никольского-Вяземского в Чернском уезде Тульской губернии. Село Пашутино, как следует из описания его местности П.Н. Малицким, «занимает возвышенное местоположение при слиянии рек Студенца с рекой Чернью, в 112 верстах от Тулы, в 23-х от Черни и в 15-ти от линии Московско-Курской железной дороги» (*Приходы и церкви Тульской епархии*, с. 732). Название свое село получило, по-видимому, от фамилии владельца.

...*колясочные сараи*... – Сараи для постановки колясок – ездовых четырехколесных повозок с откидным верхом и на рессорах.

...*людские*. – Помещения для прислуги при господском, помещицьем доме.

С. 260. ...*закуты дворовых*. – Закут – клеть, чулан, кладовая или хлев для мелкой скотины.

...*на 7-й день после родин*... – Родины – день, когда кто-либо родился, а также празднование этого дня.

...*осмотреть замки у риги*. – Рига – постройка для сушки снопов пшеницы, ржи, льна, с местом для обмолота.

...*поразвернув биркой дерюжку*. – Бирка – небольшая палочка с насечками, служившая для счетоводства и учета работ. Дерюжка (уменьш. от слова дерюга) – вид грубой ткани из низкосортной пряжи.

...*пошел в черную избу*... – Черная или курная изба – изба с печью без трубы.

...*земского*... – Земский – должностное лицо в сельских местностях, наделенное административной и судебной властью.

...*заведенье*... – Обыкновение, обычай.

...*однодворцы*. – Однодворцы – представители особой группы государственных крестьян, свободных от крепостной зависимости, владевшие небольшим наделом земли (в один двор). Однодворцы занимали промежуточное положение между дворянами и крестьянами; они имели

право владеть земельными участками, а также крепостными, но подобно последним облагались податями.

С. 261. ...*достала на загнетке...* – Загнетка – место на шестке или в самой русской печи (около устья), куда загребают жар.

...*наскребла тупиком каши...* – Тупик – нож с тупым лезвием и двумя ручками, употребляемый в кожевенном и шорном производстве.

...*уложила в одну зыбку...* – Зыбка – колыбель, люлька.

...*князья, бывшие в силе при царях: Репнины, Долгорукие, Голицыны, Трубецкие.* – Представители этих русских княжеских родов действительно занимали ряд высоких государственных, военных, дипломатических постов в XVII–XVIII вв. Многие из них были близки к царям. Так, например, генерал-фельдмаршал кн. Репнин Аникита (Никита) Иванович (1668–1726) и боярин, князь, сенатор, генерал-кригскомиссар Долгоруков Яков Федорович (1639–1720) были любимыми сподвижниками Петра I. Боярин, князь, глава ряда приказов, командующий русским войском, нанесшим поражение отрядам Степана Разина, Долгоруков Юрий Алексеевич (?–1682) был близок с царем Алексеем Михайловичем, а после его смерти, в годы правления царя Федора Алексеевича (1676–1682), по словам П.В.Седова, «вышел на первые роли в управлении государством» (Седов, с. 208). Один из представителей рода Голицыных, боярин, князь, воевода Василий Васильевич (?–1619), претендовал на русский трон в 1606 и 1610 гг., а другой – боярин, кн. Василий Васильевич Голицын (1643–1714), стал фактическим правителем государства в годы регентства царевны Софьи Алексеевны (1682–1689), благодаря любовной связи с царевной. Его двоюродный брат, боярин, кн. Голицын Борис Алексеевич (1654–1714) – дядька-воспитатель Петра I, был одним из руководителей правительства в 1697–1698 гг., в период миссии «Великого посольства». Кн. Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (?–1625), в 1611–1613 гг. возглавлял Земское правительство, а на Земском соборе в 1613 г. был одним из претендентов на русский трон.

Семья у старого князя ~ 4 брата и сестра. – В действительности у кн. Ивана Федоровича Горчакова и его жены Татьяны Григорьевны (урожденной княжны Морткиной) было семеро детей: Петр (1722), Виктор (1727– до 1750), Павел (1730– до 1797), Николай (1731–1811), Алексей (1737–1805) и дочери: Наталья (1724–?), замужем за И.А. Темяшевым; Екатерина (1728–?), замужем за С.А. Ёргольским.

Когда они разделились ~ На долю Николая Иваныча досталось всего 70 душ. – Раздел имущества между сыновьями кн. И.Ф. Горчакова, скончавшегося в августе 1750 г., произошел в феврале 1751 г. Кн. Н.И. Горчаков по разделу с братьями получил «Орловск(ого) у(езда) с(ело) Похвальное, Болховск(ого) у(езда) с(ельцо) Багиново» (Власьев. Потомство Рюрика, ч. 1, с. 465); часть московского дома в Гнездняках (там же). Ранее от матери кн. Н.И. Горчаков получил: «Яросл(авского) у(езда) ¹/₂ с(ель)ц(а) Нечесова, Моск(овского) у(езда) ¹/₂ с(ель)ц(а) Софонтьева, Каширского у(езда) ¹/₂ с(ель)ц(а) Красного» (там же).

Какое число душ приходилось на вышеуказанные владения, составившие долю кн. Н.И. Горчакова в феврале 1751 г., выяснить не удалось.

Большая часть ~ было ~ женино. – В приданое за женою кн. Н.И. Горчакова – кн. Е.А. Горчаковой (урожд. Лукиной) – было дано: «Орловск(ого) наместничества, Дешкин(ского) у(езда) с(ело) Введенское, д(еревни) Королева, Пирогова и Багринова» (*Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 465).

По ревизской сказке 1762 г., составленной старостою села Введенского А. Емельяновым и обнаруженной в архиве И.Н. Николевым, следует: «По 5 ревизии за Кат. Алекс. Горчакову в селе Введенском 256 душ, в деревне Королевке 147 душ» (*ОР ГМТ. Письмо И.Н. Николева Л.Н. Толстому от 20 апреля 1879 г.*).

Всего-навсего у него было 300 душ. – Согласно записи 1793 г. в родословной книге Тульской губернии, приведенной Г.А. Власьевым, имущественное положение кн. Н.И. Горчакова со времени раздела с братьями значительно улучшилось. В 1793 г. кн. Н.И. Горчаков был владельцем 1285 душ и ряда поместий в Чернском, Белевском, Крапивенском, Егорьевском уездах. См.: *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 465.

Ни отец его Иван Федорович ~ не имели важных должностей при царях. – В XVI–XVIII вв. князья Горчаковы служили воеводами, стряпчими, стольниками. Самого высокого положения достиг в это время один из них – кн. Борис Васильевич. В 1673 г. он был пожалован в спальные стольники; в 1674 г. назначен стольником к царевичу Федору Алексеевичу; в 1681 г. пожалован в окольные (см.: *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 458–459). В бытность свою стольником царевича Федора Алексеевича кн. Б.В. Горчаков, по утверждению П.В. Седова, «занимал при нем видное место», а «после восшествия Федора на престол его постоянно держали на воеводствах, может быть, из-за его болезненности» (*Седов*, с. 380).

Отец кн. Н.И. Горчакова, кн. Иван Федорович Горчаков (1694–1750), в 1732–1735 гг. был воеводой в Суздале; в 1736–1738 гг. – воеводой в Переславль-Залесском (см.: *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 461).

Дед кн. Н.И. Горчакова, кн. Федор Васильевич Горчаков (1646–1699), в 1668 г. был стряпчим; в 1669–1692 гг. – стольником; в 1687 и 1689 гг. был в Крымских походах (см.: *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 457).

Прадед кн. Н.И. Горчакова, кн. Василий Дмитриевич Горчаков, в 1627–1629 гг., был патриаршим стольником, в 1636–1640 гг. – стольником. В сентябре 1636 г. при отъезде Государя из Москвы кн. В.Д. Горчаков находился в числе стольников, оставшихся в Москве при главном боярине. В 1640–1642 гг. он был воеводой в Карачеве; в 1644–1647 гг. в Самаре. В 1650 и в 1652 гг. стольник кн. В.Д. Горчаков сопровождал царицу Марию Ильиничну в ее путешествии к Троице и в село Покровское. В октябре 1653 г. отправился в свите В.В. Бутурлина в Малороссию для принятия присяги от гетмана Богдана Хмельницкого

и от всего Запорожского войска (*Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 453–454).

Прапрадед Н.И. Горчакова, кн. Д.П. Горчаков, в 1611 г. был стряпчим; в 1635–1637 гг. – воеводой на Черном Яру; в 1638 г. – воеводой у Дубенских засек и в том же году делал Козельскую засеку.

В январе 1642 г. Д.П. Горчаков участвовал в числе дворян московских на соборе, рассматривавшим вопрос об удержании за Россией Азова (см.: там же, ч. 1, с. 452).

Прапрапрадед кн. Н.И. Горчакова, кн. Петр Иванович Горчаков, в 1608–1611 гг. был вторым воеводой в Смоленске. Во время осады Смоленска в 1608–1611 гг. польским королем Сигизмундом кн. П.И. Горчаков, по словам П.В. Долгорукова, «самым мужественным и доблестным образом» оборонял Смоленск от поляков вместе с боярином М.Б. Шейным (*Долгоруков*, ч. 1, с. 65). По взятии Смоленска кн. П.И. Горчаков был взят в плен и увезен в июне 1611 г. в Польшу, где и умер.

В конце XVIII в. и в XIX в. положение изменилось. Так, сын кн. Н.И. Горчакова – Василий Николаевич – состоял в штате императора Павла I, пользовался, по свидетельству современников, «величайшей милостью у императора» (*Русская старина*, 1901, т. 105, № 2, с. 336), имел чин генерал-майора, был кавалером многих орденов. Троюродный брат П.Н. Толстой, кн. Алексей Иванович Горчаков (1769–1817), сын И.Р. Горчакова, был военным министром в 1812–1815 гг. Двоюродный племянник П.Н. Толстой, троюродный дядя Л.Н. Толстого, кн. Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) – дипломат, государственный канцлер, министр иностранных дел.

Только и служил ~ князь Роман Федорыч... – Кн. Роман Федорович Горчаков (1689–до 1779) – статский советник.

...Иван Романыч был уже генерал и женатый на дочери генерала ~ Суворова. – Речь идет о кн. Иване Романовиче Горчакове (1716–1801), генерал-поручике, женатом на Анне Васильевне Горчаковой, урожденной Суворовой (1744–1813).

...Иван Федорович служил при Петре ~ сержантом вышел в отставку. – Кн. И.Ф. Горчаков, поступив на военную службу в 1714 г. при Петре I, вышел в отставку в чине майора уже при Анне Иоанновне, в 1731 г. (см.: *Власьев. Потомство Рюрика*, с. 461).

...князя Ивана Федоровича ~ от которого и пошел род Горчаковых. – Основанием для этого утверждения послужили сведения из «Российской родословной книги» П. Долгорукова: «Князь Иван Федорович Козельский и Перемышльский – Горчак (по его прозвищу и потомки его пишутся князьями Горчаковыми)» (*Долгоруков*, ч. 1, с. 61–62). Г.А. Власьев рассматривает кн. И.Ф. Горчакова как родоначальника «главной ветви князей Горчаковых» (*Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 451).

Родоначальником князей Горчаковых, по мнению П.В. Долгорукова и Г.А. Власьева, был кн. Роман Иванович Козельский и Перемышльский (*Долгоруков*, ч. 1, с. 49; *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 21).

В 1538 г. кн. Иван Федорович Горчаков был наместником в Карачеве, а в следующем – 1539 г. – царь Иоанн IV пожаловал ему город Карачев (*Власьев. Потомство Рюрика*, т.1, ч. 1, с. 499).

В 1563–1564 гг. И.Ф. Горчаков был воеводой в Рязске.

...7 поколений Горчаковых прошло с тех пор... – Кн. И.Ф. Горчаков был представителем XXIII колена от Рюрика рода князей Горчаковых; кн. Н.И. Горчаков и его братья – представители XXIX колена (см.: *Долгоруков*, ч. 1, с. 61–62). У Власьева иной счет: И.Ф. Горчаков – представитель XX колена от Рюрика; Н.И. Горчаков и его братья – XXVI (см.: *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 451, 465).

С. 262. Князь Николай Иванович с своими братьями Алексеем, Петром, Павлом... – Алексей Иванович Горчаков (1737–1805), младший брат кн. Н.И. Горчакова, коллежский ассессор, дед канцлера А.М. Горчакова.

Петр Иванович Горчаков, старший брат кн. Н.И. Горчакова, в 1731 г. был пажом царицы Прасковьи Федоровны, в 1744 – поручик Астраханского драгунского полка, в 1751 г. – капитан Воронежского пехотного полка, в 1763 г. – секунд-майор.

Павел Иванович Горчаков (1730 – до 1797), средний брат кн. Н.И. Горчакова, в 1751 г. – капрал Семеновского полка, умер до 1797 г. в звании майора.

...новой императорской власти. – Торжественная церемония поднесения царю Петру I российским Сенатом титула Петра Великого, Отца Отечества и Императора Всероссийского состоялось 22 октября 1721 г. в Троицком соборе Санкт-Петербурга. Этой торжественной церемонией завершились празднества по случаю окончания Северной войны.

...учил старшего сына (остальные были на 6 лет моложе Николая и остались после отца сиротами), кроме русской грамоты ~ и арифметике. – В действительности старшим сыном кн. И.Ф. Горчакова был кн. Петр Иванович, родившийся в 1722 г. Князь Николай Иванович был четвертым сыном кн. И.Ф. Горчакова (1731); моложе его был только князь Алексей Иванович (1737).

Обязанность начального обучения детей была возложена на дворян в эпоху петровских реформ начала XVIII в. Эта повинность находилась в тесной связи с обязательной для дворян военной и гражданской службой и была обусловлена острой нехваткой отечественных специалистов и даже грамотных людей, способных служить в новых гражданских учреждениях, в новых полках регулярной русской армии и во флоте. Чтобы восполнить эту нужду в специалистах Петр I своим Указом от 28 февраля 1714 г. предписал устроить во всех провинциях государства начальные школы в монастырях и архиерейских домах для обучения «грамоте, цыфири и некоторой части геометрии», а на дворян в возрасте от 10 до 15 лет возложил обязанность посещать школу. В качестве наказания дворянам, не получившим аттестата о сдаче экзамена по школьной программе, запрещено было жениться. Позднее, уже при Анне Иоанновне, в 1736–1737 гг., дворянам, бойкотировавшим казенные школы, было разрешено обучать своих детей в возрасте от 7 до 20 лет дома.

...тогда всех недорослей с 7-летнего возраста водили на смотр и записывали. – Недорослями называли дворянских детей, не достигших совершеннолетия и не поступивших еще на государеву службу. Согласно указу императрицы Анны Иоанновны от 1737 г., дворянские дети должны были с 7 лет обучаться в начальных школах. Те, кто получал домашнее образование, должны были держать испытания в науках в 7, 12 и 17 лет. В 12 лет дворянский недоросль должен был иметь знания по грамматике, арифметике и закону Божьему. Если к 17 годам юный дворянин не овладевал грамотой, его отдавали в матросы или солдаты.

...в 1745 году, в царствование Елизаветы, записал на службу. – По-видимому, кн. Н.И. Горчаков был записан на службу в раннем возрасте, так как уже в 13 лет – в 1744 г. – числился сержантом Белозерского полка (Власьев. Потомство Рюрика, ч. 1, с. 465).

Царствование императрицы Елизаветы Петровны продолжалось с 25 ноября 1741 г. по 25 декабря 1761 г.

Здесь и далее в тексте романа, как уже отмечалось выше, наблюдаются разногласия между сведениями о времени записи Н.И. Горчакова на службу и времени его выхода в отставку, о записи на службу и участии в турецком походе, о его возрасте, о сроке жизни в деревне.

В бытность его на службе ~ князь Иван Федорыч умер. – Кн. Иван Федорович Горчаков скончался в августе 1750 г. Мы не располагаем сведениями о том, в каком полку служил в это время его сын, кн. Н.И. Горчаков. Из разысканий Г.А. Власьева следует, что в феврале 1751 г., когда кн. Н.И. Горчаков по разделу с братьями получил наследство отца, он был поручиком Брянского Ландмилицкого полка (там же, ч. 1, с. 465).

...нельзя было в те времена отбыть от службы... – Отмена обязательной для дворянского сословия воинской службы произошла 18 февраля 1762 г. с изданием указа Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

...был с Минихом в 1739 году в походе в Турцию... – Генерал-фельдмаршал Миних Бурхард Кристоф (1683–1767) – главнокомандующий русской армией в русско-турецкую войну 1735–1739 гг.

Князь Н.И. Горчаков в этой войне не участвовал по малолетству.

В 1740 (году) он вышел в отставку... – Князь Н.И. Горчаков вышел в отставку в чине секунд-майора гораздо позднее, так как в 1740 г. ему было всего 9 лет.

...женился в 745 (году) (на) 14-летней девице Ртищевой... – Ртищева – вымышленная девичья фамилия жены кн. Н.И. Горчакова. В действительности ею была Е.А. Лукина.

Сведения о раннем замужестве своей прабабки Толстой мог почерпнуть из семейных преданий.

Ранний – 14 или 15-летний – возраст невесты был в XVIII в. нередким явлением в среде провинциального дворянства. Так, например, мемуаристка А.Е. Лабзина была выдана замуж, когда ей исполнилось 13 лет (см.: Воспоминания А.Е. Лабзиной. СПб., 1914. С. X; 20); мать Гоголя, Мария Ивановна, венчалась со своим мужем, когда ей минуло

четырнадцать лет (*Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892, т. 1, с. 43).

...*кроме меньшего Павла...* – Фактически младшим братом Н.И. Горчакова был Алексей, родившийся в 1737 г., а не Павел, появившийся на свет в 1730 г.

...*разделился с братьями, отдав им родовое Каширское имение...* – Поместные владения князей Горчаковых находились в Каширском, Московском, Владимирском и других уездах. В разрядных книгах князя Горчаковы писались каширянами.

...*в Чернскую деревню материну, доставшуюся ему.* – В приданое от матери, кн. А.Г. Морткиной, кн. Т.Г. Горчакова получила владения в Костромском, Московском, Ярославском, Вологодском уездах (см. *Власьев. Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 462).

Имена в Чернском уезде, по всей вероятности, были приобретены во владения самим кн. Н.И. Горчаковым.

...*когда у него родился 1-й сын...* – Первым сыном Н.И. Горчакова, скорее всего, был Александр.

Чин у него в отставке был поручицкий... – В действительности кн. Н.И. Горчаков вышел в отставку секунд-майором. О том, что его прадед имел чин майора, Толстой узнал из справки, составленной И.Н. Николевым по документам Московского сенатского архива. – См. с. 626.

С. 263. ...*строить в Вяземском новый храм каменный...* – См. с. 643.

...*в Никольский...* – Возможно, речь идет о Свято-Никольском женском монастыре в Веневе, одном из самых древних православных монастырей на Руси.

...*в Оптину...* – Мужской монастырь Оптина (Введенская) пустынь находится в двух километрах от города Козельска. Монастырь, по преданию, основан в XIV в. раскаявшимся разбойником по имени Опта, в иночестве Макарий. С 1820-х годов монастырь славился своими старцами. Толстой неоднократно посещал этот монастырь и последний раз незадолго до смерти, когда, покинув Ясную Поляну, приехал в Оптину пустынь и село Шамордино, где в женском монастыре жила его сестра, монахиня М.Н. Толстая.

...*Духов...* – Возможно, имеется в виду Свято-Духов мужской заштатный монастырь, который стоит на крутом берегу реки Зуши в 4 километрах от города Новосиля.

...*был росту 6 вершков...* – Вершок – русская мера длины, равная 4,45 см и применявшаяся до введения метрической системы мер. По установившейся традиции в XVIII и XIX вв. рост обозначался вершками, которые отмерялись сверх двух аршин (аршин равнялся 0,71 м). Следовательно, рост кн. Н.И. Горчакова равнялся 168,7 см.

⟨ПЯТОЕ НАЧАЛО⟩

ТРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ

С. 264. *Возьмите иго мое на себе ~ и смирен сердцем.* – Эпиграф взят из Евангелия от Матфея (Мф. 11, 29). Из этого же источника заимствовано и название пятого начала романа. Ср.: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28).

Князь Николай Иванович Горчаков ~ старший в роде древнего и знаменитого рода князей Горчаковых Черниговских. – Старшим представителем рода князей Горчаковых в поколении, к которому принадлежал Николай Иванович Горчаков, был его двоюродный брат, Иван Романович Горчаков. Старшим же сыном Ивана Федоровича Горчакова был Петр Иванович Горчаков.

Черниговскими князьями Горчаковы именовали себя потому, что вели происхождение своего рода от святого Михаила Всеволодовича, Великого князя Черниговского (1179–1246). В 1246 г. Михаил Всеволодович по велению Батыея отправился в Орду, где за отказ выполнить языческие обряды подвергся пыткам и был убит. За свою мученическую смерть за веру Христову он был причислен Православной Церковью к лику святых (см.: Долгоруков, ч. 1, с. 48; Власьев. *Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 7, 15, 503).

Князь Николай Иванович родился в 1731 году. – Указанный Толстым год рождения его прадеда соответствует действительности.

...он был записан в Преображенский полк. – См. с. 644–645.

...по смерти своего родителя в 1754 году... – Отец кн. Николая Ивановича – Иван Федорович – скончался в августе 1750 г. Дату его смерти Толстому сообщил И.Н. Николев в письме от 30 марта 1879 г.: «Иван Федорович умер в 1750 году в августе месяце» (ОР ГМТ).

С. 265. *...женила меньших сыновей своих ~ Петра и Павла...* – Фактически Петр был первым, а Павел – третьим сыном Т.Г. и И.Ф. Горчаковых. Петр Иванович Горчаков женился на Прасковье Ивановне Басаргиной. Сведения о жене Павла Ивановича не разысканы. Возможно, он не был женат.

...она разделила и свое имение ~ и постриглась в инокини в монастырь под именем матери Амфилогии. – Приняв решение уйти в монастырь, Т.Г. Горчакова в декабре 1754 г. продала принадлежавший ей и ее детям дом в Москве, в Гнездниках, своему сыну Николаю (Власьев. *Потомство Рюрика*, ч. 1, с. 462). Эта продажа, по мнению современного исследователя, «была, очевидно, вызвана двумя причинами: во-первых, потребностью сделать вступительный вклад в монастырь, и, во-вторых, желанием отойти от мирской жизни, связанной с владением имуществом» (Пузин Н. *Портреты предков Толстого*, с. 141).

...и игуменье, и сестрам помогай... – Игуменья – настоятельница женского монастыря.

Сестры – насельницы монастыря.

...каждую осень посылал обозы... – Имеются в виду обозы с продовольственными запасами.

...смерть Елисаветы Петровны... – Российская императрица Елизавета Петровна скончалась 25 декабря 1761 г.

...восшествие на престол Петра III... – Российский император Петр III (Петр Федорович, урожд. Карл-Петр-Ульрих Гольштейн-Готторпский, 1728–1762) взошел на престол 25 декабря 1761 г. Ранее – в 1742 г. – он был привезен в Россию, крещен по православному обряду под именем Петра Федоровича и назначен своей теткой императрицей Елизаветой Петровной наследником престола как единственный прямой потомок Петра I. Вступив на престол, Петр III осуществил две важные реформы: уничтожил Тайную канцелярию и 18 февраля 1762 г. издал Манифест о вольности дворянства. 29 июня 1762 г. Петр III был свергнут с престола своей женой, будущей императрицей Екатериной II, и через неделю скончался при таинственных обстоятельствах.

...Екатерины... – О восшествии на престол Екатерины II см. с. 642.

...был в случае... – То есть в милости у начальства, в силе.

С. 266. *Мать Амфилогия, скончавшаяся схимницею уже в 1813 году, 105 лет от рождения...* – В действительности Т.Г. Горчакова скончалась в октябре 1781 г. в возрасте 70 лет.

Схимница – монахиня, избравшая самые строгие правила монастырской жизни: полный аскетизм, затворничество, ношение тяжелых вериг.

Это было Великим постом... – То есть в период Великого поста, начинающегося за 7 недель до Пасхи и завершающегося в день Светлого Христова Воскресения.

...молебна угоднику... – Возможно, речь идет о молебне особенно почитаемому среди верующих святому угоднику Божию – святителю Николаю Чудотворцу. Молебен мог быть также посвящен Преподобному Сергию Радонежскому (в миру Варфоломей, 1314–1392).

...молебны родителям преподобного... – По-видимому, речь идет о молебнах родителям Преподобного Сергия Радонежского, преподобной Марии и преподобному Кириллу Радонежским (?–1337). Они почитались как святые уже в XIV в., хотя их общецерковное прославление произошло только в 1992 г.

С. 267. *...дядя князь Алексей Иванович...* – Алексей Иванович Горчаков, младший брат кн. Н.И. Горчакова.

...для князя Павла Ивановича... – Павел Иванович Горчаков, средний брат кн. Н.И. Горчакова.

...разбита турецкая палатка... – Прототипом турецкой палатки является центрально-азиатская войлочная юрта. Палатки изготавливались для различных целей, их использовали в качестве жилых и хозяйственных помещений. Палатки отличались по форме – с двускатной или конусовидной крышей; могли быть рассчитаны как на одного, так и на нескольких человек.

...у двери в балаган... – Балаган – временная легкая, обычно дощатая, постройка для различных надобностей (жилья, склада, торговли и т. д.).

...разбудив казачка... – Казачком в дворянских домах обычно называли мальчика-слугу.

...понес мальчика в земскую избу... – Земская изба – изба, в которой размещалось земское правление и происходила первая степень судебного разбирательства и расправы.

С. 268. ...пришли в волостную избу... – Волостная изба – изба, где размещалось волостное правление, состоявшее из старшин и старост, писаря или земского.

«Пошла я с девками на толчею... – Толчея – всякое устройство для толчения, измельчения, дробления. Здесь толчея: мельница ударного действия для измельчения пшеницы, ржи и т. д.

...в овине... – Овин – постройка, в которой снопы хлеба, льна или конопли, помещенные на жердях в верхней части, подсушивались теплым воздухом от печи или от костра перед молотьюбой.

...как ярочка плачет. – Ярочка – молодая, еще не ягнившаяся овца.

...вода на заставках шумит. – Заставка – щит, удерживающий воду в колесах водяной мельницы.

...у Скурятихи бондарничал. – Бондарничал – изготовлял бочки.

С. 269. ...прошел в год Часослов и Псалтырь... – Часослов – книга псалмов и молитв для ежедневных церковных служб. Псалтырь – часть Библии, книга псалмов (церковных песнопений). Псалтырь и Часослов использовались для обучения грамоте.

И мамка его... – Мамка – кормилица, старшая няня.

...с клироса... – Клирос или клиросы – возвышенные места справа и слева перед иконостасом для расположения церковного хора во время богослужения.

ДЕКАБРИСТЫ

ВАРИАНТЫ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

Впервые: «XXV лет. 1859–1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». СПб., 1884, с. 252–271.

Рукописный фонд составляет 61 лист: три автографа и копия (наборная рукопись) рукой А.М. Кузминского и С.А. Толстой с исправлениями Толстого.

Печатается по наборной рукописи (в *Описании* рук. 27, 28) с исправлениями по автографам (в *Описании* рук. 19, 23, 24):

С. 270, строка 9: под лесами – вместо: под лесом (по А₁)¹.

¹ А₁ – автограф (в *Описании* рук. 19).

- С. 270, строка 16:* в этом деле уверенный в своей правоте – *вместо:* уверенный в этом деле в своей правоте (по А₁).
- С. 270, строки 17–18:* поверенный крестьян, по ремеслу горшечник – *вместо:* поверенный крестьян (по А₁).
- С. 270, строка 21:* Но тотчас же – *вместо:* Но тотчас (по А₁).
- С. 270, строки 23–24:* подал апелляцию в Палату – *вместо:* который подал в Палату апелляцию (по А₁).
- С. 270, строка 27:* подарки из собранной с крестьян по 50 копеек с души суммы – *вместо:* подарки (по А₁).
- С. 271, строка 7:* приказать все дело – *вместо:* поручить все дело (по А₁).
- С. 271, строка 13:* сходитья с князем – *вместо:* сходитья с ним (по А₁).
- С. 271, строки 14–15:* в бывшей спорной, а теперь апыхтинской земле – *вместо:* в бывшей спорной земле, а теперь апыхтинской (по А₁).
- С. 271, строки 15–16:* было посеяно в спорной земле – *вместо:* было посеяно на спорной земле (по А₁).
- С. 271, строки 16–17:* Апыхтин о нем хотел, не желая их обидеть, с ними полюбовно сходитья – *вместо:* Апыхтин, не желая их обидеть, хотел о нем полюбовно с ними сходитья (по А₁).
- С. 271, строка 21:* поехал рано утром в церковь – *вместо:* причащался и поехал рано утром в церковь (по А₁).
- С. 271, строка 24:* исповедовался – *вместо:* исповедался (по А₁).
- С. 271, строки 29–31:* он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения раз в году – *вместо:* он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещал церковь и говел раз в году (по А₁).
- С. 271, строка 32:* если бы у него спросили – *вместо:* если бы его спросили (по А₁).
- С. 271, строки 36–37:* и вот он знает, что все и домашние его, и все вот в церкви, все смотрят на него – *вместо:* и вот он знает, что все и домашние его и все в церкви смотрят на него (по А₁).
- С. 272, строка 1:* а вот он и стар – *вместо:* а вот он стар (по А₁).
- С. 272, строки 5–6:* склоняется к земле – *вместо:* склоняется (по А₁).
- С. 272, строки 13–15:* Благовидный старик, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями – *вместо:* Благовидный старик, ровно шагая вывернутыми лаптями, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины (по А₁).
- С. 272, строка 16:* прошел за алтарь – *вместо:* пошел за алтарь (по А₁).
- С. 272, строки 20–21:* один из лучших, один из редких богатых семейных хлебоsevцев – *вместо:* один из лучших, богатых, семейных хозяев (по А₁).
- С. 272, строки 25–26:* как на той, так и на другой ноге – *вместо:* как на одной, так и на другой ноге (по А₁).

- С. 272, строка 27: у Маши – *вместо*: у Мани (по А₁).
- С. 272, строка 28: и у Володи-камердинера – *вместо*: у Володи-камердинера (по А₁).
- С. 272, строка 29: простить их – *вместо*: простить (по А₁).
- С. 272, строки 34–35: человек десять – *вместо*: человек сорок (по А₁).
- С. 272, строка 38: вдова, та самая – *вместо*: вдова (по А₁).
- С. 272, строка 41: осталось – *вместо*: оставалось (по А₁).
- С. 272, строка 42: обе салопницы – *вместо*: две салопницы (по А₁).
- С. 273, строка 3: чернышевский лакей – *вместо*: чернышевский (по А₁).
- С. 273, строка 6: почтительно замолкли – *вместо*: замолкли (по А₁).
- С. 273, строки 7–8: закрывая – *вместо*: прикрывая (по А₁).
- С. 273, строка 9: сгорбленная старуха – *вместо*: сгорбленная старушка (по А₁).
- С. 273, строка 17: молящуюся старуху – *вместо*: молящуюся старушку (по А₁).
- С. 273, строка 18: на коленях – *вместо*: на коленях (по А₁).
- С. 273, строка 27: она, тяжело вздыхая, отнимала правую руку – *вместо*: она тяжело вздыхала и отнимала правую руку (по А₁).
- С. 273, строка 30: опускалась головой – *вместо*: опускала голову (по А₁).
- С. 273, строка 43: шутовской ум – *вместо*: сметливый ум (по А₁).
- С. 274, строка 4: принеси мне еще – *вместо*: принеси мне (по А₁).
- С. 274, строка 10: противуречие – *вместо*: противоречие (по А₁).
- С. 274, строка 16: если я вас чем обидел – *вместо*: если я чем обидел (по А₁).
- С. 274, строки 18–19: но, наконец поняв, усмехнулся нежной улыбкой – *вместо*: но наконец понял, усмехнулся нежно (по А₁).
- С. 274, строка 32: милостливый – *вместо*: милостивый (по А₁).
- С. 274, строка 36: служилось – *вместо*: служилась (по А₁).
- С. 274, строка 39: кликнуть Мишку – *вместо*: кликнуть Мишке (по А₁).
- С. 276, строка 12: узких панталонах на сапогах без каблучков – *вместо*: узких панталонах, в сапогах без каблучков (по А₁).
- С. 276, строки 12–13: с вострыми носками – *вместо*: с острыми носками (по А₁).
- С. 276, строка 15: уступавших ему место – *вместо*: уступавших ему места (по А₁).
- С. 276, строка 17: с той неловкостью – *вместо*: с тою же неловкостью (по А₁).
- С. 276, строка 27: отвечал он на поздравления – *вместо*: отвечал он на поздравление (по А₁).
- С. 276, строки 27–28: Что ж, скоро пахать. Пашете? – *вместо*: Что ж, скоро пахать? (по А₁).
- С. 276, строка 30: заробев – *вместо*: заробевши (по А₁).

- С. 276, строка 32: Время еще рано. Рано еще время. – *вместо*: Время еще раннее. Раннее время. (по А₁).
- С. 276, строка 34: сел в коляску – *вместо*: сел в коляску шестериком с форейтором (по А₁).
- С. 276, строка 40: И слава Богу, что причастился – *вместо*: Слава Богу, что причастился (по А₁).
- С. 276, строки 40–41: что можно табачку понюхать – *вместо*: что табачку понюхать (по смыслу).
- С. 277, строки 1–2: приподнимая шапку – *вместо*: приподнимал шапку (по А₁).
- С. 277, строка 2: поклоны народа – *вместо*: поклоны встречавшегося народа (по А₁).
- С. 277, строки 9–10: крикнул на форейтора – *вместо*: крикнул форейтору (по А₁).
- С. 277, строка 17: теперь – *вместо*: теперь же (по А₁).
- С. 277, строка 29: всего того – *вместо*: всего (по А₁).
- С. 277, строки 31–32: подумал, улыбаясь, он – *вместо*: подумал он (по А₁).
- С. 277, строка 32: Катя – *вместо*: Като (по А₁).
- С. 277, строка 39: всякое затруднение, недоразумение разрешая шуткой – *вместо*: разрешая всякое затруднение, недоразумение шуткою (по А₁).
- С. 278, строки 17–18: с которой капала вода по всем швам – *вместо*: с которой капала вода (по А₁).
- С. 278, строка 20: и Николай – *вместо*: Николай (по А₁).
- С. 278, строка 21: и за ними девочка – *вместо*: а за ними девочка (по А₁).
- С. 278, строки 24–25: Вот мамашу обеспокоите – *вместо*: Вот мамаша обеспокоится (по А₁).
- С. 278, строка 30: Причастился? – *вместо*: Причастился. (по А₁).
- С. 278, строка 38: Она сейчас выйдет – *вместо*: Она сидит внизу (по А₁).
- С. 278, строка 40: Андрей Ильин – *вместо*: Андрей Иванович (по А₁ (Андр Ил) и поправке Н.Н. Гусева в его личном экз. Юб. изд., т. 17, с. 47).
- С. 279, строки 12–13: грубивших – *вместо*: нагрубивших (по А₂)¹.
- С. 279, строка 13: После этого – *вместо*: После того (по А₂).
- С. 279, строка 19: живут хорошо и без этой земли – *вместо*: и без этой земли живут хорошо (по А₂).
- С. 279, строка 24: не хлопотал о деле в Сенате – *вместо*: не хлопотал в Сенате (по А₂).
- С. 279, строка 33: было поздно хлопотать – *вместо*: поздно было хлопотать (по А₂).
- С. 280, строка 7: и послан был обоз – *вместо*: послан был обоз (по А₂).

¹ А₂ – автограф (в *Описании* рук. 23).

С. 280, строка 17: говорил ему о деле – *вместо:* говорил о деле (по A_2).

С. 280, строки 24–25: оставшееся – *вместо:* оставшиеся (по A_2).

С. 281, строка 3: снесли – *вместо:* снесла (в A_2 и в наборной рукописи осталось не исправленным по недосмотру, исправлено во всех изданиях, начиная с 5-го) (*Толстой Л.Н. Сочинения графа Л.Н. Толстого. М., 1886, ч. 1–12*).

С. 281, строка 9: При выходе – *вместо:* По выходе (по A_2).

С. 282, строка 1: Тихоновна и не знала – *вместо:* Тихоновна не знала (по A_2).

С. 282, строки 12–13: на деревенских пуще и зарятся – *вместо:* на деревенских зарятся (по A_2).

С. 282, строка 15: заробев – *вместо:* заробевшая (по A_2).

С. 283, строка 33: выслали – *вместо:* выгнали (по A_3)¹.

С. 284, строка 5: на коленях – *вместо:* на коленях (по A_3).

С. 284, строки 19–20: сдвинувшись с места, за которое он зацепился – *вместо:* сдвинувшись с места, за который зацепился (по A_3).

С. 284, строки 22–23: в ее правильном деревенском наряде – *вместо:* в правильном деревенском наряде (по A_3).

С. 284, строка 23: истово кладущую кресты – *вместо:* кладущую кресты (по A_3).

С. 284, строки 40–41: как бы не зная, как обратиться – *вместо:* не зная, как обратиться (по A_3).

С. 284, строка 43: переросший фореитор – *вместо:* фореитор (по A_3).

С. 285, строки 4–5: взялась ухватом за другой горшок – *вместо:* взялась ставить другой горшок (по A_3).

С. 285, строки 19–20: и оправив рукава из-под поддевки и бережно сложив его, начала разуваться – *вместо:* и бережно сложив его, и начала разуваться (по A_3).

С. 285, строка 35: Известно, дело хлопотное. – *вместо:* Известное дело. Хлопоты. (по A_3).

С. 285, строки 35–36: подтвердила старуха – *вместо:* подтвердила Тихоновна (по A_3).

С. 285, строки 41–42: старуха узнала все про неловкую торопливую Марину – *вместо:* старуха все про неловкую красивую Марину (по A_3).

С. 285, строка 43: шьет кафтаны выездные кучерам – *вместо:* шьет кафтаны выездным кучерам (по A_3).

С. 286, строка 1: лохматый – *вместо:* мохнатый (по A_3).

С. 286, строка 2: Когда Панкрат вышел из избы – *вместо:* Панкрат вышел из избы (по A_3).

В 1884 г. к Толстому обратился редакционный комитет сборника к 25-летию Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с просьбой дать в сборник какое-нибудь неопубликованное произведение.

¹ A_3 – автограф (в *Описании рук.* 24).

Из большого количества рукописей, относящихся к незавершенному роману «Декабристы», Толстой выбрал три главы, написанные в 1860-х годах (см. т. 4 наст. изд.), и два варианта первой главы, написанные в 1878 г. Автографы 1878 г. (в *Описании* рук. 19, 23, 24) заглавий не имеют. Заголовок «Варианты первой главы» вписан рукой С.А. Толстой в наборной рукописи.

Автограф первого варианта первой главы (в *Описании* рук. 19) был написан в мае 1878 г. на четырех полулистах писчей бумаги, сложенной пополам, и занимает четырнадцать страниц из шестнадцати. На третьей и четвертой страницах текст зачеркнут и заменен новым, написанным на полях. Кроме многочисленных исправлений в тексте, есть вставки и отдельные записи на полях первой, шестой, одиннадцатой и тринадцатой страниц.

Первоначально первая глава была краткой и занимала всего четыре страницы. Начало представляло собой почти конспективное изложение спорного дела князя Ивана Петровича Чернышева и крестьян села Излегощи. Непосредственно за фразой о том, что Иван Петрович поехал в Чистый четверг в церковь, следовал рассказ о его встрече с церковным старостой Кузьмой Федотовым и о том, как князь перед причастием просил прощения у мужика. Кузьма Федотов охарактеризован кратко: «один из самых зажиточных и степенных и уважаемых стариков села», и упомянута лишь одна деталь его внешности: «короткие, толстые, не разгибающиеся почти пальцы». В выборе его имени Толстой колебался, называя его то Иваном, то Кузьмой. Заканчивалась глава сохранными в окончательном тексте восторженными возгласами старушки Парамоновны, у которой помещик также просил прощения. Дописав эту сцену, Толстой на пятой странице римской цифрой обозначил начало второй главы, но, даже не начав писать ее, приступил к переделке первоначального текста.

В новом, исправленном варианте первой главы спорное дело с крестьянами вел помещик Иван Петрович Апыхтин¹. Краткий рассказ о его тяжбе с крестьянами был дополнен важными подробностями, объясняющими характер «неправильного» дела: Иван Петрович Апыхтин – «человек самый кроткий, смиренный и не охотник судиться», успех же крестьян был обеспечен действиями их поверенного Ивана Миронова, который «ловко вел все дело».

Описание приезда барина в церковь и его разговор с церковным старостой Иваном Федотовым² Толстой зачеркнул и написал на полях двух уже заполненных текстом страниц и на десяти следующих страницах новый текст, в который из прежнего вошло лишь восстановленное и исправленное первоначальное окончание главы со слов: «Иван Федотов совсем заробел, заторопился, но, наконец поняв, усмехнулся нежной

¹ В автографе иногда: Апуктин

² На пятой странице автографа он назван еще Кузьмой, далее в автографе – Иван.

улыбкой» – до слов: «Ну, полно, полно, ты знаешь, я не люблю... – сказал Иван Петрович, улыбаясь, и пошел в алтарь».

На тринадцатой странице автографа во вновь написанный текст была сделана большая вставка, начинающаяся словами: «Не доезжая дома, фореитор оглянулся на кучера и что-то указал; кучер оглянулся на лакея и указал. И все они поглядывали в одну сторону.

– Что вы смотрите? – спросил Иван Петрович.

– Гуси, – сказал Михайла».

В этой вставке раскрывается содержание краткой записи на полях одиннадцатой страницы: «Коляска шестерней. Фореитор оглядывается». Такой прием обозначения темы или деталей повествования, получающий развитие в дальнейшем, Толстой использовал часто. Значение подобных кратких помет велико: они не только помогают раскрыть движение авторской мысли при создании отдельного фрагмента текста, но нередко играют роль связующих нитей между частями незавершенного произведения. Например, с указанной записью связана фраза во <Фрагменте восьмого начала>: «Гуси пролетели. Пахота хороша должна б(ыла) быть» (см. т. 9 второй серии).

В исправленном и дополненном варианте первой главы появилось описание внутреннего состояния Апыхтина во время службы – мучившей его неопределенности относительно веры. Эта тема была особенно значимой для Толстого в 1870-е годы. Помещая в различный исторический контекст волновавшие его мысли, Толстой затронул тему веры и неверия почти во всех написанных в это время произведениях. Так, внутренние монологи Апыхтина близки рассуждениям профессора филологии из (Прений о вере в Кремле), который говорит о себе: «Я не был материалистом, но и не мог бы сказать, чем я собственно был. Я не успел составить себе никаких определенных убеждений». Столь же важной эта тема оставалась для Толстого и в 1880-е годы. Возможно, что выбор в 1884 г. для публикации именно этого начала романа был связан с тем, что в январе 1884 г. Толстой завершил работу над трактатом «В чем моя вера?», а в сентябре и ноябре того же года занимался последней переработкой «Исследования догматического богословия».

В исправленный текст первой главы Толстой включил также подробное описание народа, молившегося в церкви. Сравнение невнимательной молитвы помещика с усердной молитвой старухи сближает этот вариант первой главы с (Фрагментом восьмого начала), где описана молитва церковного старосты Ивана Федотова. В переработанной первой главе появилось также подробное описание внешности и характера Ивана Федотова, который является главным героем в других началах романа (см. т. 9 второй серии).

Дополненный вариант заканчивается в автографе конспективным изложением содержания намеченной далее главы: помещик Апыхтин, принимавший поздравления с причастием и пивший кофе с крендельками на миндальном молоке, неожиданно узнает про «волнения по случаю запашки мужиками земли», про посланных женою тайно от него с землемером солдат и про «пальбу». Иван Петрович сердится и ссорится

из-за этого с женой. Этот план частично реализован Толстым в 〈Тринадцатом начале〉, где описаны ссора и драка мужиков с землемером (см. т. 9 второй серии).

Копия с автографа первого варианта первой главы (в *Описании* рук. 27) была сделана А.М. Кузминским. Серьезные трудности, с которыми он сталкивался при переписывании, были связаны прежде всего с тем, что правка в автографе не везде была доведена Толстым до конца. В таких случаях копиист ставил знаки вопроса на полях и даже делал пометы. Например, А.М. Кузминский заметил несоответствие слова «обедня» во фразе: «“Но грех, грех; надо молиться”, – сказал он себе, когда началась обедня, и, вслушиваясь в смысл эктении, стал молиться» (л. 6) – дальнейшему повествованию, где говорилось, что Иван Петрович «решил попросить прощенья у Ивана Федотова после заутрени» (л. 7 об.). Зачеркнув слово «обедня» и написав сверху «служба?», А.М. Кузминский отметил на полях: «дальше заутрени». Раздумья его над этим несоответствием отразились и в том, что он сначала опустил слова «после заутрени» и вписал их позже, когда исправил «обедню» на «службу».

Вероятно, исправления в наборной рукописи, относящиеся к обозначению службы, были согласованы с Толстым. В наборной рукописи на полях против слов «Преждеосвященная обедня» карандашом поставлен знак вопроса (л. 13 об.) и зачеркнуто слово «Преждеосвященная». Затем это слово вторично зачеркнуто чернилами. И все же, несмотря на это исправление, несогласованность осталась: в наборной рукописи, как и в автографе, говорится то о *заутрене* и *обедне*, составляющих Литургию Преждеосвященных Даров (служится на Страстной седмице в понедельник, вторник и среду), то об *обедне*, т.е. о литургии Василия Великого (служится в Великий Четверг).

Вторая трудность для А.М. Кузминского заключалась в том, что он не имел достаточного опыта в чтении рукописей Толстого. Иногда он пропускал мелко вписанные и трудно читаемые слова, как, например, слова «по ремеслу горшечник», вписанные в автографе после слов: «Иван же Миронов, поверенный крестьян». А.М. Кузминский также не всегда понимал, в какое место текста сделана вставка, поэтому менял местами слова и части фраз. Так, в копии ошибочно: «в бывшей спорной земле, а теперь апыхтинской» – вместо правильного: «в бывшей спорной, а теперь апыхтинской земле». За линию зачеркивания в верхнем слое текста копиист принял прочерк, обозначающий окончание главы в нижнем слое, в результате чего вместо правильного: «склоняется к земле» – в копии: «склоняется».

Разночтения в автографе и в наборной рукописи связаны также с тем, что А.М. Кузминский достаточно вольно обращался с толстовским текстом, переставляя слова, внося стилистические поправки. Например, вместо авторского: «он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения раз в году» – копиист написал: «он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещал церковь и говел раз в году». Примеров, когда копиист своими знаками вопроса обращал внимание

Толстого на исправления, в копии очень мало. Большинство намеренных и возникших по недосмотру копииста разночтений осталось неисправленным в наборной рукописи. Толстой внес правку только в случаях явного искажения текста. Так, например, он исправил «оборотки» на «оборочки». В нескольких случаях Толстой заполнил текстом оставленные копиистом пробелы в тех местах рукописи, где А.М. Кузминский не справился с прочтением автографа. При этом в наборной рукописи неизбежно возникли новые авторские варианты, так как Толстой, исправляя текст копии, не обращался к автографу. Например, вместо: «сошелся с Иваном Федотовым» – в наборной рукописи появился другой авторский вариант: «столкнулся с Иваном Федотовым»; вместо первоначального: «из-за прошкинских талек» – в наборной рукописи: «из-за прошкинских баб».

Авторской правки, не вызванной необходимостью исправлять погрешности копииста, в наборной рукописи очень мало. Примером может служить дополненный Толстым фрагмент текста: «И он вспомнил знаменитый анекдот о теленке: как помещик, поссорившись с женою, сел у окна и увидел скачущего теленка: “Женил бы тебя!” – сказал помещик». В автографе было кратко: «И он вспомнил анекдот о теленке. “И женил бы тебя”».

Автографы публикуемого в настоящем томе второго варианта первой главы были созданы в первой половине ноября 1878 г. Первый из этих автографов (в *Описании* рук. 23) написан на четырех полулистах писчей бумаги, сложенной пополам. Из шестнадцати страниц текстом заняты четырнадцать и половина пятнадцатой страницы. Второй автограф (в *Описании* рук. 24) написан на одном полулисте писчей бумаги, сложенной пополам. Из четырех страниц исписаны первые три и треть четвертой страницы.

В первом автографе необычайно сложная, многослойная правка. Первоначально этот вариант начала романа состоял из двух глав. Первая глава занимала семь с половиной страниц; затем на трех с половиной страницах следовала вторая глава, которая впоследствии стала третьей (л. 7–8). На такую композицию указывает не только римская цифра II, исправленная на III, но и конспект первоначальной главы II, написанный на свободной части оборота четвертого листа. Этот конспект соответствует главе, в которой описано пребывание Тихоновны в черной избе среди дворовых Чернышевых. Своеобразие работы Толстого над второй главой заключается в том, что, прервав ее писание (на это указывает характер почерка и цвет чернил на л. 1), он не только начал новую вторую главу (л. 5–6 об.), но и написал на отдельных двух листах (в *Описании* рук. 24) другой, никак не озаглавленный, вариант главы, описывающий пребывание Тихоновны в черной избе. Главное отличие этого нового варианта от предыдущего заключается в том, что Тихоновна здесь называется Николавной. Продолжая работу над главой, ставшей третьей, Толстой называет старуху то Тихоновной, то Николавной. Есть в автографе даже такое написание: «Т<ихоновна> (Николавна)» (л. 7). Это служит дополнительным подтверждением тому, что отдельная гла-

ва, где появляется имя Николавна, была написана в перерыве работы над ранним текстом. В наборную рукопись вошел почти без изменений последний вариант, в котором старуха последовательно называется Николавной, при этом А.М. Кузминский при копировании текста автографа сам изменил ее имя на Тихоновну.

Более сложной переделке подверглись первая глава и вновь написанная вторая глава. Фрагмент, в котором рассказано о приходе Тихоновны в Пензу и ее попытке подать прошение великому князю Николаю Павловичу, о путешествии к Троице и о решении идти в Москву, имеет в автографе три слоя сложной правки. В первом из этих вариантов Тихоновна путешествует с дьяконицей и странником Еремушкой. Интересная деталь этого варианта раскрывает прием работы Толстого с текстом. Как бы забыв, что действие в этом начале романа происходит еще до восстания декабристов, Толстой пишет: «Еремушка много лишнего говорил, [по(носил)] бранил господ, говорил, что они кровь сосут, царя убить хотели, что надо царя простить». Объясняется это, вероятно, тем, что Толстой одновременно работал над несколькими началами романа. В следующем слое исправленного текста эта фраза о Еремушке уже отсутствует. Во втором варианте этого фрагмента Тихоновна вновь путешествует с дьяконицей и Еремушкой, который советует подать прошение царю. В третьем варианте Тихоновна и дьяконица идут уже вдвоем, без Еремушки. Изменяя детали, Толстой во всех вариантах сохранял главное в этом рассказе: Тихоновна, решившись идти на богомолье, проделывает длинный путь пешком и готова «хоть еще пострадать», чтобы подать царю прошение.

Следующий фрагмент, в котором описывается, как странницы пришли в Москву, как Тихоновна с дьяконицей (во всех вариантах, кроме последнего, с Еремушкой) нашли приют у Чернышевых на Арбате и как Тихоновна была в Кремлевских соборах, содержит четыре слоя правки. В последнем варианте Толстой неожиданно исправил «вернулись к двору Чернышевых» на «пришли к двору Одуевских» (л. 5). Возможно, это также отголоски работы с несколькими началами одновременно. Князь Одуевский – действующее лицо (Седьмого начала) и (Десятого начала) романа, а в (Четырнадцатом начале) главный герой называется одновременно и князем Чернышевым, и князем Одуевским (см. т. 9 второй серии).

В наборной рукописи Толстой еще раз изменил этот фрагмент, заполнив текст с многочисленными исправлениями поля восемнадцатой страницы. С этой страницы, превратившейся в трудночитаемый черновик, копия была снята уже не А.М. Кузминским, а С.А. Толстой, дополнившей наборную рукопись листом с переписанным ею текстом (оборот листа чистый).

Общий характер рукописи, заключающей в себе второй вариант первой главы, во всем напоминает копию, снятую А.М. Кузминским с первого автографа. Есть случаи, когда А.М. Кузминский сам исправлял свои погрешности; есть поставленные им знаки вопроса рядом с непрочитанными словами и его пометы на полях. В этой рукописи так же не-

много собственно авторской правки. Толстым исправлены только самые явные ошибки копииста. Важным изменением, внесенным Толстым в наборную рукопись, кроме правки на странице 18, является отмена деления всего текста на главы.

В настоящей публикации «Вариантов первой главы» устранены все значимые разночтения между автографом и наборной рукописью (см. список исправлений). Без изменения оставлены привнесенные А.М. Кузминским окончания -ою, -ие, вместо обычных для Толстого -ой и -ье, и написание «галстух», вместо «галстук».

Во второй половине 1870-х годов Толстой вновь обратился к теме декабристов, над которой активно работал в 1861–1862 гг. Тогда были написаны три главы задуманного художественного произведения (см. т. 4 наст. изд.). Главным героем в них выступал декабрист Петр Иванович Лабазов, приехавший с семейством из Сибири в центральную Россию после амнистии 1856 г. Главная идея задуманного романа была сформулирована Толстым в письме к А.И. Герцену от 14 (26) марта 1861 г.: «Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист (...). Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России» (*Юб.*, т. 60, с. 374). Появление в рассказе о современности героя-декабриста позволяло контрастно противопоставить две эпохи: прошлое – семья героя, где главенствовала мать Наталья Николаевна, и настоящее – московское дворянское общество 1850-х годов.

Обращение Толстого к декабристской теме в 1870-е годы оказалось отмечено новыми подходами к ней. Теперь эта многолетняя тема трактовалась писателем прежде всего как история взаимоотношений дворянства и крестьянского мира. Основными сюжетными узлами вновь задуманного произведения стали переселение крестьян из центральной России, трудовой крестьянский уклад, судебная тяжба между крестьянами и помещиком за землю. Эти сюжеты, не связанные с политической историей декабризма, должны были в дальнейшем пересечься с судьбами русских дворян-революционеров. Так складывался роман в 1874–1875 и в 1877–1878 гг. Сначала зародилась переселенческая сюжетная линия (1874–1875, март 1877), затем в центр повествования выдвинулось описание трудовой крестьянской жизни (май – октябрь 1877); позднее с ними слилась история судебной тяжбы между крестьянами и помещиком за землю и возникла декабристская сюжетная линия (ноябрь 1877–1878). Проблема отношений с народом героя из дворянской среды, получившая новый ракурс в начале о князе Гагарине (декабрь 1878 – январь 1879), стала главным связующим моментом в развитии нескольких по видимости разрозненных сюжетов. Мощное влияние на проблематику произведения оказали религиозно-философские искания писателя, подготовившие переворот в его мировоззрении на рубеже 1870–1880-х годов.

Работа Толстого над романом о декабристах во второй половине 1870-х годов (1874–1875, 1877–1879) представлена двадцатью двумя сохранившимися рукописями (в *Описании* рук. 4–25), четыре из которых – конспективные записи и планы (в *Описании* рук. 4–7). Все автографы не датированы; тринадцатый имеет авторскую помету «6 мая» (1878). Большинство из них не озаглавлено, за исключением пятого – «Борисовка», одиннадцатого и двенадцатого, названных одинаково: «Пути жизни», двадцать пятого – «1818 год. Пролог».

Заглавие «Декабристы» появилось в 1884 г. и объединило замыслы 1860-х и 1870-х годов. Для публикации в юбилейном сборнике Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) Толстой отобрал три главы начала 1860-х годов и автографы 1878 г. (в *Описании* рук. 19, 23 и 24). Летом 1884 г. три позднейших рукописи были переписаны А.М. Кузминским и послужили наборной рукописью.

Возвращение Толстого к теме декабристов после перерыва, длившегося больше десяти лет, можно условно датировать зимой 1874–1875 гг. Именно к этому времени относится создание двух фрагментов, посвященных переселению крестьян из центральной России, которые впоследствии оказались тесно связаны с новым «декабристским» замыслом.

16 февраля 1875 г. в перерыве, наступившем в работе над романом «Анна Каренина», Толстой извещал Н.Н. Страхова: «Теперь, очень недавно, я задумал новую поэтическую работу, к(оторая) сильно радует, волнует меня и к(оторая) наверно будет написана, если Бог даст жизни и здоровья, и для которой мне нужна моя известность» (*Юб.*, т. 62, с. 142).

Зима 1874–1875 гг. оказалась напряженным периодом в жизни Толстого. Писатель часто болел, руководил школами, работал над корректурами первых частей «Анны Карениной» и «Новой азбуки». Много времени отнимали занятия со старшими детьми – Сергеем, Татьяной и Ильей. С середины января 1875 г. опасно занемог младший сын Николай, скончавшийся 20 февраля.

«Новое писанье» явилось для Толстого, вероятно, неожиданным творческим событием. 22 февраля 1875 г. писатель сообщал А.А. Фету: «С одной стороны, школьные дела, с другой – странное дело – сюжет нового писанья, овладевший мною именно в самое тяжелое время болезни ребенка» (*Юб.*, т. 62, с. 149).

«Работы же у меня эту зиму было и есть очень много, – роман, новая азбука, которая теперь печатается, другие еще работы...», – написано в начале марта 1875 г. П.Д. Голохвастову (*Юб.*, т. 62, с. 154).

Среди «других работ», упомянутых в письме к П.Д. Голохвастову – вероятно, «новое писанье», о котором сообщалось Н.Н. Страхову и А.А. Фету.

Два варианта начала нового произведения развивают тему переселения крестьян. Фрагмент (Первого начала) (в *Описании* рук. 8) сохранился на листе писчей бумаги; заполнена одна страница. Автором проставлена

нумерация (цифра «2» в правом верхнем углу листа). Рукопись (Второго начала) представляет собой два полулиста писчей бумаги; текст занимает четыре и три четверти пятой страницы. Обе рукописи не датированы. На третьем и четвертом листах автографа (Второго начала) – черновики писем Толстого на французском языке о гувернере для его детей, также не имеющие датировки. Между тем именно содержание писем и прежде всего их адресаты, позволяют достаточно точно установить время создания фрагментов задуманного произведения.

27 июля 1874 г. писатель обратился к А.А. Толстой с просьбой найти в Швейцарии, «в самом гнезде педагогов», и в Англии гувернера и гувернантку для старших детей (Юб., т. 62, с. 101). Переезжать в Москву из Ясной Поляны для воспитания Сергея, Татьяны и Ильи и тем самым «испортить всю свою жизнь и их тоже» Толстой не хотел «до последней возможности» (Юб., т. 62, с. 100–101).

А.А. Толстая связалась со швейцарским педагогом Максимилианом Перро, который энергично занялся поиском необходимых людей и стал переписываться непосредственно с Толстым. В письме от 13 (25) января 1875 г. Перро рекомендовал Толстому уроженца Нёвшателя Эдуарда Клерка. При этом возникло недоразумение в связи с объемом знаний Клерка и предлагаемым Толстым вознаграждением: от тысячи двухсот до тысячи шестисот рублей в год. Клерк честно признался Толстому в письме, что немного забыл математику и греческий язык. 13 (25) марта 1875 г. Перро известил Толстого, что Клерк предпочел устроиться где-то в Эльзасе.

Черновики писем Толстого к М. Перро написаны на листе третьем (Второго начала) (в *Описании* рук. 9) после художественного текста, на обороте третьего листа и на обеих сторонах четвертого листа. На полях оборота четвертого листа набросан черновик письма к Э. Клерку.

Концом февраля – началом марта 1875 г. датируются черновики писем Толстого к М. Перро, февралем 1875 г. – черновик письма Толстого к Э. Клерку на основании имеющихся в ОР ГМТ писем самого М. Перро. Письма Э. Клерка к Толстому не сохранились (см. *ЛН*, т. 69, кн. 1. М., 1961, с. 523–529).

В отличие от художественного текста, написанного коричневыми чернилами, черновик письма к Перро на третьем листе автографа (Второго начала) выполнен темными чернилами и немного накладывается на художественный текст. Сначала Толстой написал фрагмент нового произведения, а затем на том же листе набросал черновик письма к Перро.

В (Первом начале) описаны сборы в дорогу и переселенческий обоз (12 телег) нескольких семей «выходцев» на новые места (Дементия Фоканова и др.), которые не пошли бы с родных мест, если бы не было «обиды».

Толстой приступил к обрисовке образа Дементия Фоканова, представлявшего близкий писателю тип крестьянина. О нем сначала говорилось: «старик с 3-мя сынами, девкой и внучатами». Позже добавилось определение: «богатый». Однако богатая семья вряд ли отправилась бы на переселение. Поэтому фраза: «Фокановых был первый двор на селе,

да стал падать» – подверглась переработке. Возник вариант, от которого автор также отказался: «Фокановых был годов 6 назад сильный двор, и не пошли бы с своих родных мест, если бы не было обиды».

Обдумывал Толстой и состав отъезжающих крестьян, вписывал сведения об их имуществе. Предложение: «[Три телеги полны добра стояли на дворе [полные добром], и всё выносили из избы и укладывали под кожи [и кибитки.]]» – заменилось подробным описанием. В обозе стало уже «12 телег. У Никифора 2, у К(озлова) 1, у Севаст(ьяна) 2, у Дмитр(ия) 1, у Гаврюх(и) 1 и у Фоканов(ых) 5».

⟨Второе начало⟩ открывается картиной крестьянской сходки в селе Никольском на Зуше (мир решает вопрос о том, выпускать или не выпускать на новые земли шесть крестьянских семей). Всех крестьян, кроме сборщика Никифора и Дементия Фоканова, вынуждает к переселению бедность. Намечена в автографе и тема рекрутства. Мужики предполагают, что старик Дементий собирается на новые места, чтобы спасти стоящих на «очереди» трех сыновей; если они уйдут, осенью заберут в солдаты сыновей других крестьян. К теме рекрутства писатель возвращается и позже (в *Описании рук.* 6).

Толстой работал над фрагментом вдохновенно, о чем свидетельствует незначительная правка в ходе письма. Позднее выполненные изменения также немногочисленны. Вписанное предложение: «Это было вечером в весенний Егорий» – относит крестьянскую сходку к определенному времени года. Егорий-ленива-соха, или Егорий-вешний, приходился на 23 апреля. Накаленность спора между крестьянами о выходе на переселение шести семьям становится очевидной после внесенного дополнения: старики уже третий раз судили о том, как их выпустить. Появившаяся фраза: «Дмитрий тоже уходил на новые земли» – объясняет причины, по которым Дмитрий Макарычев перебил Тита в споре с мужиками. В характеристике бывшего сборщика Никифора вычеркнута отрицательная черта этого «грамотного и обходительного» мужика – «хитрость».

Между тем после зимы 1874–1875 гг. работа Толстого над «новым писаньем» была отложена на неопределенное время.

12...13 ноября 1876 г. Толстой писал Н.Н. Страхову, что ему хочется поскорее закончить работу над «Анной Карениной» и приступить к новому сочинению. Однако желаемое осуществлено не было: «Я думал, что возьмусь за работу, окончу давящую меня работу – окончание романа – и возьмусь за новое; и вдруг вместо этого всего до сих пор ничего не сделал. Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныние. Отчаяние в своих силах (...). Думать даже, и к тому нет энергии» (*Юб.*, т. 62, с. 290).

Завершение «Анны Карениной» затянулось до второй половины апреля 1877 г. Но стремление поскорее закончить роман и начать что-то новое не оставляло Толстого. Оно постоянно звучит в его переписке с января по апрель 1877 г. (письма от 10...11 января брату Сергею Николаевичу, 11...12 и 25...26 января Н.Н. Страхову, 11...12 марта А.А. Фету,

5 апреля Н.Н. Страхову, 13... 14 апреля А.А. Фету, 15...20(?) апреля А.А. Толстой, 21...22 апреля Н.Н. Страхову).

Возможно, с конца апреля 1877 г. Толстой вновь обдумывал творческую концепцию, жанровую форму, типы героев произведения на тему крестьянского переселения. 3 марта 1877 г. в дневниковой заметке С.А. Толстой («Мои записи разные для справок») замысел писателя передан так:

«Вчера Л.Н. подошел к столу, указал на тетрадь своего писанья и сказал: “Ах, скорей, скорей бы кончить этот роман (т.е. “Анну Каренину”) и начать новое. Мне теперь так ясна моя мысль. Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так в “Анне Карениной” я люблю мысль *семейную*, в “Войне и мире” любил мысль *народную*, вследствие войны 12-го года; а теперь мне так ясно, что в новом произведении я буду любить мысль русского народа в смысле *силы завладевающей*”. И сила эта у Льва Николаевича представляется в виде постоянного переселения русских на новые места на юге Сибири, на новых землях к юго-востоку России, на реке Белой, в Ташкенте и т.д.» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 502).

Заканчивает Софья Андреевна свое краткое описание замысла Толстого важным уточнением:

«И вот мысль будущего произведения, как поняла ее я, а кругом этой мысли группируются факты, типы, еще не ясные даже ему самому» (там же).

В весенние месяцы 1877 г. очевиден нарастающий интерес Толстого к крестьянству. Народ и его трудовая жизнь занимают в коротких заметках записной книжки 1868–1879 гг. все более важное место. Так, 8 мая 1877 г. Толстой отмечал:

«К *следующему* после Ан(ны) Кар(ениной). Мужики. Ладят сохи, бороны покупают. Загнуть. Пашут. Первая пахота, сыро. Жеребята, махая хвост(ами), на тонких ногах бегают за сохами.

Выросла трава. Поехали в ночное. Бабы за травой. Цыплята. *Умерла насадка, горе*. Запустил пахоту, проросла. С травой не расскораживается. – Телки, ягнята» (*Юб.*, т. 48, с. 179).

Одновременно в заметках от мая – июня 1877 г. из записной книжки 1868–1879 гг. формируются типы героя из дворянской среды: «Человек герой, верующий, что всё во власти его».

К жизни высшего сословия относятся и три последующие записи Толстого. Первая, предшествующая дате 28 мая: «Два брата. Один – старший. Умен, мил, добр... другой менее блестящ, но лучше». Вторая и третья, после даты 2 июня, развивают любовную тему:

«Герой. Как женщина, так на твердых губах у него и у нее сладость, надежда, игра, робость, и конец – юбки, безобразие, мокрота, мерзость, стыд (...). Принес червяков светящихся в кармане. Она заглянула – “пре-лесть”. Ты прелесть! В руки, в лицо» (*Юб.*, т. 48, с. 180–181).

Творческого развития, однако, эти наброски не получили.

В жизни Толстого начинался тяжелый духовный кризис, глубоко затронувший все стороны его личности. Прежние формы художественного творчества – времен «Войны и мира» и «Анны Карениной» – представлялись теперь писателю бессмысленными, ненужными и ложными; начался пересмотр взглядов на цели и назначение искусства. «Мучительно и унижительно жить в совершенной праздности и противно утешать себя тем, что я берегу себя и жду какого-то вдохновения. Все это пошло и ничтожно. (...) Пожалуйста, не утешайте меня, и в особенности тем, что я писатель. Этим я уже слишком давно и лучше вас себя утешаю; но это не берет...», – с горечью отмечал он в письме Н.Н. Страхову 6 ноября 1877 г. (*Юб.*, т. 62, с. 347).

Только к августу 1877 г. появились признаки возвращения к работе, сменявшиеся у Толстого новыми колебаниями, что отражают его письма Н.Н.Страхову:

10...11 августа: «Я хотел бы начать свое дело, но не могу от войны» (*Юб.*, т. 62, с. 334).

15... 16 августа: «Идет дождь (...) и хочется писать и так радостно приближение работы!» (*Юб.*, т. 62, с. 337). И 22...23 сентября: «Вы поняли из моего письма, что я за работой. Нет. Я охочусь и собираюсь, но и не сажусь за стол иначе, как только чтобы писать письма» (*Юб.*, т. 62, с. 343).

22...25 сентября Толстой извещал А.М. Кузминского: «Я только приступаю к работе» (*Юб.*, т. 62, с. 345).

И вновь Н.Н. Страхову, 19 октября: «Я всё ничего не делаю (...), не здоровится физически и нравственно» (*Юб.*, т. 62, с. 346).

К концу октября 1877 г. настроение Толстого несколько восстановилось и одновременно ожили творческие планы. Писатель вновь обдумывал произведение о крестьянской жизни, при этом давняя «переселенческая» тема явно отодвинулась на второй план.

Вероятно, тогда же, в конце октября 1877 г., мог быть набросан конспект (в *Описании* рук. 4) нового произведения. Во всяком случае, на основании всех известных сведений, время его возникновения может быть ограничено маем–октябрем 1877 г.

Конспект выполнен на одном листе. Текст занимает половину страницы и разделен горизонтальной линией на две части. Наряду с крестьянской и переселенческой проблематикой здесь завязывается и дворянский узел, усматриваются выходы к более поздним этапам работы Толстого над декабристским романом.

В характере героя-дворянина проявляются автобиографические черты: «Тоска (...). Понять». «Умиление Руссо. На звезды – все знают, как круглая земля?»

Слово «Тоска» в конспекте может соотноситься с душевным смутением, которое Толстой впервые пережил в Арзамасе ранней осенью 1869 г. Он сообщал тогда С. А. Толстой: «подобного (...) я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать» (*Юб.*, т. 83, с. 167). Это состояние повторилось на самарском отдыхе 1871 г. и отразилось в письмах жене.

14 июня: «Не знаю, что будет дальше, но до сих пор я не выходил из тоски» (*Юб.*, т. 83, с. 177).

15 июня: «Тоска {...}. Впрочем, нынче устал и не в духе» (*Юб.*, т. 83, с. 178).

18 июня: «С тех пор, как приехал сюда, каждый день в 6 часов вечера начинается *тоска*, как лихорадка, тоска физическая, ощущение которой я не могу лучше передать, как то, что душа с телом растает (...). Нет умственных, и главное поэтических, наслаждений. На все смотрю, как мертвый, то самое, за что я не любил многих людей» (*Юб.*, т. 83, с. 178–179).

Период тоски и апатии повторился и в 1875 г. (запись в дневнике С.А. Толстой от 12 октября 1875 г.); пришлось сделать перерыв в печатании «Анны Карениной», объявив читателям об усталости автора.

Фрагмент конспекта о звездах и круглой земле («На звезды – все знают, как круглая земля?») сопрягается с астрономическими увлечениями Толстого. 19 апреля 1872 г. С.А. Толстая записала в дневнике: «Всю ночь Левочка до рассвета смотрел на звезды» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 85). В своих воспоминаниях за 1872 г. она отметила: «Желая включить в свои Книги для чтения рассказы по всем отраслям, Лев Николаевич начал изучать и астрономию. Он целыми вечерами, иногда ночами, с книгой и картой неба изучал звезды, планеты, вообще всю небесную жизнь. Показывая нам звезды, он называл их нам по имени и рассказывал о них. Много тогда я приобрела астрономических сведений» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 202–203). Со звездами связаны размышления о добре Константина Левина в финале «Анны Карениной»: «Левин прислушивался к равномерно падающим с лип в саду каплям и смотрел на знакомый ему треугольник звезд и на проходящий в середине его млечный путь с его разветвлением» (*Юб.*, т. 19, с. 397–398).

Два сюжетных наброска – о незаконнорожденном сыне и онучах – объединяют конспект с другими рукописями романа о декабристах. Тема незаконнорожденного сына на данном этапе выглядит следующим образом. Крестьянина Илью за провинность (кражу) посылают в другую деревню. Записи об Илье в первой части конспекта: «Что Илью жалеть {...}. Барин. Внушает не красть. Илья другое в умилении от виденного – благочиния. Посылают в другую деревню. Там поляк или незак(онный) сын».

Во второй части: «Приезжает И(лья) на льду слышит мальчика жены. Уходит». Позднее незаконнорожденного сына родит солдатка Арина (в *Описании рук.* 17); часть конспекта – «Онучи» – отзовется в описании внешнего облика Тихоновны (в *Описании рук.* 23, 24).

«Крестьянский быт мне особенно труден и интересен», – говорил Толстой жене 25 октября 1877 г. (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 504). Возможно, в этой связи писатель обращался к некоторым яснополянским крестьянам с просьбой вести для него дневники.

Мотивы кражи и незаконнорожденного сына в конспекте соотносятся с дневником яснополянского крестьянина Д.Д. Козлова, который тот вел с 23 июня по 25 октября 1877 г. (см. *Голиненко О.А. Толстой – соби-*

ратель крестьянских дневников // Яснополянский сборник. Тула, 1972, с. 224–231). Вероятно, сведения из дневника крестьянина о краже и о незаконнорожденном сыне могут давать косвенные признаки в датировке работы Толстого над конспектом.

30 августа 1877 г. Д.Д. Козлов описал пропажу денег у яснополянского крестьянина О.Н. Зябрева: «Вечером ужинали соленые грибы с квасом и картофелем и у нас была разговорка о Осипе Наумове, как сын у него украл 700 руб(лей) денег. Осип собирал добросовестных, а сын от него убежал и деньги сунул под ряды конопей, но это было незаметно добросовестным, и побег дальше. Они поймали его, не нашли. Осип говорит добросовестным: “Непременно, он положил под конопи”. Сын его сел верхом, заскакал вперед их, взял деньги и уехал. Теперь он положил в банку эти деньги и пользуется, а весной у него украла поденная баба. Он считал их, она видела, как он от сына хоронил в пелену. Отец говорит: “Вот он, знать, стал с ума сходить, от сына хоронить деньги; но в тот раз сын попользовался, а теперь чужой человек гуляет на их”» (ОП ГМТ).

В последующих рукописях романа старик Федот Алексеевич так же, как и Осип Наумович Зябрев, о котором рассказывал в дневнике Д.Д. Козлов, будет прятать деньги.

Накануне 17 октября 1877 г. в дневнике Д.Д. Козлова помещен «Рассказ о подкидуше» Василии, брошенном незаконнорожденном сыне солдатки Аксиньи. Толстой мог учитывать его не только в создании конспекта романа о декабристах. Так, в незавершенном историческом произведении «Труждающиеся и обремененные» (1879) к «найденышу» Василию восходит, видимо, образ слуги князя Василия Горчакова – незаконнорожденного крестьянского сына, которого «окрестили Василием». Крестьянка Арина Фоканова, как и Аксинья, чтобы избежать наказания за проступок, хотела утопить своего сына, но не решилась.

В повести «Хаджи-Мурат» (начало работы 1896 г.) Аксиньей именуется неверная жена Петра Авдеева, также отданного отцом в солдаты. Мать Петрухи сообщает в письме сыну, что жена его «не захотела с нами жить и ушла в люди». Показателен в повести конец главы VIII: «В глубине же души Аксинья была рада смерти Петра. Она была вновь брюхата от приказчика, у которого она жила, и теперь никто уже не мог ругать ее...».

В конспекте явственно намечаются также темы переселения в башкирские земли и трудовой жизни в новых краях: «Что ж на новые места», «Выступают через два года», «[Мучаются дорогой] (...). Там башкиры легко. То-то матушка – на землю. Ее сохой не возьмешь. Надо хохлацкой плугой».

Летом 1875 г. Толстой встретился в самарской степи с переселенческим обозом (дети, старики – «все веселые»), что очень взволновало и заинтересовало писателя (дневниковая заметка С.А. Толстой от 3 марта 1877 г.). На вопрос: «Куда вы?» – старик переселенец ответил, что едут они на новые места из Воронежской губернии, что «наши уже давно ушли на Амур, а теперь пишут оттуда, вот и мы идем туда же» (*Днев-*

ники С.А. Толстой, т. 1, с. 502). «Да на новые места», – ответил Толстым старик переселенец. Фраза: «Что ж на новые места» – вписана в конспект по ходу правки.

Слова конспекта: «Ночное». «Дождь. Сборы к барину. (...) Барин» – текстовые параллели к заметке из записной книжки Толстого от 8 мая 1877 г. с ироническим противопоставлением барина крестьянам: «По-ехали в ночное (...). Чернозем в дождь. Баба в дождь босая. Барин в дождь под крышей зябнет» (Юб., т. 48, с. 179). Возможно, заметка от 8 мая дает косвенный признак датировки работы над рукописью.

В части конспекта: «Меня звали в конторщики» – усматриваются наброски характера образованного человека из народа. В творчестве рубежа 1860–1870-х годов ему предшествовали типы Ильи Муромца в замысле романа о былинных богатырях и управляющего в самом раннем из известных упоминаний замысла романа «Анна Каренина» (дневниковые записи С.А. Толстой от 14 и 24 февраля 1870 г.). Нельзя исключать, что имя героя-крестьянина из конспекта – Илья – соотносится с образом былинного богатыря Муромца. В дальнейшем сюжетная линия получит свое продолжение в плане и конспекте романа о декабристах под заголовком «Борисовка» (в *Описании* рук. 5): молодой мужик, принятый в высшем круге, у дам, возвращается по Невскому проспекту домой (время действия – февраль 1824 г.). Вероятно, другими вариациями типа образованного человека из народа стали образы Михаила Ананского (в *Описании* рук. 22), сына дьяконицы и некоего Митеньки (в *Описании* рук. 7, 19, 23, 24).

Повествование, как можно заключить из конспекта, предполагалось вести от первого лица. На это указывает личное местоимение («Меня звали в конторщики»). Позднее Толстой склонился к объективной форме, предоставив событиям говорить самим за себя.

Изменилась и постановка переселенческой темы. Ключом к ее решению стал социальный конфликт, судебная тяжба между крестьянами и помещиком за землю, вынужденное переселение мужиков на новые земли.

События современной русско-турецкой войны обратили внимание Толстого в ноябре 1877 г. к истории (царствование Николая I и русско-турецкая война 1828–1829 гг.). Жанр исторического романа позволял осмыслить современные события. Здесь находился исток возвращения писателя к теме декабризма.

В 70-х годах интерес к декабристской теме впервые возник у Толстого с ноября 1877 г. (письма к Н.Н. Страхову от 11...12 и 26...27 ноября). В замысле произведения о царствовании Николая I ощутимо слияние исторической и переселенческой тем. С первых чисел января 1878 г. Толстой начинает усиленно собирать исторический материал для романа о декабристах.

Замысел романа начал складываться из широких обзоров российской и европейской истории 1820-х годов в сочетании со сценами из крестьянской жизни. 8 января 1878 г. С.А. Толстая записала мысли Толстого о будущем произведении: «И это у меня будет происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпи-

тер с богами, а там где-нибудь в Иркутске или Самаре переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14-го декабря попадает к этим переселенцам – и простая жизнь в столкновении с высшей» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 505).

Эстетическую формулу соразмерности в художественном освещении исторических событий писатель выразил тезисом: «Смотреть на историю 14-го декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать». Как передает С. А. Толстая, Толстой искал «фон для узора» в задумывавшемся произведении, и этим «фоном» могло явиться его религиозное настроение. На вопрос Софьи Андреевны: «Как же это?» – Толстой ответил: «Если б я знал, как, так и думать бы не о чем» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 506).

С выбором типа положительного героя-дворянина, способного по убеждениям противостоять правящему «Олимпу», «богам» во главе с «Юпитером» Николаем Павловичем, писатель определился за короткий период с января – по февраль 1878 г. Возможно, сначала это был тип оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, личность которого интересовала Толстого в те месяцы. Затем на передний план выдвинулись декабристы.

Богатство исторического материала о времени декабристов изумляло и вдохновляло Толстого. В письме к А.А. Толстой от 27 января 1878 г. писатель сравнил себя с поваром, который «пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мясо, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед!..». С одной стороны, очевиден переживаемый Толстым творческий подъем в обдумывании того, что и как он будет писать («обмывать провизию, раскладывать – ужасно весело!»), с другой – ощутимо некоторое смущение на подступах к работе («готовить трудно и страшно») и вкравшееся опасение ее «испортить»: «Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь» (*Юб.*, т. 62, с. 384).

В феврале – марте 1878 г. (8–11 февраля, 4–12 марта) Толстой ездил в Москву и Петербург за историческими материалами и архивными делами о переселении. «Список дел me fait venir l'eau à bouche!» (*Юб.*, т. 62, с. 392), – пишет он в конце февраля – первых числах марта В.А. Иславину, члену Совета министра государственных имуществ.

12 марта из столицы в Ясную Поляну были привезены полученные от В.А. Иславина пять переселенческих дел. 14 марта Толстой отправил письма к Иславину и Л.А. Берс. Иславина писатель благодарил за ценные материалы и просил позволить П.А. Берсу отобрать в архиве дела о переселении крестьян из центральных губерний в Оренбургский край и в Сибирь 1820-х гг. Аналогичная просьба адресована Л.А. Берс: разрешить П.А. Берсу заняться выполнением его поручения в архиве Министерства государственных имуществ. 6 мая 1878 г. П.А. Берс обратился к Толстому: «Письмо твое к мамá застало меня почти накануне моего

¹ заставляет у меня слюнки течь (*фр.*).

отъезда, а потому, к сожалению, я не мог исполнить твоего поручения и подобрать нужные для тебя дела, но, как кажется, дядя Володя взял это на себя» (ОР ГМТ).

13 апреля Иславин извещал Толстого, что подготовил для него в архиве двадцать переселенческих дел. Десять дел – за период с 1809 по 1825 г. – 12 апреля он передал С.А. Берсу. Л.А. Берс взялась переслать их по почте в Ясную Поляну. Другие десять дел Иславин оставил пока у себя, но сопроводил кратким обзором. Из материалов следовало, что передвижение народа из средних губерний России на Восток, в Оренбургскую и особенно в Саратовскую губернии, заметно усилилось в 1826–1828 гг.

Особенное внимание Толстого привлекли документы о переселении крестьян из Тамбовской губернии в Оренбургский край под общим заголовком: «Дело по прошению Усманской округи села Крутчина одноворца Брыкина, о переселении верителей его в числе 334-х душ в Оренбургскую губернию. С 12 ноября 1815 (по) 31 дек. 1825. Всего на 85 листах». Речь в нем шла о крестьянах, переселявшихся из нескольких сел Тамбовской губернии, в том числе из села Излегощи. В начальных набросках романа и подлинном деле совпадают: тема переселения, время действия (1818 год), фамилия исторического лица (Михаил Брыкин) и литературного персонажа (Иван Брыкин), название села (Излегощи).

Предположительно после 12 марта 1878 г. могли быть созданы три начала романа (в *Описании* рук. 10, 11, 12). Именно к этому времени относятся свидетельства в письмах Толстого о самой интенсивной творческой работе. 14 марта писатель сообщает об этом сразу трем адресатам: А.А. Толстой: «Я весь погрузился в тот мир, в котором я живу. Надобно, чтоб не было виноватых» (*Юб.*, т. 62, с. 397), С.Н. Толстому: «Я много занимаюсь для будущего писания» (*Юб.*, т. 62, с. 397), Н.Н. Страхову: «Весь ушел в свою работу и чувствую приливы радости и восторга» (*Юб.*, т. 62, с. 398).

Однако уже 28 марта С.А. Толстая извещала Т.А. Кузминскую, что муж ослабел, стал вялым и безучастным ко всему. Толстой не мог писать и работать, и это отравляло ему жизнь.

В третьем (считая от начала работы над «переселенческим» замыслом) начале романа (в *Описании* рук. 10) описана крестьянская сходка весной 1818 г. возле дома Федора Резунова (первоначально – Ивана Брыкина). Рукопись представляет собой один полулист сложенной пополам писчей бумаги; текст занимает первую страницу и начало второй (две строки).

Названо число собравшихся – 15 человек. Мужики – Федор Резунов, Митрий Хралков, старик Базыкин, Рыжий Влас, Иван Брыкин, печник Пелагеюшкин, Гаврюха Болхин (позже добавлен старшина) – спорят о том, пахать или не пахать отбитую у них помещиком Сомовым Грецовскую пустошь. Вероятно, Сомов представлялся Толстому на данном этапе отцом будущего декабриста. Обстоятельства судебного разбирательства: земля отписана на помещика Сомова и подано прошение в Сенат.

В (Четвертом начале) (в *Описании* рук. 11) появилось заглавие – «Пути жизни». Вслед за ним написано: «1818 год» – название главы или вступительной части (пролога). Автограф выполнен на одном полулисте сложенной пополам писчей бумаги; текст занимает первые три и половину четвертой страницы.

Повествованию предпослан эпитафия из Евангелия от Иоанна: «Аз рек: бози есте» (10, 34). Этот стих из десятой главы Евангелия от Иоанна восходит к шестому стиху восьмьдесят первого псалма ветхозаветного священника Асафа из Псалтири, где повествуется о Божием суде над сонмом богов:

«Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд: “Доколе будете вы судить несправедливо и оказывать лицепрятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего, исторгайте его из рук нечестивых!” Не знают, не разумеют, во тьме ходят! все основания земли колеблются. Я сказал: “Вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей!”».

Слово «боги» в восьмьдесят первом псалме Псалтири православная традиция осмысляет как органы божественного правосудия и как проводники правды и воли Божией. Именем Бога указывается им, «в каком случае они могут именоваться сынами Всевышнего, как бы богами: если будут по правде судить бедного и сироту и оказывать справедливость каждому угнетенному и нищему, если будут избавлять бедных и нищих от притеснений со стороны нечестивых» (*Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. Репринтное издание. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002, с. 459). Многие из представителей божественной власти «ничего этого не разумеют и ходят во тьме, так что от их злодеяний колеблются все основания земли и все основы общежития» (там же). Все они погибнут, «несмотря на то что названы богами» (там же).

Вначале рукопись открывалась рассказом о том, как во время весенней пахоты 1818 г. мужики с. Излегощи Орловской губернии с раннего утра собрались запахивать. Старик Михайла Фоканов, возвращаясь с водопоя, куда он с внуком Тараской гонял лошадей, присоединяется к сходке у избы Ивана Брыкина. Мужики толкуют о том, что пора запахивать и начинать надо с Девкиного верху на спорной пустоши. Затем этот зачин целиком был вычеркнут.

В новом зачине старик Михайла Фоканов возвращается уже не с водопоя, а с поля, куда он ходил смотреть, обсохла ли земля. В описании сходки крестьяне принимают решение запахивать землю. Поворот событий поясняется репликой Ивана Брыкина о том, что нижним земским судом пустошь утверждена за мужиками.

Работа прервана на эпизоде утра пахотного дня. Были созданы два его наброска. Первый, куда входит сцена моления старой крестьянки (жены Михайлы), исключен автором. Во втором наброске в центре оказывается картина крестьянского труда. На стыке этих набросков слева на полях намечен вероятный план развития действия:

«Враг Михайлы. Наем пастуха. Делить землю. Если. —». План написан более темными чернилами, следовательно, позднее основного текста. Он соотносится с заметкой из дневника яснополянского крестьянина А.Р. Бочарова, начатого по просьбе Толстого и охватывающего период с 12 апреля по 20 августа 1878 г. Среди событий 18 апреля Бочаров описывал сходку, собранную старостой возле кабака. Крестьяне говорили про пастуха; в пастухи наняли Петра Курносова за семьдесят рублей (ОР ГМТ).

Заметка в дневнике А.Р. Бочарова от 18 апреля, возможно, напомнила Толстому случившуюся летом 1872 г. трагедию, когда бык запорол насмерть пастуха (яснополянского крестьянина Матвея Афанасьева), и писатель намеревался отразить ее в романе. История с быком 1872 г. вызвала острую критику Толстым судебной системы (исполняющий должность судебного следователя Крапивенского уезда П. Богословский привлек писателя к уголовной ответственности по обвинению в «ненадлежащем содержании животных, приведших к смерти человека»: постановление от 18 августа 1872 г.). Как вспоминала С.А. Толстая, аналогичный случай (без судебных разбирательств) произошел в 1873 г. перед отъездом семьи Толстых в Самару — другой бык рогами придавил к стене отвязавшего его скотника. «Послали за доктором, Лев Николаевич сам три дня ходил за больным, но спасти его не удалось, и скотник умер через три дня» (Толстая С.А. *Моя жизнь*, т. 1, с. 216).

В ходе итоговой правки (Четвертого начала) исключены заглавие, эпиграф, название главы или вступительной части («1818 год»).

В новом сюжетном ключе спор крестьян за землю с бригадиром Сомовым показан в (Пятом начале) (в *Описании* рук. 12). Толстой восстановил заглавие «Пути жизни» и эпиграф «Аз рек: бози есте» (Ин. 10, 34). Рукопись представляет собой один лист; текст занимает первую и четверть второй страницы. В марте 1818 г. в селе Маховом у дома небогатого помещика Криницына ожидают императора Александра I. Распоряжается приемом императора враг мужиков помещик Сомов в блестящем мундире с орденами. Двое крестьян из с. Излегощи намереваются подать Александру I «просьбу» в ту минуту, как император ступит на крыльцо. Мотив подачи прошения царю будет использован и в дальнейшем.

В апреле 1878 г. работа над романом не продвигалась. Тяжелое душевное состояние, в котором находился писатель, отозвалось на его творческих планах. Эти обстоятельства приоткрыты в трех письмах от 6 апреля.

«Планы есть, но для забавы — любоваться ими, но, кажется, уже нет ни сил, ни времени приводить их в исполнение. Планы одни личные (...) — спасти душу» (Юб., т. 62, с. 404), — писал Толстой С.А. Рачинскому.

Похожие настроения звучат в письме А.А. Фету: «...Нет интереса к жизни (...) я (...) не в духе» (Юб., т. 62, с. 408).

О том же сообщается А.А. Толстой: «...Я ничем не занят (...) и вообще думаю, что из моих начинаний ничего не выйдет (...) я, мне кажется, уж отписался» (Юб., т. 62, с. 408–409).

Через день, 8 апреля, Толстой сообщил брату Сергею Николаевичу: «Я чувствую себя (...) плохим и старым» (*Юб.*, т. 62, с. 412).

2 апреля, обращаясь к Толстому, Н.Н. Страхов, как бы в унисон настроению писателя, задавался вопросом: «А мне всё приходит в голову: не напрасные ли затеи, и не пора ли перестать напрягаться?» (*Толстой и Страхов*, т. I, с. 421). «Отчего *напрягаться*? Отчего вы сказали такое слово? – последовал 8 апреля живой отклик из Ясной Поляны. – Я очень хорошо знаю это чувство – даже теперь последнее время его испытываю». Толстой-художник предельно строг и требователен к себе: «...нельзя начинать. Если станешь *напрягаться*, то будешь не естествен, не правдив, а этого нам с вами нельзя» (*Юб.*, т. 62, с. 410–411).

Тем не менее, заготовки к роману, лаконичные зарисовки природы ранней весны, земельной пахоты и трудовых крестьянских будней, вносились Толстым в записную книжку 1868–1879 гг.:

«Начало апреля (ранняя весна). 1-го. Тепло, ручьи, лед пошел. – Крапива.

5-го. Запахали на буграх. Разделка хороша. Отпрыскивает полынь. Желтоголовик надулся почкой. Орешник цветет. Овцы по выгонам, стада нет. Морозы, холод.

8, 9, 10, 11. Дожди теплые, гроза. Пахота лучше. Береза, черемуха наклонулась. Вербя вся душистая... Кукушка. Моют, разбирают палаты» (*Юб.*, т. 48, с. 186).

16 апреля 1878 г. Толстой говел после долгого перерыва и посетил пасхальную заутреню в Кочаковской церкви. Возможно, тогда у него появилась мысль ввести в роман о декабристах описание заутрени. Одновременно возникает образ молодой девушки, стоящей в храме. В тот же день в записной книжке 1868–1879 гг. отмечено: «У заутрени. Куличи, пирожки. “Лошадь хорошая, с ленцой, *не лотошит, валом берет*”. Мотыльки летают на свечи в царские двери. *Она* в белом платье. Ждет, боится, желает и презирует и смеется над поцелуями. – Переключка на клиросах веселых *ирмосов*, в алтарь к обедни, за чтением Евангелия, лучи света. – Между заутренией, сидят на могилках в темноте, узнают друг друга» (*Юб.*, т. 48, с. 186).

14–16 апреля С.А. Рачинский писал Толстому, что во время пасхальной заутрени в их храме он наблюдал, как в алтарь залетела бабочка. 23 апреля Толстой ответил Рачинскому: «У заутрени у нас тоже были бабочки, и не удивитесь, что в том, что я собираюсь писать, будет глава, которую мне дали эти бабочки. Они летали всю заутреню. Прелестно» (*Юб.*, т. 62, с. 518). Глава, как и роман, не была написана. Н.Н. Гусев, между тем, предположил, что по замыслу Толстого – «*Она* в белом платье» – влюбленная девушка, будущая жена одного из декабристов (*Гусев, III*, с. 493, 494). В то же время, не исключено, что это образ, связанный с каким-то давним юношеским увлечением самого писателя.

17...18 апреля в письме к Н.Н. Страхову Толстой заметил, что нынче говел в последний раз. Свои религиозно-философские искания он подробно описал позднее в «Исповеди». Приоткрываются они и в декабристском романе. В работе над образом помещика – обидчика крестьян

(на разных этапах отца декабриста или его будущей жены) писатель неизменно обращался к теме говения.

17 апреля возобновляются записи в дневнике. Толстой познакомился с присланными М.А. Веневитиновым рукописными материалами по истории восстания декабристов (в том числе посвященными А.И. Одоевскому) и с дневником яснополянского крестьянина А.Р. Бочарова:

«Утром читал записки Веневитинова (...). Дневник Бочарова. Кажется, всё ясно для начала. Нынче встал в 10, читал, собирался писать, но – насморк и слабость духовная и физическая» (Юб., т. 48, с. 69).

26 апреля С.А. Толстая сообщала Т.А. Кузминской о том, что муж много читает и думает, но еще ничего не пишет, так как у него нет энергии. Тем же днем датирована записка 1878 г. из записной книжки Толстого, близкая по содержанию последующим рукописям романа:

«Рано утром (5 часов) выезжает помещик четверней в коляске. Грязно, холодно. Лошади, с коротко подвязанными пучками хвостами (пучок седой и пегой), весело бегут, пофыркивая. Кое-где по деревне выходит дым из труб. Мужик за оглоблю вывозит соху. Седелка привязана – мотается.

Дорогой дальней, вынимание из узелков провизии, лепешек – веселая еда с шутками» (Юб., т. 48, с. 186).

Авторская помета «6 мая» появляется в «Шестом начале» (в *Описании* рук. 13); возможно, она свидетельствует о том, что именно в этот день Толстой работал над рукописью (писал или правил). Автограф выполнен на двух полулистах писчей бумаги. Текст занимает шесть страниц и начало седьмой.

Впервые за время работы над романом в качестве героя из народа здесь намечен образ церковного старосты и эскизно прорисованы портрет и характер помещика – обидчика крестьян (в этом случае отца декабриста).

Художественное решение зачина главы I образует ссора между крестьянами казенного села Излегощи и крепостными людьми генерала Бурцова, случившаяся в 1818 г. Далее идет описание обстоятельств жизни Ивана Борисовича Бурцова (служба при Екатерине, выход в отставку генералом), его характера, имущественных дел. Желание генерала попросить прощения у всех своих людей – мотив, от которого Толстой не отказался и в дальнейшем. Князь Бурцов просит прощения у аккуратного, зажиточного мужика Ивана Федотова. Образ Ивана Федотова появится и в других рукописях романа.

Бурцов-сын, возможно, должен был выступать в дальнейшем как декабрист. Однако здесь внимание Толстого сосредоточено на образе отца. Генералу отводилось в повествовании важное место, о чем свидетельствует и обильная правка в тексте фрагмента. Первоначально в нем действовал генерал Иван Борисович Самойлов. Затем вместо него появился Бурцов. Толстой называет этого героя то князем, то генералом. Писатель детализирует некоторые факты его биографии и черты его облика. Бывшее ранее: «...служил при Екатерине» – дополняется: «...вышел в отставку генералом». «...Жил уже давно» – изменяется на: «...жил

30 лет». Вместо: «...вошел в коляску» – сказано: «...вошел в колебавшуюся от тяжести его грузного тела коляску». Опускается отрицательная характеристика («Были грехи за генералом»), что, видимо, противоречило основной линии этого характера. Добавлены вставки в дорожные размышления героя: о смирении, о вольности и нищете крестьян.

Именно возле текста, где изображается пахота, находится слева на полях помета «6 мая». Она может соотноситься и с дневниковым обзором ежедневных событий крестьянина Алексея Бочарова за 6 мая: Алексей поутру едет боронить вчерашнюю пашню, затем он трудится на осьминнике, скородит землю под гречиху (*ОР ГМТ*). Совпадение дат и содержания в рукописи (подступы к созданию сцены пахоты) и в дневнике крестьянина выглядит не случайным: в отчетах Бочарова с конца апреля по середину мая даются сведения о подготовке или проведении земельных работ, в том числе пахотных (например, 25, 26, 27 апреля, 1, 2, 3, 4, 6, 8, 12, 13, мая и далее). На 6 мая в русском земледельческом календаре приходится горошник, день Иова горошника, росенника («Иов росы распустил. Сеют горох...») – *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2008, т. 1, с. 382*). Вероятно, теме земельной пахоты Толстой намеревался придать в романе самостоятельное значение, и дневниковый отчет крестьянина Бочарова о «мужицкой работе» становился тут надежным подспорьем.

План создания следующих глав составлен на последнем листе автографа.

После написанного текста намечается содержание новой главы: «II. Был Чистый четверг».

И справа на полях, видимо, в продолжение: «Сборы, отъезд на пашню, пахота. III. Говенье, возвращенье».

В мае 1878 г. Толстой продолжил работу над романом. 22 мая в дневнике отмечено: «Стал вставать рано и пытаюсь писать, но нейдет. Неидет от того больше, что нездоровилось. Но кажется, что я полон по края, и добром» (*Юб.*, т. 48, с. 69).

Образ помещика находится в центре (Седьмого начала) (в *Описании* рук. 14). Рукопись представляет собой один лист; текст занимает три четверти страницы. Действующее лицо – кн. Иван Александрович Одуевский. Событийные узлы едва намечены. Мужики Орловской губернии на Страстной неделе, в среду, приступили к пахоте спорной земли. В Чистый четверг старый кн. Одуевский едет к исповеди и причастию в излегощинскую церковь из своего Красного сельца.

Рукопись (Фрагмента Восьмого начала) (в *Описании* рук. 15) сохранилась не полностью (один полулист писчей бумаги); текст занимает четыре страницы. Помещик – обидчик крестьян получает здесь другое имя, отчество и фамилию. Основные сюжетные линии: богатый барин Григорий Иванович Чернышев с дочерьми и молодым барчуком в блестящем мундире отстаивает обедню в сельском храме, пытаясь «настроить себя на молитву». В его душевном состоянии, возможно, отражаются религиозные колебания самого Толстого той поры.

Духовному облику Чернышева противопоставлен внутренний мир крестьянина Ивана Федотова. Сопоставление мира господского и мира мужицкого становится особенно заостренным в сцене причащения: церковного старосту Ивана Федотова заняло и развлекло зрелище неприлично, с точки зрения крестьянина, одетых господ, когда они, сняв шубы, вышли причащаться. Развивается в отрывке и ранее намеченная тема пахоты спорной земли. «Пахота хороша должна б(ыла) быть», и Ивану Федотову хотелось поскорее выехать с сохой за сыном Митькой, чтобы вспахать побольше. Однако собственно картина пахоты в этом начале отсутствует.

В *«Девятом начале»* (в *Описании рук.* 16) Толстой решительно меняет фокус повествования. Рукопись представляет собой один полулист писчей бумаги. Первую страницу занимает описание семьи церковного старосты, на второй, третьей и четвертой появляется генеалогическая таблица крестьянского семейства.

В повествовательной части автографа – лишь эскизные зарисовки. Старик Алексеич, его старуха, Иван Федотов с женой, меньший брат Ивана Родивон. У Ивана Федотова три женатых сына: Михайло, Егор, Петр, четвертый сын – Ермил – солдат. В доме живут три снохи, солдатка (позже вписано ее имя – Арина).

На обрисовке детей младшего брата Родивона работа прервалась. Но генеалогическое древо большого семейства церковного старосты успело охватить четыре поколения крестьян.

Старшие в роду – девяностолетний пчельник Федот Алексеич, который прячет в потаенное место, «хоронит», деньги, и его жена Осиповна. Толстой вписывает ее имя – Аксинья; первоначально Мавра. Девяностолетняя Аксинья Осиповна лежит на печи, так как у нее сведены, скрючены судорогами и корчами руки и ноги.

У Федота Алексеича и Аксиньи Осиповны трое детей. Дочь Евланья, замужем за самолюбивым и кротким Карпом. Шестидесятилетний Иван, старший сын. Иван – церковный староста, распорядитель церковного имущества и сбора. Женат на своей ровеснице, старухе Степаниде Михаловне. Другая ее характеристика – бабка, в толковательных значениях повитуха, повивальная бабка, приемница. Степанида Михаловна будет принимать роды у своей невестки солдатки Арины. Младший сын Родивон, пятидесяти шести лет, пьет, но смирный: тихого, кроткого, спокойного и ровного нрава. Вторым браком женат на красавице цыганке Марине.

Даются родословные ветви семерых детей главы семьи Ивана Федотова и Степаниды Михаловны: сыновей Дмитрия, Карпа, Михайлы, Ермила и дочерей Марьи, Акулины, Матрены. Марья замужем за старшиной; Акулина бедствует в чужой деревне, просит милостыню, побирается; Матрена – убогая. Позже, в *«Одиннадцатом начале»* (в *Описании рук.* 17), добавлено, что у Ивана Федотова была еще дочь, убогая. В сцене возвращения Ивана Федотова из церкви также говорится об убогой дочке Матрене. Она могла быть калекой, увечной от рождения, маломужной или юродивой.

Сорокалетний старший сын силач Дмитрий женат на слабой здоровьем, «рохле» Катерине, тридцати шести лет. У них четверо детей. Два сына: малоумный Алексей, шестнадцати лет, и Ванька, одиннадцати лет. Две дочери: здоровая глупая девка Маланья, пятнадцати лет, и грудная девчонка Машка. Алексей будет упомянут также в сцене возвращения Ивана Федотова из церкви в Одиннадцатом начале (в *Описании* рук. 17). Толстой так характеризует его: «Алешка, дурак, рохля...» Оценка внука дедом передана пословицей: «С борова вырос, а ума не вынес». Дети в семье Дмитрия и Катерины слабы здоровьем, мрут.

Характер второго сына Ивана Федотова и Степаниды Михаловны, тридцати пяти лет, намечен не сразу. Вначале Толстой называет его Михайлой, затем Петром и наконец Карпом. Вычеркнута и вписанная его характеристика: грамотник. Карп женат на ласковой Настасье, тридцати лет. У Карпа и Настасьи трое детей: Тараска, десяти лет, Мишка, шести лет, и Танька, четырех лет.

Так же постепенно намечается образ третьего сына Ивана Федотова. Сначала он назван Петром и ему тридцать лет; позднее имя и возраст изменены. Толстой именует героя Михайлой, ему тридцать восемь лет. Михайла – плотник, мастер, грамотник. Женат на плясунье Ольге, двадцати четырех лет. Их дети умирают в младенчестве.

Младший сын Ивана Федотова и Степаниды Михаловны – тридцатилетний солдат Ермил. Его жена Арина ожидает ребенка.

Ветвь Родивона, младшего сына Федота Алексеича и Аксиньи Осиповны, завершает семейное древо. От первого брака у него остались замужняя дочь Анна и двадцатипятилетний сын Тихон. Его облик сложился не сразу. Первоначально он звался Игнатом и определялся молодцом и ухарем. Однако позднее Толстой выбрал для него иной жизненный путь. Вслед за указанием возраста сообщается, что Тихон учится грамоте. У Тихона и его красивой белокурой жены Евланы двое детей: двухлетний Сидорка и Машка у груди. Марина родила Родивону тоже двоих детей: Игнатку, вначале грубого и наглого (исключено правкой), и резвую, шаловливую егозу Матрешку. Толстой планировал обрисовать ее болезненной, однако эта характеристика вычеркнута.

⟨Десятое начало⟩ (в *Описании* рук. 17, л. 1) занимает половину листа. Писатель возвращается к зачину, намеченному в ⟨Седьмом начале⟩ романа. Оба отрывка кратко повествуют о том, как собравшиеся к заутрене крестьяне ожидают приезда барина, без которого не начинается церковная служба. Между тем и другим фрагментом существуют лишь небольшие смысловые и структурные различия. В ⟨Седьмом начале⟩ обозначение главы отсутствует, в Десятом перед началом текста проставлена цифра I. Отличаются зачины. Имение князя Одуевского в ⟨Седьмом начале⟩ называлось селцом Красным; в Десятом оно названо Покровским. В ⟨Седьмом начале⟩ указано время действия – первый день Пасхи 1818 года (14 апреля), в Десятом нет никакой даты.

В целом ⟨Десятое начало⟩ отличается большей, чем в предыдущем фрагменте, художественная завершенность. В нем появляется лирическое описание природы («на дворе было сиверко, в ночь выпал сне-

жок»). Здесь больше действующих лиц (священник, пономарь, дьякон). Объединяет оба текста авторская ирония по отношению к возникшей ситуации: из-за опоздания барина в церкви откладывается богослужение.

В (Одиннадцатом начале) (в *Описании* рук. 17) Толстой вновь возвращается к рассказу о крестьянской семье Бурачковых и создает обширный повествовательный фрагмент. Автограф выполнен на трех полулистах писчей бумаги; заполнены десять и три четверти одиннадцатой страницы. Текст разделен короткими горизонтальными чертами (без цифрового обозначения глав).

Отрывок начинается развернутым рассказом о семье и состоянии дел Ивана Федотова. Затем следует сцена разговора Ивана с его внуком Алешкой и невесткой Ольгой, эпизоды в избе (Иван Федотов, его мать, жена брата Родивона Марина, «любимая» сноха Наталья, дочь Марины Матрешка, жена Ивана Федотова Михаловна, внук Ивана Федотова сын Настасьи Тараска) и в клети (роды Арины). Возможно, по замыслу Толстого, в дальнейшем «пути жизни» сына солдатки и героя-декабриста могли пересечься.

Образ цыганки Марины («главная трудность для И(вана) Ф(едотова) при управлении дом(ом)», «была яд») получит дальнейшее развитие в тексте, выбранном Толстым для печати в 1884 г. (в *Описании* рук. 24). Это «сердитая» ворчливая кухарка, «жирная дворовая женщина», грубо отозвавшаяся на просьбу накормить старуху Тихоновну: «Ну тебя совсем, будет болтать. Какую еще старуху кормить. Тут своих не накормишь».

Писатель, видимо, предполагал расширить начало и концовку эпизода в избе, прописать эпизоды родов Арины и весенней пахоты.

Этапы дальнейшей работы: «Просвирку старухе», «Старуха следит за всем, что делается, одобряя и не одобряя», «Старик кудрявый, таинственный, похожий на дерево» – на обороте л. 2, слева на полях, рядом с предложением: «В избе сидела старуха мать на коннике».

Еще одна помета: «Разговор о приезде барина» – справа на полях л. 4, ниже вписанных сведений о встрече Ивана Федотова с внуком Тараской.

К эпизодам родов Арины: «Образок и свеча в головах. Хочет голосить, но не умеет» – и весенней пахоты крестьян: «Грачи. Сволока. Кафтаны. Веселье пахоты» (на обороте л. 4, слева на полях).

На отдельном листе выполнены другие записи к роману (в *Описании* рук. 18). Фрагмент: «Полаты разбирали. Старуху сняли. [Две бабы на речке]» – близок описанию уборки избы в (Одиннадцатом начале) (в *Описании* рук. 17), когда мать Ивана Федотова сняли с полатей и перенесли на конник.

Упоминание о мытье полатей в рукописях произведения может восходить (помимо заметок в записной книжке Толстого от 8–11 апреля) к дневниковому отчету Алексея Бочарова за 13 апреля: мать убирала избу, разбирала полаты и мыла их. Так она «хлопотала» около дома в течение этого дня (*ОР ГМТ*).

Две последующие заготовки относятся к образу новой героини. Слева на полях: «Институтка дочь губернатора».

По правому краю листа: «Отец Апухтин бешеный самодур. Бурлит с своим лакеем. Наташа убегает после сцены с бабой, просящей за мужа».

С 30 апреля по 2 мая Толстой ездил в Москву, где получил у декабриста П.Н. Свистунова письма другого декабриста – М.А. Фонвизина, и рукопись записок его жены Н.Д. Фонвизиной-Пушиной, урожденной Апухтиной. 5 мая в дневнике Толстого отмечено: «Читал утром записки Фон-Визиной» (*Юб.*, т. 48, с. 69). На следующий день в письме к П.Н. Свистунову Толстой сообщал о тетради Фонвизиной: «Вчера прочитал невнимательно и хотел уже было ее отослать, полагая, что я всё понял» (*Юб.*, т. 62, с. 417). Но, как следует из письма, он вновь обратился к запискам и оказался на этот раз под сильным впечатлением от прочитанного.

Новый отрывок (в *Описании рук.* 19) соединяет в себе многие из ранее обозначенных сюжетных узлов. Среди персонажей появляется дочь помещика, названного теперь Апухтиным (в некоторых случаях Толстой использует написание – Апухтин), Маша. Ее образ в известной мере соотносится с характером Н.Д. Фонвизиной (урожденной Апухтиной). В 1884 г. этот развернутый отрывок был переработан Толстым и вошел в состав незавершенного романа «Декабристы», напечатанного в Сборнике Общества для пособия нуждающимся литераторам, как первый вариант первой главы (О работе Толстого над фрагментом см. выше с. 660–662).

1 июня 1878 г. в дневнике отмечено: «Всё время это не брал пера в руки» (*Юб.*, т. 48, с. 70). В этот же день Толстой рассказал сюжет начатого романа гостившему в Ясной Поляне А.Д. Свербееву. Писатель предполагал, что после событий на Сенатской площади сосланный декабрист попадет в поселок бывших своих крепостных, наказанных за то, что самовольно вспахали спорную землю (см. *Юб.*, т. 17, с. 496).

С 12 июня по 3 августа 1878 г. Толстой был в Самаре; работа над романом прервалась.

6 августа 1878 г. семья Толстых возвратилась в Ясную Поляну с самарского отдыха. 8...9 августа писатель извещал А.А. Толстую: «Мы съездили благополучно, что всегда, с моим большим семейством, я принимаю за особенную милость Божью (...) чувствую себя очень бодрым, особенно духовно» (*Юб.*, т. 62, с. 434).

Но творческая работа не возобновилась: «...писать не пишу и не желаю» (*Юб.*, т. 62, с. 434).

Изменение плана произведения о декабристах и смещение времени действия к 1824 г. намечено в заметке под заголовком: «1824-й год. Весна» из записной книжки 1868–1879 гг., ниже даты 27 августа 1878 г. (см.: *Юб.*, т. 48, с. 193).

Историческая канва российской общественной и культурной жизни снова заняла здесь центральное место. Толстой намеревался изобразить эпоху глубоко и всесторонне. В повествование предполагалось ввести образы высших государственных лиц того времени, включая императора Александра I. В их числе: Д.И. Лобанов-Ростовский, П.В. Лопухин,

А.Н. Голицын, А.С. Шишков, В.С. Попов, Н.П. Румянцев, В.П. Кочубей, А.П. Ермолов. Пушкинское время настойчиво завладело сознанием писателя; среди действующих лиц намечались А.С. Пушкин (чиновник канцелярии новороссийского губернатора М.С. Воронцова в Одессе) и Н.М. Карамзин.

Сюжеты из крестьянской жизни по-прежнему сосуществовали с темами историческими: «Как сделана новая соха? {...} Рассоха кривая готовит лопатки детям. Семейство сосланного в деревне и в губернии {...} Александр I был в Симбирске.

14, 15-летн(я) девочка, самый духовный, чистый возраст. Фон. Виз(ин) Опухтина, убежала в монастырь» (*Юб.*, т. 48, с. 193).

Материал о деятельности декабристов собирался в записной книжке столь же тщательно, например, в заметке с заголовком: «24-й год, начало» (*Юб.*, т. 17, с. 460). Определялись ключевые события: «Тургенев отпустил на волю людей. Дух общества. Трубецкой наивно вербует», П.И. Пестель приезжает в Петербург.

Не менее интересна Толстому международная политическая жизнь того времени. Несколькими штрихами он отметил заметные события европейской истории: смерть Наполеона, войну Франции с Испанией в 1823 г., приезд Байрона в Грецию.

В двух письмах Толстого от 5 сентября 1878 г. прямо говорится о желании вернуться к творческой работе.

Н.Н. Страхову: «Очень хочется писать и понемногу принимаюсь» (*Юб.*, т. 62, с. 439).

А.А. Фету: «Мне ужасно хочется писать, но нахожусь в тяжелом недоумении – фальшивый ли это, или настоящий аппетит» (*Юб.*, т. 62, с. 441).

О переселенческих материалах велась речь в письме к В.А. Иславину, также от 5 сентября: «У меня дела твои о переселении, и не думай, чтобы я забыл возратить их. Они мне нужны. Можно еще держать?» (*Юб.*, т. 62, с. 435). 13 октября 1878 г. В.А. Иславин обращался к С.А. Толстой: «Да еще попроси своего хорошенького муженька возратить мне министерские дела – я должен их сдать в архив» (*ОР ГМТ*). Однако «держал» писатель дела еще долго. Только 9 октября 1879 г. П.А. Берс оповестил Толстого: «У Владимира Алексеевича я был и передал ему твои бумаги» (*ОР ГМТ*).

27 сентября С.А. Толстая записала в дневнике: «Занятия его еще не идут, и у него болит спина» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 94).

30 сентября 1878 г. в записной книжке 1868–1879 гг. вновь появляется запись о Н.Д. Фонвизиной-Пущиной и о возможном развитии сюжета (тема любви декабриста):

«Апухтина (прелесть) почти влюблена в Одоевского (прелесть), но выйти замуж нельзя. Ей кажется, что не настоящий он, а любит другого, выходит за 3-го, а это-то была лучшая ее любовь в жизни» (*Юб.*, т. 48, с. 193).

В первой декаде октября 1878 г. Толстой мог работать над четырьмя рукописями (в *Описании рук.* 5, 20–22). Время действия в них отнесено

к 1824 г. Указания для их датировки содержат письма С.А. Толстой к Т.А. Кузминской и заметки в ее дневнике.

3 октября жена писателя сообщала своей сестре Т.А. Кузминской, что муж перешел в комнату мальчиков со сводами, восхищается тишиной и пытается заниматься, раза три писал.

6 октября в дневнике С.А. Толстой отмечено: «Утром взошла к Левочке, он сидит внизу за столом и пишет что-то. Это он начал, говорит, в десятый раз начало своего произведенья. Начало – это прямо разбирательство дела, в котором судятся мужики с помещиком. Дело это он вычитал из подлинных документов и даже числа оставил. Из этого дела, как из фонтана, разбрызгается действие и в быт крестьян, и помещика, и в Петербург, и в разные места, где будут играть роль разные лица» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 95).

11 октября, снова в дневнике: «...Много читает материалов к новому произведению, но все жалуется на тяжесть и усталость головы и писать еще не может» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 96). О том же сообщалось и Т.А. Кузминской в письме от 12 октября.

В название плана и конспекта (в *Описании* рук. 5) задуманного романа вынесено на этот раз место действия – «Борисовка». Автограф выполнен на полулисте писчей бумаги. Текст занимает одну страницу. В начале поставлен номер главы – 1, далее фрагменты текста разделяются горизонтальными чертами. Предполагаемые сюжетно-тематические линии таковы:

Освобождение Анисима Бровкина из острога (вычеркнуто в ходе правки), описание некоторых подробностей тюремной жизни Бровкина и других арестованных крестьян: «Впускали ли баб? Как одеты? Работали ли? Как выпускали?»

Тема судебной тяжбы помещика Адуевского с крестьянами: заседание в Сенате, доклад сенатора – покровителя Адуевского (в зачеркнутом варианте – Карцов), характеристика отца и сына Адуевских; подробности о прохождении дела в верхах: «Государь с большой ногой. Аракчеев. Решение».

Тема переселения крестьян: «Решает подать прошение о переселении государю в Царском», «Возвращенье с новых мест».

Темы весенних крестьянских работ и, вероятно, говения и причащения барина: «Весна, пахота, корчеванье (...) Светло Христо(во) воскресен(ие)».

Тема любви будущего декабриста: «Любовь».

Темы придворной и общественной жизни: «Июнь проезд царя. Ланкастерские школы. Мистицизм».

В центре ⟨Двенадцатого начала⟩ (в *Описании* рук. 20) – освобождение из тюрьмы в Краснослободске четырех арестованных за драку с землемером крестьян (Жидкова, Деева, Копылова, Болхина). Автограф выполнен на полулисте писчей бумаги. Текст занимает первые две и три четверти третьей страницы.

По ходу работы вносилась правка в зачин фрагмента. Здесь акцентировалась радость в семьях крестьян по поводу освобождения кормильцев из острога. Сначала было: «Анисима Бровкина выпустили из острога».

Стало: «В семье Анисима Бровкина была радость. Его и других троих мужиков выпустили из острога». Толстой меняет по ходу повествования фамилии и имена крестьян (Бровкин – Жидков, Авксентий – Григорий), подробности их внешности, уточняет время действия («постом на второй неделе» – «постом на пятой неделе»). Очевидно, работа над началом не складывалась. Из первоначального текста были исключены описание возвращения крестьян домой с краткой зарисовкой ранней весны, подробности драки с землемером и колоритные характеристики мужиков: «Дрались не они одни, а все понятия. Их было 14 человек, а засудили и посадили в острог 4-х: Ивана Деева – он всегда был [крикун] спорщик, старика (...) Копылова – непокорный мужик, Болхина – отчаянная голова, и Анисима, за его упрямство».

«Дело против крестьян села Излегощ за недопущение землемера до утверждения межи и за сделание прибывшим туда Земскому суду и губернских дел стряпчему грубости» лежит в основе (Тринадцатого начала) (в *Описании* рук. 21). Автограф выполнен на полулисте писчей бумаги. Текст занимает первые три и четверть четвертой страницы.

Спорная земля в этом фрагменте – Меркуловская пустошь. 18 марта 1824 г. из краснослободского острога выпущены четверо крестьян: Михайла Кондрашев, Федор Резун, Петр Осипов и Василий Прохоров. Сначала указ об освобождении крестьян доходит до Краснослободска «...только через 4 месяца после того, как он был подписан в Петербурге 13 ноября». Позже указана точная дата освобождения арестованных: 6 марта 1824 г. Толстой сосредоточен на описании облика, имущества, характера и жизненного уклада крестьян. Так, Сидоров назван головой вместо старшины; богатые мужики носят не только фабричного сукна кафтаны, но и сапоги; в хозяйстве Михайлы появляются лошади, которые «...были у него свои доморощенные, старой одной породы, всё больше саврасые». Видимо, на данном этапе Толстой планировал изобразить Михайлу Кондрашева церковным старостой, но отказался от этого плана.

В (Четырнадцатом начале) (в *Описании* рук. 22) взяты за основу перипетии тянувшегося с 1807 г. дела «экономических крестьян Симбирской губернии села Излегощ с помещичьим селом Жегаловым о землях». Автограф выполнен на двух полулистах писчей бумаги. Заполнены шесть и четверть седьмой страницы. Два разных по объему фрагмента связанного текста разделены горизонтальной линией.

Рукопись отразила колебания Толстого в отношении характера помещика, с которым крестьяне судились за спорные земли (Одуевский – Чернышев) и обстоятельств судебного разбирательства. Здесь уточняются государственные инстанции и значение судебных слушаний для противоборствующих сторон. Сначала слушания проходят в «...общем собрании Государственного Совета и в общем собрании по Высочайше утвержденному положению Комитета Министров». Позже первая часть фразы изменена: «...в Департаменте духовных и гражданских дел Государственного Совета». О деле со стороны крестьян говорилось, что «...оно велось чрезвычайно энергично». Затем к этому добавлено:

«...велось во всех нижних инстанциях и даже в Сенате чрезвычайно энергично».

Смягчается авторская оценка характера князя Чернышева. Толстой меняет тональность повествования, дополнительно характеризуя своего героя как «доброе, старого и мягкое» и смещая вину за насильное завлаживание земли у крестьян с князя на его отца (Было: «завлаженной им»; стало – «завлаженной его отцом еще»). До правки судебное решение для князя «означало или увеличение почти вдвое» его состояния, или «совершенное разорение». Затем обозначилась иная тональность: «означало или жизнь, как прежде, уважаемая, почетная самого и детей, уже взрослых, или совершенное, позорное разорение».

Критика Толстым властных инстанций проявляется в образе Мирона Иванова. (В автографе непоследовательно: Мартын – Мирон.) Вписанное словосочетание: «на гербовой бумаге» – подчеркивает зависимость этого героя от «мира власти». Он «так увлекся этим миром власти, тем миром, в к(отором) одни слова, написанные известным лицом в вицмундире на гербовой бумаге, делали то, что один человек получал вдруг, как в волшебной сказке, много денег, а другой попадал в тюрьму или под кнут, так удивился сначала, а потом пленился этим миром, что весь отдался ему».

Во второй половине октября – первой половине ноября 1878 г. могли быть созданы три главы романа (в *Описании* рук. 23, 24). Время завязки действия отнесено здесь к 1817 г. Композиционная фабула: в Москву отправляется подавать прошение царю Тихоновна, жена одного из шести излегошинских крестьян, сидевших за драку в поле с землемером, – Михаила Деева. В московском доме Чернышевых она встречается с сыном князя Чернышева, будущим декабристом.

Творческие подъемы и спады на новом этапе работы над произведением молниеносно сменяли друг друга; их амплитуда отражена в дневнике С.А. Толстой и в переписке семьи Толстых.

Канва художественного поиска Толстого за период с 16 по 24 октября в дневнике С.А. Толстой представлена так.

16 октября: «...Не занимался сегодня, только утром мне сказал: “Как у меня это хорошо будет”».

18 октября: «...Вял, молчалив и сосредоточен. Все читает».

21 октября: «Вчера он немного писал что-то, мне еще не показывал».

23 октября: «...Нынче говорит, что столько читал материалов исторических, что пресыщен ими и отдыхает на чтении “Мартин Чеззльвит” Диккенса. А я знаю, что когда чтение переходит у Левочки в область английских романов – тогда близко к писанью».

24 октября: «...Желчен и вял, но мы дружны и счастливы. Писать еще он не может. Нынче говорит: “Соня, если я что буду писать, то так, что детям можно будет читать все, до последнего слова”» (*Дневники С.А. Толстой*, т. 1, с. 98–100).

Очередной кризис отражают два письма Толстого от 27 октября. Н.Н. Страхову: «Виноват и не виноват перед вами, дорогой Николай

Николаевич. Виноват, потому что вам было неприятно от меня за то, что я не пишу; но не виноват, потому что право *не мог* писать письма, не мог ничего делать всё это время. Я не солгу, если скажу, что меня не было дома, т. е. что я не находился сам в себе, а где-то ailleurs¹. Ходил на охоту, учил детей, обедал, принимал гостей, когда приезжали; но если должен был от себя что-нибудь делать, то ничего не мог. Работа всё нейдет...» (Юб., т. 62, с. 445). О том же, но иными словами сообщается А.А. Фету (Юб., т. 62, с. 449–500).

Спустя день Толстой опять погружается в работу, что отмечено С.А. Толстой.

29 октября: «Левочка пытался заниматься».

1 ноября: «Вчера утром Левочка мне читал свое начало нового произведения. Он очень обширно, интересно и серьезно задумал. Начинается с дела крестьян с помещиком о спорной земле, с приезда князя Чернышева с семейством в Москву; закладка храма Спасителя, богомолка, баба, старушка и т. д.» (Дневники С.А. Толстой, т. 1, с. 101).

2 ноября С.А. Толстая поставила в известность Н.Н. Страхова: «Начало нового произведения написано; работа умственная Льва Николаевича идет самая успешная, а план нового сочинения по-моему – превосходен» (Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым. Оттава, 2000, с. 140). В тот же день письмо аналогичного содержания направлено к Т.А. Кузминской.

Однако вскоре дневник С.А. Толстой отражает новые кризисные моменты и попытки их преодоления:

4 ноября: «Левочка не пишет почти и упал духом».

6 ноября: «Скучает, что не может писать» (Дневники С.А. Толстой, т. 1, с. 102, 103).

Тогда же в дневнике С.А. Толстой отразились размышления Толстого над образом Тихоновны: «Вечером читал Диккенса “Dombu and Son”, и вдруг мне говорит: “Ах, какая мысль мне блеснула!” Я спросила что, а он не хотел сказать, потом говорит: “Я занят старухой, какой у ней вид, какая фигура, о чем она думает, а надо главное ей вложить *чувство*. Чувство, что старик ее Герасимович сидит безвинно в остроге, с половиной головы обритой, и это чувство ее не оставляет ни на минуту”» (Дневники С.А. Толстой, т. 1, с. 103).

7 ноября С.А. Толстая отмечает: «Он повеселел, и мысли его для писанья уясняются» (там же).

И далее – 16 ноября: «Левочка говорит: “Все мысли, типы, события – все готово в голове”. Но ему все нездоровится, и он писать не может» (Дневники С.А. Толстой, т. 1, с. 105).

Обильная правка в рукописях вновь написанных глав свидетельствует о напряженных творческих поисках писателя. В 1884 г. именно эти фрагменты были выбраны Толстым для публикации как второй вариант первой главы романа «Декабристы» (о работе над ними см. выше с. 663–664).

¹ в другом месте (фр.).

«Я все воображаю, что Вы пишете, и сердце мое радуется, и я всей душою желаю Вам светлых часов успешной работы. Пишите и забывайте или помните обо мне – как хотите». С таким напутствием обратился к Толстому 21 ноября 1878 г. Н.Н. Страхов (*Толстой и Страхов I*, с. 479).

Толстой ответил 22...23 ноября: «Не пишу я вам только оттого, что нечего. Попытки, искания, очарования и разочарования мои при работе моей не годится рассказывать. А остальное все меня не интересует в это время. Но когда проснусь, то первое, что представляется, это мое желание общения с вами» (*Юб.*, т. 62, с. 454).

Как можно судить на основании письма С.А. Толстой к Н.Н. Страху от 6 декабря 1878 г., в первой декаде декабря Толстой мог набросать два новых плана к роману. С.А. Толстая сообщала, что муж «иногда мрачен от напряжения умственного», много работает и устает. Пишет пока мало, «но в голове здание все растет и растет. Вы не можете себе представить, как сложен и труден даже просто механизм нового задуманного им произведения» (Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым. Оттава, 2000, с. 145–146).

Четыре года предыстории декабристского восстания (с 1817 по 1820 г.) охвачены в плане, где представлена целостная картина этого «сложного и трудного» «механизма» (в *Описании* рук. 6). Автограф выполнен на полулисте писчей бумаги. Хронологические, тематические и сюжетно-композиционные узлы произведения:

Весна 1817 г. – события, о которых уже говорилось в начерно написанных началах («Говенье – Драка на меже»). Далее развиваются сюжеты, отчасти намеченные Толстым 16 апреля 1878 г. (записная книжка 1868–1879 годов) и в письме С.А. Рачинскому от 23 апреля: «Светло Христово воскресенье. Тат(ьяна). Бабочки. Любовь. Религиозное чувство».

Осень 1817 г. – события из главы I, также вчерне написанной («Москва. Закладка храма. Тихоновна прошение»), с последующей разработкой любовной линии: «Любовь и религ(иозное) чувство Татьяны забыто. Увлечение чувственное».

1818 г. – описание политического события («Собрание Союза Благоденствия»), затем вновь история любви декабриста: «Равнодушие жениха»; далее – возвращение к теме рекрутства, намеченной во (Втором начале) (в *Описании* рук. 9), и к теме переселения крестьян, развернутой ранее. В автографе после фразы: «Равнодушие жениха» – вписано между строк: «Отдача в рекруты. Уход в Оренбург».

1819 г. – события общественно-политической жизни («Мракобесие. Магницкий. Бунт в Чугуеве. [Рылеев] (...). Казни») и кульминация темы любви: «Разрыв свадьбы с Татьяной».

1820 г. – политические события: «Семеновск(ая) история. Пестель в Петерб(урге)». Приезд Пестеля в Петербург Толстой упоминает и раньше, в заметке под названием «24-й год, начало» из записной книжки 1868–1879 гг.

Фрагмент последнего из сохранившихся планов к роману о декабристах начинается так: «1825-й год. Ноябрь» (в *Описании* рук. 7).

Автограф выполнен на листе почтовой бумаги большого формата (написано шесть строк). Хронологически этот план продолжает события из предыдущей рукописи; здесь впервые возникает сюжетно-композиционная линия, связанная с образом некоего Митеньки. Видимо, на данном этапе Толстой продумывал еще одну вариацию отношений дворянина с народом (после знакомства с декабристом Н.М. Муравьевым герою открываются возможности радикальных решений). Появляются и новые образы:

«Митенька хозяйничает, знакомится с Муравьевым. Открывается новый мир. Советует бежать мужику. Мужик бежит – бедствия. Митенька едет 14-го декабря. Петербург, по дороге с поповичем.

Деревня – монахи».

Со второй половины декабря 1878 по январь 1879 г. (вторая декада) могло быть создано (Пятнадцатое начало) романа под заглавием «1818 год. Пролог» (в *Описании* рук. 25), где развивается сюжет с исчезнувшим лицом. Автограф выполнен на полулисте и листе писчей бумаги; заполнены пять и четверть шестой страницы. Крайние хронологические пределы этой работы устанавливаются на основе переписки Толстого.

20 декабря 1878 г. Н.Н. Страхов сообщил в Ясную Поляну о скором своем приезде. На обороте этого письма Толстым составлен список лиц, к которым писатель намеревался обратиться с просьбой или на письма которых он предполагал ответить. В их числе: декабристы П.Н. Свистунов и М.И. Муравьев-Апостол, С.Н. Бибикина, дочь декабриста Н.М. Муравьева, П.Ф. Перфильева («Полинька»), вероятно, член Государственного совета по департаменту законов в 1810–1817 гг. А.Н. Салтыков («Солтыков»), А.С. Суворин.

Одна из просьб к М.И. Муравьеву-Апостолу: «Спросить об Уварове, Луние и пропавших. Письма об Уварове и просить его биографию» (цит. по: Неизвестный автограф Л.Н. Толстого. Публикация И.А. Покровской // Яснополянский сборник, 1978, с. 54).

Вопросы о «пропавших» и о полковнике Ф.А. Уварове, женатом на сестре декабриста М.С. Лунина, детализированы в письме к П.Н. Свистунову от 25 декабря 1878 г.: «Что за человек был Федор Александрович Уваров, женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Но что он был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Кат(ерина) Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети?». И ниже, уже после подписи «Гр. Л. Толстой», приписка: «Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?» (*Юб.*, т. 62, с. 459–460).

Ф.А. Уваров (по прозвищу «Черной»), известный брестер, участник войны 1812 года не принадлежал к числу декабристов; 7 января 1827 г. вышел из дома и более не возвращался. Таинственное исчезновение Ф.А. Уварова породило несколько версий о его дальнейшей судьбе. Наиболее устойчивой оказалась гипотеза об идентичности личностей Ф.А. Уварова и сибирского старца Федора Кузмича, прошлое которого

нередко связывали также и с царем Александром I. (В дальнейшем писатель использует эту гипотезу в художественной обработке легенды о старце Федоре Кузмиче – Александре I.) 30 декабря 1878 г. П.Н. Свистунов в ответном письме Толстому осветил нелицеприятную деятельность Ф.А. Уварова в деле о завещании декабриста М.С. Лунина.

Интерес Толстого к «пропавшим» знаменует последний поворот в движении замысла романа. Возможно, писатель предполагал начать произведение новой сюжетно-композиционной линией, связанной с темой ухода из семьи человека своего возраста и сословия (эволюция образа помещика в предыдущих рукописях).

Неуверенность Толстого в развитии замысла отразилась в письме к П.Н. Свистуну от 25 декабря 1878 г.: «Работа моя томит и мучает меня, и радует и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днем, ни ночью, ни больного, ни здорового мысль о ней ни на минуту не покидает меня» (Юб., т. 62, с. 459).

Иной тон, только констатация факта – в письме к Н.Н. Страхову от 18...19 января 1879 г.: «Принялся за работу» (Юб., т. 62, с. 463).

«Неожиданная, страшная и неясная» смерть в Новгороде кн. Василия Федоровича Гагарина (июнь 1818 г.), горе его вдовы Марьи Яковлевны, оставшейся по кончине главы семьи с тремя детьми и пожилой свекровью, – пружина действия начала с исчезнувшим лицом. Вероятно, декабристами, по мысли писателя, могли стать сыновья князя Гагарина. «Гениальный», «всеми восхваляемый» первенец Саша и второй сын Федор (оба или один). Возраст (старшему шестнадцать, второму пятнадцать лет) объединяет их с юными героями ранее написанных начал.

Сюжетный рисунок в отрывке едва намечен. О том, что с мужем что-то «нехорошо», сообщает Марье Яковлевне «с бледным, испуганным лицом» старый приятель князя Семен Иванович Езыкков (первоначально: гувернер детей). Вечером весть о смерти Василия Федоровича приносит его камердинер Матюша, приехавший в Москву: князь, проходя по улице, неожиданно упал и тут же скончался. При нем нашли кошелек с двойчатком-орехом и двумя монетками. На рассказе об этом рукопись обрывается. Видимо, автор предполагал четче прописать тягостное положение княгини после смерти мужа. На обороте л. 3 рукописи, слева на полях, сохранилась помета: «Ходит Саша и думает: что он будет делать».

В «...Прологе», возможно, отражается одно из самых сильных и тяжелых впечатлений детства Толстого, внезапная гибель отца. Писатель как будто воспроизводит то, что слышал от родных, в том числе от Т.А. Ёргольской, о кончине Н.И. Толстого: смерть на улице в Туле, камердинеры Петруша и Матюша, которых несправедливо подозревали в отравлении барина, векселя, принесенные вдове какой-то нищей. Князь Гагарин, как и Н.И. Толстой, умирает в июне.

Вопрос о сближении дворянина с народом в последней попытке начать роман о декабристах решается по-новому (декабрист заменяется дворянином, разрывающим корневые связи со своей средой). Это начало стоит в одном ряду с черновыми набросками конца 1860-х и начала

1870-х годов («Степан Семеныч Прозоров», «Убийца жены»), герой которых уходит из своей среды. Похожий персонаж должен был появиться и в переселенческом романе. В воспоминаниях С.А. Толстой (1876 г.) об этом сказано так:

«...Лев Николаевич хотел писать историю интеллигентного человека, отказавшегося от жизни своей среды и ушедшего с переселенцами на новые места» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 251).

Осенью 1877 г. С.А. Толстая упоминает сходный сюжет, но здесь появляются новые детали:

«В области мысли и художественной работы Лев Николаевич опять возвращался к своему излюбленному сюжету об интеллигентном человеке, познавшем тщету и зло цивилизации, и, как он мне тогда рассказывал, убежавшем на новые места с кормилицей своего ребенка и начавшем новую жизнь среди простого народа» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 274).

Известно, что с людьми, «познавшими тщету и зло» взрастившей их «цивилизации», жизненные пути семьи Толстых пересекались. Таков был, например, управляющий самарским имением писателя А.А. Бибииков, человек высшего образования и круга. С.А. Толстая описала запомнившиеся ей обстоятельства знакомства с этим человеком:

В августе 1877 г., возвращаясь из Москвы, куда Толстой ездил за учителем для сына Сергея, писатель встретил акушерку жены, М.И. Абрамович, и спросил ее полушутя: «Нет ли у вас учителя?» – «Есть», – отвечала она. – «А управляющего в самарское имение?» – «Тоже есть». «И действительно, оказались у Марьи Ивановны два знакомых, ищущих занятий; оба прекрасные люди из дворян, оба революционеры того времени и либерального направления. Один из них – Василий Иванович Алексеев, кончивший курс в университете на математическом факультете, с интересным прошлым (...). Вот этого-то Василия Ивановича мы и взяли русским учителем к нашим детям (...). Управляющим же в самарское имение был взят Алексей Алексеевич Бибииков, человек высшего образования и круга, но по убеждениям совсем опростившийся. Женат он был на красивой очень крестьянке, от которой имел двух прекрасных детей. Но он их потом бросил и взял в сожительницы другую, более бойкую и умную крестьянку, с которой прожил потом всю жизнь. Когда мы его отставили от должности управляющего, он взял в аренду самарские казенные земли и навсегда остался в Самарской губернии» (*Толстая С.А. Моя жизнь*, т. 1, с. 271–272).

В конце 1870-х годов и сам Толстой все чаще испытывал стремление освободиться от одолеваемого тисками «цивилизации» и «праздности» (с его точки зрения) собственного образа жизни («Если бы я был один, я бы не был монахом, я бы был юродивым») и стать человеком, который «не дорожил бы ничем в жизни и не делал бы никому вреда» (письмо к Н.Н. Страхову от 6 ноября 1877 г. – *Юб.*, т. 62, с. 347). Раздумья писателя о своей судьбе широко отразились в его творчестве 1870-х годов.

Насколько значимым представлялся автору декабристский роман, видно из письма к П.Н. Свистуну от 25 декабря 1878 г.: «Дело, кото-

рое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь» (*Юб.*, т. 62, с. 460). Тем не менее, в феврале 1879 г. роман был оставлен на пике творческих исканий. «Здоровье мое всё нехорошо, но работаю очень много и страстно, хотя ничего не пишу». Это, по сути, подведение итогов в письме к Н.Н. Страхову от 13... 14 февраля 1879 г. (*Юб.*, т. 62, с. 471).

Эпоха 1820-х годов вновь увлечет Толстого в годы первой русской революции и позднее (1904–1905, 1908), но работа над произведением не возобновится.

На многочисленные вопросы современников о том, почему роман не был написан, Толстой отвечал не единожды и всегда по-разному. Говорил о близости декабристской эпохи, подчеркивая этическую необходимость корректного отношения к еще живым ее представителям, о необходимости исторического материала, в котором он терялся (Г.А. Русанову), об отрыве участников движения от национальных корней (П.А. Сергеев и А.А. Толстой), находил преемственную связь между декабристами и революционным движением 1870-х годов (в чем соглашался с А.А. Фетом).

Но решающую роль, видимо, сыграл намечавшийся в этот период отход Толстого от уже освоенных форм художественного творчества. Прокладывалась новая дорога в жизни, в творчестве и в мировоззрении писателя.

1 января 1905 г., беседуя с Д.П. Маковицким о декабристах, Толстой сказал: «Два раза переставали интересоваться меня художественные сочинения (...). В первый раз в 1875 году, когда я писал третью часть “Анны Карениной”, и еще в 1878 году, когда я писал “Исповедь”» (*Маковицкий Д.П. Яснополянские записки*, кн. 1, с. 121).

В марте 1878 г., собирая в Петербурге материалы о декабристах, Толстой часто навещал А.А. Толстую. 8–9 марта 1878 г. она записала в дневнике: «Каждое утро Лев проходит ко мне, и главный предмет наших разговоров религия. После многих лет искания истины он наконец у пристани. У Льва в зачатии теперь новое сочинение, и я уверена, что в нем отразится эта исповедь его веры, или, вернее, – исповедь его новой веры» (цит. по: *Азарова Н. Пути жизни: Декабристы – Пушкин – Толстой* // *Октябрь*. 1987. № 1, с. 180).

18 декабря 1879 г. С.А. Толстая отметила в дневниковой заметке («Мои записи разные для справок»), что декабристы и вся прежняя деятельность Толстого отодвинуты назад, и муж ей иногда говорит: «Если буду опять писать, то... напишу совсем другое, до сих пор все мое писание были одни этюды» (*Дневники С.А. Толстой*, т. I, с. 506).

Наступала пора «Исповеди», религиозно-философских трактатов и народных рассказов.

С. 270. ...*Иваном Апухтиным*... – слегка измененная Толстым фамилия «Апухтин». Дмитрий Акимович Апухтин (1768–1838), костромской помещик, капитан – отец Натальи Дмитриевны Апухтиной (1803–1869), последовавшей за мужем в Сибирь. В одном из вариантов Толстой пред-

полагал сделать Наталью Дмитриевну героиней романа. В тексте она упоминается под именем Маши.

...казенных крестьян... – Крестьяне, принадлежавшие государству (казне); обиходное название государственных крестьян. Государственные крестьяне были выделены в особое сословие указом Петра I из остатков незакрепощенных крестьян, в число которых входили и однодворцы – в большинстве своем бывшие служилые люди. В отличие от помещичьих крестьян государственные крестьяне платили подати в казну и считались лично свободными, хотя и прикрепленными к земле. Им разрешено было вести торговлю и владеть «ненаселенными землями», то есть землями без крепостных крестьян. Казенные крестьяне находились в ведении Министерства государственных имуществ.

...села Излегощи... – Излегощи – подлинное название села, заимствованное Толстым из «Дела о переселении крестьян в Оренбургскую губернию». Копию с подлинного дела, хранящегося в Министерстве государственных имуществ, Толстой получил от служившего там В.А. Иславина в марте 1878 г. См. письмо Толстого В.А. Иславину (*Юб.*, т. 62, с. 398). О работе Толстого над делами о переселении крестьян см.: *Гессен Л.А.* Работа Л.Н. Толстого над архивными материалами // Исторический архив, 1958, № 3, с. 216–218.

...бывший и головою... – Голова – сельский староста, избранный крестьянским собранием – «сходом».

...вольнотпущенному Илье Митрофанову... – Вольнотпущенный – крепостной крестьянин, получивший от своего господина «вольную» – документ, освобождающий его от крепостной зависимости. Прототипом Ивана Митрофанова, возможно, явилось реальное лицо, памятное Толстому с детства, – Илья Митрофанович, живший в Ясной Поляне. О нем в «Воспоминаниях» Толстого: «Илья Митрофанович был пьющий запоем, высокий, с белыми волосами старик, бывший крепостной Перовской, великий знаток, какие бывали в старину, всяких клез. Он руководил делом этого наследства (Перовского. – *ред.*) и за это он до своей смерти жил и содержался в Ясной Поляне» (*Юб.*, т. 34, с. 392).

...подал апелляцию в Палату на решение уездного суда. – Палата гражданского суда – губернский административный орган, ведавший гражданскими судебными делами.

С. 271. ...прошение в Сенат... – Правительствующий Сенат – высший государственный орган, подчиненный императору. Учрежден Петром I в 1711 г. как высший орган по делам законодательства и государственного управления. С первой половины XIX в. еще и высший судебный орган, осуществлявший надзор за деятельностью государственных учреждений и чиновников.

...в 1817 году на Страстной – она приходилась поздно... – Страстная седмица – последняя неделя Великого поста, в богослужениях которой вспоминаются евангельские события последних дней земной жизни Христа. В 1817 г. Пасха не была поздней, она приходилась на 25 марта (ст. ст.), но в 1878 г., когда был написан этот вариант начала романа, Пасха действительно была поздней и приходилась на 16 апреля (ст. ст.).

...в Чистый четверг... – Четверг Страстной седмицы, или Великий Четверток.

...дома слушал всенощную... – Всенощное бдение – богослужение, совершаемое с вечера, накануне воскресных и праздничных дней, состоящее из соединения великой вечерни, утрени и службы первого часа. Толстой неточно называет всенощной вечернее богослужение. В Великую среду вечером служится не всенощная, а малое повечерие и вседневная утренья.

...прочел правила... – Каноны и молитвы, установленные Православной Церковью для обязательного чтения перед таинством причащения.

С. 272. ...в смысл ектении... – Ектения – совокупность молитвенных прошений, сопровождаемых припевами: «Господи, помилуй» и «Поддай, Господи».

...ровно шагая вывернутыми лаптями... – Походка носками врозь – черта, в образной системе Толстого характеризующая человека не робкого, знающего себе цену. Подобное описание есть в рассказе «Севастополь в августе 1855 года»: «Руки у его были красивые, чистые и пухлые, ножки очень вывернутые, ступавшие с уверенностью и некоторым шегольством, показывавшим, что батарейный командир был человек не застенчивый» (т. 2, с. 155 наст. изд.). В «Анне Карениной» та же художественная деталь использована при характеристике Стивы Облонского: «Степан Аркадьич (...) вдоволь забрав воздуха в свой широкий грудной ящик, привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело, подошел к окну, поднял стору и громко позвонил» (*Юб.*, т. 18, с. 6). Автору популярного трактата «Физиогномические фрагменты...» И.К. Лафатеру (1741–1801), предлагавшему судить по строению черепа о психических особенностях человека, Толстой возражал в незавершенном романе «Четыре эпохи развития»: «...я составил себе физиологию по телосложению. Жалею, что наука эта не идет вперед. Эта наука полезна и возможна. Но мне кажется, что не так за нее взялись, – не по форме головы, но по движению лица должно заключать. – Я отличаю по сложению людей добрых, злых, хитрых, откровенных и особенно людей, понимающих и не понимающих вещи. Высокая грудь – человек добрый и энтузиаст. Впалая и выдавшиеся спинные позвонки – человек, склонный к жестокости и скрытный. Впалый живот и выдавшиеся лопатки – человек, не понимающий вещей, и наоборот. И мало ли еще у меня примет» (т. 1, с. 282 наст. изд.).

...хлебосецев... – Хлебосевец – вместо обычного «хлебопашец».

...онучи... – Онучи – куски плотной материи – портянки, навертываемые на ноги вместо чулок под сапоги и лапти.

...оборочки... – Оборы, оборки – лапотные завязки, которыми крест накрест обвивались ноги до колен, закрепляя онучи.

...у Володи-камердинера... – Камердинер – комнатный слуга, приближенный служитель.

...причетников... – Причетник – младший член церковного причта – псаломщик, дьячок, пономарь.

Между заутреней и обедней... – Утренняя, если не соединяется с вечерней, служится утром, перед литургией. Литургия совершается около полудня, до обеда, поэтому в просторечии называется обедней.

...салопницы... – Салопница – женщина, носившая салоп (устаревший к 30-м годам XIX в. вид верхней женской одежды) или вообще плохо одетая, обычно пожилая, просившая в богатых домах на бедность, приживалка.

С. 273. *...лакей в ливрее...* – Ливрея – форменная одежда, украшенная шитьем и галунами.

...в высокой кичке с бисерными наличниками... – Кичка (кика) – старинный русский головной убор замужней женщины, скрывавший все волосы. Обычно кичка украшалась вышивкой из шерсти, хлопка или шелка с добавлением блесток и бисера. Орнаментация кички и ее цветовая гамма давали представление о возрасте женщины и месте ее рождения.

...в сером чупруне с петушками на спине... – Чупрун или чапан – крестьянская верхняя женская одежда, род стеганка; «петушки на спине», по-видимому, аппликация из цветной материи.

С. 274. *...дьяконица в черном старом капоте...* – Капот – женская просторная одежда с рукавами. В начале XIX в. капотом называли верхнее женское платье для улицы. К 1840-м годам капот стал только домашней женской одеждой.

...причастников было мало. – Причастник здесь в значении – причащающийся во время литургии Святых Таин.

С. 276. *...повторя «яко разбойника»...* – Слова молитвы, читаемой священником перед причащением: «Вечери Твоя тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но, яко разбойник, исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

...завесили галстух воздухом... – Воздух – покров, подобный плату, которым покрываются Святые Дары, приготовленные к освящению на дискосе и в потире. Воздух получил свое название еще в Иерусалимской Церкви по той причине, что во время пения Символа веры священнослужители колеблют им над Святыми Дарами и тем производят веяние воздуха, знаменующее осенение Святых Даров Духом Божиим. На воздухе изображается крест, иногда снятие Христа со креста и положение во гроб. Толстой неточно называет воздухом плат, который используется при причащении и которымотирают уста причащающихся.

...принял причастие и теплоту... – Теплота – согретая вода, которую пьют сразу после причащения.

С. 277. *...шестерика...* – Шестерик – шесть лошадей в одной упряжке, которые впрягались парами, в линию, по обе стороны от дышла.

...крикнул на форейтора... – Форейтор – кучер, сидящий верхом на передней лошади.

...дышлом... – Дышло – одиночная оглобля, прикрепляемая к передней оси повозки при парной упряжке.

С. 278. ...до Благовещения. – Благовещение Пресвятой Богородицы – один из двенадцатых праздников Православной Церкви, приходящийся на 25 марта (ст. ст.).

...бричка... – Одноконная легкая повозка с откидывающимся верхом, рессорная или безрессорная.

...отвести землю. – Предоставить землю во владение или во временное пользование.

...Луиза Карловна Тругоны, десять лет друг дома, гувернантка-эмигрантка... – В семье Толстых гувернанткой-эмигранткой, другом дома была Женни Вергани, итальянка, родившаяся в Вене (даты жизни неизвестны). Она поступила гувернанткой к сестре Льва Николаевича Марии в Казани в 1845 г. Об этом в письме М.Н. Толстой к Т.А. Ёргольской: «...у меня новая гувернантка, итальянка m-lle Vergani» (ОП ГМТ). После замужества М.Н. Толстой Женни Вергани была гувернанткой ее детей. В семье Толстых относились к ней с симпатией и уважением. Сохранились письма Ж. Вергани к Т.А. Ёргольской (1848 г. из Вены; 1860 г. из Москвы, на фр. яз. – ОП ГМТ). По мнению М.А. Цявловского, Луиза Карловна Тругоны «образована, конечно, из Луизы Ивановны Трузсон, по мужу кн. Волконской (1825–1890), жены троюродного брата Толстого кн. Александра Алексеевича Волконского» (Юб., т. 17, с. 542). Возможно, Толстой, как это было во время работы над «Войной и миром», – «перетолок Соню с Таней – получилась Наташа», – «перетолок» Трузсон с Вергани – получилась Тругоны.

...молодой человек, шестнадцати лет, Чернышев... – По замыслу Толстого молодой Чернышев – один из главных действующих лиц повествования, будущий декабрист, сосланный в Сибирь, где он встречается с излегошинскими крестьянами-переселенцами. Граф Захар Григорьевич Чернышев (1796–1862), ротмистр Кавалергардского полка, с 1825 г. член петербургской ячейки Южного общества. За участие в собраниях 14 декабря 1825 г. был осужден на два года каторжных работ, находился в заключении в Читинском остроге с 1827 по 1828 г., затем отправлен на поселение в г. Якутск. Весной 1829 г. переведен рядовым на Кавказ, где в сражении был ранен пулей в грудь навывлет. Ему был возвращен офицерский чин; с 1834 г. уволен в отставку с обязательством жить в имении сестры С.Г. Чернышевой-Кругликовой Ярополец Московской губ. под надзором полиции. По амнистии 1856 г. З.Г. Чернышеву были возвращены права и графский титул, он получил разрешение выехать за границу. В 1857 г. в Швейцарии он встретился с Толстым, о чем есть запись в дневнике Толстого 31 мая / 12 июня 1857 г. Захар Чернышев находился в родстве со Львом Николаевичем по материнской линии (четвероюродный брат).

С. 279. ...экономическими крестьянами... – Экономические крестьяне – категория государственных крестьян, до 1764 г. принадлежавших монастырям и церквям. После секуляризации монастырских и церковных земель эти крестьяне находились в ведении коллегии экономии духовных имений (откуда и их название), несли государственные повинности, оставаясь относительно свободными. С ликвидацией коллегии

экономии в 1786 г. экономические крестьяне перешли в ведение казенных палат и затем слились с общей массой государственных крестьян.

...князь Чернышев... – Граф Григорий Иванович Чернышев (1762–1831), отец декабриста Захара Григорьевича Чернышева, был владельцем обширных поместий в Орловской, Рязанской, Воронежской губ., богатого дома в Петербурге; при императорском дворе он исполнял почетную должность обер-шенка. Современники отмечали веселость характера и легкомыслие графа Григория Ивановича.

...своего любимого Студенца... – Под именем Студенец подразумевается известное имение гр. Г.И. Чернышева Тагино Орловской губ., в семи верстах от Орла.

С. 280. *...для закладки храма Спасителя...* – Торжественная закладка храма Христа Спасителя на Воробьевых горах состоялась 12 октября 1817 г.

...дворецкий... – Дворецкий – старший слуга, ведающий столом и домашней прислугой.

...для приготовления собственного дома на Арбате... – Адрес московского дома гр. Г.И. Чернышева: в доме Тургенева на Самотечной Садовой, на углу Первого Спасского переулка, ведущего к Каретному ряду, – здесь, по воспоминаниям М.Д. Бутурлина, Чернышевы жили в 1825 г. (См.: Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив, 1897, № 5, с. 72–73). Возможно, Чернышевы жили в этом доме и в 1817 г. Собственного дома в Москве у гр. Г.И. Чернышева не было.

Родные, знакомые, приезжие из губернии и из Петербурга стали собираться в Москву ~ приезд сына... – Александр I прибывал в Москву с отрядом гвардии. С этим отрядом мог приехать Захар Чернышев, в 1817 г. корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка.

...старшей дочери Александры, одной блондинки из всех черных Чернышевых... – Толстой использовал упоминание А.Е. Розена о том, что Александра Григорьевна Чернышева, вторая дочь графа Григория Ивановича Чернышева, была «единственно белокуроя из всех смуглых Чернышевых» (Розен А.Е. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 150). С 22 февраля 1823 г. жена Никиты Михайловича Муравьева (1795–1843), одного из видных деятелей декабристского движения. Последовала за мужем в Сибирь, где скончалась в 1832 г.

С. 281. *...в Пензу уже приехал – но не царь, а царский брат, великий князь Николай Павлович.* – Путешествие вел. кн. Николая Павловича по России с целью завершения курса его обучения происходило в 1816 г. с мая по август (см. Шильдер Н.К. Великий князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // Николай Павлович и его время. М., 2000, т. 1, с. 239).

...к Троице. – Троице-Сергиева Лавра – мужской монастырь в 75 км к северо-востоку от Москвы. Основан преподобным Сергием Радонежским около 1335 г., получил наименование лавры в 1744 г.

...всех странных принимает. – То есть странников-богомольцев.

С. 282. *...их сознали с Воздвиженки именно потому, что по этой улице должен был ехать тот самый царь...* – Воздвиженка – улица в

Москве, идущая от Кремля к Арбату. Александр I прибыл в Москву с царским семейством и свитой в первых числах октября 1817 г. Из «Воспоминаний вел. кн. Александры Федоровны»: «Мы покинули Петербург 18 сентября. По предписанию докторов пробыли мы в дороге из-за меня 12 дней. (...) В Клину мы дождались прибытия вдовствующей Государыни и Императора Александра. Их Императорские Величества не совершали торжественного въезда в Москву; всякий из нас добрался туда сам по себе ночью, а на следующий день Их Величества и прочие члены царской фамилии показали народу и с большой церемонией, в полном параде направились в соборы» (Цит. по кн.: Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000, с. 149–150).

С. 283. ...*в черную избу...* – Черная изба, челядная – изба для дворовых людей.

...*от Шальме...* – Обер-Шальме – француженка, модная портниха и владелица дорогого магазина «Парижские моды для дам и девиц» в Глинищевском переулке в Москве, потеряла свое состояние в пожаре 1812 г. (упоминается в «Войне и мире»).

...*из приспешной...* – Приспешная – кухня, поварня, стряпная. Здесь «приспешная» – белая кухня.

...*восьмиаршинная темная изба...* – Небольшая изба размером в 5, 68 кв. м. Аршин – русская мера длины, равная 71 сантиметру.

С. 284. ...*зацепившийся за под...* – Под – ровная кирпичная, смазанная глиной поверхность в русской печи, куда кладутся дрова и ставятся горшки.

С. 285. ...*поярковые белые онучи...* – Поярковый – сотканый или сваланный из поярка – шерсти от первой стрижки молодой овцы.

Нетолченная труба... – Множество народа (фразеологизм). В выражении «Народу – нетолченная труба!» С.В. Максимов толкует слово «нетолченная» как искаженное скороговоркой «нетолченная»: «В народном языке “толочить” значит то же, что “торить” путь и дорогу, проход и проезд одинаково в людской тесноте и в сугробном или непроездном месте. (...) Если кровь бежит ручьем, а привычно говорят, что она бьет из жилы трубой, то почему же, когда на улице праздник, народу, запрудившему ее так, что и конца-края не видно, не валить навстречу той же трубой, шумной толпой? (...) Надо много труда и ловкости, чтобы проторить или “протолочить” себе сквозь народную стену путь!» (Крылатые слова по толкованию С.В. Максимова. М., 2000, с. 244). Наряду с формой *нетолченная труба* нередко использовалась форма *неотолченная труба*: «Вот там есть чем полюбоваться: каменные дома, лавки, харчевни, лабазы, а в базарный день народу-то, народу – неотолченная труба!..» (Загоскин М.Н. Москва и москвичи // Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. М., 1987, т. 2, с. 443).

С. 286. ...*у ключницы...* – Ключница – хранительница ключей, экономка, ведающая съестными припасами и господским бельем.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО

- «Азбука» – 295, 367–370, 373, 389, 391, 393, 400, 429, 430, 433–436, 451, 460
- ⟨Анекдот о застенчивом молодом человеке⟩ – 108, 296, 297, 366–367
- «Анна Каренина» – 293, 294, 299, 301, 340, 378, 391, 394, 397, 400, 401, 404, 411, 412, 417, 432, 443, 451, 460, 476, 533, 600, 666, 668–671, 673, 694, 696
- «В чем моя вера?» – 295, 661
- «Война и мир» – 293, 295, 299, 317, 333, 338, 344, 369, 370, 390, 402, 440, 421, 429, 443, 449, 669, 670, 698, 700
- «Воскресение» – 294, 395, 403
- «Воспоминания» – 378, 406–410, 636, 639, 695
- ⟨Два человека с котомками...⟩ («Два спутника», ⟨Два путника⟩) – 129–132, 295–297, 403–405
- «Декабристы» – 270–286, 295–297, 339, 445, 600, 655–700
- «Детство» – 299, 407–410
- «Для чего люди одурманиваются?» – 406
- «Дядюшкино благословенье» – 326
- «Еще о науке» – 402
- «Живой труп» – 295, 340, 395
- «Записки сумасшедшего» – 395
- «Зараженное семейство» – 12–93, 293, 296, 297, 301–349, 353, 358, 359
- «Исповедь» – 295, 398, 401, 416, 678, 694
- «Исследование догматического богословия» – 295, 448, 417, 661
- «Кавказский пленник» – 393, 430
- «Казаки» – 299
- «Князь Федор Щетинин» – 146–156, 296, 297, 418–429
- «Комедия в трех действиях. ⟨Нигилист⟩» – 94–105, 294, 296, 297, 350–362
- «Крейцера соната» – 392
- «Круг чтения» – 398
- «Моя жизнь» («Первые воспоминания») – 133–139, 296, 297, 405–410
- «Нигилист» – см. «Комедия в трех действиях. ⟨Нигилист⟩»
- «Набег» – 424
- Неизданные художественные произведения (1928) – 298, 301, 315, 350, 353, 399
- ⟨Николай Николаевич был позван к соседу...⟩ («Разговор о науке») – 125–128, 295–297, 399–403, 404
- «Новая азбука» – 400, 666
- ⟨О браке и призвании женщины⟩ – 326, 391
- «О жизни» – 398

- «О методах обучения грамоте» – 337–338
- «О науке и искусстве» – 402
- «О науке. Ответ крестьянину» – 398, 402
- ⟨Оазис⟩ – 7–11, 296–301
- ⟨Ответ критикам, писавшим об «Азбуке»⟩ – 368
- «Отец Сергей» – 395, 405
- «Отрочество» – 408, 409
- Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1914) – 291, 626, 633, 644
- Переписка с русскими писателями – 291, 320, 434, 435
- Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями – 366
- «Письмо студенту о праве» – 403
- «Поликушка» – 322
- Полное собрание художественных произведений: В 15 т. (1928–1930) – 313, 315, 353
- «Посмертные записки старца Федора Кузмича» – 395, 692
- Посмертные художественные произведения (1912) – 403
- ⟨Прения о вере в Кремле⟩ – 140–145, 295–297, 411–417, 661
- «Прогресс и определение образования» – 402
- «Разрушение ада и восстановление его» – 398
- ⟨Рождественская елка⟩ – 106–107, 296, 362–366
- ⟨Роман из времени Петра I⟩ – 157–222, 289, 294, 296, 297, 429–591, 597
- ⟨Роман о русских богатырях⟩ – 109–111, 295–297, 367–389
- «Роман русского помещика» – 317, 477
- «Свободная любовь» – 326
- «Севастополь в августе 1855 года» – 696
- «Семейное счастье» – 299
- «Сказка» – 123–124, 295–297, 397–399
- Собрание сочинений: В 22 т. (1978–1985) – 316
- «Степан Семеныч Прозоров» – 115–117, 295–297, 392–395, 693
- «Сто лет» – 223–254, 294, 296, 297, 446–448, 472, 477, 591–622
- «Так что же нам делать?» – 398, 399
- Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. (2003) – 292, 294, 601, 602, 626, 678, 690
- Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (2011) – 292, 417, 447
- «Труждающиеся и обремененные» – 255–269, 294, 296, 297, 446, 448, 472, 592, 593, 596–599, 601, 605, 622–655, 672
- ⟨Убийца жены⟩ – 112–114, 295–297, 390–392, 693
- «Утро помещика» – 317, 477
- «Хаджи-Мурат» – 294, 425, 672
- «Царство Божие внутри вас» – 417
- «Церковь и государство» – 448
- «Четыре эпохи развития» – 696
- «Что можно и чего нельзя делать христианину» – 448
- «Чьи мы?» – 448
- ⟨Шуточная сцена для детского спектакля⟩ – 118–122, 296, 297, 395–396
- «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» – 368

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

- Абрамович* Марья (Мария) Ивановна, акушерка – 693
- Абремова* (Абрескова, Обрезкова) Татьяна Григорьевна, яснополянская помещица в начале XVIII в. – 220, 222, 477, 590
- Аввакум* (в миру Аввакум Петрович Кондратьев, 1620–1682), протопоп, расколоучитель, духовный писатель – 450
- Авенариус* Василий Петрович (1839–1923), писатель – 321
«Поветрие» – 321
«Современная идиллия» – 321
- Авксентьев* Иван Ильич, учитель в школе Толстого – 328
- Авраамий*, монах, строитель и игумен московского Андреевского монастыря, автор обличительного сочинения о Петре I – 171, 176, 218, 476, 532, 587, 588
- Авсеенко* Василий Григорьевич (1842–1913), писатель – 321
«Скрежет зубовой» – 321
- Австрия* – 143, 417
- Агафья* Симеоновна (Агафья Семеновна) Грушецкая (?–1681), царица, первая жена царя Феодора Алексеевича – 160, 483, 502, 527
- Адам*, прародитель рода человеческого – 41, 42, 338
- Аделунг* (Adelung) Федор Павлович (Фридрих фон Аделунг) (1768–1843), историк, философ, библиограф, лингвист – 528
«Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений» – 528
- Адлерфельд* (Adlerfelt) Густав (1671–1709), писатель, камергер Карла XII, автор дневника – 444
«Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède, depuis l’an 1700 jusqu’à la bataille de Pultawa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté par Mr. Gustave Adlerfeld, Chambellan du Roi» – 444
- Адмиралтейский приказ* – 569, 578
- Адмиралтейств-коллегия*, в Санкт-Петербурге – 570
- Адриан* (в миру Андрей; 1636–1700), патриарх Московский и всея Руси (1690–1700) – 563
- Адрианополь*, город – 420
- Азарова* Наталия Ивановна, литературовед (1923–2013) – 291, 297, 694
«Пути жизни. Декабристы – Пушкин – Толстой» – 694
- Азия* – 125, 402, 640

- Азов*, город – 165, 208, 217, 218, 440, 445, 448, 471, 473, 476, 569, 571, 574, 577–579, 581, 583–587, 615, 649
- Азовские походы*, первый (1695) и второй (1696) походы русских войск и флота к турецкой крепости Азов в ходе русско-турецкой войны 1686–1700 гг. – 203, 204, 207, 297, 441, 445, 449, 451, 461, 471–477, 480, 543, 549, 565, 571–573, 576–578, 581, 583–585; см. также: Первый Азовский поход, Второй Азовский поход
- Азовское море* – 571, 581, 586
- Аксаков Иван Сергеевич* (1823–1886), публицист, поэт, общественный деятель – 332
- Аксаков Константин Сергеевич* (1817–1860), публицист, писатель – 415
- Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791–1859), писатель – 416
- «*Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею*» – 438
- «*Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук*» («Акты, собранные в монастырях») – 438
- Алатырь*, город – 620
- Александр I Павлович* (1777–1825), император (1801–1825) – 129, 281, 283, 591, 629, 645, 664, 677, 684–686, 692, 699, 700
- Александр II Николаевич* (1818–1881), император (1855–1881) – 15, 333, 425
- Александра Ильинична* – см. Остен-Сакен А.И.
- Александра Феодоровна* (Федоровна) (1798–1860), императрица, жена Николая I – 700
- Алексеев Василий Иванович* (1849–1919), домашний учитель в семье Толстого (1877–1881) – 693
- Алексеев Петр* – см. Петр I
- Алексей Алексеевич* (1654–1670), царевич, сын царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 157, 159, 160, 447, 448, 478–480, 484, 487, 491, 493, 494, 499, 581
- Алексей Михайлович* (1629–1676), царь (1645–1676) – 157–160, 195, 201, 248, 261, 441, 448, 451, 463, 477–480, 482–487, 489–496, 497–502, 504, 518, 519, 523, 528, 549, 565, 572, 577, 582, 599, 618, 647
- Алексей Петрович* (1690–1718), царевич, сын Петра I от брака с Евдокией Федоровной Лопухиной – 549, 570
- Алексий* (Алексей), человек Божий (ум. 411), преподобный – 205, 493, 576
- Алексинский уезд* – 617
- «*Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого (1672–1872)*» – 437
- Альмагро*, граф – см. Долгоруков П.В.
- Амур*, река – 672
- Анапа*, турецкая крепость – 423
- Анастасия Романовна Захарьина* (?–1650), царица, первая жена Иоанна IV Васильевича Грозного – 492
- Англичане* – 578, 583
- Англия* – 347, 575, 667
- Английский клуб*, в Москве – 333, 601
- Андреевский монастырь* (Андреевский Преображенский мужской монастырь), в Москве – 218, 476, 532, 587, 588

- Анна Австрийская* (1601–1666), королева Франции – 610, 611
- Анна Алексеевна* (1655–1659), царевна, дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 158, 159, 493, 494, 499
- Анна Ивановна* (Аннушка), няня Толстого – 134, 135, 137, 407
- Анна Иоанновна* (1693–1740), императрица (1730–1740) – 603, 649–651
- Анна Леонтьевна* – см. Нарышкина А.Л.
- Анна Михайловна* (1630–1692), в монашестве Анфиса, дочь царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой, сестра царя Алексея Михайловича – 159, 495, 544
- Аннибал* (Ганнибал, Hannibal; 247–183 до н.э.), карфагенский полководец – 126, 402
- Аносowo*, пустошь в Гоголевом стане – 614
- Аносowo*, сельцо Московского у. – 614
- Антипасха* – см.: Фомино воскресенье
- Антонович* Максим Алексеевич (1835–1918), публицист, литературный критик, философ-материалист – 320, 321, 343, 344
- «*Апостол Павел*», корабль-галеас Азовского флота – 576
- «*Апостол Петр*», корабль-галеас Азовского флота – 576
- Апраксин* Александр Петрович (1690–1725), граф, капитан третьего ранга, сын П.М. Апраксина – 203, 571
- Апраксин* Алексей Петрович (1711–1743), граф, камер-юнкер, сын П.М. Апраксина – 203, 571
- Апраксин* Андрей Матвеевич (1663–1731), граф, обер-шенк, генерал-майор, брат царицы Марфы Матвеевны – 162, 164, 170, 175, 181, 203, 204, 455, 458, 471, 507, 514, 547, 565, 567–570
- Апраксин* Матвей Васильевич (1625–1668), стольник, воевода, отец царицы Марфы Матвеевны – 203, 471, 472, 565, 568, 569
- Апраксин* Петр Матвеевич (1659–1728), граф, сенатор, брат царицы Марфы Матвеевны – 203, 444, 515, 565, 567, 568, 570, 571
- Апраксин* Федор Матвеевич (1661–1728), граф, президент Адмиралтейств-коллегии, брат царицы Марфы Матвеевны – 183, 185, 203, 242, 444, 515, 549, 565, 567–570, 576, 596, 597, 622
- Апраксина* Акулина Федоровна, (1668–1743), графиня, жена А.М. Апраксина – 568
- Апраксина* (урожд. графиня Шереметева) Александра Михайловна (1710–1750), графиня, жена Ф.А. Апраксина – 568
- Апраксина* Анисия (Анисья) Тимофеевна (1663–1688), первая жена П.М. Апраксина – 571
- Апраксина* (урожд. Ловчикова) Домна Богдановна – см. Ловчикова Д.Б.
- Апраксина* Екатерина Петровна – см. Черкасская Е.П.
- Апраксина* Елена Петровна – см. Голицына Е.П.
- Апраксина* Марфа Матвеевна – см. Марфа Матвеевна Апраксина
- Апраксина* (урожд. княжна Львова) Наталья Алексеевна (1693–1711), графиня, третья жена П.М. Апраксина – 571
- Апраксина* (урожд. княжна Оболенская) Степанида Матвеевна,

- вторая жена П.М. Апраксина – 203, 571
- Апраксина* (урожд. Хрушова; ? – 1702), жена Ф.М. Апраксина – 203, 570
- Апраксины* (Опраксины), род – 204, 206, 442, 445, 471, 509, 580, 616
- Аптекарский приказ*, в Москве – 487
- Апухтин* Дмитрий Акимович (1768–1838), капитан, помещик Орловской и Костромской губерний, отец Н.Д. Фонвизиной – 694
- Апухтина* (Опухтина) Наталья Дмитриевна – см. Фонвизина Н.Д.
- Аракчеев* Алексей Андреевич (Ракчеев; 1769–1834), граф, генерал от артиллерии, сенатор, член Государственного совета – 220, 591, 686
- «Правила для усовершенствования и поддержания благоустройства дорог», проект (1824) – 591
- Арбат*, улица в Москве – 280, 316, 664, 699, 700
- Арбатские ворота*, в Москве – 516, 614
- Арзамас*, город – 670
- Аристов* Николай Яковлевич (1834–1882), историк, публицист, педагог – 438, 531
- «Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны» – 438, 531
- Арсений* (Алексей Васильевич Могилянский, 1704–1770), митрополит Киевский и Галицкий – 638
- Артамон* (Артемон) – см. Матвеев А.С.
- Архангельск*, город – 187, 189, 191, 200, 205, 463, 513, 543, 549, 555, 560, 563, 568, 569, 576, 582
- Архангельская губерния* – 222, 604
- Архангельская* Татьяна Николаевна, литературовед – 407
- Архангельский край* – 513, 522, 531
- Архангельский собор*, в Московском Кремле – 142, 415, 487, 502
- Архангельское*, село в окрестностях Тулы и Крапивны – 255, 639
- Архив Министерства государственных имуществ*, в Санкт-Петербурге – 674, 695
- Архив Министерства юстиции*, в Москве (Московский архив Министерства юстиции) – 446, 601–603, 626, 627
- «*Архив Правительствующего Сената*» – 602, 603
- Архив Правительствующего Сената* (Сенатский архив), в Санкт-Петербурге – 602, 625, 626
- Архив Русского императорского исторического общества*, в Санкт-Петербурге – 626
- Архив Святейшего Правительствующего Синода*, в Санкт-Петербурге – 602, 627
- Асаф*, начальник певцов и музыкантов при храме Соломоновом – 676
- Асмус* Валентин Фердинандович (1894–1975), философ, литературовед – 336
- «*Мировоззрение Толстого*» – 336
- Астраханский драгунский полк* – 650
- Астрахань*, город – 565, 570, 620–622

- Ауэрбах* (Auerbach) Бертольд (1812–1882), немецкий писатель – 390
«Дача на Рейне» («Das Landhaus am Rhein») – 390
- Афанасьев* (Офанасьев) Илья, стрелец Ефимьева стрелецкого полка – 544–545
- Афанасьев* Матвей, яснополянский крестьянин – 677
- Афанасьев*, село Тульской губ. – 613
- Афон* – 132, 291, 405, 412
- Африка* – 123, 125, 402
- Ашукин* Николай Сергеевич (1890–1972), поэт, критик, историк литературы – 347
«Крылатые слова» – 347
- Ашукина* Мария Григорьевна (1894–1980), литературовед, библиограф – 347
«Крылатые слова» – 347
- Бабоедов* Михаил Игнатъевич, капитан, владелец Ясной Поляны в первой четверти XVIII в. – 222
- Бабоедова* (Бабаедиха, Бабоедиха) Анна Федоровна, жена М.И. Бабоедова – 220, 222, 477, 589, 590
- Багратион* Петр Иванович (1765–1812), князь, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. – 333
- Багриново*, село – 647, 648
- Базевич* – см. Бассевич Г.-Ф.
- Базилевский* Борис Аркадьевич (1907–1973), литературовед – 289, 431–441, 445, 600
«Из наблюдений над содержанием и стилем незавершенных исторических романов Л.Н. Толстого. (Из эпохи Петра I и второй половины XVIII в.)» – 431
- «К творческой истории незавершенного романа Л.Н. Толстого из времен Петра I» – 289, 431, 434, 436, 439, 440, 600
- «Незавершенные романы Л.Н. Толстого из эпохи Петра I и второй половины XVIII века» – 431
- «Петр I в представлении Л.Н. Толстого» – 431
- Байрон* (Вугон) Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт – 685
- Баку*, город – 253, 618, 622
- Бакунин* Михаил Александрович (1814–1876), революционер, теоретик анархизма – 413
- Балканы* – 420
- Банников* Николай Дмитриевич (1788–?), дядька братьев Толстых – 138, 365, 410
- Бантыш-Каменский* Дмитрий Николаевич (1788–1850), государственный деятель, историк, археограф – 437, 513, 530, 533, 577–580
«Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским» – 437, 512, 513, 530, 533, 577–580
- Баранов* Платон Иванович (1827–1884), архивист, директор Сенатского архива (1865–1884), библиограф, историк, составитель книги «Архив Правительствующего Сената» – 602
- Бари*, город – 582
- Барсов* Елпидифор Васильевич (1836–1917), фольклорист, исследователь древнерусской письменности – 450
- Барсуков* Николай Платонович (1838–1906), историк, археограф – 415, 627
«Жизнь и труды М.П. Погодина» – 415

- Бартенева* Петр Иванович (1829–1912), историк, библиограф, издатель – 332, 421, 439, 601
- «*Бархатная книга*» (оригинальное название: «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих»), родословная книга наиболее знатных княжеских, боярских и дворянских фамилий России, составленная в 1687 г. – 442
- Барятинский* Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал – 419, 424–429
- Барятинский* Анатолий Иванович (1821–1881), князь, генерал-фельдмаршал – 427
- Барятинский* Виктор Иванович (1823–1904), князь, капитан 1-го ранга, участник обороны Севастополя – 427
- Барятинский* Владимир Иванович (1817–1875), князь, генерал-лейтенант – 427
- Барятинский* Иван Иванович (1772–1825), князь, дипломат – 156, 429
- Баскаков* Пров Федорович, брат А.Ф. Горчаковой (урожд. Баскаковой) – 242
- Баскаков* Федор Евдокимович, стольник, отец А.Ф. Горчаковой – 610
- Баскакова* Татьяна, жена Ф.Е. Баскакова – 610
- Басманов* Петр Федорович (?–1606), боярин, воевода – 525
- Бассевич* (Базевич) Геннинг-Фридрих (1680–1749), граф, меуарист – 438
- «Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725)» – 438
- Батурина* Борис Миронович, стольник, стрелецкий полковник – 209
- Батый* (Бату; 1209–1255), монгольский хан, полководец – 653
- Башкирцы* – 202, 477
- «*Бедовая бабушка*», водевиль А.Н. Баженова (1835–1867) – 396
- Бекетов* Андрей Николаевич (1825–1902), ботаник – 334
- «Курс ботаники для университетских слушателей» – 334
- Беккариа* (Вессагиа) Чезаре Бонесано (1738–1794), итальянский философ, юрист, общественный деятель – 403
- Бекман* Карл-Николай Богданович (1827–1903), домовладелец в Петербурге – 342
- Белая*, река – 669
- Белгородский полк* – 501
- Белев*, город – 639
- Белевский женский монастырь* – см. Крестовоздвиженский женский монастырь, в Белеве
- Белевский уезд* – 605, 617, 648
- Белое море* – 555, 569
- Белозерский полк* – 645, 651
- Белорусский вокзал*, в Москве – 586
- Белый город*, в Москве – 510, 522, 573, 614, 637, 643
- Берлов* Давид, лекарь – 487, 488, 500
- Берс* Александр Андреевич (1845–1918), брат С.А. Толстой – 293, 318, 403
- «Отрывки воспоминаний о Л.Н. Толстом» – 293
- Берс* Андрей Евстафьевич (1808–1868), лейб-медик, отец С.А. Толстой – 318, 319
- Берс* (урожд. Иславина) Любовь Александровна (1826–1886), мать С.А. Толстой – 674, 675

- Берс* Петр Андреевич (1849–1910), литератор, брат С. А. Толстой; чиновник по особым поручениям при московском губернаторе – 674, 675, 685
- Берс* Степан Андреевич (1855–1910), брат С. А. Толстой – 289, 437, 440, 443, 444, 449, 450, 675
«Воспоминания» – 289, 437, 440, 443, 444, 449
- Берс* Татьяна Андреевна – см. Кузминская Т. А.
- Берсы*, семья – 317
- Берхгольц* Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm von Bergholz; 1699–1771), камер-юнкер, воспитатель императора Петра III – 437, 439
«Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России, в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год» – 437, 439
- Бессонов* Петр Алексеевич (1828–1898), филолог-славист, фольклорист – 368, 369
- Бёрнет* (Бюрнет; Burnet) Джилбер (1643–1715), английский богослов и историк, епископ Солсберийский – 444
«Histoire de ce qui s'est passé de plus mémorable en Angleterre pendant la vie de Gilbert Burnet, évêque de Salisbury» – 444
- Бибиков* Алексей Алексеевич (1837–1914), управляющий самарскими имениями Толстого – 693
«Библиотека для чтения», журнал (1834–1865) – 320, 321, 342
«Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне» – 414
- Библия* – 327, 613, 655
- Бизюков мужской монастырь*, в честь Воздвижения Креста Господня (Крестовоздвиженский) в с. Бизюково Дорогобужского у. Смоленской губ. – 532
- «*Биржа*», газета (1872–1877) – 443
- Бирюков* Павел Иванович (1860–1931), литератор, биограф Толстого – 289, 407, 450
«Биография Льва Николаевича Толстого» – 289, 407
- Бисмарк* (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898), князь, германский государственный деятель – 237, 611
- Бичер-Стоу* (Beecher-Stowe) Гарриет (1811–1896), американская писательница – 336
«Хижина дяди Тома» – 336
- Благовещение Пресвятой Богородицы*, празднуется 25 марта (ст. ст.) – 278, 640, 698
- Благовещенский* Николай Александрович (1837–1889), писатель-этнограф – 343
- Благовещенский собор*, в Московском Кремле – 415
- Благосветлов* Григорий Евлампиевич (1824–1880), журналист и публицист, издатель-редактор журналов «Русское слово» и «Дело» – 343
- Богданов* Александр Федорович (?–1877), режиссер Малого театра (1830–1877) – 318
- Богородица* – 161, 171, 172, 176, 225, 233, 240, 253, 354, 356, 405, 484, 504, 505, 535, 541, 613, 640
«*Богородице Дево, радуйся...*» («Богородица»), молитва – 225, 240, 613
- Богородицкий уезд* – 605
- Богословский* П., исполняющий должность судебного следователя Крапивенского у. – 677

- Богоявление* – см. Крещение Господне
- Бокль* (Buckle) Генри Томас (1821–1862), английский историк – 65, 335, 347
«Влияние женщин на успехи знания» – 347
«История цивилизации в Англии» – 347
- Болгария* – 420
- Болль* Николай Львович фон, управляющий Ясной Поляной (1862) – 327
- Болотников* Иван Исаевич (?–1608), предводитель крестьянского восстания (1606–1607) – 525
- Болотный* Федор (?–1724), кронштадтский таможенный бурмистр – 603
- Болотов* Андрей Тимофеевич (1738–1833), писатель и естествоиспытатель – 438, 442
«Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793» – 438, 442
- Болхины*, семья яснополянских крестьян – 477
- Болхов* (Болохов), город – 637
- Болховский уезд* – 637, 647
- Большие Вяземы*, село Московской губ. – 549
- Большого прихода приказ*, в Москве – 500
- Большой казны приказ*, в Москве – 500
- Большой Каменный мост* – см. Всехсвятский мост
- Бонч-Бруевич* Владимир Дмитриевич (1873–1955), писатель, государственный деятель – 397
- Борго*, город – 569
- Борзенков* Яков Андреевич (1825–1883), анатом, физиолог, историк зоологии – 335
- Борис* (в крещении Роман; ?–1015), святой мученик, князь, сын князя Владимира Святославича – 171, 532
- Борис* Федорович Годунов (ок. 1552–1605), царь (1598–1605) – 167, 261, 524, 525
- Боровицкий мост*, в Москве – 564
- Боткин* Василий Петрович (1811/1812–1869), критик, переводчик, очеркист – 332, 342
«В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка» – 332
- Бочаров* Алексей Родионович, яснополянский крестьянин – 677, 679, 680, 683
- Бочкарев* Валентин Николаевич (1880–1967), историк – 615
«Дворянство и крестьянство при Петре Великом» – 615
- Боярская дума* – 487, 515, 516, 524, 525, 538
- Брадинское* – см. Никольское-Вяземское
- Брант* (Брандт, Brandt) Карстен, голландский корабельный мастер – 540
- Бредихин* Федор Мартемьянович, стряпчий, стольник, пристав – 537
- Брем* (Brehm) Альфред Эдмунд (1829–1884), немецкий ученый-зоолог – 335
«Иллюстрированная жизнь животных» – 335
- Брыкин* Михаил, крестьянин – 675
- Брюллов* Карл Павлович (1799–1852), художник – 424
- Брянский Ландмилицкий полк* – 645, 651
- Брянский уезд* – 617
- Булавин* Кондратий Афанасьевич (ок. 1660–1708), атаман донских казаков, предводитель крестьянско-казацкого восстания (1707–1709) – 477, 591

- Бунин Иван Алексеевич** (1870–1953), писатель – 316
«Освобождение Толстого» – 316
- Буренин Виктор Петрович** (1841–1926), литературный и театральный критик – 344
«Воспоминания» – 344
- Бутенант фон Розенбуш** (Butenant von Rosenbusch) Генрих (ок. 1634–1701), датский дипломат – 508
- Бутурлин Василий Васильевич** (?–1656), ближний боярин, дипломат, воевода – 648
- Бутурлин Иван Васильевич**, боярин, воевода – 531
- Бутурлин Иван Иванович** (1661–1738), генерал-аншеф, сподвижник Петра I – 187, 189–191, 192, 200, 461, 511, 551–553, 555, 556, 560, 564
- Бутурлин Михаил Дмитриевич** (1807–1876), мемуарист – 699
«Записки графа М.Д. Бутурлина» – 699
- Бутырский выборный полк** – 528, 540, 552, 554, 581
- Бухарест**, город – 420
- Бухвостов Сергей Львович** (1659–1728), майор артиллерии, сподвижник Петра I – 209, 584
- Бушкович Пол**, историк – 289, 490, 495, 508, 516, 519, 521
«Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725)» – 289, 490, 495, 508, 516, 519, 521
- Бычков Афанасий Федорович** (1818–1899), историк, археограф, директор Императорской публичной библиотеки – 626
- Бюхнер** (Büchner) Людвиг (1824–1899), немецкий врач, естествоиспытатель и философ – 335
- Ваккербарт** (Wackerbarth, A.I.L. von) – 438
«Parallele zwischen Peter dem Grossen und Karl dem Grossen» – 438
- Валахия** – 143, 417
- Валуйки**, город – 581
- Варварка** (Варварская), улица в Москве – 564
- Варна**, город – 420, 422, 423
- Василий Великий** (ок. 330–379), святитель, архиепископ Кесарии Каппадокийской, один из трех вселенских учителей Церкви – 257, 624, 640, 643, 662
- Василий III Иоаннович** (1479–1533), великий князь Московский – 586
- Василий IV Иванович** (1552–1612), Шуйский, царь (1606–1610) – 167, 524, 525
- Васильевский остров**, в Санкт-Петербурге – 343, 616
- Ватерлоо**, селение в Бельгии – 613
- Введенское**, село Дешкинского, затем Болховского у. Орловской губ. – 255, 256, 637, 648
- Вебер** (Weber) Христиан Фридрих (?–1739), Брауншвейг-Люнебургский (ганноверский) резидент в Санкт-Петербурге (1714–1719) – 438
«Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера» – 438
- «Ведомость полкам генерала А.М. Головина в первый Азовский поход 1695 года»** – 582, 583
- Вейде Адам Адамович** (1667–1720), военачальник, генерал от инфантерии, сподвижник Петра I – 503
- Великая Суббота**, суббота Страстной седмицы – 483

- Великий пост* или Четырдесятница – сорокадневный пост, предшествующий Страстной седмице и Пасхе – 204, 266, 333, 471, 573, 580, 586, 588, 654, 695
- Великий (Чистый) Четверг*, четверг Страстной седмицы – 219, 271, 588, 660, 662, 680, 696
- Великое посольство*, российская дипломатическая миссия в страны Западной Европы, осуществленная при участии Петра I (1697–1698) – 543, 549, 553, 569, 578
- Вена*, город – 698
- Веневитинов* Михаил Алексеевич (1844–1901), историк, археолог – 472, 679
- Веневский уезд* – 575, 617
- Венеция*, город – 575, 585
- Вергани* (Vergani) Женни, гувернантка в семье Толстых – 698
- Верещагин* Лукьян Алексеевич (1672–1713), корабельный мастер – 576
- «Вестник Европы»*, журнал (1866–1918) – 322, 333, 390
- Верхняя Красносельская*, улица в Москве – 586
- Верхотурье*, город – 487
- «Вечери Твоя Тайныя...»*, молитва – 276, 697
- «Вечный мир»*, мирный договор между Россией и Польшей (1686) – 506, 515, 518, 527, 529
- Вигель* Филипп Филиппович (1786–1856), мемуарист – 635
- «Записки»* – 635
- Видуэцкая* Ирма Павловна (1938–2007), литературовед – 297
- Викентий*, архимандрит, настоятель Троице-Сергиевой Лавры (1674–1694) – 511
- Виниус* Андрей Андреевич (1641–1717), государственный деятель, сподвижник Петра I – 569
- Виноградов* Виктор Владимирович (1894–1969), литературовед и лингвист – 341
- «Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания»* – 341
- Витсен* (Witsen) Николаас (1641–1717), член голландского посольства в Россию, писатель, картограф, издатель – 491, 492
- «Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник»* – 492
- Вифлеем*, город – 366
- «Вицмундир»*, водевиль П.А. Каратыгина (1805–1879) – 367, 396
- Владимир*, город – 484
- Владимир* Святославич (в крещении Василий; ?–1015), равноапостольный, великий князь киевский (980–1015) – 149, 422, 428, 532
- Владимирская губерния* – 533
- Владимирский судный приказ* – 505
- Владимирский уезд* – 614, 652
- Владислав IV Ваза* (1595–1648), король польский и великий князь литовский – 167, 524, 525
- Власов* Иван Алексеевич (?–1884), яснополянский дворовый – 365
- Власов* Николай Иванович (1866–?), яснополянский крестьянин – 365
- Власьев* Геннадий Александрович (1844–1912), историк – 289, 615, 635, 637, 643–645, 647–651, 653
- «Потомство Рюрика»* – 289, 615, 635, 643–645, 647–653
- «Водалече, водалече, во чистом поле...»*, народная песня – 210, 584
- Водовозова* (урожд. Цевловская, во втором браке Семевская) Елизавета Николаевна (1844–1923), детская писательница, педагог, мемуаристка – 335

- «На заре жизни и другие воспоминания» – 335
- Воейков* Николай Сергеевич (1803–?), тульский помещик, впоследствии изгнанный из монастыря монах, приживальщик в доме Толстого – 404, 405
- Воздвиженка*, улица в Москве – 282, 699
- Воздвиженский* Дмитрий Тихонович (1793–1846), историк, краевед – 498
- «Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии» – 498
- Воздвиженское*, село Московского у. – 511
- Воздрёма*, деревня вблизи Ясной Поляны – 219, 588
- Вознесенский женский монастырь*, в Московском Кремле – 484, 502
- Возницын* Прокофий Богданович (? – после 1699), дипломат, участник Великого посольства (1697–1698) – 445
- Войткевич* Софья Робертовна – см. Дьякова С.Р.
- Волга*, река – 427, 503
- Волконская* (урожд. Трузсон) Луиза Ивановна (1825–1890), жена А.А. Волконского, троюродного брата Толстого – 698
- Волконский* Александр Алексеевич (1818–1865), князь, троюродный брат Толстого – 698
- Волконский* Григорий Иванович (?–1718), князь, государственный деятель, сенатор – 604, 616
- Волконский* Николай Сергеевич (1753–1821), князь, генерал от инфантерии, дед Толстого, владелец Ясной Поляны – 590
- Волконский* Сергей Федорович (1715–1784), князь, генерал-майор, прадед Толстого – 590
- Волконский* (Волконский), князь, двоюродный дядя Толстого, гусар – 138, 410
- Вологда*, город – 513, 537, 575, 586
- Вологодский уезд* – 652
- Волоколамское шоссе* – 587
- Волоко-Пинежская волость* – 537
- Вольтер* (Voltaire, наст. имя и фамилия Франсуа Мари Аруэ (Arouet); 1694–1778), французский писатель, философ, историк – 444
- «Вопросы языкознания», журнал – 341
- Воробьев* Петр Евстратович, бурмистр в Ясной Поляне, затем управляющий имением Никольское-Вяземское – 323
- Воробьево*, село Московского у. – 539
- Воробьевы горы*, местность под Москвой – 699
- Ворона*, река – 204, 205, 575
- Воронеж*, город – 204, 205, 208, 471–474, 569, 573–578, 581–584
- Воронеж*, река – 574, 581
- Воронежская губерния* – 672, 699
- Воронежский пехотный полк* – 650
- Воронка*, река – 220, 591
- Воронцов* Дмитрий, стольник и полковник стрелецкого полка – 581, 583
- Воронцов* Михаил Семенович (1782–1856), граф, светлейший князь, генерал-фельдмаршал – 685
- Воронцов* Семен Романович (1744–1832), граф, военный и государственный деятель – 634
- Воря*, река – 532
- Воскресенские ворота* Китай-города в Москве – 564
- Воскресенское*, село Московского у., за Пресней – 189, 501, 560

- «Воспоминания яснополянских крестьян о Л.Н. Толстом» – 365
- Вотчинная коллегия – 619
- «Время», журнал, издаваемый братьями М.М. и Ф.М. Достоевскими в 1861–1863 гг. – 320, 330, 345
- Всехсвятские ворота (Всесвятские), в Москве – 564
- Всехсвятский мост (Всесвятский, Большой Каменный), через Москву-реку в Москве – 564, 572
- Второй Азовский поход русской армии против турецкой крепости Азов в 1696 г. – 208, 217, 218, 471, 473, 474, 569, 572, 574, 577–579, 581, 582, 584–586
- Второй Крымский поход русских войск против Крымского ханства в 1689 г. – 163, 164, 453, 459, 506–509, 513, 516, 518, 521, 523, 524, 528, 531, 533, 537, 539, 560, 563, 582
- «Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год)» – 502
- Вяземские, князя – 613
- Вяземский Федор, князь, первый владелец с. Никольское-Вяземское – 223, 227, 241, 594, 596, 597
- Гагарин Матвей Петрович (ок. 1659–1721), князь, глава Сибирского приказа и Оружейной палаты, первый губернатор Сибирской губернии – 617, 619
- Гагарины, князя – 241, 613, 596
- Гакстаузен (Haxthausen) Август (1792–1866), барон, прусский чиновник, экономист – 289, 415, 416
- «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России» – 289, 415, 416
- Галицкая Русь – 388
- Галицкий уезд – 617
- Гангут, полуостров – 584
- Гарофало (Garofalo) Рафаэле (1851–1934), итальянский ученый криминалист, ученик Ч. Ломброзо – 403
- Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ – 367
- Гейнс (Гейнсиус) Николас, голландский посланник в России – 499
- Гексли (Huxley) Томас-Генри (1825–1895), английский мыслитель, естествоиспытатель – 335
- «Уроки элементарной физиологии» – 335
- Гельсингфорс (Хельсинки), город – 569
- Генеральный двор, в с. Преображенском Московского у. – 503
- Георгий Победоносец, святой великомученик (?–303) – 149, 428
- Герман Соловецкий (?–1479) святой, преподобный – 103, 362
- Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель, общественный деятель – 295, 327, 339, 341, 342, 346, 413, 414, 612, 665
- «Былое и думы» – 339, 414
- «Предисловие к “Сущности христианства” Л. Фейербаха, в переводе П.Н. Рыбникова» – 346
- «Роберт Оуэн» – 339
- Гессен Л.А. – 695
- «Работа Л.Н. Толстого над архивными материалами» – 695
- Гё (Gjoe) Магнус, датский резидент при русском дворе – 482, 486, 490, 491

- Гёвель* (Hövel) Иоганн Эбергард, австрийский посол в России – 528
- Гиляровский* Владимир Алексеевич (1855–1935), писатель, журналист – 450
«Москва и москвичи» – 450
- Гирс* Николай Карлович (1820–1895), дипломат, государственный деятель – 603
- Гладкий* Никита (у Толстого назван Сашкой Гладким), пятидесятник Стремянного полка – 170, 509, 510, 520, 527, 531, 532
- Гладков* Борис Ильич (1847–1921?), духовный писатель – 676
«Толкование Евангелия» – 676
- Гладкова* Людмила Викторовна, литературовед – 291
- Глеб* (в крещении Давид; ?–1015), святой мученик, князь, сын князя Владимира Святославича – 171, 532
- Глиницевский переулоч*, в Москве – 700
- Глинка* Михаил Иванович (1804–1857), композитор – 357
«Я вас люблю, хоть я бешусь...», романс – 357
- Гнездики*, местность в Москве – 638, 643, 644, 647, 653
- Говард* (Howard) Вильям Оттович, владелец бумажной фабрики – 298, 366, 390, 404, 455, 472
- Гоголев стан* – 614
- Гоголь* Николай Васильевич (1809–1852) – 651
- Гоголь-Яновская* (урожд. Косяровская) Мария Ивановна (1791–1868), мать Н.В. Гоголя – 651
- Гоголь-Яновский* Василий Афанасьевич (1777–1825), отец Н.В. Гоголя – 651
- Годунов* Борис Федорович – см. Борис Федорович Годунов
- Голиков* Иван Иванович (1735–1801), историк, археограф – 437, 543
- «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России; собранные из достоверных источников и расположенные по годам» – 437, 543
- Голиненко* Ольга Александровна (1931–2013), литературовед – 291, 671–672
- Голландия* – 575, 585
- Голландцы* – 578
- Голицын* Александр Николаевич (1773–1844), князь, государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода – 685
- Голицын* Алексей Андреевич (1632–1694), князь, боярин, воевода, отец Б.А. Голицына – 580
- Голицын* Алексей Борисович (1674–1713), князь, полковник Преображенского полка, сын Б.А. Голицына – 548, 549
- Голицын* Алексей Васильевич (1665–1740), князь, боярин, сын В.В. Голицына – 162, 163, 165, 167, 169, 170, 172, 173, 182, 444, 453, 455, 506, 507, 513, 514, 521, 522, 523, 530, 536, 537
- Голицын* Андрей Андреевич (?–1638), князь, боярин, воевода, дед Б.А. Голицына и М.М. Голицына – 580
- Голицын* Андрей Васильевич (?–1611), князь, боярин, воевода, прадед Б.А. Голицына и В.В. Голицына – 548, 550
- Голицын* Андрей Иванович (?–1703), князь, боярин, воевода, двоюродный брат Б.А. Голицына и В.В. Голицына – 521
- Голицын* Борис Алексеевич (в монашестве Боголеп; 1654–1714), князь, боярин, дядька и воспитатель Петра I – 163, 165, 167, 170–175, 177, 178, 181–186,

- 200–202, 204, 206, 208, 444, 445, 454–456, 458, 470, 471, 506, 508, 509–511, 515, 519, 523, 524, 527, 531–535, 537–541, 544, 547–549, 553, 563, 564, 573, 578, 580, 647
- Голицын Василий Алексеевич* (1694–1732), князь, капитан-лейтенант флота, сын А.В. Голицына, внук В.В. Голицына – 513
- Голицын Василий Борисович* (1681–1710), князь, сын Б.А. Голицына – 548, 549
- Голицын Василий Васильевич* (?–1619), князь, боярин, воевода – 647
- Голицын Василий Васильевич* (1643–1714), князь, государственный и военный деятель, фактический глава правительства в годы регентства царевны Софьи Алексеевны (1682–1689), двоюродный брат Б.А. Голицына – 162, 163, 165–175, 181–187, 444, 451–456, 458, 459, 461–463, 471, 475, 505–516, 519–524, 527–539, 544, 547–550, 573, 578, 579, 647
- Голицын Иван Алексеевич* (1655–1722), князь, стольник, брат Б.А. Голицына – 444
- Голицын Иван Васильевич*, князь, старший брат В.В. Голицына – 573
- Голицын Михаил Алексеевич* (1687–1775), князь, придворный шут при дворе императрицы Анны Иоанновны, сын А.В. Голицына, внук В.В. Голицына – 162, 163, 506, 513
- Голицын Михаил Андреевич* (1639–1687), князь, боярин, воевода, отец М.М. Голицына (старшего) – 580
- Голицын Михаил Васильевич* (?–ранее 1726), князь, капитан-командор, младший сын В.В. Голицына – 162, 163, 165, 167, 182, 506, 513
- Голицын Михаил Михайлович* (старший) (1675–1730), князь, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии, сенатор – 206, 578, 579
- Голицын Сергей Борисович* (1688–1758), князь, статский советник, сын Б.А. Голицына – 548, 549
- Голицын Федор Алексеевич* (1668–1736), князь, адмирал-инспектор, брат Б.А. Голицына – 444
- Голицына* (урожд. Стрешнева), Авдотья (Евдокия) Ивановна (?– после 1725), княгиня, вторая жена В.В. Голицына – 162–167, 170, 182, 458, 505–507, 512, 513, 522
- Голицына Аграфена Борисовна* – (1704–1772), княжна, дочь Б.А. Голицына, в замужестве княгиня Хованская – 548
- Голицына Анастасия* (Настасья) Борисовна – (?–1743), княжна, дочь Б.А. Голицына, в замужестве княгиня Ромодановская – 548
- Голицына Анна Борисовна* – (1687–1772), княжна, дочь Б.А. Голицына, в замужестве княгиня Прозоровская – 548
- Голицына Евдокия Борисовна*, княжна, дочь Б.А. Голицына – 548
- Голицына* (урожд. Апраксина) Елена Петровна (1695–1736), княгиня, дочь П.М. Апраксина – 203, 571
- Голицына Мария* (Марья) Борисовна – (?–1701), княжна, дочь Б.А. Голицына, в замужестве княгиня Черкасская – 548

- Голицына* (урожд. Квашнина) Марья Исаевна (?–1694/1695), княгиня, жена А.В. Голицына – 162, 163, 170, 506, 507, 513, 521, 530
- Голицына* (урожд. княжна Хворостинина) Мария (Марья) Федоровна (1651–1723), княгиня, жена Б.А. Голицына – 548, 549
- Голицына* Марфа Борисовна (?–1716), княжна, дочь Б.А. Голицына, в замужестве княгиня Черкасская – 548
- Голицына* Прасковья Васильевна – см. Долгорукова П.В.
- Голицына* (урожд. Стрешнева) Татьяна Ивановна, княгиня, мать В.В. Голицына – 505
- Голицына* (урожд. Дашкова?) Ульяна Ивановна (по др. сведениям Васильевна; ок. 1646–1679), княгиня, мамка Петра I, жена И.В. Голицына – 204, 573
- Голицына* (урожд. княжна Долгорукова) Федосья Васильевна, княгиня, первая жена В.В. Голицына – 505
- Голицыны*, князья – 261, 473, 536, 647
- Головин* Автомон Михайлович (1667–1720), военный и государственный деятель, сподвижник Петра I – 208, 211, 213, 215, 217, 464, 474, 503, 555, 581–585
- Головин* Александр Федорович (1694–1731), капитан-лейтенант флота, сын Ф.А. Головина – 205, 473
- Головин* Алексей Алексеевич (?–1718), генерал-майор, сын боярина А.П. Головина, брат Ф.А. Головина, зять А.Д. Меншикова – 205
- Головин* Алексей Петрович (1618–1690), боярин, воевода – 573, 579
- Головин* Иван Федорович (1682–1708), граф, стольник, сын Ф.А. Головина – 205, 473
- Головин* Иван Михайлович (1672–1737), военный деятель, адмирал, прапрапрадед Толстого – 213, 215, 555, 585
- Головин* Николай Федорович (1695–1745), граф, адмирал, сын Ф.А. Головина – 205, 473
- Головин* Федор Алексеевич (1650–1706), граф, государственный и военный деятель, адмирал, генерал-фельдмаршал, двоюродный брат А.М. Головина – 204–206, 208, 214–216, 464, 471, 473, 475, 502, 503, 569, 573, 577, 578, 580, 582, 584, 585
- Головина*, мать Ф.А. Головина – 206, 580
- Головинский дворец*, на Яузе, в Москве – 579
- Головкин* Гавриил Иванович (1660–1734), граф, государственный канцлер, сенатор – 569, 577
- Головцын* Сергей Федорович, стольник, стрелецкий полковник – 209
- Голохвастов* Павел Дмитриевич (1838–1892), писатель, историк, публицист – 433, 438, 439, 440, 666
- Голутвин монастырь*, в Коломне (Богоявленский Старо-Голутвин мужской монастырь) – 587
- Гольденвейзер* Александр Борисович (1875–1961), пианист, педагог, композитор – 326–327, 404 «Вблизи Толстого» – 326–327
- Гомер* (ок. VIII в. до н.э.) – 349, 430
- «Илиада» – 349, 430
- «Одиссея» – 430
- Гончарова бумажная фабрика* – 455

- Гончаров Иван Александрович* (1812–1891), писатель – 293, 321, 322, 347
«Обрыв» – 293, 321, 322
- Горбунов-Посадов* (наст. фамилия Горбунов) *Иван Иванович* (1864–1940), один из редакторов издательства «Посредника» – 405
- Гордон (Gordon) Александр Александрович* (1669–1752), генерал-майор, писатель – 444
- Гордон (Gordon) Патрик (Петр Иванович)* (1635–1699), выходец из Шотландии, генерал-лейтенант, контр-адмирал, сподвижник Петра I – 168, 292, 437, 438, 445, 459, 506, 510, 528, 529, 531, 534–536, 538–540, 546, 551–555, 572, 575, 581, 582, 584 «Tagebuch des Generals Patrick Gordon» – 292, 437, 438, 445, 459, 534–536, 538
- Горетов стан* – 615
- Горохов Петр Михайлович*, тульский помещик – 409
- Гороховец*, город – 533
- Горчаков Александр Михайлович* (1798–1883), князь, дипломат, министр иностранных дел, канцлер – 603, 625, 626, 645, 650
- Горчаков Александр Николаевич* (? – до 1797), князь, сын Н.И. Горчакова, брат П.Н. Толстой – 258, 269, 624 – 627, 633–635, 643, 652
- Горчаков Алексей Иванович* (1737–1805), князь, коллежский асессор, брат прадеда Толстого Н.И. Горчакова, дед канцлера А.М. Горчакова – 259, 261, 262, 265, 267, 614, 626, 631, 635, 638, 643, 645, 647, 650, 652, 654
- Горчаков Алексей Иванович* (1769–1817), князь, генерал от инфантерии, военный министр, троюродный брат П.Н. Толстой – 649
- Горчаков Борис Васильевич*, князь, окольныйничий, воевода – 648
- Горчаков Василий Дмитриевич*, князь, стольник, воевода, сын Д.П. Горчакова – 261, 264, 614
- Горчаков Василий Николаевич* (1771–?), князь, генерал-майор, брат П.Н. Толстой – 255–259, 263, 266, 267, 269, 294, 446, 448, 597–599, 601, 602, 623–629, 631–635, 639, 643–645, 649
- Горчаков Виктор Иванович* (1727 – до 1750), князь, брат прадеда Толстого Н.И. Горчакова – 647
- Горчаков Дмитрий Петрович* (?–1642), князь, воевода – 261, 264, 614, 649
- Горчаков Дмитрий Сергеевич* (1828–1907), князь, троюродный брат Толстого – 627
- Горчаков Иван Романович* (1716–1801), князь, генерал-поручик, двоюродный брат Н.И. Горчакова, прадеда Толстого – 257, 259, 261, 265, 633, 637, 641, 643, 649, 653
- Горчаков (Горчак) Иван Федорович*, князь, воевода, родоначальник князей Горчаковых – 261, 264, 649, 650
- Горчаков Иван Федорович* (1694–1750), князь, подполковник, прапрадед Толстого – 242, 261, 262, 264, 265, 596, 598, 614, 615, 631, 633, 638, 643, 647, 648, 651, 653
- Горчаков Матвей Васильевич* (?–1662), стольник, внук Д.П. Горчакова – 614
- Горчаков Михаил Николаевич* (1769–1830), князь, статский советник, брат П.Н. Толстой – 258, 269, 624–626, 633–635, 643

- Горчаков Николай Иванович* (1725 или 1731–1811), князь, прадед Толстого – 255–259, 261–266, 268, 269, 614, 623–628, 630–633, 635–638, 641–645, 647–654
- Горчаков Павел Иванович* (1730 – до 1797), князь, майор, брат Н.И. Горчакова – 261, 262, 264, 265, 267, 614, 625, 626, 631, 635, 638, 643, 647, 650–653, 654
- Горчаков Петр Иванович* (?– после 1611), князь, воевода – 649
- Горчаков Петр Иванович* (1722–?), князь, секунд-майор, брат Н.И. Горчакова – 261, 262, 264, 265, 614, 631, 635, 638, 643, 647, 650, 653
- Горчаков Роман Иванович* – см. Горчаков И.Р.
- Горчаков Роман Федорович* (1689 – до 1779), князь, статский советник, брат прапрадеда Толстого, И.Ф. Горчакова – 242, 255, 261, 597, 598, 614, 615, 623, 637, 649
- Горчаков Федор Васильевич* (1646–1699), князь, стольник, прапрадед Толстого – 242, 261, 264, 610, 614, 615, 648
- Горчакова* (урожд. Баскакова) Анастасия (Настасья) Федоровна (Баскачиха; 1652–1736), княгиня, жена Ф.В. Горчакова, прапрабабка Толстого – 241–243, 596–598, 610, 614–616
- Горчакова* (урожд. Суворова) Анна Васильевна (1744–1813), княгиня, жена И.Р. Горчакова – 257, 259, 261, 264, 265, 641, 645, 649
- Горчакова* (урожд. Пешурова) Анна Ивановна (1739–1786), княгиня, жена А.И. Горчакова, бабка А.М. Горчакова – 626
- Горчакова Анна Николаевна*, княжна – 258, 624, 634, 642
- Горчакова* (урожд. Уварова, в монашестве Александра) Афи́мья Федоровна, княгиня, жена В.Д. Горчакова – 614
- Горчакова Екатерина Александровна* (урожд. Лукина), княгиня, жена Н.И. Горчакова – 269, 623, 627, 628, 630–633, 635–637, 640, 642, 643, 648, 651
- Горчакова Екатерина Васильевна* – см. Перовская Е.В.
- Горчакова Екатерина Ивановна* – см. Ёргольская Е.И.
- Горчакова* (урожд. Стромиллова) Елена Петровна, княгиня, жена В.Н. Горчакова – 625
- Горчакова Елена Романовна* (1719–?), княжна, дочь Р.Ф. Горчакова – 637
- Горчакова Елена Сергеевна* (1824–1897), княжна, фрейлина, троюродная сестра Толстого – 627, 628
- Горчакова* (урожд. Траханиотова) Мария Ивановна, княгиня, жена Р.Ф. Горчакова – 637
- Горчакова Наталья Ивановна* – см. Темяшева Н.И.
- Горчакова Наталья Николаевна* – см. Депрерадович Н.Н.
- Горчакова Пелагея Николаевна* – см. Толстая П.Н.
- Горчакова* (урожд. Басаргина) Прасковья Ивановна, княгиня, жена П.И. Горчакова – 653
- Горчакова* (урожд. княжна Мортикина, Мордкина) Татьяна Григорьевна (в монашестве Афанасия; не ранее 1708–1781), княгиня, жена И.Ф. Горчакова, прапрабабка Толстого – 263–265, 267, 269, 598, 614, 623, 626, 628, 633, 635, 637–640, 642, 643, 647, 652–654
- Горчакова Устинья Романовна* (1718–?), княжна, дочь Р.Ф. Горчакова – 637

- Горчаковы*, князя – 261, 263, 264, 592, 596, 597, 623, 624, 626–628, 631, 632, 641, 648–653
- Государственный архив Российской империи*, в Санкт-Петербурге – 603, 626
- Государственный музей Л.Н. Толстого* (ГМТ, Толстовский музей), в Москве – 289, 296, 317–320, 354, 357, 397, 433, 434, 438, 439, 443, 444, 448, 507, 572, 600–602, 604, 614–617, 636–638, 644, 646, 648, 653, 667, 672, 675, 677, 680, 683, 685, 698
- Государственный Совет Российской империи* – 279, 685, 691
- Греция* – 132, 349, 405, 685
- Грибоедов Семен Федорович*, стольник, стрелецкий полковник, воевода, прапрадед А.С. Грибоедова – 161, 504, 505
- Грибоедов полк*, стрелецкий полк под командованием полковника С.Ф. Грибоедова – 161, 504, 505
- Григорий Богослов* (329–389), святитель, архиепископ Константинопольский, поэт, один из трех вселенских учителей Церкви – 640
- Григорович Николай Иванович* (1835–1889), историк, публицист, архивист, начальник архива и библиотеки Святейшего Синода – 627
- Громова-Опупьская Лидия Дмитриевна* (1925–2003), литературовед – 400
- Грузинский Алексей Евгеньевич* (1858–1930), литературовед – 298, 430, 450, 451
«Работа Л.Н. Толстого над романом из эпохи Петра I» – 430
- Гудзий Николай Калинникович* (1887–1965), литературовед, историк литературы – 432
- «Л.Н.Толстой» – 432
- Гулин Александр Вадимович*, литературовед – 297
- Гундерк-Марк* (Гундертмарк) Тихон Христофорович, стольник, стрелецкий полковник – 581, 583
- Гусев Николай Николаевич* (1882–1967), историк литературы, личный секретарь и биограф Толстого, мемуарист – 289, 290, 294, 298, 300, 317, 324, 327, 328, 332, 333, 359, 360, 363, 366, 392, 393, 395, 397, 400, 402, 407, 408, 411, 412, 415, 420, 424, 431, 434, 436, 448, 450, 627, 631, 678
«Жизнь Льва Николаевича Толстого: Л.Н. Толстой в расцвете художественного гения» – 434
«Два года с Л.Н. Толстым» – 294, 328, 333
«Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год» – 289, 300, 407–408
«Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год» – 289, 324, 327, 359–360, 363, 366
«Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год» – 289, 392, 393, 395, 412, 415, 420, 431, 434, 448, 627–628, 631, 678
«Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890» – 290, 298, 317, 332, 400, 408, 411, 431, 434, 436
«Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910» – 290, 402
- Гюго* (Hugo) Виктор Мари (1802–1885), французский писатель – 85, 349
«N’insultez pas...» («О! никогда не оскорбляйте женщину за ее падение!») – 85, 349

- Гюйссен* (Гюисен; Hüysse) Генрих фон (1666–1739), барон, немецкий писатель, дипломат; воспитатель царевича Алексея Петровича – 444, 612
- Давыдов* (псевд. Н. Василич) Николай Васильевич (1848–1920), судебный деятель, писатель, близкий знакомый Толстого – 354
- Даль* Владимир Иванович (1801–1872), писатель, лексикограф, этнограф – 316, 336, 348, 381, 421, 609, 641, 680
«Письма к друзьям из похода в Хиву» – 421
«Толковый словарь живого великорусского языка» – 316, 336, 348, 381, 609, 641, 680
- Данилка* – см. Козлов Д.Д.
- Дараган* Петр Михайлович (1800–1875), генерал-лейтенант, тульский губернатор – 324, 327, 337
- Дарвин* (Darwin) Чарльз Роберт (1809–1882), английский ученый, автор теории эволюции живых организмов – 335, 401
- Дария* (Дарья; ?– 283), святая мученица – 205, 575
«ХХV лет. 1859–1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» – 295, 655, 659, 666
«Дворцовые разряды», книга записей о распоряжениях по военной, гражданской и придворной службе – 289, 487, 493, 577, 581
- Дементьев* Борис Федорович, стольник, стрелецкий полковник, воевода – 209, 545, 582
- Демидова* Наталья Федоровна, историк – 289, 501
«Федор Алексеевич» – 289, 501
- Денисова* Мария Михайловна (1887–1962), историк – 289, 558, 559, 565
«Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв.» – 289, 558, 559, 565
- Денисьев* (Денисов) Андрей (1664–1730), настоятель Выговской пустыни, вождь раскола в первой четверти XVIII в. – 450
- Денисьев* (Денисов) Семен (1682–1741), старообрядец, брат Андрея Денисьева – 450
- Депрерадович* (урожд. княжна Горчакова) Наталья Николаевна (1768–?), сестра П.Н. Толстой, жена Л.И. Депрерадовича – 258, 259, 269, 624, 634, 642, 645
- Депрерадович* Леонтий Иванович (1766–1844), генерал-майор – 259, 645
- Деревнин* Гавриил Федорович (?–1706), думный дьяк – 536
- Дешкинский уезд* – 648
- Дербент*, город – 621, 622
- Диккенс* (Dickens) Чарльз (1812–1870), английский писатель – 688, 689
«Мартин Чезлвит» («Мартин Чеззлвит»; «The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit») – 688
«Dombey and Son» («Домби и сын») – 689
- Дитерихс* Ольга Константиновна – см. Толстая О.К.
- Дмитрий Алексеевич* (1648–1649), царевич, сын царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 493, 499
- Дмитровка*, улица в Москве – 522
«Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна» («Diariusz

- Zabójstwa tyrańskiego senatorów Moskowskich w stolicy roku 1682 у obraniu dwóch carów Iona у Piotra») – 488–490, 565
- Днепр* (Непра), река – 388, 389, 503, 557
- Доброе* (Доброе Городище), село на р. Воронеж – 575
- Добролюбов* Николай Александрович (1836–1861), критик, публицист – 320, 343, 345, 348
«Забитые люди» – 345
«Темное царство» – 348
«Что такое обломовщина?» – 348
- Долгое*, село Тульской губ. – 409
- Долгоруков* (Долгорукий) Борис Федорович (?–1702), князь, стольник, воевода – 548
- Долгоруков* (Долгорукий) Григорий Федорович (1656–1723), князь, государственный деятель, дипломат, сенатор – 548, 560, 616
- Долгоруков* (Долгорукий) Михаил Юрьевич (?–1682), князь, боярин, сын Ю.А. Долгорукова – 505, 517, 527
- Долгоруков* Петр Владимирович (псевдоним граф Альмагро, Алмагро; 1816–1868), князь, историк, публицист, специалист по русской генеалогии – 290, 442, 444, 497, 498, 568, 570, 625, 628, 642, 643, 649, 650, 653
«Российская родословная книга» – 290, 442, 444, 568, 570, 625, 628, 642, 643, 649, 650, 653
«Notice sur les principales familles de la Russie» («Заметка о главных фамилиях России») – 497, 498
- Долгоруков* (Долгорукий) Юрий (в крещении Софроний) Алексеевич (?–1682), князь, боярин, воевода – 158, 489, 490, 505, 517, 527, 619, 647
- Долгоруков* (Долгорукий) Яков Федорович (1639–1720), князь, дипломат, сенатор – 548, 549, 616, 647
- Долгорукова* (урожд. княжна Голицына) Прасковья Васильевна, княгиня, жена М.Ю. Долгорукова, сестра В.В. Голицына – 505
- Долгорукова* Федосья Васильевна – см. Голицына Ф.В.
- Долгоруковы* (Долгорукие), князья – 184, 261, 473, 505, 547, 647
- «Дом *Остроухова* в *Трубниках*», альманах – 344
- «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией» – 438
- Дон*, река – 205, 208–210, 441, 471, 474, 503, 527, 574, 577, 581, 582, 591, 619, 644
- Донской монастырь*, в Москве – 510, 511
- Дорогобуж*, город – 532
- Достоевские*, братья – 345
- Достоевский* Федор Михайлович (1821–1881) – 290, 321, 322, 330, 344, 345, 348
«Бесы» – 321, 322, 348
«Зимние заметки о летних впечатлениях» – 330
(I. Записная книжка 1860–1862 гг.) – 344
«Униженные и оскорбленные» – 345
- «*Древняя Российская Вивлиофика*», собрание письменных источников по истории России, изданное Н.И. Новиковым – 438
- Дружинин* Александр Васильевич (1824–1864), писатель, критик, журналист – 329
- Дубенские засеки* – 649

- Дубровицы*, село Подольского у. Московской губ. – 549
- Дубровская* Соломонида Тимофеевна – см. Толстая С.Т. – 604
- Дума* – см. Боярская дума
- Дурнова* Аксинья Григорьевна, яснополянская помещица – 220, 222, 590
- Дуров* Илья Иванович, стольник, стрелецкий полковник – 534
- «Душеполезное чтение»*, журнал (1860–1917) – 413
- Дьяков* Дмитрий Алексеевич (1823–1891), близкий друг Толстого – 353, 370
- Дьякова* (урожд. Тулубьева) Дарья Александровна (1830–1867), первая жена Д.А. Дьякова – 353
- Дьякова* Мария Дмитриевна (в замужестве Колокольцева; 1850–1903), дочь Д.А. и Д.А. Дьяковых – 353, 354
- Дьякова* (урожд. Войткевич) Софья Робертовна («Софеш»; 1844–1880), гувернантка детей Д.А. Дьякова, с 1877 г. его жена – 354
- Дягилев* Сергей Павлович (1872–1929), театральный и художественный деятель – 636
- Евангелие* – 264, 338, 362, 631, 632, 640, 653, 676, 677
- Евангелие от Иоанна* – 676, 677
- Евангелие от Луки* – 613
- Евангелие от Матфея* – 264, 631, 632, 653
- Евгений* (в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов, 1767–1837), митрополит Киевский и Галицкий, историк, филолог, библиограф – 437
- «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России»* – 437
- Евдокимов* Степан, слуга царевны Софьи Алексеевны – 510
- Евдокия Алексеевна* (1650–1712), царевна, старшая дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 157, 158, 160, 484, 499, 500
- Евдокия Алексеевна* (род. и ум. в 1669 г.), царевна, младшая дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 484, 493, 499
- Евдокия* Лукьяновна Стрешнева (ок. 1608–1645), царица, вторая жена царя Михаила Федоровича, мать царя Алексея Михайловича – 493, 495
- Евдокия* Федоровна Лопухина (в иночестве Елена; 1669–1731), царица, первая жена Петра I – 174, 175, 184, 511, 514, 538, 540, 547, 549, 572
- Европа* – 347, 390, 522, 549, 553, 562, 578, 585, 645
- Егорий* (Егорий-вешний, Егорий-ленива-соха), день памяти (23 апреля ст. ст.) святого великомученика Георгия Победоносца, который считается в народе покровителем земледелия и скотоводства – 668
- Егоров* Михаил Филиппович (кормилицын мальчик; 1862?–?), яснополянский крестьянин, молочный брат С.Л. Толстого, сын Ф.Р. и Е.М. Егоровых – 366
- Егоров* Филипп Родионович (1839–1895), яснополянский кучер, впоследствии приказчик – 366
- Егорова* Евлампия Матвеевна, яснополянская крестьянка, кормилица С.Л. Толстого – 366
- Егорьевский уезд* – 648
- Екатерина I* (урожд. Марта Скавронская; 1684–1727), вторая

- жена Петра I, императрица с 1724 г., в 1725–1727 гг. правящая государыня – 241, 439, 596, 614, 642
- Екатерина II* Алексеевна Великая (урожд. принцесса София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская; 1729–1796), российская императрица (1762–1796) – 148, 238, 257, 265, 333, 423, 586, 611, 612, 629, 642, 654, 679
«Записки императрицы Екатерины II» – 612
- Екатерина Алексеевна* (Катерина) (1658–1718), царевна, дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 157–160, 493, 494, 499, 500
- Елагин* Сергей Иванович (1824–1868), историк – 290, 574, 575–576
«История русского флота. Период Азовский» – 290, 574–576
- Елецкий уезд* – 617
- Елизавета* (Елисавета) Петровна (1709–1761), императрица (1741–1761) – 258, 262, 264, 265, 603, 612, 631, 642, 645, 651, 654
- Елизарьев* Илларион (Ларион) Елисеевич, пятисотный стрелцкого Стремянного полка, дьяк Стрелецкого приказа – 509, 510
- Елисавета*, святая праведная, мать святого Иоанна Предтечи, Крестителя Господня – 613
- Елисеев* Григорий Захарович (1821–1891), публицист – 343, 344
- Емельянов* Александр, староста с. Введенского Болховского у. – 637, 648
- Ерлоков* Петр, сын боярский – 550
- Ерлоков* Федор, сын боярский – 550
- Ермолов* Алексей Петрович (1777–1861), военный и государственный деятель, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе – 685
- Еропкина* Ирина Михайловна – см. Мусина-Пушкина И.М.
- Есинов* Григорий Васильевич (1812?–1899), историк, архивист – 442
«Раскольничьи дела XVIII столетия» – 442
- Ефимьев полк*, стрелецкий полк под командованием стольника и полковника Ефимьева Романа Сергеевича – 510, 544–546
- Ефремов*, город – 201, 251, 259, 465
- Ефремовский уезд* – 605, 620
- Ёргольская* (урожд. княжна Горчакова) Екатерина Ивановна (1728–?), сестра Н.И. Горчакова, жена С.А. Ёргольского, бабушка Т.А. Ёргольской – 261, 641, 647
- Ёргольская* Татьяна Александровна (1792–1874), троюродная тетка Толстого и его воспитательница – 135, 137, 138, 408–410, 424, 641, 692, 698
- Ёргольский* Семен Алексеевич, помещик, муж Е.И. Ёргольской, дед Т.А. Ёргольской – 257, 641, 647
- Жакото* (Jacotot), Жан-Жозеф (1770–1840), юрист, педагог – 337
- Жданов* Владимир Александрович (1898–1971), литературовед – 291
- Желябужский* Василий Тимофеевич (1638 – до 1704), стольник, тамбовский воевода – 568, 569

- Желябужский Иван Афанасьевич* (1638 – после 1709), окольный, дипломат – 290, 436, 437, 459, 461, 469, 520, 548, 550–553, 555–557, 560, 561, 563, 564, 568, 569, 572, 582–585
«Записки с 1682 по 2 июля 1709 (Дневные записки)» – 290, 436, 437, 459, 461, 469, 548, 550–553, 555, 556, 560, 561, 563, 564, 568, 569, 572, 582–585
- Желябужский Михаил Васильевич* (?–1723), стольник, полковник, обер-фискал – 603
- Желябужский Семен Васильевич* (?–1710), стольник – 568, 569
- Жемчужников Алексей Михайлович* (1821–1908), поэт – 332
- Живоносного Воскресения Господня собор*, в Московском Кремле – см. Церковь Воскресения Словущего в Московском Кремле – 567
- Женева*, город – 357
«Жизнь Лефорта» – см. Basseville de M.
- Житный двор*, в Московском Кремле – 510, 546
- Жомини Александр Генрихович* (1814–1888), барон, дипломат – 603
- Жолкевский (Żółkiewski) Станислав* (1547 или 1550–1620), польский гетман и канцлер – 525
- Жуков Дмитрий Романович*, стольник, стрелецкий полковник – 509, 510, 545
- Жуков полк*, стрелецкий полк под командованием Д.Р. Жукова – 509, 510, 545
- Жуковский Василий Андреевич* (1783–1852), поэт – 422
«Журнал Министерства народного просвещения» (1834–1917) – 290, 338, 485, 489
- Забелин Иван Егорович* (1820–1908/1909), историк, археолог – 290, 433, 438–441, 444, 445, 484, 507, 516, 518, 535, 548, 579
«Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.» – 290, 433, 438, 440, 441, 444, 445, 484, 507, 516, 518, 535
«Опыты изучения русских древностей и истории» – 438, 439, 444, 518, 579
- Загоскин Михаил Николаевич* (1789–1852), писатель – 700
«Москва и москвичи» – 700
- Зайденинур Эвелина Ефимовна* (1902–1985), литературовед – 290
- Зайчневский Петр Григорьевич* (1842–1896), революционер-народник – 340, 341
«Молодая Россия», прокламация – 340, 341
- Замоскворечье*, район Москвы – 505
«Заря», журнал (1869–1872) – 391
- Засека*, лесной массив в Тульской губ. – 219–222, 575, 589, 591
- Засекин Иван*, князь – 170, 528, 530
- Захаров Осип*, келейник – 447
Захаров Степан, стрелец – 545
- Зачатская*, улица в Москве – 564
- Зедделер (Зеделер) Людвиг (Логин) Иванович* (1791–1852), барон, генерал-лейтенант – 438
- Земляной город* (Скородом), в Москве – 521, 541
- Земский собор*, высшее сословно-представительское учреждение в России в середине XVI – конце XVII в. – 492, 525
- Зимний дворец*, в Санкт-Петербурге – 611
- Златоустовский монастырь*, в Москве – 565

- Злобино*, сельцо Каширского у. – 614
- Змеев* (Змиев) Венедикт (Бенедикт) Андреевич (?–1697), думный генерал, ближний окольничий – 167, 170, 508, 521, 523, 524, 530, 536, 550
- Знаменская*, улица в Санкт-Петербурге – 324, 342
- Золотов* Василий Андреевич (1804–1882), деятель народного образования – 337, 338
«Исследование грамотности по деревням (две летние поездки в Новгородскую, Московскую и Тульскую губернии)» – 338
«Русская азбука с наставлением, как должно учить» – 337
«Русская азбука без азбуки и складов» – 337
«Таблицы для взаимного обучения чтению и письму с руководством для учителей» – 337
- Зосима Соловецкий* (?–1478), преподобный – 103, 362
- Зотов* Никита Моисеевич (ок. 1644–1718), граф, учитель и приближенный Петра I – 205, 213, 501, 561, 577, 585
- Зуша*, река – 257, 259, 636, 652, 668
- Зыков* Федор Тихонович, стольник, окольничий, думный дворянин – 488
- Зябров* Евстигней Титович (? – после 1917), яснополянский крестьянин, автор воспоминаний о Толстом (1908–1911) – 365
- Зябров* Осип Наумович (Осип Наумов; 1791–1884), яснополянский крестьянин – 672
- Ибрагим-Паша*, военачальник, командовал турецкими войсками, осаждавшими г. Чигирин в 1677 г. – 557
- Иванов* Ларион Иванович (?–1682), думный дьяк, глава Посольского приказа – 517
- Иваньково*, деревня Московского у. – 587
- Иваньковское шоссе*, в Москве – 587
- Иерусалим* – 376, 377
- «Известия Императорского Археологического общества»* – 485
- Излегощи*, село Усманского у. – 270, 271, 277, 279, 660, 675–677, 679, 687, 695
- Измайлово*, село Московского у. – 540
- Иисус Христос* – 22, 29, 98, 171, 218, 232, 240, 253, 274, 281, 283, 285, 322, 356, 366, 373, 374, 417, 478, 481, 482, 484, 487, 493, 522, 527, 555, 557–559, 566, 568, 580, 584, 586, 613, 621, 632, 640, 653, 654, 686, 695, 697, 689, 699
- Иисусова молитва* – 240, 613
- «Илиада»* – см. Гомер
- Иларион* (в миру Иван; 1632–1708), игумен Флорищевой пустыни, затем архиепископ и митрополит Суздальский и Юрьевский, крестный отец царевича Ильи Федоровича – 502, 567
- Ильин день*, день памяти ветхозаветного пророка Илии (20 июля ст. ст.) – 244, 251, 601, 618, 621
- Ильинская*, улица в Москве – 564
- Илья Митрофанович*, яснополянский крестьянин – 270, 695
- Илья Феодорович* (род. и ум. в 1681), царевич, сын царя Федора Алексеевича и царицы Агафьи Семеновны Грушецкой – 160, 483, 502
- Ингерманландский полк* – 262
- Иноземский (Иноземный) приказ*, в Москве – 502, 506, 514, 523, 582

- Иоаким* (в миру Иван Петрович Савелов; 1620–1690), патриарх Московский и всея Руси (1674–1690) – 158, 168, 174, 478, 489, 516, 517, 520, 526, 539, 540, 542
- Иоанн Богослов*, святой апостол и евангелист – 200, 564, 640, 676, 677
- Иоанн Златоуст* (ок. 347–407), святитель, архиепископ Константинопольский, один из трех вселенских учителей Церкви – 640
- Иоанн Предтеча*, святой пророк, Креститель Господень – 640
- Иоанн IV* (Иван) Васильевич Грозный (1530–1584), великий князь Московский и всея Руси, первый русский царь (1547–1584) – 492, 503, 504, 572, 591, 631, 650
- Иоанн V* (Иван) Алексеевич (1666–1696), царь в 1682–1696 гг. (в соправительстве с братом Петром I), сын царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 158–160, 164, 165, 167, 168, 171, 174, 187, 200, 203, 204, 448, 451, 460, 472, 481, 488, 491, 494, 499, 500, 502, 506, 508–510, 512, 513, 515–519, 524–528, 533, 534, 537–539, 546, 547, 550, 557, 568, 572–574, 580, 584
- Иоанн VI* (Иван) Антонович (1740–1764), император (1740–1741) – 432
- Иов* (в миру Иоанн; ок. 1525–1607), первый патриарх Московский и всея Руси (1589–1605) – 525
- Иосифо-Волоколамский монастырь* – 525
- Ипатьевский Свято-Троицкий монастырь*, в Костроме – 492
- Иран* – см. Персия
- Ирина Михайловна* (1627–1679), царевна, дочь царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой, сестра царя Алексея Михайловича – 159, 495
- Ирина Федоровна Годунова* (в иночестве Александра; 1557 ?–1603), сестра Бориса Годунова и жена царя Федора Иоанновича – 525
- Иркутск*, город – 635, 674
- Исаакий Далматский* (Далмацкий) (?–383), преподобный – 495
- Исайя*, афонский архимандрит – 524
- «Искорка»*, комедия Э.Ж.А. Пальерона (Palleron) (1834–1899) – 396
- Иславин Владимир Александрович* (1818–1895), этнограф, дядя С.А. Толстой – 674, 675, 685, 695
- Исленьев Александр Михайлович* (1794–1882), дед С.А. Толстой со стороны матери – 407
- Испания* – 685
- Истомин Владимир Константинович* (1847–1914), историк-любитель, писатель, издатель – 440, 471
- «Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии»* – см. Воздвиженский Д.Т.
- «Исторический архив»*, журнал – 695
- «Исторический вестник»*, журнал (1880–1917) – 426, 427, 645
- «Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света на 1827 год»* – 498
- «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева»* – 290, 483, 484, 488, 496, 566
- Италия* – 582

- Кабанис* (Cabanis) Пьер Жан Жорж (1757–1808), французский философ и врач – 361
«Отношения между физической и нравственною природою человека» – 361
«Кабинет Петра Великого», издание О. Беляева – 438
Кавалергардский полк – 698, 699
Кавказ (Капказ) – 78, 300, 305, 423–425, 427, 428, 698
Казанский университет – 299, 403
Казанского дворца (Казанский) приказ, в Москве – 496, 548, 572
Казань, город – 299, 300, 413, 473, 488, 570, 690, 698
Калайдович Константин Федорович (1792–1832), археограф, филолог, фольклорист – 370
Калачов Николай Васильевич (1819–1885), историк, юрист, управляющий Московским архивом Министерства юстиции – 601, 626, 627
Калашиников Иван Тимофеевич (1797–1863), писатель, поэт – 635
«Записки иркутского жителя» – 635
Калинина Наталья Алексеевна, директор Государственного музея Л.Н. Толстого – 296
Калитина пустошь, в Гоголевом стане – 614
Каллаш Владимир Владимирович (1866–1918), историк, литературовед, писатель – 615, 618
Калмыки – 172, 267, 562, 565
Калужские ворота, в Москве – 161, 504–505
Камер-коллегия, в Санкт-Петербурге – 637
Карамзин Андрей Николаевич (1814–1854), полковник, сын историографа – 439
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), писатель, публицист, историк – 685
Карачев, город – 648, 650
Каргополь, город – 516, 537
Кардисский мирный договор между Россией и Швецией, заключен в местечке Кардис неподалеку от Дерпта (Тарту) в 1661 г. – 506
Каретный ряд, улица в Москве – 699
Карл XII (Karl XII; 1682–1718), король Швеции (1697–1718) – 591
Карлсон (Carlson) Фредрик Фердинанд (1811–1887), шведский историк – 444
Карпаты – 412
Карс, крепость в Турции – 420, 425
Карсавин Лев Платонович (1882–1952), историк, религиозный философ – 413
«Noctes Petropolitanae» – 413
Карташев Антон Владимирович (1875–1960), общественный и политический деятель, историк – 413
«Очерки по истории Русской Церкви» – 413
Карфаген – 403
Карцов Василий Лукич, воевода, яснополянский помещик – 220, 589, 590
Карцов Федор Лукич, яснополянский помещик – 222
Карцовы, род – 589
Каспийское море – 503, 621, 622
Катерина Алексеевна – см. Екатерина Алексеевна
Катков Михаил Никифорович (1817 или 1818–1887), публи-

- цист, издатель, критик – 323, 330, 348
 «Наш язык и что такое свистуны» – 348
 «Несколько слов вместо “Современной летописи”» – 348
 «Старые боги и новые боги» – 348
- Кашира*, город – 187, 196, 204, 207, 461–463, 466, 473
- Каширский уезд* – 242, 614, 647, 652
- Келлер* (Keller) Иоганн, барон, голландский резидент в Москве – 483, 502, 505, 566, 567
- Кельсиев* Василий Иванович (1835–1872), журналист, революционер – 414
 «Исповедь» – 414
- Кераско*, город – 610
- Керченский поход*, демонстративный поход боевых кораблей Азовского флота к турецкой крепости Керчь в 1699 г. – 569
- Кесария*, древний город в Палестине – 640
- Кёнигсберг*, город – 645
- Киев* – 109, 119, 258, 325, 354, 374–378, 382, 384, 386–389, 486, 506, 524, 638
- Киево-Печерская Лавра* – 638
- Киево-Флоровский Вознесенский монастырь* – 637–639, 642
- Киевская дорога* (Киевское шоссе) – 221, 257, 642
- Кикин* Александр Васильевич (?–1718), кораблестроитель, дипломат – 569
- Кинешемский уезд* – 614
- Киреевский* Петр Васильевич (1808–1856), фольклорист, археограф – 290, 368, 369, 373–381, 383, 386–388, 438, 584
 «Песни, собранные П.В. Киреевским» – 290, 368, 369, 373–381, 383, 386–388, 438, 584
- Кирилл* (?–1337), преподобный, отец преподобного Сергия Радонежского – 266, 643, 654
- Кирилло-Белозерский монастырь*, в Вологодской губ. – 517, 518
- Кирилов* Иван Кириллович (1689–1737), обер-секретарь Сената, статский советник, историк, картограф – 442, 443
 «Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец Отечества, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая» – 442, 443
- Кирино*, деревня – см. Старо-Кирино
- Кирсанова* Раиса Мардуховна, искусствовед – 362
 «Розовая ксандрейка и драдемамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века» – 362
- Кириша Данилов* (Кирилл Данилович), предполагаемый составитель первого сборника русских былин и песен – 290, 370, 379–382, 384, 386, 387
 «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» – 290, 370, 379–382, 384, 386, 387
- Китаевская пустынь* – 638
- Китай* – 125, 206, 402, 473, 518, 562, 579
- Китай-город* (Средний город), в Москве – 201, 510, 511, 564
- Китайцы* – 577
- Кишинев*, город – 420
- Кленк* Конрад (Кунраад) фан, голландский посол в России – 291, 486, 487, 491
- Клерк* (Clerc) Эдуард, гувернер – 667

- Клин*, город – 700
- Ключевский* Василий Осипович (1841–1911), историк – 515
«Курс русской истории» – 515
- Клюшников* Виктор Петрович (1841–1892), писатель – 321, 330, 348
«Марево» – 321, 348
- «Книга записная Царя и Великова Князя Петра Алексеевича в 190 году» – 481
- Книжников* В. – 346
«Прогресс духовных училищ» – 346
- Ковалева* Галина Николаевна, литературовед – 296, 297
- Кожухово*, деревня – 187, 187–192, 195–197, 202, 297, 435, 436, 440, 456, 460–463, 465, 467–469, 471, 472, 481, 540, 550–553, 555, 556, 559, 560–564, 584
- Кожуховский поход* (Потешная война под Кожуховом), маневры русских войск, организованные Петром I вблизи подмосковной деревни Кожухово (1694) – 187, 204, 297, 428, 435, 436, 440, 441, 451, 456, 461–463, 468–472, 481, 540, 542, 550–553, 555, 556, 560–564, 582, 584
- Козельск*, город – 652
- Козельская засека* – 649
- Козлов*, город – 575
- Козлов* Данила Давидович (Данилка; 1848–1918), яснополянский крестьянин – 671, 672
- Койт* (Coyet) Бальтазар (1652–1725), участник голландского посольства в Россию, автор дневника – 486, 491
- Коллинс* (Collins) Самуэль (1619–1669), придворный врач царя Алексея Михайловича, автор сочинения о России – 497, 498
«Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне» (The Present State of Russia, in a Letter to a Friend at London. Written by an Eminent Person residing at Great Tzar Court at Moscow for the space of nine years») – 497, 498
- «Колокол», бесцензурная русская газета, издававшаяся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым (1857–1867) – 339
- Колокольцев* (Колокольцов) Николай Аполлонович (1848–1920) – 358
- Колокольцев* (Колокольцов), младший брат Н.А. Колокольцева – 353, 358
- Коломенский дворец*, в с. Коломенском Московского у. – 204, 473, 571, 572
- Коломенский уезд* – 617
- Коломенское*, село Московского у. – 483, 502, 571, 572
- Коломна*, город – 587
- Колпна*, село Тульской губ. – 327
- Кольский острог* – 524
- Конде* (Condé) Луи-Жозеф де Бурбон (1736–1818), принц – 644, 645
- Кондратьев* Андрей, стрелец – 510, 520, 532, 545
- Константинополь* (Царьград), город – 376–378, 420, 496, 621
- Копервейн* (Кобервейн, Koberwein) Жозефина (Юзенька; 1825–1893), дочь гувернантки в семье Исленьевых – 407
- Корб фон Иоганн Георг* (1672–1741), дипломат, секретарь австрийского посольства в Москве – 442, 444, 445, 578
«Дневник путешествия в Московию» – 442, 444, 445, 578
- Королево* (Королевка), деревня Дешкинского у. – 648
- Кострома*, город – 484, 492, 523

- Костромской уезд* – 617, 652
- Котово*, село Каширского у. – 614
- Котошихин* Григорий Карпович (Кошихин; ок. 1630–1667), подьячий Посольского приказа, эмигрант, писатель – 438, 441
- «О России в царствование Алексея Михайловича» – 438, 441
- Кохен* Христофор, шведский резидент в Москве в 1685–1690 гг. – 515, 521
- Кочаки*, село в трех верстах от Ясной Поляны – 477, 589
- Кочаковская церковь* – см. церковь Николая Чудотворца, в с. Кочаки
- Кочубей* Виктор Павлович (1768–1834), князь, дипломат, государственный деятель – 685
- Кошелев* Александр Иванович (1806–1883), общественный деятель, публицист – 332
- Крапивенский уезд* – 133, 220, 323, 327, 337, 477, 589, 605, 617, 648, 677
- Крапивна*, город – 589, 639
- Красная горка* – см.: Фомино воскресенье
- Красное*, село Московского у. – 217, 471, 476, 585, 586
- Красное*, село Каширского у. – 647
- Красное крыльцо* Грановитой палаты в Московском Кремле – 200, 502, 517, 563
- Красносельские улицы*, в Москве – 586
- Красносельские переулки*, в Москве – 586
- Красносельский тупик*, в Москве – 586
- Красносельский дворец*, в с. Красном – 586
- Краснослободск*, город – 686, 687
- Краснослободский уезд* – 270
- «*Красный архив*», научно-исторический журнал (1922–1941) – 601, 603
- «*Красный Кабачок*», трактир на дороге из Петербурга в Петергоф – 242, 616
- Красный пруд*, в Москве – 217, 586
- Кременево*, пустошь в Гоголевом стане – 614
- Кремлевский дворец*, в Москве – 539, 563, 566
- Кремль*, в Москве – 140–142, 197, 281, 295, 297, 411–416, 473, 484, 487, 492, 501, 510, 511, 516, 517, 526, 527, 531, 544, 559, 562, 563, 567, 700
- Крестовоздвиженский женский монастырь*, в Белеве (Белевский женский монастырь) – 255, 257, 264, 628, 639, 641
- Крестовский* Всеволод Владимирович (1840–1895), писатель – 321, 330
- «Две силы» – 321
- «Кровавый пух. Хроника о новом смутном времени Государства Российского» – 321
- «Панургово стадо» – 321
- Крещение Господне* (Богоявление), христианский праздник (6 января ст. ст.) – 486, 584
- Кривой* Петрушка, стрелец – 528
- Кривцов* Михаил Фомич, стольник и полковник стрелецкого полка – 581
- Кропоткин* Михаил (?–1697), князь, комнатный стольник царя Иоанна V Алексеевича – 513, 537
- Крутчино*, село Усманской округи Тамбовской губ. – 675
- Крым* – 192, 200, 465, 503, 506, 508, 520, 560, 563, 579, 642
- Крымская война* (1853–1856), война между Россией и коали-

- цией Турции, Великобритании, Франции и Сардинии – 426, 428
- Крымский хан* – см. Селим I Герай
- Крымское ханство* – 506, 529, 579
- Кузина* Лия Николаевна, литературовед – 299
- Кузминская* (урожд. Берс) Татьяна Андреевна (1846–1925), сестра С.А. Толстой, мемуаристка – 290, 317–320, 326, 353–361, 365, 373, 396, 436, 437, 444, 601, 675, 679, 686, 689, 698
- «Мои воспоминания о графине Марии Николаевне Толстой» – 290, 353, 355–359
- «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» – 290, 318, 320, 353–358
- Кузминские* – 373, 398
- Кузминский* Александр Михайлович (1843–1917), сенатор, муж Т.А. Кузминской – 319, 373, 655, 662–666, 670
- Купер* (Cooper) Джеймс Фенимор (1789–1851), американский писатель – 9, 299, 301
- «Патфайндер» («The Pathfinder, or The inland sea»; «Потфейндер», «Следопыт, или На берегах Онтарио», «Открыватель следов, или Озеро-море») – 9, 299, 301
- Куракин* Борис Иванович (1676–1727), князь, государственный деятель, сподвижник Петра I – 290, 482, 512, 515, 521, 534, 539, 547
- «Гистория о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694» – 290, 482, 512, 515, 521, 534, 539, 547
- Куракин* Федор Федорович (?– после 1683), князь, боярин, дядька царя Федора Алексеевича – 488
- Курбатов* Алексей Александрович (1663–1721), архангельский вице-губернатор – 604
- Курнос* Петр, яснополянский крестьянин – 677
- Кутерьма*, река – 441
- Лабзина* (урожд. Яковлева) Анна Евдокимовна (1758–1828), мемуаристка – 651
- «Воспоминания» – 651
- Лавальер* (La Vallière) Луиза Франсуаза де (1644–1710), фаворитка Людовика XIV – 126, 402
- Лабрюйер* (La Bruyère) Жан де (1645–1696), французский писатель – 398
- Лавра* – см. Троице-Сергиева Лавра
- Лаврентьев* Дементий, стрелец – 541
- Лавров* Александр Сергеевич, историк – 290, 523, 534, 538
- «Регентство царевны Софьи Алексеевны» – 290, 523, 534, 538
- Ладогин* Яков, десятник стрелцкого полка – 510
- Лаишев* (Лаишево), город – 73, 78
- Лакруа* (Lacroix) Поль (1806–1884), французский историк и писатель – 420, 423
- «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, l'empereur de Russie 1864–1875» («История жизни и царствования российского императора Николая I») – 420, 423
- Лафатер* (Lavater) Иоганн Каспар (1741–1801), швейцарский писатель, богослов и поэт – 696
- «Физиогномические фрагменты для поощрения человеческих знаний и любви» – 696
- Лемке* Михаил Константинович (1872–1923), историк, журналист, публицист – 341
- «Политические процессы в России 1860-х гг.» – 341

- Леру* (Leroux) Пьер (1797–1871), французский философ и социалист-утопист – 340
- Лесков* Николай Семенович (1831–1895), писатель – 293, 321, 330, 331, 343
 «Зимний день (Пейзаж и жанр)» – 343
 «На ножах» – 321, 331
 «Некуда» – 293, 321, 330
 «Обойденные» – 321
 «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?” (Письмо к издателю “Северной пчелы”)» – 331
 «Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым» – 438
- Лефорт* Петр Петрович, русский посланник в Пруссии и Швеции, саксонский посланник в Петербурге – 438, 444
- Лефорт* (Lefort) Франц Яковлевич (1656–1699), военный деятель, адмирал, сподвижник Петра I – 190–192, 197, 205, 208, 292, 435, 438, 440, 441, 444, 449, 461, 463, 465, 468, 473, 539, 549, 551–553, 560, 569, 574, 577–579, 584, 587
- Лефортова дворец* (Лефортов дворец), на Яузе в Москве – 539, 579
- Лефортовский полк* – 552
- Лжедмитрий I* (наст. имя, предположительно, Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве Григорий; ?–1606), на русском престоле в 1605–1606 гг., самозванец – 167, 524, 525, 548
- Ливио*, петербургский банкир – 645
- Линдер* Исаак Максович (р. 1920), писатель, историк шахматной игры – 403
 «Лев Толстой и шахматы» – 403
- Лист* (Liszt) Франц фон (1851–1919), австрийский юрист – 403
- Литва* – 384
 «Литературное наследство» – 290, 330, 342, 349, 406, 407, 414, 418, 419, 445, 667
 «Литературный критик», журнал (1933–1940) – 430
- Лихачев* Алексей Тимофеевич (ок. 1635 – ок. 1729), окольный – 527, 567
- Лишуков* Иван, капитан стрелецкого Стремянного полка – 566
- Лобанов-Ростовский* Дмитрий Иванович (1758–1838), князь, генерал от инфантерии, член Государственного Совета, генерал-прокурор в Верховном уголовном суде по делу декабристов – 684
- Лобанов-Ростовский* Яков Иванович (1660–1732), князь, стольник, капитан Семеновского полка – 560
- Лобное место*, в Москве – 620
- Ловчиков* Богдан Матвеевич, дед царицы Марфы Матвеевны – 203, 571
- Ловчикова* Домна Богдановна, жена стольника М.В. Апраксина, мать царицы Марфы Матвеевны – 565, 568, 569
- Лозьер* Балтазар Емельянович де (?–1697), шаутбенахт, сподвижник Петра I – 576
- Ломброзо* (Lombroso) Чезаре (1835–1909), итальянский врач-психиатр и судебный медик – 403
- Ломунов* Константин Николаевич (1911–2005), литературовед – 317, 353
 «Драматургия Л.Н. Толстого» – 317, 353
- Лондон* – 346, 347, 413, 497, 612

- Лопухин* Иларион (Федор) Авраамович (?–1713), ближний боярин, отец царицы Евдокии Федоровны Лопухиной – 514
- Лопухин* Василий Авраамович (1646 или 1647–1698), боярин, дядя царицы Евдокии Федоровны Лопухиной – 572
- Лопухин* Петр Авраамович, Большой (?–1695?), боярин, глава Ямского приказа, дядя царицы Евдокии Федоровны Лопухиной – 524, 572
- Лопухин* Петр Васильевич (1753–1827), светлейший князь, министр юстиции, председатель Верховного уголовного суда по делу декабристов – 684
- Лопухин* Сергей Авраамович (? – не позднее 1711), боярин, воевода, дядя царицы Евдокии Федоровны Лопухиной – 572
- Лопухины* – 181, 204, 511, 547, 572, 573
- Лубянка*, улица в Москве – 510
- Лубянская площадь*, в Москве – 564
- Лука*, святой апостол и евангелист – 613, 640
- Лукин* Александр Денисович, генерал-поручик, прапрадед Толстого – 637, 641
- Лукина* Пелагея Ивановна, жена А.Д. Лукина – 637
- Лукьянович* Николай Андреевич (1806 – после 1855), действительный статский советник – 420, 423
«Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов» – 420, 423
- Лунин* Михаил Сергеевич (1787–1845), декабрист – 691, 692
- Лушев* Андрей Михайлович (1823–1904), художник, фотограф, издатель исторических портретов – 438
- Лыков двор*, в Московском Кремле – 510, 546
- Лыков* Михаил Иванович (1640–1701), князь, окольничий, боярин – 201, 470, 501, 564
- Льюис* (Льюс, Lewis) Джордж Генри (1817–1878), английский философ-позитивист, ученый и литературный критик – 23, 335
«Физиология обыденной жизни» – 335
- Людювик XIV* (Louis XIV, Лудювик; 1638–1715), король Франции (1643–1715) – 126, 238, 402, 611, 612
«Мемуары» («Mémoires de Louis XIV pour l’instruction du Dauphin») – 612
- Магницкий* Михаил Леонтьевич (1778–1855), государственный деятель, публицист – 690
- Мадейра*, остров – 342
- Мазарини* (Mazarini) Джулио (1602–1661), кардинал, политический деятель – 237, 610, 611
- Мазепа* Иван Степанович (1639?–1709), гетман Украины (1687–1708) – 169, 170, 508, 530, 531, 591
- Макарий* Желтоводский, Унженский (1349–1444), преподобный – 78, 348
- Макаров* Алексей Васильевич (1675?–1740), государственный деятель, личный секретарь (кабинет-секретарь) Петра I – 612
- Макаров* (Макарычев) Дмитрий Макарович (Макарыч; 1817–1884), яснополянский крестьянин – 323
- Макарыч* – см. Макаров (Макарычев) Д.М.

- Макиавелли* (Machiavelli) Никколо (1469–1527), итальянский писатель и дипломат – 346–347
«Государь» – 347
- Маковицкий* Душан Петрович (1866–1921), домашний врач и друг Толстого – 290, 364, 402, 404–405, 411, 694
«Яснополянские записки Д.П. Маковицкого» – 290, 364, 402, 404–405, 411, 694
- Маколей* (Macauley) Томас Бабингтон (1800–1859), историк, писатель, государственный деятель – 347
- Максимов* Сергей Васильевич (1831–1901), писатель, этнограф – 700
«Крылатые слова по толкованию С.В. Максимова» – 700
- Малая Никольская*, улица в Санкт-Петербурге – 616
- Малая Россия* – см. Украина
- Малицкий* Павел Иванович (1851–1919), историк, духовный писатель – 291, 605, 636, 639, 643
«Приходы и церкви Тульской епархии» – 291, 605, 636, 639, 643
- Малов* Александр Витальевич, историк – 290, 562
«Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг.» – 290, 562
- Малороссийский приказ*, в Москве – 483, 496, 506, 514
- Малороссия* – см. Украина
- Малый театр*, в Москве – 293, 317, 318
- Манифест 19 февраля 1861 г.*, об освобождении крестьян от крепостной зависимости – 15, 322–324, 333
- Маржерет* (Margeret) Жак (ок. 1550 или 1560 – после 1618), французский офицер, автор сочинения о России в Смутное время – 559, 586
«Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 г.» («Estat de l'Empire de Russie et de Grand Duché de Moscovie») – 559, 586
- Мария* (?–1337), преподобная, мать преподобного Сергия Радонежского – 266, 643, 654
- Мария Алексеевна* (Марья; 1660–1723), царица, дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 157–160, 494, 499, 500
- Мария* (Марья) Ивановна, жена управляющего Ясной Поляной в 1866 г. – 359–361
- Мария* (Марья) Ильинична Милославская (1625–1669), царица, первая жена царя Алексея Михайловича – 157–160, 447, 478, 480, 483–485, 490–495, 498, 499
- Мария* Феодоровна (Федоровна, урожд. София Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская; 1759–1828), российская императрица, жена Павла I – 700
- Марк*, святой апостол и евангелист – 640, 575
- Маркевич* Болеслав Михайлович (1822–1884), писатель – 321
«Марина из Алого Рога» – 321
- Мартьянов* Федор, стрелец Ефимьева стрелецкого полка – 544, 545
- Марфа Алексеевна* (в монашестве Маргарита; 1652–1707), царица, дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 157–160, 494, 499, 500
- Марфа Ивановна* – см. Романова К.И.

- Марфа* Матвеевна Апраксина (1664–1715), царица, вторая жена царя Феодора Алексеевича – 160, 181, 203, 204, 445, 455, 472, 483, 488, 501, 502, 507, 514, 515, 547, 565–569, 571
- Масленица* (Сырная неделя), последняя седмица перед Великим постом – 217, 585, 586
- Маслов* Анисим Семенович (?–1735), обер-секретарь Правительствующего Сената – 602
- Матвеев* Андрей Артамонович (1666–1728), граф, государственный деятель, мемуарист, сын А.С. Матвеева – 291, 433, 458, 459, 482, 485, 511, 520, 521, 526, 536, 541–543, 546, 556, 566 «Записки» – 291–292, 433, 458, 459, 482, 485, 511, 520, 521, 526, 536, 541–543, 546–547, 556–557
- Матвеев* Артамон Сергеевич (1625–1682), ближний боярин, глава Посольского приказа, глава Аптекарского приказа, воспитатель царицы Натальи Кирилловны – 157–160, 203, 290, 291, 478–480, 483–485, 487–491, 495, 496, 498–501, 506, 517, 523, 527, 565–567
- Матвеев* Сергей – см. Прохоров С.М.
- Матвеева* (урожд. Хомутова, по родословной легенде Гамильтон) Авдотья (Евдокия) Григорьевна (?–1672), боярыня, жена А.С. Матвеева, воспитательница царицы Натальи Кирилловны – 160, 499
- «*Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.*» – 291, 608, 609, 619
- Маторин*, подьячий – 576
- Матфей*, святой апостол и евангелист – 264, 575, 631, 632, 640, 653
- Матюхино*, деревня Каширского у. – 614
- Матюша*, камердинер Н.И. Толстого – 409, 410, 692
- Матюшкин* Михаил Афанасьевич (1676–1737), государственный и военный деятель, сподвижник Петра I, генерал-аншеф – 622
- Маудслей* – см. Модсли
- Махмуд* (Султан-Махмуд; ?–1748), хан Утемишский (Отемишский) – 622
- Медведев* Семен (Симеон) Агафонникович (в монашестве Сильвестр; 1641–1691), подьячий, духовный писатель, поэт, переводчик, ученик и последователь Симеона Полоцкого – 532
- Медведково* (Медведки), село Московского у. – 162, 163, 167, 169, 170, 181, 451, 453–455, 458, 471, 506, 521, 547
- Медико-хирургическая академия*, в Санкт-Петербурге – 326, 346
- Мезень*, город – 566
- Мельников* Федор Евфимьевич (1874–1960), старообрядец, духовный писатель – 414 «Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви» – 414
- Мельнов* Дмитрий, пятидесятник стрелецкого Стремянного полка – 510
- Менгден* (в замужестве Фредерикс) Ольга Владимировна (?–1921), дочь В.М. и Е.И. Менгден, близких знакомых семьи Толстых – 367, 396
- Менезиус* (Мензис, Менезий, Menzies) Павел Гаврилович (1637–1694), выходец из Шот-

- ландии, дипломат, генерал-майор, наставник Петра I – 487
- Меншиков* (Меньшиков) Александр Данилович (1673–1729), светлейший князь, генералиссимус, военный и государственный деятель, сподвижник Петра I – 183, 205, 213–217, 431, 444, 449, 464, 465, 475, 549, 569, 576, 585, 596, 597, 616
- Меньшой* Михаил Трофимович, яснополянский помещик – 222, 588, 590
- Меркурий* Гаврилович, протоиерей московского Благовещенского собора, духовник царей Иоанна V и Петра I в 1685–1692 гг. – 526
- Мертвый Донец*, река – 441
- Мечников* Илья Ильич (1845–1916), биолог – 402
- Мещерский* Владимир Петрович (1839–1914), князь, писатель, публицист, издатель журнала «Гражданин» – 373
- Микулино* (Никулино), село Московского у. – 532
- Миллер* Г.В., врач, инспектор Тульской врачебной управы – 134, 408
- Миллер* (Müller, Мюллер) Герхард Фридрих (1705–1783), российский историограф немецкого происхождения, академик Петербургской Академии наук – 491
- Милль* (Mill) Джон Стюарт (1806–1873), английский философ и экономист – 334
- Милославская* Мария Ильинична – см. Мария Ильинична Милославская
- Милославские* – 489, 500, 501, 506, 518, 538, 550
- Милославский* Александр Иванович, комнатный стольник царя Иоанна V Алексеевича – 517
- Милославский* Иван Михайлович (?–1685), боярин, государственный деятель – 500, 517, 527
- Милославский* Илья (Илия) Данилович (?–1668), боярин, отец царицы Марии Ильиничны – 483, 498, 502
- Министерство государственных имуществ* – 674, 695
- Миних* Бурхард Кристоф (1683–1767), граф, генерал-фельдмаршал – 262, 651
- Мирович* Василий Яковлевич (1740–1764), подпоручик Смоленского пехотного полка, организатор неудавшегося дворцового переворота в 1764 г. – 432
- Миры Ликийские*, город – 582
- Михаил* Всеволодович (Михаил Черниговский, 1179–1246), святой мученик, князь Черниговский и Киевский – 653
- Михаил* Феодорович (Федорович) (1596–1645), первый русский царь из династии Романовых (1613–1645) – 159, 167, 261, 478, 479, 482, 492, 493, 495, 496, 502, 518, 524, 525, 554, 555, 574, 639
- Михайлов*, город – 497
- Михайловский уезд* – 159, 498
- Мишин* Виктор Степанович (1901–1966), литературовед – 395
- Модзалевский* Борис Львович (1874–1928), литературовед, библиограф – 439, 644
- Модсли* (Maudsley; Маудслей) Генри (1835–1918), английский психиатр и философ – 403
- Можайск*, город – 532
- Можарова* Марина Анатольевна, литературовед – 296, 297

- Моисей*, ветхозаветный пророк – 516
- Мокшеев* Иван Перфильевич, стрелецкий полковник – 209
- Молдавия* – 291, 412
- Молешотт* (Moleschott) Якоб (1822–1893) немецкий философ, физиолог – 335
- Молозово*, село Суздальского у. – 615
- Молоствов* Николай Германович (1871–1910), журналист, критик, биограф Толстого – 333
- Молостова* Зинаида Модестовна – см. Тиле З.М.
- Монастырь св. Пантелеимона*, на Афоне в Греции – 405
- Монголы* – 579
- Монетный двор*, в Москве – 569
- Монс* (Mons) Анна (Анна Ивановна; 1672 или 1675–1714), фаворитка Петра I – 614
- Монс* (Mons) Вильям (Виллим Иванович; 1688–1724), камергер, брат Анны Монс – 242, 614
- Монталамбер* (Montalembert) Шарль де (1810–1870), граф, политический деятель – 347
- Монтеспан* (Montespan) Франсуаза Атенаис де (1641–1707), фаворитка Людовика XIV – 126, 402
- Морозов* Петр Васильевич, учитель яснополянской школы – 328
- Морозова* (урожд. Соковнина) Феодосья Прокофьевна (Прокопьевна, в иночестве Феодора, 1632–1675), верховая боярыня, сподвижница протопопа Аввакума – 445, 450
- Морткин* Григорий Федорович, князь, отец Т.Г. Горчаковой – 598, 638
- Морткин* Федор Иванович (Мортка), князь, родоначальник князей Морткиных – 642
- Морткина* Аксинья Гавриловна, княгиня, жена Г.Ф. Морткина, мать Т.Г. Горчаковой – 652
- Москва* – 53, 62, 63, 65, 71, 117, 125, 129, 140, 149, 161, 163, 166, 169–172, 174, 176, 179, 181, 183, 187, 189–192, 196, 198–206, 209, 217, 218, 226, 227, 242, 257, 258, 265, 279–281, 283, 285, 289, 292, 293, 306, 316, 317, 319, 320, 322, 325, 331–333, 365, 400, 402, 405, 412, 413, 415, 416, 421, 427, 437, 442, 445, 447, 448, 450, 453, 461–465, 468–473, 476, 482–484, 487, 488, 492, 496–501, 504–507, 511, 512, 516, 517, 522, 524–526, 528–530, 532, 536, 537, 538, 541, 545, 547, 548, 550, 552, 553, 554–557, 559, 560, 563–566, 569, 571, 572, 574, 577–580, 583, 586, 587, 591, 597, 601–604, 614, 608, 615, 617, 620, 626, 629, 637, 638, 643, 644, 648, 653, 664, 667, 674, 684, 688–690, 692, 693, 698, 699, 700
- Москва-река* – 144, 161, 187, 189, 191, 195, 197, 400, 486, 540, 551, 552, 559, 562, 588
- Московия* – 291, 441, 492, 559
- Московская вотчинная контора* – 619
- Московская губерния* – 226, 255–257, 265, 338, 477, 608, 698
- Московская губернская канцелярия* – 619
- Московская дворцовая контора* – 318
- «*Московские епархиальные ведомости*», газета (1869–1879); с 1880 г. – «*Московские церковные ведомости*» – 413
- Московский архив Министерства юстиции* – см. Архив Министерства юстиции
- Московский Главный архив* (в ведении Министерства иностранных дел) – 603

- Московский сенатский архив* – 603, 616, 627, 633, 652
- Московский уезд* – 242, 614, 615, 617, 619, 647, 652
- Московский университет* – 129, 140, 327, 335, 404, 405
- Московско-Курская железная дорога* – 220, 646
- Московское государство* – 493, 526, 557, 559, 576, 591, 607
- Мошков Петр Иванович, надворный интендант* – 602
- Музей-усадьба Л.Н. Толстого в с. Никольское-Вяземское* – 636
- Музей-усадьба Л.Н. Толстого в Ясной Поляне* – 291, 312, 349, 414, 423, 443, 472, 476, 636, 639
- Муравьев Никита Михайлович (1795–1843), декабрист* – 691, 699
- Муравьев Николай Николаевич (1768–1840), генерал-майор, писатель, общественный деятель* – 425
- Муравьева (урожд. графиня Чернышева) Александра Григорьевна (1800 или 1804–1832), жена Н.М. Муравьева, сестра З.Г. Чернышева* – 280, 699
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886), декабрист* – 691
- Муром, город* – 216, 532
- Муромцов Иван, пятисотный стрелцкого полка* – 541
- Мусина-Пушкина (урожд. Еропкина) Ирина Михайловна* – 495
- Мценск, город* – 226, 251, 255, 257, 259, 636, 639
- Мценский Духов монастырь – см. Свято-Духов монастырь, в Новосиле*
- Мценский уезд* – 242, 243, 248, 591, 598, 600, 615, 616
- Мясницкая, улица в Москве* – 201, 564
- Набоков Дмитрий Николаевич (1827–1904), сенатор, министр юстиции* – 603
- Нагорнов Николай Михайлович (1845–1896), помещик, муж племянницы Толстого В.В. Нагорновой* – 604
- Нагорнова (урожд. графиня Толстая) Варвара Валериановна (1850–1922), дочь В.П. и М.Н. Толстых* – 350, 351, 353, 354, 363
- Назарьев Валериан Никанорович (1829–1902), литератор, земский деятель* – 402
- «Жизнь и люди былого времени»* – 402
- Наполеон I (Napoléon I) Бонапарт (1769–1821), император Франции (1804–1815), полководец* – 238, 429, 444, 611, 613, 685
- «Воспоминания»* – 613
- Наполеон III (Napoléon III) Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), император Франции (1852–1870)* – 237, 239, 611
- Нарва, город* – 579, 584
- Нармацкий (Нормацкий) Андрей Иванович (?–после 1710), стрелецкий полковник* – 510, 534
- «Народная расправа», тайная революционная организация, созданная в 1869 г. С.Г. Нечаевым* – 322
- Нарышкин Афанасий Кириллович (1662–1682), комнатный стольник Петра I, брат царицы Натальи Кирилловны* – 185, 495, 500, 517, 549
- Нарышкин Василий Федорович (?–1702), боярин, сын Ф.П. Нарышкина, двоюродный брат царицы Натальи Кирилловны* – 501
- Нарышкин Иван Кириллович (1658–1682), боярин, брат цари-*

- цы Натальи Кирилловны – 185, 495, 500, 501, 517, 549
- Нарышкин Кирилл Алексеевич* (?–1723), военный и государственный деятель, сподвижник Петра I – 517
- Нарышкин Кирилл Полуэктович* (в монашестве Киприан; 1623–1691), боярин, отец царицы Натальи Кирилловны – 160, 485, 495–501, 517, 541, 547, 577
- Нарышкин Кондратий Фомич* (?–1710), боярин, воевода, двоюродный дядя царицы Натальи Кирилловны – 501
- Нарышкин Лев Кириллович* (1664–1705), боярин, глава Посольского приказа, брат царицы Натальи Кирилловны – 165, 177, 178, 182, 185, 458, 500, 508, 509, 515, 527, 541, 543, 544, 548, 553
- Нарышкин Мартемьян Кириллович* (1665–1697), брат царицы Натальи Кирилловны – 165, 500
- Нарышкин Петр Фомич*, стольник – 501
- Нарышкин Полуэкт* (Полуект, Полуехт) Иванович (?–1633), дед царицы Натальи Кирилловны, тарусский помещик – 496–497
- Нарышкин Федор Полуэктович* (?–1676), думный дворянин, воевода, дядя царицы Натальи Кирилловны – 499, 501
- Нарышкина* (урожд. Хомутова или Гамильтон) Авдотья Петровна, жена Ф.П. Нарышкина – 499, 501
- Нарышкина* (урожд. Леонтьева) Анна Леонтьевна (?–1706?), боярыня, мать царицы Натальи Кирилловны – 444, 497
- Нарышкина* Наталья Кирилловна – см. Наталья Кирилловна Нарышкина
- Нарышкины* – 160, 163, 167, 175, 181, 456, 489, 496, 498–501, 508, 509, 511, 515, 517, 526, 531, 535, 538, 540, 547, 548
- Наталья Алексеевна* (1673–1716), царевна, дочь царя Алексея Михайловича от брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной, сестра Петра I – 157, 184, 485 500, 511, 549
- Наталья Кирилловна Нарышкина* (1651–1694), царица, вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра I – 157–160, 165, 166, 174, 175, 182–186, 204, 447, 448, 478–480, 484–486, 488, 489, 490, 495–501, 509–511, 515, 517–520, 536, 538–544, 547, 549
- «Наше время», газета (1861–1863) – 346
- Неверовский Александр Андреевич* (1818–1864), генерал-лейтенант – 428–429
- Невилль* (de la Neuville) Фуа де ла, французский дипломат, посетивший Россию в 1689 г., автор мемуаров «Записки о Московии» – 530, 534
- Невский проспект*, в Санкт-Петербурге – 642, 673
- Неглинная*, улица в Москве – 564
- Нежин*, город – 501
- Немецкая слобода*, в Москве – 539, 586
- Немцы* (германский народ) – 166, 174, 175, 184, 185, 189, 190, 198, 199, 200, 209–211
- Некрасов Николай Алексеевич* (1821–1877/1878) – 332
- Неплюев Иван Иванович* (1693–1773), адмирал, дипломат, мемуарист – 439
- «Записки» – 439

- Неплюев* Леонтий Романович, боярин, воевода – 167, 509, 521, 523, 524, 531, 536, 547
- Неплюев* Петр Давыдович, стольник, воевода – 524, 547
- Непра* – см. Днепр
- Нерчинск*, город – 579
- Нерчинский договор* между Россией и Китаем о границах и условиях торговли (1689) – 518, 579
- Неручь* (Неручи), деревня Мценского у. – 255, 265, 639
- Нестеров* Алексей Яковлевич (?–1724), обер-фискал – 242, 243, 246, 446, 448, 597, 599, 600, 602–604, 616, 617, 619, 622
- Нестеров* Николай Алексеевич (?–1722), сын А.Я. Нестерова – 602
- Нестеров* Стефан Афанасьевич, судебный деятель – 603
- Нестерова* (урожд. Былинская) Параскева Яковлевна, царская кормилица, жена С.А. Нестерова – 603
- Нестерова* Стефанида, жена А.Я. Нестерова – 602
- Нестеровы* – 602, 603
- Нечаев* Иван Константинович, стольник, стрелецкий полковник – 512, 531, 534
- Нечесово*, сельцо Ярославского у. – 647
- Нёвшатель*, город – 667
- Нижегородская* (Макарьевская) ярмарка – 78, 348
- Никандр* (в миру Николай Иванович Покровский; 1816–1893), архиепископ Тульский и Белевский – 589
- Никита* Васильевич, протопоп московского Благовещенского собора, духовник царей Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича – 567
- Никита Пустосвят* (наст. имя и фамилия Никита Константинович Добрынин; ?–1682) суздальский священник, противник церковной реформы патриарха Никона – 413, 450
- Никифорова* Татьяна Георгиевна, главный хранитель фонда рукописей Л.Н. Толстого Государственного музея Л.Н. Толстого – 296
- Николаев* П.С. – 426, 427
«Воспоминания о князе А.И. Барятинском» – 426, 427
- Николай I* Павлович (1796–1855), император (1825–1855) – 281, 420–423, 445, 664, 673, 674, 699, 700
- Николай Чудотворец* (Николай Угодник; ок. 270 – ок. 345), святитель, архиепископ Мирликийский – 208, 253, 474, 582, 635, 640, 644, 654
- Николев* Иннокентий Николаевич (1829–1888), начальник отдела Московского архива Министерства юстиции – 446, 478, 598, 600–604, 614–618, 626, 628, 633, 636–638, 648, 652, 653
- Николин день*, день памяти святителя Николая (9 мая ст. ст.) – 208, 474, 582
- Николо-Брадинское* – см. Никольское-Вяземское
- Никольская*, улица в Москве – 564
- Никольские ворота*, в Москве – 564
- Никольский монастырь* – см. Свято-Никольский монастырь, в Венеце
- Никольский уезд* – 115
- Никольское-Вяземское* (Брадинское, Николо-Брадинское, Вяземское), село Чернского у. – 223, 232, 241, 255, 256, 258, 259, 263, 265, 266, 323, 593–596, 598,

- 600, 623, 624, 630, 632, 635, 636, 642, 643, 646, 652, 668
- Никон* (в миру Никита Минов; 1605–1681), патриарх Московский и всея Руси (1652–1666) – 413, 416, 487
- Никонов Евтихий* (Евтюшка) – 447
- Ништадт*, город – 622
- Ништадтский мир* (1721), мирный договор между Россией и Швецией, завершивший Северную войну – 597, 622
- Новгород Великий*, город – 381, 444, 484, 486, 570, 692
- Новгородская губерния* – 338
- Новиков Николай Иванович* (1744–1818), журналист, книгоиздатель, общественный деятель – 290, 438, 442, 483, 543
- Новодевичий монастырь*, в Москве – 509, 512, 516, 525, 542, 544, 573
- Новопавловск*, город – см. Павловск
- Новороссийск*, город – 685
- Новосиль*, город – 652
- Новосильский уезд* – 242, 615, 620
- Новочеркасск*, город – 440
- «*Новый мир*», журнал (издается с 1925 г.) – 429, 430
- Ной*, ветхозаветный патриарх – 613
- Нотебург* – см. Шлиссельбург
- Обер-Шальме*, владелица модного магазина в Москве – 283, 700
- Оболенская* (урожд. графиня Толстая) Елизавета Валериановна (1852–1935), княгиня, дочь М.Н. Толстой – 353–355, 357
- «*Моя мать и Лев Николаевич*» – 355, 357
- Оболенская* (урожд. графиня Толстая) Мария Львовна (1871–1906), княгиня, дочь Толстого – 365, 395
- Оболенская* Степанида Матвеевна – см. Апраксина С.М.
- Оболенский* Дмитрий Александрович (1822–1881), князь, статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор – 625
- Оболенский* Юрий Александрович (Юша; 1825–1890), князь, председатель Московской казенной палаты – 319
- Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым* (Литературный фонд) – 295, 655, 659, 666
- Общество любителей российской словесности*, литературно-научное общество при Московском университете (1811–1930) – 416
- Овидий* Публий Назон (43 г. до н.э. – ок. 18 г. н.э.), древнеримский поэт – 460
- «*Метаморфозы*» – 460
- Огарев* Николай Платонович (1813–1877), поэт, публицист – 339, 341, 342, 413
- Огибалов* (Агибалов) Семен Трофимович, стольник, стрелецкий полковник – 544
- «*Огонек*», журнал (издается с 1923 г.) – 430
- Одесса*, город – 685
- «*Одиссея*» – см. Гомер
- Одоевский* Александр Иванович (1802–1839), князь, поэт, декабрист – 679
- Одоевский* Владимир Федорович (1803–1869), князь, писатель – 413
- «*Русские ночи*» – 413
- Одоевский* Никита Иванович (?–1689), князь, ближний боярин, воевода, дипломат – 527
- Одоевский* Яков Никитич, (?–1697), князь, боярин, воевода,

- дипломат, сын Н.И. Одоевского – 527
- Одоевский уезд* – 605
- Озеров Иван Григорьевич*, стрелецкий полковник – 209
- «*Октябрь*», журнал (издается с 1924 г.) – 355, 357, 694
- Олеарий* (Олеариус, Olearius) Адам (1599–1671), дипломат, философ, географ, историк, писатель – 438, 441, 444, 445
- «*Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное А. Олеарием*» – 438, 441, 444, 445
- Олонецкая верфь* — 589
- Олонецкая губерния* – 222
- «*Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода*» – 602
- «*Описание рукописей художественных произведений Л.Н. Толстого*» – 290, 301, 302, 304–308, 311, 312, 314, 316, 318, 325, 328–330, 350, 351, 353, 363, 366, 370, 390, 395, 397, 400, 418–420, 431–433, 435, 440, 445, 451, 452, 454–456, 461, 462, 471, 473, 477, 591–597, 623, 624, 630, 631, 655, 658–660, 662, 663, 666–668, 670, 671, 673, 675–677, 679–688, 690, 691
- Оптина пустынь* (Оптин монастырь), Свято-Введенский мужской монастырь близ Козельска в Калужской губ. – 263, 652
- Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич* (в монашестве Антоний; ок. 1605–1680), боярин, дипломат, глава Посольского приказа – 506
- Орел*, город – 699
- Оренбург*, город – 421, 690
- Оренбургская губерния* – 675
- Оренбургский край* – 421, 674
- Орлов Алексей Алексеевич* (1833–1903), заместитель управляющего Московским архивом Министерства юстиции – 601
- Орловская губерния* – 575, 605, 635, 636, 676, 680, 699
- Орловский уезд* – 647
- Оружейный двор*, в Московском Кремле – 569
- Осинов*, слуга царевны Софьи Алексеевны – 510
- Остен-Сакен* (урожд. графиня Толстая) Александра Ильинична (1795 или 1797–1841), тетка Л.Н. Толстого, опекунша малолетних Толстых (1838–1841) – 134, 135, 137, 138, 407–409
- Остров Святой Елены* – 613
- Островский Александр Николаевич* (1823–1886), драматург – 293–294, 328, 332, 333
- «*Доходное место*» – 328
- Острогжск*, город – 620
- «*Отечественные записки*», журнал (1839–1884) – 320, 321
- Оуэн* (Owen) Роберт (1771–1858), английский теоретик социализма; промышленник – 339
- «*Отче наш*», молитва – 153, 225, 274
- Павел I Петрович* (1754–1801), император (1796–1801) – 612, 629, 634, 644, 649
- Павел Прусский* (в миру Петр Иванович Леднев; 1821–1895), настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве, миссионер, писатель – 414
- Павленко Николай Иванович*, историк – 291

- Павлов-Сильванский* Николай Павлович (1869–1908), историк – 607, 617
«Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты» – 607, 617
- Павлова* Ирина Борисовна, литературовед – 297
- Павловск* (Новопавловск), город в Воронежской губ. – 569
- Павловская крепость*, на Азовском море – 569
- Панаев* Иван Иванович (1812–1862), писатель, критик – 329
- Панаева* Авдотья (Евдокия) Яковлевна (урожд. Григорьева, во втором браке Головачева; псевд. Н. Станицкий; 1820–1893), писательница – 342
«Воспоминания» – 342
- Панкратьев* Иван Данилович, купец, солепромышленник – 547
- Паново*, имение В.И. Юшкова под Казанью – 300
- Париж* – 347, 426, 439, 610, 612, 613
- Парижский университет* (Сорбонна) – 513
- Парфений* (в миру Агеев (Аггеев) Петр; 1806–1878), иеромонах, духовный писатель – 291, 412, 416, 417
«Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святой горы Афонской инока Парфения» – 291, 412, 416, 417
- Паскаль* (Pascal) Блез (1623–1662), французский математик, философ – 398
- Пасха*, праздник Светлого Христова Воскресения – 219, 301, 412, 415, 482, 483, 504, 575, 588, 654, 682, 678, 686, 690, 695
- Пафнутий* (в миру Потап Максимович Шикин; 1815–1890), старообрядческий епископ – 413
- Пафнутий* (в миру Поликарп Петрович Овчинников; 1827–1907), старообрядческий епископ, церковный писатель – 413, 414
«Записки по народным беседам иеромонаха Пафнутия» – 414
- Пашутино*, деревня Чернского у. – 230, 267, 632, 646
- Пашутинская слобода*, в Черском у. – 259, 646
- Пекарский* Петр Петрович (1827 или 1828–1872), историк литературы, библиограф – 437, 444, 485
«Список девиц, из которых в 1670 и 1671 годах выбирал себе супругу царь Алексей Михайлович» – 485
- Пелкина* (Пялькане), река – 570
- Пенза*, город – 202, 281, 565, 664
- Пензенская губерния* – 270
- Первый Азовский поход* русской армии против турецкой крепости Азов в 1695 г. – 204, 472–473, 540, 571–574, 578, 582–584
- Первый Крымский поход* русской армии против Крымского ханства в 1687 г. – 459, 506, 507, 518–520, 523, 524, 528, 529, 538, 539, 560, 563, 579, 582
- Первый Спас* – см. Спас
- Первый Спасский переулоч*, в Москве – 699
- Перекоп*, крепость в Крымском ханстве – 459, 508, 524, 537
- Переславль-Залесский*, город – 465, 648
- Переславль-Залесский уезд* – 617, 648

- Переяславское озеро* – см. Плещеево озеро
- Пермская губерния* – 222
- Перовская* (урожд. княжна Горчакова) Екатерина Васильевна (?–1833), дочь В.Н. Горчакова, в первом браке за Д.П. Уваровым, во втором – за Л.А. Перовским – 625, 627, 639, 695
- Перовский* Алексей Алексеевич (псевд. А. Погорельский; 1787–1836), писатель – 407, 408
«Монастырка» – 408
- Перовский* Василий Алексеевич (1794 или 1795–1857), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии – 421–423, 428, 674
- Перовский* Лев Алексеевич (1792–1856), граф, генерал от инфантерии; министр внутренних дел – 422, 695
- Перро* (Perrot) Максимилиан, швейцарский педагог – 667
- Персидский поход* русской армии во время русско-персидской войны 1722–1723 гг. – 598–599, 612, 618, 621
- Персия* – 246, 441, 496, 599, 622
- Перфильева* (урожд. графиня Толстая) Прасковья Федоровна (1831–1887), троюродная сестра Толстого, дочь Ф.И. Толстого («Американца») – 691
- Перхурово*, пустошь в Гоголевом стане – 614
- Пестель* Павел Иванович (1793–1826), декабрист – 685, 690
- Петербург* – см. Санкт-Петербург
«Петербургские ведомости» – см. «Санкт-Петербургские ведомости»
- Петербургский университет* – см. Санкт-Петербургский университет
- «Петр в Париже» – см. «Петр Великий в Париже»
- «Петр Великий в Париже», книга М.П. Полуденского – 439
- Петр I* Алексеевич Великий (Петр Алексеев; 1672–1725), царь (с 1682 г.), первый российский император (с 1721 г.); сын царя Алексея Михайловича от брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной – 157, 158–160, 162–168, 171, 173–175, 178, 181, 182–185, 187–191, 199, 200, 204–208, 211–218, 220, 226, 232, 238, 241, 249, 253, 254, 261, 289–290, 292, 294, 296, 297, 371, 429–451, 453–464, 467, 470–482, 485, 487–491, 494–496, 499–502, 504, 505, 507–523, 525–557, 559, 561, 563, 568–580, 582, 584–589, 591, 595–597, 599, 603–607, 612–618, 620–622, 624, 642, 647, 649, 650, 654, 695
- Петр III* Федорович (Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский; 1728–1762), российский император (1761–1762) – 265, 612, 654
- Петров день* – день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня ст. ст.) – 166, 521
- Петров* Обросим (Абросим; ?–1689), пристав стрелецкого Ефимьева полка – 170, 179, 180, 456, 458, 510–512, 520, 536, 540–542, 544–546
- Петров* Петр Николаевич (1827–1891), историк, писатель, генеалог – 437, 570, 626, 627
«История родов русского дворянства» – 570
- Петров пост*, православный пост в память святых первоверховных апостолов Петра и Павла (с понедельника после Троицкой седмицы до 28 июня ст. ст.) – 580, 641

- Петровская площадь* – см. Сенатская площадь
- Петруша* – камердинер Н.И. Толстого – 138, 409, 410, 692
- Печорский край* – 488
- Пецурова Анна Ивановна* – см. Горчакова А.И.
- Писарев Дмитрий Иванович* (1840–1868), критик, публицист – 291, 320, 321, 335, 342, 344, 346–349 «Базаров» – 348
«Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» – 347
«Мотивы русской драмы» – 335
«Наши усыпители» – 346
«Новый тип» – 342
(Предисловие к книге Т.-Г. Гексли «Уроки элементарной физиологии») – 335
«Процесс жизни. “Физиологические письма” Карла Фохта» – 348–349
«Роман кисейной девушки» – 344
«Стоячая вода» – 347
- Пирогово*, имение Толстых в Тульской губ. – 323
- Пирогово*, деревня Дешкинское у. – 648
- Писемский Алексей Феофилактович* (1821–1881), писатель – 293, 321, 328, 330, 334, 347
«Взбаламученное море» – 293, 321, 330
«Тысяча душ» – 328, 334
«Письма и бумаги императора Петра Великого» – 512
- Плавск*, город – 613
- Плевна* (Плевен), город – 420
- Плейер Оттон-Антон*, дипломат, автор донесения «О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году» – 438
- Плещеев Алексей Николаевич* (1825–1893), поэт – 344
- Плещеев Федор Федорович* (?–1701), спальник Петра I – 510
- Плещеево (Переяславское) озеро* – 540, 549
- Погодин Михаил Петрович* (1800–1875), историк, писатель, публицист, издатель – 332, 415
- Погорельский Антоний* – см. Перовский А.А.
- Поздеев Сергей Васильевич*, надворный советник, владелец Ясной Поляны в 1670–1673 гг. – 590
- Покров Пресвятой Богородицы* (1 октября ст. ст.), православный праздник, установленный в память о спасении Константинополя от сарацинов в середине X в. – 189, 191, 195, 556
- Покровская Ирина Александровна*, литературовед – 691
- Покровские ворота*, в Москве – 573
- Покровский Хотьков монастырь* – 258, 266, 281, 642, 648
- Покровское-Рубцово*, село Московского у. – 217, 586, 587, 648
- Покровское-Стрешнево* (Покровское-Подъялки), село Московского у. – 476, 587
- Полевой Николай Алексеевич* (1796–1846), писатель – 497
«Обозрение русской истории до Единодержавия Петра Велико-го» – 497
- Поливанов Митрофан Андреевич* (1842–1913), товарищ по корпусу А.А. Берса и друг детства С.А. Толстой – 354, 357
- Полнер Тихон Иванович* (1864–1935), журналист, историк, издатель, публицист, мемуарист – 430

- «Роман Л.Н.Толстого из времен Петра» – 430
- Половцов* Александр Александрович (1832–1909), государственный деятель, сенатор, председатель Русского исторического общества – 337
- «Русский биографический словарь», изданный Русским историческим обществом под наблюдением А.А. Половцова – 337
- Полтава*, город – 325, 571, 584, 591, 612
- Полтавская битва*, генеральное сражение Северной войны (1700–1721), состоявшееся 27 июня ст. ст. 1709 г. – 571, 572, 584, 591
- Польское восстание* (1863–1864) – 330
- Польша* – 330, 506, 515, 518, 525, 527, 529, 532, 553, 649
- Поляки* – 330, 529, 548, 553
- Поляновский мир*, мирный договор между Россией и Польшей, подписан в 1634 г. в с. Семлево на р. Поляновке, между Вязьмой и Дорогубужем – 525
- «*Полярная звезда*», альманах А.И. Герцена и Н.П. Огарева – 43, 339
- Поместный приказ*, в Москве – 606, 619
- Помпеи*, город в Древнем Риме – 111, 373
- Помяловский* Николай Герасимович (1835–1863), писатель – 337, 343–346
- «Мещанское счастье» – 345
- «Молотов» – 345
- «О методах преподавания» – 337
- «Очерки бурсы» – 345
- Попов* Василий Степанович (1745–1822), председатель департамента гражданских и духовных дел Государственного совета – 685
- Попов* Нил Александрович (1833–1891/1892), историк, управляющий Московским архивом Министерства юстиции – 444
- Попов* Павел Сергеевич (1892–1964), литературовед, историк – 419–422, 424, 430–433, 435–437, 440, 441, 445, 448, 449, 451, 599, 628, 635
- «Толстой в работе над романом времен Петра» – 430–431
- Попцов* Савва Федорович (? – 1724), ярославский провинциал-фискал – 616
- Посольский приказ*, в Москве – 169, 487, 496, 506, 514, 517, 528, 537, 543, 548, 549
- «*Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу*» – 291, 486, 487, 491
- Посошков* Иван Тихонович (1652–1726), изобретатель, экономист-теоретик, писатель, общественный деятель – 217, 218, 294, 437, 464, 465, 471, 472, 476, 587
- «Книга о скудости и богатстве» – 294, 437, 476, 587
- Посошков* Роман Тихонович, брат И.Т. Посошкова – 217, 218, 294, 471, 472, 476, 586, 587
- Поссельт* (Posselt) Мориц Федорович (1805–1875), историк, педагог, библиотекарь Императорской публичной библиотеки, переводчик – 292, 435, 438, 440, 441, 444, 461, 551–553, 560
- «*Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit*» – 292, 435, 438, 440, 441, 444, 461, 551–553, 560
- Потемкин* Григорий Александрович (1739–1791), светлейший

- князь Таврический, государственный и военный деятель, дипломат – 237, 611, 629
- Потешный дворец*, в Московском Кремле – 501
- Похвальное*, село Орловского у. – 647
- Правительствующий Сенат* – 271, 272, 279, 280, 337, 522, 602, 603, 608, 625, 626, 658, 695
- Прага*, город – 155
- Прасковья* Феодоровна (Прасковья Федоровна) Салтыкова (1664–1723), царица, жена царя Иоанна V Алексеевича – 515, 650
- Прасковья Исаевна* (Исавна), экономка в доме Толстых – 138, 410
- Преображенский полк* – 208, 209, 258, 264, 540, 552–555, 560, 561, 581–584, 604, 644, 653
- Преображенский приказ* – 242, 446, 448, 478, 542, 573, 603, 604, 618
- Преображенское*, село Московского у. – 182, 191, 192, 195, 200, 217, 503, 508–511, 514, 528, 536, 538, 539, 542, 544, 555, 556, 560, 563, 564, 574, 583, 586, 644
- «*Принципиум*» («Principium»), галерея Азовского флота – 575, 582
- Пресбург*, потешная крепость близ с. Преображенского Московского у. – 539
- Пресня*, район в Москве – 560, 564
- Прозоровский* Петр Иванович (1644–1720), князь, боярин, дядька-воспитатель царевича Иоанна (Ивана) V Алексеевича, глава Приказа Большой казны и Большого прихода – 168, 445, 512, 526, 553, 577
- Прокопчук* Юрий Владимирович, литературовед – 297
- Прохоров* (Матвеев) Сергей Матвеевич, дьяк, посол в Константинополе и Персии, отец А.С. Матвеева – 496
- Прощеное воскресенье*, последнее воскресенье перед Великим постом – 333, 588
- Пруссия* – 611, 645
- Псалтирь* (Псалтырь), одна из библейских книг Ветхого Завета – 164, 169, 269, 514, 655, 676
- Псков*, город – 568, 570
- Пузин* Николай Павлович (1911–2008), научный сотрудник музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», исследователь жизни и творчества Толстого – 291, 636, 638, 639, 644, 653
- «*Портреты предков Толстого* (из истории экспонатов дома-музея Л.Н. Толстого)» – 291, 636, 638, 639, 644, 653
- Пунические войны* между Римской республикой и Карфагеном за господство в Западном Средиземноморье в III–II вв. до н.э. – 126, 403
- Пустозерск*, город – 160, 488, 514, 524, 537
- «*Путешествие по России англичанина*» – см. «An account of Russia, as it was in the year 1710»
- Пушкарский приказ*, в Москве – 505, 506, 514, 523, 561, 582
- Пушкин* Александр Сергеевич (1799–1837) – 357, 368, 444, 543, 644, 685
- «*Гости съезжались на дачу...*» – 444
- «*История Петра*» – 543
- «*Капитанская дочка*» – 644
- «*Признание*» – 357
- Пушкин* Матвей Степанович (ок. 1630–1706?), боярин, воевода – 547, 561

- Пыпин Александр Николаевич* (1833–1904), историк литературы – 338, 340, 343, 344
«Масонство в России. XVIII – первая четверть XIX в.» – 338
- Раевские*, род – 497
- Разин Иван Тимофеевич*, брат С.Т. Разина – 619
- Разин Степан Тимофеевич* (ок. 1630–1671), донской казак, предводитель крестьянского восстания 1670–1671 гг. – 248, 599, 619, 620, 647
- Разрядный приказ* (Разряд), в Москве – 188, 502, 528, 537, 556, 557, 563
- Разумовский Алексей Кириллович* (1748–1822), российский государственный деятель; в 1810–1816 гг. министр народного просвещения – 424
- Ракчеев* – см. Аракчеев А.А.
- «*Рассвет*», журнал (1859–1862) – 347
- Рассказов Александр Андреевич* (1832–1902), актер Малого театра – 318
- Ратманов Андреян (Адриан) Григорьевич* (?–1724), дьяк Поместного приказа – 603
- Рачинский Сергей Александрович* (1836–1902), ученый, педагог, профессор Московского университета – 327, 334, 335, 344, 677, 678, 690
- Рашель (Rachel) Элиза* (1821–1858), французская актриса – 362
- Ревель* (Таллин), город – 644, 645
- Резанов (Рязанов) Семен*, стрелецкий полковник – 510, 545, 546
- Рейн*, река – 390
- Рейтарский приказ*, в Москве – 506, 514, 523, 582
- Реншильд Карл Густав* (1651–1722), граф, шведский генерал-фельдмаршал – 584
- Репнин Аникита Иванович* (1668–1726), князь, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I – 503, 578, 647
- Репнин Иван Борисович* (?–1697), князь, ближний боярин, воевода, глава Сибирского приказа – 205–206, 578
- Репнины*, князя – 261, 647
- Рёссель Федор Иванович* (?–1845), губернатор Толстого – 137, 138, 406, 408, 409
- Рига*, город – 519
- Рим* – 403
- Римский-Корсаков Николай Андреевич* (1844–1908), композитор, дирижер – 370
- Ришельё (Richelieu) Арман Жан дю Плесси* (1585–1642), французский государственный деятель, кардинал – 610
- Родионовский институт* благородных девиц в Казани – 300
- Рождественский пост*, сорокадневный пост перед праздником Рождества Христова (с 15 ноября – до 24 декабря ст. ст.) – 580
- Рождество Богородицы*, празднуется 8 сентября (ст. ст.) – 172, 535, 541, 640
- Рождество Иоанна Предтечи*, празднуется 24 июня (ст. ст.) – 640
- Рождество Николая Чудотворца*, празднуется 29 июля (ст. ст.) – 640
- Рождество Христово* (Рожество), празднуется 25 декабря (ст. ст.) – 106, 107, 296, 297, 362–366, 580, 584, 586, 640

- Розанова* Сусанна Абрамовна (1915–2002), литературовед – 291, 434, 435
- Розен* Андрей Евгеньевич (1799–1884), декабрист – 699
«Записки декабриста» – 699
«Розыскные дела о Федоре Ша-
кловитом и его сообщниках» –
291, 508–513, 515, 519, 522–524,
526–528, 531, 532, 534–537, 541,
544–547
- Романов* Егор, стрелец, пятидесят-
ник Жукова полка – 541
- Романов* Никита Иванович (?–
1654), боярин, двоюродный
брат царя Михаила Федорови-
ча – 540
- Романов* Федор Никитич – см. Фи-
ларет
- Романова* (урожд. Шестова, в мо-
нашестве Марфа; ?–1631) Ксе-
ния Ивановна, мать царя Ми-
хаила Федоровича – 492
- Романова* Наталья Ивановна, ли-
тературовед – 297
- Романовы*, царская династия
(1613–1917) – 290, 477–479,
482, 492
- Ромодановский* Григорий Григо-
рьевич (?–1682), князь, боярин,
воевода, командующий русским
войском во время Чигиринских
походов (1677–1678) – 517, 557
- Ромодановский* Федор Юрьевич
(ок. 1640–1717), князь, государ-
ственный деятель, сподвижник
Петра I – 177, 178, 187, 189–192,
200, 204, 444, 445, 461, 462, 542,
551–556, 560, 561, 563, 564, 569,
573, 582
- Российская империя* – см. Россия
- Россия* (Русь, Русская земля, Рус-
ское государство, Российская
империя) – 20, 64, 131, 146,
149, 222, 280, 289, 291, 292, 295,
320–323, 326, 327, 334–338,
340–342, 343, 347, 349, 357, 372,
376, 380, 387, 403–405, 412, 413,
415, 419–421, 426, 428, 432, 433,
437–439, 441–443, 450, 451, 453,
459, 461, 473, 475, 476, 479, 481,
488, 490, 493, 496, 497, 502–504,
506, 508, 515, 525, 529, 534, 550,
554, 559, 561–563, 565, 566, 568,
570, 571, 574, 577–579, 580, 584,
586, 589, 595, 606, 608, 611, 612,
615, 617–622, 640–642, 644, 646,
649, 654, 665, 666, 669, 675, 699
- Ростов Великий*, город – 204, 383,
532
- Ростопчин* (Растопчин) Федор Ва-
сильевич (1763–1826), граф, мо-
сковский генерал-губернатор –
634
- Ртищев* Федор Михайлович
(1626–1673), государственный
деятель, дипломат, основатель
Андреевского монастыря – 588
- Ртищева* Прасковья Михайлов-
на – см. Толстая П.М.
- Румянцев* Николай Петрович
(1754–1826), граф, государ-
ственный деятель, дипломат –
685
- Румянцева* (урожд. Матвеева) Ма-
рия Андреевна (1698–1788),
дочь графа А.А. Матвеева,
внучка А.С. Матвеева, статс-
дама при императрице Елизаве-
те Петровне – 485
- Рунич* Дмитрий Павлович (1778–
1860), член Главного правления
училищ, попечитель Санкт-
Петербургского учебного окру-
га – 634, 644
- Русанов* Гавриил Андреевич
(1845–1907), юрист, друг Тол-
стого – 450, 694
- Русская земля* – см. Россия
- «*Русская мысль*», журнал (1880–
1918) – 343

- «Русская старина»*, журнал (1870–1918) – 398, 438, 604, 627, 634, 635, 644, 649
- Русские* – 174, 175, 199, 226, 593
- «Русский архив»*, журнал (1863–1917) – 421, 601, 634, 699
- «Русский биографический словарь»* – см. Половцов А.А.
- «Русский вестник»*, журнал (в 1856–1887 гг. под ред. М.Н. Каткова) – 291, 320–322, 342, 348
- «Русский костюм. 1850–1870»* – 347
- Русский народ* – см. Русские
- «Русским матерям»*, сборник – 405, 406
- Русское государство* – см. Россия
- Русское историческое общество* (1866–1917) – 602
- «Русское обозрение»*, журнал (1890–1898) – 634
- «Русское слово»*, журнал (1859–1866) – 335, 342, 344, 349, 409
- Русско-турецкая война* (1686–1700) – 539, 571, 622
- Русско-турецкая война* (1710–1713) – 622
- Русско-турецкая война* (1828–1829) – 420, 421, 425, 445, 673
- Русско-турецкая война* (1877–1878) – 420, 673
- Руссо* (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский писатель и философ – 670
- Русь* – см. Россия
- «Русь»*, газета (1880–1886) – 328
- Рыбников Павел Николаевич* (1831–1885), этнограф, собиратель народного творчества, переводчик – 291, 346, 368, 369, 373–382, 384, 385, 388, 389
- «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым»* – 291, 368, 369, 373–382, 384, 385, 388, 389
- Рылеев Кондратий Федорович* (1795–1826), поэт, декабрист – 690
- Рюрик* (?–879), родоначальник княжеской династии Рюриковичей – 650
- Рязск*, город – 500, 650
- Рязанская губерния* – 498, 699
- Рязанский уезд* – 617
- Рязань*, город – 591
- Савватий Соловецкий* (?–1435), преподобный – 103, 362
- Саводник Владимир Федорович* (1874–1940), литературовед – 298, 299, 313, 317, 353, 363, 366, 390, 393, 400, 404
- Садовая-Самотечная* (Самотечная-Садовая), улица в Москве – 669
- Садовая-Спаская* (Садово-Спаская), улица в Москве – 564
- Саксония* – 449
- Салтыков Александр Николаевич* (1775–1837), князь, товарищ министра иностранных дел, тайный советник – 691
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович* (наст. фамилия Салтыков; псевд. Н. Щедрин; 1826–1889), писатель – 342, 344, 348
- «Наша общественная жизнь»* – 348
- Самара*, город – 648, 674, 677, 684
- Самарин Иван Васильевич* (1817–1885), артист Московского драматического театра – 318
- Самарская губерния* – 693
- Самойлович Григорий Иванович* (?–1687), черниговский полковник, сын гетмана И.С. Самойловича – 529
- Самойлович Иван Самойлович* (?–1690), военный и государственный деятель, гетман Украины – 169, 459, 529, 530, 557

- Самойлович Яков Иванович* (ок. 1630–1690 или 1695), стародубский полковник, сын гетмана И.С. Самойловича – 529
- Санд* (Sand, наст. имя и фамилия Амандина Аврора Люсиль Дюпен) Жорж (1804–1876), французская писательница – 326, 340
- Санкт-Петербург* (Петербург) – 15, 35, 42, 62–64, 74–76, 83, 87, 241–243, 259, 264, 271, 279, 280, 282, 300, 301, 319, 324–326, 332, 342, 343, 422, 427, 439, 449, 570, 589, 596, 597, 602, 615, 616, 619, 622, 624, 626, 629, 633, 645, 650, 674, 685–687, 690, 691, 694, 699, 700
- «*Санкт-Петербургские ведомости*», газета – 443
- Санкт-Петербургский (Петербургский) университет* – 76, 326, 337
- Сапогов Василий*, капитан московских стрелцов – 541–542
- Сапогов Филипп*, капитан московских стрелцов – 528, 536, 541–542
- Саранск*, город – 620
- Саранский уезд* – 617
- Саратов*, город – 203, 565, 620
- Саратовская губерния* – 675
- Сахара*, пустыня – 8
- «*Сборник Государственного Толстовского музея*» – 397
- Савашевский Михаил*, холоп Ф.Т. Зыкова – 488
- Свейская война* – см. Северная война
- Свербеев Александр Дмитриевич* (1835–1917), самарский губернатор – 684
- Свешников Николай Иванович* (1839–1899), мемуарист, очеркист, книготорговец – 343
- «Воспоминания пропавшего человека» – 343
- Свистунов Петр Николаевич* (1803–1889), декабрист, знакомый и корреспондент Толстого – 684, 691–693
- Свифт* (Swift) Джонатан (1667–1745) – 397
- «Путешествие Гулливера» – 397
- Святая неделя* (Светлая седмица), первая неделя после Пасхи – 140, 142, 161, 412, 413, 415, 504
- Святая Земля* – 291
- Святейший Правительствующий Синод*, высший орган управления делами Православной Церкви в России (1721–1917) – 613, 627
- Святки* (Святые дни), период между праздниками Рождества Христова (25 декабря ст. ст.) и Крещения Господня (6 января ст. ст.) – 209, 396, 583, 584
- Свято-Духов монастырь*, в Новосиле – 263, 652
- Свято-Никольский монастырь*, в Веневе – 652
- «*Святой Марк*», галера Азовского флота – 575
- «*Святой Матвей*», галера Азовского флота – 575
- Святополк Владимирович*, Окаянный (в крещении Петр, ок. 979–1019), великий князь киевский – 532
- Северная война* (Свейская война), война между Швецией и коалицией североευропейских государств с решающим участием России (1700–1721) – 218, 297, 445, 451, 476, 481, 502, 569, 570, 584, 588–591, 605, 612, 622, 650
- «*Северная почта*», газета Министерства внутренних дел (1862–1868) – 319

- Севск*, город – 524, 529
- Седов* Павел Владимирович, историк – 291, 483, 484, 486–490, 495, 496, 499, 501, 502, 505, 566, 567, 647, 648
- «Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века» – 291, 483, 484, 486–490, 495, 496, 499, 501, 502, 505, 566, 567, 647, 648
- Седьмая линия Васильевского острова*, в Санкт-Петербурге – 343
- Селим I Герай* (Гирей; 1631–1704), крымский хан (1671–1704, с перерывами) – 520
- Семевский* Михаил Иванович (1837–1892), историк, публицист, основатель и редактор журнала «Русская старина» – 627
- «*Семейные вечера*», детский журнал (1864–1892) – 434
- Семенов* Николай Петрович (1823–1904), государственный деятель, литератор – 625
- Семеновский полк* – 208, 209, 540, 544, 552–555, 560, 578, 581–584, 637, 638, 644, 645, 650
- Семеновское*, село Московского у. – 189, 191, 192, 195, 560, 581, 584
- Сен-Тома* (Saint-Thomas), губернатор Толстого – 408
- Сенат* – см. Правительствующий Сенат
- Сенатская (Петровская) площадь*, в Санкт-Петербурге – 684
- Сергеев* Андрей, стрелец – 541
- Сергеев* Петр Васильевич (1799–1874), купец, владелец бумажной фабрики – 462, 471, 472
- Сергеев* Сергей Григорьевич, стольник, стрелецкий полковник – 534
- Сергеенко* Петр Алексеевич (1854–1930), литератор, журналист, писатель – 409, 694
- Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник* – 541
- Сергиевское*, село (ныне город Плавск) – 613
- Сергий Радонежский* (в миру Варфоломей, 1314–1392), преподобный, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря – 171, 179, 532, 534, 545, 643, 654, 699
- Сердобольский* Алексей Павлович (?–1890), учитель в школе Толстого – 328
- Серебровская* Екатерина Сергеевна, литературовед – 290, 406
- Серов* Александр Николаевич (1820–1871), композитор, музыкальный критик – 342–343
- Серова* (урожд. Бергман) Валентина Семеновна (1846–1924), композитор, музыкальный критик – 342–343
- «Александр Николаевич Серов. Праздники и будни нашей совместной жизни» – 342–343
- Серпуховские ворота*, в Москве – 516
- Сеченов* Иван Михайлович (1829–1905), психолог, физиолог – 401
- «Рефлексы головного мозга» – 401
- Сечь Запорожская* – 503
- Сибирский приказ*, в Москве – 490, 578
- Сибирь* – 113, 222, 294, 459, 503, 529, 532, 625, 629, 645, 665, 669, 674, 694, 698, 699
- Сигизмунд III (Zygmunt) Ваза* (1566–1632), король польский (1587–1632), король шведский (1592–1604) – 525, 649

- Сидорово* (Сидорова), деревня (сельцо) Чернского у. – 249, 598, 600, 616
- Сизова* Ирина Игоревна, литературовед – 297
- Силистрия* (Силистра), крепость на Дунае – 420
- Симбирск*, город – 619, 620, 685
- Симбирская губерния* – 687
- Симеон Алексеевич* (Семен Алексеевич; 1665–1669), царевич, сын царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 157, 159, 160, 448, 478, 479, 484, 494, 499
- Симеон Полоцкий* (в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович, 1629–1680), монах, богослов, писатель, воспитатель детей царя Алексея Михайловича – 501
- Симонов Успенский монастырь*, в Москве – 189, 191, 197, 201, 559, 562, 617
- Синод* – см. Святейший Правительствующий Синод
- Скабичевский* Александр Михайлович (1838–1910), критик – 342
- «Литературные воспоминания» – 342
- «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святой горы Афонской инока Парфения» – см. Парфений
- «Сказание об Успении Богородицы», апокриф – 484
- Склянишиное царство* – см. Стокгольм
- Скородное* (Скородный), деревня Чернского у. – 244, 251, 621
- Скрицкий* Николай Владимирович, историк – 540
- «Флагманы Петра Великого» – 540
- Скуратова* (урожденная Ёргольская) Татьяна Семеновна, тетка Т.А. Ёргольской – 641
- Скуратовы* – 641
- Славяно-греко-латинская академия*, в Москве – 518
- Слепцов* Василий Алексеевич (1836–1878), писатель – 342
- Смоленск*, город – 497, 498, 501, 506, 532, 649
- Смольный институт благородных девиц* (Смольный), в Санкт-Петербурге – 10, 300, 301
- «Современная летопись», газета, приложение к «Русскому вестнику» (1863–1871) – 413
- «Современник», журнал (1836–1866) – 321, 326, 329, 334, 336, 339, 345, 347
- «Современники и деятели императора Петра I-го Великого. Исторический альбом портретов известных лиц» – 438
- Соковнин* Федор Прокофьевич (Прокопьевич) (?–1697), боярин, брат боярыни Ф.П. Морозовой – 501
- Соколов* Алексей Павлович (1842–?), учитель в школе Толстого – 327
- Сокольск*, город – 575
- Соллогуб* Владимир Александрович (1813–1882), граф, писатель – 293, 306, 311, 312, 320, 359, 396, 426, 427
- «Беда от нежного сердца», водевиль – 396
- «Воспоминания» – 427
- Соловецкие* – см. Герман Соловецкий, Зосима Соловецкий, Савватий Соловецкий
- Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь* – 362, 604, 605

- Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900), философ, богослов, писатель – 413
 «Три разговора» – 413
- Соловьев Дмитрий Алексеевич* (?–1739?), барон, обер-комиссар Архангельска – 604
- Соловьев Иван Григорьевич* (1819–1881), владелец книжного магазина в Москве – 433, 436, 437, 442, 443, 461
- Соловьев Сергей Михайлович* (1820–1879), историк – 291, 437, 459, 473, 475, 476, 478, 479, 482, 486, 488–490, 495, 496, 500–502, 506–508, 510, 513–516, 518–520, 523, 526–528, 531–533, 538, 540, 548, 563, 565–568, 571, 574, 575, 578, 579, 581, 587, 588, 601, 608–609
 «История России с древнейших времен» – 291, 437, 459, 473, 475, 476, 478, 479, 482, 486, 488–490, 495, 496, 500–502, 506–508, 510, 513–516, 518–520, 523, 526–528, 531–533, 538, 540, 548, 563, 565–568, 571, 574, 575, 578, 579, 581, 587, 588, 601, 608–609
- Соловьев Сергей Петрович* (1817–1879), писатель – 318
 «Без вины виноват» – 318
- Сомково*, пустошь в Гоголевом стане – 614
- Сорбонна* — см. Парижский университет
- Софонтьево*, сельцо Московского у. – 615, 647
- Софья Алексеевна* (в монашестве Сусанна, в схиме Софья; 1657–1704), царица, дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской; соправительница (1682–1689) малолетних царей Иоанна V и Петра I – 158, 159, 163–165, 167–169, 171, 174, 175, 187, 290, 431, 433, 438, 440, 441, 449, 451, 453, 454, 455, 458, 459–462, 470–472, 475, 481, 494, 498–500, 505–519, 521–524, 526–544, 546, 550, 563, 568, 573, 576, 577, 579, 647
- Спас*, общее название трех праздников: Происхождение (изнесение) Честных Древ Животворящего Креста Господня (первый Спас, 1 августа ст. ст.); Преображение Господне (второй Спас, 6 августа ст. ст.); Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа (третий Спас, 16 августа ст. ст.) – 166, 250, 521, 621
- Спас в Наливках* – см. Церковь Спаса Преображения в Наливках
- Спиридонов*, стрелецкий полковник – 534
- Средиземноморье* – 403
- Срезневский Всеволод Измаилович* (1867–1936), писатель, литературовед – 353, 411–413, 450
- Сретенка* (Устретенка), улица в Москве – 258, 265, 643
- Сретенские ворота*, в Москве – 643
- «Старина и новизна»*, исторический сборник, издавался Обществом ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (1897–1917) – 488
- Старо-Киркино* (Старое Киркино, первоначальное название – Киркино), деревня Михайловского у. Рязанской губ. – 159, 497, 498
- Стасов Владимир Васильевич* (1824–1906), художественный и музыкальный критик – 439

- Стасова* Надежда Васильевна (1822–1895), деятельница женского движения, сестра В.В. Стасова – 326
- Стасюлевич* Михаил Матвеевич (1826–1911), историк, публицист, редактор журнала «Вестник Европы» – 333
- Стахович* Михаил Александрович (1861–1923), орловский помещик, друг семьи Толстых – 311, 312
- Стекольное* – см. Стокгольм
- Стекольный город* – см. Стокгольм
- Стокгольм* (Склянишное царство, Стекольное, Стекольный город), город – 246, 253, 448, 584, 618, 622
- Страстная неделя* (Страстная седмица), неделя строгого поста перед Пасхой – 219, 271, 474, 588, 662, 680, 695, 696
- Страхов* Николай Николаевич (1828–1896), философ, публицист, литературный критик – 291, 294, 322, 364, 370, 371, 373, 391, 393, 401, 412, 420, 429, 434, 436, 438, 439, 443–446, 448, 601, 602, 604, 625–629, 632, 633, 644, 666, 668–670, 673, 675, 678, 685, 688–689, 689–694
«Женский вопрос» – 391
- Стрелецкий бунт 1682 года* – 413, 479, 488, 516, 517, 549
- Стрелецкий бунт 1698 года* – 450, 582
- Стрелецкий приказ*, в Москве – 176, 456, 490, 496, 502, 504, 509, 517, 520, 536, 557
- Стремяной полк* – 510, 545, 546
- Стрешнев* Родион Матвеевич (?–1687), боярин, начальник Сибирского приказа – 487, 505, 527, 587
- Стрешнев* Семен Лукич (?–1666), боярин, брат царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой – 501
- Стрешнев* Тихон Никитич (1644–1719), боярин, сподвижник Петра I – 167, 177, 191, 200, 445, 469, 515, 523, 535, 536, 541, 553, 559, 564, 574, 575
- Стрешнева* Авдотья (Евдокия) Ивановна – см. Голицына А.И.
- Стрешнева* Евдокия Лукьяновна – см. Евдокия Лукьяновна Стрешнева
- Стрешневы*, род – 505
- Стрижов* Алексей, пристав стрелецкого Жукова полка – 509, 520, 532
- Строганов* Григорий Дмитриевич (1656–1715), солепромышленник, землевладелец, политический деятель – 616
- Студенец*, река – 646
- Ступинская пристань*, в Воронеже – 576
- Субботин* Николай Иванович (1827–1905), историк Церкви – 291, 413–416
«Кремлевские прения старообрядцев» – 291, 413–416
«Раскол как орудие враждебных России партий» – 413–414
- Суворин* Алексей Сергеевич (1834–1912), писатель, журналист, издатель – 331, 691
- Суворов* Александр Васильевич (1729 или 1730–1800), граф Рымникский, князь Итальянский, генералиссимус – 641
- Суворов* Василий Иванович (1705–1775), генерал-аншеф, отец А.В. Суворова – 259, 261, 645
- Суворова* – см. Горчакова А.В.
- Суздаль*, город – 484, 648
- Суздальский уезд* – 614

- Сухарев* Лаврентий Панкратьевич, стольник, стрелецкий полковник – 209, 511, 534, 582
- Сухарев* Михаил Федорович, стольник, стрелецкий полковник – 581
- Сухарев полк*, стрелецкий полк под командованием Л.П. Сухарева – 209, 511
- Сухово-Кобылин* Александр Васильевич (1817–1903), драматург – 328
- «Свадьба Кречинского» – 328
- Сухона*, река – 513
- Сухотин* Михаил Сергеевич (1850–1914), тульский помещик, муж Т.Л. Сухотиной-Толстой – 366
- Сухотина-Толстая* (урожд. графиня Толстая) Татьяна Львовна (1864–1950), дочь Толстого, художница, мемуаристка – 363–367, 396, 666, 667
- «Воспоминания» – 364, 365, 367
- Сыскной приказ*, в Москве – 603
- Таврический дворец*, в Санкт-Петербурге – 636
- Тавров*, город – 569
- Таганрог*, город – 569
- Тагино*, село Орловской губ. – 699
- Тайная канцелярия* – 654
- Тамбов*, город – 581
- Тамбовская губерния* – 575, 675
- Тамбовский уезд* – 620
- Тард* (Tarde) Жан Габриель (1843–1904), французский социолог, криминолог – 403
- Тарсей* (Терсей, Tersey) Ханна Егоровна (1845–?), гувернантка детей Толстых (1866–1872), в замужестве Мачутадзе – 363
- Татары* – 165, 200, 220, 376, 459, 508, 520, 529, 554, 563, 565, 591
- Татьяна Александровна* – см. Ёргольская Т.А.
- Татьяна Михайловна* (1636–1706), царевна, дочь царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой, сестра царя Алексея Михайловича – 159, 486, 495, 502
- Татьяна Филипповна*, няня Толстого – 134, 137, 407
- Ташкент*, город – 669
- Тверская застава*, в Москве – 217, 586, 587
- Тверская*, улица в Москве – 522, 564
- Тверские ворота*, в Москве – 564
- Теккерей* (Thackeray) Уильям Мейкпис (1811–1863), английский писатель – 318
- Темяшев* Александр Алексеевич (1784–1830-е), троюродный брат и приятель Н.И. Толстого – 407
- Темяшев* Иона Аристархович, бригадир, тульский помещик, муж Н.И. Темяшевой – 647
- Темяшева* (Темяшова, Темешева, Темешова) Евдокия Александровна, дочь А.А. Темяшева – 134, 138, 407
- Темяшева* (урожд. княжна Горчакова) Наталья Ивановна (1724–?), сестра прадеда Толстого Н.И. Горчакова, жена И.А. Темяшева – 647
- Терек*, река – 503
- Тереценко* Александр Власьевич (1806–1865), историк, археолог, этнограф – 496
- «Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России» – 496
- Тиле* (урожд. Молодцова) Зинаида Модестовна (1828–1897), знакомая Толстого по Казани – 300
- Тиле* Николай Васильевич (1822–1893), чиновник по особым по-

- ручениям при казанском губернаторе – 300
- Тиммерман* (Timmerman, Тимерман) Франц Федорович (1644–1702), голландский купец, корабельный мастер, астроном, учитель Петра I – 183, 209, 540, 549, 574, 583
- Титов* Григорий Семенович (?–1713), стольник, стрелецкий полковник – 575
- Тифлис* (Тбилиси), город – 425–427
- Тихонравов* Николай Саввич (1832–1993), филолог, археограф, историк – 438
- Тихонов* Юрий Александрович, историк – 291, 606, 608
«Помещицы крестьяне в России» – 606
«Феодальная рента в помещицких имениях Центральной России в конце XVII – первой четверти XVIII в. (владельческие повинности и государственные налоги)» – 291, 608
- Тобольск*, город – 579
- Тобольский пехотный полк* – 615
- Токвиль* (Tocqueville) Алексис (1805–1859), французский политический мыслитель – 347
- Толстая* Александра Андреевна (1817–1904), графиня, писательница, мемуаристка; двоюродная тетка Толстого – 291, 318, 326, 327, 333, 339, 369, 417, 421, 422, 429, 436, 443, 446, 447, 603, 605, 667, 669, 674, 675, 677, 684, 694
- Толстая* Варвара Валериановна – см. Нагорнова В.В.
- Толстая* Вера Сергеевна (1865–1923), графиня, дочь С.Н. Толстого – 365
- Толстая* Елизавета Валериановна – см. Оболенская Е.В.
- Толстая* Мария Львовна – см. Оболенская М.Л.
- Толстая* (урожд. княжна Волконская) Мария Николаевна (1790–1830), графиня, мать Толстого – 135, 408, 590
- Толстая* Мария Николаевна (1830–1912), графиня, сестра Толстого – 135, 137, 317, 322, 324, 332, 353–358, 404, 408, 409, 652, 698
- Толстая* (урожд. Дитерихс) Ольга Константиновна (1872–1951), графиня, жена А.Л. Толстого – 409
- Толстая* (урожд. княжна Горчакова) Пелагея Николаевна (1762–1838), графиня, бабка Толстого – 134, 138, 258, 259, 269, 407, 623, 624, 630, 634–636, 642–645, 649
- Толстая* (урожд. Ртищева) Праксovia Михайловна (?–1748), графиня, жена И.П. Толстого, прапрабабка Толстого – 598
- Толстая* (урожд. Дубровская) Соломонида Тимофеевна (1660–1722), графиня, жена П.А. Толстого – 604
- Толстая* (урожд. Берс) Софья Андреевна (1844–1919), графиня – 290, 292, 294, 298, 299, 302, 306–312, 317–319, 332, 350–355, 358–361, 363–368, 372, 391–393, 395–397, 404, 406, 407, 409, 420, 429–432, 435–437, 440, 441, 443, 444, 448, 450, 460, 461, 599–600, 601, 655, 660, 664, 669–675, 677, 679, 685, 686, 688–690, 693, 694, 698
«Дневники» – 290, 294, 298–299, 353, 359, 360, 363, 366–368, 372, 391–393, 396, 406, 409, 420, 429–432, 435, 440, 441, 443, 444, 448, 599–600, 669, 671–674, 685, 686, 688, 689, 694

- «Куколки-скелетцы и другие рассказы» – 363–364
- «Материалы к биографии Л.Н. Толстого и сведения о семье Толстых и преимущественно гр. Льва Николаевича Толстого» – 407
- «Моя жизнь» – 292, 306, 308, 309, 311, 312, 317, 318, 332, 359, 363, 364, 396, 671, 677, 693
- «Три биографических очерка Толстого. Очерки, составленные Софьей Андреевной со слов Толстого и им выправленные» – 406, 407
- Толстая* Татьяна Львовна – см. Сухотина-Толстая Т.Л.
- «Толстовский ежегодник», сборник статей и материалов о Толстом, выпускался Обществом Толстовского музея в Петербурге и Толстовским обществом в Москве (1911–1913) – 450
- Толстой* Алексей Николаевич (1882/1883–1945), граф, писатель – 296
- «Петр I» – 296
- Толстой* Андрей Львович (Андрюша; 1877–1916), граф, сын Толстого – 134, 408, 409
- «О моем отце» – 409
- «Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников» (1978) – 402
- Толстой* Валериан Петрович (1813–1865), граф, тульский помещик, муж сестры Толстого М.Н. Толстой – 409
- Толстой* Дмитрий Николаевич (1827–1856), граф, брат Толстого – 137, 138, 371, 378, 408–410
- Толстой* Иван Андреевич (1644–1713), тайный советник, брат П.А. Толстого – 604
- Толстой* Иван Петрович (1685–1728), граф, действительный статский советник, прапрадед Толстого – 446, 598, 604, 605
- Толстой* Илья Андреевич (1757–1820), граф, дед Толстого – 259, 630, 635, 644, 645
- Толстой* Илья Андреевич (1813–1879), граф, генерал-лейтенант, сенатор, двоюродный дядя Толстого – 421, 605, 625–628
- Толстой* Илья Львович (1866–1933), граф, сын Толстого – 364, 365, 396, 636, 666, 667
- «Мои воспоминания» – 364, 365, 636
- Толстой* Николай Валерианович (1850–1879), граф, племянник Толстого, сын М.Н. Толстой – 357
- Толстой* Николай Ильич (1794–1837), граф, отец Толстого – 134, 137, 138, 407–409, 590, 635, 643, 692
- Толстой* Николай Львович (1874–1875), граф, сын Толстого – 666
- Толстой* Николай Николаевич (1823–1860), граф, брат Толстого – 134, 137, 138, 408–410, 424, 630, 635
- Толстой* Павел Сергеевич (1848–1940), действительный статский советник, камергер – 604
- Толстой* Петр Андреевич (1645–1729), граф, тайный советник, начальник Тайной канцелярии, прапрапрадед Толстого – 446, 517, 598, 604, 605
- Толстой* Сергей Львович (1863–1947), граф, сын Толстого – 290, 363, 366, 367, 370, 396, 434, 636, 642, 666, 667, 693
- «Очерки былого» – 290, 366, 367, 396, 642
- «Лев Толстой и Чайковский. Их знакомство и взаимоотношения» – 370

- Толстой Сергей Михайлович* (1911–1996), граф, президент общества друзей Льва Толстого во Франции; внук Толстого – 643
«Древо жизни» – 643
- Толстой Сергей Николаевич* (1826–1904), граф, брат Толстого – 137, 138, 317, 319, 320, 323, 324, 365, 408–410, 425, 446, 668, 675, 678
- Толстой Сергей Сергеевич* (1897–1974), граф, переводчик, мемуарист, внук Толстого – 636
«Никольское-Вяземское – родовое имение Толстых» – 636
- Толстые*, род – 317, 319, 320, 324, 364, 398, 407, 625, 635, 636, 639, 643, 446, 677, 684, 688, 693, 698
- Томашевский Анатолий Константинович* (1842–1908), учитель в школе Толстого – 327
- Тобольск*, город – 579
- Тобольский пехотный полк* – 615
- Тотьма*, город – 513
- Траурнихт* (Трауэрнихт) *Афанасий Федорович* (?– до 1702), генерал-майор, воевода – 553, 557
- «Три века: Россия от Смуты до нашего времени» – 615, 618
- Троекуров Иван Борисович* (?– 1702), князь, боярин, глава Стрелецкого приказа – 445, 511, 512, 541
- Троекуров Иван Иванович* (ок. 1670–1702), князь, стольник, капитан – 598
- Троекурова Прасковья Ивановна* (1691?–1710?), княжна, дочь И.И. Троекурова – 598, 605
- Троица* – см. Троице-Сергиева Лавра
- Троице-Сергиева Лавра* (Троица, Троице-Сергиевская Лавра, Троицкий монастырь, Лавра) – 163, 166, 168–172, 174–176, 179, 181–183, 281, 340, 453–457, 459, 471, 506, 508, 511–513, 516, 521, 523, 524, 526, 528, 529, 531, 532, 534–539, 541–545, 547, 548, 550, 559, 643, 648, 664, 699
- Троицкая площадь*, в Санкт-Петербурге – 616
- Троицкий Иван*, десятник стрелецкого Стремянного полка – 511, 542
- Троицкий монастырь* – см. Троице-Сергиева Лавра
- Троицкий собор*, в Санкт-Петербурге – 650
- Троицкое*, село Мценского у. – 242
- Троицын день* (Пятидесятница), день Святой Троицы, празднуется в пятидесятый день после Пасхи – 10, 301
- Трубецкая*, княжна, родственница кн. Б.А. Голицына – 515
- Трубецкие*, князья – 261, 647
- Трубецкой Дмитрий Тимофеевич* (?–1625), князь, глава Земского правительства – 647
- Трубецкой Сергей Петрович* (1790–1860), князь, декабрист – 685
- Трубецкой Юрий Юрьевич* (1668–1739), князь, генерал-поручик, сенатор, прапрадед Толстого – 560
- Трубникова* (урожд. Ивашева) *Мария Васильевна* (1835–1897), деятельница женского движения в России – 326
- Тула*, город – 129, 221, 257, 364, 365, 405, 473, 591, 692, 639, 646
- Тульская губерния* – 133, 220, 338, 575, 589, 605, 609, 613, 621, 635, 636, 639, 645, 646, 648
- Тульский уезд* – 575, 617, 620
- Туманский Федор Осипович* (1757–1810), писатель, переводчик – 291–292, 433, 437, 458,

- 459, 482, 485, 511, 521, 526, 536, 541–543, 547, 576
- «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» – 291–292, 433, 437, 458, 459, 482, 485, 511, 521, 526, 536, 541–543, 547, 576
- Тургенев Иван Сергеевич* (1818–1883), писатель – 293, 295, 317, 319, 320, 331, 332, 336, 347, 348, 390, 635, 699
- «Отцы и дети» – 293, 317, 320, 321, 331, 348
- «Провинциалка» – 319
- «Три портрета» – 635
- Тургенев Николай Иванович* (1789–1871), государственный деятель, декабрист, экономист – 685
- Тургенев Яков Федорович* (?–1695), участник Кожуховских учений, шут Петра I – 561
- Турка Федор*, десятник стрелцкого Стремянного полка – 511, 542
- Турки* – 211, 276, 529, 579
- Турция* (Туретчина) – 253, 262, 291, 412, 420, 423, 426, 622
- Тушино*, село Московского у. – 587
- Уваров Алексей Сергеевич* (1825 или 1828–1884), граф, археолог – 627
- Уваров Дмитрий Петрович* (1774–1820), полковник, флигель-адъютант Александра I, первый муж Е.В. Перовской – 625, 627
- Уваров Федор Александрович* (Черной; 1780–1827?), полковник кавалергардского полка, камергер, шурина декабриста М.С. Лунина – 691, 692
- Уварова Екатерина Сергеевна* (урожд. Лунина; 1791–1868), сестра декабриста М.С. Лунина – 691
- Уваровы*, род – 627
- Удинск*, город в Забайкалье – 579
- Украина* (Малая Россия, Малороссия) – 222, 459, 483, 503, 506, 529, 557, 591, 642, 648
- Украинцев Емельян Игнатьевич* (1641–1708), государственный деятель, дипломат – 445
- Уланов Василий Яковлевич* (1881 или 1883–1919), историк, сотрудник газеты «Русские ведомости» – 618
- «Оппозиция Петру Великому» – 618
- Урусов*, подполковник – 615
- Урусов Алексей Никитич*, стольник – 560
- Урусов Сергей Семенович* (1827–1897), князь, генерал-майор в отставке, историк, математик, шахматист, друг Толстого – 370, 372, 434
- Усманский уезд* (Усманская округа) – 675
- Успение Пресвятой Богородицы*, празднуется 15 августа (ст. ст.) – 227, 244, 484, 609, 618, 643
- Успенский собор*, в Московском Кремле – 415, 416, 483, 486
- Успенский пост* (1–14 августа ст. ст.), предворяет праздник Успения Божией Матери – 580, 593, 609, 621
- Устретенка* – см. Сретенка
- Устрялов Николай Герасимович* (1805–1870), историк, археограф, педагог – 292, 431, 437, 441, 442, 444, 458, 459, 461, 473, 483–487, 490–491, 493–499, 504–508, 510, 512, 513, 515, 517, 519, 520, 523, 524, 526, 529–531, 533–535, 537, 538, 541, 542, 544–546, 548, 550–561, 568, 574, 575, 581–583, 612

- «История царствования Петра Великого» – 292, 431, 437, 441, 442, 444, 458, 459, 461, 473, 483–487, 490–491, 493–499, 504–508, 510, 512, 513, 515, 517, 519, 520, 523, 524, 526, 529–531, 533–535, 537, 538, 541, 542, 544–546, 548, 550–561, 568, 574, 575, 581–583, 612
- Устрялов Федор Николаевич* (1836–1885), писатель – 318
«Чужая вина» – 318
- Уэллс (Wells) Герберт* (1866–1946), английский писатель – 397
«Страна слепых» – 397
- Фамендин* (Менгден фон, Mengden von) *Юрий (Георг) Андреевич* (?– после 1702), полковник Преображенского полка, губернатор Киева – 209, 583, 554, 555
- Фаресов Анатолий Иванович* (1852–1928), писатель, критик – 321
«Против течений» – 321
- Федор Иванович* – см. Рёссель Ф.И.
- Федор Кузмич*, сибирский старец – 395, 691, 692
- Фейербах (Feuerbach) Ансельм* (1775–1883), немецкий криминалист – 403
- Фейербах (Feuerbach) Людвиг Андреас* (1804–1872), немецкий философ – 346, 362
«Сущность христианства» – 346
- Федор (Федор) Алексеевич* (1661–1682), царь (1676–1682) – 157–161, 163–165, 167, 168, 182, 203, 290, 291, 442, 447, 448, 451, 454, 456, 478–483, 487–491, 494, 499–502, 504–507, 513, 514, 517–519, 525–527, 533, 538, 539, 547, 549, 565–568, 570, 605, 647, 648
- Федор (Федор) Иоаннович* (1557–1598), царь (1584–1598) – 492, 524
- Федора Алексеевна* (1674–1677), царица, дочь царя Алексея Михайловича от брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной – 485–486, 500
- Феодосия (Федосья) Алексеевна* (1662–1713), царица, дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской – 158, 159, 494, 499, 500
- Феофан Прокопович* (1681–1736), церковный и общественный деятель, писатель, сподвижник Петра I – 612
- Ферапонтов монастырь*, в Вологодской губ. – 487
- Ферри (Ferrì) Энрико* (1856–1929), итальянский криминалист – 403
- Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич* (1820–1892), поэт – 290, 332, 342, 349, 369, 370, 371, 396, 420, 429, 432, 434, 436, 437, 443, 445, 446, 666, 668, 669, 677, 685, 689, 694
«Первый заяц» – 434, 435
- Фет (урожд. Боткина) Мария Петровна* (1828–1894), жена А.А. Фета – 434
- Филарет* (в миру Федор Никитич Романов, ок. 1554–1633), боярин, отец первого царя из рода Романовых Михаила, патриарх Московский и всея Руси (1619–1633) – 492
- Филипп I*, герцог Орлеанский (Philippe, duc d'Orléans; 1640–1701), сын Людовика XIII и Анны Австрийской, брат Людовика XIV – 612
- Филипп (Филип)*, нарвский купец – 445

- Филиппов** Иван, крестьянин – 607
- Философова** (урожд. Дягилева) Анна Павловна (1837–1912), деятельница женского движения – 326
- Флорищева пустынь** – 533, 560
- Фогт** (Фохт; Vogt) Карл (1817–1895), немецкий философ и естествоиспытатель – 335, 348–349, 361–362
«Физиологические письма» – 348–349, 361–362
- Фома**, святой апостол – 482
- Фомина неделя** (Красная горка), следующая за Светлой седмицей неделя – 157, 481, 482
- Фомино воскресенье** (Антипасха, Красная горка), первое воскресенье после Пасхи – 161, 482, 504
- Фонвизин** Михаил Александрович (1788–1854), декабрист – 684, 694
- Фонвизина** (урожд. Апухтина, Опухтина) Наталья Дмитриевна (1803 или 1805–1869), жена М.А. Фонвизина, во втором браке Пущина – 684, 685, 694, 695
- Фонышево**, сельцо Шуйского у. – 615
- Франциск Ассизский** (Franciscus Assisiensis; 1182–1226), христианский святой католической церкви, учредитель нищенствующего ордена – 560
- Франция** – 610, 611, 685
- Французы** – 258, 280
- Фридрих Август I Саксонский** (Август Сильный, Август II Польский; 1670–1733), курфюрст Саксонии, король польский, союзник Петра I в Северной войне – 449
- Фурье** (Fourier) Шарль (1772–1837), французский социалист – 340, 342
- Хаксли** (Huxley) Олдос (1894–1963), английский писатель – 397
«Остров» – 397
- Халабаев** Константин Иванович, литературовед – 313, 315
- Халкдики**, полуостров в Греции, где находится Святая гора Афон – 405
- Ханна** – см. Тарсей Х.
- Харьков**, город – 400, 644
- Хивинский поход** (1839–1840) российской армии под командованием В.А. Перовского против Хивинского ханства – 421–422
- Хитрово** Богдан (Иов) Матвеевич (ок. 1615–1680), государственный и военный деятель, ближний боярин – 490, 527
- Хитрово** Иван Богданович (ок. 1620–1682), боярин, дядька царя Федора Алексеевича – 488
- Хмельницкий** Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595–1657), гетман Украины – 648–649
- Хованские**, князья – 461, 520
- Хованский** Андрей Иванович, князь, стольник – 558–559
- Хованский** Иван Андреевич (Тараруй; ?–1682), князь, боярин, воевода, глава Стрелецкого приказа – 518, 557
- Хованский** Иван Иванович (ок. 1645–1701), князь, боярин – 572
- Холмогоры** (Кологоры), село – 537
- Хомутова** Авдотья (Евдокия) Григорьевна – см. Матвеева А.Г.
- Хомяков** Алексей Степанович (1804–1860), философ, историк, богослов, писатель – 142, 143, 411, 414–417

- Хомяков Дмитрий Алексеевич* (1841–1919), философ, педагог – 368, 369
- Хопер, река* – 208, 474, 582
- Хорошево, деревня* Каширского у. – 614
- Хотьково, село* – 258, 281, 642, 643
- Хотьково-Покровский монастырь* – см. Покровский Хотьков монастырь
- Храм Христа Спасителя, в Москве* – 280, 689, 690, 699
- Царицын, город* – 620, 621
- Царское Село, под Санкт-Петербургом* – 686
- Царьград* — см. Константинополь
- Центральный государственный исторический архив Украины (Киев)* – 638, 639
- Церковь Андрея Стратилата мученика (Андреевская церковь), в Андреевском монастыре в Москве* – 588
- Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, в Златоустовском монастыре в Москве* – 565
- Церковь Воскресения Слоущего, в Московском Кремле (до 1681 г. – Евдокии преподобномученицы; с 1681 г. после перестройки, – Живоносного Воскресения Господня; позднее – Воскресения Слоущего)* – 486, 567
- Церковь Евдокии преподобномученицы, в Московском Кремле* — см. Церковь Воскресения Слоущего
- Церковь Иоанна Предтечи, в Москве* – 617
- Церковь Казанской иконы Божией Матери, у Калужских ворот, в Москве* – 161, 504–505
- Церковь Казанской иконы Божией Матери, в Китай-городе* – 511
- Церковь Николая Чудотворца, в Гнездняках в Москве* – 644
- Церковь Николая Чудотворца, в с. Кочаки* – 678
- Церковь Ризоположения (церковь Риз Положения на Сенях, Ризоположенская), в Московском Кремле* – 545
- Церковь Спаса Нерукотворного в Кремле* – 526
- Церковь Спаса Преображения в Наливках (Спас в Наливках, церковь Преображения Господня в Наливках)* – 614
- Церковь Тихона Чудотворца, в Москве* – 516, 614
- Церковь Успения Божией Матери, в с. Никольское-Вяземское* – 643
- Церковь Филиппа апостола, в Москве* – 544
- Цингер Василий Яковлевич (1836–1907), профессор математики Московского университета* – 412
- Цыклер (Циклер) Иван Елисеевич (?–1697), полковник стрелецкого Стремянного полка, думный дворянин, заговорщик* – 511
- Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947), литературовед* – 698
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), философ, публицист* – 339
- «Философическое письмо»* – 339
- Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор* – 370
- Чамберс (Chambers, Чемберс, Чаморс) Иван (Джон) Иванович (1650 – после 1713), полковник Семеновского полка, генерал-поручик* – 583

- Часослов*, богослужебная книга – 269, 655
- Челобитный приказ*, в Москве – 505
- Черкасск*, город – 208, 471, 474, 581, 582, 620, 644
- Черкасская Екатерина Петровна* (урожд. Апраксина), княгиня, дочь П.М. Апраксина – 203, 571
- Черкасский Михаил Алегучкович* (до крещения Алегук-мурза; ?–1721), князь, боярин, воевода, дипломат – 167, 177–179, 444–445, 515, 517, 523
- Чернигов*, город – 109, 374, 375, 378, 386
- Черный Кузьма* (?–1689), пятидесятник стрелецкого Стремяного полка – 179, 181, 519, 520, 536, 541–546
- Черное море* – 503, 571, 642
- Чернский уезд* – 223, 232, 242, 256, 593, 595, 605, 615, 621, 635, 636, 645, 646, 648, 652
- Черный Яр*, город в Астраханской губ. – 649
- Чернышев Григорий Иванович* (1762–1831), граф, обер-шенк, действительный тайный советник, камергер – 279, 280, 699
- Чернышев Захар Григорьевич* (1796–1862), граф, ротмистр Кавалергардского полка, декабрист – 278, 280, 698, 699
- Чернышева Александра Григорьевна* – см. Муравьева А.Г.
- Чернышева-Кругликова* (урожд. графиня Чернышева) Софья Григорьевна (1799–1847) – 698
- Чернышевский Николай Гаврилович* (1828–1889), писатель, литературный критик – 293, 317, 320, 321, 324, 329–331, 333–334, 339–346, 362
- «Антропологический принцип в философии» – 362
- «О новых условиях сельского быта» – 334
- «Основания политической экономики» – 334
- «Очерки из политической экономики (по Миллю)» – 334
- «Что делать?» – 293, 317, 320, 321, 324, 329–331, 338–342, 362
- Чернышевы*, графы – 272, 278, 280, 281, 663, 664, 699
- Чернь*, город – 465, 646
- Чернь*, река – 223, 605, 635, 646
- Чертков Владимир Григорьевич* (1854–1936), друг Толстого, публицист, переводчик, издатель и редактор – 403, 449
- Четы-Минеи*, книги житий святых Православной Церкви – 430
- Чечня* – 424
- Чигирин*, город – 190, 194, 466, 505, 557, 561
- Чигиринские походы* (1677, 1678) русского войска и запорожских казаков к городу Чигирин, осажденному турецкой армией – 190, 194, 505, 528, 557, 561
- Чижово*, слобода – 576
- Чистый четверг* – см. Великий Четверг
- Читинский острог*, место ссылки декабристов – 698
- Чичерин Борис Николаевич* (1828–1904), юрист, историк, философ, публицист, общественный деятель – 401
- Чубаров Афанасий Алексеевич*, стольник, стрелецкий полковник – 581, 583
- Чугуев*, город – 690
- Чудов монастырь*, в Московском Кремле – 414
- Чуковский Корней Иванович* (наст. имя, отчество и фамилия Николай Васильевич Корнейчуков;

- 1882–1969), писатель, переводчик – 343
 «Люди и книги шестидесятих годов» – 343
- Чулков Николай Петрович** (1870–1940), историк – 601
 «Л.Н. Толстой в Московском архиве Министерства юстиции» – 601
- Шакловитый (Щегловитый) Федор Леонтьевич** (?–1689), окольный, глава Стрелецкого приказа, фаворит царевны Софьи Алексеевны – 163, 165–168, 170, 173, 176–180, 182, 187, 291, 453, 455–459, 462, 498, 506, 508–513, 515, 519–524, 526–528, 530–532, 534–537, 541–548, 550
- Шамордино**, Казанский женский монастырь – 652
- Шафиров Петр Павлович** (1669–1739), барон, дипломат, вице-канцлер, действительный тайный советник – 608, 609, 619
- Шацкий уезд** – 617
- Шванн (Schwann) Теодор** (1810–1882), немецкий физиолог – 336
- Шведы** – 579, 591
- Швейцария** – 667, 698
- Швеция** – 506, 518, 570, 589, 597, 606, 622
- Шейн Алексей Семенович** (1662–1700), боярин, полководец, генералиссимус – 208, 544, 581, 582, 587
- Шейн Михаил Борисович** (?–1634), боярин, воевода – 649
- Шенрок Владимир Иванович** (1853–1910), критик, публицист – 652
 «Материалы для биографии Гоголя» – 652
- Шереметев Борис Петрович** (1652–1719), граф, фельдмаршал, сподвижник Петра I – 445
- Шереметевы** – 442
- Шильдер Николай Карлович** (1842–1902), историк – 699
 «Великий князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год» – 699
- Шишкин Евтихий (Евтихий) (?–1703)**, крестьянин – 447
- Шишков Александр Семенович** (1754–1841), государственный деятель, писатель – 685
- Шлейден (Schleiden) Маттиас Якоб** (1804–1881), немецкий ботаник – 334–336
 «Основы научной ботаники» – 334–336
 «Растение и его жизнь» – 334, 335
 «Этюды» (1860) – 334
- Шлиссельбург** (до 1611 г. – Орешек; в 1611–1702 гг. – Нотебург), город – 584
- Шмуилов Гаврила (Ганка)**, солдат – 446
- Шмурло Евгений Францевич** (1853/1854–1934), историк – 485, 489
 «Критические заметки по истории Петра Великого» – 485, 489
- Шопенгауэр (Schopenhauer) Артур** (1788–1860), немецкий философ – 367
- Шошин Матвей**, подьячий приказа Большой казны – 541
- Штейнгель Владимир Иванович** (1783–1862), барон, декабрист – 645
 «Записки В.И. Штейнгеля» – 645
- Штелин (Stäehlin) Якоб** (Яков Яковлевич; 1709–1785), действительный статский советник, мемуарист, воспитатель императора Петра III – 292, 438, 485

- «Подлинные анекдоты о Петре Великом» – 292, 438, 485
- Штендман* (Штендеман) Георгий Федорович (1836–1903), историк – 602, 626–627
- Шубинский* Сергей Николаевич (1834–1913), журналист, библиофил, редактор журнала «Исторический вестник» – 437
- Шуйский уезд* – 615
- Шумилин* Алексей Иванович, учитель в школе Толстого – 328
- Шумова* Берта Михайловна, литературовед – 291
- Шумский* Сергей Васильевич (наст. фамилия Чесноков; 1820–1878), актер Малого театра – 318
- Щапов* Афанасий Прокопьевич (1831–1876), историк, этнограф – 343
- Щебальский* Петр Карлович (1810–1886), историк, публицист – 438
«Правление царевны Софии» – 438
- Щепотев* Иван Андреевич (у Толстого ошибочно: Алексеевич) (1650-е – не ранее 1700), столярник – 444, 445
- Щербакова* Марина Ивановна, литературовед – 296
- Щербаково*, пустошь в Гоголевом стане – 614
- Щербатов* Михаил Михайлович (1733–1790), князь, государственный деятель, сенатор, историк, философ – 438
«О повреждении нравов в России. Записки сенатора кн. Михаила Михайловича Щербатова с XVI ст. по 1762 г.» – 438
- Щербачев* Юрий Николаевич (1853–1917), историк, дипломат – 292, 482, 486, 490, 491
- «Из донесений первого датского резидента в Москве (1672–1676)» – 292, 482, 486, 490, 491
- Щербина* Владимир Родионович (1908–1989), литературовед – 290
- Щетинин* Дмитрий Борисович, князь, прапрапрадед Толстого – 598
- Щетинин* Иван, подъячий – 444, 445
- Щетинин* Иван Дмитриевич, князь, прапрадед Толстого – 598
- Щетинин* Иван Иванович, князь, помещик – 558
- Щетинин* Федор (?–1724), подъячий канцелярии обер-фискала А.Я. Нестерова – 603
- Эзон* (ок. VI в. до н. э.), древнегреческий баснописец – 429
- Эйхенбаум* Борис Михайлович (1886–1959), историк литературы – 313, 315, 336, 340, 341, 347, 348, 430, 450
«Как Лев Толстой не написал романа о Петре I» – 430
«Лев Толстой. Кн. вторая. 60-е годы» — 336, 341, 347–348
«Лев Толстой. Семидесятые годы» – 340, 430, 450
- Эльба*, остров – 613
- Эльзас* – 667
- Энгельгардт* Андрей Матвеевич, придворный врач царя Алексея Михайловича – 491, 492
- «*Эпоха*», журнал (1864–1865) – 320
- Эрленвейн* Альфонс Александрович (1840–1910), учитель школы Толстого – 368
- Эрман* (Erman) Жан-Пьер (1735–1814), историк – 444
«Mémoires pour servir à l’histoire de Sophie Charlotte, reine de Prusse» – 444

- Юль* (Juel) Юст (1664–1715), посланник Дании в России, мемуарист – 571
 «Записки датского посланника в России при Петре Великом» – 571
- Юнге* (урожд. графиня Толстая) Екатерина Федоровна (1843–1913), художница, мемуаристка – 335
 «Воспоминания Е.Ф. Юнге, урожд. граф. Толстой. 1843–1860 (1863)» – 335
- «*Журналы и походные журналы Петра Великого с 1695 по 1725 г. и походный журнал 1726 г.*» – 439
- Юрьев-Польский уезд* – 617
- Юстиц-коллегия*, в Санкт-Петербурге – 571, 617, 619
- Юшков* Владимир Иванович (1789–1869), казанский помещик, муж П.И. Юшковой – 299–300
- Юшков* Тимофей Борисович, окольный, капитан Семеновского полка – 560
- Юшкова* (урожд. графиня Толстая) Пелагея Ильинична (1797, по другим сведениям 1798, 1801–1875), тетка Толстого – 299, 409
- Яворский* Федор Корнилович (1841–1884), статистик – 472
 «Воронежские Петровские акты, хранящиеся в архиве Воронежского губернского статистического комитета. Вып. I» – 472
- Языков* Дмитрий Иванович (1773–1845), историк, государственный деятель – 290, 551
- Языков* Иван Максимович (?–1682), боярин – 517, 566, 567
- Языков* Павел Петрович, окольный, воевода – 567
- Яик* (Урал), река – 503
- Якутск*, город, место ссылки декабристов – 698
- Якушкин* Павел Иванович (1820 или 1822–1872), писатель, фольклорист – 404
- Ямпольский* Исаак Григорьевич (1903–1991), литературовед – 345
- Ямская*, улица в Санкт-Петербурге – 242, 616
- Ямской приказ*, в Москве – 502, 569
- Яренск*, село – 537
- Ярославль*, город – 492
- Ярославский вокзал*, в Москве – 586
- Ярославский уезд* – 647, 652
- Ярышкина* – см. Наталья Кирилловна Нарышкина
- Ярышкины* – см. Нарышкины
- Ясенка*, река – 220, 591
- Ясенки*, деревня Тульской губ. – 353
- Ясная Поляна*, имение Толстого, Крапивенского у. Тульской губ. – 133, 137, 219, 220, 222, 290, 312, 317, 319, 322–324, 327, 332, 338, 339, 353, 358–361, 363, 365, 366, 370, 373, 396, 398, 401–405, 409, 412, 414, 420–423, 427, 430, 437, 477, 588–591, 602, 628, 629, 637, 642, 652, 667, 674, 675, 678, 684, 691, 695
- «*Ясная Поляна*», педагогический журнал, издававшийся Толстым (1862–1863) – 329, 337, 368, 369
- Яснополянский дом-музей Л.Н. Толстого* – см. Музей-усадьба Л.Н. Толстого в Ясной Поляне
- «*Яснополянский сборник*» – 291, 407, 409, 591, 636, 672, 691

Яуза, река – 206, 539, 540, 573,
579

Яузские ворота, в Москве – 548,
573

«*An account of Russia, as it was
in the year 1710*» («Описание
России, какой она была в
1710 году»), сочинение Чарльза
Уитворда (Charles Whitworth;
1675–1725) – 438, 439, 442–443

Basseville de M. «Précis historique
sur la vie et exploits de François
Le Fort, citoyen de Genève,
Général et Grand Amiral de
Russie, Vice-Roi de Nowgorod

et principal Ministre de Pierre le
Grand, Empereur de Moskowie»
(«Жизнь Лефорта») – 438

Carlson – см. Карлсон Ф.Ф.

Erman – см. Эрман Ж.-П.

Gordon Alex. – см. Гордон А.А.

Gordon Pat. – см. Гордон П.

Hugo V. – см. Гюго В.

«*Peter d. Grosse verglichen mit Karl
dem Grossen*» – см. Ваккер-
барт А.

Posselt – см. Поссельт М.Ф.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Л.Н. Толстой. Москва. Фотография М.М. Панова. 1878–1879 гг.....	фрон- тиспис
«Зараженное семейство». Страница автографа.....	14
«Зараженное семейство». Фрагмент рукописи.....	32
«Комедия в трех действиях». ⟨Нигилист⟩. Фрагмент рукописи	96
⟨Рождественская елка⟩. Автограф	107
⟨Шуточная сцена для детского спектакля⟩. Страница руко- писи.....	120
⟨Николай Николаевич был позван к соседу...⟩. Фрагмент автографа	127
⟨Два человека с котомками...⟩. Страница рукописи.....	130
«Моя жизнь». Страница автографа	136
⟨Прения о вере в Кремле⟩. Страница автографа.....	141
«Князь Федор Щетинин». ⟨Второе начало⟩. Страница автографа	150
⟨Роман из времени Петра I⟩. ⟨Потешная война под Кожухо- вом⟩. ⟨Второе начало⟩. Страница автографа	188
⟨Роман из времени Петра I⟩. ⟨Азовские походы⟩. ⟨Четвертое начало⟩. Страница автографа	207
«Сто лет». ⟨Восьмое начало⟩. Страница автографа.....	245
«Декабристы. Варианты первой главы». Страница рукописи	275

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1863–1884 гг.

〈Оазис〉.....	7*	298
Зараженное семейство. Комедия в 5-ти действиях	12	301
Комедия в трех действиях. 〈Нигилист〉.....	94	350
〈Рождественская елка〉.....	106	362
〈Анекдот о застенчивом молодом человеке〉	108	366
〈Роман о русских богатырях〉.....	109	367
〈План романа〉.....	109	
〈Заметки к роману〉.....	111	
〈Убийца жены〉.....	112	390
Степан Семеныч Прозоров.....	115	392
〈Шуточная сцена для детского спектакля〉	118	395
Сказка	123	397
〈Николай Николаевич был позван к соседу...〉.....	125	399
〈Два человека с котомками...〉.....	129	403
Моя жизнь	133	405
〈Прения о вере в Кремле〉	140	411
Князь Федор Щетинин.....	146	418
〈Первое начало〉	146	
〈Второе начало〉. Князь Федор Щетинин	148	
〈Третье начало〉	152	
〈Четвертое начало〉.....	155	

---

* В первом столбце указана страница текста, во втором – комментарий.

⟨Роман из времени Петра I⟩	157	429
⟨Стрельцы⟩ 157	481	
⟨Первое начало⟩	157	
⟨Второе начало⟩. Стрельцы	159	492
⟨Переход власти от Софьи к Петру⟩	162	505
⟨Первое начало⟩	162	505
⟨Второе начало⟩	163	507
⟨Третье начало⟩	164	514
⟨Четвертое начало⟩	167	522
⟨Пятое начало⟩	171	532
⟨Шестое начало⟩	172	535
⟨Седьмое начало⟩	174	538
⟨Потешная война под Кожуховом⟩	187	550
⟨Первое начало⟩	187	550
⟨Второе начало⟩	187	550
⟨Третье начало⟩	189	556
⟨Четвертое начало⟩	191	560
⟨Пятое начало⟩	195	561
⟨Шестое начало⟩	197	562
⟨Седьмое начало⟩. Старое и новое	199	563
⟨Восьмое начало⟩	202	
⟨Азовские походы⟩	203	565
⟨Первое начало⟩	203	565
⟨Второе начало⟩	204	571
⟨Третье начало⟩	204	573
⟨Четвертое начало⟩. Старое и новое	205	576
⟨Пятое начало⟩	208	581
⟨Продолжение пятого начала⟩	214	585
⟨Шестое начало⟩	217	585
⟨Северная война⟩	219	588
⟨Первое начало⟩	219	588
⟨Второе начало⟩	220	590
Сто лет	223	591
⟨Первое начало⟩. Сто лет	223	605
⟨Второе начало⟩. Конспект	226	606
⟨Третье начало⟩	232	610
⟨Четвертое начало⟩	234	610
⟨Пятое начало⟩	240	613
⟨Шестое начало⟩	241	613

⟨Седьмое начало⟩	241	614
⟨Восьмое начало⟩. Корней Захаркин и брат его Савелий ..	243	616
⟨Девятое начало⟩	249	620
Труждающиеся и обремененные	255	622
⟨Первое начало⟩	255	635
⟨Второе начало⟩. 1757 год	256	640
⟨Третье начало⟩. Терентий Николаев	257	642
⟨Четвертое начало⟩	259	646
⟨Пятое начало⟩. Труждающиеся и обремененные	264	653
Декабристы. Варианты первой главы	270	655

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения	289
Произведения 1863–1884 гг.	293
Указатель произведений Л.Н. Толстого	701
Указатель имен и названий	703
Список иллюстраций	770

Печатается по разрешению
Научно-издательского совета
Российской академии наук

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В СТА ТОМАХ**

Художественные произведения
в восемнадцати томах

Том девятый

1863–1884

Редакторы *Е.В. Белова, Н.Д. Александрова*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *З.Д. Алексеева, А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

**Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами**

Подписано к печати 12.05.2014
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 48,6. Усл.кр.-отт. 49,6. Уч.-изд.л. 59,0
Тип. зак. № 3213.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ISBN 978-5-02-038136-0

9 785020 381360

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Напечатано:	Следует читать:
306	<i>с. 86, строка 25</i> <i>с. 86, строки 32–33</i>	<i>с. 86, строка 26</i> <i>с. 86, строки 33–34</i>
772	⟨Стрельцы⟩ 157 . . . . . 481 ⟨Первое начало⟩. 157	⟨Стрельцы⟩ . . . . . 157 481 ⟨Первое начало⟩. . . 157 481

Л.Н. Толстой. Том 9

